С. А. ТОКАРЕВ

ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ СССР

С. А. ТОКАРЕВ

ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ СССР

Исторические основы быта и культуры

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1958

ОТ АВТОРА

Настоящая книга написана на основе курса лекций, которые автор читал и продолжает читать в Московском государственном университете им. Ломоносова студентам-этнографам исторического факультета, начиная с 1939—1940 гг., с двухлетним перерывом в годы войны (1941—1943). Курс этот читался автором также в Московском институте истории, философии и литературы им. Чернышевского (1939—1941), а позже (1951—1952)—в Берлинском и Лейпцигском университетах Германской Демократической Республики студентам, специализирующимся по этнографии и близким наукам. Застенографированный первоначально текст лекций впоследствии многократно перерабатывался и дополнялся автором и ныне выпускается как учебное пособие в первую очередь для университетского преподавания.

Однако автор надеется, что книга найдет себе более широкий круг читателей, чем одни студенты-этнографы. Несмотря на то что этнография—наука, которой специально занимаются немногие, интерес к этнографическому материалу, к этнографическим вопросам среди широких слоев населения Советского Союза очень велик. Особенности быта и культуры разных народов нашей страны не безразличны для всякого любознательного человека. Более близко приходится соприкасаться с этими вопросами тем, кто живет и работает в национальных республиках, в областях и краях со смешанным национальным составом населения. Учителя начальной и средней школы, особенно преподаватели географии, истории, русского языка и литературы, не могут не интересоваться вопросами национального состава СССР и отдельных его частей, вопросами происхождения и истории отдельных народов, их взаимных языковых и культурных связей. Насколько велик этот интерес среди самых различных слоев населения, показывают многочисленные вопросы, задаваемые во время популярных этнографических лекций, письма, получаемые от самых разных категорий читателей редакциями журналов, от радиослушателей и пр.

Вместе с тем у нас очень мало книг, из которых читатель мог бы почерпнуть сведения для удовлетворения своей любознательности. Этнографическая литература, правда, очень велика, но она в большинстве специальна и мало доступна широкому читателю. Систематических же обзоров по этнографии народов СССР (да и зарубежных народов), популярной этнографической литературы у нас почти нет. Учебников этнографии нет совсем, если не считать окончательно устаревших. Почти отсутствуют даже простые справочники.

Автор данной книги не обольщает себя, конечно, надеждой, что она сумеет заменить собой всю эту литературу,— ожидать этого значило бы предъявлять к книге непомерно высокие требования. Однако автор не мог не учитывать наличия большой потребности не только в учебнике этнографии народов СССР, но и в справочной и просто популярной литературе, в «книге для чтения» по этнографии Советского Союза. Ему приходилось

считаться с тем, что данная книга независимо от его желания попадет в руки не только студента, не только человека, специально изучающего этнографию, но и в руки людей, далеких от этой науки, но желающих узнать что-то о народах нашей страны. И, следовательно, он должен был постараться в какой-то мере удовлетворить эту законную потребность.

Вот почему данная книга есть не только учебное пособие в собственном смысле слова, но в некоторой степени и книга, служащая для общей ориентировки в вопросах этнографии нашей страны.

Обширность и новизна задачи не могли не породить значительных трудностей при составлении настоящей книги, трудностей, которые гораздо меньше чувствуются авторами учебников по истории, географии или другим наукам.

Этнография, т. е. изучение быта народов,— наука с очень широкими и неопределенными границами. О точном определении этих границ до сих пор спорят между собой сами этнографы. В настоящей книге автор пытался по своему разумению провести эти границы, конечно, весьма условно и считаясь с современным состоянием науки. Провести их резко и четко вообще невозможно.

Изучая прошлое того или иного народа, этнограф вступает в чисто историческую область, становится историком, историком хозяйства, культуры и пр. Изучая современный быт народа, этнограф соприкасается с вопросами, которые интересуют также экономиста, агронома, архитектора, врача, любого работника культурного фронта. Пределы этнографии здесь еще менее резки. Тому, кто придерживается более узкого понимания предмета и задач этой науки, многое в этой книге покажется не относящимся непосредственно к этнографии.

С другой стороны, в книге каждый легко обнаружит пробелы. Они зависят в значительной мере от той же обширности самого предмета этнографии: принципиально она охватывает все стороны жизни каждого народа, но практически описать и исследовать их можно разве лишь в специальной и обстоятельной монографии, посвященной данному народу. В рамках же общего обзора, в рамках учебного пособия, касающегося всех народов СССР, возможно, разумеется, лишь кратко затронуть важнейшие стороны быта, культуры каждого народа, и многое при этом остается по необходимости неосвещенным, даже неупомянутым.

Неполнота изложения зависит также и от неравномерной изученности разных народов и разных сторон их жизни.

Наиболее заметные, прямо зияющие пробелы в этнографической изученности народов Советского Союза касаются их современного социалистического быта. Правда, чисто фактический, описательный материал по современному быту народов у нас накоплен, он продолжает все более накопляться через ежегодные специальные экспедиции, через местную и центральную прессу, литературу, через выставки и документальные кинофильмы. Но ведь одно дело—фактический чисто описательный материал, другое дело—его научное этнографическое исследование. С последним у нас дело обстоит еще очень неудовлетворительно: не сформулированы еще с должной отчетливостью проблемы этнографического изучения современности, нет еще основанных на серьезном анализе конкретного материала обобщений, строго научных выводов.

Вот почему в настоящей книге социалистический быт народов Советского Союза получил далеко не адекватное отражение. Сведения о современном быте народов ограничиваются здесь во многих случаях лишь указанием на судьбу тех или иных явлений старого быта и культуры в условиях социализма: изживание отрицательных сторон этого старого быта, переосмысление некоторых старинных обычаев, новые пути развития того ценного, что было накоплено трудом и творчеством народа в прошлом,—вот о чем говорится больше всего в тех местах книги, где речь идет о новом быте. Подвергнуть этот быт сам по себе, его специфические особенности этнографическому изучению наша наука еще не сумела. Понятно, что и в настоящем учебном пособии читатель этого не найдет. Данная задача остается неоплаченным долгом советских этнографов.

Что касается историко-этнографического изучения народов СССР, то тут наша наука может похвалиться, конечно, гораздо большими достижениями: она не только располагает обширным и разнообразным чисто фактическим материалом, но и основанными на его изучении общими концепциями, более или менее широкими обобщениями. Целый ряд научных историко-этнографических проблем не только отчетливо поставлен в нашей советской науке, но и в какой-то мере решен. Однако и здесь немало пробелов. Даже чисто фактическая изученность отдельных народов довольно неравномерна. Если, например, тра-

512 -1

диционный быт крестьянства, особенно его старая материальная культура, верования, народное творчество в большинстве случаев исследованы удовлетворительно, даже хорошо, то, напротив, дореволюционный быт рабочего класса, интеллигенции и других слоев городского населения мы знаем (с точки зрения этнографии) гораздо хуже. Можно сказать, что заполнение этих пробелов в нашей науке лишь недавно началось.

Нельзя также утверждать, что конкретные историко-этнографические проблемы, касающиеся того или иного народа, все до конца решены. Напротив, наряду с проблемами, в значительной мере ясными, решенными, у нас есть и спорные, недостаточно разработанные. Сюда относятся во многих случаях проблемы этногенеза, происхождения отдельных народов или групп народов. Здесь мы вынуждены зачастую довольствоваться предположительными решениями, гипотезами, либо выбирать между несколькими, расходящимися между собой взглядами, либо оставлять вопрос вообще нерешенным в ожидании дальнейших более глубоких исследований. Спорными поныне остаются и многие вопросы, касающиеся определения характера общественного строя того или иного народа в дореволюционное время или в более отдаленную эпоху. И в этих случаях приходится порой довольствоваться сопоставлением разных существующих в науке мнений и ждать более основательных исследований.

Автор настоящей книги, хотя и стремился сделать ее возможно более популярной, не счел себя, однако, вправе упрощать свою задачу изложением одних только бесспорных, окончательно установленных фактов и выводов. Было бы ошибкой скрывать от читателя имеющиеся неясности, разногласия между специалистами по тем или иным вопросам, выдавать спорные вопросы за ясные и решенные. Автор считал необходимым ввести читателя в реальное положение этнографической науки. Поэтому наряду с изложением бесспорных и установленных данных в настоящей книге читатель найдет и сведения о таких вопросах этнографии народов СССР, которые еще ждут окончательного решения, и о различных существующих мнениях по этим вопросам.

При этом автор, разумеется, не мог ограничиться ролью простого регистратора и передатчика спорных мнений—в большинстве случаев он пытался мотивировать и свой взгляд на данный вопрос, взгляд, конечно, в той или иной мере субъективный. Без этого невозможно изложение никакой науки.

Но ясно, что в учебном пособии не могут быть приведены исчерпывающие аргументы по какому бы то ни было спорному вопросу. Для этого нужны специальные исследования. К ним читатель и отсылается, если он захочет более основательно познакомиться с данным вопросом: с этой целью к книге приложен краткий список основной литературы как популярной, так и специальной.

Ввиду того что настоящая книга является в сущности первым опытом создания учебного пособия по этнографии, автор ее не мог не столкнуться и с затруднениями чисто формального характера, касающимися способа изложения материала, системы его расположения и пр. Принятая в книге система, конечно, может вызвать возражения. Здесь конкретный материал расположен (если оставить в стороне первую вводную часть) по крупным историко-этнографическим областям, а внутри них—по отдельным народам. Но в некоторых случаях автор счел необходимым объединить описание отдельных народов. Это касается тех народов, которые по происхождению, быту и культуре особенно близки друг к другу, так что не только экономия места, но и потребность в более наглядном и убедительном изображении их взаимной близости, родства требует объединенного и параллельного описания. Таковое не ведет к их обезличиванию, к затушевыванию их национальной специфики: напротив, автору казалось, что эта национальная специфика более отчетливо проявляется при параллельном сравнительном описании и на фоне глубокой исторической общности данной группы народов. Ведь ясно, что читателю легче будет понять, в чем, например, отличие украинского женского костюма от русского, если тот и другой будут описаны рядом, параллельно, чем если придется разыскивать эти описания в двух разных главах.

Исходя из этих соображений, автор счел целесообразным объединить описание прежде всего трех братских восточнославянских народов—русских, белорусов и украинцев; описаны также вместе коми-зыряне и коми-пермяки; мордва, мари и удмурты; народы Дагестана; чеченцы и ингуши; адыгейские народы; карачаевцы и балхарцы; алтайско-саянские народы; ханты и манси; тунгусоязычные народы нижнего Амура и Сахалина; чукчи и коряки.

Можно признать структурным недостатком книги, с которым автору не удалось

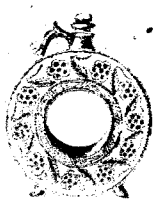
справиться, некоторую разнотипность построения отдельных глав. План описания каждого отдельного народа не везде один и тот же: по одним народам дано обстоятельное описание хозяйства, материальной культуры, по другим этот раздел дан сокращенно, с пропусками. Это же касается описания общественного быта, духовной культуры. Вопросы этногенеза излагаются по одним народам в начале, по другим—в конце главы. Но такая разнотипность и неравномерность описания вызвана в значительной мере спецификой самого предмета: читателю самому не составит труда понять, почему, например, изложение вопросов этногенеза восточных славян, балтийских народов, карел, восточных финнов предшествует описанию быта и культуры этих народов,а в главах о башкирах, о киргизах и некоторых других—проблема этногенеза ставится после характеристики культуры данного народа. Нет надобности особо пояснять и то, почему, например, старый общественный строй таких народов, как кабардинцы и черкесы, осетины, туркмены, казахи, алтайско-саянские народы, якуты, гиляки и др., описан гораздо более подробно, чем общественный быт русских, украинцев, белорусов, карел, татар, молдаван и т. п.; почему религиозные верования сравнительно подробно освещены в главах о мордве, мари и удмуртах, о евреях, о гиляках и пр. и гораздо короче в главах о народах, издавна обращенных в ислам или христианство.

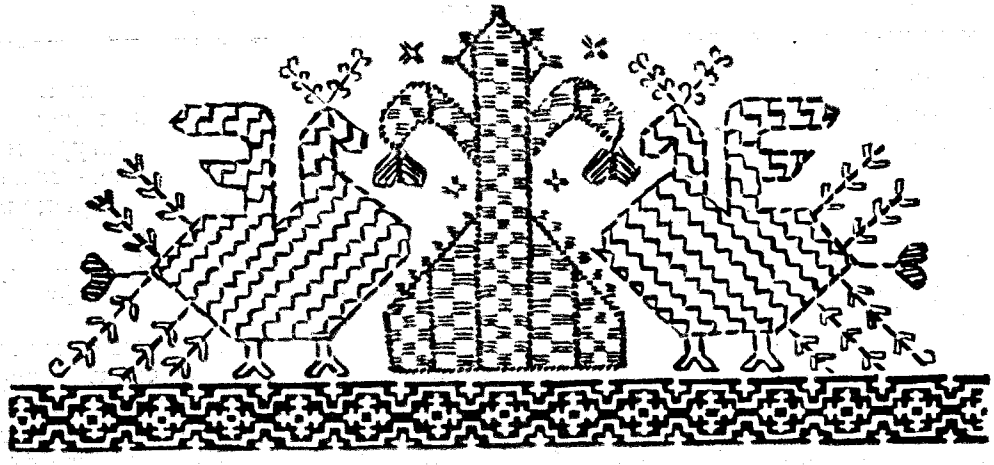
Источниками для составления данной книги служили автору лишь в сравнительно небольшой степени его собственные полевые исследования и наблюдения, собственные специальные штудии по отдельным народам. На материалы таких исследований автор опирался больше всего в главах об алтайско-саянских народах, о якутах, о бурятах, меньше—в главах по восточным славянам, по черкесам. Преобладающая же масса материала заимствована, во-первых, из этнографической (и исторической) литературы, во-вторых, из изучения музейных вещественных коллекций; в-третьих, из результатов специальных экспедиций, ежегодно совершаемых главным образом сотрудниками Института этнографии АН СССР и кафедры этнографии исторического факультета МГУ, из докладов и отчетов по этим экспедициям; наконец, из бесед со специалистами по этнографии разных областей СССР и с представителями самих национальностей.

Несколько слов об иллюстрациях в книге. Далеко не каждое описываемое в тексте явление хотя бы материальной культуры могло быть наглядно иллюстрировано рисунком или фотографией,—иначе это неимоверно увеличило бы объем книги. Поэтому автору пришлось ограничиться преимущественно иллюстрированием самобытных, традиционных черт быта и культуры народа. Эти традиционные черты чаще выступают в старых вещах, ныне во многих случаях уже вышедших из употребления. Они представляют интерес уже по одному тому, что зачастую почти неизвестны широкому кругу современных читателей.

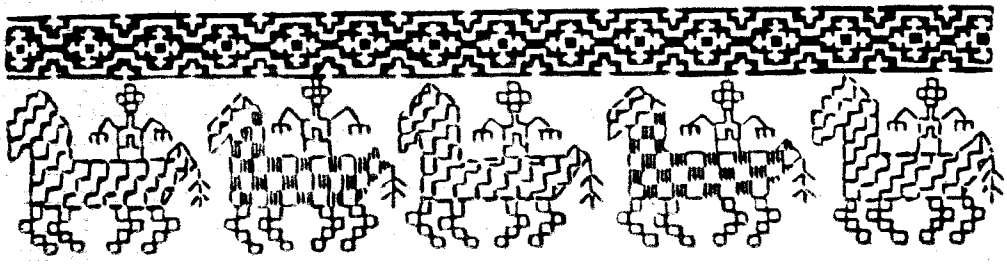
Рукопись настоящей книги не раз обсуждалась с участием специалистов на кафедре этнографии исторического факультета МГУ, в секторах Института этнографии АН СССР им. Миклухо-Маклая; автор получал и письменные отзывы специалистов. За эти отзывы, за критику при обсуждении работы автор выражает искреннюю благодарность особенно товарищам по Институту этнографии АН СССР. Эта критика весьма помогла автору освободить рукопись от некоторых недостатков, хотя и не все полученные замечания и советы он мог принять. Как бы то ни было, и после всех обсуждений и исправлений в книге остается, несомненно, много недостатков и пробелов. Они и неизбежны в первом выпускаемом пособии по этнографии СССР. Автору остается надеяться, что дальнейшая критика укажет на ошибки и что этот первый опыт поможет другим сделать нечто лучшее.

Решения XX съезда КПСС открыли новые перспективы в хозяйственном и культурном развитии Советского Союза. В свете этих решений сделались более ясными пути дальнейшего роста и национальных культур отдельных народов СССР. Национальная политика партии обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех наций и народностей. Несомненно, что ближайшее время принесет новые изменения в культурно-бытовом укладе народов СССР на пути строительства коммунистического общества в нашей стране.

ВВЕДЕНИЕ

1. ПРЕДМЕТ И МЕТОД ЭТНОГРАФИИ КАК НАУКИ

В научной литературе разных стран было немало споров о том, что такое этнография, каков ее предмет, ее задачи. Большинство зарубежных ученых слишком узко понимает предмет этнографической науки. Ее понимают либо как науку о «первобытных» народах, либо как изучение элементарных форм культуры, либо как исследование пережитков первобытных явлений у современных народов, либо как изучение крестьянской культуры европейских народов и т. д.

В этом сужении задач этнографии, в сведении их к изучению только «примитивных» народов и «первобытных» форм общественной жизни сказался великодержавно-империалистический и отчасти расистский взгляд на отсталые и угнетенные народы колоний как на «низшие» народы, которые будто бы должны изучаться особой наукой. Историческая наука имеет дело якобы только с «высшими», «культурными» народами Европы и Америки, а для изучения «низших» народов должна существовать будто бы особая наука, как бы наука второго сорта,—этнография. К «примитивным» народам приравнивалось в этом смысле крестьянство и вообще угнетенные классы капиталистических стран.

Споры об объеме и предмете этнографической науки были и среди советских ученых, и эти споры принесли больше вреда, чем пользы, потому что они долгое время отвлекали внимание этнографов от задач положительной исследовательской работы в сторону абстрактных рассуждений и игры в дефиниции.

В настоящее время среди советских ученых укрепилось широкое понимание задач этнографической науки. Этнография—по точному смыслу этого термина (греч. ἔθνος—

народ, γραφειν—писать, описывать)—это *наука, описывающая, или изучающая, народы*. В область этнографического исследования входят все без исключения народы, как отсталые, так и наиболее передовые. Этнограф изучает не только ранние или пережиточные формы жизни народов, но и развитые и современные; не только их прошлое, но и настоящее. С другой стороны, этнограф интересуется не только ныне существующими народами, но и народами прошлого, в том числе исчезнувшими (историческая этнография как особое ответвление науки).

Исчезнувшие народы и их культура изучаются, как известно, также археологической наукой, которая при этом пользуется преимущественно методом раскопок и исследования вещественных памятников. Принципиально никакой грани между археологией и этнографией в этом отношении нет. Но практически установилось, что археолог имеет дело не с самими народами, а лишь с остатками их культуры, добытыми при раскопках или иными способами, этнограф же изучает народы и их культуру непосредственно.

В буржуазной науке делались и делаются попытки разграничить две науки: «этнографию» как чисто описательную будто бы науку и «этнологию» как науку обобщающую, изучающую закономерности жизни народов. Советские ученые решительно отвергают такое деление. С точки зрения марксизма-ленинизма, не может быть чисто описательной науки отдельно от науки о закономерностях. Описание неотделимо от анализа, объяснения, обобщения. Поэтому для нас «этнография» и «этнология»—два разных названия для одной и той же науки; но в советской литературе принято первое название, ибо термин «этнология» является искусственным и ведет к неясности и двусмысленности.

Прежде в русской литературе употреблялся также термин «народоведение»—точный русский перевод слова «этнография». Сейчас он почти не применяется.

В советской этнографической науке не принято также существующее среди немецких ученых различение Volkskunde (изучение своего народа) и Völkerkunde (изучение народов других стран). С точки зрения советских этнографов, изучение любого народа—все равно своего ли или какого-либо иного—основывается на одних и тех же методах и принципах, ставит одни и те же задачи. Советские ученые и в этом вопросе проводят принцип полного равноправия народов.

Однако, разумеется, далеко не все в жизни народов попадает непосредственно в сферу этнографического изучения. Отдельные стороны жизни народов—особенно современных, высококультурных народов—изучаются другими науками. Современная техника—область особых специализированных наук. Отдельные стороны духовной культуры народов—искусство, литература и пр.—тоже составляют предмет специальных дисциплин. Этнограф не вмешивается в сферу деятельности этих наук, но он считается с их положениями и выводами и в известной мере обязан их знать.

Вместе с другими общественными науками этнография составляет *часть исторической науки* в широком смысле этого термина. Энгельс говорил, что вообще существует только одна наука—история, и она делится на две главные ветви—историю природы и историю людей. Этнография—одна из чисто исторических наук. Даже если она изучает самую живую современность, она изучает ее строго исторически. Основной принцип этнографической науки в понимании советских ученых, как и основной принцип всего марксистского мировоззрения, исторического материализма,—это принцип *историзма*.

Составляя часть истории, этнография соприкасается и порой тесно связывается с целым рядом других дисциплин и не только общественных, но и естественных: с географией, антропологией, археологией, языкознанием, искусствознанием (история музыки, изобразительного искусства и др.), с историей религии, с политической экономией, с историей техники и т. д. По целому ряду вопросов этнограф должен быть в курсе достижений этих дисциплин. Одна из особенностей советской этнографии (и вообще советской науки) в том как раз и состоит, что она покончила со взаимной разобщенностью наук, какая до сих пор существует в зарубежных странах.

Из сказанного ясно, насколько обширны границы этнографии, насколько разнообразно ее содержание. Пространственно—она охватывает все страны, все народы земли. По времени—все этапы истории человечества от наиболее примитивных форм (история первобытного общества изучается в значительной мере на этнографическом материале) до явлений современной жизни (вопросы национальной политики, социалистическое переустройство быта у народов СССР, в странах народной демократии). Тематически в задачи этнографии входит изучение всех разнообразных сторон жизни народов.

Так как охватить всю эту огромную область знания одному человеку почти невозможно, то естественно, что она распадается на целый ряд более узких специальностей. Наиболее обычна в этнографии специализация по

странам (изучение народов Австралии, Африки, Европы, Средней Азии, Сибири и пр.); либо, в отдельных случаях, по языковым группам (изучение славянских, германских, тунгусо-маньчжурских и других народов). Есть специализация и по группам проблем: имеются специалисты по истории хозяйства и техники, по народной архитектуре, по одежде, по народной музыке, изобразительному искусству, по истории семьи или ранних форм общественной жизни и т. д.

Основной метод, который положен в основу советской этнографической науки,—это метод марксизма-ленинизма, тот же, который лежит в основе и всех других наук.

Для того чтобы ближе подойти к специфическим задачам этнографии как науки, целесообразно здесь же, в начале курса, выделить из множества проблем этой науки несколько важнейших. Внимание советских этнографов в последнее время сосредоточивается главным образом вокруг следующих узловых проблем, причем каждая из них представляет не только чисто научный или теоретический, но в большей или меньшей степени и практический интерес.

1. Проблема изучения этнического и национального состава населения отдельных стран. Во многих случаях эта проблема довольно сложна; в буржуазных странах она приобретает иногда большую остроту в связи со спорами за пограничные территории, когда дело идет о том, чтобы установить национальный состав их населения; за этими спорами фактически скрывается борьба империалистических интересов.

2. Проблема этногенеза и исторических связей между народами. Изучение вопросов происхождения народов развернулось в нашей стране особенно широко в последние годы. При разработке этих вопросов используются наряду с этнографическими материалы археологии, антропологии, языкознания, истории и других наук, но сама проблема относится преимущественно к области этнографии. Ведь выяснить происхождение народа как такового—значит прежде всего понять, как, когда, из каких источников сложился этнический облик данного народа со всеми особенностями его культурно-бытового уклада, как постепенно в ходе исторического развития менялся этот этнический облик, как он мало-помалу принял свой современный вид.

3. Проблема этнического и национального развития в современную эпоху. Процесс национальной консолидации (формирование более крупных национальностей путем взаимного сближения, слияния, ассимиляции более мелких этнических групп) наблюдается сейчас во многих республиках СССР в связи с развитием экономики и общим ростом культуры. Национальная консолидация—одно из условий расцвета национальных культур в эпоху социализма, и в то же время—один из побочных результатов этого расцвета. Изучение этого процесса—важная задача этнографа. В совершенно иных условиях протекает национальная консолидация в колониальных и бывших колониальных странах, где народы сплачиваются, сближаются между собой в ходе общей борьбы против империализма.

4. Изучение национально-бытовых особенностей отдельных народов. Эти особенности, сохранившиеся от прошлого, играют иногда крупную (положительную или отрицательную) роль в современной жизни. Особенно важно здесь изучение пережитков капитализма и докапиталистических отношений среди народов СССР, пережитков, которые тормозят социалистическое развитие и с которыми поэтому должна вестись борьба. Не менее важно изучать и те этнические особенности, народные традиции—как в области материальной культуры, так и в быту,—которые могут оказаться в той или иной мере полезными для современной жизни.

5. Изучение тех же пережиточных форм, остатков ранних стадий развития человечества (в области хозяйства, общественной жизни, культуры) как у народов СССР в прошлом, так и у зарубежных, особенно среди отсталого населения колоний, имеет большое научное значение и в другом отношении, а именно для разработки общих исторических проблем: для исследования истории первобытно-общинного строя, истории хозяйства, семьи, культуры и пр., Эта сторона этнографии имеет особенно большое, широко познавательное значение. Ведь почти все, что мы знаем о первобытно-общинном строе—сами понятия рода, племени, матриархата, группового брака и других ранних форм общественной жизни,—равно как и то, что мы знаем о ранних формах развития культуры,—взято из данных этнографии.

6. Не только старые формы народного быта, но и их перестройка, проходящая в наши дни, представляет серьезный интерес для этнографа. В отличие от прежней этнографии, интересовавшейся главным образом лишь

старым бытом, для советского ученого важно изучение и самого процесса переустройства быта народа, и новых социалистических, прежде никогда и нигде не существовавших форм быта. Правда, в этой области серьезная работа началась лишь в последние годы, и достигнутые результаты пока еще не велики.

7. Изучение народного творчества — изобразительного искусства, музыки, танца, драматического искусства, фольклора—чрезвычайно важно для выявления того ценного, что вкладывает каждый народ в мировую культуру. В культуре каждого народа, даже самого малого, самого отсталого, есть нечто ценное, и чаще всего это связано с творчеством трудящихся масс. Многое в этой области еще недостаточно изучено, и здесь—одна из важных задач современной этнографической науки. При этом необходимо подчеркнуть, что, изучая народное творчество, этнограф нередко и практически помогает его возрождению и дальнейшему развитию.

2. ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДОВ

Прежде чем перейти непосредственно к этнографическому изучению народов СССР, необходимо изложить в кратких словах, каким образом вообще принято в этнографической науке классифицировать и группировать народы. Проблема классификации (систематики) важна не только для установления порядка изложения материала: она помогает определить и историческое родство между народами и их современные связи и взаимоотношения.

Существуют различные принципы классификации народов. Они имеют неодинаковую степень ценности, но в той или иной мере каждый из них применяется. Это: 1) географическая, 2) антропологическая, 3) лингвистическая, 4) хозяйственно-культурная классификация и 5) классификация по уровню исторического развития. Практически эти разные способы систематики нередко комбинируются, но смешивать их не следует.

1. Географическая классификация наиболее проста. Мы различаем народы Европы, Азии, Африки, Океании и Австралии, Северной и Южной Америки. Дальнейшие подразделения—по странам и областям: народы Франции, Балканского полуострова, Средней Азии, Кавказа, Восточной Европы и т. п.

Конечно, подобная группировка может иметь большую или меньшую ценность в зависимости от того, насколько народы данной области реально связаны между собой общностью своих исторических судеб. В тех случаях, когда такая общность и такая историческая связанность имеется налицо, мы говорим об определенных «историко-этнографических областях». Такими являются как раз упомянутые страны—Кавказ, Средняя Азия, Океания, Австралия и пр.

Значит, географическая классификация является не только формальной разбивкой народов по странам: она подводит исследователя к постановке исторического вопроса, вопроса об истории заселения данной страны, области; в конечном счете географическая группировка народов ведет к изучению истории расселения человечества по земной поверхности.

Классификация по странам или по «историко-этнографическим областям» имеет важное значение, и во многих случаях она бывает достаточной для научных целей. Но значение ее все же ограниченно. Эта классификация, во-первых, условна: например, под «народами Америки» можно разуметь и коренное индейско-эскимосское население и то пришлое население (англо-, испано-, франкоязычное и др.), которое сейчас составляет там численное большинство. Во-вторых, географические группы народов обычно приходится далее подразделять по другому признаку, например языковому.

2. Антропологическая (по расовому типу) классификация прежде употреблялась широко: народы делили на монголоидные (или «монголов»),негроидные(«негров ») и т. д. Теоретики расизма в гитлеровской Германии возвели эту классификацию в основной принцип и сделали из нее не только прием систематики, но и метод объяснения всех социальных явлений, особенностей быта и культуры народов. Эта антинаучная точка зрения не выдерживает никакой критики. В советской науке классификация народов по расовым (антропологическим) признакам как самостоятельный прием

не применяется: деление на антропологические типы не совпадает с этническими границами; в составе каждого народа имеются обычно представители разных расовых типов; наоборот, один и тот же расовый тип часто встречается не только у соседних, но и у далеких друг от друга народов.

Еще важнее здесь подчеркнуть, что расовые различия (вопреки утверждениям расистов) ни в какой степени не связаны с уровнем развития культуры и с ее особенностями. Последние объясняются исключительно историческими причинами.

При полном отсутствии в СССР расовой дискриминации антропологические (расовые) различия между отдельными народами не имеют никакого практического значения.

Однако это не значит, что советские ученые не интересуются антропологическим типом населения каждой определенной области. Наоборот. Антропологическое изучение и так называемый «расовый анализ» населения каждой страны имеет огромное познавательное значение: выделение расовых компонентов в составе народа помогает лучше понять его происхождение, особенно если к этому присоединяются данные о физическом типе древнего населения. Присутствие одного и того же расового элемента в составе разных народов служит указанием на наличие общего этнического слоя, вошедшего в их состав. Антропологический материал, таким образом, служит одним из очень важных исторических источников, особенно в связи с проблемой этногенеза.

Советские антропологи обычно делят человечество на три основные «большие расы» (или «расы первого порядка»)—монголоидную, европеоидную и негроидную или негро-австралоидную. Наиболее существенными признаками этого деления является форма волос (прямые, волнистые, курчавые) и цвет кожи. Выделяется несколько переходных и промежуточных (или «контактных») рас: американоидная, австралоидная, южноафриканская (бушмено-готтентотская) и др. Внутри «рас 1-го порядка» выделяются «расы 2-го порядка», иначе «малые расы» или «группы типов». Однако определение этих последних еще не может считаться в настоящее время вполне установленным. Среди народов СССР встречаются различные группы типов европеоидной и монголоидной рас.

3. Лингвистическая классификация народов (по родству языков) применяется наиболее широко. Язык—один из основных этнических признаков, один из основных признаков нации, и он обычно без труда поддается определению. Взаимоотношения и степень взаимного родства большинства языков достаточно хорошо изучены. Поэтому группировка народов по языку наиболее общепринята и бесспорна. Однако обычно она комбинируется с географической.

Как известно, в языковедении установлено около 10 крупных языковых семей, распространенных очень широко. Сюда относятся индоевропейская, семито-хамитская, яфетическая (кавказская, или иберийско-кавказская), уральская, алтайская, сино-тибетская, банту, дравидская, малайско-полинезийская семьи языков. Каждая из них распадается на ветви или группы. Сверх того, существует много мелких языковых групп и обособленно стоящих языков, которые пока не поддаются систематизации в более крупные группы. Из больших языковых семей среди народов СССР представлены:

а) индоевропейская семья языков—группы (ветви) славянская, балтийская, романская, иранская;

б) яфетическая (кавказская) семья—почти целиком;

в) уральская (финно-угро-самоедская)—все ее представители, за исключением мадьяр и финнов-суоми, живущих за пределами СССР;

г) алтайская—каждая из трех ветвей, на которые делится эта семья (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки), имеет в СССР своих представителей[1].

Из мелких языковых групп и особняком стоящих языков в СССР отмечаются «палеоазиатские» языки, а также языки эскимосов—алеутов и кетов в Северо-Восточной Азии.

Лингвистическая классификация, как и все другие, тоже не является лишь простой формальной систематикой народов. Она тоже ведет к исследованию исторических связей между народами: ведь языковые семьи—это группы языков (и народов), связанные общностью происхождения. Следовательно, лингвистическая классификация помогает понять историческое родство, конкретные исторические связи между народами.

4. Классификация народов по хозяйственно-культурным типам применяется обычно наряду с другими (географической, лингвистической) и служит для выявления сходств и различий между народами в их экономическом и культурно-быто-

[1] См. схемы расчленения языковых семей в конце книги.

вом укладе. В то же время хозяйственно-культурная группировка народов помогает изучить и их прошлое, иногда отчасти и их происхождение. Хозяйственно-культурные типы обусловлены прежде всего зонально (географически), однако они связаны и с определенной ступенью исторического развития народа. Хозяйственно-культурный тип—это определенное направление развития производительных сил народа в условиях определенной географической среды и на определенной ступени их истории. Каждый из хозяйственно-культурных типов связан и с определенным образом жизни; с ним же связаны обычно и специфические формы поселения и жилища, средств передвижения, одежды и пр.

Среди народов СССР представлены почти все известные на земном шаре хозяйственно-культурные типы, кроме разве самых примитивных и характерных для тропического пояса. Среди народов Советского Союза можно выделить следующие основные хозяйственно-культурные типы—в том виде, как они существовали накануне Октябрьской революции, а частью сохранились и позже:

а) хозяйство оседлых охотников на морского зверя на арктическом морском побережье;

б) кочевое оленеводство тундры;

в) кочевое охотничье хозяйство северных лесов (тайги);

г) хозяйство оседлых рыболовов в долинах больших рек и на морском побережье субарктической зоны;

д) кочевое скотоводство степей умеренной зоны;

е) оседлое плужно-земледельческое хозяйство умеренной зоны;

ж) оседлое и полуоседлое высокогорное («альпийское») земледельческо-скотоводческое хозяйство;

з) оседлое интенсивное оросительное земледельческое хозяйство в зоне засушливых степей.

В эту схему лишь частично включаются высоко развитые хозяйственно народы (Европейской части СССР) со сложной экономикой, с развитой промышленностью.

Данная классификация основана на дореволюционных различиях в хозяйстве и культурном типе народов. Но и для того времени изложенная классификация, конечно, очень приблизительна и условна. Действительная картина распределения хозяйственно-культурных типов гораздо сложнее и разнообразнее. Существует много промежуточных и комбинированных типов. Известно немало случаев, когда одна часть народа принадлежит к одному типу, а другая часть к другому. Кроме того, характеристика каждого отдельного народа по формам его хозяйства и культуры должна быть приурочена к определенному времени, ибо в ходе исторического развития эти формы меняются.

Перечисленные хозяйственно-культурные типы различаются между собой в известной мере по той исторической стадии развития, на которой они сложились и господствуют. Одни из них—как таежная охота или оседлое рыболовство—сложились в отдаленной древности и сохранили частично до наших дней черты глубокого архаизма. Другие являются исторически более поздними и более развитыми формами экономики и культуры. Но это не значит, что первые из них, более древние, обречены на гибель. Хотя социалистическое развитие Советской страны ведет к постепенному сглаживанию различий между типами хозяйства и культуры различных географических зон (продвижение земледелия и молочного хозяйства далеко на север, земледельческое освоение сухих степей, переход кочевников-скотоводов и охотников на оседлость и т. д.), однако эти различия отнюдь не уничтожаются. Традиционные формы хозяйства, даже такие древние по происхождению, как охота или рыболовство, не только не теряют при социалистической экономике своего значения, но, напротив, получают новые возможности развития. Разумеется, сама культура народов—носителей этих форм хозяйства в эпоху социализма коренным образом меняется.

5. В некоторых случаях применяется группировка народов по *уровню их исторического развития*. Применимость этой классификации очень ограничена прежде всего ввиду того, что отнесение определенного народа к той или иной стадии развития всегда условно. Однако для некоторых целей как научных, так и практических, приходится характеризовать отдельные народы и со стороны уровня их исторического развития и сравнивать их в этом смысле между собой. Масштабом служит при этом марксистское учение о социально-экономических формациях. Мы говорим поэтому о народах, стоящих (или стоявших в определенную эпоху) на стадии первобытно-общинного строя, на стадии его разложения, на стадии раннефеодального (или патриархально-феодального) строя, на стадии развитого феодализма и т. д.

Условность и ограниченность данного принципа классификации сказывается в трех

отношениях. Во-первых, она очень приблизительна: можно ведь отнести какой-нибудь народ к стадии первобытно-общинного строя, но эта стадия охватывает колоссальную историческую дистанцию, от первобытного стада вплоть до развитого родо-племенного строя на пороге классового общества. Более же дробные ступени развития внутри периода первобытно-общинного строя еще не могут при настоящем состоянии нашей науки считаться окончательно установленными: одни ученые продолжают придерживаться периодизации Моргана—Энгельса (низшая, средняя и высшая ступени дикости, низшая, средняя и высшая ступени варварства), другие ее отвергают; некоторые применяют периодизацию по формам родовой организации (матриархат, патриархат), другие ее не признают. Установление более точной периодизации первобытно-общинного строя—одна из важных очередных задач советской науки.

Во-вторых, определение общественного строя конкретного народа—дело всегда очень сложное. Обычно в этом строе переплетаются элементы разных укладов, более отсталых и более передовых, и в ходе исторического развития их соотношение непрерывно меняется. Поэтому, говоря, например, об отдельных народах России накануне революции, зачастую трудно определить, стоял ли данный народ в целом на уровне патриархально-феодального, или развитого феодального, или капиталистического строя.

В-третьих, надо иметь в виду, что применительно к народам СССР группировка их по уровню развития относится по существу лишь к прошлому. Отсталость некоторых народов России в прошлом вызывалась чисто историческими причинами, в первую очередь колониально-крепостническим гнетом и капитализмом, больше всего давившим на народы окраин. В первые годы Советской власти эта отсталость в известной мере сохранялась, поэтому сохранялось и фактическое неравенство народов. Но в результате проведения национальной политики Коммунистической партии прежняя отсталость народов окраин уходит в прошлое. Теперь можно говорить лишь об отдельных отсталых чертах быта того или иного народа, но не об отсталых народах в целом.

Существует, наконец, еще одна классификация народов—по типам этнических общностей; но эта классификация еще очень недостаточно разработана. Историки и этнографы, пытающиеся ее ввести, исходят из предположения, что разным эпохам исторического развития соответствуют и свои особые типы этнических общностей: для первобытно-общинного строя характерным типом этнической общности считается «племя»; для классовых докапиталистических обществ (рабовладельческих и феодальных)—«народность»; для капиталистических обществ—«буржуазная нация»; для эпохи социализма—«социалистическая нация».

В такой разбивке этнических общностей по стадиям исторического развития есть, несомненно, доля истины. Бесспорно, что племя и племенной строй характерны для первобытного общества, а в классовом обществе могут сохраняться лишь как пережиток[1]. Известно также, что нации—в принятом у нас смысле этого понятия—порождение капиталистической эпохи. Однако употребление понятия «народности» при этой классификации очень искусственно. Ведь в общепринятом понимании «народность»—то же, что «народ», с той лишь разницей, что понятие «народ» может и не иметь этнического смысла (например, «массы народа», «хождение в народ» и пр.), понятие же «народность» обычно употребляется только в этническом смысле. Иногда, правда, понятие «народность» употребляется с оттенком значения «маленький народ». Но во всяком случае нельзя рассматривать понятие «народности» (хотя это иногда и делают) как обозначение какого-то

[1] За последние годы в историко-этнографической литературе не раз высказывалось мнение, что племя как тип этнической общности возникло в сравнительно позднюю эпоху первобытно-общинного строя, что ему предшествовал род как более ранняя будто бы стадия этнического развития. Встречается даже утверждение, что в начале существовали отдельные, самостоятельные «родовые языки», которые позже были сменены «племенными языками». Но для подобных утверждений нет решительно никаких оснований. «Родовых языков» никто нигде и никогда, не наблюдал. Едва ли возможно предполагать, что люди жили первоначально мелкими родовыми группами, настолько изолированными друг от друга, что каждая из них создавала для себя свой самостоятельный язык. Теория о «родовых языках», смененных будто бы позже «племенными языками», была пущена в ход сторонниками так называемого «нового учения о языке» акад. Н. Я. Марра (особенно И. И. Мещаниновым, 1948 г.), но она построена на чисто умозрительном и теоретически слабом основании. Все известные науке факты приводят скорее к выводу, что племена как форма этнической общности (и, следовательно, племенные языки) существовали с самого начала человеческой истории. Другое дело—племенной строй как тип общественной организации: племенные вожди, общеплеменные советы и пр.—он действительно характерен лишь для поздней стадии первобытно-общинного строя на грани его перехода к классовому строю.

«этапа» этнического развития. Ведь народности существовали и при первобытно-общинном строе: например, еще в XVII веке такие народности Сибири, как чукчи, коряки, камчадалы (ительмены), юкагиры, гиляки, тунгусы (эвенки), жили еще первобытно-общинным строем. Считать перечисленные этнические группы племенами нет никаких оснований, некоторые из них сами делились на племена; утверждать, что это были «народы», но не «народности»,—значило бы придавать словам совершенно искусственный, надуманный смысл. С другой стороны, известно, что народности существуют и будут существовать и при нашем социалистическом строе.

Весьма недостаточно разработан и вопрос о соотношении между «народностью» (народом) и «нацией». Известны многочисленные случаи, когда современные нации образовались—в эпоху развития капитализма—из слияния нескольких народностей (народов): наиболее типичные примеры можно найти в Америке (мексиканская, аргентинская, чилийская и другие нации); в нашей стране примером могут служить грузины, азербайджанцы. Но едва ли правильно говорить, как это иногда делают, о том, что такая-то «народность» в эпоху капитализма «сформировалась в нацию». Данный вопрос требует более серьезного изучения.

В современной научной литературе встречаются иногда попытки расклассифицировать и народы нашей страны, разделив их на «нации», «народности» и «этнографические группы» (под последними понимаются либо прежние «племена», либо обособленные части тех же «народностей» или «наций»). Такая классификация часто проводится по формальным признакам, например, по численности народа, либо по уровню экономического развития. В ней много надуманного, не вытекающего из фактов. Отсюда и нередки споры о том, является ли такой-то народ «нацией» или нет.

В настоящей работе понятия «народа» и «народности» употребляются как равнозначные. Понятие «нации» употребляется лишь в тех случаях, где речь идет о новых национальных образованиях, возникших в капиталистическую либо в социалистическую эпоху.

ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

РУССКИЕ, УКРАИНЦЫ, БЕЛОРУСЫ

Братский союз многочисленных народов, больших и малых, закрепила навсегда Великая Октябрьская революция. Но этот союз существовал издавна, он сложился в веках общего труда и борьбы всех народов, населяющих нашу страну. При всей огромности страны, при всей многочисленности обитающих в ней народов, разнообразии их культур, все они ныне представляют собой сплоченное целое. Изучить это целое в его единстве и его многообразии—задача нашей науки—этнографии народов СССР.

Этнографический обзор народов Советского Союза принято располагать по крупным историко-этнографическим областям, на которые делится наша Родина. Эти области—Восточная Европа, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь и Дальний Восток.

Мы начнем наш обзор с народов Восточной Европы. Народам этой области, в силу особых исторических условий, суждено было сыграть и в гражданской и в культурной истории всех народов СССР—да и не только их, а и всего мира—совершенно исключительную роль. Восточно-Европейская равнина—это родина и коренная область расселения великого русского народа и тесно связанных с ним географическим соседством и глубокой исторической общностью других народов, славянских и неславянских. Это также колыбель великого Русского государства. Это—родина величайших деятелей русской и мировой культуры. С XIX в. здесь сложился один из важнейших центров мировой мысли.

Именно русский народ и его культура—вот что придало прочное единство многонациональному населению нашей Родины. Русский народ первым поднялся на борьбу с самодержавием, первым нанес решающие удары капитализму, первым показал всем другим народам путь к борьбе за социалистический строй. Он возглавил общее движение к социализму и повел за собой все народы нашей Родины.

Родина великого русского народа—Восточная Европа—приобретает тем самым совершенно особое историческое значение.

* * *

Восточно-Европейская равнина, ограниченная с севера и юга морями, с востока Уральским хребтом и степями южного Приуралья, с запада—условно—политической границей СССР, представляет собой с глубокой древности вполне определенное единство. Несмотря на огромное ее протяжение (с севера на юг около 2,5 тыс. км.), отдельные части этой области всегда были связаны между собой хозяйственными и культурными, а в дальнейшем и политическими узами. В физико-географическом отношении Восточная Европа может быть грубо-приблизительно разделена на две основные зоны: лесную на севере и степную на юге, с промежуточной переходной лесостепной зоной между ними. В каждой из этих зон исторически складывались характерные хозяйственно-культурные типы: на севере своеобразное сочетание лесного земледелия с охотничьим и рыболовческим хозяйством, на юге—сочетание степного земледелия со скотоводством. В ходе исторического развития земледельческое хозяйство, связанное с оседлым бытовым укладом, постепенно усиливалось и оттесняло более примитивные формы хозяйства, как на севере, так и на юге. При этом между народами обеих зон с отдаленной древности существовали, и чем далее, тем больше усиливались, экономические и культурные связи.

Только что упомянутые основные хозяйственно-культурные типы наметились в Восточной Европе еще с эпохи неолита: археологи различают здесь два основных типа неолитических культур: земледельческо-скотоводческий степной неолит и охотничье-рыболовческий лесной неолит. Очень вероятно, что и основные узлы этногенетических процессов в Восточной Европе завязывались в ту отдаленную эпоху—в III—II-м тысячелетиях до н. э. Но попытки установить прямую историческую связь между племенами—предполагаемыми носителями этих неолитических культур и современными народами, скажем финскими и восточнославянскими—пока еще лишены должной убедительности[1].

В распоряжении науки имеются, однако, и письменные свидетельства о населении Восточно-Европейской равнины, начиная примерно с середины 1-го тысячелетия до н. э.: это известия Геродота и других греческих, а позже и римских писателей о племенах скифов, сарматов и прочих, сменявших друг друга на интересующей нас территории. Пользуясь этими письменными известиями, названиями древних народов, данными о их расселении, сочетая их с данными археологии, антропологии и современными этнографическими и языковыми материалами, мы можем надеяться прояснить картину этногонических процессов и этнического развития народов Восточной Европы. Кое-что в этом направлении уже сделано советской наукой, в особенности в последние годы.

Хотя конкретные исторические связи между теми или иными древними народами и современными этническими группами не так легко установить, однако почти непрерывный поток исторических свидетельств, текущий от древней эпохи и до наших дней и дополняемый точно так же почти непрерывной цепью вещественных археологических памятников, позволяет сделать одно очень важное утверждение: перед нами налицо несомненная *преемственность* культурного развития на территории Восточной Европы на протяжении всей доступной наблюдению истории, а в значительной степени и непрерывность *этнического* развития. Хотя отдельные передвижения племен и народов на протяжении истории имели место многократно, однако говорить о коренной смене населения на данной территории в ту или иную эпоху у нас нет никаких оснований. Основная масса современного населения Восточно-Европейской равнины—это, несомненно, потомки древних автохтонов страны.

Восточная Европа, как единая историко-этнографическая область, подразделяется на более мелкие части—подобласти, каждая со своей спецификой. Вот эти подобласти: а) основная и центральная часть Восточной Европы—территория исконного расселения восточнославянских народов (русских, украинцев и белорусов); б) Прибалтика; в) Восточно-Европейский Север; г) Волго-Камье; д) юго-западная окраина СССР.

---

[1] Такая историческая связь пока намечается лишь местами и в самых общих чертах. Археологи считают, например,—и это очень правдоподобно,—что неолитические культуры типа «ямочно-гребенчатой керамики», господствовавшие в лесной полосе Восточной Европы в III—II тысячелетиях до н. э. (и распадавшиеся на несколько локальных групп), принадлежали предкам угрофинских народов. Но связь неолитических культур степной полосы с позднейшими известными там народами остается пока неясной.

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ. ЭТНОГЕНЕЗ. ЭТНИЧЕСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Русский народ вместе с братскими и близко родственными ему украинским и белорусским народами не только исторически играл важнейшую роль среди прочих народов Восточной Европы (как и других областей и стран), но и чисто географически занимал издавна срединное место между другими народами Восточной Европы. Этнически русские, украинцы и белорусы составляют группу так называемых *восточнославянских народов*.

Термин «восточнославянские народы» нуждается в некотором пояснении. Восточнославянская группа народов входит как часть в семью славянских народов. Эта семья делится, как известно, на три основные ветви: восточных, западных и южных славян[1]. В южнославянскую ветвь входят болгары с македонцами, сербы, хорваты и словенцы. В западнославянскую ветвь входят, не считая вымерших полабских и поморских племен, поляки и примыкающая к ним, но самостоятельная небольшая группа кашубов, затем лужичане, или лужицкие сербы (разделяющиеся на верхних и нижних), наконец, чехи и словаки. Что касается восточнославянской группы (ветви) языков или народов, то эта группа состоит из русских, украинцев и белорусов.

Деление славянской семьи народов на три ветви установилось в науке не сразу: ранее принято было делить славянские народы на две основные группы (западную и восточно-южную): так делили их чешские ученые—И. Добровский (основоположник научной славистики), Шафарик, словенцы Копитар, Миклошич и др. Первым высказался предположительно о трех самостоятельных ветвях славянских языков Александр Востоков (1820), а в более решительной форме—чешский историк Палацкий (1836). Теперь это тройное деление признано всеми учеными.

Внутри славянской семьи восточнославянские языки и народы составляют, таким образом, единую и самостоятельную группу. Эта их самостоятельность опирается прежде всего на данные языка: как известно, есть ряд признаков, характеризующих восточнославянские языки, в отличие от западно- и южнославянских. Таково известное полногласие (ворон, солома, берег, в отличие от вран, слама, брег в южных и врона, слома и пр. в западных славянских языках); переход старославянских *tj*, *dj* в русские *ч* и *ж* (свеча, рожать и т. д.); своеобразное сочетание губных и плавных согласных—вставное *л* после губных (люблю, земля) и некоторые другие признаки.

Однако общность восточных славян не только языковая. Также и в культурном отношении существуют очень характерные элементы—мы их увидим в дальнейшем,—которые создают единство восточнославянских народов, в отличие от других славянских и неславянских народов. Но, конечно, нельзя воображать себе существование какой-то непроницаемой стены между восточнославянскими и другими славянскими народами. Между ними существует значительная общность и есть целый ряд переходных форм.

Вопрос о происхождении славян. Единство происхождения славянских народов не возбуждает ни в ком сомнения. Но вопрос о происхождении славян, несмотря на огромное количество посвященных ему книг и статей, все же не может считаться до конца разрешенным.

В прошлом многие ученые, по преимуществу немецкие, пытались доказать азиатское происхождение славян, связывая их с сарматами, гуннами и другими степными кочевниками. Это делалось из националистических антиславянских побуждений. Видный чешский ученый Шафарик в своих «Славянских древностях» (1837) решительно опроверг эти беспочвенные теории, доказав, что славяне—потомки древних народов Европы. Еще раньше, с 1818 г. создателями сравнительной индоевропейской грамматики (Раск, Бопп, Гримм) была доказана принадлежность славянских языков к индоевропейской семье. С тех пор «азиатская» теория происхождения славян почти всеми оставлена (ее пытался весьма неудачно оживить в 1925 г. польский этнограф Мошиньский). Гораздо серьезнее «дунайская» (или «паннонская») теория, опирающаяся на предание о расселении славянских племен с Дуная, изложенное в Киевской Начальной летописи. Сторонники теории первоначального поселения всех славян на Среднем Дунае обосновывают ее также данными фольклора: «Дунай» упоминается в песнях всех славянских народов.

Однако многие слависты уже давно выражали сомнение в правильности этой «дунай-

[1] См. схему в конце книги.

ской» («паннонской») теории и считали, что прародину славян надо искать севернее—к северу от Карпат, в бассейне Вислы, даже в Прибалтике. Так смотрели на дело основоположник научного славяноведения чех Иосиф Добровский, русские слависты М. П. Погодин, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский и др. Наиболее обстоятельно обосновал эту «карпато-вислинскую» теорию крупнейший славянский ученый, чех Любор Нидерле, о взглядах которого будет сказано дальше.

Во 2-й половине XIX в. возникла новая, «кельто-славянская» теория, основанная на антропологических исследованиях, в частности на учении шведского антрополога Ретциуса о длинноголовых и короткоголовых расах (1842—1845), которое было принято многими, особенно немецкими и французскими антропологами. Сторонники кельто-славянской теории полагали, что древние славяне вместе с кельтами и некоторыми другими народами составляли будто бы сплошную «короткоголовую» массу населения Европы и Передней Азии. Эта «короткоголовая» раса была будто бы позже, в эпоху железа, частью оттеснена и сменена «длинноголовой» германской расой, разорвавшей связь между кельтами и славянами. Представителями этой теории были главным образом французские антропологи—Катрфаж, Брока, Топинар и др. Однако более критически настроенные ученые—из русских, например, А. П. Богданов, Д. Н. Анучин—отвергли этот взгляд. Наиболее убедительно доказал его полную необоснованность тот же Нидерле.

«Кельто-славянскую» теорию пытался в более позднее время (1911—1912) возродить русский академик А. А. Шахматов, но уже на основе данных не антропологии, а языка. По его мнению, прародиной славян была юго-восточная Прибалтика—бассейны Немана и Западной Двины. Их соседями с запада были кельтские племена, занимавшие значительную часть Центральной Европы вплоть до бассейна Вислы (даже известных венедов, которых все считают предками славян, Шахматов одно время считал кельтами, но позже сам отказался от этого взгляда). Кельты оказали, по мнению Шахматова, огромное влияние на славян, что выразилось, например, в многочисленных заимствованиях в славянских языках из кельтских. Взгляд Шахматова в такой крайней форме никем не был поддержан, но значительную роль кельтского элемента в этногенезе народов Центральной и Восточной Европы, их историческую близость к славянам признают и некоторые советские ученые.

Больше всех других зарубежных ученых сделал для решения проблемы происхождения славян Любор Нидерле. В ряде своих статей (с 1890 г.), а особенно в многотомных «Славянских древностях», Нидерле, опираясь на разнообразный материал—археологический, антропологический, исторический, языковой, этнографический,—подробнейшим образом исследовал данную проблему. Он опроверг «кельто-славянскую» теорию, доказав, что никогда не было какого-то единого славянского антропологического типа, что среди древних славян были и длинноголовые и короткоголовые элементы; показал необоснованность «дунайской» теории, ибо славяне на Дунае появились исторически сравнительно поздно (лишь в первых веках н. э.). Первоначальная область расселения славян находилась, по мнению Нидерле, в Северном Прикарпатье и бассейне Вислы, захватывая на востоке и Среднее Поднепровье. На этой своей прародине славяне жили до первых веков н. э.: они известны были здесь античным авторам под именем венедов. Но уже здесь они не составляли полного единства, а делились на три группы, соответственно позднейшим западным, восточным и южным славянским народам. Под давлением роста населения и под натиском соседних народов славяне начали, особенно в V—VI вв., распространяться по трем направлениям—на запад, юг и восток. Но движение на запад было, вследствие сопротивления сильных германских племен, очень ограничено, зато на юг и особенно на восток славяне пошли далеко. Так и образовались три основные группы славянских народов.

Труды Нидерле долго оставались вершиной буржуазной науки по вопросу о происхождении и древней истории славян. В новейшее время существенные дополнения и уточнения внесены в эту проблему работами польского лингвиста Тадеуша Лер-Сплавинского (см. его книгу «О происхождении и прародине славян», 1946). Особый интерес представляет попытка Лер-Сплавинского определить при помощи точного статистического подсчета степень близости славянских языков к другим индоевропейским языкам. Он подсчитал количество слов, общих в славянских языках с каждой в отдельности ветвью индоевропейских языков, а также черты общности с каждой из них в области фонетики и грамматики. Конечно, больше всего общего оказывается у славянских язы-

ков с балтийскими (летто-литовскими): свыше 1600 слов (не считая общих фонетических и грамматических явлений), причем многие из этих общих славянским и балтийским языкам черт отсутствуют в других индоевропейских языках. Поэтому мы вправе говорить о существовавшем в древности балто-славянском единстве.

В отношении к другим ветвям индоевропейских языков больше всего общих черт обнаруживается у балто-славянских языков с германскими (слав. + балт. + герм.—93 общих слова, слав. + герм.—94, балт. + + герм.—52); далее с кельтскими (слав. + + балт. + герм. + кельт.—35 общих слов, слав. + балт. + кельт.—24, слав. + кельт.—27, балт. + кельт.—12) и т. д. Всего с «западной» группой индоевропейской семьи славянские языки имеют 425 совпадений в словаре (конечно, не считая общих индоевропейских слов). С «восточной» группой, т. е. прежде всего с индо-иранской ветвью, совпадений в славянских языках значительно меньше: 120 слов. Значит, относительная близость славянских языков к западным и восточным индоевропейским языкам определяется примерной формулой 425:120. Подобные подсчеты приводят Лер-Сплавинского к выводу о приблизительном местонахождении древней прародины славян и о их соседях: «праславяне соседили тогда на западе с германцами, на юго-западе (и, может быть, на юге) с кельтами и иллирийцами, на востоке с прабалтами, а на юго-востоке с фракийцами и иранцами»[1]. Это значит, что прародина славян находилась в бассейнах Вислы и Одера, доходя на юго-восток до Среднего Днестра, захватывая Волынь и Подолию. Этот вывод Лер-Сплавинский подкрепляет широким привлечением данных топонимики, сопоставляя их с археологическими и историческими свидетельствами.

По мнению Лер-Сплавинского, праславянская группа племен выделилась из индоевропейской общности, которая населяла в конце неолитической эпохи (около 2000—1700 г. до н. э.) Среднюю Европу и с которой была связана так называемая культура «шнуровой керамики». Носители этой культуры, распространяясь постепенно к востоку, в область северо-восточной Европы, встретились тут с предками угрофинских племен—носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики. Из скрещения этих двух групп, двух языков и культур сложилось «прото-балтийское» население, индоевропейское по языку, но со следами влияния праугрофинского (уральского) языкового субстрата; в антропологическом отношении это была смесь северной расы (носителей культуры шнуровой керамики) и лапоноидной расы (предков угро-финнов). Это были предки позднейших германцев, балтийцев и славян, составлявшие тогда еще одно целое. Германские языки позже отделились от этой «прото-балтийской» общности, войдя в западно-индоевропейскую группу языков «кентум» (условное название тех индоевропейских языков, которые сохранили древние индоевропейские звуки *к* и *г*), а балтийские и славянские вместе с восточными индоевропейскими языками составили группу «сатем» (так называются индоевропейские языки, где древние *к* и *г* перешли в *с*, *з*, *ш*, *ж* и др.). Вторая стадия развития заключалась в отделении славянских языков (и народов) от балтийских. Это отделение началось около 1300—1100 гг. до н. э. вследствие влияния носителей «лужицкой» культуры, охватившей постепенно огромную область от Одера до Днестра: восточная ветвь этой культуры позже, в раннем железном веке, составила так называемую «высоцкую» культуру. Это напластование лужицкой (высоцкой) культуры, носителями которой Лер-Сплавинский считает исторических венедов, захватило область, занятую предками славян, предки же балтийских племен остались в стороне. Так, в 1300—400 гг. до н. э. была разорвана балто-славянская общность, и на территории теперешней Польши со включением Волыни и Поднестровья сложилась праславянская группа племен. Здесь-то, особенно в бассейнах Вислы и Одера, и образовалось праславянское «ядро», и из этой области позже, около середины 1-го тысячелетия н. э., начали славянские племена распространяться во всех направлениях.

Взгляды Лер-Сплавинского являются результатом серьезной, большой работы. Автору, несомненно, удалось в значительной мере связать данные нескольких смежных наук, касающиеся вопроса о происхождении славян, и извлечь из них убедительные выводы. Надо сказать, что советские ученые (например, П. Н. Третьяков) во многом принимают выводы Лер-Сплавинского.

Происхождение восточнославянских племен. По вопросу о происхождении собственно восточнославянских племен заслуживают особого внимания взгляды А. А. Шахматова

[1] T. Lehr-Splawiński. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian, Poznań, 1946, стр. 39.

(теория которого о кельто-славянских древних связях нам уже известна). Шахматов не раз возвращался к вопросу о древних восточнославянских племенах и об отношении их к позднейшим восточнославянским народностям, и при этом частично менял свои взгляды. Впервые он изложил их в 1899 г. в статье «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей».

В своей позднейшей работе «Введение в курс истории русского языка», часть I (1916) Шахматов, несколько уточняя свои взгляды, излагает следующим образом ход образования восточнославянских племен и народностей. Он помещает «первую прародину» всех славян в Прибалтику. Оттуда они, после ухода готов в III веке, перешли на Вислу—свою «вторую прародину». Западная ветвь, отделившись, ушла на запад, а восточно-южная двинулась на юг, в бассейн Дуная. Там произошло распадение на южную ветвь—склавинов, или словен, и восточную—антов, предков русских славян. Анты, спасаясь от аваров (VI в.), поселились на Волыни и в Киевщине—это была «колыбель русского племени, русская прародина». Что восточные славяне заселили эту область, двигаясь с юга вверх по Днепру, Шахматов доказывает тем, что они дали название Десны («десной»—правый на древнеславянском языке) двум рекам—восточным (левым) притокам Днепра и Южного Буга, следовательно, эти реки были у них по правую сторону при их переселении.

Переход части восточных славян на восточный берег Днепра был «первым раздроблением русской семьи»: восточнорусская ветвь перешла на Донец и Оскол; от нее же затем отделилась северная ветвь, заселившая Северное Поднепровье, а оттуда и верховья Западной Двины, Ловати и Волги. На старых местах осталась только южная ветвь. Так образовались «все три ветви русского племени: Восточная, Северная и Южная».

Восточную ветвь составляли вятичи—предки южных великорусов. Наречие их неизвестно, но Шахматов предполагает, что вятичи акали и обладали фрикативным *г* (хотя акание засвидетельствовано документально только с XIV в.). Севернорусскую группу племен, осевшую в верховьях Днепра, Западной Двины, Великой, Ловати и Волги, составляли кривичи и словене. Они столкнулись здесь с финнами и с западнославянским (ляшским) племенем радимичей и подверглись их влиянию. От кого-то из них они заимствовали «цокание» (смену *ч—ц*) и «мазуракание» (замену шипящих свистящими). Шахматов принимает тут возможность и скандинавско-варяжского влияния. Южная ветвь, оставшаяся в Среднем Приднепровье и Приднестровье, состояла из племен: полян, древлян, бужан, хорват, уличей, тиверцев и северян. В их сплочении особенно крупную роль сыграл Киев и образование первого Русского государства. Эти племена—предки украинцев: уличи и тиверцы—южных или собственно украинцев, остальные—«северных малороссов». Но древляне, отделившись, перешли на север через Припять и соединились там с дреговичами, которых Шахматов, как и радимичей, считает ляшским племенем. В этом смешении они и составили основу белорусской народности. К ним примешались также и радимичи, еще раньше подвергшиеся влиянию восточнорусских вятичей. Таким образом, белорусский язык и белорусская народность представляют собой, по Шахматову, сложное соединение трех элементов—восточнорусского (южновеликорусского), ляшского и южнорусского (украинского). Здесь два наслоения—древнейшее—«малорусское» и позднейшее—южновеликорусское.

Интересен взгляд Шахматова на происхождение великорусской народности. Она составилась из двух частей: «северно-руссов» и «восточно-руссов». Обособление одной от другой он относит, как мы уже видели, к очень давнему времени (еще к 1-му тысячелетию). Соединение же их и образование единой великорусской народности—явление позднее, замечаемое не ранее конца XIII в. Причиной его послужило образование нового крупного политического и культурного центра—Москвы. Шахматов настойчиво подчеркивает, что единство великорусов—не исконное, а позднейшее, что общевеликорусские черты языка представляют собой в большинстве новообразования. Одним из последствий сближения северных и южных великорусов было образование смешанной средневеликорусской диалектической группы во главе с московским говором.

Таковы в кратком изложении взгляды Шахматова на происхождение восточнославянских народностей. Многие из положений Шахматова и сейчас представляют интерес. Но в целом его концепция, конечно, совершенно устарела. Она прежде всего односторонняя: Шахматов говорит только о происхождении и развитии языков, а не народов, а это не одно и то же. А самое

главное—концепция эта основана на упрощенной схеме развития языков путем разветвления из единого «праязыка», который некогда занимал будто бы очень маленькую территорию («прародину»), откуда и распространился на всю теперешнюю область

Любор Нидерле, соглашаясь в основном с Шахматовым, дает такую схему образования восточнославянских народов. По его мнению, никогда не было абсолютного единства русского народа, но первоначально различия между племенами были очень слабы. В связи с принятием христианства в X веке культурная общность между ними еще более усилилась. Однако эти племена, искони заселявшие Среднее Поднепровье, делились на две группы—северную и южную. В VI—VII вв. между той и другой вдвинулась с запада третья группа племен, хотя тоже родственная по происхождению первым двум, но находившаяся под польским влиянием: это были радимичи, вятичи и дреговичи. Часть этих племен, именно вятичи, слилась с северной группой (так образовались великорусы), а другая часть—радимичи и дреговичи—составила основу белорусского народа. Среди белорусов Нидерле, таким образом, видит, как и Шахматов, польский элемент. Южная группа племен—это предки украинцев. Концепция Нидерле, этого лучшего знатока славянских древностей, добросовестного и прогрессивного ученого, сохраняет большой интерес и для нас. Ее преимущество в том, что Нидерле подходит к проблеме не с узко языковой точки зрения. Но и его взгляды, как мы дальше увидим, не могут нас удовлетворить.

Работы советских исследователей. Советская наука сделала, особенно за последние годы, очень много для исследования этногенеза восточнославянских народов. Эта проблема поставлена на совершенно новую методологическую почву. Конечно, советские ученые не отбрасывают всех выводов буржуазной науки по вопросам восточнославянского этногенеза, а критически принимают наиболее обоснованные из них. Такими выводами, установленными уже в буржуазной науке, являются положения: а) что восточнославянские народы составляют неотделимую часть славянского круга народов и вместе с западными и южными славянами входят в индоевропейскую семью народов; б) что они сформировались в Европе, а не пришли откуда-то из Азии; в) что они связаны историческими корнями с древними народами Восточной Европы.

Но советские исследователи, принимая эти выводы, углубляют и расширяют их, подходя к проблеме с новых позиций марксистско-ленинской исторической науки. Это дало возможность прийти к принципиально новой, гораздо более широкой концепции происхождения восточнославянских народов.

Прежде всего, впервые прослежены глубокие исторические корни восточного славянства на его территории—Восточно-Европейской равнине. Корни эти многие исследователи пытаются искать в этнонимике и в языке. Но в этой области, к сожалению, достигнутые результаты пока невелики. Было сделано много гипотез, смелых сопоставлений (А. Д. Удальцов и др.). Эти сопоставления подлежат еще строгой проверке, тем более что они нередко связывались с ненаучными положениями «нового учения о языке» Марра. Возможно, что проверка подтвердит правильность сближения некоторых названий народов античной эпохи (сколоты, споры, спалы и др.) с названиями позднейших «склавов» «славов» и отдельных славянских племен. Но в этой области, как и в области чисто лингвистической, основная работа еще впереди.

Зато гораздо лучше прослежены глубокие исторические связи восточнославянских народов советскими археологами, такими, как А. В. Арциховский, Т. С. Пассек, В. И. Равдоникас, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков и др. Можно считать доказанным, что непосредственными предками восточнославянских народов были носители так называемой культуры «полей погребальных урн», господствовавшей в Южном Поднепровье и Поднестровье в первые века нашей эры. Установлены исторические связи культуры восточнославянских племен и с другими археологическими культурами того времени, существовавшими на Верхнем Днепре, на Верхней Волге и пр. Но все они в свою очередь связываются с более древними стадиями культурного развития. Непрерывная преемственность тянется от эпохи неолитических культур 3-го тысячелетия до н. э. и вплоть до появления заведомо славянских памятников.

Наконец, особенно существенное доказательство древности исторических корней славянства в Восточной Европе дает антропология. Советские антропологи (Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров) установили, что еще в эпоху неолита и в эпоху бронзы в Восточной Европе существовали расовые типы—не меньше трех,—за-

нимавшие определенные ареалы и впоследствии сохранившиеся в типах славян курганной эпохи. Таким образом, славянские племена 1-го тысячелетия нашей эры сформировались из древних аборигенных элементов, восходящих к неолиту.

2. Второе, существенно новое положение, доказанное советскими исследователями,—это то, что ареал формирования восточного славянства был значительно шире, чем это предполагалось раньше. Этот ареал охватывал не только Среднее Поднепровье, как полагали некоторые буржуазные ученые (например, Нидерле, а другие отрицали и это), но и весь бассейн Днепра до его верховьев, и области, расположенные дальше к северу и к востоку. Правда, вопрос о границах ареала, на котором протекал процесс восточнославянского этногенеза, остается не совсем ясным. Одни из советских ученых, например Третьяков (по крайней мере в своих прежних работах), считают, что и весь бассейн Верхней Волги и Оки включался в этот ареал; другие полагают, что Окско-Волжское междуречье было заселено восточными славянами лишь позже—во 2-й половине 1-го тысячелетия. Неясно также, насколько древним является славянское население на Нижнем Дону и в Приазовье: одни исследователи (С. П. Толстов, В. В. Мавродин) стоят на точке зрения его аборигенности, другие (М. И. Артамонов) это отрицают. Но эти частные разногласия не устраняют единодушие советских ученых по основному и принципиальному вопросу.

3. Принципиально новым и очень важным тезисом советского учения об этногенезе является отрицание «чистого» как в расовом, так и в языковом и культурном отношениях, происхождения народов. Восточнославянские народы сформировались на пестрой, разнородной этнической основе. В них вошли различные расовые компоненты. В славянских курганах (X—XIV вв.) разных областей Т. А. Трофимова обнаружила не меньше шести антропологических типов, из них четыре европеоидных и два монголоидных. Что касается языкового развития, то в русском и других восточнославянских языках прослеживаются, по-видимому, и древние иранские, и кавказские, и финские элементы, не говоря уже о позднейших тюркских.

В этом смысле заслуживает серьезного внимания попытка академика А. И. Соболевского по-новому решить вопрос о происхождении славянских языков и народов («Русско-скифские этюды», 1924; «Заметки по славянским древностям. Новые русско-скифские этюды», 1926). На основании очень тщательного изучения индоевропейских языков и восточноевропейской топонимики Соболевский пришел к выводу, что в образовании слявянских народов очень крупную роль сыграли ираноязычные скифы, предшествовавшие славянам на занимаемых последними землях. От этих своих предшественников славяне заимствовали названия рек, озер и пр. Мало того: сами славянские языки произошли, по мнению Соболевского, из слияния двух языков, принадлежавших к двум разным ветвям индоевропейской семьи; один из этих языков (характеризовавшийся сохранением древнего звука «с») относился к балтийской ветви, другой (где древнее «с» перешло в «х»)—к иранской,— это и были скифы. Вот почему,— полагает Соболевский,—в славянских языках встречаются в равной мере и слова с древним «с» и слова с «х», тогда как в других индоевропейских языках отдается предпочтение либо одному, либо другому из этих звуков. Наконец, Соболевский считал, что многие из древнеславянских племен были по происхождению никем иными, как ославяненными скифами, сохранившими притом свои скифские (иранские) названия.

4) Наконец, крупным достижением советской науки является то, что она не замыкает процесс этногенеза восточнославянских народов узкими географическими и этническими рамками. Этот процесс происходил на фоне широких культурно-исторических связей. Связи эти шли как в сторону запада и северо-запада (с Прибалтикой, западными славянами, Центральной Европой), так и в сторону юго-запада (античный Средиземноморский мир, Византия, южные славяне) и юго-востока (Кавказ, Средняя Азия). Последние, юго-восточные, связи проследил наиболее обстоятельно С. П. Толстов.

Работам советских исследователей до недавнего времени сильно вредило влияние «яфетической» теории Н. Я. Марра. Оно сковывало прежде всего работу языковедов, но дурно отражалось и на исследованиях археологов, многие из которых старались вытягивать конкретные факты раскопок на прокрустовом ложе марровских схем «единого глоттогонического процесса», разных стадиальных «взрывов», «скрещений» и т. п. пустых фраз. Сторонники теории Марра не интересовались конкретными языковыми и вообще историческими связями между народами, априорно отрицали всякие пере-

движения, «миграции» племен, считали недопустимым говорить о «прародине», т. е. о первоначальном ареале формирования того или иного народа или группы народов. Однако и в годы засилья марризма продолжалась плодотворная исследовательская работа советских ученых.

Из более частных вопросов, связанных с интересующей нас проблемой, надо отметить некоторые ложные теории, для преодоления которых много сделали советские ученые: а именно «готскую» и «норманскую» теории.

О готах существовало мнение, что они принесли с собой в III—IV вв. в Восточную Европу более высокую культуру, повлиявшую на развитие местных, в том числе славянских, племен. Это старались доказать в особенности немецкие буржуазные ученые. В настоящее время, хотя готская проблема в целом еще не разрешена, но советские археологи убедительно показали, что «готская эпоха» в Приднепровье представлена древностями, отнюдь не чуждыми, не иноземными, а составляющими дальнейшее развитие местных культур. Кто бы ни были по происхождению готы (некоторые даже пытались отрицать их германскую принадлежность, но это несерьезная попытка), во всяком случае их вторжение нисколько не нарушило нормального хода культурного развития местных племен.

Подобной же полезной критике подверглась и «норманская» теория. Последнюю иногда сводят к вопросу о происхождении термина «Русь»—вопрос сам по себе интересный, но особый—о нем будет сказано ниже. По существу же и историками, и археологами установлено с полной бесспорностью, что норманны-варяги не оказали и не могли оказать сколько-нибудь заметного культурного влияния на славянские племена. Влияние, конечно, было, но оно было поверхностным, захватывало быт только господствующей верхушки, и кратковременным, ибо пришельцы-варяги, откуда бы они ни были родом, очень скоро совершенно ославянились: уже князь Святослав был вполне славянин, а при Владимире и в составе княжеской дружины осталось мало варяжских элементов.

Задачи этнографии в вопросе этногенеза восточных славян. К сожалению, этнографы сделали для решения проблемы этногенеза восточнославянских народов гораздо меньше, чем их коллеги—историки, археологи, лингвисты, антропологи. Из немногих имеющихся по этому вопросу работ необходимо отметить исследования С. П. Толстова. В своей статье «К проблеме аккультурации» (1930) он очень удачно использовал этнографический материал для выяснения некоторых вопросов происхождения и развития культуры славянских и других народов Восточной Европы. Он показал, что еще задолго до образования славянских, финских и других языков здесь существовали определенные культурно-географические провинции: одна северная, тяготевшая к Прибалтике, другая более южная, связанная со Средним Поволжьем и Прикамьем. Черты «северного» типа до сих пор сохраняются в типах построек, одежды и пр., общих северным великорусам с финскими народами Европейского Севера—карелами, вепсами, коми; черты же «южного» типа вошли в культурный облик современных южновеликорусов и народов Поволжья—мордвы, чувашей и др.

Следует отметить также некоторые работы Д. К. Зеленина, имеющие отношение к вопросам восточнославянского этногенеза. Но они касаются лишь более поздних этапов этого процесса. Особенно интересна его книга «Великорусские говоры» (1913), где тщательно прослеживается история заселения отдельных губерний и уездов и история формирования областных типов великорусского населения.

В целом же этнография еще далеко не сказала своего последнего слова по проблеме этногенеза восточнославянских народов.

Первые письменные известия о славянах. Восточнославянские племена IX—X вв. Впервые в истории славяне выступают в письменных источниках, если не считать спорных и полулегендарных сообщений, в первые века н. э. под именем венедов. Венеды жили в бассейне Вислы и по берегам «Венедского залива» Балтийского моря (теперешний Гданьский залив). О них пишут в I—II вв. Плиний, Тацит, Птолемей; последний именует их «весьма многочисленным народом». Археологи отождествляют венедов с носителями так называемой «пшеворской» культуры бассейнов Вислы и Одера (преемницы лужицкой культуры), существовавшей до IV—V вв. Это были, видимо, полуоседлые земледельцы-скотоводы. Что венеды были предками именно славян, признается почти всеми учеными. Название «венеды», вероятно, латинизированная форма этнонима «венд» («вент»), «винд», который сохранился до сих пор: немцы и сейчас называют остатки западнославянских полабских племен (сербов-лужичан) «вендами», населенную прежде славянами область в низовьях Эльбы—«Вендланд»; словенцев прежде называли «виндами»; финны называют русских «вэнэ».

Название «славяне» появляется в источниках впервые, если не считать опять-таки сомнительных отождествлений, в VI столетии,—о них сообщают писатели того времени Прокопий Кесарийский, Иордан и др. Но собственно славянами, или «склавинами»,

назывались тогда только западные славянские племена, обитавшие примерно к западу от Днестра. Восточные славянские племена назывались антами.

О том, кто такие были анты, каково отношение их к позднейшим славянским племенам, высказывались и до сих пор высказываются разные мнения. В том, что анты были славянами, нет никакого сомнения. Византийский историк Прокопий (VI в.) прямо пишет, что анты и славяне, хотя и враждуют часто между собой, но говорят одним и тем же языком, да и по внешнему виду и по образу жизни не отличаются друг от друга. И славяне и анты происходят, по сведениям Прокопия, от одного народа—от споров (которых обычно отождествляют со спалами, упоминаемыми Иорданом: отсюда, может быть, название легендарных «исполинов»). Имя «ант» многие связывают с более ранним названием славян «венд»-«венед». Иордан прямо указывал, что анты, славы и виниды—разные названия одного народа. Но имя «Ант» (как личное) встречается еще в греческой надписи III в. из Керчи. Некоторые ученые—как А. А. Шахматов, А. Л. Погодин, а из советских историков Б. Д. Греков и Б. А. Рыбаков—видели в антах прямых предков всех восточных, т. е. русских, славян. Другие—как Нидерле, археолог А. А. Спицын—считали их предками только южных восточнославянских племен. Третьи—как Павел Шафарик, С. М. Соловьев, И. И. Срезневский—еще более ограничивали исторические связи антов, рассматривая их как предков только самых южных из названных племен—уличей и тиверцев. Украинский буржуазный националист Грушевский утверждал, что анты—прямые предки украинцев. Оригинален взгляд П. Н. Третьякова, согласно которому анты—это как бы передовой отряд восточнославянских племен, их юго-западная часть, раньше других вышедшая из стадии первобытно-общинного строя и возглавившая первое историческое объединение части восточных славян; за этой первой волной последовала в IX—X вв. вторая, более мощная, возглавленная росами—русами и охватившая уже все восточнославянские племена.

После VI в. имя антов исчезает из письменных источников. Некоторые считали, что они были истреблены в войнах с аварами, но вернее, что анты растворились среди восточнославянских племен. Есть мнение, что позднейшее название племени «вятичей» восходит к тому же имени «анты» и к более раннему «венды»-«венеды» (с утратой носового звука). У арабских писателей упоминается племя «вантит»; в письме хазарского царя Иосифа (X в.)—«в-н-нт-р» (венентр).

Восточнославянские племена IX—X вв. известны нам по «Повести временных лет», дополняемой некоторыми другими письменными источниками. Летопись дает перечень этих племен и указывает их географическое размещение. В новейшее время археологические исследования (Спицын, Арциховский, Рыбаков и др.) показали правильность сведений летописца, но кое в чем позволили их уточнить.

Восточнославянские племена, упоминаемые летописцем, распределялись в приблизительном порядке с юга на север так: уличи, тиверцы, хорваты, волыняне (прежде дулебы), поляне, древляне, север, вятичи, радимичи, дреговичи, кривичи, новгородские, или ильменские, словене. Что представляли собой в то время, когда о них писал составитель летописи (XI в.), эти «племена»? Об этом опять-таки имеются разные взгляды. А. А. Шахматов, а за ним А. А. Спицын, из советских ученых—А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков и др. видят в них настоящие племена, со своими диалектами (Шахматов), со своими культурными особенностями, сохраняющимися очень устойчиво, например, в ритуале погребений, в украшениях и пр. Другие ученые—как Ключевский, Середонин, из советских историков Третьяков—полагают, что это были уже далеко не племена как таковые (хотя среди них могли быть и остатки племенных групп), а в большинстве—более поздние и сложные, чисто политические образования, как бы народности. На самом деле правы отчасти и те и другие: среди восточнославянских «племен», были, видимо, и группы настоящего племенного типа, и более сложные и крупные образования, сложившиеся в ходе распада родо-племенного строя, в ходе расселения. К первым могли относиться, например, уличи, тиверцы (об этих двух племенах уже в XI в. сохранялись лишь смутные воспоминания), дулебы (еще раньше, вероятно, растворившиеся в чисто географических объединениях волынян и бужан), радимичи (патронимическое название); ко вторым—упомянутые волыняне и бужане, позднейшие полочане и др. Многие «племена» Киевской летописи имеют за собой долгую историю, и названия их указывают на

связь с южными и западными славянами (вероятно, они старше разделения славян на основные ветви), даже с неславянскими народами.

Так, например, имя «поляне», конечно, не имеет ничего общего со словом «поле» (т. е. степь), как думали прежде, а является этнонимом, широко распространенным у всех славян: поляки—ляхи, полянцы—северные болгары, поляне в южной Македонии и др. Возможно, что этот этноним уходит корнями в дославянскую древность: его связывают с «буланами» Птолемея (правда, сомнительными), «палами» Диодора (I в. н. э.), «спалами» Иордана и пр. Точно так же северы (северяне) опять-таки не имеют никакого отношения к северу, как стране света (они были как раз одним из самых южных племен); племя того же названия было и среди южных славян. Этот этноним тоже, вероятно, дославянский и он широко известен в древней Восточной Европе: у Птолемея упоминается племя саваров; среди волжских болгар было племя (город) Сувар; в числе племен древнего Кавказа известны сабиры, саспейры. Хорваты представляли собой, видимо, многочисленный народ, большая часть которого еще в VII в. переселилась на Дунай (югославские хорваты), часть влилась в чешское население, часть—в восточнославянское. Этот этноним некоторые считают тоже дославянским, связывая его и с названием Карпат, и с карпианами Птолемея, и с карпидами IV в. до н. э. (у Эфора). Есть мнение и о неславянском происхождении кривичей (быть может, близких к литовским племенам), вятичей (их некоторые считали ославяненными финнами). А. И. Соболевский—известный славист и историк русского языка—считал, как мы уже знаем, что среди славянских, в том числе восточнославянских, племен было немало племен скифо-иранского происхождения.

Киевская Русь и древнерусская народность. В IX—X веках восточнославянские племена были объединены под властью киевских князей в Русское государство (Киевская Русь). Образование его сопровождалось распадом старых племенных связей. Уже в XI в. исчезают со страниц летописи названия почти всех прежних племен; вятичи упоминаются в последний раз в XII в. К этому времени вместо племен существовали областные группы, соответствующие феодальным княжествам: черниговцы, переяславцы, смоляне, куряне, галичане, владимирцы.

Совершенно несомненно, что в эпоху Киевской Руси существовало и общенародное единство: существовала русская народность, которую современные советские историки предпочитают называть для избежания недоразумений «древнерусской народностью». Это не были ни великорусы, ни белорусы, ни украинцы.

Вопросом о происхождении этой древнерусской народности в последние годы усиленно заинтересовались советские ученые—историки, этнографы, археологи. Благодаря новейшим исследованиям Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова, Б. А. Рыбакова вопрос стал в значительной мере ясен.

Особенно убедительны выводы Б. А. Рыбакова. Он хорошо показал прежде всего наличие твердого сознания единства «Русской земли» и в эпоху Киевского государства и даже позже, в монгольскую эпоху. Понятие «Русской земли» охватывало всю восточнославянскую территорию, от низовьев Дуная до Ладожского и Онежского озер, от Верхней Западной Двины до Волго-Окского междуречья включительно. Эта «Русская земля» и была областью расселения древнерусской народности в IX—XIV вв. Но очень интересно, что одновременно, в ту же эпоху, существовало и более узкое значение термина «Русь», соответствовавшее только юго-восточной части русской (восточнославянской) этнической территории—Среднему Поднепровью, т. е. Киевской, Черниговской, Переяславской и Северской землям; эта территория во многих случаях противопоставлялась как собственно «Русь» всем остальным восточнославянским землям. По весьма правдоподобному мнению Рыбакова, это более узкое значение термина «Русь» сохранилось от предшествующей эпохи, точнее от VI—VII столетий, когда существовал сильный Русский племенной союз как раз в Среднем Поднепровье; это доказывается и письменными известиями о «росах», «русах» V—VI вв., и археологическими данными. Этот Русский племенной союз и послужил в IX—X вв. ядром для образования русской (древнерусской) народности, в которую вошли все восточнославянские племена (быть может, за исключением белых хорват), а также и часть обрусевших восточнофинских племен—меря, весь.

Установление того факта, что уже в середине 1-го тысячелетия на Среднем Днепре существовали «русы» и «Русь», вырывает последнюю почву из-под ног «норманской

теории», которая, как известно, связана с мнением, будто «Русь»—это варяги, пришедшие из Скандинавии в IX веке.

Сознание общенародного единства в эпоху Киевского государства было очень сильно, оно отчасти сохранилось и после его распада. Это сознание отразилось в литературных памятниках того времени: в летописях, в «Слове о полку Игореве», где говорится о «Русской земле», о «храбрых русичах», далее в «Слове о погибели Русской земли», где мы читаем горестно патриотические жалобы об утрате прежнего величия «светло-светлой и украсно-украшенной земли Руськой».

Распад древнерусской народности и образование русского, белорусского и украинского народов. Общерусскому народному единству был нанесен удар сначала феодальным распадом Киевской Руси в XI—XII вв., а потом особенно татаро-монгольским погромом и подчинением Золотой Орде в XIII—XIV вв. Политический и экономический упадок, перетасовка населения, особенно в южной, степной и лесостепной части страны,—все это вызвало резкое ослабление прежних связей.

Формирование русского, украинского и белорусского народов происходило уже в более позднее время. Это было создание новых этнических связей. Не раз делались, правда, попытки прикрепить эти три новые народности к древним племенным группировкам, найти корни украинского, белорусского, великорусского народов еще в Киевской Руси и даже в более отдаленном прошлом. По этому поводу велись горячие споры, имевшие частью политическую подкладку. Предметом спора был в особенности вопрос об этнической принадлежности населения Киевской Руси. По этому вопросу боролись долго между собой великорусская великодержавная и украинская националистическая точки зрения: согласно первой, население Киевской Руси было великорусским, согласно второй, оно было украинским.

Великорусско-великодержавная точка зрения по данному вопросу состояла в том, что вообще издавна существовал-де один чисто русский, т. е. великорусский народ. «Малорусское» же (т. е. украинское), как и белорусское, «наречие» появилось позднее и крупной роли в истории не играло.

Эта точка зрения была выдвинута еще в 40-х годах XIX века историком М. П. Погодиным. Он утверждал, что население Киевской Руси было великорусским, что элементов украинских (или, как тогда говорили, малороссийских) там не было. Они появились будто бы позднее, после отхода русских на север в связи с татарским погромом. Только тогда Приднепровье было заселено украинцами, пришедшими с запада. Эта так называемая «погодинская гипотеза» была позднее подхвачена другими исследователями, из которых наиболее крупную роль играл А. И. Соболевский. Этот историк русского языка в 1883 г. повторил погодинский тезис о том, что вплоть до XIV в. население Приднепровья было великорусским и что лишь позже имело место вторичное заселение этой области выходцами из западных областей—Волыни и Прикарпатья. Тогда будто бы и появились здесь украинцы. Эту точку зрения Соболевский обосновывал анализом языка памятников XII—XIX вв. Однако противники Соболевского указывали на ошибочную географически и исторически датировку им рукописей.

Как раз противоположной была точка зрения украинских, националистически настроенных исследователей. Против теории Погодина в 1850-е гг. выступил украинский этнограф и историк М. А. Максимович, который утверждал, что население Киевской Руси было чисто украинским, что никакого «запустения» ее в татарский период не было, что украинцы там были и остались и что великорусская народность ничего общего по происхождению с Киевской Русью не имеет. Эта теория, столь же односторонняя и неверная, нашла себе приверженцев и в последующее время, в особенности среди украинских историков. Не только Котляревский, Грушевский и другие буржуазные ученые, но и некоторые советские авторы стояли на той точке зрения, что население Киевской Руси было украинским, тогда как великорусский народ имеет-де совсем иное происхождение.

Украинские националисты в своем стремлении разорвать историческую связь между украинцами и русскими заходили иногда так далеко, что совершенно отрицали существование восточнославянской группы языков и народов и эпоху общерусского единства. Они считали, что каждый отдельный славянский язык, в том числе украинский, непосредственно восходит к «праславянскому единству». Эту точку зрения особенно рьяно отстаивали украинские буржуазные лингвисты Роман и Степан Смаль-Стоцкие.

Аналогичные взгляды развивали и белорусские буржуазно-националистические ученые. Самый крайний из них—Ластовский—был автором так называемой «кривичанской» теории, по которой белорусы—это кривичи, чистые потомки кривичей, совершенно самостоятельная славянская народность, не связанная по происхождению с великорусами. Последователь Ластовского Касперович попытался еще более обособить самостоятельный источник происхождения белорусов и доказывал, что они прямые потомки легендарного и древнего народа волотов, обитавшего некогда на территории Белоруссии.

Все эти теории стоят вообще довольно далеко от науки. Но и со стороны некоторых серьезных и добросовестных ученых делались попытки доказать, что современное деление восточных славян на народности восходит корнями к далекому прошлому и что уже в распределении племен IX—X вв. были заложены зародыши позднейших народов. Это мнение принадлежит, как мы уже видели, не кому иному, как тому же А. А. Шахматову.

Уже тот перечень племен, который дается в «Повести временных лет», содержит в себе, по мне-

нию Шахматова, зародыш деления на позднейшие народности. Южная группа племен (уличи, тиверцы, поляне) послужила основой образования позднейшей украинской народности. Среднерусская группа, разделившаяся на две ветви, дала начало образованию южных великорусов и белорусов. Севернорусская группа (ильменские словене, кривичи)—предки теперешних северновеликорусов. Последующие передвижения, переход от племенного строя к областному, татарское нашествие и позднейшие события привели к образованию современных народов. «Так, на место трех древних диалектических групп,—писал Шахматов,—северной, средней и южной—явились четыре новые—северно-великорусская, южно-великорусская, белорусская и малорусская»[1].

В действительности между отдельными древневосточнославянскими племенами IX в. и современными нам восточнославянскими народами нет прямой преемственности, ибо уже в эпоху Киевской Руси старые племенные связи исчезли. Формирование русского, украинского и белорусского народов происходило в совсем иной исторической обстановке: в связи с образованием московско-русского и литовско-русского государств.

С начала XIV в. под властью Москвы стали объединяться одно за другим княжества, расположенные в бассейне Верхней Волги и Оки; уже к началу XVI в. в Московское государство влились и земли на юге и юго-западе—по верховьям Дона и по Десне, и на западе—по Верхнему Днепру, и на северо-западе, севере и северо-востоке области Пскова и Новгорода, Северная Двина и Беломорье, Вятская земля. Вместе с политическим объединением укреплялись экономические связи, росла межобластная торговля. Московский говор начал постепенно вытеснять местные наречия.

Происхождение самого московского говора вызывало разные споры. Наиболее солидно обоснована точка зрения на этот вопрос А. А. Шахматова (о ней уже говорилось), согласно которой средневеликорусские говоры, и московский в том числе,—это смешанные говоры, образовавшиеся вследствие столкновения «севернороссов» с «восточноруссами». Под «восточноруссами» Шахматов разумел возникшую на основе наречия древних вятичей южновеликорусскую диалектную группу. Есть предположение, что именно на этом «акающем» наречии говорила народная масса населения Москвы и Московского княжества, тогда как господствующая княжеско-боярская верхушка владимиро-суздальского происхождения говорила на «окающем» северновеликорусском диалекте. Но уже к концу XVI в. народное «акание» в Москве победило, и южновеликорусское наречие стало основой московского говора. Этому, видимо, содействовала опричная реформа Ивана Грозного 1560-х годов, вызвавшая большую передвижку населения. Она ускорила и распространение московского говора как господствующего по всему государству. В московских приказах вырабатывался в XVI—XVII вв. на указанной выше основе общерусский письменный язык, впоследствии послуживший для создания литературного языка. Политическое объединение, борьба с внешними врагами, культурный рост—все это содействовало развитию общерусского национального самосознания, которое едва билось в предыдущую эпоху феодального распада и монгольского порабощения. Рязанцы, суздальцы, новгородцы, москвичи привыкали чувствовать себя единым русским народом. В состав его вливались и обрусевшие неславянские элементы.

Параллельный процесс сложения народности на основе областных феодальных групп шел и в западнорусских областях. Они начали объединяться с XIV в. под властью литовских князей. Но в Литовско-Русском государстве культурно-господствующим элементом был восточнославянский. Государственным и литературным языком до XVI в. был русский-белорусский. Уния с Польшей (Люблинская уния 1569 г.) привела к росту польского засилья в Литве и ослабила культурную роль белорусов: господствующая панско-шляхетская верхушка стала постепенно полонизироваться, белорусскими остались народные массы, крестьянство.

В южных, украинских землях Литвы, особенно в западноукраинских областях, польское влияние было еще более сильным. В то же время эти южные области, открытые с юга для набегов татар, ногаев, турок, жили особой жизнью, вечно на военном положении или под угрозой вторжений, но временами и в мирном общении с этими южными соседями. Это различие исторических судеб северных и южных земель Литовской Руси, видимо, и привело к тому, что в них, хотя и в рамках единого государства, сложились две, правда близко родственные, народности—белорусская и украинская.

Три близких и братских народа—русский, украинский, белорусский—развивались, та-

[1] ЖМНП, 1899, апрель, стр. 63

ким образом, параллельно. Но это развитие происходило в постоянном взаимном общении. Древние культурные связи, несколько ослабленные политической рознью, не порывались. Немудрено, что в культуре трех восточнославянских народов до сих пор так много глубоко общих черт.

Вопрос об участии неславянских элементов в формировании восточнославянских народов. Одним из важных вопросов этногенеза восточнославянских народов является вопрос об историко-этнических связях этих народов с неславянским населением Восточной Европы. Принимали ли неславянские народы, в частности финские, участие в образовании русского народа?

По этому вопросу давно уже наметились две противоположные точки зрения, имевшие политико-националистическую почву, и одинаково неверные: великодержавно-великорусская и антирусско-польская.

Первая была ярче всего выражена еще в середине XIX в. историком Н. А. Полевым, который утверждал, что финны не принимали участия в формировании русской народности:

«Прозябая неподвижно на местах, ими издревле занимаемых даже и ныне, финны могут ли быть почтены народом, входящим в состав гражданского нашего общества? Нимало: это волчцы и дикие травы, растущие по нивам, засеянным животворными хлебными растениями»[1].

Смягченное отражение эта точка зрения нашла себе и в некоторых работах советского времени. Д. К. Зеленин в своей статье «Принимали ли финны участие в формировании русской народности» в конце 1920-х годов выступил с обоснованием того тезиса, что в образовании русского народа и русской культуры неславянское, в том числе финское население, никакого участия не принимало.

Эта теория совершенно неправильная, хотя Зеленин и пытался доказать ее данными и антропологии, и истории, и языка. Ошибочность ее была хорошо показана С. П. Толстовым в названной выше статье «К проблеме аккультурации».

В противовес этому взгляду был выдвинут еще в середине прошлого столетия другой, противоположный, но столь же неверный, состоящий в том, что русский народ по своему происхождению вообще не есть славянский народ. Такой взгляд защищался особенно известным публицистом середины XIX века польским эмигрантом Духинским, который в своих работах, написанных в Париже в эмиграции, доказывал, что русские—не славянский народ, а помесь финнов и тюрков, усвоившая себе некоторое подобие славянского языка. Это утверждение, вышедшее из кругов польской эмиграции в годы ожесточенной национальной борьбы, имело целью пресечь поползновения царского самодержавного правительства подчинить себе славянские народы под знаменем панславизма.

Духинский, впрочем, был не первый, кто стал отрицать славянство русского народа: до него это делали некоторые иностранцы—публицисты, дилетанты, начиная с венецианца Казановы, авантюриста конца XVIII в.; в 60—70-х годах XIX в. эта теория имела хождение в западноевропейской литературе в связи с господством антирусских настроений.

И в позднейшее время, даже в советской литературе, эта точка зрения нашла своих продолжателей. Одним из наиболее видных ее представителей был М. Н. Покровский, который, хотя не страдал никаким национализмом, писал и повторял, что в жилах современных русских течет не менее 80% финской крови.

Эта точка зрения является столь же (только в обратном смысле) односторонней и столь же ошибочной, как и точка зрения о чисто славянском происхождении русского народа.

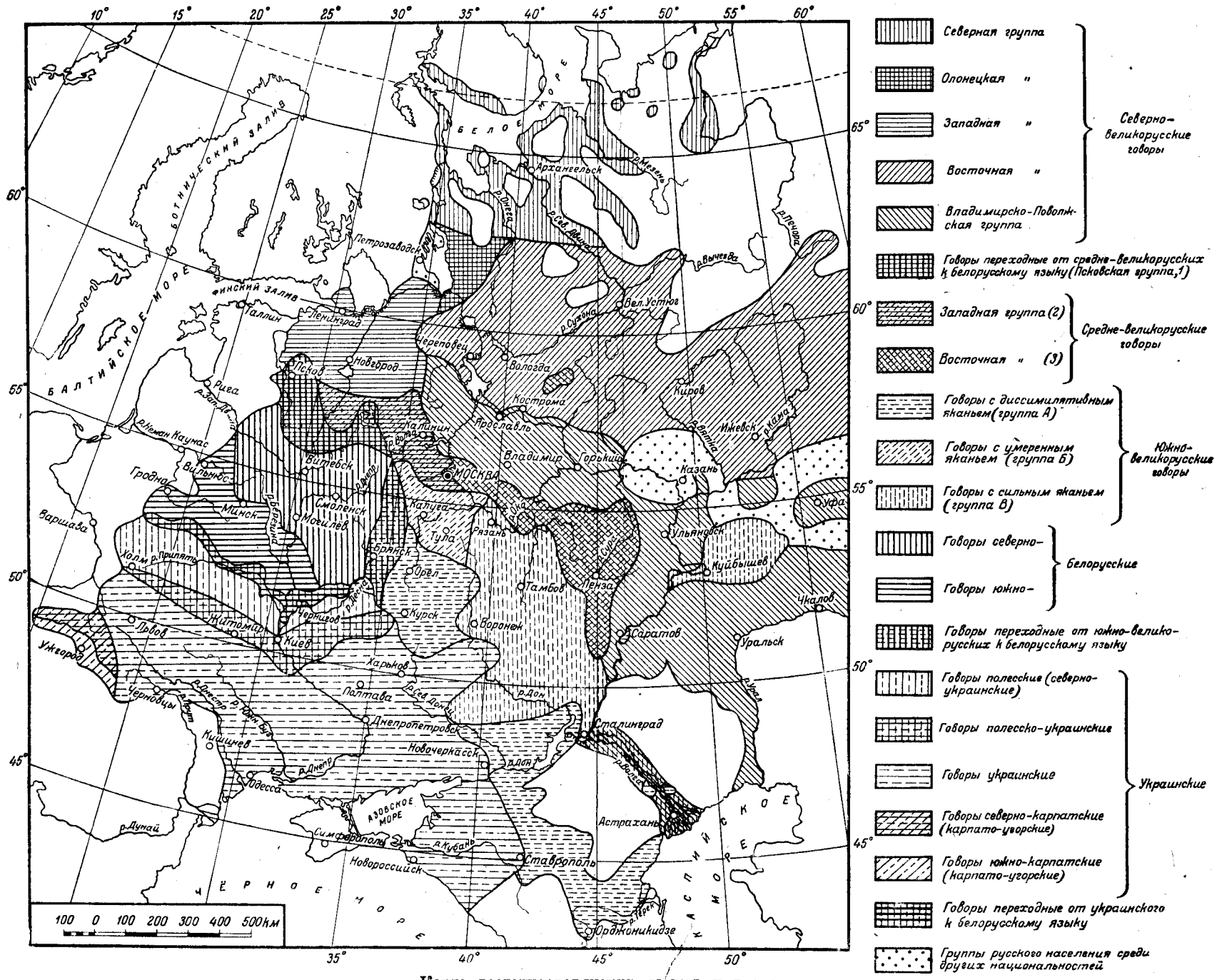
Значительно более правильную позицию занимал в этом вопросе В. О. Ключевский, который в 17-й лекции своего «Курса русской истории» указывал, что образование великорусской народности связано с колонизацией славянами из Приднепровья бассейна Оки и Верхней Волги и было результатом смешения славянских и местных финских элементов. Этот процесс он относил к XII—XIII вв. Точка зрения Ключевского, может быть, и не точна, в частности в отношении датировки. Самое появление славянских элементов в междуречье Оки и Волги, по-видимому, началось гораздо раньше. Но принципиально Ключевский стоял на правильной позиции, усматривая в великорусском населении наличие славянских и неславянских элементов.

Некоторые лингвисты установили (хотя эта работа не доведена до конца) наличие несомненно финских элементов в составе русской народности. Большая заслуга здесь принадлежит эстонскому лингвисту М. Веске, который в своей работе 1890 г. «К вопросу о славяно-финских культурных отношениях по данным языка» пытался показать большое количество финских элементов в русском языке. Правда, не все приводимые Веске примеры были убедительны. Но славяно-финская общность прослеживается действительно очень глубоко. Конечно, со своей стороны и русский народ оказал еще гораздо большее влияние на финские языки и культуру.

Наличие неславянского элемента совершенно несомненно и в составе украинской народности, вопреки утверждениям украинских националистов. Есть целый ряд признаков даже в материальной культуре украинцев, заимствованных от степняков-кочевников или общих тем и другим. Что касается белорусов, то происхождение их, очевидно, более однородно; но и в составе белорусского населения тоже имеются не-восточнославянские элементы.

Сколько восточнославянских народов? Несмотря на очевидную ясность взаимоотношений между тремя восточнославянскими народами, до последнего времени считался спорным вопрос о количестве этих народов: нужно ли считать, что мы имеем перед собой именно три народа или какое-нибудь другое число их? Причина обостренности этих споров лежит не в науке, а в области национально-политических интересов. Существовала великодержавная точка зрения, поддерживавшаяся до революции благодаря национально-угнетательской шовинистической политике царского правительства, что есть только один народ—русский, что украинцы не составляют-де народа, а являются лишь

[1] Н. Полевой. История русского народа, т. I. М., 1829, стр. 62—63.

Карта восточнославянских языков и диалектов

представителями одного из «наречий» русского языка. Такая же точка зрения существовала и в отношении белорусского языка. Некоторые лингвисты и этнографы держались действительно той точки зрения, что следует говорить только об одном народе, о русском, который делится на великороссов, малороссов и белорусов. Это было выражением насильственной обрусительной политики царского правительства.

Некоторые буржуазные ученые, в особенности украинские, отстаивали существование двух самостоятельных народностей: севернорусской и южнорусской, или украинской. На этой точке зрения стояла и часть западных ученых: Копитар, Миклошич, Шлейхер (по чисто лингвистическим основаниям), а в России особенно Костомаров (на основании историко-этнографических данных) и Потебня. Белорусов эти исследователи не считали самостоятельным народом и видели в них ответвление то великорусов (Потебня), то украинцев (Огоновский).

Эта точка зрения, признающая существование двух восточнославянских народностей, дожила почти до наших дней. Если по отношению к украинцам давно и твердо установлено, что они составляют особый народ, то в отношении белорусов и позднее продолжало держаться мнение, отрицающее за ними право считаться отдельным народом. Вопрос этот обсуждался даже на X съезде Коммунистической партии (1921), где было решительно заявлено, что белорусская нация существует, и у нее имеется свой язык, отличный от русского.

Наконец, есть еще одна точка зрения: что существует не три, а четыре народа, хотя все они русские. Эта точка зрения принадлежит акад. Шахматову. Она опирается на тот факт, что русские делятся на севернорусских и южнорусских, или северных и южных великорусов. Действительно, между северными и южными великорусами существуют заметные различия, прежде всего в отношении языка—северно- и южновеликорусское наречия,—а частью и по некоторым чертам культуры. Различия эти настолько характерны, что северные и южные великорусы, по мнению Шахматова, могут быть на равных правах сопоставлены с украинцами и с белорусами. На этой же точке зрения стоял и крупнейший знаток восточнославянской этнографии Д. К. Зеленин.

В некоторых отношениях здесь известная доля истины есть. Не только по языку, но и по многим культурным признакам северные и южные великорусы выступают как самостоятельные этнические группы. Однако в целом точку зрения Шахматова—Зеленина принять нельзя. Она совершенно не соответствует народному самосознанию. Понятия «северновеликорусы» и «южновеликорусы»—чисто искусственные научные термины, народу не известные. Ни один русский крестьянин никогда не скажет, что он «южновеликорус» или «северновеликорус», и даже едва ли сразу поймет, что это значит.

Вообще, по всей совокупности культурных признаков, по общности исторической жизни и по национальному самосознанию мы имеем перед собой именно три, совершенно сложившиеся народа, или нации, хотя, конечно, очень близкие между собой.

Этноним «Русь», «русские» является очень древним. О происхождении его было много споров. Многие историки, основываясь на рассказе летописца и на других соображениях, выводили его с севера, от варягов, либо от пруссов; другие считали его местным. В настоящее время почти все исследователи признали, что название «рос», «рус» связано исторически со средним Поднепровьем (р. Рось, приток Днепра и пр.).

Вплоть до недавнего времени—до революции—название «русские» употреблялось иногда очень широко, охватывая не только собственно русских (великорусов), но и белорусов и украинцев (малорусов). Но такое широкое понимание термина «русские» имело привкус великодержавного шовинизма, оно означало отрицание национальной самостоятельности украинцев и белорусов. Теперь в этом широком значении термин «русские» не употребляется.

Название «белорусы»—не совсем ясного происхождения. Термин «Белая Русь» употреблялся сначала только поляками и литовцами (первое упоминание в латинской форме «Alba Russia»—в хронике Чарыковского, 1382 г.). С XVII в. «Белая Русь» употребляется и в русских документах. О происхождении этого названия делались разные предположения: одни (Карский) связывали его с преобладающим белым цветом одежды и с светлыми волосами у белорусов; другие (Драгоманов) полагали, что «белая» Русь означала «вольная», т. е. не платящая дань татарам; третьи (Ильинский) выводили имя «Белая Русь» из древней топонимики бассейна р. Буга (Беловеж, Белосток, Бельск, Бяла), откуда впоследствии-де название распространилось на более широкую область.

Название «Украина» означало первоначально (XVI—XVII вв.) южную окраину Московского государства: «Северская Украина»—Курская и Черниговская обл., «Слободская Украина»—Харьковская и Полтавская обл. Южнее шло запустевшее от татарских погромов «дикое поле». Другие части теперешней Украины носили свои названия: Волынь, Подолия, Подляшье, Галичина, Запорожье, Новороссия. Вместо «Украины» иногда говорили «Малая Русь», «Малороссия»—название, которое тоже в более узком смысле относилось только к Черниговской, Полтавской и Харьковской губерниям. Лишь в XIX в., в связи с ростом национального самосознания, термин «Украина», «украинцы» получил широкое, общенациональное значение.

По переписи 1926 г. русских насчитывалось около 78 миллионов. По данным переписи 1939 г. это число возросло до 100 млн. Украинцев в 1926 г. исчислялось (в тогдашних границах СССР) 31 млн. После воссоединения украинского народа, присоединения западных украинцев количество их достигло 35,6 млн. Что касается белорусов, то численность их в 1926 г. была около 4 млн. Сейчас она достигает 8,7 млн.

Этнические подразделения русского населения: северные и южные великорусы. При всем замечательном национальном единстве русского народа в составе его выделяются некоторые местные группы, более или менее своеобразные и обособленные и представляющие большой интерес для этнографа. Образование некоторых из этих групп связано с историей расселения русского народа на занимаемой им территории или с позднейшими передвижениями; иные из них представляют смешанные или ассимилированные этнические образования, хотя по языку русские.

На коренной территории своего расселения русские (великорусы) делятся прежде всего на северных великорусов и южных великорусов. Это деление в основе языковое—оно связано с делением русского языка на северновеликорусское и южновеликорусское наречия (каждое с подразделением на говоры). Северновеликорусские говоры называются окающими, а южновеликорусские—акающими. Другое характерное различие состоит в разном произношении звука *г*, которое произносится как твердое (взрывное) *г* в северновеликорусских говорах и как мягкое (фрикативное, проточное) γ, сближающееся с украинским, в южнорусских говорах. Третье отличие—в форме произношения окончания третьего лица глагола: твердое *т* в севернорусских и мягкое в южнорусских говорах (идет, идут—идеть, идуть). Есть и ряд других различий.

Очень существенным обстоятельством для взаимоотношений северных и южных великорусских говоров было наличие средневеликорусских говоров промежуточной полосы, к числу которых принадлежит московский говор (о происхождении его уже говорилось). Его своеобразное положение определялось тем, что средневеликорусский московский говор как бы объединил в себе черты двух этих наречий. Это облегчило образование на основе московского говора—в эпоху создания Русского государства с центром в Москве—общерусского литературного языка. В самом деле, московский говор, как и другие средневеликорусские говоры, сближается в некоторых признаках, по аканию с южнорусским, а по произношению взрывных согласных и по окончанию третьего лица глагола—с севернорусским. Вокализм (система гласных) московского говора сближает его с южным, а консонантизм (система согласных)—с северным наречием.

Необходимо отметить, что и вообще, независимо от наличия средневеликорусских говоров, различия между северными и южными великорусскими говорами очень невелики. Они ни в малейшей мере не затрудняют взаимное понимание, например, новгородца и рязанца. Это единство языка имело огромное значение для консолидации русского народа, для развития в нем национального самосознания. В этом смысле, кстати, русский народ находится в более выгодном положении, чем некоторые другие народы Европы, языки которых, например французский или немецкий, распадаются на диалекты, друг для друга мало понятные.

Но, помимо чисто языковых различий, между северными и южными великорусами имеются и заметные различия в отношении культурного облика. Эти различия будут видны в дальнейшем при обзоре конкретного этнографического материала.

Особенно характерны областные группы среди южновеликорусского населения. Оно наиболее пестро по своему происхождению. Это объясняется историей заселения южной лесостепной и степной полосы России. Эта часть страны во время татарского владычества и постоянных набегов со стороны кочевников (XIII—XV вв.) в сильной степени запустела: население было уведено в плен, частью разбежалось, ушло на север. Только

в более лесистых областях оно сохранилось, спасаясь в лесах от нападений. По мере ослабления опасности со стороны степи, по мере расширения Русского государства на юг степная окраина стала заселяться вновь и в значительной мере выходцами из более северных областей.

Среди южных великорусов наиболее заметно выделяются следующие группы: «полехи»—жители Калужско-Орловско-Брянского Полесья, очевидно, потомки древнейшего населения этой лесной полосы, не уходившего вместе с жителями степи на север от нападения кочевников; «мещера»—население так называемой «Мещерской стороны», т. е. северной лесной части Рязанской области (левобережье Оки)[1].

Своеобразную группу составляют «однодворцы»—потомки служилых людей, которых правительство в XVI—XVII вв. селило по южной окраине государства для защиты степной границы. Эти служилые люди происходили в большинстве из замосковных уездов, т. е. были северно- и средневеликорусами, и несли с собой на юг характерный севернорусский культурно-бытовой уклад; по мере продвижения русской колонизации на юг и вторичного заселения степи этот мелкий служилый люд заселял уезды Рязанской, Курской, Воронежской и других степных губерний. Как социальный слой однодворцы занимали промежуточное положение между крестьянами и мелкими помещиками, не сливаясь ни с теми, ни с другими[2], и этим объясняется сохранение у них своеобразных особенностей в костюме, типе жилища и пр. Крестьяне относились к однодворцам несколько иронически. Об этом говорят характерные местные поговорки: «Сам барин, сам холоп, сам с крестьян оброк берет»; «тащил чорт однодворцев в коробе, да рассыпал под гору». Отдельные местные группы однодворцев получали от соседних крестьян насмешливые клички «щекуны», «галманы», «талагаи» и т. п. (Воронежской губ.). Были местные группы и крестьянского населения, известные под кличками по особенностям говора («цуканы», «ягуны», «кагуны» и пр.), а в XIX в. даже по фамилии бывших помещиков—владельцев этих деревень: «Репнинщина», «Голицынщина», «Гамаюнщина», «Карамыши» и др. Многие из этих местных групп обладают характерными культурными особенностями.

Среди северных великорусов в коренных областях их обитания меньше обособленных культурных групп и названий, ибо здесь было меньше передвижек населения[1]: здесь выделяются главным образом местные группы, известные под чисто географическими наименованиями: «онежане», «каргопольцина», «белозеры», «пошехонцы», «сицкари», «теблешане», ильменские «поозеры»—наиболее прямые потомки древних новгородцев и др.; несколько обособлены «тудовляне» бывш. Ржевского уезда, Тверской губ. (по р. Туд), по происхождению обрусевшие белорусы.

Обособленные этнические группы. Зато на окраинах коренной русской территории и в местах позднейшей колонизации сложились гораздо более своеобразные и обособленные культурно-географические типы русского населения. К числу их принадлежат прежде всего п о м о р ы на берегах Белого и Баренцева морей, живо описанные С. Максимовым («Год на севере»). Это потомки новгородских и «низовских» выходцев, появившихся здесь еще в XII в. Попав в непривычные условия, они выработали у себя совершенно своеобразный культурно-хозяйственный тип, основанный на преобладании промыслового приморского хозяйства (рыболовство и морская охота); смелые мореходы, предприимчивые промышленники, поморы выделяются и особыми чертами характера; но их материальная культура сохранила чистый северновеликорусский отпечаток.

Выделяются и более мелкие группы того же «поморского» происхождения: таковы, например, «усть-цилёмы» и «пустозёры» на Печоре.

Несколько обособленное положение сохранили з а в о л ж с к и е с т а р о о б р я д ц ы, заселившие леса по Ветлуге и Керженцу, уходя от преследований в XVII—XVIII вв. Их консервативный замкнутый быт, удержавший чисто национальные особенности в материальной культуре, в ста-

[1] По-видимому, это смешанная этническая группа, в состав которой вошла обрусевшая финская мещера. Хотя специально исследовавший материальную культуру русской мещеры Б. А. Куфтин не нашел здесь следов финского элемента, но новейшие исследования (Н. И. Лебедевой) подтверждают наличие таких следов.

[2] Ср. изображение этого характерного типа у Тургенева, например в рассказе «Однодворец Овсянников».

[1] Не случайно отмечается и в языковедении тот характерный факт, что в южновеликорусских областях налицо гораздо больше мелких местных говоров, чем в северовеликорусских (см. П. С. К у з н е ц о в. Русская диалектология. М., 1954, стр. 20).

ринных обычаях и верованиях, изображен чрезвычайно ярко и художественно в романах Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах».

Еще более своеобразно в культурно-бытовом отношении казачество, отдельные географические группы которого сложились в связи с колонизацией южных и восточных окраин страны, колонизацией частью вольной, частью правительственной, для вооруженной защиты границ. Самая ранняя по происхождению и в то же время самая крупная группа—это донское казачество, происхождение которого относится в основном к XVI—XVII вв. и которое составилось главным образом из беглого крестьянства и долго сохраняло свою политическую и тем более культурно-бытовую самостоятельность. В формировании донского казачества принимали участие разные местные и пришлые этнические элементы; среди «верховского» казачества преобладали великорусские элементы, среди «низовского»—украинские. У донских казаков отмечались архаические особенности в одежде и других сторонах быта. Своеобразный бытовой уклад их описан очень рельефно в произведениях Михаила Шолохова («Тихий Дон», «Поднятая целина»).

Уральское казачество, прежде называвшееся яицким, начало складываться с конца XVI в., главным образом из выходцев с того же Дона. Полоса станиц вытянулась по правому берегу р. Урала, прежнего Яика. Длительная борьба с кочевниками степи—казахами—наложила свой резкий отпечаток на всю их культуру и быт, подробно описанный И. И. Железновым («Уральцы»).

К тому же времени относится возникновение «гребенского» (терского) казачества, частью составившегося из тех же донских выходцев. Терские казаки мало изучены. Быт их художественно изображен Л. Н. Толстым («Казаки»). Прежде существовало также «оренбургское», «сибирское» и «семиреченское» казачество,—станицы этих казаков тянулись узкой полосой вдоль южной окраины бывш. Оренбургской губ., по северу Акмолинской и Семипалатинской областей, примерно от Оренбурга до Омска и вверх по Иртышу до Алтайских гор. Сейчас эти группы казаков растворились среди массы русского населения, хотя среди оренбургских казаков были и башкиры, татары, калмыки и др. Несколько более своеобразные черты быта сложились у забайкальских казаков, поселенных по русско-китайской границе во 2-й половине XVIII в. В состав Забайкальского казачьего войска (официально оформленного только в 1851 г.) тоже влились и нерусские части—бурятские и тунгусские казачьи полки.

Амурское казачье войско было образовано еще позже, после присоединения нижнего Приамурья к России (1860). Тогда же (1858—1862) начало создаваться и Уссурийское казачье войско. То и другое составилось из тех же забайкальских казаков, которых правительство перевело на новую границу. В самом конце XIX в. на Уссури была переселена еще группа донских и оренбургских казаков. Особого культурно-бытового уклада амурские и уссурийские казаки не успели у себя выработать. Они не успели до революции и обжиться на новых пустынных землях, в суровых условиях природы. Поэтому здесь, в отличие от Дона, Урала и других казачьих областей, была очень слаба зажиточная верхушка, а масса казачества бедствовала.

Русское население в Сибири в целом сформировалось лишь в новейшее время: русские начали проникать в Сибирь с конца XVI в. Современное русское население Сибири, однако, далеко не представляет собой единого целого ни по времени происхождения, ни по составу вошедших в него элементов. Сравнительно более отстоялось и выработало своеобразные черты быта и характера так называемое старожильческое население, т. е. потомки ранних поселенцев XVI—XVIII вв. Основным источником, из которого шли волны колонизации Сибири в ранний период, были области русского Севера и Северное Приуралье. Следы этого сохранились в сибирских старожильческих говорах, и в культурно-бытовых особенностях, и даже нередко в фамилиях, широко распространенных в Сибири: Холмогоровы, Двинянинновы, Устюжаниновы, Мезенцовы, Пермяковы и пр. Из южновеликорусских губерний пошел поток переселенцев в Сибирь в общем позже, во второй половине XIX века, и из этих элементов составились по преимуществу группы «новоселов», или «российских», как их называли сибирские старожилы. Между старожилами и новоселами в Сибири существовала накануне революции рознь на почве борьбы за землю; она обострилась в годы гражданской войны.

Но и само старожильческое население Сибири далеко от однородности, вопреки мнению сибирских «областников»-сепаратистов (Ядринцева, Потанина и других). Общесибирские черты в языке и быте крайне немногочисленны: к числу их относятся неко-

торые архаизмы в говорах—в фонетике и лексике—и отчасти своеобразные черты характера, выработанные переселенцами в условиях тяжелой борьбы с суровой и непривычной природой, а частью и с туземным населением. В качестве таких черт характера отмечаются обычно особая практичность сибиряка, решительность и настойчивость, храбрость и выносливость, но также и известная суровость, замкнутость и недоверчивость по отношению к посторонним. Этот тип сибирского «челдона»-крестьянина не раз описывался и в художественной литературе и в научно-публицистической (см. Н. М. Ядринцев. «Сибирь, как колония»). Но гораздо больше все же в Сибири местных различий. Они объясняются и неоднородностью происхождения переселенцев, и влиянием местного населения, с которым в той или иной мере смешивались поселенцы.

По материальной культуре довольно заметно различаются русские в Западной и Восточной Сибири. Еще резче выделяются более мелкие местные группы. Из них следует отметить прежде всего потомков ссыльных и беглых старообрядцев, которые до сих пор сохраняют свою обособленность от окружающего населения: это «кержаки» на Алтае, т. е. потомки выходцев с Керженца, называвшиеся прежде также «каменщиками» (ибо они укрывались в «камнях», в горах) и близкие к ним географически «поляки», переселившиеся в XVIII в. из ликвидированных старообрядческих скитов на р. Ветке (в тогдашней Польше, откуда и название); в Забайкалье замкнутую группу составляют «семейские»—потомки старообрядцев, сосланных сюда в XVIII в. с семьями; по языку семейские относятся, в отличие от алтайских кержаков, к южновеликорусской группе (см. роман Ильи Чернева «Семейщина», 1947).

Совершенно особый культурно-бытовой уклад сложился у русских, попавших на север: таковы «затундренские» крестьяне на севере Красноярского края, говорящие по-якутски и по быту не отличающиеся от коренного населения; русские крестьяне в Якутии, особенно по Лене (ямщицкие поселения) и на Амге; они сильно объякутились по языку и быту; этот своеобразный смешанный этнический тип прекрасно изображен в рассказах В. Г. Короленко («Сон Макара», «Государевы ямщики»), а позже подробно описан И. И. Майновым. Еще меньше русских национальных черт у колымчан, язык которых сильно искажен и национальное русское самосознание ослаблено («Какие мы йусские, мы койымский найод»); быт и язык их хорошо описан Богоразом. Напротив, жители Русского Устья на Индигирке лучше сохранили национальные русские особенности. Наконец, «камчадалы»—смешанное население Камчатки из обрусевших туземцев и русских поселенцев сильно выделяются говором и бытом, да и метисным антропологическим типом. Смешанную группу составляют также «марковцы», жители с. Маркова на Анадыре, в значительной мере обруселые чуванцы. Сейчас это старожилое русское население северо-восточных окраин называет себя «местными русскими».

За исключением последних, весьма малочисленных групп, все местные группы русского населения, даже самые обособленные и замкнутые, сохраняют повсеместно поразительно ясное сознание национального единства. Они везде считают себя русскими и в большинстве случаев удерживают в своей материальной культуре, обычаях и преданиях самобытные русские особенности. В настоящее же время и наиболее изолированные группы русского населения сливаются с основной его массой и теряют сознание своей этнической обособленности.

Украинцы, их подразделения. Что касается украинского народа, он гораздо более однороден по культурно-географическому составу, чем русский народ. Это достаточно объясняется тем, что занимаемая им территория более ограниченна. Однако различия исторических судеб и отчасти географических условий породили известную неодинаковость в культурно-бытовом укладе. Некоторые культурные различия существуют между левобережной и правобережной Украиной: последняя больше испытала на себе польское влияние. В Западной Украине, бывшей Галиции и Буковине, где украинское население долгое время находилось под чужеземной властью и где особенно сильно было польское влияние, основная масса украинского населения сохраняет тем не менее свою национальную культуру. Оно считает и называет себя русскими («руський», «русин»), а в литературе часто обозначается как «русины», или (у немцев) «рутены». Несколько более обособлено по культуре украинское население Закарпатской (Подкарпатской) Руси, издавна находившееся под властью Венгрии. Мадьярское влияние там очень сильно, и многие группы карпато-украинского населения в известной мере омадьярились. Однако основная масса насе-

ления сохранила свою национальность и родной язык.

Но наибольшую обособленность и самобытность обнаруживают горные украинцы, живущие в Карпатах: гуцулы, бойки и лемки. Первые из них живут по обе стороны Карпатского хребта, в Коломыйском и Косовском районах, Станиславской области (бывш. Галиция), в Раховском районе Закарпатской области и в приграничных районах Черновицкой области (Буковины). Гуцулы—совершенно своеобразная группа, быть может, остаток какого-то особого племени; происхождение самого названия «гуцул» неясно. Видно, это румынское слово, во всяком случае окончание его—известный румынский постпозитивный член. Бойки—западные соседи гуцулов, живущие в горах Стрыйского и Самборского районов. Слово «бойки»—насмешливая кличка от слова «бой» («только») и для населения несколько обидная («Якій я бойко! Я такій же русін, як ти»). Теперь их чаще называют верховинцами. Лемки живут еще дальше к западу, в Бескидах и верховьях Сана. Название их—тоже насмешливое прозвище (от «лем»—«только»). После проведения новой границы с Польшей часть лемков переселилась в равнинные районы восточной части Украины. Все эти три горноукраинские группы сохранили в своем культурно-бытовом облике много старинных самобытных черт.

Одна из обособленных украинских групп новейшего происхождения—кубанские казаки. Ядро этой группы составили запорожские казаки, поселенные в низовьях Кубани в конце XVIII в. (в 1792 г.), после уничтожения Екатериной II Запорожской Сечи. Их наименовали тогда «черноморскими казаками», впоследствии (1860)—кубанскими. В 1-й половине XIX в. для увеличения численности этой казачьей группы туда переселили свыше 10 тысяч человек из украинских губерний. Но в новейшее время на Кубани, особенно в верхнем ее течении, появилось много и великорусов, так что современное население Прикубанья смешанно по национальному составу.

В течение XIX и начала XX в. украинские поселения появились далеко за пределами Украины—в Сибири, Казахстане, на Дальнем Востоке. Но какого-либо особого культурного типа среди этих украинских переселенцев нет.

Белорусы. Белорусский народ из всех трех восточнославянских народов наиболее един и монолитен уже в силу компактности занимаемой им территории. Говоры белорусского языка—юго-западные и северо-восточные—различаются между собой очень мало. Культура белорусов однородна, хотя на окраинах белорусской территории, естественно, налицо влияние соседних народов или даже примесь их: на востоке—великорусская, на юге—украинская, на западе—польская и литовская. Но эти влияния не порождают особых этнических типов, а лишь промежуточные и переходные группы.

Такими переходными группами являются, в частности, «пинчуки» и «полещуки»—обитатели пинского и черниговского Полесья в южной части Белорусской ССР. Их переходные говоры сформировались на основе украинских диалектов, ввиду чего на старых диалектологических и этнографических картах их относили обычно к украинцам. Однако экономически и культурно они тяготеют к белорусской территории и сейчас входят в белорусскую нацию.

2. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Этнография восточнославянских народов принадлежит к числу сравнительно хорошо разработанных областей нашей науки. Материалы по быту и культуре восточных славян накапливались с самого возникновения русской письменности (летописи, «Русская Правда», «Слово о полку Игореве» и др.). Сборники произведений народного творчества, народных поверий, обычаев и пр. начали публиковаться с 70-х годов XVIII в.[1].

[1] М. Д. Чулков, Краткий мифологический лексикон, 1767; Собрание разных песен, ч. 1—4, 1770—1774; Русские сказки, ч. 1—10, 1780—1783; Словарь русских суеверий, 1780. Мих. Попов, Краткое описание славянского баснословия, 1768; «Собрание 4291 древних российских пословиц». М., 1770; Вас. Трутовский, Собрание русских простых песен с нотами, 1776—1795; Иван Прач, Собрание русских народных песен с их голосами, 1790; Гр. Калиновский, Описание свадебных украинских простонародных обрядов, СПб., 1777; Яков Маркович, Записки о Малороссии, 1798; «Древние Российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым», 1804.

Ближайшей причиной этого был общий рост культурного уровня России, появление, хотя и немногочисленной, интеллигенции, а конечной причиной—начавшееся расшатывание феодально-крепостнических устоев общества, великая крестьянская война—восстание Пугачева. В самом конце века, в 1799 г., вышло 2-е расширенное издание огромного «Описания всех обитающих в Российском государстве народов», где самое большое место было уделено русским (и украинцам)[1]; автор этих глав М. И. Антоновский нарисовал широкую картину всех сторон тогдашней русской жизни. С 1-й половины XIX в. все более размежевывались два основные направления в изучении русского народного быта и культуры: консервативно-реакционное, представители которого—Снегирев, Сахаров, Пассек, Даль, Терещенко, Киреевский, Афанасьев и др.[2]—идеализировали народную старину и патриархальный сельский быт, и прогрессивное, революционно-демократическое, представленное декабристами, Белинским, Герценом, позже Добролюбовым и революционерами-народниками 60—70-х годов и близко к ним стоявшими этнографами-собирателями[3]; это направление видело конечную цель изучения быта народа в том, чтобы уметь лучше бороться за освобождение народа.

До 1860-х годов предметом преобладающего интереса в изучении народа было главным образом его художественное творчество, фольклор. С 60—70-х годов в связи с ломкой феодально-крепостнических пережитков, распадом общинного быта русской деревни на первый план выдвинулись вопросы общественной жизни, народные юридические обычаи, семейный уклад и т. п. (работы Н. Калачова, П. С. Ефименко, А. Я. Ефименко Е. И. Якушкина и др.[1]). К концу XIX в. развитие музейного дела, краеведческая деятельность на местах породили интерес также и к материальной культуре народа: появляются описания сельских построек, одежды, земледельческих орудий и пр.

Особенно усилилась эта собирательско-исследовательская этнографическая работа в советские годы, когда бурный рост культуры и в центре и на периферии, пробуждение самих народных масс к культурной жизни—все это вылилось в создание обширной музейно-краеведческой сети, организацию научных экспедиций, систематическое собирание этнографических коллекций, появление множества научных публикаций.

В настоящее время русская, украинская, белорусская этнографическая литература весьма богата монографическими описаниями, исследованиями отдельных вопросов и сторон народной жизни, описаниями и очерками, посвященными быту и культуре отдельных областей, районов, деревень. Зато, к сожалению, мало имеется сводных работ по этнографии восточных славян и по отдельным общим вопросам культуры русского, украинского и белорусского народов. Народы эти настолько велики по численности и занимаемой ими территории, что действительно чрезвычайно трудно дать общее сводное описание быта и культуры всех территориально весьма разбросанных и разнообразных его частей, описание, где бы учитывались все местные особенности, все культурные связи и взаимоотношения. В сущности говоря, в настоящее время, если не считать совершенно устаревших сводных работ по русской этнографии,

---

[1] «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», 2-е изд., ч. 4, 1799: главы «О владычествующих Россиянах» и др.

[2] И. Снегирев, Русские в своих пословицах, кн. 1—4. М., 1831—1834; Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 1—4. М., 1837—1839; Русская народная галлерея или лубочные картинки. «Отечеств. записки», 1822, т. 12 и др.; И. П. Сахаров, Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, ч. 1, 1836, ч. 2, 3, 1837 и др.; Вадим Пассек, Очерки России, кн. 1—5. М., 1838—1842; В. Даль (казак Владимир Луганский), Русские сказки. СПб., 1832; Пословицы русского народа, М., 1862; Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—3. М., 1863—1865; А. Терещенко, Быт русского народа, ч. 1—4, СПб., 1848; А. Афанасьев, Народные русские сказки, вып. 1—8, 1855—1864; Русские народные легенды, 1859; Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1—10, 1860—1874.

[3] См. В. К. Соколова, Взгляды и исследования декабристов в области этнографии и фольклора. «Сов. этнография», № 2, 1953; Б. И. Богомолов, Борьба В. Г. Белинского за научное собирание и издание народной поэзии, там же, № 1, 1949; В. Е. Гусев, Герцен и народная поэзия, там же, № 3, 1951; В. Е. Гусев, Добролюбов и проблемы фольклористики, там же, № 4, 1950; Л. Н. Пушкарев, К истории революционно-демократической этнографии; И. А. Худяков (там же, № 3, 1949); И. Г. Прыжов, Очерки, статьи, письма, 1934; А. П. Разумова, Из истории русской фольклористики — П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко. М.—Л., 1954. Сочинения Павла Якушкина, СПб., 1884.

[1] Н. Калачов, Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864; П. С. Ефименко, Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, 1877; А. Я. Ефименко, Исследование народной жизни на Севере. М., 1876., Е. И. Якушкин, Обычное право. Материалы для библиографии обычного права, вып. 1—4, 1875-1909 и др.

можно назвать только одну большую этнографическую сводку. Это работа Зеленина, «Russische (Ostslavische) Volkskunde» (1927). Она содержит много фактического материала, но в ней много и ошибок, в том числе и принципиального характера. По украинской этнографии имеется сводная работа Ф. К. Волкова «Этнографические особенности украинского народа» (сборник «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. 2, П., 1916), но она очень неполна и тоже не лишена существенных ошибок, вытекающих больше всего из буржуазно-националистических взглядов автора. По белорусам есть капитальная сводка Е. Ф. Карского «Белоруссы» (1903—1922 , тт. 1—3), но она освещает лишь некоторые стороны народной жизни.

В общем полная сводная работа по этнографии русских, украинцев, белорусов остается фактически еще не решенной задачей. Разнообразие отдельных местных культурных типов восточнославянского населения требует тщательного собирания материалов по отдельным географическим областям[1].

Дать полный обзор явлений материальной культуры, общественного быта, духовного творчества восточнославянских народов в рамках общего курса совершенно невозможно. Даже специальными этнографическими исследованиями охватывается только часть этих явлений. Мы ограничим свое рассмотрение только важнейшими, наиболее показательными и притом сравнительно лучше изученными сторонами материальной культуры восточных славян с целью подчеркнуть, с одной стороны, исконное единство восточнославянской культуры, с другой—отдельные исторически сложившиеся культурные типы внутри восточнославянского населения и, наконец, отметить те культурные связи, которые существовали и существуют между восточными славянами и их соседями. С этой целью мы остановимся на следующих явлениях народной культуры: основы хозяйственного быта, элементы земледельческой техники, затем типы поселений и крестьянской народной архитектуры, типы одежды, некоторые стороны общественного быта, верования, народное искусство.

[1] Уже во время печатания настоящей книги вышел в свет «Восточнославянский этнографический сборник» (М. 1956), где дается очень полное описание некоторых важнейших сторон материального быта русских, украинцев и белорусов—поселений, построек, одежды, техники прядения и ткачества.

ХОЗЯЙСТВО

Основные черты экономики восточных славян. Русские, украинцы и белорусы—народы старой земледельческой культуры. Земледельческие традиции эти народы унаследовали еще от своих дославянских предков: возделывание хлебных растений было известно в Восточной Европе еще в неолитическую эпоху—в 3-м тысячелетии до н. э. Восточнославянские племена в конце 1-го тысячелетия н. э. были настоящими земледельцами. Некоторые историки (Ключевский, Рожков) предполагали, правда, что в то время у них преобладал еще охотничий быт, но это мнение опровергнуто прежде всего археологическими данными. Даже северные лесные славянские племена занимались земледелием, только оно было другого типа—подсечное. С развитием капитализма и городов земледелие оставалось занятием подавляющего большинства русского, как и белорусского и украинского, народа. В эпоху социализма, с индустриализацией нашей страны, земледельческое хозяйство нисколько не утрачивает своего огромного народнохозяйственного значения.

Рядом с земледелием другие отрасли и направления хозяйства имели для восточнославянских народов второстепенное, хотя порой важное значение. Разведение домашних животных имеет не меньшую древность, чем культура растений, и в хозяйстве крестьянина оно всегда было важным подспорьем. Рыболовный, охотничий и другие лесные промыслы до сих пор сохраняют крупное значение в северных областях. Наконец, обрабатывающая промышленность всегда занимала видное место в экономике русского населения; до эпохи капитализма она была почти целиком мелкой, кустарно-ремесленной, в XVIII—XIX вв. начала расти и крупная. В советскую эпоху крупная социалистическая промышленность заняла ведущее место в народном хозяйстве РСФСР, УССР и БССР.

Земледелие: ассортимент культурных растений. Первое место в земледельческом хозяйстве восточнославянского населения всегда занимали и продолжают занимать зерновые культуры. Из них для русских и белорусов главная—рожь, для украинцев—пшеница. В русском быту рожь всегда рассматривалась как народный, мужицкий хлеб, а пшеница—как барский. «Рожь-матушка всех кормит, а пшеничка кормит по выбору». В северных областях, где и рожь вызревает плохо, главную роль в крестьянском хозяй-

стве играл ячмень. В некоторых степных районах, особенно у украинцев, крупное значение приобрела кукуруза (новая для Европы культура). В народном языке отразилось это различие удельного веса разных культур. Преобладающий в данной местности хлеб народ обычно называет «житом» (от корня «жить»): в северных областях (Новгородской, Архангельской и др.) «жито»—это ячмень, в других великорусских областях, а также у белорусов и украинцев, «жито» значит рожь[1].

И в северной и в южной полосе много сеют овса, главным образом на корм скоту. В северной полосе распространена также гречиха, в южной—просо, один из древнейших видов хлебных растений. С конца XVIII в. в южных районах начал распространяться подсолнечник—растение американского происхождения, очень засухоустойчивое. Сначала он употреблялся только как декоративное растение и шел на «семячки» (вместо орехов), сеяли его мало; но с 1840-х годов, когда начали изготовлять подсолнечное масло (изобретение крепостного крестьянина Бокарева, Воронежской губ.), культура подсолнечника быстро получила широкое распространение среди украинцев и южных великорусов. В северных областях отчасти аналогична была судьба культуры картофеля. Он тоже происходит из Америки и до XVIII в. в России был неизвестен. С 1760-х годов администрация стала вводить посевы картофеля среди крестьян, но делала это неуклюжими бюрократическими мерами, и народ принимал новую культуру весьма неохотно, имели место даже «картофельные бунты»; суеверное население, особенно старообрядческое, считало картофель «чортовым яблоком». Лишь со 2-й половины XIX в. картофель прочно вошел в крестьянское хозяйство, особенно у русских и белорусов. Однако недавнее его внедрение в быт сказывалось и позже в том, что с картофелем не связано, в отличие от хлеба, ни одного обряда, ни одного поверья у народа.

Огородные культуры всегда играли крупную роль в хозяйстве русских, белорусов и украинцев. Из них особенно выделяются капуста, редька, репа, лук, у украинцев—свекла, фасоль. Плодовые сады распространены только у южных великорусов и особенно у украинцев: больше всего яблони, вишни (вишневые насаждения—характерная черта украинского села).

Из технических культур традиционными являются лен (особенно на севере и в Белоруссии), конопля (в центральных районах). Среди украинцев издавна развито табаководство.

В настоящее время ассортимент возделываемых растений в связи с общей реконструкцией сельского хозяйства очень расширился. Многие культуры продвинулись в более северные широты. В колхозах вводятся новые сорта растений, выведенные новой мичуринской агротехникой. Укоренилась культура посевных трав, прежде знакомая только помещичьим хозяйствам.

Системы земледелия. Под системами земледелия разумеются различные способы использования земли под посевы растений. История и хозяйственное значение их были впервые серьезно исследованы проф. А. В. Советовым («О системах земледелия», 1867). На сельском хозяйстве восточных славян можно проследить все стадии развития систем земледелия, начиная от самых примитивных и вплоть до наиболее передовых.

В северных, лесистых и малонаселенных областях до самого недавнего времени сохранялись остатки так называемого подсечного, или подсечно-огневого хозяйства. Оно заключается в том, что участок леса, где намечено сеять хлеб, вырубается, и срубленные деревья следующей весной сжигаются, причем зола от пожога обильно удобряет землю. На такой «лядине» («ляде»), иногда даже без распашки ее, сеяли ячмень, рожь, лен и т. п., заборанивая разбросанное зерно. Такая хорошо удобренная земля давала, несмотря на плохую обработку, хорошие урожаи в течение нескольких лет. Когда участок истощался, его забрасывали и переходили к другому. Подобная весьма экстенсивная, варварская система хозяйства была возможна, конечно, только при крайне редком населении, обилии леса, и, кроме того, она требовала соединенного труда больших коллективов—обычно патриархальных семейных общин. С середины XIX в. подсечное земледелие в северных областях России стало постепенно исчезать, заменяясь более совершенными методами, но кое-где оно сохранялось почти до наших дней.

Аналогичная, весьма экстенсивная форма земледельческого хозяйства сложилась в степной полосе юга России, частью в Украи-

[1] То же отмечено и в других славянских языках. У поляков и чехов «жито»—это рожь, у словаков—пшеница. Болгары и сербы называют «житом» всякий зерновой хлеб, но в Черногории «житом» называется кукуруза, которой там по преимуществу питается народ.

не и Сибири, пока население ее оставалось редким и земли было много. Это так называемая переложная (или залежная) система. Хозяин запахивал любой приглянувшийся ему участок степи и сеял на нем несколько лет подряд одни и те же или разные растения, без всякого удобрения и без определенного порядка, а истощив участок, забрасывал его и переходил к следующему. Черноземная почва давала хороший урожай, а навозное удобрение считалось при этом даже вредным. По мере более густого заселения степной полосы переложная система земледелия тоже выходила из употребления. В Сибири она сохранялась до 80—90-х годов XIX в. В последние годы в ходе освоения целинных земель были распаханы колхозами и совхозами и залежные земли.

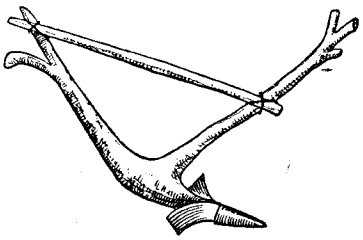
Более культурные системы земледелия—«паровые», основанные на правильном чередовании посевов и «пара» и на применении удобрения. Из них наиболее распространена была у русских трехпольная система. При ней вся площадь пашни делилась на три приблизительно равные части; из них одна засевалась озимым хлебом—рожью, пшеницей, другая яровым—овсом, третья оставалась под паром, т. е. отдыхала и получала навозное удобрение; на следующий год озимый «клин» превращался в яровой, яровой в пар, а пар распахивался под озимь. Эта система известна по письменным данным с начала XVI в., а к концу XIX в. она господствовала почти по всей русской территории. При трехпольной системе не используется под посев только одна треть всей пахотной площади, а регулярно вносимое удобрение постоянно восстанавливает плодородие почвы. Данная система поэтому оказалась очень устойчивой. Но она очень консервативна, с трудом допускает введение новых культур, дает невысокие урожаи. Сохранение этой системы, тормозившей дальнейший рост производительных сил, поддерживалось общинной организацией с ее чересполосицей и обязательным севооборотом. В эпоху развития капитализма стали делаться попытки найти более совершенную систему земледелия. Местами стали развиваться товарные культуры, ломавшие трехпольный севооборот: промышленное разведение подсолнечника в бывш. Воронежской губ., культура сахарной свеклы в некоторых южных районах, хмелеводство—особенно в так называемых «Гуслицах» (по р. Гуслице в смежных районах Московской и Рязанской губ.), также около Костромы, Касимова, Суздаля и др., товарная культура картофеля в бывш. Даниловском у., Ярославской губ., для изготовления патоки и др. В помещичьих и кулацких хозяйствах трехполье стало сменяться многопольем и так называемой плодосменной системой, без пара, с интенсивным удобрением. Эта плодосменная система рассматривалась и рекламировалась как высшее достижение агротехники, и вплоть до новейшего времени она действительно была наиболее передовой, давала высокие урожаи. Но советское социалистическое земледелие на основе работ русских ученых В. В. Докучаева, В. Р. Вильямса сделало новый огромный шаг вперед—создало «травопольную» систему с введением в севооборот посевных трав, восстанавливающих не только плодородие, но и структуру почвы, на что не обращало внимания капиталистическое земледелие. Эта система теперь введена в нашем колхозном земледелии средней полосы Европейской части СССР.

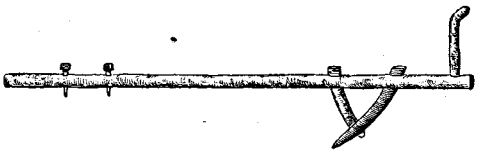
Техника обработки земли. Пахотные орудия. Восточнославянское земледелие издавна плужное (пашенное). Основная обработка земли производится пахотным орудием с использованием рабочей силы скота, а теперь обычно трактора. Развитие пахотных орудий представляет большой интерес для этнографа.

Есть обывательское мнение, что русский крестьянин всегда пахал сохой, будто бы везде и всюду одинаковой. Это мнение глубоко ошибочно. Русская соха представляет множество разновидностей, позволяющих проследить ее эволюцию; если же прибавить к этому украинские и белорусские формы пахотных орудий, то разнообразие будет еще больше. Чтобы дать понятие об этом разнообразии, достаточно сказать, что в одной бывш. Вятской губ., по исследованию Д. К. Зеленина, можно было насчитать до 30 видов сохи, и все они имели свои местные названия.

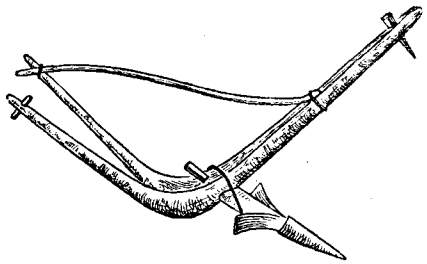
Изучение эволюции пахотных орудий затрудняется тем, что не вполне выяснено их происхождение и не установлена как следует классификация их типов. Классифицируют их по разным принципам: по формально-морфологическим признакам, по функции или по способу действия, наконец, с генетической точки зрения.

По устройству рабочей части пахотные орудия делят на плуги с полозом (подошвой, пятой) и плуги и сохи, не имеющие такового. К первому типу принадлежит большинство западно- и южноевропейских плугов. У них сошник насаживается на горизонтальный «по-

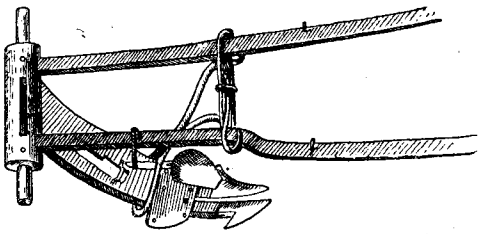

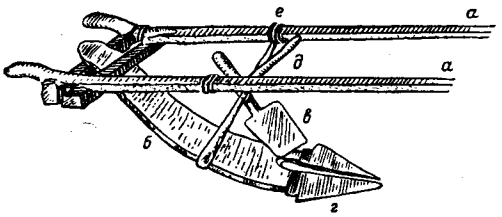
Старинное украинское рало

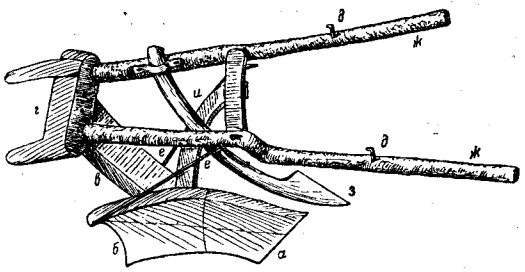
Старинные белорусские «сошки»

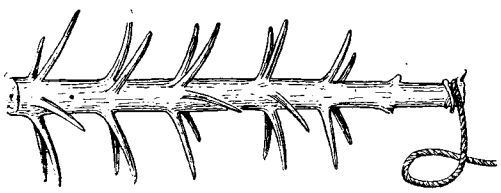
Соха с «брылой» (Вятская губ.)

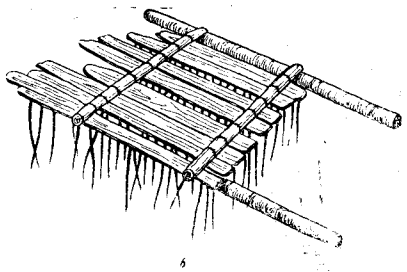
Соха с перекладной полицей (Пермская губ.): *а*—обжи (оглобли); *б*—расссоха; *в*—поли́ца, отвал, присох; *г*—лемехи (сошники); *д*—пе́речень, спо́рник, веретено; *е*—подвои

Соха «косуля» Костромского типа (Вятская губ.); *а*—лемех; *б*—отвал; *в*—плотина; *г*—рогаль; *д*—крючки для пристяжки лошади; *е*—подвои железные; *ж*—оглобли; *з*—отрез; *и*—стужень (грядиль)

а

б

Старинные бороны: *а*—вершалина; *б*—смык

лоз»—нижнюю часть орудия, на которой оно может устойчиво стоять; полоз опирается в землю, и при работе пахарь только направляет плуг. К типу орудий без полоза (неустойчивых) принадлежат все восточнославянские пахотные орудия—сохи и др. Пахарь при работе налегает на соху руками, чтобы она глубже входила в землю, что невозможно при плуге с полозом. Неустойчивые пахотные орудия—без полоза—делят на одноральные (однолемешные, однозубые) и двуральные (двулемешные, двузубые): к первым принадлежали старинное украинское «рало», русская однозубая «черкуша», белорусская однозубая «сошка» и др.; двуральные же орудия—это различные виды русской и белорусской сохи.

И одноральные и двуральные орудия можно подразделить по форме и расположению сошников на две категории: симметричные и асимметричные плуги и сохи. Первыми можно пахать взад и вперед с одного края поля (способ «бустрофедон»); вторыми—только в одну сторону, поэтому ими пашут кругом поля. Русские сохи бывают и той и другой категории.

По способу движения пахотные орудия подразделяют на орудия с колесным передком—собственно плуги—и без колесного передка—рала, сохи.

Д. К. Зеленин предложил классифицировать пахотные орудия по типу действия: орудия «черкающего» типа—наиболее примитивные, которые только слабо бороздят почву; орудия «пашущего» типа—более совершенные, которые при своем движении разрыхляют почву и увлекают частицы ее за собой; и орудия «орющего» типа, наиболее развитые, которые подрезают и переворачивают пласт земли. Эти три типа можно рассматривать как три стадии развития. Среди восточнославянских пахотных орудий большинство принадлежит ко второму и третьему типам[1].

Наконец, можно классифицировать пахотные орудия по их происхождению. Одни происходят, как предполагается, от ручной мотыги, другие—от заступа. То и другое относится прежде всего к одноральным орудиям. Что касается русской двузубой сохи, то есть предположение (П. Н. Третьякова), что она восходит генетически не к мотыге и не к заступу, а к бороне, которая на севере была более древним орудием обработки земли (при подсечной системе хозяйства). От бороны произошла многозубая соха (ныне не сохранившаяся). Трехзубая соха употреблялась еще не так давно—на севере до начала XIX в. Впрочем, и украинское рало иногда имело 3—4—5 зубьев. Чем более сокращалось число зубьев (сошников), тем более увеличивалась глубина вспашки. Наиболее обычным типом русской сохи в XIX в. стала двузубая **соха.**

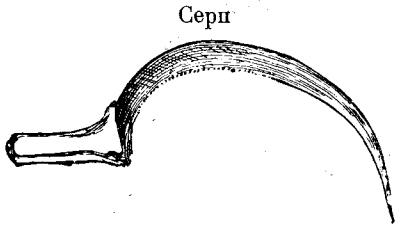
Известны две основные ее формы: так называемая коловая и перовая соха. Они различаются по форме сошников. Коловая (узколемешная) соха имеет шилообразные, круглого сечения, тупые, но прочные сошники, без отвалов. Этот тип сохи был хорошо приспособлен для обработки каменистых и залесенных почв; при встрече с камнями и корнями такая соха не ломалась, а перескакивала через них. Такие почвы преобладают на нашем северо-западе, в озерном крае и Прибалтике; там и была распространена коловая соха как у русских, так и у других народов. В центральной же полосе России, у южных и средних великорусов, была распространена перовая соха: сошники ее имеют расширения в виде треугольника (в народном языке «перо»), отходящие в полевую сторону, вправо и влево от средней оси. Эти расширения—зачаток отвала. Кроме того, эта соха имеет всегда перекладную «полúцу», небольшую лопаточку, прикрепляемую к сошнику (правому и левому поочередно) и играющую роль отвала. Такая соха была более приспособлена для легких лесных почв центральной лесной и лесостепной полосы.

«Соха» упоминается в наших письменных памятниках с XIV в. В более ранних текстах говорится о «рале» или «плуге». Можно думать, что настоящая двузубая соха (слово «соха» означает в русском языке вообще нечто раздвоенное, развилку) появилась именно в то время в связи с интенсивной земледельческой колонизацией центральной лесной полосы.

Главные недостатки сохи—это то, что она берет неглубоко и не переворачивает пласта. В связи с ростом сельскохозяйственной техники уже давно делались попытки усовер-

[1] Дм. Зеленин. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907.

Серп

шенствовать соху. Возник целый ряд таких усовершенствованных форм: сохи-односторонки, с асимметричным расположением сошников, сохи с «брылой» (Верхнее Поволжье), где край левого сошника приподнят; особенно интересна «косуля», широко распространенная в прошлом в северо-восточных областях Европейской России: в ней остался только один сошник, а другой заменен ножом, укрепленным несколько впереди, лезвием вперед, как делается и на наших современных плугах; этот резец подрезает пласт, прежде чем сошник его поднимет. В Сибири получила распространение «колесуха»—соединение сохи с колесным передком. На Урале с 1860—1870-х годов сделалась очень популярна так называемая «курашимка»—тип плуга с полозом, но местного изобретения.

Таково было развитие самобытных пахотных орудий у русских. У белорусов были сходные формы. У них вплоть до начала коллективизации сохранялась примитивная «сошка», легкая, однозубая или двузубая, с небольшими отвалами по обеим сторонам. Более обычной была «саха», напоминающая русскую коловую соху.

У украинцев, жителей степи с ее тяжелой и мощной черноземной почвой, сложились иные типы орудий. В старину употреблялось примитивное «рало», состоявшее из длинного дышла и прикрепленного к нему под острым углом ральника; он иногда даже не имел железного лемеха. Но уже с давних времен у украинцев применялся и тяжелый колесный плуг с двумя асимметрично расположенными сошниками, забиравший глубоко, но требовавший большой тягловой силы—до 8 пар волов. Такой плуг был приспособлен для глубокой вспашки. По мнению некоторых археологов, плуг, притом с полозом, появился на территории Украины еще в докиевский период—в VI—VIII вв.

Способы запряжки рабочих животных в плуг и самые виды этих животных были различны. У русских всегда употреблялась исключительно лошадь, притом только одна, и запряжка была поэтому оглобельная («обжи») с хомутом. У украинцев запрягались волы, одна или несколько пар, и упряжка была дышловая, с ярмом. Такую же упряжку употребляли и белорусы, но запрягали часто быка с коровой, быка с лошадью, а иногда и одно животное, но и в этом случае соха имела не оглобли, а короткое дышло с приделанной к нему спереди рамой с ярмом.

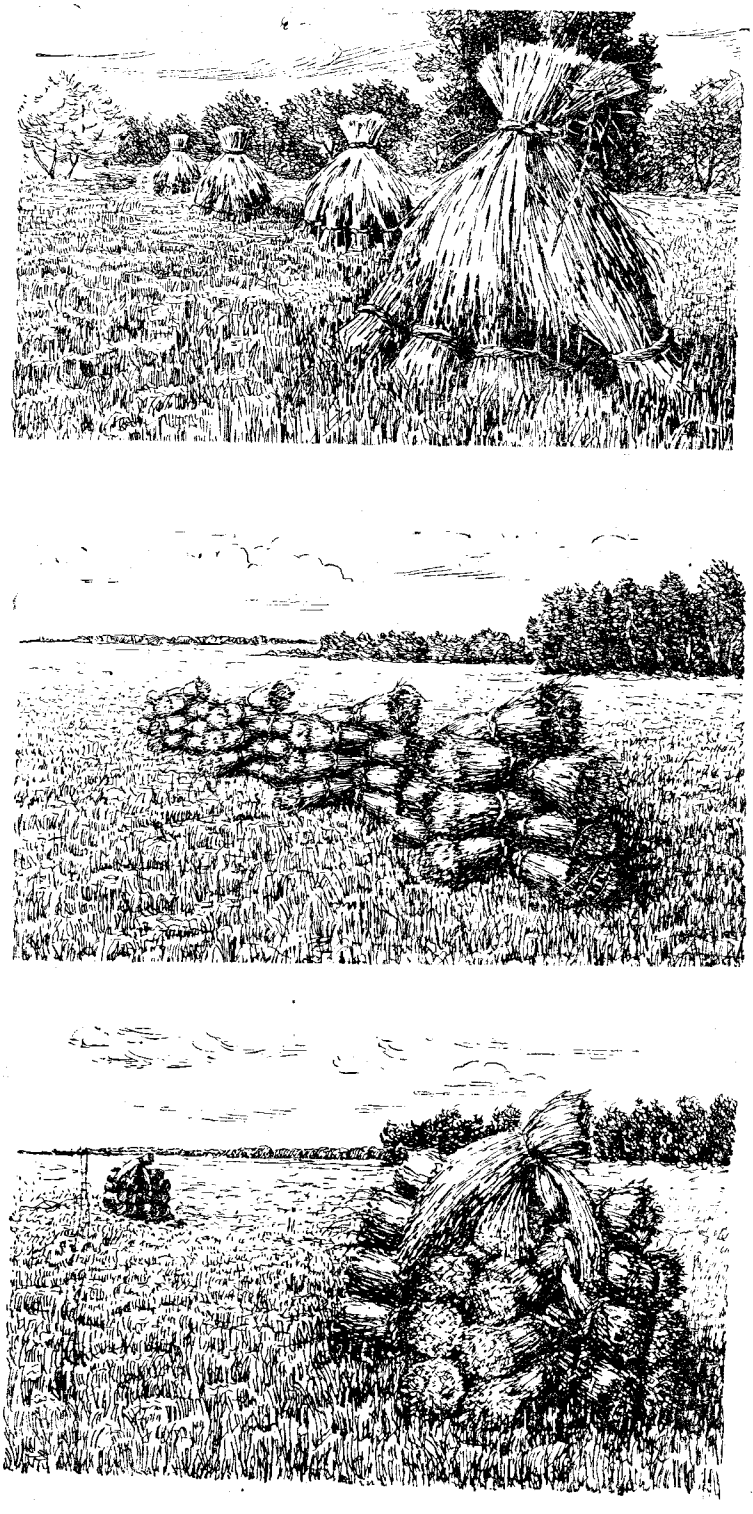
«Крюк» для косьбы хлеба (с. Ясная Поляна)

В настоящее время в колхозах все описанные орудия обработки земли или совсем вышли из употребления и заменены усовершенствованным тракторным плугом, или употребляются на второстепенных работах, при вторичной перепашке земли, рыхлении борозд, пропашке картофеля и т. п. Рабочие животные широко употребляются наряду с тракторной тягой и сейчас.

Боронование и посев. Второй этап обработки земли—боронование. Северные великорусы говорят «боронить», южные великорусы—«скородить», белорусы—«баранаваць», «скародзіць», украинцы—«боронувати», «волочити».

Борона, как уже говорилось, может быть, более древнее орудие, чем соха, по крайней мере в северной лесной полосе. У восточных славян она местами сохраняла до недавнего времени примитивную форму. Самая первобытная из них—это борона «вершалина», кое-где употреблявшаяся в старину в Белоруссии и на Севере. Это просто верхушка дерева с торчащими во все стороны сучьями, которую тащили по полю за тонкий конец. Несколько более сложный тип—это борона—«суковатка», или «смык», употреблявшаяся в северных областях. Это несколько расколотых вдоль кусков елового ствола с обрубками сучьев; они связывались поперечными брусками, так что сучья торчали все в одну сторону. Наиболее же обычной была деревянная, или плетеная, борона в виде рамы-решетки со вставленными деревянными или железными зубьями. Теперь почти повсюду вошли в употребление железные бороны заводского изготовления.

Сеяли прежде повсеместно вручную, из лукошка. Сеятель шёл по пашне и разбрасывал зерно правой рукой, стараясь распредс-

Способы кладки снопов: вверху—северновеликорусский—«суслонами» (ст. Крюково, Московской обл.); посредине—южновеликорусский—«крестцами» (с. Ясная Поляна, Тульской обл.); внизу—украинский—«полукіпками» (с. Подолье, Барышевского р-на, Киевской обл.)

лять его равномерно. Это требовало большого искусства и опыта. Эту работу всегда выполнял взрослый мужчина, обычно старик, глава семьи. Теперь почти везде введен механический сев (сеялками), но местами сеют и вручную, например при раннем севе «в грязь», когда поле для машин непроходимо.

Уборка урожая. До введения жатвенных машин зерновые культуры убирали при помощи серпов или кос. В северновеликорусских и белорусских областях жали серпами. Серп—чрезвычайно древнее орудие, прослеживаемое археологически до бронзовой эпохи. Восточнославянский серп—с зубчатой насечкой по рабочему краю, в отличие от центральноевропейского гладкого серпа; зазубренный серп—более совершенный тип. Иногда жали серпом также и в более южных областях. Обычно это считалось делом женщин. Но у южных великорусов, а особенно у украинцев, гораздо чаще употреблялась косьба хлеба. Применяемая для этого коса снабжалась особыми граблями, пальцы которых направлены параллельно клинку косы. Это так называемый «крюк», или «грабельки» (у белорусов). У великорусов крюк пятизубый, у украинцев трехзубый, у белорусов встречаются обе формы. Это приспособление позволяет укладывать срезанные стебли хлеба ровными рядами.

Скошенный хлеб вяжут в снопы заранее заготовленными «свяслами» («перевяслами») из пучков той же соломы. Снопы до возки их с поля складывают в копны. Известны три способа укладки снопов. У северных и средних великорусов они составляются в «суслоны», или «бабки»: снопы ставятся на землю вертикально, колосьями вверх, плотно один к другому, обычно по 9 штук, а 10-й покрывает их как шапкой, колосьями вниз. Южные великорусы укладывают снопы в «крестцы»: снопы кладутся гори-

Озерод и оденки (с. Бояничи, БССР)

зонтально по 4, в виде креста, колосьями вместе, комлями врозь, в три яруса, значит, по 12 снопов, а 13-й сноп покрывает этот «крестец» сверху. 4 крестца по 13 снопов ставятся рядом в одну линию и составляют «копну» в 52 снопа. Третий способ практикуется у украинцев, он похож на южновеликорусский: снопы кладутся колосьями вместе в большие «копи»—по 60 снопов, или в «півкопи»—по 30, местами по 16 снопов. У белорусов известны оба последние способа; часто яровые хлеба ставят в копы, а озимые складывают крестцами. Северновеликорусский способ лучше всего защищает снопы от дождя и подгнивания. В последнее время он стал применяться колхозами (в дождливые годы) и в южновеликорусских районах.

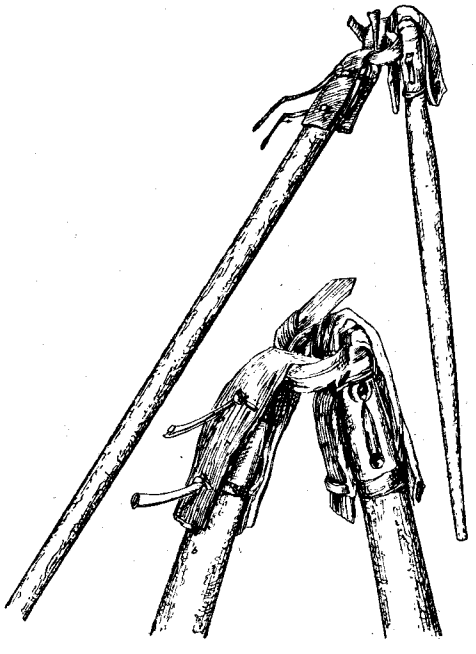
Хлебосушилки. В северной полосе в условиях отсталого крестьянского хозяйства хлеб нередко приходилось убирать недозрелым, от дождей он сырел. Поэтому его нужно было перед молотьбой, еще в снопах, просушивать. Для этого применялись особые хлебосушилки. Они известны разных типов, из которых основные: озерод, шиш, овин, рига.

Озерод—наиболее примитивное сооружение для сушки снопов и сена просто на солнце и ветру. Оно было распространено у белорусов, местами на Севере. Состоит из высокой вертикальной решетки в виде забора; на его горизонтально протянутые жерди навешивают снопы. Подобное сооружение известно (под названием «козолец») у словенцев Югославии.

Шиш—это простейшее приспособление для огневой сушки снопов. Это конус из жердей, сооруженный над ямой, где раскладывался костер. Жерди обкладывались снопами, колосьями вверх, которые и сохли на дыму. Над шишом устраивали навес. Шиши известны вообще у народов Поволжья, но обнаружены также были и у

Верховой овин (Краснохолмский р-н, Калининской обл.)

Цеп (Черниговская обл.)

русских—в Дмитровском районе, Московской области.

Гораздо шире распространен был у средних и северных великорусов овин. Он известен в двух разновидностях: ямный и верховой. Ямный овин, бытовавший прежде в центральных районах, представляет собой яму («подовин»), над которой построен сруб—«садило»; в яме раскладывают огонь, в садило кладут на особые «колосники» снопы. Костер иногда заменялся печью-каменкой. Верховой овин был распространен в более северных областях. Он без ямы и представляет собой двухэтажный сруб: внизу «подовин», вверху «садило». Иногда помещение с топкой расположено не снизу, а сбоку от «садила» (овин «с пазухой»). Во всех разновидностях овина топка отделена от снопов перегородкой, горизонтальной или вертикальной. Это давало большую гарантию от пожара.

Рига в этом отношении проще: она отличается от овина тем, что садило со снопами и печь расположены в одном помещении, ничем не разделенные. Это опаснее в пожарном отношении, зато постройка обходится дешевле. Рига стала употребляться сравнительно недавно в северозападных областях, тяготеющих к Прибалтике; там, очевидно, ее родина. У южных великорусов «ригой» называется нечто совсем иное: холодная постройка для хранения хлеба.

У белорусов известна «восеть», которая употреблялась для сушки снопов как хлеба, так и льна и конопли. Она встречается в двух видах: одноэтажная, аналогичная риге (с печью), и двухэтажная, аналогичная овину (с костром). У украинцев и большей части южновеликорусов никакой сушки снопов не практиковалось.

В настоящее время в связи с усовершенствованием способов уборки и обмолота хлеба зерносушилки почти повсеместно (кроме северных районов) вышли из употребления.

Молотьба и веяние. У восточных славян издавна применялись различные способы обмолота хлеба. Самым примитивным можно считать «хвыстание»; сноп брали за комель и ударяли колосьями о доску, край кадки и т. п. Такой способ применялся в старину в некоторых местностях. Гораздо более был распространен сохранившийся местами до сих пор способ обмолота цепами. Цеп—это две крепкие палки, длинная и короткая, скрепленные между собой ремнем; длинную (рукоять, держак) берут в руки, короткой (било) ударяют по расстеленным на земле снопам. Расстилают их на «току»,—плотно утрамбованной площадке перед гумном или внутри него. Молотят или в одиночку, или группами по 2—3—4 человека, причем бьют в такт, по очереди, что требует особой сноровки. Устройство цепа, хотя и несложно, но различается у русских, белорусов и украинцев по длине и по способу скрепления рукояти и била.

В южной части Украины, в степной полосе, издавна известен совсем иной способ обмолота: копытами скота или при помощи молотильных досок, или вальков, которые рабочий скот волочит по снопам, расстеленным на земле. Этот способ вообще характерен для южных народов: на Кавказе, в Средней Азии, в Южной Европе.

Теперь в колхозах почти повсеместно практикуется механическая молотьба при помощи конных, паровых или электрических молотилок, в высокой степени увеличивающих производительность труда и облегчающих его. Зачастую молотьба как особый процесс вообще отпадает, ибо хлеб убирают комбайнами. Но обмолот цепами частично сохраняется: или при нехватке машин или в тех случаях, когда нужно приготовить немятую солому—«старновку».

Обмолоченное зерно провеивали обычно лопатой, подбрасывая его вверх или перебрасывая маленькой лопаткой вперед (в Новгородской обл.), чтобы отделить зерно от мя-

кины и остатков соломы. Это ручное веяние теперь почти заменено работой веялок и сортировок.

Размол. Размол зерна в старину производился на ручных жерновах. Кое-где на севере они сохранялись до недавнего времени. В областях, освобожденных от немецко-фашистской оккупации, где мельницы были разрушены, население местами вновь вернулось в первые годы к этому древнему способу. Но господствующий повсеместно способ размола—это мельницы. Традиционные мельницы известны двух видов: водяные и ветряные. Первые распространены как в южной, так и в средней и в северной полосе, хотя на севере они менее выгодны из-за долгого зимнего ледостава. Водяные мельницы известны на Руси еще в Киевский период. Самый примитивный тип водяной мельницы—это «мутовка», где небольшое водяное колесо и жернова насажены на одну общую вертикальную ось. Такие мельнички ставили на небольших быстротекущих горных речках. Они до недавнего времени сохранялись, например у русских старожилов Алтая. Обычная же водяная мельница имеет большое колесо с лопастями, насаженное на горизонтальный вал, который соединен зубчатой передачей с вертикальной осью жерновов.

Ветряные мельницы — «ветряки» — распространены и в южной и в северной частях страны. Они появились позже—с XVII века (в Западной Европе известны с XII в.). Местами, например в Архангельской области, ветряк постепенно почти вытеснил водяную мельницу. Мукомольная мельница—наиболее обычный народный способ использования силы ветра. Чтобы установить крылья мельницы против ветра, корпус мельницы может поворачиваться либо целиком («немецкий» тип, или «столбовка»), либо только верхняя часть его с крыльями («голландский», или «шатровый», тип).

Теперь все шире распространяются паровые и электрические мельницы.

Животноводство. Разведение домашних животных—важная, но второстепенная отрасль хозяйства восточных славян. Оно не дает права причислить эти народы к скотоводческим. Скотоводческими мы называем народы, в хозяйстве которых разведение домашних животных играет первенствующую роль.

Только у одной группы восточных славян скотоводство выдвигается на первое место и превалирует над земледелием: у гуцулов и других обитателей Карпат. Там исторически сложился тип горно-скотоводческого хозяйства с перегоном скота летом на альпийские пастбища—«полонины».

В животноводстве не меньше, чем в земледелии, сказываются и культурная общность и этнические особенности восточнославянских народов.

Почти повсеместно разводят лошадей, крупный рогатый скот, мелкий скот—коз, овец, свиней, домашнюю птицу. Лошадь употребляется у русских и белорусов как рабочее и транспортное животное, у украинцев—только как транспортное. В связи с этим наличие и количество лошадей в хозяйстве русского и белорусского крестьянина могло служить в прошлом одним из самых точных показателей степени его экономической мощности. В. И. Ленин, как известно, считал наиболее правильным группировать крестьянские хозяйства в классовые категории по размерам посевов и по количеству рабочего скота (т. е. для русских и белорусов—лошадей). «Безлошадный» и отчасти «однолошадный»—это синоним бедняка, хозяин с 4—5 и более рабочими лошадьми—это зажиточный или кулак. У подавляющего большинства крестьян лошади были плохой породы, слабосильные, недокормленные. Только у кулаков и у помещиков были породистые рабочие лошади, а иногда и рысаки (из последних особенно славилась «орловская» порода). Кроме рабочей и транспортной силы, лошадь дает крестьянину также навоз (более высокого качества, чем коровий). Другие способы использования лошадей—доение кобылиц, убой на мясо,—хорошо известные кочевым скотоводческим народам, восточным славянам совершенно чужды.

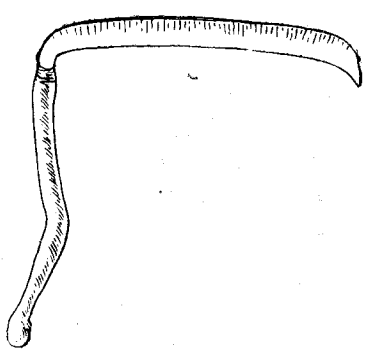
Рогатый скот—коров—русские и белорусы издавна держали ради молока и ради навоза. Говяжье мясо было доступно только богатым. Для работы рогатый скот (волы) применяется только в степной полосе—у украинцев, а из русских—только у казаков, на Дону. Для русских и белорусов рогатый скот не служил таким необходимым условием экономической силы хозяйства, как лошади; однако в распределении молочного скота тоже отражалась классовая дифференциация. Бедняки коров не имели или имели 1—2 коровы, беспородных, плохо кормленных и дававших очень мало молока. Теперь каждая колхозная семья имеет по одной-две коровы, не считая общественного стада в колхозах. Удойность их, благодаря лучшему содержанию и повышению породности, увеличилась. Лучшие из прежних пород молочного скота—

холмогорская, ярославская,—прежде имевшиеся только у зажиточных, сейчас широко распространились. Выводятся и новые породы.

Мелкий скот—козы и овцы—распространен повсеместно, но в небольшом количестве. Крестьянская семья держала и теперь держит по 2—3 овцы, редко больше. Здесь резкое отличие от быта степных кочевников, у которых стада овец достигали сотен и тысяч голов. Овец разводят ради шерсти и мяса. Их не доят. Исключение составляют южные украинцы и карпатские горцы: они доят овец и из молока их выделывают особый сыр—брынзу. Коз держат частью из-за шерсти, но больше как раз из-за молока; беднякам коза заменяла прежде нередко корову: «коза—корова бедняка». Но и теперь многие считают выгодным держать козу, в частности из-за особых питательных и целебных свойств козьего молока.

И для крупного и для мелкого скота всегда запасается на зиму сено—почти единственный в прошлом корм. В связи с этим кошение лугов—непременная составная часть летних полевых работ (обычно предшествующая уборке хлеба). Преобладали естественные луга: заливные («поёмные») — по берегам рек и суходольные. Посевы кормовых (клевер, вика, тимофеевка и др.) появились только к концу XIX в. в помещичьих и кулацких хозяйствах. Косили всегда косами. На севере в прошлом употреблялась так называемая «горбуша»—особая кривая, массивная коса на короткой рукояти, которой как бы рубили траву; в глухих лесистых местах горбуша сохранилась и сейчас. Работа ею трудна и малопроизводительна, но зато она прочна и не ломается при ударе о корни и пни, которых много в северных лесах. Повсеместно распространена сейчас коса-«литовка», дающая при косьбе широкий и ровный ряд. Косьба—в основном мужская работа. Напротив, «грести» сено граблями, высушивать и собирать его в копны—женское дело. Сейчас в колхозах употребляют главным образом сенокосилки, а мужской и женский труд так не разделяется. Высушенное сено собирают в высокие круглые «стога» или в длинные «зароды» (в Сибири), оставляя их на лугах или—чаще в Европейской части Союза—свозя в сараи.

Старинная северновеликорусская коса-горбуша

Летом же скот всегда выпасается на пастбищах («выгонах») в лесу, на лугу, в степи, смотря по обстоятельствам; летнее стойловое содержание скота восточным славянам неизвестно. Первый весенний выгон скота по старой традиции приурочен к Егорьеву дню (23 апреля), и по этому поводу прежде устраивали обряды «обхода» скота (с участием попа, колдуна, пастуха).

Лишь в немногих местах—на Севере, в Сибири—скот пасется летом без присмотра, внутри «поскóтины»—обширной изгороди, которой обнесена деревня вместе с прилегающими выгонами. В подавляющем большинстве областей для пастьбы скота всегда нанимали пастуха. Его нанимали всей деревней—это одна из дольше всего удержавшихся черт сельско-общинного быта. Пастух получал от «общества» условную плату деньгами или натурой за все лето, а сверх того обычно жил и кормился поочередно у отдельных сельчан. Пастух с подпасками брал под свою ответственность стадо (главным образом, коров) на все лето, чтобы ежедневно с зарей выгонять его на пастбище, а вечером пригонять в деревню, беречь от потерь, от волков, не допускать потравы. Трудное ремесло пастуха требовало большого опыта, но не давало ему ни почета, ни богатства. В пастухи шли только самые безнадежные бобыли-бедняки. Зато пастуху, особенно на Севере, суеверное население приписывало колдовские способности, умение ладить с лешим, а также в случае обиды «испортить» корову.

В степной части Украины подобную же роль играли «чабаны»—пастухи овец. Большое стадо овец делилось на меньшие—«отары». Необходимые помощники чабана—злые собаки-«овчарки».

Сейчас колхозные стада пасутся летом под наблюдением опытных пастухов, иногда и зоотехников. Личный скот колхозников в большинстве случаев по-старому поручается пастуху, которого нанимают группы хозяйств, либо его пасут по очереди.

Свиньи разводятся повсеместно, но в небольшом количестве, на мясо и сало

Используется также свиная кожа и щетина. Прежде свиньи откармливались главным образом в зажиточных хозяйствах. Теперь они имеются не только в колхозных свинофермах, но и у отдельных колхозников.

Собак держат повсюду прежде всего для охраны хозяйства. В степной полосе употребляются пастушеские собаки-овчарки. В северных промысловых районах держат охотничьих собак. Как транспортное животное собака применяется только на крайнем северо-востоке—у русских камчадалов, колымчан, русско-устьинцев.

Домашнюю птицу—кур, гусей, уток—разводят повсеместно, но прежде только у зажиточных ее было много. Используются яйца и мясо. Сейчас в колхозах много птицеферм, но и отдельные колхозники держат домашнюю птицу.

К животноводству относят также разведение пчел. В старину в лесной полосе было широко распространено бортное пчеловодство—добыча меда и воска из гнезд диких пчел в дуплах лесных деревьев. По мере вырубки лесов, бортей становилось все меньше. Теперь повсюду господствует пасечное пчеловодство. До революции на крестьянских пасеках применялись главным образом «колодные» ульи («дуплянки» в виде выдолбленного обрубка дерева с вынимающейся спереди «должеей»—дощечкой); колоды обычно ставились вертикально, местами—на Украине, на Севере и в Сибири—клались горизонтально. Мед добывался путем подрезки сот или путем замаривания пчел серой (дикий и варварский способ). В советскую эпоху, и особенно при колхозном строе, колодные ульи почти везде вытеснены усовершенствованными—рамочными (кстати, впервые разборный рамочный улей был изобретен в нашей стране—Прокоповичем в 1814 г.), в огромной степени повышающими доходность пчеловодства. Но, в отличие от других отраслей сельского хозяйства, пчеловодство всегда было, а частью остается и теперь как бы любительским занятием. Пчелы требуют внимательного ухода и особого опыта, а теперь—и специальных знаний. Считалось прежде, что пчелы не у всякого будут жить. Пчеловодом-пасечником был обычно какой-нибудь любитель, старик, свободный от других дел и проводивший все лето на своей пасеке. В настоящее время в колхозах выделяются специально подготовленные профессионалы-пчеловоды.

Охотничий, рыболовный и морской зверобойный промыслы. Охота на зверей и птиц в древности играла крупную роль в хозяйстве восточных славян. Продукты ее, особенно меха, шли на вывоз. По мере роста населения, сокращения площади лесов и истребления зверя значение охотничьего промысла пало. В центральных и южных областях охота превратилась в простое любительство и спорт. В XIX в. ею занимались многие помещики—по преимуществу псовой охотой на зайцев, лисиц и волков, а также на пернатую дичь. Из крестьян охотой занимались лишь немногие любители, как и в настоящее время. Только в северных областях и в таежной зоне Сибири охотничий промысел и теперь составляет важное занятие значительной части населения. Прежде он велся хищнически, но в настоящее время подчинен строгим правилам и основан на рациональной эксплуатации охотничьих угодий.

Из способов охоты на первом месте стоит сейчас охота с ружьем и собакой, главным образом на белку. Применяются, однако, и разные ловушки как старого типа—пасти, кляпцы, слопцы, силки, черканы, так и нового—капканы, кормушки-ловушки и др. Добываемая пушнина является ценным экспортным продуктом и дает большой доход охотничьему населению.

Рыболовство в центральных и южных областях, подобно охоте, утратило свое прежнее хозяйственное значение и превратилось в любительское занятие. Здесь удят рыбу крючком или употребляют разные сетевые снасти. Местами сохранились разнообразные, очень древние способы лова, включая «лучение» рыбы острогой, применение плетенных из прутьев ловушек—«вершей», «морд» и т. п. На Урале известно «багрение» рыбы металлическим «багром» (крюк на длинном шесте) в зимнее время. На Мещерских озерах (сев. часть Рязанской обл.) ловили раньше рыбу при помощи канав, которыми соединяли зимой замерзшее озеро с родником, и рыба, страдавшая от недостатка кислорода, направлялась навстречу свежей воде по этим канавам и попадала в расставленную сеть.

Крупный промышленный характер получило рыболовство на Севере, в бассейне Северной Двины, в низовьях Волги и Дона, в морях—Каспийском, Баренцевом, Белом, в больших реках Сибири и на побережье Тихого океана. Там практикуется лов при помощи больших неводов, достигающих в длину нескольких сотен метров. Невод употребляется и при зимнем подледном лове: его протягивают на шестах через проруби. Для невод-

ного лова требуются артели в несколько десятков человек. В настоящее время техника лова сильно механизирована, тяжелый труд рыбака облегчен. Рыболовный промысел составляет главное занятие промысловых артелей—колхозов. На море теперь широко применяется траловый лов.

На побережьях Баренцева и других морей, на некоторых озерах рыболовство дополняется промыслом морского зверя.

Мелкая крестьянская промышленность. Мелкая обрабатывающая промышленность в ее чисто народных формах издавна имела большое хозяйственное значение для восточных славян. Но по своей экономической природе она весьма неоднородна. Прежние буржуазные исследователи и народники смешивали все виды домашних промыслов в одну общую кучу под названием «кустарные промыслы», или «кустарная (кустарно-ремесленная) промышленность». В. И. Ленин впервые подверг (в своем труде «Развитие капитализма в России») точному экономическому анализу разнообразные формы промышленности, которые объединялись неправильно общим термином «кустарная промышленность», и доказал, что этот термин—«абсолютно непригодное для научного исследования понятие». В действительности под этим понятием кроются, как показал В. И. Ленин, следующие различные по своему значению формы: 1) «домашняя промышленность», т. е. «переработка сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»; это—«необходимая принадлежность натурального хозяйства», сохранявшаяся в конце XIX в. только в самых захолустных углах России; 2) ремесло, т. е. производство на заказчика, где нет еще товарного производства, продукт труда не появляется на рынке; 3) мелкое товарное производство или мелкие крестьянские промыслы—типичная мелкобуржуазная форма, из которой, однако, в дальнейшем вырастают капиталистические отношения, прежде всего через работу на скупщика; 4) капиталистическая работа на дому как придаток капиталистической мануфактуры, где производитель лишается даже видимости прежней самостоятельности[1].

Хотя экономическое качество этих разных видов промышленности было весьма различно, но в бытовом отношении они тесно переплетались между собой. Поэтому с чисто бытовой стороны к ним и сейчас нередко прилагается термин «кустарные промыслы» для противопоставления их крупной промышленности.

Мелкое народное производство имеет среди восточных славян очень глубокие исторические традиции. Уже в Киевской Руси были широко распространены ремесленные производства не только городские, но и сельские: советские археологи—особенно Б. А. Рыбаков (см. его «Ремесло древней Руси». М, 1948)—в последние годы собрали богатый материал, характеризующий развитие древнерусского ремесла. Оно было очень разнообразно и специализированно. Некоторые ремесленные изделия, особенно из числа художественных, шли на вывоз в другие страны. Ремесло было также весьма развито в Великом Новгороде и в Московском государстве.

К началу XX в. мелкая крестьянская промышленность была больше всего развита в северной нечерноземной полосе, где земля не прокармливала населения, в особенности из-за малоземелья. Здесь образовались целые села «кустарей» и ремесленников. Но и во многих местностях степной полосы, на Украине, крестьянские производства были достаточно развиты.

Некоторые из производств носили домашний, потребительский, нетоварный характер. Такими были прежде всего женские производства—прядение, ткачество, вышивание. В старину эти производства были более развиты, но по мере проникновения в деревню покупных тканей приходили в упадок. Материалом для самодельных тканей служили главным образом лен, конопля,также шерсть («во́лна»). Стебли льна вымачивали и мяли, затем трепали и чесали, превращая в «куде́ль». Эту кудель привязывали к прялке (в виде вертикальной стойки, укрепленной на горизонтальной доске—«до́нце», где сидела пряха) и, скручивая нить, наматывали на веретено. Сравнительно недавно—с конца XVIII в.—стала распространяться самопрялка с колесом. Выпряденную нить затем «сновали», обычно на вращающейся раме, и «основу» натягивали на ткацкий стан. Этот стан («кро́сна») у восточных славян обычно горизонтальный, с двумя подножками и двумя навоями. Он ставился в жилой избе, занимая целый угол. Известно и узорное тканье («браная» и «закладная» техника). У украинцев известен вертикальный ткацкий стан для тканья ковров.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 285—287, 329—331, 395.

Хотя крестьянки обычно изготовляли ткани для домашних потребностей, но некоторые виды тканей шли и на рынок и даже вывозились. Во времена парусного флота русское полотно находило себе сбыт в европейских странах и славилось своим высоким качеством. В настоящее время возрождаются и получают новое развитие и широкий сбыт узорные ткани, вышивки, украинские ковры-«килимы».

Из женских художественных производств заслуживает особого упоминания изготовление кружев, особенно в Вологодской области.

Большинство мужских производств носило товарный характер. Сюда относятся многочисленные кустарные производства, связанные с обработкой дерева: плотничное, столярное, ложкарное, бондарное, ситное, решетное, рогожное, корзиночное и др. Сюда относятся также смолокурение, углежжение, гонка («сидение») дегтя. Эти производства были особенно развиты в северной и средней полосе, где много леса. Были районы и деревни, где население специализировалось на том или ином производстве.

Другие производства были связаны с обработкой металла. Кузнецы обычно были в каждой крупной деревне. Слесарное, ножевое, замочное производства были сосредоточены в определенных районах, например знаменитые ножовщики и замочники из Ворсмы и Павлова. Ружейное производство особенно процветало (до середины XIX в.) в Туле. Там же был главный центр производства самоваров и гармоник. Ювелирное производство известно было особенно в селе Красном, Костромского уезда, и в соседних селах.

Гончарный промысел получил распространение довольно широко. Наиболее известные его центры—Правобережная Украина (особенно Подолия), также Полтавщина, Подмосковье (особенно Гжель), Вятский край. Лепка посуды—почти повсеместно на ножном гончарном круге (местами сохранились пережитки ручной техники «налепом»), обжигание в особых печах с поливой или без поливы.

Далее, немалое значение имели кожевенное, скорняжное, сапожное, игрушечное (особенно в Подмосковье и Вятском крае), камнерезное (Урал), костерезное (Холмогоры) производства.

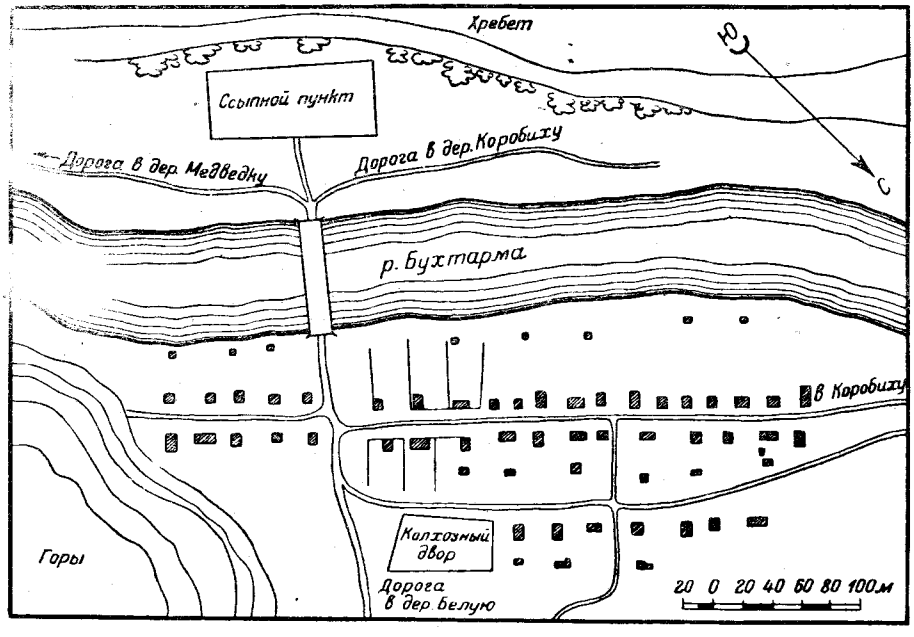
Большинство названных производств в настоящее время не только не исчезло, но и получило новый стимул развития. Повсеместно на основе традиционных народных производств созданы промысловые артели, входящие в систему промкооперации. Условия труда улучшились. Особенно крупное значение получили теперь художественные производства—камнерезное, костерезное, лаковых изделий и др. (см. ниже).

Отхожие промыслы. Помимо кустарно-ремесленных производств, очень развиты были в русской деревне, а также в белорусской и украинской, различные отхожие промыслы. Особенно широкий характер приняли они в той же нечерноземной полосе.

Многие отхожие промыслы были связаны с ремесленными занятиями: таковы были плотничный, печной, кровельный, малярный, штукатурный и другие промыслы. Мастера этих производств уходили из своих деревень—по преимуществу из северновеликорусских, с Верхнего Поволжья—на заработки в Петербург, Москву и другие города, кто на один сезон, кто на более долгое время, а скопив немного денег, возвращались на родину. Многие работали артелями. Этот тип сезонного отходника-ремесленника был одним из очень характерных образов русской дореволюционной этнической среды.

Другие отхожие промыслы были связаны с мелкой торговлей. Особенно характерен тип «коробейника», или «офени»,—продавца мелкого галантерейного товара, путешествовавшего со своим «коробом» за плечами по деревням. Больше всего таких коробейников выходило из деревень Ярославской губернии. Но развитие капитализма и проникновение городских товаров в деревню через сельские купеческие и кулацкие розничные лавки убило эту колоритную фигуру.

До проведения сети железных дорог и развития пароходства на Руси был широко развит ямщичий и бурлацкий промыслы. Ямская езда по почтовым трактам и перевозка различных грузов гужевым путем кормила многие тысячи ямщиков—выходцев из малоземельных деревень. В этом промысле, как и в других, существовала жестокая эксплуатация ямщиков владельцами лошадей. Для богачей это был вид очень выгодного предпринимательства. Еще тяжелей была участь бурлаков. Это были наиболее обездоленные люди, не имевшие за душой ничего, кроме физической силы; ее и надрывали они в каторжно тяжелом труде, когда впрягались целыми артелями в лямки и тянули «бичевой» нагруженные баржи. Главным местом бурлацкого промысла была Волга—главная русская транспортная артерия старого времени. Характерный тип бурлака, как и тип ямщика, отразился в богатом русском фольк-

Уличный план деревни (русская деревня Печи, Алтай)

лоре, он воспет нашими поэтами-классиками—Некрасовым, Никитиным и др., правдиво описан Решетниковым («Подлиповцы»), запечатлен и в русской живописи—у Репина и др.

Наконец, своеобразный отхожий промысел представляло собой и нищенство. Оно было широко распространено, но весьма не однородно. Среди нищих, побиравшихся христовым именем по деревням и городам, были и калеки, нетрудоспособные, старики, дети сироты, для которых это было постоянным или долговременным промыслом. Но были и временно выбитые из хозяйства погорельцы, пострадавшие от неурожая и т. п., для которых нищенство было лишь способом перебиться в тяжелую пору. Интересно в этом отношении явление, описанное А. Н. Энгельгардтом в 1870-х гг. в Смоленской губ.: собирание «кусочков». В отличие от профессиональных нищих, побирающиеся «кусочками»—это местные крестьяне, которым нехватило хлеба до нового урожая, что бывало в этих краях самым обычным делом. Справившись на следующий год, этот же крестьянин сам будет подавать другим «кусочки». Хождение «в кусочки» составляло в иные годы массовое явление в этой полосе.

Порожденное всем классовым эксплуататорским строем царской России нищенство именно поэтому интересовало этнографов-демократов того времени. Специальную работу—«Нищие на святой Руси»—написал И. Г. Прыжов (1862).

Крупная промышленность. Крупная промышленность—горнозаводская и фабрично-заводская—стала развиваться в нашей стране в основном с Петровской эпохи. Горные заводы появились сначала на Урале, несколько позже—на Алтае. На Урале из приписных горнозаводских крестьян начал впервые в России складываться настоящий пролетариат. В XIX в. появились новые центры горной промышленности—Донецкий бассейн, Криворожье, Подмосковный район и др. Фабрично-заводская промышленность локализовалась тоже в определенных районах, втягивая окружающее население в ряды рабочего класса. На первом месте здесь стояли центральные губернии—Московская, Владимирская и др. (особенно текстильная промышленность), Нижний Новгород, Петербург с тяготеющим к нему районом, Донецкий бассейн, Криворожье и др. Вокруг этих промышленных очагов формировался русский, украинский пролетариат.

Социалистическая индустриализация нашей страны охватила, помимо указанных, и ряд новых районов, в последние годы особенно восточные. Русский, украинский, белорусский рабочий класс еще более вырос численно, созрел политически и культурно, превратившись в авангард не только нашей страны, но и всего человечества.

ПОСЕЛЕНИЯ И ПОСТРОЙКИ

Типы поселений. Этнографическое изучение типов восточнославянских поселений еще не достаточно разработано. Ближайшим образом нас интересуют сельские поселения. В типах их можно установить некоторые этнические различия, но в основном они связаны с условиями ландшафта и с историей расселения восточных славян.

Крупный русский географ В. П. Семенов-Тян-Шанский в своей работе «Город и деревня в Европейской России» (1910) устанавливает несколько типов заселения, приуроченных к определенным географическим зонам: результат приспособления к условиям местности в ходе заселения страны. Эти типы следующие: 1) северный долинный тип (примерно к северу от 58° с. ш.): поселения вытянуты вдоль долин рек и озер, служивших главными путями сообщения в древности (водоразделы на севере заболочены и к поселению непригодны); 2) центральный и северо-западный водораздельный тип с двумя подтипами—моренным и увалистым: население равномерно распространяется по умеренно орошенной местности, заселяя водоразделы; 3) южный долинный тип (в области господства чернозема и ковыльных степей) с двумя подтипами—долинно-овражным и чисто долинным: население притянуто к редким в этой зоне водоемам, избегая неорошенных водоразделов. Помимо этих основных зональных типов поселений, Семенов-Тян-Шанский выделяет несколько азональных (позднейших), каковы: рыболовный, горнозаводский, трактовый и другие типы поселений.

Кроме различного расположения на местности, сельские поселения различаются по своему типу и по форме. Известны два основных типа: однодворный (одиночный) и многодворный (групповой, деревенский). Однодворные поселения не составляют исторически единого типа: сюда относятся и весьма древние «починки» и «заимки» на Севере, появлявшиеся там в ходе первичного освоения северной лесной полосы, а в дальнейшем выраставшие в «погосты» и в «деревни»; и новейшие однодворные поселения типа хуторов, возникшие главным образом в эпоху капитализма, больше всего у украинцев, у казаков.

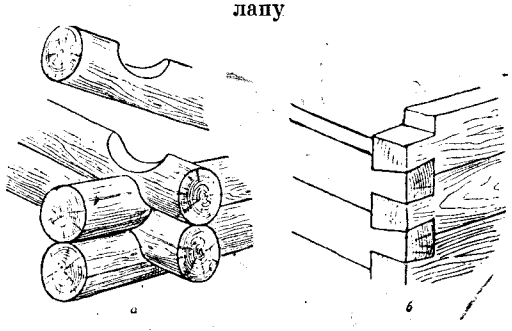
Многодворные (групповые, деревенские) поселения различаются по их форме, в которой всего отчетливее проявляются древние этнические традиции. Для северных и южных великорусов, а частью и для белорусов и для северных украинцев, характерным являются уличный или линейный план деревни, при котором усадьбы вытянуты в одну или в две линии, вдоль улицы-дороги. Этот тип, сохраняющийся чрезвычайно устойчиво везде, где есть русское население, имеет очень древние корни и прослеживается также у других славянских народов: у восточных поляков, у словаков, местами у словенцев и хорватов. Линейный план поселения сам по себе является очень древним и в Восточной Европе и связан, вероятно, с колонизацией северной части страны, направлявшейся вдоль рек и речек. Однако современный «уличный» тип деревни с правильным расположением усадеб по обе стороны улицы сложился, напротив, поздно, под прямым давлением указов правительства, начиная с эпохи Петра I (первый такой указ—1722 г.), в течение XVIII и XIX вв.

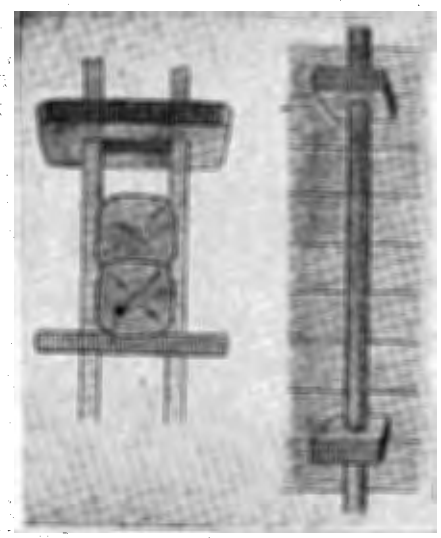
На юге нашей страны, у большинства украинцев, преобладает другой тип: кучевой, или беспорядочный, при котором усадьбы расположены без видимого порядка, разделенные кривыми и запутанными улицами. Этот тип, характерный для открытой степной местности, встречается также у других славян: у южных поляков, на Балканском полуострове. Чрезвычайно редким типом является для восточных славян так называемый круговой план деревни, хорошо известный у западных славян.

Размеры сельских поселений и их «людность» неодинаковы в разных областях страны. В общем на севере преобладают небольшие деревни—по нескольку десятков дворов, на юге же, у украинцев и у донских и кубанских казаков, их «села» и «станицы» обычно сравнительно велики, по нескольку сотен дворов, нередко с тысячами душ населения[1].

[1] Вопрос о «людности» поселений у восточных славян пытался исследовать выдающийся русский гео-

Способы рубки углов сруба: *а*—в чашку, *б*—в лапу

Крепление стены «лисичками» у белорусов

Постройки, их этнографическое изучение. Восточнославянская крестьянская архитектура исследована очень полно и подробно. Ей посвящено много отдельных ценных описаний. Однако общей, достаточно всеобъемлющей и научно полноценной сводки таких материалов до последнего времени не было. Немецкая работа Рамма (Die altslawische Wohnung, 1910), основанная на довольно полном использовании русских источников, описаний отдельных губерний и областей, представляет большой интерес, но она построена на явно тенденциозной, не выдерживающей критики точке зрения о том, что восточнославянское, и в частности, русское жилище в своих основных чертах является, якобы, продуктом заимствования от германцев. Это «заимствование» он пытался доказать лишь путем сопоставления названий, причем весьма сомнительного. Другие исследователи, например Алексей Харузин («Славянское жилище в С.-З. крае», 1907), не охватывают материала в целом.

Новейшая очень добросовестная сводка материала по восточно-славянскому крестьянскому жилищу принадлежит советской исследовательнице Е. Э. Бломквист, использовавшей и богатые археологические данные, которые накопились за последние годы и которые позволяют в известной мере проследить историю жилища.

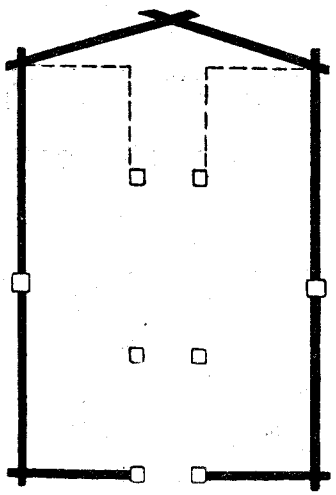
Для изучения народной архитектуры употребляется несколько приемов, связанных с разными сторонами этого сложного явления. Эти стороны следующие: 1) материал и строительная техника, 2) вертикальное развитие жилища, 3) план и расчленение дома, 4) положение к улице, 5) застройка усадьбы, 6) внутренняя планировка и обстановка жилища, 7) декоративная сторона.

Строительная техника и материал. С точки зрения материала и строительной техники обнаруживается значительное единство на всем протяжении Восточно-Европейской равнины, единство, за пределами которого остается только южная часть Украины: там применяется разнообразный материал, встречаются каменные, глинобитные и плетеные постройки. Но на Северной Украине, в Белоруссии и у всех великорусов применяется одна и та же строительная техника и один и тот же материал.

Во всех этих областях господствует с р у б н о е ж и л и щ е из бревен, уложенных горизонтально и связанных в «венцы». Техника соединения бревен в венцы несколько варьирует. Из различных способов соединения бревен преобладает наиболее широко так называемый способ рубки «в угол» («в о́бло», «в чашку»): недалеко от конца бревна в нем вырубается полукруглое углубление, куда вкладывается поперек конец другого бревна. Более совершенная (и поздняя) разновидность этого способа—вырубка углубления не на верхней, а на нижней по-

граф А. И. Воейков («Людность селений Европейской России и Западной Сибири», 1909), но он, подобно многим другим ученым, пользовался методом «средних цифр», поэтому результаты его исследования приблизительны и неглубоки.

Пятиугольный сруб гумна у белорусов

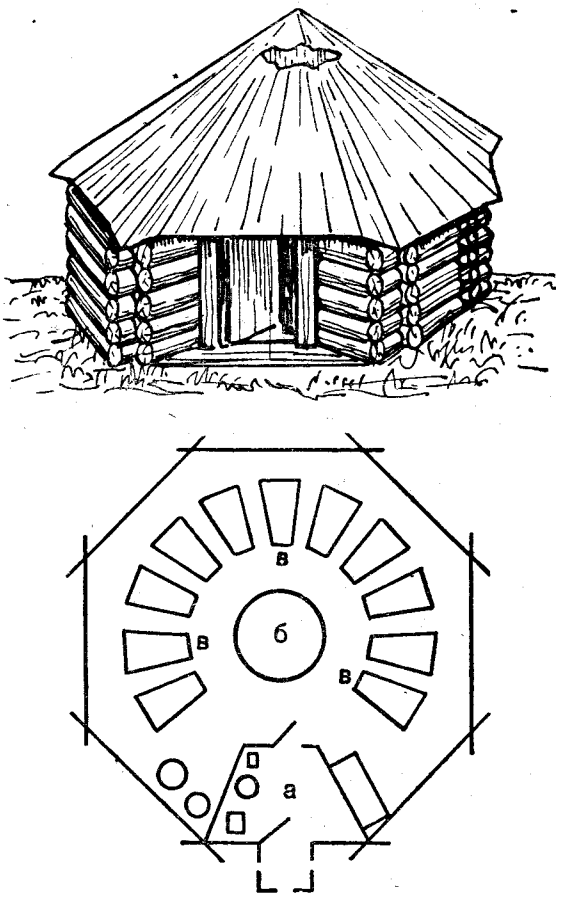
верхности бревна, накладываемого этим углублением на нижнее бревно. Концы бревен несколько выступают. Помимо этого, имеется более сложный и менее широко применяющийся способ рубки «в лапу», когда бревна соединяются самыми концами, один конец затесывается плоско и кладется на другой. Есть и несколько других, чисто местных способов рубки углов сруба.

Срубная техника на территории Восточной Европы является очень древней. Она засвидетельствована памятниками так называемой срубной культуры 2-го тысячелетия до н. э. В настоящее время эта техника связана по преимуществу со славянскими народами: она известна и у западных и частью у южных славян. Вероятно, от русских срубный тип перешел и к их восточным и северным соседям: он господствует и у народов юго-восточной Прибалтики, и у карело-финнов, и у коми, и у всех народов Поволжья и даже за Уралом.

Срубным постройкам восточных славян свойственны некоторые особенности. Материалом служат обычно круглые неотесанные бревна, а не прямоугольно обтесанные брусья, как в Центральной Европе. Вдоль бревна сверху вырезается обычно паз, в который закладывается мох для утепления постройки. Фундамент отсутствует; нижний венец кладется прямо на землю или под углы подкладываются большие камни или короткие столбы, вкапываемые в землю. Низ постройки заваливается землей для тепла, особенно на зиму. Это так называемая зава́линка, у украинцев—при́зьба, у белорусов—прызба.

Одна очень редкая особенность срубной техники построек известна только в некоторых районах Белоруссии—это так называемые «лиси́чки». Они представляют собой своеобразное крепление стен: две короткие доски просовываются сквозь стену одна над другой, один конец снаружи стены, другой внутри; в обоих концах есть прорезы, куда входят вертикальные жерди, которые и скрепляют бревна стены. Эта деталь не имеет себе аналогий в других районах—нечто подобное можно найти, пожалуй, только в некоторых старых крымских и черкесских постройках и у обских угров.

Сруб—прямоугольная постройка. Но как исключение встречаются многоугольные формы сруба. У тех же белорусов некоторые хозяйственные постройки (гумна) бывают иногда пятиугольные, восьмиугольные и т. п. У гуцулов в Карпатах встречается чрезвычайно любопытное шести- или восьми-

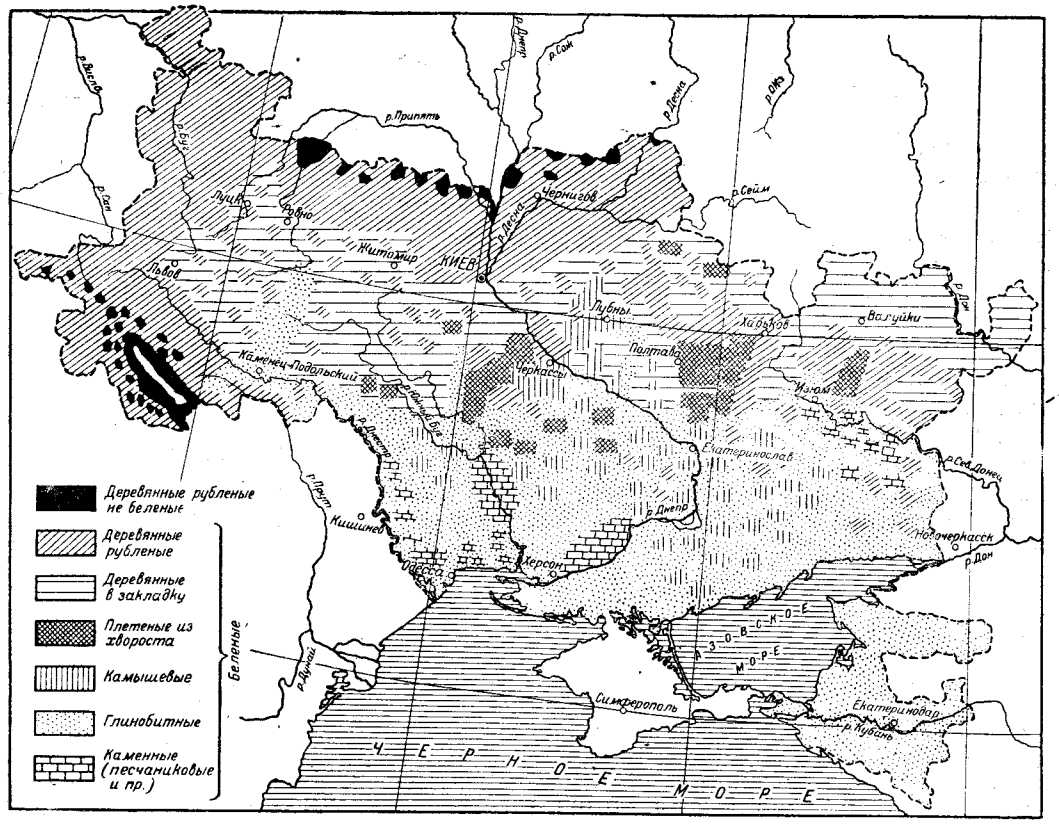

Восьмиугольная «колиба» у гуцулов: а—«хорімці» (сени); б—«ватра» (очаг); в—«підложе» (постели)

угольное срубное жилище (коли́ба) с пирамидальной крышей, совершенно сходное с юртами народов Саяно-Алтая и бурят. Трудно решить, сказалось ли здесь влияние кочевников-азиатов или перед нами своеобразная конвергенция форм.

Срубный тип построек целиком господствует в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы. Русские и белорусские крестьяне прежде не знали другого материала и техники. Каменные и кирпичные постройки появились только в связи с городскими влияниями[1]. Но в степной полосе, у южных

[1] Впрочем, в некоторых областях средней полосы России—в Тульской, Рязанской, Московской губ.—они встречались еще с конца XVIII в. Некоторые помещики заставляли своих крестьян строить кирпичные избы, считая их более выгодными при даровом крепостном труде и из соображений пожарной безопасности. Но строили их плохо, и в кирпичной избе обычно было сыро и холодно. К концу XIX в. кирпичное строительство улучшилось, и такие дома стали заводить себе более зажиточные крестьяне.

Распространение типов построек у украинцев (по Ф. К. Волкову)

украинцев мы находим издавна совершенно иные типы.

Украинское жилище по своему внешнему виду представляется почти повсеместно очень однообразным: это—хорошо всем известная «хата» с белой обмазкой стен. Необмазанные срубные постройки встречаются только в самой северной части Украины, на границе Полесья, а с другой стороны, на Карпатах, особенно у гуцулов. В остальных местах повсюду—беленые хаты, которые считаются характерной особенностью украинского народного жилища. Но эта особенность не только не связана с конструктивной техникой, но скорее маскирует различия этой техники. В действительности конструкция украинских построек бывает весьма разнообразной.

В северной лесостепной части Украины господствует такой же тип срубных построек, как у русских и белорусов, отличающийся только наружной обмазкой. Южная граница этого типа идет примерно по линии Луцк—Житомир — Киев — Нежин — Глухов. Срубные постройки преобладают также в западной Украине. В других местах они встречаются спорадически—там, где есть лес.

Более южная зона, которая широкой полосой пересекает Украину с запада на восток,—южная граница ее проходит по линии Каменец-Подольск—Балта—Кременчуг—Изюм—характеризуется довольно разнообразными, частью переходными типами построек, в которых дерево как материал играет более или менее крупную роль. Это плетневые и камышовые постройки на деревянном каркасе и особые постройки на столбах, или «на сохах»: вкапываются в землю вертикальные столбы с продольными пазами, в которые вкладываются концы горизонтальных досок или плашек, образующих стены. Снаружи стена, как обычно, обмазывается и белится.

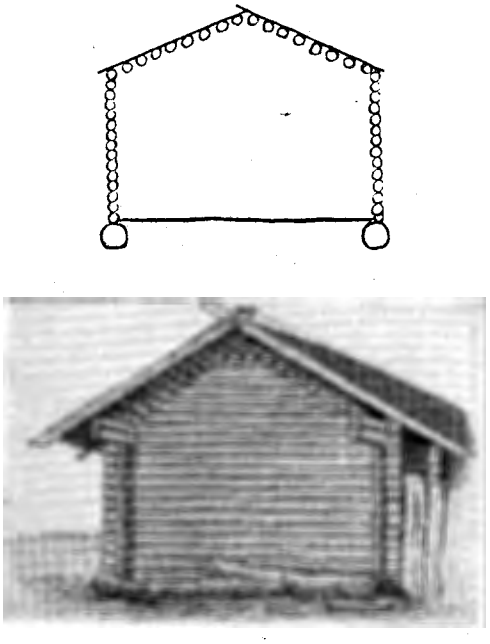
Наконец, на крайнем юге Украины—зона безлесной степи—господствуют постройки, в которых дерево почти совершенно отсутствует. Это глинобитные и саманные, местами каменные (в низовьях Днепра и Буга) дома. В бассейне Дона и Донца известна местами постройка домов из обтесанных меловых бло-

Украинская хата с «піддашшям»—навесом на столбах (Полтавская обл.)

Каркасная конструкция украинского дома (Полтавская обл.)

Клеть со сводчатым потолком (с. Сарычи, Бобруйской обл.)

ков. Во всей южной полосе дерево как строительный материал применяется главным образом только для сооружения крыши. Местами (например, Одесщина) встречаются даже жилища, высеченные в каменистых обрывах.

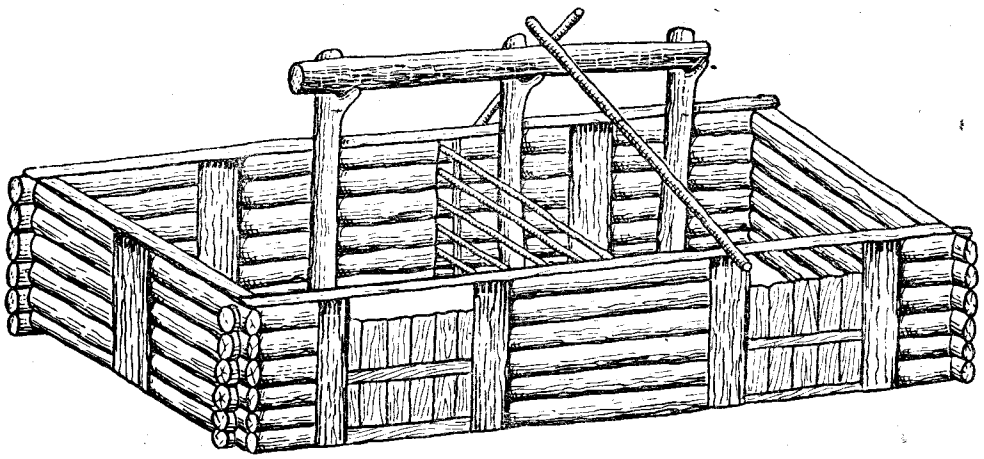
Таким образом, по типам построек Украина составляет в целом как бы переходную зону, объединяющую разные культурно-хозяйственные ареалы: Северная, лесостепная Украина с ее срубными жилищами тяготеет к Великоруссии и Белоруссии. Плетневые постройки характерны для степной зоны, они известны и в Крыму, и на Северном Кавказе, особенно у черкесов и кабардинцев; саманные и глинобитные постройки еще более характерны для народов степи—казахов, башкир и пр. Эти типы построек, равно как и каменные, встречаются и у южных славян.

Вертикальное развитие. Крыша. Второй существенный признак—вертикальное развитие жилища. Древнейшим типом жилища в Восточной Европе была, по-видимому, землянка: раскопки восточнославянских поселений IX—XIV вв. обнаруживают, что землянки тогда широко бытовали и в степной и в лесной полосе, остатки их найдены в Киеве, в Тверской и Суздальской земле и пр. Впоследствии жилища повсюду вышли на поверхность земли. У восточнославянских народов в настоящее время все жилые постройки наземные. Но в отношении вертикального развития их наблюдается характерная закономерность: оно нарастает, если двигаться с юга на север. На юге, в степной полосе, у украинцев, а также у части белорусов и южных великорусов дом («хата») строится прямо на земле, пол его земляной или глинобитный, подполья нет, дом всегда одноэтажный. В лесостепной полосе, у южных и средних великорусов дом («изба») несколько повышается над уровнем земли, пол обычно дощатый, и под ним вырывается невысокое подполье. Подполье используется для хранения овощей и т. п., ход в него через пол изнутри избы, и оно занимает не всю площадь жилья. Далее на север, у северных великорусов, подполье делается высоким и иногда превращается в особый нижний этаж дома. Оно занимает всю площадь дома, делится на «подызбицу» и «подклеть»; ход в него бывает и изнутри избы и снаружи; оно используется не только для хозяйственных нужд, но иногда и для жилья. Дом в таком случае превращается в двухэтажную постройку (местное название на Севере—«хоромы). Это развитие северновеликорусских жилищ в высоту объясняется условиями среды: необходимость защиты от паводков, глубокого снега, хищных зверей, а с другой стороны, обилие строительного леса.

Важным признаком для классификации построек является техника покрытия. Для всех восточнославянских жилищ характерен горизонтальный потолок, опорой для которого служат бревна верхнего венца и особая балка—«матица», у украинцев «сволок» («трам»), лежащая на них посередине, обычно поперек жилья. Но в Белоруссии и Украине и кое-где на севере встречается местами и другой тип потолка—сводчатый или двускатный.

Крыша бывает двускатная и четырехскатная. Первые преобладают на севере, вторые на юге. У северных великорусов крыша почти всегда двускатная, у украинцев—четырехскатная. У белорусов и южновеликорусов встречаются оба типа. Есть мнение (Зеленин), что четырехскатная кровля является более древним типом. В новейшее время наблюдается взаимное проникновение четырехскатных крыш на севере и двускатных на юге, что объясняется влиянием городской архитектуры.

С формой крыши обычно связан и ее материал. На севере, где двухскатные крыши, они обычно тесовые или драночные. На юге,

Конструкция крыши сарая на столбах

где четырехскатные, они соломенные. Техника покрытия соломой тоже различается. У южных великорусов господствует покрытие соломой «в натруску»: набросанная на решетник солома прижимается продольными жердями. Украинцы кроют ровными снопиками «под щетку». Солома на юге часто заменяется камышом, теперь нередко и черепицей, а также железом, особенно на новых домах колхозников. Железные крыши распространяются все более и на севере.

Крыши различаются и по высоте или крутизне склона. Крутые и высокие крыши— с наклоном более 45°—преобладают в дождливых западных областях Украины, особенно в Карпатах, а также в некоторых местностях на Нижней Оке (в старых постройках). Напротив, очень пологие крыши господствуют в юго-восточных засушливых районах, в Поволжье, у переселенцев в Средней Азии, в Южной Сибири.

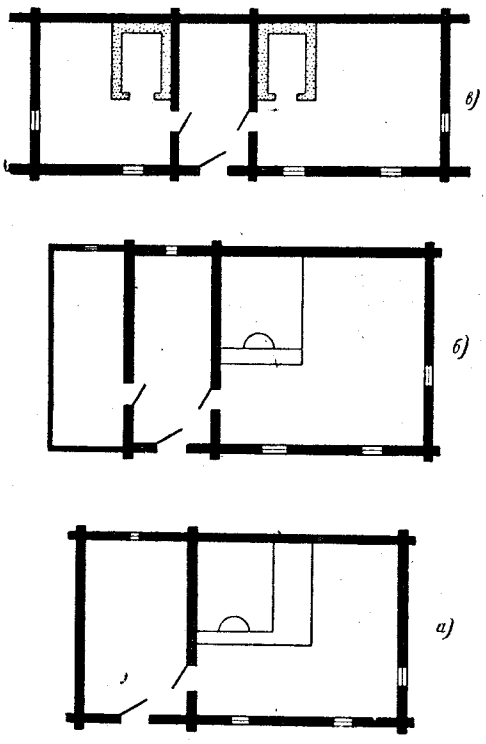
Не менее важным является изучение самой конструкции крыши. В настоящее время повсюду господствует сооружение крыши, как двускатной, так и четырехскатной, на стропилах («кроквах»). Но стропильная техника сравнительно нова. Местами сохранились более примитивные формы. Самой архаичной, вероятно, является техника устройства крыши на столбах, подпирающих ее середину или конек. Столбы («сохи») стоят или прямо на земле, или на горизонтальных потолочных балках. В настоящее время покрытие на столбах сохраняется очень редко и почти исключительно в хозяйственных постройках: гумна, амбары, крытые дворы. Другой старинный способ устройства двускатной крыши—«на самцах» или «на сво́локах» («зака́том»): при этом опорными точками служат концы бревен фронтона; на эти «самцы», образующие уступы, кладутся продольные слеги, которые и служат остовом крыши. Для четырехскатной крыши архаичным способом ее конструкции является покрытие «костром» (у белорусов «чубом»). При этом способе крыша представляет собой как бы продолжение того же сруба, венцы которого, однако, уменьшаются и образуют четырехгранную пирамиду.

Стропильная техника покрытия распространилась сравнительно недавно, местами только в конце XIX в. Она отчасти связана с употреблением железных гвоздей, без которых раньше русская строительная техника обходилась.

Бытование определенных типов крыши в разных районах не случайно: оно связано не только с народной традицией, но и с влиянием естественной среды. Четырехскатная форма кровли дает ей большую обтекаемость и устойчивость против дующих в безлесной

Покрытие на «самцах»

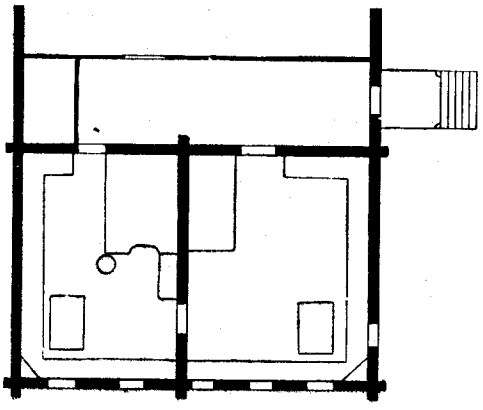

Развитие плана жилища у украинцев: *а*—двухкамерный план: хата+сіні (Киевщина); *б*—трехкамерный план: хата+сіні+комора (Полтавщина); *в*—трехкамерный план: хата+сіні+хата (Киевщина)

степи ветров. Двускатная кровля в лесной полосе связана с более прочным строительным материалом; она дает ту выгоду, что увеличивает вместимость чердачного помещения. Это стоит в связи с тенденцией северных построек к вертикальному развитию.

План дома. Следующий важный признак, по которому изучаются и классифицируются постройки,—это план и внутреннее расчленение дома. Элементарным типом является однокамерная нерасчлененная постройка. У восточных славян она встречается, как правило, только в качестве хозяйственного помещения: гумно, амбар, баня, клуня и т. п. Местами она, однако, отапливается: русский овин и рига, белорусская «истопка» для хранения овощей. В качестве жилища она давно уже вышла из употребления у славян. Однокамерный дом можно сейчас встретить только кое-где в русских деревнях Сибири, но там перед нами позднейшая редукция типа.

Пятистенок (д. Княгинино, Мологского у., Ярославской обл.)

Шагом вперед в развитии плана постройки было появление двухкамерного (двухраздельного) дома: к отапливаемому жилью присоединяются холодные сени. Происхождение их более или менее ясно. Вероятно, это дальнейшее развитие крытого входа или навеса над передней стеной и над дверью. Такой навес в виде портика и сейчас встречается у западных поляков (так называемый «шпилап» или «шпедсёнки»).

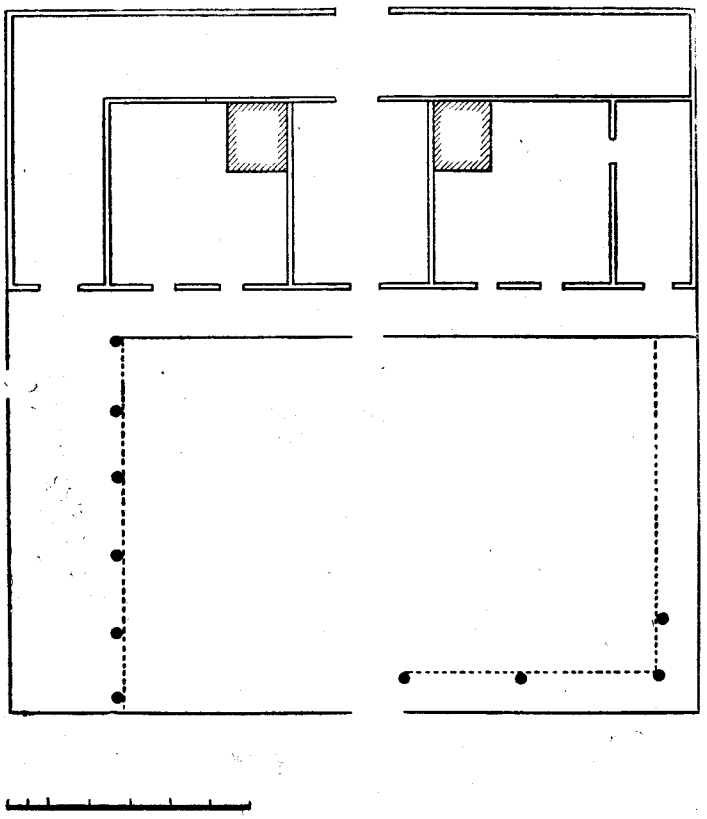
Двухкамерный дом распространен в настоящее время у белорусов (хата+сени) и у части украинцев (хата+сіні). У великорусов он встречается только как исключение.

Сени у восточных славян всегда холодные, в отличие от отапливаемых сеней у народов Центральной Европы. У белорусов они относительно велики—равны по величине хате и даже больше ее.

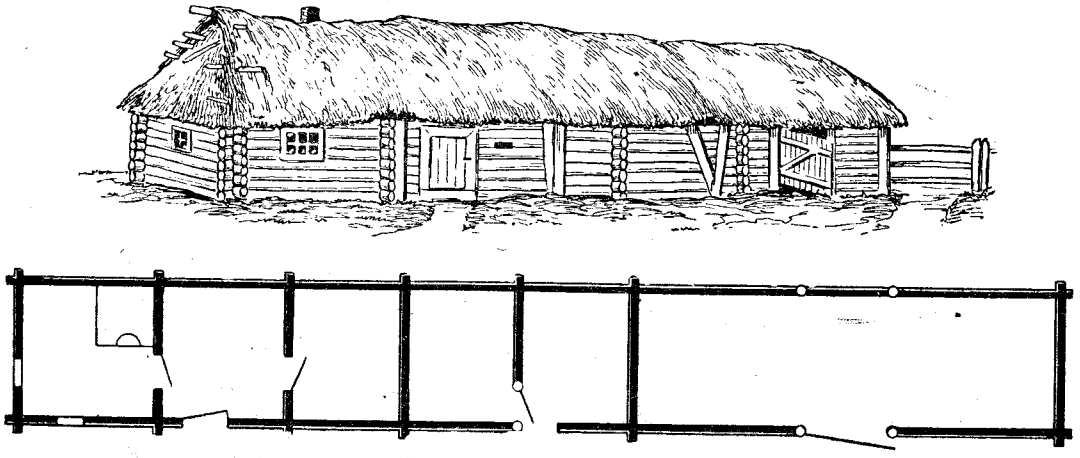
Господствующим типом у восточных, равно как и у западных, славян является трехкамерный, или трехраздельный, дом. Третьей частью его служит обычно хозяйственное помещение—клеть у русских, клеть (свирон) у белорусов, комора у украинцев. Происхождение этой третьей части не менее ясно, чем происхождение сеней: она была прежде самостоятельной постройкой, амбаром, который широко известен во всей лесной полосе. Этот амбар часто на сваях или даже двухэтажный. Клеть (амбар) и теперь иногда стоит отдельно от дома: так бывает у белорусов. У северных великорусов следы былой самостоятельности клети видны в том, что соединение ее с избой и сенями неорганично: уровень ее пола и потолка несколько выше[1]. Клеть, впрочем, часто заменяется вторым

[1] По мнению польского этнографа Казимира Мошиньского, в трехкамерных постройках самым поздним элементом является не клеть, а средняя часть—сени. По его наблюдениям, в белорусском Полесье иногда клеть ставилась поблизости от однокамерной хаты, дверь против двери, впоследствии же промежуток между ними стал забираться досками—так и образовались сени.

Вид и план «гражды»—огороженной усадьбы у гуцулов

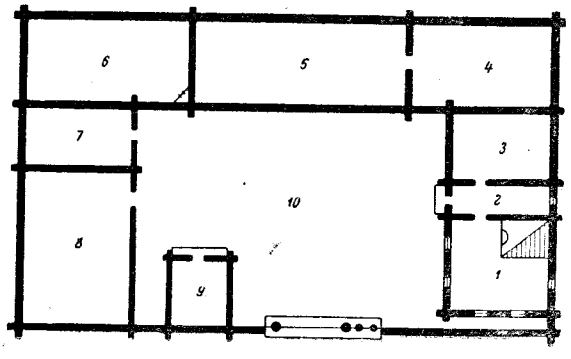
Погонный двор у белорусов

жильем: это так называемая горница (название, намекающее на более высокий уровень), или светлица, чистая изба. Иногда это холодное летнее жилье. Если оно отапливается, то часто там живет женатый сын или взрослые девушки семьи.

Вход в трехраздельный дом всегда через среднюю часть—сени.

С трехчастным расчленением дома связан вопрос о положении его к улице. У северных и средних великорусов продольная ось дома всегда перпендикулярна улице. У южных великорусов и части украинцев, напротив, длинная фасадная стена дома параллельна улице. У белорусов встречается характерное расположение дома углом к улице. У большей части украинцев дома ориентированы вообще не по отношению к улице, к которой они могут быть обращены передом, боком или задом, а по сторонам света: вход обычно обращен на юг. Это связано с преобладанием разбросанного плана украинского села.

Замкнутый двор у северных украинцев (Черниговская обл.): *1*—хата; *2*—сіні; *3*—комора; *4*—хлів; *5*—повітка; *6*—конюшня; *7*—свинушник; *8*—возовня; *9*—винбар; *10*—двір

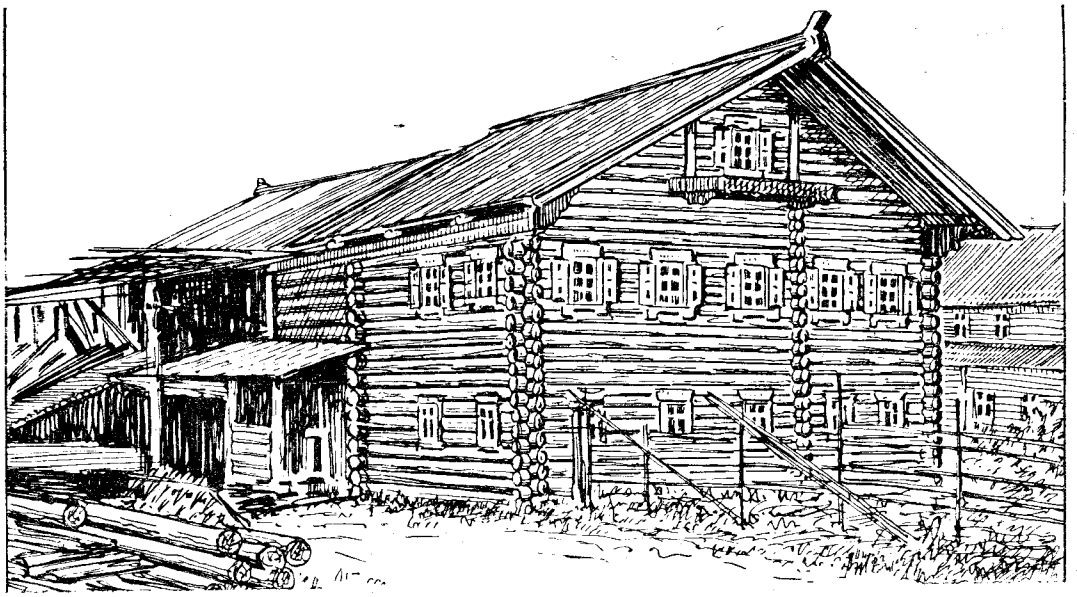
В богатых и многосемейных домах та и другая половина—по обе стороны от сеней—могла расчленяться, в них появляется по 2—3 «избы», «горницы», «комнаты». Особенно часто встречается такое разрастание дома на севере.

Разрастание дома у богатых и многосемейных хозяев происходило и иначе: через соединение вместе двух, даже нескольких срубов. Так получалась огромная «изба-двойня» (на Севере) или «изба с прирубом» (в средней полосе).

С конца XIX в. стал распространяться у русских крестьян, особенно у более зажиточных, еще один новый тип избы—«пятистенок»: это тот же сруб, но удлиненный и разгороженный пополам поперечной пятой стеной, сложенной из таких же бревен, концы которых врублены в продольные стены избы. Считается, что пятистенок развился либо из соединения двух срубов («изба с прирубом», изба с горницей), либо из перегораживания одного основного сруба. Наконец, местами были, преимущественно у кулаков, и «шестистенки», где сруб разгорожен двумя пересекающимися капитальными стенами и таким образом разделен на 4 комнаты. Другое название этого дома—«крестовый дом», «крестовик».

План застройки усадьбы и типы двора. Одним из наиболее существенных признаков классификации типов построек считается план застройки усадьбы и соединение жилых и хозяйственных помещений, в частности способы соединения жилого дома с двором. В этом отношении опять выделяются вполне определенные культурно-географические ареалы.

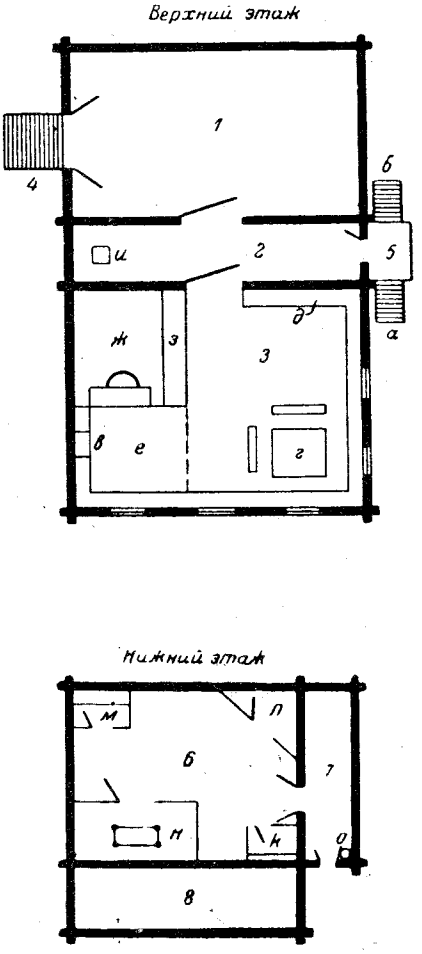
Самый термин «двор» имеет у восточных славян два разных значения, связанных с

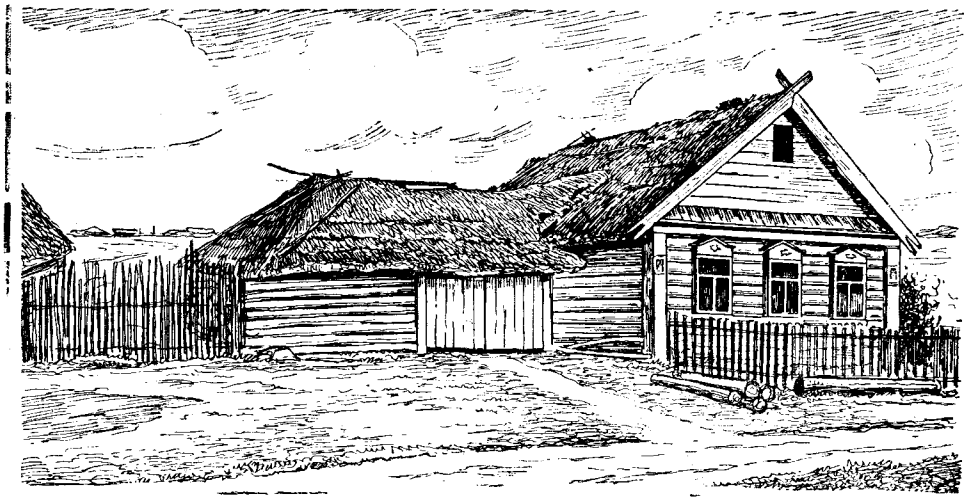
Крестьянский дом (Вологодская обл.)

двумя различными типами двора: на юге, у украинцев, белорусов и южных великорусов, «двор»—это открытая, незастроенная часть усадьбы, огороженная постройками или забором. Напротив, у северных великорусов (частью и у средних) «двор»—это крытое помещение для скота и отчасти инвентаря, сена и соломы.

Открытый двор в свою очередь делится на два подтипа: незамкнутый и замкнутый. Первый из них, распространенный у украинцев, части белорусов и южновеликорусов, представляет собой просто незастроенную часть усадьбы, внутри которой жилые и хозяйственные постройки разбросаны без определенного порядка. При замкнутом дворе, напротив, постройки представляют собой или замкнутый четырехугольник или форму буквы «П» («покоеобразный» двор). Этот подтип существует у южных великорусов, местами у белорусов, а у украинцев местами в Черниговщине, а также в Карпатах, у гуцулов, где усадьба огорожена высоким прочным забором («гражда») с примыкающими к нему изнутри постройками и наве-

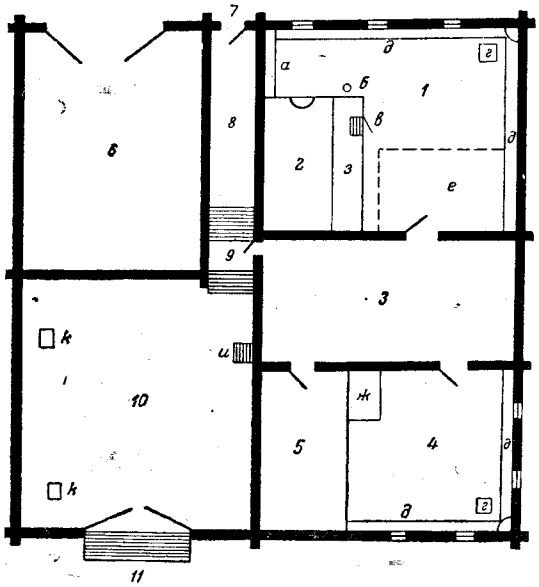
План верхнего и нижнего этажей крестьянского дома: *1*—поветь; *2*—мост; *3*—изба; *4*—звоз; *5*—крыльцо; *6*—стая; *7*—санник; *8*—для овец летом; *а*—лестница на улицу; *б*—лестница в санник; *в*—посудный шкаф; *г*—стол; *д*—лавки по стенам; *е*—место против печи, отделенное от избы занавеской; *жс*—печь; *з*—голбец; *и*—дыра в полу (отхожее место) *к*—для лошадей: *л*—для свиней; *м*—для овец; *н*—для коров; *о*—колодец

Поперечная связь. Крестьянский дом (д. Веледниково, Истринского р-на, Московской обл.

сами. У белорусов сходную форму составляет «веночный» двор, окруженный со всех сторон постройками и забором. У них же известен так называемый «погонный» двор, на котором хозяйственные постройки вытянуты в линию перпендикулярно улице, примыкая сзади к хате и сеням.

План дома зажиточного крестьянина (начало XX в) Двурядная связь (Ярославская губ.) *1*—изба; *2*—печь; *3*—сени (мост); *4*—горница; *5*—чулан (кладовая); *6*—двор (без потолка); *7*—крыльцо; *8*—коридор; *9*—площадка; *10*—поветь (для телег, орудий, сена); *11*—въезд; *а*—посудник; *б*—рукомойник; *в*—спуск в подызбицу; *г*—стол; *д*—лавки; *е*—полати; *жс*—постель; *з*—голубец; *и*—спуск из повети во двор; *к*—отверстия для сбрасывания сена

Крытый двор северных и средних великорусов—это помещение для скота, всегда вплотную примыкающее к жилой постройке. Способов соединения дома с двором известно несколько. Их делят на 3 основных типа: «однорядная связь» и «двурядная связь» и («Einbau» и «Zwiebau» у Рамма) и «поперечная связь».

Однорядная связь господствует на севере: в Архангельской, Вологодской, Новгородской областях, Карельской АССР, а частью—и в более южных областях, вплоть до широты Москвы. Она состоит в том, что крытый двор вплотную примыкает к дому сзади, составляя его непосредственное продолжение. При этом двор обычно вытесняет и замещает собой третью часть трехкамерной постройки—клеть, или горницу. Клеть в таком случае подвергается редукции и занимает небольшое место где-нибудь в углу двора, в углу сеней. Иногда даже и сени теряют самостоятельное место и превращаются в «мост», часть того же двора. Однорядная связь выступает опять-таки в двух главных формах: в новгородских постройках и в северной части Московской области двор обычно одноэтажный и крыша его ниже крыши двухэтажной избы, так что при взгляде снаружи двор не сливается с домом; вторая форма господствует на севере в Архангельской, Вологодской областях и в Карельской АССР: здесь двор такой же двухэтажный, как и дом, то и другое сливается в одно органическое целое. Нижний этаж двора служит собственно двором для скота; верхний этаж—«поветь» («повить»)—предназначается для сена, соломы и хозяйственного инвентаря. В него ведет снаружи особый въезд.

Двурядная связь. Крестьянский дом (Тверская губ.)

Однорядная связь, органическое сочетание дома-двора, соединяющее в одно целое жилье и большую часть хозяйственных помещений, вместе с двухэтажностью тех и других создает огромные постройки, столь характерные для русского севера. Это—наиболее законченный образец русской народной архитектуры.

Двурядная связь является, по-видимому, переходной, или скрещенной, формой. Она распространена главным образом у средневеликорусов, в промежуточной полосе между северным и южным типом двора—в Калининской, Ярославской, Московской областях. Здесь двор тоже вплотную пристраивается к дому, но не сзади его, а сбоку и параллельно его продольной оси. Этот тип, возможно, является продуктом влияния северно-русского типа застройки (дом-двор) на южно-великорусский тип покоеобразного двора.

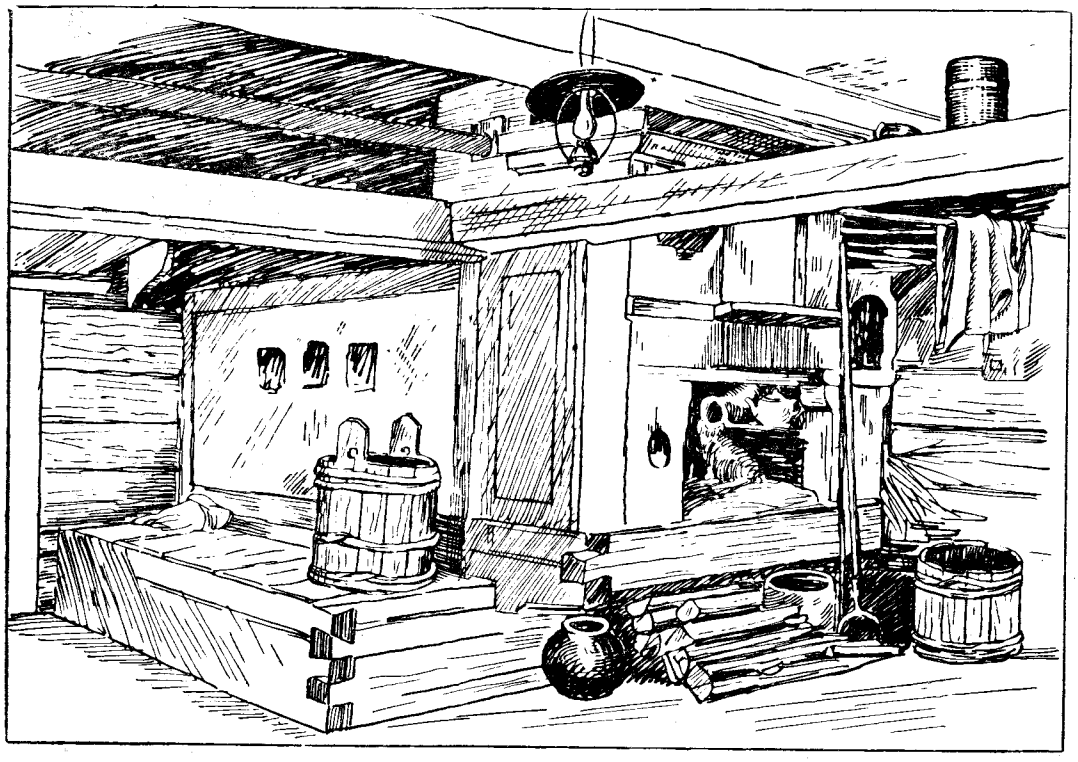
При двурядной связи клеть, или вторая изба (горница, светлица), не подвергается редукции, не вытесняется двором, и трехкамерный план дома остается в неприкосновенности. Двор при этом может быть и одноэтажным и двухэтажным. Иногда передняя часть его одноэтажна, а задняя разделена перекрытием на два этажа—собственно двор и поветь. Покрытие бывает тоже различным. Иногда дом и двор имеют каждый свою отдельную крышу (двускатную), которые соприкасаются сходящимися скатами. Неудобство этого способа состоит в том, что дождевая вода стекает и застаивается между домом и двором.

В других случаях двускатная крыша одна, она несимметрична, один скат идет более полóго и покрывает также и двор. Местами двор пристраивается к продольной стене дома не параллельно, а перпендикулярно («впритычку»), и двускатные крыши тоже перпендикулярны. Этот способ и выделяют в особый «поперечный» тип связи. Наконец, нередко крытый двор охватывает дом сзади и сбоку (так называемый «дом глаголем», или «с отливом»).

Если двурядная связь есть продукт влияния однорядной на южный способ застройки, то в недавнее время замечено дальнейшее наступление этого северного типа, продвижение его на юг. Однорядная связь вытесняет собой в некоторых районах Московской области двурядную. Особенно заметен этот процесс за последние десятилетия. Это распространение северного типа на юг—один из примеров активной роли северных культурных элементов, вытеснения ими южных элементов, что наблюдается также и в отношении, например, одежды[1].

---

[1] Е. Э. Бломквист в своей последней (посмертно изданной) работе несколько иначе классифицирует крытые дворы по способу их соединения с жилым домом. Она делит их на два основных типа: 1) крытый двухъярусный двор (севернорусский тип) и 2) крытый одноярусный двор (среднерусский тип); каждый из них подразделяется на подтипы по способу «связи»: а) однорядная, б) двурядная, в) слитная, г) глаголем, д) поперечная; среднерусский тип имеет еще два подтипа: е) трехрядная связь (преимущественно в Приуралье и в Западной Сибири) и ж) «двор на отставе» (спорадически в

«Русская» печь в старой крестьянской избе (Краснохолмский р-н, Калининской обл.)

Некоторые хозяйственные постройки всегда устраиваются отдельно от дома, даже там, где дом соединен с двором. Отдельно строится гумно для хлеба (у украинцев—клуня), часто связанное с овином (у белорусов—восетью). Это вызвано соображениями пожарной опасности. По той же причине отдельно строится баня.

Распространены бани у восточных славян не повсеместно. Настоящие особые бани имеются у северных великорусов. Там каждый более или менее достаточный хозяин имел баню, которая обычно стояла поодаль от дома, у воды. Баня имеет печь-каменку. У южных великорусов бани обычно не бывает, вместо нее моются—или мылись—в домашней печи. У белорусов бани имелись не везде, местами они появились только в недавнее время. Кое-где имеются «лазни» с печью-каменкой, в которых не моются, а только парятся. У украинцев бань в прошлом совсем не было.

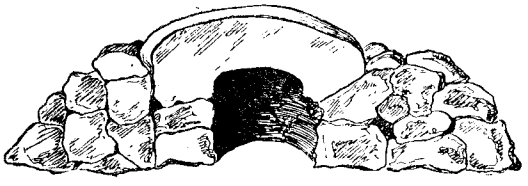
Сейчас в колхозах повсюду строятся общественные благоустроенные бани.

Внутренняя планировка и обстановка жилья. Печь. Во внутренней планировке и обстановке жилой части дома проявляется тоже немало национальных черт. Особенно велико значение печи.

Печь, так называемая «русская», представляет собой характернейшую особенность восточнославянского жилища. Она отличает его от жилищ как восточных, так и западных соседей. У народов Сибири, Средней Азии, Кавказа господствует открытый очаг или пристенный камин-чувал, а также наружная хлебная печь. У народов Центральной Европы—очаг и развивающийся из него камин, печь-голландка. По сравнению с этими формами русская печь представляет собой более сложный и высокий тип, удовлетворяющий разным потребностям. Происхождение печи не вполне выяснено. Название ее связано с глаголом «печь», «пеку» и указывает,

Псковской области и в Поволжье; двор отодвинут от дома и соединен с ним мостками.

Печь-каменка

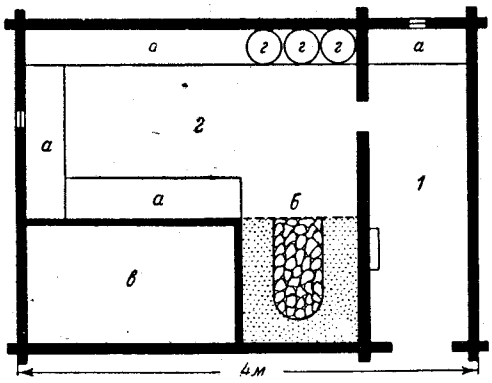

вероятно, на родство ее с хлебной печью. Но это только один из корней нашей печи. Другой прототип печи—«каменка», сохранившаяся и сейчас в самом примитивном виде в банях: это куполообразная кладка из камней, скрепленных глиной, без дымохода. Наконец, печь заменяет собой и очаг с дымоходом, который, видимо, некогда применялся в жилищах восточных славян[1].

По всей вероятности, «русская» печь возникла именно в Восточной Европе. Памятники Трипольской культуры (III—II тысячелетия до н. э.) в Поднепровье свидетельствуют о существовании прототипа подобной печи уже в то время. Вероятно, от этих своих предков или предшественников—«трипольцев»—унаследовали восточные славяне «русскую» печь, а от них позже заимствовали ее их соседи и на востоке и на западе. Некоторые из них при этом соединили заимствованную печь с собственным очагом. Такую комбинацию мы видим на востоке у волжских татар, на западе—у карел, поляков, словаков.

Печь складывается из кирпича или—более старый способ, сохранявшийся у бедноты,—из глины. Она состоит из «опечья», невысокой деревянной рамы, заполненной утрамбованной глиной, и собственно печи в виде свода с «устьем» («челом»). В старину печь устраивалась без дымохода, и дым наполнял жилье и выходил через дверь. Такие «черные» избы сохранялись в более глухих местах, особенно у бедняков. На Севере, где избы имеют очень высокие потолки, и дым, поднимаясь вверх, не мешает людям, топка «по-черному» встречается местами и теперь.

Сложному происхождению печи отвечает сложность и разнообразие ее функций. Их можно насчитать до десяти; в других странах они выполняются совершенно разными

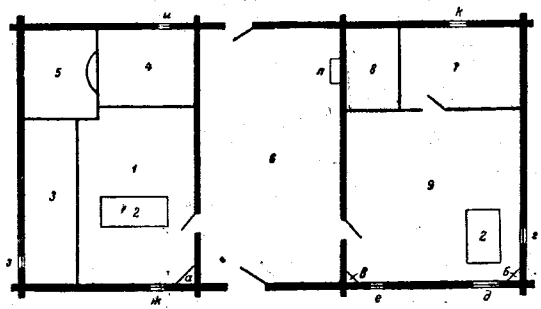

План крестьянской бани (Вологодская обл.): *1*. Предбанник. *2*. Баня: *а*—лавки; *б*—печь-каменка; *в*—полок; *г*—ведра

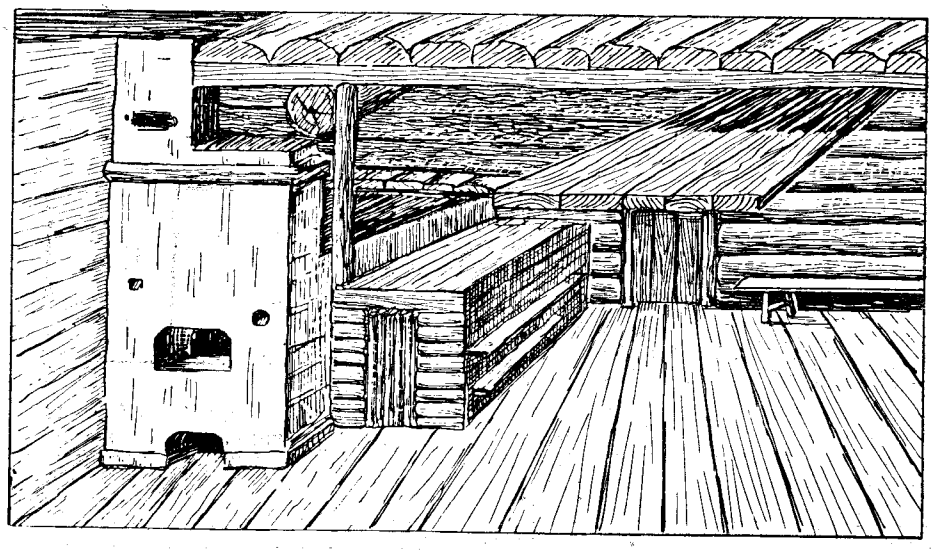
приспособлениями. Это—хлебопечение; варка пищи; согревание жилья; мытье (у южных великорусов вместо бани); лежание и спанье (обычно для старых членов семьи); сушка одежды и обуви; подпечье—для мелких животных; хранение утвари—на печи, под печью, за печью и др. Следует отметить также особенно крупную роль, какую печь играла в обрядах, поверьях, традициях, фольклоре восточных славян.

Господство печи у восточных славян обусловило и определенные формы кухонной утвари и способы приготовления пищи. В отличие от соседних народов, где употребляется подвесной (надочажный) или вмазанный котел, у нас издавна господствовал печной горшок. Котел обогревается снизу, горшок сбоку. Этим вызвана и характерная форма горшка и повторяющего его форму «чугуна», который берется снизу ухватом (рогачом). Собственно котел чужд восточно-

Расположение частей жилища в избе «восточно-южновеликорусского» типа. План богатой усадьбы (серед. XIX в.) (Обоянский у., Курской губ.): *1*—изба; *2*—стол; *3*—примост; *4*—топлюшка; *5*—печь; *6*—сени; *7*—комнатка; *8*—груба; *9*—светлица; *а*, *б*—красные углы; *в*—поставец; *г*, *д*—красные окна; *е*, *к*—волоковые окна; *л*—дымоход

[1] О происхождении «русской печи» и о ее генетических связях высказывались разные мнения, и вопрос окончательно не решен. Некоторые авторы полагали, что русская печь непосредственно развилась из открытого очага; немецкий этнограф В. Герамб считал (1926), что это произошло через ограждение очага с боков и сверху. К. Мошиньский рассматривает печь как результат своего рода сращивания древнего открытого очага с хлебной печью (первоначально ставившейся вне дома, как и теперь у южных народов). Есть также мнение, что переходной формой от очага к печи был глиняный колокол, употребляемый для печения хлеба, напр., у южных славян, румынов, венгров: такой колокол, высотой до 85 см., ставят на очаг и обкладывают раскаленными углями; по форме он представляет как бы маленькую передвижную печь. Некоторые исследователи полагали, что русская печь заимствована славянами от римлян (непосредственно или через германцев), но это совсем неправдоподобно.

Голбец и полати в северновеликорусской избе

славянской культуре .Самое название его заимствовано или с запада («котел» от народного латинского «catilla», нем. Kessel) или от тюрков («казан»).

Местами жилье имеет, помимо русской печи, дополнительные небольшие печки, служащие либо для обогревания, либо для мелкой варки, разогревания пищи. Они обычно бывают соединены с русской печью. У великорусов они называются «лежанка», в новое время также «голландка», у украинцев—«кабица», «груба» («грубка»).

Печь безраздельно господствует у всех восточных славян. Но положение ее в доме различно, и это тоже один из характерных признаков, по которым различаются отдельные национальные группы.

У северных великорусов печь стоит обычно у двери, справа или слева от нее, повернута устьем к противоположной стене, т. е. к окнам, выходящим на улицу («челом к свету»). У украинцев, белорусов и части южновеликорусов положение печи то же, но устьем она повернута к входу. У другой части южновеликорусов печь ставится в противоположном от входа углу. Но здесь тоже две разновидности: устье повернуто или вбок от двери, или к двери. Последнюю разновидность Д. К. Зеленин приписывает однодворцам. По новейшим исследованиям Е. Э. Бломквист, расположение печи в противоположном от двери углу устьем к двери—это признак «восточно-южновеликорусского» плана (Орловская, Курская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская области), а положение ее в том же углу, но устьем к продольной стене,—это «западно-южновеликорусский план» (Калужская, Брянская области)[1].

С положением печи в избе связано расположение и назначение других постоянных элементов жилья. По диагонали от печи находится «красный» («большой», «святой», «передний») угол. Там по старой традиции полагалось вешать иконы с лампадами, там вешают портреты, картины. В красном углу стоит прямоугольный стол, место которого в избе постоянно и который играет важную роль и в повседневной жизни семьи (для принятия пищи), и в обрядах, обычаях, поверьях народа. Это опять характерный элемент русской культуры: у других народов стол обычно не имеет постоянного места и не играет такой важной роли в быту. От красного угла по обеим стенам идут неподвижные лавки—опять характерный признак восточнославянского жилища. Короткая и широкая лавка от входной двери до угла называется обычно «коник» (так как она раньше украшалась конской головой).

Расположение окон тоже подчинено традиции. У северных великорусов узкая стена дома, выходящая на улицу и противоположная печи, имеет обычно три окна. В смежной

[1] По предположению Бломквист, можно наметить примерную эволюцию расположения печи в жилище. Древнейший тип—это восточно-южновеликорусский план, что подтверждается археологическими данными и некоторыми пережитками этого плана в областях распространения других типов; а наиболее поздний тип—северновеликорусский, самый удобный в смысле сохранения тепла в жилье; распространение этого типа было, вероятно, связано с новгородской и московской колонизацией Севера.

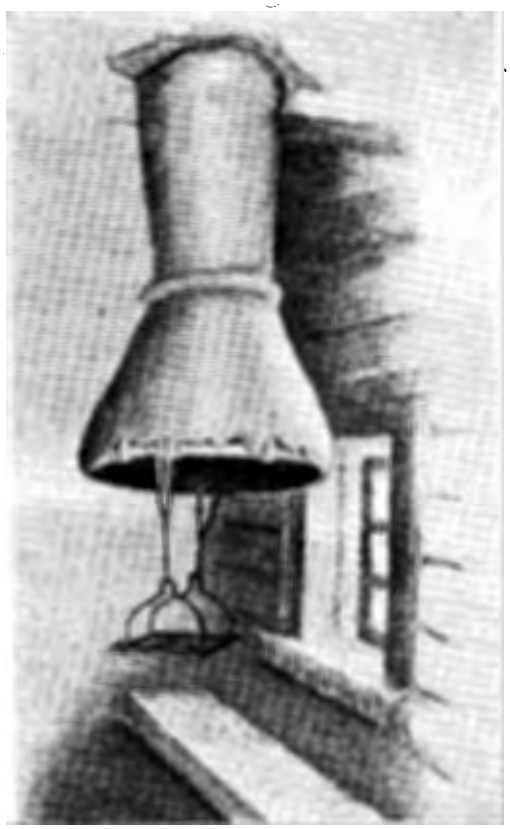
стене, по диагонали от печи, одно окно. У украинцев узкая стена против печи имеет чаще одно окно, смежная стена—два. Окна с застекленными рамами («косящатые», или «красные») появились сравнительно недавно. Им предшествовали небольшие «волоковые» окна, с задвижкой.

Пол в жилье бывает двух видов: на юге земляной, на севере дощатый. Земляной пол в свою очередь подразделяется: просто земляной (в прошлом у южных великорусов) и глинобитный, плотно утрамбованный, иногда из смеси глины с навозом (украинцы, часть белорусов). У украинцев глинобитный пол содержится в тщательной чистоте. Дощатый пол господствует, естественно, там, где жилище приподнято над уровнем земли, т. е. прежде всего у северных и средних великорусов. У белорусов он встречается в болотистых местах. У них и у южных великорусов он делался прежде в более зажиточных домах, в настоящее время распространился широко. Там, где пол земляной (белорусы, украинцы), там слово «пол», «піл» означает не то, что означает оно в русском литературном языке, а особый деревянный настил, или нары, устроенные вдоль стены между печью и противоположной стеной и служащие для спанья. Наш же пол называется по-украински «доливка», «дiл».

Для спанья и для складывания одежды служили также «полати»—дощатый настил под потолком. Полати делались или над входом, или вдоль боковой стены, но во всяком случае одним концом упирались в печь. Но полати известны не везде. У украинцев и части белорусов их не было. Сейчас они вообще почти нигде не сохранились.

У северных великорусов встречается одна особенность жилища: боковая часть его, от печи до противоположной стены, отделяется перегородкой. Это так называемый «чулан», или «шóлнуш» («шóмныша»), играющий роль кухни или женского отделения. «Чулан»—зародыш деления жилья на комнаты, и с появлением настоящих комнат он исчезает. Еще одна деталь северновеликорусского жилища—это «гóлбец», невысокая пристройка вдоль печи; поверхность ее служит для сидения и лежания, но она имеет дверцу и через нее ход вниз, в подполье. Голбец может служить также шкафом.

Принадлежностью старого жилища был «светéц» (у белорусов «лучнúк», «кóмин»)—приспособление для горящей лучины, служившей для освещения. Теперь «лучина», занимающая такое видное место в русском фольклоре, отошла в область прошлого. Жилище освещается керосином или—все чаще—электричеством.

Лучник в старой белорусской хате

Наконец, в жилище обычно есть детская колыбель («зыбка», «колыска», «люлька»). Восточнославянская колыбель всегда подвесная, в отличие от стоячей качалки, господствующей у народов юга и юго-запада.

Распределение мест в жилище и предметов обстановки было строго определено традицией. Каждый угол имел свое назначение и как бы заменял отдельную комнату. В.И. Даль указывал, что 4 угла крестьянской избы соответствуют гостиной («красный» угол), спальне, кухне и передней. С развитием многокомнатности жилища это распределение утрачивает свой смысл.

Декоративная сторона. Немаловажное значение имеет декоративная сторона крестьянского жилища. Она особенно выступает, с одной стороны, у северных великорусов, с другой—у украинцев. На севере преобладает орнаментация жилища резьбой, на юге—росписью. Резьбой обычно покрываются

Резьба на доме (с. Приснецово, Лысковского р-на, Горьковской обл.)

Резьба на доме (с. Анновка, Шигонского р-на, Куйбышевской обл.)

Резьба на доме (пос. Васильсурск, Горьковской обл.)

детали внешней поверхности дома: карниз, доски, которыми обшиты углы сруба, наличники окон, ставни, крыльцо и пр. Местами, например в Ярославской, Горьковской и других областях, эта резьба поражает своей художественностью и разнообразием. По технике она бывает разных типов: более старый тип—долбленая резьба, более поздний (с середины XIX в.)—накладная, или пропиловка, нескольких разновидностей. Орнамент иногда также и раскрашивается. У украинцев беленые хаты иногда украшаются полихромной росписью как снаружи, так и внутри. Украинцы придерживаются также обычая украшать внутренние стены жилища, особенно красный угол, вышитыми «рушниками».

Терминология. При изучении жилищ и построек имеет значение анализ терминологии, которая иногда помогает понять происхождение той или иной детали. Особенно интересны термины, которыми обозначается все жилище в целом. У восточных славян господствуют два термина: «изба» (у северных и южных великорусов) и «хата» (у белорусов и украинцев). Первый из этих терминов многие, особенно немецкие, авторы считают заимствованными из германских языков (stofa, stufa, откуда соврем. Stube). Но никаких серьезных доказательств в пользу этого взгляда не приведено. Напротив, более правдоподобна чисто славянская этимология этого слова. Старославянская форма «истъба» разъясняется сохранившимся и теперь у белорусов термином «истопка», означающим отапливаемый амбар. Вероятно, значение слова было связано с глаголом «истопити» и относилось к отапливаемому печью жилью (в отличие от холодных сеней и клети). Этот корень встречается у всех без исключения славянских народов: у украинцев «призьба»—завалинка (нечто «при избе», хотя само слово «изба» исчезло). У болгар «и́зба»—землянка или пристройка. У сербо-хорват (в Герцеговине и Далмации) «и́зба» означает погреб. У словенцев jispa, ispa, ispica—особая камера или комната, часть жилья. У чехов и словаков jistba, jizba означает жилую комнату. У поляков в некоторых диалектах сохранились термины izba, istba, izdba, istebka. У кашубов этому соответствует jistibka. У верхне-лужичан jstwa, stwa—комната, у нижнелужичан—šра, šра, spa. У полабских славян был термин jazba—крестьянская комната.

Очень вероятно, что именно от славян данный термин попал и к финским народам («тупа» с обычной утратой начального согласного перед другим) и к германским, а с другой стороны, и к туркам (izbe), албанцам (izbe—погреб), венграм (szoba).

Термин «хата» распространен гораздо менее. Он совершенно отсутствует у всех южных славян, из восточных известен только у украинцев и белорусов (у южновеликорусов—редко). Польское chata—слово книжного происхождения. У чехов встречается chat', chatře—хижина. Есть предположение, что этот термин заимствован из какого-то иранского языка («kata»), может быть, от скифов. Он встречается и у финских народов («кота», «куд»), у мадьяр («ház»), на востоке—даже у кетов (xōt, xat).

Роспись печи в украинской хате

Культурно-географические группы. Если по совокупности всех перечисленных признаков классифицировать постройки восточных славян, то можно установить определенные культурно-географические типы, приблизительно совпадающие с этническими делениями.

Украинский тип: «село» беспорядочного плана или хутор, усадьбы огорожены, жилые и хозяйственные постройки в них разбросаны, двор открытый; материал построек и строительная техника весьма разнообразны, жилые постройки обычно беленые, дом («хата») двух- или трехраздельный, наземный, одноэтажный, пол глинобитный, крыша четырехскатная, обычно соломенная; печь у двери, устьем к ней, красный угол по диагонали от нее; «піл» за печью; иногда роспись внутри и снаружи.

Южновеликорусский тип: «деревня» обычно вдоль одной-двух улиц; дома и хозяйственные постройки на усадьбе разбросаны или замыкают с 3—4 сторон открытый двор; техника постройки срубная; дома небеленые; план дома трехраздельный, длинным фасадом вдоль улицы; жилье («изба») на низком подполье; крыша двух- или четырехскатная, соломенная или тесовая; печь в избе против входа, красный угол у входа; декорировка скудная.

Северновеликорусский тип: «деревня» обычно вдоль улицы, дома выходят на нее

узкой стороной (фронтоном); техника срубная; дом в основе трехраздельный, но этот план нарушается соединением дома с двором «однорядной связью»; дом на высоком подполье, часто двухэтажный, двор местами также; крыша двускатная, тесовая; разрастаясь и в вертикальном и в горизонтальном направлении, соединяясь с крытым двором и другими хозяйственными помещениями, севернорусский дом превращается местами в огромную постройку, шедевр русской народной архитектуры; богатая декорировка резьбой.

Среднерусские и белорусские постройки не представляют собой определенных и самостоятельных типов, а скорее переходные формы, в которых сочетаются элементы северновеликорусской, южновеликорусской и украинской (у белорусов) архитектуры.

В географическом распределении этих типов отразилась глубокая историческая традиция. Так, например, некоторые характерные особенности украинского жилища восходят в отдаленное прошлое, они прослеживаются вплоть до остатков «трипольских» поселений (III—II тыс. до н. э.), изученных в последнее время советскими археологами. Срубное жилище имеет не менее глубокую древность. Очевидно, культура жилища развивалась у населения Восточной Европы с отдаленного времени на местной почве[1]. На развитие ее повлияли разные условия, прежде всего хозяйственно-географические. Так, например, разбросанное расположение жилищ и хозяйственных построек связано, вероятно, с условиями земледельческого хозяйства на юге и с пожарной опасностью. Соединение дома с крытым двором скорее объясняется потребностью в долгую зиму держать скот ближе к жилью. Высокие, большие северновеликорусские дома в известной мере порождены условиями северной природы с ее обилием леса, с суровыми зимами, глубокими снегами. В то же время на них, быть может, отразились социальные условия: быт больших неразделенных семей, долго сохранявшихся на севере; еще более отразились на жилище и здесь, и в других местах классовые различия: у зажиточных слоев населения и размеры, и качество, и благоустройство жилища, конечно, сильно отличались от бедняцких.

Вполне понятно, что и соседи восточных славян, живущие в сходных с ними условиях, заимствовали от них или, может быть, совместно с ними вырабатывали с отдаленного времени те же типы жилищ и построек. Севернорусский тип встречается почти в таком же виде у карелов (но не у финнов-суоми), у коми-зырян и пермяков. Южновеликорусский (с элементами северного)—у народов Поволжья. У поляков, по крайней мере у восточных, постройки сходны с белорусскими, украинскими. У румын и молдаван, частью у словаков, у болгар типы построек очень близки к украинским.

Русская народная архитектура оказала влияние и на церковное и на городское зодчество. Старинные русские церкви, особенно деревянные, сохраняют частично формы крестьянских построек. Старые городские дома, особенно в небольших городах, а прежде даже и в Москве, обнаруживают те же черты народной русской архитектуры.

Народная архитектура в эпоху колхозного строя. Хотя поселения и постройки составляют самый устойчивый, наименее подвижный элемент материальной культуры любого народа, однако те крупнейшие изменения, которые порождены во всем народном быту Великой Октябрьской революцией и колхозным строительством, не могли не отразиться существенным образом и здесь.

Изменения эти стали особенно заметно сказываться в годы коллективизации и еще более после укрупнения колхозов. Общий рост материального благосостояния колхозов и колхозников приводит к изменениям и в общем облике деревни (села), и в характере построек, и во внутренней планировке, и обстановке жилища.

Возрастает средний размер села-деревни, ибо нет прежнего отлива избытка населения на заработки; деревня богатеет и строится; во многих деревнях бросаются в глаза «новые слободы»—улицы и группы домов, выстроенных за послереволюционные годы.

Планировка деревни в большинстве остается прежней, но самое видное место в ней занимают теперь не церковь, не помещичья усадьба, не кулацкие дома, как раньше, а общественные постройки и культурные учреждения, количество которых все более растет: это—правление колхоза, колхозный клуб или театр, школа, детский сад, больница, МТС и другие постройки. Во многих деревнях уже заметно выделяется общественно-культурный центр, иногда обне-

[1] Есть, однако, мнение (Г. Г. Громов), что характерные особенности современных областных типов крестьянского жилища сложились лишь в недавнее время—с XVII—XVIII вв.

сенный палисадником, с цветником и древесными насаждениями, с досками почета, со скульптурными портретами. Деревня в целом принимает постепенно более благоустроенный вид, идет озеленение, иногда мостят улицы.

Многое изменилось и продолжает изменяться и в архитектуре жилых и хозяйственных построек колхозников. Меняется прежде всего соотношение между жилыми и хозяйственными постройками: прежде последние нередко преобладали (по количеству и размерам) над первыми—скотные дворы, конюшни, сараи, амбары, кладовые, гумна, овины и пр.; теперь же значительная часть их за ненадобностью отпадает, а зато жилье разрастается сообразно растущим материальным и культурным требованиям колхозной семьи.

Конструкция построек, хотя не так резко, но тоже меняется. Жилые дома по-прежнему строятся почти всегда срубные, но чаще уже на кирпичном или каменном фундаменте. Общественные же постройки очень часто возводятся из кирпича, шлакобетона или другого огнестойкого материала. Крыши и общественных и жилых зданий все чаще делаются железными.

Самое характерное, как уже сказано,— это разрастание жилой части дома, усложнение архитектуры жилища. Классический трехраздельный план постепенно уступает свое место многокомнатному дому. Прежде всего часть жилья с русской печью отделяется перегородкой и превращается в кухню, причем сама печь обычно отодвигается от стены и повертывается к ней устьем. В дополнение к русской печи появляются голландки, плитки, времянки. Далее, отделяется спальня, зачастую еще столовая, «зало». Крыльцо обнаруживает тенденцию разрастаться в терраску, иногда застекленную. Теперь все реже можно встретить старую крестьянскую избу, где углы заменяли собой деление на комнаты.

Не менее бросается в глаза обогащение обстановки жилья. В нем все чаще встречается покупная городская мебель: столы, стулья, иногда диван. Деревянная кровать заменяется железной, подчас никелированной. Во многих районах почти обязательной принадлежностью колхозного жилища стали часы, зеркала, книги. Все большее число деревень электрифицируется, и «лампочка Ильича» освещает дом колхозника. Не менее широко распространяется и радио. Есть колхозы, где в домах имеются и телефоны.

Замечается стремление украсить жилище снаружи и внутри. В некоторых домах стены оклеиваются обоями, полы красятся. Кроме традиционной резьбы (у северных великорусов), росписи (у украинцев), развески «рушников» и пр. (у украинцев), теперь употребляются и покупные декоративные предметы: картины, фарфоровые вазы и пр.

Сейчас при разработке новых типов колхозных построек, которые должны удовлетворить повышенным материальным и культурным потребностям колхозников, в каждой географической зоне учитываются не только ее природные и хозяйственные особенности, но и местные этнические традиции, вековой опыт народа. Наиболее ценные его черты сохраняются и развиваются в новом колхозном строительстве. Здесь особенно важна помощь этнографов.

ОДЕЖДА

Изучение одежды представляется делом значительно более трудным, чем изучение жилища. Постройки сохраняются более длительно, одежда же гораздо скорее вытесняется новыми городскими формами. Старые вещи или совсем исчезают из быта, или хранятся только в сундуках, так что иногда трудно докопаться до традиционных типов одежды восточнославянских народов.

Тем не менее по старым и новым описаниям и по музейным коллекциям мы можем проследить характерные элементы комплекса национальной одежды и отчасти их развитие.

Они позволяют выделить, как и в постройках, определенные культурные типы: северновеликорусский, южновеликорусский и украинский, примерное распространение которых более или менее совпадает с районами, выделяемыми по данным языка. У белорусов и в одежде, как и в постройках, меньше чисто местных форм, там смешаны элементы украинские и русские и такие, которые связывают восточнославянский мир с западнославянским.

Нательная и верхняя одежда. Основу народного костюма восточных славян, и женского и мужского, составляла рубаха из домотканного холста. В отличие от городской женской рубашки, она имеет рукава. Признано, что древним покроем рубахи был «туникообразный», при котором одно или два полотнища перегибаются через плечи, с отверстием для головы, и к ним непосредствен-

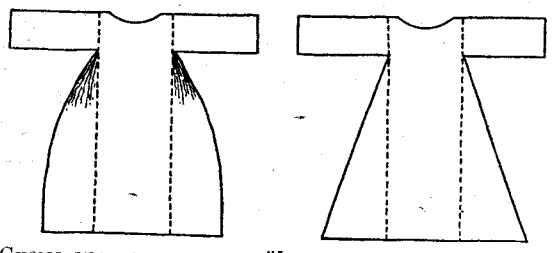
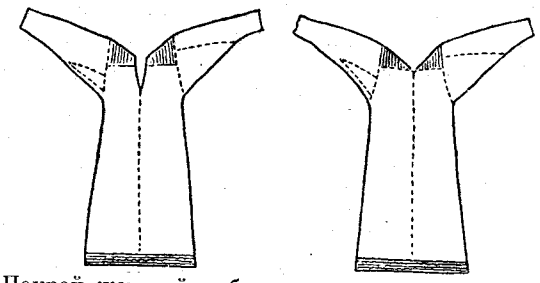

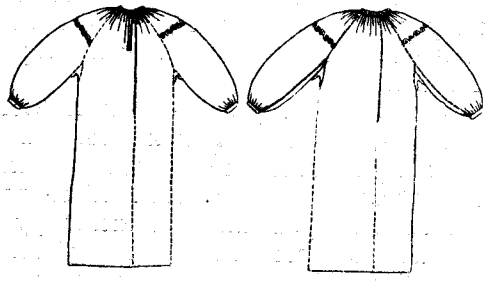
Схема эволюции женской туникообразной рубахи: (по К. Мошиньскому): *а*—древний тип, с прямыми боковыми вставками (сохранилась в Боснии); *б*—более поздний тип, с клиновидными вставками (известна с VII в. в Европе—с XII—XIII вв.)

Покрой женской рубахи с прямыми поликами

Покрой женской рубахи с косыми поликами

«Карпатский» тип женской рубахи. Рукава слились с поликами, вшитыми по основе (Закарпатская обл.)

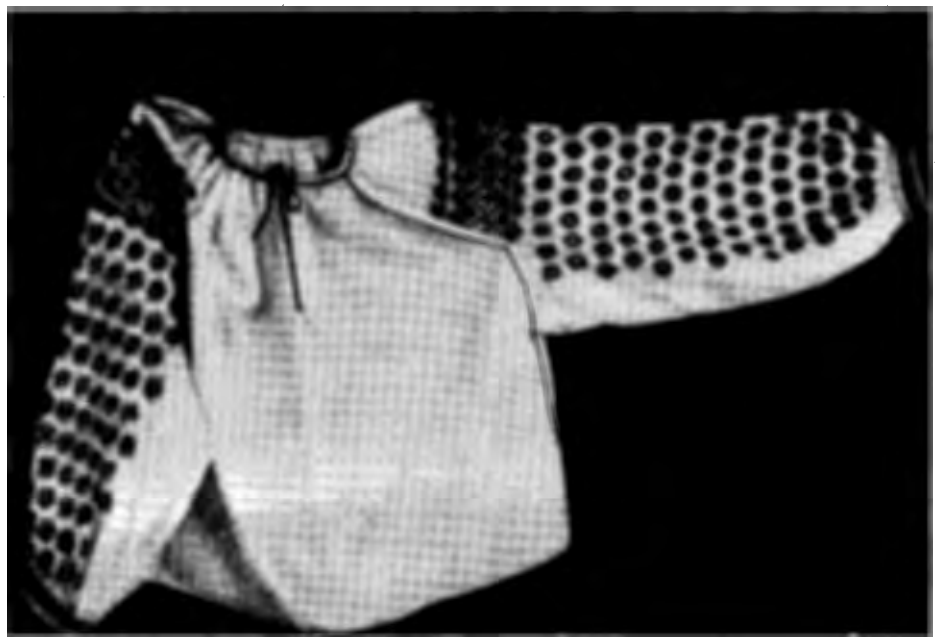
но пришиваются рукава. Туникообразную рубаху Б. А. Куфтин считал характерной для восточнофинских народов, противопоставляя ее восточнославянской рубахе с «поликáми». Но и у русских сохранились остатки бытования туникообразной рубашки: местами она сохраняется как «старушечья» рубаха, еще чаще—как мужская; у донских казаков и женская рубаха обычно туникообразная. Типичной для всех восточных славян являлась рубаха с поликами. Полики—особые вставки на плечах, обычно покрытые обильной вышивкой. Рукава пришиваются уже к поликам. Полики встречаются двух типов: «прямые» (прямоугольные), характерные для украинцев, белорусов и северных великорусов, и «косые» (трапециевидные), преобладающие у южных великорусов. Те и другие делятся на подтипы. Одним из подтипов считают тот покрой, в котором полики составляют одно целое с рукавами, доходящими, таким образом, до ворота; его можно назвать по месту распространения «карпатским».

Происхождение поликов остается неясным. Они встречаются и у западных славян, в частности у поляков, у словаков, в несколько иной форме в Северной Болгарии. По мнению польского этнографа Казимира Мошиньского, полики развились из фибул на плечах, скреплявших в древней одежде отдельные полотнища для груди и спины. Однако более вероятно, что перед нами лишь дальнейшее развитие того же древнего туникообразного покроя. Переходной формой между тем и другим типом может считаться женская рубаха в Литве и Восточной Польше с нашитыми полосками на плечах: быть может, это и есть прототип наших поликов.

Местами, например у украинцев, встречается рубаха, состоящая из двух частей, верхней и нижней (нижняя из более грубого полотна). Обе части иногда даже не сшиты, верхняя образует род блузы, а нижняя—маленькой юбки. Аналогию такой составной рубахи можно найти у словаков.

Мужская рубаха обычно туникообразная. Более древний ее тип, с прямым разрезом ворота, сохранился у украинцев (ворот покрыт вышивкой). У русских преобладала «косоворотка», с разрезом ворота на левой стороне, но этот тип рубахи распространился не раньше XV в., видимо, из Москвы. Косой разрез ворота известен у словаков, но не на левой, а на правой стороне груди.

Для девушек рубаха служила прежде не только нижней и комнатной, но и выход-

Верхняя часть южноукраинской женской рубахи (блузка)

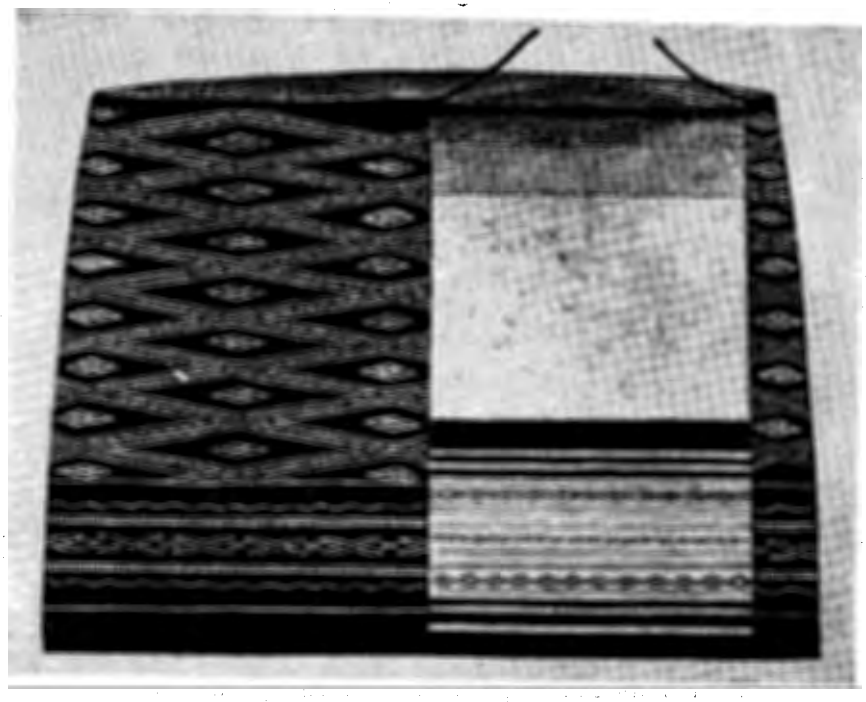
ной одеждой, летом поверх ее ничего не надевалось. Напротив, замужняя женщина всегда носила ту или иную верхнюю одежду. Типы ее различаются у отдельных восточнославянских народностей. Именно по типам верхней женской одежды выделяются характерные культурно-географические комплексы костюма.

Архаичные формы встречаются в женской поясной одежде. Юбка проникла к восточным славянам сравнительно поздно. У русских она появляется только в XIX в., местами лишь в последние десятилетия. У украинцев юбка («спідниця») появилась несколькими столетиями раньше, придя с Запада. У белорусов тоже; там само название юбки («андарак») указывает, быть может, на ее западное происхождение (от нем. Unterrock), хотя есть и другие объяснения этимологии этого слова.

Наиболее примитивная форма самобытной поясной одежды женщин сохранялась местами у украинцев: это «дерга»—длинный кусок ткани, просто обвертываемый вокруг талии. Дерга носилась главным образом как рабочая одежда, особенно в Харьковской и Полтавской областях. Аналогичная одежда в некоторых западных областях УССР называется «обгортка». Другой сходный тип—«запаска», обычно из темной шерстяной материи, прямоугольной формы, которую носили в виде передника на поясе, чаще две—одну спереди, другую сзади. Это тоже рабочая одежда. Праздничной же служила прежде «плахта» с тканым или вышитым орнаментом. Плахта делается из двух кусков ткани узкой и длинной (2 м), которые сшиваются по длине до половины; в этом месте плахта перегибается и носится так, что сшитая часть охватывает зад и бока, а несшитые концы свешиваются с боков, либо подвертываются. Перед закрывается особым фартуком («попередниця»).

Аналогичная плахте одежда недавно бытовала у южных великорусов (местами есть и сейчас)—это так называемая «понёва». Понева шьется из трех прямоугольных кусков домодельной ткани, обычно темного цвета, в крупную клетку. Эти 3 куска сшиваются в ряд, иногда не целиком. Понева бывает разных видов и носится по-разному. Наиболее примитивная понева—«разнополка», закрывающая тело сзади и с боков. Напереди концы не сходятся, а иногда их носят подоткнутыми за пояс; а потому концы эти покрываются вышивкой не с лица, а с изнанки. Другой тип—понева с «прошвой» или «вставкой»: это—4-й кусок ткани, более легкий, обычно покупной, которая соединяет концы поневы, превращая ее в нечто вроде юбки. Понева—характерная принадлежность костюма замужней женщины. Надевание ее составляло один из моментов свадебной обрядности.

Понева («панява») имеется также у бело-

Поneва со вставкой (Касимовский р-н, Рязанской обл.)

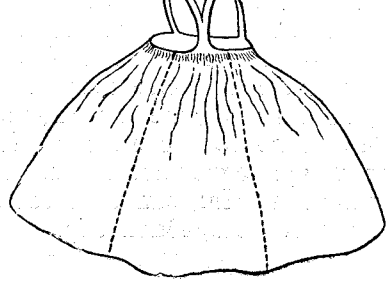
русов. У северных великорусов она в настоящее время совершенно неизвестна, но раньше, как полагают, существовала. Аналогичный тип женской одежды еще недавно бытовал у их соседей, ижоры и води.

У северных великорусов поневу заменяет сарафан. Сарафан считается чисто национальным русским костюмом, но он появился у нас не так давно. Название его персидское («серапа»—«с головы до ног»), но покрой скорее западного происхождения. Он распространился около XV—XVI вв. Есть несколько типов сарафана. Более древним считается «косоклинный», распространенный, например, в Новгородской области. Он имеет с боков вставные клинья, расширяющиеся вниз, и спереди разрез, настоящий или фальшивый, с двумя рядами пуговиц. Более поздний тип—«круглый», или «московский», сарафан, сшитый из прямых полос, верхняя часть стянута сборками. Третий тип, напоминающий городской «сарафан», состоит из сшитых вместе лифа и юбки.

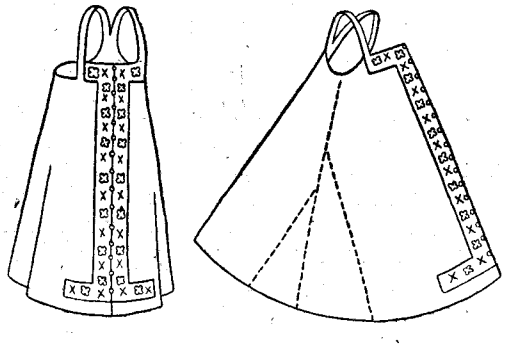
Сарафан, хотя и плечевая одежда, вытеснил и заменил поясную—поневу. На Севере он распространился повсюду, но местами встречается и у южных великорусов, вероятно, принесенный туда однодворцами.

Другие виды женской одежды, носимой поверх рубашки, довольно разнообразны по покрою. Особенно разнообразны и пышны они были у зажиточных крестьянок, в старину у купчих. Некоторые повторяют покрой руба-

Сарафан круглый

Сарафан косоклинный

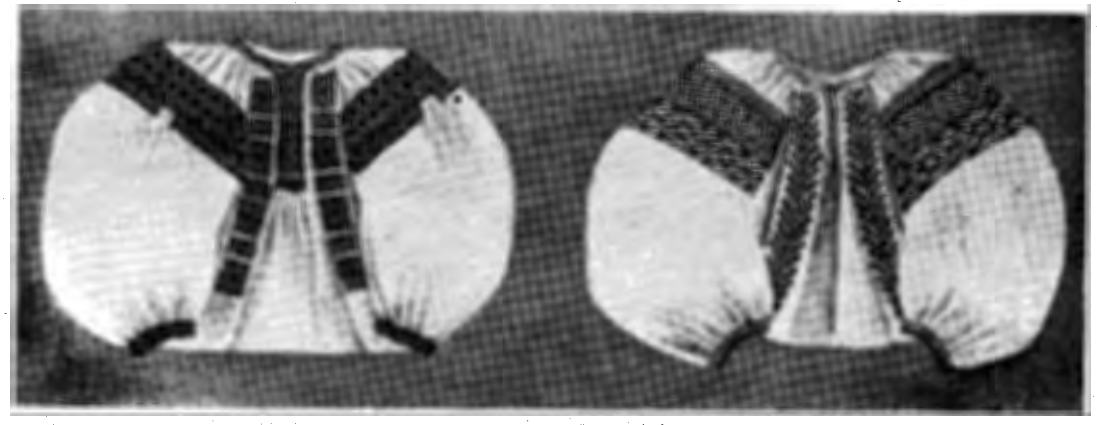

Украинка в национальной одежде. (начало XX в.). Видны концы плахты

Замужняя женщина в поневе (начало XX в.). (Новосильский у., Тульской губ.)

Украинские блузки

Украинцы в праздничных костюмах (начало XX в.) (Черниговская обл.)

хи. Встречается одежда глухая и распашная, с рукавами и без рукавов, из самодельной и покупной ткани, иногда из дорогого бархата, шелка с богатой вышивкой. Названия этих частей костюма весьма различны: у русских—занавеска, хвартук, запон, шушпан, касталан, нагрудник и пр.; у украинцев—юшка, лейбик, кірсетка, у белорусов—носов, насоў, кабат и др.

Мужская поясная одежда—это штаны. В качестве женской одежды штаны у восточнославянских народов не были известны и вошли в быт только теперь, под городским влиянием. Только у гуцулов женщины издавна носят подобие штанов, вернее ноговиц,—две отдельные штанины («доколінниці»), прикрепляемые завязками. Мужские штаны известны двух типов: с узким шагом и с широким шагом. Последние имеют в шагу клиновидную или даже прямоугольную вставку и бывают иногда очень значительной ширины. Такие широкие штаны распространились у украинцев во времена казачества под татарским влиянием. Широкие штаны носятся на «очкуре»—особом ремешке, стягивающем их сборками. У части западных украинцев и у всех белорусов и великорусов штаны узкие. Различается также способ носки рубахи: поверх штанов (навыпуск) или взаправку. Первый способ—более древний—сохранился у русских и белорусов. Украинцы же заправляют рубаху в штаны—в этом тоже сказалось влияние кочевников.

Верхняя теплая одежда у восточных славян в основе своей одинакова у мужчин и у женщин. Ее тоже можно проследить в эволюции от элементарных до развитых форм. Основными формами можно считать две: гуцульскую безрукавку — «киптарь» и накидку-плащ.

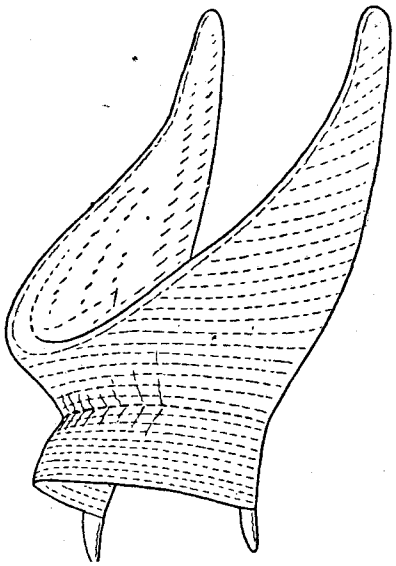
«Киптарь», или «бунда», в своей простейшей форме сохранился местами у карпатских горцев. Первоначально—это просто овчина с прорезанной посередине дырой, в которую просовывается голова, а концы овчины закрывают грудь и спину. Это—одежда типа южноамериканского «пончо». Эволюция этой примитивной одежды состоит в том, что бока ее сшиваются, а на груди делается разрез—получается короткая меховая безрукавка. Ее носят мужчины и женщины. Иногда она покрывается вышивкой. Этот тип одежды встречается и у словаков, у венгров, румын, у южных славян. Название «киптарь»—румынское, от слова peptul—грудь. Подобная одежда может считаться прототипом мужской куртки, известной у многих народов Европы. Тот же киптарь, но с рукавами и с пришитыми внизу полами, превращается в «кожух», известный всем украинцам. Более легкая одежда такого же покроя шьется из сукна—это «сердак», «катанка» и т. п.

Другим прототипом верхней теплой одежды был, вероятно, плащ. Плащевидная одежда существовала у древних славян и сохранилась до сих пор у многих народов Европы. У восточных славян она почти исчезла, вытесненная распашной одеждой с рукавами, первоначально однобортной (полы соприкасаются на груди и застегиваются без запáха), а впоследствии двубортной—с глубоким запáхом. Двубортная теплая одежда при холодном климате более рациональна, так как лучше сохраняет тепло. Но возможно,

что переход от однобортной к двубортной одежде совершился не без влияния восточных кочевнических образцов. Недаром большинство названий этого типа—не славянские, а взяты из тюркских, монгольских и других языков: тулуп, халат, доха, чапан, шуба, армяк и др. Более простым покроем одежды этого типа является прямоспинный; из него позже развился раскошенный (в талию) покрой: так получается русский зипун, кафтан, украинская и белорусская свита. Наконец, еще более сложна одежда, в которой нижняя часть, от пояса вниз, пришивается отдельно, образуя многочисленные складки: это казакин, поддевка, полушубок, шугай и т. п.

Очень характерна такая деталь, как способ запахивания верхней двубортной одежды. Существует два способа запахивания—на правую и на левую сторону. У нас в городском быту мужская верхняя одежда застегивается направо, а женская—налево. Оба способа представляют собой две различные традиции, связанные с двумя разными культурно-географическими зонами. Первый способ является у нас сравнительно поздним заимствованием из кочевнических восточных культур. Запахивание одежды направо—старая традиция степных скотоводческих народов. Напротив, женский способ застегивания на левую сторону—это древний обычай оседлых земледельцев Восточно-Европейской равнины. Восточнославянская верхняя одежда и у мужчин, и у женщин застегивалась всегда на левую сторону. Этот обычай существует и у народов Поволжья, где он борется с противоположной восточной модой, а за Уралом он вместе с другими элементами восточноевропейской культуры доходит до обских угров и кетов.

Головные уборы. В головных уборах восточных славян опять-таки можно проследить исконное единство и вместе с тем последовательные стадии развития. Особенно интересны женские головные уборы. Обычай ношения цветных головных платков—для деревни новый. Традиционные формы женских головных уборов иные. Как и у других народов, здесь по обычаю девушки ходили с непокрытой головой или носили легкие головные уборы, оставляющие открытой макушку: это разные венки, повязки, ленты, «почёлки», связки и пр. Напротив, замужняя женщина должна была по обычаю тщательно закрывать свои волосы и ни в коем случае, особенно при посторонних мужчинах и при старшей родне мужа, не показываться с открытой головой, «простоволосой».

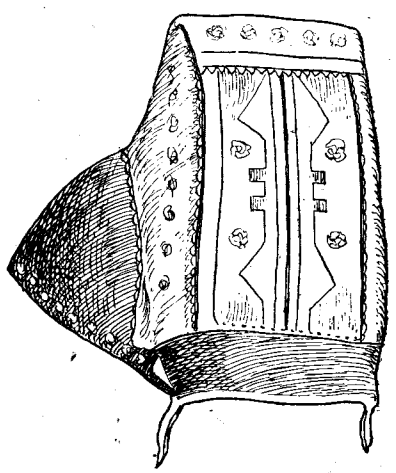

Рогатая кичка

Для женщины «засветить волосом» считалось грехом, и с этим связаны даже некоторые суеверия. Сорвать головной убор с замужней женщины значило нанести ей сильнейшее оскорбление. Эта народная традиция, по-видимому, восходит к древним магическим представлениям о таинственной колдовской силе волос. Эта сила особенно опасной считалась, когда она исходила от женщины-чужеродки, а все замужние женщины в эпоху экзогамно-родового строя были чужеродками. Напротив, девушки принадлежат по рождению к данному роду, и с их стороны, очевидно, магической опасности не предполагалось.

Таким образом, традиционный головной убор замужней женщины должен тщательно закрывать голову и волосы. Отсюда сложность женских головных уборов. Они у восточных славян обычно состояли из двух

Кокошник—«златоглав»

Одежда зажиточного крестьянина (2-я половина XIX в.). (Тамбовская губ.)

основных частей: твердой основы или мягкого чепца, плотно охватывающего голову, и просторной накидки. Украинский очипок, белорусский чепец, коптур, великорусский повойник, волосник стягивали плотно волосы. Поверх него надевались у украинцев намітка, у белорусов наметка, у русских фата, убрус, ширинка, полотенце.

Наиболее сложен был женский головной убор у южных великорусов. Это так называемая «сорока». Основу ее составляла «кичка», жесткая, из проклеенной ткани разных форм. Особенно интересны формы «рогатой» кички, иногда с очень длинными, высокими рогами. Происхождение этой причудливой формы объясняют по-разному: или это подражание коровьим рогам — магический оберег, или подражание древним рогатым шлемам воинов, или, может быть,—что вернее всего,—своеобразное развитие женской прически, при которой косы укладываются двумя пучками по обе стороны головы. Поверх кички надеваются другие части головного убора: налобник, позатыльник, полотенце и т. д., всего до 10 частей и более. Общий вес кички достигал нескольких килограммов. В этой сложности и в разнообразии форм—главная особенность сороки.

Сходные головные уборы, под тем же названием «сороки», известны у некоторых соседних народов—у мордвы, у карелов.

У северных великорусов вместо сороки господствовал кокошник. Отличие его от сороки в том, что в нем отдельные части соединены в одно целое. Известны три главных вида кокошника. Простейший из них характеризуется поперечным гребнем, которым как бы соединяются рога сороки. Во втором типе гребней два, один позади другого. Третий вид отличается высоким полукруглым гребнем, который обрамляет лицо, как ореол. Некоторые из разновидностей кокошника производят впечатление сложного произведения искусства[1].

Кокошник характерен был для северных великорусов, но он, подобно другим северным элементам культуры, проник и к южным великорусам.

В настоящее время все эти старинные —в большинстве неудобные и негигиеничные—типы головных уборов почти повсеместно, кроме только более глухих районов Севера, вытеснены покупными цветными платками, шапками и шляпами.

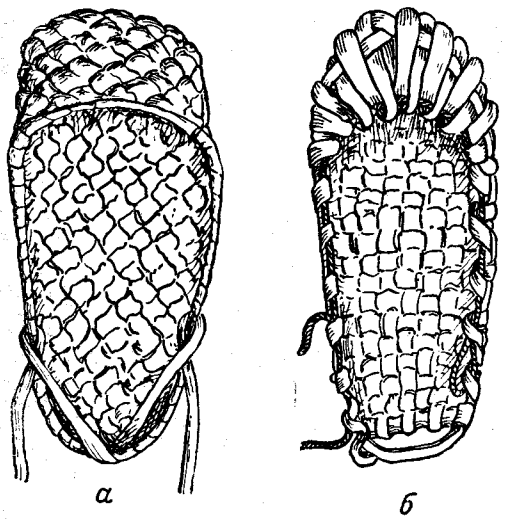
В мужских головных уборах нет такого разнообразия. Традиционные шапки на Украине, главным образом барашковые (смушковые), у русских и белорусов—валяные. В XIX в. распространился картуз, в XX в.—кепка.

---

[1] Г. С. Маслова, знаток восточнославянской одежды, в своей последней работе классифицирует головные уборы замужних женщин у восточных славян на следующие основные типы: полотенчатые, кичкообразные, кокошники, повойники, чепцы, колпаки и шапки. К числу древнейших принадлежат полотенчатые головные уборы («убрус», «ширинка», «наметка» и пр.) в виде длинного куска ткани, обвивающего голову и шею; в этом виде «наметка» особенно долго сохранялась у белорусов, а у украинцев—чаще в соединении с твердой основой; в новейшее время—с XIX в.—полотенце превратилось в головной платок (русск. «косынка», укр. «хустка» и др.). Колпаки и шапки в качестве женского головного убора не характерны для восточных славян и, вероятно, заимствованы у восточных соседей.

Обувь. Традиционная обувь тоже связана с определенными географическими областями. Высокие кожаные сапоги с голенищами и пришитой подошвой служили обувью для более зажиточных или праздничной; их носили и мужчины и женщины. Рядовая же рабочая обувь известна разных типов. У украинцев характерны «постолы» — мокасинообразная обувь из одного куска кожи, который охватывает ступню ноги и вверху стянут сборками. В более северной лесной зоне господствовали лапти, плетенные из лыка, реже из веревки. Лыковые лапти известны тоже нескольких типов: «московские» (русские)—косого плетения, с тупыми носами и высокими боками; белорусские—прямого плетения, с острыми носами, низкими и редко сплетенными боками. Сходный с белорусским тип лаптей, кстати, встречается и у народов Поволжья.

И с лаптями и с сапогами соединены обычно онучи, которыми обвивают ногу (вместо надевающихся чулков). За онучами, как и за голенищами сапог, носили мелкие и ценные вещи, деньги, пользуясь ими как карманом.

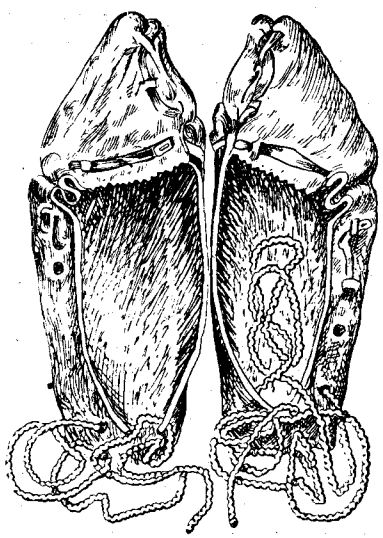
а *б*

Русские лапти: *а*—московского типа; *б*—западного типа

* * *

Описанная национальная одежда начала выходить из народного быта еще в XIX в. по мере проникновения в деревню городских товаров. В настоящее время редко где можно ее еще встретить, по крайней мере в виде целых комплексов. Но отдельные части национальной одежды носят еще во многих местностях, особенно пожилые крестьянки. В более отдаленных от городских центров деревнях встречается еще понева, сарафан, домотканая рубаха старого покроя, традиционные головные уборы—сороки, кокошники. Во многих деревнях национальная одежда, с вышивкой и украшениями, хранится по сундукам и надевается колхозницами в праздники или по каким-либо особым случаям; она широко употребляется коллективами художественной самодеятельности. Мужская национальная одежда в гораздо большей степени почти повсеместно вытеснена костюмом городского покроя.

Украинские «постолы»

3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Переходя к изучению общественного быта восточнославянских народов, надо решить прежде всего вопрос о границах этнографического изучения. Что в общественном быту восточных славян входит в область интереса этнографа? Когда дело идет о таких высо-

Колхозница в праздничном костюме (Скопинский р-н, Рязанской обл.)

кокультурных народах, как русские, белорусы и украинцы, о народах с богатым историческим прошлым, со сложной классовой структурой, с развитыми формами прежних социально-политических отношений, то само собой разумеется, что этнографическое исследование здесь всегда будет переплетаться с изучением истории как общей, так и специальной—экономической, культурной, с целым рядом узких специальных исследований. Социально-экономический и политический строй восточнославянских народов, историческое развитие этого строя,—вся эта огромная область, хотя и интересует этнографа, но здесь ему приходится затрагивать сферу компетенции других специалистов.

Практически в область собственно этнографического изучения входят здесь, если можно так выразиться, чисто народные, традиционные, самобытные формы дореволюционной общественной жизни, хотя и для них трудно определить строгие границы. В этой области этнографами накоплен материал о формах домашне-семейного быта, и то только народного, сохранившегося главным образом в деревне, а не о тех его формах, которые сложились в городе и у господствующих классов, не тех, например, которые описываются в «Анне Карениной» Толстого или в рассказах Чехова. Помимо этого, этнографами собраны данные о сельской общине и ее пережитках, хотя эта более специальная область изучается и историками-экономистами и историками права. В изучении обычного права этнограф опять соприкасается со специалистом—с юристом.

В рамках общего курса можно затронуть только самые основные вопросы общественного быта изучаемых нами народов.

Сельская община. Русская сельская община стала предметом особого внимания исследователей с того времени, как ее «открыл» для науки, по крайней мере для западноевропейской, немецкий путешественник барон Август Гакстгаузен, побывавший в России в 1843 г. Он первый дал подробное, хотя сильно идеализированное, описание русской общины. С того времени ею занимались экономисты, юристы и историки. Особенно актуальными стали вопросы, касающиеся сельской общины в России, после крестьянской реформы и с проникновением в деревню капитализма, когда община начала ускоренно разлагаться. Тогда разгорелся спор между сторонниками и противниками общины (в числе первых были народники всех оттенков) о ее судьбах.

Описаний русской общины имеется очень много. Наиболее известна та форма общины, какая сложилась в центральных великорусских областях: это община, основанная на уравнительном землепользовании, связанном с периодическими переделами земли и с разверсткой повинностей по «тяглам». В таком виде община не является очень древней, она составляет продукт фискальной политики правительства и крепостного строя. Самые ранние известия о земельных переделах относятся к XVII в. Но отсюда отнюдь не следует, как думали буржуазные историки-юристы Б. Н. Чичерин, В. И. Сергеевич и др., что община вообще создана государством. Она является, как правильно указывал Маркс (в письме к В. Засулич, 1881 г.), остатком первобытно-общинного строя, хотя и в его последней фазе[1].

Более архаические формы настоящей самобытной общины, почти не нарушенные вмешательством государства, сохранялись до недавнего времени на русском Севере. П. А. Соколовским хорошо изучены история и все разновидности этой севернорус-

[1] См. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1930.

ской общины (община-волость, община-деревня), не знавшей первоначально переделов ввиду достаточного запаса незанятой земли и представлявшей некогда автономные и самоуправляющиеся миры. Бытовую и обычно-правовую сторону общинного строя на Севере подробно исследовала А. Я. Ефименко. По ее материалам, первичной формой расселения и землепользования там было так называемое «печище»—небольшое сельцо, из нескольких хозяйств, связанных близким родством. Такие «печища» фигурируют в документах XVI—XVIII вв., но они сохранялись местами вплоть до 1870-х годов. Каждое из них представляло собой поземельную единицу, разбитую как бы на доли, принадлежавшие отдельным хозяевам. Ефименко называла этот порядок «долевым» владением.

Архаические формы общины, основанные на вольном захвате земли, держались еще более устойчиво в Сибири, где они хорошо исследованы А. А. Кауфманом. Только в 1880—1890-х годах в связи с массовым переселением в Сибирь и с ростом земельной тесноты форма земельной общины начала меняться, начала вводиться система переделов.

Изучая историю сельской общины в России, исследователи установили все характерные стадии ее развития, от древней волостной, вольно-захватной формы, через переходную форму вольного землепользования, но под контролем со стороны «мира», и до новейшей формы уравнительной общины с принудительным севооборотом и с периодическими переделами.

Русские народники (Михайловский, Воронцов и др.) идеализировали общину, видя в ней своеобразный «русский социализм». В противовес им марксисты, а особенно Ленин, с полной несомненностью доказали, что в эпоху капитализма общинный строй обречен на неминуемую гибель и что община, разлагаясь, сама порождает внутри себя капиталистические отношения: из нее выделяется слой зажиточных крестьян-предпринимателей (кулаков), а масса разоряется и пролетаризируется.

У белорусов общинное землепользование сохранялось лишь местами (главным образом в восточных областях) и значительно слабее, чем у русских. У украинцев оно больше удерживалось в северной полосе. В Пинском Полесье (переходная белорусско-украинская область), еще в XVI—XVII вв. сохранялись так называемые «дворища», поселения из 5—11 родственных хозяйств, аналогичные северновеликорусским «печищам», с долевым землепользованием.

Однако и у украинцев и у белорусов, как и у великорусов, сохранялась до недавнего времени другая сторона организации сельской общины—самоуправление. Украинско-белорусская «громада», совершенно так же, как и великорусский «мир», представляла собой самоуправляющуюся общину с коллективным решением на сходах всех общественных дел, с выборными должностными лицами—староста у русских, голова у украинцев, хотя и выбор и функции этих должностных лиц были в новейшее время, конечно, под сильным влиянием помещичьей власти и царской администрации. В прежнее время в руках общинной организации были и некоторые судебные права («копные суды» на Украине существовали еще в XVII в.). Впоследствии за ней сохранилась своего рода неофициальная цензура нравов и благотворительные функции.

Остатком земельно-общинной организации были те формы коллективного труда, которые до недавнего времени сохранялись в деревне: это великорусские «пóмочи», белорусская и украинская «толóка». Это—общественная и добровольная помощь, которая оказывалась хозяйству или потерпевшему стихийное бедствие, например погоревшему, или по другим причинам не могущему самостоятельно справиться с работой. Разновидности и цели «помочей» и «толоки» были весьма разнообразны. Почти обязательным элементом в них было угощение помочан со стороны хозяина. В эпоху капитализма обычай толоки сделался формой замаскированной эксплуатации общинников со стороны кулачества: зажиточные хозяева пользовались, таким образом, под видом старого обычая почти даровым трудом односельчан.

Другой пережиток сельской общины, сохранявшийся больше на Украине,—это «супряга» (или «орáнка»), соединение рабочего скота и инвентаря несколькими хозяевами для поочередной обработки земли. На Украине это было особенно важно, так как тяжелый украинский плуг требует большого количества рабочих волов, которых часто не хватало у малоимущих хозяев.

Тесно связана с общиной по своему происхождению и русская «артель», о которой тоже писалось очень много. Артель, т. е. коллективная форма организации труда, представляла собой чисто русское явление, хотя само слово иностранного происхождения (от

итальянск. artieri—ремесленники). Исследователи отмечали многократно особую склонность русских объединяться в артели на всевозможных промыслах: кустарно-ремесленных, лесных, рыболовных, отхожих и пр.

Один из характерных бытовых пережитков первобытного коллективизма привлекал к себе особое внимание этнографов: это обычай так называемых посиделок, у украинцев—вечорниц и досвіток, у белорусов—вечерок. Он состоял в том, что девушки всей деревни, иногда и замужние женщины, собирались осенними и зимними вечерами в одном из домов для совместной работы, прядения или шитья. Работа сопровождалась песнями, иногда и играми, развлечениями. В них принимали обычно участие и парни, приходившие в качестве гостей. Местами на посиделках по старому обычаю допускались совместные ночевки парней с девушками. Эти обычаи, бытовавшие особенно у украинцев, могут рассматриваться как отголоски пережитков группового брака.

У тех же украинцев отмечалось еще в недавнее время сохранение интересных пережитков древних мужских союзов. Там существовали объединения холостой молодежи, так называемая «парубоцька громада», или «паробоцьство», обладавшие установленными обычаем привилегиями. За вступление в паробоцьство взимался денежный взнос. Громада имела своего выборного атамана, который имел право судить и налагать взыскания за провинности.

Наконец, в этнографической литературе отмечается еще один, на этот раз уже чисто ритуальный пережиток общинной организации—так называемая братская, или мирская, свеча. Обычай изготовления мирской свечи был известен у белорусов. Свеча делалась из воска, доставляемого всеми сельчанами, и достигала огромных размеров, до 60 килограммов. Хранилась она поочередно у отдельных хозяев, по году у каждого. Ее ставили в сосуд, наполненный зерном, надевали на нее своего рода рубашку. Свеча приносит счастье дому, в котором она находится. Помимо торжественного переноса к новому хозяину, свечу носили по селу в дни праздника святого, которому она посвящена.

Предполагают, что на обычай мирской свечи оказали влияние церковные братства, существовавшие в Западной Руси в XV—XVII вв. Однако Д. К. Зеленин считал, что этот обычай должен иметь гораздо более древнее происхождение. Дело в том, что аналогичный обычай известен у мордвы и у бесермян (у последних, правда, не восковая свеча, а особая палка), и Д. К. Зеленин предполагал существование в прошлом непрерывной области распространения обычая общественной свечи от Западной России до Поволжья, т. е. наличие его прежде и у великорусов.

Колхоз. После массового колхозного движения, развернувшегося в нашей стране особенно в 1929 — 1931 гг., социальный строй русской деревни коренным образом изменился. Пережитки архаических укладов исчезли вместе с ликвидацией капиталистических отношений в деревне. Основной общественной единицей стал колхоз и, в частности, наиболее массовая его форма—сельскохозяйственная артель. Примерным уставом ее регулируются основные производственные отношения в современной русской деревне. Основа этих отношений—колхозная собственность, которая является особой формой собственности—социалистической, но не общенародной, а групповой.

Хотя колхоз является не бытовым, а производственным объединением, формой организации производства, однако укрепление колхозного строя не могло не повести к тому, что этот строй оказал и оказывает глубокое влияние на все стороны быта крестьянства. Поэтому понятно, что в наши дни именно колхоз превратился в основной объект этнографического изучения—все равно, идет ли дело об изучении собственно общественного быта или хозяйства, материальной или духовной культуры.

Правда, в самые последние годы среди советских этнографов наметились некоторые разногласия по данному вопросу. В дискуссии на страницах журнала «Советская этнография» подвергся обсуждению вопрос о том, является ли основным предметом этнографического изучения в деревне именно колхоз как таковой, или колхозное селение, или колхозная семья (статьи П. И. Кушнера, А. И. Робакидзе, С. М. Абрамзона в «Сов. этногр.», 1952 г.). Но в этой дискуссии дело по существу касалось лишь вопроса о распределении внимания этнографа и о методе изучения: монографическом, тематическом и пр. Как бы то ни было, ясно, что любое этнографическое изучение русской (как и всякой другой) деревни должно в наши дни отправляться от колхоза как основной общественной формы в деревне.

Семейный быт. Господствующая форма семьи у русских, белорусских и украинских крестьян в настоящее время — простая малая семья. Еще в XIX в. в ней нередко сохранялся старый патриархальный уклад, с непререкаемым авторитетом «большака» (у белорусов «бацька», «дзядзька», у украинцев «старшій»). Но местами до недавнего времени удерживались остатки большой семьи, восходящей по своему про-

исхождению к эпохе родового строя. Большие неразделенные семьи еще недавно бытовали, местами бытуют и сейчас на Севере. У белорусов тоже вплоть до недавнего времени держалась большая неразделенная семья. Состав такой семьи доходил до 15 человек и больше, а вместе с включенными в нее чужеродцами, примаками, сдольниками семейная община могла составлять 25—30, даже 50 человек. У украинцев больших семей давно уже нет.

Свадьба. В семейном быту предметом интереса этнографа является свадебная обрядность. В ней сохраняется много глубоко архаичных черт. В свадебном ритуале выявляется исконная общность восточнославянских народов, но в то же время и здесь, как в области материальной культуры, отмечаются характерные различия между отдельными национальными группами. Свадебные обряды очень многих местностей хорошо описаны, существуют и хорошие обобщающие работы о восточнославянской свадьбе. Остановимся только на самых общих, важнейших ее особенностях.

Д. К. Зеленин различает в восточнославянской свадьбе следы наслоений трех эпох: пережитки древнего родового строя с его экзогамией, умыканием невесты или ее покупкой; влияние античного греко-римского мира и едва ли отделимое от него византийско-христианское влияние; наконец, позднейшая самостоятельная переработка древних самобытных и заимствованных элементов. Неодинаковый удельный вес этих трех наслоений создает характерные различия свадебного ритуала у отдельных народов. Древнейший «языческий» слой составляет основу свадебных обрядов у всех восточных славян. Но у украинцев и частью белорусов античные и византийские влияния сохранились в более целостном, как бы окостеневшем виде; у великорусов же они подверглись более самостоятельной переработке; многое здесь усложнилось, заимствованные религиозные мотивы были переосмыслены, из торжественного ритуала местами выросли шуточные обряды.

Эти различия дали повод некоторым украинским националистически настроенным этнографам противопоставлять украинскую свадьбу великорусской. Это противопоставление можно найти уже у Н. Ф. Сумцова, а его продолжатель Ф. К. Волков построил на нем целую теорию различного происхождения украинской и русской свадьбы. Первая сложилась, по мнению этих этнографов, под античным и византийским влиянием, а вторая под азиатским, тюрко-финским. Они подчеркивают, в частности, такие мотивы различия украинской и русской свадьбы: в первой играл крупную роль свадебный «каравай», во второй этого не было, зато большое значение имело ритуальное мытье невесты в бане; в великорусской свадьбе видная роль принадлежала колдуну, чего не было у украинцев; в русской свадьбе более реальное значение сохранял пережиток купли невесты, так называемая «кладка»; наконец, общий тон великорусской свадебной обрядности, по мнению названных этнографов, печальный, даже мрачный, в отличие от радостно-торжественного тона украинской свадьбы, и в этом опять видят азиатское влияние. В действительности, как хорошо показал Д. К. Зеленин, все эти различия сильно преувеличены, а насколько они существуют, они объясняются вовсе не «азиатскими влияниями», а самостоятельным развитием русского свадебного ритуала.

Традиционная восточнославянская свадьба представляла собой торжественный и сложный церемониал—в этом ее первое и главное отличительное свойство. Очень важной чертой являлся коллективный характер свадебного ритуала. В нем принимала участие вся община и не только в качестве гостей, но и в более активных ролях: разные сваты, дружки, посаженные отцы и матери, тысяцкие, «дружина», поезжане, плачеи и др.—таких должностных лиц свадебного ритуала особенно много было в северновеликорусской свадьбе. В этом сказывался пережиток первобытно-общинного строя, когда заключение даже индивидуального брака составляло дело всей общины. Сюда же относится и сохранившийся местами обычай, согласно которому односельчане несут часть издержек на свадебный пир, на приготовление «каравая» и т. п.

Пережитком эпохи родовой экзогамии и похищения невесты были обычаи, в которых выражалась в полушуточной форме враждебность двух сторон: свату и жениху приходилось преодолевать разные препятствия, чтобы проникнуть в дом невесты, родные и друзья ее оказывали притворное сопротивление, иногда дело доходило до форменных стычек; сюда же относятся и своеобразные хорические состязания двух партий.

Важную роль в свадьбе играли магические обряды, частью видоизмененные позднейшими христианскими представлениями и обычаями. Эти магические обряды в значительной степени превратились в чисто символические действия. Они подчеркивали некоторые моменты перехода жениха, а особенно невесты, в новое состояние: магические и символические обряды сопровождали расставание невесты со своим домом и семьей, выход ее из девичества и разлучение с подругами, принятие новых обязанностей жены, приобщение к новому дому и семье, первоначально—к новому роду. Эти обряды были очень многочисленны и разнообразны, хотя в основе своей сходны у восточнославянских и у других народов. Многие обряды имели целью обеспечить благополучие новой семьи, материальное изобилие и плодородие. Магические обряды выполнялись и молодой парой, и действующими лицами свадьбы. Но у великорусов был обычай приглашать на свадьбу и своего рода специалиста по магии—колдуна или «вежливца». У украинцев вместо колдуна приглашали попа.

Многочисленные, закрепленные традицией обряды и обычаи, сопровождаемые соответствующими песнями,—все это в совокупности сообщало свадьбе характер особого театрального действия, своеобразной драмы с шуточными вставными эпизодами. Такой театрально-драматический характер носила особенно великорусская свадьба. По мнению некоторых исследователей (А. Н. Веселовский и др.), такой оттенок шуточно-драматического действия придали свадьбе скоморохи, эти народные странствующие артисты. Наследниками скоморохов в этом деле стали сваты и дружки. Характерны те шуточно-торжественные высокопарные речи, которые вел сват в доме невесты при сватовстве и на самой свадьбе, с замысловатыми иносказательными оборотами.

Весь свадебный ритуал распадался на несколько стадий. В украинской свадьбе Волков их насчитывает три: «сватание», «заручини» (помолвка) и,

наконец, «весилля», или собственно свадьба, которая, кстати, у украинцев и до революции не совпадала с церковным венчанием и имела гораздо большее значение, чем последнее. У великорусов можно выделить пять стадий свадебного ритуала: сватовство, рукобитие, подсвадебье (девичник), свадьба и послесвадебные обряды. Каждая из этих стадий в свою очередь расчленялась на целый ряд обрядов. По Волкову, в каждом из трех этапов украинской свадьбы повторяются по существу одни и те же аналогичные обряды: это инсценировка умыкания, сопротивление родни невесты, примирение сторон, выкуп невесты, религиозные обряды, вступление в брачную жизнь.

Для первого этапа свадьбы характерна главная роль сватов («старост» у украинцев), являющихся с поручением в дом невесты. У украинцев интересно отметить также важную роль матери невесты: к ней обращались за согласием на брак, а она, спросив совета у мужа и у дочери, давала свату ответ. В дальнейших моментах свадьбы мать невесты также играла важную роль. В этом можно видеть пережиток матриархата.

Второй этап, у украинцев и белорусов—«заручини», представлял собой торжественное повторение сватовства, после которого ни жених, ни невеста уже не могли отказаться от брака, не нанеся этим оскорбления другой стороне. Пелись обрядовые песни, устраивалось угощение, благословение молодой пары. Характерен один шуточно-ритуальный эпизод в украинской и белорусской свадьбе: партия невесты старается передать жениху вместо настоящей невесты какую-нибудь девочку или старуху под покрывалом. Этот шуточный обряд, который у немцев называется «die falsche Braut», широко распространен у многих народов Центральной Европы и, вероятно, пришел к украинцам и белорусам с Запада.

Важный момент в украинской свадьбе—изготовление «каравая». Это особый ритуал. Месили и пекли каравай непременно замужние женщины, их обычно бывало семь, во время работы пели обрядные песни. Каравай украшался изображениями солнца, луны, голубей. Испеченный каравай хранился до свадьбы в коморе, торжественное внесение его и раздача составляли важный момент свадебной церемонии. Весь этот обычай считается заимствованным из античного или византийского ритуала. Значение его прежде напрасно связывали с символикой солнца и луны. В действительности каравай скорее означает магию плодородия и изобилия. Свадебный каравай употребляется также у южных славян и у словаков, тогда как у поляков и у русских этого обычая нет.

Еще один момент, характерный для украинской свадьбы,—изготовление украшенного деревца или зеленых веток, которые втыкали в хлеб и ставили на стол. Это так называемое «вільце»—обычай тоже неизвестный у великорусов.

Зато у великорусов более важна роль предсвадебных обрядов—девичник, парнишник. Невеста собирала подруг, пела с ними грустные обрядовые песни, «заплачки», «вытье», при этом ей расплетали косы, надевали кичку, поневу. Характерно для русской свадьбы также обрядовое мытье невесты в бане как до, так и после свадьбы. У украинцев невесту вместо этого вели к реке.

Белорусский свадебный обряд в большинстве мест сходен с украинским: исследователь быта белорусов акад. Н. М. Никольский назвал этот тип свадебного обряда «каравайным вариантом». Только на севере белорусской этнической территории—на Витебщине, Смоленщине—белорусская свадьба тяготеет к великорусской (так называемый «столбовой вариант», в котором видную роль в обряде играет печной столб).

В белорусской свадьбе одним из самых характерных и драматичных моментов был «посад» жениха и невесты. Жениха накануне свадьбы, а невесту утром в день свадьбы сажали с особыми обрядами на «дзежу» (квашню), покрытую вывороченной мехом вверх шубой. При этом и ему и ей обжигали свечой волосы. Сесть на посад имел право только тот, кто сохранил добрачное целомудрие. Этот обычай исследован специально Довнар-Запольским, который связывает его с древними обрядами и испытаниями при возрастных инициациях и с магией плодородия. Обычай «посада» невесты был и у русских, и у украинцев («на покут»), но у них он далеко не имел такого торжественного значения.

Свадебный пир—кульминационный момент всей церемонии. К нему опять приурочивались разные обряды, песни, шуточно-драматические выступления. Молодые, хотя и сидели во время пира на почетном месте, но принимали в нем мало участия. У северных великорусов они не должны были ничего есть, кроме специально приготовленной для них каши.

Очень важный момент—торжественное провожание молодых на ложе, которое приготовляется для них в коморе, в клети. Главная роль здесь принадлежала свахе, но дружки, гости тоже активно участвовали, пели эротические песни, запирали молодых, караулили за дверью. Был обычай публичного освидетельствования свадебной рубашки невесты как доказательства ее добрачного целомудрия. При неудовлетворительном результате освидетельствования происходили разные обидные для чести невесты и ее родных выступления со стороны дружек и гостей. Подобные обычаи, означающие строгий контроль со стороны общины над нравственностью, но в то же время варварски унизительные для достоинства невесты, известны также у южных славян, но неизвестны у западных.

Широко распространенный в прошлом обряд разувания жениха невестой символизировал ее подчиненное положение.

Обязательным свадебным обычаем являлось хождение или поездки молодых с визитами к родственникам и знакомым. У украинцев это называлось «перезва». Здесь характерно обрядовое употребление красного цвета (ленты, пояса и др.), пение эротических песен, подарки и угощение.

Свадебный ритуал был сложен и пышен у богатых, особенно в старинной боярской или купеческой свадьбе на севере, и у зажиточных крестьян. Бедняцкая свадьба, конечно, была гораздо проще. Упрощался ритуал и при «тайных» свадьбах. Такие устраивались в особых обстоятельствах: или при несогласии родителей, или при желании соблюсти экономию расходов. В подобных случаях совершалась свадьба—«самокрутка», «уходом», «увозом», причем все сложные церемонии отпадали. Это—пережиток брака умыканием. Зато обычно устраивался обряд явки молодых с повинной и испрашивания прощения у родителей.

В настоящее время свадебная обрядность в сильной степени упростилась. По старому ритуалу свадьба справляется редко. Однако отдельные его элементы, как свадебный пир, благослове-

ние молодых, сохраняются. Местами же в богатых колхозах в последние годы наблюдается оживление старых свадебно-обрядовых традиций, получивших теперь новое содержание.

Родильные обряды. Родильные обряды составляют особый цикл, хотя и менее яркий и менее сложный, чем свадебные, но тоже характерный. Д. К. Зеленин предложил удачное деление родильных обрядов на три группы: обряды, связанные собственно с родами, принятие ребенка в общину и очищение матери и повивальной бабки. Между обрядами первой и второй группы существует резкое различие, почти противоположность. Если самые роды и все, что с ними непосредственно связано, окружались по возможности тайной, то, напротив, «крестильные» обряды происходили гласно, публично и с большой торжественностью.

Приближение родов старались скрыть от окружающих, особенно от незамужних девушек. Есть поверье, что роды бывают тем тяжелее, чем больше людей о них знает. Это поверье связано было с боязнью магического вреда. С этим же был связан обычай рожать в нежилом помещении—в бане, в хлеву. В случае трудных родов применялись магические средства: развязывание узлов, отпирание замков, ящиков и пр. Есть следы древней кувады, особенно у белорусов. Муж и повивальная бабка—главные действующие лица родильных обрядов. Перерезание пуповины новорожденного тоже связывалось с магическими обрядами. Пуповину перерезали мальчику на топоре, девочке на прялке или веретене с целью магически обеспечить в будущем умение владеть этими инструментами. С этой же целью в новейшее время обрезали пуповину на книге, «чтобы вумный был».

Крестины, хотя и связаны с христианским обрядом крещения, но в основе своей представляли собой церемониал принятия ребенка в общину,—пережиток древних посвятительных обрядов. Об этом говорит то, что здесь, в противоположность родильным обрядам, господствовала широкая гласность. Не только родственники, но и все односельчане так или иначе участвовали в событии, приходили с подарками «на зубок» младенцу, приглашались на угощение. Устраивалась «крестинная каша», это обрядовое кушанье играло здесь главную роль. Основные действующие лица—кум и кума, выступавшие как представители общины. Родители почти не участвовали в обряде крещения: этим подчеркивалось, что этот обряд—дело не их, а всей общины.

Третью группу обрядов—очищение родильницы и бабки—Д. К. Зеленин считает сравнительно поздним наслоением. Но в основе их лежат, конечно, тоже очень древние магические представления о нечистоте родов и о необходимости магического очищения. До выполнения соответствующих обрядов родильница подвергалась некоторым ограничениям, не должна была есть вместе с другими, не могла трогать икон, доить коров. Главный обряд очищения устраивался на 3-й или на 9-й день после родов. Этот обряд назывался у русских «размывки», у украинцев «зливки», у белорусов «жмуринки». Особенно сложен был этот обряд у украинцев. Существенную часть его составляло взаимное омовение рук повивальной бабки и родильницы. При этом бабка получала свою плату, натурой и деньгами, которые клались иногда в воду. Обряд назывался местами «серебрить бабку». Сходный обряд известен у болгар.

Все эти древние магические действия и верования были общи всем восточным славянам.

Множество обрядов и поверий было связано с самим ребенком: магическое оберегание его от злых сил, стремление обеспечить его нормальный рост, развитие речи, хождение.

Похоронные обычаи. Похоронные обычаи содержат в себе очень характерные остатки, с одной стороны, древнего погребального культа, с другой—более позднего семейно-родового культа предков. Эти обычаи в основе своей сходны у всех восточных славян.

В них можно выделить несколько групп: во-первых, магические действия для облегчения и ускорения смерти; во-вторых, обряды, связанные с боязнью мертвеца и исходящей от него «нечистоты»; в-третьих, стремление обеспечить покойника всем необходимым для него на том свете; наконец, испрашивание покровительства умершего для его семьи и потомков. Обряды делятся на собственно погребальные и последующие поминальные.

Действия, облегчающие, по народным поверьям, смерть, частью навеяны христианскими представлениями, частью восходят к более древней эпохе. Умирающего клали на солому (белорусы и украинцы—на овчину), в руки ему давали свечу «громничку» (белорусы и украинцы). В случае долгой агонии ломали «конек» (гребень крыши), проделывали отверстие в стене и пр. Если смерть долго не наступала и умирающий долго мучился, это означало, по старым поверьям, что человек при жизни знался с нечистой силой; он должен был перед смертью передать кому-нибудь «колдовство».

Очень многочисленны были обряды и запреты, вытекающие из боязни магического вреда и «нечистоты» покойника. Все, что было в соприкосновении с трупом, во возможности выбрасывалось, в особенности принадлежности обмывания тела. Самый дом, где умер человек, считался как бы нечистым. Воду, которая в это время была в доме, нельзя пить, ее надо вылить. Постель и одежду умершего выносили в курятник. При вынесении умершего из дома и перевозке его на кладбище принимались меры, которые должны были как бы помешать умершему вернуться. Выносили его ногами вперед (это делается и теперь), иногда через заднюю дверь или через окно, за ним выметали пол и лили воду, на кладбище перепрягали лошадей; у украинцев был обычай «печатать могилу»: священник делал лопатой знак креста над могилой и крестообразно насыпал на гроб землю. Все эти и многие другие обычаи представляют собой остатки чрезвычайно древних обрядов магического обезвреживания покойника.

В связи с такой же древней верой в загробную жизнь покойника снабжали всем необходимым, клали ему в гроб хлеб, соль и другую пищу, иногда водку, немного денег, трубку с табаком, орудия и пр. После погребения всегда устраивались «поминки», и они повторялись на 9-й, 40-й день и через год. При этом обычно ели «кутью» (канун, коливо) из разваренных зерен с медом. Предполагалось, что умерший участвует в трапезе. Во время весенних и осенних поминальных дней («радуница», «родительская суббота» и др.) родственники навещали могилы умерших, клали там яйца, хлеб, водку. Помимо кормления умерших, для них в эти дни топили баню (у северных великорусов).

В поминальных обычаях проявлялось, помимо идеи кормления покойников, также и стремление получить их покровительство семье и потомкам.

Особенно заметно это было в белорусских поминках, так называемых «дзядáх». «Дзяды»—это замечательно сохранившийся до недавнего времени семейный культ предков. Их приглашали принять участие в специально приготовляемой обильной трапезе, оставляли для них еду на столах, на кладбище и т. п., просили «дзядов» оказать покровительство семье. «Дзяды» устраивались 3—4 раза в год, но самые торжественные происходили осенью, в конце октября, в субботу.

Семейно-родовые верования. Пережитки семейно-родового культа у восточных славян были связаны с некоторыми мифологическими образами. Таким являлся образ домового. Это—домашний дух, покровитель семьи и хозяйства, который, однако, если почему-либо рассердится на хозяев, может сильно повредить. Он чаще имеет антропоморфный образ—в виде маленького волосатого старичка, иногда принимает вид настоящего хозяина дома или умершего, иногда представляется в виде животного. Названий у него много: домовой, дедушка, хозяин, запечный и пр. Иногда от домового отдифференцированы другие образы: дворовой, банник, гуменник, хлевник, конюшник, овинник и пр.—с более узкими функциями. Домовой обычно живет за печкой, под печкой, в подполье, на чердаке и пр. Едва ли можно сомневаться в том, что домовой представляет собой олицетворение домашнего очага, духа-покровителя семьи, но неясно, связан ли этот образ с представлением о предке. Он, кстати, является до сих пор одним из наиболее устойчивых образов народных верований.

Интересно, что в украинских верованиях образ домового (домовик, хованец, вихованок, скарбник и пр.) далеко не играл такой роли, как у великорусов. Может быть, это связано с более ранним разложением родового строя у предков украинцев.

Слабым остатком древнего культа предков можно считать некоторые слова нашего языка: чур, щур; первое сохранило значение неприкосновенного рубежа, предела (в детской игре, в выражениях «чур меня», «черес-чур»), второе—разновидность того же корня—в слове «пра-щур» (предок). Вопреки скептическому мнению некоторых филологов, вполне возможно, что Чур или Щур был в старых верованиях предком-хранителем рода, стерегшим его владения.

Прочие дохристианские верования. У восточных славян еще до недавнего времени сохранялись и многие другие верования дохристианского происхождения. К числу их относится вера в так называемых «заложных» (нечистых) покойников (хорошо изученная Зелениным), в упырей, в различных духов природы—леса (леший), реки (водяной), разных злых духов, объединяемых собирательным названием «черти», «бесы», «нечистики» и т. п. В числе мифологических представлений восточных славян мы находим и такие сложные по своему происхождению образы, как образ русалки, генезис которого до конца еще не выяснен наукой. Очень слабые следы сохранились—и то главным образом лишь в фольклоре—от древнего культа божеств солнца, земли, несколько больше—от культа бога-громовика. Древние образы этих и других божеств, связанных некогда с сельскохозяйственным культом у восточнославянских племен, позже слились с именами христианских святых.

Из старинных, дохристианских верований и обрядов наиболее прочно сохранялась вера в колдовство и знахарство. До недавнего времени во многих деревнях можно было найти какого-нибудь колдуна, шептуна, знахаря или знахарку, которые продолжали заниматься, хотя более или менее тайно, своей профессией.

Но большая часть древних верований и обрядов сохранялась у восточнославянских народов—как и у других народов Европы—не в своем непосредственном виде, а под христианским обличьем. В культе христианских святых-покровителей—Николы, Власия, Фрола и Лавра, Егория, Параскевы, Варвары и др.—сохранились черты почитания старых «языческих» богов и богинь. К православным церковным праздникам приурочены древние магические аграрные и скотоводческие обряды.

Но изучение пережитков этих древних верований, сохранившихся или сохранявшихся еще недавно у русских, украинцев, белорусов, представляет собой специальную область. В рамках общего курса этнографии они могут быть затронуты лишь в общих чертах.

Православие, старообрядчество, сектантство. Официальной и наиболее распространенной религией изучаемых нами народов было до революции православие, которое и сейчас насчитывает наибольшее число последователей. Христианство в греко-православной форме распространилось на Руси, как известно, еще с X в., и с тех пор обычно рассматривалось как национальная религия русского народа (выражения «православная Русь», «православный наш народ», «православный царь» и т. п.). Царское правительство поддерживало православную церковь, видя в ней свою надежную опору. За выполнением обрядов православной церкви следила администрация, догматам ее обучали во всех школах, уклонение от православия, а особенно «совращение» рассматривалось как уголовное преступление и жестоко наказывалось. Церковь была превращена в своего рода духовную жандармерию. Попы—«чиновники в рясах»—были обязаны следить за настроениями верующих через исповедь и иными способами. Эта казенная церковь стала предметом ненависти всех передовых мыслящих людей в нашей стране.

При господстве религиозной идеологии в прошлом разные оппозиционные течения тоже нередко принимали религиозную форму. Очень широко распространены среди народа из таких оппозиционных религиозных движений—старообрядчество («раскол») и сектантство. Старообрядчество, возникшее как протест против церковно-административной реформы патриарха Никона в середине XVII в., распространилось среди широких масс и городского и сельского населения, особенно в северных областях, где и удерживалось, несмотря на жестокие правительственные преследования (особенно при царе Алексее, при Петре I, позже при Николае I), в Заволжье, на Урале, в Олонецком крае; старообрядцы живут и в других областях, рассеянными группами среди православных. Они делятся на ряд толков: «поповцы»—имеющие священников, рукоположенных главным образом зарубежными епископами («австрийское согласие», «белокриницкая иерархия»), «беглопоповцы», «беспоповцы»—последние в свою очередь распадаются на различные толки и общины. Всех старообрядцев характеризовала до последнего времени необычайная замкнутость, фанатичная вражда к «мирским», или «никонианам», т. е. к приверженцам официальной церкви, тщательное избегание всякого общения с ними, особенно через посуду, изуверски нетер-

пимое отношение к светским удовольствиям, курению табака, наконец, вера в скорое пришествие антихриста. Пережитки этой замкнутости и фанатизма сохраняются и поныне в отдельных старообрядческих группах, особенно, конечно, среди старшего поколения.

Другие оппозиционно настроенные группы населения примыкали к различным сектам. Если старообрядчество распространено больше среди северновеликорусского населения, то секты более сосредоточены на юге, в значительной мере среди украинцев. Они отражали настроения более передовых общественных групп, частью сельской и торговой буржуазии. В России были известны довольно разнообразные секты, одни из них возникли еще в XVIII в., другие позже. В старой литературе принято было делить секты на две группы: секты рационалистические и мистические; но это деление очень неточно. Наиболее известные из «мистических» сект: хлысты—изуверская секта, члены которой устраивали «радения» с исступленными плясками, с самобичеванием и пр.; скопцы—уродовавшие себя и всех вступавших в секту для избежания «плотского греха». К «рационалистической» группе относятся: духоборы, баптисты, евангелисты, штундисты, молокане, отвергающие церковную обрядность и иерархию, ставящие идеал простой и благочестивой жизни. Все эти секты отражали в той или иной мере стихийную тягу крестьянства к свободному капиталистическому развитию, вражду его к самодержавно-крепостническому государству и к казенной церкви, а частью (как у духоборов) приверженность к общинному укладу быта. Но к революционному движению они отно сились резко враждебно и мешали развитию среди своих членов политической сознательности. В годы Советской власти главари сект нередко занимались контрреволюционной деятельностью. Свой авторитет среди верующих они использовали в своих политических или корыстных целях.

Советская власть, отделив церковь от государства, а от церкви отделив школьное обучение, предоставила верующим всех вероисповеданий и сект свободу религиозных убеждений и отправления культа. Всякий элемент принуждения здесь отпал. Но по мере роста общей культурности населения все более широкие слои рабочего класса и колхозного крестьянства, не говоря уже об интеллигенции, отходят от религии.

Народное творчество. Фольклор. Народное творчество восточных славян представляет собой огромную и специальную область исследования. В рамках общего курса можно коснуться лишь самых основных его явлений. Разнообразие форм народного творчества русских, украинцев, белорусов и высокое художественное совершенство многих его произведений таковы, что лишь немногие другие народы Советского Союза могут с ними в этом отношении поспорить.

Устное народное творчество (фольклор, народная словесность) русских, украинцев и белорусов обнаруживает сложное сочетание старых, традиционных и новых форм. Прежние фольклористы рассматривали устное народное творчество исключительно как памятник старины, полагая, что в новейшую эпоху, начиная с проникновения капитализма в деревню, оно обречено на упадок и исчезновение. Но советские фольклористы установили, что это неверно: народное творчество не иссякает и в наши дни, мало того, в советскую эпоху возрождаются и некоторые традиционные жанры фольклора, проникаясь новым содержанием, и развиваются совершенно новые. «Фольклор,—говорит один из видных советских фольклористов Ю. М. Соколов,—это отзвук прошлого, но в то же время и громкий голос настоящего»[1].

К числу традиционных жанров восточнославянского фольклора принадлежат: обрядовые песни, лирические песни, народный театр, сказки, пословицы, поговорки и загадки, эпическая поэзия—былины и исторические песни, духовные стихи.

Обрядовые песни—быть может, древнейший вид народной поэзии. Они сопровождали различные обряды из цикла календарных, от рождественских до жнивных. Вместе с этими обрядами они возникли в отдаленную эпоху на почве стихийно-материалистического трудового отношения земледельца к природной среде, но окрашены были и магическими представлениями. Другие обрядовые песни были связаны с семейной обрядностью—это свадебные песни, похоронные причитания (причеты, заплачки); из последних особенно интересны северные. В настоящее время эта обрядовая поэзия, за немногими исключениями, отошла в прошлое.

Лирическая народная поэзия чрезвычайно разнообразна. В ней преобладают грустные мотивы, порожденные тяжелой долей трудового народа в прошлом. Выделяются любовные и семейно-бытовые песни, далее песни о рекрутчине и солдатчине, о крепостном праве, бурлацкие, ямщицкие, тюремные, шуточно-сатирические и иные. Помимо песен крестьянского происхождения, с XVIII в. стала зарождаться и фабричная поэзия рабочих, сохранявшая, впрочем, тесные связи с деревенской поэзией.

Народный театр был некогда довольно широко распространен. У восточных славян это по преимуществу кукольный театр,

[1] Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 14.

известный в нескольких видах. У русских наиболее известен театр «Петрушки» (куклы, надеваемые и двигаемые на пальцах); главный персонаж спектаклей—Петрушка, смелый, находчивый, остроумный герой, вступающий в борьбу с купцом, полицейским, лекарем и всех одолевающий; в этом образе нашел выражение стихийный протест народа против социального гнета. У украинцев и белорусов был больше известен другой вид театра—«вертеп», где куклы двигались через прорезы в полу сцены; содержанием представлений были частью церковные сюжеты, частью бытовые сатирические сцены. Третий вид театра—«раёк» у русских: это разные картинки, которые показывались зрителям путем перематывания между двумя валиками, причем раёшник давал шуточно-рифмованные пояснения.

Гораздо менее распространен был театр живых актеров. Известно всего несколько пьес этого народного театра, возникших около XVIII в.: это «Царь Максимилиан», «Лодка», «Голый барин» и др.

В старину на Руси были бродячие профессионалы-актеры—так называемые скоморохи. Но правительство и церковь преследовали их за сатирические выступления против власти имущих, и уже в XVIII в. скоморохи перевелись.

Сказочный эпос восточных славян чрезвычайно богат. Принято делить народные сказки на типы: сказки о животных, волшебные, сказки-легенды, бытовые, сказки-анекдоты, сказки-новеллы. Сказки с элементом чудесного являются вообще более древними. Но ошибочно мнение прежних исследователей, особенно сторонников мифологической школы, будто в основе всякой и прежде всего волшебной сказки лежит миф или религиозное представление. Советские фольклористы и этнографы пришли к выводу, что сказочное творчество народа с самого начала существовало самостоятельно от религиозно-мифологических представлений, хотя взаимное перекрещивание того и другого, конечно, было. Отмечается, что (П. Г. Богатырев), образы сказок у восточных славян—такие как баба-яга, кощей бессмертный, жар-птица—совершенно не встречаются в народных верованиях (т. е. народ не верит в их существование) и, наоборот, предметы народных поверий—леший, водяной, домовой и пр.—почти никогда не фигурируют в сказках. Сказки бытового содержания связаны с социальной тематикой, нередко имеют сатирическую окраску и почти не заключают в себе элементов фантастики: здесь встречаются сюжеты о попе и его работнике (поп всегда рисуется отрицательными чертами), о глупом барине и барыне, о солдате и др. В этих сказках народ запечатлел свою вражду к эксплуататорам и сочувствие к обездоленным.

Пословицы и поговорки чрезвычайно многочисленны. В них тоже выражается народная мудрость, народные представления о морали, критическое отношение к эксплуататорскому строю. Известно, как широко пользовались и пользуются народными пословицами классики литературы, как часто используют их в своих выступлениях политические деятели.

Один из наиболее специфических видов русского фольклора—героический эпос, так называемые былины. В отличие от других видов фольклора, распространение их ограничено: они сохранились почти исключительно на севере—в Карельской АССР, Архангельской, Вологодской областях, на Печоре, в некоторых местах Сибири. Но по происхождению своему былины связаны с древними центрами Руси—по преимуществу с Киевом, Новгородом, меньше с Москвой. Создавались они, по мнению большинства специалистов, между XII и XVII вв. Советские фольклористы установили, что и былины, подобно другим видам народной поэзии, не являются полузабытым обломком старины, а живут и сейчас полнокровной жизнью, изменяются, даже обогащаются новыми деталями. Впрочем, основное содержание былин—подвиги древних богатырей. Из них наиболее излюбленным является крестьянский герой Илья Муромец, рядом с ним стоят Добрыня Никитич, Алеша Попович, Вольга Святославич, Микула Селянинович и др. Это богатыри киевского цикла. Из новгородского цикла выделяются особенно Садко, Василий Буслаевич. Слово «былины»—не народное, его ввели фольклористы, из них первый И. П. Сахаров. Народ называет эти произведения чаще «ста́ринами». Исполняются они особыми специалистами—«сказителями», талантливыми певцами, обладающими огромной памятью, ибо надо помнить подряд тысячи строк текста. Наиболее известные сказители—семья Рябининых, семья Крюковых (умершая в 1954 г. Марфа Крюкова—орденоносец и член Союза советских писателей). Исполняются былины нараспев, мотивы их нередко слышатся в произведениях русской классической музыки.

К былинам близки «исторические песни». Они посвящены историческим деятелям—Ивану Грозному, Степану Разину, Пугачеву и др. и ближе передают исторические события. По размерам они, как правило, короче.

У украинцев тоже есть исторические песни. Но у них получил большое значение особый жанр народной исторической поэзии—так называемые «думы». По содержанию большинство дум посвящено историческим событиям, борьбе украинского народа с татарами, турками, поляками; но есть и думы бытового содержания. Характерная особенность дум—наличие в них наряду с чисто народным творчеством также элементов книжного, интеллигентского сочинительства. Пелись думы обычно слепцами-лириками, кобзарями, бандуристами.

Духовные стихи—отживший вид народной поэзии. В средние века они отражали настроения недовольных слоев населения, примыкавших к разным «ересям»; но впоследствии этот «еретический» их дух пропал. Духовные стихи пелись разными странниками, слепцами-нищими, богомольцами, державшимися вблизи монастырей. Это был вид религиозной пропаганды, одурманивавшей сознание народа.

Но основная масса произведений традиционного восточнославянского фольклора представляет большую идейную ценность. К ним с интересом относился В. И. Ленин. Ознакомившись с записями русских фольклорных текстов, он сказал раз одному из собеседников: «Какой интересный материал... Я бегло просмотрел все эти книжки и вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных. Смотрите,... в сказках Ончукова, которые я перелистал,—ведь здесь есть замечательные места. Вот на что нужно было бы обратить внимание наших историков литературы. Это подлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни»[1]. Высоко оценивал русский фольклор Максим Горький. «Собирайте наш фольклор,—говорил он писателям,—учитесь на нем, обрабатывайте его».

Новый фольклор. Народное творчество в наши дни не умирает, а расцветает с новой силой. Вливается новое содержание в некоторые старые жанры: исторические песни, сказки, пословицы и поговорки; есть попытки создать даже новую былину (сказитель Рябинин-Андреев); создаются «сказы» с содержанием из героической советской действительности, например «Сказ о Ленине» и т. п. Но особенно большое распространение получили в революционные годы некоторые новые жанры народной поэзии, особенно так называемая частушка.

Частушка—это короткая песенка, обычно из рифмованного четверостишия, построенного на четырехстопном хорее. Поется на разные мелодии. Содержание всегда злободневное, нередко складывается как импровизация. Можно думать, что частушка как вид народной поэзии существовала и в прошлом, может быть еще в XVIII в. Но широкое распространение она получила лишь в советское время. Частушкой народ откликался на события гражданской войны, остро высмеивая врагов Советской страны; огромное множество частушек связано с колхозным строительством, среди них есть направленные против кулаков и подкулачников и такие, которые отражают достижения колхозов.

По своему содержанию весь новый фольклор может быть разделен на циклы, связанные с этапами политической жизни страны. Самым ранним является цикл революционных песен, песен подполья, очень популярных в последние годы самодержавия. Затем идет цикл песен, частушек, рассказов из годов гражданской войны, героические события которой отразились в народном творчестве очень широко; здесь фигурируют образы народных героев и полководцев Чапаева, Щорса и других. Целый цикл произведений народной словесности связан с эпохой мирного строительства, многие посвящены образу Ленина. Наконец, события Великой Отечественной войны отразились в народном творчестве появлением огромного множества новых произведений фронтового и партизанского фольклора; многочисленные частушки, рассказы и легенды о героях-партизанах, меткие военные, антифашистские пословицы и поговорки, даже новые песни и сказки появились в результате великой героической борьбы советского народа за родную землю.

[1] В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве («Сов. этнография». № 4, 1954, стр. 118).

Украинский слепец-бандурист
(со старинного рисунка)

Народная музыка. Народная музыка восточных славян принадлежит к числу наиболее ценных проявлений культуры этих народов. По богатству музыкальной культуры восточнославянские народы едва ли имеют себе равных. При этом песенное творчество русских, украинцев и белорусов обладает некоторыми особенностями, общими всем трем народам, в то же время каждый из них отличается в этом отношении своеобразными чертами.

Русская народная музыка наиболее разнообразна. В ней, как и обычно в народной музыке, вокальная сторона преобладает над инструментальной. Песенное творчество русского народа поражает прежде всего своим мелодическим богатством. Особенно сложны в мелодическом отношении и в то же время выразительны лирические песни, так называемые «протяжные», или «долгие», с характерной внутрислоговой мелодикой (исполнением нескольких звуков на один слог). Мелодия построена почти всегда на строго диатоническом звукоряде, без хроматических ходов; исключение составляют лишь некоторые северные «заплачки», где хроматизм происходит от интонаций надгробного вытья. В основе наиболее древних песен—обрядовых—лежит иногда старинная «пентатоника» (пятиступенная гамма без полутонов); однако это далеко не везде и, например, на Севере пентатонной гаммы почти не обнаружено. Преобладает натуральная система тонов—мажор, натуральный минор, некоторые из греческих ладов (дорийский, фригийский). Нередки легкие переходы из одной тональности в другую, особенно в одноименную (из мажора в одноименный минор и обратно). Ритмический строй русской песни отличается сложностью и разнообразием. При преобладании обычного четырехдольного ритма ($^4/_4$), встречаются неизвестные западной музыке сложные размеры—$^5/_4$, $^7/_4$. Отмечается ритмическая изменчивость, легкость перехода из одного размера в другой.

Одна из характернейших особенностей русской народной вокальной музыки—это многоголосие, которое у других народов встречается чрезвычайно редко. При этом самый характер русского многоголосия своеобразен и не имеет параллелей у какого-либо другого народа. Отличительная его особенность—свобода каждого певца при хоровом пении в выборе вариаций мелодии; таким образом, отдельные «подголоски» отходят от унисонной мелодии, но возвращаются к ней на определенных опорных звуках мелодии. Основная роль принадлежит «запевале», который начинает и ведет основной напев, а подголоски вступают и свободно импровизируют. Русское народное многоголосие стало исследоваться сравнительно недавно; первый на него обратил внимание музыковед Мельгунов (в 1870-х гг.). На этом основании некоторые специалисты теперь полагают, что и само многоголосие в русской народной музыке появилось недавно—лишь в XIX в. Но это, по-видимому, неверно, ибо многоголосие имеет здесь очень глубокие корни. Впервые серьезно исследовал русское многоголосие советский музыковед Е. В. Гиппиус. Однако наряду с хоровой многоголосой музыкой широко распространена и сольная.

Русская народная музыка далеко не одинакова по отдельным областям. Довольно заметны различия в народных песнях северных и южных великорусов. У южных великорусов, например, наблюдается своеобразная манера пения—форсирование гласных, создающее впечатление напряженного криклúвого пения (эта традиция сохранена, например, в хоре им. Пятницкого); у северных великорусов этого нет, там преобладает плавное пение, с нечетким выговари-

ванием гласных (все они тяготеют к «э») и согласных. Есть и характерные различия в делении песни на строфы, в сочетании голосов при хоровом пении и т. д. В южновеликорусском стиле пения выделяется своими особенностями пение донских казаков, очень хорошо исследованное (Листопадов, Кастальский). Но другие областные типы народного пения изучены пока еще слабо.

Украинская народная музыка разделяет многие особенности русской, но имеет и свои отличительные черты. В более древних мелодиях у украинцев преобладает такой же диатонический строй, как и у русских, но в более поздних песнях встречается часто хроматизм, может быть, объясняемый влиянием восточной кочевнической музыки. Мелодическое богатство украинской песенной культуры не менее велико, чем русской.

В белорусской песне сочетаются особенности северно- и южновеликорусского песенного стиля.

Инструментальная музыка имеет у восточных славян, как правило, вспомогательное значение—сопровождение голосов. Самостоятельной она бывает редко: сюда относятся пастушеские наигрыши, прежде также военные сигналы. Народные музыкальные инструменты довольно разнообразны. Один из древнейших—это гусли, струнный щипковый инструмент, известный в прошлом у всех славян и у их соседей—балтийских и финских народов. С XVI в. появляется «гудок»—смычковый инструмент. Как гусли, так и гудок совершенно вышли из употребления. Третий вид—струнная домра, типа мандолины, на которой играют плектром; она, вероятно, кочевнического происхождения (у народов Средней Азии сходный инструмент существует под этим же названием). В позднейшее время—с XVIII в.—все эти инструменты вытесняются балалайкой, трехструнной с треугольным корпусом. В 1-й половине XIX века широко распространилась также семиструнная гитара. У украинцев известны были в прошлом из струнных инструментов лира и кобза; последняя уже в XIX в. совершенно вытеснена более усовершенствованной многострунной бандурой, употребляемой очень широко и теперь.

Из духовых инструментов известны рожок (пастуший инструмент), разные дудки (типа флейты), жалейки (типа кларнета), волынка—мех с двумя или тремя трубками. Изредка встречается такой своеобразный инструмент, как «флейта Пана» (из нескольких тростниковых дудок разной длины, подбираемых по высоте); такой инструмент, под названием «кувички», был обнаружен в Курской области; на нем играют одни женщины.

Русский гусляр (середина XIX в.)

К концу XIX в. в деревне широко распространилась гармоника («гармонь»), сначала однорядная («тальянка»), потом двухрядная («венская»); теперь чаще баян.

В настоящее время народные музыкальные инструменты культивируются и развиваются. Создаются инструментальные ансамбли, раньше неизвестные. Из традиционной домры композитор Василенко сконструировал целый ряд инструментов разного регистра, составивших ансамбль.

Русская и украинская народная музыка, необъятно богатая, вдохновляла лучших наших композиторов—особенно Глинку, Даргомыжского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина, Чайковского; значительная часть творчества этих композиторов состоит из переработанных народных мелодий. Русская музыка влияла и на западных композиторов, не исключая Бетховена.

Сейчас для развития народной музыки русских, белорусов и украинцев открылись новые, гораздо более благоприятные, чем прежде, возможности. Чрезвычайно расши-

Образец старинной узорчатой ткани. Закладная (паласная) техника. Шерсть (Черная речка, Рязанской обл.)

рились формы ее применения: всевозможные колхозные, профсоюзные и прочие самодеятельные хоры и инструментальные ансамбли, радиопередачи, соревнования, фестивали, декады народного искусства и пр.—все это служит прекрасным стимулом для дальнейшего совершенствования песенно-инструментального творчества. Народные певцы и участники хоров и ансамблей получают более широкую подготовку, знакомятся с произведениями классической музыки, обогащают этим свой репертуар. Этот репертуар растет и за счет творчества советских композиторов, которые особенно в последние годы более серьезно обращаются к сокровищнице народного музыкального творчества, черпая оттуда богатейший материал. «За годы советской власти,— говорил А. А. Жданов на совещании деятелей советской музыки в январе 1948 г.,— музыкальная культура народа поднялась чрезвычайно. Если и раньше наш народ отличался высокой музыкальностью, то теперь художественный вкус его обогатился в силу распространения классической музыки». С другой стороны, в Постановлении ЦК партии от 10 февраля 1948 г. содержится призыв к композиторам гораздо шире пользоваться «богатством народных мелодий, песен, напевов, танцевальных и пля-

«Дакийский образок» (I—II вв. н. э.)

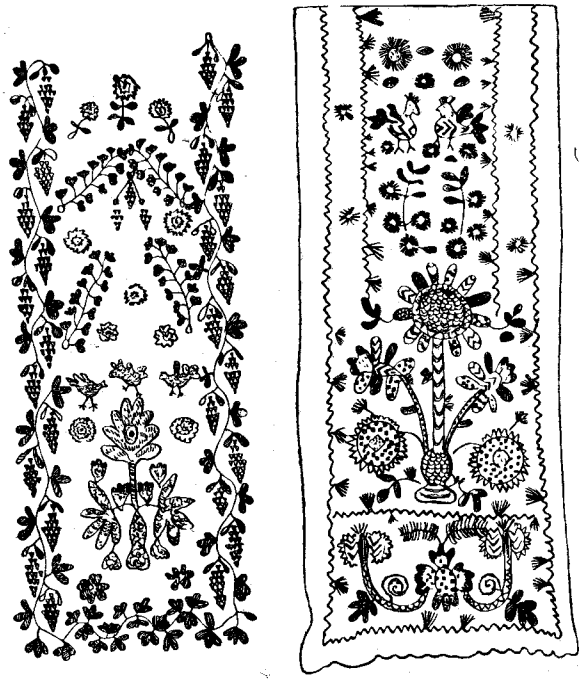

совых мелодий, которыми так богато творчество народов СССР».

Народные танцы. Искусство танца, как и другие виды искусства, имеет свои народные корни. Последние еще недостаточно изучены; но несомненно, что пляски и танцы существовали у всех народов с глубокой древности и были всегда связаны с разными сторонами народного быта и культуры. К числу древнейших видов танца принадлежат обрядовые пляски, сопровождавшие некогда те или иные религиозно-магические действия: таковы сохранившиеся у восточных славян святочные пляски ряженых, пляски при обряде «хождения с козой», летние хороводные пляски при празднике Купалы и пр. Из аналогичных культовых плясок вырос, как известно, древнегреческий театр—родоначальник европейского театра. Массовые хороводные танцы, устраиваемые обычно по поводу каких-нибудь праздников, имеют и другие, не связанные ни с какими религиозно-магическими представлениями, корни: это просто игры молодежи, обычно обоего пола. В них всегда проявляется момент ухаживания: парень выбирает из хоровода приглянувшуюся ему девушку и пляшет с нею внутри того же хоровода. В прежнее время это была одна из обычных форм выбора невест и женихов,—танец здесь имел серьезное жизненное значение. Парные танцы, сочетаемые обычно с хороводными плясками, представляют собой, как правило, инсценировку ухаживания в различных его формах. Вот почему в парных танцах всех народов мужчина обычно старается выразить свою удаль, ловкость, смелость, а в то же время уважение к своей подруге, стремление привлечь ее благосклонность, а его подруга выражает в танце свою женственность, скромность, плавность и грацию движений. Разумеется, у разных народов то и другое проявляется в весьма разнообразных формах. Наконец, есть и танцы, имеющие иные корни: военные пляски мужчин, пляски профессионалов-танцоров и актеров, какими были, например скоморохи в древней Руси.

Народные танцы обычно сопровождаются пением или исполняются под музыку.

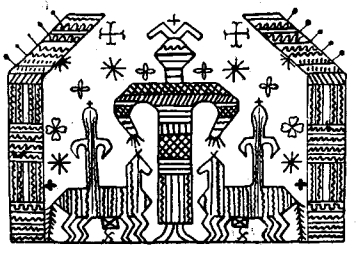
В XIX и начале XX в. в народной среде восточных славян бытовали как старинные танцы, так и новые, заимствованные из городского быта. Из старых игровых танцев для русских крестьян особенно характерны были разные «хороводы» («караходы»)—массовые круговые пляски. Они приурочивались или к весенне-летним праздникам, или к

Украинский орнамент (вышивки)

зимним посиделкам. В них коллективный танец сочетался с парным. У северных великорусов хороводные танцы отличаются плавностью, строгостью движений; у средних и южных великорусов они более разнообразны, быстры, оживленны. Танцующие соревнуются в выполнении сложных «колен», в быстроте или красоте движений. Для мужчины в русском танце особенно характерны выкидывание «колен» ногами, пляска «в присядку»; для женщины—плавные и мелкие движения ногами, которые не видны под длинной

Севернорусские узоры вышивок

Образец золотого шитья, конец XVIII в. (г. Торжок)

одеждой (девушка «плывет», «как пава»), взмахивание платочком, мягкое изгибание верхней части корпуса. Отдельные танцы, состоящие из сочетания определенных «колен», имеют свои традиционные названия: «Камаринская», «Перепляс», «Барыня», «Елецкий» «Гусачок» и др.

У украинцев массовые пляски назывались «веснянками», «метелицами» и пр. Они во многом сходны с русскими. Но в украинских танцах больше сказались черты воинственного казачьего быта в прошлом: таковы украинские танцы «Казачок», «Гопак»,— вначале чисто мужские военные пляски, впоследствии ставшие парными, но не утратившие своего бурного, мужественного характера. Известен также старый военный танец запорожцев «Гонта», который исполнялся с обнаженными саблями.

У белорусов сохранились танцы-игры, исполнявшиеся на зимних посиделках, на летних дожинках и пр. Известны старые белорусские танцы «Лявониха», «Крыжачок» и др.

С XIX в. в крестьянский быт стали проникать городские европейские танцы: «Кадриль», «Лансье», «Цыганочка» и др. Но народ переделывал их на свой лад.

Сейчас старый народный танец у восточных славян быстро меняется. Старинные обрядовые пляски большей частью отмирают. Но на основе народных традиций создается новая культура танца. Высокое искусство танца культивируется в наши дни в хореографических коллективах—«Березка», танцовальные группы при хоре имени Пятницкого, при Уральском, Воронежском народных хорах, Ансамбль народного танца под руководством Игоря Моисеева, многочисленные профсоюзные, колхозные и другие коллективы самодеятельности.

Глиняный сосуд с художественной росписью: «800-летие Москвы» (Гжель)

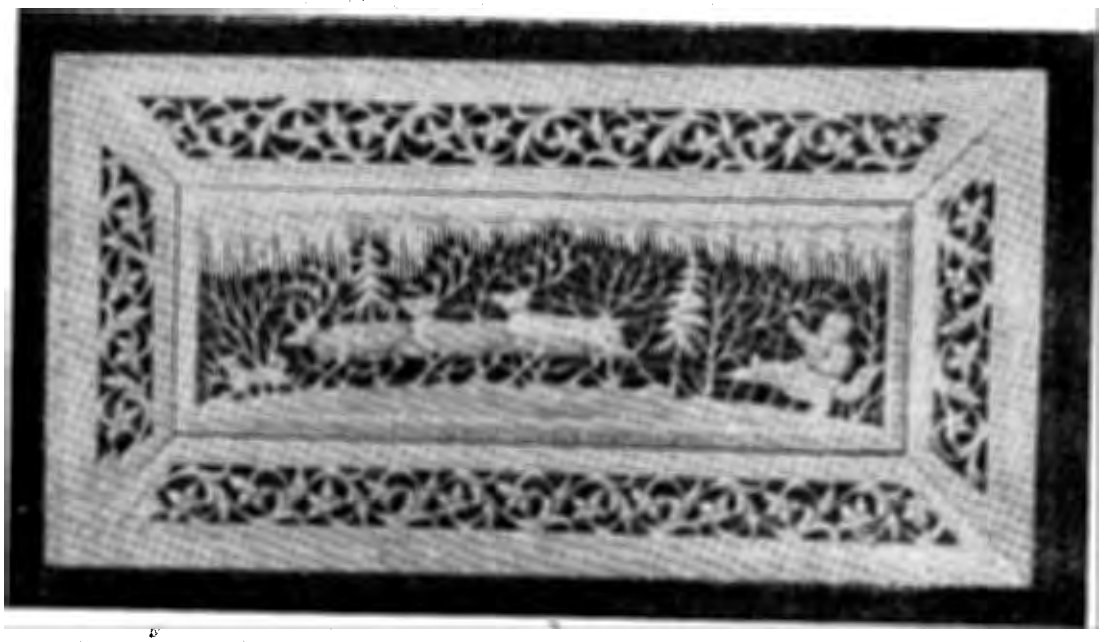
Шкатулка с росписью по лаку (Палех)

Народное изобразительное искусство. Изобразительное искусство народа—по преимуществу прикладное. У восточнославянских народов оно издавна развито в высокой степени: это показывают хотя бы многочисленные находки произведений художественного ремесла в древнеславянских курганах и городищах. Уже в ту пору существовало, следовательно, и профессионально-ремесленное изготовление художественных изделий. Однако наряду с этим оно сохранило вплоть до наших дней также и чисто народные, домашние, непрофессиональные формы.

Это прежде всего художественная орнаментировка предметов бытовой обстановки, от жилища до одежды. Эти предметы покрываются, особенно на Севере, резьбой или росписью. Орнамент встречается также на керамике, реже на металле. Резные украшения наличников окон и карнизов домов наиболее художественны в северновеликорусских областях. Но едва ли не главная область приложения декоративного искусства—это вышивки и другие текстильные изделия. Вышивкой в народном быту покрывались предметы одежды, полотенца (украинцы ими украшают хаты), покрывала, скатерти и пр. Наряду с вышивкой известно узорное тканье, золотошвейное дело, кружевное производство, набойка. В некоторых местностях (например, в Вологодской обла-

Ювелирное производство. Подстаканник (артель «Северная чернь», Великий Устюг, Вологодской обл., 1947 г.)

Резьба по кости. Крышка шкатулки (Холмогоры)

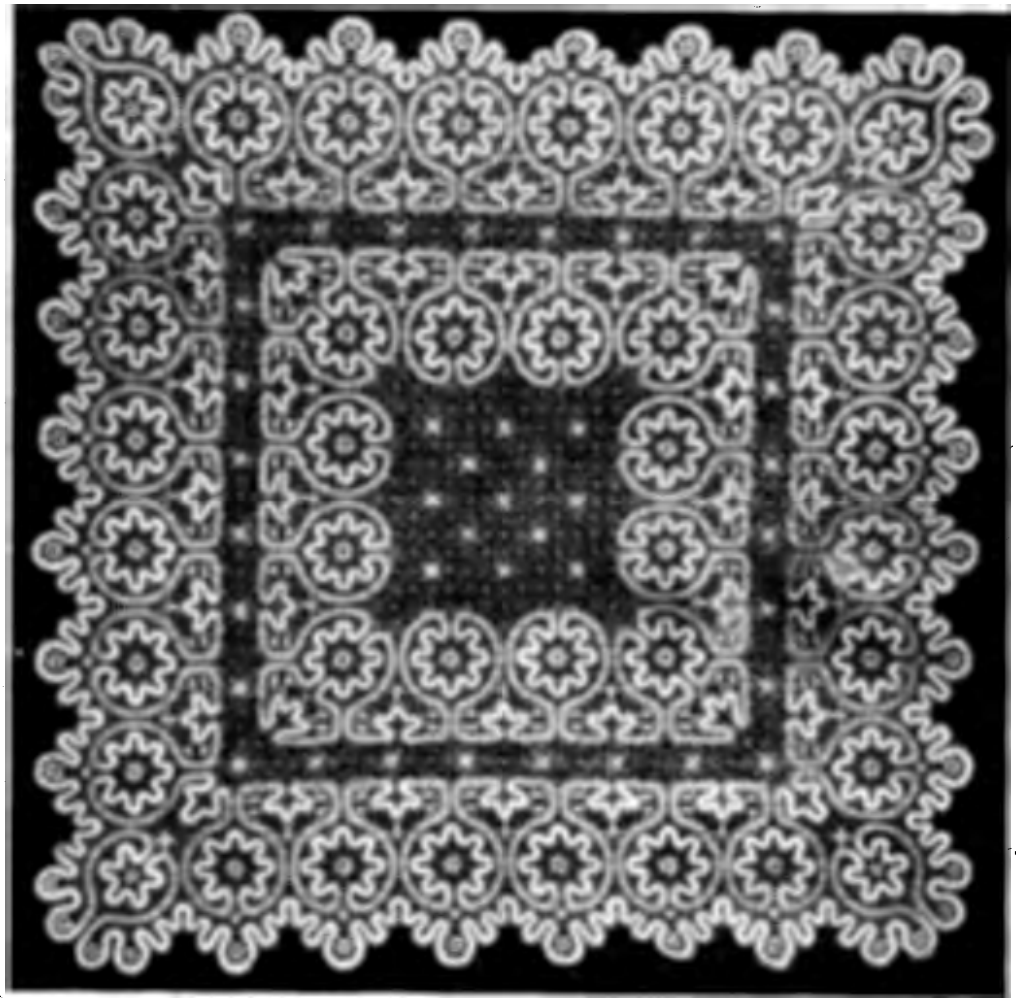
Образцы росписи по дереву (хохломская роспись)

Роспись жестяных подносов (с. Жестово, Московской обл.)

сти) кружевной промысел получил уже давно товарное значение, а сейчас он составляет гордость местных мастериц.

Стили орнамента неодинаковы в разных частях страны. У южных украинцев преобладают геометрические формы, в основных областях Украины в настоящее время господствует растительный стиль орнамента—цветы, плоды, вазоны и пр. У южных великорусов преобладают геометрические мотивы, причем замечается склонность к ярким, многоцветным тонам; но встречаются и предметные мотивы—особенно животные: петухи, павы, уточки, всадники и пр. Особенно характерен северновеликорусский орнамент. В нем наряду с геометрическими мотивами нередко встречаются сложные композиции; наиболее интересна из них трехфигурная композиция из стоящей посередине женской фигуры с воздетыми кверху руками и стоящими по бокам, повернутыми к ней лицом фигурами всадников или птиц. Средняя фигура заменяется иногда деревом или сильно геометризуется. Корни этого мотива, восходящего к глубокой древности, советские исследователи (В. А. Городцов, Б. А. Рыбаков) видят в дохристианских мифологических сюжетах: возможно, что здесь перед нами отзвук древнего культа великой богини, изображавшейся вместе с ее почитателями-жрецами; подобные явно культовые изображения найдены в большом числе среди «дако-сарматских» древностей первых веков н. э. из области нижнего Дуная. В северно-русском народном искусстве, и именно в женском, в вышивальном, сохранились через ты-

Кружевная накидка на подушки (Вологодский кружевосоюз)

сячелетия отзвуки этого древнейшего культа великой богини, причем, конечно, религиозное значение этого мотива давным-давно забыто.

Этот своеобразный мотив встречается, кроме северновеликорусов, у их соседей на севере и востоке, у карелов, народов Поволжья. У народов Западной и Южной Европы он почти неизвестен.

Станковое искусство у восточных славян было развито гораздо меньше. В древности сюда относилось иконописание. Традиции иконописного искусства, достигавшего в прошлом высокого совершенства, сохранились ныне в творчестве мастеров народной миниатюры, особенно в селах Мстёра, Палех, Хóлуй. Талантливые народные художники исполняют здесь тончайшие работы—миниатюры на лаковых шкатулках и другом материале: сюжеты берутся из героического прошлого Руси, из былин, из классических литературных произведений, из советской действительности.

К станковому искусству можно отнести также лубочные картинки, которые в старину в быту народа играли большую роль. Среди них были и картинки с религиозными сюжетами, и сатирические, бытовые и прочие. Этому искусству нанесло удар введение царским правительством при Николае I (1839 г.) предварительной цензуры, которая закрыла возможность изготовления и распространения картинок, высмеивавших царскую администрацию, купцов, духовенство. Лубочные картинки были впервые изучены Снегиревым, а после него особенно Ровинским.

Если отдельные виды старинного народного искусства, таким образом, исчезают

Украинский ковер-палас

или уже исчезли с изменением общих культурных условий, то этого нельзя сказать о народном искусстве в целом. Оно имеет перед собой блестящее будущее, и как раз наша эпоха, обеспечившая широчайшим народным массам достойное человеческое существование и небывалый культурный подъем, породила и новый мощный рост всех форм народного искусства.

Художественные народные производства организованы сейчас в форме кустарно-промысловых артелей, работой которых руководит общегосударственное объединение промысловой кооперации. Им обеспечен неограниченный сбыт продукции и всемерная помощь советских органов.

Наиболее известны в настоящее время следующие художественные производства.

Художественная резьба из дерева: особенно в Московской обл.—с. Богородское, Абрамцево и др.; западные области Украины—Черновицкая (с. Вижница), Станиславская (Косов) и др.

Роспись по дереву: особенно в Горьковской обл. (Семеновский, Ковернинский, Городецкий р-ны)—это знаменитая «хохломская» роспись, от с. Хохломы, центра этого производства, поразительного по своему мастерству и технической сложности.

Роспись с выжиганием: г. Загорск, Московской обл.

Миниатюрная живопись по папье-маше: Ивановская обл. (сс. Палех и Холуй), Владимирская обл. (с. Мстёра), Московская обл. (с. Федоскино).

Прорезная береста: Вологодская обл. (Верхне-Устюжский р-н).

Резьба по кости: Архангельская обл. (с. Ломоносово)—сквозная ажурная резьба; Тобольск—объемная резьба; Московская обл. (с. Хотьково)—различная техника.

Эмаль по жести: г. Ростов, Ярославской обл.

Роспись железных подносов: с. Жестово, Московской обл.

Ювелирное производство: Костромская обл. (Красносельский р-н), Вологодская обл. (г. Великий Устюг).

Художественная керамика: Московская обл. (г. Гжель, Раменского р-на), Рязанская обл. (г. Скопин), Винницкая, Каменец-Подольская, Полтавская обл. (с. Опошня).

Кружевное производство: Кировская обл. (с. Советск), Вологодская обл. (около 20 артелей в разных районах), Орловская обл. (г. Елец), Полтавская обл. УССР и др.

Вышивки: Ивановская, Владимирская, Новгородская, Горьковская, Рязанская, Калининская области, ряд областей Украины и Белоруссии.

Ковроткачество: Киевская, Станиславская и другие области Украины—«килимы»; Курская, Курганская, Тюменская обл.

Художественная инкрустация дерева: горные украинцы-гуцулы.

Этим перечнем, конечно, далеко не исчерпывается список расцветших в наши дни народных художественных производств и мест их распространения.

Замечательно то, что в последние годы сильно расширяется сфера приложения народного изобразительного искусства. Так, палехские художники, которые в первые годы Советской власти прилагали свое вековое мастерство к разрисовке шкатулок и прочих мелких вещей, в последнее время, помимо этого, привлекаются к иллюстрированию книг, к крупным декоративным работам: росписи стен домов культуры, дворцов пионеров, к оформлению театральных постановок, писанию декораций и т. д., вплоть до работы по мультипликационным фильмам.

Но не только расширяется круг применения народного искусства: становятся гораздо более разнообразными его темы и мотивы, гораздо более богатым и идейно насыщенным его содержание. Помимо простых геометрических и растительных форм, в тематику росписи включаются все более сложные многопредметные композиции, исторические и современные сюжеты. Наконец, необходимо отметить поразительный рост технического и художественного мастерства. Произведения народных художников советской эпохи в большинстве случаев стоят технически и с формальной стороны намного выше, чем аналогичные вещи дореволюционных лет.

Так, старое народное искусство, совершенствуясь и расширяясь, глубоко и разнообразно пронизывает советский быт.

НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

Юго-восточная Прибалтика—территория Советских Социалистических Республик Литвы, Латвии и Эстонии—составляет в пределах восточно-европейской историко-этнографической области определенную подобласть. К формам народной культуры, характерным для лесной полосы Восточной Европы и общим с восточнославянскими народами, здесь примешиваются черты иного происхождения: скандинавского и центрально-европейского. Они объясняются не только окраинным положением данной области, но и прямым влиянием со стороны поляков, немцев и шведов, которые долгое время господствовали политически над народами Прибалтики.

В языковом отношении население юго-восточной Прибалтики весьма неоднородно. Эстонцы и близкие к ним, ныне сохранившиеся лишь небольшой группой ливы принадлежат к западнофинской группе народов. Литовцы и латыши вместе с остатками древнего народа куршей—к «балтийской» группе индоевропейских языков и народов.

Исторические причины этой языковой неоднородности до недавнего времени оставались неясными.

Плодотворные исследования советских ученых (Х. А. Моора, Н. Н. Чебоксарова и др.) за последние годы пролили свет на эту проблему. По археологическим данным, в эпоху неолита (III—II тысячелетия до н. э.) большая часть юго-восточной Прибалтики была заселена племенами—носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики, которых обычно отождествляют с предками угро-финских народов. С начала

II тысячелетия до н. э. в южных районах появляется так называемая «культура ладьевидных топоров»; носителями ее были, как полагают, предки летто-литовских («балтийских») племен, но с примесью, возможно, финноязычных племен в северных районах. Уже в конце бронзовой эпохи, в I тысячелетии до н. э. прослеживаются две группы археологических памятников: на севере (Эстония, Северная Латвия) преобладают каменные курганы с погребениями в каменных ящиках; в более южных районах (Южная Латвия, Литва)—грунтовые могильники и земляные курганы. Области распространения этих двух групп памятников были разделены слабо заселенной возвышенной полосой. Различия между ними сохраняются и позже, причем сочетаются с антропологическими различиями. Есть серьезные основания связывать эти два основных типа археологических памятников с двумя различными этническими группировками: северный—с предками эстонцев и ливов, южный—с летто-литовскими племенами. Как мы увидим дальше, эта древняя культурная граница и сейчас сохраняет свое значение в распределении отдельных черт культуры: северные латыши по многим культурным признакам сближаются с эстонцами.

Данные антропологии проливают дополнительный свет на вопрос об этногенезе народов юго-восточной Прибалтики. Здесь преобладают светлоокрашенные европеоидные типы—«западнобалтийский» и «восточнобалтийский». Второй из них содержит в себе слабую монголоидную примесь. Он господствует особенно у эстонцев. У южных литовцев есть заметная примесь более темноокрашенного «северо-понтийского» типа, проникшего, видимо, с юга и притом, как предполагают, лишь в начале нашей эры.

Из всех соседей восточных славян литовцы и латыши всего ближе к ним по происхождению и по культуре, и особенно по языку. Лингвистами уже давно установлено, что внутри индоевропейской семьи языков балтийские языки обнаруживают наибольшую близость к славянским. Близость эта настолько велика, что некоторые исследователи даже включали летто-литовские языки и народы в славянскую ветвь (Тетцнер и др.). Во всяком случае близкие родственные отношения между балтийскими и славянскими языками и общность их происхождения признаются почти всеми лингвистами.

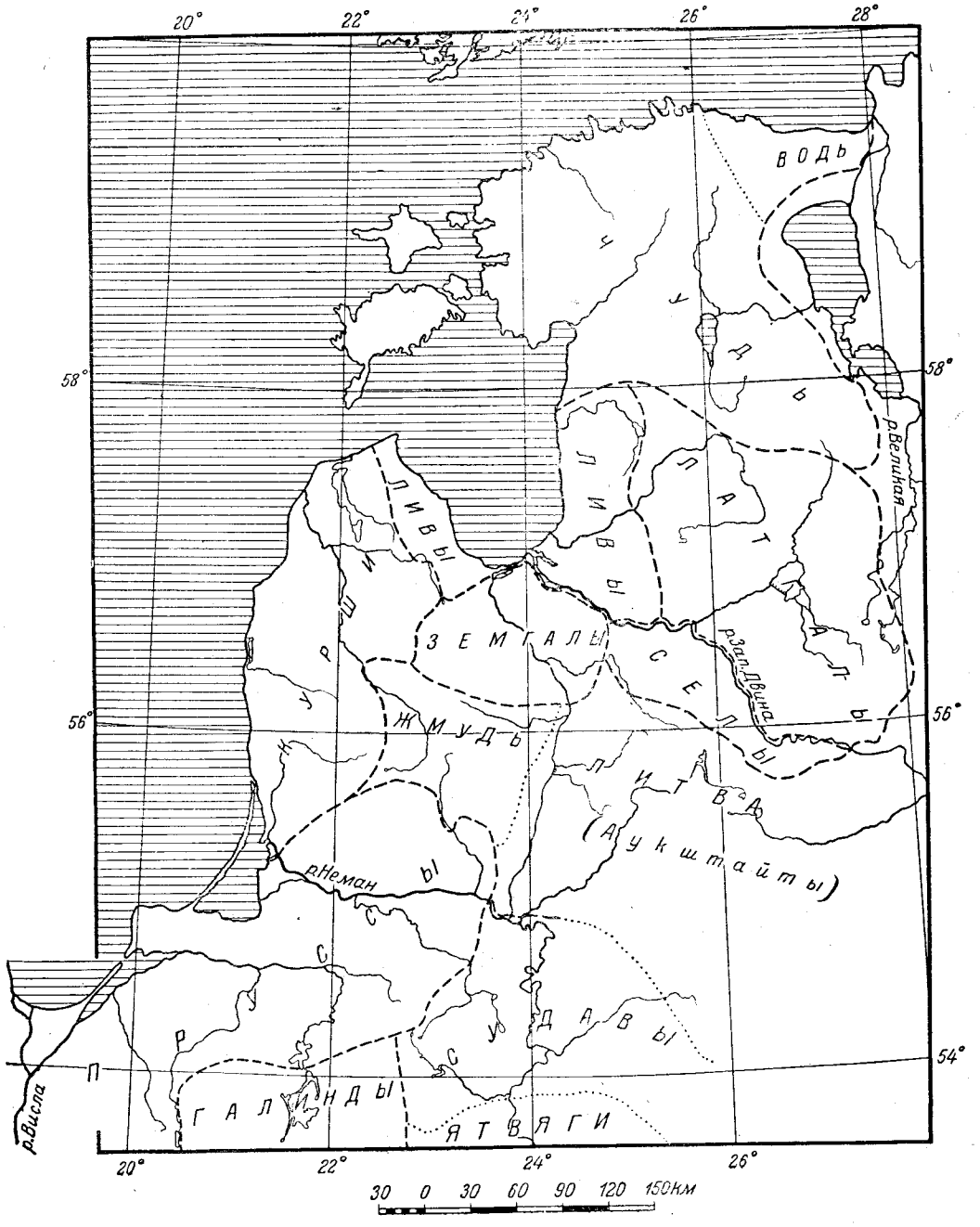
По своей структуре балтийские языки выделяются, как отчасти и славянские, среди прочих индоевропейских особым архаизмом, главным образом в системе склонений имен. Возможно, что это свидетельствует о том, что эти народы меньше, чем другие, подвергались смешению и влиянию неиндоевропейских языков.

Письменные известия о летто-литовских народах начинаются с первых веков н. э. Тацит упоминает о народе «эстиях», жившем на побережье Балтийского моря. Все историки признают, что это были какие-то предки летто-литовских народов и что лишь гораздо позже это название перешло на эстов-эстонцев. Об «эстиях» говорит и Иордан в VI в. Племена галиндов и судинов, несомненно литовские, упоминает Птолемей во II в. В те времена летто-литовские племена занимали гораздо более обширную к западу и к югу область, чем их позднейшие потомки. В XI—XII вв. область их расселения была примерно такова.

На западе всю позднейшую «Восточную Пруссию» до низовьев Вислы населяли пруссы; на юге бассейн Нарева занимали ятвяги, а также галинды («голядь» в русской летописи) и судавы; севернее их, на Среднем Немане, жила собственно литва—племя, в дальнейшем объединившее вокруг себя другие племена и давшее им свое имя; далее к северу, по правым притокам Немана, обитали жемайты (латинизированная форма их имени—самагиты), или жмудь; еще севернее, на Куронском полуострове, жили курши, или куроны (корсь). К востоку от них, по р. Лиелупе и нижней Западной Двине, расселены были земгалы (зимигола), т. е. «низовые», а выше их по Двине—селы (селоны), «верховые»; еще восточнее, на правобережье Двины—латгалы (летьгола): эти три племени—предки теперешних латышей.

Побережье Рижского залива и области дальше к северу, вплоть до Финского залива, занимали финноязычные племена: ливы, давшие впоследствии свое имя всей юго-восточной Прибалтике—«Ливония», и предки эстонцев, племена «чуди», как они названы в русской летописи.

Но эта область, занимавшаяся летто-литовскими и западнофинскими племенами, позже сильно сократилась. С востока и с юга ее сжало продвижение восточнославянских и польских племен; ятвяги и галинды были оттеснены, частью ассимилированы; часть галиндов (голядь), отрезанная от остальной массы литовцев, вплоть до XII в. жила на р. Угре, притоке Оки; позже эта голядь, видимо, обрусела.

Расселение племен юго-восточной Прибалтики в X—XIII вв.

На западе агрессия Тевтонского немецкого ордена в XIII в. сопровождалась жестоким истреблением пруссов, а остатки их были позже онемечены. Но на основной территории литовские племена были объединены вместе с частью русского (белорусского) населения под властью местных князей. Так возникло Литовско-Русское государство (XIII—XIV вв.). В нем политическая власть принадлежала литовским князьям, но культурное превосходство было на стороне славянского (русско-белорусского) населения. Русский язык господствовал в литературе и в законодательстве. В конце XIV в. Литовско-Русское государство, однако, объединилось с Польшей, сначала только «личной унией» (1385), позже слившись с ней в единое государство «Речь Посполи-

тую» (1569). Формально Литва составляла его равноправную часть, но фактически господство принадлежало феодальной Польше. Господствующий класс Литвы, бояре и паны, стал перенимать польскую культуру.

Судьба латышских племен—куршей, земгалов, селов и латгалов, а также финноязычных ливов и эстов («чуди»)—была иной. С конца XII в. они подверглись истребительному нашествию немецкого духовно-рыцарского «Ливонского» ордена. Несмотря на героическое сопротивление латышских и эстонских племен и на русскую помощь (битва на Чудском озере в 1242 г.), ордену удалось укрепиться в Прибалтике. Он просуществовал до 2-й половины XVI в., распавшись в годы «Ливонских войн» Ивана Грозного. Но, хотя отдельные части Ливонии в дальнейшем переходили под власть то Польши, то Швеции, а часть составила самостоятельное «Курляндское герцогство» потомки ливонских рыцарей оставались в течение веков господами порабощенных латышских и эстонских крестьян. Только восточная часть Латвии, Латгалия, на долгое время—с конца XVI до конца XVIII в.—оказалась под властью Польши и испытала на себе, подобно Литве, гнет польских панов.

К XVIII в. в результате многовекового взаимодействия и сближения племенных групп в ходе описанных событий сложились основные народности юго-восточной Прибалтики: эстонцы—из древних «чудских» и частью ливских племен; латыши как народность сложились на основе племен земгалов, селов и латгалов, куда влились и курши и остатки финноязычных ливов. В Литве образовались две народности—собственно литва (аукштайты) и жмудь (жемайты).

В XVIII в. вся юго-восточная Прибалтика, за исключением Восточной Пруссии, вошла в состав России, но фактически над эстонцами и латышами продолжали господствовать немецкие бароны, а над большей частью литовцев—польские паны вместе с ополяченной литовской знатью.

Великая Октябрьская революция в России дала эстонцам, латышам и литовцам национальную самостоятельность, но местная буржуазия при поддержке германского империализма захватила власть в свои руки. Лишь летом 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии была установлена Советская власть, и эти республики вошли как равноправные сочлены в Союз Советских Социалистических Республик.

1. ЛИТОВЦЫ

Среди литовцев (2,4 млн) сохранилось деление на «верхних» литовцев (аукштайтов) и «нижних» (жемайтов). Жемайты, или «жмудь»,—остаток некогда самостоятельного племени, сохранивший некоторую обособленность; до революции жмудины иногда считались даже особым народом. Они живут очень компактной группой в северо-западных округах Шяуляй, Телшай и Расейнай. Более обособлены были еще недавно западные литовцы, обитатели северо-восточной части бывшей Восточной Пруссии и Клайпедской области (Мемель). Они издавна находились под властью Пруссии и испытали на себе сильное немецкое влияние, частью онемечились. Численность этих западных литовцев трудно точно определить, так как немецкая официальная статистика преуменьшала ее; перед второй мировой войной их, вероятно, было до 150 тысяч[1].

Хозяйство. Исконное занятие литовцев—земледелие. Неземледельческие занятия еще недавно были слабо развиты. Наблюдатели не раз отмечали особую любовь литовца к земле. В русской Литве и Жмуди держалась традиционная трехпольная система, но с применением естественных и искусственных удобрений. Без них тощая песчаная и глинистая почва ничего не дала бы. Каменистая земля затрудняет вспашку. В связи с этим, а особенно вследствие бедности большинства крестьян, долго держался примитивный инвентарь. Обычно употреблялась простая двузубая соха двух видов: соха с одной (перекладной) полицей—так называемая «русская»—распространена была в северной части Литвы (как и у латышей); соха с двумя (неподвижными) полицами—«литовская»—в южных районах. Местами применялось еще более простое однолемешное рало—«арклас». Пахали неглубоко, чтобы не поднимать «дикую землю». Употреблялась плетеная или деревянная борона. Жали хлеб в старину серпами, зазубренными, как у восточных славян; но еще с XVI в. начали

[1] Эти западнолитовские земли, захваченные некогда Германией, назывались прежде «Малой Литвой», в отличие от «Большой Литвы», входившей в состав России.

употреблять особую косу (пусдальгис) с короткой рукоятью—ею работали одной рукой, другой сгребая колосья,—а с конца XIX в. распространилась современная коса—«литовка». Молотили цепами.

Из полевых культур распространены пшеница, рожь, овес, ячмень, картофель, лен. Огородничество издавна развито и особо крупное значение имело для малоземельной бедноты. В новейшее время, особенно после коллективизации, стало расти и садоводство, прежде существовавшее только у помещиков.

Сейчас литовские колхозы перешли почти целиком на современную социалистическую технику земледелия. Проводится в больших масштабах мелиорация и осушение заболоченных земель.

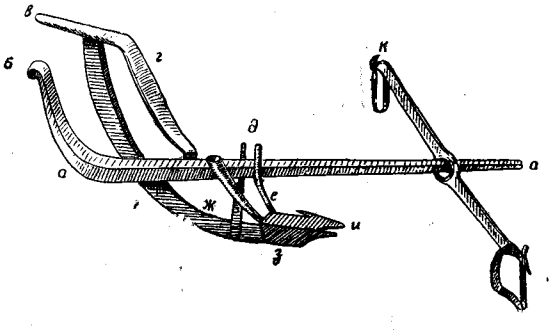
Животноводство занимает видное место. Издавна литва славилась как конный народ,—видимо, здесь сохранились какие-то следы южных скотоводческих традиций; ведь примесь южного элемента видна и в антропологическом типе литовцев. Литовский крестьянин любит лошадей и умеет за ними ухаживать, хотя старая литовская порода лошадей невзрачна на вид и низкорослa. С XIX в. эту породу начали систематически улучшать. Разведение рогатого скота тоже прогрессировало, особенно благодаря хорошему спросу на молочные продукты. Овцеводство, напротив, пришло в упадок от конкуренции дешевой шерсти из заокеанских стран. Зато свиноводство в годы буржуазной республики получило крупный размах в связи с большим спросом на сало и бекон. При этом западные литовские области были связаны с германским рынком, который требовал главным образом сала, тогда как Литовская (как и Латвийская и Эстонская) республика была поставщиком английского рынка, поглощавшего бекон. Отсюда два разных направления свиноводства и связанные с этим различия в кормовой базе: в принадлежавших Германии литовских землях свиней откармливали зерном, дающим большую твердость жиру, поэтому там преобладало зерновое направление и в земледелии; в Прибалтийских же республиках на откорм шел (как и теперь идет) главным образом картофель, который поэтому и среди полевых культур здесь занял более видное место.

В Советской Литве животноводческое хозяйство несравненно улучшилось и превратилось в ведущую отрасль хозяйства. Существуют многие тысячи колхозных животноводческих ферм. Улучшаются породы молочного скота: в южных районах главным образом черно-пестрой масти, в северных—красной. Кормовая база укрепилась благодаря повышению урожая сена с культурных лугов и посевных трав, силосным кормам и пр.; молочность скота поднялась в среднем до 1,6 тыс. кг в год, а местами—до 2,5 тыс. кг.

В прежнее время в лесных районах крестьяне широко занимались бортным пчеловодством; теперь распространилось культурное пасечное пчеловодство; каждый крестьянин старается иметь у себя в саду хоть несколько ульев. Много колхозных пасек. С пчеловодством связаны некоторые старые обычаи и поверья: например, избегали продавать и покупать пчел, а старались поймать рой на чье-нибудь «счастье», и это лицо тогда считалось как бы совладельцем улья: таким же совладельцем признавался и хозяин пасеки, откуда слетел пойманный рой; если при разделе полученного меда и воска не удовлетворить этих лиц, это, по поверью, может повредить успеху в разведении пчел.

В старое время немалое значение имели рыболовный и охотничий промыслы. Охота потеряла значение, но рыболовство на морском побережье сейчас, в советскую эпоху, получило новое развитие.

Кустарно-ремесленные производства, равно как и торговля, были распространены относительно слабо: в прошлом они были больше в руках евреев, поляков, немцев. Из народных производств более развиты были некоторые женские промыслы—тканье, вышивка и пр. и мужские производства—кузнечное, по обработке дерева. Сейчас эти народные производства, особенно имеющие художественное значение, вступили в полосу подъема.

«Литовская» соха: *а*—дышло (рогач); *б*, *в*—рукоятки (рога); *г*—брусок, соединяющий рукоятку с дышлом; *д*, *е*—полица и отвал; *ж*—подвои; *з*, *и*—сошники; *к*—ярмо

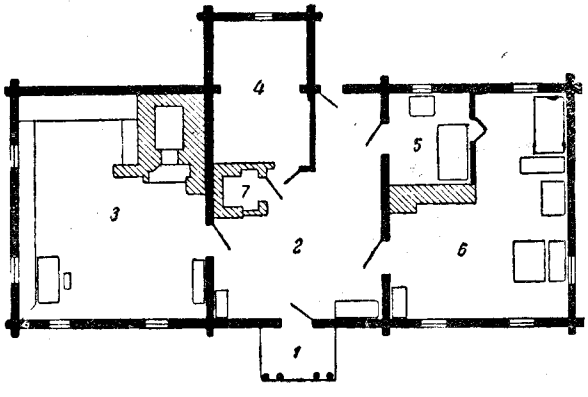

Клети

Промышленность в царское время была слабо развита. В период буржуазных республик вся Прибалтика стала аграрным привеском крупных европейских капиталистических стран. Лишь в годы Советской власти в Литве начала расти крупная промышленность социалистического типа.

Поселения и постройки. У литовцев преобладало прежде расселение небольшими деревнями—по 20—25 дворов, в которых усадьбы располагались вдоль одной улицы, часто по одну сторону ее, а по другую—огороды. Усадьбы расположены просторно, местами они бывают даже в стороне от улицы и соединяются с ней поперечными дорогами. В Жемайтии издавна преобладал однодворный тип расселения. После образования Литовской буржуазной республики и проведения аграрной реформы (1922), укрепившей кулацко-крестьянскую земельную собственность, в Литве произошло массовое расселение на хутора и осталось мало деревень старого типа. В связи с развитием коллективизации начался переход от хуторов к новым колхозным поселкам.

Дом литовского крестьянина-середняка (Пандельский р-н): *1*—крыльцо; *2*—сени; *3*—изба; *4*—кладовая; *5*—малая кладовая; *6*—белая изба; *7*—камин

Жилые и хозяйственные постройки располагаются внутри усадьбы. Строительная техника—срубная, как у русских и белорусов, в отличие от центрально-европейской «столбовой» техники. Срубная техника построек, видимо, заимствована от восточных славян. Материалом для построек служат круглые бревна. Только в западных районах Литвы употребляются, быть может, под влиянием немцев или поляков, обтесанные четырехгранные брусья.

Срубные жилые постройки выступают в Литве в двух разных типах. Один из них, более древний и самобытный, сохранился в Жемайтии, другой—в Восточной Литве (Аукштайтии). Первый тип—«namas», или «numas»,—представляет собой в основе однокамерный сруб с очагом посередине. Такие простейшие постройки существовали еще в XVI в.; в дальнейшем намас обрастал при-

Группа девушек—учениц средней школы в национальных костюмах (г. Кельме, Литовской ССР)

стройками для скота и для разных хозяйственных надобностей. Возникала трехкамерная, позже многокамерная постройка, центральной частью которой, однако, оставалось помещение с очагом. Теперь старинный тип «намаса» можно кое-где встретить только в качестве хозяйственных построек.

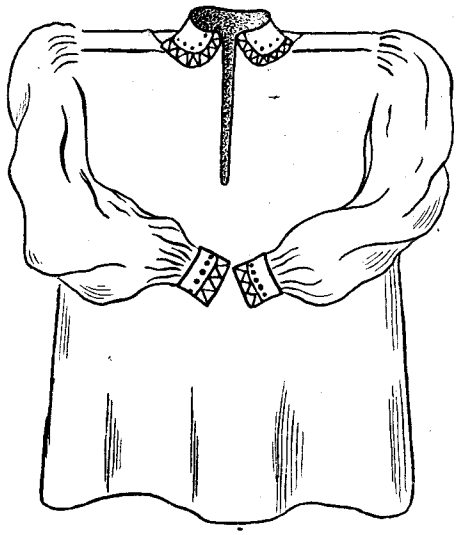
Второй тип—это так называемая «pirkiá» («istaba»). Она появилась позже, однако тоже известна уже в XVI—XVII вв. Распространилась, вероятно, под русско-белорусским влиянием, главным образом в восточных районах. «Пиркя» аналогична русской двух-трехраздельной избе-хате: жилая часть, отапливаемая русской печью («pečius»), холодные сени и—не всегда—3-я часть—кладовая или чистая комната («kamara»).

У богатой части населения дом—и намас и пиркя—получал более сложную планировку, разрастался в длину и ширину, с выделением ряда жилых комнат и хозяйственных помещений. Особенно сложное расчленение известно у жемайтов. У бедняков же сохранялись убогие избы, иногда даже с топкой «по-черному».

Хозяйственные постройки в большинстве отделены от жилого дома. Из них главную роль играет амбар, называемый «svirnas», или «kletis» (русское «клеть»): это приподнятая над землей на колодах постройка с обязательным навесом на столбах перед фасадной стеной, разделенная—особенно у жемайтов—поперечными перегородками на 3—5 частей. Это место для хранения продуктов и хозяйственных вещей, но оно служит также спальней для девушек и для новобрачных. «Высокая клетис», упоминаемая часто в народных песнях, связана с целым рядом поверий и обычаев и считалась романтической частью литовской крестьянской усадьбы.

Другая важная хозяйственная постройка—гумно для сена и соломы—«kluonas». Местами в середине его устраивается овин с печью для сушки снопов. Обычно имеется и баня—«pirtis», с ней тоже были связаны старинные поверья, что там водится нечистая сила. Встречается отдельно стоящая летняя кухня—однокамерная срубная постройка с центральным очагом. В ней сохранился древнейший тип жилища—древнелитовский «намас».

В некоторых районах существуют свои местные типы построек. Так, совершенно самобытный тип представляли собой старые жилища рыбаков Курской косы, потомков древних куронов. У них дом тоже делился на 3 части, но средняя часть, сени, была гораздо больше по размерам, чем обычно. В этих сенях, с открытым очагом, рыбак работал над починкой своих сетей и парусов, растягивал их для просушки и коптил в дыму

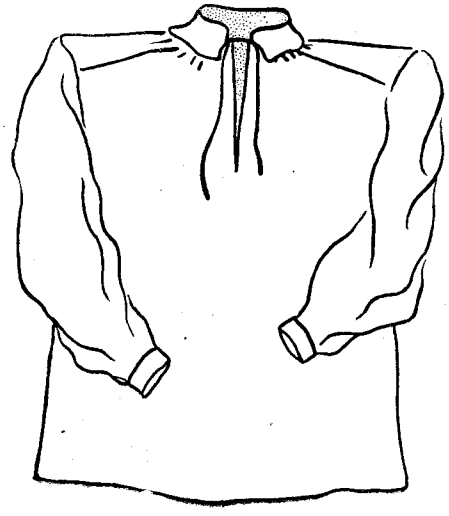
Женская рубаха (marškinai)

очага. Направо и налево—маленькие жилые комнаты. Хозяйственные постройки разбросаны в беспорядке вокруг дома, но их было немного, так как земледелием и скотоводством жители почти не занимались.

В бывшей «Малой Литве» часто встречались типы построек, заимствованные от немцев или поляков. Здесь жилые и хозяйственные постройки обычно располагались замкнутым четырехугольником вокруг открытого двора; иногда жилой дом стоял внутри этого четырехугольника. Местами, впрочем, встречался чисто литовский тип дома даже там, где само население уже давно было онемечено.

Характерна одна декоративная деталь

Мужская рубаха (marškinai)

литовского дома: крыша украшается двумя стилизованными, вырезанными из досок, изображениями лошадиных голов, которые, служа продолжением ребер крыши, увенчивают в виде ножниц фронтон. Это украшение широко распространено также в Западной Латвии, у северных поляков, у нижних лужичан, встречается оно и у русских.

Одежда. Традиционный национальный костюм литовцев к началу первой мировой войны был в значительной степени вытеснен одеждой городского покроя. В годы буржуазных республик националистическая интеллигенция начала искусственно восстанавливать этот костюм. В советские годы наметились пути подлинного возрождения национальной одежды, которая теперь употребляется особенно в дни народных праздников.

Формы традиционного костюма были разнообразны по отдельным местностям, но основные его особенности сходны. Основу и мужского и женского костюма составляет длинная рубаха, в старину из домотканого холста, с отложным воротником. Женская рубаха—туникообразного покроя, но с характерными нашивками на плечах, которые можно рассматривать как переход к типу восточнославянской рубахи с «поликами». Мужчины носили холщовые или суконные штаны, а поверх рубахи, подпоясанной ременным поясом,—белую холщовую свитку, а зимой суконную сермягу; местами, под западным влиянием, вошло в обычай носить черный застегнутый на все пуговицы жилет, у западных литовцев также и черный или синий сюртук из фабричного сукна. Для женщин характерна широкая юбка, поверх нее передник; местами, например в б. Сувалкской губ., юбка шилась с квадратной вставкой спереди из более дешевой материи; в этом можно видеть пережиток восточнославянской поневы. Плечевой одеждой служила кофта с рукавами или корсет-безрукавка, суконный кафтан и пр. Чрезвычайно характерна одна старинная принадлежность литовского женского костюма: это так называемая «маргине». Она состояла в старину из двух кусков самодельной пестрой ткани; каждый кусок обертывался вокруг тела сбоку под рукой, и концы его закреплялись на противоположном плече пуговицами, так что руки оставались свободными; на талии маргине стягивалось вышитым поясом. Впоследствии эта одежда превратилась в большое покрывало, которое надевалось на голову и плечи. Такое покрывало из клетчатой

ткани сохранилось, например, в Жемайтии. Головным убором для замужних женщин служат обычно разные платки, белые или цветные, либо чепцы; девушки украшают голову венком (vainikas) с лентами сзади.

Исторические особенности общественного быта. В общественном быту литовцев сохранилось мало архаических черт. Крестьянство долго находилось под крепостным гнетом. Земля принадлежала ополяченным панам-магнатам и шляхте-дворянам, не считавшим своих крепостных за людей. Креностнические пережитки оставались и после освобождения крестьян. Больше всего литовское крестьянство страдало от крайнего малоземелья. Земли принадлежали крупным помещикам. Крестьянские участки дробились благодаря разделам, хотя разделы и запрещались законом. Из-за земли постоянно велись судебные тяжбы, которые сделались бытовым явлением в литовской деревне. Малоземельные и безземельные делались «огородниками» или шли в батраки. Зажиточные хозяева держали, кроме обычных батраков, также так называемых «кумяцов». Кумяц—это бездомный бедняк, живший с женой у хозяина и обязанный вместе с ней отработать ему известное число дней в год, за что он получал «ординарию»—квартиру и харчи.

Общинного землепользования совершенно не сохранилось, но еще недавно держались остатки общинного деревенского суда: судили старики в качестве третейских посредников.

В семейном быту литовцев осталось мало патриархальных черт. Авторитет главы семьи признавался только пока он держал в своих руках хозяйство. Состарившись, глава семьи обычно передавал управление хозяйством в руки старшего сына, а сам оставался доживать свой век на своего рода пенсии, которая называлась у литовцев «ординария» (или «ишимтине») и состояла из квартиры, питания, одежды и карманных денег; о размерах ординарии между отцом и сыном заключалось обычно письменное условие; нередки бывали и тяжбы на этой почве. Бывало и так, что старик поселялся на таких же условиях не в своей семье, а у чужих. Хозяйство переходило обычно к старшему сыну, а младшие, чтобы избежать дробления земли, искали себе других занятий, шли на отхожие заработки, даже эмигрировали.

С этим же связан был обычай ушкурства. Ушкур—зять, поселяющийся после женитьбы в доме своего тестя. Этот своеобразный вид матрилокального брака объясняется теми же экономическими причинами: младший брат не имел своей доли в хозяйстве.

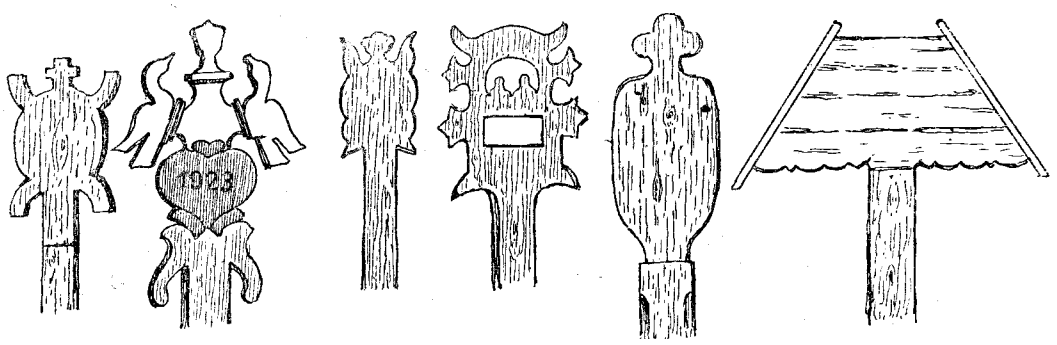

Передник с вышивкой

Положение женщины в семье было подчиненное, но сравнительно независимое: вместе с мужем она руководила хозяйством.

Свадебные обряды литовцев очень напоминают славянскую свадьбу. Это сложный церемониал с разнообразными торжественными и шуточными обрядами, ритуальными песнями, пиршеством. Важную роль в литовской свадьбе играет главный сват «пиршлис», произносящий в установленные моменты высокопарно-шуточные речи—«орации». В последнее время, впрочем, старые свадебные обряды соблюдаются далеко не полностью.

После установления буржуазной республики (1918) и проведения земельной реформы (1922) положение широких масс крестьянства мало улучшилось, земельная нужда почти не смягчилась, потому что выгадали

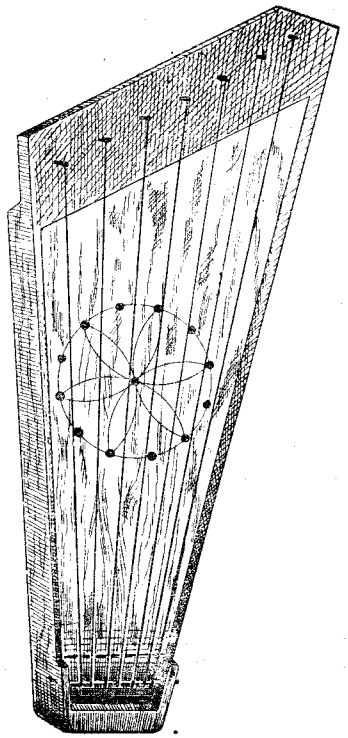

Надмогильные «кресты» в Западной Литве

от земельной реформы только кулацкие элементы деревни. Кулачество чрезвычайно усилилось. Положение же малоземельного крестьянства, а особенно батраков и кумяцов, как раз в эти годы стало особенно тяжелым.

Радикально изменилось положение крестьянских масс лишь при Советской власти, когда народный сейм Литвы в июле 1940 г. провел национализацию земли и ликвидацию земельной собственности паразитических групп; был установлен максимум земельного владения—30 гектаров; все прежние недоимки и выкупные платежи были с крестьян сложены. С 1946 г. началось широкое колхозное движение, которое приняло массовые размеры с 1948 г. С прежней нуждой и классовым гнетом было покончено. Рабочий класс вырос и окреп.

Семиструнный канклес

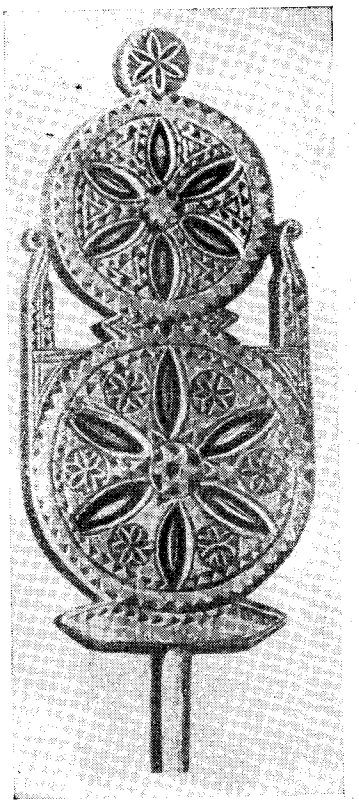
Религиозные пережитки. Религия у прибалтийских народов уже много столетий христианская. Подавляющее большинство литовцев—католики; только в бывшей «Малой Литве» литовцы под немецким влиянием перешли в лютеранство.

Однако у литовцев сохранялись и остатки древнейших дохристианских верований, обрядов и обычаев, частично смешавшиеся с христианскими. Любопытен, например, культ креста. Многочисленные кресты встречаются в Литве на дорогах и перекрестках, у въезда в деревню, в лесу, а также на кладбищах. Эти кресты, иногда с художественной резьбой, с ореолом, изображающим солнце, зачастую очень мало похожи на традиционный христианский символ; нередко эти «кресты» представляют собой просто резные столбы с божницами или без них. Кресты увешаны лентами, бумажными цветами, обетными приношениями. Католическая церковь подозрительно смотрела на этот не совсем христианский культ и в прежнее время иногда даже запрещала ставить над могилами кресты. И в самом деле, во всем этом явно видны следы древней дохристианской религии литовцев—почитания солнца и культа предков. Многие «кресты» представляют собой не что иное, как стилизованное изображение шкуры жертвенного быка. Некоторые почитаемые места с крестами или часовнями, где-нибудь в лесу, так называемые «кальварии», становились центрами богомолья и вокруг них постепенно вырастали поселения. Таково происхождение некоторых городов, до сих пор носящих это имя (г. Кальвария в б. Сувалкской губ., на Виленщине, в б. Тельшовском уезде).

В языке и фольклоре, а частью и в поверьях сохранились следы культа древних богов. В сказках и народных песнях до сих пор фигурирует Перкупас, божество грозы, когда-то бывшее главным богом балтийских племен. Сохранилось поверье о борьбе Перкунаса с чертом (velns, vialnes), которого он старается убить молнией и который от него прячется в какую-нибудь щель. В сказках и песнях упоминается также древняя литовская богиня Летува, с именем которой литовский народ связал мечту о национальной независимости, лесная богиня Медейна. Сохранилось поверье о Лаумах (Лаймах),

Литовская народная скульптура,
св. Исидор (XIX в.)

Образец деревянной резьбы
Дощечка к прялке

Узорчатые полотенца

Резные посохи

женских божествах, приносящих счастье ребенку; но Лаума может и подменить или убить ребенка, может мучить взрослого кошмаром, вредить скоту. Вообще образ Лаумы—сложный, в нем есть общее со славянскими русалками; подобно последним, Лаумы считаются душами проклятых родителями детей. Было также представление о домашнем духе, подобии нашего домового: это Пукис, изображаемый в виде петуха, змеи: он может принести хозяину дома богатство, удачу. Сходные образы представляют Айтвар, Каукс, Спирукс,— быть может, разные имена одного и того же домашне-семейного духа-покровителя.

Есть немало и других остатков древних верований. Сохранялись представления о волках-оборотнях (vilkats, vilktrisa), очень сходные со славянскими поверьями, вера в колдовство, «порчу», в тайные заговоренные клады, в ведьм, знахарские приемы лечения, разные заговоры, приметы и пр. Вообще балтийские народы в своих верованиях, так же как и в языке, сохранили из всех индоевропейцев, быть может, больше всего архаических черт. Недаром Вильгельм Мангардт, крупнейший знаток религии древних индоевропейцев, в последние годы своей жизни специально занимался древними «летто-прусскими» верованиями и собрал обширный материал о дохристианских божествах этих народов.

Культурное развитие и народное творчество. Уровень общего культурного развития литовцев долго оставался очень низким, вследствие крепостнического гнета. Но с середины XIX в. на почве разложения феодально-крепостнических отношений у литовцев началось национальное возрождение. Главную роль в нем сыграла патриотическая разночинная интеллигенция, которая деятельно и успешно работала над созданием национальной школы, над развитием литературы. К началу XX в. была достигнута почти поголовная грамотность: национальная литература, искусство стояли на высоком уровне.

Большую роль в национальном движении литовцев сыграла борьба их за язык и письменность. Царское правительство, проводя в Литве варварскую обрусительскую политику, запретило печатать литовские книги привычным для литовцев латинским шрифтом, приказав употреблять только русские буквы (1864): этим оно якобы боролось против ополячивания литовцев, а на самом деле лишь разжигало рознь между литовцами и русским народом. Литовцы справедливо усмотрели в этом покушение на свою национальную самобытность. 40 лет велась борьба за язык; литовские книги печатались за границей и контрабандой провозились в Литву. В 1904 г. общий подъем революционного движения заставил царское правительство отменить запрет.

Прогрессивные демократические писатели Литвы—А. Страздас, Д. Пошка, позже Юлия Жемайте и др.—ярко рисовали в своих произведениях тяжелый быт литовского крестьянина.

Из среды литовского народа выделились и этнографы—исследователи родной старины и быта. Такими были Э. Вольтер, Басанович, Видунас (Староста), Матулайтис, фольклористы А. и П. Юшкевичи. Они работали все в тесном сотрудничестве с русскими учеными обществами. Сейчас в прибалтийских советских республиках развернулась новая огромная работа по изучению народного искусства.

В народном творчестве литовцев самое ценное и оригинальное—это лирическая поэзия. Литовские «дайны»—лирические песни—известны в огромном количестве, записаны многие тысячи отдельных текстов песен с вариантами. По своему содержанию это главным образом семейные, любовные и обрядовые песни, по преимуществу девичьи. Они отражают разные стороны быта

литовской девушки и женщины. Но немало и других песен—земледельческие, похоронные, солдатские. Есть песни с мифологическим содержанием, но таких сохранилось мало. Некоторые дайны воспевают любимого литовским народом коня, другие цветок руту, излюбленный девушками. Есть песни-загадки. Особняком стоят похоронные песни-плачи («rauda»), а также песни религиозно-назидательного характера—«giesmes», распространенные в прошлом в Западной Литве как подражание немецким церковным гимнам.

Характерная черта литовских дайн—это искренность и глубина выражающегося в них чувства, их поэтическая правдивость и безыскусственность. Особенно выразительны в этом отношении девичьи любовные песни с их сентиментальной печалью о далеком возлюбленном. Замечательна моральная чистота любовных песен, отсутствие в них грубо-эротических мотивов. В лирических песнях отражался и классовый гнет, вражда народа к угнетателям-панам.

Язык дайн богат, образен и выразителен. Сентиментальный оттенок их отразился в обилии уменьшительных и ласкательных суффиксов, которыми литовский язык так богат; эти суффиксы присоединяются даже к глаголам.

В противоположность богатому лирическому творчеству народный эпос у литовцев сохранился слабее, хотя из отдельных упоминаний в старых письменных источниках известно, что прежде существовали былины о богатырях и исторические песни. Из эпоса ныне имеются только сказки, народные легенды и предания. В сказках проявились чисто крестьянские антифеодальные идеи—насмешка над паном, над ксендзом.

Отмечены новые формы фольклора советской эпохи. Записан ряд новых сказок, в том числе с острым политическим содержанием, например сказки, высмеивающие фашистов.

Собирание фольклора сейчас стало делом широких масс. В Советской Литве действуют десятки кружков фольклора, в них свыше тысячи участников.

Музыкальное искусство литовцев стоит высоко. Довольно разнообразны народные музыкальные инструменты. Их, в отличие от песен, которые поют главным образом женщины, употребляли по преимуществу мужчины. Различные дудки, флейты, рожки, в том числе пастушеские; свирель, флейта Пана (скудутис); из струнных инструментов особенно типичен «канклес» с числом струн от 5 до 24—подражание русским гуслям, откуда заимствовано и название. С середины XIX в. распространилась скрипка.

В советскую эпоху народное музыкальное творчество необычайно расцвело. В Литовской ССР в 1954 г. насчитывалось 8,5 тысяч кружков художественной самодеятельности (с 150 тысячами участников), Есть сотни оркестров народных инструментов, более 2 тысяч коллективов народного танца. Они выступают на массовых народных праздниках.

Изобразительное искусство литовцев развито довольно высоко, и оно послужило питательной почвой для развития профессионального искусства, особенно в годы демократического движения, во второй половине XIX века. Наиболее оригинальными и ценными его произведениями являются памятники деревянной скульптуры и резьбы; многие из них связаны с религиозными сюжетами (крест, статуи святых), но от официальной церковной иконографии это народное творчество, как уже говорилось, стоит далеко.

Узорчатое тканье и вышивка у литовцев пришли в упадок в эпоху капитализма, вследствие проникновения покупных тканей. Но в старое время это искусство стояло на высоком уровне. В Сувалкской губ. оно держалось очень долго: художественные ткани, изготовлявшиеся литовскими женщинами, успешно выдерживали конкуренцию с дешевыми фабричными материями. В текстильной орнаментике преобладают геометрические мотивы, но часто встречаются и растительные. Особенно разнообразны узоры на тканых поясах: это различные комбинации геометрических фигур, ромбов, квадратов, перекрещивающихся линий, звезд, окаймленных продольными полосами. Следует также отметить декоративную роспись мебели, утвари, керамических изделий.

Сейчас это древнее народное искусство получило новые возможности развития. Мотивы его используются в промышленности—текстильной, керамической, кожевенной (цветное тиснение) и других. В Литовской ССР имеются комбинаты кустарно-промышленных предприятий (в Вильнюсе, Каунасе, Клайпеде), находящиеся под руководством особого «Художественного фонда».

Работает ряд кружков изобразительного искусства. Устраиваются (с 1952 г.) выставки народного творчества—в них участвуют тысячи народных мастеров.

2. ЛАТЫШИ

Латыши (1,5 млн)—единая нация, но состав ее сложный. Жители восточной части республики—латгальцы, остаток древнего племени летьголы—сохранили вследствие долгой политической изоляции под властью Польши обособленность в языке, культуре и религии (они католики, в отличие от латышей-лютеран). Латгальцев насчитывается около 300 тысяч. Среди собственно латышей выделяются три областные группы: Видземе (сев.), Земгале (южн.) и Курземе (зап.). Они образовались из слияния древних племенных групп в рамках средневековых феодальных объединений: население Видземе—из смешения древних латгалов, распространившихся к северу и западу, с остатками латышизированных ливов и эстов; Земгале—из древних земгалов со слабой примесью литовских и других групп. В образовании населения Курземе участвовали курши (давшие свое имя области—прежней Курляндии)[1] и латышизированные ливы: примесь последних сказалась на особенностях языка и на материальной культуре западных латышей.

Сохранившие свой прежний язык потомки древних куршей и сейчас живут в небольшом количестве (около 100 чел.—1953 г.) на Курской косе (Литовская ССР), хотя большинство их знает также литовский и немецкий языки.

Хозяйство. Хозяйственный уклад латышей в течение веков был почти тот же, как у литовцев: они составляли в огромной массе крестьянское земледельческое население. Крепостнический гнет не давал развиваться хозяйству крестьян, а «освобождение» крепостных, проведенное в латышских землях гораздо раньше, чем в собственно русских областях (1817—1819 гг.), совершенно лишило латышских крестьян земли, целиком закрепленной за помещиками. Ограбленные хлеборобы не имели, как и прежде, никакой возможности улучшать земледельческую технику—они попрежнему были обязаны работой на помещика. Вплоть до установления Советской власти у массы бедных крестьян-арендаторов сохранялись старинные сельскохозяйственные орудия: соха («лифляндская») колового типа, сходная с севернолитовской, деревянная борона, полукоса, цеп для молотьбы и пр.

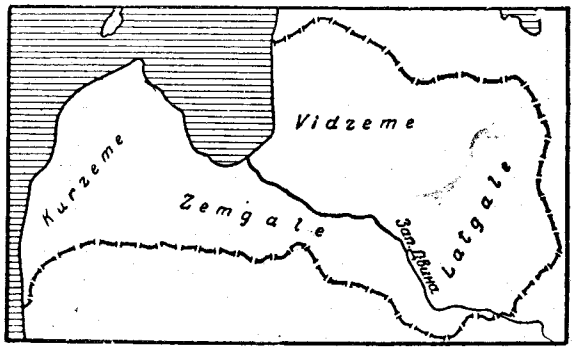
Запущенная, плохо обработанная земля скудно кормила латыша. Ели хлеб с мякиной, «похожий на болотную кочку», да и того не было вволю; чистый ржаной хлеб считался роскошью. Обычным кушаньем была «путра»—болтушка из муки или ячневой крупы, иногда с молочной сывороткой (в Курземе), или «путельс» из овсяной крупы с молоком; ели ячменную кашу, картофель, толченое конопляное семя.

В отличие от литовцев, у латышей были более развиты кустарно-ремесленные промыслы—главным образом сельские, так как в городах ремесленное производство составляло привилегию немцев. Женщины пряли и ткали, а мужчины изготовляли деревянную посуду, утварь и пр. Изготовлялись предметы для собственного обихода, некоторые из таких крестьянских изделий шли и на продажу на местных ярмарках.

В крупную промышленность латышское население было втянуто в гораздо большей мере, чем литовцы. Массовое обезземеливание крестьян в 1-й половине XIX в. создавало большой резерв рабочей силы для роста промышленности: ограбленные голодные крестьяне шли в города, где особенно с 1860-х годов начали расти фабрики и заводы, в связи с общим ростом капитализма в России, с постройкой железных дорог. В 1900 г. на территории теперешней Латвии считалось свыше 60 тыс. рабочих, из них значительная часть латышей. В годы буржуазной республики промышленность не развивалась, даже хирела.

[1] Некоторые исследователи (Ю. Трусман) считали куршей народом финского происхождения.

Историко-этнографические области Латвии

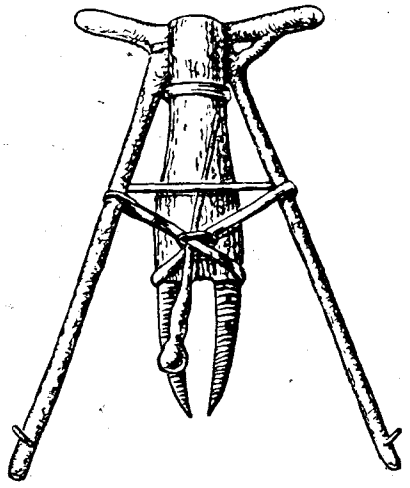

За годы Советской власти экономика Латвии совершенно изменилась. Промышленность восстановлена и реконструирована, она быстро развивается. Началось коренное переустройство сельского хозяйства. Помимо введения колхозами передовой агротехники на старых полях, начата плановая борьба за освоение новых земель. В Латвии много болот, они покрывают до 6% всей поверхности республики, а в восточных районах—даже 15%; над гнилыми трясинами летают лишь тучи комаров. Прежние попытки осушения болот, совершенно бесплановые, ни к чему не приводили. Сейчас ведется планомерное наступление на болота. Созданы специальные машинно-мелиоративные станции с мощными машинами. Помимо старого способа осушения болот открытыми дренажными канавами, начал применяться новый закрытый гончарный дренаж: зарытые в траншеи гончарные трубы принимают в себя через стыки между ними почвенную влагу и быстро осушают землю, поверхность которой, не изрытая канавами, дает полный простор работе тракторов.

Еще больше земли можно отвоевать у песков. Песчаные дюны, остаток ледниковых отложений, занимают свыше четверти всей территории Латвии. На многих из них растут сосновые леса (в том числе на знаменитом «Рижском взморье»), но хищническое хозяйничание правительства буржуазной республики погубило много лесов, и обнажившиеся пески превратились в движущиеся дюны, которые засыпали культурную землю, дороги и хутора или зарастали вереском. Сейчас начато планомерное закрепление песков лесными насаждениями.

Крупное значение имеет для латвийского сельского хозяйства освоение гидроэнергии рек, которыми республика богата; они многоводны и имеют большой угол падения. На многих реках строятся межколхозные электростанции. Дешевая электроэнергия облегчает механизацию сельскохозяйственных работ.

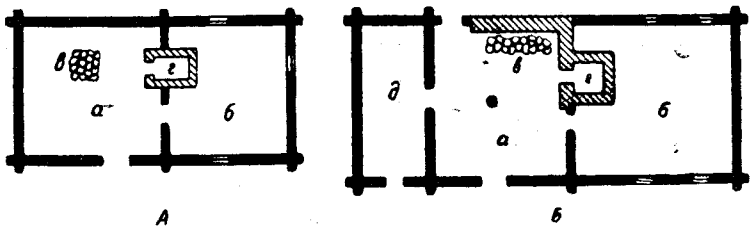
Поселения и постройки. Традиционная форма расселения латышей—хуторская. Деревнями живут только латгальцы и рыбаки Балтийского побережья. Деревни встречаются также в Видземе и в южных районах Земгале. В буржуазной этнографической литературе принято объяснять хуторской тип расселения свойствами лесистой и болотистой страны, либо даже особенностями «индивидуалистического» национального характера латышей. Но исследования советских историков и этнографов (Л. Н. Терентьевой и др.) за последние годы показали, что хуторской тип расселения отнюдь не является в Латвии исконным. В раннем средневековье латыши, как и их соседи литовцы, селились деревнями. Переход к хуторскому расселению был прямым результатом насильнической политики Ливонского ордена: рыцари-феодалы, захватив земли местного населения и вначале обложив его данью, вскоре, с XIV—XV вв., начали расширять «господскую» запашку и попросту сгонять крестьян с земли. Уничтожались целые деревни, а крестьяне расселялись по неудобным лесным и болотистым землям. Для рыцарей ордена это имело еще и другой смысл: разбить крестьянскую общину и тем сломить в корне сопротивление латышского крестьянства. Поэтому господствующий тип расселения в латышских землях (кроме Латгалии) вплоть до 1-й мировой войны был такой: помещичья «мыза» (усадьба) и тяготеющие к ней крестьянские хутора. В годы буржуазной республики вместо помещичьих мыз, принадлежавших немецким баронам, появились кулацкие фермы. Теперь в Советской Латвии развивается движение за строительство колхозных поселков.

Латышская соха (arkls)

Значительная часть латышей живет в городах, которые долгое время были по преимуществу, немецкими, но уже к концу XIX в. латыши составляли в Риге и других городах большинство населения.

Сельские крестьянские постройки—деревянные, срубные. Типы их весьма неодина-

Старые типы дома у латышей:
А—двухраздельный, *Б*—трехраздельный. *а*—«nams»; *б*—«istaba»; *в*—очаг; *г*—печь; *д*—«pretistaba» (кладовая)

ковы в разных частях Латвии и, конечно, неодинаковы у разных классовых групп крестьянства. В основном их можно свести к трем типам. В юго-западной части страны, в Курземе и Земгале, постройки напоминают литовский тип: в основе его—трехраздельный «намас» (по-латышски «намс»), с центральным помещением—кухней с очагом, от которой по одну сторону жилая комната, по другую—кладовая. Хозяйственные постройки—клеть, стойла для скота, баня—стоят отдельно. У богатых крестьян дом делился на две половины—для хозяев и для батраков.

В Латгалии крестьянское жилище сходно с восточнославянским: двух- или трехраздельное, жилая часть с русской печью, сени холодные. У богатых это жилище тоже разрасталось в многокомнатное.

Наиболее своеобразно старинное крестьянское жилище в Видземе, т. е. в Северной Латвии (господствовавшее также в соседней Эстонии)—это так называемая «жилая рига». Средоточием дома была здесь рига с печью для сушки снопов, служившая в зимнее время и спальней, а в старину даже единственным жилым помещением; позже к риге стали пристраивать с одной стороны жилье, с другой—кладовую (pretistaba). Дом обрастал пристройками и навесами для скота, хозяйственного инвентаря. Латышские этнографы полагают, что происхождение этого весьма оригинального типа жилья связано с эпохой жестокого немецко-феодального гнета и многолетним военным разорением Ливонии в XVI—XVII вв.: обедневшие крестьяне не имели возможности вновь отстроить свои сожженные дома, да и помещики не позволяли им этого, чтобы рабочие руки не отвлекались от барщины; поэтому крестьяне поселялись в риге. Другие исследователи (Терентьева, Шлыгина) оспаривают это мнение, считая, что «жилая рига» возникла независимо от вторжения Ливонских рыцарей, а в связи с развитием земледельческого хозяйства, и что она этнически связана с эсто-ливским населением, занимавшим некогда и северную часть Видземе. Эти жилища, темные, дымные, тесные, плохо приспособленные для жилья, сохранялись, однако, до 2-й половины XIX в. и даже долее.

Сейчас строится много новых благоустроенных домов для колхозников, либо временно перестраиваются старые, снабжаются современными удобствами.

Одежда. Тип национальной одежды латышей—ныне слабо сохранившейся—сходен с литовским. Но локальные варианты одежды разнообразны. Латышские этнографы различают 19 или даже больше местных разновидностей женского национального костюма, которые можно свести к 5 основным группам. Они различаются по покрою и виду рубашки, а также верхней одежды: юбки (вертикально-полосатой, в восточных районах клетчатой), жакетки и пр. У латышей еще в большей мере, чем у литовцев, отмечается традиция ношения покрывала-пледа, большей частью из клетчатой шерстяной материи («вилайне») либо из белой с узорной каймой («сагша»). На плече или на груди белое покрывало скрепляется большой круглой пряжкой—«сактас»—характерная особенность латышского (как и эстонского) костюма.

Исторические особенности общественного быта. На весь общественный строй латышского народа вплоть до начала XX в. наложил тяжелый отпечаток многовековой крепостнический гнет. Нигде он не был так силен, как в «Прибалтийских губерниях», где вся земля и вся власть принадлежали немецким баронам-помещикам. Бесправный латышский крестьянин нес тяжелую—обычно 6-дневную—барщину на помещика, платил ему оброк, исполнял ряд феодальных повинностей. «Освобождение» крестьян в 1817—1819 гг. не облегчило их

Латышский национальный костюм: *а*—мужской костюм (Видземская обл.); *б*—женский костюм (Дундагский р-н); *в*—женский костюм (Ницкий р-н)

положения, ибо земли крестьяне не получили и вынуждены были ее арендовать за тяжелые отработки. Эта жестокая «барщинная аренда» держалась до середины XIX в., когда с развитием торгового земледелия помещики стали переходить к денежной аренде. Крестьянина-арендатора помещик мог согнать с земли в любое время, не возместив ему даже сделанных затрат. При возобновлении аренды помещик, как правило, повышал арендную плату, и крестьянам становилось все хуже. Но и при денежной аренде сохранялись некоторые барщинные повинности крестьян. Помимо арендаторов, появились еще «мызные батраки», которые, впрочем, не получали денежной платы, а вместо нее небольшой клочок земли. Только более зажиточные крестьяне смогли в 1860—1870-х годах, а частью позже, выкупить у помещиков часть земли; на купленных и на арендованных землях они повели товарное капиталистическое хозяйство (кулаки—«серые бароны»). Большинство же земледельцев беднело и разорялось. Аграрная реформа в годы буржуазной Латвии (1920—1923) ликвидировала немецко-помещичье землевладение, но лишь еще больше углубила расслоение латышского крестьянства. Быт бесправного и задавленного нуждой крестьянина-арендатора ярко рисует латышский писатель А. Упит в своей трилогии о «Робежниеках». Уклад крестьянской семьи оставался патриархальным.

Чрезвычайно тяжелым было также положение довольно многочисленных рабочих. Жестокий фабричный гнет заставлял рабочих сплачиваться. Латышский пролетариат составлял один из самых крепких, передовых отрядов революционного рабочего движения в России.

Религиозные пережитки. Подавляющее большинство латышей принадлежит к протестантскому (лютеранскому) вероисповеданию, некогда силой вбитому в крестьян. Немецкие пасторы были усердными пособниками баронов в порабощении крестьян.

Крестьяне их ненавидели. Однако христианская религия глубоко вошла в сознание народа. У латгальцев преобладает католицизм—след эпохи господства панско-католической Польши. В 1840-х годах среди латышских крестьян широко развернулось движение за переход в православие—этим они думали избавиться от немецко-феодального гнета. Царская администрация сначала не знала, как на это реагировать, но потом по указу самого царя приняла решительные меры к пресечению этих попыток, в которых проявился дух «неповиновения». Все же в православие перешло тогда до 75 тыс. крестьян. Сейчас количество православных невелико.

Дохристианские верования сохранились слабее чем у литовцев, но по типу они сходны. Из образов древней мифологии—ныне забытых—известен весенний бог Усинь (его сближают с русским Овсенем). Существовала вера в ведьм—«pāganas» и пр.

Но некоторые старые обряды и обычаи, утратив прежний религиозно-магический смысл, превратились в народные развлечения, праздники. Особенно популярен сейчас Иванов день (Jānu vakars, Līgo)—древний праздник летнего солнцестояния, 23—24 июня. До последнего времени этот праздник, хотя и общинный, проводился по отдельным хуторам, в семейной обстановке; теперь это чисто колхозный праздник, с общественной пирушкой, хороводами и плясками в национальных костюмах, кострами и пр., устраиваемый где-нибудь на поляне в березовой роще, на открытом холме.

Народное творчество и культурное развитие. Народная поэзия латышей сходна с литовской. Песни—tautas dziesmas—близки к литовским дайнам; это преимущественно женские любовные и семейные песни; в них отмечаются и древние мифологические мотивы. В старых сборниках почти отсутствуют песни, отражающие народный протест против гнета, буржуазные собиратели ими не интересовались; но таких песен было много. Народная музыка латышей близка к литовской.

Орнамент встречается на вышивках, узорных тканях, на деревянных изделиях и пр. Характерен мотив солнца, 5-лучевой звезды, а также геометрический.

Общий культурный уровень латышского народа, долгое время остававшийся низким вследствие крепостнического гнета, начал быстро расти с середины XIX в. С 40-х годов стали открываться школы. Одной из причин этого было начавшееся движение латышских крестьян за присоединение к православию: чтобы удержать их под своей властью, бароны и пасторы вынуждены были открывать для крестьянских детей школы. Но скоро это дело взяла в свои руки молодая латышская интеллигенция, особенно то демократическое ее крыло, которое стояло за союз с русской прогрессивной общественностью. Во главе этой демократической интеллигенции шли выдающиеся деятели латышской литературы: Ян Райнис (1865—1929), Андрей Упит (р. 1877). Появились и этнографы-фольклористы, собиратели народного творчества: Трейланд-Бривземниек, Озолиньш, Христиан Барон, Андрей Юрьян (музыка).

Одним из видных деятелей демократического культурного движения у латышей был национальный поэт Андрей Пумпур (1841—1902)—сын крепостного, самоучкой получивший образование, питомец русской культуры. Его важнейшее произведение—национальная поэма «Лачплесис» («Разрывающий медведя», 1888 г.), написанная по мотивам латышских народных сказок о силаче-сыне медведицы, но связанная автором с эпохой борьбы латышского народа против немецких рыцарей-поработителей.

Крупную роль в национальном возрождении латышей сыграли так называемые «певческие праздники», устраивавшиеся с 1873 г.: там исполнялись народные песни, танцы—это оживляло интерес к национальной латышской культуре среди образованного общества.

В Советской Латвии общий культурный уровень народа еще более вырос. В республике насчитывается (1950 г.) 1,5 тыс. начальных и средних школ, 76 техникумов и специальных учебных заведений, 10 высших учебных заведений. С 1946 г. действует Академия наук Латвийской ССР, объединяющая 16 научных институтов, свыше 800 научных работников. В Латвии есть 11 государственных театров, около 700 массовых библиотек, не считая передвижных и колхозных, 608 народных домов, клубов и других подобных учреждений. Имеется 20 музеев, в том числе знаменитый этнографический музей на открытом воздухе—Бривдабас близ Риги с его богатейшими собраниями бытовых и художественных предметов.

Уже с 1946 г. в Латвии начато систематическое этнографическое изучение страны. С 1952 г. развернулась работа комплексной Балтийской этнографо-антропологической экспедиции, организованной Институтом Этнографии Акад. Наук СССР совместно с научными учреждениями Прибалтийских республик, и латышским этнографам принадлежит в этой работе почетное место.

3. ЭСТОНЦЫ

Эстонцы—северные соседи латышей и по своей культуре имеют с ними много сходного. Но по языку они не имеют с латышами и литовцами ничего общего. Эстонский язык принадлежит к западно-(прибалтийско-)финской ветви финской группы угро-финской семьи языков. Эстонцы по языку ближайшие родичи финнов-суоми и карелов.

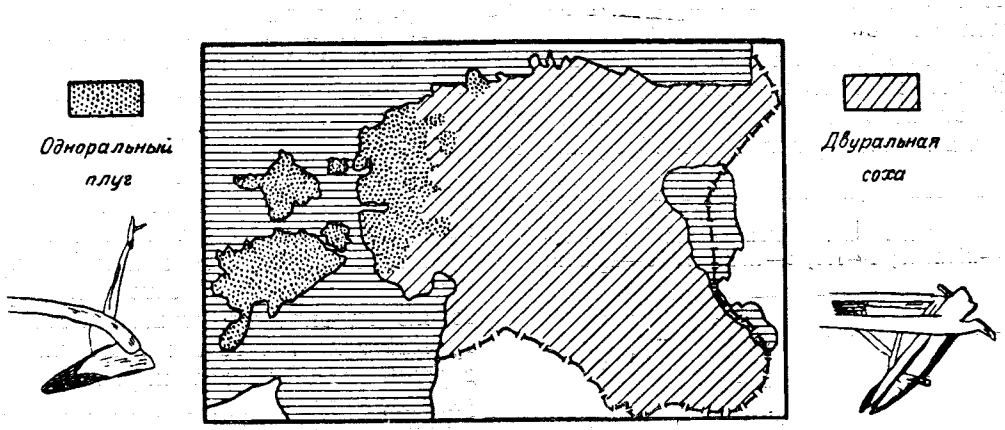
Численность эстонцев—свыше 1 миллиона. Почти все они живут компактно на территории Эстонской ССР, занимающей выступ между Финским и Рижским заливами, до Чудского озера и р. Нарвы на востоке, и о-ва Хиумаа (Даго) и Сааремаа (Эзель).

Эстонцы—монолитная нация. Язык их один, хотя он и делится на два основных наречия: южное (тартуское) и северное (таллинское). Несколько обособленную часть эстонцев составляют так называемые «сету», живущие в юго-восточном углу республики—Сетумаа (прежнее название—Сетукезия) и в соседнем Псковско-Печорском крае. Эстонцы-сету («сетукезы») издавна находятся под русским влиянием; они православные, и русские их называли прежде «полуверцами»[1]. Диалект их тоже сильно отличается от общеэстонского языка. Своеобразен также культурный облик населения островов, где издавна было шведское влияние. Самоназвание эстонцев, принятое ими в настоящее время,—«Eesti», но прежде они называли себя «Maa rahwas», т. е. «народ земли», «местный народ», «туземцы»—название это получило позже, особенно у немцев, пренебрежительный оттенок. По происхождению своему они, по-видимому, потомки коренного, автохтонного населения, оставившего после себя памятники неолита и бронзового века. В русских летописях предки эстонцев известны под именем «чуди».

Хозяйство. Главное занятие эстонцев—земледелие. В лесистых местах—особенно на ЮВ и СВ страны—оно долго сохраняло примитивную форму. Вплоть до XIX в. держались пережитки подсечной системы, но господствовало трехполье. С середины XIX в. трехпольная система местами стала осложняться введением посевов клевера и картофеля. Но главная культура—рожь. Помимо животного удобрения, на побережье употреблялся для этой цели морской ил. Очень интересно распределение типов земледельческих орудий. Плуг известен у эстонцев 2 видов: двухлемешный, не отличающийся от русской «коловой» сохи, и однолемешное рало; последнее распространено в северо-западной части Эстонии и на островах, там, где налицо шведское влияние; двухлемешный плуг—в остальной части страны.

Орудием уборки ржи еще в XIX в. служил серп (sirp). На материке он зазубренный, как у восточных славян, на островах—гладкий, как в Западной Европе. В конце XVIII в. распространилась пришедшая из Латвии полукоса с четырехзубыми граблями. Различаются два способа точки косы: на материке ее отбивают на маленькой наковальне, как у нас; на островах пользуются точильным камнем. Снопы сушили в риге.

[1] «Полуверцами» называли и русских поселенцев на северном берегу Чудского озера, бывших старообрядцев, принявших позже лютеранство, обэстонившихся и в большинстве двуязычных.

Распространение типов плуга в Эстонии

Орудия молотьбы имеют то же характерное распределение: в большинстве районов молотили цепами, как у славян, на западе и на островах—колотушками.

Все эти традиционные формы сельскохозяйственной техники уже в годы буржуазной республики стали уходить в прошлое. В колхозах их теперь сменила современная агротехника (в республике в 1955 г. работали 69 МТС, и сельскохозяйственные работы на 75% механизированы).

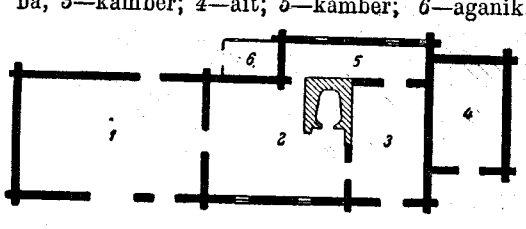
Для развития сельского хозяйства сейчас большое значение имеет осушение болот, отнимающих много полезной площади. На месте прежних болот расстилаются теперь новые пашни и луга.

Скотоводство у эстонцев прежде имело лишь подсобное значение, но сейчас роль его весьма выросла. Местная порода рогатого скота—мелкая, красной масти—сохранилась сейчас главным образом на островах. Лошади местной породы—тоже маленькие, но крепкие, выносливые и неприхотливые. Разведение мелкого скота ко времени революции пришло в упадок: тонкорунное товарное овцеводство из-за конкуренции дешевой заморской шерсти (грубошерстные крестьянские овцы остались), а разведение коз было запрещено еще в середине XIX в. (козы объедают молодые деревья). Зато разведение молочного скота начало расти и принимать товарный характер, особенно в кулацких хозяйствах в годы буржуазной республики. Тогда же стало расширяться и товарное свиноводство, связанное с английским рынком.

Сейчас продуктивное животноводство развивается в эстонских колхозах быстрыми темпами; особенное значение имеет крупный молочный скот и свиньи. Животноводство стало теперь ведущим направлением в сельском хозяйстве Эстонии.

В прежнее время в Эстонии было сильно развито лесное бортное пчеловодство. Переходом от него к пасечному разведению пчел служит своеобразный способ привязывания колод к деревьям в лесу; этот способ у сету и сейчас применяется.

План эстонского дома-риги *1*—rehala; *2*—tuba; *3*—kamber; *4*—ait; *5*—kamber; *6*—aganik.

Промысловые занятия прежде имели более крупное значение, чем теперь. Охота его совершенно утратила. Рыболовство на морском побережье имеет крупный промышленный характер, но во внутренних водоемах оно долго сохраняло самобытные «этнографические» черты: употреблялось лучение рыб острогой, ловля удочкой, вершами и разнообразными сетями. Эта примитивная техника лова сохранялась до недавнего времени потому, что большинству рыбаков было недоступно более совершенное оборудование: моторные суда, например, имели только кулаки и немногочисленные рыбацкие артели. Масса рыболовецкого населения была в кабале у скупщиков. В Советской Эстонии рыболовный промысел целиком реконструирован и очень расширился. Рыболовецкие колхозы пользуются новейшей усовершенствованной техникой.

Крупная промышленность была развита в Эстонии и до революции. Эстония принадлежала к числу немногочисленных промышленно развитых окраин царской России. Крупная промышленность—судостроительная, текстильная и др.—была, правда, в руках не эстонских, а русских или иностранных капиталистов, но рабочими были в значительной мере эстонцы. В годы буржуазной республики эстонская промышленность пришла в упадок ввиду потери связи с русским рынком; заправилы буржуазной Эстонии превратили страну в аграрный привесок крупных капиталистических стран. Это называлось тогда «данизация», т. е. развитие по «датскому» пути аграрного капитализма. Заводы и фабрики были закрыты или перешли на мелкое производство, рабочие стали безработными.

В Советской Эстонии восстановлена старая и быстро создана новая промышленность—не только текстильная, пищевая и пр., но и тяжелая промышленность, основанная на богатых естественных ресурсах Эстонии: сланцевая, торфяная, металлообрабатывающая и пр. Рабочий класс составляет значительный процент населения Эстонии.

Поселения и постройки. В формах поселений и построек эстонцев отражаются те же перекрещивающиеся историко-культурные связи. Эстонцы в старину селились деревнями. Наиболее характерна для них рядовая форма деревни, вытянутой в один ряд домов вдоль берега реки, подножия холма и т. п. На юго-востоке преобладала, под

Эстонский старый жилой дом

русским влиянием, уличная форма деревни; на островах была кучевая форма. Немецкие рыцари-бароны стремились, как и в латышских землях, разбить деревни, расселив крестьян отдельными хуторами, но им здесь это не удалось. Лишь с середины XIX в., с ростом капитализма и расслоением крестьянства, начало распространяться хуторское расселение, особенно в Южной Эстонии, где, впрочем, однодворный и малодворный тип поселений известен был и раньше. В годы буржуазной республики, после кулацкой аграрной реформы 1919 г., хутора получили полное преобладание. Деревни остались только на островах и в Сетумаа.

Но колхозный строй создал новые условия и для расселения: разбросанность хуторов затрудняет хозяйственное и культурное обслуживание колхозов, поэтому многие колхозы уже составляют планы строительства новых поселков, где намечаются, помимо жилых домов, различные здания общественного и культурного назначения.

Сейчас в Эстонии быстро увеличивается и число городских поселений: новые города Кохтла-Ярве, Ахтме и др.

Планировка крестьянской усадьбы и двора обычно лишена правильности; только на востоке известны замкнутые четырехугольные дворы. У сету постройки на усадьбе располагаются обычно в 3 ряда: клети—жилой дом—хлева. Дом обычно ориентирован на юг, против него расположены клеть и хлев. Из других надворных построек надо отметить сарай, баню и летнюю кухню—«koda», один из самых архаичных элементов усадьбы: в с.-з. части страны кода до недавнего времени была конической формы.

Все постройки прежде делались только из дерева, срубной техникой. Только на островах употреблялся и камень, главным образом для летней кухни. Крыша прежде была главным образом четырехскатная, позже появляется и двускатная. Крыли раньше тесом, с XIX в. и соломой. Средоточием старинного эстонского дома была рига с печью, служившая в зимнее время жильем. Такой дом называется (по названию риги) «rehe-tuba», По одну сторону от риги—помещение для молотьбы, зимой служащее и стойлом, по другую—кладовая (kamber), которая прежде была обычно холодной и служила летним жильем. Такая оригиналь-

ная планировка дома с отапливаемой ригой посередине известна, как мы видели, и соседям эстонцев—северным латышам. Однако полагают, что исторически она связана именно с эстонским (вообще финноязычным) населением; жилая рига известна, кстати, и в Финляндии.

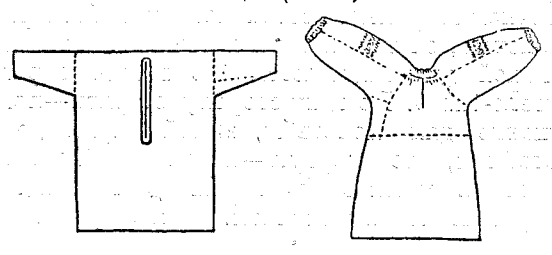
Печь в риге—центр всей семейной жизни. В старину она была черная, а перед ней располагался открытый очаг с подвесным котлом—опять сочетание восточных и западных традиций. С середины XIX в. начали устраиваться печи с дымоходом. Зажиточные крестьяне стали приспосабливать для жилья «камбер», который нагревался дымоходом из риги, или делать в камбере отдельную печь, даже голландку. Рига у богатых стала превращаться в чисто хозяйственное помещение. Начали появляться отдельные комнатки для батраков, которые раньше жили вместе с хозяевами.

Пол прежде был из утрамбованной глины с песком, позже появился дощатый пол. Из внутренней обстановки особенно важен стол в заднем углу, кровать, иногда двухъярусная; старики спали на печи, молодые—на колосниках. Детская колыбель очень характерна: на юге она висячая (как у восточных славян), на севере—стоячая качалка (как в Западной Европе).

У безземельных крестьян, бобылей и припущенников господствовал совсем иной тип жилища: так называемый «саун» (буквально «баня»), курная лачуга с сенями. Риги у них не было, так как им почти нечего было сушить и молотить.

Социалистическое преобразование многое изменило в жилищных условиях. Меньше всего изменились жилища бывших середняков. Прежние бедняки-арендаторы, батраки либо поселились в домах кулаков, эмигрировавших фашистов, либо построили себе с помощью ссуды от государства новые дома, частью городского типа. Жилище благоустраивается, наполняется вещами культурного обихода.

Женская рубаха: сету (справа), прочих эстонцев (слева)

Одежда. Национальная одежда сохранилась плохо: она начала выходить из употребления еще с первой половины XIX в. Но уже с конца XIX в. наметилось возрождение национального костюма. Ныне он употребляется во время народных и колхозных праздников, при исполнении народных танцев и пр.

Основу женского костюма составляла туникообразная рубашка, застегиваемая на груди большой круглой серебряной пряжкой (selg). Поверх рубашки надевалась полосатая юбка и короткая жакетка с глубоким вырезом на груди. Зимой, помимо шубы или кафтана «кууб», носили большую шерстяную накидку вроде пледа. Мужской костюм состоял из рубахи, носившейся в Южной Эстонии навыпуск (восточнославянский способ), а в других местах в заправку, и штанов, некогда коротких до колен, впоследствии длинных, а также непременно черного суконного кафтана («кууб»), зимой—овчинной шубы.

Обувь составляли лыковые лапти или кожаные постолы. Головной убор мужчины—широкополая шляпа, у женщины—очень разнообразные головные платки, чепцы, кокошники.

Исторические наслоения в материальной культуре. Таковы основные черты материальной культуры эстонцев. Распределение их, как видим, очень характерно. Основу здесь, очевидно, составлял культурный слой, общий с восточнославянским населением. Но на него налегает слой западноевропейской и скандинавской культуры—след многовекового общения с западными соседями. Область ее влияния—северная и северо-западная Эстония и особенно острова. В остальной части страны господствует восточноевропейский культурный тип. В целом эстонские этнографы делят свою страну на две приблизительно равные по величине культурные провинции — южную и северную: примерной границей между ними служит линия, проведенная от с.-з. угла Чудского озера на запад до морского побережья около Пярну.

В северной провинции выделяется узкая полоса вдоль северного побережья—область новейшего финского влияния, а также острова, где очень заметен шведский элемент. В южной части особняком стоит Сетумаа с особенно сильным русским влиянием, Южная окраина Эстонии, наконец, находит-

ся издавна в общении с северной Латвией, где в прошлом обитали эсто-ливские племена.

Таким образом, несмотря на относительно весьма малые размеры Эстонии и однородный национальный состав ее населения, народная культура этой страны далеко не так проста и однообразна: в ней обнаруживается целый ряд культурных напластований. Эстония—один из мостиков, связывающих огромные культурные области—восточнославянскую и западноевропейскую. Это не означает, конечно, что в культуре эстонцев нет самобытных черт: напротив, сохраняя глубоко самобытную основу своей народной культуры, они самостоятельно переработали даже и заимствованные формы, которые органически слились с их собственным культурным укладом.

Исторические особенности общественного быта. Общественное развитие эстонцев протекало в тех же исторических условиях и в таких же формах, как у латышей. Главная масса эстонского населения—крестьяне, меньшинство—рабочие. Помещиками были исключительно немецкие бароны. Феодально-крепостнический гнет в Эстляндии был так же жесток, как в соседней Латвии (Лифляндии). Крестьянская реформа 1816—1819 гг., провозгласившая лишь личную «свободу» крестьян, отняла у них за то последнюю землю и фактически не ослабила их зависимости от помещика. Была введена отработочная (барщинная) аренда. С развитием капитализма во 2-й половине XIX в. из среды крестьянства стала выделяться кулацкая верхушка, «серые бароны». Они не менее жестоко угнетали бедноту, арендаторов и батраков, чем помещики. С ростом промышленности зародился и рабочий класс. После 1919 г. Эстония стала буржуазной страной, страной крупного и мелкого крестьянского землевладения, фактической полуколонией Англии и оставалась ею до установления Советской власти.

В семейном быту архаических черт не сохранилось. Господствует обычная малая семья. Положение женщины было в прошлом сравнительно свободным. Очень характерно распределение труда между полами в крестьянском хозяйстве: основные сельскохозяйственные работы лежали на мужчине; но на островах, напротив, почти все полевые работы исполнялись женщинами; мужчина только делал городьбу на полях и молотил хлеб,—в основном же мужское население островов занято рыбным промыслом.

Резко изменилась социальная структура эстонского населения после образования

Женская одежда эстонцев

Эстонской ССР (1940) и особенно после начала широкого колхозного движения (1948). Кулацкие элементы деревни и городская буржуазия, пытавшиеся оказать сопротивление созданию социалистических порядков, вытеснены и ликвидированы. Эстонский рабочий класс и эстонское колхозное крестьянство стали хозяевами страны.

Религиозные пережитки. Под покровом официальной лютеранской религии, хотя и глубоко проникшей в быт и сознание эстонского народа, отмечались и следы языческой старины.

Академик Видеман, глубоко изучивший эстонские народные верования и фольклор, собрал до 100 имен древних божеств и мифологических существ, сохранившихся главным образом в песнях и сказках. Среди них встречаются: Tär—творец, высшее божество, Ahti—водяное божество, Ime—бог любви; Judas, который был, по-видимому, богом войны, теперь это одно из имен чорта; Näkk—водяной дух, который любит топить людей; Metsik—лесное божество, ежегодно меняющее свой

пол; общефинский бог Ukko упоминается только в отрывках песен; очень интересно наличие имен, хорошо известных в карело-финском эпосе: Wanemuine—бог песни, Ilmarine—искусный кузнец, сковавший небо; Kalewi-poeg—герой, сражающийся против чорта.

У сету сохранились следы почитания бога Пеко, имя которого близко к финскому «пеко»—полевой дух.

Некоторые образы древних божеств слились с христианскими святыми, в дни памяти которых еще недавно устраивались характерные обряды и праздники. Из таких праздников интересен, например, Мартынов день (Mardi-päew), 10 ноября: в этот день группа парней, ряженых обходила дома с песнями и музыкой, выпрашивая подарки—съестное, ленты, пряжу; ряженые били хозяев прутьями, а получив просимое, благодарили и плясали. В день святой Катерины (Kadri-päew), 25 ноября, подобное же шествие устраивалось женщинами. Их предводительница играла роль самой Кадри, которая считалась покровительницей скота и женских работ. Обходя дома с песнями и шутками, участницы шествия выпрашивали подарки. В этот день и накануне нельзя было прясть шерсть, так как это, по поверью, могло повредить овцам, нельзя было также стрелять дичь; зато овец в этот день стригли.

Тем же Видеманом собрано очень большое количество сохранившихся поверий, примет, заговоров, в том числе чрезвычайно архаические приемы магии лечебной, любовной, вредоносной и др.

В годы после первой мировой войны обширные материалы по эстонской народной мифологии собрал профессор Тартуского университета Эйзен.

Народное творчество и культурное развитие. В области народного творчества много общего между эстонцами и их соседями. Из музыкальных инструментов особенно интересен «каннель»—одинаковый с литовским «канклес» (и карельским «кантеле»). Песенное творчество богато. Записано свыше 300 тыс. номеров эстонских народных песен: большинство их—лирического содержания, они относятся к семейной жизни, говорят о любви, о труде, есть хороводные, колыбельные песни и пр. Народный эпос не успел сложиться в единый цикл, однако были излюбленные герои песен и сказаний Суур-Тылла (на о-ве Сааремаа), Калевипоэг (в разных местах материковой Эстонии). В этих песнях и сказаниях говорится о борьбе народных героев против поработителей-немцев.

По новейшим исследованиям эстонских фольклористов (Х. Т. Тампере) выясняется, что песенное творчество эстонцев неодинаково в разных районах. Как и по материальной культуре, здесь выделяются прежде всего две основные области: северная (с островами) и южная; каждая распадается на подобласти. В южной области сохранилось больше старинных песен, связанных с обрядами, а также больше лирических; в фольклоре сету (часть южной области) очень заметно славянское (русское) влияние; тут особенно много сказок, сходных с русскими. Фольклор южных районов Эстонии обнаруживает связи с латышским фольклором.

Эстонский национальный поэт Фридрих Крейцвальд обработал народные сказания и песни и создал на основе их замечательную поэму «Калевипоэг» («Сын Калева»), по образцу карело-финской «Калевалы». Впервые она была издана в 1857—1861 гг. Поэма неоднократно переводилась на русский язык (новые издания—1949, 1950, 1956 гг.).

Создание «Калевипоэга» было одним из важных эпизодов в том национально-культурном возрождении, которое наметилось среди эстонцев с середины XIX в. Почвой для него послужили крестьянские восстания, вызванные невыносимым гнетом немецких помещиков. Появилась группа демократов-интеллигентов, тесно связанных с русским революционно-демократическим движением. Они были почти все выходцами из крестьян и боролись за освобождение эстонского крестьянства от немецко-баронской кабалы. Это демократическое, прогрессивное направление боролось против консервативно-клерикального направления, которое возглавлялось пасторами и стремилось к затушевыванию классовых противоречий. Одним из пионеров демократического течения в национальном движении был врач Фридрих Фельман (ум. в 1850 г.), а самыми видными деятелями были: художник-профессор Келер, учитель, позже журналист К. Р. Якобсон, врач и литератор Крейцвальд, поэтесса Лидия Койдула. Тогда начали создаваться школы, зарождалась национальная литература. «Калевипоэг» стал символом эстонского народа, песни о его борьбе с немецкими «железными рыцарями» будили в народе чувство патриотизма и стремление к свободе. Не случайно уже в наши дни, в Великой Отечественной войне, эстонские бойцы Советской Армии шли в сражение со стихами замечательной народной поэмы.

Другими вехами национально-культурного возрождения эстонцев были: основание «Эстонского ученого общества» при Юрьевском (Тартуском) университете (1838), воспитавшего первых эстонских ученых; создание музыкально-вокального общества «Ванемуйне» (1865), которое начало организо-

Семейство ливов-рыбаков (с рис. 1846 г.)

вывать периодические «певческие праздники» (с 1869 г.); открытие «Эстонского литературного общества» (1871); издание Якобсоном газеты демократического направления «Сакала» (1878).

Сейчас Эстонская ССР—одна из самых культурных республик Союза. В ней господствует всеобщая грамотность, подготовляется введение обязательного десятилетнего обучения. В республике действуют 7 высших учебных заведений и 46 техникумов, 80 воскресных школ взрослых, 1416 государственных библиотек, не считая колхозных, профессиональных и школьных. С 1946 г. создана Академия наук Эстонской ССР, она объединяет 25 научных учреждений. Интенсивно ведется работа по этнографическому изучению республики с активным участием Института этнографии АН СССР. Традиционно проводимые раз в пять лет «Праздники песни»—одна из ярких форм развития национального искусства.

4. МАЛЫЕ ФИННОЯЗЫЧНЫЕ НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

Нам осталось коснуться нескольких небольших западнофинских народностей, которые, однако, представляют большой историко-этнографический интерес.

Ливы—потомки большого и сильного племени ливь, о котором говорят и русские и западные хроники и которое дало свое имя целой стране—Ливонии XIV—XVI вв. (Лифляндии XVII—XIX вв.). Но после захвата страны в XIII в. немецким «Ливонским» орденом и безжалостного истребления сопротивлявшихся ливов немецкими рыцарями нарóд этот весьма сократился в численности и утратил прежнюю силу, а земли его были в значительной мере заняты куршами и латгалами, предками латышей.

Окруженные последними, ливы постепенно начали с ними ассимилироваться. В 1846 г. и в 1852 г. остатки ливов были обследованы по поручению только что созданного тогда Русского географического общества А. Шёгреном. Шёгрен обнаружил, что в Лифляндии ливы, помнящие свой язык, сохранились только в одном месте—в имении Нейзалис, около устья р. Салис, где их оказалось всего 22 человека; они почти совершенно олатышились. Больше сохранилось ливов в Курляндии: они занимали компактной группой северный берег Курляндского полуострова, насчитывая свыше 2 тысяч человек; они были очень бедны и занимались главным образом рыболовством. Шёгрен собрал обстоятельные материалы по ливскому языку, издал ливскую грамматику, хорошо показав принадлежность языка ливов к западнофинской группе. Впрочем, среди всех языков этой группы ливский язык, как доказал позже Ф. И. Видеман, стоит наиболее особняком.

Хотя впоследствии латышизация ливов продолжалась, однако и до настоящего времени сохранились (в Дундагском районе, бывш. Вентспилского уезда Латвии) ливы, говорящие на своем языке, в количестве около 1 тыс. человек, а по последним данным всего около 500 человек. Это в основном по-прежнему рыбаки. Но и латышизированные ливы Курземе в значительной мере сохранили свою самобытную культуру. Среди современных латышей довольно заметно выделяется особый тип, преобладающий в Курземе, который даже и антропологически стоит особняком. Это—потомки ливов. В их латышском языке—так называемый «тамский диалект»—есть ряд особенностей, они нередко путают грамматический род имен (в финских языках нет грамматического рода). Они отличаются также своими обычаями, типом одежды (юбка из вертикальных полос темной материи, плечевая накидка), типом жилища. В отличие от коренных латышей, живущих хуторами, эти латыши ливского происхождения живут в деревнях[1].

[1] В старой этнографической литературе упоминается еще небольшая народность кревинов (кревингов), которые жили на территории Земгале (район г. Бауска). Но уже к середине XIX в. кревины почти целиком ассимилировались с латышами, теперь же о них не осталось и воспоминания. Судя по сохранившимся записям языка, кревины были западно-финским народом, близким к води и к финнам-суоми. В их старом женском костюме отмечались формы, близкие к восточнославянским.

Ленинградские финны. Основная масса собственно финнов-суоми живет в Финляндии, но небольшие разрозненные группы финского населения есть и в СССР в пределах Ленинградской области и Карельской АССР.

Отдельно от финнов-суоми существуют «ленинградские финны» (или ингры, ингерманландцы)—115 тыс. (1926 г.), близкая к суоми группа; однако это, вероятно, остатки самостоятельных племен. Сохранилось два племенных названия: савакот и эвремейсет. В старом Петербурге они были известны под именем чухонцев. Они живут в окрестностях Ленинграда и окружающих районах, частью и в самом городе. Издавна живя близко к столице, они занимались огородничеством, мелкой торговлей, ремеслом.

Ижорцы и водь. Родственны ленинградским финнам две маленькие народности: ижорцы (ижора, 15—16 тыс. чел.) и водь (около 700 чел.). Перед второй мировой войной они жили к югу от Финского залива, в Кингисеппском районе, сейчас—в районе Гатчины, близ Ленинграда. Это—последние остатки какого-то, очевидно, более крупного этнического массива (по Д. В. Бубриху—древнее племя вакья, позже ваддя). Водь упоминается в Начальной летописи. Одна из Новгородских пятин называлась Водской. Они в значительной степени обрусели, частью финнизировались; водь утратила свой язык и говорит по-фински, по-русски и по-ижорски. Литературный язык—русский.

Как ни нивелировалась культура ижорцев и води, в ней прослеживаются некоторые архаические черты. Это заметно главным образом в области костюма и отчасти в отношении жилища. Правда, в последнее время костюм не отличался от русского: рубахи, сарафаны или юбки и пр. Но еще во 2-й половине XIX в. ижорские и водские женщины носили в качестве поясной одежды так называемый «хурстуксет», напоминающий южнорусскую поневу: это юбка, состоящая из трех кусков и закрывающая перед, зад и левый бок. Эта архаическая одежда сближает водь и ижорцев не с севернорусским и не с западнофинским населением, а с южно-великорусами. Здесь можно проследить, вероятно, остатки какого-то культурного слоя, более раннего, чем северно-русский комплекс.

Вепсы. Вепсы, входящие в ту же западнофинскую ветвь, живут в настоящее время разбросанно пятью группами к юго-западу

Поясная женская одежда «хурстуксет» ижорцев и води (XIX в.)

и югу от Онежского озера. Северные вепсы живут к северу от реки Свири, в южном углу Карельской АССР, в бывш. Шелтозерском районе. Средние и южные вепсы живут к югу от Свири, в верховьях р. Ояти, в Тихвинском районе и других местах бывшего Лодейнопольского округа. Они представляют собой остатки старинного и, по-видимому, довольно многочисленного племени. Вероятно, именно они упоминаются в Начальной летописи под именем веси. После XI—XII вв. упоминания о веси исчезают. Очевидно, с этого времени в связи с новгородской колонизацией происходил процесс, постепенного поглощения этой народности русскими. Часть же веси (вепсов) вошла в состав карельского народа. В настоящее время численность вепсов составляет от 34 до 35 тыс. чел. по приблизительным подсчетам (по переписи 1926 г. 33 тыс.).

По своей культуре они мало отличаются от окружающего русского населения. Они, подобно своим соседям, земледельцы: скот имеет лишь подсобное значение в хозяйстве. Значительно развиты неземледельческие промыслы: рубка леса, изготовление сит и решет, плотничество и пр.

В области материальной культуры вообще трудно отметить какие-либо характерные отличия от карел и русских: те же типы построек, одежды. То же самое в области прежних социальных форм и верований.

НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

Европейский Север СССР в физико-географическом отношении есть продолжение Северной Азии—ее таежной и тундровой части. В древности там складывались и те же типы хозяйства—охотничье-рыболовецкого в лесной зоне, рыболовецко-зверобойного в приморской полосе, а в тундре несколько позже—оленеводческого. Но для хозяйственно-культурного развития народов Европейского Севера сложились совсем иные и более благоприятные исторические условия: за исключением крайней северной тундровой полосы, вся эта часть страны находится с давних времен—с XIII—XIV вв.—под глубоким влиянием русской культуры, которая проникала туда вместе с новгородской, а позже московской колонизацией. Влияние это сказалось на культурном развитии прежде всего двух крупных народов северной лесной полосы: коми и карел, меньше—на малом народе—лопарях.

1. КАРЕЛЫ

Карелы политически и исторически делятся на две группы: карелы Финляндии и карелы СССР. Финские карелы издавна находятся под культурным влиянием финнов-суоми, а русские карелы—под русским влиянием. Различия эти сказываются и в языке и в целом ряде особенностей, от вероисповедания (финские карелы—лютеране, русские карелы—православные) до материальной культуры, типов жилищ, одежды и т. д.

Финнизация карел Финляндии зашла так далеко, что граница между ними и финнами стирается. На некоторых этнографических картах (карта Риттиха 1875 г.) вся Финляндия закрашена одной краской, означающей «финно-карелов» (отличной, однако, от русских карел). Поэтому и численность карел в Финляндии трудно определить даже приблизительно, тем более что официальная финская статистика не признает существования особой карельской народности.

Совсем иначе обстоит дело с советскими карелами. Карелы СССР (252,6 тыс., 1939 г.) в настоящее время живут двумя основными массивами, один из них в Карельской АССР (до 1956 г.—Карело-Финской ССР), другой—в бассейне Верхней Волги. На территории Карельской республики численность карел—около 110 тыс., т. е. меньше четверти всего населения республики. Они занимают ее западную часть: граница между этой западной частью и восточной частью, где преобладает русское население, идет примерно по линии железной дороги Петрозаводск-Беломорск. К западу живут карелы, к востоку русские.

Численность верхневолжских карел составляет около 140 тыс. Появление карел в пределах теперешней Калининской области относится к началу XVII в. После Столбовского мира (1617 г.) карельское население областей, отошедших к Швеции, терпело жестокие притеснения от шведской администрации и в связи с этим массами переселялось на юг, в пределы России. Правительство охотно селило их на опустевших после Смуты землях Тверского края. Ныне карелы живут довольно компактными массами в Максатихинском, Лихославльском и некоторых других районах Калининской области.

Этногенез и исторические сведения. Если в бассейне Верхней Волги карелы появились недавно, то в Карелии они составляют древнее коренное население. Некоторые ученые, в частности финские, предполагали, что карелы некогда переселились с южного побережья Финского залива; но в пользу такого мнения трудно привести какие-нибудь серьезные соображения. Другие (особенно археологи—А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс) склонны считать, что карелы живут на этой территории издавна, что они являются прямыми потомкам древнего неолитического населения, носителей «карельской» и «каргопольской» культур, пришедших в еще более раннее время с юга, из бассейна р. Оки. Это первое заселение Карелии относят к III тысячелетию до н. э. Археологи считают, что известные «петро-

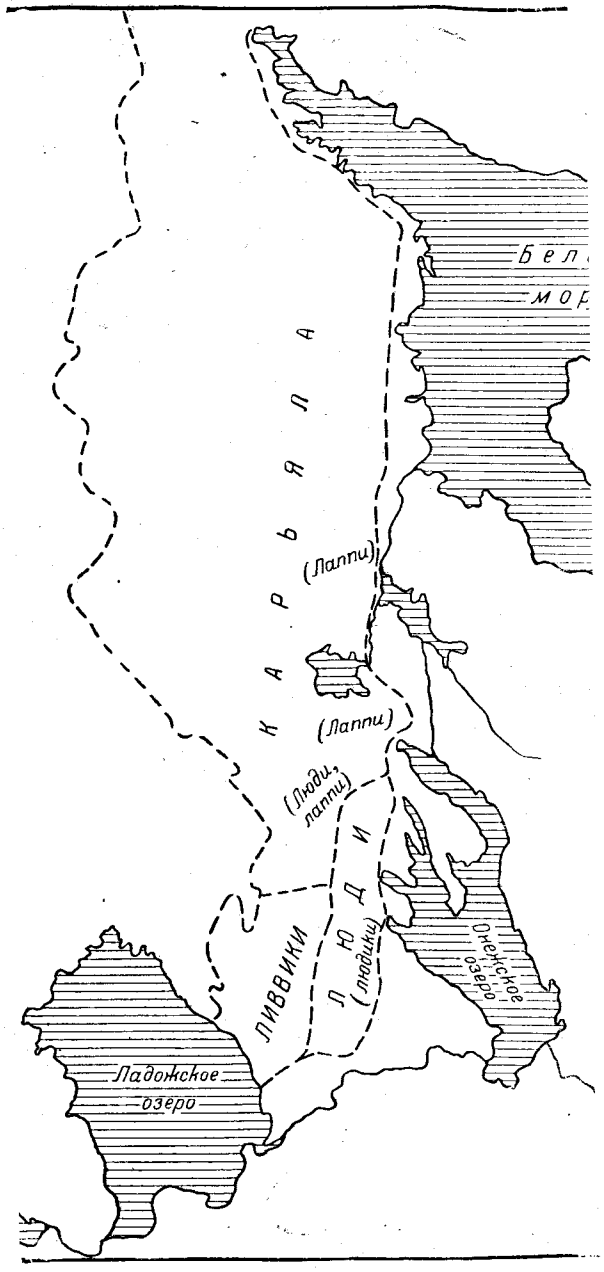
глифы» (наскальные изображения) неолитической эпохи на берегах Онежского озера и Белого моря оставлены тоже предками карел. Подобные предположения были бы весьма правдоподобны, если бы не одно обстоятельство: в археологических памятниках Карелии имеется очень большой перерыв— с 1-го тысячелетия до н. э. до начала 2-го тысячелетия н. э. Этот двухтысячелетний пробел порождает впечатление, что территория Карелии в те времена запустела и позже заселилась уже новыми пришельцами.

В недавнее время (1947) советский лингвист проф. Д. В. Бубрих попытался решить проблему происхождения карел на основании широких диалектологических обследований. По его мнению, первоначальной областью формирования племенной группы «кирьяла» («карьяла») был Карельский перешеек к западу от Ладожского озера. В скандинавских сагах «кирьяла» упоминается еще в IX в. Оттуда предки карел распространились несколькими волнами в современную Карелию, причем в состав карельского народа вошла, кроме племени «корела», часть «веси» (вепсов). Интересно, что до сих пор отдельные группы карел называют себя по-разному: «карьяла» (в северных областях), «людики» (прионежские карелы), «ливвики» (приладожские), «лаппи» (между Онежским и Сег-озером). Последнее название, вероятно, означает, что в состав карел вошла часть ассимилированных лопарей. Северные карелы местами называют южных «вепся» (вепсы). Формирование карельского народа происходило в тесном взаимодействии с русским элементом и в рамках Русского государства. Взгляд Д. В. Бубриха представляется весьма интересным, хотя он нуждается в подтверждении данными археологии.

Первое упоминание в русских источниках о карелах относится приблизительно к середине XII в., когда в летописи говорится (под 1143 г.) о походе «корелы на ямь»— другое финское племя. В дальнейшем карелы упоминаются довольно часто в новгородских летописях и в официальных актах.

В настоящее время культура карельского народа представляет чрезвычайно много общего с культурой северных русских. Это едва ли можно объяснить недавними заимствованиями от русских. Перед нами древняя, исконная культурная общность, сложившаяся в северной полосе, где жили смежно и славяне и финны.

Хозяйство. Традиционное занятие карел—земледелие, в особенности в южной части Карелии; но оно в прошлом имело карликовые размеры. В северной части края земледелие дополнялось лесными неземледельческими промыслами—охотой, рыболовством, лесорубкой, лесосплавом и другими промыслами.

Этнические подразделения карельского народа

Земледельческая техника у карел ничем не отличалась от господствовавшей у северо-западного русского населения: та же соха, так называемой коловой формы, кото-

Внутренность карельской избы. Печь с камельком (с. Тихт-озеро)

рая приспособлена для каменистой почвы, та же борона, те же орудия уборки. Система подсечного земледелия держалась до 50-х годов XIX в. и вышла из употребления в связи с запретительными мерами правительства, которое повело борьбу против этого старого способа хозяйства. Но борьба эта велась чисто административными методами и привела только к тому, что сильно пала урожайность, так как никаких мероприятий по подъему производительности почвы не проводилось; бедственное положение карельского крестьянства с тех пор еще ухудшилось.

Что касается техники охотничьего и рыболовного промысла, то и здесь мы найдем мало отличного от охотничьей и рыболовной техники севернорусского населения.

Зато для карел довольно крупную роль играли кустарно-ремесленные производства, которыми славились карельские ремесленники далеко за пределами Карелии. Например, монополией карельских ремесленников было изготовление охотничьих ружей, которые они поставляли русским поморам и жителям не только Кольского полуострова, но и вплоть до Двины, Мезени и Печоры. Так было до второй половины XIX в. Другим очень важным ремесленным производством, развитым у карел, было судостроение. На побережье Белого моря карельские плотники делали суда для русских поморов.

Сейчас колхозное крестьянство Карельской АССР преодолело прежнюю отсталость хозяйства. Земледельческая культура охватывает все новые земли, прежде не знавшие плуга: осушаются огромные болота, посевы продвигаются дальше на север. Введена передовая агротехника. Акклиматизируются плодовые деревья и создается новая подсобная отрасль сельского хозяйства—садоводство.

Совершенно реконструировано лесное хозяйство, которое сейчас получило особенно важное общесоюзное значение, ибо Карелия—край неисчерпаемых лесных богатств. Рубка леса, вывозка, сплав—все это механизировано, и прежний тяжелый труд лесорубов весьма облегчился. Для них созданы и хорошие бытовые условия во время работы в лесу.

Созданы промысловые артели, выпускающие изделия из ценной карельской березы.

Важная отрасль хозяйства—разработка горных богатств—ломка мрамора, гранита и других ценных пород камня, которые идут на украшение зданий в больших городах, на облицовку станций метро и пр.

Материальная культура. В области материальной культуры отмечается значительная общность между карелами и северными русскими. Подобно русским карелы селятся деревнями, в отличие от финнов, которые обычно селятся отдельными хуторами. Дома обычно располагаются правильной линией вдоль дороги, по берегу озера, реки либо вдоль улицы, как и у русских, хотя встречается, по условиям местности, а также вблизи финляндской границы и беспорядочное рас-

Карельская изба старого типа (фото 1927 г.)

Старинная карельская изба в Ухте: среднее окно косящатое, боковые—волоковые (фото 1926 г.)

Карельская женская одежда

положение домов и хуторское расселение. Постройки представляют собой такие же, как и в севернорусских областях, просторные срубные дома: связанные под одной крышей, обычно двухэтажные, жилые и хозяйственные помещения. Как особенность некоторых карельских построек называют обычно «глаголеобразное» расположение постройки (примыкающий сзади к дому двор имеет большую ширину); этот тип отмечен особенно в Олонецком, Ухтинском и Сямозерском районах Карелии.

В карельской деревне держались до недавнего времени некоторые архаические черты жилища, которые у русского населения раньше начали выходить из употребления. Это—топка по-черному, печь-каменка примитивного типа, волоковое окно. Русская печь у карелов местами (особенно на границе с Финляндией) соединяется с очагом, который в настоящее время чужд русскому быту, но характерен для западной культуры.

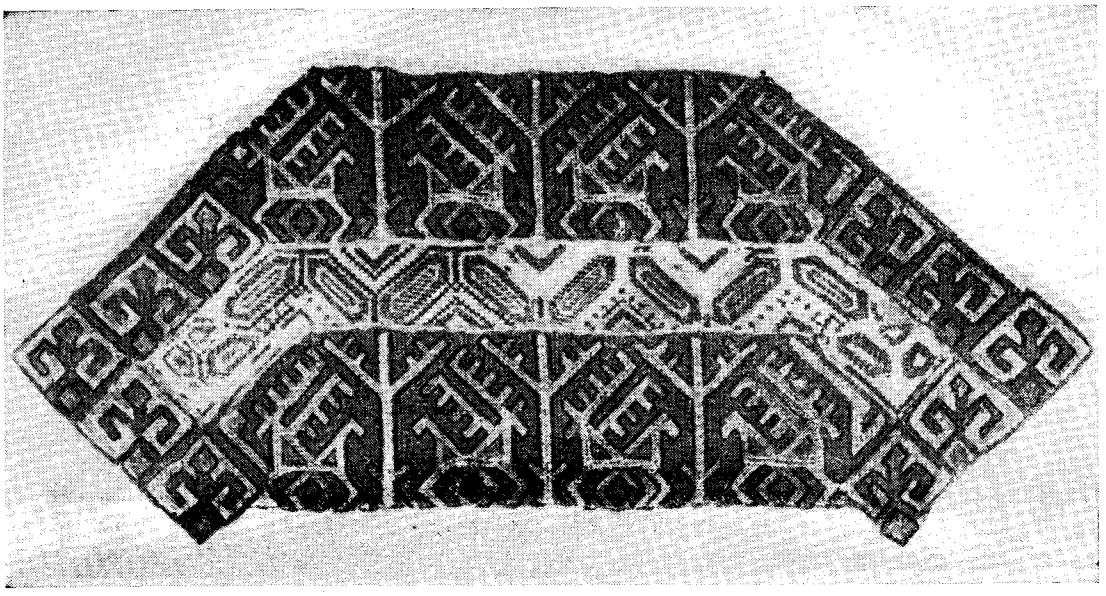
Что касается типа национальной одежды, сейчас почти исчезнувшего, то и здесь господствовали севернорусские формы: женская рубашка с поликами, сарафан, головные уборы, как у русских: чепец, повойник, сорока и пр. В северных районах Карельской АССР заметно и влияние финского костюма.

В материальной культуре северных карел вообще характерно отразились условия их жизни. Живя в лесной полосе, они пользуются лесными материалами чрезвычайно широко. Дерево, лыко, особенно береста, идут на изготовление самых разнообразных изделий: лапти (косого плетения), нечто вроде сапог из бересты, сумки, корзины и даже бутылки, веревки, ковши, сита из бересты, берестяные седла и т. д. Посуда почти вся деревянная или берестяная. Таким образом, лес дает почти все, что нужно человеку.

Так обстояло дело с материальной культурой северных карел в досоветский период. Некоторые из самобытных ее форм сохраняются и теперь, хотя условия материального быта сейчас резко изменились: в колхозах появились новые благоустроенные дома, местами с электрическим освещением, с городской мебелью.

У южных, верхневолжских карел культурно-бытовая близость к окружающему русскому населению еще больше, хотя некоторые самобытные черты культуры сохраняются.

Исторические особенности общественного быта. В области социальных форм у карел также не было в прошлом существенных отличий от того, что известно у севернорусского населения. Когда-то, еще до подчинения Новгороду, у карел начали выделяться свои собственные полуфеодальные группы, но они довольно рано были ассимилированы с новгородским боярством: в составе последнего можно проследить некоторые элементы карельского происхождения, но они во всяком случае оторвались от карельской почвы. С петровской эпохи русское правительство начало создавать в Олонецком крае горные и другие заводы, к которым приписывалось местное, как русское, так и карельское, население в качестве заводских (горно-заводских) крестьян. В южной и юго-восточной Карелии были и частные имения, принадлежавшие русским помещикам, так что часть карельского населения находилась на положении крепостного крестьянства. Эксплуатация заводских и крепостных крестьян была весьма жестокой, она порождала крестьянские восстания в Карелии в конце XVII и в особенности в XVIII веке. После крестьянской реформы усилилось классовое расслоение карельской деревни. Обеднение,

разорение масс карельского населения, выделение отдельных кулацких элементов—это те же процессы, которые хорошо известны и у русского крестьянства.

В Олонецком крае с его суровой природой отмечалось до революции исключительно тяжелое материальное положение широких масс. Здесь практиковались особо жестокие формы эксплуатации, например торговля детьми. Была даже особая профессия людей, которые специализировались на покупке детей у карельских и русских бедняков и перепродаже их в Петербурге. Это делалось под формой вербовки учеников для торговцев и ремесленников и на фабрики, но по сути это была торговля детьми. Она держалась вплоть до революции.

Что касается калининских карел, то они до крестьянской реформы были на положении крепостных крестьян, а после реформы их судьба не отличалась от печальной судьбы русского крестьянского населения замосковных малоземельных губерний. В наши дни колхозный строй покончил раз и навсегда с нуждой и эксплуатацией.

Религиозные пережитки. До революции все карелы числились христианами. Их крещение относится частью к эпохе новгородской колонизации, частью позднее, к эпохе подчинения Москве. Но наряду с официальным православием значительная часть, примерно до половины карельского населения, придерживалась старообрядчества.

Наряду с этим у карел держались и элементы дохристианских верований, сходных с теми, которые отмечались и у русского населения: вера в леших, водяных и других духов. Особенно сильно развито было колдовство, магия разных видов—лечебная, предохранительная, скотоводческая, охотничья, земледельческая и т. д., по части которой карелы всегда считались у русского населения большими искусниками. Карельских колдунов русские особенно боялись.

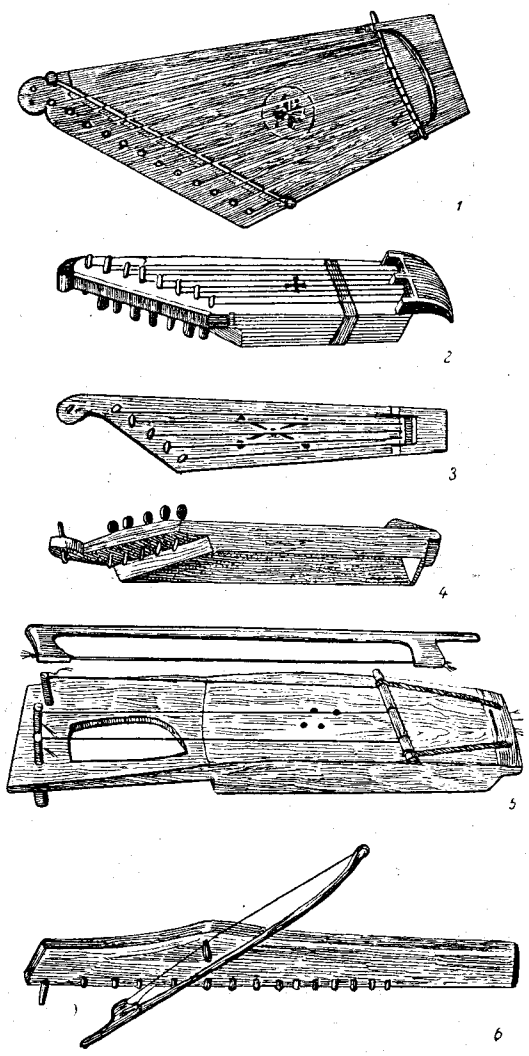

Орнамент северных карел

Народное творчество. Но гораздо важнее те ценные, положительные формы духовной культуры, которые связаны с народным художественным творчеством. Они чрезвычайно богаты у карел. Прежде всего следует от-

метить развитие декоративного искусства в формах, опять-таки роднящих карел с соседним русским населением. Особенно интересны богатые художественные вышивки на полотенцах и на одежде, а также орнамент на глиняной посуде, прекрасная декоративная резьба на домах. Мотивы орнамента разные, но особого внимания заслуживает один мотив—трехфигурная композиция с деревом или стилизованной женщиной посередине и двумя животными по сторонам. Это—сюжет, который хорошо известен у севернорусского населения и вообще широко распространен в Восточной Европе.

Кантеле: *1*—двенадцатиструнное (Импилакс, 1/9 нат. вел.), *2*—восьмиструнное (Иломантс, 1/9 нат. вел.), *3*—пятиструнное (Иломантс, 1/9, нат. вел.), *4*—пятиструнное с открытым корпусом (Иломантс, 1/9 нат. вел.), *5*—трехструнное смычковое (Иломантс, 1/8 нат. вел.), *6*—однострунное смычковое (Иломантс, 1/8 нат. вел.)

Очень богатое развитие получил фольклор. Всем известен замечательный карельский эпос «Калевала», художественно обработанный поэтом Элиасом Лёнротом (1835). Правда, до сих пор ведутся споры о месте происхождения и творцах этого эпоса. Прежние исследователи, начиная с самого Лёнрота, не сомневались в чисто карельском происхождении «Калевалы». Но позже—с 1870-х годов—финские буржуазно-националистические ученые выступили с утверждением, что песни «Калевалы» зародились вначале у западных финнов (что будто бы явствует из данных топонимики), что они отражали походы скандинавских и финских викингов, а что позже они были утрачены западными финнами, но сохранились у более «отсталых» карел. Эту точку зрения особенно защищали Карле Крон, Ууно Харва. Из советских ученых к ней примкнул Д. В. Бубрих. Но этот взгляд неправдоподобен. Вернее, что «Калевала»—общее достояние карельского и финского народов. В западной Финляндии эпос, однако, давно исчез, а сохранился он только на территории Советской Карелии. Большая часть рун «Калевалы» записана в Ухтинском районе, переименованном сейчас в район Калевалы. Содержание «Калевалы» сводится в основном к борьбе героев Калевалы (страны карело-финнов) против людей Похьолы (Лапландии), к борьбе за чудесную мельницу-самомолку—Сампо. Но в поэме много совсем посторонних эпизодов. Очень характерна одна особенность карело-финского эпоса: герои его—старый и мудрый певец Вейнемейнен, богатырь кузнец Ильмаринен, веселый удалец Лемминкейнен и другие—ведут борьбу с врагами не столько силой оружия, как это обычно в эпических произведениях других народов, сколько силой чар и заклинаний. Весь эпос наполнен магическим мировоззрением, что говорит о его глубоком архаизме. Но не менее отразилась в эпосе и трудовая жизнь народа: черты материального повседневного быта карельского крестьянина пронизывают все руны «Калевалы», где то и дело упоминаются земледельческие работы, рыбная ловля, сбор ягод, пастьба скота, женские домашние работы.

По своей форме Калевала—это былинный эпос, который не рассказывается, а поется. По старой традиции карелы пели руны вдвоем: два певца-сказителя, сидя друг против друга, взявшись за руки и покачиваясь, пели руну.

Помимо древнего эпоса, у карел сохранились и позднейшие исторические песни—о борьбе против скандинавских завоевателей и пр. К русским в этих песнях проявляется дружественное отношение. Карельские сказки очень близки к русским. Часто они и рассказываются на русском языке.

Народная музыка карел начала изучаться всерьез только в советское время. Она очень мелодична, но одноголосна. Из народных музыкальных инструментов—пастушеский рожок, свирель и пр.—наиболее известно и характерно «кантеле»: щипковый инструмент в форме деревянного плоского ящика с натянутыми струнами. Количество струн колеблется от 3 (были даже однострунные экземпляры) до 12. Кантеле близко к русским гуслям, да и самое название, как предполагают, происходит от того же славянского слова. Но есть и смычковый инструмент с тем же названием. Кантеле употребляется для аккомпанирования рун Калевалы: игра на кантеле упоминается в самом эпосе. Советский карельский этнограф-музыковед Гудков усовершенствовал кантеле, введя хроматический строй и создав инструменты разных регистров, из которых составляется целый оркестр.

В настоящее время пользуется широкой известностью государственный карельский ансамбль песни и пляски «Кантеле», гастролирующий по всему Советскому Союзу.

Выросший культурно, карельский народ и теперь продолжает петь свои руны. Мало того, сейчас слагаются новые руны в старых песенных формах, но откликающиеся на нашу советскую действительность.

Карелия сейчас—одна из передовых республик Советского Союза. В ней существует целый ряд научных институтов, они объединяются созданным в 1950 г. Филиалом АН СССР (ей предшествовала База, учрежденная в 1946 г.). В Петрозаводске в 1940 г. открыт государственный университет. Карельская литература—на финском литературном языке—в последние годы развивается особенно успешно.

2. ЛОПАРИ

Северными соседями карел издавна были лопари (лапландцы или саами)—жители Лапландии, или той легендарной страны Похьолы, против которой вели борьбу герои «Калевалы». Лопари—народ, стоящий несколько особняком в среде других народов Восточно-Европейского Севера и во многом близкий к народам северной части Сибири.

Значение слов лопарь, Лапландия не совсем ясно. Связывают его с финскими и эстонскими словами: lappe—дальний, последний, lopp—конец, lape—особое, отдельное место. Во всяком случае это то название, под которым саами стали известны финским народам, а через их посредство и русским. Недаром и часть северных карел называет себя «лаппи». Самоназвание же их саами, очевидно, имеет связь с самоназванием финнов—суоми, и, по-видимому, с тем корнем, который лежит в основе слова самоядь, самоеды.

По языку лопари принадлежат к финской группе народов (к ее северной ветви), но вопрос о их происхождении очень сложен. Антропологически лопари, хотя и не вполне однородны, но в общем стоят особняком среди окружающих народов, принадлежа в большинстве к так называемому лапоноидному расовому типу. В этом типе соединяются черты европеоидной и монголоидной расы, но некоторые черты отличны и от той, и от другой. Наиболее характерные особенности этого типа: низкий рост, слабая растительность на лице, вогнутая спинка носа, очень низкое лицо. Вне лопарского населения этот тип встречается редко. Однако следы его обнаружены новейшими антропологическими исследованиями в составе и северного русского населения, и восточнофинского, вплоть до коми-пермяков, манси-вогулов и других народов.

Область современного расселения лопарей представляет собой, по-видимому, лишь небольшую часть той более обширной территории, которую лопарское население занимало когда-то раньше. Еще в новгородских и московских документах XIV, XV и даже XVI веков упоминаются «лопские погосты» в Прионежье и Приладожье. Есть основания думать, что лопари занимали значительную часть современной территории Финляндии, Карелии, Беломорья и немалую часть Скандинавии. По мере колонизации, с одной стороны, скандинавской, с другой стороны, карело-финской, а позже русской происходило постепенное оттеснение лопарей на север и частичная их ассимиляция. Последние остатки этой, когда-то довольно многочислен-

ной, группы занимают теперь только часть Кольского полуострова, а преимущественно—некоторые провинции севера Скандинавии. По-видимому, и теперешний свой язык они заимствовали от финнов.

Первые известия о лопарях относятся примерно к IX веку. Под именем «финнов» о них упоминает скандинавский путешественник и промышленник Отер. В скандинавских сагах говорится о «финнах» (лопарях), о походах на них викингов и королей норвежских и шведских. В русских, в частности новгородских, источниках, XIV—XVI вв. имеются упоминания о лопарях или «лоплянах», о «лопских погостах», «верхней лопи» и т. д.

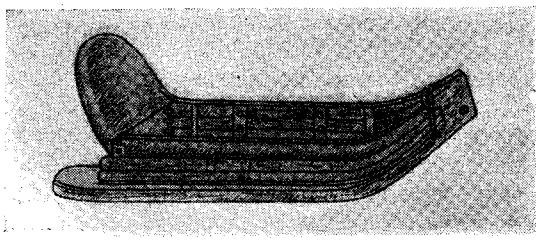
Довольно подробные сведения о лопарях были собраны в XVII в. в сводной работе Шеффера на латинском языке о Лапландии. В дальнейшем этнографические сведения о лопарях продолжали накапливаться. В 1890 г. появилась большая монография Николая Харузина «Русские лопари», которая и сейчас остается классической работой.

В советское время исследования о лопарях продолжались. Можно указать интересную книгу В. В. Чернолуского—«Материалы по быту лопарей», работы антропологической экспедиции Д. А. Золотарева, лингвистические и этнографические исследования Института народов Севера (З. Е. Черняков, Н. Н. Волков и др.).

Современная численность лопарей, если брать вместе с зарубежными, около 35 тыс., но из них около 70% живут в Норвегии, около 20% в Швеции и только по 5% приходится на СССР и Финляндию. На нашей территории численность лопарей составляет всего около 1,7 тыс. человек. Таким образом, уже по своей малой численности лопари выделяются из числа прочих народов Европейской части СССР и сближаются с так называемыми «малыми народами Севера», основная масса которых живет в северной Сибири.

Хозяйство. Среди народов Восточной Европы лопари стоят по типу своего хозяйства совершенно особняком. У них сохранились своеобразные, очень архаичные формы так называемого «промыслового хозяйства», типичного в основном для «малых народов Севера» (с которыми мы познакомимся позже). Их хозяйственный уклад до недавнего времени был целиком основан на комбинации трех отраслей хозяйства: оленеводства, рыболовства и охоты. Земледелия у них не было совершенно. Оленеводство лопарей своеобразного типа. Прежде всего, применение оленей в качестве транспортного средства у лопарей имеет другой вид, чем у остальных народов. Они запрягали одного оленя в так называемую кережку: это бесполозная повозка, напоминающая по форме перерезанную поперек лодку. В настоящее время, впрочем, кережка почти вышла из употребления и заменена нартой ненецкого типа, с которой лопари познакомились во второй половине XIX в., когда ненцы появились на Кольском полуострове. Груз, однако, на оленя навьючивают, хотя верховой езды не знают. Вьючное седло своеобразной формы, из двух дощечек, вставляющихся одна в другую.

Лопарская «кережка»

Доение оленей, развитое молочное хозяйство, тоже характеризует лопарей (у других оленеводов тундры нет доения оленей). С другой стороны, сохранилась своеобразная архаическая черта—отпуск оленей на лето в тундру. В настоящее время, правда, лопари, познакомившись с оленеводством ненцев и ижемцев, переняли от них более рациональный способ держания оленей летом; но еще недавно обычай летнего отпуска оленей соблюдался. С весенней кочевки лопари отпускали оленей в тундру и переставали о них заботиться, зато осенью на них ложилась тяжелая работа по собиранию этих оленьих стад—так называемое «имание оленей»,—которая отнимала много времени и сил и иногда сопровождалась потерями оленей.

Некоторые авторы, в частности А. Н. Максимов, считали, что лопарское оленеводство имеет особое от сибирского происхождение, что оно не очень древнее и заимствовано от скандинавов и финнов не раньше IX в. Так это или нет, во всяком случае лопарское оленеводство развивалось обособленно от ненецкого и сибирского.

Второй по значению отраслью хозяйства у лопарей является рыболовство, озерное и морское. Промышляют больше всего сига и семгу. Морское рыболовство составляет занятие преимущественно мужское, а на озерах рыбу ловят и мужчины и женщины.

Часть лопарей извлекает значительный доход из охоты на гренландского тюленя. Этот так называемый «торосовый промысел» происходит в феврале и марте. Промышляют также нерпу и других морских зверей. Шкуры их употребляются на разные изделия, обувь, ремни.

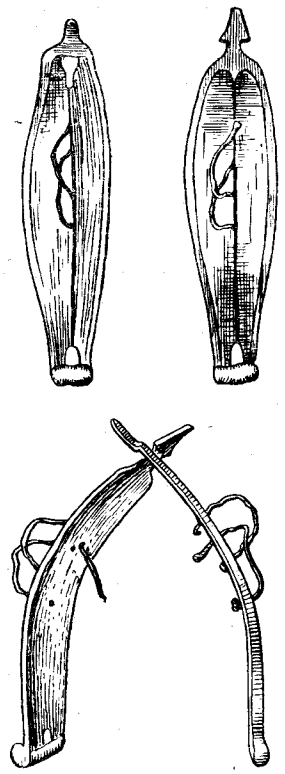
Сухопутная охота (на дикого оленя, песца, волка и др.) также играет крупную роль в зимнее время, но далеко не такую важную, как у норвежских лопарей, которые являются охотниками по преимуществу. Орудиями промысла служат главным образом капканы. Интересны охотничьи лыжи лопарей, резко отличающиеся от сибирских, но сходные с нашими спортивными лыжами: они узкие и голые. Вероятно, наши спортивные лыжи как раз и заимствованы через скандинавов или финнов от лопарей.

В советские годы хозяйственный уклад лопарей, объединившихся (1934—1935) в колхозы, сильно изменился. Оленеводство сохранило ведущее значение, но оно реконструировано и стало более доходным. Удельный вес охоты понизился, а рыболовство, напротив, успешно развивается. Местами разводится и крупный рогатый скот, вводится огородничество и даже полеводство (ячмень, рожь, овес, кормовые травы). В связи с этим улучшился пищевой режим: в него вошли хлеб, овощи, коровье молоко и изделия из него.

Поселения и жилища. С комплексным оленеводческо-рыболовецко-охотничьим хозяйством связан был и прежний образ жизни лопарей, их полукочевой быт. Лопари до последнего времени не были по-настоящему оседлым народом. Они жили так называемыми «погостами», которые делились на зимние и летние. Зимние погосты расположены в глубине тундры; летние—на берегу озера или моря. Харузин насчитывал 17 пар этих погостов: Лумбовский, Иокангский, Семиостровский, Ловозерский, Кильдинский, Нотозерский, Пазрецкий и другие.

Обычным жилищем лопарей была так называемая тупа или пырт (тупа у скандинавских, пырт у советских лопарей). Это срубное жилище, отличающееся от русской избы только некоторой примитивностью—отсутствием потолка и наличием вместо печи чувала (пристенного камелька с трубой). Есть предположение, что тупа заимствована лопарями от более культурных соседей, от русских или скандинавов, хотя это, по-видимому, старинное жилище.

Более усовершенствованным типом жилища, уже явно заимствованным от русских, является изба, которая у лопарей называется русским словом «дом».

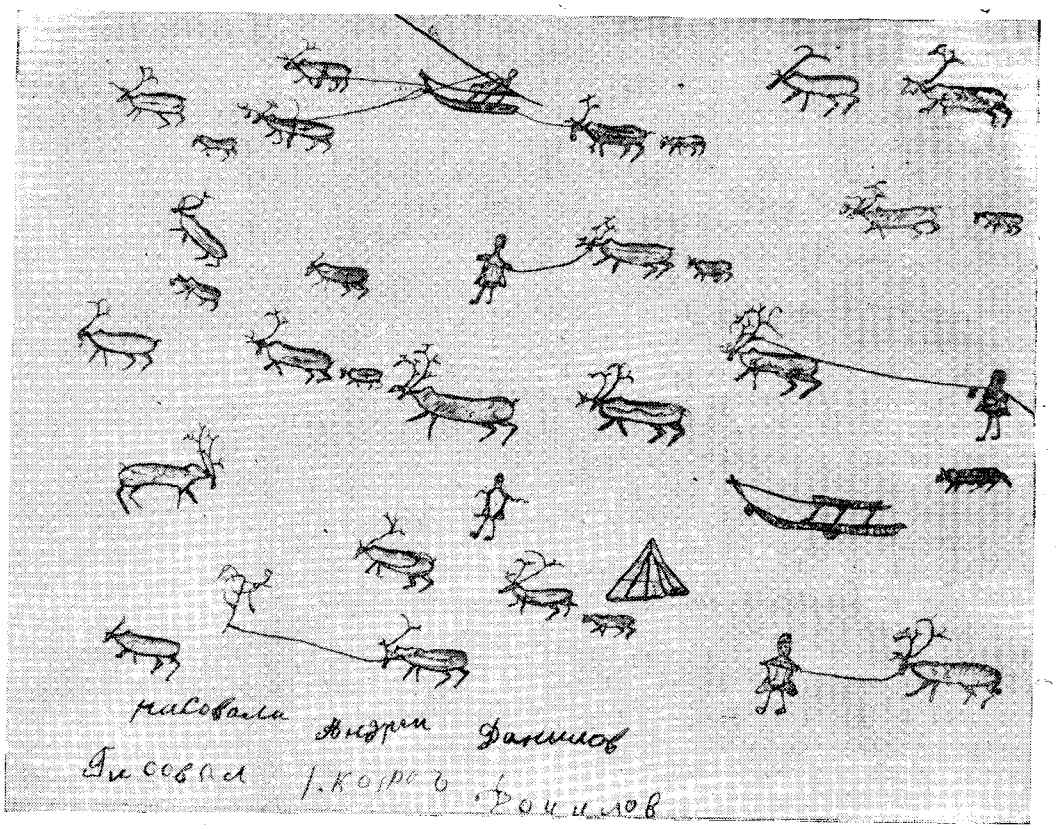
Вьючное седло на оленя у лопарей

Но наряду с этими жилищами постоянного типа у лопарей были временные формы жилищ полукочевого или кочевого типа. Наиболее характерна так называемая «ве́жа». Сами лопари ее называют «кюйт» (ср. «куда», «куд» у финских народов). Она представляет собой сооружение в форме четырехгранной усеченной пирамиды из досок, горбылей, жердей, покрытое сверху землей. У скандинавских лопарей сохранилась своеобразная вежа на изогнутом сферическом каркасе.

Наконец, был еще один тип жилищ, уже чисто временных, которые ставили на весенних и осенних становищах; это так называемая «кувакса», или «стан»—простой шалаш, покрытый корой или кожами; примитивное жилище, мало отличающееся от типа сибирских чумов.

Таковы старые типы жилищ, в советское время почти исчезнувшие. Ныне почти повсеместно распространен дом русского типа. Вежа и ку́вакса почти не встречаются, да и тупа начинает выходить из употребления.

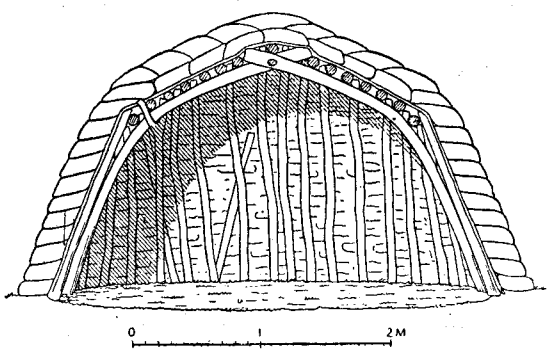
Одежда. У лопарей сохранились архаические черты и в их типе одежды. Характерен

«Имание» оленей у лопарей (детский рисунок)

покрой одежды, надевающейся через голову: суконная летняя одежда, так называемая «юпа», и такая же зимняя одежда—«печок», который шьется из оленьего меха. К концу XIX в. этот тип одежды стал вытесняться русским кафтаном (по-лопарски «кяхтан»). Женская одежда «кохт»—подражание русскому сарафану. Теперь лопари-колхозники носят в большинстве покупную одежду.

«Вежа» скандинавских лопарей (разрез)

Самобытные головные уборы теперь уже редко встречаются. Один из интересных типов—меховая шапка с четырехугольным верхом («каппер»), наподобие польской конфедератки. Из женских головных уборов интересны шлемовидные головные уборы, очень своеобразной формы: цилиндр, плотно охватывающий голову, с эллиптическим выступом спереди, вероятно, влияние русского кокошника, либо с высоким гребнем в виде каски.

Исторические особенности общественного быта. На протяжении многих столетий лопари подвергались жестокой эксплуатации. Началось это с тех завоевательных походов, которые предпринимали в Лапландию шведы с XIII в., норвежцы и новгородские ушкуйники с XIV в. Включение Лапландии в состав Русского государства (конец XV в.) до некоторой степени оградило лопарей от шведских и норвежских набегов. Но московские воеводы тоже притесняли лопарей, их грабили торговцы, а особенно православные монастыри, появившиеся в стране лопарей.

Самый известный монастырь был основан в 1550 г. в устье Печенги «преподобным»

Дом лопаря (ст. Пулозеро. Мурманской жел. дор.) (фото 1927 г.)

Трифоном с целью обращения лопарей в христианство. Судьба его своеобразна. Он несколько раз сжигался, потом вновь восстанавливался. В 1764 г. он был упразднен и лишь в конце XIX в. восстановлен. Но деятельность его состояла не столько в христианизации лопарей, сколько в их экономической эксплуатации. Монастырь получил в пожалование от царского правительства, а частью приобрел от самих лопарей большие земли и отдавал их в аренду лопарям, собирая соответствующую мзду. Кроме этого, существовали формы торговой и ростовщической эксплуатации. В исследовании Харузина приведены факты, свидетельствующие о том, что вся деятельность монастыря на Печенге в XVII и частью в XVIII веке состояла в ограблении лопарского народа. Позднее к этому прибавилась деятельность кольских и архангельских кулаков. История лопарей была историей обнищания и упадка этого народа вследствие колониального грабежа.

Но наряду с этим происходил и процесс внутреннего расслоения лопарской общины. Выделялись зажиточные группы, которые усваивали себе европейские замашки, держали деньги в банке и т. д., сохраняя, однако, в домашней жизни прежний уклад, живя по-прежнему в тупе или веже.

Это не могло не разлагать самобытный общественный уклад лопарей. В настоящее время от древних форм общественного устройства сохранилось очень мало. Родовые пережитки сохранились у лопарей только в слабой форме. Даже большая семья у них отсутствует. Уже в XIX в. низшей общественной единицей стала малая семья. Женатый сын обычно сразу же выделяется и обзаводится отдельным хозяйством. Однако семьи, носящие одно фамильное имя, помнят о своем общем происхождении. Впрочем, фамильные имена—русские (Афанасьевы, Калинины, Титовы и др.). Из пережитков родовых обычаев отмечается употребление тамг—знаков собственности, которые применялись также и в качестве подписей на документах. Тамги когда-то были родовыми, потом стали семейными; у семей одной фамилии тамги сходны и представляют видоизменения первичной тамги.

Религиозные пережитки. В области религиозных верований также сказалось длительное соседство лопарей с более культурными народами. Все лопари числятся христианами: зарубежные—протестанты, а русские лопари были православными. Христианизация русских лопарей началась в XVI в. со времени деятельности Трифона. Христианство довольно глубоко вошло в быт лопарей. Однако сохранились пережитки, хотя и слабые, более древних верований. Но и на них отразились связи с южными соседями—финнами и скандинавами.

Лопарка (Иокангский погост)

В результате получилось довольно сложное переплетение и примитивных и высоко развитых форм верований у лопарей. У них существовали шаманы, так называемые нойды. Правда, уже в конце XIX в. эти нойды не отличались ничем от русских колдунов, но по более ранним сообщениям XVI—XVII вв. нойды были именно шаманами. Лопарский шаманизм отличался от сибирского некоторыми внешними чертами. Например, тип бубна лопарских нойд был необычен: он имел вид неглубокой чаши с выпуклым дном; в дне—два параллельных прореза, образующих рукоятку бубна; верх чаши обтянут кожей. Этот бубен употреблялся не только в качестве шаманского инструмента, но и для гадания. Кожа бубна покрывается изображениями, где можно найти ряд исторических наслоений: тут и Иисус Христос, и скандинавские, и лопарские боги.

Но наиболее интересное в лопарской религии—это наличие сложного и довольно многочисленного пантеона. Древняя лопарская религия носила некоторые черты политеизма. Большинство богов представляет собой олицетворения явлений природы. Бога Радиен Атчие европейские наблюдатели сопоставляли с Юпитером. По-видимому, это—олицетворение неба. Юбмел—параллель известного финского верховного божества Юмала. Существовало божество Пейве—солнце; Айеке—бог грома, который изображался с молотом, подобно скандинавскому Тору. Это божество смешивалось с божеством—покровителем охоты, который, однако, фигурировал и под другим именем—Арома-Телле. Существовал также культ божества Сторьюнкаре, или Стурра Пассе—«великого святого». Некоторые из этих имен—скандинавские; культ этих божеств сложился под влиянием скандинавской мифологии.

Но наряду с этим существовали божества, более близкие к человеку и развившиеся скорее на почве самой лопарской жизни. Это—божества-покровители промыслов. В особенности большим почетом пользовалась так называемая хозяйка оленей Луот Хозик (искаженное русское слово «хозяйка»), женское божество, считавшееся покровительницей оленьего промысла. Образ ее зоо-антропоморфный: она «ходит на ногах, как человек, и лицо человечье, только вся в шерсти, словно олень». Когда оленей на лето отпускали в тундру, то поручали их покровительству этой оленьей хозяйки и обращались к ней с молитвой: «Луот Хозик, береги наших оленей». И после сбора оленей осенью обращались к ней: «Спасибо тебе, Луот Хозик, что поберегла наших оленей»[1]. Существовали и другие божества охотничьего и рыбного промыслов: например, Аккрува, покровитель рыболовства, получеловек-полурыба; Мец-хозин—дух-хозяин леса и др.

Отражением разлагающихся родовых отношений был культ умерших и предков, покровителей семьи и рода—так называемых «сайво». Культ этот был связан с почитанием священных камней «сейдов». Сейдам приносили жертвы и считали, что они тоже помогают на промысле. Домашним духом-покровителем считался «Пырт-хозин» («хозяин-дома»)—домовой, местопребывание которого—камелек.

Таким образом, в лопарской религии мы видим отражение того своеобразного исторического положения, в котором находился этот народ; сохраняя примитивный промысловый уклад хозяйства, лопари в то же время находились под влиянием своих более культурных соседей. С этим и связано наличие в их религии и примитивных черт промыслового семейно-родового культа и более развитых форм сложной мифологической системы политеизма; поверх всего этого наложило свой отпечаток христианство.

Художественное творчество и культурное развитие. Народное творчество у лопарей также отражает эти сложные, противоречивые влияния. Их фольклор довольно разнообразен. В нем можно найти целый ряд жанров. Во-первых, сказки: о животных, волшебные, сказки бытового характера. Затем героические или эпические сказания, отражающие прошлое народа, войны с соседями и т. д.; лирические песни; рассказы о шаманских подвигах и чудесах, о знаменитых нойдах. В более новых фольклорных текстах сильнее сказывается русское влияние.

В изобразительном искусстве наиболее интересно отметить орнамент довольно про-

[1] Харузин. Русские лопари. М., 1890, стр. 152.

Старый головной убор лопарей

Старый женский головной убор лопарей

стой геометрической формы, но своеобразный, с частыми мотивами креста, в том числе гаммированного. Им украшались главным образом предметы одежды.

Культурный уровень лопарей до революции был низким. Никто почти не знал даже простой грамоты.

Сейчас введено всеобщее обязательное обучение, школы имеются в каждом селении. Есть саамы, получившие высшее образование, учителя, агрономы, советские и партийные работники. В лопарских селениях широко распространено радио. Кочевые становища обслуживаются «Красными чумами».

3. КОМИ (ЗЫРЯНЕ И ПЕРМЯКИ)

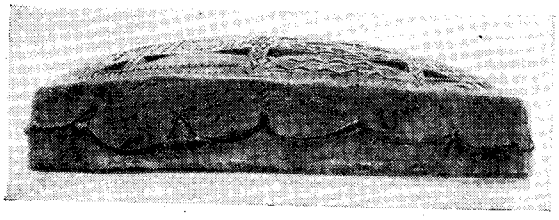
В отличие от лопарей, коми, обитающие в восточной части Европейского Севера, во многих отношениях, и по своему историческому прошлому, и по современному хозяйственно-культурному облику, походят на карел.

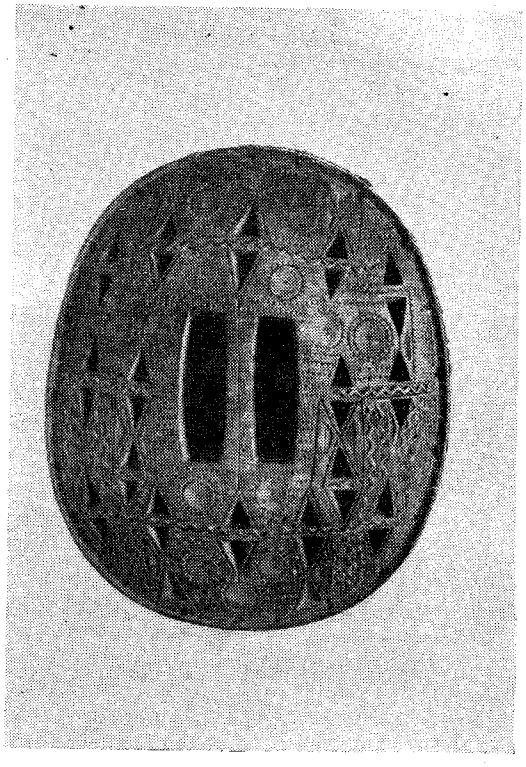
Коми—это самоназвание двух, хотя и близко родственных, но самостоятельных народов, которых прежде называли зырянами и пермяками. Эти два народа принадлежат—вместе с удмуртами—к так называемой пермской ветви угро-финской семьи языков.

Коми-зыряне живут в бассейнах рек, текущих в Ледовитый океан. Основная область их расселения—река Вычегда с важнейшими ее притоками—Сысолой с юга и Вымью с севера. Кроме этого, коми-зыряне живут по р. Мезени и притоку ее Вашке. Сравнительно недавно—с XVI в.—зыряне появились также на Печоре и Ижме, а с конца XVIII в. стали селиться там значительными группами. На Ижме сложилась обособленная и своеобразная по культурно-бытовому укладу группа зырян-ижемцев.

Коми-пермяки отделены географически от коми-зырян и живут в бассейне Верхней Камы, точнее, по ее притокам Иньве, Косе и некоторым другим, внутри четырехугольника, образованного верхним течением Камы, а также на самой Верхней Каме и к западу от нее (так называемые зюздинские коми-пермяки—Зюздинский район, Кировской области). Наиболее обособленную группу коми-пермя-

Старинный бубен лопарского шамана

ков составляют «язьвинские» пермяки к северо-востоку от основной массы этого народа, по р. Язьве, Красновишерского района, Пермской области.

За исключением этой географической разобщенности можно указать мало черт, которые отделяли бы эти два народа один от другого. Наименование у них одно—коми. Язык один, который делится на говоры, или диалекты: южно- и северокамский (пермяки), сысольский, вычегодский, ижемский, удорский. По культуре обе эти народности очень сходны.

Численность обоих народов коми составляет по переписи 1939 г. 408,7 тыс. Из них зыряне составляют около 60%.

Исторические данные и вопрос об этногенезе. Ранние исторические данные о коми-зырянах и коми-пермяках несколько неопределенны. В Начальной летописи и в позднейших источниках упоминаются племена пермь и печера. Последняя обитала, видимо, на р. Печоре. Название же «пермь» относилось в то время к жителям бассейна р. Вычегды; на область Верхней Камы оно было перенесено гораздо позже—с конца XIV в.

Есть предположение, что именно к тогдашним «пермянам», предкам коми, относятся легендарные известия скандинавских саг о севернорусском государстве Биармии с многолюдным и богатым населением, упоминаемом в связи с походами викингов IX—XI вв., и сообщения Отера (IX в.) о биармийцах. Биармия—само имя это напоминает Пермь. Но значение слова «Биармия» удовлетворительно не разъяснено; не доказано, что оно имеет отношение к Перми. Кстати, происхождение имени «Пермь» тоже остается неясным. Это не самоназвание. Его производят от финского «пере-маа»—лесистая страна, окраина. Н. И. Шишкин считал этот этноним скрещенным из пер+ем, что совершенно неправдоподобно. Но важен не этот вопрос, а другой: где находилась Биармия и имеют ли древние биармийцы отношение к современным коми (пермякам или зырянам)? На этот счет мнения разных авторов сильно расходятся. Одни (Савельев, Кастрен, М. А. Полевой, И. Н. Смир-

«Керка»—типичный дом коми

нов, Тиандер, Соболевский) помещали Биармию на берега Сев. Двины; другие (С.К. Кузнецов, Тальгрен) искали ее западней, на Кольском полуострове или в Карелии. Если верно второе мнение, то биармийцы, очевидно, не имеют с современными коми ничего общего; если же Биармия была в бассейне Двины, то возможно, что предки коми (по крайней мере зырян), жившие, быть может, тогда западнее, чем теперь, входили в состав ее населения.

Последние работы советских исследователей (особенно М. В. Талицкого, Н. Н. Чебоксарова, О. Н. Бадера) проливают свет на вопрос о происхождении народов коми. По свидетельствам археологических и письменных источников, а также по антропологическим данным, было два главных очага формирования этих народов: один—северо-западный, в бассейне Мезени—Вашки и Вычегды—Выми; другой—юго-восточный, на Верхней Каме—это «Родановская» культура X—XIV вв. и ее *предшественники. Они существовали обособленно* один от другого еще в 1-м тысячелетии н. э., а частью и позже. Следы антропологических различий между населением этих двух областей сохранились до сих пор: среди северо-западных коми преобладает чисто европеоидный «северный» расовый тип (в его беломорском варианте), а среди юго-восточных, камских—промежуточный между европеоидным и лапоноидным, так называемый сублапоноидный тип. Исторические известия до XVI в. называют население северо-западной области «пермянами», «пермью»,—название, позже перешедшее на юго-восточную группу; эта последняя, может быть (по мнению Талицкого, Бадера), совпадала с народом «вису», о котором сообщают арабские известия[1]. Связь между обеими областями начала устанавливаться лишь на рубеже I и II тысячелетий и еще более усилилась позже, когда происходили крупные передвижения масс населения с северо-запада, из бассейна Северной Двины, в Прикамье. Причинами передвижения был частью напор славянских колонистов, а позже—налоговый гнет и разные поборы Московского правительства. Бассейн р. Сысолы играл роль посредника в этих этнических связях, и население его до сих пор занимает, и по физическому типу, и по языку, и по культуре, промежуточное положение между камскими коми-пермяками *и северными коми-зырянами.*

Этнографические материалы о народе коми имеются у путешественников XVIII в., особенно у И. И. Лепехина (1770-е гг.). Из русских исследователей XIX в., писавших о

[1] Однако другие исследователи (А. П. Смирнов) склонны считать, что народ «вису» жил гораздо западнее, и отождествляют его с весью (вепсами).

Замужняя женщина коми в национальном костюме

коми, надо отметить известного Н. И. Надеждина, который в бытность свою в ссылке в Усть-Сысольске впервые обратил внимание на народное творчество зырян («Народные поэты у зырян», 1839), С. В. Максимова, Шёгрена, Клавдия Попова и др. Яркие картины быта коми-пермяков дал русский писатель-демократ Ф. И. Решетников («Подлиповцы»).

Из среды самого народа коми (зырян) еще с середины XIX в. начали выходить исследователи—любители родной старины и народного творчества. Такими были зырянский поэт-демократ И. А. Куратов, купец В. Н. Латкин, историк Г. С. Лыткин. В советское время литература об истории, быте, народном творчестве коми еще более выросла (А.С. Сидоров, В. М. Подоров, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Белицер и др.).

Хозяйство. Современная культура коми-зырян и пермяков отражает старинную культурную общность с севернорусским населением. Основу хозяйства как южных зырян, так и пермяков составляет земледелие в его типичной лесной разновидности. Сравнительно недавно здесь существовало подсечное огневое хозяйство; в XIX в. развилось трехполье. Весь самобытный земледельческий инвентарь сходен с севернорусским. Сеяли и сеют главным образом ячмень, рожь, овес. Теперь в колхозах, конечно, внедряется передовая агротехника, сеется пшеница, кормовые культуры, лен и пр. Это повело к значительному росту урожайности. Развивается огородничество, которым раньше занимались мало.

Если для пермяков и южных зырян (к югу от Вычегды) земледелие составляет основу их существования, то у коми-зырян, живущих к северу от Вычегды, преобладают лесные промыслы. В зырянском охотничьем хозяйстве, как и у других таежных народов, выступает, с одной стороны, ружейная охота, с другой—широкое применение всяких ловушек, силков, кляпцев и т. д. Коми—очень искусные охотники и их опыт заимствуется сейчас в других районах Севера, особенно—полезный обычай устраивать на месте промысла охотничьи избушки («бани», «вӧр-керки»), где охотник отдыхает, греется, спит, хранит запасы. В лесу охотники коми всегда пользуются компасом («матка»). Охотничьи собаки—порода зырянской лайки — очень хороши. У коми-ижемцев развито оленеводство. Рыболовство занимает видное место как у пермяков, так и у зырян, особенно северных. Скотоводство играло подчиненную роль: держали главным образом рогатый скот или, точнее, безрогий (комолой породы). Теперь разводится породистый молочный скот, поголовье которого сильно выросло. Скот разводят даже далеко на Севере—на Мезени и на Печоре. Еще быстрее растет поголовье мелкого скота, которого прежде было очень мало. У пермяков имеется пчеловодство, до недавнего времени бортное, теперь пасечное.

Кустарно-ремесленных производств в развитом виде у коми нет, особенно у пермяков. Было домашнее женское прядение и тканье, вязание из шерсти, примитивное ручное гончарство «налепом». Зато развиты отхожие промысла. Сейчас выросла крупная социалистическая промышленность—лесная, каменноугольная (Воркута), нефтяная (Ухта).

Материальная культура. Характер расселения и типы жилищ коми-зырян и коми-пермяков те же, как у русских. Живут они

главным образом по берегам рек. Если посмотреть на карту расселения, то можно видеть, что поселения коми тянутся по берегам рек Вычегды, Выми, Сысолы и других. Но пермяцкие селения, обычно небольшие, располагаются и на водоразделах. Деревни чаще вытянуты в одну линию вдоль течения реки, на высоком берегу ее, хотя встречаются и поселения разбросанного плана.

Городов прежде в крае почти не было. Но теперь они появились и быстро растут. Помимо столицы республики Коми — Сыктывкара, ставшего большим благоустроенным городом, выросли совсем новые промышленные города: Воркута, Печора, Ухта.

Тип жилищ мало отличается от типа севернорусских построек. Большие, на р. Ижме даже двухэтажные дома, так называемые керки, в основном трехкамерного плана; встречаются, как местная особенность постройки из двух-трех неплотно прилегающих друг к другу срубов. До недавнего времени сохранялись такие архаические черты, как топка по-черному и волоковые окна. Старинной особенностью можно считать также пологие односкатные крыши.

В одежде тоже мало такого, что отличало бы коми от севернорусского населения. Сохранились следы древнего туникообразного покроя женской рубахи, но теперь преобладает северновеликорусская рубаха с прямыми поликами. Женские сарафаны (шушун) и кокошники, мужские холщовые штаны, армяки, как у русских. Характерна мужская верхняя глухая одежда—холщовый «шабур», но и она встречается и у русских. Есть только одна вполне самобытная принадлежность мужского костюма коми: это верхняя охотничья одежда, так называемый «лаз» (у северных пермяков «лузан», у южных нет этой одежды). Он представляет собой продолговатый прямоугольный кусок холста или сукна, обшитый по краям мягкой кожей, с проделанным посередине отверстием для головы. Лаз закрывает спину и грудь до пояса, к которому привязываются углы этой одежды. Характерны также чулки, вязанные из цветной шерсти с геометрическим орнаментом. В них заправляют штаны. Наконец, своеобразная мужская обувь—кожаные туфли — «коты», высокие охотничьи кожаные сапоги—«бахилы», а также валяные—«катанки».

Северные коми, соседи ненцев, заимствовали у них их арктическую меховую одежду, малицу и совик; совик есть и у северных коми-пермяков.

Охотник-коми (колхоз «Вепр», Сысольского р-на, Коми АССР)

Культурная общность коми с русскими объясняется прежде всего глубоким прогрессивным влиянием русской культуры: ведь новгородская колонизация Пермского края началась еще с XI в., а с XV в. приняла широкие размеры.

Исторические особенности общественного быта. В общественном быту коми было мало отличий от русских. Сохранялась до недавнего времени большая семья, свойственная и северному русскому населению. В недавнем прошлом бытовали своеобразные патронимии: это группы родственных семей-однофамильцев («котыр», у коми-пермяков «увтыр»), именовавшихся по родоначальнику, имевших свои охотничьи угодья и даже соблюдавшие обычай экзогамии.

В эпоху формирования Русского государства зыряне и пермяки, как и русское население северных лесов, попали в положение эксплуатируемых крестьян. Собственных феодалов ни у той, ни у другой из групп народа коми не было, а если и были, то они слились с русским служилым сословием. Помещичье землевладение у зырян отсутствовало. Зыряне принадлежали к числу государственных крестьян. Что касается пермяков, то значи-

тельная часть их с половины XVI в. оказалась крепостными фамилии Строгановых, которым правительство Ивана Грозного пожаловало земли по Верхней Каме. За графами Строгановыми пермяки, по крайней мере Иньвенские, и числились до самой крестьянской реформы.

Зато развитие торговых отношений внесло значительную дифференциацию в экономику коми, в особенности коми-зырян. Развитие торговли, отхожих промыслов, связанных с торговлей, благоприятствовало появлению сильной зырянской буржуазии. Последняя проявляла необычайную энергию по эксплуатации и ограблению не только своих малоимущих земляков, но и окружающего русского населения, а еще больше ненецкого и далее за Урал—остяцкого и вогульского населения. Именно из этой зырянской буржуазии и состояли в значительной мере те группы новых поселенцев на берегах Печоры и Ижмы, которые появились там в XVIII в. Среди ижемцев было много кулаков, которые занимались хищническим оленеводческим хозяйством, а также и торговлей. В коми-пермяцкой деревне тоже выделялось кулачество.

Религиозные пережитки. В области религиозных верований сказывалась исконная общность с севернорусским населением. Как коми-зыряне, так и коми-пермяки были рано обращены в христианство: зыряне при Стефане Пермском (последние десятилетия XIV в.), пермяки—в XV в.

Однако под официальным православием у коми-зырян и коми-пермяков и до наших дней сохранялись довольно сильные пережитки веры в разных духов, леших (вӧрса), водяных (васа, куль), домовых, «суседок» и т. д. Но образы этих духов, а иногда даже их имена почти те же, что и у русского населения. Можно назвать только один мифологический образ, который является чисто зырянским—это Орт, личный дух-покровитель, который имеется у каждого человека; появление Орта предвещает смерть человека. Самое название и культ этого духа характерны для коми.

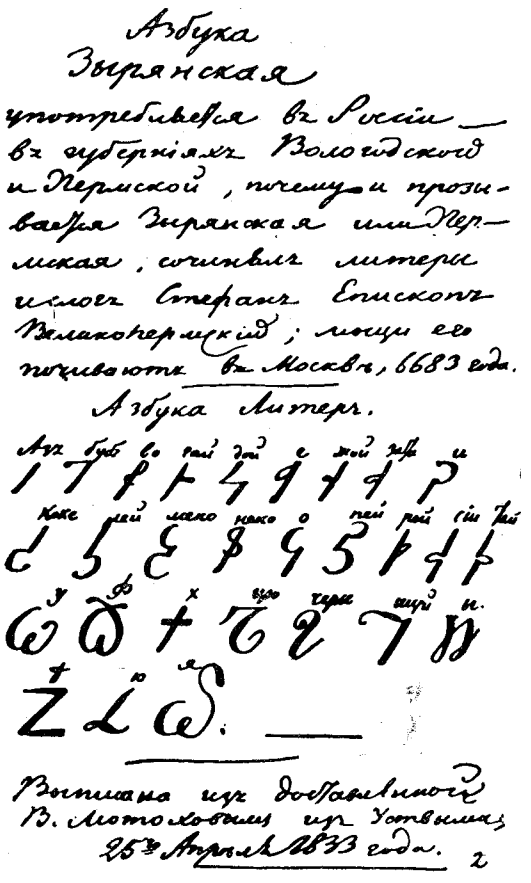
Помимо этого, была сильно развита вера в колдовство, в особенности в охотничью магию. Верили также в так называемую «шева», которую представляли себе в виде материального предмета, попадающего в тело человека и вызывающего, в частности, кликушество. Колдуны нередко становились во главе охотничьих артелей. Между последними тогда устраивались своеобразные магические состязания: сбить соперников с пути и не дать им добычи.

Фольклор и народное искусство. Культурная близость коми к русским особенно бросается в глаза в области фольклора. Он у коми довольно богат; в нем есть и сказания о древнем, вымершем «чудском» народе, жившем в землянках; и сказания (у коми-пермяков) о богатырях Пере, Пеле и других, видимо, исторических личностях. Но особенно богат и разнообразен сказочный фольклор,—и как раз сюжеты сказок очень близки к русским. Больше всего сказок о животных; много волшебных сказок—о колдунах, о леших, водяных и пр., о бабе-яге (йома); много и бытовых сказок-новелл, где высмеиваются и осуждаются богачи, цари, попы. Однако даже сюжеты и мотивы, явно заимствованные от русских, по-своему творчески переработаны.

В изобразительном искусстве коми обращают на себя внимание традиции старинной деревянной резьбы и пластики. Они отразились в своеобразном стиле церковной скульптуры Пермского края, где видны следы совсем не христианского искусства. Об этой скульптуре писал А. В. Луначарский[1]. Ин-

[1] А. В. Луначарский. Пермские боги, «Искусство», № 5, 1928.

Мотоховский список древнепермской азбуки

тересно отметить, что крупнейший русский архитектор А. Н. Воронихин (1760—1814 гг.), строитель Казанского собора в Ленинграде, был родом из Пермского края и по матери пермяк. Своеобразно также узорное тканье с орнаментом геометрического стиля.

Пионером нового развития коми-пермяцкого искусства—уже в советскую эпоху—был национальный художник-искусствовед П. И. Субботин-Пермяк (1886—1923). Он много сделал для возрождения и развития народного изобразительного искусства.

Давнее общение с русским дало народу коми своеобразную письменность. Стефан Пермский составил для зырян особый алфавит, который долгое время—до XVII в.—был в употреблении; интересно, что этой «пермской» письменностью пользовались иногда и в Москве. На старинных иконах встречаются надписи этим алфавитом. Теперь коми пользуются русской графикой. При Советской власти у них развивается своя литература.

Культурное развитие народа коми вообще сделало огромные успехи. В Республике Коми работают два института, 13 техникумов и 678 школ. Создан филиал Академии наук СССР (с 1949 г.), где многие из научных сотрудников принадлежат к местному национальному населению.

НАРОДЫ ВОЛГО-КАМЬЯ

1. МОРДВА, МАРИЙЦЫ И УДМУРТЫ

Среднее Поволжье, или Волго-Камский край, включаясь в Восточно-Европейскую область, занимает в ней в то же время особое положение. Оно расположено на периферии Восточно-Европейской области и соприкасается с другими культурно-историческими провинциями, составляя как бы переход к ним: на юго-востоке—к степным кочевым культурам Средней Азии, на востоке и северо-востоке—к западносибирской таежно-охотничьей культурной области. В культурно-бытовом укладе некоторых народов Поволжья сказываются следы примеси этих смежных культурных типов.

В целом, таким образом, народы Поволжья характеризуются сочетанием культурных элементов разного происхождения при преобладании, однако, оседло-земледельческой восточно-европейской культуры, исторически близкой к культуре славянских народов.

Народы Поволжья распадаются по языковому признаку на две основные группы: восточнофинскую и тюркскую. В первую входят три крупных народа, каждый из которых имеет в настоящее время свою автономную республику: 1) мордва, 2) марийцы и 3) удмурты. Тюркская группа состоит тоже из трех народов: 1) татары казанские, или волжско-камские; 2) башкиры; 3) чуваши. Эти три народа тоже имеют свои автономные республики. Особняком стоят монголоязычные калмыки в низовьях Волги.

Народы Поволжья имеют в значительной части общие исторические судьбы, они—за исключением калмыков—в течение долгого времени жили вместе, и культура их во многом сходна.

Народы так называемой восточнофинской (волжскофинской) группы составляют более древний этнический слой в Поволжье. Эти три народа: мордва, марийцы (черемисы) и удмурты (вотяки),—по своей культуре и по происхождению образуют довольно однородную группу, которую можно поэтому рассматривать вместе.

Здесь необходима, однако, оговорка. Новейшие исследования советских лингвистов показывают, что с чисто языковой точки зрения три названных народа не составляют четко очерченной группы внутри финской, или угро-финской, семьи; напротив, удмуртский язык входит вместе с языком коми в пермскую ветвь этой семьи, а марийский и два мордовские языка, которые некоторые причисляют к собственно «волжско-финской» группе, не обнаруживают между собой особенно близкого родства. Поэтому надо иметь в виду, что, говоря о «восточнофинских» народах, мы имеем перед собой не языковую, а чисто этнографическую общность.

Мордва, или мордовцы,—самый крупный по численности из этих народов и второй (после татар) из всех народов Поволжья: мордовцев насчитывается около 1 млн. 450 тыс.; удмуртов—около 606 тыс. и марийцев свыше 480 тыс. (1939 г.).

Мордва занимает в основном территорию Мордовской АССР. Но в результате всей предшествующей истории, вследствие колонизаторской политики царизма, расселение мордвы в настоящее время далеко не компактное. Народ этот расселен на обширной территории среди русских, а частью и вперемежку с другими национальностями. Занимая издавна очень значительную площадь правобережья Волги, в бассейнах Мокши и Суры, мордовцы уже в XVII—XVIII вв. проникли и в Заволжье; значительные поселения мордвы появились и в Сибири. Благодаря этой особенности своего расселения, мордва позже других народов Поволжья получила свое автономное устройство. Мордовская автономная область образована только в 1930 г., а Мордовская АССР только в 1934 г.

Мордва не представляет собой в то же время и этнически единой группы. В настоящее время этот народ делится на две подгруппы—мордва-эрзя и мордва-мокша. Географически те и другие не резко разграничены, но мокша расселена в общем западнее—в бассейне р. Мокши, а эрзя восточнее, в бассейне р. Суры. Примерной границей между обеими группами служит река Инсар, приток р. Алатыря, текущая вдоль железной дороги Рузаевка—Арзамас. Различие между мокшей и эрзей прежде всего языковое: мокшанский и эрзянский—два совершенно особых языка, хотя, конечно, и родственных, но настолько различных, что взаимное понимание друг друга затруднительно. Кроме языка, мокша и эрзя кое в чем различаются и по культуре и обычаям[1].

Помимо этих двух групп мордовского населения, есть еще два подразделения, в настоящее время утратившие национальную самобытность и ассимилировавшиеся с другими народностями. Первое из них—терюхане—небольшая группа мордовских деревень в Горьковской области, совершенно обрусевшая. Другого языка, кроме русского, терюхане не знают, хотя по отдельным нерусским словам, употребляющимся в их речи, можно видеть, что прежде они говорили языком, близким к эрзянскому. Но в их материальной культуре сохранились своеобразные особенности, притом очень архаичные (М. Т. Маркелов и С. П. Толстов). Второй группой, утратившей национальную самобытность, являются мордва-каратаи (в Татарской АССР), совершенно отатарившиеся.

Марийцы (мари), прежде называвшиеся черемисами, делятся тоже на две языковые и три географические группы. Они делятся прежде всего на горных и луговых. Те и другие вместе занимают территорию Марийской АССР. Большая часть этой республики расположена за Волгой на левом низменном ее берегу, между реками Ветлугой и Вяткой; здесь живут луговые марийцы. А меньшая часть занимает небольшой уголок на правом горном берегу Волги в треугольнике между устьем Суры и самой Волгой: это горные марийцы. Между этими двумя группами существует значительное различие в языке, так что некоторое время литература издавалась отдельно на горно-марийском и на луговом марийском наречии. И существует еще третья, географически обособленная, восточная группа марийского населения, в низовьях р. Белой (с XVIII в.). По языку—это те же луговые марийцы, но в культуре и быту они подвергались сильному влиянию своих соседей—татар и башкир.

Третий народ—удмурты (прежнее название вотяки), коренное население Удмуртской АССР в бассейне Камы и Вятки, между нижними течениями этих рек. В этническом отношении они представляют однородное целое, хотя и сохранились следы деления на две географические группы: северных—«вятка» и южных—«калмез». Но к удмуртам примыкает особая этническая группа—бесермяне. Бесермяне, живущие в северной части Удмуртской АССР по р. Чепце (бывш. Глазовский уезд) и говорящие по-удмуртски, представляют собой, по-видимому, смешанную группу, в формировании которой участвовали и татарские элементы. В своей культуре, особенно в костюме, бесермяне проявляют ряд своеобразных, притом архаичных особенностей. О происхождении их имеются разные взгляды; но большинство считает их обудмуртившимися болгарами (Золотницкий, А. А. Спицын, И. Н. Смирнов), и, действительно, как показали исследования советского времени (В. Н. Белицер), наличие здесь древнеболгарского культурного слоя

[1] Среди мордвы-эрзи иногда выделяют небольшую группу «шокша», живущую в Теньгушевском районе и отличающуюся некоторыми особенностями в костюме и пр., что вызвано влиянием мокши. Однако считать шокшу самостоятельным этническим подразделением мордвы нельзя.

весьма вероятно. В целом они все же очень близки к удмуртам, с которыми живут смешанно и в настоящее время почти слились с ними.

Этногенез и исторические сведения. Вопрос о происхождении финноязычных и других народов Волго-Камья в настоящее время прояснился благодаря работам советских археологов и лингвистов, частью и этнографов. Судя по всему, перед нами—потомки древнейших насельников лесостепной и лесной полосы Восточно-Европейской равнины. По мнению многих современных лингвистов, именно бассейн Оки, Верхней и Средней Волги был первоначальным ареалом формирования угро-финских языков, откуда они позже распространились более широко на запад и северо-запад. На это указывают данные топонимики.

Предки угро-финнов были, вероятно, носителями известной неолитической культуры «ямочно-зубчатой» («ямочно-гребенчатой») керамики. В последней новейшими археологическими исследованиями выделено несколько групп: окско-верхневолжская, урало-камская и др., каждая из которых в свою очередь распадалась на локальные «культуры», вероятно, соответствовавшие каким-то племенным объединениям. Впоследствии, в эпоху бронзы, на Оке и Средней Волге выделяются «Рязанская», «Волосовская», «Балахнинская» и другие культуры; позже—в эпоху раннего железа—«Городецкая» культура, существовавшая до первых веков н. э. Племена, создававшие эти культуры,—охотничьи, потом скотоводческие и земледельческие—были, видимо, предками позднейшей мордвы либо родственны ей. В течение 1-го тысячелетия н. э., особенно к концу его, в бассейне Средней и Нижней Оки выделяются уже группы памятников (могильников), которые, судя по инвентарю, непосредственно связаны с мордвой. Эти памятники делятся на 5 географических групп: цнинскую, верхне-сурскую, нижне-сурскую, окско-муромскую и окско-рязанскую. При этом одни исследователи (В. В. Гольмстен, Е. И. Горюнова) считают все эти памятники чисто мордовскими, другие (А. П. Смирнов, А. Е. Алихова) отделяют последние две группы от собственно мордовских памятников, приписывая их другим, хотя и родственным племенам. Как бы то ни было, бесспорно, что мордовские (и близко родственные им) племена занимали еще в первом тысячелетии н. э. значительно более широкую область, чем теперь, и область эта особенно далеко простиралась на запад.

О более широком на запад расселении предков мордвы свидетельствует и топонимика (например, р. Мордвес, приток р. Осетра, впадающей в Оку, речка Мордовка под Алексином в Тульской обл., Мордосы—рукав Днепра в Черниговской обл.), и данные собственно языка: отмечается, что в мокшанском и эрзянском языках есть заимствования из литовских языков.

В бассейне Камы в эпоху раннего железа известна «Ананьинская» культура (VII—II вв. до н. э.); носителями ее были охотничье-земледельческие лесные племена, по физическому типу—монголоидные. Ананьинская культура была сменена «Пьяноборской» (II в. до н. э.—V в. н. э.), позже—«Ломоватовской» (VII—IX вв.) и «Родановской» (X—XIV вв.), где постепенно возрастал удельный вес земледелия и постепенно усиливались культурные связи со степным югом.

Археологи отмечают интересный факт: примерно с IX в. начинают обнаруживаться, в пределах прежде однородной культурной области в бассейне Камы, локальные особенности в формах культуры, например в женских украшениях. Можно думать, что это связано с обособлением этнических групп—предков мари, удмуртов, коми-пермяков.

Письменные известия о марийцах и мордве появляются в довольно ранних источниках: готский историк Иордан (VI в.) перечисляет племена, платившие дань готскому Эрманариху, и в числе этих племен упоминаются племена Mordens—очевидно, мордва, Merens—т. е., вероятно, марийцы, Imniscaris или Sremniscans—черемисы. У Константина Порфирогенета упоминается «Мордиа» (Μόρδια), очевидно, название мордвы. В известном письме хазарского царя Иосифа (X в.), в перечне племен, платящих ему дань, фигурируют племена ц-р-мис (черемисы) и арису (очевидно, мордва-эрзя). Однако этот перечень имеется лишь в так называемой пространной редакции письма, которая многими признается неподлинной. В русской Начальной летописи находим упоминание о мордве и о черемисах. У арабских авторов X—XIII вв. марийцы упоминаются под именем цармис (=черемисы). Мордва арабским писателям неизвестна. Но некоторые историки считают, что упоминаемая арабами (Ибн-Хаукаль) «Артания»—один из трех центров Руси, о местонахождении которого столько спорят,—это та же эрзя, т. е. мордва.

В русских летописях и актах сведения о мордве и о черемисах (мари) идут непре-

рывной цепью с XI—XII столетий и позже, вплоть до нашего времени.

Удмурты до конца XV в. были известны под наименованием «аряне», встречающимся иногда в русских источниках. И позже в XVI в. в летописях упоминаются «Арские князья», а татары и сейчас называют удмуртов словом «ар». По-видимому, это—один из этнических терминов, связанный с удмуртами. Под названием вотяков удмурты начинают фигурировать с конца XV в. Вообще русские познакомились с ними сравнительно поздно.

Исчезнувшие народности: меря, мурома, мещера, буртасы. Вопрос о происхождении народов Волго-Камья несколько осложняется тем, что на территории их обитания или в соседних областях в прошлом жили народы, ныне исчезнувшие, отношение которых к современным народам недостаточно выяснено. Если оставить в стороне народы древнего мира (будинов, андрофагов, меланхленов, тиссагетов и др.), о которых трудно сказать что-либо положительное, то для нас интересны прежде всего четыре народа: меря, мурома, мещера и буртасы.

Народ или племя «меря» упоминается Киевской Начальной летописью и локализуется в Окско-Волжском междуречье, в районе Ростовского и Клещина озер, т. е. там, где сейчас чисто русское население. Однако уже давно высказывалась мысль, что меря—это предки мари (черемис). В пользу этого взгляда говорит сходство названий меря—мари, и то обстоятельство, что трудно допустить бесследное исчезновение целого, видимо, многочисленного народа. На это возражают обычно, что область расселения древней мери далека от территории теперешних мари, что археологические памятники тех и других несходны и что в летописи упоминаются рядом с мерей и «черемисы»—явные предки марийцев. Но новейшие археологические исследования (О. Н. Бадера) показывают, что уже в первые века н. э. имела место частичная подвижка населения с запада на восток, из Переяславско-Ростовской области на Унжу и Ветлугу, в область, ныне населенную марийцами, и что, таким образом, участие древней мери в формировании марийской народности вполне вероятно[1]. Быть может, меря и черемись летописи (соотв. Merens и Sremniscans Иордана) были близко родственными друг другу народами, потомками которых можно считать две группы современных мари—горных и луговых. Оставшаяся на старых местах часть мери была позже ославянена и вошла в состав русского народа.

Мурома упоминается Начальной летописью, как самостоятельное племя, которое жило на Нижней Оке, в районе теперешнего Мурома. Археологические памятники (могильники) VI—XI вв. в этом районе обнаруживают в самом деле своеобразную культуру. Но уже с XI в. упоминания об особом племени «мурома» исчезают из летописей, и с этого времени Муромский край—совершенно русский (славянский), и по письменным известиям и по археологическим памятникам.

Поэтому некоторые исследователи считают, что такого особого народа вообще и не было и что «мурома» составляла лишь часть мордвы, название же «мурома» есть домысел летописца, который из чисто географического названия сделал задним числом этническое. Вернее, однако, что мурома составляла самостоятельную, хотя и родственную мордве народность (А. Е. Алихова), позже обрусевшую, а может быть, влившуюся частью в состав мордвы-мокши.

Что касается мещеры,—вопрос о ней сложнее, и мнения о ней очень противоречивы. «Мещерским краем» («Мещерой») и сейчас называется низменная, лесистая и болотистая северная часть Рязанской области и прилегающая юго-восточная часть Московской области. В 1-м тысячелетии н. э. здесь локализуется особый тип археологических памятников, но вопрос об их этнической принадлежности вызывает споры. Мещера как особое племя не упоминается в «Повести временных лет» при перечислении племен Восточно-Европейской равнины; имя это появляется только в позднейших летописных текстах (Никоновская летопись и др.). В настоящее время в Мещерском краю—чисто русское население (см. выше, стр. 30). Некоторые исследователи (как Б. А. Куфтин) склонны вообще отрицать существование такого особого народа в прошлом. Однако, помимо археологических памятников и летописных (хотя бы и поздних) известий, от древней мещеры осталось множество топонимических названий в Рязанской, Тульской, Московской, Владимирской, Пензенской и других областях (Мещерка, Мещерское, Мещерино и пр.). Если часть мещеры впоследствии обрусела, то часть ассимилировалась с другими народами. Остатки мещеры прослеживаются, например, среди чувашей (жители нескольких чувашских деревень по р. Кубне известны под названием «мижерь»). Среди татар, как будет рассказано позже, есть крупная обособленная группа «мишарей». Судя по всему, древняя мещера была финноязычной либо угроязычной народностью; не исключена возможность, что этот этноним связан с самоназванием венгров—«мадьяр», ибо предки венгров жили до IX в. в южной Руси.

Наконец, о буртасах имеются известия главным образом у арабских писателей X—XI вв. Они помещают землю буртасов между Хозарией и Булгарией, т. е. примерно в бассейнах Хопра и Медведицы. Буртасы разводили скот, в том числе верблюдов, но имели и пашни и промышляли охотой. О буртасах сообщает также хазарский царь Иосиф. О них много упоминаний—вплоть до XVII в.—в русских летописях и документах. Кто были эти буртасы, каково их отношение к современным народам? Об этом до сих пор имеются разные взгляды. Большинство исследователей (из советских ученых—В. В. Гольмстен, А. П. Смирнов, П. Д. Степанов) отождествляет буртасов с мордвой-мокшей. Другие (А. И. Попов, А. Е. Алихова) отрицают это. Некоторые прежние исследователи (Сбоев, Риттих) считали буртасов предками чувашей. Наиболее вероятно, что буртасы составляли особую народность (финноязычную или тюркоязычную, трудно сказать), которая впоследствии ассимилировалась частью с мордвой, частью с чувашами. Археологические памятники буртасов

[1] Существует, впрочем, и обратное предположение. Археолог Е. И. Горюнова полагает, что около IX—X вв. имело место передвижение племен с востока, из бассейна Камы, на запад, и что именно так меря и попала в Ростовско-Суздальскую землю. Она приписывает мере, повторяя старую гипотезу Европеуса, не финское, а угорское происхождение (1952).

Общий вид удмуртской деревни

не выделены, но буртасская топонимика довольно густо встречается и в Мордовской и в Чувашской АССР.

Хозяйство. Окидывая общим взглядом хозяйственный строй и культуру этих народов, можно отметить общую картину постепенного убывания элементов, связанных с земледелием, по мере продвижения с юго-запада на северо-восток. Основу хозяйства этих трех народов издавна составляет земледелие, но у мордвы оно является решительно преобладающим занятием, а у других двух народов к нему примешиваются неземледельческие занятия.

Земледельческое хозяйство восточных финнов мало отличалось от земледелия восточнославянских народов. Здесь применялись те же в основном орудия и та же техника, выращивались те же культуры. В лесной полосе до XIX в. сохранялась старинная подсечная система. Но уже к этому времени—а у мордвы еще с XVII в.—господствовало трехполье. Пахали русской двузубой сохой; у удмуртов была известна ее разновидность, «вотская соха», с горизонтально расположенными сошниками, наподобие полоза. Употреблялся и татарский сабан с колесным передком. Масса крестьянского населения страдала от малоземелья: в лесистом Заволжье удобной земли было вообще мало, на Правобережье, в Мордовском крае лучшая земля была захвачена помещиками. Беднота часто не имела и рабочего скота: например, в начале XX в. среди мордовских крестьянских хозяйств около трети было безлошадных.

В настоящее время в колхозах Мордовской, Марийской и Удмуртской республик отсталость сельского хозяйства ликвидирована. Вводится передовая агротехника. Распространяются новые культуры. Очень крупное значение наряду с зерновыми приобрели технические культуры, особенно лен и конопля.

Мелкая крестьянская промышленность развивалась в эпоху капитализма главным образом вследствие крайнего малоземелья сельского населения: крестьяне-бедняки вынуждены были обращаться к неземледельческим занятиям. Они особенно распространены были в лесной полосе. Помимо древних лесных промыслов, охоты, бортного пчеловодства, изготовления домашней утвари, здесь развились товарные промыслы: рогожный, лапотный, бондарный, смолокуренный, древесного угля и пр. Среди мордвы было много «кустарей» и других специальностей: ткачи, кожевники, валяльщики и пр. В конце XIX в. таких кустарей были многие тысячи. Они находились в кабальной зависимости от скупщиков, заводчиков и вели нищенскую жизнь.

В наши годы мелкая кустарная промышленность успешно развивается в социалистических формах, больше всего на основе ог-

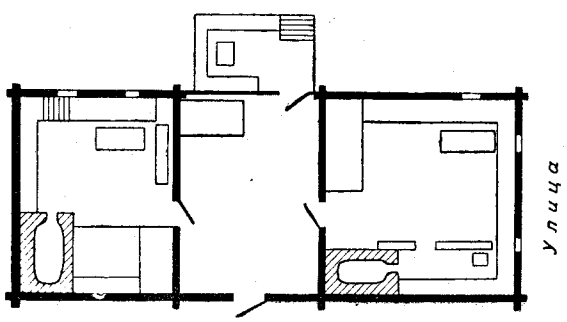

Дом марийского крестьянина

ромных лесных богатств Поволжья. Ассортимент изделий несравненно более разнообразен: изготовляется и производственный инвентарь для колхоза, и различные предметы потребления колхозников и городского населения, мебель, музыкальные инструменты и пр.

В крупную промышленность местное национальное население в прошлом вовлекалось слабо, даже там, где были старые промышленные центры. Забитые и бесправные крестьяне боялись города. Сейчас в новой социалистической промышленности занято немало удмуртов, марийцев, мордовцев.

План мордовского дома (д. Каргашено, Тамбовской обл.)

Поселения и постройки. Обе традиционные формы хозяйства, и земледелие и лесные промысла, тесно связаны с оседлым образом жизни. Каких-нибудь кочевнических элементов у народов восточнофинской группы совершенно нет. Это проявляется и в характерных типах поселений и жилищ. Здесь существуют в основном те же формы поселения и построек, которые характерны для русских. Старые поселения располагались кучевым или беспорядочным планом, без определенного порядка расположения домов. Приблизительно с середины XIX в. деревни начали перестраивать, по требованию властей, по уличному (линейному) плану. Преобладают срубные постройки типа русской избы, но с некоторыми характерными особенностями. У мордвы такой особенностью прежде было, например, расположение жилых и хозяйственных помещений в глубине усадьбы, обнесенной изгородью со всех сторон. У удмуртов—«покоеобразное» (в виде П) расположение построек.

Если дом выходит на улицу, то выходит торцовой, или фронтонной, стороной, т. е. так же, как у северных великорусов. Но мордовские дома до середины XIX в. ставились на улицу длинным фасадом, как это характерно для южновеликорусских построек. План жилой постройки преобладает двухкамерный:

жилое помещение и сени. У мордвы уже в XIX в. распространился и трехкамерный план, с пристроенной клетью.

Внутреннее расположение избы напоминает чаще средневеликорусский план: печь у входа, устьем повернутая к противоположной стене. Но у мордвы-мокши встречается и печь у стены, противоположной входу и устьем к входу (как местами у южновеликорусов). В связи с этим бросается в глаза такая особенность внешнего вида дома: на фронтонной стороне окно не посередине стены, а сбоку. У мари и у удмуртов встречается комбинация русской печи и плиты с вмазанным котлом, вероятно, под татарским влиянием. Хозяйственные помещения вынесены отдельно. Здесь нет соединения под одной крышей избы и клети, а также скотного двора.

У удмуртов и марийцев описаны и более архаичные формы построек, однако того же рубного типа. У марийцев это «кудо», служащая обычно летней кухней, а также летним жильем. Это примитивный однокамерный сруб, без пола и потолка, с двускатной кровлей, выступающей с фронтонной стороны в виде навеса. Посредине устраивается очаг с подвесным котлом.

У удмуртов на усадьбе непременно строилась однокамерная клеть—кенос. Еще недавно соблюдалась традиция сооружения на дворе особой культовой постройки: это куа, или куала. Она в последнее время обычно использовалась в качестве летней кухни, но прежнее назначение куалы—хранение родовых и семейных святынь. Это срубная постройка примитивной конструкции с очагом посередине, без окон.

У тех же удмуртов сохранились воспоминания о бытовавших в глубокой древности землянках и полуземлянках.

Из хозяйственных сооружений очень интересен примитивный овин, так называемый «шиш», служивший для сушки хлеба в снопах. Шиш представлял собой конус из жердей над ямой, где раскладывался огонь; конус обкладывался снопами, которые подсушивались дымом.

При колхозном строе меняется и лицо деревни. Выросли новые общественные здания, школы, хозяйственные постройки, и, хотя бы они располагались на краю деревни, они скоро становятся ее центром, ибо новые жилые дома начинают строиться вокруг этих общественных сооружений: так меняется и план деревни. Усадьбы изменяют свой вид; хозяйственных построек в них меньше. У удмуртов исчезает кенос (заменяясь кладовой в сенях),

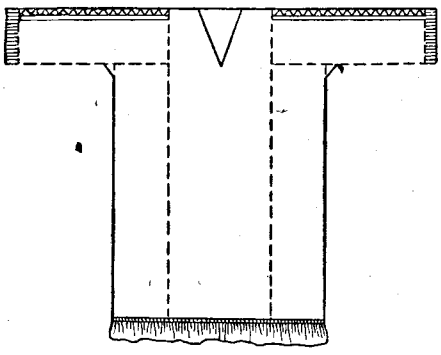

Марийский девичий костюм (2-ая половина XIX в.)

но есть стремление сохранить П-образную застройку усадьбы. Внутренняя обстановка жилья получила более культурный облик. Стены часто оклеиваются обоями, полы, лавки красятся. Появилась городская обстановка.

Одежда. Из других элементов материальной культуры особенно самобытен у этих народов костюм. Он до настоящего времени сохранил свои национальные особенности, прежде всего у женщин.

Общие особенности женского костюма восточнофинских народов примерно одни и те же. Мало того, те же основные особенности находим и у чувашей, а отчасти у татар и башкир. Но наряду с этим у каждой народности и даже у отдельных географических и племенных групп имеются свои, неповторимые особенности костюма. Например, костюм мордвы, эрзи и мокши отличается друг от друга. Один из исследователей мордвы, казанский профессор И. Н. Смирнов, установил наличие 6 разных типов костюма, по три у эрзи и у мокши. У удмуртов В. Н. Белицер

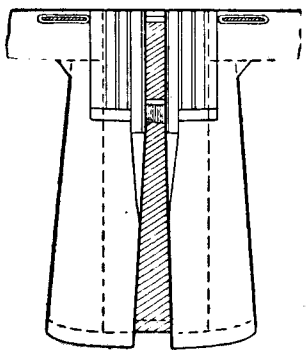

Покрой женской рубахи «дэрэм» удмуртов

обнаружила бытование двух основных комплексов женского костюма—северного, более архаичного и, в частности, близкого к костюму луговых марийцев, и южного, испытавшего на себе больше позднейших татарских влияний; кроме того, выделяются особые разновидности костюма: более поздний тип центральных районов и особняком стоящий, с характерными архаичными чертами костюм бесермян. Все эти типы трудно подробно описать. Коснемся только основных особенностей костюма волжско-финских народов.

В основе женского костюма у всех народов Поволжья лежит рубашка (у мордвы она называется панар, у мари—тувыр, у удмуртов—дэрем) классического туникообразного покроя. Эта рубашка являлась не только нижней одеждой, но в то же время и выходной. Она богато орнаментирована вышивкой и аппликациями, причем эта вышивка является у разных народов весьма изменчивым элементом. Различаются рубашки также и по способу ношения. Эрзянские женщины носили рубашку длинную почти до пят, не подпоясывая ее. Мокшанки же подпоясывали и подтягивали рубашку, так что она свисала складками. Некоторые различия касаются расположения вышивок: на груди, на подоле, на плечах, рукавах и т. д. Обычно поверх рубашки надевались другие части костюма: в частности, у мордвы-мокши распашное платье—руця, повторяющее покрой рубашки, но с разрезом спереди. Таков же покрой удмуртского «шортдэрема». У южных удмуртов характерен «зыбын» кафтанообразного покроя с узкой талией и «камзол» такого же покроя, но без рукавов; камзол и другие сходные формы одежды, очевидно, татарского происхождения.

Покрой женской верхней одежды «шортдэрэм» удмуртов

Женские штаны бытовали у всех народностей Поволжья, за исключением мордвы-эрзи. Женские штаны связаны по происхождению с кочевнической и с северной таежной культурой, земледельческие европейские народы их не знали. Отсутствие этого элемента одежды у эрзи очень интересно для выяснения происхождения этой народности.

Обувью служили лыковые лапти, особого прямого (у мордвы косого, как у великорусов) плетения. Под лаптями ноги обертывались онучами. Особенно тщательно бинтовали ноги онучами и шнурками мордовские женщины.

Весьма оригинальны головные уборы: у девушек—различные повязки, накосники, в прошлом—также полусферическая шапочка «тахья». Замужние женщины всегда закрывали тщательно всю голову и волосы. Здесь существовало крайнее разнообразие типов. Характерен мешкообразный, или шлыкообразный, тип головного убора у мордвы-мокши с длинным назатыльником. У марийцев бытовал шишкообразный конический головной убор на голове, «тюрик», или «шимакш». Он состоит из твердого основания в виде конуса или воронки из бересты, сверху надевалась ткань с вышивкой.

У мордвы можно отметить тип головного убора, который известен был также у южных великорусов—своеобразную двурогую «сороку»; она образована путем соединения двух полотенец.

Описана еще одна разновидность головного убора замужней женщины, которая бытовала прежде у марийцев (шурка) и у удмуртов (айшон). Это высокий цилиндрический головной убор из ткани на твердой кожаной или берестяной основе, который обшивается монетами и другими подвесками. Предполагают, что он восходит к древним скифо-сарматским традициям.

Характерной особенностью всех головных уборов и костюмов является обильное при-

Девушка-удмуртка в национальном костюме и «тахье» (головной убор) (фото 1925 г.)

Девушка-бесермянка (фото 1930 г.)

менение разных по преимуществу металлических подвесок, монет, блях, а также бисера, раковин и т. д.

Из украшений следует отметить очень любопытный предмет, который встречался только в костюме мордвы-эрзи. Это своеобразный назадник, носимый на поясе, из ткани с тяжелыми подвесками, «пулагай», или «пулай». Это пережиток какой-то очень архаической формы женской поясной одежды, превратившейся в украшение.

Мужской костюм не особенно характерен; он мало отличался от русского костюма и, сверх того, в настоящее время вытеснен городской одеждой. Носили туникообразную рубаху, чаще с косым воротом; штаны, частью русского покроя, частью восточные, с широким шагом; армяк, застегивающийся на левую сторону, из домотканого сукна, из сермяги; затем головной убор в виде войлочной шапки или шляпы; на ногах лапти с онучами. У марийцев этот костюм был обычно белого цвета,как было в старину и у удмуртов.

В настоящее время женский национальный костюм сохранился не везде одинаково. Например, у северных удмуртов он почти вышел из быта и заменен городской одеждой. Южные же удмурты, бесермяне и мари сохраняют женский национальный костюм и в наши дни более прочно. Среди мордвы—мокшанские женщины гораздо более стойко сохраняют национальный костюм, чем эрзянки, у которых он бытует теперь только в немногих деревнях. Но шьют одежду больше не из самодельных, а из покупных тканей. В выборе их очень сильно сказывается национальный вкус. Пестрых и ярких тканей почти никто не покупает. Удмуртские женщины предпочитают клетчатую, синюю или других цветов материю, марийские—всегда белую. Покупают и готовые платья, но переделывают их по своему вкусу: например, пришивают снизу цветную оборку, покрывают вышивкой. Марийские девушки носят поверх белых платьев цветные передники. Удмуртские женщины вместо вышивки нашивают на покупное платье ленты.

Эрзянка в национальной одежде с «пулагаем» (середина XIX в.)

Старые типы головных уборов сохранились больше всего у мариек. Удмуртки заменили прежние головные уборы простыми платками. У мордовских женщин употребление головного платка сочетается с некоторыми особенностями причесок.

В последние годы возрождается обычай носить старые украшения. На них иногда нашивают советские монеты, иногда даже медали, полученные сыновьями, мужьями. Вообще есть стремление сохранить и усилить красочность национального костюма.

Исторические особенности общественного быта. В области социальных отношений, как они сложились у восточнофинских народов к моменту Октябрьской революции, можно отметить характерную неравномерность: ряд архаических общественных форм сохранился у удмуртов, несколько меньше у марийцев и еще меньше у мордвы.

У удмуртов почти до наших дней держались пережитки родовых отношений. В удмуртских деревнях сохранялась традиция селиться большими неразделенными семьями, большими усадьбами, в которых было несколько жилых строений, занятых женатыми братьями, ведущими общее хозяйство. Правда, после революции участились разделы, и в настоящее время таких неразделенных усадеб не сохранилось. Родственные семьи, потомки одного родоначальника, составляли род, по-удмуртски—«бёляк» (слово татарского происхождения); каждый род считает себя единым целым; обычно он состоит из 10—15 хозяйств; до недавних лет соблюдалась экзогамия, взаимопомощь сородичей. Еще в конце XIX в. каждый бёляк имел свои родовые земли; родовые кладбища сохраняются и сейчас. По исследованиям А. И. Пинт, несколько бёляков объединялись в более крупную родовую группу—«выжи». Выжи прежде обычно совпадали с деревней, хотя в настоящее время в одной деревне живут члены разных выжи. В отличие от бёляка, выжи не только не экзогамен, но, напротив, эндогамен, браки заключаются обычно внутри него. Но в основном выжи представлял собой только культовый союз. В области культа роды противопоставляли себя один другому. Например, в Мало-Пургинском йоросе (районе) Удмуртии было (1929 г.) 3 больших рода: Можга, Поска и Салья, которые, по крайней мере в области религиозной жизни, держались друг от друга обособленно.

Если выжи составлял лишь культовое объединение, то род—бёляк—держался до начала XX в. и как крепкая социальная единица. Во главе рода стоял совет старейших, «кенеш», который деспотически распоряжался всеми делами рода.

Фактически эта родовая организация выполняла до последнего времени совершенно определенную классовую роль. Дело в том, что рядом с сохранением этих архаических патриархально-родовых форм у удмуртов довольно далеко зашло классовое расслоение. В основной своей массе удмурты составляли

класс государственных крестьян (помещичьих крестьян было очень мало), но экономически эта масса была весьма неоднородна и среди нее выделялись зажиточные, кулацкие группы. Кулаки и стояли фактически во главе «рода» и в руках их целиком находился «кенеш». При помощи его они удерживали в подчинении бедняцкие массы, положение которых при капитализме было крайне тяжелым.

Кенеш сыграл очень крупную и притом отрицательную роль в годы коллективизации и обострения классовой борьбы в удмуртской деревне, превратившись в негласный орган, объединявший контрреволюционные антисоветские элементы. В связи с этим и классовая борьба в эпоху коллективизации приняла в удмуртской деревне несколько своеобразный оттенок. Раскулачиваемые элементы, кулаки и подкулачники, опиравшиеся на кенеш, продолжали оказывать влияние на отсталые слои крестьянства. Когда у кулака отнимали усадьбу, ему строили новую за счет рода. Пережитки этой чрезвычайно вредной, реакционной общественной организации держались в удмуртской деревне до 1930-х годов.

У марийцев эти пережитки родовых связей выступают гораздо в более слабой степени. Еще в конце XIX в. у них, по исследованиям С. К. Кузнецова и И. Н. Смирнова, сохранялись воспоминания о происхождении нескольких территориально близких деревень от одного родоначальника. Сохранился пережиточно термин «кюмуш» («кюмыш»), означающий дословно большую деревянную чашу для коллективных обрядовых угощений, а в переносном смысле—ту группу людей, которая пользовалась этой чашей, т. е. членов расселившегося по разным деревням рода. Этот кюмуш представлял собой когда-то не что иное, как род. Сохранилась память о том, что раньше каждая деревня была населена членами одного рода. Но в настоящее время таких деревень однородового состава нет.

По И. Н. Смирнову, несколько кюмушей объединялось в одну большую группу—«мэр»; но это был лишь культовый союз. Современные исследователи (К. И. Козлова), однако, уже не находят у марийцев даже следов этих кюмушей и мэров.

Большие патриархальные семьи держались местами вплоть до первых лет Советской власти.

Феодальные элементы у марийцев были выражены, как и у удмуртов, слабо.

Удмуртка в «айшоне» (фото 1889 г.)

Когда-то существовали черемисские «мурзы», но после присоединения к России (еще в XVI в.) они вскоре утратили свое влияние, их заменили татарские мурзы или, позже, русские помещики.

Наконец, у мордвы почти не сохранилось пережитков родовых отношений. Общественный строй мордовской деревни до революции почти ничем не отличался от общественного строя южнорусской деревни. Известные архаические формы сохранились только в узкосемейном быту.

У мордвы, особенно у мокши, еще в конце XIX в. встречались, например, большие неразделенные семьи—до 25, даже до 40 человек. Такая семья вела общее «многотягольное» хозяйство. Исследователь юридического быта мордвы В. Н. Майнов сообщает один известный ему (правда, исключительный) случай, когда такая большая семья, состоящая из 50 слишком человек, выезжала пахать в поле с 21 сохой. Во главе большой семьи стоял выборный пожизненно большак «сирэ» (старик) или «кудазыр» (хозяин дома), а рядом с ним его жена в качестве хозяйки. Женщина в семье пользовалась, особенно у мокши,, заметным уважением. Никто в семье не имел своей личной собственности, даже заработанные на стороне деньги вносились в общее хозяйство. Внутрисемейные

Удмурты в рабочих костюмах (фото 1930 г.)

разделы нередко совершались так, что не нарушали общности хозяйства: во дворе усадьбы строились отдельные избы для выделившихся сыновей, но земля оставалась общей, и полевые работы производились совместно.

В семейном быту у мордвы еще недавно держались и некоторые другие архаические формы, в числе которых можно отметить браки людей неравного возраста, обычай выдавать девушку за ребенка; фактически супружеская жизнь начиналась, конечно, только тогда, когда этот «муж» подрастет. В мордовском фольклоре это отразилось в виде любопытных колыбельных песен, которые жена поет над колыбелью своего младенца-мужа.

У мордвы уже в очень раннюю эпоху наметился процесс феодализации. В XII—XIII вв. у мордвы были свои князья, воевавшие с русскими князьями. Наиболее известным из них был мордовский князь Пургас, с которым воевали рязанские и суздальские князья. В летописных известиях говорится о «пургасовой Руси», т. е. о русском населении, подчиненном князю Пургасу. Этот зарождавшийся мордовский феодализм в своем дальнейшем развитии был оборван татарским нашествием и подчинением Золотой Орде, а позже Российскому государству. В результате этих событий слабые мордовские феодальные элементы влились в состав русского дворянства. Основную же массу мордовского населения составляло в XVI—XIX вв. крестьянство; в большинстве это были государственные крестьяне, но были и помещичьи — больше всего в Нижегородской и в нескольких уездах Тамбовской губернии.

Капиталистическое развитие, выделение кулацкого слоя и сельскохозяйственного пролетариата в мордовской деревне шло в общем теми же темпами, как и в русской деревне.

В XVIII в. в Поволжье и Приуралье начала создаваться горнозаводская и фабричная промышленность. В связи с этим и среди восточнофинского населения стала зарождаться рабочая прослойка. Однако национальный пролетариат был немногочисленным.

В годы колхозного строительства пережитки старых общественных форм давали себя знать с отрицательной стороны. Но теперь можно найти лишь очень слабые следы родовых связей. Нет тех классовых групп (кулачества), которым было выгодно их сохранение.

Религиозные пережитки. Формально подавляющее большинство восточнофинского населения числилось до революции православным. Это было результатом христианизации, проводившейся царским правительством, начиная с XVIII в. и даже раньше, частью насильственными мерами. С середины XIX в. миссионерская политика стала проводиться среди народов Поволжья более тонким и умелым способом—путем открытия миссионерских школ и перевода церковных книг на местные языки,—так называемая «система Ильминского», разработанная и руководившаяся педагогом и переводчиком Н. И. Ильминским. Новый метод имел успех—число крещеных стало расти. Но при этом фактически сохранялись остатки дохристианских, так называемых языческих форм верований. У мордовцев в силу их сравнительно высокого культурного уровня, сильного влияния русских соседей и более глубокой христианизации эти пережитки языческих верований сохранились очень слабо. Но среди марийцев рядом с крещеными была довольно значительная группа «язычников», так называемые «чи-мари». Особенно много их было у восточных марийцев. Удмурты

же, хотя почти все числились крещеными, фактически сохраняли до недавнего времени свою прежнюю религию.

Одной из самых характерных форм старинных религиозных верований и обрядов восточнофинских народов был семейно-родовой культ, связанный с культом умерших, как отражение патриархально-родовых отношений.

Культ умерших у восточнофинских народов может быть разделен на два заметно между собой различающихся исторических пласта. Один из них прослеживается, в погребальной обрядности, другой—в поминальной. Вся совокупность погребальных обрядов по своему духу резко отличается от поминальных обрядов. В погребальных обрядах всех трех народов очень ясно сквозит отношение к умершим, как к чему-то опасному и нечистому. Сохранились такие детали погребального обряда, как обычай вынесения трупа не через двери, а другими способами: у удмуртов и марийцев для того, чтобы вынести тело, прежде разбирали часть стены либо снимали двери с петель. Это делалось для того, чтобы умерший не нашел дорогу назад. При обмывании тела принимали меры предосторожности, обмывали веником, надетым на деревянную палку, чтобы не прикасаться к трупу. Произносили известные формулы, смысл которых состоял в просьбе к покойнику не возвращаться.

В поминальном ритуале совершенно другое. Здесь и следа нет какого-либо страха перед умершим. Напротив, здесь проявляется отношение к покойнику, как к покровителю, защитнику, как к дружественному патрону сородичей. Поминальные обряды были раньше семейные и общеродовые. Первые устраивались по умершим членам семьи, у марийцев в 7-й и 40-й день (это влияние христианства). Характерная особенность обрядов состояла в приглашении умершего принять в них участие. Для этого производился обряд зазывания: шли на кладбище и произносили формулу призыва прийти и принять участие в поминальных трапезах и обрядах. Приготовлялось угощение, и умерших кормили. При этом разыгрывались настоящие драматические спектакли. Какой-нибудь родственник умершего облачался в его одежду и выполнял по возможности добросовестно его роль.

Общеродовые или общедеревенские поминки устраивались в определенные дни года, например, в среду на страстной неделе и в семик, а также осенью (у мари). Поминки устраивались в складчину, готовилось обильное угощение, на которое опять приглашали самих покойников. При этом произносились моления и призывания, которые свидетельствовали о том, что здесь перед нами настоящий культ предков.

Например, у удмуртов во время этих обрядов обращались к покойникам со следующим призывом: «Эй, вы там, прадедушки, прабабушки, пусть будет это вам! Для вас мы наварили и напекли. Дайте нам удачу в посеянном хлебе и сохраните его. Дайте детям нашим успех, сохраните их!»

У марийцев, обращаясь к умершим, говорили: «Старые мари! Темный мир ваш да будет светел, блаженство (вам) да будет. Щи-то, яичницу-то эту вот ешьте, хлеба и соли довольно было бы. Голодными, холодными не уходите. Пусть дойдет до вас вот эта пища. Дайте (нам) счастье, удачу, богатство. Умножьте число голов нашего скота... Хлеб на поле хорошо уродите. Пошлите хороший, благоприятный ветер; в изобилии жить помогите».

Удмурт (фото 1930 г.)

Чем объяснить это характерное противоречие между погребальным и поминальным обрядами? По-видимому, то и другое восходит к разным историческим эпохам. Если погребальный обряд вообще вещь очень архаичная, восходящая к глубокой древности и действительно связанная с первобытным страхом перед умершим, то в поминальном обряде отражается гораздо более поздний культ предков. Культ предков вообще отсталым народам не свойствен: он характерен для патриархально-родового строя и то на стадии его разложения. В эту эпоху возникает отношение к умершим предкам как к покровителям рода. Естественно, что эти две группы обрядов имеют совершенно неодинаковый характер.

У мордвы к этому, пожалуй, и сводились все пережитки старых родовых культов. Что касается марийцев и особенно удмуртов, то у них еще недавно отмечались гораздо более мощные пласты родового культа. У удмуртов, например, почти вся религия была связана с родовой организацией. Каждый род имел свое родовое святилище, а каждая семья—семейное. Это «куала», которая была непременной принадлежностью каждой удмуртской усадьбы. В ней находилось святое святых, так называемый «воршуд»—предмет родового или семейного культа. Это небольшой ящичек или берестяной сосуд со священными предметами. Слово «воршуд» обозначает и ящик и пребывающего в нем духа—родового покровителя. Воршуд—это покровитель семьи и рода; можно думать, что он тоже связан с предками. У более крупной общественной группы, у выжи, была своя большая куала («будзым куала»), которая считалась достоянием всего

рода. В каждой деревне было столько таких святилищ, сколько в ней родов—выжи. Жрец родового культа у удмуртов, так называемый «весясь», как правило, был связан с кулацкой верхушкой и обычно сам выходил из зажиточных слоев деревни. Обряды состояли в принесении жертвы или в куале, или в «луде»—особом, огороженном священном месте недалеко от деревни.

У марийцев родовой культ сохранился гораздо слабее. У них встречалась «малая кудо»: в глубине кудо отгораживали небольшую часть, которая считалась местопребыванием семейной святыни—«кудо-ва́дыш».

Зато у марийцев были очень развиты общинные моления, устраиваемые всей деревней или группой родственных деревень, с ярко выраженной земледельческо-скотоводческой направленностью: приносились жертвы и выполнялись известные обряды в сроки, определяемые сезонностью земледельческих работ. Весной, например, был праздник сохи—ага-пайрам—принесение жертвы на поле для обеспечения хорошего урожая и т. д. У марийцев во главе культа стоял избранный жрец, «карт», уже не родовой, а скорее руководитель общинного сельского культа. Карт, как правило, принадлежал тоже к зажиточной верхушке общины. Помимо того, он пользовался своей профессией как источником дохода, собирая вознаграждение со своей паствы за выполнение религиозных обрядов.

Выполнение обрядов, принесение жертв было вещью весьма обременительной для хозяйства, в особенности для бедняцкого хозяйства. По марийским традициям полагалось, что каждый человек должен принести в течение своей жизни 4 большие жертвы великим божествам, причем указывалось, кому именно. Конечно, чтобы принести такую жертву—лошадь или других животных, требовались очень большие затраты, и бедняки при всем старании не успевали в течение своей жизни выполнить предписанное и, умирая, оставались в долгу перед божеством. Этот долг переходил тогда на потомство, и человек должен был погасить сначала долг, который остался от отца или деда, и только после этого мог приносить жертвы за себя. Это все шло на пользу все тех же картов, жрецов.

Отдельно от религиозных обрядов и верований, связанных с хозяйственной жизнью общины, а отчасти и переплетаясь с ними, стоял культ злых богов—«кереметей» (это слово арабского происхождения), который был распространен почти у всех народов Поволжья. Словом кереметь обозначалось обнесенное особой оградой священное место, обычно роща. У удмуртов оно называлось также луд, у марийцев кюсот. Там тоже выполнялись известные обряды, приносились кровавые жертвы. Но слово кереметь означает также то божество, которому посвящено это огражденное место.

Рядом с этими общинными формами культа у удмуртов и марийцев отмечены слабые, но заметные следы более древних форм религии, близких к шаманству. У удмуртов рядом с весясем был еще вольнопрактикующий гадатель или прорицатель «тунó», который в удмуртской деревне играл очень крупную роль. Он не выполнял официально функций культа, но указывал от имени божества, кто может быть весясем, назначал время выполнения обрядов, указывал, какие жертвы должны быть и т. д. Способы узнавания воли божеств были близки к шаманским приемам.

У марийцев аналогичные функции делились между двумя профессиями: «омо-ужшо» (сновидец) и «мужан», или «мужед» (ворожец). Считалось, что они могут непосредственно общаться с божеством; сновидцу божество являлось во сне и указывало, какую, когда и как надо принести жертву.

В связи со сравнительно высоким уровнем культурного и социального развития восточнофинских народов здесь, по-видимому, на почве еще языческих самобытных верований, выработался культ высших богов. У удмуртов было представление о высшем божестве Инмар. Это слово происходит от корня «ин»—небо и означает дословно «небесный человек». Считалось, что от Инмара исходят все остальные божества и духи.

Такую же роль верховного божества у марийцев играл Юмо, или Кугу-Юмо. Это имя родственно именам богов других финских народов—Юмала, Юбмел и т. д.

У мордвы имени высшего бога не сохранилось, но имена отдельных божеств можно проследить по старым записям; их было довольно много[1].

Таковы были в прошлом религиозные верования марийцев, удмуртов и мордвы. Но христианизаторская политика царизма сделала свое. Так как эта политика была тесно связана с общей системой национального угнетения, то естественно, что антикрепостническая борьба мордовского и марийского крестьянства порой принимала своеобразные формы религиозно-реформаторских движений.

Наиболее характерным эпизодом их можно считать восстание крестьян Терюшевской волости в начале XIX века. Угнетаемые тяжелыми феодальными повинностями мордовские крестьяне отказались ходить на барщину, потом дело дошло до прямого захвата помещичьих урожаев, до открытых столкновений и кровопролитий. Бунт этот был подавлен, потом разгорелся опять, но в дальнейшем вылился в своеобразное религиозное движение. Вождем его стал мордвин Кузьма Алексеев, который объявил себя пророком и проповедовал возрождение старой мордовской религии. Он говорил о том, что Христа больше нет, вместо Христа появятся старые мордовские боги и мордовский народ будет исповедовать свою старую религию.

Позднее (с 1880-х годов) у марийцев появилась обновленческая секта «кугу-сорта» («большая свеча»).

Что касается удмуртов, у них религиозно-реформаторских движений не было. Но в конце XIX в. реакционно-полицейские элементы местной власти попытались создать провокационное дело по обвинению удмуртов в ритуальных убийствах. Это так называемое «Мултанское дело», вполне аналогичное тому, что было сделано впоследствии по отношению к евреям (дело Бейлиса). Был найден убитый старик-нищий в лесу, на дороге. Кем он был убит, осталось неизвестно, но это дало повод местному начальству и попам обвинить удмуртов соседней деревни Старый Мултан, что они убили этого нищего, чтобы принести его в жертву своим богам. Было состряпано дело, которое тянулось с 1892 по 1896 г. Было три судебных разбирательства, была привлечена и этнографическая экспертиза. Вызвали двух этнографов-специалистов с целью выяснить вопрос: знают ли удмурты человеческие жертвоприношения или нет? Этнографы сыграли здесь, однако, двусмыс-

[1] Само понятие «бог» выражается по-эрзянски словом «пас», по-мокшански «навас» или «шкай».

Удмурт играет на гуслях

ленную роль. Один из экспертов, местный житель и хороший знаток удмуртского быта—Гр. Верещагин—решительно отрицал правдоподобность подобного обвинения. Но другой этнограф, И. Н. Смирнов, автор нескольких исследований по истории и этнографии народов Поволжья, пытался совершенно неосновательно (используя неверно понятые данные фольклора) доказывать, что удмурты в свое время знали человеческие жертвоприношения.

Все это обвинение было провокационным и вздорным. В дело вмешалась прогрессивная русская общественность—в частности, крупную роль сыграл известный писатель В. Г. Короленко, который написал ряд статей, мобилизовал общественное внимание. Только после третьего разбирательства мултанские удмурты были оправданы. Это очень характерное дело—в стиле тех кровавых наветов, которые были царским правительством возведены в систему в целях разжигания национальной розни.

Сейчас пережитки религиозных верований быстро уходят в прошлое. Сохраняются лишь некоторые старинные обычаи, например, поминки, хотя и они устраиваются гораздо проще.

Художественное творчество и культурное развитие. Наиболее самобытным из форм народного творчества является декоративное искусство, в частности художественная вышивка. Очень большим разнообразием и художественностью отличаются женские вышивальные работы на костюмах и других вещах как у мордвы, так и у марийцев и удмуртов. Стиль орнамента на вышивках близок к восточнославянским мотивам. В частности, встречается характерная трехфигурная симметричная композиция, как у северных русских.

Из других областей художественного творчества следует отметить музыкальное творчество. Из национальных музыкальных инструментов наиболее интересным являются гусли, (мар. «кюслэ», удм. «крезь»), сходные с русскими; а также двухструнная скрипка (мар. «ковыж»); волынка, деревянные и берестяные трубы и пр. Очень богат фольклор—особенно сказки, предания, песни. Лишь в советское время началось серьезное изучение народного творчества[1]. Опубликованы фольклорные сборники, передаются по радио народные песни. В Марийской АССР действует ансамбль гусляров.

После Великой Октябрьской революции условия культурного развития народов Мордовской, Марийской и Удмуртской республик сложились вообще совершенно по-новому. Как и в других республиках СССР, здесь достигнута почти сплошная грамотность, созданы высшие учебные заведения, научные учреждения.

[1] До революции почти единственной публикацией был «Мордовский этнографический сборник» А. А. Шахматова, если не считать фольклорных текстов, опубликованных в Финляндии Паасоненом.

Например, в Марийской АССР имеется 5 высших учебных заведений. Самое крупное из них—Лесотехнический институт в г. Йошкар-Ола—готовит кадры ученых-лесоводов для всего Поволжья. Работает Марийский Научно-исследовательский институт языка и литературы. Из среды марийского народа вышел ряд ученых разных специальностей. В числе их—академик В. П. Мосолов, покойный вице-президент Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина.

Выросла марийская литература. Ее пионеры—писатель М. Шкетан (Я. П. Майоров), поэт Г. Микай (М. С. Герасимов); из молодых деятелей—Миклай Казаков, драматург С. Николаев и др.

На основе национальных традиций развивается творчество марийских композиторов, из которых особенно известен Яков Эшпай, заслуженный деятель искусств Марийской АССР.

Марийский национальный театр драмы существует еще с 1919 г. Он ставит марийские и переводные русские пьесы.

Не меньшие достижения культуры в Мордовской и в Удмуртской АССР.

2. ЧУВАШИ

Из тюркоязычных народов Поволжья представляют особенный этнографический интерес чуваши (самоназвание—«чава́ш»)—основное население Чувашской Автономной Республики.

Географически чуваши живут в треугольнике, образуемом р. Сурой и Волгой, в которую Сура впадает. Они занимают здесь компактную область. Небольшая группа чувашей живет на левом берегу Волги, как раз против столицы Чувашской АССР, г. Чебоксар. Численность чувашей (1939 г.) составляет 1368 тыс. человек.

В группе тюркских языков чувашский язык занимает обособленное место. Он противостоит остальным тюркским языкам, не входя ни в одну из ветвей этой группы, но составляя отдельную ветвь. Чувашский язык отличается фонетическими особенностями: такими, как «ротацизм» (соответствие чувашских плавных *р* и *л* общетюркским свистящим и зубным звукам *з*, *с*, *д*); например, общетюркскому кыс (дочь) соответствует чувашское херь, тюркскому юз (сто)—сюр, тогуз (девять)—тахар, кыш (зима)—хел и т. д.; другая черта—это палатализация (смягчение) согласных; третья—оглушение звонких согласных в начале и в конце слов. В области грамматики чувашский язык характеризуется также своеобразными чертами, например наличием префикса, что совершенно несвойственно тюркской речи.

В настоящее время чувашский народ достаточно монолитен этнически. Однако в нем и сейчас заметны следы деления на две группы; это «верховые чуваши» (вирьялы), живущие в северо-западной части Чувашии, в бассейне реки Суры, и «низовые чуваши» (анатри) в юго-восточных районах, в соседстве с татарами. Группы эти различаются между собой по говору и по некоторым особенностям культуры, например, в женском костюме, но различия эти невелики. Некоторые исследователи выделяют еще промежуточную группу «анат-енчи» (в северо-восточных районах), считая ее смешанной из двух основных—вирьялов и анатри: по языку анат-енчи близки к анатри, а по культуре—к вирьялам.

Этногенез. Не только обособленное положение чувашского языка вызывает особый интерес к вопросу о происхождении чувашского народа: интерес этот был вызван еще раньше другим обстоятельством. Дело в том, что на страницах исторических документов имя чувашей появляется очень поздно (1521 г., затем в связи с казанским походом Ивана Грозного, 1551 г.). До этого о чувашах ничего не сообщают ни русские, ни иные источники, тогда как другие народы Поволжья известны в исторических памятниках гораздо раньше.

Чем объяснить это обстоятельство?

Предположение о недавнем формировании этой народности—лишь в XVI в.—неправдоподобно. Еще неправдоподобнее было бы предположение, что чуваши недавно пришли откуда-то. Чуваши—оседлый народ, в культуре которого не сохранилось почти никаких кочевых традиций, притом народ многочисленный, один из наиболее крупных народов Поволжья.

Не раз делались предположения, что чуваши могли фигурировать в более раннее время под каким-либо другим названием. Были попытки отождествить чувашей с ха-

зарами (Фукс), но эта гипотеза очень скоро отпала. Некоторые считали, что чуваши—это отуреченные финны (Альквист, М. А. Кастрен, В. В. Радлов). Однако самое понятие «финны» очень неопределенно, ибо известно много разных финских народов. Наличие восточнофинского элемента в чувашской культуре, вообще говоря, бесспорно, и в языке чувашей обнаружен целый ряд слов и даже грамматических форм, общих с языками волжских финнов. Но вопрос о происхождении чувашей этим никак не решается.

Далее, делались попытки отождествить чувашей с древними буртасами, о которых мы говорили выше. Действительно, есть основания полагать, что какая-то часть буртасов влилась в состав чувашского народа. По крайней мере название «буртас» и сейчас сохраняется в топонимике чувашского края в качестве названий деревень: «Буртас-Касы», «Саруй-Буртас», «Полевые Буртасы» и др.—таких названий более десятка. Однако считать чувашский народ в целом потомками буртасов никоим образом нельзя.

Было, наконец, мнение, что в русских источниках до середины XVI в. чуваши смешивались с марийцами под общим названием «черемисы». Но это мнение совсем неправдоподобно.

Гораздо больше оснований имеет так называемая болгарская теория. Еще в XVIII в. выдвигалось (Татищевым и др.) предположение, что чуваши были известны в древности под именем болгар[1]. Серьезный аргумент в пользу этой болгарской теории происхождения чувашей был получен во второй половине XIX в. В 1866 г. был найден так называемый Именник болгарских князей. Теперешние (дунайские, или балканские) болгары—славянский народ. Но имя свое они получили от «аспаруховых» болгар, пришедших в VII в. из Восточной Европы и покоривших славянские племена Балканского полуострова. Кто были эти «аспаруховы болгары», не совсем ясно, но несомненно, что они были близкие сородичи волжско-камских болгар. И вот найденный Именник представлял собой своего рода летопись предков дунайских болгар, написанную на славянском (болгарском) языке, но со вставлением туда неславянских имен князей и некоторых странных слов («шегор вечем», «дилом твирем» и т. п.), которые также звучат совсем не по-славянски. Этот Именник был исследован Куником, затем Радловым и Ашмариным. Им удалось доказать, что эти имена древнеболгарских князей разъясняются из современного чувашского языка и совпадают с «языческими» чувашскими именами (которые в настоящее время уже не сохранились), а загадочные слова, которые примыкают к этим именам и не поддавались истолкованию, являются обозначением лет правления этих князей в терминах известного 12-летнего животного цикла[1] на чувашском языке. Таким образом, было получено существенное доказательство в пользу исторической связи болгар с чувашами. Почти одновременно с открытием Именника (1860-е гг.) была сделана попытка (Хусейн Фейзханов) доказать, что и в древнеболгарских надгробных надписях на Волге есть черты чувашского языка. Но другие ученые это оспаривают.

Далее оказалось, что народы, в древности соприкасавшиеся с болгарами, имеют в своем языке отпечаток влияния чувашского языка. В частности, в языке у современных мадьяр-венгров имеется очень много чувашизмов. Этот факт обнаружен впервые (1871 г.) венгерским ученым Будендцом. Исследователь венгерского языка Гомбоц насчитал в нем до 250 слов чувашского происхождения. Разумеется, о каких-либо новейших заимствованиях из чувашского языка в венгерском нельзя говорить; ясно, что эти слова были заимствованы предками венгров от предков чувашей, с которыми они соприкасались до своего переселения на Дунай (IX в.),—т. е., очевидно, от болгар. Имеются и некоторые другие языковые аргументы в пользу исторической связи болгар с чувашами, например, значительное количество чувашизмов в марийском языке.

Болгарская теория вообще весьма правдоподобна, и немудрено, что все серьезные исследователи-историки и этнографы к ней присоединились. Но эту теорию нельзя считать решением вопроса уже по одному тому, что, во-первых, происхождение самих бол-

[1] Как известно, Болгарское, или Булгарское, государство в X—XIV вв. представляло собой крупную политическую силу, господствуя над значительной частью бассейна Камы и Средней Волги. Археологические памятники волжско-камских болгар (булгар) очень многочисленны и в настоящее время хорошо изучены (особенно А. П. Смирновым).

[1] У многих тюркских, монгольских и некоторых других народов издавна существовал счет времени по 12-летнему циклу. Каждый год обозначается названием определенного животного, в следующем порядке: 1) мышь, 2) корова, 3) тигр, 4) заяц, 5) дракон, 6) змея, 7) лошадь, 8) овца, 9) обезьяна, 10) курица, 11) собака, 12) свинья.

гар и их этническая принадлежность не является чем-то само собой разумеющимся; поэтому сближение древних камских болгар с современными чувашами переносит только вопрос в несколько иную плоскость: нужно еще решить вопрос о происхождении самих волжско-камских болгар. Во-вторых, прямое отождествление болгар с чувашами на основании одного языка является чрезмерным упрощением проблемы. Право считаться потомками болгар имеют не одни чуваши, а в известной мере, как мы увидим позже, и татары, хотя у них язык совсем иной. Наконец, задача ведь состоит в том, чтобы понять самый процесс формирования чувашского народа,—и именно народа, а не только языка.

Оригинально подошел к чувашской проблеме Н. Я. Марр. Не отрицая болгарского происхождения чувашей, он попытался вскрыть в чувашском (и, следовательно, в древнеболгарском) языке более древний, дотюркский слой. Этот древний языковой слой он признал «яфетическим» и, не в меру увлекшись, тут же объявил чувашей «яфетидами» («Чуваши—яфетиды на Волге»—название его книги 1926 г.). С этого времени, кстати, и начались его поиски разных «яфетидов» по всем странам света. Взгляд Марра получил широкое хождение среди советских ученых, пока лингвистическая дискуссия 1950 г. не показала его теоретическую необоснованность. Впрочем, доля истины в этом взгляде, вероятно, есть: в чувашском языке имеется явно древний, дотюркский слой, и очень возможно, что он связан не только с финскими языками, но и с языками народов Кавказа.

В самые последние годы в советской науке сделан существенный шаг вперед в решении проблемы чувашского этногенеза: к ней стали подходить не только с точки зрения языка, как раньше, но и с антропологической, археологической и этнографической точек зрения. Получились чрезвычайно интересные, друг друга подтверждающие выводы.

Антропологически—чуваши оказываются смешанной народностью, составленной из разных европеоидных и монголоидных элементов; численно преобладает из них «субуральский» тип. По черепам в древних погребениях прослежено разновременное появление на территории Чувашии разных антропологических типов, по преимуществу из Причерноморских степей; эти типы примешивались к аборигенному типу населения (Т. А. Трофимова).

Археологические исследования (А. П. Смирнов, П. Н. Третьяков и др.) установили, что то деление чувашей по культуре на северо-западных (вирьялов) и юго-восточных (анатри), которое известно в настоящее время, имеет чрезвычайно глубокие исторические корни: уже начиная с бронзовой эпохи (II тысячелетие до н. э.) на территории Чувашии прослеживаются два весьма несходных между собой типа памятников: один—Абашовская культура—распространен в северо-западной части страны и имеет много общего с культурой предков восточнофинских народов; другой—в юго-восточной части—перекликается с памятниками «Хвалынской» культуры средневолжских племен, на основе которых сложилась болгарская культура. Между этими двумя группами памятников находилась малонаселенная лесная полоса. Сближение между собой этих двух типов культур происходило в 1-м тысячелетии н. э.: это и было началом образования чувашской народности, и процесс этот завершился после распада Болгарского царства.

Наконец, работы советских этнографов тоже устанавливают наличие в чувашской народности и ее культуре разных исторических компонентов. По исследованиям Н. И. Воробьева, культура современных чувашей сложилась на основе древней местной культуры лесных племен, занимавшихся издавна земледелием и живших оседло; к ним примешался пришедший позже степной кочевнический слой, следы которого, хотя и слабые, видны и сейчас.

Можно считать доказанным—на основе всех этих исследований,—что основу чувашского этногенеза составляли древние аборигенные племена, близкие к предкам восточнофинских народов, и обитавшие главным образом в северо-западной части Чувашии. Крупную роль в формировании чувашского народа сыграли болгарские племена (смешанные по происхождению), передвинувшиеся на правый берег Волги в годы татаро-монгольского завоевания и слившиеся с населением юго-восточной Чувашии, а потом и северо-западной. Болгарский язык получил господство в образовавшейся народности. С другой стороны, давнее соседство со славянами (русскими) оказало заметное влияние на культуру чувашей.

Хозяйство. В чувашском народе наиболее концентрированно воплотились элементы оседлой земледельческой культуры. Исследователи XIX в. не раз подчеркивали, что чуваши тщательнее и успешнее занимаются

Хмельник (колхоз им. Ворошилова, Яльчикского р-на, Чувашской АССР)

земледелием, чем соседние русские и тем более татары. Любовь чуваша к земле, его преданность работе земледельца отмечалась многими. Это связано с тем, что крупных городов поблизости не было. Все население концентрировалось в деревне, а условия природы благоприятствовали развитию земледелия. Однако малоземелье чувашской бедноты и низкий все же уровень техники не позволяли большинству населения выйти из вечной нужды. В земледелии господствовала трехпольная система (заимствованная у русских). Земледельческие орудия были сходны с русскими; в южных районах употреблялся и татарский сабан. Другие отрасли хозяйства имели лишь вспомогательное значение. Скотоводство никогда, или во всяком случае давно, не играло крупной роли в чувашском хозяйстве. Излюбленное занятие чувашей составляет пчеловодство.

Обычную пищу чувашского крестьянина составлял прежде ржаной хлеб, суп («яшка») из овощей, картофеля, дикорастущих трав, крупы, у богатых—с мясом; ячневая каша, такие же лепешки, как приправа «уйран» (юрага из-под масла). Излюбленное питье—ячменное пиво, которое иногда варят с медом.

Из кустарных промыслов сравнительно большое значение имеет в лесистой части Чувашии обработка древесных материалов, в частности бондарный, решетный и рогожный промыслы. Кустари прежде жестоко эксплуатировались скупщиками.

Сейчас хозяйство чувашской колхозной деревни неузнаваемо изменилось. Ведущим направлением остается полеводство, но новейшая агротехника, механизация сельскохозяйственных работ, правильная организация труда в колхозе—все это сделало труд чуваша-земледельца и более легким и намного более производительным. Средняя урожайность повысилась в 2—3 раза, а в некоторых колхозах и гораздо больше. Из традиционных сельскохозяйственных культур сейчас особенно большое товарное значение получило хмелеводство: выращиваемый чувашскими колхозниками хмель—снятые и высушенные шишечки—развозится по пивоваренным заводам далеко за пределы Чувашии. Из новых же культур следует отметить садоводство: плодовые и ягодные сады, прежде редко встречавшиеся, теперь составляют обычную черту деревенского пейзажа Чувашии.

Общая зажиточность населения во много раз возросла. Кустари объединены в промысловые артели. Некоторые из кустарных промыслов по мере общего роста культуры

постепенно сокращаются (например, производство лаптей, деревянных ложек); другие, напротив, оснащаются современной техникой и растут, обслуживая растущий рыночный спрос (деревянные детские игрушки).

Сейчас в Чувашии развивается и крупная социалистическая промышленность.

Поселения и постройки. С традиционным земледельческим бытом связан и характер расселения и типы жилищ. Живут чуваши оседлыми деревнями. Деревни нередко расположены в глухих местах—это наследие исторического прошлого чувашей, как угнетенного царизмом народа. Чуваши вынуждены были часто скрываться. Отчасти этим объясняется то, что большинство чувашских деревень расположено в таких местах, где их трудно найти—вдали от дороги, где-нибудь в овраге, в лесной чаще, так что говорят, что чувашскую деревню не увидишь, пока к ней вплотную не подъедешь. Расположение домов в деревне прежде было беспорядочное, скученное, без прямых улиц; с конца XIX в. стали появляться и деревни линейного плана.

Уже с первых годов коллективизации начал постепенно меняться облик чувашской деревни: появились общественные постройки, хозяйственные сооружения, склады. Они размещались часто в перестроенной церкви, в бывших кулацких домах, либо в новых зданиях. В последние годы началось широкое движение за перепланировку и перестройку целых колхозных поселков, составляются новые генеральные планы.

Дома—срубные, как у русских крестьян. Однако у чувашей дольше, чем у русских, держались некоторые архаические черты жилища. Во-первых, дом часто не имел сеней. Во-вторых, долго сохранялись волоковые окна, т. е. без рам, закрывающиеся задвижкой. Глинобитная печь топилась прежде по-черному, дымоходы стали появляться во 2-й половине XIX в. Но шесток печи всегда соединяется с очагом, над которым висит котел. У юго-восточных чувашей очаг устраивается не с подвесным, а со вмазанным котлом (как у татар). В старинных домах вместо узких лавок вдоль стен устраивались широкие нары. У чувашей сохранился в пережитках и древний тип жилища, прототип современной избы,—это прямоугольный сруб—«лась» без пола и потолка, с одной только дверью. Такие постройки часто стоят и сейчас на усадьбе в качестве хозяйственного помещения, обычно—летней кухни.

Изменения в жилых постройках в наши дни происходят постепенно. Нередко одна половина дома остается по-старому, а другая, чистая, перестраивается и обставляется по-городскому. Количество надворных построек за ненадобностью сокращается, зато при доме разбивается садик с цветами. Строят и совсем новые, просторные, благоустроенные дома.

Интересно, что среди старшего поколения чувашей иногда сохраняется по традиции предубеждение против постройки большого, хорошо обставленного дома: старики помнят, что в прошлом это могло вызвать зависть со стороны соседей, поборы со стороны начальства. Но молодежь смеется над этими недобрыми воспоминаниями.

Одежда. Тип костюма тот же, который с известными разновидностями встречается у других народов Поволжья. В основе лежит рубашка («кĕпе») туникообразного покроя. Способ ношения рубах у «верховых» женщин, как у мордвы-мокши, с высоким подбиранием под пояс; у «низовых» этого нет. Женская рубашка украшается богатой вышивкой и подвесками из монет и металлических бляшек. К поясу спереди и иногда сзади приделываются украшения в виде треугольников, набедренников и т. д. Верхний костюм мужчин и женщин—кафтанообразный «шубор» («шупар»), запахивающийся на левую сторону, как это вообще характерно для народов Восточно-Европейской равнины. Поясная нательная одежда обоих полов—штаны («йĕм») с широким шагом. Характерна форма головных уборов. Старый девичий убор—это тюбетейка полусферической формы, «тухья», известная и у удмуртов, и у татар, и у некоторых других народов. Тухья имеет завязку под подбородком. Старинный головной убор замужней женщины—«хошпу» («хушпу») в форме усеченного конуса. И то и другое—и тухья и хошпу—богато украшаются бисером, кораллами и т. д. Такие же украшения имеются на груди в виде подвесок. У некоторых, в особенности у низовых чувашей, встречаются и такие особенности женского головного убора, как «чалма», обернутая вокруг головы, по-видимому, связанная с татарским влиянием.

Обувью служили прежде лапти или сапоги. У женщин-вирьялок был обычай толсто обертывать ноги до колена онучами (как у мордовок), притом непременно черного цвета.

Отличаясь известными особенностями, чувашский костюм, однако, связывается с типо-

Старый дом чувашского крестьянина (Первомайский р-н, Чувашской АССР)

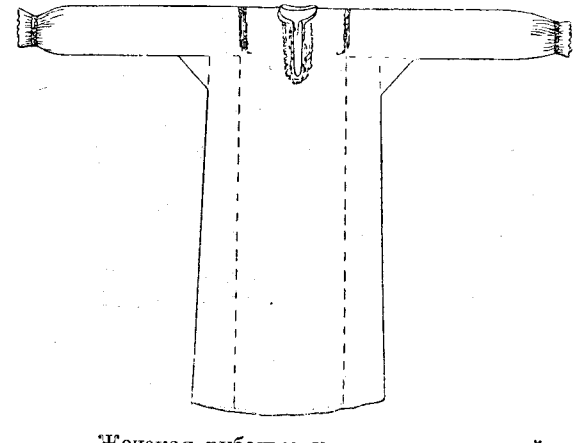

Дом колхозника (колхоз «Гвардеец», Чкаловского р-на, Чувашской АССР)

логией костюмов других народов Поволжья; в частности, у вирьялов он ближе к одежде марийцев и мордвы, а у анатри—к татарской.

Сейчас мужская национальная одежда почти совсем вышла из быта, ее частично носят только старики. Женская одежда сохраняется больше, особенно у старшего поколения. Шьют ее, однако, преимущественно из покупной материи (домашнее тканье отнимает очень много времени). Верховые чувашки любопытным образом имитируют на новых рубашках традиционный напуск на талии, чтобы не носить стесняющий пояс, и для этого застрачивают глубокую складку на заднем полотнище (на переднем не видно под фартуком). Молодежь вообще переходит на городскую одежду.

Исторические особенности общественного быта. В области общественных отношений чувашей сохранилось гораздо меньше архаичных форм быта, чем у их соседей—марийцев и удмуртов. Причину этого надо искать в большой зависимости чувашей от феодального Булгарского государства, впоследствии от Казанского ханства. В семейном быту чувашей сохранились некоторые особенности, например, в брачных обычаях и обрядах, которые отличают чувашей от русского крестьянского населения. Сюда относится, например, калым. Уплата калыма была иногда весьма обременительна для жениха. С этим было связано сохранение обычая умыкания, похищения невест, очень долго державшегося у чувашей. Это делалось просто с целью избежать выплаты калыма. Отмечались, далее, такие обычаи, как женитьба малолетних парней на взрослых девушках и связанное с этим сохачество. Очень любопытна одна своеобразная черта: обычай чувашей-анатри и анат-енчи устраивать свадьбы по преимуществу летом, в июле. Это можно считать остатком какой-то скотоводческой традиции: у большинства земледельческих народов свадьбы чаще устраиваются осенью или зимой.

Женская рубашка у верховых чувашей

В общественном быту чувашей важную роль играла сельская община. Господствовала, особенно в северных районах, так называемая «сложная община», охватывавшая несколько деревень. Эта «сложная община» отчасти искусственно поддерживалась администрацией (как и у соседних марийцев), чтобы натравливать крестьян друг на друга.

Большая часть чувашей —около $^2/_3$— принадлежала к государственным крестьянам. Остальные были удельные и помещичьи крестьяне. Реформа 1861 г. отняла у чувашей часть земли и ускорила процесс разорения массы чувашского крестьянства. Но темп капиталистического развития был медленным, и классовое расслоение в чувашской деревне шло слабее, чем у соседних народов. Община сохранялась, и подавляющая масса крестьян сидела на своих наделах. Разоренные «переселялись» (т. е. бежали) в восточные губернии, за Волгу.

Религиозные пережитки. Чуваши формально в большинстве числились православными. Крещение чувашей началось с середины XVIII в. и проводилось очень часто насильственным путем. Чувашей заставляли переходить в христианство, но это вовсе не означало действительной перемены чувашами религии: наряду с формальным православием у них сохранилась очень устойчиво своя собственная религия. Так было до середины XIX в., когда по целому ряду причин—усиление гнета самодержавия и административной опеки, усиление миссионерской проповеди и т. д.—старые верования начали приходить в упадок и забываться. Лучший знаток чувашского быта Сбоев отмечал, что он, приехав к чувашам вторично после 25-летнего перерыва, был очень удивлен тем, что они почти отказались от своей прежней религии и стали ревностными христианами. Некоторые же чуваши, в то время находившиеся под татарским влиянием, переходили в ислам. Таким образом, как бы с двух сторон происходило разъедание старых религиозных верований.

Однако некоторые пережитки этих верований сохранились, а в описаниях конца XVIII в. старая религия чувашей видна с полной отчетливостью. В этой религии играли большую роль семейные формы верований, очевидно, пережитки родо-

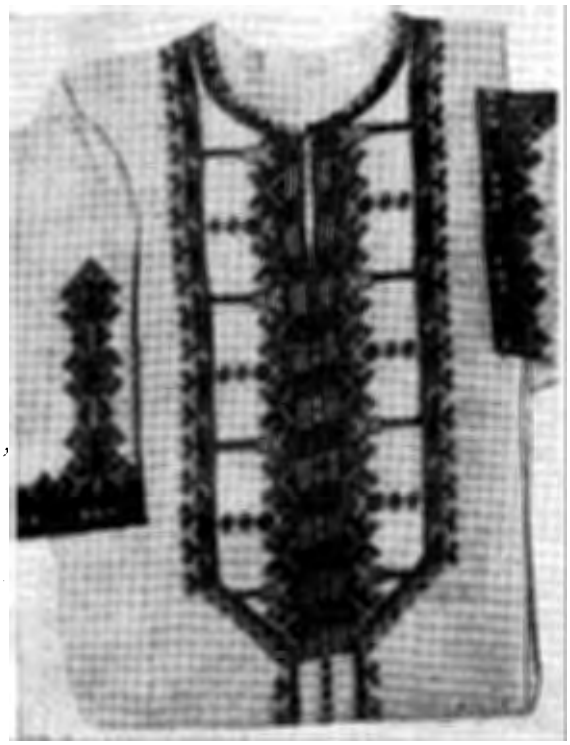
вых форм быта. У каждой семьи имелись свои семейные божества-покровители, так называемые «ирих» (слово, соответствующее тюркскому «изых»). Ирихи имели разную форму: это или небольшая кадушка, или ковш, или корзина, которую ставили в амбар в определенное место и наполняли жертвоприношениями, привязывали кисти рябины и т. д. Это была семейная святыня. Некоторые ученые связывали эти божества с культом предков, но это едва ли верно. Настоящего культа предков чуваши не знали. Поминальные обряды были очень развиты и имели целью кормление умерших, но к этим умершим не относились как к заступникам или божествам-покровителям; напротив, их считали скорее опасными существами, и поминками хотели их только умилостивить. Во время поминок говорили, обращаясь к умершим: «Мы поминаем вас, ничего не жалеем для вас, молим Тору (бога) за вас; но вы за то будьте смирны, не браните в могилах, не беспокойте нас, не ходите к нам».

Гораздо большее значение имело то, что можно назвать земледельческим культом. До самого последнего времени у чувашей сохранялись земледельческие праздники. В летние месяцы, начиная от праздника семика (чув. «симек») и вплоть до нового хлеба, земля считалась священной (этот период назывался «синзя»). Во время уборочных работ происходило общественное моление на поле. По старым чувашским обычаям, хлеб нового урожая нельзя было употреблять, прежде чем не будет произведено «моление» (или «чукление») этого хлеба. После некоторых религиозных обрядов, как бы снималось табу с нового хлеба. Интересно, что устраивалось чукление не только хлеба, но и грибов, малины и т. д., выполнялись обряды, после которых разрешалось употребление в пищу этих продуктов. Все это связывалось с культом божеств-покровителей.

У чувашей существовал довольно развитый пантеон добрых и злых духов, которых некоторые исследователи считают выражением дуалистической религии. Можно ли здесь видеть дуализм, или здесь просто смешение местных и христианских верований, но во всяком случае было доброе божество Тора и был Шайтан—злой бог. Наряду с крупными божествами имелись более мелкие.

В повседневных обрядах имели значение местные деревенские божества—«керемети». Культ кереметей у чувашей общий с соседними народами Поволжья. Как и у них, словом «кереметь» назывались прежде всего небольшие священные рощи с оградой, около которых производились моления. Но это же слово означало и божество (как правило, женское), которому посвящена была данная роща. Керемети были у каждого селения и имели свои имена. Главной считалась Асла-кереметь—ей приносили жертвы в случае каких-либо общих несчастий. Некоторые из кереметей, в особенности страшная Хайяр-кереметь, были злыми духами и через их посредство можно было наносить вред врагу.

Помимо этого культа, у чувашей сохранились до XIX в. пережитки и иных, более примитивных верований, до известной степени приближающихся к типу шаманства. У них имелись так называемые «йомзи». Слово «йомзя» в чувашском языке соответствует общетюркскому слову «кам» (шаман). В XIX в. йомзи представляли собой гадателей, волхвов, узнававших будущее; они же были знахарями. Но есть основания думать, что когда-то в древности йомзи были заправскими шаманами.

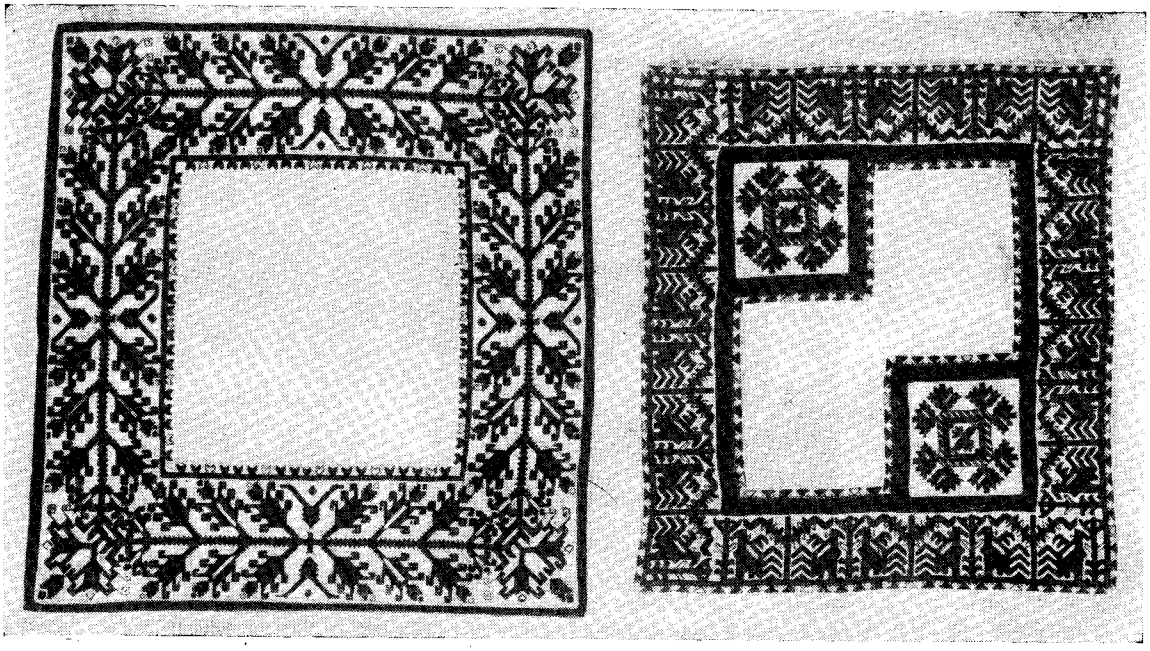
Вышивка на женском платье (г. Чебоксары)

Народное творчество и культурное развитие. Чувашское народное искусство во многом близко к искусству соседних финноязычных народов. Это проявляется в стиле орнамента на вышивках—главной области применения декоративного искусства, в орнаменте деревянной резьбы и пр. Более самобытно словесное и музыкальное творчество чувашей, например, их сказки, предания. Песни очень разнообразны по содержанию: различаются застольные, свадебные, хороводные и игровые, посиделочные, масленичные песни; одни из них веселые, другие грустно-лирические, даже торжественно-трогательные; например, таковы некоторые застольные песни, которые запевают старики-предводители пира. Прежние рекрутские песни—теперь забытые—полны были тоски и грусти о долгой разлуке с близкими, с родным краем. По форме песни обычно одноголосны или поются на два голоса параллельными октавами. Текст состоит из четырехстопных хореических или ямбических стихов—по 7—8 слогов.

Музыкальные инструменты чувашей сходны с бытующими у соседних народов: это—гусли («кёсле»), «пузырь», или волынка.

Верховые чувашки-вышивальщицы

Орнамент вышивки на наволочках (артель «Паха Тĕрĕ», Чувашской АССР)

Состояние культуры чувашского народа, до революции забитого и угнетенного, было незавидным. Грамотность была очень низка, хотя священники-миссионеры пытались (с 1860-х гг.) создать для чувашей письменность, обучать детей на родном языке. Интеллигенции почти не было. Однако из среды чувашского народа выходили и одаренные личности: крупнейший ученый-китаевед Иакинф Бичурин (1777—1853), писатель и педагог, основатель чувашской письменности И. Я. Яковлев, писатель-демократ М. Ф. Федоров, этнографы С. М. Михайлов, позже К. В. Иванов, Г. И. Комиссаров, Н. В. Никольский.

Экономическая и культурная отсталость чувашей сказывалась и в том факте, что во многих районах чуваши утрачивали свою национальность, в частности, уступая более сильным татарам. Немалая часть чувашей в течение XIX в. была отатарена. В бывшей Казанской губернии в начале XIX в. татар было примерно в три раза меньше, чем чувашей, а по переписи 1897 г. численность татар была в полтора раза больше, чем чувашей. Можно проследить целый ряд названий деревень, в настоящее время заселенных татарами, но еще в XIX в. бывших чувашскими. Если бы этот процесс продолжался и дальше, может быть, через несколько поколений чувашский народ исчез бы, ассимилировавшись с соседями. Только Октябрьская революция внесла коренное изменение в условия жизни чувашского народа, спасла его от исчезновения, дала возможность развивать свою самобытную культуру.

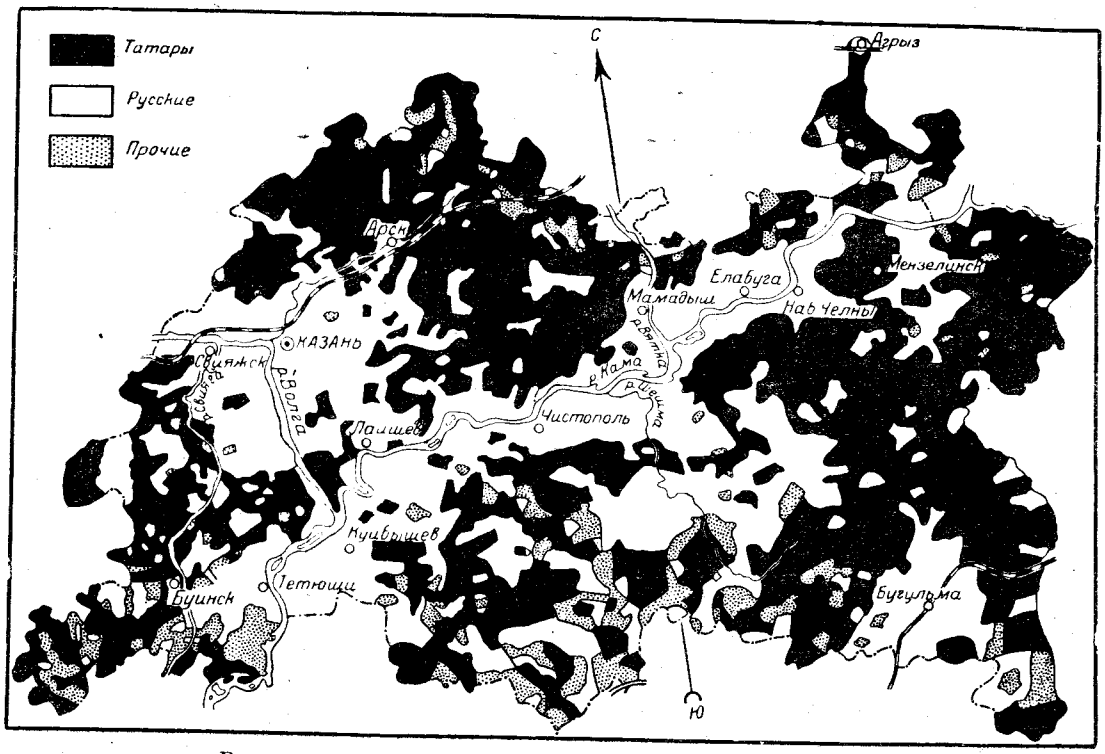
Теперь, в противоположность прошлому, именно у чувашей как раз наиболее высок коэффициент прироста населения: между двумя переписями 1926 и 1939 гг. численность их возросла на 24,2%. Чувашские колхозники достигли зажиточной жизни. Вырос культурный уровень. Весь народ грамотен. Мало семей, где нет человека со средним образованием; интеллигентская прослойка уже довольно значительна, в том числе люди с учеными степенями и званиями.

3. ТАТАРЫ

Самым крупным из народов Поволжья являются татары, точнее, казанские, или волжско-камские, татары. Численность их составляет несколько больше $2^1/_2$ млн. человек. Но не только своей численностью татары выделяются из других народов Поволжья. Это народ, у которого издавна были в наибольшей степени развиты феодальные отношения (в эпоху Казанского ханства и позже). В капиталистический период у татар сложилась своя сильная, влиятельная буржуазия и своя буржуазная интеллигенция. В результате этого и в политической жизни страны казанские татары до революции играли довольно крупную роль. И тогда, и в первые годы Советской власти именно татарская буржуазия и татарская националистическая интеллигенция выдвигали политические требования, которые обычно называют программой пантюркизма—идеи объединения всех тюрко-татарских народов под общим главенством татар. Известно, что самый термин «татары» употребляется в очень широком смысле, и под этим общим именем объединяются народы в сущности весьма различного происхождения—крымские, казанские, сибирские татары и т. д. Это помогало татарской националистической буржуазии выступать руководителем пантюркистского движения.

Географическое распределение татар также несколько своеобразно. Составляя коренное население Татарской АССР, они живут довольно большими группами и за ее пределами; очень много их живет в Башкирии; отдельные группы встречаются в пределах Мордовии, Чувашии, Марийской и Удмуртской республик и в соседних русских областях. Но зато в самой Татарии они живут далеко не сплошным массивом. В связи с русской колонизацией область их расселения оказалась разорванной на множество островов, чередующихся с русскими районами. Татарских деревень нет вблизи Казани и других больших городов. Наиболее густое татарское население сосредоточено в 4 массивах: 1) на правобережье Волги по р. Свияге, 2) на правобережье Камы и по р. Казанке, 3) южнее Нижней Камы, и 4) в юго-восточной части республики. Наиболее самобытным по своим культурным особенностям является район по правобережью Камы.

Этногенез. Татары—народ, чрезвычайно пестрый по своему происхождению. Прежде

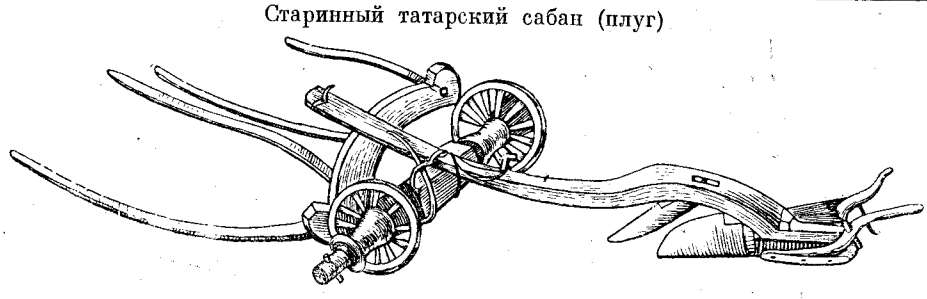
Расселение татар и других народов в Татарской АССР

ний взгляд, что казанские татары являются прямыми потомками батыевских завоевателей, пришедших в Восточную Европу в XIII в., является совершенно неправильным. В составе современного татарского населения, конечно, имеются элементы, исторически связанные с батыевскими татаро-монголами XIII в. Господствующим слоем империи Чингисхана была монголоязычная верхушка, но очень тонкая и быстро рассосавшаяся. Значительная же масса населения империи, в особенности западной ее части, состояла из местных тюркоязычных племен: это были в большинстве кипчаки, или половцы. Можно предполагать наличие именно этого кипчакско-половецкого элемента в составе современной казанско-татарской народности. По языку казанские татары входят в северо-западную или так называемую кипчакскую группу тюркских языков. Культурно этот «кипчакский» элемент был, несомненно, связан с кочевническим миром южнорусских степей XI—XIII вв.

Но степные, кочевнические черты культуры проникали в Среднее Поволжье, несомненно, и в гораздо более раннее время. Археологи устанавливают наличие этих черт в Прикамье еще в эпоху бронзы. В еще больших размерах они присутствовали в Болгарском государстве, главным образом через его связи с хазарами. Это государство было очень пестрым по этническому составу. Вероятно, что «степной» тюркоязычный элемент составлял в нем по преимуществу господствующий, городской слой.

Наиболее прямыми потомками древних

Старинный татарский сабан (плуг)

Изготовление узорной обуви (г. Казань, 1927 г.).

болгар, по крайней мере по языку, являются чуваши. Однако несомненно, что значительная часть древне-болгарского населения вошла в состав современного татарского народа. Археологические исследования последних лет (А. П. Смирнов) показывают непрерывную преемственность культуры болгар X—XIII вв. и культуры «монгольского» периода XIII—XV вв. Самое название «болгары» сохранялось еще очень долго после разрушения Болгарского государства монголо-татарами: в русских летописях оно встречается вплоть до конца XIV в. Только после образования Казанского ханства (Улу-Магомет, 1430-е гг.) население его стало называться «татарами». Но память о происхождении их от болгар осталась. Удмурты и сейчас называют татар «билер» (билеры составляли часть болгар). Марийцы зовут и татар и чувашей одинаково «суас» — видимо, в память происхождения тех и других от общих предков. У самих татар сохранились прочные воспоминания об исторической связи с болгарами, о чем хорошо знают в особенности старики. Татары не любят, когда их считают потомками батыевых монголо-татар.

«Отатарение» древнего болгарского (или болгаро-чувашского) населения началось, очевидно, с городов, где и раньше, видимо, был более силен «кипчакский» слой. Но этот процесс постепенно стал захватывать и деревню. Татаризация ее продолжалась до недавнего времени. Уже на глазах этнографов, в течение XIX в., немало чувашских деревень превратилось в татарские. Помимо этого, в составе казанско-татарской народности имеются, несомненно, элементы иного происхождения—восточнофинского. Мы уже знаем, что часть мордовского населения (каратаи) отатарилась и сравнительно не так давно. Очень вероятно, что были и другие финские группы, которые в более раннее время ассимилировались с татарами.

Это пестрое этническое происхождение татар прослеживается и на антропологическом материале (Т. А. Трофимова). Антропологический состав казанско-татарского населения очень сложен: здесь выделяются и чисто европеоидные типы—темноволосый понтийский, светловолосый балтийский и др.—и переходные к монголоидному типу, особенно сублапоноидный, наконец, собственно монголоидные, преимущественно

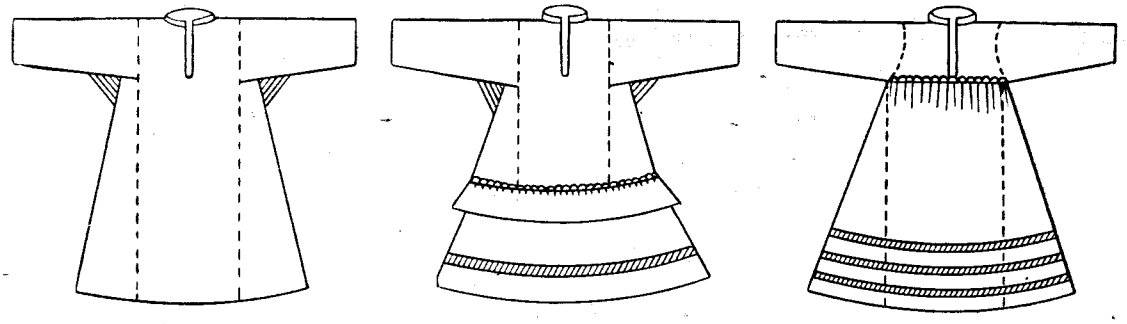

Богато украшенный фронтон татарского дома. Ниша и боковые слуховые окна с сиянием (фото 1947 г.)

южносибирский. Наличие последнего связано с проникновением на Среднюю Волгу из степей кипчакских групп, европеоидные же типы имеют местные древние корни.

Хозяйство. Культура казанских татар, подробно изученная Н. И. Воробьевым, тоже весьма сложна и неоднородна по своему происхождению. Преобладали черты оседло-земледельческой культуры, но с заметной примесью степных кочевнических форм. Татары—народ давно уже целиком оседлый. Но земледелие не составляло такого основного и тем более исключительного занятия для татар, как для соседних народов. Обработка земли у татар была обычно менее тщательна, чем у их соседей. Господствовало трехполье, однако удобрение почти не применялось. Многие татары забрасывали свою землю и уходили в города на заработки, сдавали землю в аренду или, даже сидя на земле, занимались неземледельческими промыслами. Сама техника земледелия почти не отличалась от земледелия соседних народов. Характерен, впрочем, плуг с колесным передком—«сабан». Очень показательно слабое развитие огородничества, которого татары не любили. Овощей ели мало. Скотоводство теперь составляет подсобную отрасль, но есть следы его прежнего более важного значения. Особенно любят татары лошадей и часто устраивают конские состязания. Едят охотнее всего баранину. Все это—элементы кочевнической традиции.

У татар издавна были сильно развиты кустарно-ремесленные производства, иногда в ущерб земледелию. Это связано с тем, что значительная часть татарского населения живет в крупных и мелких городах, в отличие от тех же чувашей, которые почти целиком были сосредоточены в деревне. Это не случайно: как уже отмечалось, именно города Болгарского царства были в первую очередь отатарены. Но кустарей и ремесленников немало и в деревнях Татарии. Особенно развиты производства по обработке кожи, в частности обувное, а также изготовление разных других кожаных изделий, очень интересных в художественном отношении. Развито ткачество, вышивка и изготовление одежды из тканей. Известно 3 типа ткацких станков (по описанию Воробьева): один примитивный, без рамы, сходный с кочевническим,—он почти исчез из быта; другой—«русский», видимо, заимствованный от русского населения; третий—промежуточный, «татарский», наиболее распространенный, отличающийся от русского отсутствием заднего навоя (конец основы сплетается в жгут). Далее развита—но менее, чем у чувашей, у мари—обработка дерева, рогожное и другие подобные производства. Из металлообрабатывающих производств особенно выделяется

Татарский женский «кюлмек»

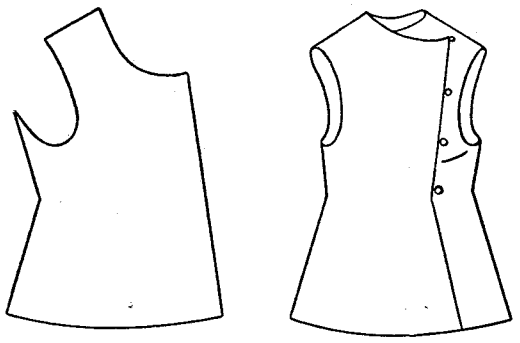
ювелирное, издавна имевшее товарное значение.

В эпоху капитализма сильно выросло значение отхожих промыслов. Многие татары уходили в крупные города на заработки; это были грузчики, землекопы, разносчики, извозчики мелкие торговцы, старьевщики. Немало было и татар-рабочих на фабриках, на нефтяных промыслах Баку, в шахтах Донбасса.

Сейчас в татарских колхозах старый хозяйственный уклад резко изменился, но вместе с тем некоторые национальные традиции в нем сохраняются. Полеводческое хозяйство в колхозах Татарии не менее успешно развивается, чем в других республиках. В последние годы татары-колхозники стали разводить на своих индивидуальных огородах больше овощей. Традиционной чертой является особый вкус к коневодству, которое в татарских колхозах поставлено лучше, чем в других. Зато местами стали разводить и свиней,—вещь раньше неслыханная для мусульманского населения, хотя едят свинину далеко еще не все. Традиционные кустарно-ремесленные производства организованы в промысловые артели.

Поселения и постройки. Татарские деревни расположены большей частью у рек или ручьев, откуда и берут воду—копают колодцы татары неохотно. Старинные деревни утопают в зелени. План деревень обычно запутанный, скученный, улицы узкие и кривые. Можно заметить следы прежних родовых поселений: деревня местами состоит из отдельных групп усадеб—как бы родственных гнезд.

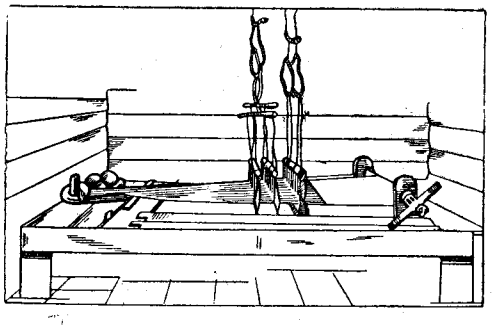
Господствующая форма построек—восточноевропейская срубная изба с двускатной крышей. Дом обычно не выходит прямо на улицу, а отгорожен от нее забором. Так старались ставить дома прежде особенно богачи, а за ними тянулись и середняки; в этом отчасти сказалась мусульманская

Покрой татарского мужского камзола

традиция отгораживать семейный быт от внешнего мира. Дома нередко окружались зеленью. Очень типично, что жилые и хозяйственные постройки разбросаны по усадьбе. Характерной особенностью является декорирование внешнего фасада—полихромная роспись вместо русской резьбы, а также особое сияние на фронтоне в виде солнца (главным образом в северном районе), которое развилось из наличника фронтонного окна, но превратилось в самостоятельный элемент украшения, а само окно иногда разрастается в большую нишу. Крыльцо обычно с навесом. В смысле внутреннего

Старинный ткацкий станок на полозьях без заднего навоя (Восточное Закамье)

Одежда татарского крестьянина (фото 1927 г.)

расположения, обстановки и размещения частей татарское жилище очень своеобразно; характерно прежде всего, что часть избы до печи обычно отделяется перегородкой и занавесью от остальной части избы, и за этой занавесью располагаются кровати. Это связано с мусульманским обычаем затворничества женщин. Печь представляет собой всегда комбинацию русской печи и очага со вмазанным котлом. Печь ставится не у стены, а поодаль от нее; она имеет низко расположенное устье и шесток (60—70 см от пола), что указывает на сохранение традиций кочевой жизни и сидения на корточках. Вдоль стены широкие нары, на которых и спят и едят. Стола часто не бывает, а если и бывает, то служит он не для еды. Мебели вообще очень мало, зато много сундуков, ковров и подушек; особенно так было в прошлом у зажиточных. Сохраняется традиция сидения на полу, покрытом ковром. Характерен обычай увешивать и обтягивать стены полотенцами, коврами и разными тканями, так что углы скругляются, как бы уподобляя дом кочевой кибитке. Все это—элементы, роднящие татарскую культуру с кочевыми культурами степи, наслоившимися на древнюю оседло-земледельческую основу.

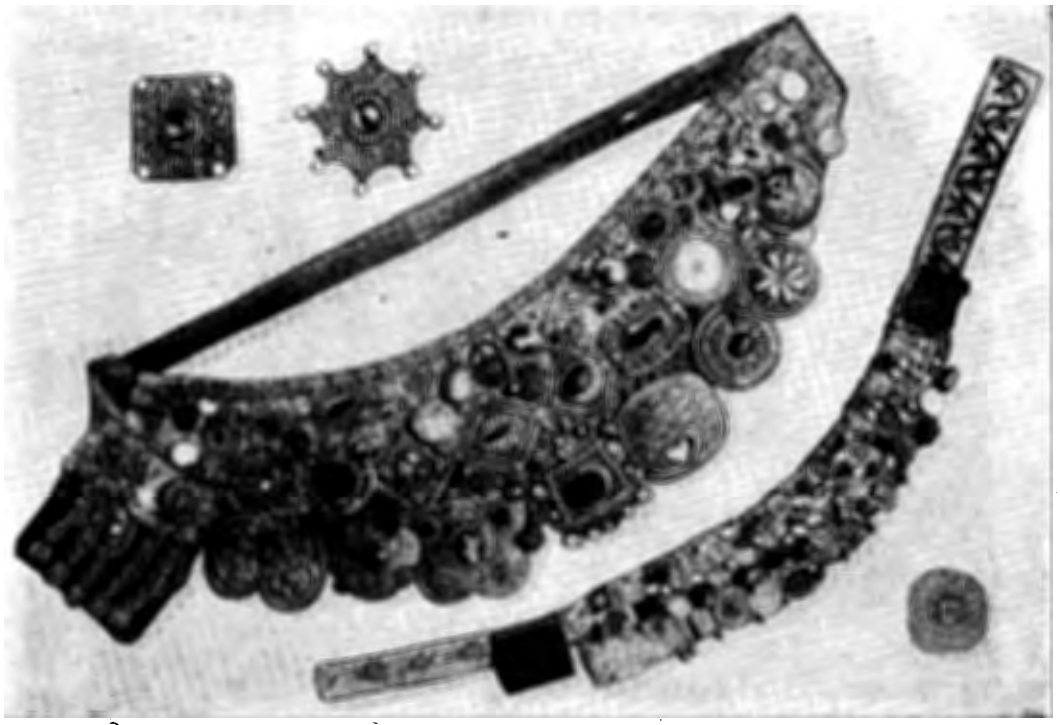
Городские дома—особенно у татарской буржуазии—еще в XIX в. строились и обставлялись на более европейский лад.

Сейчас городская культура проникает и в дома колхозников. Так, в них исчезают традиционные нары и заменяются мебелью городского типа. Исчезают занавески, отделявшие женскую половину. Стены оклеиваются обоями. Во многих деревнях дома колхозников освещаются электричеством. Нередки радиоприемники или репродукторы. Книжные полки или этажерки есть почти в каждом доме.

Одежда. В одежде также наблюдается скрещивание элементов, характерных для оседлого земледельческого населения Восточно-Европейской равнины и кочевнических элементов. Рубашка—в основе обычного туникообразного покроя, но длинная. Своеобразна женская рубашка-платье «кюльмек»—очень длинная, до пят, и широкая, расклиненная внизу. Под рубашку замужние женщины надевали особый нагрудник—«кюкрекчи», с вышивкой на средней части, видной через разрез ворота. Мужчины и женщины носят широкие шаровары, а в качестве верхней одежды—безрукавный камзол. Поверх него мужчины надевают обычно казакин кафтанообразного покроя или такой же, но теплый, бешмет. Такой же бешмет носят и женщины. Вообще покрой мужской и женской одежды у татар сходен. Сравни-

Женские разноцветные ичеги

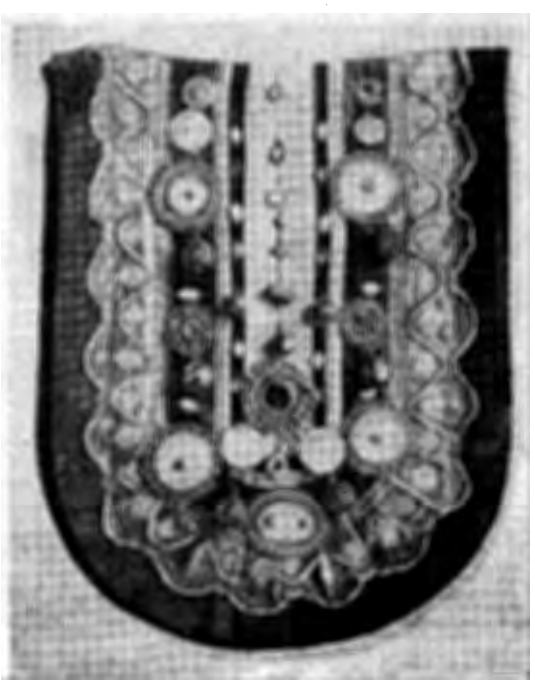
Татарское нагрудное украшение «хэситэ». Сверху и снизу отдельные бляхи

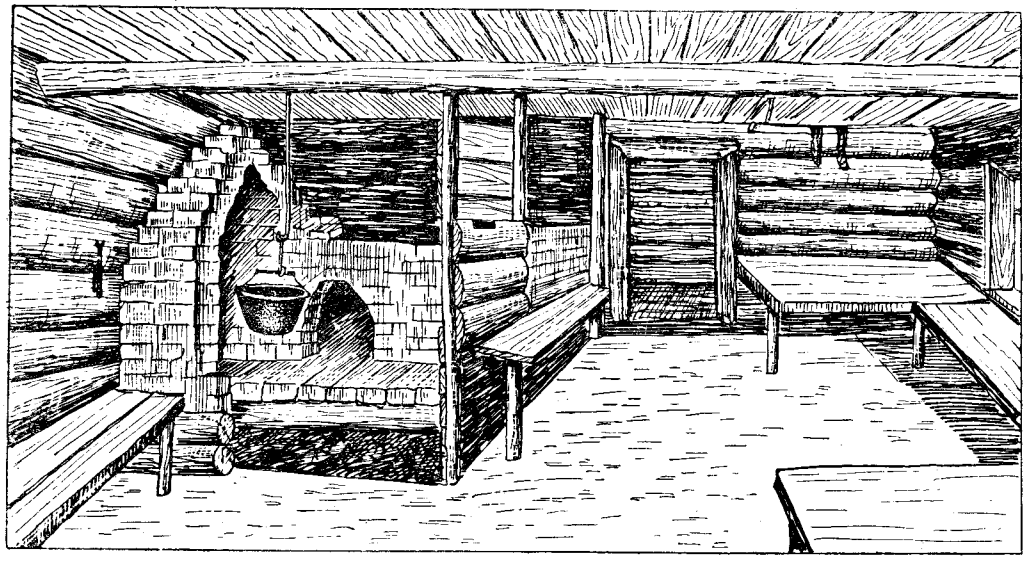
тельно недавно—в XIX в.—появился принесенный из Средней Азии прямоспинный халат или чапан: его пытались ввести в быт татарские купцы и муллы, но он не получил распространения в народе.

Головным убором мужчин служит тюбетейка (возможно, мусульманский обычай) и поверх нее шапка—меховая, овчинная, войлочная и др. Наиболее распространенный женский головной убор—это платок; часто поверх него—большая и тяжелая шаль; носили также головное полотенце, как чувашские женщины. Очень характерный, чисто татарский женский головной убор—колпак из ткани, цилиндрического покроя, покрытый вышивкой. По предположению Н. И. Воробьева, колпак имел прежде твердую основу и таким образом связан генетически с древними башнеобразными головными уборами (подобными айшону удмуртов или шурке у мари).

Старинная обувь—высокие, до колен, «ичеги» из мягкой кожи либо из цветного сафьяна с мягкой же (у женщин и с твердой) подошвой; под них надевали суконные чулки. Вне дома поверх ичегов надевали кожаные калоши. Зажиточные носили и домашние кожаные туфли, иногда без задников. Наряду с этими «восточными» формами

Богато украшенное позументом «изю»

Внутренность мишарской курной избы (д. Ахтуково, Сергачского у., Нижегородской губ., 1927 г.)

обуви широко распространены и восточноевропейские лапти из лыка (сходные с чувашскими).

Женщины, особенно из богатых классов, носили многочисленные украшения: серьги, накосники, браслеты, кольца, подвески на воротнике. Особенно оригинально «изю»—нагрудник из ткани с нашитыми бусами, бляхами, монетами и пр.; а также «хэситэ»—перевязь на груди через левое плечо (как старая орденская лента), тоже сплошь покрытая разными нашитыми бляхами и т. п. Изю и хэситэ считаются особенно типичными из татарских женских украшений.

В основе описанного национального костюма татар лежат, видимо, древние аборигенные формы, близкие к типам соседних народов Поволжья, но они сильно видоизменились под влиянием кочевнической, степной одежды. Так образовался совершенно специфический татарский национальный костюм.

Этот костюм прочно держался до революции, его сохранение особенно поддерживалось татарским купечеством и мусульманским духовенством, стремившимся отгородить татарский народ от русского влияния. Но другая часть буржуазии, связанная с русским капиталом, а также демократическая интеллигенция, охотно перенимали русские формы.

В советские годы многие черты старого татарского костюма, особенно связанные с мусульманским бытом, исчезли. Из национальной одежды более сохранились женский кюльмек, головной платок и шаль, мужской казакин; из украшений сохраняются браслеты, кольца, серьги, накосники. Пожилые люди обоего пола больше придерживаются традиционной одежды, чем молодежь.

Исторические особенности общественного быта. Татары—народ, не только прошедший все фазы феодализма, но познакомившийся достаточно и с капиталистическими отношениями. Выходцы из старой феодальной знати, потомки прежних татарских ханов и мурз, влились в состав русской аристократии. Многие татарские княжеские фамилии (из казанских или из родственных им «ногайских» татар) были внесены в российские родословные книги на правах аристократических княжеских и дворянских родов: таковы были князья Мещерские, Юсуповы, Урусовы, Тевяшовы, Кудашевы и др. Масса татарского населения превратилась в государственных крестьян либо в крепостных у русских помещиков. Землепользование было, как и у русских крестьян, общинным, с частыми переделами. Очень немного было «тарханов»—мелких землевладельцев, потомков служилых татар. С начала XIX в. усилились торговые связи татар со Средней Азией, и начала расти предприимчивая татарская торговая буржуазия. Крестьяне-кустари и ремесленники попали в кабалу к скупщикам и кулакам. Во 2-й половине XIX в. стала расти и крупная капиталистическая промышленность; некоторые из фаб-

рик и заводов принадлежали татарам. Появился и татарский пролетариат. В конце XIX в. уже свыше 5% татарского населения жило в городах—это были в большинстве рабочие или мелкая буржуазия. Классовое расслоение в деревне все усиливалось. Однако общинный строй держался крепче, чем у русских, ибо татарские кулаки стремились не допустить ухода обезземеленных и разоренных крестьян из деревни, держа их в кабале. Поэтому и Столыпинская реформа (1906 г.) в Татарии ни к чему не привела,—даже зажиточные крестьяне не шли на хутора.

Таким образом, и те пережитки архаических общественных форм—сельской общины,—какие сохранялись у татар, сохранялись лишь в той мере, в какой они были полезны господствующему классу.

Религиозные пережитки. Ислам появился среди татар с эпохи хана Узбека, с XIV в. Домусульманские верования сохранились у татар очень слабо. Однако исследователи отмечали наличие остатков древних мифологических образов, близких к образам мифологии других народов Поволжья. Таковы Шуряла—лесной дух, Сыу-бабасы—водяной, Ой-эйса—домашний дух и др. Интересно, что и некоторые из мусульманских сект, существовавших у казанских татар, сложились на почве переживания каких-то домусульманских верований. По крайней мере одна из них—«ваисовцы»—непосредственно связывала себя по происхождению с древними болгарами.

Обособленные группы. Некоторые группы, причисляемые к татарам, стоят, однако, особняком: одни географически, другие по вероисповеданию, а иные, очевидно, и по своему происхождению. Из этих обособленных групп татарского населения особенно интересны мишари.

Татары-мишари живут как в левобережной части Татарской АССР (Чистопольский, Спасский районы), так особенно в правобережной части (Буинский район), а рассеянными группами и дальше к западу, до самой Рязанской области. Они называют себя татарами и даже считают несколько обидной кличкой название «мишер», даваемое им собственно татарами. Но они отличаются от прочих татар некоторыми особенностями языка («цокающее» произношение и пр.) и характерными чертами быта: из этих черт надо отметить печь с подвесным котлом над шестком (как у чувашей, в отличие от вмазанного котла у татар), большой

Девушки-кряшенки в национальных костюмах: (фото 1929 г.)

незамкнутый постройками двор, в одежде—белую холщовую рубаху с вышивкой, напоминающую волжско-финский и чувашский тип. Все эти особенности представляют собой остатки какого-то архаичного, дотатарского культурного пласта и позволяют видеть в мишарях потомков особого народа, позже слившегося, но не до конца, с татарами. Недаром среди современных мишарей замечается преобладание (как установлено недавними исследованиями Т. А. Трофимовой), в отличие от собственно татар, понтийского антропологического типа. Почти все этнографы (Радлов, Толстов, Трофимова) связывают мишарей с древним племенем «мещера», жившим в бассейне Средней Оки.

Правда, некоторые исследователи держатся по этому вопросу другой точки зрения: так, татарский этнограф Г. Н. Ахмаров полагал, что древняя мещера влилась в состав современной мордвы, а мишари, по его мнению,—это остатки особого чисто тюркского кочевого народа, получившего свое имя лишь потому, что он поселился в Мещерском крае; но эта теория недостаточно обоснована.

Карагашский национальный костюм

Несколько обособленное положение занимают мещеряки Башкирии. Это потомки тех же татар-мишарей, поселенные среди башкир царским правительством еще в XVII в. (1688) для несения пограничной службы. Они в значительной мере обашкирились, но сохранили свое наречие, близкое к мишарскому. По переписи 1897 г. мещеряков насчитывалось 64 тыс., позднейшие переписи не отделяли их от мишарей (242 тыс. в 1926 г.).

Тептяри. Вместе с мещеряками Башкирии упоминаются обычно «тептяри» (27,4 тыс., 1926 г.). Это мало изученная группа, о происхождении которой высказывались разные предположения. Г. Н. Ахмаров установил, что тептяри—по происхождению сословная, а не этническая группа: это потомки переселенцев и беглецов из бывш. Казанского царства, которых башкирские мурзы селили на своих землях по особым записям; эти записи назывались «дефтярь» (персидское слово), откуда и название «тептяри». По этническому происхождению подавляющее большинство тептярей—татары, но небольшая часть—из удмуртов и мари.

Карагаши. Своеобразное положение занимают и некоторые другие группы татарского происхождения. Таковы живущие в районе Астрахани в дельте Волги карагаши («кундровские татары»), потомки астраханских татар, завоеванных Иваном Грозным. Они исторически связаны с ногайскими ордами. Сохранились и следы родоплеменных делений: роды Найман, Ас, Мангут и др. Численность карагашей—около 6 тыс. По культуре и быту они отчасти близки к казанским татарам, но в их быту гораздо больше степных скотоводческих традиций: скотоводство составляет излюбленное занятие (хотя более значительную экономическую роль играет ловля рыбы в Волге), земледелие развито слабо, любимая пища—конское и баранье мясо, долго сохранялась решетчатая юрта (летнее жилье), арба с большими колесами и пр.

Географически обособлены касимовские татары, живущие в г. Касимове на р. Оке (Рязанская обл.) и в девяти деревнях вокруг него. Происхождение их не совсем ясно. Город Касимов назван так по татарскому «царевичу» Касиму, которому московский князь Василий II пожаловал в середине XV в. существовавший здесь прежде «Мещерский городок». В этом районе издавна обитала мещера, вероятно, к этому времени частью тюркизированная. Есть мнение, что касимовские татары по происхождению как раз и были мишарями, потомками мещеры. Но сейчас они составляют отдельную от мишарей группу. Видимо, в период существования «Касимовского царства» (оно так и называлось вплоть до начала правления Петра I) сюда переселялись татары со Средней Волги.

Сейчас язык касимовских татар отличается от собственно татарского фонетическими особенностями: утрачен звук «к», вместо «ч» произносится «с» и т. д. Можно отметить как особо выдающуюся черту слабость земледельческих традиций и резкое преобладание отхожих промыслов. До революции это проявлялось очень своеобразно: из некоторых деревень все мужчины-татары уходили в Петербург и служили официантами в ресторанах, отдавая свою землю в аренду. В остальном касимовские татары примыкают к казанско-татарской группе.

Группы татар, обособленные по религиозному признаку,—это «кряшены» и нагайбаки.

«К р я ш е н ы», т. е. крещеные татары,—довольно многочисленная группа (101 тыс., 1926 г.). Они были принудительно крещены, частью еще в XVI в. («старо-кряшены»), частью в XVIII в. («ново-кряшены»), но при этом сохранили свой татарский язык. Сейчас, впрочем, «ново-кряшен» осталось мало: большая часть их во 2-й половине XIX в. вновь приняла ислам.

В этнографической литературе ставится вопрос о происхождении кряшен: считать ли их просто христианизированными казанскими татарами или, может быть, в формировании этой группы принимали участие различные группы тюркского населения, в том числе и никогда не бывшие мусульманами. Во всяком случае, будучи по религии отделены от основного ядра татарской народности, кряшены—особенно «старо-кряшены» — и в культурном отношении несколько обособились от них и жили самостоятельной жизнью. Не испытывая воздействий со стороны мусульманской Бухары, кряшены сохранили во многом более архаический уклад, чем татары.

Н а г а й б а к и. Отдельную небольшую группу татар-христиан представляют собой также нагайбаки (11 тыс. человек), живущие в Верхне-Уральском районе Челябинской обл. Они—потомки крещеных татар, живших около с. Нагайбак (на р. Ик, притоке Камы), откуда были переселены в конце XVIII в. Занимаются нагайбаки земледелием и разведением скота. В их быту татарские черты смешиваются с русскими.

Народное творчество и культурное развитие. Народное творчество татар проявилось больше всего в прикладном орнаментальном искусстве: многоцветная роспись домов, а особенно женское вышивальное искусство. Вышивкой покрываются разнообразные предметы быта. Она многоцветная с преобладанием голубого и зеленого цветов, излюбленных у татар. Характерен также орнамент на коже и на ювелирных изделиях. Доминируют растительные и чисто геометрические мотивы, особенно характерные завитки: изображения живых существ были запрещены мусульманской религией.

В татарском фольклоре наиболее интересны песни—лирические, любовные, шуточные и др., а также сказки, нередко сатирического содержания, высмеивающие богачей, мулл. Музыка татар—в основе одноголосная, построена на пятитонном звукоряде (пентатоника). Сейчас татарская музыка вступила на новый путь развития, она обогащается под влиянием русской музыкальной культуры. Создан и национальный театр—до революции были лишь робкие попытки создать его,—вопреки мусульманскому запрету. Теперь есть татарская опера («Алтын-Чеч», «Ильдер» и др.), балет («Шурале», «Фатых» и др.).

В целом культурный уровень татарского населения был и до революции заметно выше, чем у других народов Поволжья. Был довольно высок процент грамотных и по-татарски и частью по-русски, правда, почти исключительно мужчины. Росли кадры национальной интеллигенции. Но она была весьма неоднородна. Реакционно-националистические интеллигенты в интересах татарской буржуазии стремились сохранить и усилить черты азиатско-мусульманского быта народа, отгородить его от русского влияния. Этой цели служили «старометодные» мусульманские школы, где детей учили на арабском языке, заставляли бессмысленно зазубривать религиозные тексты. Сторонники этого направления засоряли татарский язык персидскими, арабскими, узбекскими словами, создавая искусственный, непонятный народу язык «тюрки». Другая часть буржуазной интеллигенции, связанная интересами с русской буржуазией, старалась модернизировать и европеизировать культуру народа, вводя «новометодные» школы со светской программой обучения. Но и эти «новометодисты» (джадидисты) не заботились о подлинном просвещении народа, и в конечном счете цели их были те же, что и у «старометодистов»: закрепление господства своей буржуазии над народом.

Зато прогрессивная, демократическая интеллигенция выступала за сближение татарского народа с русским, за его освобождение от гнета. Писатель-демократ Каюм Насыров, позже Шариф Камал, поэт Габдулла Тукаев и др. резко критиковали заскорузлый азиатский быт народа, засилье богачей и мулл.

С начала XX в. стало сказываться и влияние марксизма на культурное развитие татар. Казань была одним из крупных центров революционного движения России: тут работали Ленин, позже Киров. В 1907 г. появилась первая большевистская татарская газета «Урал» (вскоре закрытая властями), ею руководил татарин-большевик Х. Ямашев.

В Советские годы культурный уровень всего татарского народа неизмеримо вырос. Дети почти поголовно охвачены начальным и средним школьным обучением. В Татарской

АССР имеется 12 высших учебных заведений (1939). Национальная советская интеллигенция многочисленна. С 1945 г. работает Казанский филиал Академии наук СССР, объединяющий более 20 научных институтов. Издается множество книг, журналов, газет на татарском языке. Выросла национальная литература.

4. БАШКИРЫ

Третьим крупным тюркским народом Поволжья являются башкиры, представляющие особенно большой этнографический интерес в связи со своим исключительно пестрым этнокультурным составом. Башкиры (несколько больше 840 тыс.)—коренное население Башкирской АССР, но расселены они несколько своеобразно. Благодаря колонизаторской политике царизма XVIII—XIX вв. область расселения башкир оказалась разбитой на мелкие клочки: сюда переселялись колонизаторские элементы—русские, татарские и разные другие; вследствие этого основной массив территории Башкирии населен башкирами вперемежку с другими народностями, а часть башкирской этнической территории вообще находится на отлете, на востоке, за Уралом.

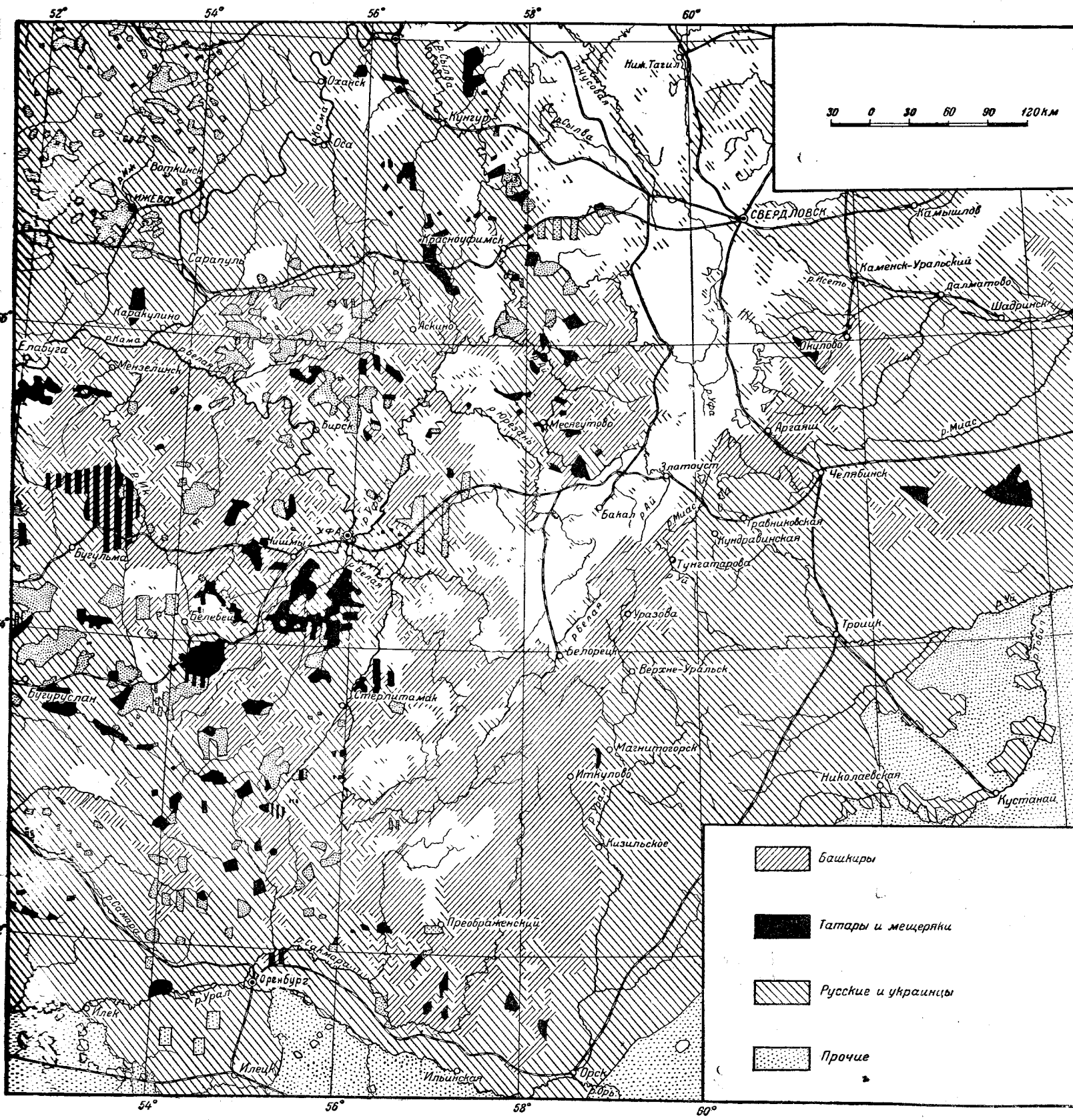
Исторические известия о башкирах восходят к сравнительно раннему времени. Мы находим упоминания о них уже у арабских писателей X и последующих веков. Арабы называли этот народ «башкурт», «башгирд», «башджард», «баджегар», «маджагар»: последняя форма (у Ибн-Рустэ) напоминает название мадьяр-венгров. Европейские путешественники XIII в.—Плано Карпини и Рубрук—упоминают о народе «паскатир» (башкирах), связывая этот народ с «Великой Венгрией», т. е. опять-таки с мадьярами, предки которых действительно вплоть до IX в. кочевали в южном Приуралье. Русские летописи и официальные документы, особенно XVI—XVIII вв., содержат в себе немало сведений о башкирах. Этнографические описания башкир появляются впервые в XVIII веке: у Рычкова, Палласа, Фалька, а особенно подробное—у Лепехина. Из литературы XIX века выделяется обстоятельное «Описание Оренбургской губ.» Черемшанского с обильными сведениями о башкирах. Но лучшее исследование о башкирах, их антропологическом составе и их культуре принадлежит советскому ученому С. И. Руденко. Его двухтомный труд «Башкиры» (1916—1925; новое однотомное издание, 1955) представляет самое подробное описание в особенности материальной культуры. Эта последняя изучена во всех ее элементах с большой тщательностью, и распространение каждого из них картографировано, что редко делается в нашей литературе. В последние годы много нового внесли молодые башкирские ученые: Р. Б. Ахмеров, Р. Г. Кузеев и др.

Что поражает прежде всего, когда знакомишься с хозяйственно-культурным обликом башкирского народа,—это необычайная сложность и пестрота входящих в состав башкирской культуры элементов, что можно проследить решительно на всем.

Хозяйство и основные культурно-хозяйственные типы. По хозяйственному признаку Башкирия может быть разделена на несколько основных областей. Прежде всего, восточная область, где преобладает скотоводческое хозяйство, до недавнего времени сохранявшее в значительной степени кочевой характер. Она подразделяется на юго-восточную и северо-восточную подобласти. Затем Центральная горная область, характеризующаяся относительно большим развитием охотничьего и других лесных промыслов. И, наконец, западная и северо-западная лесостепная области, где не только в настоящее время, но и прежде главную роль играло земледельческое хозяйство.

По этим основным хозяйственно-географическим зонам, как мы увидим дальше, распределяются и почти все элементы материальной культуры башкир.

Одно из господствующих занятий башкир—это скотоводство, которое в прошлом было значительно более развито, но в связи с отнятием у башкир земель в XIX веке пришло в упадок. Теперь скотоводство занимает самое видное место у юго-восточных и восточных башкир, и здесь оно обладает наиболее типичными чертами. Здесь до недавнего времени сохранялась система зимних тебеневок скота, почти без запасания сена на зиму. В западной части Башкирии, напротив, преобладает другая система скотоводства—стойловая, с запасанием на зиму корма.

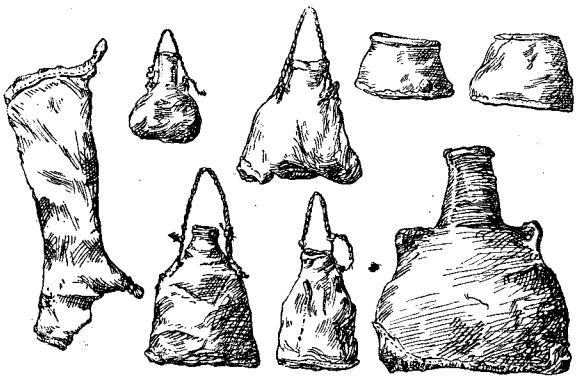
Карта расселения башкир

Наиболее характерные направления башкирского скотоводства—это коневодство и овцеводство. Башкирская лошадь особой породы, в которой несомненна примесь крови местной степной дикой лошади, сохранявшейся в степях еще в XVIII веке; малорослая и неказистая на вид башкирская лошадь, однако, обладает ценными качествами: она быстра на бегу, вынослива и неприхотлива. Из кобыльего молока башкиры делают свой знаменитый кумыс—на основе его сейчас в Башкирии созданы здравницы всесоюзного значения.

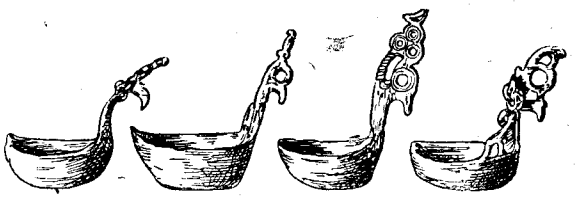
Овец башкирские баи разводили прежде очень много, в восточных районах их и сейчас немало. Там господствует порода калмыцких курдючных овец, в других местах—простая грубошерстная, по преимуществу белой масти. Овца дает мясо, шерсть, овчину. Дойки овец нет, зато доят коз. Рогатый скот для башкир менее характерен, его меньше, и он не составляет какой-либо особой породы. Из коровьего молока приготовляют довольно разнообразные молочные продукты (каймак, катык, курут, айран и др.), типичные для кочевников-скотоводов. Прежде башкиры, подобно своим соседям казахам, разводили также верблюдов, теперь их не держат.

Сейчас в башкирских колхозных товарных фермах и у отдельных колхозников вводится племенной скот и улучшаются местные его породы. Башкирская корова, правда, и сейчас дает меньше молока, чем известные ярославская и другие молочные породы, однако в среднем раза в два больше, чем в доколхозное время, и молоко это—очень жирное. Коневодство, пришедшее в упадок в период капитализма, восстанавливается; прославленные качества башкирской лошади улучшаются путем скрещивания (государственные племенные рассадники рысистых и башкирских лошадей). Метизированная овца дает шерсти в 2—2,5 раза больше, чем старая неулучшенная порода. Местами стали разводить и свиней, что не допускалось старой мусульманской традицией.

Земледелие играет главную, преобладающую роль в северо-западной Башкирии, где оно связано с оседлым образом жизни; вспомогательную роль оно играет в других частях Башкирии. Но под влиянием русских и в связи с сокращением животноводческого хозяйства многие башкиры уже с конца XVII в., а особенно в XVIII в. переходили к земледелию, и оно появлялось и там, где

Посуда из кожи

Деревянная резная посуда

раньше, по-видимому, совершенно отсутствовало,—в восточных районах.

Если скотоводческое хозяйство сближает башкир со степными народами Средней Азии, то земледельческая техника, напротив, роднит их с оседлыми народами Поволжья и вообще Восточной Европы. Система земледелия была прежде подсечная в лесистых местах и переложная в степных; позже повсюду распространялось трехполье. Ныне в башкирских колхозах введена современная агротехника. Сеют те же злаки, какие известны народам Восточной Европы: пшеницу, рожь, овес, ячмень. Пшеница и сейчас сохраняет свое ведущее значение (Башкирия—одна из крупнейших областей зернового хозяйства СССР), но рядом с ней сильно выросли новые культуры: особенно сахарная свекла, кормовые травы. Огородные культуры были распространены до последнего времени мало. Орудия обработки почвы были общие с соседними народами: больше всего применялся сабан с колесным передком, сходный с татарским, далее, русская двухлемешная соха и косуля. Бороны сходны с русскими. Орудия уборки—серп, коса с граблями—тоже не отличались от русских. Молотили цепами (в северо-западных районах), копытами лошадей (в центральных и восточных). Размол—на ручных жерновах (старинный способ) или на водяных мельницах, причем отмечен архаичный тип мель-

ниц-мутовок с горизонтальным колесом. Сейчас весь этот старинный инвентарь выходит или вышел из употребления.

Любопытно развитие охотничьего хозяйства, причем двух совершенно различных типов. В северо-западной и в центральной горной Башкирии существует та техника охотничье-промыслового хозяйства, которая известна таежной зоне Сибири, с применением всякого рода ловушек—черканы, пасти, слопцы и т. п. В степной, юго-восточной и южной Башкирии был известен совсем иной вид охоты, тот же, какой распространен, например, у казахов. Это охота с ловчими птицами (соколами и ястребами) и затем особая техника охоты: гоньба зверя верхом на лошади, с собаками (лисиц и зайцев) или без собаки (волков).

Таким образом, и в области охотничьего хозяйства мы видим как бы сочетание двух совершенно различных культурных типов.

Вспомогательной отраслью хозяйства является пчеловодство—бортное и пасечное. Распространение пчеловодства охватывало прежде большую часть Башкирии, но оно отсутствовало в степных юго-восточных районах, т. е. там, где было прежде всего развито табунное скотоводство[1]. Можно сказать, что эти две формы хозяйства друг друга исключают, точнее, исключали в прошлом: сейчас в социалистической Башкирии пчеловодство распространилось невиданно, в том числе и в юго-восточных районах. Кстати Башкирия, с ее богатейшими запасами медоносных растений, уже заняла одно из первых мест в СССР по пчеловодству; колхозы имеют крупные пасеки, по нескольку сотен пчелосемей, в рамочных ульях, получают до 50 кг меда от каждой семьи.

Если рассмотреть технику обработки различных материалов у башкир, то обнаруживаются те же характерные различия типов, которые можно свести к двум основным: юго-восточному—и центральному и северо-западному. Первый характерен преобладанием животного сырья для разных изделий и утвари, второй—растительным сырьем.

В тех районах, где господствовал степной скотоводческий уклад хозяйства, широко используется животное сырье: шкуры, кожи, шерсть, сухожилия, рог. Техника выделки кожи—дымление в особых земляных ямах и полуподземных срубных коптилках, обработка при помощи молочной сыворотки и творога (дубления башкиры не знали), скобление особым скребком. Посуда и утварь в этих районах была по преимуществу кожаная. Кожа и мех шли также на приготовление одежды и обуви, на ремни и пр. Из овечьей шерсти выделывали войлок, а также ткали сукно и ковры. Вся эта область техники—почти точная копия казахской.

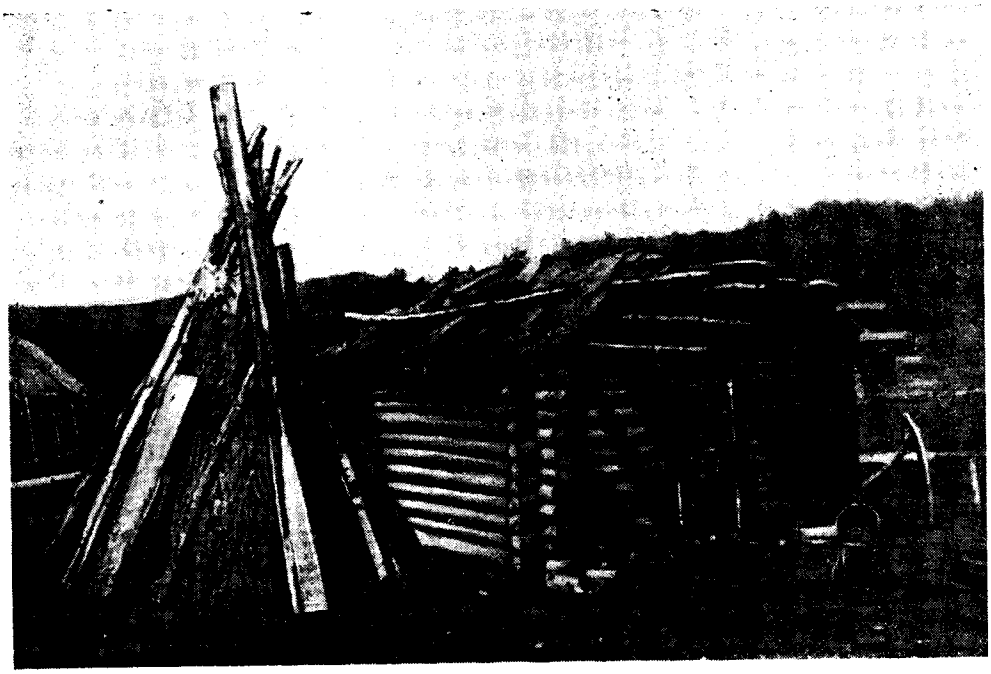
Напротив, в горнолесной и лесостепной части Башкирии, т. е. в центре и на западе, преобладающий материал для утвари, посуды и прочих изделий—дерево. Здесь встречаются те же разнообразные формы долбленых и резных деревянных сосудов, ложек, черпаков, берестяная и лыковая утварь, плетеные рогожи и кули из мочалы, корзины из ивовых прутьев и пр. Все это связывает башкир с лесостепной и лесной культурной областью. В этих районах известно также прядение и ткачество из растительных волокон. Материалом служит главным образом конопля, реже лен и крапива. Ткацкий стан того же типа, как у народов Поволжья.

Обработка неорганических веществ почти отсутствует. Гончарства башкиры не знали—здесь сказывается сильная кочевническая традиция. Кузнечное ремесло было прежде достаточно развито и даже соединялось с художественной обработкой железа—чеканка и насечка серебром, но уже в XIX в. это производство пришло в упадок.

Почти все перечисленные производства у башкир носили чисто домашний, а не товарный характер, этим они отличались от более развитых кустарно-ремесленных производств татар. На продажу башкиры только в очень немногих местах изготовляли кули и рогожу. Зато кое-где в лесистых районах были развиты отхожие лесные промыслы—смоло- и дегтекурение, лесосплав.

Фабрично-заводская промышленность в Башкирии зародилась еще в середине XVIII в.: это были главным образом мелкие горные заводы (медь, чугун, железо), золотые прииски, солеварни, а в западной Башкирии—пивоваренные, водочные, кожевенные и

[1] Вообще в Башкирии можно найти немало культурных элементов, районы распространения которых более или менее покрывают друг друга. Если посмотреть на этнографическую карту Башкирии, где нанесено распространение целого ряда культурных признаков—такую карту приложил к своей книге С. И. Руденко,—то мы увидим, что границы между ними в большинстве идут параллельно с юго-запада на северо-восток. Одна и та же линия, например, является северо-западной границей распространения табунного скотоводства и юго-восточной границей пчеловодства; почти по той же линии идет граница бытования соколиной охоты, плетневых построек и пр. Это распространение хозяйственно-географических типов повторяется весьма закономерно во всех областях культуры.

Шалаш (кууш) и сруб (бурама) (начало XX в.)

Кибитки казахского (слева) и монгольского (справа) типа (начало XX в.)

Изба из двойного плетня.

другие заводики. Рабочими были крепостные горнозаводские крестьяне, а после реформы 1861 г.—наемные, которых гнала нужда из местных башкирских и других деревень.

За годы Советской власти в Башкирии создана мощная социалистическая индустрия, и она заняла ведущее место в экономике республики: крупная нефтепромышленность на основе богатых залежей нефти «Второго Баку», химическая, металлургическая, машиностроительная, деревообрабатывающая и др. В числе рабочих много башкир.

Поселения и постройки. В течение более полутора столетий происходило постепенное сокращение кочевок, сокращение землепользования, отнятие земли у башкир и вынужденный их переход на оседлость. Поэтому современное соотношение оседлого и кочевого быта у башкир нехарактерно для более раннего времени. Если кочевничество раньше целиком преобладало в степной юго-восточной и южной части Башкирии, то в лесостепной западной части кочевой образ жизни выступал гораздо менее заметно. Здесь преобладало полуоседлое, а в северо-западных областях даже оседлое хозяйство. В недавнее время традиции кочевания сохранялись более или менее только в степной зауральской части Башкирии, в остальных частях уже давно не кочуют. Кочевали в последнее время перед революцией главным образом зажиточные хозяева, у которых было больше скота. Сейчас на смену кочеванию пришла табунно-отгонная система животноводства, применяемая в колхозах.

Господствующим типом поселения почти во всей Башкирии, особенно в западных и северных ее частях, еще в XIX в. стала деревня, беспорядочного кучевого плана, позже нередко—под русским влиянием—с прямой и широкой главной улицей. В горных и зауральских районах деревни были невелики по размерам. Чаще селились башкиры близ воды (у реки, озера, родника), колодцев же обычно не рыли.

После победы колхозного строя многие башкирские деревни неузнаваемо изменились. Они стали крупнее, нередко расположены по новому рациональному плану, благоустроены, в них много общественных построек. Нечего говорить о росте и благоустройстве городов Башкирии.

Ни в чем так не сказалось разнообразие форм материальной культуры башкир в прошлом, как в типах построек. Мы находим здесь разные формы кочевых жилищ и жилищ оседлого типа. Из кочевых самым примитивным является корьевой конический шалаш («кууш»), который известен в качестве летнего жилища в центральной части Башкирии. Такой же конический шалаш, но крытый кошмой, встречался у зауральских башкир. Он представляет собой как бы переход к центрально-азиатской кибитке. Была и решетчато-войлочная кибитка, притом обоих подтипов, и казахского и монголо-калмыцкого[1]. Этот тип преобладал в степной части Башкирии, казахский подтип—в юго-восточной, монгольский—в северо-восточной.

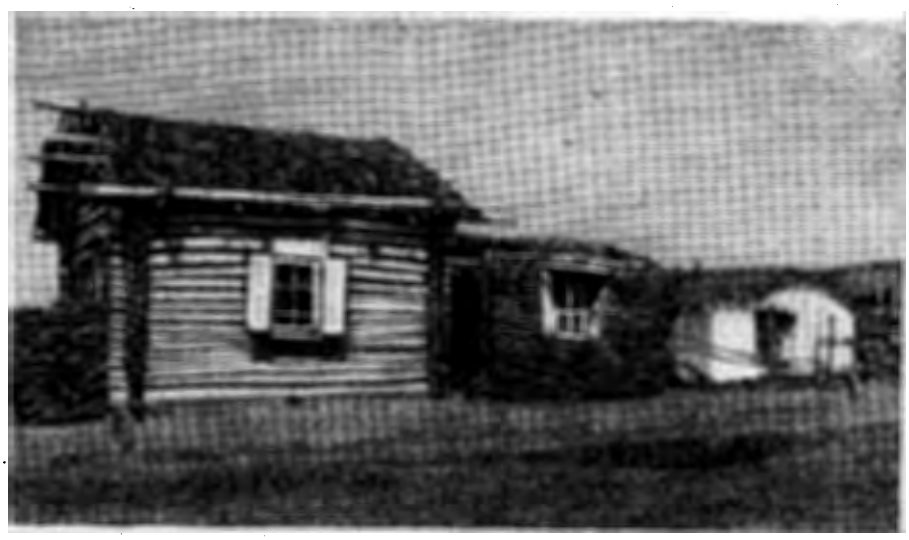
[1] Об этих типах кочевых жилищ см. стр. 379.

Саманная изба (начало XX в.)

Пластовая изба (начало XX в.)

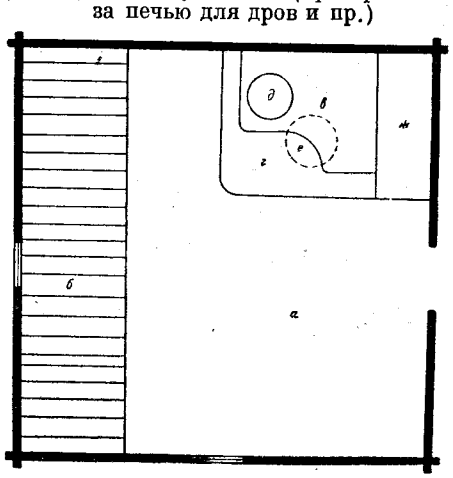
Избы: бревенчатая, из двойного плетня, плетневая обмазанная снаружи глиной (начало XX в.)

Внутри кибитки обычно отделялась особой занавеской правая женская половина. Затем идет переходный, полуоседлый тип постройки — «бурама́», которая встречалась в горной части Башкирии, т. е. на Южном Урале и ставилась только на летовках. По типу своему это уже постоянное жилище, но по назначению оно связано с кочевым образом жизни. Бурама—это простой сруб, однокамерный, с двускатной крышей, отличающийся от русской избы тем, что он не имеет окон, стены не конопатятся и в них много щелей, через которые проходит свет.

Другой своеобразный переходный тип жилища, приближающегося к постоянному,— «аласык»: это легкая постройка четырехугольного плана на деревянном каркасе, корьевая, берестяная или лубяная, без окон. Такое жилище известно еще у остяков и вогулов, а также у народов Амура. В первые годы после революции появились и дощатые аласыки.

К числу постоянных построек принадлежит пластовое, или дерновое, жилище, углубленное слегка в землю и сложенное из пластов дерна, которым покрывается и крыша. Этот тип жилища, встречающийся в степных безлесных районах, вызван отсутствием древесного строительного материала. Далее, саманное, т. е. из сырцового кирпича, жилище, приближающееся к казахскому зимнику. Крыша его, обычно двускатная, но очень пологая, кроется дерном. Затем плетневая изба, из ординарного или двойного плетня, обмазанная или не обмазанная. Если искать аналогии, то вспоминаются кабардинские или черкесские постройки (о них будет речь ниже). Встречаются и каменные избушки, сложенные из плитняка, скрепленного глиной. Все эти типы жилищ характерны главным образом для степной Башкирии. Наконец, срубный тип жилищ разной формы и разной степени сложности, вплоть до избы-пятистенки, особенно распространен в северо-западной, лесной и лесостепной части Башкирии и связан с оседло-

План пластовой избы:
а—öй (изба); *б*—урындык (нары); *в*—мейес (печь); *г*—кöлдöксэ (глинобитная площадка перед печью); *д*—усах (очаг со вмазанным котлом); *е*—сыуал (камин); *ж*—сыуал алды (пространство за печью для дров и пр.)

земледельческим хозяйством, но в настоящее время встречается повсеместно. Хотя этот «русский» тип построек распространился в новейшее время шире и ныне почти вытеснил собой более примитивные формы, но все же отнести целиком этот тип за счет русского влияния нельзя. Срубный тип жилища, по крайней мере в более элементарных формах, имеет здесь глубокие местные корни.

Из жилищ срубного типа встречаются и избы с низким подпольем, и избы с высоким подпольем, т. е. с полом, высоко поднятым над землей, хотя это подполье мало используется,—самое бóльшее как омшаник для зимовки пчел. Такой тип жилищ преобладает в северо-западной части Башкирии.

Планировка жилой постройки, какова бы она ни была по материалу, зависела в прошлом от зажиточности хозяина. У бедняков были маленькие однокамерные жилища. У богатых они делились на две половины: чистую, для приема гостей (кунак-уй), и черную, где готовили пищу (аш-уй) и где жили большей частью женщины.

В любом старом башкирском жилище видное место занимали широкие нары («урындык») вдоль передней—против входа—стены: на них сидели, ели, спали. Другой обстановки почти не было: у зажиточных ее заменяли ковры, войлоки, подушки.

Типы огнища для отепления жилья и приготовления пищи весьма разнообразны: встречались все его формы от примитивного костра до усовершенствованной русской печи. В круглых кочевых жилищах огонь нередко разводили просто посередине на земле без всякого приспособления или на низенькой глинобитной площадке; в войлочной кибитке даже и этого не было, и огонь разводили снаружи. В прямоугольных жилищах постоянного типа обычно был камелек или «сыуал» (чувал), который ставился обычно в углу у входной двери и состоял из глинобитной площадки и прямой широкой трубы. Это тот тип камелька, который известен и у ряда лесных народов Сибири. У башкир он прежде был распространен повсеместно, но еще в дореволюционные годы все более вытеснялся русской печью, особенно в избах. Очень часто встречалась комбинация чувала с печью и особой печуркой со вмазанным котлом на татарский лад. Имеются и наружные хлебные печи куполообразной формы, хорошо известные многим южным народам.

Надворные постройки башкир тоже весьма разнообразны по материалу и форме.

Большинство названных выше типов построек, весьма архаичных, сейчас уже не встречается, хотя в первые годы после революции они широко бытовали. Теперь почти повсеместно господствует срубное жилище. Мало того: новые дома башкирских колхозников вообще уже мало общего имеют с традиционными формами. Это чистое и светлое, благоустроенное жилище, с городской обстановкой—шкафы, кровати, стулья, столы. От старых традиций во многих домах сохранился урындык (нары), но он обычно покрыт красивым ковром или узорной кошмой.

Одежда. Одежда тоже представляет значительное разнообразие типов, правда, сейчас мало сохранившихся. В юго-восточной части преобладали те типы костюмов, которые связываются с кочевнической среднеазиатской культурой,—широкая халато-образная верхняя одежда: овчинный тулуп («тун») с прямой спиной, одинаковый у мужчин и женщин, но у мужчин всегда с поясом; такого же покроя, но суконный, «сякмян», халатообразный «жилян»; затем штаны с широким шагом, тоже одинаковые у обоих полов, меховая или суконная шапка—малахай и т. д. Эти кочевнические типы одежды были распространены главным образом в степной части Башкирии.

Наряду с этим существуют и формы, близкие к костюмам народов Поволжья, частью недавно заимствованные от татар. Такова мужская и женская рубаха татарского покроя, сшитый в талию кафтан («сыба»), безрукавка (камзол), войлочные шляпы, целый ряд женских головных уборов, обшитых украшениями из монет. Все это преобладает в западных районах.

Такое же разнообразие и в типах обуви. В юго-восточной части Башкирии преобладают те формы обуви с суконными и войлочными чулками, с кожаными на мягкой подошве сапогами или суконными сапогами с кожаной головкой и подошвами, которые свойственны народам Средней Азии; в северо-западной части бытовали лыковые лапти и онучи, русские сапоги.

В одежде можно отметить очень мало таких элементов, которые были бы характерны только для одних башкир. Однако есть отдельные детали, которые не связывают башкир с каким бы то ни было народом, а обособляют их. Таким элементом являются, например, женский головной убор «кашмау» в виде башлыка, некоторые украшения, особенно из кораллов, и своеобразная вышивка на женском обрядовом головном убо-

ре, точнее, повязке в форме трапеции, так называемом «хараус». Это старинное украшение, теперь вышедшее из употребления, было характерно именно для башкир. Оно отличается поразительным разнообразием вышивки.

Выводы по материальной культуре. Общие выводы из обзора материальной культуры башкир сводятся к следующему. Во-первых, мы видим действительно необычайное разнообразие элементов этой материальной культуры. Едва ли найдется во всем Советском Союзе народ, который бы мог сравниться в этом отношении с башкирами.

Во-вторых, эти разнообразные элементы лишь отчасти между собой перемешаны, а в большинстве случаев размежеваны географически так, что образуют определенные локальные культурные типы.

Эти локальные типы хорошо установлены С. И. Руденко. Они совпадают с экономическими районами Башкирии. Основные из них: 1) восточный, степной, кочевническо-скотоводческий; 2) центральный горно-таежный; 3) западный оседло-земледельческий. Каждый из этих типов подразделяется на более ограниченные географические подтипы: восточный—на северо-восточный и юго-восточный, западный—на северо-западный и юго-западный, с дроблением последнего на еще более мелкие районы. В восточных степных районах, но отчасти и в юго-западных, преобладают кочевнические элементы культуры: решетчато-войлочная кибитка, кожаная посуда и утварь, выделка войлока, среднеазиатские формы одежды и проч. Культурный уклад башкир здесь мало отличается, например, от казахского. В центральной горной Башкирии сильны элементы таежной культуры (корьевой шалаш, деревянная и берестяная утварь и проч.). В западных областях господствуют те же бытовые элементы, как у народов Поволжья: срубная изба, ткани из растительных волокон, холщовая одежда, лапти и проч.

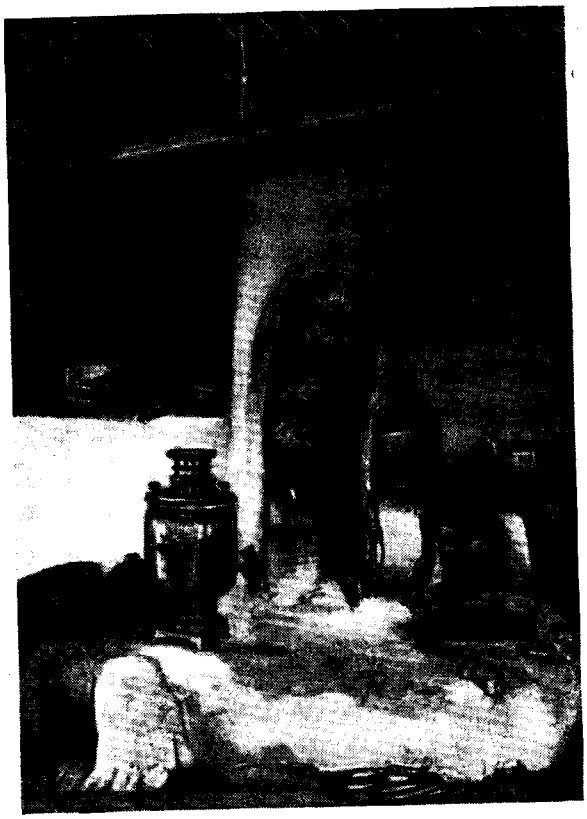
Уже в последние десятилетия перед революцией наблюдалось все большее усиление элементов этой западной оседло-земледельческой культуры за счет ослабления восточной скотоводческой, наступление первой на вторую. Теперь же в сельском хозяйстве Башкирии земледелие занимает ведущее место, но в некоторых районах основным направлением остается животноводческое. Современную Башкирию экономико-географы делят, кстати, тоже на три основных экономических района, но они не совсем совпадают с прежними.

Исторические особенности общественного быта. Башкиры—один из немногих народов бассейна Поволжья, у которого, благодаря сохранению по крайней мере до XVIII в. старого натурально-хозяйственного уклада и кочевого образа жизни, очень долго держались остатки родоплеменного быта. Башкиры доныне сохранили воспоминание о своем прежнем делении на племена («ру» или «уру»), которые в русской официальной терминологии назывались обычно «дачами» (эти «дачи» соединялись в более крупные территориальные единицы—«дороги»: Сибирскую, Ногайскую, Казанскую и Осинскую).

В настоящее время от племенных делений сохранились лишь воспоминания. Почти забыты те родовые группы, на которые они распадались: это так называемые «тюба» (у северо-восточных башкир «аймак»)— нечто вроде большого рода. Тюба (аймаки) делились в свою очередь на подроды или патронимии, «ара», составлявшие экзогамные группы родственных семей; память о них сохранилась несколько лучше, может быть, потому, что между ними еще недавно распределялись земельные угодья.

Чрезвычайно интересны сами названия башкирских племен и родов—они подробно исследованы молодым башкирским этнографом Р. Г. Кузеевым: во многих из этих названий сохранились имена хорошо известных средневековых тюркских, монгольских, может быть, и угро-финских племен и народностей Юго-Восточной Европы и Средней Азии. Среди юго-восточных башкирских племен известны племена Кыпчак, Тангаур, Усерган, Бурзян, Тамьян, Юрматы. Среди северо-восточных—Табын, Катай, Сальют и др. В юго-западной Башкирии выделяется племя Мин; в северо-западной—Гирей, Кыргыз, Илан и др.

Разложение родоплеменного строя началось у башкир еще в период господства Золотой орды и Казанского ханства. В башкирских племенах выделялась тогда феодальная аристократия—князья и «мурзы». К ним примыкали «тарханы», стоявшие во главе отдельных тюб, и располагавшаяся ниже их феодально-родовая прослойка—«батыры», родовые старшины. После присоединения к России тарханско-батырская знать еще более усилилась. Царское правительство рассматривало тарханов как служилую знать. В 1765 г. в Башкирии считалось всего 653 тархана, главным образом в юж-

Камелек (сыуал) в избе (начало XX в.)

Наружная печь для хлеба (начало XX в.)

Башкиры

ной ее части—так называемая «Ногайская дорога». Эта степная аристократия владела тысячными табунами лошадей, огромными стадами овец и угнетала народные массы. Наиболее тяжело было полюжение неимущей и зависимой полукрепостной бедноты—«бобылей» и «тептярей». Разложение родоплеменных отношений еще более ускорилось в эпоху «кантонного управления», действовавшего в Башкирии в 1798—1863 гг., когда все население Башкирии было превращено в иррегулярное казачье войско.

Проникновение капитализма разрушило остатки родовых отношений у башкир. К началу XX в. основной социальной ячейкой стала малая семья. Классовое расслоение было достаточно резким. Появилась рабочая прослойка.

Великая Октябрьская революция ликвидировала все формы социального гнета. Она дала крестьянам землю, прежде отнятую у башкирского народа помещиками, церковью и местными баями. Свыше 4 млн. гектаров земли получило башкирское крестьянство. Объединенное в колхозы, оно сейчас свободно развивает свое хозяйство. Рабочий класс Башкирии в крупной социалистической промышленности вырос численно и окреп. Появилась и национальная интеллигенция.

Религиозные пережитки. Башкиры считались официально мусульманами. Однако при этом у них фактически сохранялись и пережитки древних верований в виде почитания различных духов; среди них лесной дух «шурали», горный дух-хозяин «тауэясы», духи ветров «пери», дракон «аждаха», духи-хозяева разных мест, покровители промыслов, женский дух-кошмар «албасты», живые мертвецы «убыр» (ср. русское «упырь») и т. д. Сохранились лечебные магические обряды. В настоящее время, впрочем, все эти верования и обряды забываются.

Народное творчество и культурное развитие. В башкирском фольклоре выделяются легенды о богатырях, но они плохо сохранились. Зато подвиги богатырей («егетов») занимают видное место в сказках. Песни башкир (изученные еще в конце XIX в. С. Рыбаковым) отличаются более широкой мелодичностью, чем у татар. Музыкальные инструменты немногочисленны: курай—флейта, кобыз—зубной железный или деревянный варган.

Из народных праздников башкир самый интересный—весенний праздник «карга-туй» (прилет грачей). Это женский и детский праздник, притом общедеревенский, с угощением, состязаниями. Другой праздник—«сабан-туй» (праздник плуга), устраиваемый перед пахотой, с состязаниями всадников, борьбой и пр. Этот праздник известен и другим народам Поволжья.

Изобразительное искусство представлено вышивкой (со сложногеометрическим стилем орнамента), меньше—аппликацией, кожаным тиснением и пр. Среди мотивов орнамента встречаются известные нам восточноевропейские, а также среднеазиатские элементы.

Общий культурный уровень башкир до Октябрьской социалистической революции был, вследствие феодального и колониального гнета, невысок,—в целом значительно ниже, чем, например, у татар. Грамотных было очень мало. Немногочисленные русские школы были доступны только детям баев. В местных церковных школах (мектеб, медресе) обучали не на родном и не на русском языке, а на искусственном языке «тюрки», составленном из башкирских, татарских и арабских слов. Своей письменности и литературы башкирский народ не имел.

В годы социализма уровень культуры неузнаваемо повысился. Школа стала общедоступна. В сельских местностях введено обязательное четырехлетнее обучение, в городах и рабочих поселках—семилетнее. Грамотно почти поголовно все население. Есть много башкир с высшим и профессиональным образованием. Немало башкир—научных работников с учеными степенями и званиями. В числе их есть и женщины. На башкирском языке издаются миллионы экземпляров книг, выходят десятки газет. В республике есть около 2000 библиотек и 900 изб-читален, 62 районных дома культуры, 67 радиоузлов. Создан Башкирский государственный драматический театр, Башкирский театр оперы и балета, имеется ряд совхозно-колхозных местных театров. Работают театральное, музыкальное, художественное училища.

Башкирский народ быстрыми темпами преодолевает свою вековую отсталость.

Этногенез. Имея в виду своеобразное культурное обличие башкирского народа, с которым мы кратко познакомились, каким образом следует ставить вопрос о происхождении этого народа?

По этому поводу выдвигались разные точки зрения. Наиболее обычная из них признает башкир угро-финским по происхождению народом, ближе всего стоящим к венграм, но впоследствии тюркизированным.

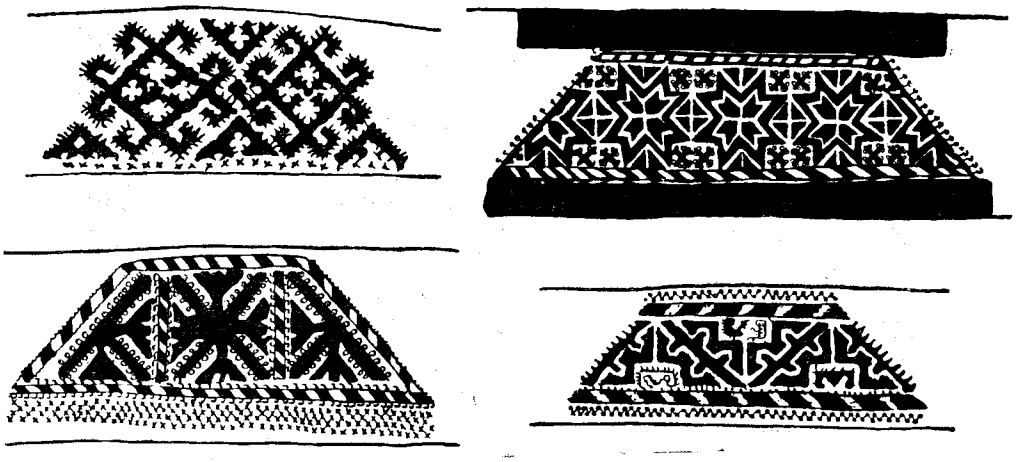
Башкирские женщины в праздничных нарядах и головных уборах «кашмау»

Как мы теперь видим, хотя этнонимически башкиры могут быть действительно сближены с венграми-мадьярами, но чрезвычайно сложная культура современных башкир не позволяет удовлетвориться таким упрощенным решением вопроса.

Выдвигалась и другая точка зрения, защищавшаяся, в частности, С. И. Руденко. Он старался доказать, что нет оснований считать башкир отуреченными финнами, что это, напротив, настоящий тюркский народ. А те многочисленные элементы оседло-земледельческой культуры, которые особенно характерны для западных башкир и роднят их с волжско-финскими народами, Руденко считал заимствованными от последних. Но и это мнение противоречит той сложности культуры этого народа, которую так хорошо показал в своем исследовании сам же Руденко. Впрочем, в новом издании своей книги С. И. Руденко уже не защищает «тюркской» теории.

Даже самый краткий анализ материальной культуры башкир в этом отношении чрезвычайно поучителен. Он служит весьма убедительным доказательством скрещения в составе башкирской культуры, с одной стороны, скотоводческо-степных среднеазиатских культурных элементов, с другой стороны, оседло-земледельческого, лесостепного восточно-европейского культурного компонента и, с третьей стороны, таежных или горно-таежных элементов.

Сложность этнического состава башкирского народа подтверждается и родо-племенными названиями и преданиями о их

Образцы харауса.

происхождении (исследованными Кузеевым). В числе башкирских племен выделяются племена несомненно тюркского происхождения: Кыпчак, Канлы, Мин, Киргыз, а вероятно, и некоторые другие; эти древнетюркские племена преобладали в особенности в составе юго-восточных башкир. Некоторые башкирские племена происходят, видимо, от монгольских народностей: Катай (от киданей-кытаев, господствовавших в Центральной и Восточной Азии в X—XII вв.), Сальют (от монголов-сальджиутов), Табын; эта «монгольская» группа племен сосредоточена в северо-восточной Башкирии, где, кстати, как раз бытовал монгольский тип юрты и где понятие «род» выражается монгольским словом «аймак». Племя Юрматы сближается с одним из древнеугорских (венгерских) племен.

Нельзя не обратить внимания и на сложность антропологического состава башкир, на которую указал тот же С. И. Руденко. Здесь сочетаются европеоидные и монголоидные элементы. Некоторые из них связывают башкир с волжско-финскими народами, другие—с обскими уграми, третьи—с казахами.

Таким образом, башкирская народность представляет собой яркий пример сложного происхождения из разных этнокультурных элементов.

Характерно, что эти элементы не перемешаны между собой, как это встречается у многих народов: они размежеваны географически и характеризуют отдельные хозяйственно-географические зоны. В этом отношении башкиры представляют особенно благодарный материал для культурно-исторического анализа, для выяснения этногонического процесса.

Как происходил процесс формирования башкирской народности? Некоторые указания на этот счет дает археология. За последние годы изучен ряд памятников бронзового и раннего железного века в Башкирском крае. Археологи приходят к выводу, что около IV—III вв. до н. э. происходило продвижение степных кочевых племен, вероятно сарматских, с юга на север, в область южного Приуралья и Прикамья. Предполагается, что это продвижение кочевников на север дало толчок тем процессам, которые в дальнейшем привели к формированию башкирского народа. Но, вероятно, процесс этот происходил в основном позже—тогда, когда угры-мадьяры кочевали в Приуральских степях, т. е. в 1-м тысячелетии н. э.

Допустимо предположение, что после откочевки мадьяр на Дунай (IX в.) оставшаяся часть была тюркизирована кипчаками и родственными им племенами; название «мадьяр» сохранилось, изменившись в маджагар—баджагар—башкурт и т. п. В образовавшуюся народность влились и оседло-земледельческие (финские) и кочевнические (тюркские и монгольские) элементы. Венгерский язык сохранялся у башкир, видимо, до самого нашествия монголо-татар: венгерский монах Юлиан, ездивший дважды в 1235—1238 гг. проповедовать христианство своим южноуральским соплеменникам-язычникам, свободно объяснялся с ними по-венгерски. Можно думать, что окончательная тюркизация башкир произошла в середине XIII в. под властью татар.

5. КАЛМЫКИ

Совершенно особое место среди народов Поволжья занимают калмыки. Это монголоязычный народ, чуждый по происхождению коренному населению Поволжья и появившийся здесь в XVII веке.

Численность калмыков (1939 г.) 134 тысячи. Они занимают правобережье Нижней Волги, где при Советской власти была создана Калмыцкая автономная область.

Этногенез и исторические сведения. По происхождению калмыки связаны с Центральной Азией, колыбелью всех монголоязычных народов. Областью первоначального формирования монгольских племен была, по-видимому, территория теперешнего юго-восточного Забайкалья и северо-восточной Монголии. Монгольские языки близко родственны тюркским и тунгусским языкам, составляя все вместе алтайскую семью языков. Неизвестно точно, когда произошло выделение монгольской группы языков из этой семьи; во всяком случае, это произошло до начала нашей эры. В хрониках Танской династии Китая (VII—X вв.) упоминается народ «монг-у», а в хрониках династии Ляо (X—XII вв.)—народ «мон-гули»: некоторые видят в этих названиях имя «монгол». Есть основания считать, что впервые монголоязычные народы выступают в истории в лице киданей, или кытаев, завоевавших в начале X в. Северный Китай (от них—наше название Китая). Собственно монголы представляли собой первоначально одно из племен, обитавших в бассейне рр. Онона и Керулена. В конце XII и начале XIII в. предводитель племени монголов Темучин объединил под своей властью все монгольские, а затем и другие племена и народы, приняв титул Чингисхана и создав при помощи кровавых завоеваний огромную империю.

Именно к этому времени относится монголизация многих, видимо, разноязычных народов Центральной Азии, покоренных монголами. Рашид ад-дин в своем «Сборнике летописей» (начало XIV в.) перечисляет племена «настоящих», т. е. исконных монголов, и другие племена, которые вначале не были монгольскими, но впоследствии усвоили это имя.

Уже издавна, в XII—XIII вв., существовало разделение на восточных и западных монголов. Западномонгольские племена, более отсталые, обитавшие в северо-западной части Монголии и в Джунгарии, частью в лесистых местах, не входили в основное ядро государства Чингисхана. Вскоре они отделились от империи (40-летняя война между западномонгольским Каиду и великим ханом Хубилаем). Западномонгольские племена назывались «ойратами» (слово неизвестного происхождения); соседние тюркоязычные народы называли их «калмык», «калмак» (дословно «отделившиеся»). В 1-й половине XV в. эти племена составили сильный союз—«Джунгарское», или «Ойратское», государство, оттеснившее на второй план восточных монголов и соперничавшее даже с Китаем. Это объединение вскоре распалось, но в 1-й половине XVII в. вновь сплотилось и достигло большого могущества под властью ханов Харахулы, Батур-хунтайджи, Галдана. В это Ойратское (Джунгарское, Калмыцкое) государство входило несколько племен. Считалось, что этих племен четыре, и весь союз назывался «4 Ойрата». Впрочем, перечень этих племен в разных источниках не совпадает, и весьма вероятно, что это лишь фиктивное число[1]. Из ойратских племен наиболее крупными были хошуты (хошоуты), торгуты (торгоуты), дэрбэты, олёты (элеты), чоросы.

Уже в начале XVII в. один из калмыцких князей—Хо-Урлюк, предводительствовавший частью торгутов, а также и дэрбэтов и хошутов, не пожелал подчиниться власти хана Харахулы и откочевал с подвластными ему группами на запад—сначала в Приуралье, потом еще дальше, на Волгу. Около 1630 г. калмыки перешли Волгу и начали теснить народы Кавказа, но получили отпор со стороны кабардинцев и других кавказских народов. С 40-х годов XVII в. до 70-х годов XVIII в. калмыки кочевали по обоим берегам низовьев Волги. Они враждовали с ка-

[1] По мнению акад. Б. Я. Владимирцова, название «Дэрбэн-Ойрат» («4 Ойрата») надо понимать в смысле 4 десятка тысяч, т. е. 40 тысяч ойратов. По предположению же Г. Е. Грумм-Гржимайло, название «Дэрбэн-Ойрат» означает вовсе не «4 Ойрата», а просто союз Дэрбэтов и Ойратов—двух важнейших из ойратских племен.

захскими и ногайскими племенами и пытались заручиться поддержкой Русского правительства. От имени царя астраханские воеводы заключали договоры с калмыцкими тайшами. Самым известным и сильным из этих тайшей был Айюка, современник Петра I, который получил от Русского правительства титул «хана». После смерти Айюки (1722 г.) начались внутренние неурядицы. Отдельным ханам удавалось на короткое время объединить калмыков под своей властью, но мало-помалу власть над калмыками переходит к Русскому правительству. Вместо прежних договоров о покорности и дани калмыцкие ханы стали приносить присягу на подданство. Внутренние смуты, борьба между отдельными ханами и претендентами на ханство осложнились агитацией за возвращение калмыков обратно в Джунгарию. Под влиянием этой агитации в начале 1771 г. большинство калмыков под предводительством хана Убаши откочевало на восток, направляясь в Джунгарию. Остались лишь те калмыки, которые кочевали на Правобережье Волги и не успели переправиться через нее: русская администрация, узнав о событиях, приняла меры к их задержанию. За ушедшими же калмыками была снаряжена погоня, на них натравили их врагов—казахов. Значительная часть беглецов была разгромлена и погибла в пути. Только небольшая часть дошла до Джунгарии (к этому времени находившейся уже под властью Китая). Потомками их являются теперешние дэрбэты, торгуты и хошуты Кобдосского округа.

Таким образом, после 1771 г. калмыки остались только на правобережье низовьев Волги—на территории теперешней Калмыцкой автономной области.

Резко выделяясь среди окружающих народов и своим монгольским языком, и своим антропологическим типом (монголоиды центральноазиатского типа), и своим бытовым укладом, и религией, калмыки мало смешивались с соседями. Этому способствовала и политика царского правительства, разобщавшая народы.

Хозяйство и материальная культура. Вплоть до начала XX в. калмыки сохраняли в основном кочевой скотоводческий уклад хозяйства, как у восточных монголов. Основу хозяйства составляло разведение скота—овец, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов. Скот круглый год пасся в степи. Молочная пища составляла основу питания. Как и у других степных кочевников, развита была обработка кожи и меха, в частности выделка кожаной посуды и утвари, а также прядение и тканье из шерсти, валяние войлока и пр.

Самобытная материальная культура калмыков была очень сходна с восточномонгольской. Большинство калмыков кочевало круглый год в решетчато-войлочных юртах—кибитках «монгольского» типа—«кгер». У богатых и у лам кибитка покрывалась белым войлоком, у простого народа—серым. Бедняки жили в конических шалашах-юртах без решетки и верхнего круга, крытых кое-как войлоком. К концу XIX в. у богачей стали появляться и зимние дома постоянного типа. Бедняки, теряя скот, тоже переходили на оседлость и поселялись в убогих глинобитных домах-полуземлянках.

Типы одежды сходны с одеждой азиатских кочевников. Женщины, однако, носили узкий камзол, стягивающий грудь. Своеобразен мужской головной убор: шапочка с четырехугольным верхом, напоминающая польскую конфедератку. В XX в., особенно после революции, национальная одежда вытеснена одеждой городского типа.

В последние десятилетия перед революцией происходил общий упадок хозяйства калмыков. Проникновение товарных капиталистических отношений, появление русских поселенцев в дельте Волги, развитие рыбопромышленности—все это разрушало старый натурально-хозяйственный скотоводческий уклад. Кое-кто из калмыков переходил к земледелию, бедняки попадали в кабалу, шли в батраки, нанимались на рыбные промыслы рабочими.

В советские годы началось возрождение хозяйства калмыцкого народа. Приняты меры к восстановлению и развитию скотоводческого хозяйства. Начало развиваться земледелие. В калмыцких колхозах возросло значение и рыбного промысла.

Исторические особенности общественного строя. В общественном строе калмыков сохранились, в отличие от восточных монголов, некоторые архаические формы, в частности пережитки родо-племенных отношений. Следы деления на племена сохранялись в названиях административных единиц (Дэрбэтовский, Хошоутовский улусы и др.). Улусы делились на административные «роды», «роды»—на аймаки. Основной общественной единицей была кочевая группа—«хотон», состоящая из нескольких родственных семей. Очень резко сказывалось деление на сословия. Сословий было три: «сеэдут»—феодально-родовая знать, нойоны и зайсанги;

«ховрык»—духовное сословие, ламы; «харчут» (черная кость)—простой народ. Верхнее сословие пользовалось огромной властью над народом и даже над духовным сословием: назначение на духовные должности, переход в более высокий духовный сан—все это целиком зависело от воли нойонов и зайсангов.

Правда, в последние десятилетия XIX в. сословные грани стали сглаживаться. Под влиянием роста капиталистических отношений стало возрастать расслоение внутри «черной кости», стала выделяться кулацкая верхушка; она в известной мере соперничала с феодальной знатью. Царская администрация тоже постепенно ограничивала права нойонов и зайсангов (ханская власть была отменена еще в 1771 г., после ухода части калмыков в Джунгарию), и это опять-таки шло на пользу кулацкому слою.

Религиозные пережитки. По религии калмыки в подавляющем большинстве—буддисты (ламаисты), и этим они опять резко выделяются среди окружающих народов, но сближаются с монголами.

Буддизм—одна из трех «мировых» религий (наряду с христианством и исламом), возникшая, как известно, в древней Индии около VI—V вв. до н. э. В III в. до н. э. он стал там господствующей религией, но позже—в первые века н. э.—был постепенно вытеснен из Индии. Зато буддизм широко распространился в соседних с Индией странах.

Первоначальный буддизм представлял собой религиозно-философское учение о личном спасении через систематическое подавление в себе стремления к жизни. Жизнь есть страдание, учит буддизм. Причина страдания—стремление к существованию. Избавиться от страдания можно, только уничтожив в себе это стремление. Основатель буддизма Гаутама (Сиддартха, Шакья-Муни) первый достиг этой цели и погрузился в «нирвану»—небытие. Отсюда его имя «Будда», что значит «Просветленный». Эта древнебуддистская философия была своеобразным отражением протеста народных масс против несправедливого кастового строя. Но впоследствии буддизм далеко ушел от этого первоначального учения, особенно по мере своего распространения в другие страны, где он смешивался с местными верованиями; он превратился в сложную религию, веру в многочисленных богов и духов с торжественным культом, с пышными храмами и монастырями, с многочисленными тунеядцами монахами-ламами (по этому названию монахов—«лама»—северный буддизм часто называется ламаизмом), с обильной церковной литературой.

Главный центр «северного» буддизма, который дальше, чем «южный», отклонился от первоначального буддистского вероучения,—это Тибет, где эта религия распространилась в VII в. н. э., а в XV в., после реформы известного буддистского проповедника Цзонкавы, приняла форму современного «ламаизма», или «желтошапочного» (по цвету головных уборов лам) буддизма (настоящее название этой секты—«челукпа»). В этой форме буддизм в конце XVI в. распространился в Монголии. Среди западномонгольских племен главным проповедником буддизма был монах Зая-Пандита, хошут родом, создавший впервые и калмыцкую письменность (XVII в.). Но калмыки еще раньше, до своего переселения на Волгу, приняли буддистскую религию, хотя она и у них перемешалась с древними местными верованиями.

В конце XIX в. у калмыков было до тысячи одних только «штатных» (т. е. официально зарегистрированных) лам, не считая многих «заштатных». Они состояли при монастырях—«хурулах», которых считалось 63. Храмы в монастырях представляли собой обычные войлочные юрты (в отличие от Монголии и Бурятии, где буддистские храмы были всегда солидными, поместительными зданиями); вокруг стояли юрты лам. Ламы носили обязательную желтую одежду. Среди них были специалисты: «эмчи»—врачеватели, «зурхачи»—астрологи-предсказатели, «зурачи»—иконописцы, «бакши»—учителя веры. Богослужение совершалось на священном тибетском языке, на котором написаны и все религиозные книги. Калмыцкие ламы официально не подчинялись главе буддистского духовенства (Бандидо-Хамбо-лама), установленному правительством для буддистов-бурят, но признавали его авторитет. Фактическая же власть над ламистской церковью и духовенством среди калмыков принадлежала местным нойонам и зайсангам.

Сохранились и пережитки до-буддистских верований, общих, кажется, всем монгольским народам: представления о чудовищах-людоедах «мангусах», о злых духах—«шулмусах» и др.

Некоторые калмыки еще в XVII—XVIII вв. были обращены в православие: их крестили, заманивая разными льготами, сложением недоимок и пр.

Сейчас влияние религии среди калмыков сильно уменьшилось.

Народное творчество. Наиболее ценное произведение устного народного творчества калмыков—это эпос «Джангар». В 12 песнях эпоса воспеваются подвиги богатырей легендарной счастливой страны «Бумбы», во главе с знаменитым ханом Джангром, их борьба за свой народ против чужеземных поработителей, против «шулмусов»—злых духов. Создание этого цикла героических сказаний относят к XV в., к эпохе первого подъема ойратского племенного союза. Но мотивы, вошедшие в состав эпоса, несомненно, гораздо более древни. С другой стороны, в нем отразилось и позднейшее влияние буддизма.

Музыкальное искусство у калмыков развито сравнительно слабо. Почти единственный музыкальный инструмент—«домбыр» (балалайка), сходная с домброй народов Средней Азии.

Декоративное изобразительное искусство тоже слабо развито—оно не идет ни в какое сравнение с искусством народов Среднего Поволжья. Несложным орнаментом покрываются кожаные изделия, одежда и пр.

НАРОДЫ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЫ СССР

Юго-западная окраина Европейской части СССР—бассейн Днестра и левобережье Нижнего Дуная—представляет собой область, в этнографическом отношении очень пеструю. Это часть исконной территории славянских племен, и культурное влияние славян отпечаталось глубоко на быте всех прочих народностей, в разное историческое время здесь появлявшихся. Эти народности очень непохожи друг на друга по своему происхождению, но культура их в значительной мере нивелировалась. Помимо молдаван—коренного населения Молдавской ССР,—в бассейне Днестра расселены и мелкие национальные группы выходцев из разных стран—болгар, греков, албанцев и небольшой народ неясного происхождения—гагаузов.

Сверх того, в связи с этнографическим обзором юго-западной окраины СССР целесообразно рассмотреть два совершенно особых народа, хотя и не связанных прочно с данной территорией, однако глубже всего пустивших корни именно в юго-западной части нашей страны: речь идет о евреях и цыганах.

1. МОЛДАВАНЕ

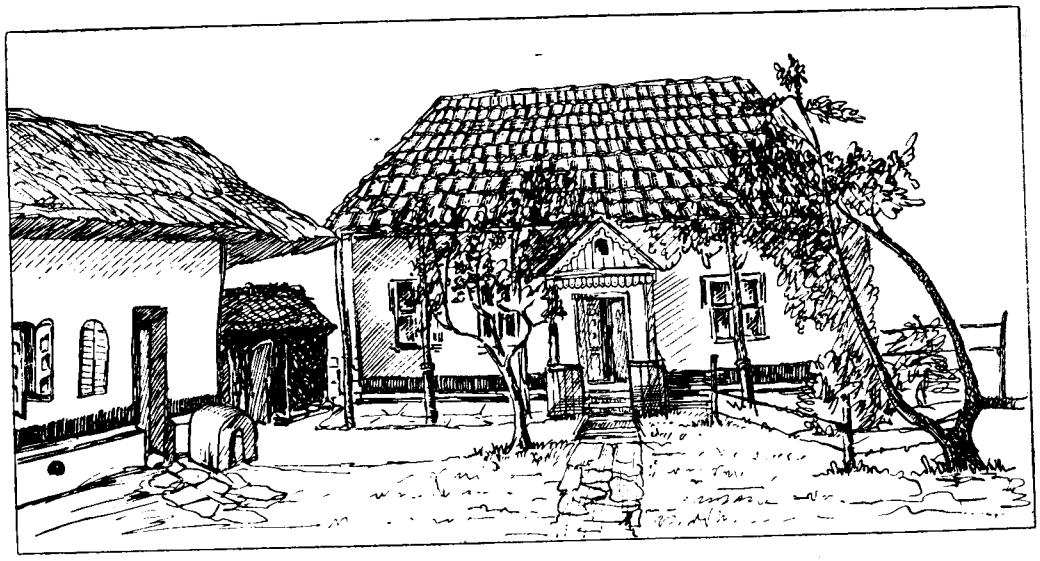
Самый крупный из народов юго-западной окраины СССР—это молдаване, единственный из народов романской группы на нашей территории. Они составляют основное население Молдавской ССР, одной из союзных республик, образованной в 1940 г.

Численность молдаван, по последним предвоенным данным, около 1,5 млн. Расселены они преимущественно между Днестром и Прутом, в Бессарабии, занимая главным образом центральную часть этой исторической области, а также на левобережье Днестра—в Тираспольском, Слободзейском и Дубосарском районах. За рубежом молдаване живут в северной части Румынии—в Молдавии, а также в Трансильвании. Но вопрос об отношении молдаван к румынам нуждается в особом объяснении.

Румынское государство образовалось в 1859 г. из слияния двух так называемых «Дунайских княжеств»—Валахии и Молдавии. До этого не существовало и румынской нации, а слово «румын» не имело этнического значения: оно означало нечто вроде «простых людей, крестьян». Этнически существовали валахи и молдаване, два народа, близкие между собой по языку и культуре, но все же во многом различные. После создания Румынского государства начал постепенно распространяться термин «румын» в смысле нации. Молдаване, находившиеся на территории России (в Бессарабии), не вошли в состав румынской нации.

Этногенез. Вопрос о происхождении молдавского народа тесно связан с вопросом о происхождении румын-валахов. На этот счет существует целая литература, но до сих пор проблему нельзя считать до конца разрешенной. Полемика о ней велась и прежде главным образом между румынскими учеными, с одной стороны, и венгерскими и немецкими—с другой, и полемика эта порой делалась довольно острой, ибо к ней примешивались политические интересы—вопрос о правах на Трансильванию.

Румыны, как и молдаване, являются одним из романских народов и обычно рассматриваются как прямые потомки древнего дако-фракийского населения, которое было романизовано римскими колонистами, поселенными при императоре Траяне в завоеванной им провинции Дакии—на территории теперешней Румынии. Однако именно вопрос о преемственности между этими древнефракийскими романизованными поселенцами Дакии и современными валахами и молдаванами и вызывает разногласия. По этому вопросу наметились две главные точки зрения, друг друга исключающие. Одна из них сводится к признанию непрерывности пребывания романского населения в Дакии. Эта точка зрения была высказана еще в XVIII в. историком Тунманом и поддерживалась главным образом румынскими учеными—Ксенополем, Ончулом, Денсушану, Йоргой, Барбулеску и др. По мнению этих ученых, оставление римлянами в конце III в. (при Аврелиане) Дакии не означало ухода оттуда всех римских элементов, которые там остались и прямыми потомками которых и являются современные румыны. В противовес этой точке зрения «непрерывности» была еще в том

Дом молдавского колхозника

же XVIII в. выдвинута (Зульцером) «теория прерывности», согласно которой римское и романизованное население Дакии в эпоху варварских нашествий совершенно исчезло. Оно удержалось только в более южных местностях, в Мизии, Фракии и Иллирии. Там-то и сформировалась позднейшая румынская народность. Лишь гораздо позже, когда прекратились набеги степных кочевников, т. е. после XIII в., румыны начали вновь заселять свою теперешнюю территорию, а также Трансильванию, где, таким образом, румыны являются-де более поздним элементом, чем венгры, пришедшие туда еще в IX в. Эту «теорию прерывности» особенно обстоятельно развил немецкий историк Рёслер (1871 г.). Однако она вызвала серьезные возражения не только со стороны румынских ученых, но и некоторых других. В новейшее время в этот затянувшийся спор внесено гораздо больше ясности, благодаря, во-первых, ценным работам румынского (молдавского) историка Александра Филиппиде (1925—1928 гг.), а во-вторых, исследованиям советских ученых.

Филиппиде в своем капитальном труде «Происхождение румын» сумел избежать односторонности обеих боровшихся точек зрения и взял положительные стороны той и другой. На основании изучения всех доступных исторических источников, а также данных лингвистики он пришел к выводу, что процесс формирования румынской народности происходил на большой территории и к югу и к северу от Дуная; в эпоху переселения народов северная часть этой области была занята варварами, но уже с VII в. предки румын вместе со славянами начинают вновь ее заселять. Продвижение с юга на север, через Дунай, шло двумя потоками: один направлялся через Банат и Трансильванию, а оттуда за Карпаты, в Буковину, Молдавию и Бессарабию; другой поток шел восточнее—в Валахию и юго-восточную часть Трансильвании. Эти два потока дали начало двум народностям—молдаванам и валахам. Районы этой новой романской колонизации, однако, не были безлюдными: в них сохранялись остатки еще древнего романского населения, которое и смешалось с пришельцами. Взгляды Филиппиде нашли себе широкое признание и подтверждаются работами других исследователей.

Много ценного внесли в эту проблему исследования советских ученых, особенно М. В.Сергиевского и С. Б. Бернштейна. Используя положительные достижения зарубежной науки, советские ученые ставят вопрос на строго историческую почву. Они вскрывают всю сложность процесса этногенеза; в частности, советскими учеными обнаружено наличие еще одного этнического компонента в формировании восточных романцев—кельтского. Очевидно, фракийское население еще с IV в. до н. э. подверглось в сильной степени кельтизации (отсюда и название валахи, волохи, влахи: кельтский этноним). Впоследствии романизация этого населения совершилась легко ввиду близости кельтских языков к латинскому.

Установлена также большая роль славянских элементов в формировании румын-

Пастух-молдаванин (Бессарабская губ., начало XX в.)

ского народа, что, правда, отмечалось и некоторыми зарубежными учеными. Важно отметить, что, судя по данным диалектологии и топонимики, здесь участвовали не одни и те же славянские группы: среди валахов прослеживается наличие южнославянского (болгарского) элемента, а среди молдаван—восточнославянского (украинского). М. В. Сергиевский (1936 г.) очень хорошо показал, основываясь на данных диалектологии, самостоятельное положение молдавского языка среди румынских диалектов, близкую связь его с диалектами Трансильвании, а также выяснил историю продвижения молдаван на восток, за Днестр: на левом берегу Днестра они появляются только в XVIII в.

И в языке и во всей культуре молдаван очень сильны восточнославянские элементы. Они объясняются прежде всего исконной исторической общностью, участием славянского элемента в самом формировании молдавского народа, но отчасти и тем, что молдаване на протяжении последних столетий, особенно когда в 1812 г. Бессарабия вошла в состав Русского государства, жили в тесном общении с украинцами и русскими. Молдавский язык, хотя и романский по происхождению, переполнен славянизмами: в разговорной речи молдаванина насчитывается 40—50% славянских слов или корней. Кстати, и в Молдавии и в Валахии до XVII в. литературным языком был церковнославянский, на нем же совершалось и богослужение. В материальной культуре молдаван, как мы дальше увидим, очень много общего с украинцами.

Хозяйство и материальная культура. Основу хозяйства молдавского населения составляет земледелие. В северной и южной части Молдавской ССР преобладают полевые культуры—особенно кукуруза и пшеница, в средней, холмистой части—виноградники и сады. Земледельческая техника сходна с южноукраинской. Ремесла и другие неземледельческие занятия слабо развиты, кроме домашнего прядения, ткачества и ковроделия, а также бондарного производства, связанного с широко распространенным виноделием. Крупная промышленность в прошлом почти отсутствовала; в советский период создан ряд фабрик и заводов, оснащенных передовой техникой.

Молдавское крестьянство было прежде в большинстве бедно; главной пищей служила обычно «мамалыга»—круто сваренная кукурузная каша, которую можно резать ножом. Она заменяла хлеб, ее ели с творогом, с маслом. Пшеничный хлеб был мало кому доступен. Широко употребляются разные овощи, из которых варится борщ, с большим количеством перца, составляющего излюбленное кушанье, а также арбузы, дыни, тыквы, орехи. Из молочных продуктов больше всего едят брынзу. Масло прежде употреблялось лишь зажиточными. Обычным напитком служит самодельное виноградное вино.

Молдаване живут большими селами преимущественно разбросанного типа. Особенно крупны они в средней части Бессарабии, в лесисто-холмистых «Кодрах», а также на левобережье. Это—результат того, что в прошлом сюда бежало население, спасавшееся от турецко-татарских набегов.

Техника постройки крестьянского дома одинакова с южноукраинской. Преобладают глинобитные и саманные (глина с соломой) постройки. Прежде были и плетневые дома,

обмазанные глиной. Местами, как например в Дубосарском районе, строят из камня. Крыша обычно черепичная или камышовая; в первом случае чаще двускатная, во втором—четырехскатная. Пол земляной или глинобитный. Планировка дома, как и у восточных славян,—трехраздельная, развившаяся из более раннего двухраздельного плана, вход в дом посредине длинной стены, в сени (тиндэ), откуда открываются две двери—направо—в жилую комнату (камара) с печкой, налево—в горницу (каса чей маре), летнее помещение без печи и часто без всякой обстановки. Отличие от восточнославянской планировки заключается прежде всего в том, что печь обычно (по крайней мере в левобережной Молдавии) топится из сеней; другое отличие—в отсутствии «красного угла», вместо которого считалась почетной восточная стена комнаты. В домах Бессарабии часть жилой комнаты нередко отделяется печью и превращается в кухню. Характерно очень низкое положение устья печи. Вдоль стен—неподвижные лавки, как и в восточнославянском жилище.

С 1947 г. в колхозах Молдавии развернулось широкое жилищное строительство, во многом меняющее традиционный быт молдавского крестьянина.

Национальная одежда молдаван тоже напоминает украинскую, но с некоторыми особенностями. Основу женского и мужского костюма составляла длинная домотканая белая рубашка туникообразного покроя, у женщин с вышивкой по подолу, рукавам и груди. Мужчины носили длинные и узкие белые штаны из холста, с красным поясом, а верхней одеждой служит «кьептар»—суконный жилет темного цвета, а зимой еще овчинный тулуп «кожок» с прямой спиной, подпоясываемый. Для девушек и женщин верхней одеждой служили широкая юбка и кофта; прежде обычно надевали по 2—3 юбки и кофты одна поверх другой. Девушки на выданье носили на бедрах особый треугольный платок углом вниз, заботливо следя, чтобы кончик его приходился строго посередине спины: от этого зависела хорошая репутация девушки. Головной убор для девушки—платок, зимой теплый, для замужней женщины в прошлом—особый сложный головной убор «кырпэ» из нескольких частей, сходный с южнорусской «сорокой». Обувью служили зимой сапоги, летом оба пола ходили босиком. В настоящее время старый национальный наряд редко где сохранился.

Исторические особенности общественного быта. В общественном быту отмечены черты патриархального уклада семьи. Строго соблюдалось почтение к старшим, которых младшие члены семьи называли обязательно на «вы», целовали руки. Жена к мужу обращалась тоже в почтительной форме. Однако женщина в семье и прежде занимала довольно независимое положение. Характерен бытовавший еще в XIX в. обычай, по которому мать новорожденного ребенка получала особые привилегии в день родов, и муж должен был ей во всем повиноваться. Это какой-то пережиток матриархата. Сейчас в колхозных семьях установилось равноправие полов.

В прошлом в Бессарабии господствовало, как и в других областях дореформенной России, крепостное право, но с некоторыми особенностями. Крестьяне-общинники издавна считались в Молдавии лично свободными, однако еще в средние века расхищение «боярами» общинных земель (XIV—XVII вв.) привело к фактическому закрепощению большей части крестьян («царанов»): они были обложены тяжелыми барщинными повинностями и оброками в пользу бояр. Переход части Молдавии (Бессарабии) под власть России в 1812 г. не изменил положения царанов. Они продолжали считаться лично свободными, но своей земли не имели, а за пользование «боярской» и монастырской землей несли тяжкие повинности. Крестьянская реформа прошла в Бессарабии в 1868 г., но фактически на крестьянах оставалось гнетущее бремя повинностей.

Бывшие помещичьи и монастырские крестьяне—цараны—составляли около 70% всего населения Молдавии. Кроме них, была еще прослойка «резешей» (их было всего около 10% всего населения). Это были крестьяне на бывших общинных землях, не захваченных феодалами; но на резешских землях селились и выходцы из разных других сословий, поэтому состав резешей был пестрым.

Существовали и промежуточные классовые и сословные группы, стоявшие выше крестьян: «рупташи»—выходцы из духовного сословия, «мазылы»—низшее чиновничество; еще выше были «боеринаши»—мелкопоместное и служилое дворянство. Царское правительство приравняло (1847 г.) боеринашей к личным дворянам, рупташей и мазылов—к русским однодворцам.

Сохранение этих остатков средневековых сословий характерно для социального строя досоветской Молдавии.

В эпоху капитализма из крестьянской среды выделилась кулацкая верхушка. Беднота была в чрезвычайно тяжелом положении.

Сельской общины у молдаван не сохранилось, но следы ее бытовали до недавнего времени. Одним из них был обычай «клаки», соответствующий русским «помочам»: все должны были помогать односельчанину при постройке дома или в случае других надобностей. Этим обычаем пользовались, как и у русских, кулаки, заставляя бесплатно работать на себя односельчан.

С победой колхозного строя все виды классового гнета в Молдавии ликвидированы.

Религиозные пережитки. Молдаване—православные. Но наряду с православием у них, как и у других народов, сохранялись остатки более древних верований, очень близких к восточнославянским: вера в домового, русалок, нечистую силу, многочисленные приметы, гаданья, земледельческие, семейные и прочие обряды.

Народное творчество и культурное развитие. Молдавский фольклор богат и разнообразен. Сохранилась обрядовая поэзия—свадебные песни, колядки и т. п. Очень интересны лирические песни—«дойны», главным образом женские, проникнутые обычно грустным настроением. Известны и эпические песни—о героях-гайдуках, защитниках угнетенного народа, боровшихся с боярами-помещиками. Очень красивы молдавские народные танцы.

Молдаване—народ старой культуры, которая складывалась под прямым влиянием Византии и соседних славянских народов. Особенно велико было влияние славянской культуры. Вплоть до XVII в. старославянский язык был в Молдавии языком церкви, официальных документов и литературы. С XVI в. появляются первые документы и книги на молдавском языке. Формируется литературный молдавский язык, обогащенный многими славянскими корнями. Во 2-й половине XVII в. он становится государственным и церковным языком. Графика оставалась славянской. Литература, искусство, наука Молдавии развивались и в дальнейшем под сильным русским и украинским влиянием. Со своей стороны некоторые деятели молдавского происхождения играли видную роль в культурной жизни России (Николай Спафарий, Дмитрий Кантемир, Антиох Кантемир).

Однако культурный уровень основной массы молдавского народа, задавленного крепостническим и капиталистическим гнетом, до самой революции оставался низким. Около 90% молдаван были (1897 г.) неграмотными.

Этот культурный уровень чрезвычайно повысился в советские годы: сначала в левобережной Молдавии (где Советская власть установилась сразу по окончании гражданской войны), позже—и в правобережной (воссоединенной в 1940 г.). В Молдавии насчитывается около 2 тысяч начальных и средних школ. Неграмотность ликвидирована. Имеется 9 высших учебных заведений, много техникумов. Работает несколько сотен клубов и домов культуры. В Кишиневе есть национальный театр, где ставятся спектакли классического репертуара и пьесы молдавских драматургов.

Создан Молдавский филиал Всесоюзной Академии наук, ведущий работу по всестороннему изучению республики.

2. ГАГАУЗЫ

Гагаузы живут главным образом в южной части правобережной Молдавии (Бессарабии), в ее Комратском, Чадыр-Лунгском, Вулканештском и других районах, а также в Приазовском районе, Запорожской обл. УССР, в Казахстане и на Северном Кавказе. Численность их в СССР составляет около 120 тыс. Они говорят на особом—гагаузском—языке, тюркской группы, близком к османско-турецкому, но с очень большим количеством заимствований из славянских языков не только в словаре, но и в синтаксическом строе. По религии же они православные и этим всегда резко отделялись от турок.

Коренная область расселения гагаузов—северо-восточная Болгария и Добруджа, где они живут и сейчас. На нашу территорию гагаузы начали переселяться вместе с болгарами после русско-турецких войн конца XVIII в., когда христианское население Болгарии стало подвергаться особенно жестоким преследованиям со стороны турок. Большая часть их пришла оттуда в 1806—1812 гг.

Группа гагаузов (фото 1947 г.)

О существовании особой гагаузской народности тогда никто не знал, и гагаузские села считались болгарскими. На их особый тюркский язык впервые обратил внимание академик Кеппен в 1854 г., назвавший их «болгарами из Добруджи, говорящими по-турецки». Под настоящим же названием гагаузов о них упомянул первым проф. Иречек в своей «Истории болгар» (Одесса, 1878 г.), отделивший их от болгар. Он впервые и поставил вопрос о происхождении этого народа. По предположению Иречека, гагаузы—потомки какого-то средневекового тюркского народа, вероятно, половцев-куманов, принявшего христианство еще до появления турок-османов.

Эта «тюркская» теория происхождения гагаузов нашла себе многих последователей. Но они расходились между собой в вопросе, какой же именно из средневековых тюркских народов должен считаться предком гагаузов. По мнению В. В. Радлова, это были огузы; самое имя «гагауз» Радлов истолковывал как «гёк»+«огуз». В. Мошков, подробно исследовавший бессарабских гагаузов (1900 г.), считал их потомками узов или торков («черных клобуков», известных из русской летописи). Чешский историк Карел Шкорпил высказал предположение, что гагаузы (равно как и «гаджалы», или Делиорманские тюрки северо-восточной Болгарии)—это прямые потомки так называемых «аспаруховых болгар». К этому мнению присоединились и болгарские ученые—Занетов и др.

Таким образом, господствующее мнение о происхождении гагаузов состоит в том, что это остаток средневекового тюркоязычного народа, принявшего православие. Но есть и другое мнение, которого придерживаются некоторые болгарские и советские ученые: гагаузы, согласно этой точке зрения,—болгары или вообще славяне по происхождению, принявшие турецкий язык, но сохранившие православную религию.

Сложность вопроса усугубляется тем, что, как показал болгарский исследователь Л. Милетич (1902 г.), есть две резко различные группы гагаузов: «болгарские гагаузы», которые очень близки по быту к болгарам, вступают с ними в браки и сами себя считают иногда болгарами, и «настоящие гагаузы»

(иначе «приморские», или «хасъл гагаузи»), которые держатся особняком от болгар, больше тяготея к грекам.

Вопрос о происхождении той и другой группы гагаузов до сих пор окончательно не решен. Происхождение их, по-видимому, сложно: в основе образования гагаузской народности, очевидно, было какое-то тюркоязычное ядро—осколок племенных союзов огузов, узов, куманов-половцев и т. п.: в дальнейшем в народность эту влились группы славянского происхождения, сохранившие христианскую религию, но усвоившие тюркский язык. Очень вероятно, в частности, что «болгарские гагаузы»—это как раз тюркизированные болгары.

Дополнительный свет на этот вопрос проливают антропологические исследования последних лет. Участие монголоидных элементов в образовании антропологического типа гагаузов оказывается небольшим, но все же, при сравнении их с соседями—болгарами, албанцами, молдаванами, удалось подметить, что монголоидная примесь у гагаузов имеется (Дяченко, 1952 г.).

Работы советских исследователей показывают, что процесс этнической ассимиляции продолжается и теперь. Гагаузы живут в Молдавии, а особенно в Приазовье смежно и чересполосно с другими народностями, с болгарами, молдаванами, албанцами. Быт у этих народов очень сходный, обычаи нередко одинаковы. Часты смешанные браки. Известны гагаузские семьи и целые деревни, которые раньше были болгарскими.

По общему облику хозяйственно-бытового и культурного уклада гагаузы близки, как уже сказано, к своим соседям. Однако детальное изучение гагаузов советскими учеными за последние годы показало наличие специфических черт в их быту и культуре, особенно в прошлом. До середины XIX в. в их хозяйстве важную роль играло овцеводство. Оно и сейчас довольно развито, и гагаузские чабаны-колхозники особенно славятся.

Земледелие—культура кукурузы и пшеницы—развилось главным образом с эпохи капитализма. Виноградарство было и раньше широко распространено, но по разведению садов и огородов гагаузы уступали своим соседям.

Характерно также слабое развитие ремесел (кроме кожевенного, скорняжного производства и женского ткачества, развитых и прежде).

Живут гагаузы крупными селами, что объясняется историей переселения их предков из Болгарии сразу большими группами. Гагаузские села в среднем крупнее, чем у любого другого народа бывш. Бессарабии, население каждого исчисляется тысячами. Жилище в прошлом часто представляло собой землянку (бурдей), двухраздельного плана, но теперь господствуют дома из сырцового кирпича, обычно большие, трехраздельные. В одежде сохранилось меньше своеобразия. В семейных обрядах, обычаях, верованиях—много общего с соседними народами.

3. ЕВРЕИ

На территории СССР евреи представлены несколькими, весьма друг от друга отличающимися группами. О некоторых из них, особняком стоящих (на Кавказе, в Средней Азии), будет сказано позже.

Сейчас познакомимся ближе с западными, точнее украинскими, молдаванскими, белорусскими и литовскими евреями. Эта группа евреев является наиболее крупной: около 3 миллионов (1939).

Для этнографической характеристики евреев необходимо выйти за пределы Советского Союза и коснуться как расселения евреев по всему земному шару и деления их на отдельные группы, так и истории этих групп.

Вопрос о происхождении евреев нельзя решать упрощенно. В той или иной степени все они могут считаться потомками выходцев из Палестины, где в начале I тысячелетия до н. э. сложилось Древнееврейское царство. Оно образовалось, как известно, в результате покорения еврейскими кочевыми племенами, пришедшими (около XIII в. до н. э.) из Аравии, местного «ханаанского» населения. В IX в. до н. э. это царство распалось на два—Израильское и Иудейское. Оба они позже были покорены более сильными соседями—ассирийцами, вавилонянами, затем попали под власть персов, македонян, римлян. Вследствие этого и особенно после неудачных восстаний I—II вв. н. э. евреи постепенно

расселились по всем странам Средиземноморья, а позже и по другим странам Европы (так называемая «диаспора», т. е. «рассеяние»). Но в составе любой современной еврейской группы имеются, несомненно, элементы нееврейского и притом разнообразного происхождения. Хотя по условиям своих исторических судеб евреи вынуждены были в течение очень продолжительного времени вести замкнутое, обособленное существование и, следовательно, слабо смешивались с окружающим нееврейским населением, однако это смешение все-таки происходило. Нечего и говорить, что по культуре евреи разных стран очень близки к нееврейскому населению этих стран. В культурном отношении нет почти ничего общего между евреями среднеазиатскими и американскими, белорусскими и абиссинскими.

К началу 2-й мировой войны численность евреев на всем земном шаре составляла около 17 миллионов. Они делятся по признаку вероисповедания—но это связано и с их историческими судьбами—на две основные группы: на ашкеназских (европейских) евреев и сефардских (главным образом в Передней Азии и Северной Африке). Ашкеназских евреев называют еще немецкими. Сефарды называют их тедесками, т. е. немцами, и, действительно, один из наиболее устойчивых центров их расселения был в Южной Германии. Что касается южных—сефардских евреев, то они исторически связаны с Испанией и Португалией, на территории которых жило большинство этого южноеврейского населения до конца XV века, когда они были изгнаны оттуда и вынуждены были переселиться в другие страны Европы и Переднего Востока. Там они иногда называются спаньолами (испанцами).

В прежние столетия существовала религиозная вражда между двумя половинами еврейского населения, но в настоящее время она сгладилась, и вероисповедные различия почти нивелировались.

Язык. Продолжительное проживание евреев среди других народов привело к тому, что их собственный язык—северно-семитической группы, язык, на котором написаны книги Библии,—давно вышел из употребления. Древнееврейский язык стал мертвым языком еще в III в. до н. э.; в начале христианской эры в Палестине говорили не на древнееврейском языке, а на другом семитическом языке—арамейском. Но и этот язык исчез в эпоху изгнания евреев. Древнееврейский язык сохранился ныне лишь в качестве языка богослужения и церковных книг; в быту евреи пользуются языками тех стран, где они живут или жили. Только в наши дни древнееврейский язык пытаются возродить и сделали официальным языком в государстве Израиль. Для большинства евреев-ашкеназов родным языком является так называемый «жаргон» или йидиш, на котором говорят польские и западнорусские евреи; он представляет собой диалект немецкого языка (близкий к восточносредненемецкому, с элементами восточнофранкского наречия), который евреи усвоили при проживании своем в средние века в Южной Германии. В нем имеются лишь немногочисленные слова древнееврейского происхождения, относящиеся к области религии и обрядности.

Сефардские евреи говорят в большинстве на староиспанском языке, усвоенном ими во время их продолжительного пребывания на Пиренейском полуострове.

Отдельные обособленные группы евреев заимствовали языки окружающего их населения. Крымские евреи (крымчаки) говорят на крымско-татарском языке, горские (в Дагестане)—на татском (иранском), грузинские—по-грузински, бухарские—по-таджикски, абиссинские—на одном из абиссинских диалектов (агау).

Исторические судьбы. На особенности быта и положения еврейского населения наложили свой отпечаток исторические судьбы евреев. В эпоху изгнания, во время Римской империи и раннего средневековья, евреи, оторванные от земли, от родины, вынужденные жить в разных городах и селениях чужих стран, занимались главным образом ремеслом и торговлей, и положение их в большинстве стран было сравнительно благоприятным. Но это продолжалось примерно лишь до эпохи Крестовых походов, до начала развития ремесел и торговли в западноевропейских странах. Когда появился торговый класс, сначала в североитальянских городах, а позже и в других областях Западной Европы, возникла конкуренция молодой торговой христианской буржуазии и мелкой буржуазии с еврейскими купцами и ремесленниками. В связи с этим начинаются гонения на евреев: в Англии (XIII в.), во Франции (XIV в.), в Германии, Италии и Балканских странах (XIV—XV вв.), в Испании (XV в.). Из последней страны евреи спасались от преследований бегством в Северную Африку и Турцию, из остальных стран—главным образом в Польшу, где до XVII в. поло-

жение евреев было сравнительно благоприятным, но потом и там начались гонения. В свою очередь эти преследования породили ту замкнутость, ту искусственную изолированность, которые были характерны для еврейства в большинстве стран Западной Европы во времена позднего средневековья. Почти то же самое имело место и на мусульманском Востоке. Евреи и там занимали положение бесправной и преследуемой группы, которая была отрезана от целого ряда занятий, была вынуждена заниматься торговлей и ремеслами и в общественно-политической жизни занимала положение бесправных париев. В основе этого и там лежала конкуренция с мусульманским торгово-ремесленным населением.

Изоляция евреев в странах Европы в эпоху развитого капитализма почти исчезла. Только гитлеровские выродки после 1-й мировой войны возобновили и превзошли дикие средневековые преследования евреев.

Вопрос о существовании расового типа евреев остается неясным. Большинство исследователей склоняется к тому, что определенного расового типа евреев нет, что предполагаемые общееврейские расовые черты являются кажущимися и составляют лишь отличие отдельных групп евреев от окружающего их населения данной страны, но вовсе не свойственны вообще всем евреям.

Положение царской России. В пределах Русского государства евреи появились в массе в эпоху польских разделов. До этого евреи жили в течение нескольких столетий на территории Польши и Литвы, а в России их было ничтожное количество. После разделов Польши в России оказалась значительная еврейская прослойка. В связи с общей политикой национально-религиозного угнетения, которая проводилась царским самодержавием, это еврейское население оказалось на положении бесправной и угнетенной национальной группы. Хорошо известны те правовые ограничения, которым подвергались евреи в царской России. Из этих ограничений наиболее тяжелым и наиболее серьезно повлиявшим на быт еврейского населения было введение (1796 г.) так называемой «черты оседлости», т. е. запрещения евреям селиться за пределами ограниченного количества губерний Западной и Южной России[1]. Это вело к искусственному скучиванию евреев в этой перенаселенной полосе, к затруднениям для них в выборе занятий. В частности, евреи были почти целиком отрезаны от земледелия и загнаны в маленькие города и местечки, где были вынуждены заниматься торговлей и ремеслом в условиях ожесточенной конкуренции друг с другом и с христианским населением. Еврейская ремесленная и торговая беднота в местечках буквально задыхалась.

Положение еврейских масс особенно ухудшилось в последние десятилетия XIX в.: проведение сети железных дорог лишило заработка множество мелких торговых посредников; введение казенной продажи вина было ударом для 75 тыс. еврейских семей, живших корчмарством; закон 1882 г., запретивший евреям селиться в деревнях, выселение их из 50-верстной пограничной полосы привели к еще большей скученности евреев в местечках и городах.

Бедственное положение подавляющего большинства еврейского населения в «черте» отмечалось даже официальными обследователями, например «Комиссией для исследования еврейского вопроса» во главе с графом Паленом в 1886 г. Скученность еврейской бедноты в западных городах и местечках доходила до ужасающих размеров. В Вильне в еврейских кварталах приходилось в среднем по 7 человек на 1 комнату. Теснота, грязь и антисанитарные условия в жилых домах, страшная беднота и систематическое недоедание—вот был удел $^{9}/_{10}$ еврейского населения. В Одесской еврейской общине, которая считалась сравнительно богатой, около половины ее членов в 1890-х гг. не могло существовать без поддержки благотворительных учреждений, в Вильне—более трети.

Большинство евреев жило, как уже сказано, ремеслом и мелкой торговлей. 75% мелких торговцев «черты оседлости» были евреи. Однако очень многие жили физическим трудом: в 1893 г. в 25 западных губерниях было около 140 тыс. евреев, занимавшихся земледелием, огородничеством, таба-

[1] «Черта еврейской оседлости» охватывала в основном 15 западных и южных губерний: Бессарабскую, Виленскую, Витебскую, Волынскую, Гродненскую, Екатеринославскую, Киевскую (без г. Киева), Ковенскую, Минскую, Могилевскую, Подольскую, Полтавскую, Таврическую, Херсонскую, Черниговскую, не считая губерний «Царства Польского». Но эта «черта» не оставалась неизменной: она то расширялась, то—чаще—суживалась. К концу XIX в. евреи имели право проживать далеко не повсеместно даже в пределах «черты оседлости»; в частности, по закону 1882 г. они не имели права селиться вне городов и местечек.

ководством, около 112 тыс. чернорабочих, около 64 тыс. фабричных рабочих.

Все эти факты опровергают черносотенную антисемитскую пропаганду, обвинявшую евреев в эксплуатации ими христианского населения. Конечно, была и еврейская буржуазия, в том числе и крупная. Особенно большую роль играла она в западных губерниях. Еврейские капиталисты одинаково эксплуатировали и своих единоверцев и христиан.

Исторические особенности общественного быта. В общественном быту дореволюционных еврейских местечек также сказалось своеобразие их исторического положения. Благодаря отсутствию политической самостоятельности, благодаря подчиненному положению евреев в разных странах Западной Европы, у них сложились своеобразные общественные организации: это прежде всего так называемый «кагал», группировавшийся вокруг синагоги под руководством местного раввина (или хахама у южных евреев). Кагал представлял собой, с одной стороны, как бы форму самообороны еврейской общины против жестоких притеснений, а с другой стороны—форму господства еврейской буржуазии над бедняцкой частью общины. Кагальное самоуправление признавалось русским законодательством до 1844 г., когда оно было отменено (за исключением Риги и городов Курляндии).

Для кагальной общественной организации было характерно наличие целого ряда учреждений для взаимопомощи и благотворительности: это так называемые «хеврос» или братства. Были братства госпитальное, погребальное, братство беспроцентного кредита для бедняков, для выдачи приданого бедным невестам, общество гостеприимства, общество для предоставления одежды нищим, хлеба беднякам в субботу и праздники.

Всеми этими формами благотворительности неимущие массы тесно привязывались к кагалу, а тем самым закреплялось господствующее положение его руководящих групп.

Кагал имел и свою организацию суда, так называемый «бет-дин» («бесдин»). Это словесный суд, находившийся в руках посредников-раввинов. Обращение к нему считалось добровольным, но верующий еврей не должен был обращаться ни в какой другой, нееврейский суд. Дела в бет-дине решались по древнееврейскому каноническому праву.

Центром всей общественной и религиозной жизни еврейской общины являлась синагога.

С этим было связано исключительно влиятельное положение в еврейской среде раввината, т. е. специалистов в области религиозного культа и канонического права. Раввинат не представлял собой группы, соответствующей православному или другому духовенству. В отличие от христианского духовенства, от попов, которые являются священнослужителями и считаются носителями «благодати», раввин не был исполнителем культовых действий. Он не совершал богослужения в синагоге, не выполнял никаких священнических функций и являлся частным лицом; авторитет его держался на том, что он считался ученым и знатоком писания. Вся правовая жизнь еврейского населения, благодаря отсутствию политической самостоятельности, находилась под властью канонического, церковного права, в области которого знатоками были раввины. По своим интересам раввины были связаны с зажиточной верхушкой еврейства. Царское правительство узаконило институт раввинов. Так называемые «казенные раввины» наделялись юридическими полномочиями по метрикации, регистрации браков и пр., служили консультантами при органах власти.

Религиозные пережитки. Еврейская религия, или иудаизм, представляет собой остаток глубокой старины. Ее особенности напоминают об очень ранних стадиях развития религиозных верований и культа. Своими корнями иудаизм восходит частью к скотоводческим культам древнееврейских племен, когда они еще кочевали в пустынных степях Аравии; частью к земледельческим культам ханаанского населения Палестины. Наиболее характерным для еврейской религии являлось обилие мелочных предписаний, запретов, ограничений. По подсчету талмудистов, есть 613 религиозных предписаний, обязательных для всякого еврея. В числе их есть ограничения и запреты (их 365), касающиеся пищи, некоторых занятий и т. д., есть и положительные предписания (их 248). Каждый верующий еврей должен знать и выполнять эти предписания. Все они основаны на Талмуде, который состоит из чрезвычайно обширных комментариев на библейские тексты. Так как это огромное многотомное сочинение мало доступно для простых смертных, то из него был еще в XVI в. составлен краткий свод религиозных правил—«Шулхан Арух». Этот своего рода ритуальный справочник стал настольной книгой для всякого верующего еврея: в «Шулхан Арухе» даются указания на все случаи жизни, от мелочей повседневного быта, правил относительно пищи, одежды, омовений и до принципов этики и семейной жизни. Но жизнь, понятно, всегда

выдвигала ряд случаев, которые не подходили под эти предписания и запреты. Этим и определялась крупная роль толкователей законов—раввинов. Они могли толковать и разрешать все трудные случаи, касавшиеся поведения верующего еврея.

Обрядовые предписания иудейской религии можно разделить на повседневные и такие, которые приурочены к определенным моментам, праздникам или событиям в человеческой жизни. К числу первых относились молитвы, правила относительно омовения, пищи и одежды.

Молитвой должен был сопровождаться каждый шаг верующего еврея. Едва проснувшись утром, он должен был произнести краткую благодарственную молитву. Определенные молитвенные формулы произносились и при одевании, принятии пищи и пр. Более длинные и торжественные молитвы читались в синагоге, куда верующий еврей отправлялся по нескольку раз в день. Омовения тоже совершались постоянно, притом непременно по определенным правилам: омовение начиналось с троекратного поливания сжатых кулаков водой из кружки. Кроме повседневных домашних омовений, еврейская религия предписывает еще особые периодические омовения в так называемой «микве»—особом бассейне, который имеется при синагоге в каждой еврейской общине. Посещение миквы в особенности считалось обязательным для женщин в определенные моменты их жизни, когда требовалось обрядовое очищение. Омовение в микве опять-таки совершалось по определенным правилам, в совершенно обнаженном виде, с троекратным погружением в воду, которая должна покрыть и голову до кончика волос. С настоящей гигиеной все эти омовения, а особенно пользование миквой, не имели, конечно, ничего общего; непроточная вода миквы служила скорее лишь источником заразы.

Ношение одежды было подчинено для верующего еврея тоже определенным правилам. Голова всегда, даже во время сна, должна была быть покрыта. Во время же молитвы поверх головного убора надевалось особое ритуальное покрывало «талес» (талет). Брить бороду верующий еврей не должен был, а на висках он отращивал длинные пряди волос, пейсы. Одежда должна была быть длинной и изготовляться из однородной ткани, без смешения шерсти с льном или хлопком. Одежда подпоясывалась поясом, что означало, что верхняя половина человека принадлежит богу; карманы с деньгами в них, как вещь сугубо мирская, должны быть ниже пояса. Под верхней одеждой мужчина должен был носить малый талес, разновидность настоящего талеса.

Особенно обильны предписания и запреты, связанные с употреблением пищи: в этом отношении едва ли какая другая религия может сравняться с иудаизмом. Верующий еврей не мог, прежде всего, употреблять в пищу мясо «нечистых» животных, а также их молоко, яйца, икру. «Нечистыми» животными назывались такие, как свинья, заяц, большая часть диких птиц, рыбы, лишенные чешуи, все земноводные, пресмыкающиеся, часть насекомых. Другая группа запретов касалась крови, которая связана с «душой» (нефеш) животного и не может употребляться в пищу. Поэтому разрешалось есть только такое мясо, которое было своевременно обескровлено. С этим связывался определенный, предписанный строгим ритуалом способ убоя животных с обязательным выпусканием крови. Это мог делать только особый сведущий в таких делах специалист—резник (шойхет). Только мясо, получаемое таким способом, считалось «кошерным», т. е. дозволенным к употреблению, всякое иное есть «трёф»—нечистое. Далее, некоторые виды пищи, сами по себе разрешенные, не должны были смешиваться между собой. Так, ни в каком случае нельзя было варить вместе мясную и молочную пищу, а также мясо и рыбу; посуда для приготовления этих разных видов пищи не должна была соприкасаться. Нарушение этого правила делало посуду «трефной»—нечистой.

Из обрядов, приуроченных к определенным моментам в жизни человека, характерны: родильные обряды, обрезание, выкуп сына-первенца, введение в «хедер» (начальную школу), совершеннолетие, свадьба, погребение. Все эти события сопровождаются обязательными религиозными обрядами.

Наиболее специфично для иудаизма обрезание. Операция эта совершается над новорожденными мальчиками на 8-й день от рождения. Происхождение обычая обрезания восходит к древним инициациям молодежи, которые сопровождали переход мальчиков в группу взрослых полноправных членов племени. До сих пор обычай обрезания юношей как часть посвятительного ритуала сохраняется у многих отсталых народов—в Австралии, Океании, Африке. Кроме иудаистов, обычай обрезания соблюдается, как известно, также у мусульман, только в более позднем возрасте.

Обряд совершеннолетия приурочен к достижению мальчиком 13-летнего возраста. С этого времени он считается полноправным членом еврейской религиозной общины

Вся сложная система религиозных предписаний и запретов в руках раввинской верхушки населения играла роль орудия, при помощи которого масса еврейского населения держалась в рамках узаконенного порядка кагальной общественной системы.

Характерная особенность иудаистской религии—строго соблюдаемые праздники. Связанные с ними обряды и предписания восходят к глубочайшей древности и, конечно, давно потеряли первоначальный смысл.

Прежде всего должна была благочестиво соблюдаться каждая суббота. Почитание «святой субботы», предписанное еще моисеевым пятикнижием, вероятно, коренится в древнем культе луны. Главными предписаниями в отношении субботы являлись: запрет делать какую бы то ни было работу, вплоть до приготовления пищи (ее приготовляют накануне), зажигания огня, иметь дело с деньгами или с какими-либо мирскими занятиями; в субботу следует читать священную тору, заниматься благотворительностью. Каждый бедняк должен был иметь в субботу хлеб и другую пищу: верующий еврей в субботу ел за двоих, ибо считалось, что в этот день бог посылает каждому еврею вторую душу.

Из годовых праздников на первом месте стоит Пасха—весенний праздник (14-го нисана по древнееврейскому календарю, после первого весеннего новолуния). По происхождению это—древний скотоводческий праздник принесения в жертву первого приплода (пасхальный «агнец»), позже слившийся с земледельческим весенним праздником, в ней есть и следы культа предков; эта еврейская Пасха легла в основу и христианской Пасхи. В традиционном иудаистском ритуале Пасха отмечалась упот-

реблением в пищу исключительно пресного хлеба («мацца»), особой обрядовой трапезой, особыми молитвами.

На 50-й день после Пасхи справлялся «Шебуот»— древний праздник жатвы. Далее одним из важнейших праздников являлся день Нового года (Рош-Гашана), приходившийся на осень. Обрядовая трапеза в этот день включала в себя пшеничный хлеб, фрукты, сладкие блюда. Выполнялся обряд «ташлих» (очищения), причем верующие евреи отрясали свою одежду, вытряхивали карманы и пр. Через 10 дней после Нового года справлялся «Йом-кипур»— день прощения. Далее характерен весенний праздник «Суккот» (праздник «кущей»), когда полагалось в память скитания древних евреев в пустыне строить себе где-нибудь на дворе шалаш. Любопытен также праздник «Ханукка» (память Маккавеев), когда зажигались свечи, устраивались обрядовые игры. На март месяц приходился праздник «Пурим» (в память библейской истории об Эсфири и Мардохее), когда принято было дарить друг другу разные вещи, готовить обрядовое печенье «о́менташ», устраивать выступления ряженых.

Праздники связаны с постами. Иудаистский ритуал знает до 30 постов в году. В дополнение к ним особо благочестивые люди соблюдали добровольно еще и другие постные дни. При этом читались особые покаянные молитвы.

Сухой и мелочной формализм еврейской религии тяжело давил на плечи трудящихся масс евреев и нередко вызывал недовольство. Последнее было особенно сильно у еврейского населения Украины и Бессарабии, жившего мелкими рассеянными группами, частью в деревнях; оно тяготилось обязанностью нести платежи в пользу городской синагоги и ездить туда для выполнения обрядов. На почве этого недовольства возникло своеобразное реформаторское движение в иудаизме—так называемый «хасидизм».

Хасидизм зародился в юго-западном крае в 70-х годах XVIII в. Основателем его считается некто Баал-Шем-Тов, чаще называемый Израилем Бешт. Это был фанатик и мистик, выступавший против раввинской «учености», против книжной религии. Он считал главным в религии экстаз и непосредственное общение с богом. Но к такому общению способны только избранные праведники— «цадики», которые могут своим благословением очищать от грехов и простых верующих. Сам Бешт лечил народ амулетами, заклинаниями и прочими шарлатанскими средствами. Движение хасидов широко распространилось среди более отсталых и забитых слоев еврейской бедноты юго-западного края, к югу от Бердичева. К концу XIX в. хасидов считалось до 250 тысяч, т. е. $^1/_{15}$—$^1/_{20}$ всех евреев России. Евреи-раввинисты, и особенно сами раввины, относились к хасидам резко враждебно, преследовали их. Но и цадики, руководители хасидских общин, не только не уступали раввинам в умении эксплуатировать невежество и религиозность верующих масс, но и далеко превосходили их. Династии «святых» цадиков превратились в чистых паразитов, живших на приношения верующих. Цадики строили себе настоящие дворцы и жили богато. Их невежественные поклонники верили в их святость и чудодейственные способности и несли к ним свои трудовые гроши. В последние предреволюционные десятилетия рознь и вражда между хасидами и раввинистами («меснагид») в значительной мере смягчилась. Раввины и цадики дружно грабили верующую массу.

Важным орудием влияния раввината была система религиозного воспитания и обучения. Мальчиков-евреев с 4—6 лет отдавали в синагогальные религиозные школы—«хедеры», где они учились до 12 лет. Большинство хедеров помещалось на дому у учителя; меньшинство—так называемые «талмудтора»—при синагогах. Детей заставляли механически зазубривать библейские тексты, учить правила талмуда. Учителя—«меламеды»—невежественные, низкооплачиваемые люди, конечно, и не могли дать своим ученикам никаких настоящих знаний.

Положение еврейских масс в царской России было чрезвычайно тяжелым. Оно еще более ухудшилось в начале XX в., когда самодержавное правительство в целях борьбы с революционным движением, стремясь отвлечь отсталые массы русского народа от борьбы за свои права, стало натравливать их на евреев. Черносотенная агитация, исходившая от полицейских, жандармов и распространявшаяся среди городской мелкой буржуазии, обвиняла евреев во вражде к русскому народу. Была пущена в ход отвратительная клевета, будто евреи употребляют в каких-то своих обрядах христианскую кровь. Этот «кровавый навет», сфабрикованный полицейскими провокаторами, опозорил лишь царское правительство. Последнее пыталось даже создать большой и сенсационный процесс на основе этого нелепого обвинения («дело Бейлиса», 1913 г.), но потерпело постыдную неудачу. Зато царские чиновники и провокаторы не раз устраивали дикие «погромы» еврейской бедноты в западных и юго-западных городах нашей страны. Эти погромы вызывали бурное негодование всех передовых слоев русского общества.

Культурное развитие. Культурное развитие евреев в разных странах шло в течение веков как бы в двух направлениях: во-первых, в направлении развития национальных еврейских черт культуры, во-вторых—в сторону сближения с культурой других народов и участия в ее развитии. И в том и в другом направлении боролись между собой противоположные тенденции: реакционно-клерикальная и прогрессивно-демократическая.

Развитие чисто еврейской культуры долгое время находилось под почти полным господством реакционно-раввинистских кругов. Они создавали религиозную литературу, синагогальную музыку, поддерживали и усиливали обрядовую замкнутость евреев, боролись против светской культуры. Но была и другая струя в еврейской национальной

культуре: в ней звучало тяжелое положение еврейской трудящейся бедноты. Сюда относится прежде всего еврейская музыка.

Уровень музыкальной культуры евреев вообще высок. Помимо древней культовой музыки, существует и светская еврейская музыка: бытовые, семейные, колыбельные песни, трудовые песни ремесленников, извозчиков и др. Народные еврейские песни начали собираться и изучаться с 1900 г. по почину Ю. Д. Энгеля, композитора и музыковеда. Еврейская национальная музыка отличается мелодической выразительностью, эмоциональной насыщенностью, резко подчеркнутым ритмом, различными звуковыми украшениями.

Еврейская литература отнюдь не представляет собой единого целого, а, напротив, очень раздроблена—и по странам, и по языкам, и по самому духу. Часть еврейских писателей еще со средних веков издавала свои произведения на господствующих языках тех стран, где они жили; другая часть писала—в государстве Израиль—и продолжает писать на древнееврейском языке; наконец, часть писала и пишет на разговорном еврейском языке—йидиш («жаргоне»).

С конца XVIII в. все более усиливалось в еврейской литературе светское, антицерковное течение буржуазных реформистов-просветителей—так называемая «Гаскала»; в России это течение существовало с начала XIX в. (И. Б. Левинзон, И. Аксендфельд и др.). К концу XIX в. на смену ему приходит демократическое литературное течение, представители которого правдиво рисовали страдания еврейской бедноты и мелкой буржуазии: главными из них были Менделе Мойхер-Сфорим (Абрамович), Шолом-Алейхем (Ш. Рабинович), А. И. Свирский. Но одновременно, особенно с 1880-х годов, усиливалось и буржуазно-националистическое течение в еврейской литературе, проповедовавшее идеи реакционного сионизма и палестинофильства, противопоставлявшее евреев всем другим народам; представители этого течения—Шелом Аш, Х. Бялик и другие.

Но часть прогрессивных культурных сил еврейства участвовала в создании культуры той страны, в которой она жила. Евреи России внесли немалый вклад в русскую культуру. Достаточно назвать таких видных деятелей русской музыки, как братья Антон и Николай Рубинштейны, таких художников живописи и скульптуры, как Левитан, Антокольский и др. Эти выдающиеся деятели искусств создавали произведения, которые вошли в сокровищницу русской, а также и мировой культуры. Ведь мало произведений классической живописи, в которых с таким мастерством была бы изображена русская природа, как например в изумительных пейзажах Левитана.

В чисто научной области надо вспомнить этнографов П. В. Шейна, Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона и других.

После победы Великой Октябрьской революции культурные силы еврейского народа получили полную свободу развития. Отмена всяких правовых ограничений и дискриминации положила конец вековому национальному угнетению евреев. Была установлена полная свобода выбора хозяйственных занятий, оказана самая широкая государственная помощь в отношении земледельческой колонизации, перехода части евреев к сельскому хозяйству, были выделены значительные территории для еврейской колонизации, сначала в пределах Европейской части СССР, в Крыму и Южной Украине, а затем на Дальнем Востоке, в Биробиджане, где создана (1934 г.) Еврейская автономная область. Все это радикально изменило условия жизни еврейского населения.

В связи с этим происходит процесс постепенного изживания той замкнутости и обособленности, в которой находились евреи до революции.

В области культурного развития также отпали прежние стеснения. В связи с уничтожением прежних искусственных национальных перегородок еврейский народ получил полную возможность вместе со всеми другими народами Советского Союза участвовать в создании новой, социалистической культуры.

4. КАРАИМЫ

Отдельную народность, хотя отчасти связанную исторически с евреями, но совершенно самостоятельную, образуют караимы. Это небольшой народ (около 15 тыс.), говорящий на особом языке тюркской группы и не имеющий компактной территории расселения. Часть караимов живет в Крыму (особенно в Евпатории), другая часть в Литве (в районе

Тракай), в некоторых местах Украины. Есть караимы и в Польше.

Вопрос о происхождении этой народности еще до конца не решен. Прежде за исходный пункт решения этого вопроса брали религию. По религии караимы близки к евреям; их священная книга—Библия. Но, в отличие от евреев, они не признают Талмуда и вообще в религиозном отношении резко противопоставляют себя евреям. Поэтому раньше ученые рассматривали караимов как секту иудаизма, отвергающую Талмуд. Среди самих караимов сложилось мнение, что они—потомки древнего Израиля эпохи царей Давида и Соломона, т. е. до распадения этого народа на собственно израильтян и иудеев; что в Крыму они живут со времени персидских царей Кира и Камбиза; современные же евреи, согласно этой легенде,—это потомки древних иудеев. Эта версия усиленно распространялась караимами в царской России для того, чтобы отмежеваться от евреев, которых царизм преследовал: и в самом деле, им удалось добиться отмены для себя тех ограничений, которые ложились на евреев. Одним из ревностных защитников указанной теории был караимский ученый Абрам Фиркович (ум. в 1874 г.), который для доказательства ее собирал и публиковал древние документы, причем не останавливался и перед их фальсификацией.

Исследования советских ученых внесли некоторую ясность в этот вопрос. На основании данных языка и исторических свидетельств обнаруживается, что караимы исторически связаны с средневековыми хазарами (VIII—X вв.), среди которых, как известно, была широко распространена иудаистская религия. После разгрома хазарского царства киевским князем Святославом часть хазар влилась в состав половцев, часть осталась в горной области Крыма. Язык половцев-кипчаков оказал сильное влияние на язык этих потомков хазар. Видимо, именно эти остатки кипчакизированных хазар в Крыму и составили ядро караимской народности. Главным центром караимов долгое время была горная крепость Чуфут-Кале, близ Бахчисарая. Там в XVIII—XIX вв. был и их культурный центр, даже типография (с 1734 г.). Впоследствии Чуфут-Кале, очень неудобно расположенный (там нет даже воды), был заброшен. Караимы расселились по другим местностям. Еще в конце XIV в. часть их попала в Литву в качестве пленных и поселилась там.

В материальной культуре караимов сочетаются черты культуры старого населения Крыма, степных кочевников и новейшие русские влияния. В семейном и общественном быту ввиду вековой замкнутости караимов долго сохранялся отпечаток патриархальности с традиционным почитанием старших, особенно главы дома. В фольклоре караимов интересны многочисленные сказки, предания, помогающие прояснить историческое прошлое народа.

5. ЦЫГАНЕ

Своеобразное историческое и культурное положение цыган среди окружающих их народов, их замкнутость привели к тому, что и в этнографической науке вопрос о цыганах долго оставался нерешенным. Изучение цыганского народа началось сравнительно поздно, и лишь в новейшее время внесена достаточная ясность в этот вопрос.

История изучения и вопрос о происхождении. Появление цыган в Европе относится к 1417 году, когда кочующие орды цыган появились около городов Германии. Оттуда они скоро распространились по ряду других стран Западной Европы; в течение XV в. вся Западная Европа и часть восточноевропейских стран познакомились с этим своеобразным по своему характеру и внешности народом. Но в Юго-Восточной Европе, в дунайских и балканских странах цыгане жили раньше. Ко времени своего появления в странах Западной Европы в начале XV в. они сами успели забыть свою прошлую историю и свою родину. Населению же Европы цыгане представлялись народом диким и таинственным. Возникли разные гипотезы о его происхождении.

Во главе цыганских орд стояли предводители, которые именовали себя герцогами и графами Малого Египта и распространяли о себе сведения, что они являются изгнанниками из Египта. Эта гипотеза довольно долгое время держалась и в литературе. Различные догадки о происхождении цыган выставлялись и позднее, порой фантастические. Вплоть до XIX в. высказывались предположения, что цыгане являются остатками населения затонувшей Атлан-

тиды или что они являются потомками древнейшего, эпохи бронзового века, населения Европы. В пользу этого последнего предположения говорит как будто наличие у Геродота и Страбона упоминания о народе сигиннах, которые жили к северу от Дуная; но, кроме созвучия названий, никаких других оснований для отождествления цыган с этими сигиннами нет.

Впервые на правильный научный путь вопрос о происхождении цыган был перенесен лишь в конце XVIII в. в работах Рюдигера и Грельмана. Эти исследователи впервые сделали попытку на основании языка цыган решить вопрос об их происхождении и выставили предположение о родстве цыган с народами Индии. Эта гипотеза оказалась в дальнейшем правильной и была подкреплена серьезными работами исследователей XIX века. Наиболее велика заслуга в этом отношении двух европейских лингвистов, которые впервые пролили свет на вопрос о происхождении цыган. В 1843—1844 гг. вышла большая двухтомная работа немецкого лингвиста Потта «Цыгане Европы и Азии», в которой были собраны данные об отдельных наречиях разных групп цыган и доказано с полной ясностью родство цыганского языка с языками Индии. Потт таким образом научно доказал происхождение цыган из Индии. Его дополнил словенский лингвист Миклошич, который в своей работе «О наречиях и переселениях цыган Европы» (1872—1880 гг.) не только установил связь цыган с населением именно Индии, но и предположил более близкое родство цыганских наречий с языком одного народа или, точнее, одной из каст северо-западной Индии, а именно касты джатов (впоследствии это предположение не подтвердилось). Миклошич установил, кроме того, существование 13 наречий, на которые распадается язык европейских цыган и которые географически совпадают с отдельными странами Европы, где цыгане живут в настоящее время.

Еще более велика научная заслуга одного русского малоизвестного исследователя, труды которого, однако, постигла трагическая участь. Этот исследователь, М. И. Кунавин, врач по образованию, посвятил всю свою жизнь вопросу изучения цыган. 35 лет своей жизни он провел в скитаниях по цыганским таборам, посетив все группы цыган, начав с Германии и Австрии и вплоть до Северной Африки и Индии. В результате этих странствований у Кунавина собрался колоссальный материал по всем наречиям цыган и огромное количество фольклорного материала—предания, сказки и т. д.

Остаток своей жизни (с 1876 г.) Кунавин посвятил обработке этого труда, но при его жизни успели появиться только в извлечении небольшие выводы из его исследований. К сожалению, все остальные его огромные материалы бесследно исчезли.

На основании своих многолетних исследований Кунавин пришел к выводам, несколько отличным от тех, к которым пришли западноевропейские ученые. Во-первых, им установлено деление всех цыганских групп на две основные географические провинции: восточную и западную. Граница между теми и другими группами цыган приблизительно идет по течению Волги на юг и дальше по Керченскому проливу, так что значительная часть русских цыган—крымские, украинские—причисляется к западным, а заволжские, среднеазиатские, сибирские, закавказские цыгане отходят к восточной группе. Различия между той и другой группой довольно велики и по языку, и по отдельным обычаям.

Кунавин считал невозможным выводить цыган от одного какого-нибудь племени или касты северо-западной Индии, а полагал, что они составились из выходцев из самых различных каст и племен, отщепенцев, изгнанников. Это предположение доказывалось несколько странным образом: цыгане занимаются гаданием—значит, эта часть является потомками браминов, которые специализировались на религиозных функциях; те, которые занимаются ремеслами, являются потомками касты ремесленников и т. д. Это, конечно, весьма спорно. Однако вполне возможно, что в состав цыганского народа влились части разных племен Индии. Другие лингвисты приходили к выводу о том, что в языке цыган можно заметить черты по крайней мере 7 разных языков Северной Индии: синдхи, пенджаби, бенгали и пр.

Из других крупных исследователей цыган следует упомянуть К. П. Патканова, который специально изучил язык закавказских цыган. Патканову принадлежит один из первых и самых крупных трудов по языку цыган.

Из советских исследователей больше всего сделали для цыгановедения А. П. Баранников (индолог) и М. В. Сергиевский (романист), составившие словарь и грамматику диалектов советских цыган.

В настоящее время можно считать в основном решенной проблему происхождения цыган, хотя многие вопросы, касающиеся времени и путей их переселений, остаются еще не ясными. Можно считать установленным, что после X века, времени выхода их из Индии, цыгане долгое время жили в странах Ближнего Востока, в частности в Египте. Таким образом, легенда о египетском происхождении цыган содержит в себе зерно истины. Они жили и на Балканском полуострове, среди греков. Влияние греческого языка заметно во всех наречиях цыган. То название цыган, под которым этот народ известен у русских, у немцев, у итальянцев и которое возводится к турецкому названию «чингине»,—это название связывают с названием одной греческой средневековой секты—«Ἀθιγγανοι» (атинганой, или афингани). Это не самоназвание цыган. У других народов цыгане называются различно. Англичане называют их Gypsies, т. е. египтянами, в память прежнего предположения об их египетском происхождении. Венгры называют их Pharao nepek—фараоновым народом. Старое французское название—Égyptiens—египтяне,—впоследствии заменено Bohémiens—богемцы. Самоназвание же цыган совершенно иное: «ром» (в Закавказье и Средней Азии это слово звучит как «лом» или «дом»). Конечно, не случайна близость этого этнонима к названию одной из бродячих каст или народностей северо-западной Индии «домы».

Историческое прошлое. С самого первого появления своего в Европе, а позднее в России, цыгане были поставлены как бы вне закона. Они были слишком чужды по своей культуре народам Европы, по своим привычкам и образу жизни. Благодаря этому они вызывали враждебное отношение окружающего населения. В том же XV веке правительствами Западной Европы начали приниматься жестокие меры против цыган. Их травили, как зверей, издавали законы, по которым цыгане должны были подвергаться принудительному выселению; по некоторым германским законам, предписывалось их вешать—всех цыган без исключения, которые были бы встречены на данной территории. Эта полоса преследований, которая тянулась с конца XV до конца XVIII века, была позже заменена несколько смягченными, но чисто бюрократическими мерами, направленными на принудительный перевод цыган на оседлость. Особенно энергично принимали такие меры в Австрии Мария Терезия и сын ее Иосиф II. Все эти меры не могли привести к иным результатам, как к еще большей розни и взаимной вражде между цыганами и окружающим населением. Этим объясняется то, что цыгане в течение ряда столетий продолжали сохранять свою обособленность и свои кочевые привычки. Кочевой образ жизни цыган сам по себе не является каким-нибудь извечным свойством, а объясняется теми неблагоприятными условиями, в которых находился этот народ со времени своего изгнания из Индии.

В России цыгане появились сначала в южных и западных областях: в Бессарабии в XV в., в Белоруссии в XVI в., на Украине и юге России в XVII в., в областях средней и северной России только с XVIII в. Хотя кровавые законы против цыган в России не издавались, но каких-либо серьезных попыток помочь цыганам перейти на оседлость и повысить их культурный уровень никто не делал. Поэтому и в России сохранилась до самой революции культурная обособленность и отсталость цыганского народа.

Численность и языковые подразделения. По переписи 1926 г., общее количество цыган в СССР исчислялось в 61 тыс., но точную цифру установить едва ли возможно благодаря трудности регистрации этого кочевого населения. Надо сказать, что статистика цыган во всем мире находится в еще худшем положении. Количество их до 2-й мировой войны измерялось цифрой от 1 до 5 миллионов и, пожалуй, приближалось к средней цифре в 3 млн. Большинство цыганского населения было сосредоточено в Придунайских и Прибалканских странах, в Румынии, Венгрии. В годы войны немецко-фашистские оккупанты зверски истребили множество цыган.

По языку цыгане Европейской части СССР, т. е. не считая закавказских и среднеазиатских цыган (о них см. несколько дальше), делятся на две группы (это деление установлено проф. Баранниковым): цыгане РСФСР, Белоруссии и части Украины говорят на «северном» диалекте, который сейчас положен в основу цыганского литературного языка; в нем немало заимствований из русского и белорусского языков; цыгане же большинства районов Украины и цыгане Молдавии говорят на «южных» диалектах (левобережном, правобережном и волынско-подольском), которые отличаются по фонетике и по многочисленным заимствованиям с украинского.

Занятия и материальная культура кочевых и оседлых цыган. По своему образу жизни независимо от деления на наречия цыгане СССР, так же как и цыгане других стран, делятся на оседлых и кочевых. Оседлые цыгане, живущие в городах, и в частности в больших городах, по своей культуре и всему облику сильно отличаются от кочевых. Часть оседлых цыган—потомки тех цыган, которые были привлечены в дома аристократов в XVIII в. в качестве музыкантов, плясунов, певцов и т. д., затем из поколения в поколение продолжали вести эту жизнь на службе дворян и буржуазии и, порвав связь с кочевыми группами, со своим народом, в значительной степени утратили свои национальные черты.

Кочевые же цыгане, которые до недавнего времени составляли большинство цыганского населения, сохраняют больше самобытности. Традиционные занятия их известны. Наиболее распространенное из них—это ремесло; на Кавказе—специальное изготовление сит, решет; в Крыму (у оседлых цыган)—преимущественно металлическое и ювелирное производство; на Украине и в Молдавии—больше кузнечное. Специальные прежние цыганские профессии—торговля лошадьми, дрессировка животных и различные другие временные и случайные занятия, включая гадание—профессию женщин, попрошайничество и т. д.

Сейчас эти прежние занятия цыган вместе с их кочевым образом жизни отошли или отходят в прошлое.

Цыганский табор (Московская обл., 1950 г.)

Отсутствие у цыган навыков земледельческого труда, что вызывалось определенными историческими причинами, затрудняло на первых порах, а частью и теперь еще затрудняет введение трудового землеустройства среди цыган. Однако и в этом деле существенные успехи достигнуты. Крупную роль здесь сыграли правительственные постановления о мерах содействия трудовому землеустройству цыган (конец 1926 г. и позже). Существовавший в 1925—1928 гг. «Всероссийский союз цыган» себя в этом отношении не оправдал. Зато большую пропагандистскую работу провели журналы, издававшиеся на цыганском языке, «Романы зоря» (Цыганская заря) и «Нэво дром» (Новый путь). С 1927 г. стали создаваться цыганские колхозы на Северном Кавказе и Украине, зарекомендовавшие себя с хорошей стороны. Позже цыганские колхозы в Смоленской, Ленинградской и других областях слились с русскими.

В большом количестве цыгане оседают в городах: они работают на промышленных предприятиях или становятся ремесленниками. Многие учатся в школах и получают квалифицированные профессии, занимаются интеллигентным трудом.

У кочевых цыган сохраняется очень много своеобразных черт в их культуре, которые в известной степени могут быть связаны с их древнеиндийской прародиной. Костюм цыган, особенно женский, выделяет их из среды окружающего населения, хотя сами цыгане не знают ни прядения, ни ткачества, а пользуются покупными тканями: особые широкие, ярких цветов, преимущественно красные платья, длинные и широкие сборчатые юбки; ношение старой, дырявой одежды, что для цыган сделалось национальным обычаем, вместе с яркостью и пестротой ее—напоминает о каких-то очень архаических традициях. Женщины любят носить украшения. Мужской костюм в настоящее время утратил самобытные особенности.

Форма жилища—цыганский шатер (ша́тро),—по-видимому, может быть связан с палатками переднеазиатских народов, в частности курдов, однако он подвергался изменениям на европейской почве. У различных групп цыган—неодинаковые формы шатра. Шатер обычно прилаживается к телеге, на которой цыганская семья кочует. Зимой цыгане не кочуют, а живут в деревнях, городах, часто снимая хаты, избы на краю села; в Молдавии зимним жилищем цыган служила обычно полуземлянка—«бурдей».

Общественный быт и культурное развитие. В общественном быту сохранились черты самобытного патриархального строя. Родовой строй у цыган как таковой отсутствует, но существует очень крепкий патриархаль-

ный уклад табора и семьи с деспотической властью предводителя табора и отца семьи. Положение женщин в цыганском таборе обычно подчиненное, ибо авторитет главы семьи стоит чрезвычайно высоко, но вне табора женщина ведет себя свободно и непринужденно. Однако все исследователи отмечали, что, вопреки распространенному мнению, нравственность у цыган, в частности цыганских женщин, стоит высоко, и говорить о какой-нибудь распущенности нравов цыган нет никаких оснований. Местами у цыган отмечались и следы матриархальных порядков: авторитет и власть старшей женщины в таборе. Есть и следы родоплеменного строя. Европейские исследователи отмечают, что цыгане отдельных стран делятся на какие-то группы, быть может, племенного происхождения. Во главе таких групп стоят выборные предводители. Сохранились и подразделения племен, очевидно, родовые группы, не совпадающие с табором.

Очень много самобытных черт сохранилось в духовной культуре цыган. Правда, в отношении религии цыгане всегда легко ассимилировались с окружающим населением. Они всюду исповедуют официальную религию той страны, в которой живут. В России цыгане были все поголовно православные. Персидские цыгане обычно шииты, в Турции, в Крыму и Средней Азии сунниты; в Западной Европе они или католики или протестанты. Но эта принадлежность к официальному вероисповеданию является чисто формальной. Наряду с ней сохраняются мало нам известные пережитки старых магических, анимистических и иных верований и обрядов. Есть представления о злых и добрых духах. Сохранились следы культа предков.

Интересен фольклор цыган, к сожалению, до сих пор не опубликованный. По-видимому, работа по его собиранию должна быть проведена заново, но то, что имеется, говорит о наличии в цыганском фольклоре нескольких столетних напластований; древнейшие образцы, не испытавшие еще влияния тех народов, среди которых цыгане живут, содержат в себе очень отчетливые следы религиозно-мифологических представлений и роднят цыганский фольклор с фольклором Индии. По материалам М. И. Кунавина, в числе имен эпических и сказочных героев цыган имеются имена, которые можно считать искажениями имен древнеиндийских и новоиндийских богов: Джандра (Индра), Барама (Брама) и др. Другие, позднейшие наслоения в цыганском фольклоре имеют характер бытовых рассказов и сказок, которые отражают условия жизни уже новейших эпох.

Совершенно исключительна ценность музыкального творчества цыган. Конечно, нельзя смешивать музыкальную культуру цыган с так называемой цыганщиной, в частности с «цыганскими романсами». То, что известно под этим названием, связано с репертуаром цыган, служивших в домах аристократии и в трактирах Москвы и Петербурга и совершенно утративших связь с народной музыкой. Эти произведения не могут в настоящее время дать ни малейшего представления о народной музыкальной культуре цыган. Если послушать настоящую цыганскую музыку в таборах или цыганских кварталах некоторых южных городов, то эта музыка производит сильнейшее впечатление своей самобытностью и глубокой музыкальной культурой. Музыкальные инструменты европейские, но играют и поют цыгане совершенно своеобразно. Это не сравнимо ни с персидской музыкой, которая у нас обычно известна под именем восточной, ни с европейской музыкой. Видимо, здесь сохранились традиции индийской музыки. Надо сказать, впрочем, что и на европейскую музыку цыганская музыка оказала большое влияние. Лучшие композиторы и Западной Европы, и России относились с интересом к цыганской музыке. Особенно это надо сказать о Листе, который находился под сильным влиянием цыганской музыки.

Для развития цыганской национальной культуры в ее лучших проявлениях благоприятные условия сложились в СССР. Достаточно назвать успешную деятельность цыганского театра «Ромэн» в Москве (с 1930 г.).

НАРОДЫ КАВКАЗА

1. ВВЕДЕНИЕ

Кавказ—вторая самостоятельная, хотя и сравнительно небольшая по размерам историко-этнографическая область СССР. Специфика ее порождена географическим положением Кавказа, его природными условиями и историческим прошлым.

Занимая перешеек между Черным и Каспийским морями и составляя таким образом перепутье между Европой и Азией, он издавна служил связующим звеном между Восточно-европейской областью, с одной стороны, Малой Азией и Ираном—с другой. Придвинутый почти вплотную к одному из древнейших очагов мировой цивилизации—Двуречью, Кавказ с отдаленных времен испытывал благотворное влияние его культуры. Он служил и передатчиком этого влияния в более северные области—в Восточную Европу. В истории народов СССР Кавказ был исстари одним из важнейших каналов, по которым притекало оплодотворяющее воздействие древнейшей в мире цивилизации. Народы нашей страны тем самым оказывались еще в глубокой древности в более благоприятных условиях культурного развития сравнительно с народами Центральной и Западной Европы.

В более же позднее время, с возникновением и ростом самостоятельной культуры народов Восточной Европы, особенно русского народа, Кавказ оказался в сфере ее благотворного влияния. Культурные токи устремились в обратном направлении—с севера на юг.

Это не значит, конечно, что историческая роль Кавказа сводилась к роли только передатчика культуры. Напротив, на Кавказе, особенно в Закавказье, издавна складывались и самостоятельные культурные очаги, в свою очередь влиявшие на соседние страны. Так, вполне возможно, что именно Закавказье

было одним из древнейших мировых центров металлургии бронзы, а позже железа; Кавказ был, вероятно, родиной некоторых видов хлебных растений, родиной пчеловодства.

С точки зрения природных условий Кавказ представляет сочетание двух основных типов ландшафтов: высокогорного и предгорно-равнинного. Горы Кавказа дают человеку скудные условия существования: пригодной для обработки земли мало, не везде достаточно даже пастбищ для скота. Климат в горах суровый. Другое дело—предгорные и низменные области Кавказа. Плодородная земля, обилие тепла, а отсюда богатая растительность и широкие возможности земледельческого и скотоводческого хозяйства. Однако местами недостаток влаги требовал искусственного орошения, без которого земля не давала ничего.

Производительный труд человека создал в этих условиях издавна высокий культурный уклад. В горных же районах уровень производительных сил очень долго оставался низким.

Этнический состав. Природные и исторические условия Кавказа породили и характерные особенности его этнического состава: крайнюю этническую пестроту. Несмотря на сравнительно небольшие размеры Кавказа, здесь насчитывается столько отдельных народов, языков, наречий, мелких этнических групп, что подобную пестроту вряд ли можно найти в какой-либо другой стране. Кавказ недаром называли издавна «горой языков».

Если искать причины этой языковой и этнической пестроты, то необходимо еще раз обратить внимание на само географическое расположение Кавказа. Хотя он, как уже сказано, и служил издавна перепутьем и связующим звеном между Европой и Азией, но, будучи прегражден высоким, труднопроходимым Кавказским хребтом, он в то же время затруднял общение между этими двумя частями света. В результате Кавказ как бы разделен на две половины и обращен одним лицом к северу, другим—к югу. Если северная часть Кавказа всегда была связана культурными отношениями со степной полосой юга России, отчасти юго-запада Сибири и со Средней Азией, то южная его часть издавна поддерживала культурные связи с центрами древних восточных цивилизаций, Передней и Малой Азии и Ирана. В то же время те этнические движения, которые исходили как с севера, так и с юга, задерживались на перешейке Кавказским хребтом. Отдельные этнические группы, более слабые, оттеснялись своими сильными соседями или с юга, или с севера к Кавказскому хребту, прижимались к этому горному хребту и оставались в его ущельях мелкими изолированными группами, сохраняя свое замкнутое положение в течение веков, а то и тысячелетий. В этих горах долго сохранялось и древнее аборигенное население. Этими обстоятельствами и определился и этнический состав, и особенности межэтнических отношений на Кавказе.

Языковая классификация народов Кавказа представляет большие трудности, и проблема до сих пор окончательно не решена. Преобладающее большинство языков народов Кавказа не обнаруживает ясного родства ни с какой известной семьей языков, да и между собой родство их не всеми признано. Попытки группировать эти языки делались еще в XVIII в. (Гильденштедт, Паллас) и в начале XIX в. (Клапрот), но впервые серьезно занялся их изучением П. К. Услар, много лет (1837—1875 гг.) живший и служивший на Кавказе. Хотя он изучал главным образом отдельные языки, но ставил вопрос и о их взаимных связях и ввел термин «кавказские» языки, как обозначение особой языковой семьи (наравне с индоевропейской, урало-алтайской и др.). Наиболее энергичным продолжателем его был А. Дирр, 13 лет (1900—1913 гг.) изучавший на месте языки главным образом народов Дагестана. Из советских исследователей особенно много сделали для изучения и систематики языков Кавказа Н. Я. Марр, Н. Ф. Яковлев, Л. И. Жирков, В. И. Абаев, А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе.

Еще некоторые старые исследователи пытались установить родство «кавказских» языков с другими языками мира, древними и новыми. Из новых языков их сближали особенно с языком басков Пиренейского полуострова. Отсюда родился термин «иберийско-кавказские языки» (иберийские племена—древнее население Пиренейского полуострова, предки басков), термин, введенный Карстом (1928 г.) и принятый советскими языковедами—А. С. Чикобавой и др. Наиболее настойчиво занимался поисками родственных связей кавказских языков Н. Я. Марр. Он еще в 1888 г. пытался доказать их родство (точнее—родство грузинского языка) с семитическими и хамитическими языками, и именно в этой связи предложил называть их «яфетическими» (Сим, Хам, Яфет—три сына легендарного библейского Ноя). Впоследствии

(1920-е гг.) Марр сделал попытку еще более расширить круг родственных связей «яфетических» языков и—подобно другим исследователям—стремился найти следы их среди многих языков Средиземноморья, как древних (эламский, хеттский, этрусский и др.), так и современных (баскский). Данной проблеме посвящена, например, работа Марра: «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» (1920 г.). В этой гипотезе было много спорного, но было, видимо, и зерно истины. В дальнейшем, однако, Марр совершенно сошел с почвы реальных фактов и стал рассматривать яфетическую «систему» языков, как некую «стадию», проходившуюся будто бы всеми языками мира. Этой фантастической теории Марра, которую ученики его выдавали за «марксистскую» и у которой долгое время были в плену многие советские лингвисты, археологи и этнографы, был нанесен сокрушительный удар лингвистической дискуссией на страницах «Правды» (май—июнь 1950 г.). Яфетические (кавказские) языки были возвращены, после незаконного блуждания по всему земному шару, на подобающее им место—на Кавказ. Проблема же родства их требует еще дальнейших исследований[1].

Яфетические, или кавказские, языки подразделяются на три основные ветви: 1) южная, или картвельская, группа языков: грузины и примыкающие к ним этнические группы, ныне консолидированные в единую грузинскую нацию; 2) северо-восточная группа: это языки народов Дагестана, а также чечено-ингушская, или «вейнахская», группа[2]; 3) северо-западная, или абхазо-адыгейская, группа языков, которая в свою очередь распадается на абхазскую, точнее абхазо-абазинскую, и черкесо-кабардинскую (адыгскую) подгруппы.

Следующая большая языковая группа на Кавказе—собственно индоевропейская, представленная в основном одной своей ветвью—иранской. К числу иранских языков относится прежде всего осетинский язык (хотя в этом языке много не иранских, а «кавказских» элементов), а также языки татов, талышей и курдов.

Не совсем ясно языковое родство армян. Армянский язык одними причисляется к индоевропейской семье, другими ставится на особое, промежуточное место между индоевропейскими и яфетическими языками (об этом будет сказано подробнее в дальнейшем).

Последнюю языковую группу на Кавказе составляют тюркоязычные народы. Самый крупный из них—азербайджанцы, коренное население восточной части Закавказья (АзССР). На Северном Кавказе в тюркоязычную группу входят кумыки, балкарцы, карачаевцы, ногайцы, трухмены.

Кроме коренного населения, есть народы и этнические группы, сравнительно недавно появившиеся на Кавказе,—переселенцы из других областей СССР, частью и из других стран. О некоторых из них речь будет ниже.

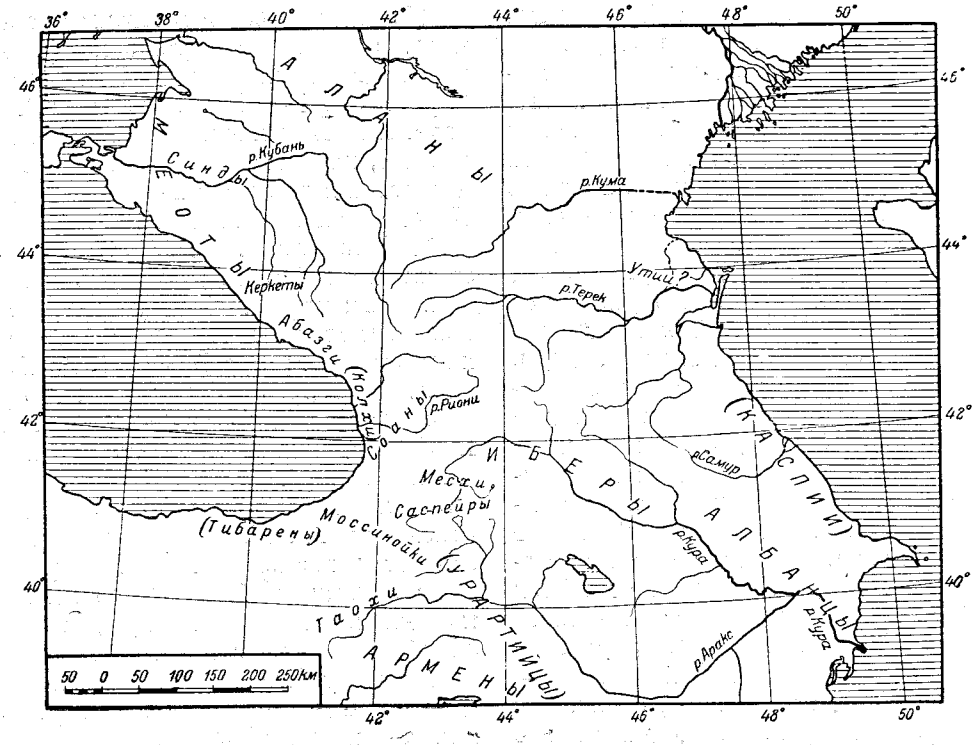
Антропологический состав. В антропологическом отношении население Кавказа сравнительно однородно: почти повсеместно преобладают чисто европеоидные типы. Кстати, европеоидную расу прежде называли, а зарубежом и теперь иногда называют «кавказской» расой. Исключение составляют лишь ногайцы, среди которых преобладает монголоидный тип. Но выделить локальные типы среди массы европеоидного населения Кавказа не так легко. Только в самые последние годы (с 1952 г.) советские антропологи (В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец и др.) вплотную приступили к этой работе.

Обнаружилось, что среди населения Северо-Западного Кавказа, Центрального Кавказа и Западного Закавказья встречается относительно часто примесь светлоокрашенного сравнительно широколицего северо-европейского типа: она отмечается у адыгов, у осетин, у западных грузин. Напротив, у народов Восточного Закавказья—азербайджанцев, курдов и др.—господствует узколицый темноокрашенный тип, связанный с Ираном, Средней Азией. Армяне, восточные грузины и дагестанцы занимают промежуточное положение.

---

[1] Даже само наименование этой языковой семьи не установлено. Термин «кавказские языки» не очень удачен, как чисто географический; он требует особой оговорки, что не все языки народов Кавказа являются «кавказскими» (об этих языках, принадлежащих к другим семьям, будет речь отдельно). Термин «иберийско-кавказские языки» еще менее пригоден, хотя им многие и пользуются, ибо родство «кавказских» языков с «иберийским» (и с их остатком—баскским языком) еще требует доказательства. Название «яфетические языки» из всех предложенных наиболее приемлемо, так как оно покрывает одну вполне определенную семью языков, хотя придававшийся вначале Марром этому термину смысл—идея родства с семитическими и хамитическими языками—сейчас отпал.

[2] Эту последнюю группу некоторые лингвисты, например А. С. Чикобава, выделяют в особую, четвертую ветвь «кавказских» языков.

Племена и народности Кавказа в античную эпоху (в скобках—названия народов исчезнувших к первым векам н. э.)

Эти антропологические различия, пока еще слабо изученные, необходимо учитывать при решении вопросов происхождения кавказских народов.

Историко-этнографический обзор. Каково происхождение народов, составляющих коренное население Кавказа? Кавказ в историко-этническом отношении доступен изучению с очень отдаленных времен. И археологические и письменные источники дают нам достаточно обширные и подробные сведения, начиная с очень раннего времени. Археологические сведения сами по себе говорят не очень много о происхождении отдельных этнических группировок, современных или более ранних, уже по той одной причине, что связать ту или иную археологическую культуру с тем или иным современным или древним народом обычно бывает очень трудно. При этом надо сказать, что археологически Кавказ продолжает до настоящего времени оставаться недостаточно изученным. Тем не менее новейшие археологические исследования позволяют значительно отодвинуть в глубь веков начало культурной истории народов Кавказа. До недавнего времени считалось, что высокая культура появляется на территории Закавказья, да и вообще в СССР, впервые в эпоху так называемого Ванского царства (Урарту), с IX в. до н. э. Но работы 1920—1930-х годов, проводившиеся в Закавказье, в частности в Грузии, проф. Куфтиным, заставляют пересмотреть этот вопрос. Б. А. Куфтину в результате его археологических работ в Цалкинском районе Грузии, к юго-западу от Тбилиси, удалось обнаружить так называемую Цалкинскую культуру, или культуру Триалети, которая датируется примерно тысячелетием раньше, чем Урарту—она относится к первой половине II тысячелетия до н. э. и обнаруживает связь с хеттской культурой, а через нее дальше с древней культурой Двуречья. Центр этой сравнительно высокой бронзовой культуры находился в Западном Закавказье, и она была связана с позднейшими Колхидской и Кобанской культурами Западного Закавказья и Предкавказья. К сожалению, неясен вопрос, какому народу принадлежала эта культура и с какими более поздними народами она могла быть связана. Сам проф. Куфтин приписывает ее хурритам, самому восточному народу хеттского объединения, но это пока только предположение. Поэтому для решения вопроса о происхождении отдельных национальностей современного Кавказа эти архео-

логические открытия, как ни интересны они сами по себе, дают не слишком много.

Письменные известия о народах Закавказья и Кавказа начинаются также давно. В ассирийских документах, относящихся к эпохе походов ассирийских царей в область озера Ван (XII в.), имеются упоминания о народе мушках, который жил в восточной части южного побережья Черного моря, около Трапезунда, Синопа, до р. Галиса. Эти мушки, по-видимому, не что иное, как упоминаемый в еврейской библии Мешех («я на тебя, князь Мешеха», Иезекиил, 39,1). Они же—мосхи, или месхи, народ, упоминаемый в греческих источниках, начиная с VI века. Эти мосхи (месхи)—название, которое сохранилось до настоящего времени в названии Месхийского хребта и в названии небольшой группы (месхов), вошедшей в состав грузинского народа. Вместе с именем «Мешех» в библии неоднократно упоминается название «Тубал» (Бытие, 10, 3; Иезекиил, 32,26, 38,2 39,1; Исаия, 66,19). Считается установленным, что библейский «Тубал»—это народ тибарены, или тибары, о которых сообщают греческие писатели, начиная с VI в. (Гекатей). Тибары (тибарены) затем встречаются в античных источниках до IV в. н. э., до Аммиана Марцеллина, который упоминает о них в последний раз. Есть основания связывать их с иберами. Иосиф Флавий (конец I в. н. э.) выводил современных ему иберов, в прошлом называвшихся, по его словам, фовелийцами (тобелийцами), от прародителя Фовела (Тобела); очевидно, это имя тождественно с библейским Тубалом (Иос. Флав., Иуд. древности, VI, 1, ср. II, 2). Упоминание о самих иберах встречается впервые за 100 лет перед тем, в I в. до н. э., в описании походов в Азию римских полководцев Лукулла (около 70 г.) и Помпея (65 г.). А иберы—это народ, который исторически связан непосредственно с современными нам грузинами: название это сохранилось в старом русском наименовании Грузии—Иверия, Иверская земля, а также в теперешнем имени грузин бассейна Риона—имеры, имеретины.

Еще с начала первого тысячелетия до н. э. в Западном Закавказье, в частности в Колхидской низменности, упоминается народ колхов. О них говорится уже в легендарных сказаниях греков (в преданиях о походе аргонавтов), а также у Геродота и других. Это, вероятно, докартвельское население Западного Закавказья, позднее ассимилированное или частью вытесненное грузинами.

Известную роль в этногенезе народов Кавказа, в частности грузин и армян, сыграло, видимо, население Ванского царства (Урарту, IX—VI вв. до н. э.). Ванские надписи, сохранившиеся в большом числе на камнях, изучены особенно хорошо русскими и советскими учеными—М. В. Никольским, И. И. Мещаниновым, Б. Б. Пиотровским, Г. А. Капанцяном, Г. А. Меликишвили. Язык этих надписей и, следовательно, господствующий язык народа Урарту был, несомненно, близок к современным кавказским языкам—на это указал еще в 1890-х гг. М. В. Никольский. Но вопрос о ближайших его родственных связях вызывает разногласия: например, И. И. Мещанинов полагает, что язык урартийцев всего ближе к современным западнокартвельским языкам (сванскому, мегрелочанскому). Г. А. Меликишвили, отрицая это, считает невозможным связать урартийский язык с каким-либо отдельно взятым современным кавказским языком, а из древних он сближает его с языком хурритов.

Далее, у Ксенофонта в описании похода «десяти тысяч» имеется упоминание о таохах, или таях, саспейрах, макронах и других народах, через страны которых проходили отступавшие греки. Эти народы упоминаются и в более поздних греческих источниках. Некоторые из них (например, таохи) были, несомненно, в числе компонентов, вошедших в состав грузинского народа.

В I в. до н. э. появляются упоминания о лазах в Колхиде: может быть, это было одно из племен колхов. В IV в. князья лазов возглавили большое государство—Лазику, объединив всю Колхиду, теперешнюю Западную Грузию; вскоре, однако, Лазика подпала под власть Византии, в VII в.—арабов.

В I в. н. э. встречается первое известие о сванах. Под именем соанов о них рассказывает Страбон. Нужно заметить, что сообщения Страбона имеют в отношении Кавказа особую ценность. Страбон был сам родом из Синопа и по матери происходил из племени цанов (т. е. чанов—теперь это один из картвельских народов). Он сообщает много интересного о соанах. Это был народ воинственный и очень многочисленный, они «господствовали над всеми окружающими народами». Соаны могли выставить войско в 200 тыс. воинов, что соответствует численности всего населения примерно в миллион. У соанов был царь и совет в составе 300 старейшин.

Таковы наши сведения о племенном составе населения Западного Закавказья в античную эпоху.

Восточный Кавказ, бассейн Каспийского моря, был издавна заселен народами, давшими свое название этому морю: это были каспии. Известия о них восходят еще к середине 2-го тысячелетия до н. э. (в ассирийских источниках) и тянутся вплоть до V в., когда каспии были ослаблены мидо-персидским завоеванием. Некоторые исследователи, например Б. Грозный, связывают название каспиев с широко распространенным на Древнем Востоке этнонимом «куш», «каш» (кашшу—касситы, кушиты, кушаны и пр.), да и самое название Кав-каз, может быть, имеет к нему отношение. Следы каспиев сохранились в топонимике Дагестана: р. Койсу на лакском языке—«Кас».

Около середины 1-го тысячелетия до н. э. каспиев сменяют племена, известные в позднейших армянских хрониках под именем агванов. Они же упоминаются в грузинских источниках под именем альванов, а в античных греческих и римских источниках как албаны,—это наиболее известное из их имен. Албаны были главным образом скотоводами. Страбон дает чрезвычайно интересное сообщение об этнических отношениях среди них. Он говорит, что албаны представляли собой многочисленное население. Они могли выставить 60 тыс. воинов-пехотинцев и 22 тысячи конницы. Они делились на 26 языков и народностей. Каждая из этих 26 групп имела прежде, как он говорит, отдельного царя, а впоследствии они все объединились под властью одного царя. Здесь, несомненно, верно отмечено то состояние языковой раздробленности, которое сохранилось до настоящего времени в горной части Кавказа, а раньше, по-видимому, было характерно и для других областей Кавказа.

Куда впоследствии девались эти албаны и кто из современных народов Кавказа может считаться их потомками? Наиболее прямые потомки албан—вероятно, народности современного Дагестана. Но несомненно, что и в составе современных азербайджанцев имеется древний албанский слой, хотя в настоящее время азербайджанцы—тюркоязычный народ.

О населении Северо-Западного Кавказа, бассейна Кубани и Приазовских степей имеются сведения, восходящие к VI—V вв. до н. э. Но более обстоятельные известия о народах этой части страны содержатся в позднейших известиях, особенно у Страбона.

Судя по этим известиям, вдоль Черноморского и Азовского побережий жили оседлые племена земледельцев, частью промышлявших и мореходством. В степях же между Кавказскими горами на юге и р. Доном на севере обитали кочевые или полукочевые племена скотоводов, частью, впрочем, знакомые и с земледелием. Таким образом, уже около начала н. э., а вероятно, и раньше, на Северо-Западном Кавказе и в Предкавказских степях уже существовали те основные типы хозяйства и культуры, которые характерны для современных народов этой части Кавказа—народов Адыгейской группы.

Образец письма урартийцев. Надпись царя Русы I (около 725 г. до н. э.)

И у Страбона и у других античных авторов мы находим длинный перечень племен, населявших Приазовье и Прикубанье: в числе их упоминаются меоты, зиги, гениохи, керкеты и др. Но установить точное местожительство каждого отдельного племени, его занятия и культурный облик, а также взаимоотношения между племенами нелегко. «Меотами» называлась, видимо, целая группа или объединение оседло-земледельческих племен в прибрежной полосе Азовского моря, которое тогда именовалось Меотийским озером. В числе меотских племен были синды, тореты, дандарии и др. Керкеты, гениохи, зиги жили южнее Кубани. Все эти племена, очевидно, связаны исторически с позднейшими черкесскими народностями, обитателями той же территории, и в значительной мере могут считаться их предками.

Севернее, в степях нижнего Задонья, кочевали еще до начала н. э. племена, которых греки называли собирательно «сарматами». В римско-византийское время за ними укре-

пилось название «аланы». Едва ли они представляли собой какую-нибудь определенную народность с одним языком. Скорее это был конгломерат кочевых племен. Но языки и наречия их принадлежали в основном к иранской, в частности к североиранской группе: это установлено по собственным именам и отдельным словам в греческих надписях.

Аланы представляют особый интерес для этнографии Кавказа: с ними исторически связаны современные осетины.

Начиная со II в. н. э. в античной литературе появляются упоминания об абхазах под именем абазгов или абасков. Абхазы представляют собой группу, связанную по языку с черкесами и кабардинцами, т. е. примыкающую к Северо-Западному Кавказу, но в настоящее время они расселены к югу от Главного Кавказского хребта.

Помимо тех автохтонных групп, которые издавна были расселены на Кавказе и в ближайших к нему областях, Кавказ испытывал, начиная с очень ранних времен, целый ряд вторжений пришлых групп, вливавшихся в коренное население или так или иначе оказывавших на него влияние.

Самыми древними из таких групп были (насколько это нам известно по источникам) киммерийцы и скифы. Киммерийцы (VII в. до н. э.) не оставили, по-видимому, заметного следа на составе народов Кавказа, если только не считать возможности связи между именами киммерийцев (кимеров) и иберов—одной из составных частей грузинского народа.

В VII же веке появляются на Кавказе скифы (в ассирийских источниках—«ишки»). Скифы, по-видимому, также не оставили глубокого следа в населении Кавказа, хотя некоторые исследователи предполагают наличие скифского элемента в составе хевсуров, самой обособленной племенной группы грузинского народа.

К далеким временам относится и влияние, которое испытывал Кавказ с противоположной стороны, с юга. Говорить о переселениях целых народов на Кавказ с юга мы, правда, не имеем твердых оснований, хотя предания о таких переселениях были и есть. Например, еще в античной литературе прочно держалось мнение, что колхи—потомки переселенцев из Египта; такая же легенда о переселении из Египта до сих пор сохраняется у черкесов. Но доказать подобные этнические передвижения трудно. Зато не подлежат сомнению глубокие и чрезвычайно древние культурные влияния, шедшие с юга, из очагов великих мировых цивилизаций. Культурные связи с древним Двуречьем прослеживаются археологически с начала 2-го тысячелетия до н. э. Ассирийцы в конце 2-го и в начале 1-го тысячелетия не только воевали с народами Закавказья, но были и передатчиками культурного влияния: с этим связано, например, зарождение письменности в Ванском царстве в IX в. до н. э.

Что касается влияния Ирана, то оно началось еще в эпоху Ахеменидов, когда часть Закавказья входила в состав Персидской монархии. Но появление на территории Кавказа ираноязычных групп (таты и др.) и иранизация населения Восточного Закавказья относится, вероятно, к более поздним временам, когда иранское влияние было глубже, т. е. ко времени Парфянского царства (с III в. до н. э.—до III в. н. э.) и в особенности к эпохе Сасанидов (III—VII вв. н. э.). Эпоха Сасанидов была временем наиболее сильного культурного влияния иранского мира на Кавказ. Влияние это сказалось и в распространении маздеистской (зороастрийской) религии и связанных с ней обычаев, например, в формах погребений, до недавнего времени сохранявшихся у некоторых народов Кавказа.

Несколько позже обозначилось культурное влияние со стороны народов Средиземноморья—особенно греков. Хотя уже древнейшие греческие легенды говорят о далеком Кавказе—предания о Прометее, о походе аргонавтов и пр., —но втягивание Кавказа в культурное общение с эллинским миром началось лишь с основания греческих колоний на Черном море. На побережье Кавказа греческие колонии появились с V века до н. э.: Диоскуриада на месте теперешнего Сухуми, Питиунт—у теперешней Пицунды, Фасис в устье р. Риона и др.

Торговые и культурные сношения со странами Средиземноморья в дальнейшем постепенно усиливались, особенно в период процветания Византийской империи. Влияние Византии выразилось в распространении христианства и в появлении письменности. Христианство, правда, пришло на Кавказ не только из Византии. Центром, откуда распространялось христианство на Кавказе, служила еще раньше Передняя и Малая Азия. У грузин и армян оно появилось еще в начале IV века, к более позднему времени относится распространение христианства у значительной части народов Северного Кавказа. Влияние христианства оказалось очень устойчивым. Грузины и армяне так

и остались христианами до нашего времени, равно как и часть абхазов и осетин; из народов Северного Кавказа христианство очень долго удерживалось, у черкесов и кабардинцев.

Появление на Кавказе ислама, распространенного арабским завоеванием, относится к началу VIII столетия. Непосредственное военно-политическое господство арабов на Кавказе оказалось сравнительно кратковременным. Грузии и Армении, в частности, удалось скоро освободиться от подчинения арабам, чем и объясняется сохранение религиозной независимости грузин и армян и отчасти их национальной самобытности. Но в Восточном Закавказье и в восточной части Северного Кавказа арабское влияние оставило глубокий след. К этому времени относится начало исламизации Дагестана. В западной части Северного Кавказа укоренение ислама произошло в гораздо более позднее время (XVII—XIX вв.), хотя он проникал туда и раньше, и связано с политическим влиянием Турции и Крыма.

Все эти влияния, шедшие с юга и с юго-запада,—влияние христианской Византии, Передней Азии, влияние мусульманского мира—оставили следы лишь в культуре народов Кавказа и не наложили отпечатка на самый этнический состав. В еще большей степени это можно сказать о культурных влияниях эпохи Крестовых походов и появления итальянских колоний на берегах Черного моря.

Итальянские (генуэзские) колонии на побережье Крыма и Кавказа имели довольно существенное значение для установления культурных связей народов Кавказа с Европой, но эти колонии были слишком малочисленны, чтобы повлиять на этнический состав или языки народов Кавказа.

Совершенно иное видим мы, когда обращаемся к влиянию кочевнических групп, появлявшихся на Кавказе с севера. О скифах и аланах уже говорилось. С первого тысячелетия н. э. появляются один за другим тюркоязычные народы, оказавшие существенное воздействие не только на культурный облик, но и на самый состав населения Кавказа. В IV—V вв. это были орды гуннов, которые, вероятно, вскоре растворились в коренном населении Кавказа. В Приазовских степях до середины VII века кочевали болгары, которые, как можно предполагать, оставили память о себе в названии народности балкар. Кочевые племена мадьяр могли проникать в кавказские предгорья около того же времени и позже, но они не оставили заметных следов. С VII в. Северный Кавказ входит в орбиту господства хазаров, основная масса которых была связана с тюркоязычным миром. Хазары, а за ними печенеги и особенно половцы-кипчаки составили очень крупную примесь к населению Северо-Восточного Кавказа: эти тюркские народности, смешавшиеся с местным населением, влились в состав кумыкского народа.

Что касается Закавказья, то там появление первых тюркских этнических масс связано с сельджуками. Сельджуки были выходцами из степей Туркмении. Именно в это время, в XI веке, прошла первая и сильная волна тюркизации населения Восточного Закавказья, до тех пор или ираноязычного или сохранявшего свой древний албанский язык.

Но эта тюркская волна XI века была не последней. В XIII и в конце XIV века происходили новые, довольно крупные миграционные движения, связанные с завоеваниями Хулагу и Тимура. В Восточное Закавказье была насильственно переселена большая группа—несколько десятков тысяч семей—тюрков. К этому времени можно отнести окончательную тюркизацию основной массы населения Восточного Закавказья и формирование азербайджанской тюркоязычной народности, обнаруживающей, кстати, ближайшее языковое родство именно с туркменами.

Таким образом, с юго-востока, с северо-востока и с северо-запада Кавказ на протяжении столетий подвергался прямым нашествиям тюркоязычных кочевнических групп. Это обстоятельство наложило отпечаток на самый состав населения Кавказа в смысле появления здесь тюркоязычных народностей. Но было бы неправильно связывать с этим также и распространение кочевого скотоводческого хозяйства: оно господствовало и в Восточном Закавказье и северо-кавказских степях, как мы уже знаем, в гораздо более раннюю эпоху.

По сравнению с этим, очень длительным, не раз повторявшимся влиянием тюркоязычного кочевого мира совершенно ничтожна была положительная роль монгольских элементов, проникших на Кавказ в XIII веке. Монгольское нашествие было катастрофой для культуры и материального благосостояния завоеванного населения, а как раз накануне вторжения монголов культура народов особенно Закавказья стояла высоко. Монголы уничтожили их политическую самостоятельность. Но монгольский погром оказался крат-

ковременным, хотя и бедственным эпизодом и не оказал глубокого влияния на этнический состав народов Кавказа. Монгольские элементы почти не отложились на населении края. Исключением является, по-видимому, только небольшая дагестанская народность—кайтаки, которой приписывают монгольское происхождение; однако они давно уже утратили монгольский язык и культуру и ассимилировались с окружающим их дагестанским населением. Монгольскими по происхождению являются также некоторые роды ногайцев. Наконец, о связи с монголами может говорить название «мугал»: так называют азербайджанцев их соседи на северо-западе АзССР, и отсюда упоминаемые иногда в литературе «закатальские мугалы». Монгольское же культурное влияние на народы Кавказа было равно нулю.

Последние столетия истории Кавказа проходили под знаком все нарастающего влияния русского народа и русской культуры. Связи восточных славян с народами Кавказа восходят к киевской эпохе и даже раньше. Киевские князья воевали и находились в сношениях с «касогами» (черкесами), «ясами» (осетинами) и другими кавказскими народами. В XI—XII вв. существовало небольшое русское княжество—Тмутараканское—на Таманском полуострове, отделенное степной полосой от остальных русских княжеств. После перерыва, вызванного монголо-татарским игом, в XVI в. возобновились политические связи Руси с Кавказом (больше всего с Кабардой и Иверией—Грузией). С XVI в. начинается и прямое проникновение русского и украинского элемента на Кавказ: терское и гребенское (русские), а с XVIII в. кубанское (украинцы-запорожцы) казачество, затем и вольные поселенцы, сектанты, которые селились отдельными гнездами и в предкавказских степях и в Закавказье. Это проникновение русского элемента сопровождалось все более сильным культурным влиянием. Оно особенно интенсивно шло со стороны казачества. Терские и кубанские казаки, несмотря на постоянные враждебные отношения с горцами, в то же время дружились, кумились и роднились с ними, перенимали от них многое, в особенности в партизанско-военной технике, но и сами многому их научили.

В годы Кавказской войны культурные связи русского народа с народами Кавказа, вопреки военным действиям, становились все более тесными: они шли через русских солдат и офицеров, которые годами жили в горных крепостцах и так или иначе общались с туземцами; с другой стороны, кавказская тема делалась все более модной и в русском обществе, быт народов Кавказа вдохновлял Пушкина, Лермонтова, Марлинского, Толстого. Кавказ становился все более неотделимой частью России.

Таким образом, подводя итоги, мы можем сказать, что население Кавказа представляет собой в основной своей массе потомков древнейшего автохтонного населения, о котором нам сообщают уже очень ранние исторические источники. Судя по всему, это древнейшее население было яфетидоязычным. Яфетические группы сохранились в чистоте почти повсеместно в горной части Кавказа и в Западном Закавказье. Наряду с этим мы находим элементы пришлые, в разное время появившиеся на Кавказе, частью с севера, частью с юга. Большая часть их связана с кочевническими скотоводческими элементами, по языку принадлежавшими к тюркскому миру. Но это не значит, что все народы, говорящие в настоящее время на тюркских языках на Кавказе, должны считаться пришлыми. Они в значительной части являются продуктом смешения или тюркизации той или иной группы коренного населения Кавказа.

Наряду с этим Кавказ издавна испытывал культурные влияния со стороны стран Переднего и Среднего Востока, выразившиеся в распространении на Кавказе иранских языков, а также маздеистской, христианской и мусульманской религий, с чем рука об руку шла письменность и другие культурные элементы, сближающие население Кавказа с культурными странами Востока и Европы. В последнее время все более господствующим становилось русское влияние.

История этнографического изучения. С древних времен тянется почти непрерывно идущий ряд письменных источников, содержащих сведения о народах Кавказа,— сообщения античных и средневековых писателей и путешественников. Уже в раннее средневековье появляются и местные—армянские, грузинские—памятники письменности (Моисей Хоренский, Моисей Каганкатваци и др.). В позднее средневековье следует отметить ряд работ западных путешественников, в разное время посещавших Кавказ и оставивших его описания: Шильтбергер, который ездил по Кавказу и соседним странам в конце XIV и начале XV в.; Мартин Броневский—XVI в., Олеарий—XVII в., Ксаверио Главани, Пейсонель—XVIII в. и другие западноевропейские путешественники. Немало сведений дают арабские, персидские, турецкие авторы. Из местных источников позднейшего времени особенно важна работа грузинского царевича Вахушти (середина XVIII века). В его «Географии Грузии» содержится интересный этнографический материал, относящийся к самой Грузии и сопредельным с ней странам.

Русские известия о населении Кавказа начинают появляться с очень раннего времени: еще в Начальной летописи говорится о ясах, касогах, обезах—племенах Кавказа. Официальные сношения Русского государства с Кавказом в XVI—XVIII вв. вызвали появление целого ряда документальных сведений о его населении—см. «Дополнения к Актам Историческим», «Акты Кавказской Археографической комиссии». В XVIII в. крупные экспедиции и отдельные путешествия академиков и прочих ученых отчасти захватывали Кавказ. Из участников экспедиции Палласа 1768—1774 гг. там побывали Самуил Гмелин и Гильденштедт. Еще раньше (1740-е гг.)—врач И. Лерхе; в конце XVIII в.—граф Ян Потоцкий.

Но особенно усилился интерес к Кавказу с начала XIX века, со времени присоединения Грузии и Восточного Закавказья, а еще более в годы Кавказской войны. С первых десятилетий XIX в. начинается специальное изучение языков народов Кавказа: поездки лингвистов Клапрота (1807—1808), Шегрена (1835—1837), Броссе (1847), позже особенно акад. Дорна (1860), Услара (1850—1875).

В связи с Кавказской войной появляется ряд сведений о местном населении, исходящих от чиновников и военных, которым приходилось иметь по разным поводам дело с народами Кавказа (Семен Броневский, 1823—о народах восточного и северо-западного Кавказа; Радожицкий, 1827; Колюбакин, 1846; Сталь, 1852; Венюков, 1863 и др.— о черкесах и кабардинцах; Голенищев-Кутузов, 1843; Константинов, 1846, а позже Комаров, Эркерт и др.— о горцах северо-восточного Кавказа). В числе этих как бы полуофициальных этнографических описаний имеются некоторые, представляющие большую для нас ценность. Таковы, например, исследование Сем. Броневского, этнографические заметки Сталя и Люлье о черкесах.

Следует отметить, что многие из авторов этих описаний не только сообщали чисто фактический материал, но и обнаружили значительное по тому времени понимание характера общественного строя народов Кавказа: они видели в нем черты первобытного демократизма, родового устройства, сельской общины, а у некоторых народов—феодализма.

Своего рода завершением этой «официальной» этнографической литературы о народах Кавказа была для того времени сводная работа Дубровина «Очерк Кавказа и народов, его населяющих» (1871 г.—1-й том его «Истории войны и владычества русских на Кавказе»).

Еще до окончания Кавказской войны начали выходить серийные издания, посвященные Кавказу и его народам: «Записки» Кавказского отдела РГО—с 1851 г. и др. Но особенно обильны они стали после окончания войны («Акты Кавказской Археографической комиссии», «Сборник сведений о кавказских горцах», 1868—1881 гг., «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», 1881—1927 гг. и др.). В связи с административными потребностями появились записи обычного права кавказских горцев. Наиболее известен сборник их, изданный Леонтовичем: «Адаты Кавказских горцев, Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа», 1—2,1882—1883 гг.

С 80-х гг. в связи с общим ростом этнографической науки в России появляются и работы специалистов-этнографов, посвященные Кавказу. Видное место среди них принадлежит работам В. Ф. Миллера (1882—1887 гг.) об осетинах. К этому же времени относятся замечательные работы Максима Ковалевского, посвященные обычному праву целого ряда народов Кавказа и Закавказья («Современный обычай и древний закон», 1886—об осетинах; «Закон и обычай на Кавказе», 1—2, 1890). В этих работах, написанных под влиянием идей Моргана, но в духе совершенно самостоятельной эволюционистской концепции автора, содержится не только богатый фактический материал, но и очень важные историко-этнографические обобщения.

В конце XIX и начале XX в. выходили в свет работы местных этнографов-краеведов: Чурсина, Вейденбаума, Козубского, Хаханова и др.

Надо отметить также деятельность любителей-этнографов из нарождавшейся в XIX в. под русским влиянием национальной интеллигенции. К числу их принадлежали осетины Савва Кокиев и поэт Коста Хетагуров, черкес Хан-Гирей, кабардинец Шора Ногмов. В Грузии собиранием фольклора впервые заинтересовались литераторы-демократы Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели; в Армении—Перч Прошьян, Лалаян и др.

В советскую эпоху этнографическое изучение Кавказа развилось более широко и достигло гораздо большей точности и глубины. Можно указать на работы целого ряда советских этнографов, которые сделали гораздо более ясной для нас этнографическую характеристику народов Кавказа. Особенно ценны исследования Е. М. Шиллинга, А. А. Миллера, Е. Г. Пчелиной, Н. Ф. Яковлева, из более молодых — Л. И. Лаврова, З. А. Никольской. По этнографической историографии Кавказа много сделали проф. М. О. Косвен, Е. С. Зевакин.

В советские годы выросли и окрепли кадры этнографов из среды самих национальностей Кавказа. На первом месте идет пока Грузия, где выдвинулся уже ряд опытных этнографов—собирателей и исследователей: Г. С. Читая, В. В. Бардавелидзе, С. И. Макалатия, А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе и др. Их работы проливают новый свет на этнографию грузинского народа в целом и отдельных групп его. Из армянских исследователей следует отметить заслуженного этнографа проф. Ст. Д. Лисициана. В Азербайджане, в Дагестане и в Осетии также ведется этнографическая работа силами местных этнографов.

Таким образом, советская этнографическая наука на Кавказе сделала чрезвычайно много за сравнительно короткий период.

* * *

Хотя Кавказ по размерам своей поверхности сравнительно невелик и хотя он никогда не принадлежал к числу важнейших и самостоятельных центров мировой цивилизации, однако значение его в истории человеческой культуры было очень велико. Древнейшие культурные народы связывали с Кавказом свои заветные предания. В библейских легендах евреев фигурирует Арарат, как священная гора, откуда началось вторичное заселение земли людьми после потопа. Для греков горы Кавказа представлялись таинственной окраиной мира: там томился прикованный

жестоким Зевсом Прометей, культурный герой, давший людям огонь; там Геракл совершил свой благороднейший подвиг, освободив этого покровителя людей от страшного наказания. К берегам Кавказа, в далекую Колхиду, плыли смелые аргонавты добывать «золотое руно». Впоследствии на Кавказском побережье были основаны самые отдаленные греческие колонии, и эта страна была втянута в сношения с средиземноморским культурным миром. Греческие колонии были сменены в позднее средневековье итальянскими колониями, и для итальянцев Кавказ тоже стал самой отдаленной, полусказочной восточной страной.

Многоязычие народов Кавказа издавна поражало наблюдателей. Не отсюда ли родилось представление о Кавказе, как о родине европейских народов? Недаром европеоидную расу и сейчас еще некоторые называют «Кавказской расой».

Наконец, и в новейшее время—особенно в XIX в.—Кавказу суждено было оказать глубокое влияние прежде всего на русскую культуру, а через нее и на западноевропейскую. И поразительная красота и разнообразие природы, и суровая романтика патриархально простой жизни воинственных горных народов, и богатство художественного творчества кавказских мастеров—все это производило глубокое впечатление на образованных людей и в России и в Западной Европе. И в народных представлениях, и в литературе, и в искусстве европейских стран Кавказ и сейчас еще окутан поэтическим ореолом древней, глубоко самобытной культуры.

2. НАРОДЫ ДАГЕСТАНА

Если Кавказ является областью, наиболее пестрой по этническому составу во всем Советском Союзе, то Дагестан можно считать областью наиболее пестрого этнического состава на самом Кавказе. На этой маленькой территории насчитывается не менее 30 различных народностей. В старой литературе в отношении народов Дагестана существовала поэтому некоторая путаница в терминологии. Дагестанские народы иногда назывались все вместе лезгинами, что неправильно, потому что лезгины, или лезги,—это только один из народов Дагестана. Называли их и собирательным термином «горцы», понимая этот термин как бы в этническом смысле[1].

Национальный состав. По языковому признаку население Дагестана делится на три группы: яфетическую (кавказскую), тюркоязычную и ираноязычную.

В тюркскую группу входят прежде всего кумыки (около 100 тыс.), коренное население главным образом северной равнинной части Дагестана, «Кумыкской плоскости», расположенной между горами и морем. Сюда же относятся ногайцы, живущие в северных районах Дагестана и за его пределами, и расселенные в районе г. Дербента азербайджанцы, которых прежде называли «дербентскими тюрками», или «дербентскими татарами».

Ираноязычная семья представлена в Дагестане только одним небольшим народом—горскими евреями, или так называемыми «татами». Они живут разбросанно, не занимая компактной территории, главным образом в районе Дербента.

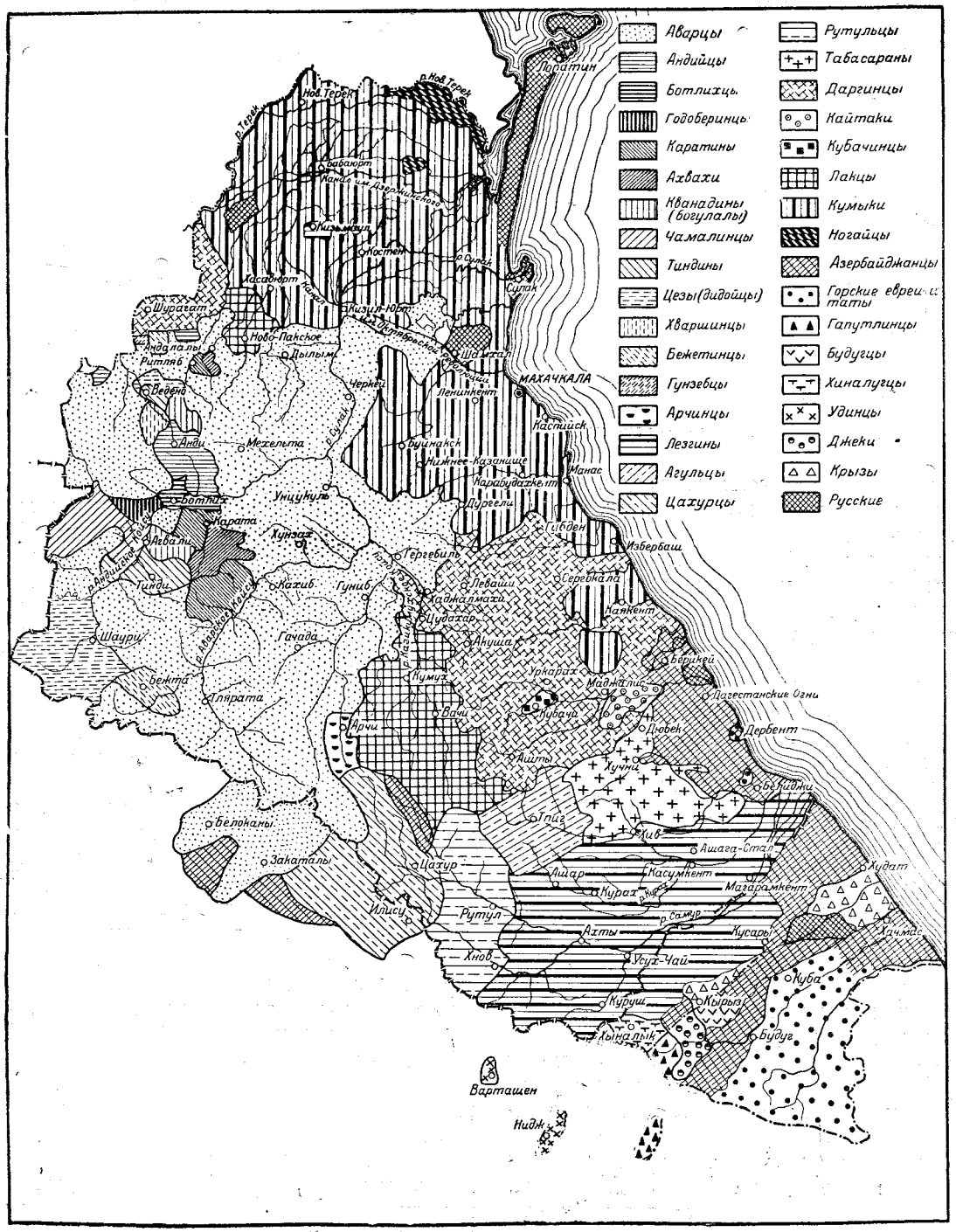
Остальные народы Дагестана, т. е. подавляющее большинство, принадлежат к северо-восточной ветви яфетических (кавказских) языков. Они делятся на следующие основные языковые группы.

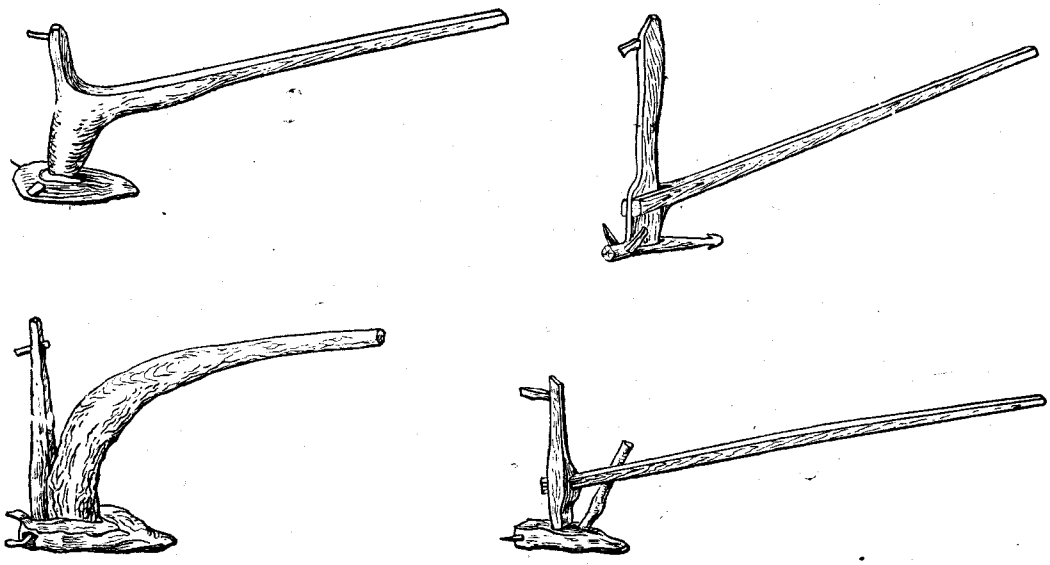
1. Аварцы (около 170 тыс.), занимающие основную часть западной половины горного Дагестана, примерно бассейн Аварского Койсу, и в общем расселенные широкой полосой с севера на юг. Для соседних мелких народов аварский язык служит своего рода «международным языком». Часть аварцев живет в северо-западном Азербайджане; там их (вместе с цахурцами) называли прежде «джаро-белоканскими (закатальскими) лезгинами».

Западная часть Дагестана, кроме аварцев, занята близкими к ним двумя группами мелких народов. Это:

а) андийская группа—на крайнем северо-западе Дагестана; в нее входит 8 маленьких народов: андийцы, ботлихцы, годоберинцы,

[1] Термин «горцы» применялся на Кавказе и в более широком значении: это дало повод известному исследователю Кавказа Дубровину писать в шутку, что во время Кавказской войны против нас воевали на правом фланге черкесы и горцы, а на левом фланге горцы и черкесы (Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, 1871, стр. XIII).

Аварцы
Андийцы
Ботлихцы
Годоберинцы
Каратинцы
Ахвахи
Квандинцы (багулалы)
Чамалинцы
Тиндинцы
Цезы (дидойцы)
Хваршинцы
Бежетинцы
Гунзебцы
Арчинцы
Лезгины
Агульцы
Цахурцы
Рутульцы
Табасараны
Даргинцы
Кайтаки
Кубачинцы
Лакцы
Кумыки
Ногайцы
Азербайджанцы
Горские евреи-татты
Гапутлинцы
Будугцы
Хиналугцы
Удинцы
Джеки
Крызы
Русские
МАХАЧКАЛА
Дербент
Буйнакск
Кизилюрт
Хасавюрт
Каспийск
Избербаш
Кизляр
Ботлих
Унцукуль
Гергебиль
Хунзах
Кахиб
Гуниб
Тинди
Шаури
Гачада
Бежта
Алята
Белоканы
Закаталы
Цахур
Рутул
Хнов
Варташен
Ниджа
Кумух
Ахты
Курах
Касумкент
Магарамкент
Кусары
Усух-Чай
Куба
Кырыз
Будуг
Хачмас
Сулак
Шамхал
Ленинкент
Чиркей
Манас
Дубки
Тарки
Каякент
Сергокала
Леваши
Ахульго
Ашага-Стал
Кудат
Ахтынский
Докузпарин
Гюдермес
Новый Терек
Р. Терек
Р. Сулак
Р. Самур
Р. Рубас
Р. Акташ
Р. Аварское Койсу
Р. Андийское Койсу
Р. Кара-Койсу
Р. Казикумухское Койсу
Р. Сулакское Койсу
Р. Шура-Озень
Р. Ярык-Су
Р. Гюльгерычай
Р. Рубас
Р. Ахтычай
Р. Самур
Р. Гюдермес
Р. Ахтычай
Р. Рубас

Старинные плуги («пуруц») народов Дагестана

каратинцы, ахвахи, чамалинцы (чамалалы), кванадинцы (багвалалы) и тиндинцы (тиндалы, тиндии).

б) группа дидойских (цезских) народностей, занимающих крайнюю западную часть Дагестана на границе с Грузией. Их 4: цунтинцы (цезы или дидойцы), хваршинцы, бежтины (капучины) и гунзибцы (хунзалы).

2. Большой группой являются даргинцы (около 110 тыс.), занимающие среднюю часть горного Дагестана. К этой группе, кроме самих даргинцев, примыкают еще две небольшие народности—кайтаки (каракайтаки, хайдаки) и кубачинцы.

3. Юго-западнее даргинцев живут лакцы (лаки). Это самостоятельная, довольно крупная народность (около 40 тыс.), занимающая бассейн Казикумукского Койсу в центре Дагестана. Их называли прежде еще казикумухами по названию главного аула.

Между лакцами и аварцами вклинивается маленькая народность, занимающая всего одно селение (Арчи), но самостоятельная по языку,—это арчинцы. Изолированность их прежде поддерживалась тем, что по старым обычаям они не вступали в браки с соседними народами.

4. Далее идет лезгинская группа в юго-восточной и восточной части Дагестана. В нее входят собственно лезгины (лезги, или кюринцы), которые являются самой многочисленной дагестанской народностью (180 тыс.) и прежде давали свое название всему населению Дагестана, затем табасараны и группа так называемых самурских народов по р. Самуру и южнее его. Это семь народностей, а именно: агулы, рутулы, цахурцы, три мелкие так называемые «Шахдагские» народности—хиналуги, будухи, крызы (в числе последних иногда выделяют еще «джеков» и «гапутлинцев») и, наконец, удины. Малые «шахдагские» народности (по названию горы Шахдаг) и удины живут в северо-восточной части Азербайджанской ССР.

Численность каждой из этих мелких групп составляет всего несколько тысяч человек, однако каждая из них говорит на своем особом языке или диалекте. В настоящее время идет процесс сближения и слияния мелких народностей в более крупные.

Общая численность коренного населения Дагестана составляет по данным переписи 1939 г. около 860 тыс. человек.

Таков в основном этнический состав национального населения Дагестана. На этом примере лучше всего видна разноплеменность, пестрота национального состава Кавказа. Некоторые из упомянутых народностей составляют не больше населения одного-двух аулов—например, арчинцы, кубачинцы, гунзибцы, удины.

Этногенез. Население Дагестана, по-видимому, следует рассматривать как потомков древних племен Восточного Кавказа, каспиев и более поздних—албанов. Н. Я. Марр считал аварцев наиболее чистыми потомками древних албанов, но, так как албаны представляли собой пестрый конгломерат народностей, то с ними же, вероятно, связаны по

происхождению и другие современные народы Дагестана. Название современных удинов связывают с названием древней страны Этиуни (к западу от Севанского озера), куда ходили походами урартские цари. Плиний (I в. н. э.) прямо называет удинов, как народ, живущий на Каспийском море, рядом с албанами (Естественная история, XVI, 15,3). Клавдий Птолемей (II в.) называет живущих там же удов. У Птолемея упоминаются и савары (савиры)—название, сближаемое с аварцами. У мусульманских арабоязычных писателей встречается название страны Авар.

О кайтаках (один из небольших даргинских народов) можно считать установленным, что в составе их есть ассимилированные монголы. Однако название «хайдак» упоминается уже в источниках X в. (Дербент-наме и др.). В конце XIV в. большинство кайтаков истребил Тимур. В середине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби описал кайтаков как монголов и даже записал несколько десятков слов их языка, из них часть действительно чисто монгольские. Сейчас монгольских элементов среди кайтаков незаметно. У них не сохранилось и никаких преданий о происхождении.

Что касается кумыков, они представляют собой очень пеструю по происхождению народность. Ее древний пласт, несомненно, дотюркский, яфетический. Есть мнение, что народ ками, камаки, упоминаемый уже у Птолемея, связан исторически с позднейшими кумыками. Тюркизация их начиналась еще при хазарах, во 2-й половине 1-го тысячелетия н. э. Здесь находилась тогда страна Берсилия, населенная частью хазарскими племенами; позже это было княжество Джидан. Набеги кипчаков (половцев, куманов) с X в. еще более усилили здесь тюркский элемент. К этому времени, в связи с распадом хазарского каганата, видимо, и относится образование основного ядра кумыкского народа, хотя некоторые исследователи (Бартольд) и относят образование его к более позднему времени: ко времени, когда остатки разбитых монголами половцев спасались бегством на территории Дагестана.

Кумыкский язык образовался из скрещения тюркизированных еще в хазарское время местных кавказских диалектов с кипчакским (половецким) языком. Последний составил господствующий слой в современном кумыкском языке.

Однако уже в языке видны и следы смешанного происхождения кумыков: оно отразилось в их языковых подразделениях. Сейчас насчитывается 3 диалекта кумыкского языка: 1) хасав-юртовский—основной, на нем построен сейчас кумыкский литературный язык; 2) хайдакский (распространен около г. Дербента и в Каякентском районе)—несет в себе следы влияния соседних кавказских языков; говорящие на нем южные кумыки находились в прошлом под властью Кайтакских «уцмиев» (феодалов), отсюда и название диалекта; наконец, 3) буйнакский (в районе г. Буйнакска)—промежуточный.

В самом же составе населения пестрота происхождения кумыкского народа еще более заметна. О ней говорят предания, относящиеся к отдельным селениям. Среди них имеются селения чеченского, дагестано-яфетического, даже мадьярского происхождения. Все они были тюркизированы по языку, но население их—в большинстве потомки древних аборигенов страны, и в их культурном облике чисто местные традиции решительно преобладают. Недаром В. В. Бартольд считал вообще кумыков «отуреченными лезгинами».

Хозяйство. Материальное производство высокогорной части Дагестана—оставляя пока в стороне кумыков,—представляет собой своеобразное сочетание горного, в прошлом сравнительно примитивного и очень мелкого по размерам земледелия и горного скотоводства с целым рядом кустарно-ремесленных производств. Земледелие уже по одному тому не могло до последнего времени достигнуть значительного развития, что земли, удобной для обработки, в горном Дагестане чрезвычайно мало. Большая часть этой страны представляет собой бесплодные, голые горы, где очень трудно найти участки земли, годные для пашни. Лучшие земли—в более низменных местах—принадлежали раньше имущим классам. Поэтому крестьянам Дагестана приходилось с неимоверным трудом буквально создавать себе поля, которые устраивались в виде искусственных насыпных площадок, террас по склонам гор, отгороженных снизу камнями и выровненных путем насыпания принесенной земли. Вся эта каторжная работа иногда шла прахом в результате горного обвала или наводнения, и приходилось начинать все сначала. Таким образом получились мелкие участки земли, разбросанные по склонам гор. Они обычно орошались. Малоземелье Дагестана поразительно: именно к Дагестану относится известный анекдот о горце, который во время работы потерял свое поле и потом обнаружил, что он его накрыл буркой. Теперь это мало-

Производство кинжальных клинков (аул Амузги)

земелье в значительной мере побеждено: горцы получили новую землю в более низменных районах, частью путем переселения с гор в долины.

Орудия обработки земли были очень примитивны: сравнительно легкий горный плуг («пуруц») с узкой пятой, борона в виде метелки (местами обходились и без бороны); орудием уборки служили серп и коса. Молотили, гоняя по снопам скот, который копытами вымолачивал зерно, или при помощи особых молотильных досок со вставленными камнями. Помол совершался большей частью вручную. Однако существовали и водяные мельницы, особого типа, характерные для всего Кавказа: в отличие от наших водяных мельниц с вертикальным расположением колеса, старинные кавказские мельницы («мутовки») имели колесо, горизонтально расположенное, вращающееся под давлением воды сбоку на одну сторону колеса и насаженное на одну ось с жерновом.

Сейчас сельскохозяйственная техника резко изменилась. Традиционный инвентарь или совершенно вытеснен современными тракторными плугами, уборочными машинами, или сохранился лишь в особых условиях. Так, старый плуг «пуруц» применяется сейчас только в высокогорных районах, где пахотные участки слишком мелки.

Очень расширился ассортимент возделываемых растений: кроме прежних ячменя и пшеницы, сажают кукурузу, картофель, помидоры и пр. Применяются натуральные и искусственные удобрения. В некоторых районах сооружаются оросительные каналы. Урожаи сильно повысились.

Местами, особенно в ниже расположенных районах Дагестана, успешно процветает садоводство (яблони, персики, абрикосы и др.), виноградарство. Под сады колхозники часто отводят террасы по склонам гор.

Характерная особенность современного земледелия Дагестана, опирающаяся тоже на местные традиции,—это своеобразное «трехъярусное» использование террасовых участков. На террасах по южным склонам гор сажаются фруктовые деревья, под ними—кукуруза, а между кукурузными стеблями—овощи, картофель, бобы. Это позволяет снимать с одного участка до трех урожаев разных культур в год.

Земледелие дополняется скотоводством, но оно в прошлом также не могло получить значительного развития из-за скудности пастбищ. Разводится рогатый скот, лошади, а особенно мелкий скот—овцы и козы. Молочные продукты играют важную роль в пищевом режиме населения.

Для системы скотоводства горных районов Дагестана характерна постоянная связь гор с равниной. Летние пастбища находятся в горах, зимние—на равнине. Два раза в год пастухи перегоняют скот с одних пастбищ на другие: это система «вертикального кочевания»,—известная, кстати, и в Европе—в Альпах, Карпатах. В прошлом, когда равнинные пастбища («кутаны») находились главным образом в руках местных феодалов, последние пользовались этим для эксплуатации горцев, которые остро нуждались в этих пастбищах. В настоящее время горские колхозы наделены достаточным количеством зимних пастбищ на равнинах.

Летом же эти равнинные «кутаны» используются под полевые, бахчевые или огородные культуры.

Доходность скотоводства в дагестанских колхозах сейчас повысилась также за счет улучшения пород скота.

Ограниченность условий развития скотоводства и земледельческого хозяйства издав-

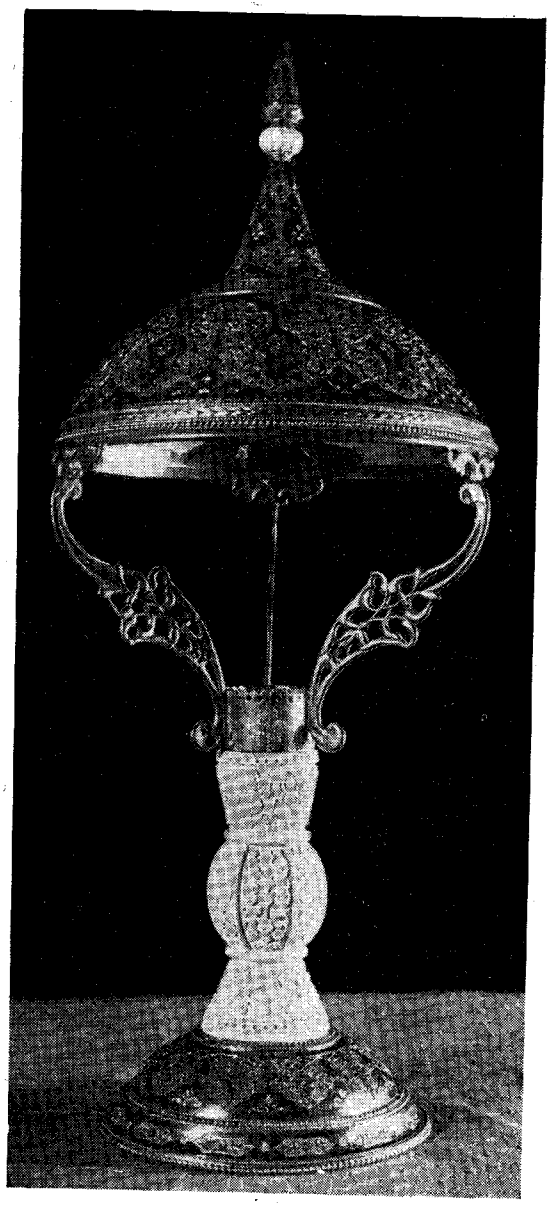

Внутренность медно-чеканной мастерской (аул Кубачи)

на заставила население Дагестана изобретать другие источники существования. С этим и связано значительное развитие у народов Дагестана кустарно-ремесленных производств, которые достигли очень высокой степени совершенства, в особенности в некоторых аулах.

На первом месте по уровню художественного развития и степени известности далеко за пределами Кавказа надо поставить оружейное (ныне не сохранившееся) и ювелирное (существующее до наших дней) производство аула Кубачи. Все население этого аула почти поголовно занимается изготовлением художественных металлических и ювелирных изделий. Кубачинское ювелирное производство уже до революции пользовалось огромной известностью.

Кустарно-ремесленная обработка металла в Кубачах, изученная подробно Е. М. Шиллингом, распадается на целый ряд специальностей, имеющих различный исторический возраст. Некоторые из производств, в свое время пользовавшихся широкой известностью, пришли в упадок или совсем исчезли. Так, совершенно прекратилось производство кольчуг, щитов и других предметов старинного вооружения, а равно и огнестрельного оружия. Сохранилось кинжальное производство. Однако кинжальные клинки не выделываются в Кубачах. Кубачинские мастера получают их в полуобработанном виде в ближайшем даргинском ауле Амузги и «монтируют» их, т. е. доделывают, подвергая каждый художественной обработке. Такое межаульное разделение и специализация труда — очень характерное явление в Дагестане. Медно-литейное и медно-чеканное производства находятся в упадке вследствие проникновения городских фабричных изделий. Зато целиком сохранились производства по художественной обработке металла: гравировка с чернью по серебру (или по меди), насечка, т. е. инкрустация железа (или кости и рога) золотом, серебром или медью, филигрань — ажурные изделия из крученой серебряной

Настольная лампа (Кубачи)

проволоки и шариков. Лишь с середины XIX в. развилось производство эмалевых изделий. Все эти производства изумительны по своему техническому мастерству и художественному совершенству. В настоящее время художественное производство кубачинцев и с качественной стороны, и в смысле внедрения новой техники и новых сюжетов находится на пути дальнейшего подъема.

Кроме кубачинского производства, заслуживает упоминания кустарная промышленность аула Унцукуль. Здесь развита художественная инкрустация металлом разных деревянных изделий: шкатулок, тростей и т. д.

Наряду с этими производствами, которые составляют занятие мужчин-ремесленников, значительное развитие получили производства женские: тканье ковров, паласов (особенно у южнодагестанских народов лезгинской группы), тканье шерстяных материй (например, у каратинцев) и выделка бурок (особенно у андийцев), которые, однако, уступают знаменитым кабардинским буркам. Весьма интересно гончарное производство Дагестана. Важнейший центр его—лакский аул Балхар, где изготовляются прекрасные глиняные сосуды, без поливы, но с своеобразной художественной росписью. Это производство—женское; мужчины заняты только сбытом. В нескольких других аулах (у аварцев, даргинцев и др.) гончарную посуду выделывают мужчины.

Вообще же почти в каждом ауле развито то или иное кустарное производство, которое составляло и составляет существенное подспорье в хозяйстве этих горных аулов.

В эпоху проникновения капитализма в Дагестане сложились неблагоприятные условия для развития местных художественных производств. Ленин особенно выпукло обрисовал их печальную судьбу, когда говорил о проникновении русских промышленных товаров в колонии. Он писал о «вытеснении туземных вековых кустарных промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов», о том, что «падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия». Результатом этого было, как замечает Ленин, «переряживание гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея»[1].

В настоящее время происходит, напротив, возрождение и развитие национальных кустарных производств, особенно тех, которые имеют художественное значение. Они организованы в форме промысловых артелей, получают поддержку от государства, изделия их находят себе выгодный сбыт; возникли новые центры ковроделия. Народы Дагестана, используя свой многовековой опыт художественной промышленности, сейчас

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 521.

Изделия кубачинской медночеканной мастерской

получили новые возможности для ее развития.

В советские годы в Дагестане создана и крупная промышленность, до революции почти совершенно отсутствовавшая. Используются богатейшие запасы гидроэнергии (особенно мощная Гергебильская гидроэлектростанция). Широкой известностью пользуется стекольная фабрика «Дагестанские огни». Много рыбоконсервных и фруктоконсервных фабрик. Подавляющее большинство рабочих в промышленности—из народов Дагестана.

Поселения и постройки. В материальной культуре народов Дагестана особенно заметно сильное влияние природных условий страны. Основным типом поселений является горный аул: большая и компактная группа домов, занимающая обычно склон горы и располагающаяся как бы амфитеатром.

Такой характер поселений определился двумя обстоятельствами: во-первых, недостатком удобных для обработки земель. Для поселения выбирались места, непригодные для пашни или пастбища. А во-вторых, тут действовали соображения стратегические: взаимная разобщенность населения горного Дагестана, частые вооруженные столкновения между аулами заставляли искать для поселений легче обороняемые места. Вот почему аулы горного Дагестана расположены в трудно доступных местах по склонам гор. Наряду с этим чисто горным типом встречаются в Дагестане и аулы, расположенные в более ровных местах; там дома стоят менее скученно.

Самый характер жилища зависит также от условий местности. По традиционному представлению, это так называемая сакля (народы Дагестана этого грузинского слова,

Аул Будуг

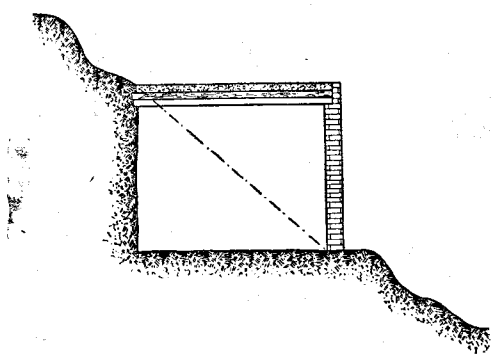

Схема устройства сакли на склоне горы

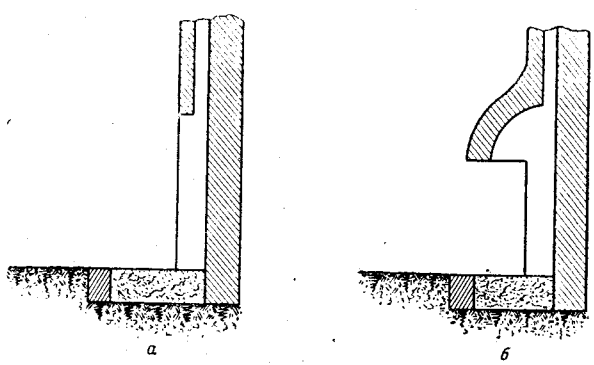

Схема пристенного очага (камина) у народов Дагестана: *а*—без дымаря; *б*—с дымарем

правда, как раз не знают), устраиваемая обычно в скате горы. Для постройки сакли вырубается на склоне горы прямоугольная выемка; задняя стена сакли образована скалой, а строятся только боковые и передняя стены. Крыши плоские, и ввиду сомкнутой стройки жилищ на склоне горы получается террасообразное расположение этих жилищ: крыша дома, стоящего ниже, служит как бы двором для вышерасположенной сакли.

Во многих аулах имеются сторожевые каменные башни, которые прежде, во времена частых войн, имели большое значение. Они принадлежали сельским общинам или родам; местами, например, у аварцев—башни сохранились при отдельных жилых домах, с ходом в башню изнутри дома.

Жилища бедноты и середняков представляли собой часто простые однокамерные постройки. Они сохранились во многих местах и теперь. Но у зажиточной части населения были дома более сложной и разнообразной архитектуры. В Дагестане есть немало аулов, где преобладают постройки двух- и трехраздельного плана (с делением на мужскую и женскую половину), где часты двух- и трехэтажные дома, причем нижний этаж или полуэтаж предназначается для хозяйственных целей. Многие дома имеют

Типы женской одежды народов Дагестана: *а*—андийка; *б*—аварка; *в*—кубачинка

по фасаду навес или галерею на столбах, иногда с арками. В некоторых аулах дома не слеплены вместе, а каждый расположен в особой усадьбе, обнесенной стеною,—таковы некоторые старые постройки у андийцев.

В развитии жилища у народов Дагестана отразилась история семейно-родовых отношений. Вместо одного большого жилья патриархальной семьи местами появлялись отдельные дома связанных родством малых семей, иногда соединенные между собой внутренними ходами или превращавшиеся в сложный комплекс построек.

Многие жилища Дагестана обнаруживают не только высокую технику строительства, созданную многовековой культурой, но и большие художественные достоинства, строгий архитектурный стиль, умелое использование в качестве строительного материала наряду с камнем, также дерева. Некоторые жилые постройки—особенно у аварцев—представляют собой настоящие памятники архитектуры. Высокая культура жилища народов Дагестана сейчас находит себе применение в новом колхозном строительстве.

Внутренняя обстановка жилища в прошлом была очень скудной. В середине старого жилища находился открытый очаг, в более новых домах он заменяется пристенным оча-

Типы мужской одежды народов Дагестана: *а*—кубачинец; *б*—цахурец

гом или камином; около него—поместительный шкаф, своего рода внутрижилищный чулан для запасов,—«цагур», покрытый резьбой; диван, несколько низких скамеек для сидения—вот и все.

Утварь была примитивная самодельная, из дерева; однако наряду с ней и в старых домах можно найти художественные изделия местных мастеров, медно-чеканную и расписную глиняную посуду. Теперь в домах колхозников—городская культурная обстановка и утварь.

Одежда. В основе национальной одежды дагестанцев лежит «общекавказский» тип, но на этой основе сложилось много местных вариаций, доходящих до того, что порой в каждом ауле имеется свой собственный, неповторимый характер костюма. В особенности это касается женской одежды.

Для нее прежде всего характерны следующие основные элементы: длинная, ниже колен, туникообразная рубашка—платье, она же обычно и выходная одежда—без ворота, с длинным, глубоким разрезом спереди; под ней длинные шаровары, поверх нее иногда распашная одежда в талию, зимой овчинная шуба и теплая шаль; головной убор в виде особого чепца (под который прячутся волосы и косы) и головной шали или повязки. Но в каждом ауле имеются свои особенности костюма и головных уборов.

Основу мужского костюма составляет туникообразная же рубаха и поверх нее шаровары, общекавказские бешмет и черкеска—однобортный кафтан с прямым разрезом спереди, обычно с газырями по обе стороны груди для патронов.

Верхней одеждой, защищающей от дождя и холода, является овчинная шуба—часто с ложными рукавами—и известная кавказская бурка, представляющая собой валеную из войлока и особым образом расчесанную с наружной стороны, изготовленную из тонкой шерсти накидку черного цвета, непромокаемую и очень удобную в особенности при верховой езде. У горных пастухов-чабанов она более примитивна. Обувь—кожаные или войлочные сапоги, мягкие чувяки. Головной убор—обычно овчинная шапка—папаха.

Несмотря на значительную этническую пестроту, общий тон материальной культуры народов горного Дагестана в основном одинаков.

Новая улица в с. Карабудахкент (кумыки)

Хозяйство и материальная культура кумыков. Отдельно надо охарактеризовать особенности хозяйственно-культурного уклада кумыков. Хотя они и близки во многом к остальным народам Дагестана, но у них издавна господствовал не высокогорный, а предгорный и равнинный тип хозяйства и материальной культуры. Основу экономики кумыков издавна составляло земледелие, с садоводством, огородничеством, бахчеводством, с применением искусственного орошения. Заметную роль в хозяйстве играло также и скотоводство, но скотоводство тоже «кавказского» типа, с характерным вертикальным кочеванием. Поселения и постройки естественно отличаются от высокогорных аулов: кумыкский аул состоит из усадеб, обнесенных оградой, с садом. Постройки—саманные, четырехугольные, однокамерные или двух-трехкамерные, с плоской крышей, с пристенным очагом. Каменные постройки—только в горных районах. В степной части северного Дагестана, где кумыки соседят с ногайцами, распространены «турлучные» (т. е. плетневые и обмазанные глиной) постройки. Национальная одежда кумыков сходна с одеждой других народов Дагестана.

Исторические особенности общественного быта. В общественных отношениях народов Дагестана очень долго сохранялись сравнительно примитивные формы. В некоторых горных районах Дагестана элементы классовой дифференциации, феодальных отношений не получили развития. Отдельные «вольные общества» (группы селений) сохраняли в значительной мере независимость. Местами существовали феодальные объединения, не достигавшие, однако, ни особой прочности, ни большого территориального расширения. В западной части горного Дагестана существовало Аварское ханство с центром в Хунзахе; у лакцев были Казакумухские ханы, у даргинцев—каракайтакские «уцмии». В этих ханствах существовали крепостнические отношения. Ханы и беки владели лучшими пастбищами в горах и на равнине и этим держали в зависимости от себя и население свободных аулов.

Наиболее развиты были феодальные отношения в равнинной части Дагестана—у кумыков. Причиной этого было в значительной мере то, что кумыки раньше и глубже, чем горные народы Дагестана, втянулись в торговые и политические связи с другими странами. После половецких и золотоордынских ханов здесь с конца XIV в. сложилась власть местных ханов, носивших титул «шамхалов» (с XVII в.—шамхальство Тарковское). Основную массу населения шахмальства составляли именно кумыки. Были и другие, то зависимые от него, то становившиеся независимыми феодальные владения: Буйнакское, Аксаевское и пр. Господствующий класс состав-

Дом колхозника (постр. 1953 г.) в с. Карабудахкент (кумыки)

ляли бии (беки). Их крепостные крестьяне назывались чагарами. Были и рабы. Однако существовал значительный слой незакрепощенных крестьян—«узденей»: это была главная сила кумыкского народа.

Многое изменилось в этих феодальных отношениях в годы Кавказской войны. Имамы Кази-Мулла, Гамзат и особенно Шамиль, ведя борьбу против «неверных», ослабили своей политикой традиционную власть ханов. Но сам Шамиль наложил вместо того еще худший гнет на крестьянство Дагестана.

После прекращения войны и сдачи Шамиля (1859) имамат был ликвидирован. Но прежние феодальные отношения сохранились лишь частично. Потомки старых аварских и других ханов, поступив на службу царизму, получали лишь незначительные административные должности, но они сохранили свои земли и даже вводили новые повинности и налоги.

В последние десятилетия перед революцией стали расти капиталистические отношения. Появились зажиточные хозяева-предприниматели, крупные овцеводы. Крестьянская беднота разорялась, теряла землю, скот. До 70% всех крестьянских хозяйств Дагестана не имело даже овец. Многие отправлялись на отхожие заработки. Нигде в эти годы не было так развито отходничество, как в Дагестане. Среди лакцев, например, до революции одна пятая всего населения жила отхожими заработками.

В более изолированных горных районах, в «вольных обществах», основным типом общественных отношений некогда служил патриархально-родовой, демократический строй; он держался местами и до новейшего времени, невзирая на некоторые элементы классовой дифференциации, ни на домогательства феодалов, ни на другие внешние влияния. Род—так называемый тохум, или тухум (у аварцев кьибиль, у даргинцев жинс, и др.)—представлял собой замкнутую обособленную группу. В старое время аулы были по своему составу более или менее однородны. Каждый тухум селился в одном определенном ауле, и если в ауле были представители разных родов, то они занимали отдельные кварталы этого аула. Как характерную особенность дагестанских тухумов старые источники отмечают то, что они были не экзогамными, а, как правило, напротив, эндогамными группами, т. е. браки заключались по обычаю внутри рода. Вопрос об этой дагестанской «эндогамии», однако, несколько неясен; возможно, что она была связана с обычаем кузенных браков. В последние десятилетия традиция заключать браки внутри данной группы перешла на территориальные образования, на аулы; до новейшего времени в быту Дагестана сохранялось предубеждение против браков разноаульцев. Для

девушки считалось как бы неудобным выходить замуж в другой аул; это считалось обидным и для молодых людей аула; как будто у нас нет хороших парней, что мы должны отдавать своих девушек чужим. Это характеризует взаимную замкнутость, которая существовала между аулами и которая связана с пестротой и разноязычием народов Дагестана.

Одной из важнейших родовых традиций в Дагестане, так же как и у других горных народов, была кровная родовая месть. Обязанность взаимной поддержки сородичей при отсутствии единой сплоченной политической организации вызвала к жизни и обычай родовой мести. По первоначальному обычаю собственно весь род убийцы нес ответственность за совершенное им злодеяние; но народный адат, а в особенности шариат внесли в это некоторые ограничения: по адатам отдельных аулов количество кровников сокращалось до 7, 5, 3 и 2, а в целом ряде аулов (например, в самурских) только один убийца считался ответственным кровником, а его сородичи не подлежали кровомщению. Наряду с этим появилось и другое смягчение кровной мести—замена убийства выкупом.

Ослабление родовых традиций означало постепенное вытеснение рода сельской общиной.

Патриархально-родовые обычаи у народов горного Дагестана приводили к тому, что положение женщины в доме и в обществе было чрезвычайно приниженным. Женщина дагестанских народов, по обычному праву, державшемуся до последнего времени, не имела никаких прав. Женщина была как бы служанкой мужа, который ее покупал за калым. Она должна была во всех мелочах своего поведения подчеркивать это положение: не могла показываться посторонним; с этим связан обычай закрывания лица, обычай, по которому женщина, идя по улице, должна становиться лицом к забору, если ей встречается мужчина.

Вообще правовая жизнь народов Дагестана до самой революции находилась под знаком двух соперничавших между собой систем: древних норм обычного права—адата и мусульманского канонического права—шариата. Мусульманский шариат, проникший в Дагестан вместе с исламом, т. е. в эпоху арабского завоевания, не мог, однако, до самого последнего времени вытеснить древний народный обычай. Только в эпоху мюридизма имамы стали насильственно внедрять шариат в ущерб народному обычному праву. Впоследствии между обеими системами права установились такие сложные отношения, что трудно иногда было сказать, по каким нормам решаются дела. В общем во второй половине XIX в. сложилась такая традиция, что гражданские дела, споры об имуществе, о наследстве, о земле решались согласно нормам мусульманского шариата, в котором главным авторитетом считались мусульманские кадии и муллы, а уголовные дела, касающиеся убийства и пр., решались по нормам адата, и здесь действовал в полной силе обычай родовой мести и выкупа за кровь.

После присоединения к России здесь многое изменилось. Ввиду того что в течение десятилетий Шамиль и его наибы заставляли горцев воевать против русских под знаменем ислама и во имя шариата, царские власти после окончания войны стали преследовать шариат как враждебную русским силу. В противовес шариату царизм намеренно поддерживал народный адат, который учитывался и признавался действительным в судах. Так получалось искусственное консервирование, поддержка царизмом варварского обычая родовой мести, с которым считались царские суды, без чего он, вероятно, раньше вышел бы из употребления.

Помимо патриархально-родовых отношений, в Дагестане обнаружены чрезвычайно интересные остатки такой глубоко архаичной формы, как мужские союзы. Следы их были открыты Е. М. Шиллингом в Кубачах. Там еще недавно существовала своеобразная ритуально-игровая организация «собрание неженатых» («гулала-акв-букун»). Членство в ней было почти обязательным—по крайней мере по одному холостому парню от каждой семьи. Члены делились на старших и младших. Взимали вступительный взнос. В организации соблюдалась строгая дисциплина. Ежегодно в определенные месяцы устраивались публичные торжественно-игровые выступления, с угощениями и своеобразными инсценировками. Нечто подобное было у кванадинцев.

В тех же Кубачах сохранилось предание о другой военно-молодежной организации — «батирте», состоявшей из 40 юношей и охранявшей независимость аула от внешних врагов и феодалов.

Интересно, однако, что у кубачинцев же Шиллингу удалось найти следы и женских сообществ, хотя и менее развитых, чем мужские. Были особые общественные дома девушек и особые—замужних женщин, где

они собирались для развлечений, а мужчины туда не допускались. Совсем необычным фактом было то, что в Кубачах до самой революции существовала особая женская мечеть. Отмечалось также более независимое, чем у других народов, положение женщин в семье и общественной жизни у кубачинцев. Во всем этом законно видят пережитки матриархальных порядков.

Таким образом, народы Дагестана сохраняли у себя следы общественных форм, уходящих своими корнями в глубокую древность. Сейчас от этих архаических общественных форм остались лишь пережитки, с которыми передовые слои населения ведут борьбу. Народы Дагестана навсегда избавились от эксплуататорских классов—ханов, уцмиев, беков и других паразитических групп. Они свободные колхозники и рабочие. И общественная и семейная жизнь проходит не по адатному или шариатному праву, а по советским законам и обычаям. Положение женщин в быту резко изменилось. Старые унизительные запреты и ограничения не соблюдаются. И в заключении брака, и в повседневном семейном быту женщина, девушка пользуется полным равноправием. Родовые (тухумные) связи теряют свое значение: они перестают влиять и на выбор невесты и жениха и, тем более, на хозяйственную жизнь, которая теперь целиком организована на социалистических началах.

Религиозные пережитки. В Дагестане прочнее и раньше, чем в других частях Северного Кавказа, укрепился ислам. Он появился здесь с арабским завоеванием, хотя распространялся медленно, частью при помощи силы. В особенности благоприятные условия для укоренения ислама в верованиях горцев сложились в эпоху мюридизма, т. е. в 1830—1850 гг.[1] Дагестан служил, вместе с Чечней центром этого религиозно-националистического движения. Имамы ревностно внедряли ислам и искореняли всякие следы древних верований и обычаев. Ислам выступал в ортодоксальной суннитской форме. Лишь небольшая часть дагестанских селений, примыкающая к Дербенту и к Азербайджану, исповедовала шиизм. Удины—христиане.

Однако наряду с преобладающим исламом местами сохранились более ранние, домусульманские верования и обряды. Они до последнего времени оставались слабо изученными. Согласно ходячему мнению, никаких домусульманских верований у народов Дагестана и найти нельзя. Но, судя по исследованиям Е. М. Шиллинга и его учеников, еще далеко не законченным, можно думать, что у народов Дагестана сохранялись, несмотря на сильное влияние ислама, некоторые домусульманские верования и обряды, частично слившиеся, конечно, с исламом. У части аварцев еще недавно наблюдались следы древнего культа креста, может быть, даже не христианского, а дохристианского. Обнаружены многочисленные изображения креста разных видов (большей частью равноконечных), частью в комбинации с другими символами, например солярными. Их много найдено, например, в аулах общества Гидатль, где было прежде сильно грузинское влияние. Есть следы почитания меча (шашки), связанного с культом мусульманского святого Абу-Муслима, завоевателя Дагестана, но также связанные и с пережитками аграрного культа. Последние вообще, оказывается, были очень живучи у дагестанских народов.

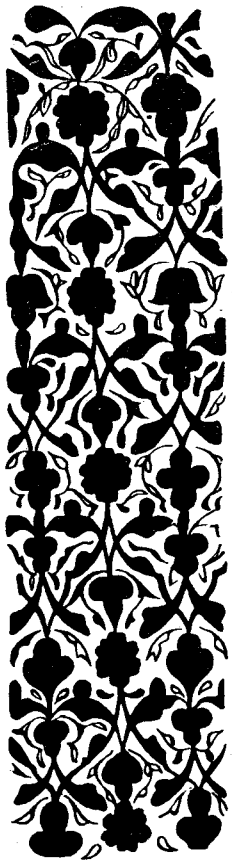
Наконец, в Дагестане очень распространено употребление различных амулетов, что, правда, очень обычно в мусульманских странах.

В настоящее время, с общим ростом культуры, религиозные верования уходят в прошлое.

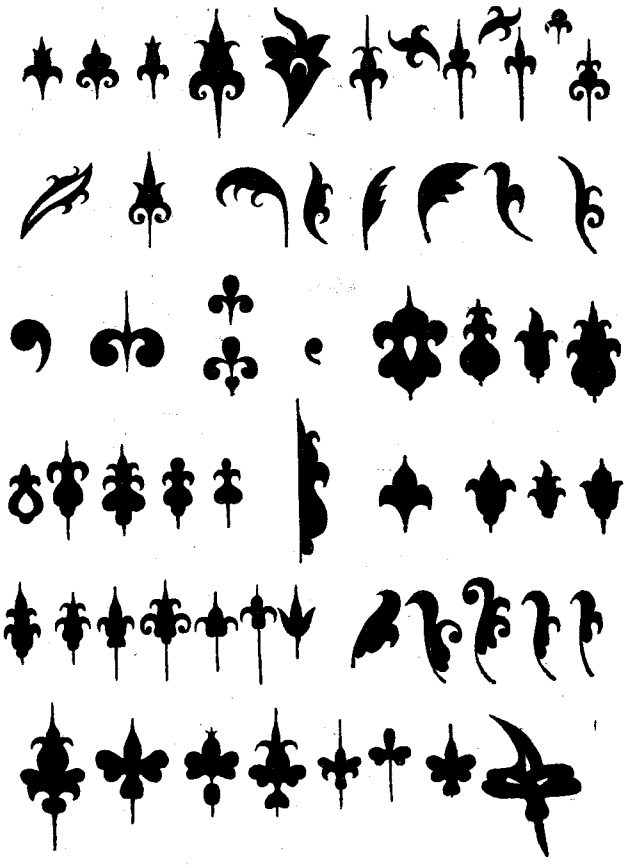
Народное творчество. Народное творчество Дагестана в течение очень долгого времени находилось под сковывающим влиянием ислама. Изобразительное искусство поэтому здесь приняло несколько одностороннее направление; но в области декоративного искусства мастера Дагестана достигли очень высокого совершенства.

Самые замечательные образцы орнаментики обнаруживаются в кубачинских художественных изделиях—гравировке, насечке и филиграни. Орнамент на этих изделиях представляет собой сложнейшую композицию, составленную из определенных элементов. Эти элементы—так называемые «головки» («бикь»), в виде довольно разнообразных завитков, мазков, пальметок, каждая из которых имеет строго определенное название и может употребляться в целом, половинном или удвоенном виде и в различных сочетаниях с другими элементами; они являются как бы своеобразным алфавитом, зная который, можно разобраться в самом запутанном узоре. Основной характер орнамента—сложная стилизация растительных мотивов, ро-

[1] Слово «мюрид» означало первоначально «ученик», «последователь». Так назывались последователи наиболее фанатичного направления в исламе—«тариката», существовавшего еще в средние века. Мюриды особенно тщательно, при том напоказ, ханжески, исполняли все обрядовые предписания религии, враждебно относились к иноверцам. Мюрид обязан был слепо и беспрекословно исполнять приказания религиозного руководителя — «мюршида». На Кавказе в XIX в. мюридизм вылился в проповедь священной войны («газават», «джихад») против «неверных», т. е. русских.

Кубачинский орнамент

Элементы кубачинского орнамента

зетки, лилии и пр. В других кустарных производствах Дагестана применяется менее изящная и утонченная, но в своем роде весьма художественная орнаментика: особенно интересен орнамент на керамических изделиях аула Балхар, на деревянной утвари, на камнях. Характерны часто встречающиеся мотивы креста и лабиринта. Зато какие-нибудь другие формы изобразительного искусства, к которым враждебно относился ислам, кроме чисто декоративного, здесь развиться не могли; изображение животных и человека считалось недопустимым; оно встречается лишь изредка, как старинная традиция, удержавшаяся вопреки мусульманским запретам.

Музыкальное и вокальное искусство под влиянием ислама точно так же не могло получить сильного развития. Шамиль и другие имамы объявляли музыку и пляски греховным делом. Несмотря на это, сохранились ценные образцы фольклора. Народные певцы—ашуги, из которых наиболее известен лезгин Сулейман Стальский, также дают высокие образцы народного творчества. Среди музыкальных инструментов—различных у отдельных народов Дагестана—можно отметить трехструнный щипковый инструмент, напоминающий балалайку, некоторые другие струнные (в том числе местами смычковые) инструменты и несколько разновидностей духовых инструментов: свирелей, рожков и т. д. Вопреки религиозным запретам, развита народная пляска: некоторые из национальных дагестанских танцев (например, лезгинка) получили широкую известность.

Народное искусство Дагестана сейчас не только возрождается, но и расширяет свои формы. В изобразительном искусстве появляются новые мотивы. В орнаменте кубачинских мастеров теперь встречаются советские эмблемы, портретные изображения. Мастера-камнерезы у аварцев и некоторых других народов начали создавать образцы каменного ваяния—высекать скульптурные портреты.

Общий культурный уровень народов Дагестана до революции был сравнительно низким. Грамотность была распространена

чрезвычайно слабо, и то только арабская церковная грамотность. Никакие другие виды образования здесь при господстве ислама развиваться не могли, и царское правительство всего меньше об этом заботилось. В настоящее время эта культурная отсталость коренного населения Дагестана быстро изживается. Создана письменность на 7 основных языках Дагестана. Вначале пытались ее развить на основе арабского алфавита, в 1928 г. он заменен латинским, а с 1938 г. за основу принят русский алфавит с добавочными знаками. Введено (с 1949—1950 гг.) всеобщее обязательное семилетнее обучение на родном и на русском языке.

В Дагестане имеется 5 высших учебных заведений с 7 тысячами студентов, более 20 техникумов и специальных учебных заведений; работает (с 1949 г.) Дагестанский филиал Академии наук СССР. Выросла национальная печать. Создается литература на аварском, даргинском, лакском, лезгинском, табасаранском, кумыкском языках.

Национальная консолидация. Для Дагестана советской эпохи особенно характерно то явление, которое в той или иной степени сказывается и в других областях Кавказа и вообще СССР: национальная консолидация, укрупнение национальных групп. Нигде не наблюдалось прежде такой этнической пестроты, как в Дагестане, поэтому именно здесь особенно остро чувствуются ее отрицательные стороны. Ныне сплочение мелких народов в более крупные единства идет быстрым темпом. Пример—народы андо-дидойской группы (в Зап. Дагестане), близкой по языку и культуре к аварцам, но состоявшей из двенадцати отдельных мелких народностей. Еще до революции между ними, несмотря на межплеменную рознь, устанавливались связи, экономические и военные, на почве совместной борьбы с внешними врагами, и аварский язык еще тогда стал языком межплеменных отношений (так называемый «болмац» «язык войска»). Ныне, на почве растущих хозяйственных связей между колхозами, на почве общего роста культуры, этническое объединение идет быстрыми шагами. Аварский язык, понятный для всех, стал языком школы, литературы. У всех этих отдельных мелких групп появилось общенациональное «аварское» самосознание: прежние каратинцы, бежтинцы, хваршинцы называют себя теперь аварцами, сохраняя прежнее этническое имя только как название места происхождения. Параллельно идет нивелировка культуры: в области одежды, построек и пр. распространяются наиболее удобные, целесообразные формы.

Более сложно протекает процесс в юго-восточной части Дагестана. В литературе и даже в местных руководящих органах сложилось мнение, что там мелкие народности постепенно ассимилируются с лезгинами и последние, таким образом, складываются в крупную нацию. Но новейшие этнографические исследования (Никольская, Лавров) показывают, что дело обстоит иначе. Из мелких народностей юго-восточного Дагестана только одни агулы переходят малопомалу на лезгинский язык; среди рутулов и цахурцев лезгинский язык распространен по-прежнему слабо, но там еще в прошлом наметилось сильное тяготение к азербайджанскому языку (ибо с Азербайджаном данные районы были связаны экономически), а теперь все более и более—к русскому; у табасаранов есть своя письменность и школа на родном языке. Поэтому еще трудно сказать, как дальше пойдет процесс национальной консолидации в юго-восточном Дагестане.

Как бы то ни было, но в Дагестане намечается на месте прежних 30 с лишним мелких народностей консолидация 4—5 относительно крупных народов: не считая тюркоязычных кумыков Северного Дагестана, формируются аварский, даргинский, лакский лезгинский народы—коренное население горной части республики.

3. ЧЕЧЕНЦЫ И ИНГУШИ

Северо-западные соседи народов Дагестана—чеченцы и ингуши, два близко родственные по языку и происхождению народа. Языки их, вместе с языками маленьких народностей бацбиев (цова-тушин) и кистин в горной Грузии, входит в «вейнахскую» группу северо-восточных яфетических языков. Эта группа близка к дагестанским языкам. Чеченцы и ингуши во многом сходны с народами Дагестана и по культуре, но они дольше сохраняли более отсталый общественный и бытовой уклад.

Чеченцы расселены по правым притокам Сунжи и Терека, частью в горах, частью в предгорьях и на равнине. Самоназвание чеченцев—«нахче», «нахчий». Численность их (1939)—408 тысяч.

Ингуши живут к западу от чеченцев, главным образом по правым притокам верхней Сунжи (р. Асса и др.). Самоназвание ингушей—«галгай». Численность их составляла в 1939 г. 92 тысячи.

Этногенез и исторические сведения. Происхождение чеченцев и ингушей недостаточно выяснено. Они являются, по-видимому, потомками древнейшего местного населения, оставившего памятники неолита и бронзы. Более или менее ясные исторические свидетельства начинаются только с момента соприкосновения с русскими, с XVII в. В «Книге Большого Чертежа» (1620-е годы) упоминается народ «минкизы» («мичкизы»)—это, несомненно, мичиковцы, живущие по р. Мичику, ныне часть чеченцев (кумыки и теперь называют чеченцев «мичикючь»). Путешественники XVIII в. и особенно этнографы XIX в. дали более обстоятельные описания быта чеченцев и ингушей.

Вплоть до XIX в. в Чечне и Ингушетии не было сплоченных крупных народов. Население составляло целый ряд разрозненных обществ, родовых и аульных, со своими местными названиями: это были мичиковцы, ичкеринцы, ауховцы, кисты, назрановцы, галгаевцы, карабулахи и мн. др. По местному преданию, предки всех этих групп некогда обитали в Ичкеринских горах (Сулако-Терский водораздел), откуда впоследствии—начиная с XVI в.—расселились по долинам р. Сунжи и ее притоков и на «плоскости» Большой и Малой Чечни. В то время это были мирные пастухи, жившие патриархальным бытом. Они попали в зависимость от кабардинских и кумыкских князей и платили им некоторое время дань. Однако позже освободились от этой зависимости, сплотились и в свою очередь стали нападать на соседей. К XIX в. чеченские племена приобрели репутацию особо воинственных и непокорных. Их называли всех собирательно «чеченцами»—по названию ныне давно не существующего аула Большой Чечен на берегу р. Аргуна, откуда и название страны Чечня, либо «кистами», по названию западно-чеченских групп, пограничных с осетинами. В годы войны против русских часть равнинных чеченцев ушла обратно в горы.

Из группы чеченских племен около середины XIX в. выделились ингуши, или галгаи. Ядром этого нового объединения стали собственно Галгаи—союз трех селений, расположенных в ущелье р. Ассы,—к которым позже присоединились другие группы—«Феаппи», занявшие в галгаевском союзе подчиненное положение. Название «ингуш» происходит от аула Онгушт, известного с XVII в. Именно к предкам ингушей относится ближайшим образом и прежнее русское название «кисты», а также «назрановцы». Однако ингуши-галгаи в этнографической литературе XIX в. рассматривались обычно не как особый народ, а как часть тех же чеченцев. Обособление их от чеченцев вызвано было в основном тем, что ингуши не принимали участия в той ожесточенной борьбе против русских, которую вели в течение нескольких десятилетий подряд чеченцы.

Следы этнической дробности сохранились доныне. В составе чеченцев и сейчас выделяются ичкеринцы, ауховцы, назрановцы и др. Ингуши делят себя на собственно галгаев и феаппи.

Хозяйство и материальная культура. В хозяйстве чеченцев и ингушей, как и народов Дагестана, сочетается земледелие и скотоводство. Первое преобладает на равнине и в предгорье, второе—главным образом разведение овец—в горах. И земледелие и скотоводство по своему типу сходно с дагестанским. Кустарно-ремесленные производства были мало развиты. Некоторое товарное значение имело местами только производство бурок и шерстяных тканей.

Поселения чеченцев и ингушей, живущих на равнине, представляют собой крупные аулы, раскинутые на большом пространстве. Каждая усадьба окружена садом, огородом, обнесена оградой. Горные селения, напротив, невелики, нередко состоят из нескольких домов.

Постройки у горных ингушей и чеченцев чаще каменные. Старые дома ингушей представляют собой башни, сложенные из дикого камня. Нижний полуподвальный ярус жилой башни («галы») занимали обычно хлевы для скота. Второй ярус—жилье, третий—помещение для гостей, для устройства праздников. Помимо жилых башен, каждый род имел свою боевую башню («воу»), еще более высокую, с массивными стенами, с узкими бойницами.

Дома в равнинных селениях чаще саманные, либо дощатые, турлучные, обмазанные глиной и побеленные. Они обычно одноэтажные и вытянуты в длину. Все двери выходят на террасу под навесом, тянущуюся вдоль фасада. Часть дома занимает комната для

кунака (гостя) с особым входом. Старые дома отапливаются центральным очагом. В более новых чаще устроен пристенный очаг с дымоходом, как у народов Дагестана и у черкесов.

Одежда чеченцев и ингушей—«общекавказского» типа. В последнее время она почти вышла из употребления.

Общественный строй. В общественном строе чеченцев и ингушей сохранялось больше архаических черт, чем у большинства народов Дагестана. У них почти до наших дней удержалось деление на патриархальные роды, «тэйпы» («тайпа»). Каждый род выводил себя от определенного предка, имя которого известно всем членам рода, как известна и вся родословная, до 8—10-го поколения и дальше. Члены одного рода считаются «братьями» и «сестрами». Строго соблюдалась экзогамия—запрет жениться на женщине из своего рода, как и из рода матери. В числе родовых обычаев особенно устойчиво держался до недавнего времени обычай кровной мести («доу»). Кровомщение принимало чаще всего форму вооруженного нападения сородичей убитого или обиженного на дом виновного. Такое нападение называлось у ингушей «туом» (война) и приводило нередко к длительной осаде и к кровопролитию. В определенных случаях допускалось прекращение родовой вражды при помощи выкупа за кровь: устраивался торжественный обряд «примирения кровников». Но зачастую на почве кровной мести разгоралась длительная и кровопролитная война. Она в иных случаях приводила к переселению целых родов на чужие земли, к запустению аулов и целых районов.

Род делился на семьи. В горных районах еще в XIX в. сохранялись большие семьи—по 40—50 человек. У равнинных чеченцев и ингушей уже тогда существовали только малые семьи. Но патриархальная власть старшего мужчины в них была очень велика. Положение женщин в семье было подчиненное. От общественной жизни женщины были совсем отстранены.

Одним из самых священных обычаев считается гостеприимство. За своего гостя хозяин дома отвечает головой. Он должен защищать его, даже будь это его враг, должен мстить за его убийство.

Кровная месть, самосправа—эти обычаи были связаны у чеченцев и ингушей с тем, что никакой признанной власти у этих народов не было. У них не было деления на сословия, как у соседних кабардинцев, осетин. Все ингуши, все чеченцы считали себя равными друг другу. По преданию, в годы борьбы против кумыков и кабардинцев чеченцы были подвластны князьям из рода Турловых, которые их и объединили в этой борьбе; но впоследствии они изгнали и этих князей. Не признавая ни князей, ни дворян, они с гордостью говорили, что они все—«уздени» (т. е. дворяне).

Но даже и у горных чечено-ингушских групп этот первобытно-демократический строй начал еще в XIX в. разлагаться. Род Галгай, занимавший выгодное положение в ущелье, где проходил транзитный путь с Северного Кавказа в Грузию, усилился, подчинил своей власти другие роды. Еще дальше зашел процесс расслоения у равнинных ингушей и чеченцев. Более зажиточные семьи держали в зависимости от себя прочее население. Русские власти поддерживали эту родовую верхушку.

Взаимная обособленность родов, аулов, многолетняя борьба с соседями порождали традиции военного быта. Каждый мужчина считался воином, каждый готов был защищать себя, все носили оружие. В годы Кавказской войны именно Чечня была главным очагом военно-религиозного антирусского движения мюридизма. Чеченцы были самыми заклятыми врагами русских. В этнографических описаниях того времени чеченцы обычно изображались как прирожденные разбойники.

Такая оценка была вызвана в значительной мере тем, что как раз в те годы чеченцы, нафанатизированные мюридистской пропагандой Кази-Муллы, Гамзата и Шамиля, вели упорную и ожесточенную «войну за веру». Ингуши, а также часть равнинных чеченцев в долине Терека, так называемые «мирные чеченцы», остались в стороне от мюридизма и враждебности к русским не проявляли. Однако смелость и воинственность свойственны были и им.

К началу XX в. Чечня и Ингушетия были в известной степени затронуты товарными и капиталистическими отношениями, особенно в связи с развитием Грозненской нефтепромышленности. Появилась небольшая прослойка чеченской буржуазии. Масса населения беднела, теряла землю.

Советская власть укрепилась в Чечне и Ингушетии после нескольких лет ожесточенной гражданской войны. Сломив сопротивление реакционных групп, революционная власть дала массе чеченцев и ингушей землю, которой им остро не хватало. Многие пересе-

лились с бесплодных гор на равнину. Бедняцкие и середняцкие хозяйства объединились в колхозы. Многие чеченцы и ингуши были втянуты в промышленность.

Религиозные пережитки. Господствующая религия чеченцев и ингушей—ислам суннитского толка. Но степень его влияния на оба народа неодинакова. Ислам проник к ним недавно, особенно к ингушам. Он шел с двух сторон—из Дагестана и из Крыма. Еще в конце XVIII в. не все чеченцы были мусульманами: некоторые роды приносили тогда присягу именами своих древних богов. Зато в годы Кавказской войны ислам в Чечне через мюридистское движение чрезвычайно укрепился и породил там настоящий религиозный фанатизм. К ингушам ислам проник еще позже, местами лишь в середине XIX в., и не пустил у них глубоких корней отчасти потому, что ингуши не участвовали в войне против русских.

Вот почему именно среди ингушей сохранялись до недавнего времени следы древних домусульманских верований и обрядов (у чеченцев они сохранились гораздо слабее). Они хорошо изучены Е. М. Шиллингом.

Часть верований и обрядов связана с семейным культом. Каждая семья имеет свои святыни: это прежде всего очаг и надочажная цепь. В честь домашнего очага совершались обряды, приносились жертвы. Надочажная цепь играла роль в свадебных обрядах. Если посторонний человек, спасаясь от опасности, от мести, успевал, вбежав в дом, схватиться рукой за надочажную цепь, он тем самым поступал под покровительство хозяина семьи (т. е. как бы под покровительство духа-патрона семьи). Если кровник схватывался за цепь в доме убитого им, он избавлялся от мести. Старую, ненужную цепь ингуш никогда не бросал и не продавал.

У каждого рода, у аула, у «общества» (группы аулов) были свои покровители—по-ингушски «ццу», или «ерды». Центром почитания такого покровителя были особые святилища—«эльгыц». Родовую святыню составляли также так называемые «сиелинг»—каменные столбы особой формы, воздвигавшиеся в честь умерших, в честь предков рода. Около них род устраивал моления. Это настоящий культ родовых предков.

Наконец, были общеингушские божества-патроны. К святилищам их приходили для молений представители всех ингушских родов.

Особый интерес из этих обще-ингушских божеств представляет богиня Тушоли, богиня плодородия, которую почитали особенно женщины. Она давала детей женщинам, посылала дождь, урожай, покровительствовала скоту.

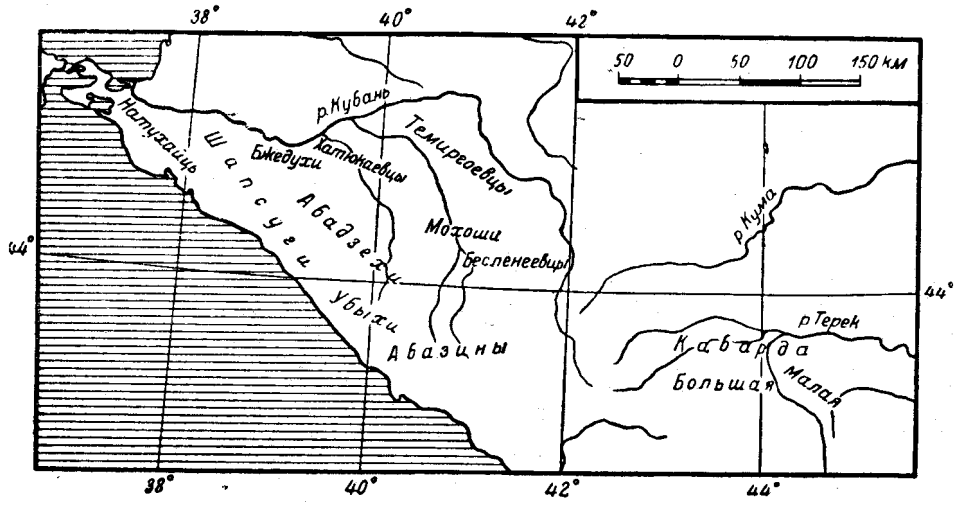
В погребальной обрядности ингушей отразилось влияние маздеизма—древней религии Ирана. По вероучению маздеистов, покойник есть нечто нечистое, и им нельзя осквернять «чистые» стихии: землю, воду, огонь. Поэтому маздеисты хоронили своих умерших в «башнях молчания» (дакмах), где труп не соприкасался с «чистыми стихиями». Подобный ритуал соблюдался в прошлом и у ингушей. Они хоронили своих покойников в «солнечных могилах» («каш»)—каменных склепах в виде домиков продолговатого, квадратного или круглого плана, иногда двух-трехэтажных. Каждый род имел собственные кладбища, составленные из «кашей». Такие старые кладбища есть близ каждого ингушского селения. Но в них давно уже не хоронят: со времени принятия ислама хоронят по мусульманскому обычаю в земле.

Культурный уровень чеченцев и ингушей до революции был низким. Грамотных почти не было, если не считать мусульманского духовенства. На всей территории теперешней Чечено-Ингушской АССР было всего 3 школы. За первые же годы советской власти произошли решительные изменения в культурной области. Открывались школы, библиотеки. В 1924 г. появилась первая газета на ингушском языке. В 1938 г. в республике было уже 344 школы (правда, в числе учащихся старших классов было еще мало чеченцев и ингушей). Были открыты 3 высших учебных заведения, 10 техникумов, и пр. Сейчас есть чеченцы и ингуши-интеллигенты, специалисты в разных областях культуры.

4. АБХАЗО-АДЫГЕЙСКИЕ НАРОДЫ

Вторая большая группа яфетических народов Северного Кавказа—это так называемая западная или абхазо-адыгейская. По своему культурному облику народы, входящие в эту группу, довольно сильно отличаются от народов северовосточной группы. Если там мы находим резко выраженный «высокогорный» тип культуры, то народы абхазо-адыгейские представляют собой по своему облику культуры тип, характерный для предгорной и степной полосы северо-западного Кавказа (кабардинцы, часть адыгейцев) либо Черноморского побережья (часть адыгейцев, абхазы).

Адыгейско-абхазская группа распадается на адыгейскую (черкесо-кабардинскую) группу народов и стоящих особняком абхазов с абазинцами.

Карта расселения черкесских племен до 1864 г.

ЧЕРКЕСЫ И КАБАРДИНЦЫ

Адыгейская, или черкесская, группа—это 1) собственно черкесы (адыге), говорящие на адыгейском («нижнечеркесском», или «кяхском») языке, и 2) кабардинцы с их особым кабардинским («верхнечеркесским») языком. Самоназвание у всех этих народностей одно: «адыге» («Кабарда», «кабардинцы»—в их языке обозначение первоначально лишь политико-географическое: видимо, оно означало «владение князей Ка-берды»; теперь—и национальное).

Численность этих народов: кабардинцы—164 тыс., собственно адыгейцы, или черкесы,—88 тыс. (1939 г.).

Если на Северо-восточном Кавказе старая самобытная культура дожила в основном до самого последнего времени, то в Черкессии, в Кабарде, в Абхазии еще до революции сохранялись лишь остатки прежде существовавшего культурного уклада.

Этногенез и исторические сведения. Предками народов адыгейской группы можно считать упоминаемые еще в античных источниках племена керкетов, зигов, гениохов, синдов, меотов и другие, которые тогда населяли северо-западную предгорную и плоскостную часть Кавказа. Часть этих племен жила оседло на побережье Черного и Азовского морей, часть вела кочевую или полукочевую жизнь в степях. Исторические известия об этих народах и их потомках и дальше продолжаются непрерывной линией. Русская Начальная летопись знает черкесов под именем касогов (кстати, грузины и сейчас называют черкесов «кашаки», а осетины зовут кабардинцев «касаги»). В эпоху монгольского ига северо-западный Кавказ входил в Золотоордынское ханство. После его распада черкесы и в особенности восточная ветвь их—кабардинцы—очень усилились. В XVI в. кабардинцы представляли собой сплоченную и могущественную группу. Уже в середине этого века кабардинские князья вступают в сношения с Москвой. Вторая жена Ивана Грозного—Мария Темрюковна—была дочерью кабардинского князя.

В первой половине XVII в. кабардинцы возглавляли большую коалицию, которая дала отпор агрессии калмыков и остановила их продвижение из-за Волги на Северный Кавказ.

Кабардинские и черкесские племена и позднее сохранили свое превосходство на Кавказе и удерживали его вплоть до присоединения Кавказа к России. Но в 1864 г. большая часть черкесов была принудительно выселена в Турцию. Это была катастрофа, спровоцированная турецкими агентами. Многие злополучные переселенцы погибли в пути, другие погибли в Турции, где им приходилось сильно бедствовать. Потомки оставшихся в живых переселенцев живут в Турции и сейчас, где их насчитывается около 100 тысяч. После этой катастрофы черкесы перестали играть ту значительную политическую и культурную роль на Северном Кавказе, которая принадлежала им в прошлом.

В связи с этим, говоря о численности, расселении и о культуре черкесско-кабардинских племен, необходимо различать эпоху

до окончания Кавказской войны (1864 г.) и позднейшую эпоху.

До присоединения к России вся северо-западная часть Кавказа была занята почти сплошь поселениями черкесских племен. Они густо и сплошь населяли всю территорию между Кубанью на севере и востоке, главным хребтом на юге и черноморским побережьем на западе. Несколько особняком стояла восточная группа адыгейских племен—кабардинцы, занимавшие бассейн среднего Терека. Они живут там и теперь. Что касается остальных черкесов, то в настоящее время из всей занимавшейся ими прежней территории населены черкесами только незначительные участки.

Сама численность черкесов до русского завоевания была гораздо больше теперешней. Их насчитывалось не менее 400 тысяч, а по другим данным даже до 1 миллиона.

Происхождение названий «черкес» и «адыге» неясно. Имя черкес предположительно связывают с названием древнего племени «керкеты»; но если это и так, это не есть ответ на вопрос о его происхождении.

Расселение племен. Черкесы прежде делились на целый ряд племен, которые были расселены до 1864 г. следующим образом: на Таманском полуострове и в низовьях Кубани обитали натухайцы, по-черкесски «натхуадж», одно из крупных черкесских племен. Выше по Кубани и по р. Афипсу жили так называемые большие шапсуги, а на Черноморском побережье—малые шапсуги. Шапсуги вместе с натухайцами представляли собой одно целое, с одним общим диалектом. Выше в горах, по левым притокам Кубани, по рекам Белой, Пшишу, Псекупсу жило самое многочисленное из черкесских племен—абадзехи. Эти три племени: натухайцы, шапсуги и абадзехи—по своей численности составляли 9/10 всего черкесского населения. Остальные племена были значительно более мелкими. Из них сравнительно крупную роль играли мохошевцы на р. Фарсу, а между Лабой и Кубанью—темиргоевцы (кемгуи, или чемгуи). По низовьям рек Пшиша и Псекупса жили бжедухи. К востоку от них, между низовьями Пшиша и Белой, обитали хатюкаевцы и, наконец, бесленеевцы, самая восточная из черкесских племенных групп, близкая к кабардинцам и по культуре и по происхождению. Были и другие более мелкие племена.

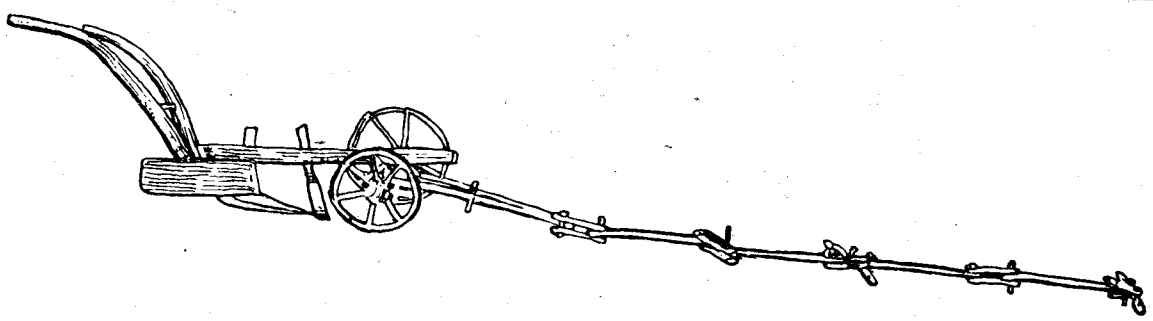
Особняком стояли кабардинцы, живущие с XIII—XV вв. в бассейне Терека. Они в свою очередь делились на две географические и культурные группы: Большую Кабарду между реками Малкой и Тереком (к западу от Терека) и Малую Кабарду между Тереком и Сунжой (восточнее Терека).

Наконец, были еще два племени, несомненно, нечеркесского происхождения, но ассимилировавшиеся с черкесами; это убыхи и абазины. Убыхи—самое южное из «черкесских» племен—по происхождению, вероятно, были связаны с абхазами. Но уже в XIX в. они слились с черкесами. Они жили по р. Сочи, а в 1864 г. выселились в Турцию в полном составе. Абазинцы (абазины) сохранились до наших дней (около 20 тыс.). Происхождение их спорно. Согласно традиционному мнению, абазины отделились некогда от абхазов, и название их—якобы разновидность того же имени «абхаз». Но советский исследователь Л. И. Лавров показал, что абазины вовсе не абхазы по происхождению, что это—остаток большого самостоятельного народа, некогда жившего к северо-западу от Абхазии; они упоминаются в русской летописи под именем «обезов». Может быть, часть черкесских племен (абадзехи, шапсуги и др.) является по происхождению тоже абазинской, но была очеркешена. Ныне и сами абазины почти слились с черкесами и кабардинцами.

В настоящее время адыгейские народы имеют свои национальные автономные республики и области. Кабардинцы живут в основном в Кабардино-Балкарской АССР. Часть кабардинцев, а также бесленеевцы (вместе с абазинами и ногайцами) живут в Карачаево-Черкесской автономной области (Ставропольского края). Западная часть адыгейцев—в Адыгейской автономной области (Краснодарского края). Шапсуги живут сейчас в основном на Черноморском побережье, в Лазаревском районе Краснодарского края.

Хозяйство. По своему хозяйственному облику адыгейские народы довольно сильно отличаются от народов высокогорных областей Центрального и Восточного Кавказа. Значительная часть территории, населенная в прошлом черкесами и кабардинцами, представляет собой равнину, часть составляет предгорье, и только абадзехи и некоторые другие племена углублялись в гористую часть Кавказа.

Эти географические условия наложили свой отпечаток и на весь хозяйственно-культурный облик черкесских народов. Основу их хозяйства составляет сочетание земледелия и плодоводства со скотоводством. Земледелие было основано на культуре проса,

Старинный кабардинский плуг

ячменя и некоторых других злаков. С начала XIX в. к этому присоединилась также культура кукурузы.

Самый характер земледелия сохранял довольно примитивные черты до недавнего времени. Применялся простой деревянный однолемешный плуг. Этот плуг по типу отличался от обычных кавказских плугов, восходящих генетически, как предполагают, к мотыге: черкесский плуг скорее происходит из заступа. Уборка производилась при помощи серпа. Обмолот—копытами животных. Сохранялись такие примитивные орудия обработки зерна, как толчея, ручная мельница. Но наряду с этим применялась и водяная мельница-мутовка общекавказского типа.

Земля очень часто страдала от засух. Урожаи были крайне низки (средний урожай за 1900—1916 гг.—4,8 ц. с га), и бедной крестьянской семье редко хватало хлеба на год.

В эпоху социализма в адыгейско-кабардинском земледелии произошли резкие перемены: вместо маломощных единоличных хозяйств организованы большие, богатые колхозы, которым государство оказывает помощь. Почти все сельскохозяйственные работы механизированы, на полях работают сотни тракторов и сложных сельскохозяйственных машин. Были осушены десятки тысяч гектар заболоченной земли, и посевная площадь увеличилась в несколько раз. Средняя урожайность повысилась по сравнению с дореволюционными годами в 3—4 раза. Наряду с зерновыми культурами, сохраняющими основное значение, внедряются новые: соя, конопля, эфиро-масличные, а местами и субтропические культуры, как рис, чай, цитрусовые.

Кроме земледелия, особенно на черноморском побережье, крупную роль играет плодоводство, которое у шапсугов и абадзехов составляло и составляет очень существенную статью хозяйства. Пчеловодство развито с очень давних пор (как и на Кавказе вообще). Оно до недавнего времени сохраняло свой довольно примитивный вид с плетеными, обмазанными глиной куполообразными сапетками для пчел.

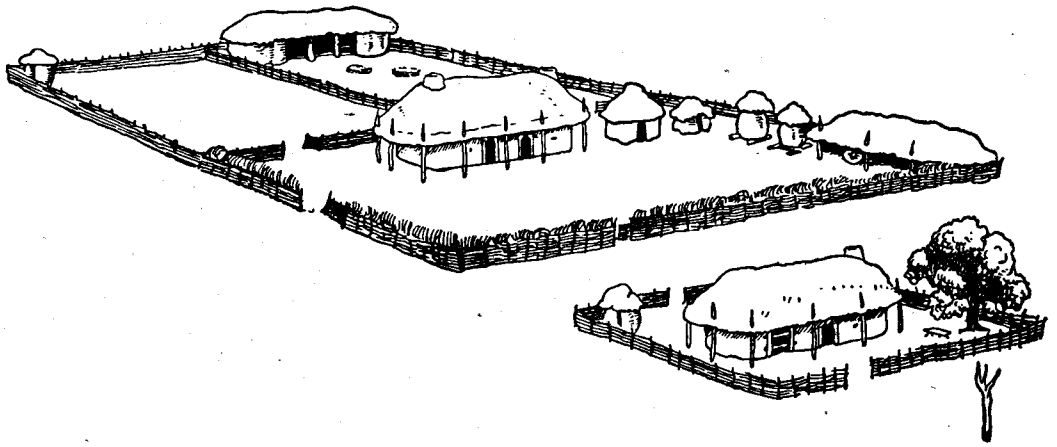
Существенную статью в хозяйстве составляет скотоводство, особенно у кабардинцев. Здесь во многом сказываются старые степные скотоводческие традиции. В прошлом кабардинцы по обеспеченности скотом занимали первое место среди народов Северного Кавказа. Но этот скот принадлежал в большинстве князьям и сельским богачам. Кабардинские лошади всегда очень ценились. Рогатый скот, овцы и козы также имеют большое значение в хозяйстве.

Стада овец по несколько тысяч голов, прежде принадлежавшие местным богачам, перегонялись пастухами с зимних на летние пастбища; корма для них почти не запасали. Нередки были случаи массового падежа скота от бескормицы или болезней.

Теперь же скот принадлежит колхозам и отдельным колхозникам. Создана прочная кормовая база, обеспечивается ветеринарный уход. Выводятся новые породы овец, высокоудойные породы рогатого скота.

Из других элементов материальной культуры кабардинских и черкесских племен следует отметить развитие ремесел. На первое место среди них нужно поставить обработку шерсти и тканье сукон. Кабардинские и черкесские сукна по своему качеству стояли на очень высоком уровне. Еще в XVIII в. французский консул в Турции Пейсонель отмечал, что некоторые черкесские сукна по своему качеству не уступают французским, которые были в то время лучшими в мире[1]. Но наряду с этими тонкими высококачественными сукнами вырабатывались и грубые сорта сукон. Очень широкой изве-

[1] Peyssonnel. Traité sur le commerce de la Mer Noire, t. I, 1787, p. 283.

Схематический план старинной черкесской усадьбы

стностью пользуется бурочное производство, особенно развитое в Кабарде. Кабардинские бурки наиболее ценятся по всему Кавказу. Развито также изготовление войлочных широкополых шляп, сафьяна, выделка седел и прочей верховой сбруи. Женское золотошвейное производство, пришедшее в упадок при капитализме, сейчас начинает вновь возрождаться.

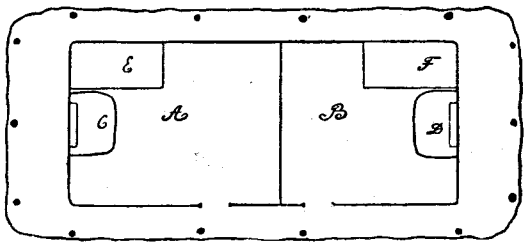
Затем следует отметить металлургическое производство и производство оружия, которое, однако, после присоединения к России пошло на убыль. Черкесские изделия шли, в частности, и на заграничный рынок.

Крупной промышленности прежде не было. Сейчас быстро развивается индустрия, построенная на местных сырьевых ресурсах—консервный комбинат, эфиро-масличный комбинат, деревообрабатывающий, машиностроительный и другие заводы. Часть рабочего класса—из местного национального населения.

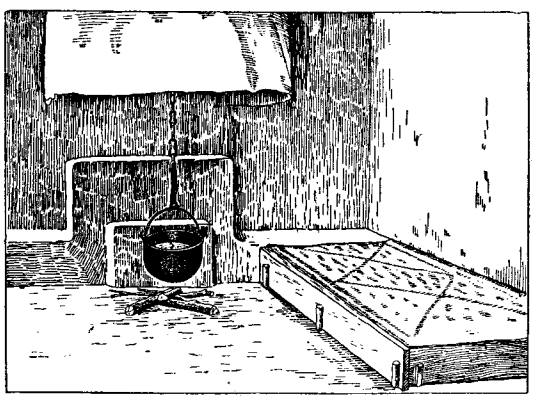
Поселения и постройки. В характере поселений и жилищ адыгейских народов встречаются иные формы, чем те высокогорные типы жилищ и поселений, которые типичны для Дагестана. Адыгейский аул некогда представлял собой широко раскинутое на значительном пространстве, иногда на несколько километров, поселение, состоявшее из отдельных усадеб, довольно просторных, окруженных садом из плодовых деревьев и виноградником. Однако после 1860-х годов поселения стали более компактными, так как много черкесов выселилось в Турцию, а оставшиеся мелкие поселки царские власти сселяли вместе.

Прежняя типичная черкесская усадьба представляла собой обнесенную общим забором совокупность трех дворов, разделенных изгородями, но имеющих общий выход на улицу: главный двор, на котором находится жилой дом и несколько хозяйственных построек, затем двор для молотьбы и сена и скотный двор, причем вход ведет туда через главные ворота. Это характерная предосторожность против скотокрадства.

Этот обобщенный вид усадьбы сильно варьировал в зависимости от условий мест-

План двухраздельного черкесского дома: A—мужская половина; B—женская половина: C и D—очаги; E и F—постели

Очаг и низкая глинобитная кровать-диван в старинном черкесском доме

Недостроенный черкесский дом (нач. XX в.)

ности, от классовой принадлежности и от других причин.

Внутри усадьбы много зелени, плодовые деревья, виноградники, иногда небольшие табачные насаждения и т. д.

Самый характер жилища опять-таки очень сильно отличается от высокогорных жилищ Северо-восточного и Центрального Кавказа. Правда, старый тип жилища в настоящее время сохранился слабо. Прежде типичным черкесским жилищем была—в противоположность каменным постройкам Дагестана—«турлучная», т. е. плетенная из прутьев и обмазанная глиной сакля, четырехугольная, вытянутая обычно вдоль двора, перпендикулярно к передней стене ограды, боком к главному входу, с двускатной или четырехскатной, но никоим образом не плоской кровлей, покрытой соломой или камышом. Окон она не имела. По передней стене, а иногда и кругом всего дома шел навес на столбах, образующий собой нечто вроде террасы.

Рядом с такого рода жилищем до недавних пор сохранялся еще более примитивный тип постройки, круглый, также плетеный, с шатровой крышей, представлявший собой в новейшее время обычно кухню или летнее помещение. Возможно, что некогда такой тип постройки служил жилищем и более широко применялся. Его можно считать пережитком влияния степной кочевнической культуры.

Обычай сооружать легкие плетеные постройки, очевидно, тоже восходит к традициям кочевого быта. Это сказалось, например, в том, что плетеные постройки делались разборными, стены слабо скреплялись, углы были без угловых столбов, так что при переселениях они иногда разбирались и стены целиком перевозились на новое место.

Любопытно, что эти легкие постройки некоторым образом связаны и с традициями воинственного быта, который очень прочно держался на Кавказе. Но если дагестанцы в связи с постоянными взаимными столкновениями устраивали прочные укрепленные поселения, каменные дома, боевые башни и т. д., то у черкесов создалась обратная традиция. Черкесские воины считали признаком трусости строить укрепленные дома: если человек делает себе каменный дом, значит он не умеет себя защитить.

Во внутреннем расположении помещений и обстановки мы опять видим характерные особенности. У черкесов и кабардинцев дом нередко делился на две половины, мужскую и женскую, с отдельными входами, зачастую не сообщающиеся внутри. Иногда это были

даже два отдельных дома, но чаще разгораживался один, который представлял собой как бы соединение вместе двух домов. Эта традиция сохранялась даже в домах нового типа, построенных по русскому образцу.

Уже в XIX в. под влиянием русских начал входить в употребление столбовой дощатый дом, впрочем также довольно своеобразной конструкции. Заслуживает внимания, в частности, особый способ крепления стен наклонными брусьями. Но и дощатое жилище, крытое тесом или черепицей, иногда и железом, представляет собой такую же легкую постройку, ничего общего не имеющую с фундаментальными, прочно построенными жилищами Центрального и Северо-восточного Кавказа.

Характерной особенностью черкесских и кабардинских жилищ является наличие чувала. Это пристенный очаг, приподнятый иногда над уровнем пола, и нависающий над ним дымоход, не присоединенный к самому очагу (в отличие от чувалов у народов Севера). Такой тип пристенного очага с дымоходом характерен и для северо-восточных кавказских народов. Помимо того, имеются наружные печи, стоящие вне жилья и употребляемые для печения лепешек. В настоящее время встречается и русская печь.

Помимо жилища, интересны хозяйственные сооружения в глубине двора, амбары и т. д., часто расположенные на сваях для защиты от мышей, крыс и других животных. Прежде бытовали хранилища для зерна в виде круглых или цилиндрических плетеных сооружений, построенных на сваях и прикрытых сверху тростником или соломой. Чтобы достать зерно, приходилось каждый раз снимать крышу.

У черкесов и кабардинцев был обычай строить отдельное помещение для гостей—«кунацкую» (хачиш по-черкесски). Кунацкая строилась поодаль, вне усадьбы, внутри особой ограды; к ней часто пристраивалась особая конюшня.

Сейчас жилищные условия адыгейского и кабардинского аула резко изменились. Много домов новой стройки, просторных, светлых. Но и старые дома стали более благоустроены. В них городская обстановка, электрическое освещение. Совершенно новым стал облик колхозного аула. Середину его занимают теперь обычно новые постройки общественного и культурного назначения: дом культуры, школа, детские ясли, магазин, радиоузел, правление колхоза и многое другое.

Черкес в национальном костюме

Одежда. Что касается одежды, то здесь своеобразия меньше, по крайней мере у мужчин. Одежда черкеса—это обычного кавказского типа бешмет, надевавшийся поверх рубашки (у бедняков рубашки часто и не было), и длинные штаны. Сверху надевается «черкеска» тоже общекавказского покроя. На поясе раньше носили холодное оружие. В дождливую или холодную погоду употребляется бурка, которая у черкесов, а особенно у кабардинцев, представляет наиболее совершенный вид.

Более своеобразен тип женского костюма. Сохраняя общекавказский тип длинной распашной одежды или архалука, старинный черкесский женский костюм представляет характерные особенности. У женщин из господствующих классов был обычай шить богатые костюмы с золотым шитьем и галунами. Платье шилось в обтяжку и должно было обрисовывать стройную и изящную фигуру женщины. Интересны старинные женские головные уборы, употреблявшиеся женами и дочерьми князей и дворян,—в виде высокого колпака, богато обшитого галуном и серебряным или золотым шитьем. Подобный костюм должен был подчеркивать строй-

Черкешенка в национальной одежде

Кабардинка в национальной одежде

ность и высокий рост. Этому же служили и башмаки черкесских княгинь и дворянок на высоких подставках вроде греческих котурн.

Старинной принадлежностью женского костюма был корсет, который носили черкесские девушки до замужества. Девушку в раннем возрасте наглухо зашнуровывали в корсет из сафьяна с вшитыми деревянными пластинками, что не давало возможности развиться груди. Этот корсет девушка должна была носить до свадьбы, жених разрезал его кинжалом,—это было одним из моментов свадебного обряда. Конечно, ношение корсета было чрезвычайно вредно для здоровья женщин, но оно считалось обязательным в связи с теми типично феодальными вкусами, которые господствовали у черкесской знати: считалось, что женщина должна иметь тонкий стан и слабо развитую грудь. Этот обычай, впрочем, еще до революции вышел из употребления.

Так как женщина по старым обычаям почти никуда не должна была выходить из дома, то теплой зимней одежды у женщин, как правило, не было. Когда после революции развернулось широкое движение за втягивание черкесских женщин в общественную жизнь, серьезным препятствием к этому оказалось то, что женщине не в чем было зимой выйти из дома, чтобы прийти на собрание, в школу взрослых, в «дом черкешенки». Тогда партийные организации с помощью местной печати начали кампанию под лозунгом «пальто—горянке» (1928—1929): широкий сбор средств на покупку теплой одежды для беднячек-черкешенок, помощь от государства и кооперации—дали возможность снабдить женское население аулов необходимой верхней одеждой.

Сейчас старый национальный костюм в быту почти не сохранился. Черкесы и кабардинцы носят одежду городского покроя.

Семья кабардинского уорка (дворянина)

Исторические особенности общественного строя. Социальный строй адыгейских народов был весьма неоднороден. У одних племен существовали развитые формы феодализма, у других своеобразный, как бы переходный общественный строй не совсем ясного характера. Типичный пример первого уклада дают кабардинцы, у которых феодальные отношения давно уже достигали высокого развития.

До присоединения к России у кабардинцев существовали резко обособленные сословия. Количество отдельных сословных прослоек достигало 13, но они объединялись в несколько более крупных сословных групп. Выше всех стояло сословие князей, так называемых «пши». Это была резко обособленная группа, которая старалась не смешиваться через браки ни с каким другим сословием. Из этих князей выделялся старший князь—

«вали», как бы глава всего кабардинского народа. Ниже князей располагалось многочисленное сословие дворян—«вуорков» или «узденей». Они в свою очередь делились на несколько рангов: «уздени» первой, второй, третьей и четвертой степени, сообразно своим правам и той службе, которую они несли у князей. Это были привилегированные сословия.

Князья и дворяне владели большими стадами скота и фактически распоряжались земельными угодьями, хотя формально земля составляла общинную собственность: частного землевладения ни кабардинцы, ни черкесы в дореформенную эпоху не знали.

Остальная часть населения представляла собой полузависимую и зависимую массу, в свою очередь разделявшуюся на несколько сословий: «оги», или «пшитли»,—крепостное или полукрепостное крестьянство, земледельцы; «логанапуты»—дворовая челядь, лично зависимая от князя и от дворян; небольшая группа так называемых «азатов», также полусвободных; и, наконец, довольно многочисленная группа совершенно бесправных рабов—«унаутов»[1].

Вся эта сложная лестница сословной иерархии была особенно в Большой Кабарде разработана с чрезвычайной тщательностью, и между отдельными сословиями существовали резкие грани. Эксплуатация крестьянского населения была суровой. Однако она не вела к такой забитости и приниженности зависимых сословий, какую можно было видеть где-нибудь в Закавказье, у грузин, армян и т. д. Крестьяне, даже крепостные, даже рабы, не теряли своего личного достоинства и, будучи жестоко эксплуатируемы своим князем-владетелем, в частном быту держались с ним без особого подобострастия. Здесь сказывались традиции патриархально-родовых отношений.

Этот резко аристократический феодальный строй держался в Кабарде до 2-й половины XIX в.

Что касается собственно черкесов, то у некоторых племен—у бесленеевцев, бжедухов, хатюкаевцев и других восточно-прикубанских групп—существовало подобие этого феодального строя, однако он не достигал такой степени развитости, как в Кабарде.

Другое дело у западных племен—натухайцев, шапсугов, абадзехов, а также у убыхов. Здесь сословия князей не было. Сословие дворян—вуорков—было, но никогда дворяне не достигали такого влиятельного положения, как в Кабарде и в восточной Черкессии. Зато наряду с полусвободными здесь особенно многочислен и силен был социальный слой так называемых «тфохотлей». Это были свободные, незакрепощенные общинники. Но в среде их было значительное имущественное неравенство, и богатые тфохотли претендовали на дворянские права. Поэтому не совсем ясным остается и вопрос об уровне общественного развития западночеркесских племен. В связи с отсутствием у них выраженного сословного феодального строя эти племена называются иногда в литературе «демократическими», в отличие от «аристократических» племен восточной Черкессии и Кабарды. В литературе установилась традиция считать эти племена более отсталыми, чем племена с развитым феодальным строем. Они как бы задержались на стадии патриархально-родового строя.

В противовес этой традиционной точке зрения некоторые советские историки (Б. А. Гарданов) высказывают взгляд, согласно которому западные черкесские племена тоже знали феодальный строй, а их «демократические» порядки явились результатом того, что в середине XVIII в. обострение классовой борьбы привело у них к утрате феодальной знатью своей прежней власти. Действительно, мы знаем, что в течение XVIII в. абадзехское, натухайское и шапсугское крестьянство вело борьбу с дворянами и князьями соседних племен. Своих князей они к концу XVIII в. изгнали. Кульминационным моментом антифеодальной борьбы западных черкесов была Бзиюкская битва 1796 г., когда крестьяне шапсуги и абадзехи выступили против князей бжедухов. Хотя в этой битве крестьяне были разбиты, но князья так и не смогли вернуться к своим прежним подданным, и с этого времени князей здесь уже не было.

Конечно, не следует думать, что здесь налицо уже пройденный этап феодализма. Вернее, что западные черкесские племена представляют собой образец недоразвитого феодализма, однако вовсе не в силу их отсталости. Благодаря определенным экономическим условиям, благодаря развитой торговле,—еще в древности с греками, в средние века с итальянцами, а позже с Крымом,

[1] В русских официальных документах они назывались «безобрядными холопами», а другие категории зависимых лиц—«обрядными холопами», т. е. рабами, которые сохранили некоторые права на основании обычая.

с Турцией,—здесь сложились несколько иные условия развития, и первобытно-общинный строй стал разлагаться, не приведя к образованию сильного феодального уклада. Здесь развитие шло скорее по пути формирования мелкого товарного хозяйства, мелкой свободной крестьянской собственности.

У западночеркесских племен устойчиво держались пережитки патриархально-родовых форм, хотя и более слабые, чем на Северо-восточном Кавказе.

Еще в конце XIX в. существовали роды и союзы родов — «тлеух», братства. Тлеухи делились на группы родственных семей— «ачих». Роды были экзогамными. Сохранялась традиция взаимной помощи родов, существовал до недавнего времени обычай кровной родовой мести. Последний случай кровной мести отмечался в газетах еще в 1929 г.

Одним из патриархально-родовых обычаев, сохранившихся у черкесов, в том числе и у «аристократических» племен, является широко известное за пределами Кавказа аталычество. Согласно этому обычаю, отец ребенка—мальчика отдавал его на воспитание до совершеннолетия какому-нибудь приятелю, обычно в чужое племя. Воспитатель, так называемый аталык, брал на себя обязательство воспитать ребенка, вырастить из него воина, смелого, искусного наездника, умеющего ловко владеть оружием, научить обычаям. В день совершеннолетия аталык возвращал обратно в родительский дом своего воспитанника и демонстрировал приобретенные последним навыки. Таким путем устанавливалась близкая связь между двумя семьями: семьей, которая отдавала своего ребенка на воспитание, и семьей аталыка, который его воспитывал. Такой обычай держался в особенности среди феодального класса. Князья и уздени отдавали своих сыновей другим князьям и узденям. Князь отдавал на воспитание своих сыновей своим вассалам. Этот обычай некоторые исследователи считали чисто феодальным, служившим для укрепления феодальной зависимости, установления межфеодальных связей. Другие, в том числе М. М. Ковалевский, наоборот, приписывали этому обычаю очень древнее происхождение, считая его пережитком эпохи материнского рода: в ту эпоху отец был якобы неизвестен, а раз так, то безразлично, кто будет воспитывать ребенка.

Но и эта архаизация обычая аталычества и феодальная модернизация его являются, по-видимому, ошибкой. Более правильно считать его характерным явлением патриархально-родового строя наряду с целым рядом других обычаев, укреплявших связи между отдельными родами. В то же время, вероятно, прав М. О. Косвен, считающий, что в аталычестве видны наслоения различных исторических эпох от эпохи родового строя и вплоть до феодализма.

Крепко держался у черкесов и широко распространенный на Кавказе обычай куначества, установления дружеских связей между чужеродными и даже чужеплеменными людьми.

Еще один характерный институт, порожденный условиями патриархально-родового строя у народов Кавказа,—это так называемое абречество. Под именем абреков (у черкесов—«хаджрет») русские на Кавказе разумели своего рода партизан, которые во время Кавказской войны доставляли много неприятностей русским войскам. Но институт абречества коренился глубоко в патриархально-родовых отношениях народов Кавказа. Абрек—это человек, изгнанный из рода по тем или иным причинам и находившийся как бы вне закона. Естественно, что он обращался к хищничеству, грабежу, либо становился воином-партизаном. Таким образом, здесь мы видим не просто уголовное явление и не порождение военного времени, а глубоко укоренившийся в условиях родового строя обычай.

В связи с патриархально-родовым строем нужно отметить приниженное положение женщин у черкесско-кабардинских племен. Женщина в семье и в обществе занимала подчиненное положение, в особенности по отношению к мужу и старшим мужчинам его семьи. Целый ряд ограничений, унизительных обычаев налагался на женщину, в особенности замужнюю. Муж, купив ее за калым, нередко смотрел на нее как на собственность. По обычаю он почти не разговаривал с нею, не называл по имени, при посторонних делал вид, что не замечает своей жены. Она обычно и не показывалась гостям, не могла участвовать в общественных делах, в увеселениях. Девушки были менее стеснены такими обычаями, они были более свободны.

Тем не менее патриархально-родовой строй держался у черкесов лишь как пережиток. У западных черкесских племен господствующей социальной единицей был скорее не род, а сельская община—«псухо», или «куадж». Она была автономной, само-

управляющейся, по существу независимой единицей, а весь в целом общественный уклад западных черкесских племен представлял собой в середине XIX в. своеобразную федерацию мелких самоуправляющихся общин, совершенно независимых. Все общественные дела решались на общественном сходе под руководством стариков. Эти выборные, иногда просто по своему авторитету занимавшие влиятельное положение, старшины являлись единственными фактическими руководителями жизни общины.

Это демократическое устройство западных черкесских племен приводило к крайней раздробленности и слабости межплеменных связей. Во время Кавказской войны каждое черкесское племя действовало разрозненно, между ними не было согласованности действий. В последние годы войны Шамиль через своих наибов пытался объединить черкесов и подчинить их своей власти. Но эта попытка ни к чему не привела, и даже самый влиятельный из наибов, действовавших в Черкессии, Магомет-Амин, сумел подчинить себе только абадзехов, другие же племена не признавали его власти.

Общественная жизнь адыгейских племен управлялась, в отсутствие писаных законов, традиционными обычаями. Свод этих обычаев—«адыге-хабзе», изустно передававшийся из поколения в поколение, составлял целый кодекс обычного права, морали, правил поведения и приличия. «Хабзе» регулировал и отношения между сословиями и семейную жизнь, закреплял приниженное положение женщины. «Адыге-хабзе»—адыгейско-кабардинские обычаи—распространялись и у соседних народов—осетин, карачаевцев, балкарцев, ногайцев, находившихся в той или иной зависимости от черкесско-кабардинских князей.

Развитие капитализма во 2-й половине XIX в. и некоторые проведенные царизмом реформы подорвали основы старого феодально-сословного строя. Но крестьянская реформа («освобождение зависимых сословий», 1866—1867 гг.) была проведена так, что кабардинские крестьяне были ограблены еще в большей мере, чем это было в России. Лучшие земли, почти все пастбища попали в руки князей и дворян, получивших также и огромный денежный выкуп. Крестьянская беднота осталась и без земли и без скота, и зависимость ее от прежней феодальной знати фактически еще усилилась. Из среды крестьянства начала выделяться, однако, кулацкая верхушка. Классовые противоречия стали еще более резкими.

Но патриархально-родовые пережитки сохранялись, особенно в семейном быту: женщина в семье занимала по-прежнему приниженное, неполноправное положение.

Советская власть с первых же лет развернула горячую борьбу против заскорузлого патриархального быта. Особенно сложной оказалась задача раскрепощения женщины. Привыкшая к подчинению адыгейская женщина медленно и робко втягивалась в общественную жизнь. Понадобились годы, чтобы вовлечь ее в учебу, ликвидировать неграмотность. Тысячами учатся теперь женщины и девушки в школах, получают разные специальности, работают бригадирами, председателями колхозов. Много адыгеек учительниц, врачей, агрономов. Понемногу исчезает замкнутость и старые бытовые ограничения в семейном быту.

Сейчас адыгейский народ—это колхозное крестьянство, молодой рабочий класс и молодая национальная интеллигенция.

Религиозные пережитки. Официально черкесы и кабардинцы считались до революции мусульманами, суннитами. Но ислам появился среди них только в XVI в. и распространился в XVIII в. Это объясняется влиянием Турции и в особенности Крымского ханства, которому часть Северо-западного Кавказа была подвластна. Первыми, кто перешел в ислам, были князья и дворяне; в дальнейшем они сделались пропагандистами и главной опорной силой ислама, тогда как в народных массах ислам очень долго не мог укрепиться. До этого здесь довольно долгое время официальной религией считалось христианство, которое, начиная с VI в., особенно в X—XII вв., под византийским и частью тмутараканским (русским) и грузинским влиянием широко распространилось по Северному Кавказу. Но христианство не пустило глубоких корней среди черкесов и сравнительно легко было вытеснено исламом.

Фактически до самого недавнего времени продолжали держаться древние дохристианские и домусульманские верования, особенно там, где была слаба феодальная прослойка, т. е. у западных черкесских племен, в связи с сохранением их старого общинного уклада; главную роль здесь играло почитание божеств, связанных с земледелием, плодородием, дождем, грозой и т. д. Такими были божества грозы—Шибле, плодородия—Созерепш, покровители земледелия, скотоводства и т. д. Культ божества грозы был связан с почитанием священных деревьев. Вплоть до XIX в. здесь существовали целые свя-

щенные рощи, служившие местом принесения жертв. Позже от них оставались только отдельные, считавшиеся священными деревья.

С этим же связано почитание так называемых каменных могил, где похоронены люди, убитые молнией. Обряды и моления, совершавшиеся у этих могил и у священных деревьев, большей частью имели назначением обеспечить дождь и хороший урожай. Для этой цели применялись и другие обряды и магические приемы. Например, во время засухи, чтобы вызвать дождь, женщины носили куклу и топили ее в реке.

Некоторые другие обряды были связаны со скотоводством, например, очистительный обряд прогона скота через особую земляную арку для предохранения его от падежа.

Крупную роль играл в верованиях черкесов бог-покровитель железа и кузнецов Тлепш, который был связан также и с лечением. Кузнецы считались специалистами по лечению некоторых болезней. Кузница была местом, где исполнялись знахарские обряды. У черкесов до недавнего времени сохранялся один варварский способ лечения ран и переломов кости—так называемый «чапш». Он заключался в том, что раненому не давали заснуть ни днем ни ночью, устраивая для него игры, песни и представления, а когда человек все же начинал засыпать, то били над его головой по железу. Звук железа и развешанные кругом железные предметы означали связь этого обряда с богом-покровителем железа и кузнецов—Тлепшем.

Любопытным предметом почитания были «кресты», которые хранились в священных рощах или около священных деревьев. Они называются «джуор», что связывается с грузинским «джвари»—крест, и считаются пережитком христианского культа креста. Но на самом деле это нечто совсем иное: «крест» имеет форму доски с вилообразно раздвоенным концом, вероятно, стилизация изображения бычьих рогов. Перед нами, видимо, пережиток древнего скотоводческого культа, связанного с почитанием быка.

Подобного рода древние религиозные верования и обычаи оказались очень устойчивыми и держались до недавнего времени более прочно, чем сравнительно неглубоко пустившие корни христианская и мусульманская религии. Конечно, сейчас мало кто их придерживается.

Народное творчество. В области народного творчества черкесов выделяется прежде всего героический эпос, сказания о богатырях «нартах». Нартовские былины были в большом почете у черкесов и кабардинцев, и они были записаны частью еще до революции, а еще больше записей их есть теперь. (О нартовском эпосе будет более подробно сказано дальше, в главе об осетинах.)

Чрезвычайно интересно кабардинское предание о старике-великане, прикованном цепью к скале на вершине Эльбруса: он наказан верховным богом за то, что хотел стать выше его. Подобные сказания о прикованных великанах—богоборцах есть и у других народов Кавказа: абхазов, осетин, грузин. В них можно видеть прототип греческого мифа о Прометее, наказанном Зевсом: ведь этот миф был как раз приурочен к Кавказу.

Другие виды эпических произведений—исторические предания о борьбе с татаро-ногайскими и калмыцкими ханами, о войне против русских. Есть и различные лирические песни. Сейчас появились новые темы и новые жанры адыгейского и кабардинского фольклора: песни и сказы о годах гражданской войны, колхозные песни и пр.

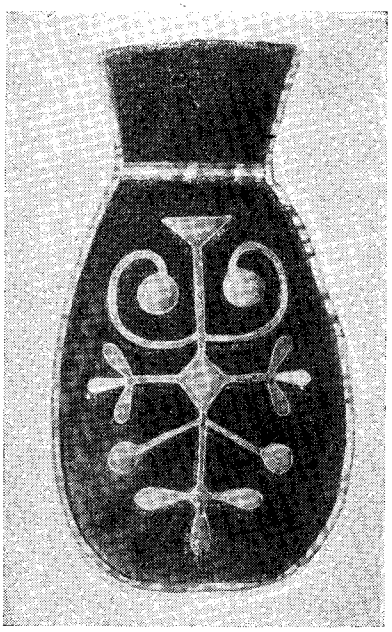
Письменности адыге прежде не имели. Попытки ее создать были неудачны, отчасти из-за трудности графической передачи звуков черкесского языка. Советские лингвисты выработали пригодную для этого графику. Сейчас народилась молодая адыгейская литература. Основоположники ее—народный певец Цуг Теучеж (1855—1940) и автор романов и повестей Тембот Керашев (род. 1902).

Музыкальная культура черкесов своеобразна. Ладовый строй черкесской музыки строго диатонический, чаще мажорный, реже минорный. Вокальная музыка построена на пении солиста в сопровождении хора, поющего в унисон; партии солиста и хора обычно самостоятельны, но очень слажены. Певца может заменять инструмент с тем же сопровождением хора. Национальные музыкальные инструменты черкесов: двухструнный смычковый «шичепшин», настроенный в квинту; флейта («камыль»)—теперь редко употребляемая; деревянные кастаньеты «пхачич» для отбивания ритма, особенно при танцах. Теперь входят в употребление более разнообразные инструменты, под русским влиянием; особенно распространена гармоника. Черкесская народная музыка серьезно изучена только в советский период (Гребнев и др.).

Интересны национальные пляски—парные и хороводные—«удж», которые теперь часто устраиваются на колхозных и других праздниках.

В 1936 г. был создан в Адыгейской автономной области 1-й национальный ансамбль песни и пляски. Появились новые виды танцев, в которых отражается и новый колхозный быт.

Заслуживают особого внимания художественные производства, в частности, художественные вышивки, очень интересное, развитое в прежнее время галунное, серебряное и золотое шитье. Орнаментальный стиль адыгейского народного искусства глубоко самобытен. Наиболее отчетливо выражен он

Образец черкесского орнамента (золотое шитье на наличнике рукава)

в золотошвейном, но частью также в златокузнечном производстве. Особенности его—крупный симметричный узор в виде трехлепестковой фигуры, парных завитков, иногда зооморфных изображений. Большие поля чистого фона остаются незаполненными (в отличие от сплошного узора, например, в дагестанском искусстве). Многое в адыгейском орнаменте восходит к типичным мотивам орнамента скотоводческих народов степи—например, мотив бараньих рогов, что лишний раз указывает на наличие степных элементов в культуре адыгейцев. Этот лаконичный, строгий стиль декоративного искусства оказал влияние и на искусство других кавказских народов; с XVI в., когда укрепились московско-кавказские связи, он проник даже в Россию.

Общий регресс черкесской культуры после царского завоевания Кавказа отразился и на художественных производствах, которые начали приходить в упадок. Но сейчас создались условия для их возрождения. Адыгейские девушки готовят золотошвейные изделия для колхозных праздников, для подарков жениху.

Необходимо отметить огромный общий рост культуры черкесского и кабардинского народов, в прошлом отсталых. Всеобщее семилетнее обучение, сотни школ, десятки библиотек, изб-читален, кинопередвижек, множество различных кружков—все более преобразуют культурный облик народа.

АБХАЗЫ

Абхазы—народ, примыкающий по культуре и происхождению к народам адыгейской группы. Но географически и политически они отделены от Черкессии: они живут на южном склоне Главного Кавказского хребта, и Абхазская АССР входит в Грузинскую ССР.

Абхазы известны в исторических источниках, начиная с античной эпохи. Упоминание об абазгах (ἀβασγοί) встречается впервые у Арриана во II в. н. э. Уже с этих отдаленных времен абхазы были связаны с Грузией, т. е. с Закавказьем. Сами себя абхазы называют «апсуа», а свою страну—«Апсны».

По культурному облику абхазы, несмотря на то что они впитали в себя некоторые элементы грузинской культуры, в основном примыкают к черкесской группе народов.

По численности абхазы составляют, по переписи 1939 г., 59 тыс. человек. До Кавказской войны абхазы насчитывали несколько сот тысяч человек. Но уже в годы присоединения Западного Кавказа, в 1864 г., а затем в 1866—1867 гг. имело место массовое выселение их в Турцию. После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. происходила новая эмиграция в Турцию. В связи с этим и само современное расселение абхазов сильно отличается от того, что было раньше.

Сейчас абхазы по географическому признаку, по языку и культуре могут быть подразделены на следующие основные группы: 1) северную, гудаутскую, или бзыбскую группу, центром которой являются Гудауты; эта северная группа отделена территориально от двух южных групп, одной из которых является 2) центральная или абжуйская группа, главным образом в бассейне р. Кодора; эта группа сохранила наиболее типичные для абхазов черты; и, наконец, 3) южная самурзаканская группа, по р. Ингуру, граничащая с Мегрелией. Самурзаканцы испытали на себе наиболее сильное влияние мегрелов. Эти 3 группы соответствуют трем наречиям абхазского языка.

Хозяйство. Сельское хозяйство абхазов определяется условиями субтропического климата. Преобладает издавна плодоводство и виноделие. Из зерновых культур господ-

Старинное жилище абхазов ассасайра (фото 1907 г.)

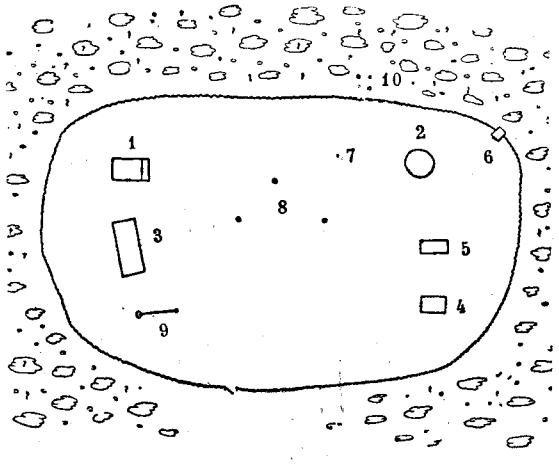
ствует кукуруза (кукурузная мамалыга—«гоми»—излюбленное кушанье). Сейчас особенно развивается культура высококачественных табаков—они стоят в числе лучших мировых сортов. Все большее значение приобретают в настоящее время чисто субтропические культуры—чай, цитрусовые и др.

Скотоводство у абхазов менее развито, чем у адыгейцев. Преобладает крупный рогатый скот. Летом его отгоняют на горные пастбища. Очень распространено пчеловодство—чрезвычайно древняя отрасль хозяйства. Абхазская порода пчел очень высоко ценится. Интересна перепелиная охота с помощью прирученного ястреба. Ремесла были у абхазов слабо развиты. Из женских производств отмечается ткачество, вышивание, из мужских—деревообделочные производства.

Крупная промышленность—главным образом пищевая—создана в Абхазии только при Советской власти.

Поселения и постройки. Хотя и занимая Черноморское побережье, абхазы, однако, не селятся близко к берегу: их селения удалены от него. Причиной служила, видимо, многовековая опасность набегов турецких, крымско-татарских и других пиратов.

Тип поселений у абхазов приблизительно такой же, как у черкесов: большие селения из широко разбросанных отдельно

Схематический план абхазского двора, окруженного виноградником: 1—жилая постройка (амацаýрта); 2—жилая постройка (акуáц); 3—сарай для виноделия; 4—хлев, 5—амбар для кукурузы; 6—курятник; 7—коновязь; 8—деревья; 9—виноградный пресс; 10—врытые в землю глиняные кувшины для хранения вина (с. Джирхва)

стоящих усадеб, огороженных заборами, внутри засаженных виноградниками и плодовыми деревьями. В глубине двора находятся жилые и хозяйственные постройки. Традиционный абхазский дом, плетеный и обмазанный глиной, по своей конструкции очень напоминает черкесский. Но он отличается от черкесского тем, что не делится на две половины—мужскую и женскую, а состоит из одной комнаты. Крыша устанавливалась шатровая, в виде четырехгранной пирамиды с отверстием посередине для центрального очага, помимо которого был иногда еще пристенный камин. Таково типичное старинное абхазское жилище («амацаурта»), теперь чаще сохраняющееся как хозяйственное помещение, кухня. Такого же типа жилище, но более чистое, служившее также кунацкой, называлось «ассасайра». Был и еще более древний тип круглой постройки (акуацв), цилиндрической формы, обмазанной глиной, который в последнее время тоже играл роль кухни, но когда-то служил для жилья. В настоящее время у абхазов имеются жилища русского типа, дощатые и каменные.

Одежда. Национальная одежда в настоящее время почти не сохранилась. Сейчас абхазы носят городского покроя одежду. Прежний национальный костюм мало отличался от черкесского. Характерная черта мужского костюма—башлык с длинными концами, которые могут завязываться на голове, как чалма.

Исторические особенности общественного строя. Социальный строй абхазов был сходен с восточночеркесским. Еще в античную эпоху Абхазия входила в состав сильных государств: Понтийского, Римского; в VI—VIII вв. была связана с Византией, в X—XIII вв.—с Грузией. После освобождения абхазов от подчинения Грузии (XIII в.) в Абхазии укрепилась власть одного княжеского рода, грузино-абхазской фамилии Шервашидзе. С XV по начало XIX в. Абхазия была под властью Турции, с 1810 г. присоединена к России: князья Шервашидзе правили до 1864 г., а потомки этого княжеского рода и другие князья держались в Абхазии и позже. В Самурзакани (южная Абхазия) правили свои князья—ветвь той же фамилии Шервашидзе. Князья и дворяне жестоко угнетали народ. Его освободила от гнета только Октябрьская революция.

Сохранялись пережитки родовых отношений. Кровомщение, впрочем, в настоящее время совершенно забыто. Из других родовых традиций держался обычай гостеприимства, родовой взаимопомощи. Характерно уважение к старикам, а также к женщинам, хотя в семье женщины занимали подчиненное положение. Был обычай и соседской взаимопомощи.

Образец абхазского орнамента (старинный шерстяной ковер)

Религиозные пережитки. Примыкая политически к Грузии, абхазы были давно христианами. Христианство пришло сюда в VI в. и довольно прочно укоренилось. К XV—XVII вв. относится проникновение в Абхазию ислама, который в дальнейшем поделил господство с христианством: в северной Абхазии сравнительно больше укрепился ислам, а в южной—христианство. Но наряду с этим, как и у черкесов, в Абхазии держались пережитки своих собственных верований, очень напоминающие черкесские. Сюда относится культ божества молнии—Афы, почитание бога кузнецов и роль кузницы, как священного места. Затем целый ряд обычаев, связанных с погребением, поминанием умерших, лечебная магия, аграрные обряды и проч. Религиозного фанатизма, однако, не было. Сейчас выросший культурно народ освобождается от суеверий.

Народное творчество и культурное развитие. Народное творчество абхазов изучено сравнительно слабо. Декоративное искусство мало сохранилось. В области фольклора есть мотивы, родственные творчеству адыге и других северокавказских народов—в том числе сказания о нартах, о богатыре Абрскиле, богоборце, прикованном за неповиновение богу к скале.

По общему уровню культуры абхазы были одним из отсталых народов Кавказа. С конца XIX в. под влиянием передовых русских общественных течений начинает зарождаться абхазская письменность и литература. Основоположником ее был Дмитрий Гулиа (род. в 1874 г.), который еще в 1892 г. издал «Абхазскую азбуку». В 1910 г. Гулиа напечатал впервые на абхазском языке сборник своих стихов, которые широко распространились в народе. Но царские власти

всячески глушили культурное развитие народа. В Сухуме была единственная школа для абхазов, но туда принимали почти исключительно детей князей и дворян. Народ оставался в массе неграмотным. Сейчас прежняя культурная отсталость абхазского народа преодолена. В республике создана обширная сеть народных школ, имеются высшие и специальные учебные заведения, педагогические, технические, музыкальные, есть драматический театр, государственная филармония, около 250 библиотек, около 800 клубов. Советская литература Абхазии, старейшим представителем которой является национальный поэт Д. И. Гулиа, сейчас уже достаточно богата. Наряду с литературой на родном языке, в быт абхазов все больше проникает грузинский язык, в особенности через школу.

5. ОСЕТИНЫ

Осетины (354 тыс., 1939) сами себя называют «ирон». Русское название «осетины» происходит из грузинского языка: грузины называют осетин «осси», их страну—«Оссети».

По языку осетины причисляются к иранской группе. Но в ней они занимают несколько обособленное положение: хотя господствующий слой осетинского языка—бесспорно иранский, но в нем есть и много «кавказских» элементов.

Расселение осетин тоже своеобразно. Они значительными массами населяют и северный и южный склоны Кавказского хребта и его предгорные равнины. Осетины—единственный крупный народ Кавказа с такой особенностью расселения. Она отразилась и на исторических судьбах и на своеобразии культурного уклада осетин. Политически они тоже делятся сейчас на две группы: северные осетины живут в Северо-Осетинской АССР, составной части РСФСР, а южные—в Юго-Осетии, автономной области Грузинской ССР.

Дальнейшие подразделения осетинского народа: северные осетины делятся на восточных—иров или иронов (это самоназвание всех осетин) и западных—дигорцев. Дигория расположена в бассейне р. Уруха. Ироны в свою очередь подразделяются географически на три основные группы, расселенные по отдельным «ущельям»: это тагаурцы, куртатинцы и алагирцы. Все эти три группы иногда ошибочно называли тагаурцами. Иронский диалект является родным для подавляющего большинства—$^5/_6$—всего осетинского народа. На нем построен—по почину основоположника осетинской литературы поэта Коста Хетагурова—современный осетинский литературный язык. Дигорский диалект отличается от него особой архаичностью форм.

Обособленную группу составляют «моздокские осетины»—переселившиеся из разных мест горной Осетии на равнину, на левый берег Терека. Переселение это началось со времени постройки крепости Моздок (1763) и продолжалось вплоть до начала XX в. Живя в близком соседстве с русскими, моздокские осетины подверглись русскому влиянию в гораздо большей степени, чем все другие.

Южных осетин называют туальцами или двальцами, самоназвание их—туаилаг. Впрочем, по другим данным, Туалетия—это не Южная Осетия, а часть высокогорной области по обе стороны хребта. Язык туальцев, или южных осетин, не составляет особого диалекта, а является лишь говором иронского диалекта.

Этногенез и исторические сведения. Вопрос о происхождении осетин давно привлекал внимание исследователей, уже по одному тому, что осетины занимают обособленное положение на Северном Кавказе, будучи здесь единственными представителями индоевропейской группы языков.

На этой почве более 100 лет тому назад была создана фантастическая теория «германского» происхождения осетин. Эту теорию выдвинул немец Август Гакстгаузен, побывавший на Кавказе в 1843 г. Ссылаясь на мнимые «сходства» осетин с немцами, Гакстгаузен высказал предположение о происхождении их от готов. Эту теорию впоследствии попытался оживить историк Кавказа немец Карл Ган (1911), к ней примкнули и некоторые буржуазные националисты осетины (Кодзаев, Вано, Баев). Однако эта немецко-националистическая теория, политическая тенденция которой ясна, ни на каких серьезных фактах не основана. Те элементы культуры осетин, которые якобы близки к германским формам, в действительности характерны не для одних осетин, а для всех народов Кавказа и ничего германского в себе не заключают.

В противоположность абсурдной «германской» теории, другая теория происхождения осетин—«аланская»—действительно построена на бесспорных научных фактах. Предположение о родстве осетин с древними аланами—большим союзом кочевых племен Приазовья и Причерноморья первых веков н. э.—выдвинул впервые в 1812 г. известный лингвист-востоковед Клапрот. Это предположение в дальнейшем подтвердилось и превратилось в солидную научную теорию, которая ныне господствует. Обосновал ее и развил подробно известный исследователь Всеволод Миллер в своей работе «Осетинские этюды» (ч. 3, 1887). Ему удалось доказать, что осетины лишь в недавнее время замкнулись в современных узких географических границах, будучи оттеснены в горы; что еще сравнительно не так давно они населяли более широкую территорию к северу и северо-западу, в частности, равнинные части Северного Кавказа: Кабарда и степи Прикубанья были когда-то заселены предками осетин. Об этом говорят не только предания самих осетин и их соседей, но и топонимика: все Приазовье полно географических названий, объясняемых из осетинского языка. Самое название реки «Дон» по-осетински значит река или вода. Таким образом, там, где кочевали аланы, сохраняется осетинская топонимика.

В пользу аланской теории происхождения осетин говорят и письменные источники: установлено, что византийские известия об аланах совпадают с известиями грузинских источников о народе «осси» (осетинах); в древнерусских летописях тот же народ был известен под именем «ясов». Европейские путешественники еще в XIII в. называли осетин аланами.

Однако эта теория аланского происхождения осетин является далеко не полным решением вопроса. Самый термин «аланы» употребляется в римских и византийских источниках в широком и неопределенном смысле. Под аланами понимался обширный конгломерат народностей, действительно занимавших в первые века н. э. и Приазовье, и Прикавказские, и Южнорусские степи вплоть до Днепра. В это крупное кочевое объединение входило, вероятно, немало разноязычных племен, на что, впрочем, указывал и Всев. Миллер. Хотя и можно считать доказанным, что предки осетин входили в состав аланского объединения, но это еще немного говорит нам о происхождении самой осетинской народности.

С другой стороны, этот древний кочевнический степной элемент был, несомненно, не единственным источником формирования осетинского народа и его культуры. Наряду с ним в состав осетин вошел, видимо, и древний аборигенный пласт, связанный с коренным яфетическим населением горного Кавказа. На это обратил внимание впервые Н. Я. Марр, а советский лингвист В. И. Абаев (осетин) подробно и убедительно доказал наличие в современном осетинском языке очень сильного влияния местного кавказского субстрата (агглютинативное склонение, особенности синтаксиса, ярко «кавказская» фонетика и пр). С другой стороны, Абаев не только не отрицал, но развил и конкретизировал теорию основного «аланского» (т. е. иранского) слоя в осетинском языке. Он доказал, что языки древних скифов и сарматов, раннесредневековых алан и современных осетин входят в одну и ту же «североиранскую» ветвь иранских языков; что аланы—предки осетин—пришли с севера, из Причерноморских степей, на Кавказ, где смешались с местными племенами; что, хотя основной словарный фонд осетинского языка —иранский, однако до сих пор не больше как для 20% всех осетинских слов удалось найти иранские параллели.

В самой культуре современных осетин обнаруживается, как мы дальше увидим, гораздо меньше степных кочевнических элементов, чем, например, в культуре адыгейских народов: в ней гораздо резче проступают чисто местные кавказские черты высокогорного культурного типа.

История осетин хорошо известна нам, начиная с первых веков нашей эры. Еще во II веке они нападали на Грузию и вместе с грузинами воевали против Персии. Дальнейшая история осетин развивалась в контакте с историей Грузии. Наиболее тесная зависимость осетин от этой страны установилась в эпоху Багратидов, в особенности при царице Тамаре, когда могущество Грузинского государства достигло своего апогея. Вторым мужем Тамары был осетинский князь Сослан.

Монгольский погром начала XIII в., положивший конец самостоятельному существованию Грузинского государства, привел к обособлению осетин от Грузии. В течение XIII—XV вв. осетины занимали независимое положение и населяли широкую территорию. Но с XVI в. в связи с экспансией Кабарды для осетинского народа наступили более тяжелые времена. Кабардин-

Старинный осетинский плуг

ские князья оттеснили осетин в горы, отняли у них более удобные для обитания предгорья и степи, политически и экономически подчинили их. В то же время с юга вновь усилился нажим грузин. Таким образом, примерно с XVI—XVII вв. установилось то разделение сфер политического, экономического и культурного влияния, которое наложило свой отпечаток на всю культуру осетинского народа: северные осетины—в первую очередь дигорцы—попали в зависимость от Кабарды, а южные осетины—от Грузии. Это сказалось очень существенным образом и на культуре и на социальном строе осетинского народа.

Хозяйство. Самый тип хозяйства осетин отвечает условиям горной страны—оно сходно с хозяйством горного Дагестана. Основу его составляет земледелие и скотоводство; последнее преобладало в горах. Угодий, пригодных под пастбища, а тем более под пашню, мало, и лучшие земли были захвачены кабардинскими и грузинскими князьями. Земледелие было основано на примитивной технике: легкий деревянный горный плуг, борона-плетенка, уборка серпом, обмолот копытами скота. Сеяли в горах просо и ячмень, на плоскости также пшеницу, с середины XIX в. и кукурузу. В горах разводили овец, отчасти и крупный рогатый скот.

Сейчас осетинские колхозы получили в предгорьях и на равнине достаточно земли из числа конфискованной у князей и помещиков, и теперь их земледельческое и скотоводческое хозяйство имеет все возможности для развития.

В отличие от народов Дагестана, у осетин гораздо меньше были развиты кустарно-ремесленные производства. Из них известна была обработка волокнистых веществ, бурочное производство, изготовление сукон, выделка овчин, обработка дерева и металла. Товарное значение имели только кузнечное и сукнодельное производства. Проникновение капитализма в конце XIX в. привело к их упадку, но сейчас они возрождаются и возникают новые производства.

Крупной промышленности на территории Осетии прежде, естественно, почти не было, хотя разведка руд производилась еще с XVIII в. После революции в Северной Осетии на основе богатых природных ресурсов создана социалистическая индустрия (цветная металлургия, нефть, маисовый комбинат в г. Беслане и пр.). В промышленности занята значительная часть осетинского народа.

Поселения и постройки. В горной Осетии аулы («кау») лепятся по склонам гор, как в Дагестане. В предгорных и низменных районах преобладают более крупные и широко разбросанные поселения, как у адыгейцев. В горах каждая усадьба обнесена забором, и внутри нее расположены жилые и хозяйственные постройки. В прошлом такие усадь-

Часть осетинского селения Хакоз (Сев. Осет. АССР). Направо вдали сторожевая башня

бы («галуан») с высокими каменными стенами представляли собой настоящие крепости. В них жили крупные большие семейные группы. Каждая отдельная семья имела в усадьбе свой особый жилой дом.

Постройки в горной части Осетии обычно каменные и, как и в Дагестане, нередко пристраиваются к скале, заменяющей заднюю стену. Крыша плоская, пол земляной. Дома бывают одноэтажные и двухэтажные, в последнем случае внизу помещается скот. В жилом этаже главное помещение—у бедняков оно прежде было и единственным—это «хадзар», посередине которого расположен открытый очаг; над ним свешивается цепь для котла. В хадзаре обычно проводит время вся семья. Налево от очага мужская половина, направо женская.

В лесистых районах горной Осетии встречаются бревенчатые срубные постройки. Особенно часты они в Южной Осетии, где нередко в двухэтажных постройках низ бывает каменный, а верх деревянный. Между прочим, срубные постройки встречались и у других горных народов Кавказа (сваны, чеченцы, балкарцы); они являются, видимо, древней местной традицией, связывающей Кавказ с народами Восточной Европы.

В горных районах сохранились усадьбы с башнями («масыг»), в несколько этажей с массивными стенами, сложенными из огромных камней. Такие башни служили, как и у некоторых других народов Кавказа (дагестанцы, ингуши, сваны и пр.), для обороны во время частых войн.

В равнинной Осетии постройки обычно более легкие, сходные с черкесскими и кабардинскими. Но более новые дома часто каменные, кирпичные.

В советские годы в Осетии наблюдается процесс постепенного перемещения населения с гор в более низменные районы. Многие высокогорные местности, куда осетины были некогда насильственно оттеснены, теперь запустели и используются только как пастбища. Новые колхозные поселки строятся в более привольных предгорьях и долинах.

Одежда. Тип одежды у осетин общекавказский: бешмет, черкеска, сапоги—ичиги (арчита); длинные женские платья—верхняя половина сшита в обтяжку, нижняя широкая. У южных осетин можно заметить большее влияние грузинского костюма.

Есть данные, однако, в пользу того, что некогда (XVI—XVIII вв.) формы осетинской одежды были более своеобразны: у мужчин

короткий архалук, у женщин широкая и длинная туникообразная рубаха. Сейчас вообще национальный костюм сохранился слабо.

Исторические особенности общественного строя. Особенно интересно изучение социального строя осетин, который сложился у них в эпоху до присоединения Северного Кавказа к России. Влияние Кабарды на Северную Осетию и Грузии на Южную Осетию сказалось и в этом. Северные осетины, особенно дигорцы, находились в подчинении у кабардинских князей, платя им натуральные подати баранами либо ремесленными изделиями, например, медной посудой. Подчинение было не только политическим, но и экономическим: осетинам приходилось арендовать земли для пастбищ и для посевов в равнинной части страны, захваченной кабардинскими князьями.

Вопрос о том, существовало ли среди самих осетин классовое расслоение, сословный феодальный строй,—очень сложен, и о нем много спорили. В годы присоединения к России и позже знатные и богатые фамилии среди осетин претендовали на обладание сословными феодальными привилегиями наравне с кабардино-черкесской аристократией, домогаясь перед русской администрацией их подтверждения; но представители рядовой массы осетин решительно отвергали эти претензии и доказывали, что «осетины искони не знали никакой сословной розни» и что все они по обычному праву равны между собой. Русская администрация колебалась в решении этого вопроса. Среди позднейших историков было мнение (его проповедовали особенно осетинские буржуазные националисты), что сами осетины представляли собой бесклассовую массу свободных общинников, которых позже закрепостили кабардинские князья, и что выделившийся среди осетин привилегированный господствующий слой состоял лишь из агентов Кабарды, искусственно ею поддерживаемых. Вопрос, однако, гораздо сложнее, и он неодинаково стоял в разных частях Северной Осетии. Бесспорно, что власть кабардинских феодалов-князей над осетинами, особенно дигорцами, ускорила среди них классовое расслоение, но для этого расслоения были и свои внутренние причины. Аристократические фамилии, по крайней мере в Дигории и в Тагаурии, уже превратились в настоящих феодалов, захвативших земли и державших в зависимости от себя массу населения, причем эти отношения зависимости были санкционированы осетинским обычным правом—адатом. Вот как рисуется сословный строй Тагаурии во 2-й половине XIX в. по официальным документам и по исследованиям (М. М. Ковалевский и др.).

Сторожевая башня близ осетинского с. Даргавс (Сев.-Осет. АССР)

По адату среди тагаурцев было 4 сословия. Высшее из них—алдары (буквально «старейшие»), или уозденлаги (от тюркск. «уздень»: «лаг»—по-осетински, человек). Адат приравнивал это сословие к кабардинско-черкесским дворянам. Алдары владели многими землями. Второе, более многочисленное сословие составляли фарсаглаги—общинники, лично свободные, но находившиеся в поземельной зависимости от алдаров. За ними шло промежуточное сословие кавдасардов. Происхождение этого сословия связано с особенностями брачного права. Потомство от неравных сословных браков не пользовалось полными правами. В частности, алдары могли брать жен из других сословий, но дети от такого брака не принадлежали к сословию отца; они и включались в сословие кавдасардов. Дети кавдасардов были также кавдасардами: таким образом, это сословие размножалось внутри

Осетины

себя и мало-помалу оказалось многочисленной группой. Они были лично в известной мере свободными, их нельзя было продавать, но они находились в сословной зависимости от аристократов, составляя неотчуждаемую собственность отдельных фамилий. Наконец, низшим сословием были рабы «гурзиаки» («гурзиак»—буквально, вышедший из Грузии; это были потомки грузинских пленников, обращенных в рабство).

В Дигории существовал аналогичный сословный строй, хотя названия сословий были иными. Господствующим сословием (как алдары у тагаурцев) были баделяты (в отдельных частях Дигории были и иные названия). Название «баделят» производили от легендарного имени Бадели, родоначальника этих аристократических фамилий; возможно, что по происхождению это был действительно аристократический род. Баделяты поддерживали тесные связи с кабардинской аристократией, старались жениться на кабардинских дворянках, отдавали детей на воспитание в Кабарду; широко пользовались кабардинским языком, как русские дворяне XVIII—XIX вв.—французским.

Тагаурским фарсаглагам-общинникам соответствовали у дигорцев хехесы, кавдасардам—кумаяги, а гурзиакам-рабам—косаги. Последний термин особенно любопытен: возможно, что он связан со словом «касаг»—так осетины называли тех же кабардинцев; если так, то значит, и здесь, как у тагаурцев, термин, означавший раба, относился первоначально к соседнему и враждебному народу.

Что касается алагирцев и куртатинцев, то у них были, видимо, более демократические порядки и оформленных обычным правом сословий не было.

В Южной Осетии вплоть до 60-х годов XIX в. безраздельно господствовал грузинский феодализм. Вся Южная Осетия находилась в наследственном и постоянном владении двух княжеских грузинских фамилий—Мачабели и Эристовых. После окончания Кавказской войны эти князья очень настойчиво предъявляли свои притязания на то, чтобы и в дальнейшем продолжать управление осетинским народом, и даже распространяли эти притязания на жителей горных ущелий, которые сохраняли некоторую независимость. Но царское правительство взяло управление Южной Осетией непосредственно в свои руки. Однако целый ряд феодальных прав у фамилий Мачабели и Эристовых в Южной Осетии сохранился.

Феодалы Северной Осетии тоже сохранили свои привилегии, хотя правительство и провело в середине XIX в. реформы для уничтожения рабства и крепостничества. Господствующее сословие, особенно среди дигорцев и тагаурцев, получило права русского дворянства; члены алдарско-баделятских фамилий служили в русской армии в офицерских чинах, дослуживаясь до полковника.

Несмотря на классовые противоречия и сословный строй, устойчиво держался и родовой патриархальный уклад. Он сохранялся гораздо крепче, чем у черкесов. Остатками старых патриархальных родов были «фамилии», по-осетински «мыгаг». Это были группы родственных семей с общим фамильным именем, выводившие свое происхождение от одного родоначальника или, по осетинскому выражению, «от одного огня разошедшиеся». Фамилии эти прежде селились отдельными аулами, в последнее время—отдельными кварталами в ауле. Они владели сообща некото-

рыми угодьями. Соблюдался обычай взаимопомощи, обычай кровной мести.

Большая семья сохранялась у осетин, как и у ряда других народов Кавказа, до недавнего времени. В XIX в. не редкостью были дворы, где жило до ста человек, которые вели общее хозяйство, владели общим имуществом (усадьба, земля, скот, инвентарь), подчинялись руководству старшего мужчины и старшей женщины. Вообще же положение женщин в семье было подчиненное. Они должны были, например, по старому обычаю, есть после мужчин и отдельно от них. Хотя проникновение капитализма привело в распаду этих больших семей, но местами, в горах, они сохранялись до недавних лет.

Разлагавшийся родовой строй постепенно сменялся у осетин сельской общиной. К концу XIX в. каждый осетинский аул состоял обычно из семей разных родовых групп. Сельская община представляла собой сплоченную общественную группу, основу которой составляло общинное землепользование. Правда, пахотная земля была поделена между семьями: существовало постоянное наследование семейных участков; однако часть угодий составляла не семейную и не родовую, а сельскую общинную собственность.

С последней четверти XIX века старинный социальный строй осетин начал разъедаться проникновением капитализма.

После революции и победы колхозного строя с остатками старых укладов, как и с капиталистическими отношениями, покончено. Осетинский народ—это рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция. В семейном быту пережитки старого патриархального уклада постепенно исчезают. Прежнее подчиненное положение женщины в семье осетина—колхозника и рабочего, а тем более интеллигента,—ушло в прошлое.

Религиозные пережитки. Сложный общественный строй осетин, с переплетающимися патриархально-родовыми, общинными и феодальными отношениями, отразился и в области религиозных верований. Еще с того времени, когда Осетия находилась в тесных отношениях с Византией и Грузией, т. е. еще с VI в.— в ней распространилось христианство. Но, будучи несколько обособленной географически, с менее развитыми классовыми отношениями, Осетия не представляла собой такой благоприятной почвы для распространения христианства, и оно здесь существовало лишь номинально. В эпоху преобладания Кабарды, когда как раз кабардинцы сами перешли в ислам, т. е. с XVII—XVIII вв., ислам начинает распространяться и в Осетии, особенно в соседней с Кабардой Дигории. Однако с конца XVIII в. русское царское правительство начало проводить политику «восстановления христианства» в Осетии. Православные миссионеры имели некоторый, по крайней мере формальный, успех. Вторичное распространение христианства сопровождалось усилением религиозной розни между осетинами, которую умышленно сеяли миссионеры. Ко времени революции Осетия была формально поделена между двумя религиями—исламом и христианством: в Северной Осетии ислам преобладал среди правящих сословий (алдаров, баделят), христианство—среди крестьян; в Южной Осетии господствовало христианство.

Но и ислам и христианство были лишь официальными религиями осетин. Фактически и здесь, и даже в большей мере, чем у других народов Кавказа, сохранялись более примитивные формы культа, развившиеся на местной почве. Очень характерны формы родовых верований и обрядов: культ семейного очага, связанный с этим культ надочажной цепи, которая посередине сакли свешивается с потолка и считается семейной святыней. Священная роль надочажной цепи сказывалась в целом ряде обрядов и верований. До последнего времени сохранялся культ семейных покровителей, культ родовых божеств.

Но, пожалуй, еще более важную роль играли формы культа, которые связаны с общинной жизнью. Это—культ аульных покровителей, каждый из которых имел свое определенное святилище. Эти святилища, так называемые дзуары (джвари—крест по-грузински; под названием «дзуар» у осетин известны самые разнообразные вещи—и крест, и разные священные предметы, и храмы и пр.) имелись в каждом ауле. Многие из них представляли собой полуразрушенные христианские церкви. Есть дзуары, которые почитались целыми обществами, и даже всеми осетинами вообще: например, дзуар Хетага (родоначальника фамилии Хетагуровых), одного из почитаемых божеств осетин. С этими дзуарами и был связан культ местных божеств-покровителей. В честь их в определенные дни года устраивались торжественные моления с обязательными жертвоприношениями. Культом каждого божества-покровителя ведали особые жрецы—дзуар-лаги из уважаемых стариков, занимавшие наследственные должности при святилищах.

Подобно адыгейским народам и абхазам, осетины знали и пантеон великих богов природы, покровителей земледелия, скотоводства, которых чтил весь народ. Некоторые из образов этих богов слились с образами христианских святых. Одним из высших божеств считался бог молнии Уацилла—покровитель плодородия, отождествлявшийся с Ильей-пророком. (Уац-илла значит «святой Илья»). Уастрджи считался покровителем скота, но также и защитником чести: его сближали со св. Георгием. Покровителем овец был Вальвере (Фальвар). Бог Тутыр, покровитель волков, был связан с охотничьим промыслом.

До недавнего времени сохранялась своеобразная форма погребального культа у осетин: захорone-

ние в особого типа усыпальницах. Это может быть связано—как и у ингушей—с иранским влиянием, с традициями маздеизма.

Очень живуч у осетин обычай устройства дорогостоящих погребально-поминальных обрядов («хист»), как пережиток культа предков. И при погребении, и при дальнейших многочисленных поминках, периодически повторявшихся, надо было приносить обильные жертвы в виде скота и угощать одноаульцев. Это обходилось хозяйству так дорого, что многие просто разорялись. По старым верованиям осетин считалось, что не накормить покойника—это значит обречь его на печальное существование. У осетин в старое время для человека не было худшего оскорбления, как сказать, что «его мертвецы голодают», т. е. что он плохо кормит своих умерших родственников. Эта очень вредная сторона религиозных верований давала себя чувствовать до самого последнего времени.

Народное творчество и культурное развитие. В народном творчестве осетин первое место занимает бесспорно «нартовский эпос», многочисленные сказания о богатырях-нартах. Эти сказания известны и другим народам Кавказа, особенно кабардинцам, черкесам, абхазам, но нигде не получили такого развития, как у осетин. Нартовские сказания начали записываться еще в 60-х годах XIX в. Больше других сделал для их публикации и изучения В. Ф. Миллер, а в советские годы В. И. Абаев. Сказания о нартах группируются в несколько циклов вокруг отдельных образов нартов: таковы старейший нарт Уархаг, премудрая мать Сата́на, ее брат и в то же время муж Урузмаг, славнейший из нартов Батрадз, связанный с небесной молнией, и др. Герои сказаний, нарты, постоянно воюют и совершают подвиги либо предаются пирам и пляскам.

О происхождении нартовского эпоса высказывалось много разных мнений. По-видимому, он восходит к древним аланам, предкам осетин, и отражает родовой быт со следами матриархата (образ Сата́ны), межплеменную борьбу.

Богатое изобразительное искусство осетин стало предметом серьезного изучения только в советскую эпоху. Ценную коллекцию образцов народного орнамента собрал (с 1925 г.) осетинский художник, заслуженный деятель искусств Хохов. Орнамент этот особенно характерен в вышивках, аппликациях, деревянной резьбе. Он хранит в себе традиции древней скотоводческой культуры алан: господствующий мотив в нем—спираль или полуспиральный завиток—стилизация бараньего рога. Но есть и геометризованные растительные мотивы, частью чисто местные, частью отражающие связи с Византией, Ираном, Россией.

По культурному уровню осетины и до революции стояли выше, чем другие народы Северного Кавказа. Это объясняется прямым влиянием сношений с русскими, в войне против которых осетины не участвовали. Уже в конце XVIII в. делались попытки создать осетинскую письменность на основе грузинского или русского алфавита,—вначале для церковных миссионерских целей. Первым переводчиком был Иван Ялгузидзе (1770—1830). Во 2-ю половину XIX в. зарождается и осетинская литература; ее основоположником и самым выдающимся деятелем был замечательный поэт-демократ Коста Хетагуров (1859—1906). Он находился под влиянием русской классической литературы (Пушкин, Лермонтов, Некрасов) и был сторонником идей русских революционных демократов. В своих стихах, статьях и других выступлениях Хетагуров боролся против царских чиновников и местных феодалов, призывал к сближению с русским народом, описывал тяжелую жизнь осетинской бедноты.

Однако подавляющему большинству осетинского народа высокая культура была недоступна. Только при Советской власти вековая отсталость преодолена. Школы существуют повсеместно, в крупных аулах—семилетние и десятилетние. В Северо-Осетинской АССР насчитывается (1948 г.) 13 техникумов и 4 высших учебных заведения. Издаются десятки газет и тысячи названий книг и брошюр как на русском, так и на осетинском языке. Осетинская советская литература представлена уже десятками молодых писателей. Есть немало осетинских ученых. В Северо-Осетинской АССР и в Юго-Осетии имеются научно-исследовательские институты. Они ведут успешную работу по изучению культуры, быта, творчества осетинского народа.

6. КАРАЧАЕВЦЫ И БАЛКАРЦЫ

Два близко родственных тюркоязычных народа Центрального и Северо-западного Кавказа—карачаевцы и балкарцы—расселены в верховьях рек, нижние течения которых

Карачаевцы в национальной одежде (начало XX в.)

заняты адыгейскими народами. Карачаевцы обитают в «Карачае», т. е. в верховьях Кубани и по ее верхним притокам: Учкулану, Теберде, Б. Зеленчуку и др. Балкарцы—к востоку от них, по верхнему течению Черека, Чегема, Баксана, Малки, впадающих в Терек. Области расселения обоих народов разделены горной системой Эльбруса. Называют себя они, в частности балкарцы, «таулы», что значит горцы. Русские прежде называли их «тавлинцами», либо «татарами». Численность карачаевцев—76 тысяч, балкарцев—43 тысячи (1939).

Этногенез. По происхождению карачаевцы и балкарцы представляют единое целое. Язык у них один—он принадлежит к кыпчакской ветви тюркских языков. Предки карачаевцев и балкарцев занимали некогда северо-кавказскую низменность и, вероятно, общались с крымскими татарами. Есть даже предание, что предки карачаевцев около XV в. выселились из Крыма. По предположению В. Ф. Миллера, потомки древних болгар, некогда кочевавших в северо-кавказских степях, влились в состав балкарцев, откуда и их название. По другому взгляду, однако, имя «балкар» происходит от р. Малки (по-кабардински «Балк»). Как бы то ни было, но несомненно, что черкесы и кабардинцы оттеснили карачаево-балкарцев в горы, где они смешались с местным населением—осетинами, сванами и др. В течение нескольких веков балкарцы живут в близком соседстве с кабардинцами, а карачаевцы—с адыгейцами. Сильное влияние черкесо-кабардинской культуры, обычаев сказывается на всем культурно-бытовом укладе обоих народов. По антропологическому типу они не отличаются от своих соседей—сванов, осетин.

Политически карачаевцы объединены с черкесами (Карачаево-Черкесская область), балкарцы — с кабардинцами (Кабардино-Балкарская АССР).

Хозяйство и материальная культура. Главное занятие карачаевцев и балкарцев—горное скотоводство. Разводят преимущественно овец, но также рогатый скот, лошадей. Скот выпасается летом на горных пастбищах, зимой—в предгорьях или на «таукышлаках» (горных зимних пастбищах, по южным склонам гор). Запасают на зиму также и сено. Земледелие развито слабо, так как пригодной для пашни земли мало и обработка ее весьма трудна. Однако применяется искусственное орошение пашен и сенокосов, отводится вода горных потоков. В прошлом существенным подспорьем в хозяйстве служила охота на горную дичь—кабанов, туров и др. Пища преобладает молочная и мясная.

В наши дни животноводство остается ведущей отраслью хозяйства,—оно дает основной доход колхозам; но оно реконструировано на научных началах. Полеводство остается второстепенной отраслью, но и оно теперь оснащено новой техникой и стало более продуктивным.

Из домашних производств характерны: выделка овчин, суконных тканей, бурок; у балкарцев они имели и товарное значение.

Поселения карачаевцев и балкарцев еще недавно представляли собой небольшие родовые поселки. В Карачае большинство населения жило в трех больших «аулах»—Учкулан, Хурзук, Карт-Джюрт,—но эти «аулы» состояли из широко разбросанных групп домов, так что даже трудно было уловить, где кончается один аул и начинается другой. Постройки у балкарцев большей частью каменные, плоскокрышие, с пристенным камином; местами—по Баксану—срубные. У карачаевцев преобладают срубные постройки. На летних пастбищах в горах никаких жилищ нет: пастушеские «коши» прежде состояли из простых пригонов для скота с навесами для пастухов; иногда пастухи ютились в пещерах.

Одежда карачаевцев и балкарцев—общекавказская; она наиболее близка к одежде кабардинцев и черкесов. Девушки прежде, как и черкешенки, носили узкие сафьяновые корсеты, не дававшие развиваться груди.

Общественный строй карачаевцев и балкарцев был в старое время во многом сходен с кабардино-черкесским. Господствующий класс составляли феодалы—князья, «таубии», которые во всем старались подражать кабардинским порядкам и обычаям. Большая часть земель—особенно пашни, сенокосы, таукышлаки—принадлежала князьям, хотя сохранялись и следы родового землепользования. Ниже князей было сословие дворян—«уздäн», у карачаевцев «кара-уздень». Крестьяне—«кулла», у карачаевцев «ылгылы-кул»—были зависимы, но не закрепощены. Были и рабы, лишенные всяких прав.

Но в быту черты родового строя сохранялись более заметно, чем у кабардинцев. Соблюдались обычаи экзогамии, родовой взаимопомощи, кровной мести. Положение женщин было сравнительно независимым, особенно до замужества. Резкого обособления полов не было, хотя женщины по обычаю ели всегда отдельно от мужчин. Практиковался черкесский обычай аталычества.

В 1860-х годах крестьяне и рабы были формально освобождены от зависимости. Развитие капитализма усилило расслоение крестьянства.

В советское время старые обычаи стали приходить в упадок. Эксплуататорские классы ликвидированы.

Религиозные пережитки. Официальной религией карачаевцев и балкарцев считался ислам, который, однако, проник к ним из Кабарды лишь в XVIII в. Фактически сохранялись прежние самобытные верования, сходные с верованиями соседних народов. Отмечалось почитание священных камней, деревьев и пр. Известны имена некоторых древних богов, общих с адыгейскими или осетинскими: например Ишибла (черк. Шибле), Аймыш (черк. Ёмиш), Тотур (осет. Тутыр) и др.

В области народного творчества много общего с черкесо-кабардинцами. Распространены сказания о нартах («нярт»), сходные с осетинскими. Фольклор вообще довольно богат.

За годы советской власти культурное развитие карачаевцев и балкарцев сделало большие успехи. Уже к 1940 году количество учащихся в Карачае, например, увеличилось в 10 раз по сравнению с дореволюционным уровнем. Из них половину составляли девочки,—а до революции девочек вообще не учили. Появились люди интеллигентных профессий из карачаевцев и балкарцев—учителя, врачи, агрономы, инженеры.

7. ГРУЗИНЫ (КАРТВЕЛЫ)

Закавказье в силу своих исторических судеб было издавна тесно связано с культурными центрами классического Востока. Благодаря этому, так же как и по особым чисто местным условиям исторического развития, здесь сложились более крупные национальности и еще в древности был достигнут значительно более высокий культурный уровень, чем у народов Северного Кавказа. Только в высокогорных районах, на южных склонах Кавказского хребта, сохранился сравнительно архаический культурно-хозяйственный тип и примитивные общественные формы, примерно те же, как и на северных его склонах.

Самой крупной этнической группой Закавказья является так называемая картвельская группа народов, в настоящее время объединенная в единую грузинскую нацию. Это один из трех самых многочисленных народов Кавказа: грузин считается около $2^1/_4$ миллиона (1939).

Несмотря на то, что грузины издавна развили высокую культуру, достигли высокого уровня общественного развития, географически занимают компактную территорию и обладают значительной общностью языка,—несмотря на все это, формирование грузинской нации как таковой является делом лишь последнего, недавнего времени. Причина этого—продолжительная феодальная раздробленность страны, в свою очередь поддерживавшаяся вековым иноземным гнетом—персов, арабов, монголов, турок. Вплоть до новейшего времени сохранились те отдельные этнические образования, которые издавна вошли в состав культурного целого, называемого картвельской группой народов, но сплавляются в единую нацию только на наших глазах.

Этногенез и краткие исторические сведения. Отдельные этнические группы, вошедшие в состав картвельской семьи народов, упоминаются с очень раннего времени: уже в древнеассирийских источниках, в Библии и у античных авторов мы находим названия тех племен, которые отчасти сохранились и до настоящего времени как отдельные племенные группы, отчасти исчезли, окончательно ассимилировавшись и включившись в состав грузинского народа. Это—месхи, или мосхи; саспейры, таохи; тубалы и тибары, по-видимому, связанные с позднейшими иберами; колхи, растворившиеся в составе грузинской народности; сваны, сохранившие до настоящего времени некоторую обособленность; лазы (чаны), ныне живущие главным образом в пределах Турции.

В состав картвел-грузин влились, очевидно, и племена, составлявшие население Ванского царства (Урарту).

Образование основного ядра грузинской народности относится к последним векам до н. э., когда восточнокартвельские группы объединились под властью царей Иберии. Западнокартвельские племена несколько позже (около IV в. н. э.) объединились в Лазское царство (Лазика). В начале IV в. в Грузии распространилось христианство, вслед за

ним самостоятельная письменность. После долговременного подчинения Сасанидам, византийцам, позже арабам, Восточная Грузия вновь вернула себе самостоятельность (конец VIII в.). В XI—XII и в начале XIII в. Грузия достигла расцвета, политического могущества, объединив вокруг себя почти все земли Закавказья, а частью и Северного Кавказа. Культура грузинского народа— особенно в эпоху царицы Тамары (1184—1213)— стояла очень высоко. К этому времени относится творчество великого грузинского поэта Шота Руставели (поэма «Витязь в тигровой шкуре»). Однако вторжение монголов нанесло тяжелый удар Грузии. После владычества монголов независимость и единство Грузии восстанавливались лишь на короткое время. Феодальные междоусобия были хроническим явлением. Начиная с XVI в. Грузия постоянно терпела опустошительные вторжения то персидских, то турецких войск. Под угрозой полной национальной гибели Грузия воспользовалась поддержкой со стороны России и присоединилась к Российской империи в конце XVIII—начале XIX в.

Этнический состав. В настоящее время в составе грузинского народа сохранились этнические подразделения. По языковому признаку, отчасти по признаку некоторой культурной самобытности грузины делятся на две основные и неравные части: грузины собственно, в основном занимающие восточную часть Грузии, и западнокартвельские группы. Последние когда-то занимали, повидимому, всю Колхидскую низменность или Западную Грузию, отделенную от Восточной Грузии Месхийским (Сурамским) хребтом. Но уже с эпохи македонского завоевания, а в особенности в эпоху Сасанидов и при арабах напор с юга армян и персов, позже гнет арабских завоевателей заставил переместиться часть восточнокартвельских племен в западную половину Закавказья и оттеснить местные племена. Благодаря этому в настоящее время западнокартвельские народы не занимают всей территории Западного Закавказья и не живут сплошным массивом, а как бы разделены на две половины выдвинувшимся клином восточнокартвельской группы. К северу от этого клина расположены западнокартвельские группы: сваны и мегрелы, а к югу—чаны, или лазы. Сваны («сванеты», как их прежде называли)—население горной Сванетии, т. е. бассейна верховьев Ингура и верховьев Цхенис-Цхали. Еще в начале I в. н. э. сваны представляли собой многочисленную народность, которая, несомненно, была расселена более широко; можно предполагать, что современные сваны (их около 23 тыс.) представляют собой лишь остатки этой крупной этнической группы, остальная часть которой была ассимилирована грузинами.

Низовья Риони и Ингури заняты мегрелами, или мингрельцами. Они составляют вторую и наиболее многочисленную (около 240 тыс. чел.) из самостоятельных западнокартвельских народностей, до настоящего времени не до конца ассимилированных грузинами.

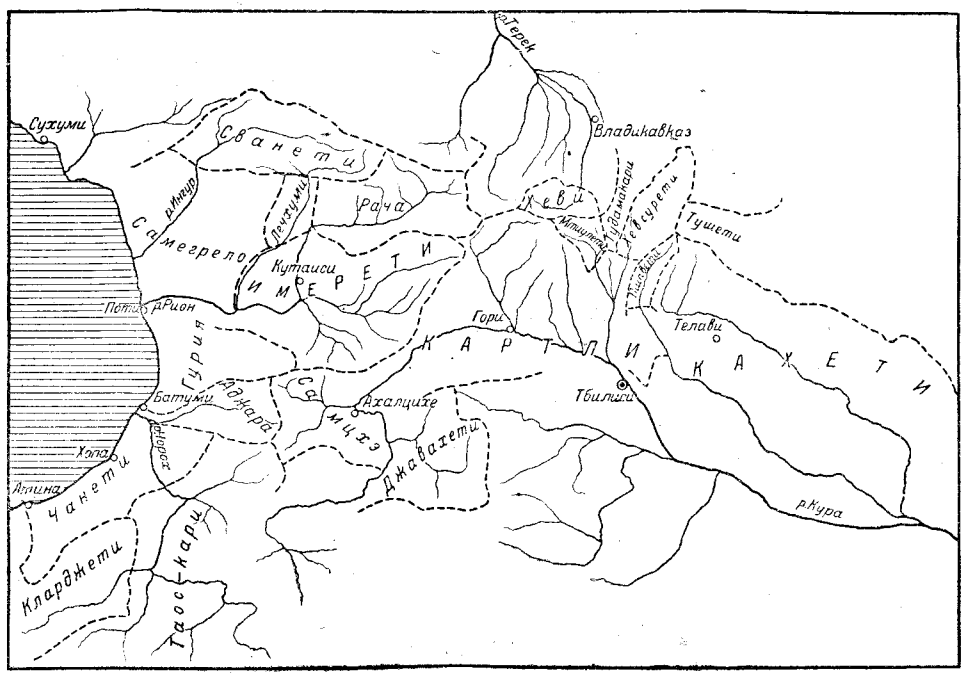
Мегрелы близки по языку с третьей группой западнокартвельских народностей—с чанами, или лазами. Мегрело-чанская группа представляет собой самостоятельную ветвь картвельских языков. По новейшим исследованиям (А. С. Чикобавы), мегрелы и чаны говорят на двух диалектах одного и того же («занского») языка. Когда-то мегрелы жили смежно с чанами. В настоящее время они отделены от них не только восточно-грузинским клином, но и политической границей: чаны в основном живут в пределах Турции; в СССР их имеется незначительное количество (около 2,5 тыс.) в Батуми и в нескольких селениях около советско-турецкой границы.

Восточнокартвельская группа это собственно грузины, но и эта группа не представляет собой единого целого. И в ее составе сохраняется ряд отдельных географических, а по происхождению племенных групп.

На территории Западной Грузии такой группой, продвинувшейся сюда, может быть, в первые века нашей эры, являются имеретины, или имеры, в основном живущие в бассейне Риони с центром в Кутаиси. Обособленность имеров объясняется в значительной мере экономическими и политическими причинами: это было население самостоятельного Имерского царства (Имеретия), существовавшего до 1810 г.

Несколько обособлены живущие в верховьях р. Риони, в Горной Раче, рачинцы, а в верховьях р. Цхенис-Цхали, южнее сванов—лечхумцы.

Другой группой, также восточно-грузинского происхождения, являются гурийцы и обособленная часть последних—аджарцы. Гурийцы живут между Рионом и Аджарис-Цхали, т. е. занимают южную часть Колхидской низменности. Они переселились сюда из Восточной Грузии в VII—VIII вв. Начиная с XVI в., гурийцы находились под владычеством и сильным влиянием турок.

Исторические области Грузии.

Это сказывается, как мы увидим дальше, в особенностях национального костюма и в быту.

Аджарцы испытали на себе еще более длительное влияние турок (до 1878 г. они были под властью Турции); население было исламизировано. Аджарцы являются, таким образом, теми же гурийцами по языку и происхождению, но мусульманами. Благодаря культурной обособленности, аджарцы имеют в настоящее время свою отдельную автономную республику.

В состав населения Восточной Грузии входят две основные, наиболее многочисленные группы, в настоящее время утратившие все черты этнической обособленности, но до недавнего времени отчасти ее сохранявшие. Это карталинцы—население бассейна Средней и Верхней Куры, и кахетинцы, живущие к востоку и северо-востоку от них, по рекам Алазани и Иори, т. е. в бывших Телавском и Сигнахском уездах. Эти две группы составляют ядро и преобладающее большинство грузинской национальности вообще.

Относительную обособленность удерживали до недавнего времени такие племенные группы восточных грузин, как джавахи, население области Джавахетии, в бассейне Верхней Куры; месхи, население Месхетии или Самцхетии; затем живущие в настоящее время на территории Азербайджана, в бывшем Закатальском округе, ингилойцы. Находясь в тесном соседстве с азербайджанскими мусульманами, ингилойцы были, подобно аджарцам, исламизированы (по вероисповеданию они сунниты). Часть ингилойцев забыла даже грузинский язык и говорит теперь только на азербайджанском языке. Другие ингилойцы после присоединения к России вернулись к христианскому вероисповеданию.

В северной горной части Восточной Грузии обитают три небольшие этнические группы, занимающие обособленное культурное положение. Это—пшавы, хевсуры и тушины. Хевсуры занимают оба склона Главного Кавказского хребта, располагаясь на южном склоне в верховьях р. Арагвы (так называемая Хевсурская Арагва), а на северном—в верховьях р. Аргуна. К югу от хевсур живут пшавы в долине той же Арагвы, которая здесь называется Пшавской Арагвой, и в верховьях р. Иори. К востоку от тех и других, также располагаясь и по южному и по северному склонам Главного Кавказского хребта, живут тушины. К последним примыкает небольшая группа цова-тушин (или бацбиев), которые по происхождению принадлежат к «вейнахской» группе Северного Кавказа, но теперь почти огрузинились. Соседями тушин являются также кистины, той же языковой принадлежности,

но и они постепенно переходят на грузинский язык.

К западу от хевсуров, по горным речкам, сливающимся в ту же Арагву, живут небольшие обособленные группы грузин-карталинцев: мтиулы и гудамакарцы, а дальше к северу, через перевал, по верховьям Терека,— мохевцы. Эти маленькие группы горцев (каждая из них насчитывает несколько тысяч человек) по языку те же грузины, но в своей культуре обнаруживают много самобытных черт.

Современные грузинские этнографы (Г. С. Читая) несколько иначе подразделяют народ Грузии. Они делят его на три части: восточных, западных и южных грузин; западные называются «имери», а страна их «Имерети», что значит «по ту сторону» (Сурамского хребта); восточные—«амери», а страна их «Амерети» («по эту сторону»); южные грузины— это месхи. По происхождению же грузинские этнографы выводят восточных грузин от иберов, западных от колхов, южных от мосхов.

Познакомимся сначала с культурными особенностями основного населения равнинной Грузии, оставляя пока в стороне горно-грузинские народности как Восточной, так и Западной Грузии.

Хозяйство. Грузинский народ издавна достиг высокого уровня социально-экономического и хозяйственно-культурного развития. Основа хозяйства грузин—земледелие. Довольно заметно различаются между собой условия земледельческого хозяйства в Западной и Восточной Грузии. В Западной Грузии, в Колхидской низменности, богато орошаемой дождями и реками, покрытой густой лесной растительностью, исторически сложился один хозяйственный тип, который наложил свой отпечаток и на особенности культуры Западной Грузии. В Восточной Грузии, более бедной древесной растительностью, каменистой, хуже орошаемой, местами переходящей в степь, сложился иной тип хозяйства и культуры.

В Западной Грузии прежде всего преобладает культура кукурузы, которая еще недавно занимала $^{9}/_{10}$ всей посевной площади. Кроме кукурузы, здесь возделывается просо (гоми), а в наши дни все большее и большее значение приобретают субтропические культуры: чай, цитрусовые. Очень развито также плодоводство, виноградарство и виноделие, табаководство (высокосортные желтые табаки). В более сухой Восточной Грузии преобладает, напротив, культура пшеницы и отчасти ячменя, наряду с чем и здесь играет очень крупную роль виноградарство, виноделие, плодоводство; особенно высокого развития достигло издавна виноградарство в Кахетии (знаменитое кахетинское вино). И там значительную роль играет культура табака (более крепкого, трубочного), а также шелководство.

Земледельческая техника у грузин до недавнего времени оставалась на сравнительно низком уровне. Это объясняется тем тяжелым материальным положением, в котором находилось грузинское крестьянство до революции. Долго держалась переложная система. Сохранялись старинные формы земледельческих орудий. Грузинский плуг известен в двух основных формах: в Западной Грузии до недавнего времени применялся легкий деревянный плуг («ачача», «ачача гутани», или «кави»), сходный с абхазским или черкесским. В Восточной Грузии с ее более тяжелыми почвами применялся иной плуг—тяжелый колесный («анеулис гутани»), односторонний и однолемешный, с отвалом; он забирал глубоко, но требовал для своей запряжки 6—10 пар волов. Орудиями уборки служили простые косы и серпы. Молотьба производилась при помощи молотильных досок («кеври») со вставленными камнями.

В настоящее время с этой вековой отсталостью грузинского земледелия покончено. В колхозах Грузии применяется новейшая агротехника. Осушаются и осваиваются заболоченные области Колхидской низменности, там вводятся новые культуры, ломающие прежнюю монополию кукурузы. В Восточной Грузии, напротив, проводятся ирригационные работы.

Рядом с земледелием, плодоводством и виноградарством все остальные отрасли хозяйства отступали прежде на второй план. Скотоводство всегда играло лишь подсобную роль в хозяйстве грузинских крестьян. Однако сейчас в колхозах Грузии животноводство быстро развивается.

Традиционную и глубоко древнюю, хотя и второстепенную экономически, отрасль сельского хозяйства грузин составляет пчеловодство. Кавказ и в частности Грузия— один из древнейших в мире центров пчеловодческой культуры. Кавказская порода пчел—одна из лучших, миролюбивая, длиннохоботная, продуктивная, но плохо переносящая холод,—стоит особняком среди всех других пчелиных пород СССР. Техника пчеловождения, форма улья—своеобразны. Сейчас пчеловодство Грузии перестроено, на колхозных пасеках повсеместно введены рамочные ульи. Количество пчелосемей

Жилой дом мингрельского колхозника (с. Гегуты, Кутаисского р-на)

быстро растет (за 10-летие 1940—1950 гг. увеличилось в 3 раза и дошло почти до 150 тысяч).

Традиционная пища грузинских крестьян пшеничный (или кукурузный) хлеб—«лаваш» в виде лепешек, выпекаемых в особых печах—«торне»; вареные и жареные овощи, особенно фасоль, горох, и супы из них; кислое молоко—«мацони», сыр и пр. Мясные блюда были редки. Очень характерны сладости сложного состава: например, «чурчхела»—нанизанные на нитку ядра орехов, обмокнутые в гущу из виноградного сока, сваренного с пшеничной мукой, затем высушенные на солнце; «гозинаки»—орехи, сваренные в меду, и др. У зажиточных слоев населения национальные блюда были очень разнообразны.

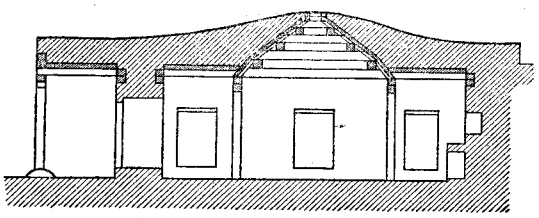
Кустарно-ремесленные производства у грузин были в прошлом сравнительно с другими народами Закавказья более слабо развиты. Их удельный вес в экономике грузинского населения был невелик.

Следует отметить, правда, развитие домашних ремесел—ковровое производство, тканье сукон, обработка металлов, дерева и пр.: они у грузин существовали издавна, но лишь как домашние производства, и не приобретали товарного значения. Только некоторые производства, например, гончарное, а также художественные изделия из металла, имели прежде товарный характер. Тем более слаба была в прошлом крупная промышленность. Грузия в царское время оставалась в основном аграрной сельской страной, и лишь в отдельных ее областях—главным образом в Западной Грузии—стала расти в эпоху капитализма крупная промышленность (каменный уголь в Ткибули; марганец в Чиатурах). Торговля же находилась преимущественно в руках других национальностей и больше всего армян.

Так обстояло дело прежде с хозяйственным укладом, составлявшим основу материального производства дореволюционной Грузии. Сейчас, разумеется, положение резко изменилось. Наряду с коренной реконструкцией сельского хозяйства в Грузии выросла и собственная социалистическая промышленность: угольная, марганцовая, металлургическая, нефтеобрабатывающая (на нефти, получаемой из Баку по нефтепроводу), шелкоткацкая и другие виды текстильной промышленности, а также чайные, табачные, консервные и прочие фабрики. Очень широко используется гидроэнергия: Земо-Авчальская гидростанция на р. Куре, Храмская, Рионская и ряд других.

Грузинский рабочий класс, заслуживший и прежде почетную известность своей революционной борьбой, вырос численно и политически.

Поселения и постройки. В типах жилища и поселений тоже отразилось различие усло-

Разрез грузинского дарбази

вий Западной и Восточной Грузии. В Западной Грузии преобладает хуторской тип расселения: отдельные усадьбы, хутора, обнесенные изгородью и утопающие в зелени. Постройки разбросаны внутри этих усадеб и представляют собой легкие деревянные сооружения с двускатной, а в новых постройках чаще четырехскатной кровлей, нередко на сваях, обнесенные с нескольких сторон верандой.

В Восточной Грузии совершенно другой тип расселения и другой тип построек. Здесь преобладают скученные, большие деревни. Самые постройки по большей части каменные, причем в Кахетии они строятся прямо на земле и нередко бывают двухэтажные, с двускатной кровлей, а в Карталинии до недавнего времени сохранялся тип полуземлянок. В простейшей своей форме они представляли собой нечто очень примитивное: на скате холма или горы делалась выемка, и ее вертикальный срез составлял заднюю стену дома. Свет проникал через дымовое отверстие в плоской крыше. На основе этого примитивного жилища еще в отдаленные времена выработался своеобразный тип построек с куполообразным ступенчатым сводом на столбах, в самом верху которого—окно, оно же—дымовое отверстие; под ним располагался открытый очаг. Главный столб вблизи очага, покрывавшийся иногда богатой резьбой, считался семейной святыней, местопребыванием покровителя семьи. Этот тип построек был с давних времен широко распространен в восточной части Средиземноморья, в Северном Иране, Индии, в Средней Азии: он известен по памятникам еще античной эпохи. В Грузии—в частности в Карталинии—он встречался часто и назывался «дарбази». Позже он лег в основу развития сложных форм зодчества, памятниками которого так богата Грузия. В церковной и старой городской архитектуре тип «дарбази» принял изысканные формы.

Сейчас глубокие народные традиции строительства используются и совершенствуются в новых колхозных поселках и в городах.

В городах Грузии прежде жило лишь небольшое меньшинство грузин—там проживало, главным образом, негрузинское население. Теперь в благоустроенных городах и городских поселках Грузии живет свыше 30% населения республики, главным образом грузины.

Одежда. У грузин сочетались два основных типа костюма: общекавказский и иранско-турецкий. Преобладал первый. Типичный грузинский мужской костюм характерен тем, что он узкий, длинный. Это так называемая чоха, близкая к общекавказской черкеске, и архалук—сшитый в обтяжку длинный кафтан. На поясе носили кинжал. Головные уборы у восточных групп—маленькая круглая черная шапочка, у дворян в прошлом—высокая коническая баранья шапка. Западные грузины носят башлык с длинными концами, мусульмане-аджарцы—в частности духовные лица и дворяне—носили чалму. Женский костюм: длинное и узкое, скроенное в талию платье, с разрезом спереди, шаровары. Характерная особенность женского головного убора—твердый круг, который обшивается материей и к которому прикрепляется спадающая вниз чадра—«лечаки». Турецкий тип костюма преобладает у гурийцев и аджарцев, хотя со своеобразными отличиями.

Сейчас национальный костюм сохранился только частично, в некоторых областях. Однако его употребляют во время различных праздников при исполнении народных песен и танцев.

Исторические особенности общественного строя. Если оставить в стороне горно-грузинские племена, то у основного населения равнинной Грузии издавна сложились развитые формы классовых, в древности рабовладельческих, в средние века феодальных, отношений. Последние составляли в течение очень продолжительного времени основной способ производства у грузин: они господствовали вплоть до крестьянской реформы (1860-е гг.). Да и позже, до самой революции, в общественном строе Грузии очень отчетливо прослеживались пережитки этих феодальных отношений.

Вся земля принадлежала крупным и средним землевладельцам-феодалам, составлявшим привилегированное сословное меньшинство. Сословный строй в Грузии до присоединения ее к России представлял собой пеструю и сложную картину. Класс феодалов распадался на отдельные сословные, светские и духовные ранги. Верхний господ-

ствующий слой составляли владетельные князья, так называемые тавады и эристави. «Эристави» буквально—глава народа. Термин этот очень архаичен. «Эри»—народ; это слово встречается еще в урартских памятниках, оно вошло в грузинский язык в значении народа, племени; «тави»—голова. По-видимому, эристави—это были племенные вожди, которые потом превратились в господствующую группу феодального класса. Отсюда известная грузинская фамилия Эристовых. Ниже располагался многочисленный слой дворян-помещиков—«азнаури», среди которых тоже различались ранги: были азнауры царские, княжеские, церковные. Сравнительно много было мелкопоместных азнауров. Гакстгаузен видел в 1843 г. в Имеретии село, состоявшее из 30 крестьянских дворов, а совладельцами этого села были 120 азнауров: по 4 дворянина-помещика в среднем на каждый крестьянский двор. Духовенство располагалось также по определенным ступеням феодальной иерархической лестницы. Крестьянство тоже распадалось на ряд сословных групп, облагавшихся определенными повинностями и платежами в пользу феодалов. Из этих сословных групп самой многочисленной было сословие глехов, крепостных крестьян. Термин «глехи» интересен по своему архаизму. Можно предполагать

Типы мужской и женской одежды грузин: *а*—аджарец; *б*—карталинка *в*—месх;

здесь пережиток древнего племенного названия колхов. Это была, как предполагают, докартвельская народность, очевидно, влившаяся в состав грузин и сохранившая свое название в виде классовой группы крестьян-глехов. Слово «глехи», впрочем, служило и общим обозначением для всех крестьян. Собственно крепостных называли также «кма». Среди них выделялся привилегированный слой домашних слуг, телохранителей, дружинников «мсахури»; привилегированными были также «азаты», вольноотпущенники, обязанные только легкими повинностями; большинство крестьян, несших все тяжелые феодальные повинности, называлось «мебегре» (от турецкого слова «бегара»—повинность). Ниже всех были совершенно бесправные «моджалабе»—дворовые работники, не имевшие своих хозяйств.

Сословное строение Грузии сохранилось до присоединения Грузии к России. Царское правительство уравняло в правах отдельные сословные группы феодалов, как бы унифицировало этот класс. С другой стороны, оно установило единообразные права или, вернее, повинности крестьян, также унифицировав таким образом крестьянство как сословную группу. Это не означало никоим образом смягчения классовых противоречий. Наоборот, классовая борьба еще более усилилась; вспыхивали крестьянские восстания, наполнившие весь XIX век, то в Кахетии, то в Гурии, то в Мингрелии.

Проникновение капитализма в Грузию тормозилось феодальными пережитками: сохранением дворянской собственности на землю, сохранением—фактически даже после крестьянской реформы (1864—1866)—целого ряда феодальных прав и привилегий грузинского дворянства, тормозилось той экономической раздробленностью, которая фактически держалась и во второй половине XIX века. Благодаря этому капиталистическое расслоение внесло сравнительно мало изменений в социальный строй Грузии, если не считать более передовых и развитых областей Грузии.

В связи с этим очень прочно держалась до недавнего времени и такая архаическая форма общественных отношений, как сельская община («соплис теми»). Правда, в общинном строе существенные изменения происходили после присоединения Грузии к России: например, была введена система земельных переделов, которых древняя грузинская община не знала. Но основные черты грузинского общинного строя сохранялись до последнего времени. Одной из его особенностей было широкое применение той системы, которая у русских крестьян называется супрягой (по-грузински «мондави», «модгами», «гутнеули» и т. п.): объединение для совместной обработки земли при общем пользовании рабочим скотом. Мы уже видели, что грузинский плуг был очень тяжел и требовал до 8 и более пар волов. Маломощный крестьянин не имел такого количества скота.

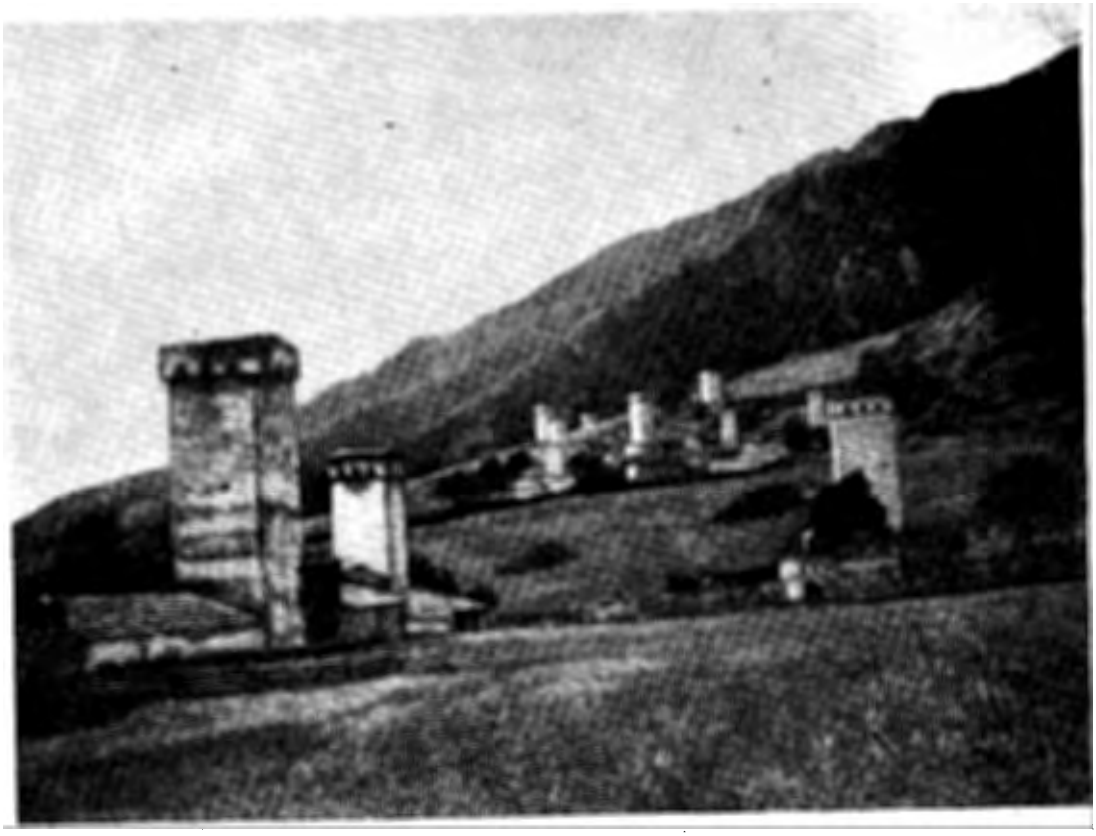
Отчасти по тем же причинам долго удерживалась большая семья. В Карталинии еще в конце XIX в. не редкостью были семьи численностью до 50 человек, а раньше были и еще более крупные. Такая семья жила в общем доме—дарбази, или в двух домах, между членами ее были распределены хозяйственные обязанности, все подчинялись выборному большаку—старшему мужчине, а также старшей женщине. Однако большие семьи сохранялись не только у крестьян, но и у дворян и князей; наличие большой семьи считалось даже условием знатности княжеского рода. Старики-грузины и теперь еще помнят старинные большие семьи.

Сейчас грузинский народ состоит, как и другие народы СССР, из двух основных классов: рабочего класса и колхозного крестьянства, а также многочисленной советской интеллигенции.

Религиозные пережитки. Господствующей религией грузин было христианство, которое распространилось в Грузии с IV в. (318 г.). Подавляющее большинство грузинского населения считалось официально православными христианами. Только отдельные группы под властью турок и персов перешли в ислам (аджарцы, ингилойцы).

Христианство, тесно связанное с классовыми интересами феодального слоя, имело гораздо большее влияние на духовную жизнь Грузии, чем это имело место в горных районах Кавказа. Нельзя отрицать, что историческая роль христианства в эпоху его распространения и в более позднюю эпоху была отчасти положительной: под знаменем христианства грузинский народ вел борьбу за свою национальную независимость против своих мусульманских соседей. Единоверие с русским народом сыграло свою роль в присоединении Грузии к России.

В то же время наряду с господствующим христианством среди народных масс Грузии фактически держались и более ранние формы верований, которые, однако, не составляли отдельной религии,

Селение в горной Сванетии

а тесно переплетались с христианством. Характерны аграрные обряды и верования; земледельческие праздники, почитание святых—покровителей земледелия, изготовление обрядовых печений, таких же, как и у русских крестьян, магические приемы борьбы с засухой—обливание водой куклы, выпахивание дождя (женщины впрягались в плуг и перепахивали русло реки), и другие приемы—все это держалось и в Карталинии, и в Кахетии, и в других более отсталых районах до недавнего времени. Некоторые болезни, особенно оспу, суеверное население олицетворяло в виде женщин.

Любопытно, что самый христианский культ был пропитан этими примитивными формами обрядов и верований так, что одно от другого нельзя было отличить. Национальным святым был св. Георгий, по имени которого грузин называют в Западной Европе Géorgiens (по-французски), Georgians (по-английски). Но оказывается, что у каждой общины был свой отдельный Георгий, свой храм и своя икона Георгия. Мало того, существовало зачастую не только общинное, но даже и фамильное родовое почитание св. Георгия. Например, у кахетинцев было поверье, что надо молиться только «своему» Георгию, которому молились предки данной фамилии, а если молиться другому Георгию, то это может принести несчастье. Таким образом, мы здесь видим пережитки какой-то родовой формы культа святых; известно, что вообще культ святых обычно впитывает в себя разные примитивные формы обрядов и верований.

Очень многие обряды и верования связаны были с семейной жизнью, с рождением ребенка, свадьбой, пропитывая их магическими элементами: применение железа, чтобы отогнать злых духов от ребенка; пропускание невесты и жениха под скрещенными шашками, когда они входят в церковь, и т. д.

Горные этнографические группы грузин. Особняком стоят некоторые изолированные горные группы грузинского населения: это в Западной Грузии сваны, а также горные рачинцы, а в Восточной—хевсуры, тушины, пшавы, мтиулы с особой подгруппой—гудамакарцами и мохевцы. Об их расселении и их происхождении уже говорилось выше.

С в а н ы. Сванетия—высокогорная страна, с сравнительно суровым климатом, мало плодородной землей, не представляла благоприятных условий для развития земледельческого и скотоводческого хозяйства. Основу хозяйства сванов составляло все-таки земледелие, но оно имело карликовые размеры. Зато здесь развились сравнительно интенсивные формы обработки земли, с применением искусственного орошения и т. д. Плодоводство по условиям климата здесь не

Сваны в национальной одежде

Жатва у мтиулов

Старинные жилища грузин-мтиулов

Хевсуры в национальной одежде

могло развиваться. Известную роль вспомогательной отрасли хозяйства играла также охота.

Особенности культурного уклада сванов особенно сказываются в формах их поселений и жилищ. Поселения в Горной Сванетии разбросаны по склонам и ущельям небольшими поселками и хуторами. Одна из главных особенностей—двух- или трехэтажные жилые дома и дома-крепости, каждый этаж которых имеет свое назначение: нижний—зимнее жилье с очагом посередине и отгороженным местом для скота; второй—летнее жилье; третий этаж имел прежде оборонное значение. Дом составлял владение большой неразделенной семьи, обрастал вокруг жилыми постройками отдельных семей. К двухэтажному дому пристраивалась боевая башня, в которую переходила семья в случае военной опасности. Эти старинные боевые башни и сейчас придают совершенно своеобразный внешний облик сванским селениям. Недаром Горную Сванетию иногда называют «страной башен».

В костюме имеются элементы грузинского и общекавказского типов.

Характерны особенности прежнего социального строя Сванетии. Страна делилась на две части, друг от друга исторически обособленные. Это, во-первых, Нижняя или так называемая Дадиановская Сванетия, расположенная по р. Цхенис-Цхали, составлявшая удел мингрельских владетелей—князей Дадиани. Политически, таким образом, эта часть Сванетии входила в Мингрельское княжество. Во-вторых, Верхняя Сванетия, по р. Ингуру, которая сама распадалась на «княжескую» в западной части, где издавна правили грузинские князья Дадешкелиани, и восточную часть—«вольную» Сванетию, где никаких князей не было и население пользовалось независимостью. В этой «вольной» Сванетии сохранялись в наибольшей чистоте древние формы общинного устройства: отдельные общины представляли собой независимые, самоуправляющиеся группы, фактически никому не подчиненные. Общинные дела решались выборными старшинами[1]. Общинные формы землепользования держались чрезвычайно устойчиво. Бытовали и остатки

[1] По новейшим исследованиям В. В. Бардавелидзе, эти общины некогда тоже были объединены под властью общего старшины, который выбирался всегда из одной и той же фамилии. Союз общин назывался «Объединенное ущелье Счастливой Сванетии» и охватывал почти всю Верхнюю Сванетию.

Хевсурка в национальной одежде

Хевсур в старинной кольчуге с мечом и щитом

патриархально-родового строя. Сохранялись отдельные фамилии, роды, каждый из которых представлял собой сплоченное целое. Соблюдались родовые обычаи, в том числе кровная родовая месть, примирение кровников, суд посредников и т. д.

С этим связаны и древние формы верований. Формально сваны подобно другим грузинам считались христианами, и христианство проникло в Сванетию давно, вероятно в VI в. Но оно служило лишь поверхностным налетом, лишь официальной религией, под которой скрывались на самом деле более примитивные формы верований. Под именем христианских святых в Сванетии почитались древние покровители земледелия и скотоводства. Христианские праздники еще недавно были лишь удобным поводом для совершения древних обрядов с кровавыми жертвоприношениями. Рядом с христианскими священниками большим влиянием пользовались наследственные жрецы, и не только в религиозной, но и в общественной жизни сванов. Сами верования были в основном связаны с земледелием. Здесь практиковались те же земледельческие обряды для борьбы с засухой, обрядовые печенья, почитание божеств—покровителей земледелия, с чертами фаллического культа; фаллическими изображениями пользовались также бесплодные женщины. Интересны поминальные обряды с жертвоприношениями.

Таковы основные формы религиозных верований, державшихся вплоть до недавнего времени у сванов в связи с их географической обособленностью и культурной отсталостью. Сейчас эти верования постепенно забываются. Вообще с прежней отсталостью у сванов покончено.

Горцы Восточной Грузии. Почти то же, но, может быть, в еще более ярком виде мы находим в восточной части горной Грузии, у пшавов, тушинов, хевсур, а также у мтиулов, мохевцев. И здесь держится сравнительно обособленный и архаический культурный тип. Но отличие от Сванетии в том, что сваны и этнически составляют особую группу, у них особый язык, а эти мелкие народности говорят по-грузински (кроме цова-тушин и кистинов), но в культурном отношении весьма своеобразны. Здесь в основном господствует горное земледелие и скотоводство такого же типа, как в горах Северного Кавказа. Местами—у тушин, мохевцев—на первый план выдвигается разведение овец. Сходны с северокавказскими и формы материальной культуры; например, тип поселений и жилищ такой же, как и в горном Дагестане,—характерное террасообразное расположение жилищ, каменных, с очагом посередине.

Самобытность хевсур особенно сказывается в одежде. Для них характерны тяже-

лые мужские и женские рубашки из темной шерстяной ткани. Эти рубашки и другие части костюма богато орнаментируются вышивкой (кроме этих горно-грузинских народностей, на Кавказе нет других, у которых мужской костюм имел бы орнаментировку). Другой совершенно своеобразной и архаической чертой является средневековое оружие, которое сохранилось только у одних хевсур: кольчуга и шлем; меч, обычно односторонний, напоминающий плоскую саблю, но иногда и обоюдоострый; боевое кольцо, усаженное шипами, которое употреблялось по обычаю только в определенных случаях (при сведении кровных счетов его употреблять нельзя). Затем круглый металлический щит—также характерный элемент хевсурского вооружения. Отмечается также употребление крестов в качестве орнамента на одежде, а отчасти на оружии. Эти бросающиеся в глаза особенности, это архаическое оружие и одежда давали повод некоторым исследователям утверждать, что хевсуры являются потомками крестоносцев, будто бы оставшихся на Кавказе; для такого предположения, однако, в действительности никаких оснований нет.

У пшавов и тушинов нет архаического оружия, но сходные черты костюма сохранились.

Своеобразен и традиционный социально-экономический уклад этих народов. В сословном строе дореформенной Кахетии хевсуры, тушины и пшавы занимали место особой сословно-классовой группы. На деле политическая зависимость этих горных грузинских племен от Кахетии (мтиулов—от Карталинии) сводилась к уплате дани и к очень слабым формам подчинения. Фактически народности горной Восточной Грузии сохраняли почти полную независимость. Управление общинными делами находилось в руках выборных или наследственных старшин (хевис-бери), а в значительной степени в руках жрецов, представлявших собой довольно обособленную общественную группу.

В связи с этой сравнительной независимостью у хевсур, пшавов и тушинов сохранились очень архаические формы общественной жизни. Здесь долго и упорно держался патриархально-родовой строй. Пережитки патриархальных отношений со всеми сопутствующими им обычаями дают себя знать до настоящего времени. Население делится на фамилии, внутри которых держится очень крепко родовая связь; до недавнего времени сохранялись характерные родовые обычаи в виде кровной родовой мести (у пшавов кровная месть исчезла раньше). Ликвидация этой мести могла иметь место только при соблюдении известных условий в форме примирения кровников с обязательным участием посредников и т. д.

Сохранялись пережитки еще более архаических отношений, восходящие к эпохе материнско-родового строя. К числу их надо отнести очень свободное положение женщины, чего совершенно не было у других высокогорных народов Кавказа. И в семье, и в общественной жизни женщина пользовалась сравнительной свободой и независимостью и была почти равноправна с мужчиной. У пшавов и хевсуров сохранился своеобразный и трогательный обычай побратимства между юношами и девушками. Он состоит в том, что юноша выбирает себе подругу-цацали, с которой устанавливается постоянная дружба, отнюдь не переходящая ни при каких условиях в брачно-половые отношения. От юноши требуется особо строгая выдержка и умение держать себя, ибо нарушение этого брачного запрета при установленных дружеских отношениях с девушкой по обычаю считается очень тяжелым проступком. Этот обычай побратимства («цацлоба») удерживался у хевсур и пшавов до новейшего времени. По-видимому, он восходит к эпохе материнского рода и связан с независимым положением женщины.

Был, пожалуй, только один варварский обычай у этих горцев, свидетельствующий о неравноправном все же положении женщины и фактически ее унижающий. Это обычай ритуальной изоляции женщин. Рядом с хевсурскими и пшавскими поселениями устраивались отдельные небольшие каменные конурки, так называемые самрело (у пшавов босели), где поселялись женщины в определенные периоды, когда они считаются нечистыми. Сейчас устройство родильных домов положило конец этому вредному обычаю.

С прежним архаическим общественным строем связаны и особенности религиозных верований у этих народов, подробно изученные в советское время особенно В. В. Бардавелидзе. Под официальным христианством фактически скрывались совершенно иные формы верований—с одной стороны, родового, с другой—общинного характера. В старину у каждого селения имелось свое святилище—«хати» (общегрузинское слово, означающее храм или икону), которое было местом принесения жертв и местом выполнения всех общинных обрядов. Каждое хати было владельцем разнообразного имущества—земельных угодий, скота и пр., доход от ко-

торых шел на устройство общественных обрядов, пиршеств, жертвоприношений. При каждом хати состоял наследственный жрец «хуц» со своими помощниками—«дастури», «деканози» и др. Жрецы пользовались большим влиянием не только в чисто религиозных делах, но и во всей общинной жизни.

Рядом с этим регламентированным и наследственным жречеством у хевсуров и у пшавов наблюдались еще более интересные и архаичные формы организации культа. Здесь сохранялись до недавнего времени гадатели «кадаги», которые считались ясновидцами и прорицателями; к ним обращались за разрешением тех или иных вопросов и они узнавали волю божеств путем экстатических приемов. Эти гадатели оказывали влияние и на выбор жрецов. По преданию и сами жрецы-хуцы происходят именно от старинных гадателей-кадаги, которые в древности будто бы были единственными хранителями культа.

Народное творчество и культура. Грузинский народ в течение своей многовековой культурной жизни создал много высоких ценностей в области народного творчества. Особенно выделяется музыкальное творчество. Грузинская народная музыка стоит значительно выше, чем у прочих народов не только Кавказа, но и многих других стран. В частности, мы здесь находим вместо общераспространенного одноголосья—трехголосную музыку, притом построенную по принципу контрапункта, т. е. самостоятельного голосоведения. Это—тот уровень музыкального искусства, которого европейская музыка достигла лишь в эпоху Возрождения. У грузин он существовал по крайней мере с X в. Эти сравнительно высокие формы народного музыкального творчества оказали оплодотворяющее влияние и на музыку других народов. Грузинские народные мелодии нередко использовались крупнейшими русскими композиторами (например, хор «Ложится в поле мрак ночной» в «Руслане и Людмиле» Глинки). На основе грузинских мелодий композитор Ипполитов-Иванов написал оркестровую сюиту «Иверия». Сейчас на основе этого богатого народного наследия развивается высокая музыкальная культура Советской Грузии.

Одним из излюбленных народных музыкальных инструментов является чианури—смычковый инструмент, прототип скрипки. Затем пандури и чонгури—щипковые инструменты, разновидность лютни. Пандури распространилась у целого ряда народов Кавказа—у осетин (фандыр), у народов Дагестана. Возможно, что и украинская бандура имеет кавказское происхождение. Характерна архаическая многоствольная свирель—«флейта Пана», по грузински «соинари». Кроме этого, есть целый ряд духовых и ударных инструментов. Особенно популярен небольшой бубен—тамбурин (даира), под который танцуют.

У грузин имеется очень интересный и разнообразный фольклор в виде сказок, преданий, легенд. Однако от древнего героического эпоса сохранились только разрозненные куски, которые частью поются, частью рассказываются, как сказки. Сюда относятся сказания о богатыре Амирани: он побеждал злых духов «дэвов», но за гордость был наказан богом, прикован навеки цепью к железному колу; сказания о Ростоме и сыне его Зурабе: в обоих циклах отражается, видимо, иранское влияние; поэма об Абессаломе и Этери, в XIX в. обработанная поэтом Важа Пшавела. Существуют исторические песни—о царе Вахтанге Горгасаре, царице Тамаре, царе Ираклии II и др. Были профессиональные певцы—мествире (бродячие музыканты) и ашуги, певшие главным образом на праздниках; ашугами были, впрочем, чаще армяне. У пшавов поэтическое творчество сохранило массовый характер.

Сказочный эпос очень богат: известны волшебные сказки и сказки-мифы, сказки о животных, бытовые. В волшебных сказках очень часто фигурируют злые духи—дэвы, чудовищные змеи, оборотни, колдуньи и др.

Широкое бытование в народе получила знаменитая поэма великого грузинского поэта XII в. Шота Руставели. Стихи популярной поэмы исполняются наизусть колхозниками во время праздников, за работой. При этом происходит творческое видоизменение стихов,—они становятся чисто народным произведением.

Один из характерных видов национальных развлечений у грузин—разные спортивные игры. Их очень много, и обычно они представляют собой военно-спортивные соревнования. Помимо чисто развлекательного значения, спортивные игры выполняли и выполняют для народа и более важную функцию как средство физической подготовки и тренировки молодежи, воспитания отваги, предприимчивости.

Изобразительное декоративное искусство грузин стоит на высоком уровне. Не говоря о художественных памятниках древности,—в новейшее время у грузин процветало художественное ремесло: чеканка, ювелирное дело, изделия из эмали, расписная керамика, вышивка, в том числе шелком и золотом, своеобразная техника резьбы из каменного угля («гишер»). Сейчас большинство этих производств получило новое развитие. Преобладающий стиль ор-

Художественная керамика грузин (XIX в.)

Серебряный филигранный ларец

Вышитая золотом подушка

намента—сложные растительно-геометрические мотивы.

На основе самобытных форм народного искусства в настоящее время в Грузии идет невиданный рост художественного творчества в новых, более сложных и совершенных формах. Художественная литература, театр, музыка, живопись и скульптура, опираясь на народную почву, сохраняя глубокую национальную форму, наполняются социалистическим содержанием.

В эпоху социализма Грузия превратилась в одну из самых передовых, богатых, цветущих республик Советского Союза. Социалистический строй позволил использовать богатейшие природные ресурсы страны, ее благодатный теплый климат, ее плодородную почву и обильные сокровища недр. К накопленным веками сокровищам труда и творчества сейчас прибавляются новые и еще большие культурные ценности.

В связи с огромным ростом экономики и культуры происходит и ускоренная консолидация грузинской социалистической нации. Этому способствует строительство дорог, развитие крупной промышленности и рост рабочего класса, общегрузинская школа и печать. Отдельные этнические группы постепенно сливаются в единую нацию. Архаические, примитивные черты быта в самых отсталых районах уходят в прошлое.

Одна из передовых республик в СССР—Грузия имеет крупнейшие достижения в области научной работы. Наряду с огромными заслугами грузинских советских историков, лингвистов, археологов и других надо отметить, в частности, что в Грузии сложилась своя школа советских этнографов—и одна из самых сильных в Союзе (Г. С. Читая, В. В. Бардавелидзе, С. И. Макалатия, А. И. Робакидзе и др.),—которая уже сделала очень много для этнографического изучения своей страны.

8. АРМЯНЕ

Второй крупной нацией Закавказья являются армяне, южные соседи грузин. Самоназвание их — «хай». Это коренное население Армянской ССР. Но на территории Советской Армении живет только часть армян—менее 900 тысяч, а всего армянского населения в СССР 2 151 тыс. (1939). Значительные группы армян живут в городах и отчасти в селах Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа. Немало сельского армянского населения в Нагорно-Карабахской автономной области (130 тыс.). В самой Армении армяне тоже живут чересполосно с другими народами: с азербайджанцами, курдами.

Значительная часть армянского народа живет за рубежом. Крупные армянские колонии есть во многих городах Европы, Азии и Америки. Общая численность армян во всем мире исчисляется в 3 миллиона.

Этногенез и исторические данные. Вопрос о происхождении армянского народа очень сложен. Самая принадлежность армян к определенной языковой группе вызывала разногласия. Изучение армянского языка началось в 30-х годах прошлого столетия с работ лингвиста Петермана. Вначале этот язык причисляли к иранской группе. Позже было признано, что в иранскую группу он не входит, а составляет самостоя-

тельную ветвь в индоевропейской группе языков. Н. Я. Марр считал, что армянский язык занимает промежуточное положение между яфетическими и индоевропейскими языками. В нем много общего с грузинским языком.

Надо сказать, что армянский язык на протяжении своей истории пережил несколько этапов развития. Староармянский язык, так называемый «грабар», сохраняется доныне в церковном употреблении. Он долгое время служил и единственным литературным языком. Но, начиная примерно с XIV в., наряду с сочинениями, написанными на грабаре, появляются тексты, писавшиеся на народном новоармянском языке, так называемом «ашхарабар». Различие между староармянским и новоармянским языками очень велико. Оно значительно больше, чем различие между старославянским и русским, между латинским и итальянским языками. Структура грабара совершенно иная по сравнению с современным языком.

Наречий в современном армянском языке имеется значительное количество; их сводят к четырем главным. В основе нового литературного языка лежит ереванское наречие.

Армянский язык подводит нас к вопросу о происхождении армян. Вопрос этот до сих пор остается не совсем ясным. Согласно преданию, армянский народ ведет происхождение от родоначальника Хайка (Гайка) и от его потомка Арама. Но имена эти—мифические, они суть персонификации названия «армян» и их самоназвания «хай». В действительности армянский народ сложился в I тысячелетии до н. э. из племенных групп, частью местных, яфетических, частью пришлых, индоевропейских. По вопросу об удельном весе тех и других существуют разногласия среди ученых. Одни считают, что ядро армянского народа составили индоевропейские группы западного происхождения—из Фригии или даже с Балканского полуострова; местные же яфетические группы играли лишь второстепенную роль (Худадов). Другие, напротив, приписывают основную роль в армянском этногенезе именно этим местным этническим группам (халдам, хайясам и др.), участие же индоевропейских элементов считают несущественным (Капанцян, Пиотровский). Третьи (Лисициан, Манандян) занимают среднюю позицию в споре: они считают основной этнический субстрат армян местным, яфетическим, но полагают, что он подвергся глубокой индоевропеизации в результате длительного просачивания с запада индоевропейских племен. По мнению А. Я. Манандяна, эти пришлые индоевропейские племена назывались «арменами», а этноним «хай» принадлежал аборигенным племенам.

Переселение индоевропейцев-армян из Малой Азии происходило, как предполагают, в VIII—VII вв. в связи с киммерийским и скифским нашествиями. Уже в надписях царя Дария упоминается страна Армина и народ арминийя. Геродот называет армен в числе народов, платящих дань персам. В рассказе Ксенофонта о походе 10 тысяч греков довольно подробно говорится об арменах, через страну которых проходило греческое войско: армены были тогда оседлым земледельческим народом, городов не имели, а жили в деревнях, в характерных подземных жилищах.

Последующая история армян была глубоко трагичной. В течение большей части всей своей истории армяне находились под чужеземным владычеством. Они представляли собой яблоко раздора между воинственными и сильными соседями, постоянно подвергаясь нападениям, будучи объектом завоевательной политики соседних сильных государств. Самостоятельное и сильное армянское царство существовало во II—I вв. до н. э. (особенно при Тигране II, 95—55 гг.) За римским завоеванием последовала эпоха господства парфян, потом Сасанидов, в дальнейшем эпоха владычества арабов. Только после свержения арабского господства, на короткое время, в течение IX—X вв. была восстановлена самостоятельная государственность армян под главенством династии Багратидов. Памятники архитектуры, искусства и письменности той эпохи говорят о высоком уровне общей культуры народа.

Сельджукское завоевание XI в. положило конец самостоятельности армян. В дальнейшем сменяли друг друга монгольское, османское и персидское нашествия, и политическая самостоятельность армян уже не восстанавливалась (исключение составляет Киликийское армянское царство XI—XIV вв.).

В течение этих многих веков чужеземного господства армянский народ сильно страдал от завоеваний и постоянного разорения. С эпохи сельджуков начинается массовая эмиграция армян в разные страны. В эпоху турецкого и персидского господства эта эмиграция еще более усилилась, чем и объясняется появление армянских колоний в самых различных странах Европы, Азии, а позже и Америки.

Особенно тяжелая участь выпала на долю армян, живших в Турции. Султанское правительство намеренно разжигало вражду между ними и воинственными курдами, натравливало на армян полукочевое мусульманское население. В конце XIX в. (1895—1896) имела место, отчасти вследствие подстрекательства со стороны европейских империалистов, ужасающая «армянская резня». Было перебито около 100 тыс. армян, разрушено 2,5 тыс. деревень. Подобные зверства повторились в еще больших размерах во время 1-й мировой войны, когда турецкое правительство подозревало армян в сочувствии к России. При этом погибло до миллиона турецких армян. Много армянских беженцев перешло на территорию России. В Турецкой Армении армян почти не осталось.

Тяжелое положение армян продолжалось до самой победы Октябрьской социалистической революции в России. Только образование Советской Армении сделало возможным самостоятельное политическое существование армянского народа. С этого времени начинается процесс обратного движения из разных стран в Армению. В настоящее время десятки тысяч армян со всех концов света, из Европы и Америки, переселились и продолжают переселяться в Советскую Армению, где они обрели политическую самостоятельность.

Вследствие этих исторических судеб, а также в силу географических условий Советской Армении, ее армянское население неоднородно, хотя свое национальное единство армяне осознают больше, чем любой другой народ. Древнейшие области армянского народа и его культуры—«Высокая (западная) Армения»—сейчас находятся под властью Турции, и армян там почти не осталось. Но выходцы оттуда, как и из южных и юго-западных областей Турецкой Армении (Сасун, Зейтун, Киликия), ныне живут среди коренного населения Советской Армении. В последней выделяются три исторические области: Араратская долина—средоточие древней армянской культуры, где находятся развалины Двина, старой столицы Армении (IV—XIII вв.); южные и восточные области—Зангезур, Нагорный Карабах, где сохранилось больше всего самобытных черт в культуре населения; Северная Армения—нагорье Лори, примыкающее к Грузинской ССР.

Деление на эти исторические области усложняется физико-географическим членением страны, которому соответствуют и экономические районы. Оно основано главным образом на вертикальной зональности: различаются районы относительно низменные, предгорные и высокогорные—с особым направлением хозяйства в каждой зоне.

Хозяйство. В более низменных местах армяне издавна занимаются земледелием: возделывают пшеницу, рис, просо, ячмень, хлопчатник, различные овощи и другие растения. В настоящее время ассортимент этих культур еще более расширяется. Широко внедряется озимая пшеница, хорошо переносящая армянскую холодную весну и засушливое лето. Много стали сажать картофеля (заимствование у русских) и сахарной свеклы (от украинцев). Сеют кормовые травы. Появились крупные табачные плантации. Из технических культур новыми являются такие ценные, как герань и казанлыкская роза (из Болгарии), идущие на выделку дорогого ароматного масла. Высокоценные культуры занимают все бóльшую долю посевной площади Армении.

Старая земледельческая техника армян сходна с грузинской. Такие же тяжелые колесные плуги («гутан»), как и у грузин, бороны из веток, серпы, молотьба при помощи досок, усаженных камнями. Теперь внедряется передовая агротехника, механизация.

Садоводство и виноградарство — традиционная и неотъемлемая часть армянского сельского хозяйства. Сухой климат делает плоды армянских садов—абрикосы, персики, виноград—высокосахаристыми и твердыми. Но прежде сады и виноградники покрывали только нижнюю зону страны; теперь армянские колхозники неуклонно, год за годом, продвигают их вверх, в более прохладные горные районы. Растет и урожайность. Сбор плодов и винограда увеличился в несколько раз.

В засушливом климате Армении многое зависит от воды. Система орошения существует там испокон веков. Но в советские годы она невиданно расширилась и продолжает расширяться. Ленин в своем письме к коммунистам Закавказья 14 апреля 1921 г. указывал на огромную важность орошения для засушливых местностей. «Орошение больше всего нужно,—писал он,—и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»[1]. Теперь вместо прежних мелких первобытных каналов, где значительная часть воды бесплодно испарялась и уходила в почву, построена мощная ирригационная сеть (большие каналы им. Сталина, Сардарабад-

[1] В. И. Ленин., Соч., т. 32, стр. 297.

ский, Ширакский и др.), и все новые земли, никогда не видавшие прежде воды, вступают в культуру.

В высокогорных районах преобладает скотоводство (оно дает сейчас свыше четверти всей стоимости сельскохозяйственной продукции республики). Армения богата альпийскими лугами—особенно на нагорье Арагац (Алагёз). Туда на горные пастбища перегоняют скот и из нижележащих районов, где скотоводство, однако, остается лишь второстепенной отраслью хозяйства. Особенностью горного скотоводства армян сравнительно с другими кавказскими народами является то, что у них на летние пастбища отправляются со скотом по преимуществу женщины—иногда чуть не все женское население деревни во главе с наиболее опытной и уважаемой пожилой женщиной—«тантикин». В деревне на лето остаются главным образом мужчины, которые занимаются полевыми работами. В горах хозяйки скота прежде разбивали свои палатки по родственным группам («оба»). Скот и хозяев охраняют злые и сильные псы. Из-за этих кочевок на летние горные пастбища в прошлом нередки бывали столкновения с соседями—с азербайджанцами и с окрестными земледельцами, поля которых страдали от потрав. Сейчас же, при колхозном строе, не только урегулировано пользование горными пастбищами, но армянские колхозы разрешают в порядке братской помощи колхозникам соседнего Азербайджана (где не хватает своих летних выпасов) пригонять к ним в горы скот.

Зимой же армянские крестьяне обычно кормят свой скот заготовленным сеном.

Из других занятий местами существенное значение имеет рыболовство, особенно на Севанском озере, необычайно богатом рыбой. Ее ловят большими неводами. Сейчас созданы и рыбоводные садки. Охотничий же промысел составляет лишь любительское занятие.

Армения издавна была крестьянской страной, и подавляющая масса ее населения занималась сельским хозяйством. Но наряду с этим следует отметить развитие некоторых ремесел. Характерна обработка волокнистых веществ и, в частности, шерстеткачество и ковроткачество. Это женские занятия. Тканье художественных ковров у армян—обычно из толстой пряжи с высокой стрижкой ворса—особенно развито в высокогорных районах. С проникновением капитализма, со 2-й половины XIX века, оно приняло товарный характер. Сейчас оно развивается

Участок Нижне-Зангинского оросительного канала

в новых социалистических формах.

Крупная промышленность в Армении раньше почти отсутствовала. В годы довоенных пятилеток она создана—создана на основе богатейших ресурсов республики. Ведущую роль играет цветная металлургия (особенно богаты залежи меди), химическая, машиностроительная, добыча ценного камня—мрамора, туфа, а далее—разнообразная пищевая промышленность: консервирование фруктов, изготовление розового и орехового варенья, гераниевого и розового масла, сыроварение и пр.

Особенность страны—богатейшее энергетическое хозяйство, основанное на неисчерпаемых запасах гидроэнергии. Стержень его—озеро Севан, гигантская естественная водонапорная башня, одно из высочайших в мире озер, приподнятое почти на 2 тысячи метров над уровнем моря. На стоках из него уже построены и строятся большие гидростанции. Но еще более специфичны для современного быта Армении мелкие и мельчайшие гидроустановки, простые и разборные, сооружае-

«Микрогэс»

мые на мелких горных речках, мощностью всего в 10 киловатт, для обслуживания колхозов: днем они дают энергию для колхозных работ, а вечером свет. Такие «микрогэс» начали строить перед Отечественной войной по инициативе А. И. Микояна.

Поселения и постройки. Армяне живут деревнями кучевого плана, особенно в западных районах страны. Чаще всего деревни расположены на склоне горы и напоминают дагестанские горные аулы. Дома слеплены вместе; часто в стенах смежных домов делаются отверстия, через которые можно просовывать вещи и даже пролезать человеку; это традиция годов угнетения, когда армяне помогали друг другу укрываться от турецкой или русской полиции. Плоские крыши служат нередко площадками перед выше расположенными домами. Очень широко распространен особый тип дома—каменная квадратная в плане постройка, сходная с грузинским «дарбази», но архаичнее его, с куполообразным покрытием на столбах («гылхатун», «хацатун»). В середине купола находится квадратное отверстие «эртик», служащее и дымоходом и единственным окном. Под ним открытый очаг. Этот тип, вероятно, развился на основе более примитивного дома-землянки, который тоже бытовал до самого последнего времени в Армении. Деревни, состоящие из таких землянок, были почти незаметны со стороны: жилища находились в них под землей, и только дым, выходящий из верхних отверстий, выдавал близость деревни.

Глиняные хлебные печи—«тындыр»—сходны с грузинскими «торне».

Архаический характер жилищ при общем высоком уровне культурного развития армянского народа объясняется тем чрезвычайно бедственным положением, в котором находилась масса армянского крестьянства до революции.

Характерная черта армянских деревень—способ снабжения водой. Обычных колодцев не роют. Пользуются родниками, которые пробиваются чаще под горой; за водой ходят обычно девушки. За последние годы повсюду распространилось красивое архитектурное оформление источников цветным камнем. Где нет источников, население роет особые горизонтальные колодцы (так называемые «кахрезы») в склоне горы, пробивая ее до водоносных пород.

В советский период, особенно в связи с колхозным строительством, армянская деревня резко изменила свой облик. Старые подземные жилища почти исчезли. Дома с верхним освещением заменяются постройками современного типа с боковым освещением, в том числе двухэтажными с двускатной крышей.

Одежда. Национальный костюм армян сохранился лишь частично, будучи вытеснен городской одеждой.

Женский армянский костюм местами близок к грузинскому, но в других районах от него отличается. Наиболее типичен женский костюм в Восточной Армении. Основу его составляет длинная красная рубашка, под которую надеваются еще более длинные штаны (нижние концы их, видные из-под рубашки, делаются из шелка и покрываются вышивкой). На рубашку надевают длинный и узкий «архалух» с разрезом спереди, открывающим грудь, и с двумя разрезами с боков от бедер до низа. Рукава тоже имеют длинные прорезы. Пояс бывает серебряный, а прежде поясом служила шаль. Характерен старый головной убор замужней женщины—«пали»—тяжелый, башнеобразный, на твердой основе, обвязываемый несколькими

Старое армянское селение

Подземный кухонный очаг в старинном доме

Архитектурное оформление источника: памятник героям Отечественной войны (с. Паракар)

Армяне в национальной одежде

платками, закрывающими часть лица. Этот головной убор, крайне неудобный и негигиеничный, почти никогда не снимался, особенно в присутствии мужчин и свекрови. Сейчас он совершенно вышел из употребления.

В западных районах костюм женщин несколько иной. Рубашка бывает чаще белая, головной убор легче и проще. Характерен фартук, носимый на поясе, а также обилие разных украшений и вышивок.

Обычай закрывания женщинами лица—характерная черта старого армянского быта. Этот обычай восходит к очень древней традиции, может быть еще к ассирийской эпохе, и бытовал в связи с патриархальным укладом армянской семьи

Что касается мужского костюма, то он близок частью к грузинскому, частью к азербайджанскому.

Исторические особенности общественного быта. Крестьянская семья у армян до недавнего времени сохраняла патриархальный уклад. Вплоть до конца XIX века бытовали большие неразделенные семьи—отец с женатыми сыновьями и с внучатами, насчитывавшие десятки членов. Передвижка населения в связи с турецкими погромами разбила эти семьи. В старой большой семье очень велика была власть старшего мужчины, который бесконтрольно распоряжался всем хозяйством, хотя и советовался в важных случаях со взрослыми членами семьи. Авторитет главы семьи сохранился и в малых семьях.

Патриархальный уклад отражался и на положении женщин в семье. Девушки в крестьянских семьях пользовались независимостью, хотя их иной раз рано выдавали замуж. Но замужняя женщина, особенно младшая невестка в доме, занимала подчиненное положение. На нее ложился ряд стеснительных ограничений. Она почти не имела права говорить, особенно со старшими членами семьи, в нужных случаях объяснялась при помощи жестов. Невестка, особенно младшая, прислуживала старшим мужчинам, мыла им ноги. Лишь постепенно, после рождения одного-двух детей, снимались стеснительные запреты и положение женщины делалось более свободным. Однако существовал обычай, по которому женщины ели отдельно от мужчин и после них. Обязательное ношение тяжелого головного убора и закрывание лица тоже символизировало подчиненное положение женщины. Оно было особенно заметно в Восточной Армении.

Однако сохранились черты и более высокого положения женщины, быть может, остатки древнего матриархата. Старшая в доме женщина, бабушка, пользовалась огромным авторитетом, руководила всем хозяйством, спрашивая указаний только у главы семьи; все члены семьи, и дети и взрослые, ее беспрекословно слушались. В вопросах заключения брака инициатива и решающее слово принадлежало матери жениха и матери невесты. Наносить побои женщине строго запрещалось. Любопытно, что по старым обычаям женщины не принимали участия в полевых работах, даже в жнитве. Зато организация летних кочевок и все молочное хозяйство были в их руках.

О патриархальных традициях говорит и свято соблюдавшийся обычай гостеприимства.

В прошлом известна была сельская община. До недавнего времени община состояла из больших патриархальных семей. С распадением их родственные семьи селились обычно рядом и создавались целые фамильные кварталы. Но в деревне преобладали соседские связи над родственными. Существовали старшины деревень, прежде наследственные, впоследствии (при русской власти) выборные. Сохранились следы общинного землепользования; даже пахотная земля подвергалась иногда переделам. Существовал общинный суд.

Интересно отметить, что при наличии у армян пережитков общинных форм быта, феодального дворянского сословия у них почти нигде не сохранилось. Армяне в прошлом знали феодализм—и развитый феодализм. Но армянские феодалы («нахарары», князья, воинственное сословие, которое пользовалось значительными привилегиями и властью) были истреблены целиком в эпоху борьбы сначала с арабами, затем с сельджуками и монголами. Уже к XIV—XV векам у армян феодального класса почти не осталось, за исключением Нагорного Карабаха, где до недавнего времени сохранялись землевладельцы-дворяне, мелики. В остальных местах крестьянство эксплуатировалось не армянскими, а турецкими, персидскими и азербайджанскими помещиками.

Но если «светских» феодалов среди армян почти не было, то были зато церковные—особенно монастыри. В средние века это были настоящие крепостники, жестоко угнетавшие крестьян, и крестьяне не раз восставали против монастырского крепостного ига. Но и до самой революции монастыри (особенно такие крупные, как Эчмиадзинский) владели большими и лучшими землями, а крестьяне-бедняки арендовали эти земли или батрачили на них.

Вместо феодального класса у армян развилась сильная, предприимчивая и сплоченная торговая буржуазия, которая и составляла господствующий класс армянского населения.

В городах Закавказья, в том числе и в городах Грузии и Азербайджана, вплоть до советской эпохи торговля находилась главным образом в руках именно армян. Из рядов этого класса выходила и старая интеллигенция, националистически настроенная; интересам его служила и известная партия дашнаков.

Среди самого крестьянства нарастало, особенно в период капитализма, резкое классовое расслоение. Богатые владельцы садов и виноградников, особенно в районах Аштарака, Эчмиадзина, вели предпринимательское хозяйство, держали батраков; имели небольшие винные заводы. В скотоводческих горных районах собственники крупных стад пользовались наемным трудом, продавали масло и сыр. Подавляющая же масса армянского крестьянства жила в крайней бедности и в вечной зависимости от помещиков, монастырей, кулаков.

Любопытно, что у армянского купечества были слабые связи со своим собственным крестьянством, у которого преобладало натуральное хозяйство. Армянская буржуазия имела дело по преимуществу с мелкими производителями Грузии и Азербайджана, держась больше в городах. Отсюда национальный антагонизм, имевший чисто классовую основу. Этой основой были противоречия между армянской буржуазией, с одной стороны, и мелкой городской буржуазией Грузии и разоряющимся классом грузинских помещиков-дворян, с другой стороны. Это обстоятельство имело очень большое политическое значение.

На почве классовых же взаимоотношений выросла и другая форма национального антагонизма— армяно-азербайджанская вражда. Основы ее тоже совершенно ясны. Значительная часть помещиков на территории Армении была азербайджанского происхождения, а крестьяне были армянами, и, таким образом, классовые антагонизмы здесь принимали характер национальных. Это выливалось неоднократно в кровавые эксцессы—«армяно-татарская» резня 1905 г., кровавые события эпохи гражданской войны до установления Советской власти. В эти

годы (1918—1920) в Армении правила буржуазно-националистическая партия дашнаков, искусственно разжигавшая межнациональную вражду. Пережитки национальной розни сохранялись вплоть до недавнего времени. Именно это сделало необходимым создание в первые годы Советской власти Закавказской федерации, как объединения, имевшего целью сгладить национальные противоречия.

За годы Советской власти все это коренным образом переменилось. Не только исчез навсегда классовый гнет и армянский крестьянин-колхозник и рабочий зажили свободной жизнью, но и с национальным антагонизмом покончено навсегда. Старый патриархальный уклад армянской семьи отошел в прошлое. Последнему особенно способствовало то, что с победой колхозного строя и в годы Великой Отечественной войны совершенно изменилось разделение труда между полами в семье. Раньше женщина была почти отстранена от земледельческого труда. В колхозах, а особенно в годы войны, когда мужского населения осталось мало, женщины не только втянулись в этот труд, но порой выносили на себе главную его тяжесть: женщины рыли новые каналы, распахивали целину, вводили травопольный севооборот и новую агротехнику. Естественно, что основа прежнего подчиненного положения женщины в семье исчезла.

Религиозные пережитки. По религии армяне занимают обособленное положение. Массовое распространение христианства среди армян относится к началу IV века (308 г.). Вскоре после этого началось и развитие армянской письменности. В первые века армянская церковь стояла в зависимости от византийской, но после 4-го (Халкедонского) вселенского собора (451 г.) она от нее отделилась. На этом соборе была, как известно, осуждена «монофизитская ересь» (учение некоего Евтихия о «единой природе» Иисуса Христа, в противовес учению господствующей церкви о двойной его природе, божеской и человеческой). Армянские церковные иерархи не признали решений Халкедонского собора и сохранили «монофизитское» учение[1]. По существу дела эти разногласия отражали стремление армянских феодалов избавиться от византийской опеки. С этого времени армянская церковь приобрела самостоятельность. Во главе церкви—она называется армяно-грегорианской, по имени Григория, одного из первых ее деятелей,—стоит католикос. Авторитет этого католикоса после утраты армянами своей государственности чрезвычайно усилился. Католикос стал не только главой церкви, но и политическим руководителем армянского народа в его борьбе с внешними врагами.

Кроме армяно-грегорианской церкви, существует отделившаяся и примкнувшая к католицизму (со времени Флорентийского собора 1439 г., а особенно с XVII в.) «армяно-католическая» церковь. Лишь небольшое число армян примыкает у нас к этой церкви, но среди армян-эмигрантов у нее есть приверженцы. Наконец, есть армяне-мусульмане (сунниты): это часть так называемых хемшинов—армян, переселившихся из Турции и живущих в некоторых местностях Черноморского побережья.

Наряду с господствующей религией сохранились остатки более древних верований, вера в приметы, знахарские и сельскохозяйственные обряды, следы культа предков в поминальных обрядах и пр. Но у армян эти верования сохранились несколько слабее, чем у других народов Кавказа. Это объясняется более глубоким проникновением христианства в толщу народа.

Народное творчество. В народном творчестве армян отразились исторические судьбы этого народа. Отголоском многовековой борьбы за национальную независимость служит героический эпос армян—прежде всего замечательная средневековая поэма о Давиде Сасунском, где воспевается героическая борьба защитников Сасуна—горной области Армянского Тавра. Другая поэма, о Кеороглы, вероятно, отражает влияние тюркских соседей. Эти и другие эпические произведения пелись и поются особыми народными певцами-профессионалами—«гусанами».

На чисто народной почве развилась новоармянская литература. На живом армянском языке начал впервые писать ее родоначальник—писатель-патриот и демократ Хачатур Абовян (1805—1848), страстно боровшийся против засилья реакционного духовенства и за сближение с русской культурой. Его «Раны Армении»—горячий патриотический роман-памфлет. Другими писателями-демократами были Микаэл Налбандян, Перч Прошьян, Мовсесян (Ширванзаде). Армянская литература вообще очень богата.

Музыка армян находилась под сильным влиянием, с одной стороны, персидской, с другой—грузинской музыки. Армянские музыкальные инструменты близки к грузинским: те же струнные инструменты несколь-

[1] Монофизитское учение сохранилось доныне, кроме армянской церкви, также в христианских церквах Сирии, Абиссинии и у коптов Египта.

ких форм (плектровые чонгур, тар, смычковые кямаци и кяманча), духовые, ударные. Но, в отличие от грузинской музыки с ее многоголосностью, армянская народная музыка сохранила более архаический одноголосный строй.

В советские годы армянская народная музыка дала богатую пищу для развития профессиональных форм музыкального искусства. Еще до революции много было сделано для ее обработки, для введения многоголосия местными талантливыми композиторами-энтузиастами (Христофор Кара-Мурза, Согомонян-Комитас); их наследие творчески разработано и расширено советскими армянскими композиторами—Спендиаровым, Хачатуряном, Чемберджи, Арутюняном, Бабаджаняном и др.

В области изобразительного прикладного искусства отмечается прежде всего чрезвычайно художественное ковровое производство. Армянские ковры отличаются от персидских, азербайджанских и других тем, что в качестве орнаментальных мотивов применяются стилизованные изображения животных, людей и т д., что не допускается мусульманским каноном. С этой стороны творчество армян было более свободно и разнообразно. Но армянский ковровый орнамент сходен с азербайджанским и отличается от персидского отсутствием кривых линий. Издавна развито искусство художественной резьбы по камню и дереву.

Славные традиции армянского народного искусства, отраженные и в памятниках древней архитектуры, получили в наши годы невиданные возможности развития. Обширное поле приложения нашли себе эти традиции при перестройке городов Армении. За годы Советской власти Ереван и другие армянские города украсились сотнями новых зданий и целыми архитектурными ансамблями. Работа эта велась вначале под общим руководством крупнейшего художника-архитектора, академика А. И. Таманяна, теперь продолжается его учениками.

Армянский художественный ковер

9. АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ

Азербайджанцы—коренное население Азербайджанской ССР—третья из крупных наций Закавказья. Численность их—2 275 тысяч человек (1939). Они входят в юго-западную ветвь тюркской группы языков (вместе с туркменами, турками-османами, гагаузами и др.). Но наряду с этим основным тюркским слоем в азербайджанском языке имеется много персидских элементов, проникновение которых объясняется продолжительными связями с Ираном, с одной стороны, и ассимиляцией ираноязычных элементов самого Закавказья—с другой.

Этногенез. Происхождение азербайджанцев—вопрос сравнительно ясный. Это народ смешанного состава. Древнейший слой его составляет, очевидно, аборигенное население Восточного Закавказья—каспии и албанцы, возможно, также мидийцы Северного Ирана. Это население в связи с культурным преобладанием Ирана в эпоху Сасанидов было иранизировано, а в XI в., в годы сельджукского завоевания, началась его тюркизация.

В этот период—VIII—XII вв.—культура населения Азербайджана стояла отно-

сительно высоко. Обнаружены остатки благоустроенных городов, памятники архитектуры. В XII в. жил и творил великий азербайджанский поэт Низами.

Монгольское завоевание нанесло удар культуре Азербайджана. В период владычества монгольских династий продолжалась тюркизация Восточного Закавказья; туда принудительно переселялись, особенно при Тимуре, тысячи семей из Средней и Малой Азии.

С XIV в. в Азербайджане начали складываться отдельные феодальные ханства. К XVIII в. страна была раздроблена между целым рядом ханств: Кубинское, Шемахинское, Бакинское, Ганджинское, Карабахское, Нахичеванское, Талышинское и др., частично зависимые от Персии. В начале XIX в.—окончательно в 1828 г.—они были, по договору с Персией, присоединены к России.

К этому времени основная масса населения Азербайджана была уже тюркизирована и сплотилась в единую народность. Русские называли жителей Восточного Закавказья «татарами», «закавказскими татарами». Название «Азербайджан», восходящее к древнему иранскому названию страны «Атропатена», мало употреблялось. После Октябрьской революции население стало называться «азербайджанскими тюрками», а в дальнейшем укрепилось название «азербайджанцы». Язык их иногда называется «азери».

Но и сейчас еще формирование единой азербайджанской нации не закончилось. На территории Азербайджана имеются нетюркизованные еще ираноязычные и другие элементы.

Есть также некоторые этнические группы, говорящие тюркским (азербайджанским) языком, но сохранившие культурно-бытовую обособленность: таковы айрумы (самоназвание «а́йрым») в пограничных с Арменией районах, падары и шахсевены в степных южных районах (в недавнем прошлом кочевники).

Хозяйство. На условия материального производства азербайджанцев влияет характер физико-географической среды. Восточное Закавказье в значительной части представляет собой цепь засушливых степей, переходящих местами в полупустыню. Наиболее известны Сальянская и Муганская степи. Эти степи доступны для земледельческого хозяйства только при условии искусственного орошения и в прошлом они представляли более выгодные условия для скотоводческого, притом кочевого хозяйства. Последнее господствовало здесь с отдаленного времени: о нем говорил еще Страбон.

Своеобразие этих условий влияло и на этнические отношения. Дело в том, что Восточное Закавказье богато зимними пастбищами, но бедно летними (горными) пастбищами. Поэтому в прошлом значительная часть кочевого населения Азербайджана переселялась в летнее время в нагорья Курдистана и Карабаха и, наоборот, в зимнее время кочевники курды, шахсевены и другие спускались оттуда в степи Азербайджана. Сейчас на смену старому кочевому скотоводству пришла отгонная система хозяйства. Колхозный скот на лето отгоняется пастушескими бригадами на горные пастбища.

Животноводство в азербайджанских колхозах вообще поставлено сейчас на рациональную основу. Проводится большая работа по улучшению пород скота: племенные рассадники, метисация, улучшенный уход и кормление.

Наряду со скотоводством земледелие тоже было старинной отраслью хозяйства азербайджанцев. Но оно было очень отсталым, во многом напоминая земледелие соседней Средней Азии. Орудием обработки почвы была примитивная соха—«хыш» и тяжелый деревянный плуг. В очень многих районах земледелие без искусственного орошения невозможно, но оросительная система тоже была весьма примитивной. Азербайджанцы возделывают пшеницу, просо, рис, хлопок, табак, в новейшее время кукурузу. Развито садоводство и виноградарство. По типу хозяйства Восточное Закавказье напоминает как бы уголок Средней Азии, перенесенный на Кавказ.

В настоящее время сельское хозяйство Азербайджана подверглось огромной реконструкции. Помимо технического оснащения, новой научной агрономии, введения ряда новых культур, особенно крупное значение имеет сооружение мощной ирригационной сети.

Из ремесленных производств следует отметить высокоразвитую технику ковроткачества. В Азербайджанской ССР сосредоточено около 70% всего коврового производства Закавказья. Особенно развилось азербайджанское ковроделие в советскую эпоху, когда мастерицы-ковровщицы объединены в артели, условия труда резко улучшились (они были очень тяжелы), выгодный сбыт продукции обеспечен. Ковровое производство постепенно сосредоточивается в более

Балкон жилого дома (г. Куба)

гористых районах, где оно исторически связано с овцеводством и с горно-пастушеским бытом.

В отличие от женского ковроткачества, следует отметить мужское производство вышивок на пяльцах (в Нухинском районе). Есть и другие кустарно-ремесленные производства, мужские и женские: шелкоткацкое, сукнодельное, войлочное, гончарное, деревообделочное и пр.

Очень славится производство медночеканной и гравированной посуды, особенно в татском сел. Лагич, а также в г. Нухе.

Крупная промышленность в Азербайджане была и до революции, но почти исключительно в городе Баку, старом центре нефтедобычи. Бакинская нефтяная промышленность не была связана с собственно Азербайджаном, зато была крепко связана с иностранным капиталом. Сейчас Баку—крупный центр модернизированной социалистической нефтепромышленности—является индустриальным фокусом Азербайджанской ССР. Азербайджанцы составляют значительную часть его рабочих и инженерно-технических кадров. Созданы заново и многие другие отрасли промышленности: энергетическая (особенно Мингечаурский гидроузел на р. Куре) машиностроительная, химическая, текстильная, пищевая и пр.

Азербайджан стал республикой социалистического индустриально-аграрного хозяйства.

Поселения и постройки. В прошлом часть азербайджанцев вела оседлую жизнь, часть кочевую. Сейчас решительно преобладает оседлый быт.

В старых кишлаках Азербайджана, напоминающих среднеазиатские, по обеим сторонам улиц и переулков тянутся глухие стены усадеб, а внутри усадьбы расположены постройки, обращенные окнами и дверями в глубь двора. На улицу, согласно мусульманскому обычаю, не выходят ни окна, ни двери. Дома саманные, тип их тот же, что и в Средней Азии. В некоторых местах (в западных районах) встречается тип дома со сводчатым покрытием и окном вверху—«карадам», сходный с армянским «хацатуном» и грузинским «дарбази». Особенно убоги были хижины бедняков. У айрумов еще недавно бытовали примитивные землянки.

В прошлом встречались и кочевые жилища: это круглая кибитка, но более прими-

тивной конструкции, чем известная в Средней Азии. Строилась она так: втыкались в землю гибкие жерди, концы их пригибались навстречу друг другу, образуя непрерывный свод, покрываемый войлоком. Эта постройка, вероятно, одна из ранних форм развития решетчатой юрты. Она называлась алачиг, или алачуг,—это известное общетюркское слово (на Алтае юрта называется аланчик): отсюда русское слово «лачуга».

Сейчас эти примитивные типы жилищ в Азербайджане встречаются лишь у пастухов на летних пастбищах. Основная масса колхозников живет в новых, благоустроенных жилищах.

Характерное для современного Азербайджана явление—создание ряда городов. Если до революции это была страна в основном сельских поселений (единственными настоящими городами были Баку и Ганджа), то за годы Советской власти в Азербайджане выросло много новых городов и старые реконструированы и благоустроены.

Одежда. Азербайджанская национальная одежда еще слабо изучена. Главные части ее: туникообразная рубаха и широкие шаровары, почти одинаковые у мужчин и женщин. Верхней одеждой женщин служит кофта с длинными рукавами, а поверх нее—распашной «архалук», сшитый в талию, с глубоким вырезом на груди, и широкая со сборками юбка, иногда несколько, одна поверх другой. Вне дома женщина прежде должна была носить чадру, которая закутывала ее всю с головы до ног; горожанки носили, кроме того, особую занавеску для лица—«рубенд»—с отверстиями для глаз. Этот старый костюм теперь совершенно исчез. Зато женщины продолжают носить шелковый головной платок «кэлэгайы». Мужская верхняя одежда—короткий распашной архалук, плотно облегающий фигуру, и длинная узкая «чуха» (черкеска), часто с газырями. Мужской головной убор—овчинная папаха. Сейчас мужчины почти повсеместно носят городской костюм.

В азербайджанском национальном костюме видно, таким образом, смешение черт кавказских и среднеазиатских.

Исторические особенности общественного строя. В Азербайджане существовали в прошлом—до конца 1-й четверти XIX в.—феодальные ханства—Шемахинское, Нахичеванское, Ганджинское и др., связанные вассальной зависимостью с Персией. Ханы в свою очередь являлись сюзеренами для более мелких феодалов-беков. Остальное население было в состоянии крепостной зависимости: это—крестьянство, так называемые раийят. Затем были ремесленники, жившие в городах и составлявшие цеховые организации. И, наконец, слой рабов. Пережитки рабовладения сохранились и до более поздних времен.

Беки-помещики господствовали и над армянским крестьянством. Местами—в Закатальском округе—власть их распространялась и на часть грузинского населения.

В семейном быту у азербайджанцев сохранялись черты такой же патриархальности отношений, как у армян. Очень приниженным было положение женщины. В резкой форме здесь сказывалось вредное влияние обычая женского затворничества.

Тем более разительные перемены произошли в социальном строе азербайджанского народа после Октябрьской революции и массовой коллективизации. Эксплуататорские классы исчезли. На основе широкой индустриализации Азербайджана сложился многочисленный и политически развитый рабочий класс. Колхозное крестьянство в массе достигло уровня зажиточности. Очень крупное значение имеет для Азербайджана ликвидация прежнего неравноправия женщин. И в колхозах, и в промышленности, и среди интеллигенции женщина-азербайджанка теперь занимает равное место с мужчиной. Тысячи женщин-врачей, учительниц, много женщин-инженеров, научных работников с учеными степенями—все это очень характерно для народа, где женщины еще недавно ходили с закрытыми лицами, не смели заговорить с посторонним мужчиной. Однако в быту встречаются еще пережитки прежнего подчиненного положения женщин.

Религиозные пережитки. Традиционной религией Азербайджана является ислам в шиитской форме, что объясняется исторической связью с Ираном. Кроме шиитов имеются и сунниты, а также последователи мусульманских сект—бехаисты, али-аллахи.

Нельзя не упомянуть здесь о некоторых изуверских обычаях и обрядах, сохранившихся в шиитской религии. Таков, например, праздник «Шахсей-Вахсей», справлявшийся в память смерти Хуссейна (сына халифа Али) в первых числах месяца мухарема. Празднества отмечались дикими самоистязаниями: фанатики резали и кололи себя саблями, кинжалами. Эти изуверские обряды держались вплоть до недавнего времени, будучи поддерживаемы шиитской церковью. Сохранились и домусульманские

верования, перемешавшиеся с мусульманскими: вера в злых духов—джиннов, в духов природы, культ могил, магические обряды.

Народное творчество. Из ценных элементов азербайджанской культуры следует отметить очень развитый фольклор, например народные сказания и песни о Кёр-оглы и др. Исполняют их народные певцы—ашуги. Их выступления и сейчас очень популярны. Азербайджанские сказки опубликованы уже в советское время. Изучение их показывает очень пестрый характер сюжетов, что отчасти говорит о сложности состава азербайджанского народа.

Азербайджанская музыка носит гораздо более «восточный» колорит, чем музыка армян и тем более грузин. Она одноголосна, а если поет хор, то в унисон. Музыкальные инструменты—смычковая кеманча, щипковые саз и тар, духовые—зурна, дудук; разные виды ударных. Из традиционных музыкальных форм особенно характерны «мугамы»—большие вокально-инструментальные произведения, исполняющиеся певцами и ансамблями народных инструментов.

Еще до революции были удачные опыты создания на национальной основе новых музыкальных форм: композитор Узеир Гаджибеков—автор первой азербайджанской оперы «Лейли и Меджнун» (1908), оперетты «Аршин-Мал-Алан» (1913), нескольких других опер. В советскую эпоху сложилась новая музыкальная культура азербайджанского народа. В 1920 г. в Баку открыта консерватория (имени У. Гаджибекова). Национальными композиторами создан ряд опер, симфонических произведений.

Изобразительное искусство проявилось в художественной орнаментике, особенно в коврах. Азербайджанские ковры во многом напоминают армянские. От персидских они

Азербайджанка в национальном костюме (г. Нуха)

отличаются отсутствием округлых линий орнамента, сильной стилизацией изображений. Прекрасен и разнообразен орнамент в резьбе по дереву и камню, в чеканке по меди, в вышивке и пр.

10. НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА

Помимо крупных народов, имеющих свои союзные и автономные республики или автономные области, на Кавказе есть целый ряд национальных меньшинств, мелких и обособленных этнографических групп. В числе их надо отметить прежде всего ираноязычные народности—татов, талышей и курдов.

Таты. Таты занимают северо-восточную часть Азербайджана, главным образом бывший Кубинский уезд. Они живут также в Дагестане. Численность татов трудно точно установить. При переписи 1926 года татами называли себя свыше 30 тысяч человек, но на татском языке говорило около 70 тысяч человек. По языку—это иранцы, представляющие собой, по-видимому, иранизированные, но не тюркизированные остатки древнего населения Закавказья. Впрочем, происхождение татов не совсем ясно. По своей культуре они мало отличаются от азербайджан-

Азербайджанский ковер с портретом Фирдоуси (работа советского мастера)

Старый талышский дом (налево) с новой пристройкой (направо).

цев; все оседлы и занимаются земледелием. По религии они мусульмане-шииты. Татами называют себя также—и говорят на том же языке—горские евреи, о которых речь будет ниже. Наконец, татами называется и небольшая группа татоязычных армян—христиан-грегорианцев.

В настоящее время большинство татов быстро ассимилируется по языку с азербайджанцами.

Талыши. Талыши расселены в трех южных районах Азербайджана: Ленкоранском, Лерикском и Астаринском (это область «Талыш», южная часть бывш. Ленкоранского уезда). По переписи 1926 г. их около 77 тыс. человек. Есть предположение, что талыши—потомки древних мидийцев.

Национальное самосознание у талышей двойственное: в равнинных местностях они в значительной мере ассимилировались с азербайджанцами, считают себя азербайджанцами, хотя сохраняют и свой талышский язык; школьное преподавание с 1939 г. ведется на азербайджанском языке. В горах же—сознают свою национальную обособленность, азербайджанский язык понимают не все.

Тип хозяйства здесь, вследствие жаркого и влажного субтропического климата, иной. Традиционная культура—рис. Хлеба прежде почти не знали. Старое талышинское выражение: «пойду и съем хлеб»—почти равнозначно нашему: «пойду и утоплюсь». Обычное кушанье—рисовый плов, лепешки, лаваш из рисовой муки. Поселения—разбросанного типа. Дома главным образом камышовые, обмазанные глиной.

В последние годы экономический профиль талышинских районов резко меняется: по решению руководящих органов там вводятся высокоинтенсивные субтропические культуры—цитрусовые, чай и др.

Курды. Особенно большой интерес из национальных меньшинств Закавказья представляют курды—тоже иранской языковой группы—живущие частью в юго-западном углу Азербайджана, на Карабахском нагорье (бывш. Курдистанский уезд), частью в Армении; теперь некоторое числов курдов есть в городах Грузии. В главной своей массе они расселены за рубежом—в Турции, Иране и Ираке, частью в Сирии. В СССР они составляли по переписи 1939 года около 76 тысяч человек. За границей курдов насчитывается от 7 до 8 миллионов.

Происхождение курдов остается не вполне ясным. Их связывают иногда с древними кардухами, которые упоминаются в частности у Ксенофонта. Многочисленная и воинственная народность, курды занимали влиятельное положение в средние века. В X—XI вв. они составляли самостоятельное государство со своей династией. В истории Ирана и Турции курды играли значитель-

Летнее жилище (шатер) курдов (с. Верхнее Неджерлу, Арташатского р-на)

ную роль, как самостоятельная политическая сила. Неоднократно использовали их турки и персы в своих целях, в частности во взаимных войнах. В конце XIX века турецкое правительство натравливало курдов на армян, стремясь при их помощи подавить армянское движение. Но эти эксцессы были искусственно вызваны, так как отношения между обоими народами издавна были дружественными.

В пределах России курды появились в начале XIX века, с присоединением Закавказья. Но и в более раннее время курды в своих перекочевках проникали на Кавказ; есть сведения, что отдельные племена курдов кочевали в Закавказье издавна.

В Иране и Турции курды сохранили старый кочевой скотоводческий уклад доныне почти целиком. Они живут главным образом разведением овец. Овцы—курдючные, грубошерстные. Крупный рогатый скот, ослы и лошади используются для передвижения. Земледелие в прошлом почти отсутствовало либо играло лишь второстепенную роль.

С этим связан и весь уклад жизни курдов. У них имеются зимовки и летовки. Имеются два типа жилищ: на зимовках—землянки, с одним верхним окном, мало отличающиеся от старинных армянских; на летовках же, на высоких нагорных пастбищах, устраиваются временные жилища-палатки. Палатка делается из козьей шерсти черного цвета и представляет собой продолговатый четырехугольник, открытый спереди, т. е. с одной из длинных сторон. У передней открытой стороны очаг из трех камней, на которые ставится котел, кувшин и т. п. Вдоль задней стены глинобитное или каменное возвышение, покрытое войлоком или коврами. Слева помещение для ягнят. Справа хранится утварь, посуда. Палатки эти напоминают бедуинские в Аравии.

Но за годы Советской власти вся экономика и быт курдов глубоко изменились. Разведение овец в курдских колхозах поставлено на рациональную основу. Стада находятся под зоотехническим наблюдением, проводится улучшение пород овец; обработка продукции частью механизирована. Кроме того, значительная часть курдов, получив землю в предгорных районах, перешла к земледелию и оседлому быту.

Национальная мужская одежда курдов состоит из рубашки, куртки и надеваемого поверх них кафтана и из широких шаровар турецкого покроя. Обязательная принадлежность костюма—пояс из шерстяной материи, обертываемый несколько раз вокруг талии; за него затыкали оружие. Головной убор—коническая войлочная или барашковая шапка, поверх которой непременно повязывался платок, разного цвета и формы у различных курдских племен. Иногда платок повязывался прямо на голову, без шапки. Мужская национальная одежда у советских курдов теперь, впрочем, почти не сохранилась. Женская одеж-

Женская национальная одежда курдов-мусульман (с. Верхнее Неджерлу, Арташатского р-на)

да—рубашка, штаны, поверх них поясная одежда из двух отдельных кусков ткани, один спереди, другой сзади. Непременно повязывается шерстяной пояс. Головной убор—разные головные платки. У замужних женщин платок обвязывается вокруг твердой основы, обшивается монетами. Этот своеобразный головной убор («кофи́») сейчас употребляется преимущественно во время праздников.

В связи с сохранением традиционного кочевого хозяйства у курдов держались до недавнего времени и пережитки довольно архаических форм общественных отношений. Зарубежные курды делятся и сейчас на ряд племен, которые представляют собой независимые самостоятельные группы. Во главе племени стоит племенной вождь, фактически феодал, который пользуется огромной властью. Племена делятся на роды, для которых характерен державшийся местами очень устойчиво обычай эндогамии, т. е. заключения браков внутри одного рода, чем поддерживалась замкнутость этих родов и общая замкнутость курдского населения. В СССР племенные названия сохранились главным образом у армянских курдов, а старый родоплеменной строй изжит.

Интересной формой общественных отношений у курдов служила прежде своеобразная кочевая община, которая складывалась в связи с кочеванием на летних пастбищах. Это так называемая «оба», как и у армян,—летнее кочевое объединение довольно неустойчивого типа. Во главе этой группы стоял выборный староста, располагавший большим авторитетом. По возвращении на зимовку «оба» распадались, а весной перед кочевьем на летние пастбища они создавались вновь или в прежнем или в новом составе.

Что касается религиозных верований, у курдов господствует ислам в его суннитской форме; часть курдов (в Карабахе)—шииты. Среди зарубежных курдов есть и сектанты—али-алахи и др. (особенно в Иране). Но наряду с этим у курдов сохраняются пережитки более ранних форм верований, в том числе родовые и семейные формы культа и, в частности, культа предков. Фольклор курдов очень богат. Письменности у них до революции не было, теперь она создана. Культурный уровень советских курдов сильно вырос; среди них теперь до 70% грамотных, в том числе много женщин. Издано много книг; в Ереване выходит газе́та на курдском языке. Есть своя интеллигенция.

Езиды. Обособленную часть курдов составляет группа, известная под названием

Езидка в национальном костюме

езидов (иезидов). Езиды считаются иногда особой народностью, которая зарегистрирована и переписью 1926 года в количестве около 15 тысяч человек. Однако едва ли правильно рассматривать их как отдельный народ. Правда, происхождение езидов вызывало до последнего времени много споров. Но в результате более серьезного изучения культуры и языка езидов дело прояснилось. Езиды составляют часть курдского народа. Они говорят на курманджи—на языке курдов. Вся материальная культура—курдская. Различие лишь в том, что у езидов значительно больше развито земледельческое хозяйство. Они живут оседло в деревнях (в Армении), в городах (в Грузии). За рубежом основная масса езидов сосредоточена в Ираке.

В связи с национальной обособленностью у езидов еще более упорно, чем у прочих курдов, держатся их старые общественные формы. Родовой строй, авторитет главы рода сохранились у них прочнее чем у собственно курдов.

Главное же отличие езидов от остальных курдов заключается в религии. Религия езидов недостаточно изучена. Их называли поклонниками дьявола, приписывая им почитание злого духа. Причиной этого недоразумения служила замкнутость езидов. Будучи окружены суннитским населением, терпя преследования за свои верования и обряды, езиды держатся очень замкнуто и не рассказывают о своей религии. Только после опубликования в конце XIX в. текстов езидских молитв и мифов удалось выяснить, что представляет собой эта религия.

Она носит синкретический характер. Здесь налицо элементы иудаизма и христианства, в частности некоторых его сект (несторианства), влияние ислама; но основу езидизма составила дуалистическая религия древних иранцев—маздеизм. Сами езиды говорят, что они почитают бога, как евреи и христиане, но почитают и ангелов, в том числе одного из главных ангелов—Мелек-Тоуза (Малéк-Тáуз), которого христиане знают под именем Сатаны, а мусульмане—Шайтана. Этот ангел занял самостоятельное положение, отпал от бога, но в конце мира бог его простит. Поэтому езиды не любят, чтобы Мелек-Тоуза ругали, хотя и не молятся ему. У них сохранились и отчетливые следы огнепоклонства—несомненный остаток маздеизма.

С этими религиозными верованиями связана и церковная организация езидов, которая до последнего времени играла и очень значительную социальную роль. У езидов выделяется особое сословие духовенства, которое в свою очередь делится на ряд отдельных сословных групп—до шести. Главное из духовных сословий—это шейхи, наследственное жречество, располагавшее огромной властью, потому что в руках шейхов находились и суд и все управление езидской общиной.

Сейчас советские езиды вместе с курдами-мусульманами, несмотря на сохраняющуюся религиозную обособленность, активно участвуют в развитии хозяйства и культуры страны.

Греки. Греки составляют на Кавказе одну из заметных этнических групп. Численность их—около 153 тысяч. Живут они во многих местах Северного Кавказа и Закавказья, но главные места их сосредоточения—это Цалкинский район Грузинской ССР, в прошлом также около Сухуми в Абхазии и Крымский район Краснодарского края. Имеются греческие национальные районы и сельсоветы. Эти греки—отнюдь не потомки древнегреческих колонистов Кавказа. Они появились из Турецкой Анатолии частью во 2-й половине XVIII в.—приглашенные грузинским царем Ираклием для горных разработок, частью после окончания Кавказской войны, когда русское правительство заселяло земли, опустевшие после ухода

части черкесов и абхазов в Турцию; немало греков переселилось на Кавказ из Турции и в годы первой мировой войны и после нее.

Часть кавказских греков говорит на новогреческом языке. Они называют себя «ромеи», но также зовут себя и греками и эллинами. Остальные, будучи отуречены на прежней родине, говорят по-турецки и называют себя «урум».

Занимаются греки главным образом сельским хозяйством, особенно табаководством. Но немало и греков-горожан. Религия у них—православная, но сохранились и древние дохристианские верования.

Ассирийцы. Ассирийцы—иначе айсоры—живут рассеянными группами в Закавказье и в других частях СССР. Самоназвание их—сураи. Основная область расселения—гористые районы восточной Турции и Ирана. В Турции их считали в 1914 г. 863 тыс., в Иране 76 тысяч. В годы 1-й мировой войны султанское правительство Турции подвергло ассирийцев жестоким преследованиям, а после окончания войны британские империалисты натравили на них курдов. Многие ассирийцы тогда погибли, оставшиеся бежали частью в Ирак, частью в СССР, где их насчитывается теперь около 20 тысяч.

Айсоры считают себя потомками древних ассирийцев, что вполне возможно. Сейчас они говорят на наречиях новосирийского языка, а церковные книги написаны на древнесирийском языке, которого народ не понимает. По религии они христиане разных толков: несториане, яковиты («сиро-халдеи»), ливанские и сирийские католики и др. На своей родине ассирийцы, живя в горах, занимались главным образом, садоводством, виноградарством, скотоводством, а земледелием мало. В СССР айсоры занимаются сельским хозяйством (в Армении и в Грузии есть *ассирийские колхозы), а в городах—физическим* трудом, ремеслами, например чисткой обуви.

В силу национальной и религиозной замкнутости у зарубежных айсоров сохранились патриархально-феодальные пережитки, деление на племена и роды; в горах удерживались первобытно-общинные порядки, но фактическая власть была захвачена духовенством (во главе с «Мар-Шимоном»—патриархом). Сохранились большие патриархальные семьи. В предгорных и низменных районах власть—в руках полуфеодалов-«меликов», формально выборных. В материальной культуре много общего с курдами, с армянами.

Грузинский еврей

У советских ассирийцев быстро преодолевается прежняя отсталость. Есть письменность на основе русского алфавита. Есть свои клубы. Некоторые молодые ассирийцы учатся в высших учебных заведениях.

Евреи. Кавказские евреи делятся на две группы—горских и грузинских евреев,—составляя по общей численности около 45 тысяч человек. Горские евреи, таты, или дагчуфут, живут главным образом в Дагестане, частью в Азербайджане и в некоторых городах Северного Кавказа. По языку они таты, т. е. иранцы. Численность евреев-татов—около 26 тысяч (1926 г.). По культуре они также не отличаются от окружающего населения. *Выделяла их в прошлом только религия* и связанные с нею черты быта.

Это же самое следует сказать и о грузинских евреях, живущих в Тбилиси и других городах и деревнях Грузии. По своей культуре грузинские евреи также не отличаются от окружающего населения, говорят они на грузинском языке. Единственное, что их отличает,—это их религия, благодаря которой они держатся замкнуто. Замкнутость эта есть результат тех преследований, которым они подвергались среди иноверных групп. Поэтому прежде в общественном быту евреев крупную роль играли их религиозные руководители. Соответственно раввинам запад-

Ногайцы в национальной одежде

ных евреев здесь были «хахамы», в руках которых находилась значительная власть над еврейским населением.

По происхождению кавказские евреи, как горские, так и грузинские, очень мало связаны с европейскими и русскими евреями. Они являются потомками древних еврейских поселенцев на Кавказе, возможно, эпохи дохристианской эры.

Цыгане. Закавказские цыгане делятся на две группы: армянские цыгане—боша—и персидские цыгане (в Азербайджане)—карачи. И те и другие по языку и по происхождению связаны с европейскими цыганами. Боша называют сами себя «лом», а карачи—«дом». Численность их составляет всего несколько тысяч.

По быту закавказские цыгане отличаются от цыган Юга России. У них почти не были развиты такие промыслы, как гаданье, торговля лошадьми и т. д. Единственным занятием цыган боша является изготовление сит, корзин и прочих плетеных и деревянных изделий. Это настолько характерно для боша, что их в Армении порой называют ситоделателями. Женщины ходят по деревням и городам, продают эти сита в течение всего лета, а к осени возвращаются домой, так что женщины являются более кочевым элементом, а мужчины сидят дома и занимаются своим промыслом. Карачи в прошлом занимались дрессировкой животных, были странствующими танцорами и музыкантами.

Ногайцы. Перечисленные национальные меньшинства связаны в большинстве с Закавказьем. На Северном Кавказе обособленных национальных групп меньше: к ним относятся два тюркоязычных народа—ногайцы и трухмены (туркмены).

Ногайцы не занимают единой этнической территории. Часть их—так называемые караногайцы—расселена в бассейне нижней Кумы, между ней и низовьями Терека и в северных районах Дагестана. Часть ногайцев живет выше по Куме, часть по Кубани и ее притокам, в северной части Карачаево-Черкесской автономной области (это—ак-ногайцы). Общая численность ногайцев составляла (1926 г.) 34 тысячи.

Происхождение ногайцев более или менее ясно. Самое название этого народа восходит к личному имени. Ногай—был одним из выдающихся политических деятелей Золотой Орды конца XIII в. (убит в 1300 г.), фактическим ее правителем, хотя титула хана он не имел. Непосредственно Ногай управлял землями к западу от Дона, где и кочевала подвластная ему «Ногаева орда». Это назва-

ние сохранилось и позже за населением, кочевавшим в степях Приазовья. Московские документы XVI—XVII веков содержат много известий о ногаях и, в частности, сообщают о двух ногайских ордах—больших и малых ногаях. Первые кочевали за Волгой, вторые—западнее. И с теми и с другими русским приходилось немало воевать. С другой стороны, ногайцы участвовали в войнах русских против кабардинцев, калмыков и дагестанцев.

В течение XVIII века ногаям пришлось пережить целый ряд довольно сложных перипетий. Они участвовали в походах Петра I; часть ногаев попала на Балканский полуостров; позднее они были обратно переселены на Кавказ. Часть их, именно малые ногаи, кочевала в степях Крыма и Северной Тавриды. Основная масса ногайцев с конца XIX в. осталась на Северном Кавказе. Часть их обосновалась на северо-востоке, а часть на северо-западе Кавказе.

У ногайцев до настоящего времени сохранились следы деления на племена. У них известны 3 племенные группы, каждая из которых делится на отдельные роды. Названия племен—Джембойлуки, Едишкульцы и Едисанцы—позднего происхождения. Но названия их подразделений—родов, сохранившиеся у ногайцев,—роды Найман, Кыпчак, Уйсун и др.—более древни и они указывают на происхождение ногайского народа от тех же кочевых тюрко-монгольских элементов, из которых сложился ряд других кочевых тюркоязычных народностей.

Хозяйственный и культурный уклад ногайцев до новейшего времени сохранял архаический кочевой облик. Кочевое и полукочевое скотоводство еще недавно составляло основу хозяйства ногайцев, в особенности северо-восточных. Скотоводство здесь такого же типа, как у казахов и других народов Средней Азии. Однако на Кубани ногайцы еще в XIX веке под влиянием своих соседей, перешли на оседлость и занялись земледелием. В советскую эпоху роль земледелия сильно возросла, особенно в связи с тем, что масса ногайского населения получила землю.

Материальная культура в основном напоминает казахскую с сильным, однако, влиянием культуры кавказских народов.

До революции основным типом жилища была круглая решетчатая юрта («термэ») казахского типа (о ней подробно будет сказано ниже). Но интересно, что рядом с этой юртой сохранялся другой тип юрты, который

Туркмен (Сев. Кавказ)

больше ни у одного из кочевых народов до настоящего времени не удержался. Это «отов»—кибитка, также на решетчатой основе, такой же формы, но меньшего размера, которая не разбиралась, а в целом виде ставилась на арбу и снималась с арбы. Отов употреблялся главным образом как свадебная юрта. Подобного рода кочевые жилища мы знаем только по описаниям и рисункам в записках путешественников XIII века, у Плано Карпини и Рубрука. Сейчас господствуют турлучные (плетень, обмазанный глиной) постройки.

В одежде преобладает кавказский тип с элементами среднеазиатского типа. В настоящее время она частично вытеснена одеждой русского типа.

Социальный строй ногайцев в прошлом может быть охарактеризован как патриархально-родовой строй, находившийся в стадии разложения. Оформленных сословий, резко выраженного классового расслоения у ногайцев не было. Только у западных ногайцев под влиянием черкесов сложились сословные группы: султаны и мурзы, свободные и несвободные крестьяне (освобождение зависимых сословий произошло в 1867 г.).

В связи с этим стоит сохранение целого ряда патриархально-родовых обычаев и традиций.

В религии можно отметить преобладающую роль ислама-суннизма, в очень сильной степени повлиявшего на верования ногайцев; домусульманские верования сохранились слабо.

Письменности у ногайцев до революции не было. Она была создана в 1928 г., ныне успешно развивается на основе русской графики. Культурный уровень сейчас резко повысился.

Туркмены. Одной из мелких тюркоязычных групп на Кавказе являются «ставропольские туркмены» (трухмены, около 15 тыс.). Это—группа туркмен из Средней Азии, поселившаяся на Кавказе в XVII в. По культуре своей они мало чем отличаются от окружающего населения. Они в сильной степени утратили свой кочевой тип, перейдя к полуоседлому образу жизни, и лишь их язык и исторические связи соединяют их с Туркменистаном.

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует остановиться коротко на тех бытовых особенностях, которые придают конкретное своеобразие социалистическому строительству и культурной революции на Кавказе и порождают некоторые особые практические задачи.

Устранение национальной розни. Первая и важнейшая задача, которую предстояло разрешить Советской власти на Кавказе, состояла в ликвидации корней межнациональной розни. Именно на Кавказе она особенно давала себя чувствовать, и больше всего в Закавказских республиках. Там существовала грузино-армянская рознь, армяно-азербайджанская рознь и др. Сказывался грузинский национальный шовинизм, не признававший равных прав за национальными меньшинствами Грузии; сказывался и азербайджанский национальный шовинизм. В прошлом эта национальная рознь и антагонизм имели, как мы уже знаем, классовые корни.

Поэтому задача выкорчевывания этих корней, уничтожения причин национальной розни могла быть разрешена лишь путем устранения тех паразитических общественных классов, которые искусственно разжигали вражду. Эта задача и была разрешена. Ныне корни межнационального антагонизма на Кавказе уничтожены. Сохраняются только пережитки прежней розни в сознании людей, которые наряду с другими вредными пережитками изживаются лишь постепенно.

Ликвидация малоземелья и освоение новых земель. Вторым большим злом, тяготевшим над народами Кавказа, особенно высокогорных областей, была крайняя земельная нужда. В горах Дагестана, Осетии и других областей подавляющая масса населения не имела даже необходимого минимума пригодной для обработки земли. Поэтому первое, что необходимо было сделать для этих людей,—это обеспечить их землей.

Это нужно было сделать, и это было сделано путем расширения землепользования прежде всего населения гор. В границы Дагестана были включены прилегающие равнинные районы на севере. За определенными горными аулами были закреплены те «кутаны» на равнине—зимние пастбища,—которые раньше им приходилось на тяжелых условиях арендовать. Теперь многие дагестанские колхозы используют эти кутаны вдвойне: зимой гоняют туда скот, а летом сеют там полевые и огородные культуры. Некоторые горные аулы Дагестана, особенно бедствовавшие без земли, были целиком переселены на равнину.

Такое же переселение имело место в Северной Осетии. Ее высокогорные районы заселялись в давние времена людьми, которых оттесняли туда более сильные соседи, и люди жили там в неблагоприятных условиях, без пригодной для обработки земли. Теперь население ушло на равнину, в горах пасут лишь скот. Из горных ущелий Северной Осетии за 3 года была переселена на равнину 21 тыс. семейств. Здесь выросли новые аулы, зажиточные и благоустроенные.

Но и в равнинных, более богатых землей районах происходит расширение культурной земельной площади за счет освоения безводных степей и предгорий путем больших оросительных работ. Крупные ирригационные сооружения проведены и проводятся прежде всего в Азербайджане (Мингечаурский гидроузел, орошение степей по нижней Куре и Араксу), в Армении (система

каскадов на стоке оз. Севан), в Дагестане (каналы на рр. Тереке и Сулаке). Напротив, в Западной Грузии—болотистой Колхидской низменности—проводятся обширные осушительные работы, которые уже дали стране десятки тысяч гектар новой плодороднейшей земли.

Индустриализация. Одной из важнейших задач экономической политики на Кавказе было развитие промышленности. До революции почти весь Кавказ—за исключением немногих промышленных очагов, как Баку, Грозный, Тифлис, Чиатура, Батум,—представлял собой страну, индустриально почти неразвитую. Богатейшие сырьевые и энергетические ресурсы лежали почти неиспользованными. С первых же лет установления Советской власти на Кавказе началась усиленная работа по индустриализации, особенно в национальных республиках и областях. Больше всего продвинулось это дело в годы пятилеток накануне и после Отечественной войны. Сейчас по своему промышленному развитию республики и области Северного Кавказа и Закавказья не отстают от передовых индустриальных областей Советского Союза.

Рядом с важнейшим Бакинским нефтепромышленным районом, где нефтедобыча перевооружена новой техникой и чрезвычайно выросла, создан ряд новых центров нефтепромышленности: Грозный, Майкоп, Ширакская степь и др. В Северо-Осетинской АССР крупное значение получила цветная металлургия (Садонское месторождение). В Грузии наиболее развиты марганцовая промышленность (Чиатура), каменноугольная (Ткибули, Ткварчели) и др. Во многих местах создана машиностроительная промышленность (Армавир, Грозный, Тбилиси, Баку и пр.). Текстильная промышленность—главным образом выработка хлопчатобумажных и шелковых тканей (Баку, Кировабад, Ленинакан, Гори и др.). Многочисленны предприятия пищевой промышленности: мукомольной, фруктоконсервной, фруктосушильной, эфиромасличной, сыроваренной, маслодельной, чайной и ряд других, позволяющих использовать богатейшую продукцию сельского хозяйства Кавказа.

Огромное значение имеет строительство электростанций, особенно на базе гидроэнергии.

Новая социалистическая промышленность втягивает массу национального населения, формируя кадры рабочего класса из среды местных национальностей, в том числе тех, которые прежде составляли сплошь сельское, аграрное население.

Борьба с пережитками патриархально-родового строя. Важнейшей проблемой, связанной с особенностями быта более отсталых народов гор, было ликвидировать вредные остатки патриархально-родового строя. Нигде в других частях Советского Союза не давали себя чувствовать с такой резкостью и силой отрицательные стороны патриархально-родового строя, как обычай родовой мести и др. нигде они так упорно не держались, как именно на Кавказе. Для преодоления этих пережитков необходимо было принять особые меры, которые и проводились весьма энергично в первые годы Советской власти.

Одна из таких мер имела целью специально ликвидацию кровной мести. Дело в том, что просто запретить кровную месть, которая глубоко вросла в обычаи населения, было трудно, и это могло бы вызвать недовольство отсталой части горцев. Пришлось воспользоваться теми же старыми обычаями, в частности обычаем примирения кровников: по инициативе партийных организаций было устроено массовое примирение кровников в целой области; оно прошло по всем правилам традиционной обрядности, так что старые нормы обычного права были целиком соблюдены. После этого было объявлено о прекращении всех кровных счетов. Сейчас обычай кровомщения почти повсеместно забыт.

С эпохой патриархально-родового строя связан и такой вредный пережиток, особенно резко чувствовавшийся на Кавказе, как униженное положение женщины. Это заметно было по преимуществу тоже у населения гор: у народов Дагестана, Осетии, но также у азербайджанцев, в меньшей степени у армян и грузин. Неполноправие женщин, идущее от эпохи патриархально-родовых отношений, было особенно закреплено и освящено мусульманской религией. Понадобились особые меры вовлечения женщин в советскую работу, настойчивая разъяснительная кампания, мероприятия по экономической помощи женщинам-беднячкам (например, кампания «пальто горянке»), чтобы преодолеть вековую замкнутость женщин, втянуть их во все звенья общественной работы. Сейчас во всех республиках и областях Кавказа есть множество женщин-активисток, работниц промышленности, женщин со средним и высшим образованием, женщин интеллигентных профессий.

Однако и у народов Кавказа имеются идущие из прошлого традиции, которые можно считать не вредными, а скорее полезными. Это обычаи гостеприимства, обычаи куначества и побратимства, обычаи соседской взаимопомощи.

Вот один из примеров того, как старинный обычай соседской взаимопомощи был использован при создании первых колхозов. В Гудаутском районе Абхазии первый колхоз был организован в 1927 году в с. Дурипше. Его назвали «Кераз», а «кераз»— это абхазское название обычая соседских помочей, которые устраивались чаще всего при полевых работах или в тех или иных экстренных случаях; так же называлось прежде и крестьянское ополчение, которое в случае военной тревоги защищало аул от нападения врага; под названием «кераз» выступило и революционное крестьянское объединение в 1917 г. Это близкое всем абхазским крестьянам наименование и было избрано, чтобы сделать понятной идею нового типа сельскохозяйственных объединений[1].

Есть еще характерная черта, порожденная старым бытом, которая оказалась очень полезной. Это уважение к старшим, к старикам, которое особенно чувствуется у населения Кавказа. Связь этой черты с патриархально-родовыми традициями ясна. Но в наши дни она получила совершенно новое значение. Показателен следующий факт. В первые годы колхозного движения, когда надо было мобилизовать все возможности для того, чтобы помочь ему укрепиться, на Северном Кавказе был созван съезд стариков-колхозников. Важно было использовать авторитет старых мужчин и женщин для того, чтобы помочь этим авторитетом укрепить авторитет колхозного строя. Это было положительным мероприятием, оно принесло определенную пользу. И не случайно, что это было именно на Кавказе.

[1] См. «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952, стр. 63—65.

Культурная революция. Следующее, что характеризует особенности социалистического строительства и культурной революции на Кавказе, это то, что здесь с самого же начала необходимо было принять срочные меры для ликвидации хозяйственной и культурной отсталости населения, в особенности горцев. Горные народы Кавказа до революции принадлежали к числу народов, стоявших на сравнительно низком экономическом и культурном уровне, несмотря на относительную географическую близость их к центрам древних культур. Дело было не только в почти поголовной неграмотности, культурной отсталости в узком смысле слова, но и в том, что общий уровень экономической жизни стоял слишком невысоко; почти или даже совершенно не было промышленного пролетариата, не было крупной промышленности. В связи с этим для подъема культурного уровня недостаточно было таких мер, как школьное строительство, развитие дошкольной сети и т. д., а необходимы были мероприятия по индустриализации и экономическому развитию этих районов. Индустриализация республик и областей Кавказа, о ней уже говорилось выше, появление кадров национального рабочего класса—все это означало не только экономический рост, но и изжитие культурной отсталости и фактического неравноправия наций.

В настоящее время даже в самых глухих горных местностях Кавказа бьется живой пульс культурной жизни. Работают тысячи начальных и средних школ, преподавание в них ведется в первых четырех классах на местных языках, с 5-го класса—на русском. Имеются десятки техникумов. В каждом селении есть клубы, библиотеки с книгами на местных и других языках. Широко развернулась сеть медицинских учреждений. Работает уже много учителей, врачей и других культурных работников из местных национальностей. Есть и научные работники с учеными степенями и званиями, в том числе и этнографы.

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. ВВЕДЕНИЕ

Средняя Азия—ближайшая соседка Кавказа, но гораздо больше его по размерам. Она отделена от него только Каспийским морем. Она расположена приблизительно на той же географической широте. Исторически Средняя Азия была, подобно Кавказу, по крайней мере в своих южных частях, близка к центрам древних цивилизаций и подвергалась их влиянию. Естественно, что многое в истории и культуре народов Средней Азии сходно с тем, что мы видели на Кавказе. Но при всем том—как много и различий!

Подобно Кавказу, и Среднюю Азию можно разделить на две основные физико-географические зоны, и это деление отразилось на историко-этническом развитии населения: это 1) равнинная зона и 2) высокогорная зона. В первой из них, как в «плоскостной» части Кавказа, издавна складывались благоприятные условия для развития производительных сил. В высокогорных же районах, в условиях скудной природы, земельной тесноты и географической изоляции, консервировался сравнительно низкий уровень их развития.

Но существенная разница между Средней Азией и Кавказом состоит прежде всего в том, что если для Кавказа наиболее характерна именно горная его часть, то в Средней Азии равнинные области далеко преобладают над горными. Именно равнины Средней Азии были той территорией, на которой издавна протекали основные этногонические процессы, формировался этнический облик страны.

И вот по этому-то этническому облику Средняя Азия во многом составляет контраст с Кавказом.

Если на Кавказе, в долинах и ущельях его гор, доныне сохранилось множество мелких, обособленных этнических групп, то

в Средней Азии, напротив, сложилось несколько крупных национальностей. Этническая и языковая дробность в основном давно преодолена.

Причины этого—опять-таки географические и исторические. Открытые пространства равнин Средней Азии давали возможность оживленных сношений, широких передвижений народных масс и интенсивного экономического и культурного обмена. Благодаря этому на территории Средней Азии издавна складывались крупные этнические образования. Здесь не раз создавались большие межплеменные объединения и государства. Поэтому в Средней Азии нет—если не считать некоторых горных районов—той племенной раздробленности, обособленности мелких этнических групп, какую мы видели в горах Кавказа.

Равнины Средней Азии по характеру природных условий в свою очередь можно разделить на два основных ландшафта, но в этом разделении важнейшую роль играл уже человеческий труд. Вдоль течения больших рек и их притоков издавна сложилась система искусственного орошения, и там выросли созданные руками человека цветущие плодородные оазисы. Вся же остальная поверхность Среднеазиатской низменности с ее крайне засушливым климатом, в прошлом недоступная для искусственного орошения, представляла собой сухую степь, местами травянистую (бóльшая часть Казахстана), местами полупустынную, переходящую в настоящую пустыню (Туркмения). Лишь в наши дни труд советских людей на основе высокой социалистической техники позволяет преобразовать в богатые оазисы еще новую громадную площадь, отвоевывая ее у безжизненной степи и пустыни.

Именно земледельческие оазисы Средней Азии и были с древних времен очагами высокой культуры. Они были центрами притяжения для народов степи и фокусами кристаллизации основных этнических объединений.

Национальный состав. В Средней Азии, в отличие от горного Кавказа, а также от Сибири и Севера, вместо разрозненных мелких племен, мы находим крупные этнические массивы. Несмотря на то что территория Средней Азии очень велика, здесь налицо всего лишь 6 крупных наций, не считая мелких национальных групп, о которых мы скажем в дальнейшем. Эти шесть основных наций Средней Азии следующие: 1) узбеки (4,8 млн.), 2) казахи (свыше 3 млн.), 3) таджики (1,2 млн.), 4) киргизы (884 тыс.), 5) туркмены (около 812 тыс.) и, наконец, 6) каракалпаки (186 тыс.).

Из этих 6 крупных национальностей пять образуют Союзные советские республики. Только каракалпаки имеют Автономную ССР.

По языку они распределяются на следующие группы.

Таджики принадлежат к иранской группе народов, т. е. входят вместе с другими иранскими языками в семью индоевропейских языков. Остальные 5 народов—тюркоязычные. Подразделяя их на более мелкие группы, мы находим, что казахи и киргизы вместе с каракалпаками входят в северо-западную, или кипчакскую, ветвь тюркоязычной группы. Узбеки принадлежат к юго-восточной, или кашгарской (чагатайской), ветви тюркских языков, а туркмены входят в юго-западную (туркменскую, или огузскую) ветвь.

Таким образом, перед нами не только наличие крупных наций, но и значительное однообразие языковых группировок. Мы видим почти полное преобладание тюркских языков, очень близких друг к другу, и только одну национальность, не входящую в эту языковую группу.

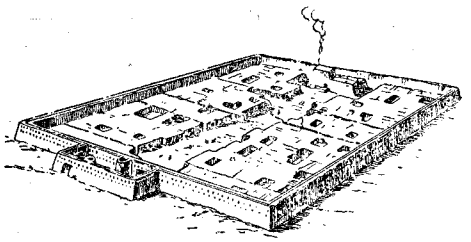
Антропологические типы. Сравнительно однороден и антропологический состав населения, хотя он несколько сложнее, чем на Кавказе. Советские антропологи (Ярхо, Ошанин) выделили два основных европеоидных и один или два монголоидных типа среди народов Средней Азии; между собой они часто смешаны. Европеоидные типы—это «закаспийский», преобладающий среди туркмен, темно-пигментированный и длинноголовый; «памиро-ферганский» тип (или «тип среднеазиатского междуречья», названный так по его локализации в основном между рр. Аму- и Сыр-Дарьей), характерный для таджиков и узбеков; он отличается от закаспийского типа короткоголовостью. Господствующий монголоидный тип—так называемый «южносибирский», с нерезко выраженными монголоидными признаками; его теперь чаще считают не самостоятельным расовым типом, а продуктом смешения монголоидной и европеоидной рас; преобладает среди казахов и киргизов, встречается в виде примеси у узбеков. Чисто-монголоидный «центрально-азиатский» антропологический тип представлен среди киргизов и (реже) казахов.

Краткие исторические сведения. История народов Средней Азии известна нам начиная с древнейших времен. Страна населена была еще в эпоху нижнего палеолита. Это подтверждается сделанной в 1938 году в Узбекистане (Тешик-Таш) находкой остатков скелета неандертальца. В эпоху неолита и ранней бронзы в Средней Азии была сравнительно высокая культура. Археологические работы Хорезмской экспедиции (С. П. Толстова) за последние годы раскрыли в бассейне нижней Аму-Дарьи непрерывную последовательность культурного развития с эпохи неолита (III тысячелетие до н. э.) и вплоть до позднего средневековья. С конца 1-й половины I тысячелетия до н. э., с эпохи Ахеменидов, появляются и письменные свидетельства об интересующей нас области. Средняя Азия входила, по крайней мере отчасти, в состав Персидской Ахеменидской империи, и народы ее упоминаются уже в надписях царя Дария. К этой же почти эпохе относятся первые упоминания о народах Средней Азии у греческих авторов, в частности у Геродота.

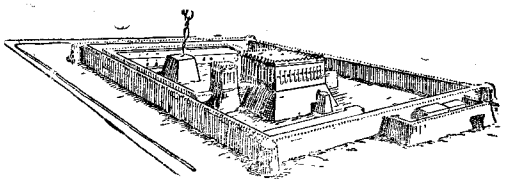
В середине первого тысячелетия до н. э. в Средней Азии существовало примерно такое же соотношение двух основных хозяйственных типов, какое мы находим впоследствии: земледельческие оседлые народы в оазисах и кочевое население степей. В земледельческих оазисах жили народы, которые именуются в наших источниках согдийцами и хорезмийцами—население Согдианы (бассейна Зеравшана) и Хорезма (нижней Аму-Дарьи). Степи же были населены кочевниками-скотоводами, известными под именем массагетов к югу от Сыр-Дарьи и саков к северу от этой реки. В бассейне верхней Аму-Дарьи обитали бактрийцы и другие горные народы. По-видимому, все это были ираноязычные народности.

Однако очень вероятно предположение, что в то время в Средней Азии были и народы яфетидоязычные, т. е. родственные по языку народам Кавказа. Это предположение подкрепляется открытием языка до сих пор существующих на южных склонах Гиндукуша яфетидоязычных вершиков (буришков).

Не совсем ясно первоначальное местообитание еще одного, особняком стоящего народа—тохаров. Тохары составляли по языку самостоятельную ветвь индоевропейской семьи, притом ветвь, занимающую место как бы посередине между восточными и западными индоевропейскими языками (по некоторым признакам тохарский язык сближают с фракийскими и даже со славянскими языками). Памятники тохарского языка обнаружены (1904 г.) в Синьцзяне: они относятся к V—X вв. н.э. До этого тохары жили в Бактрии, куда проникли, видимо, во II в. до н. э.,—это известно по античным свидетельствам. Где жили тохары в более раннее время, в точности не установлено, но С. П. Толстов связывает с ними некоторые памятники последних веков до н. э. и первых веков н. э. в низовьях Сыр-Дарьи, в частности группу городищ Джеты-Асар.

Реконструкция замка Джанбас-кала кангюйской эпохи (начало н. э.) Хорезм

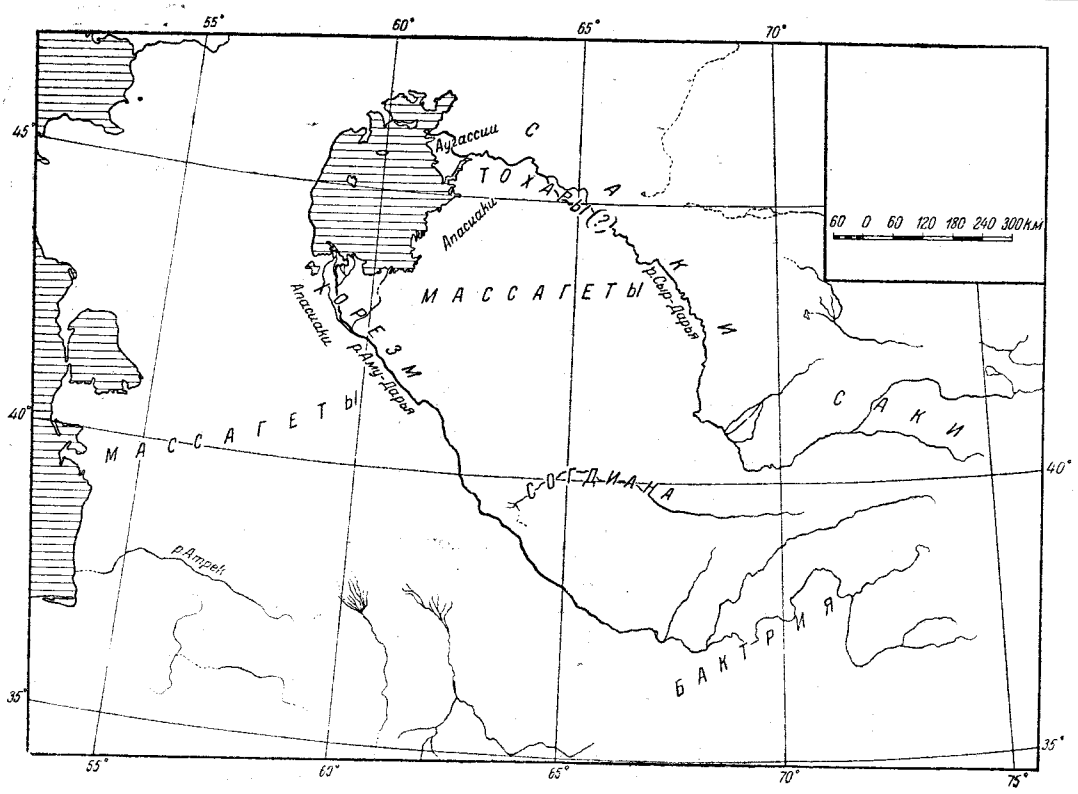

Реконструкция замка Тешик-кала афригидской эпохи (VII—VIII вв.)

По антропологическому типу все названные народы принадлежали к европеоидам.

Преобладание языков иранской группы в древней Средней Азии свидетельствует о глубоких исторических связях с Ираном. Эти связи проявились и в общности религиозных верований. Государственная религия Ахеменидской Персии—маздеизм, или зороастризм, связанный с культом огня и дуалистической мифологией,—была распространена и в Средней Азии. Некоторые советские историки (Струве, Толстов) полагают даже, что родиной маздеизма были именно северо-восточные области Ирана—Бактрия и прилегающие к ней части нашей Средней Азии.

Новейшими, главным образом археологическими, исследованиями (Толстов) вообще устанавливается, что земледельческие оазисы Средней Азии представляли собой в древности один из крупных и самостоятельных центров цивилизации. Памятники городской архитектуры, остатки широко разветвленной сети оросительных каналов, впоследствии разрушенных вражескими вторжениями, наличие собственной письменности—хорезмийское письмо, открытое тем же Толстовым,—все это указывает на высокий уровень культуры, достигнутый народами Средней Азии еще до начала нашей эры.

Страны и народности Средней Азии в античную эпоху

В конце IV в. до н. э. походы Александра Македонского захватили и территорию Средней Азии. Но греко-македонское завоевание не принесло изменений в этнический состав страны. Греческие и македонские элементы были немногочисленны, и очень скоро сама Македонская империя распалась на составные части, в каждой из которых власть постепенно перешла в руки местных элементов. Средняя Азия была поделена между двумя государственными образованиями: восточная ее часть вошла в Греко-Бактрийское государство, которое уже в середине III в. до н. э. занимало очень большую территорию, доходившую до границ Западной Индии, но просуществовало сравнительно недолго. Западная и юго-западная часть вошли в состав Парфянского царства, которое представляло собой крупную политическую силу вплоть до первой половины III в. нашей эры.

Образование обоих названных государств, по-видимому, не сопровождалось какими-либо существенными изменениями ни в этническом составе населения Средней Азии, ни в его распределении на культурно-хозяйственные типы.

Со II в. до н. э. имеются известия о кочевом народе усунь, занимавшем восточную часть Средней Азии—Прибалхашье и Семиречье (Илийский край). Есть предположения (Бартольд и др.), что усуни проникли сюда с востока, может быть, отступая в борьбе с хуннами (гуннами). Но возможно, что они составляли аборигенное население Семиречья. Каким языком говорили усуни, мы не знаем. Антропологически они были, видимо, европеоидами. Предполагают, что усуни, впоследствии растворившиеся в массе пришлого населения, исторически связаны с современными киргизами, которые расселены на той же территории.

Китайские источники упоминают о появлении в Средней Азии приблизительно в то же время (в 1-й половине II в. до н. э.) народа «юэчжи», или «да-юэчжи» (большие юэчжи). Это были кочевники, они воевали с хуннами и были разбиты, после чего перекочевали на запад и заняли область по р. Гуй-шуй, т. е., видимо, по средней и нижней Аму-Дарье, в том числе и Хорезм. Кто были эти юэчжи? Хотя китайские известия говорят о перекочевке их с востока—примерно из Синьцзяна и Ганьсу,—но советские историки (Толстов и др.) полагают, что «большие юэчжи»—это массагетские племена («массагеты»—«большие геты»), может быть, смешавшиеся с тохарами. Следовательно, это не был новый для Средней Азии этнический элемент.

Во II же веке до н. э. начались походы китайцев в Среднюю Азию. Китайское государство при династии Хань (206 г. до н. э.—220 г. н. э.) достигло большого могущества. Китайцам удавалось временами подчинить себе страны Средней Азии, но укрепить там свою власть они не могли. Зато в эту эпоху

завязались тесные торговые связи с Китаем и обмен культурными благами: народы Средней Азии научились у китайцев шелководству, а сами передали китайцам умение разводить хлопок, люцерну, посылали туда своих высоко ценившихся («небесных») коней.

Около начала нашей эры юэчжийские (т. е. массагетские?) племена, смешавшиеся с тохарскими и частью перешедшие к оседлости, образовали мощное государство во главе с династией Кушанов. Кушанские цари покорили оседло-земледельческие народы Средней Азии, завоевали области теперешнего Афганистана, Кашмира, северо-западную Индию и Синьцзян. Государство «Великих Кушанов», или «Индо-Скифское», как называли его греки, было в I—II вв. одним из самых крупных в тогдашнем мире—особенно при царе Канишке (конец I—начало II в).

Этнический состав Кушанского государства был пестрым. В составе населения его среднеазиатских областей особых перемен в то время, видимо, не произошло; но вопрос этот остается неясным, ибо не установлено этническое происхождение основного ядра Кушанского царства—юэчжей—и связь его с тохарами.

Кушанское объединение сыграло большую положительную роль в культурном развитии народов Средней Азии. Интенсивные экономические и культурные связи с Индией выразились в распространении в Средней Азии буддизма (который старались ввести еще бактрийские цари в качестве противовеса враждебному им маздеизму), а вместе с ним шло влияние индийского искусства, письменности, науки.

После падения «Индо-Скифского» царства (III в.) политическое преобладание в Юго-западной Азии перешло к сасанидской Персии. В эпоху Сасанидов (III—VII вв.) культурное влияние Ирана на народы Средней Азии достигло своего апогея. Насколько оно отразилось на самом этническом составе населения Средней Азии, где и прежде, по-видимому, преобладали ираноязычные элементы,—об этом трудно судить.

Неясен также этнический состав основного ядра созданного на территории Средней Азии большого объединения V—VI вв.—государства Эфталитов («белых гуннов»); предполагается, однако, наличие в нем тюркских элементов.

В середине VI в. Средняя Азия подвергается нашествию с востока, и на этот раз здесь появляются этнические элементы, для нас совершенно ясные: в пределы Средней Азии вторгаются тюрки. Появление их было связано с образованием великой тюркской империи VI в., охватившей огромную территорию от Маньчжурии почти до Каспийского моря. Ядром ее был народ, который называл себя тюрк или кök-тюрк (голубые тюрки). Язык и этнический облик этого народа хорошо известен из енисейско-орхонских памятников VII—VIII вв.

Эта империя скоро распалась на восточную и западную половины. Первая скоро попала в продолжительную зависимость от Китая. Что касается западных тюрков, то они, обосновавшись в Средней Азии, подчинили себе оседлое ираноязычное население. Но они слабо смешивались с ним, ибо тюрки не выходили из степей, не селились ни в городах, ни в земледельческих районах и сохраняли в основном кочевой образ жизни. Исключение составляли только районы низовьев Сыр-Дарьи, где довольно рано, еще до конца 1-го тысячелетия н. э. наметилось оседание тюркских племен и слияние их с местными племенами.

Кстати нужно отметить, что с этими западными тюрками некоторые исследователи связывают по происхождению хазар.

Массовый характер переселений тюркских кочевников в Среднюю Азию с востока доказывается палеоантропологическими данными. В могилах древнего населения Средней Азии, приписываемых сакам, усуням и гуннам, преобладает европеоидный тип, а монголоидные элементы либо совсем отсутствуют (например, в Памире), либо имеются в виде небольшой примеси. В противоположность этому в могилах тюркских кочевников, начиная с VI в., находятся черепа, не отличающиеся от современных монгольских или тувинских. Однако в типе оседлого населения во всех районах и в эту эпоху преобладают европеоидные элементы.

В Средней Азии господство тюрков длилось сравнительно недолго, не больше 100 лет. Поэтому влияние их на состав оседлого населения Средней Азии едва ли в то время могло быть глубоким. Процессы тюркизации оседлого населения основных областей Средней Азии относятся к значительно более позднему времени. Однако кочевое население степей уже тогда подверглось в значительной степени тюркизации. Так образовалось характерное размежевание этнических групп, частью совпадающее с хозяйственно-культурными типами.

В старой буржуазной литературе, однако, была тенденция слишком подчеркивать и преувеличивать эту противоположность оседлой культуры оази-

сов и кочевнической степной стихии. При этом то и другое слишком упрощенно отождествляли с двумя этноязыковыми группами: иранской и тюркской. Вся история Средней Азии сводилась в этом смысле к вековой борьбе между кочевниками-тюрками и оседлыми иранцами. Так изображал дело, например, В. В. Бартольд—крупный историк Востока. Работы советских ученых—археологов, историков (особенно С. П. Толстова)—внесли в эту концепцию существенные поправки.

Выяснилось, что по крайней мере на северной окраине Средней Азии, на нижней Сыр-Дарье, тюркский элемент имеет гораздо более глубокие корни и гораздо раньше проник в древнее оседлое население, чем это думали. Прослежена непосредственная историческая преемственность между древнейшей полуоседлой и оседлой культурой бронзового века, основанной на комплексном земледельческо-рыболовческо-скотоводческом хозяйстве в низовьях Сыр-Дарьи, и позднейшей гуннско-эфталитской культурой, содержавшей в себе, видимо, уже и тюркский элемент, и, наконец, еще более поздней (IX—XI вв.) культурой тюрков-огузов (поглотивших в свой состав разные языковые компоненты).

В основных областях Средней Азии политическое господство тюрков, установившееся в середине VI в., оказалось недолговечным. Местные правители Хорезма, Согда уже в начале VII в. стали фактически почти независимыми. С этого времени вновь оживились связи с Китаем, который в эпоху Танской династии (618—907) находился в апогее силы и процветания. Сфера влияния Китая в то время охватывала всю область между Кореей и Уссурийским краем на северо-востоке, Индо-Китаем на юго-востоке и Зааральем на западе. В середине VII в. китайцы нанесли поражение тюркам, разбив их в 657 г. в битве на р. Или. С того времени и до середины VIII в. значительная часть Средней Азии, если и не была фактически подвластна китайцам, то номинально числилась в составе Китайской империи, границы которой доходили, таким образом, до Аральского моря.

С конца VII в. на Среднюю Азию начинаются набеги арабов, которые обосновались в Персии и производили более или менее регулярные нападения на земледельческие районы Средней Азии, на так называемый Мавераннахр (по арабски «области за рекой»—имеется в виду Аму-Дарья). А в первой половине VIII в. арабы переходят к систематическому завоеванию Средней Азии. В 751 г. они столкнулись с китайцами, разбили их в решительном сражении на р. Талас и положили конец господству Китая в Средней Азии. Началась эпоха полного подчинения арабам.

Если китайцы не оказали существенного влияния ни на этнический состав, ни на культуру Средней Азии,—ибо господство Китая было внешним и сам Китай был слишком далек,—то владычество арабов сыграло более важную роль в истории Средней Азии. Правда, влияние самого арабского этнического элемента было невелико, арабы располагались небольшими гарнизонами в городах, подавляли всякие попытки восстания и в очень слабой степени могли смешиваться с коренным населением; что касается культурного влияния самих арабов, то оно не могло быть значительным уже по одному тому, что сами арабы в то время не были представителями высокой культуры. Но именно они принесли в Среднюю Азию ислам, что оказало существенное влияние на всю последующую историю народов этой страны.

Само по себе распространение ислама, конечно, не было положительным фактором, но исламизация и включение Средней Азии в арабскую империю содействовало культурному сближению народов Средней Азии с теми центрами цивилизации, которые в то время были завоеваны арабами.

В IX—X вв. Средняя Азия сама стала одним из крупнейших очагов мировой культуры. Земледелие, ремесла, торговля процветали. Города были центрами образованности. Многие выдающиеся деятели так называемой «арабской» науки и литературы, стоявшей тогда на первом месте в мире, были уроженцами среднеазиатских городов; там жили: знаменитый философ и врач Ибн-Сина (Авиценна) из Бухары, гениальный математик Ибн Муса аль Хорезми (Алгоритми) из Хорезма—создатель теории логарифмов и ряд других.

Распространение ислама в эпоху арабского завоевания навело сравнительное единообразие в области религии, которого раньше не было. Наряду с зороастризмом, или маздеизмом, о преобладании которого уже говорилось, существовали и другие религиозные системы: буддизм, принесенный в эпоху Кушанского государства из Индии, несторианство, проникшее в V в. из Передней Азии. Были и отдельные секты, и держались местные, более примитивные формы верований. Очевидно, тут была значительная веротерпимость. С эпохи арабского завоевания положение резко изменилось, и распространение ислама с его нетерпимым фанатизмом привело к значительной религиозной нивелировке.

Вскоре после арабского завоевания, уже в IX в., власть на территории Средней Азии при номинальном подчинении халифам перешла в руки местных династий: в IX в. к династии Тахиридов, с конца IX до конца X в.—к Саманидам. Этническая основа этих династий была чисто местная, иранская

(таджикская). Таким образом, до самого конца X в. политическое преобладание в Средней Азии принадлежало местному иранскому элементу.

К этому времени на основе одного из местных иранских диалектов выработался общенародный язык «дари»—предок современного таджикского языка, ставший государственным языком при Саманидах.

Но в то же время на границах земледельческих оазисов, в степях Средней Азии уже с VI в. концентрировались тюркские группы. После распада тюркской империи здесь, в восточной части Средней Азии, на территории Киргизии и Восточного Казахстана сложилось довольно значительное государство тюргешей, существовавшее до конца VIII в. После распада этого государства его место было занято крупным межплеменным объединением карлуков, существовавшим в восточной части Средней Азии в VIII—IX вв.

В западной части Казахстана и в низовьях Сыр-Дарьи складывалось с IX в., как уже сказано выше, объединение огузских (тоже тюркоязычных) племен, образовавшееся из смешения древних массагетов с тюрками, пришедшими из Центральной Азии. Эти огузы—прямые предки современных туркмен.

На рубеже X и XI вв., т. е. первого и второго тысячелетия, в этнической истории Средней Азии происходит чрезвычайно важное событие—завоевание государств и земледельческих оазисов Средней Азии тюркскими кочевыми группами. Династия Саманидов в 999 г. погибла под ударами прорвавшихся с севера тюрков. С этого времени иранский элемент навсегда утрачивает политическое преобладание в Средней Азии. Та тюркская династия, которая после этого укрепилась в Средней Азии, известна в истории под названием Караханидов, или Илекханов. Эта династия происходила из племени ягма, выходцев из Восточного Туркестана. Но главную роль играли тут другие тюркские народы—прежде всего семиреченские карлуки и чигили.

В западной части Средней Азии, современном Туркменистане и значительной части Ирана в XI в. образовалась могущественная Сельджукская империя. Она получила это название по имени династии Сельджукидов, потомков Сельджука, одного из огузских вождей (племени кыник). Внук Сельджука Тогрул-бек занял своими кочевьями области южной Туркмении и Хорасан, разгромил государство Газневидов (1040), а в дальнейшем покорил большую часть стран Передней Азии, приняв титул «султана». Империя Сельджукидов стала самой грозной силой на Востоке—против них ведь и начали снаряжать в Западной Европе крестовые походы. Сельджукский султан Санджар на короткое время (1130—1141) объединил под своей властью и всю Среднюю Азию.

Почти независимое положение в XI в. и в особенности в XII в. занимало государство, которое создалось в Хорезме, в бассейне нижней Аму-Дарьи. Хорезмийцы находились в это время под господством собственной национальной династии Хорезмшахов, которые только номинально признавали власть Караханидов и позднее Сельджуков.

В 30-х годах XII в. на границах Средней Азии появляется совершенно новый этнический элемент, который оказал очень существенное влияние на дальнейшие этнические взаимоотношения. Дело идет о вторжении в Среднюю Азию с востока каракитаев, или киданей, под предводительством их князей «гурханов». Некоторые исследователи причисляют киданей к тунгусским народам. Однако работами новейших филологов и историков (Ширатори, Залкинд) как будто устанавливается монголизм этого народа.

Каракитаи господствовали в Восточной Азии и в Северном Китае с начала X и до конца 1-й четверти XII в. Это была китайская династия Ляо. Когда они были изгнаны из Китая и Монголии своими соперниками чжурчженями, то часть их перекочевала на Запад и появилась в Илийском крае, в Семиречье. Так, впервые в истории Средней Азии на ее территории появились монголоязычные элементы. Правда, существенного влияния они ни в это время, ни позднее, в эпоху Чингисхана, не оказали: монгольский язык ведь не сохранился в Средней Азии. Но каракитаи составили, по-видимому, значительный слой в самом составе местного населения, по крайней мере населения Киргизии, усилив в нем монголоидный элемент.

Каракитаи нанесли поражение войскам Хорезмшаха и Сельджукидов. Укрепившись в Семиречье и Восточном Казахстане, они представляли собой одно время крупную политическую силу.

К концу XII в. к каракитаям присоединяется еще один монгольский элемент, также пришедший из внутренних областей Цент-

ральной Азии: это найманан0в. В связи с межплеменной борьбой в Монголии значительная часть наймы перекочевала под начальством хана Кучлука на Запад.

Невелико было влияние монгольского мира на Среднюю Азию в расовом и языковом отношении и в более позднюю эпоху, даже в эпоху завоеваний Чингисхана. Средняя Азия была завоевана его полководцами в 20-х годах XIII в.

Завоевание это имело последствием страшное опустошение и упадок хозяйства и культуры Средней Азии. От упадка население скоро оправилось, но политическое подчинение монголам осталось. Средняя Азия вошла в состав улуса второго сына Чингисхана Чагатая (или Джагатая). Господство Чагатая было первое время лишь номинальным (фактически управлял уполномоченный великого хана Угэдэя), но потом власть перешла к потомкам Чагатая. Монголы составляли в сущности лишь очень немногочисленный господствующий слой в завоеванных ими странах, и этот слой не мог быть устойчивым.

Уже в XIV в. монгольские элементы как в языке, так и в составе населения почти совершенно растворились. Династия Чагатая, монгольская по происхождению, становится и сама тюрко-иранской. В эту эпоху образуется «джагатайский» (чагатайский) литературный язык—тюркский, но с очень сильными персидскими заимствованиями.

Таким образом, влияние монгольского элемента даже в эпоху наибольшего господства монголов было невелико.

С конца XIV в. Средняя Азия становится центром нового, очень крупного политического объединения, образованного Тимуром и возглавлявшегося его потомками. Господство Тимуридов продолжалось до конца XV в.

Что представляло собой тогда коренное население Средней Азии по своему этническому составу? В нем были налицо два основных этнических элемента, которые сложились здесь в более раннее время,—ираноязычный и тюркоязычный. Монгольского слоя почти не осталось. Иранцы—в основном предки современных таджиков—продолжали господствовать в большинстве оседлых земледельческих районов и в городах. Тюркский мир концентрировался преимущественно в степных скотоводческо-кочевых районах. Но это размежевание вовсе не было таким резким: многочисленные тюркские племенные группы постепенно просачивались в города и сельские поселения, мало-помалу ассимилируясь с аборигенами. Некоторые области—особенно Хива—были уже в сильной степени тюркизированы.

Культура народов Средней Азии в эпоху Тимуридов, когда отбушевали грабительские войны самого Тимура, достигла высокого уровня. Особенно процветали наука и искусства при Улугбеке, внуке Тимура (1409—1449), который сам был крупным ученым. Столица его государства Самарканд сделалась одним из культурнейших городов того времени. Самарканд украсился прекрасными постройками (медресе и др.), которые сохранились до наших дней. Улугбек покровительствовал писателям, ученым. Сам он занимался астрономией, построил замечательную по тому времени обсерваторию, составил обширный каталог звезд. Из писателей XV в. особенно выделяется знаменитый Алишер Навои (1441—1501), считающийся основоположником узбекской литературы.

К самому концу XV в. относится появление на территории Средней Азии новых тюркских кочевых групп: казахов и узбеков. О происхождении той и другой народности нам придется говорить подробно позже. Обе они выделились из распавшейся Золотой Орды. Казахский союз образовался в степях Восточного Казахстана. Узбеки, создавшие свой племенной союз в Северо-Каспийских степях, завоевали под начальством своего хана Шейбани оазисы Средней Азии. С 1500 г. укрепилась узбекская династия Шейбанидов. Их государство скоро разделилось на самостоятельные, друг с другом соперничавшие ханства (Бухарское, Хивинское и др.). Эти ханства, в которых политическое господство принадлежало узбекским группам, по составу своего населения были пестрыми. Масса коренного населения продолжала оставаться таджикской, ираноязычной. Но уже с XVI в. стал более интенсивным процесс взаимного сближения и ассимиляции ираноязычных и тюркоязычных элементов, и он охватил уже и коренные оседлые области—Бухару, Самарканд, Фергану и др.

Таким образом, в результате многовековых этнических перемещений, завоеваний, взаимной ассимиляции в пределах Средней Азии образовалось несколько крупных этнических объединений с преобладанием двух основных языковых групп:

иранской, представляющей собой более древний пласт населения Средней Азии, и тюркской, составленной из элементов, которые в течение столетий накапливались на границах Средней Азии, просачивались в нее с разных сторон, приходили с отдельными кочевыми группами, проникавшими в оазисы, и там подвергались ассимиляции.

Продвижение кочевых племен (тюркских и монгольских по языку) из более восточных областей, из Центральной Азии, приводило к постепенному усилению монгольской расовой примеси, и, таким образом, к северу и востоку от Сыр-Дарьи, особенно в Семиречье, монголоидный тип с течением времени стал преобладать.

Присоединение к России. Связи Руси со Средней Азией начались очень рано. Они усилились с расширением России и превращением ее в многонациональное государство. В XVII—XVIII вв. русские вели уже оживленную торговлю с бухарцами,ташкентцами, хивинцами. В XVIII—XIX вв. казахские орды, сначала Младшая, затем Средняя и Старшая, подчинились России. С 1840-х гг. начинается усиленная подготовка Русского правительства к наступлению на среднеазиатские ханства. Оно имело целью, во-первых, обеспечить все растущие торговые сношения от постоянных нападений хищнических отрядов и прекратить захват русских пленников и продажу их на среднеазиатские рынки. Во-вторых, важно было не допустить захвата Средней Азии Англией, которая как раз в те годы к этому непосредственно готовилась. Наконец, с середины XIX в., по мере роста капитализма в России, все более ощущалась потребность в приобретении новых рынков для сбыта промышленных товаров, а в 60-х годах, кроме того,—в занятии хлопководческих районов (ибо в связи с гражданской войной в США американский хлопок перестал поступать на русский рынок, и цены на хлопок резко поднялись).

После подготовительных походов 40-х и 50-х годов русские войска начали решительное наступление на земли среднеазиатских ханств. В 1864—1868 гг. русские овладели несколькими важными городами—Ташкентом, Самаркандом и др.—и сломили сопротивление ханств. Бухара признала свою вассальную зависимость от России (1868), за ней последовало Хивинское ханство (1873); Кокандское ханство было ликвидировано, и земли его присоединены к России (1876). В 1881—1884 гг. были завоеваны туркменские степи.

Присоединение Средней Азии к России не внесло существенных изменений в этнические отношения народов края. Русские элементы в первые десятилетия после завоевания не были многочисленными. Русские составляли только господствующую верхушку — администрацию, чиновничество, и селились они в особых кварталах крупных городов, прежде всего Ташкента. Заметного сближения и смешения между ними и коренным населением на первых порах не происходило. Крестьянская колонизация имела место только на окраинах, главным образом в Казахстане и Киргизии.

Однако присоединение Средней Азии к России было прогрессивным фактором в экономическом и культурном развитии ее народов. Включение «Туркестана» (как тогда называли Среднюю Азию) в систему общероссийского рынка ускорило его хозяйственное развитие. Началось проникновение капиталистических отношений в экономику края. Как известно, еще Энгельс указывал на прогрессивную, цивилизующую роль России в восточных областях.

В последние десятилетия перед революцией усилился приток в Среднюю Азию и русских крестьян-бедняков, которых гнала туда земельная нужда, и появились русские рабочие: железнодорожники, работники типографий и пр. Хотя переселенцев было не так много, а рабочие сосредоточились главным образом в нескольких городах (Ташкент, Красноводск), но все же появление этого нового, трудового и демократического элемента в составе русского населения Средней Азии имело огромное прогрессивное значение для области. Русские рабочие сыграли большую революционную роль в политическом развитии народов Средней Азии. Это сказалось впоследствии в революционных событиях 1905 и 1917 годов.

Основные типы хозяйства и культуры. За тысячелетнюю историю народов Средней Азии у них сложились устойчивые типы хозяйства и культуры. Люди создали их, применяясь к природным условиям, но частью и изменяя эти условия своим трудом. Основных типов было три.

1. Интенсивное земледелие с искусственным орошением в оазисах, с оседлым образом жизни населения; главные из этих оазисов—на нижней Аму-Дарье (Хорезмский, или Хивинский оазис), в бассейне Зеравшана (Самарканд, Бухара), по верх-

Чигирь—водоподъемное колесо для поливки поля

ней Сыр-Дарье (Фергана); второстепенные—по Кашка-Дарье (Шахрисябз), по Мургабу (Мерв) и др. Носители этого типа хозяйства и культуры—главным образом равнинные таджики и узбеки, местами и туркмены.

2. Кочевое пастбищное скотоводство в степных и пустынных пространствах, преимущественно в северной и западной частях Средней Азии, в Казахстане и Туркмении; представители этого типа—казахи, туркмены.

3. Третий тип, не столь характерный для Средней Азии,—это своеобразное горное земледелие и скотоводство в районах Памира и Тянь-Шаня. Но эта область не однородна: восточная часть Памира и Тянь-Шаня по своему культурно-хозяйственному облику скорее примыкает к типу степных, равнинных скотоводческих районов. Здесь расселились кочевые скотоводы—киргизы, хозяйство которых не сильно отличалось от скотоводческого хозяйства равнинных казахов. Но в долинах Западного Памира—у горных таджиков и припамирских племен—сложился особый тип оседлого высокогорного земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Между указанными типами резкой грани никогда не существовало. Издавна установились культурные и экономические связи между оседлым земледельческим и кочевым скотоводческим населением. Существовали промежуточные группы, которые в своем хозяйстве совмещали черты земледельческого и скотоводческого уклада (каракалпаки, часть туркмен). Отмечалась и известная текучесть—переход отдельных групп от скотоводческого хозяйства к земледельческому и реже наоборот.

Сейчас различие между этими типами быстро стирается, ибо общее развитие производительных сил в социалистическую эпоху направлено в сторону наиболее полного использования природных ресурсов. Однако сами отрасли хозяйства сохраняются, и хозяйственный профиль отдельных областей, в зависимости от природных условий, различен.

В оазисах Средней Азии господствующей формой хозяйства издавна было и до настоящего времени остается земледелие, причем специфического типа, основанное на системе искусственного орошения. Система эта, очень древняя, сохранилась до настоящего времени во всех своих типических чертах. Она имеет следующий вид: основные водные магистрали—Аму-Дарья, Зеравшан и Сыр-Дарья с их при-

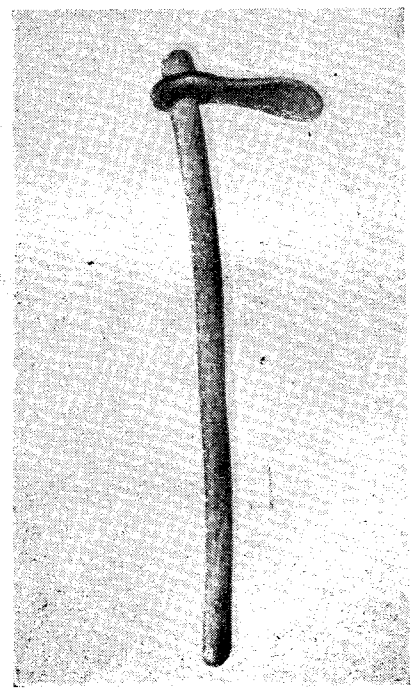

Пахота омачем

токами—питают целую сеть арыков (каналов), начиная с крупных головных каналов и кончая сетью мелких арыков, которые направляются на поля и орошают земледельческие участки. Некоторые реки отдают свою воду каналам всю целиком и никуда не «впадают». Таков Зеравшан, Кашка-Дарья, а также Мургаб, Теджен, некогда бывшие притоками Аму-Дарьи,—теперь они не доносят до нее своих вод. Таковы же многочисленные речки, сбегающие с гор в Ферганскую долину, когда-то впадавшие в Сыр-Дарью. До последнего времени сохранялась существовавшая с отдаленных времен система распределения воды, передача ее по отдельным каналам. Применяются (особенно на Аму-Дарье) водоподъемные сооружения, так называемые чигири, представляющие собой вертикальное колесо, по ободу которого укреплены глиняные кувшины; при вращении колеса кувшины черпают воду из канала, поднимают ее и, опрокидываясь, выливают в арык, который направляется на участки. Это вертикальное колесо соединено при помощи зубцов с горизонтальным колесом, имеющим длинный рычаг, а к концу его запрягается животное—лошадь, верблюд или бык,—которое ходит по кругу и приводит в движение чигирь.

В горном Таджикистане и Горно-Бадахшанской области искусственное орошение применялось не везде. Но и в равнинных районах Средней Азии известно «неполивное» земледелие на так называемых «богарных» землях, где сеют под дождь. Есть еще «каирные» земли в низовьях рек, где

Кетмень

Уборка хлеба серпами

Молотьба копытами быков

Ткацкий стан у горных таджиков

подпочвенные воды стоят высоко, и искусственное орошение потому не нужно.

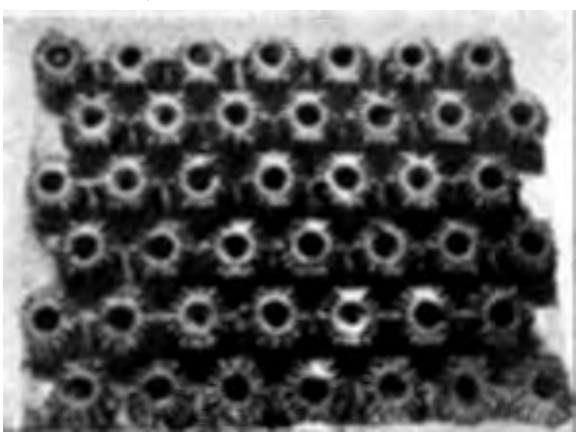
Еще недавно удерживался сравнительно примитивный процесс обработки земли: грубая соха—«омач» (у таджиков—«сипор»), простое деревянное орудие с насаженным железным сошником. Заделывали посеянные семена тяжелой доской («мала»), которую запряженные животные волокли по пашне. Широко применялся кетмень — мотыга с тяжелой железной частью и широким рабочим краем. Уборку производили серпом; молотьбу—при помощи вытаптывания копытами скота. Ассортимент культурных растений очень разнообразен: пшеница, ячмень, джугара (крупная разновидность проса-сорго), кукуруза, рис, хлопок, кунжут (масличное растение); большое значение имеет люцерна (корм для скота); очень важны бахчевые культуры—дыни, арбузы, тыквы; издавна широко распространено виноградарство и плодоводство—яблоки, персики, абрикосы (урюк), тут, черешня, «кок-салтан» (зеленая слива), винная ягода и др. Еще с 1-го тысячелетия распространилось также заимствованное от китайцев шелководство, где главную роль играет женский труд, а кормить червей помогают и дети.

Скотоводческое хозяйство, как уже сказано, господствовало с глубокой древности в степных и пустынных областях Средней Азии. Это скотоводство кочевого типа, без запасания корма на зиму, с выпасом скота на подножном корму в течение круглого года. В степях Казахстана скот перегоняли с зимних пастбищ на летние и обратно. В пустыне Кара-Кума кочевали обычно вокруг колодцев.

Типичные виды скота кочевников — овцы, лошади, верблюды. Рогатый скот менее характерен.

Скот дает кочевнику прежде всего пищу. Молочная пища издавна составляла основу

Доска для набойки

Роспись глиняной посуды

Токарный станок

существования большинства, причем из молока изготовляют разнообразные кушанья. Доят и овец, и коз, и коров, и кобылиц, и верблюдиц. Мясо — особенно баранье и конское — излюбленная пища скотоводов, но она доступна была прежде только богатым.

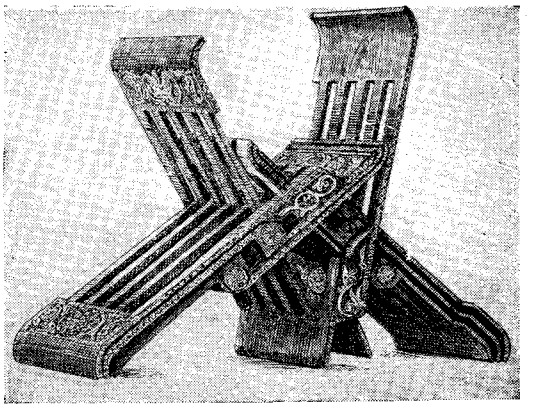
Помимо молока и мяса, кочевник получал от своего скота шкуры и кожи для изготовления одежды, обуви, посуды, утвари; шерсть, из которой валялись войлоки и выделывались ткани; конский волос для различных изделий. Лошади и верблюды служили прежде почти единственным средством передвижения.

Ремесла. Очень интересны и разнообразны кустарно-ремесленные производства. Оседлые народы Средней Азии еще в отдаленной древности пережили процесс «второго великого разделения труда» (Энгельс), отделения ремесла от сельского хозяйства. В городах Средней Азии ремесленные производства развиты давно.

В числе наиболее важных из них стояла и стоит обработка волокнистых веществ, особенно хлопка и шелка. Старинная техника обработки хлопка состояла в его ручной очистке (на особом приспособлении— «чигирике»), прядении (женская работа), ручном тканье на горизонтальном стане с подножками, опущенными в яму. Шелк сначала разматывали, потом пряли, ткали. Выделывались вручную разнообразные сорта тканей: бумажных, шелковых, полушелковых. Орнаментировка тканей достигалась либо узорным тканьем, либо окрашиванием со сложной перевязкой основы во время тканья, либо при помощи набойки, но последняя с развитием капитализма была почти вытеснена покупными фабричными тканями.

Развито издавна кожевенное производство—особенно в г. Ташкенте. Кожа, обработанная вручную золой и дублением, шла на выделку обуви, ремней, переплетов книг и пр. Широко распространено гончарное производство—изготовление различных видов посуды, неполивной и поливной, гончарных труб и пр.

Сложна и разнообразна обработка дерева—изготовление арб, седел, домашней обстановки, деревянных гребней; токарное производство на токарном станке своеобразной формы—не ножном, а ручном: правая рука при помощи лучка вращает ось, а левой рукой наставляется резец, либо работа производится вдвоем. Замечательна сложная и тонкая резьба по дереву—особенно в Хиве.

Резная подставка для книг

Мастера по металлу делились на кузнецов, ножовщиков, медников, оружейников, ювелиров, последние работали главным образом по серебру.

Почти все эти производства исстари были мужскими и имели товарное направление. Женщины были заняты лишь домашними производствами.

В связи с ремеслами издавна развита и торговля в городских центрах, в форме как базарной, так и постоянной мелочной торговли. Ремесленник сидит у себя в открытой мастерской, обычно на базаре; он тут же, на глазах покупателя, изготовляет свой товар и тут же его продает. Продаются на базаре, конечно, не только ремесленные изделия, но также и привозные сельскохозяйственные продукты.

У кочевников степи и у населения гор кустарно-ремесленные производства были развиты гораздо слабее.

Общественный строй в прошлом. Очень много общих черт можно отметить в типах социальных отношений у населения Средней Азии до революции.

Здесь был достигнут в общем относительно высокий уровень общественного развития. Но этот уровень не был одинаковым. Различие оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого укладов отражалось и на самом типе общественно-экономических отношений. У кочевых народов, у народов степей до последнего времени сохранялись заметные пережитки патриархально-родовых отношений, хотя только в виде подчиненного уклада, тогда как фактически уже давно складывались формы классовых отношений. Однако классовая эксплуатация у кочевых народов не успела

Резной деревянный футляр

принять столь законченных форм,—у них сохранялся патриархально-феодальный уклад.

По этому вопросу между советскими историками, этнографами, экономистами было много споров, и вопрос и сейчас еще не окончательно решен. Правда, теперь уже никто не считает, что у кочевников сохранился чистый «родовой строй» (как многие утверждали раньше), никто не отрицает наличия у них классовых отношений. Но спорят о том, можно ли выделять патриархально-феодальные отношения как особый уклад, противопоставляя его чисто феодальным отношениям; спорят и о том, что именно было основой патриархально-феодальных (или феодальных) отношений у кочевников, феодальная ли собственность на землю или феодальная (частная) собственность на скот, при сохранении общинной собственности на землю?

Вопрос этот горячо дебатировался, в частности, на специальном совещании историков в Ташкенте в январе-феврале 1954 г.

Более правильна, по-видимому, та точка зрения, что основой патриархально-феодальных отношений у кочевников была феодальная земельная собственность родоплеменной аристократии (ханов, султанов, мананов и пр.). Но защитники этой точки зрения несколько упрощают вопрос, не замечая качественного своеобразия феодальной земельной собственности в условиях кочевого хозяйства, а иногда и просто смешивая ее с буржуазной частной собственностью. Но феодальная земельная собственность всегда условна и ограниченна, она обычно соединяется с остатками общинных прав на землю. Это особенно так при кочевом скотоводческом хозяйстве: земля здесь считалась формально общинной (родовой, племенной, ничьей), но это не мешало господствующему классу фактически захватывать лучшие угодья, распоряжаться землей, кочевьями по своему усмотрению.

Очень важно было, в частности,— особенно в степях Туркмении—право собственности на колодцы, без которых в безводной пустыне невозможно ни жить, ни содержать скот.

Другой характер носил общественный строй у оседлых жителей гор, в долинах Западного Памира. Здесь, в условиях скудного высокогорного хозяйства, классовый гнет был очень тяжелым, однако здесь прочно удерживались остатки первобытно-общинных форм — главным образом сельской общины.

В районах же оседлой земледельческой культуры, в особенности у коренного ираноязычного и тюркизированного населения оазисов, пережитки архаических, патриархально-родовых форм давно исчезли. Здесь сложились развитые классовые отношения, феодально-крепостнического типа, которые приобрели законченное выражение в деспотических феодальных государствах Бухары, Хивы и Коканда в XIX в. Помимо сельскохозяйственного населения, были ремесленные и торговые города; формы общественных отношений в кишлаках (деревнях) и те, которые складывались у городского населения, были неодинаковы.

В кишлаках до революции держались формы чрезвычайно жестокой феодальной эксплуатации. Основой ее были земельные отношения. Но в условиях Средней Азии не столько сама земля имеет значение для дехканина, сколько орошаемая земля, т. е. право на воду. В связи с этим и формы земельной зависимости основывались главным образом на водопользовании. Формы землепользования были неодинаковы. Например, в Бухаре земли официально де-

лились на три разряда: 1) церковные или вакуфные (вакф—неотчуждаемое церковное имущество, в том числе и земля); 2) земли государственные—амляк и 3) земли частновладельческие—мюльк.

Но это формальное деление лишь отчасти отвечало фактическому. И государственные, и церковные, и частновладельческие земли обычно отдавались в аренду мелкому производителю—дехканину. Аренда составляла основную форму земельных отношений и имела феодально-крепостнический характер. Преобладающей формой аренды была испольная и отработочная аренда—«чайрикерство»—вполне соответствующая полукрепостнической аренде в России. Чайрикер—это испольщик-арендатор, который должен был до половины продуктов сдавать владельцу земли. Существовала еще более обездоленная группа беднейшего населения—«коранда»; они обрабатывали землю из четверти урожая.

Помимо этого существовали, конечно, и наемные рабочие-батраки, были и другие формы эксплуатации полусамостоятельного и самостоятельного производителя, связанные с проникновением капитализма.

В формах водопользования сохранялись черты общинного строя. Однако общинные формы пользования водой тоже сделались орудием эксплуатации. Распределение воды находилось в руках особых чиновников или должностных лиц, так называемых мирабов и арык-аксакалов. Это были лица, ответственные за распределение воды, причем должны были они ее распределять согласно обычному праву, так чтобы всем доставало; но фактически мирабы при распределении воды старались угодить имущим группам—баям-землевладельцам, церкви, а интересы беднейшего населения обычно при этом страдали.

Положение крестьянской (дехканской) бедноты в кишлаках было вообще крайне тяжелым.

Среди городского населения в связи с развитием ремесла и мелкой торговли существовали цеховые организации, аналогичные цехам в средневековых западноевропейских городах. Каждое ремесло представляло собой отдельный замкнутый цех, куда допускались новые члены только после выполнения известных условий. Каждый цех занимал обычно определенный квартал города, имел свою мечеть, своего святого-покровителя (конечно, мусульманского), своего выборного старосту «аксакала» и свой

«Кумган» из красной меди

устав, так называемый «рисоля»,—письменный устав, который содержал в себе легенду о происхождении данного ремесла от святого, молитвенное обращение к этому святому и т. д.

В политическом строе Средней Азии до самой революции держались полуфеодальные деспотические формы, которые при покровительстве царизма сохраняли самый варварский, «азиатский» вид. Хива и Бухара представляли собой вассальные ханства, где хозяйничала эмирская и ханская администрация и сохранилась вся старая феодально-деспотическая система. В областях и городах, находившихся непосредственно под управлением царской администрации, вводились более «европейские» формы управления.

Сверх феодальной земельной ренты с населения взимались разнообразные налоги в пользу самого эмира или хана, в пользу ханских чиновников и церкви, которые еще больше разоряли народ.

Практиковались варварские жестокие наказания: уродование, страшные подземные тюрьмы-клоповники (зиндан), смертная казнь через перерезание горла.

Очень большую роль в управлении и суде играл мусульманский шариат. Судьи, так называемые казии и муфтии, были духовными лицами.

Наряду с разнообразными формами феодальных отношений в Средней Азии вплоть до присоединения к России, а местами и позднее сохранялись элементы рабства. Рабами были, с одной стороны, персы, с другой стороны, русские и другие пленные, захватывавшиеся и продававшиеся на среднеазиатских рынках больше всего туркменами и казахами. Труд рабов применялся особенно в хозяйстве крупных чиновников, господствующей верхушки местного населения. В Хиве рабство было отменено под русским влиянием, в 1873 г., в Бухаре—в 1885 г.

После присоединения к России и Средней Азии стал развиваться капитализм. Это было прогрессом сравнительно с азиатско-феодальными отношениями, однако для трудящихся масс это знаменовало дальнейшее ухудшение материального положения: обеднение мелких крестьян, развитие кабальной аренды, разорение городских ремесленников.

Религиозные пережитки. Сравнительное однообразие можно отметить и в области духовной культуры народов Средней Азии в прошлом. Еще с VIII в. установилось полное и почти безраздельное преобладание ислама. Но ислам принял разные оттенки и неодинаково проявлялся у разных народов. В оседлых земледельческих оазисах, в особенности в городах, ислам укрепился довольно рано и прочно и принял здесь ортодоксальную форму суннизма. В Бухаре, Самарканде, Хиве издавна сложились центры мусульманского правоверия. Мусульманские высшие школы (медресе), особенно Бухарская, пользовались в мусульманском мире авторитетом наибольшей ортодоксальности. В связи с этим влияние мусульманского духовенства на всю культурную и общественную жизнь населения было очень сильным. Конечно, народные массы лишь из-под палки вынуждены были подчиняться мусульманскому шариату. Отмечалось, что отношение крестьянского населения к духовенству скорее враждебное, а авторитет мулл и казиев держался на принуждении. Но как бы то ни было, влияние ислама было сильным.

Ближе к народным массам, чем официальное мусульманское духовенство, стояли дервиши—бродячие нищенствующие монахи, обычно шарлатаны, торгующие всякими амулетами и святынями, разными способами обманывающие народ. Они пользовались авторитетом среди верующей части населения и использовали этот авторитет для самообогащения. Дервиши делились на ордена, из которых в ханствах Средней Азии наиболее распространенным был орден накшбендиев,—довольно централизованная монашествующая организация, подчиняющаяся своим «ишанам» и «пирам», а через них центральной орденской администрации.

Большое влияние на народ оказывал культ святых. В каждой местности, в каждом кишлаке или округе имелся свой почитаемый мусульманский святой, его мазар—могила, гробница или памятник—служил местом общего почитания.

Что касается кочевых народов—туркмен, казахов, киргизов,—то влияние ислама здесь всегда было гораздо слабее. Ислам проник в эти районы позднее и никогда не мог получить здесь полного господства. При формальном исповедовании ислама казахи, туркмены, киргизы вовсе не являлись фанатиками этой религии. Здесь сохранялись пережитки более ранних форм верований и сам ислам существовал зачастую лишь формально.

Наконец, особое положение создалось в горных районах, в частности в горном Бадахшане. Здесь ислам укрепился прочно, но не в ортодоксальной, а в сектантской форме исмаилизма. Господство мусульманского сектантства здесь отразило настроения стихийного протеста населения гор против эксплуатации и различных вымогательств, которым подвергались горцы со стороны деспотических государств—Бухары, Коканда.

Национальное размежевание. Накануне Октябрьской социалистической революции взаимоотношения между отдельными национальностями Средней Азии продолжали оставаться теми же, какими они сложились до присоединения к России. Но эти взаимоотношения никак не согласовались с политическими границами. Политически большая часть Средней Азии входила непосредственно в состав Российской империи (Туркестанское генерал-губернаторство, Степное генерал-губернаторство), а часть (Бухара и Хива) находилась в вассальной зависимости; это были полусамостоятельные политические образования. Но границы этих вассальных образований и административных округов, введенных царизмом, не совпадали с этническими границами.

Таким образом, в наследство Советской власти в Средней Азии досталась прежде всего большая неурегулированность этнических границ, нераспределенность территорий.

В первые годы административные границы оставались прежние: была создана Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика, после низвержения власти ханов были организованы Бухарская и Хивинская народные республики (1920 г.), позже советские республики (1924 г.), но это был лишь предварительный этап. Для того чтобы приступить к демократическим и социалистическим преобразованиям, необходимо было проделать сначала огромную работу по национальному размежеванию, что и было произведено в 1924—1925 гг. Были образованы автономные и союзные республики на территории Средней Азии, прежде всего Узбекская и Туркменская ССР, за ними последовали другие. Таким образом, была завершена та историческая задача, которая осталась в наследство Советской власти от всей предшествовавшей истории Средней Азии.

В том же 1925 г. была предпринята широкая аграрная реформа. Ее своеобразие состояло в том, что задача заключалась в предоставлении трудящемуся дехканству (крестьянству) не только земли, но и воды. Эта реформа называется поэтому не земельной, а «земельно-водной». Она подорвала корни тысячелетней власти паразитического феодального класса, а также и новых баев-богачей, и заложила основу свободного развития крестьянского хозяйства.

История этнографического изучения. История этнографического изучения Средней Азии прослеживается почти с такой же отдаленной древности, как и история изучения Кавказа. Ранние письменные известия о народах Средней Азии содержатся в ахеменидских надписях Ирана и в Авесте. Сведения о массагетах, саках, бактрийцах, согдах, хоразмиях и других народах интересующей нас области имеются у античных авторов, начиная с Геродота, у историков, писавших о походах Александра Македонского (Арриан, Квинт Курций), у географов Страбона, Плиния, Птолемея и др.

Немало ценного дают китайские источники, начиная с «Шицзи» или «Исторических записок» Сыма-Цяня («отца китайской истории»), относящихся к II—I вв. до н. э., а затем в хрониках династий Старшей и Младшей Хань, Северных династий, Суй и Тан, т. е. по X век. Этот «Западный край», как называли китайцы Среднюю Азию, находился с Ханьской эпохи (последние века до н. э.) в экономических сношениях с Китаем, при Танах был под китайской властью, и китайцы были осведомлены о положении там дел. Эти источники кропотливо собраны и переведены на русский язык выдающимся китаеведом Иакинфом Бичуриным («Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», 1851; нов. изд. 1950). Большой известностью пользуются также сообщения китайских путешественников того времени, особенно Сюань-Цзаня (VII в.).

В «арабскую» эпоху обильные сведения о народах Средней Азии дают арабские и местные письменные источники: сочинения Ибн-Хордадбе, Ибн-Рустэ, Ибн-Фодлана, Масуди, Аль-Бируни и др. В «монгольскую» эпоху некоторые очень скудные сообщения находим мы у западноевропейских путешественников: Плано Карпини, Рубрука, Марко Поло (позднее—Клавихо), гораздо большие—у персидского историка Рашид-ад-Дина, у араба из Марокко Ибн-Батута, у китайского путешественника, даосского монаха Чань-Чуня.

Из позднесредневековых местных источников следует упомянуть «Тарихи-Рашиди» Мирзы Хайдера (XVI в.) и сочинения хивинского хана Абульгази (XVII в.).

Когда начались сношения России с Средней Азией, то русские известия о ней, постепенно нарастая и расширяясь, составили под конец огромную массу этнографических сведений, охвативших все народы края. До начала XVIII в. это были, правда, лишь разрозненные донесения служилых и торговых людей. Но уже тогда русские люди знали пути в Среднюю Азию, знакомы были по крайней мере с ее северной частью. Со времени Петра I в Среднюю Азию стали посылаться специальные экспедиции с целями не только установления торговых и дипломатических связей, но и для собирания разнообразных сведений о стране и ее народах. Таковы были экспедиции Бухгольца (1714) и Лихарева (1720) из Сибири через Казахстан, Бековича-Черкасского (1714—1717) со стороны Каспия, Унковского (1722) в Джунгарию. В течение XVIII в. особенно расширились сведения о казахах, ближайших соседях России, часть которых тогда же (1730) приняла русское подданство. О казахах имеется много сведений в «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова (1762), в записках путешественников Палласа, Исленьева и др. Позже наиболее обильное собрание сведений о казахах издал А. Левшин («Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей», 1832, 1—3).

Земледельческие оазисы Средней Азии, находившиеся под властью воинственных феодальных ханств, были гораздо менее доступны. Путешествия туда преследовали, как уже сказано, преимущественно дипломатические цели, но они тоже давали этнографические сведения. Из путешествий до середины XIX в. наиболее известны экспедиции врача-майора Бланкеннагеля с переводчиком Холмогоровым в Хиву (1793—1794), капитана Н. Муравьева в Туркмению и Хиву (1819—1820).

Когда в 1840-х годах началась подготовка России к наступлению на среднеазиатские ханства, а потом и само наступление, это сопровождалось значительным усилением научного исследования страны. Участник экспедиции инженера Бутенева в Бухару (1841—1842), востоковед Н. Ханыков написал прекрасное «Описание Бухарского ханства» (1843). Почти одновременно полковник Данилевский ездил в Хиву (1842—1843) и позже издал обстоятельное «Описание Хивинского ханства» (1851). С основанием Русского Географического общества (1845) оно стало главным организатором экспедиций и путешествий в Среднюю Азию: путешествие П. П. Семенова на Тянь-Шань 1856 г., очень плодотворные в этнографическом отношении поездки молодого казаха-ученого Чокана Валиханова 1856—1859 гг., затем путешествия Венюкова, Северцова, Федченко и др. Большинство этих экспедиций предпринималось не с этнографическими целями, а для всестороннего исследования самого края, его приро-

ды, экономики и пр. Но участники их привозили и сведения о населении, представляющие ценность для этнографа.

Вместе с продвижением русских войск в глубь Средней Азии в 60—70-е годы расширилось и поле научных исследований. Научные экспедиции были нередко связаны непосредственно с военными походами: Аму-Дарьинская экспедиция 1874 гг. (сразу после хивинского похода), экспедиции в Фергану и на Памир 1876—1877 гг. (связанные с покорением Кокандского ханства) и пр. Многие экспедиции и исследования проводились военными, офицерами генерального штаба или при их участии. Не случайно, что много чисто этнографического материала в те годы было собрано и опубликовано именно офицерами или видными деятелями гражданской администрации новоприсоединенного края: такими, как генерал-лейтенант А. И. Макшеев, полковник генерального штаба М. И. Венюков, полковник Каульбарс, генерал Скобелев, А. Н. Куропаткин (впоследствии погубивший русскую армию на полях Маньчжурии) и др.

Когда край был окончательно замирен, исследование его продолжалось и становилось все более многосторонним, углубленным. Помимо экспедиционных обследований, стали появляться и этнографические описания, основанные на «стационарных» наблюдениях. Авторами были главным образом русские должностные лица, частью из высшей администрации, жившие подолгу в Средней Азии: Н. И. Гродеков—Сыр-Дарьинский генерал-губернатор, автор большой работы о юридическом быте казахов («Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области», т. I, 1889); Н. П. Остроумов—долголетний редактор «Туркестанской газеты» («Сарты», 1890); А. Ломакин—чиновник в Закаспийской области («Обычное право туркмен», 1897); В. П. Наливкин, около 40 лет прослуживший в Средней Азии («Краткая история Кокандского ханства», 1885, «Туземцы раньше и теперь», 1913); Н. С. Лыкошин, служивший в крае 35 лет («Полжизни в Туркестане, очерки быта туземного населения», 1916), и др.

Конечно, к этому «официальному» или «полуофициальному» направлению не сводились все этнографические исследования Средней Азии. Немало работ исходило и от людей, никак не связанных с военной или гражданской службой. Продолжались экспедиции от РГО; кстати, в 1868 г. был открыт Оренбургский отдел РГО, а в 1897 г. в Ташкенте—Туркестанский отдел. Устраивались поездки и от других научных организаций и обществ, были и поездки отдельных исследователей. За последние дореволюционные десятилетия можно отметить путешествия А. Н. Харузина в 1887—1888 гг. в Букеевскую орду, А. А. Семенова и А. Бобринского—по Западному Памиру в 1898—1901 гг. и в те же районы Зарубина в 1914—1916 гг. и др.

В советскую эпоху развернулась огромная и разносторонняя работа по изучению народов Средней Азии, их хозяйства, быта, культуры, их исторического прошлого. Эта работа была связана с важнейшими практическими мероприятиями: национальным размежеванием 1924 г., земельно-водной реформой и пр. В первые же годы появилось множество работ по этнографии, антропологии, искусству народов Средней Азии (Андреев, Зарубин, Вяткин, Ошанин, Карпов и мн. др.), были созданы специальные научные общества, комитеты, стали выходить местные научные журналы. Выросли национальные кадры этнографов. В последние годы почти вся этнографическая работа по Средней Азии так или иначе координируется и руководится Институтом этнографии АН СССР, организующим большие комплексные экспедиции: Хорезмскую с 1939 г., Памиро-Ферганскую с 1949 г., Киргизскую с 1953 г. и др.

2. ТАДЖИКИ

Общие сведения и этногенез. Таджиками сейчас называется все коренное население Таджикистана. Но такое широкое употребление этого названия установилось лишь в наши дни. Да и самый процесс формирования таджикской нации продолжается и заканчивается лишь на наших глазах.

Не совсем ясно происхождение самого слова «таджик». Прежде считали, что оно происходит от староперсидского слова «тадж»—корона, венец, и что «таджиками» назывались прежде огнепоклонники, носившие особый головной убор: следовательно, «таджик» значит будто бы «венценосный». Востоковед Ханыков полагал, что название «таджики» можно встретить уже в древних китайских летописях (II в. до н. э.) в виде названия царства Тиаджи (Тяочжи). Но по мнению других исследователей (Бичурин), царство Тяочжи находилось гораздо западнее, в Малой Азии. Более правдоподобно объяснение В. В. Бартольда, доказавшего, что это название не так древне и восходит ко времени арабского завоевания. Вначале это было название одного арабского племени—«тай», которое иранцы перенесли на всех арабов вообще; в X в. они же называли словом «тази» всех мусульман. В XI в. это слово перешло к тюркам-кочевникам, которые стали называть «таджиками» все оседлое население Средней Азии (ираноязычное и уже целиком мусульманское по религии). Когда сами тюркоязычные завоеватели Средней Азии приняли ислам и постепенно перешли к оседлости, слово «таджик» стало относиться только к ираноязычному населению.

Несомненно, что таджики представляют собой прямых потомков древнейшего местного оседлого населения Средней Азии: согдийцев, хорезмийцев и бактрийцев, частично смешавшихся с тохарами. Но события IX—

X веков—национальные движения против арабских завоевателей, образование туземных самостоятельных государств—ускорили нивелировку населения в процессе формирования единого таджикского народа. Уже при династии Саманидов выработался единый, ставший государственным, таджикский язык, тогда называвшийся «дари»[1].

К этому времени таджики составили господствующую народность в городах и земледельческих районах Средней Азии.

IX—X столетия—время расцвета местных таджикских государств и время расцвета таджикской культуры. В эту эпоху жили и творили великий ученый, бухарец Ибн-Сина (Авиценна), поэты Рудаки и Фирдоуси—автор знаменитой поэмы «Шах-намэ».

Уже с XI в. политическое господство таджиков начало оспариваться новыми тюркоязычными группами. Но свое культурное превосходство таджики продолжали сохранять.

В настоящее время таджики населяют главным образом южную часть Советской Средней Азии. Подавляющее же большинство таджиков живет за рубежом—в Афганистане (2,1 млн. чел.), небольшая часть—в Иране (25 тыс.) и в Синьцзянском Уйгурском автономном районе.

Таджики делятся на две очень неравные группы: равнинных и горных таджиков. Первые живут в равнинной части Таджикистана и в некоторых местностях Узбекистана (Фергана, Самарканд, Бухара). Они почти не отличаются по своему быту от узбеков.

Горные таджики представляют более своеобразную группу. По всему укладу своей жизни они больше отличаются от равнинных таджиков, чем эти последние от узбеков. Из миллиона с четвертью таджикского населения СССР горных таджиков насчитывается всего несколько десятков тысяч человек. До революции Горный Таджикистан вместе с Горно-Бадахшанской областью назывался «Восточная Бухара» и входил в состав Бухарского ханства. Жителей его, горных таджиков, иногда называли «гальчá». Происхождение этого термина также вызывало разногласия. Предполагалось, что это слово на одном из горно-таджикских диалектов означало «чужой», «иноплеменный». Но, по свидетельству Бартольда, это слово прежде звучало «гарчá» и происходит от слова «гар»—«гора». Сами жители не называют себя так, и в горах этот термин неизвестен. Сейчас он и вообще не употребляется.

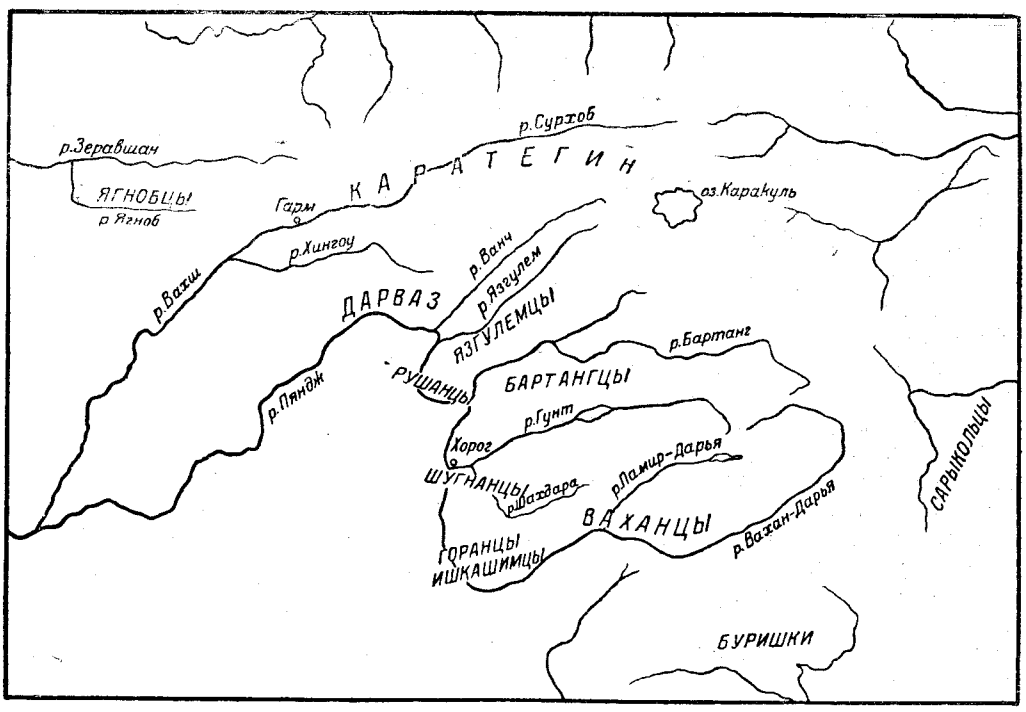
Этнический состав горного населения неоднороден. В горной части собственно Таджикистана (без Горно-Бадахшанской автономной области) различаются исторические области: 1) Каратегин—по р. Сурхобу (одна из рек, составляющих реку Вахш, приток Аму-Дарьи), ее центр—г. Гарм; 2) Дарваз—южнее Каратегина—по р. Пянджу (верхнее течение Аму-Дарьи) и его притоку Ванчу; 3) Кухистан[1] — горная страна в средней части Таджикистана, между Туркестанским хребтом с севера и Гиссарским с юга, бассейн верхнего Зеравшана; ныне это южная горная часть Ленинабадской области.

Припамирские народности. Идя вверх по течению Пянджа, мы вступаем в Горно-Бадахшанскую область. Здесь, в Западном Памире, обитают обособленные группы, так называемые припамирские народности, которые хотя и причисляются теперь обычно к горным таджикам, но до сих пор с таджиками не вполне ассимилировались и известны под своими отдельными названиями. Двигаясь снизу вверх по течению р. Пяндж, в долине ее притока Язгулема мы встретим народность язгулемцев (самоназвание «згамúк»), численность около 2 тыс. Южнее живут шугнанцы и рушанцы, с подразделениями на бартангцев и орошорцев. Шугнанцы—самая крупная из памиро-иранских групп—их более 21 тыс. (1926 г.). Еще южнее, в изгибе, который делает Пяндж, небольшая группа ишкашимцев и рядом с ними—горанцы. И на крайнем юге, по верховьям Пянджа (Вахан-Дарья)[2] особая народность ваханцев (4,5 тыс.). Все эти этнические группы в настоящее время ассимилируются с таджиками: язык школы, литературы у них таджикский, но

[1] О языке дари, правда, существуют разные взгляды. Зарубежные востоковеды считают дари непосредственным предком новоперсидского языка. Но советский иранист Е. Э. Бертельс очень удачно показал, что язык дари тесно связан с местными таджикскими диалектами, на основе которых он и выработался, вероятно, в Бухаре. По мнению Бертельса, язык этот сложился гораздо раньше, чем обычно думают,—еще в доарабскую эпоху, при Саманидах же он лишь стал государственным языком. Что касается собственно Ирана (Персии), то туда этот язык проник позже—при Сельджуках.

[1] Слово «Кухистан» означает вообще «горную страну», но иногда оно употребляется как наименование указанной местности.

[2] За рубежом в Синьцзянском автономном районе Китая живут сарыкольцы—небольшой народ, принадлежащий к той же группе.

Расселение горных таджиков и припамирских народностей

в домашнем быту они еще говорят на своих особых языках, друг для друга непонятных (кроме горанцев, которые уже давно говорят только по-таджикски).

Процесс поглощения в состав таджикской национальности отдельных горно-племенных групп совершился значительно раньше в области Каратегина и Дарваза. Здесь можно проследить только слабые остатки прежней племенной раздробленности. Например, Н. А. Кислякову удалось установить в бассейне р. Хингоу 5 разных групп, по-видимому, представляющих собой остатки отдельных племенных образований: в верхнем течении реки Хингоу—группа вахиочи́, в среднем ее течении—туркийя́ и в нижнем течении—хлоз (остальные 2 группы, по-видимому, пришлые). Но в настоящее время можно заметить между ними только очень небольшие различия в говорах. Это—настоящие таджики.

Севернее, в бассейне реки Зеравшан, в горной стране «Кухистан», мы находим замечательный пример сохранения этнической обособленности. Между Зеравшанским хребтом с севера и Гиссарским с юга протекает река Ягноб, и в ее изолированной, малодоступной долине сохранилась небольшая группа ягнобцев (около 2500 человек). Они говорят на своем особом языке, хотя знают и таджикский язык; предполагают, что ягнобский язык—последний остаток языка древних согдийцев. Несомненно, и припамирские народности представляют собой потомков древнейшего населения страны.

Конечно, оно не могло сохраниться в совершенно чистом виде. Очевидно, в горы проникали в разное время инородные группы, следы которых сохранились в местных названиях. Здесь имеется, например, одна небольшая географическая группа, которая сохраняет название «чагатай». Одна из мелких групп в районе озера Искандеркуль называется «македони́» и считает себя потомками македонских завоевателей. Как антропологические данные, так и предания самих горцев указывают на заселение гор по преимуществу с Запада.

Медленность процесса ассимиляции и сохранение обособленных племенных групп в горах объясняются, во-первых, географическими условиями, той разобщенностью, которая создается горным рельефом, а во-вторых—политическими причинами, действовавшими в прошлом. Дело в том, что население гор в течение долгого времени сохраняло и отстаивало свою свободу, лишь временами попадая в зависимость от феодальных государств Афганистана или Средней Азии. В XVI в., при Абдулле-хане, Каратегин и Дарваз были подчинены ненадолго Бухаре, но потом опять получили независимость и только в годы русского завоевания (1868—1869 гг.) вновь попали под власть Бухары. Что касается

Горно-Бадахшанского района (Памира), он находился (до 1895 г.) в слабой вассальной зависимости от афганских владетелей. Взаимная обособленность припамирских народностей усиливалась благодаря обычаю племенной эндогамии. Смешанных браков почти не было. Только в советских условиях происходит ускоренный процесс консолидации таджикской национальности и ассимиляции этих отдельных групп.

Между прочим, антропологические исследования (Л. В. Ошанина) показывают сравнительную однородность населения всего Таджикистана и особенно как раз горных районов в расовом отношении. Преобладает один определенный антропологический тип: это чисто европеоидный «памиро-ферганский» тип с примесью «переднеазиатского» (арменоидного), отличающегося большей волосатостью.

Хозяйство. Основным занятием таджиков издавна было земледелие. В равнинных районах это земледелие типичного среднеазиатского вида, с искусственным орошением. Впрочем, помимо поливных земель (по-таджикски «оби»), есть и земли, расположенные дальше от селений или выше в горах, где сеют под дождь (земли «ляльми»): на них разводят пшеницу и ячмень. Земледельческие орудия у маломощного крестьянства удерживались до недавнего времени дедовские: грубый деревянный плуг «сипор», доска-борона «мала» и др.

Особенно примитивный вид сохраняло еще недавно земледелие у населения гор, где удобной для обработки земли очень мало, а климатические условия неблагоприятны. Там сеяли главным образом ячмень и пшеницу. Хлеба обычно не хватало, особенно ввиду тяжелых поборов с крестьянства. Приходилось заменять отсутствующий хлеб суррогатами—главным образом сушеными тутовыми ягодами, которые размалывали на муку, а выше в горах—просто травой.

Скотоводство в сельском хозяйстве равнинных районов играет чисто вспомогательную роль. Население держит в небольшом количестве лошадей, рогатый скот, ишаков (ослов), главным образом как рабочую силу, а также овец и коз.

Для населения гор скотоводство составляет более существенную отрасль хозяйства. Однако и оно невелико по размерам; горные таджики имеют обычно всего по несколько голов скота, в отличие от крупного скотоводства их ближайших соседей, кочевников-киргизов. Скотоводство основано на системе пастбищного хозяйства с вертикальным кочеванием, как на Кавказе. Летом скот перегоняют на горные луга, и часть жителей переселяется туда для пастьбы, но основное население остается в кишлаке.

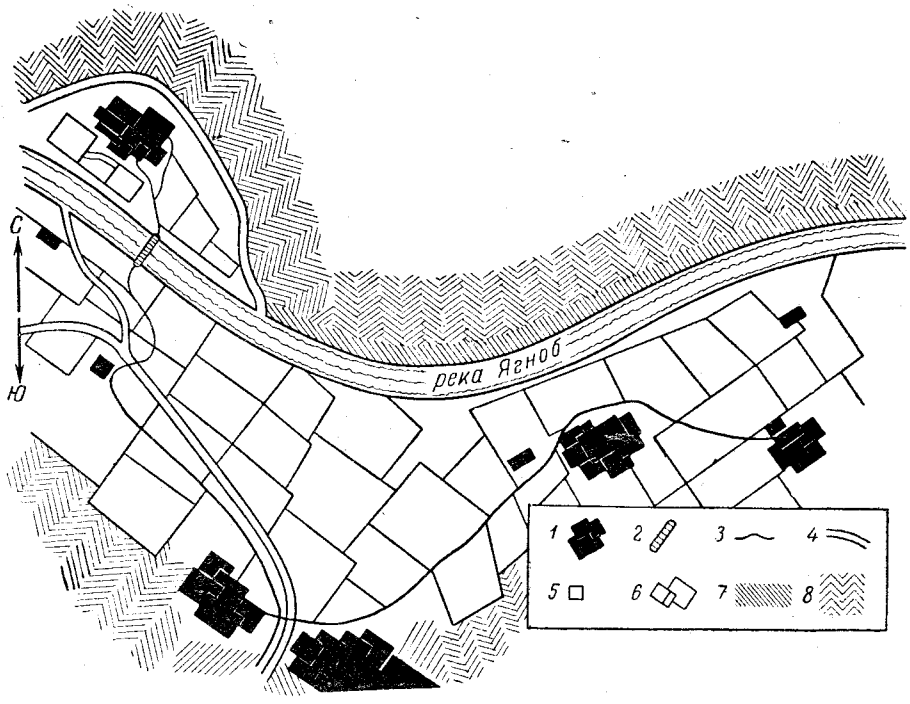
Немаловажную роль в хозяйстве горных таджиков играет охотничий промысел. Основной вид его—это ружейная охота. До недавнего времени употреблялись примитивные кремневые ружья, из которых стреляли с рассохи в горных баранов и другую дичь.

В советские годы сельское хозяйство таджиков совершенно перестроено. Оно механизировано, и ручные орудия сохранились лишь местами в горах. Реконструирована и расширена ирригационная система. Расширение ее позволило ввести в культуру земли, никогда не знавшие плуга.

Так, например, в одной Вахшской долине, где сооружена (1931—1934 гг.) одна из крупнейших оросительных систем, орошено около 42 тыс. га, из них более половины (22,5 тыс. га) впервые введено в культуру. На вновь орошенных землях смогло расселиться более 20 тысяч семей дехкан, переселившихся частью из скудных высокогорных районов, частью из густо заселенной Ферганской долины.

Кустарно-ремесленные производства в равнинных областях Таджикистана достигли издавна большого разнообразия и высокого совершенства (о них частью уже говорилось выше). Особенно выдаются производство хлопчатобумажных и шелковых тканей, кожевенное, кузнечное, ювелирное, плотничье, гончарное производства, резьба по дереву, резьба по алебастру и пр.

В хозяйстве горных таджиков ремесла отдифференцировались слабее, хотя некоторые из них тоже получили товарное значение. На первое место в их числе надо поставить обработку волокнистых веществ, в частности изготовление шерстяных тканей. Ткачеством занимаются и мужчины и женщины, у припамирских народов—только мужчины. Женщины ткут большей частью легкие ткани, а мужчины прядут грубую, толстую шерсть и ткут толстые ткани для верхней одежды. Очень интересно также вязальное производство, вязание чулок. Это женское занятие, причем оно имеет художественное значение, так как эти чулки очень богато орнаментируются. Существует гончарство (тоже женский промысел), но грубое и примитивное, с плохим обжигом посуды, и то не везде. В северной части горного Таджикистана гончарства нет, тут пользуются покупной посудой. В Каратегине и Дарвазе существует особый способ выплавки руды. Обработка дерева, в частности, художественная резьба по дереву,

Гнездовой тип поселения у ягнобцев: *1*—квартал; *2*—мост; *3*—тропа; *4*—ручей; *5*—хирман (ток для молотьбы); *6*—пашни; *7*—обрыв; *8*—скалистый склон

плетение и т. д., имеют также довольно существенное значение.

Поселения и постройки. Народы Средней Азии издавна—еще в античную эпоху—пережили процесс отделения города от деревни. Многие из городов не особенно резко отличались от деревни (кишлака)—сельским хозяйством нередко занимались и городские жители,—но все-таки они были городами: торгово-ремесленными и административными центрами.

Старые города и крупные кишлаки таджиков построены обычно по одному и тому же плану. В центре находится базарная площадь, окруженная мастерскими и лавками ремесленников. Там находятся обычно «чайханы» (чайные), в больших городах также «караван-сарай», где останавливались прежде торговые караваны и путешественники. Во все стороны от базарной площади тянутся узкие кривые улицы, между глухими стенам усадеб и построек, лишенных окон на улицу.

В некоторых горных местностях, особенно у ваханцев, преобладает более разбросанное расселение: весь кишлак состоит из 2—3 домов, как бы слепленных вместе, но с разными входами. У ягнобцев кишлак состоит из нескольких родовых или фамильных «кварталов», каждый из которых представляет собой несколько построек, как бы склеенных вместе.

Преобладающий традиционный тип построек в равнинных районах везде один и тот же. И городские и сельские жилища представляют собой лишь разновидности этого основного типа. Простейшая форма его сохранилась в горных районах. Это прямоугольный дом из камня, скрепленного глиной, или просто из глины, с плоской крышей[1], опирающейся на столбы и положенные на них балки. Внутренняя планировка и расчленение жилища чрезвычайно просты: дом состоит либо из одного только жилого помещения (хона), либо—чаще—с пристройкой спереди хозяйственного помещения—кухни с очагом; она отделена от жилья, впрочем, только столбами, подпирающими крышу. Вдоль стен—глинобитные возвышения—нары для спанья, сиденья; местами они настолько широки, что между ними остается только узкий проход посередине жилья. Окон в таких домах прежде не было, вместо них—небольшое отверстие над дверью или в крыше,

[1] В районах, где больше дождей, например в верховьях Варзоба, строят иногда и двускатные крыши: они служат как бы навесом над обычной плоской крышей.

Вид части селения Урмитан

Дом в верховьях Пянджа

Дом Правительства в Сталинабаде

служащее дымоходом. Интересно, что в ягнобском языке нет даже слова «окно». В таком жилище, особенно у бедняков, было обычно неуютно, темно, дымно, зимой холодно.

Перед домом часто устраивается терраса—навес на столбах—«айвон».

Еще более примитивные жилища бытовали еще недавно на летовках, в горах. У ягнобцев это были часто просто круглые землянки; над углублением в земле сложены из булыжника низкие стены, кровля плоская, в середине ее—отверстие для дыма. Иногда жилища сплошным полукольцом окружали загон для скота.

Жилища равнинных таджиков гораздо сложнее, особенно в городах. Жилище прежде делилось на две половины: мужскую и женскую, причем женская половина—внутренняя часть дома, куда посторонние не допускались. Это связано с обычаем затворничества женщин. В зажиточных домах устраивалась особая комната для гостей—«мехмонхона». Внутренний вид таджикского жилища—типично «восточный». Высокой мебели прежде не было, она заменялась коврами, одеялами, подушками на полу: на них сидели, поджав или скрестив ноги—известная «восточная» традиция. Шкафы для вещей заменялись стенными нишами

В городе жилища обычно компактно расположены и обнесены глинобитной стеной. Окон на улицу не делали, они открывались только во внутренний двор. В кишлаках расположение жилищ более свободное, и каждая усадьба окружена земельным участком с огородом, бахчей.

Жилища зажиточной части населения, господствующих классов, представляли собой ряд более сложных форм, восходящих, однако, к тому же основному типу.

Сейчас в колхозных кишлаках и частью в старых городах происходит большая перепланировка и перестройка. Широкие прямые улицы, обсаженные деревьями и мощёные щебнем; дома с окнами на улицу; большие окна дают гораздо больше света в жилище. Всюду устроены новые красные чайханы, играющие роль не только чайных, но и клубов, мест культурно-просветительной работы. Самый тип построек в значительной степени сохраняется старый—приспособленный к местным климатическим условиям, но жилища более удобны, обставлены европейской мебелью, освещаются электричеством, окна остекляются; в домах колхозников—радио, книги, картины. Отмирает деление на мужскую и женскую половину, связанное со старым бытом.

Средства передвижения. Традиционные средства передвижения у равнинных тад-

Среднеазиатская арба

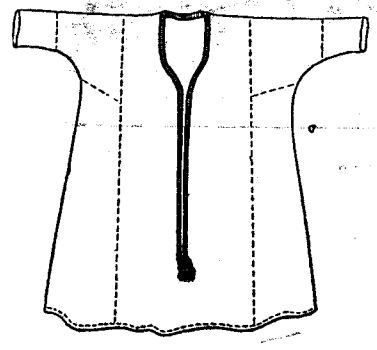
«Овринг» в Западном Памире

Плоты, составленные из бурдюков

жиков—верховая езда на лошадях, верблюдах, а особенно на ишаках. Типичный вид повозки—двухколесная арба с очень высокими (до 2 м диаметром) колесами. Иногда арбы бывают крытые; иногда очень разукрашенные, например для свадеб. Арба как тип повозки, по-видимому, развилась в связи с местными природными условиями; экипаж с большими колесами более удобен для езды по песку, в котором маленькие колеса вязли бы, и для переезда через мелкие арыки. Верховые седла земледельческого населения отличаются от седел кочевников: они почти плоские, нет высокой луки и спинки.

Женская рубаха (куртá) таджиков

Еще большую примитивность сохраняли до недавнего времени средства передвижения у горного населения. Дороги в горах были редки и плохи. В большинстве случаев—это узкие тропы, по которым не всегда пройдет и лошадь. Тропа лепится по карнизу крутого ската горы, нередко под отвесной стеной, над пропастью висят хрупкие искусственные «овринги»—деревянные настилы, через потоки переброшены примитивные чуть держащиеся мостики. Но и такая горе-дорога доступна местами лишь 2—3 месяца в году, когда открыты горные перевалы. В остальное время года некоторые глухие горные долины до недавнего времени были почти начисто отрезаны от мира.

В этих условиях даже верховой и вьючный транспорт местами был очень труден. Где не проходит лошадь, вьючат груз на осла. Колесных дорог не было почти совсем. Поэтому наиболее распространенный способ передвижения в горном Таджикистане—это ходьба пешком. Горцы являются неутомимыми ходоками. Пройти 80 километров по горным перевалам—это для них обычное дело; известны случаи, когда человек проходил более 100 км в день.

Своеобразен способ переправы через реки вплавь на особых бурдюках или турсуках из снятой целиком шкуры барана, которые носятся на поясе. Это чрезвычайно архаичный способ переправы, засвидетельствованный еще древне-ассирийскими изображениями. Тогда тоже переправлялись на бурдюках—на плотах или вплавь. Человек держится рукой за бурдюк и плывет. В этом, как и во многом другом, проявляется глубокий архаизм всей этой культуры горцев.

Сейчас транспортное хозяйство совершенно реконструировано, и старые средства передвижения сохранили значение лишь для местных надобностей. Проведение сети современных дорог в корне изменило экономику в особенности горных районов Таджикистана. Новые железнодорожные магистрали и узкоколейные линии связали столицу Таджикской ССР, г. Сталинабад, с отдаленными районами. Автомобильные дороги перекинулись через горы: Сталинабад—Ура-Тюбе, Ош—Хорог, Большой Памирский тракт (Сталинабад—Хорог), построенный всем народом в 1940 г. за 3 с половиной месяца. Год от года растет значение и воздушного транспорта.

Одежда. Традиционной нижней одеждой и у мужчин и у женщин служит широкая и длинная рубаха «куртá» туникообразного покроя из хлопчатобумажной (домотканной или

Типы дарвазских таджиков

покупной) ткани. У горных таджиков Каратегина и Дарваза сохранилась очень архаичная разновидность этой рубахи—без вертикального разреза ворота, а только с горизонтальным разрезом вдоль плеч. Поясная одежда—просторные длинные (особенно у женщин) штаны с широким шагом. Верхней мужской одеждой является хлопчатобумажный халат в двух разновидностях—или легкий летний, или стеганый ватный. По покрою это более или менее одинаковая одежда, с прямой спиной, однобортная. Носится, как правило, с поясом, но иногда и нараспашку. Верх обычно полосатый.

У горных таджиков употреблялись халаты из грубой шерсти серого или коричневого цвета.

Что касается женского верхнего костюма, то здесь следует отметить обычай, который сохранился до настоящего времени и с которым ведется борьба,—обычай ношения глухой одежды, сплошь скрывающей всю фигуру и лицо, так называемая паранджа (точнее—«фараджи»). Это халат, надевающийся прямо на голову, со сшитыми сзади ложными рукавами, а спереди надевается закрывающая лицо волосяная черная сетка, так называемый чачван, точнее (по-таджикски) «чашмбанд». Паранджу можно встретить преимущественно в городах. В кишлаках женщины редко носят паранджу, а в горных районах она совсем не употребляется, так же как не употребляется и у кочевников. Мусульманская религия поддерживала и поддерживает обычай ношения паранджи, закрепляя этот вредный пережиток. Но было бы неправильно связывать происхождение этого обычая с исламом. Во-первых, не все мусульманские народы соблюдали этот обычай, а во-вторых, есть и не мусульманские народы, которые его придерживаются. Это обычай, по-видимому, издавна существовавший у некоторых народов Передней Азии и исламом только принятый и узаконенный. Однако известный нам теперь вид паранджи с чачваном приняла не так давно—лишь с XVIII века. Раньше «фараджи» была просто верхней, накидываемый на плечи одеждой, а лицо закрывалось легкой вуалью. Замена вуали плотной волосяной сеткой и превращение паранджи в уродливый мешок, закрывающий всю фигуру с головой, вызваны были, видимо, общей феодальной реакцией и усилением всех форм гнета в позднесредневековую эпоху. Вред ношения паранджи совершенно очевиден. Паранджа вредна не только потому, что она унижает достоинство женщины и подчеркивает устранение ее от общественной

Женщина в парандже (вид сзади)

жизни, но она вредна и в гигиеническом отношении.

В домашней обстановке женщины носили халат, подобный мужскому; но у́же и короче.

Тюбетейка

Наиболее распространенным типом головного убора является тюбетейка—маленькая круглая шапочка, плотно сидящая на голове. По фасону и вышивке она очень разнообразна по районам. Ношение тюбетейки связано с обычаем мужчин брить голову. Раньше носили также чалму, типичный мусульманский головной убор. Женский головной убор—белое покрывало.

Специфическая прическа женщин—множество косичек со вплетенными шнурками-накосниками, на концах которых бусины.

Характерна среднеазиатская обувь—мягкие кожаные сапоги, точнее чулки, без твердой подошвы и каблуков; поверх них вне дома надевают кожаные калоши. Есть и сапоги с высоким каблуком—особенно для верховой езды.

Сейчас одежда таджиков сохраняет яркий национальный колорит, но многое в ней изменилось. Те части костюма, которые связаны со старым бытом—как женская паранджа, а особенно мужская чалма,—встречаются все реже и реже. Но яркие и пестрые шелковые платья, камзолы и халаты носятся постоянно, нередко сочетаясь с частями покупной одежды. Например, халат носят часто поверх пиджака. Тюбетейку носят теперь и мужчины и женщины.

Исторические особенности общественного строя. В недавнем прошлом общественный строй таджиков сохранял много черт, восходящих к совершенно различным историческим эпохам. У горных таджиков и припамирских народностей удержались до наших дней значительные пережитки первобытно-общинных форм жизни. У равнинных таджиков они почти исчезли. Господствующим типом отношений среди оседлого населения равнинной части Средней Азии были до самой революции феодально-крепостнические формы с элементами недоразвитого капитализма.

Общественный строй горного населения. Основной социальной единицей в горах был кишлак, представляющий сельскую общину. Но кишлаки там, где они более крупные, делятся на кварталы, каждый из которых населен группой родственных семей («каун» по-таджикски) со своим родовым названием. А мелкие кишлаки целиком состоят из группы родственных семей.

Внутри рода поддерживаются взаимные связи, обычно родовая взаимопомощь и т. д. Имеются предания об обычае родовой мести.

Однако род не представлял собой основной хозяйственной единицы: такой единицей было скорее подразделение рода—большая семья. Численный состав семьи в горном Таджикистане представляет собой довольно характерную картину. Статистика показывает, что в Каратегине, например, средний состав семьи еще недавно равнялся $5^1/_2$—6 человек, а в Дарвазе от 13 до 16 человек на семью в среднем. У ягнобцев встречались семьи по 15—20 человек. На Пяндже—до 50—60 человек. Во главе большой семьи стоял старший мужчина; у ягнобцев он назывался «калонтар». После революции, в связи с общей ломкой архаических отношений, происходит распад этих больших семей, учащаются семейные разделы, которые раньше представляли собой редкое явление.

Счет родства—патрилинейный, но сохранились и заметные пережитки материнского права. Прежде всего отмечается сравнительно независимое положение женщины, резко отличающееся от того подчиненного положения, в котором женщина находилась до революции у равнинных таджиков и у узбеков. Здесь не было обычая закрывания лица; не было обычая затворничества женщины. Это отчасти стоит в связи с общей простотой быта, но в то же время это свидетельствует о независимости положения женщины и объясняется ее более активным участием в производстве.

В области разделения труда оба пола достаточно равномерно нагружены: и женщины и мужчины выполняют свою долю в хозяйственных работах.

Большим злом в семейных отношениях, с чем сейчас ведется борьба, был укоренившийся в горах обычай ранних браков. По старому обычаю браки заключались примерно с 10 лет для мальчиков и лет с семи для девочек. Фактические брачные отношения начинались, конечно, позднее, но все-таки подобные браки играли отрицательную роль и в социальном и в физиологическом смысле. С этим связано раннее старение женщин. Наблюдатели быта горных таджиков отмечали, что мужчины-горцы обычно хорошо сложены и сильны физически, а женщины очень быстро стареют.

Форма заключения браков была типична для патриархально-родовых и патриархально-феодальных отношений: это обычай калыма, сейчас запрещенный советским законом.

Эти пережитки родового строя в брачно-семейных отношениях держались почти до наших дней. В области производственных отношений пережитки первобытно-общинного строя уже давно модифицировались и приняли характерные формы классовой эксплуатации. Общинное землепользование почти не сохранилось, кроме как в отношении пастбищных угодий. Посевы представляли собой до революции индивидуальную собственность отдельных семей. Но при обработке земли сказывались своеобразные пережитки общинных отношений. Таков, например, обычай «шарики», своего рода аренды, исторически связанный с совместной обработкой земли. Хозяин земли, не будучи в состоянии сам обработать ее, приглашал другого в помощь. При разделе продуктов хозяину доставалось больше. Таким образом, элемент классовой эксплуатации здесь был налицо, но он был замаскирован формой коллективных первобытно-общинных отношений.

Практиковался также обычай «альгоу», что соответствует русской супряге: это объеди-

Женщина из Нижнего Ванча

нение инвентаря и скота нескольких хозяев для совместной обработки земли. Здесь было меньше элементов эксплуатации, больше сохранялась форма коллективного общинного труда.

Черты первобытного коллективизма имелись налицо также в обычае «хашар», аналогичном русской «помочи»: хозяин земли приглашал соседей для уборки урожая или иной сельскохозяйственной работы; варил для них угощение. Они приходили и ему помогали. В этом обычае также содержались элементы классовой эксплуатации, но опять-таки завуалированные первобытно-общинной оболочкой.

Своеобразным явлением была женская молочная артель—«пейвоз» (у ягнобцев—«пивос»). Молоко, идущее на приготовление сметаны и масла, сливалось поочередно отдельным членам артели. Каждая из женщин—членов артели имела право на получение молока пропорционально количеству принадлежащего ей молочного скота.

Сохранился такой характерный пережиток первобытно-общинных отношений, как общественные мужские дома. У ягнобцев и у припамирских народов они называются «мехмонхона» («дом для гостей») и имеются в каждом кишлаке, по одному или по нескольку, по числу кварталов. Мужчины собираются там по вечерам, особенно осенью и зимой, устраивают вскладчину общие трапезы, беседуют, слушают певцов или сказочников, принимают гостей и случайных путников. На р. Хингоу такие же общественные дома называются «алоу-хона» (а «мехмонхона» там означает пристройку для гостей при жилом доме).

Рядом с сохранением первобытно-общинных, хотя и модифицированных, пережитков, уже начинавших приобретать форму классовой эксплуатации, население горного Таджикистана знало и более развитые формы классовой дифференциации и эксплуатации. Общины не были независимыми. Каждая из общин имела своих так называемых «миров»—начальников, мелких владетелей, феодалов. Мир Вахана считался вассалом более крупного Бадахшанского мира, в свою очередь подвластного афганскому эмиру. Население должно было приносить своему миру определенное количество продуктов в виде натуральной дани и выполняло установленные повинности. Мир был эксплуататор и паразит, он собирал налоги, владел землей и скотом, но он не выступал в роли старшины, он не судил никого. Судебные функции находились в руках выборных старшин, так называемых пиров и халифов. Это был общественный третейский суд.

Такое же положение было в северной части горного Таджикистана, в Каратегине и Дарвазе. Эти области находились временами в зависимости от бухарских эмиров, частью от кокандских ханов. Бухарский эмир назначал сюда своих беков, отдавая им эти области в бесконтрольное управление. Бекства—Дарвазское и Каратегинское—делились на так называемые амлякдарства, т. е. мелкие административные единицы. Население было обязано различными повинностями—отработочной и продуктовой рентой—в пользу своих владетелей, амлякдаров и беков.

Наряду с этими ярко выраженными формами феодальной эксплуатации у населения горного Таджикистана до конца XIX в. сохранялись и остатки рабства, точнее, работорговли. Главными работорговцами были сами беки и миры, которые продавали своих подданных в рабство бадахшанскому эмиру и другим.

Общественный строй равнинного населения. У равнинных таджиков феодально-крепостнические отношения господствовали без всяких прикрас до самого присоединения к России, а во владениях эмира Бухарского— и вплоть до революции. О характере этих отношений уже говорилось выше. Таджикский писатель Садриддин Айни, сам выросший в условиях Бухарского режима, описывает в своих автобиографических произведениях («Бухара» и др.) все ужасы этого режима. Это была система полнейшего бесправия дехканской бедноты и городских ремесленников, произвола богачей-землевладельцев и купцов, жестокого грабительства и взяточничества эмирских чиновников, подкупа и вымогательства в судах. По сравнению с этим азиатским феодально-крепостническим режимом порядок, установленный русскими царскими властями в присоединенной части Средней Азии (Туркестанское генерал-губернаторство), был гораздо культурнее; азиатский произвол туземной администрации был заменен системой, хотя и классовой, дворянско-буржуазной, но все же законности.

В семейном и домашнем быту не было той простоты нравов, которая сохранялась в горном Таджикистане. Надо отметить очень подчиненное положение женщины,

которое именно у равнинных таджиков, как и у узбеков, сказывалось наиболее резко. Это выражалось в обычае женского затворничества, который держался до последнего времени, в ношении паранджи и закрывании лица, в полном лишении женщины, по дореволюционным законам, всякой самостоятельности, всякого гражданского равноправия, в полном господстве мужа над своей женой, вернее, женами, ибо многоженство держалось по мусульманскому шариату до новейшего времени.

Но сейчас происходит ломка этого старого быта. Таджикская женщина освобождается от вредных обычаев, которые искусственно поддерживались паразитическими слоями населения, ныне ликвидированными. Ношение паранджи постепенно уходит в прошлое. Женщина целиком уравнена в правах с мужчиной. Ее активное участие в общественной жизни, работа в колхозах, в промышленности, доступность не только среднего, но и высшего образования—все это вконец расшатало устои старого азиатско-патриархального семейного быта и сделало таджичек свободными гражданками социалистической страны.

Сам общественный строй таджиков изменился коренным образом. Земельно-водная реформа 1925 г. подорвала основы власти эксплуататорских групп и передала землю и оросительную систему в руки трудящихся дехкан. А массовая коллективизация 1929—1931 гг. окончательно ликвидировала все формы классового гнета.

Религиозные пережитки. Господствующая религия среди таджиков, как и среди других народов Средней Азии,—ислам в его суннитской форме. Как уже говорилось, именно городское и сельское население оазисов—в том числе таджики—было той средой, где ислам пустил наиболее глубокие корни. Домусульманские верования сохранялись слабо.

Иное положение наблюдается у населения гор. Здесь остатков ранних форм религии сохранилось гораздо больше, что объясняется исторической обособленностью этих районов и живучестью архаических форм экономики. Здесь формально тоже господствовал ислам, но ислам по преимуществу в сектантской форме. Горные народности—ваханцы, шугнанцы и др.—в большинстве своем исповедовали исмаилизм. Это своеобразная мусульманская секта, сложившаяся (еще в VIII в.) на почве шиизма, а в XI в. проникшая на Памир, хотя официально население здесь причислялось к суннитскому исламу.

Мазар в долине реки Гунт

Исмаилизм—крупная секта, руководимая сильной иерархией. Главой ее считается Ага-хан, живущий в Индии, в Бомбее. Это живой бог, живое воплощение святого Али, преемника пророка. Ага-хан является наследственным главой и деспотическим руководителем этой секты. Он собирает в свою пользу подать со всех ее приверженцев. Подать эту собирали и с горного Таджикистана. Даже в первые годы после установления Советской власти контрабандным путем переправлялась в Бомбей эта дань, которую религиозные руководители—пиры—собирали с исмаилитского населения. В северных областях секта исмаилитов если и существовала, то лишь тайно.

Наряду с исмаилизмом в отдельных кишлаках Таджикистана был распространен настоящий шиизм, хотя и тайный, ибо шиитов власти преследовали. Официальной религией была суннитская. Однако мусульманские духовные лица—муллы и ишаны—не пользовались большим авторитетом.

Но интересно, что под внешним покровом и суннизма и исмаилизма население фактически сохранило гораздо более древние формы религиозных верований. Здесь очень сильны пережитки зороастризма, древней домусульманской религии Средней Азии. Имя Зороастра известно большинству горных таджиков. Им известно, что предки их были огнепоклонниками, и пережитки этих верований сохраняются и сейчас.

У каратегинцев и дарвазцев отмечены такие религиозные воззрения. Во главе вселенной стоит добрый бог, Худо-Парвадигор, «бог-питатель», который является начальником над целым легионом добрых ангелов. Помимо этого, существуют целые

полчища злых духов, «дэвов». Это духи природы, живущие в скалах, в горных потоках, в деревьях. Они могут вредить человеку, но человек при помощи жертвоприношений и заклинаний может с ними справиться. Дэвы—злые духи домусульманских верований. Наряду с ними существуют «джинны», пришедшие уже с мусульманством. Верили и в так называемых альбасты—злые существа, которые вредят в особенности женщинам во время родов. Известен мифологический образ «Бобо-и-дехкон» («дед-земледелец»), божество-покровитель земледелия.

Крупное значение в религиозных верованиях горных таджиков имел культ мазаров, который известен и в равнинных частях Средней Азии. Мазары—это святилища, которые считаются памятниками, построенными в честь святых. Обычно это четырехугольные строения с куполообразной крышей. Но почитание мазаров лишь по внешности имеет связь с исламом. Фактически это древний, чисто местный культ общинных святынь.

Значительную роль в верованиях играли священные камни. Это обычно большая каменная глыба, на которой находится меньший камень причудливой формы, иногда камни с рисунками, которые имеют какое-то магическое значение. В этих рисунках часто повторяется фигура горного козла, что можно связать с древним культом животных; горный козел, кстати, и сейчас считается священным и «чистым» животным. Следы почитания животных здесь вообще очень заметны.

Народное творчество. В народном творчестве таджиков отразилась глубокая общность с узбеками, и формы этого творчества у них сходны. В таджикском фольклоре наиболее интересны сказки. Они впервые подверглись серьезному изучению только в советское время: первый сборник таджикских народных сказок был издан Таджикским филиалом Академии наук СССР в 1945 г., с тех пор таджикские сказки издавались не раз. Наиболее многочисленны среди них волшебные сказки. Они отличаются типично «восточным» колоритом. Сюжеты их—борьба героя со злыми «дивами», со змеями, поиски похищенной возлюбленной и пр. Своеобразен особо цветистый язык сказок, обилие гипербол. Есть и сказки сатирического содержания, высмеивающие эмирских чиновников, продажных судей того времени. Широко распространены юмористические рассказы-анегдоты («латифы»)—например, об известном на мусульманском Востоке Ходже Насреддине. Рассказывание сказок—одно из любимых развлечений народа, их рассказывают в чайханах, во время отдыха на поле и пр. Есть и профессионалы-сказочники. Героический эпос мало развит, зато известно много лирических песен.

Письменная литература таджиков восходит к средним векам. Основоположником ее считается Абулхасан Рудаки (X в.)— слепой поэт, музыкант и мыслитель. Из новейших писателей выделяется Садриддин Айни.

Музыка таджиков построена на диатоническом звукоряде. Вокальная музыка одноголосна. Очень характерно богатство и разнообразие ритмов, в том числе сложных—как 5- и 7-дольные. Музыкальные инструменты близки к узбекским. То же надо сказать о народных развлечениях—кукольном театре, народном цирке, о разных видах спорта.

Изобразительное искусство выступало прежде главным образом в художественных ремеслах—тоже близких к узбекским, хотя стиль орнамента у таджиков своеобразен. Орнаментом, с преобладанием растительных мотивов, покрываются ткани (вышивка, набойка), керамика, кожа, дерево.

Несколько особняком стоит изобразительное искусство горных таджиков. Из художественных ремесел населения Горного Таджикистана наиболее интересны вышивки и вязанье. Орнамент на одежде и вязаных чулках представляет собой по большей части геометризацию или стилизацию животных, растений или предметов быта. У таджикских женщин имеются целые собрания образцов этих рисунков на отдельных лоскутках, которые хранятся и передаются из поколения в поколение, как своего рода альбомы узоров («нусха»)

Интересен также резной орнамент, художественная резьба по дереву. Обычно украшаются двери, колонны и другие деревянные части домов. Дома богачей имели нередко двери, сплошь покрытые художественной резьбой.

Характерен обычай покрывать росписью стены жилища: это делается раз в год, во время празднования «Науруза» (нового года). Рисунки изображают животных и разные геометрические фигуры и имеют обрядовое происхождение, связанное с древними магическими поверьями.

В советскую эпоху открылись новые возможности для развития художественных ремесел таджиков. Широкое применение орнаментики при украшении новых домов, жилых и общественных, в колхозах и городах, стенная роспись и пр.; ответственные заказы лучшим мастерам-художникам со стороны правительства и общественных органов; устройство разных выставок, конкурсов; введение новых, более разнообразных сюжетов в художественные изделия; создание художественного училища, музыкальных учебных заведений—все это означает огромное движение вперед в развитии национальной социалистической культуры.

3. УЗБЕКИ

Общие сведения. Этногенез. Узбеки — крупнейший из народов Средней Азии,— как мы уже знаем, только по языку отличаются от таджиков, зато связаны с ними вековой общностью исторических судеб и культуры. Было бы трудно дать сколько-нибудь систематическое описание быта и культуры современных узбеков, не ссылаясь на каждом шагу на сходные, даже тождественные формы быта и культуры равнинных таджиков.

Термин «узбек» первоначально был личным именем. Из носителей этого имени наиболее известен хан Узбек, один из золотоордынских ханов первой половины XIV в. (1312 —1340). Хан Узбек известен в истории Золотой Орды больше всего тем, что он старательно распространял среди населения ханства ислам. В связи с этим имя «узбек» получило уже в ту эпоху групповое значение: узбеками стала называться та часть населения Золотой Орды, которая была обращена в ислам и, тесно примыкая к господствующей верхушке, составляла ядро ханства. В эпоху распада Золотой Орды в XV в., после отделения от этого государства Казани, потом казахов и Крымского ханства, осталось основное ядро этого государства, которое территориально располагалось примерно между низовьями Волги и Аральским морем. При хане Абульхаире сформировался узбекский союз, занимавший западную часть Казахстана. После убийства в 1468 г. Абульхаира этот союз распался, но при внуке Абульхаира Шейбанихане он вновь сплотился и укрепился.

К самым последним годам XV в. относится начало завоевания узбеками, под предводительством Шейбани, оседлых земледельческих районов Средней Азии. В 1499—1500 гг. под их натиском пали Бухара, Самарканд, позже—Хива, Ургенч, Ташкент и др., и вместо прежней династии Тимуридов в оседлых районах Средней Азии водворилась династия Шейбанидов, а вместе с ней получили господство эти вновь пришедшие с севера кочевые элементы, именовавшиеся «узбеками».

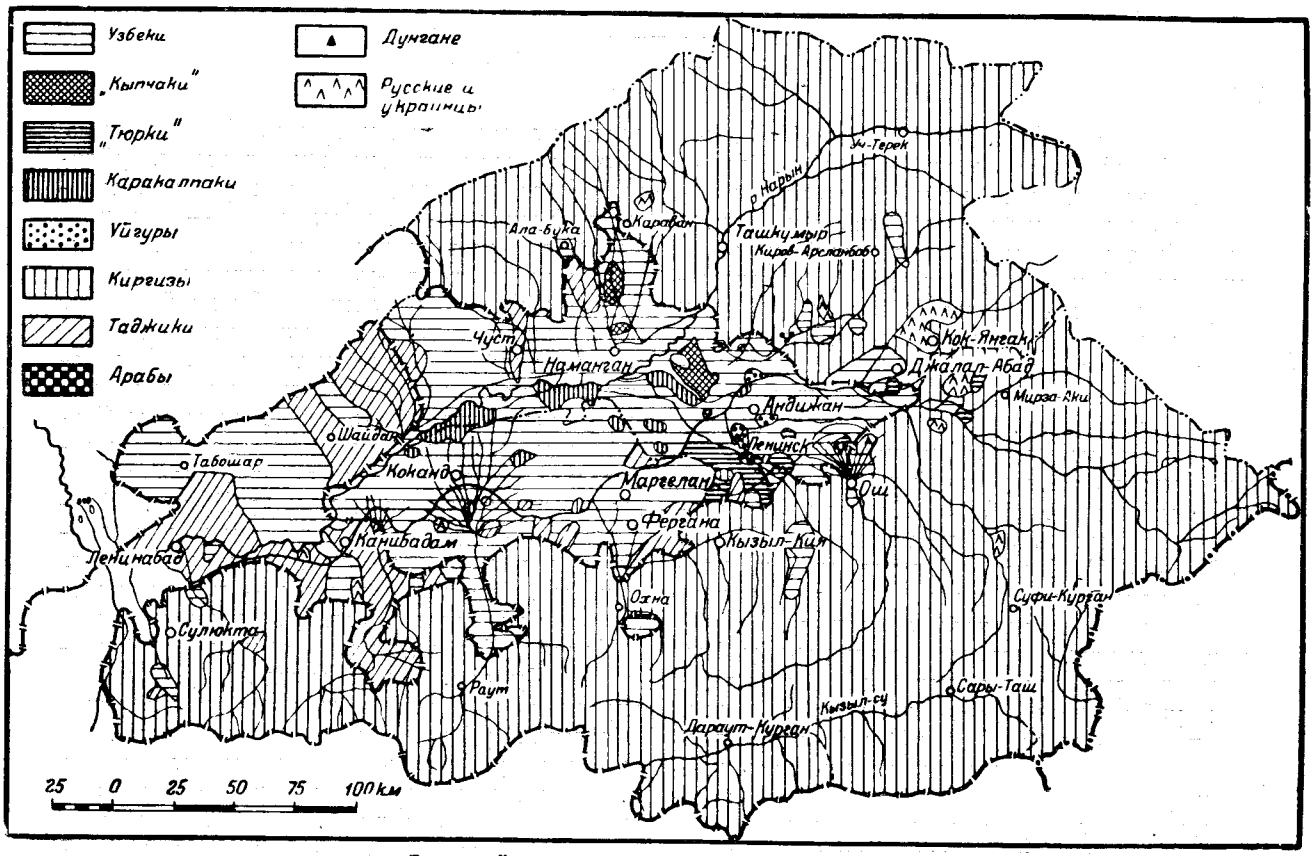
В то время, в конце XV в., узбеки, если и представляли собой какую-то народность, то эта народность была очень мало похожа на теперешних узбеков. Это был кочевой народ, состоявший из слабо связанных между собой родоплеменных групп. Одни из них были издавна тюркскими—кипчаки, уйгуры, кенегесы и др.; другие, вероятно, тюркизированными монгольскими—например найманы, кунграты, мангыты, катаи.

Когда кочевники-узбеки захватили власть над оседлым населением Средней Азии, само это население было тоже далеко не однородно по происхождению. Оно состояло не только из потомков древнего (ираноязычного) населения Хорезма и Согда, но и из многочисленных групп кочевнического происхождения, в более раннее время осевших в оазисах Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи и Зеравшана, частью таджикизированных, частью сохранивших свои тюркские наречия. Больше всего тюркоязычного населения было, уже перед приходом узбеков, в Хорезме (Хиве), но оно имелось и в Фергане и в Бухаре. Эти тюркские, «доузбекские» группы частью сохраняли и свои племенные названия: уйгур, тюрк, карлук и др.

После узбекского завоевания сложность этнического состава населения Средней Азии еще более увеличилась. Хотя завоеватели постепенно смешивались с покоренным населением и внутри каждой из этих групп шла этническая консолидация, но все это происходило весьма медленно. Тормозом служила прежде всего феодальная раздробленность.

Остатки племенных делений сохранялись у узбеков до недавнего времени, частью прослеживаются и теперь. В работе Ханыкова «Описание Бухарского ханства» (1843) перечисляется 97 узбекских племен, память о которых в то время еще жила в быту населения. В числе этих племен, помимо «чисто» узбекских, были и племена тюркские, но «доузбекского» происхождения (тюрк, канглы, карлук, уйгур) и группы монгольского происхождения (джелаир, найман, кытай, татар, могол, барлас, чагатай, меркит и др.) и даже угрофинского (маджар).

Еще и сейчас процесс консолидации узбекской нации не завершился. В Ферганской долине до сих пор существуют неассимилированные остатки тюркоязычных племенных групп: «кипчаки» и «тюрки». Численность их—по нескольку десятков тысяч человек. Те и другие еще помнят о своем иноплеменном происхождении и сохраняют обособленность в быту, в частности черты кочевого быта. На р. Ангрене (к югу от Ташкента), живут кураминцы (курама)—промежуточная группа между узбеками и казахами; их тоже несколько десятков тысяч. Они официально причисляются к узбекам, но по бытовому укладу от них сильно отличаются, приближаясь к казахам. Узбеки Северного Хорезма называют себя мангытами, кунгратами, кипчаками

Этнографическая карта Ферганской долины

Наконец, в Южном Таджикистане обитает несколько обособленных групп узбеков. Они сохранили племенные названия: тюрк, карлук, барлас и др. Среди них особо выделяются локайцы—скотоводческая, в прошлом воинственная племенная группа.

Помимо этих старинных племенных названий, в большом ходу были до присоединения к России, да и позже, обозначения политико-географические: население называло себя бухарцами, хивинцами, самаркандцами, кокандцами, ташкентцами и пр. Узбеки северной части Хорезма, в дельте Аму-Дарьи, назывались в прошлом «аралами», или «аральцами» (т. е. «островитянами»); там было с начала XVII до начала XIX в. самостоятельное «Аральское владение».

Термин «узбек» в течение всего этого периода—с XVI по XIX век—означал прежде всего политически господствовавшую группу населения как в Бухарском, так и в Хивинском и Кокандском ханствах. Но, по мере того как шел процесс постепенного сближения пришлых кочевых элементов с местным оседлым населением, становилось все более трудно провести грань между ним и узбеками. При этом складывались и некоторые промежуточные, смешанные группы, которые получали особые названия. Самой крупной из таких групп была та, которая обозначалась прежде термином «сарты».

С а р т ы. Этот термин получил в этнографической литературе весьма неопределенное значение и породил большую путаницу. Что означает название «сарт»? Сартов считали особой народностью, противопоставляя ее то таджикам, то узбекам. Но каждый исследователь понимал слово «сарт» по-своему. Например, Миддендорф считал, что сарты это те же таджики, с той только разницей, что таджики—это сельское население, а сарты—городское, хотя они говорят на одном и том же языке. Напротив, Аристов полагал, что сарты—это не таджики, а узбеки, но лишь те, которые утратили родоплеменное деление и ассимилировались с соседним населением. Наливкин указывал, более правильно, что есть сарты—узбеки и сарты—таджики.

В литературе не раз делались попытки выяснить историческое происхождение слова «сарт». Одни исследователи (Лерх) связывали его с названием древнего народа «яксартов» на р. Яксарте (Сыр-Дарье), другие (Наливкин)—с каким-то древним племенем, имя которого сохранилось, как имя одного из узбекских родов—«Сарт». По мнению акад. Бартольда, слово «сарт» вообще никогда не имело этнического значения; это слово—индийского происхождения и восходит к доарабской эпохе. В Среднюю Азию приезжали тогда многочисленные торговцы из Индии. От санскритского слова «сартаваха»—предводитель торгового каравана—и происходит слово «сарт».

Так это или нет, но известно, что кочевые тюрки (сельджуки и другие) в XI в. словом «сарт» обозначали городское население и, в частности, купцов. Это значение слова сохранилось и дальше. Фактически, в бытовом употреблении, термином «сарт» до наших дней обозначали не этническую, а классово-

социальную группу: сарты—это оседлое, в частности городское, население, на каком бы языке оно ни говорило—на таджикском или узбекском.

В связи с тем что до самой революции существовало национальное неравноправие, существовали господствующие группы и группы подчиненные,—слово «сарт» получило значение презрительное: этим именем потомки завоевателей, которые продолжали называть себя узбеками,—а термин «узбек» получил, как уже сказано, политическое значение,—называли потомков покоренного оседлого населения. Таким образом, те, кто называл себя узбеками, понимали слово «сарт» как равнозначное таджикам. Например, узбеки говорили так: когда мы с таджиком вместе обедаем и пьем чай, то мы называем его таджиком, а когда мы с ним ругаемся, то называем его сартом. Слово «сарт» стали по народной этимологии выводить из слов «сары-ит»—желтая собака,—хотя в действительности желтая собака здесь не при чем.

Таким образом, название «сарт», как этнографический термин, лишено смысла и ничего, кроме путаницы, не дает. А так как оно, кроме того, получило определенный шовинистически-презрительный оттенок, то вполне естественно, что после Октябрьской революции термин этот был из употребления изъят. Он представляет для нас теперь только исторический интерес в связи с вопросом об этногенезе узбеков.

Узбеки и таджики. Этот процесс этногенеза, как он происходил с XVI в. и вплоть до наших дней, проявлялся в двух основных формах: во-первых, в постепенном сближении и ассимиляции пришельцев—«узбеков» с аборигенами—«таджиками»; во-вторых, в нивелировке и консолидации самого «узбекского» элемента, в преодолении его первоначальной племенной раздробленности.

Сближение и ассимиляция «узбекского» этнического типа с «таджикским» имеет в свою очередь две стороны: языковую и культурную. При этом, что чрезвычайно интересно, в языковом отношении побеждал узбекский тип, а в культурном—таджикский.

Узбекский язык до сих пор гораздо чаще одерживал победы над таджикским, чем наоборот. И в городах, и в кишлаках Средней Азии многие таджики переходили постепенно на узбекский язык. Ведь и «сарты», о которых говорилось выше, были в основном узбекизированными таджиками. Нередко до революции можно было слышать от дехкан и горожан: «Мы таджики, но наши дети будут уже узбеками».

В процессе этой языковой ассимиляции складывалось одно весьма характерное явление: двуязычие, которое особенно резко выражено в некоторых городах Средней Азии (Самарканд, Бухара). Очень многие жители их одинаково хорошо говорят на таджикском и узбекском языках.

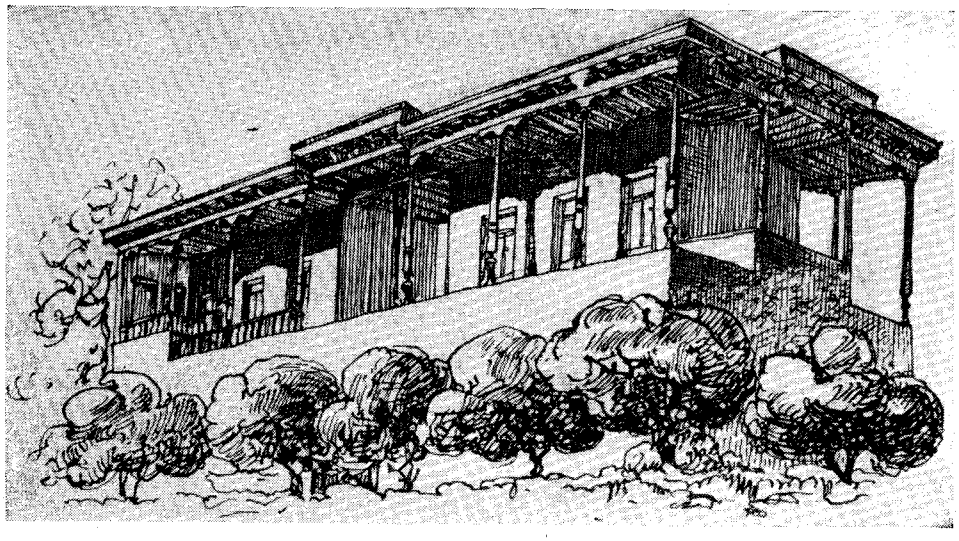
Если, таким образом, говорить о процессе языковой ассимиляции, то переход происходил до сих пор в основном от таджикского (иранского) языка к узбекскому (тюркскому). Но процесс этот, конечно, не мог привести, а тем более не приводит сейчас, к исчезновению таджикского языка: напротив, последний получил сейчас не меньшие возможности свободного развития, чем другие языки, особенно на территории, отошедшей к Таджикистану. Однако в отношении культуры дело обстоит иначе: ассимиляция здесь зашла гораздо дальше, и единый культурный тип установился еще до революции. И в нем преобладают оседло-земледельческие аборигенные элементы, которые поглотили и ассимилировали кочевническую стихию, пришедшую из степи. Элементы этой степной кочевой культуры сохраняются лишь в виде слабых, постепенно исчезающих пережитков.

Итак, в целом современный узбекский народ отнюдь не является потомком кочевников «узбеков», завоевавших в начале XVI в. под предводительством Шейбани-хана Среднюю Азию. Напротив, в большинстве—это потомки древнего аборигенного населения, прошедшего сложный многовековой процесс этногенеза, впитавшего в себя разнообразные культурные и языковые группы, тюрко- и ираноязычные. Собственно «узбеки», давшие свое имя народу, составили лишь поздний и сравнительно небольшой этнический слой этого народа. Недаром среди узбекского населения решительно преобладает чисто местный европеоидный антропологический тип, тот же, что и у таджиков.

Процесс формирования узбекской нации через слияние отдельных племенных и областных групп до революции тормозился феодальной политической раздробленностью и экономической отсталостью страны. «Узбеками» называло себя в массе лишь население Хивы, среди ферганских, самаркандских, бухарских узбеков этот термин был распространен мало. Лишь Октябрьская социалистическая революция покончила с отсталостью и раздробленностью. После национального размежевания 1924—1925 гг. термин «узбек» распространился на все основное тюркоязычное население Хивы, Бухары, Ташкента и других городов и кишлаков. Так завершился в советскую эпоху вековой процесс узбекского этногенеза, так произошла на наших глазах консолидация узбекской нации.

Сейчас узбеки расселены в основном в пределах Узбекской ССР несколькими основными массивами: на Нижней Аму-Дарье (Хорезмская обл.—хивинские узбеки), на нижнем и среднем Зеравшане (Бухарская, Самаркандская обл.), на Кашка-Дарье, на верхней Сыр-Дарье (Ферганская, Андижанская, Наманганская обл.—ферганские узбеки). Часть узбеков живет в Таджикской ССР, особенно в юго-западных ее районах. Около 1 миллиона узбеков живет за рубежом—в северных районах Афганистана и в Синьцзянском Уйгурском автономном районе.

Хозяйство. У значительного большинства узбекского населения господствует тот же исторически сложившийся тип хозяйства, как у прочего населения оазисов: ирригационное земледелие, еще недавно с традиционной, веками установившейся техникой. Оно уже было описано выше. Для этой части чисто оседлых узбеков (для узбеков-«сартов») типичны и городские ремесла, те же, что и у равнинных таджиков.

Двухэтажный дом с айваном (колхоз им. Куйбышева, Самаркандской обл.)

Но у той части узбеков, которая сохраняла традиции кочевого быта, выработался иной тип хозяйства: сочетание оседлого ирригационного земледелия со степным скотоводством. Этот экономический тип сложился на границе степи, в Бухарской области, в северной части Хорезма, в Фергане, на юге Таджикистана: у узбеков-мангытов, кипчаков, кунгратов, тюрков, локайцев и др. Эти группы узбеков продолжают, как и их предки, разводить степной скот—особенно овец, местами и верблюдов, лошадей, рогатый скот и пр. Прежде богачи держали большие стада, перегоняя их на степные или горные пастбища.

В целом экономика узбекского населения, как и всего населения «Туркестана», до революции оставалась отсталой, застойной. Страна была почти чисто аграрной. Промышленность стала развиваться только после присоединения к России, но она была преимущественно мелкой; однако часть узбеков—прежде всего разорявшееся крестьянство—в нее втягивалась.

Сейчас экономика Узбекистана весьма резко отличается от дореволюционной. Сельское хозяйство реконструировано, механизировано. Вовлечены в обработку огромные площади вновь орошенной земли. Ведь крупнейшие ирригационные и гидротехнические сооружения Средней Азии, о которых говорилось выше,—Большой Ферганский канал, Катта-Курганское водохранилище, а также Фархадская гидростанция, построенная для орошения Голодной степи,—все это в Узбекистане. Точно так же в Узбекистане находятся важнейшие индустриальные гиганты Средней Азии. Узбекский рабочий класс— на первом месте по численности во всей Средней Азии.

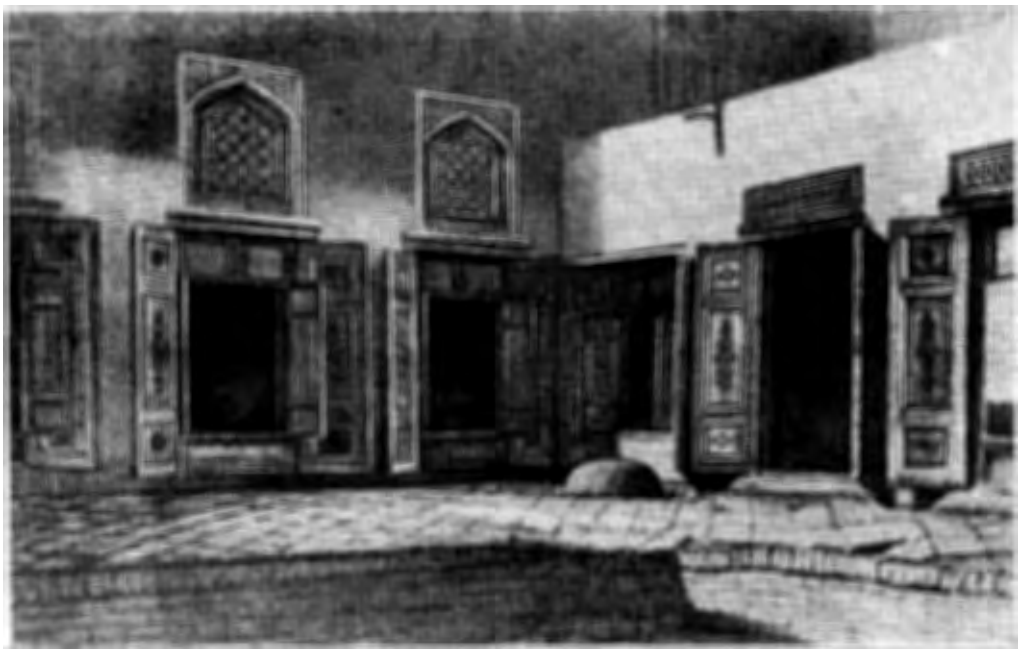
Поселения и постройки. Узбеки, как и таджики, унаследовали традиционные, веками сложившиеся формы поселений, городских и сельских, а также характерные типы построек. Старые города и кишлаки узбеков и равнинных таджиков одинаковы, различия имеются только по областям. В частности, среди хивинских узбеков отмечается хуторской тип расселения.

Господствующая форма построек у узбеков та же, что и у равнинных таджиков: это прямоугольный дом из сырцового кирпича (на деревянном каркасе) или глинобитный (из «пахсы») с плоской крышей на деревянных балках. С одной стороны обычно имеется навес-терраса (айван) на столбах или колоннах. Эти деревянные колонны бывают покрыты—особенно у хивинских узбеков—художественной резьбой.

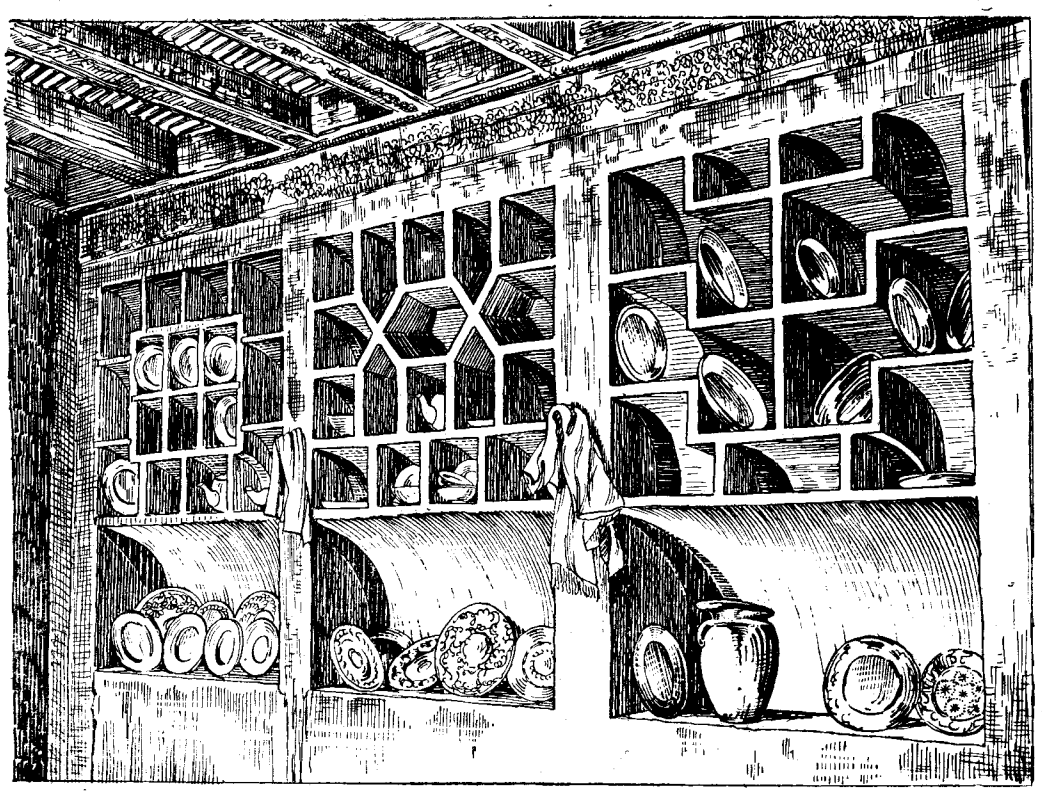
Вообще в деталях архитектурного плана, в расчленении, украшении дома имеются характерные различия между районами: различаются ферганский, самаркандский, бухарский, хивинский и другие типы дома.

Есть двухэтажные дома, они были прежде у более зажиточных. Айван часто делается в верхнем этаже. В городах встречаются дома с выступающим на балках вторым этажом.

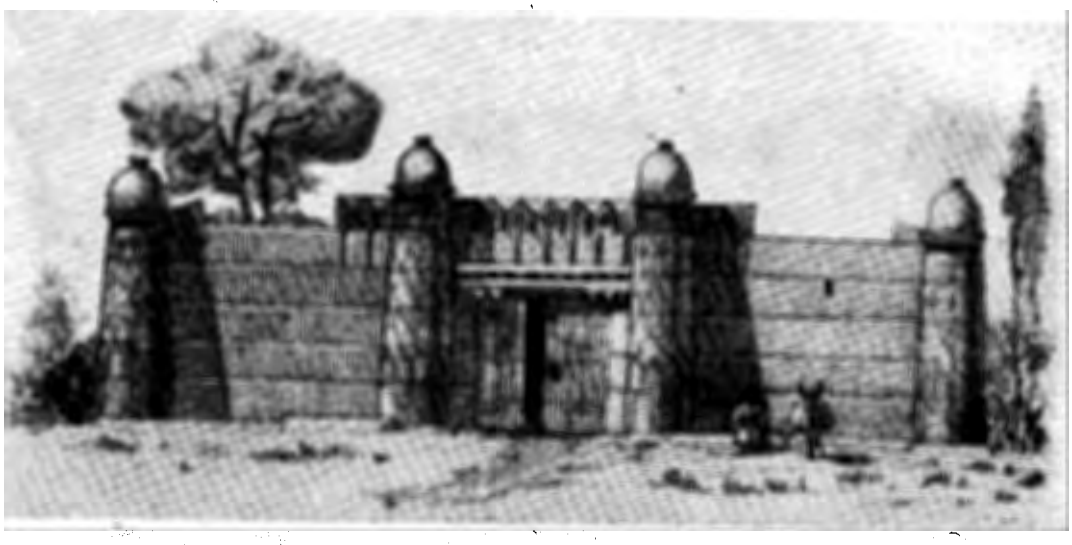
Внутреннее расчленение дома зависело от классовой принадлежности хозяев. Деление дома—или у богатых всей усадьбы—

Внутренний дворик бухарского дома

Ниши в стене дома (Фергана, середина XIX в.)

Фасад хорезмской усадьбы, обнесенный «дувалом» (близ Хивы)

на две половины: мужскую (ташкари) и женскую, внутреннюю (ичкари)—было обычным явлением.

Стены дома обычно массивные, особенно в Фергане, где толщина их доходит до 60—70 см. Это делается не столько для сохранения тепла зимой, сколько для поддержания тоже массивной плоской крыши, а также на случай землетрясений. В толще стен изнутри делаются глубокие ниши, играющие роль шкафов.

Характерны высокие глинобитные стены—«дувалы»,—которыми обносились города, отдельные поселки и даже усадьбы, особенно в Хорезме, где сохранились настоящие дворы-крепости. Внутри усадеб, обнесенных стенами, в городах и кишлаках, особенно в прежних байских домах, имеются деревья, сад, виноградник, прудик (хаус), что создает впечатление уюта и спокойствия.

Система отопления очень своеобразна. Устраивается так называемый сандал: углубление в полу, куда ставится жаровня с углями. Туда спускаются ноги для согревания, поверх ставится скамья и кладутся одеяла. В Фергане применяют простейшие очаги с дымоходом. В Хиве были открытые очаги без дымохода, так что жилище было дымное и закопченное. Печь для выпечки хлеба или лепешек (тандыр) обычно находится во дворе, так же как и печь с вмазанным котлом для варки пищи. В зажиточных домах то и другое помещалось в особой кухне.

Наряду с этими жилищами чисто оседлого, постоянного типа, среди части хивинских и бухарских узбеков (сохранивших родоплеменные деления) отмечались и следы кочевых традиций: решетчато-войлочная кибитка, некогда служившая обычным жилищем, позже стала употребляться как летнее жилье, которое становилось внутри усадьбы.

Надо, кстати, отметить, что именно в Хивинском оазисе, в его северной части, вообще в большей степени удерживались пережитки кочевого быта, так же как и родо-племенного деления. Здесь самое оседание кочевников происходило более компактными группами. Роды и племена не дробились там при оседании, как это имело место в восточных районах. Кунград, Мангыт, Нукус, Кипчак и несколько других городов и поселков в низовьях Аму-Дарьи имеют названия родо-племенных групп.

За годы Советской власти, особенно после коллективизации, в жилищных условиях узбеков произошли значительные изменения, аналогичные тем, о которых говорилось выше относительно таджикских жилищ.

С другой стороны, национальные традиции архитектуры нашли себе широкое применение в строительстве новых общественных зданий в городах и кишлаках Узбекистана.

Одежда. Тип одежды узбеков по существу не отличается от одежды равнинных таджиков. Этот тип в основном один и тот же у всего оседлого населения Средней Азии. Различия касаются главным образом лишь верхней одежды—халата, и то они выражаются преимущественно в расцветке: в Бухаре и Самарканде мужские халаты

бывают из яркой и пестрой ткани, в Ташкенте—зеленые, в Фергане—черные или зеленые, иногда в крупную полоску, хорезмские—красных тонов в мелкую полоску. Различались халаты прежде и по классовой принадлежности владельца: у богатых халаты были из дорогой материи, расшиты золотом, серебром; кроме того, богатые узбеки надевали по нескольку халатов зараз; например, чиновники надевали жалованные от ханов халаты один поверх другого, просто для парада, и нередко можно было видеть какого-нибудь чиновника бухарского эмира, который, несмотря на жару, одет в несколько халатов один поверх другого, иногда до 12 штук.

Женская одежда у узбеков тоже сходна с таджикской. Обычай носить паранджу известен и им.

Сейчас типичная национальная одежда узбечек—яркое платье из хлопчатобумажной или шелковой ткани, на кокетке и с отложным воротником, короткая безрукавка или камзол. На голове—бархатная, вышитая бисером тюбетейка или платок.

Исторические особенности общественного строя. Общественный уклад узбекского населения до революции был неоднороден в связи с неоднородностью самого этнического состава и происхождения узбеков. Грубо говоря, их можно было разделить на две части, и память об этом делении сохраняется до сих пор. Одни, называвшиеся прежде «сартами»,—это тюркизированные потомки древнего аборигенного населения; они составляли чисто оседлое население кишлаков и городов, в массе своей это были крестьяне-дехкане и городские ремесленники. В их общественном быту не сохранилось ни следа родо-племенных отношений, утраченных их предками, вероятно, тысячелетия тому назад. Из архаических форм быта сохранялось только общинное право водопользования, но и оно было, как уже говорилось выше, видоизменено в интересах господствующих помещичьих и кулацко-байских групп. Узбекский (как и таджикский) дехканин, городской ремесленник жестоко страдали от феодально-крепостнического гнета, а в последние десятилетия перед революцией—и от проникавшего капитализма. Нарождался и немногочисленный пролетариат.

Другая группа населения, называвшаяся собственно «узбеками»,—это потомки узбеков Шейбани и других кочевых народов, в разные времена проникавших в оазисы Средней Азии. Среди них сохранялись следы родо-племенных делений, и многие из них помнят их еще и теперь. Таково узбекское население северной части Хорезма, части Ферганы, района Бухары, южного Таджикистана. Однако общественный быт и этих «родо-племенных» узбеков мало отличался от общественного быта «сартов»,—с той разницей, что они составляли почти целиком сельское, а не городское население. Феодально-крепостнические отношения были у них не меньше развиты.

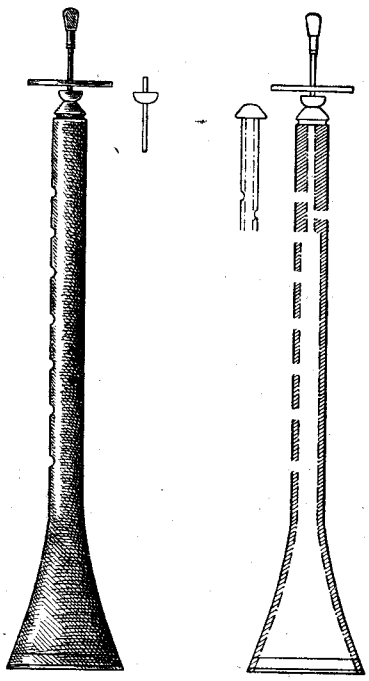
В семейном быту узбеков, как и у таджиков, держались чисто патриархальные формы, культивировавшиеся всем строем азиатско-деспотического государства и влиянием ислама. Самая тяжелая черта этого азиатско-патриархального быта состояла в неравноправии женщин. Узбекская женщина, как и таджичка, считалась бесправным существом, не только отстраненным от общественной жизни, но и в семье она находилась под полной властью отца, а потом мужа. Это выражалось в обычае продажи женщины замуж (калым), в затворничестве женщины, в обязательном закрывании лица.

Подчиненное положение женщины и разобщение полов (в особенности в городах, потому что в кишлаках это было не так заметно) представляло собой один из вреднейших пережитков старины. И этот пережиток действовал вредно не только на женщин, которые были непосредственно страдающей стороной, но и на весь быт городского населения Средней Азии. В связи с этим складывались такие уродливые формы, как своеобразный институт «бачей».

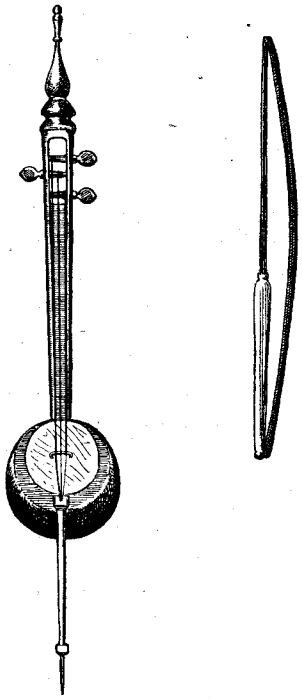
Бача—это мальчик-плясун; пляски бачей—одно из национальных развлечений, которое до революции было широко распространено в городах Средней Азии. Обычай воспитания и демонстрирования красивых мальчиков-бачей был связан с практикой гомосексуализма и, несомненно, был результатом традиции женского затворничества, взаимной отчужденности полов.

Религиозные пережитки. Как уже говорилось, у узбеков, как и у таджиков, особенно сильно было влияние ислама. Помимо исполнения официально предписанных обрядов, ежедневных молитв, постов, посещения мечетей и пр., среди населения был распространен культ мусульманских святых, их гробниц-мазаров, почитаемых мест; большим авторитетом пользовались дервиши.

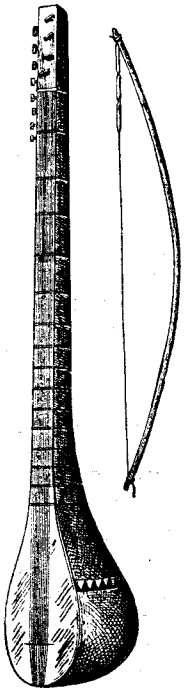
Наряду с этими официальными и неофициальными мусульманскими формами культа у узбеков сохранились следы древних домусульманских ре-

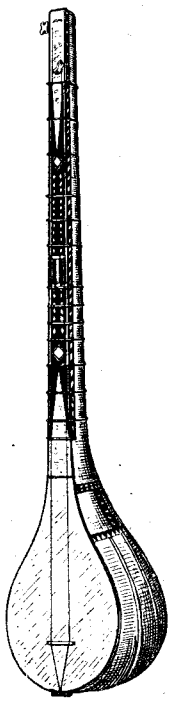
Сурнай—узбекский гобой

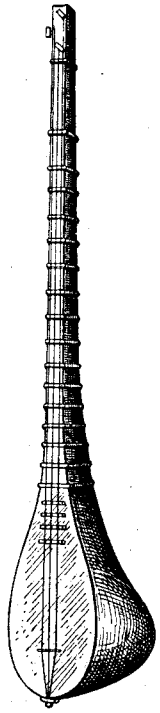
Гыджак—трехструнный смычковый инструмент

Сетар—12-струнный смычковый инструмент (10 струн резонирующих, 1 мелодическая, 1 настроечная)

Дутар—двухструнный щипковый инструмент

Танбур—трехструнный инструмент для игры плектром

лигий. Надо отметить знахарство, применение разных шарлатанских приемов лечения. Как разновидность знахарства выступают чрезвычайно своеобразные пережитки шаманских обрядов. «Фольбин»—знахарка, которая лечит путем заклинаний и ударов в бубен. Это неожиданное сохранение столь архаических форм верований показывает, что даже и в условиях почти монопольного господства мусульманской религии все же могли держаться более ранние формы религии.

Народное творчество и культурное развитие. Народное творчество у узбеков, как уже говорилось, близко к таджикскому. Оно выступает в очень развитых и разнообразных формах. Такова, например, музыкальная культура. Основные виды узбекских музыкальных инструментов: ударные—бубен; духовые—простая флейта—най; поперечная флейта; узбекский гобой—сурнай; большая труба—карнай (все эти названия производные от слова—«най»—тростник); струнные инструменты смычкового типа—трехструнный гыджак, многострунный (с 10 резонирующими струнами) сетар; щипкового типа—двухструнный дутар и трехструнный танбур. Наконец, чанг—многострунный цитрообразный инструмент. Таким образом, налицо полный оркестр

Мастер и его ученики за работой над резьбой двери

из разнообразных народных инструментов. Узбекско-таджикская народная музыка имеет все условия для дальнейшего развития и культивирования.

Рядом с этим развитым музыкальным творчеством надо поставить столь же развитое словесное творчество—фольклор: сказки, эпические поэмы—«Алпамыш», «Фархад и Ширин» и др., которые пелись особыми сказителями-певцами. В некоторых из этих поэм (особенно «Алпамыш») сказалось влияние феодальной идеологии господствовавших классов.

Народный театр издавна известен как форма народного увеселения у узбеков. Наиболее интересен здесь кукольный театр—«Курчак-уйюн»—род «петрушки»: главное действующее лицо в нем—Палван-качаль, излюбленный герой ряда пьес, зачастую остро политического характера, в которых в сатирической форме высмеиваются баи, чиновничество, духовенство и т. д. Этот театр преследовался ханской администрацией, но стойко держался в народных массах.

Популярен и народный бродячий цирк: канатоходцы («дорвоз»), фокусники («найрангбоз»), шутники-скоморохи («маскарабоз», или «кызыкчи») и др. Странствующие цирковые труппы составляли прежде своего рода цехи мастеров со своим уставом-«рисоля».

Наконец, надо отметить художественные ремесла, которые получили большое значение в связи с развитием ремесел вообще: ювелирное производство; изготовление деревянных резных изделий и орнаментальную резьбу по дереву как элемент архитектуры; особенно интересны большие, массивные дубовые резные двери в общественных зданиях и в частных домах, которые представляют собой предмет высокого художественного творчества. Деревянная резьба особенного развития достигла в Хиве. Совершенно специфична замечательная резьба по «ганчу» (алебастру), широко применявшаяся для облицовки зданий.

Сейчас в Узбекистане, как и в других республиках, художественные традиции народа получили новые возможности развития. Национальное искусство находит себе новое применение—в архитектуре городских и колхозных построек, в более разнообразных изделиях промысловых артелей.

Замечательный пример удачного сочетания национальной формы искусства с его

Мастер набоечного дела за работой

социалистическим содержанием—новое здание Государственного театра оперы и балета имени Навои в Ташкенте (1940—1947). Лучшие мастера Узбекистана участвовали в создании этого прекрасного памятника архитектуры. Оно построено в чисто национальном стиле, но с использованием всех достижений советского зодчества. Внутренние помещения театра отделаны в стиле разных городов: есть Ферганский зал, Самаркандский зал, Хивинский зал, Термезский зал и др. Великолепная резьба по дереву, алебастру, камню, многокрасочная роспись и декоративная живопись украшают интерьеры здания. В нем, как в музее, можно видеть все основные стили орнамента Узбекистана.

Общий рост культуры принял в наши дни в Узбекистане, как и в других республиках Средней Азии, небывалые прежде размеры. Прежней отсталости сейчас нет и в помине. Достаточно привести несколько цифр: в Узбекской ССР насчитывается сейчас 36 высших учебных заведений, где учится 65,5 тыс. студентов, включая заочников. О поголовном охвате детей начальной и средней школой нечего и говорить. В республике имеется 26 театров и свыше 3 тыс. дворцов культуры и клубов. Медицинская помощь населению обеспечена работой более 6600 врачей. В Узбекистане развиваются на народной основе высокие формы музыкального и театрального искусства. Появился целый ряд узбекских национальных опер: «Фархад и Ширин» (1937), «Гюльсара» (1937), «Большой канал» (1941) и др.

Национальная литература, имеющая свою большую историю, сейчас отражает социалистическую действительность.

В республике был создан на основе целого ряда научно-исследовательских институтов и других научных учреждений филиал Академии наук СССР. По мере его роста и укрепления филиал преобразован в самостоятельную Академию наук Узбекской ССР (1945).

Выросла не только своя многочисленная национальная советская интеллигенция, но и сильные кадры ученых-специалистов во всех областях науки и техники, а также деятели всех видов искусств.

4. ТУРКМЕНЫ

Переходную группу от оседлых к кочевым и полукочевым народам Средней Азии составляли в недавнем прошлом туркмены, исторические судьбы которых, равно как и их культурные особенности, являются совершенно своеобразными. Туркмены—коренное население Туркменской ССР—занимают юго-западную и западную части Средней Азии. Основная масса туркмен сосредоточена в окраинных областях республики: на севере туркмены занимают часть Хорезмского оазиса (Ташаузская обл., Дарган-атинский р-н Чарджоусской обл., часть Каракалпакской АССР); на юго-западе и юге туркмены расселены в бассейне Атрека, по предгорьям Копет-Дага, в бассейнах Теджена и Мургаба; на юго-востоке—по среднему течению Аму-Дарьи (южные районы Чарджоусской области). Средняя и северо-западная части Туркмении—пустыни Кара-Кумов—заселены очень редко.

Этногенез. Происхождение туркменского народа в настоящее время можно считать

более или менее ясным. Самый термин «туркмен», правда, не совсем еще разъяснен. Первая часть этого слова (оно является самоназванием) понятна—турк, самоназвание тюрков или турков; но что представляет собой вторая часть слова, не совсем ясно. Конечно, не выдерживает никакой критики традиционная народная этимология: турк-мен, т. е. «тюрк я». Более правдоподобно объяснение, которое было предложено в XVII в. Абуль-гази, что слово туркмен происходит от персидского «турк-маненд»—подобный турку, туркообразный. Есть также предположение, что в основе данного имени лежит скрещение двух этнонимов «турк-коман» (куманы—кипчаки, или половцы).

Происхождение туркмен разъясняется отчасти из предания, сохранившегося у самого этого народа. Туркмены выводят себя от легендарного родоначальника Огуз-хана. Этот Огуз-хан, в котором некоторые исследователи видели историческую личность, по-видимому, является скорее лишь персонификацией, своего рода легендарным эпонимом известной из истории Средней Азии народности, или, вернее, племенного союза огузов. В народных преданиях вообще очень часто этнические названия персонифицируются. Слово огуз по-тюркски значит бык. Можно думать, что легенда об Огуз-хане и вместе с тем о происхождении туркмен от него есть смутная реминисценция тотемического представления о предке-быке. Возможно, однако, что это—лишь народная этимология какого-то древнего, еще дотюркского этнического имени. Это имя некоторые советские историки (С. П. Толстов) связывают с названием народа, жившего на Сыр-Дарье в начале нашей эры и известного из сообщений Птолемея и других античных авторов: это народ аугалов, или аугассиев.

Огузы известны еще по упоминаниям в Орхонских памятниках VIII века. Они представляли сильный племенной союз в низовьях Сыр-Дарьи. С конца X в. огузы начали передвигаться на юг, на Зеравшан. Ту часть их, которая подверглась влиянию оседлой культуры и приняла ислам, стали называть туркменами. Ответвлением их в XI—XII вв. были известные сельджуки.

Одно из туркменских преданий говорит о полуострове Мангышлаке, как родине туркмен: «все туркмены происходят с Мангышлака». В этом предании отразился, видимо, сравнительно недавний исторический факт: С. П. Толстов относит это передвижение части туркменских племен на юг и юго-восток с Мангышлака к XVI—XVII вв. и связывает с усыханием Узбоя—старого русла Аму-Дарьи.

Но было бы ошибкой считать туркмен чистыми потомками этих тюркоязычных кочевников, продвигавшихся в закаспийские степи с севера и северо-востока. Прежде всего, самый язык туркмен ставит их в обособленное положение по сравнению с другими народностями Средней Азии. Правда, язык их тюркский, но он принадлежит к юго-западной ветви тюркских языков, т. е. сближает их с турками-османами и азербайджанцами и отделяет их от других тюркоязычных народов Средней Азии.

Очень показателен антропологический тип туркмен. Они принадлежат в большинстве, как уже говорилось, к закаспийскому типу. Это одна из европеоидных групп Средней Азии, наиболее представленная как раз среди туркмен. Характерной чертой этого типа является заметная длинноголовость, не встречающаяся у других народов Средней Азии. Работами антрополога Л. В. Ошанина установлено, что эта длинноголовость составляет характерную черту населения Закаспийских степей с отдаленных времен. Очевидно, в составе туркменского народа присутствует значительная прослойка местного долихокефального элемента, связанного с древним дотюркским населением, вернее всего, с массагетами.

Таким образом, туркменский народ является смешанным по своему происхождению.

Процесс его формирования, однако, сильно затянулся и заканчивается лишь на наших глазах. Сейчас туркмены представляют собой единый народ, но до революции они не составляли единого целого, а распадались на отдельные племена. Наличие резкого племенного деления очень характерно для туркмен и ставит их в особое положение сравнительно со всеми другими народами Средней Азии. Племена туркмен в советских условиях—уже пережиточное явление. Племенное деление постепенно забывается. Но до революции оно представляло собой очень существенный факт.

Этнические подразделения. Основные племена следующие: текинцы—одно из самых крупных племен—расселены главным образом по юго-западной Туркмении: вдоль Копет-Дага, от Кызыл-Арвата на восток (Ахал-Текинский оазис) по рекам Теджену и Мургабу (Мервский оазис). Соседи их сарыки и салоры, занимающие район Мервского оа-

зиса по р. Мургабу. Эрсари—на левобережье средней Аму-Дарьи. Иомуды (иомуты, ямуды, юмуды)—многочисленное племя, занимающее восточную и западную окраины Кара-Кумов: частью на западной границе Хорезмского (Хивинского) оазиса, в Куня-Ургенчском районе, частью на берегах Каспийского моря ближе к Красноводску. Чаудоры, раньше кочевавшие между Каспийским и Аральским морями, в настоящее время сосредоточиваются больше в Хивинском оазисе (Порсунский, ныне Калининский район). Гокланы, или гоклены, занимающие часть Хивинского оазиса, Кара-Калинский и Ильялинский районы. Есть и ряд более мелких племенных групп; в общей сложности их считают 24[1]. Это число—традиционное: еще Махмуд Кашгарский в XI в. насчитывал 24 огузских племени. Но это была скорее теоретическая цифра, к которой искусственно подгоняли число туркменских племен, на самом деле далеко не постоянное. Дело в том, что в связи с кочевым образом жизни туркмен, а также в связи с частыми столкновениями, взаимной борьбой и вытеснением племен с одного места на другое, расселение туркменских племен неоднократно менялось. Мало того, менялась и сама картина племенного состава. Так, «старыми» туркменскими племенами считаются (из числа главных) гокланы, чаудоры, салоры: они упоминаются уже у Махмуда Кашгарского, у Рашид-ад-Дина. В XVI—XVII вв. чаудоры возглавляли сильный союз племен в северной части Туркмении (Мангышлак, Усть-Урт); южнее кочевали племена другого союза, во главе которого стояли салоры. Напротив, иомуды, эрсари, теке, сарыки в то время были или незначительными племенными группами или вообще не упоминались; они выдвинулись в процессе перегруппировки племен в XVII—XVIII вв., когда они стали продвигаться из глубины степей к оазисам Хорезма, на Атрек, Теджен, Мургаб и стали постепенно переходить на оседлость. Это движение имело и экономические и политические причины. Частичные перемещения имели место и позже.

Между отдельными племенами прежде существовали нередко враждебные отношения. Постоянными врагами были, например, текинцы и иомуды; гокланы были врагами тех и других. Эта взаимная вражда сказалась в годы походов русских войск в Туркмению, когда главными противниками русских выступали текинцы, а другие племена не только им не помогали, но иногда держали сторону русских против текинцев.

Эта племенная разобщенность поддерживалась той политической раздробленностью, в условиях которой жили туркмены. Значительная часть их долго находилась под господством Хивы; часть примыкала к Бухаре; часть временами была подчинена Персии и, наконец, часть туркмен вообще, даже номинально, никому не подчинялась. Эта политическая раздробленность фактически продолжала существовать до самой Октябрьской революции. Лишь национальное размежевание Средней Азии в 1924 г. подвело прочную базу под национальное объединение туркмен. Основным условием здесь, конечно, была ликвидация колониального гнета и той межплеменной вражды и розни, которые коренились в прежних условиях существования туркмен.

Хозяйство. Туркмен называли обычно кочевниками, но это и в прошлом было не совсем точное обозначение. Чисто скотоводческого хозяйства у туркмен, вероятно, никогда не было, а тем более в последние столетия. Если в XVI—XVII вв. подавляющая масса туркмен действительно кочевала со скотом, то приблизительно с середины XVII в. туркменские племена—сначала эрсари, имрели, сарыки, за ними и другие—стали продвигаться к оазисам и занимать земли и оросительные каналы. В процессе медленного, растянувшегося на столетия перехода к оседлости и земледелию у разных племен сложились разные формы сочетания кочевого скотоводства и оседлого земледелия. По образу жизни все туркмены независимо от племенного деления делились обычно на две группы: так называемые чарвадары (чарва)—кочевники-скотоводы, и чомуры—оседлые земледельцы. У отдельных туркменских племен преобладал оседло-земледельческий уклад, например, эрсари, сарыки и салоры уже в XIX в. были в основном оседлыми или полуоседлыми; в последнее время полуоседлыми были и текинцы. Скотоводческий быт в наибольшей степени сохранялся до недавнего времени у иомудов. Но в сущности в каждом племени были

[1] Вот полный перечень туркменских племен по данным конца XIX в. (Г. И. Карпов):

1) Салыр	9) Йомут	17) Сунча-или
2) Эмрели	10) Гоклан	18) Нухурли
3) Али-эли	11) Олам	19) Мурча-или
4) Чаудор	12) Карадашлы	20) Сеид
5) Каркын	13) Агар	21) Ходжа
6) Теке	14) Арвачи	22) Ших
7) Эрсари	15) Эски	23) Махтум
8) Сарык	16) Кеикчи	24) Ата.

Туркмены на верблюдах

Туркменская арба

Колодец в пустыне Кара-Кум

и чомуры и чарвадары. Оба эти типа хозяйства не были разграничены резко, и переходы от одной формы хозяйства к другой совершались постоянно: хозяйство скотоводческое, почему-либо лишившееся скота, обедневшее, оседало, переходя к земледелию; наоборот, разбогатевшее земледельческое хозяйство, обзаводясь скотом, снималось с оседлости и начинало кочевать. По туркменским традициям кочевой образ жизни считался более почетным, в связи с чем чарвадары смотрели на чомуров несколько свысока. Но между той и другой группой существовали самые тесные бытовые, экономические и даже родственные связи. Очень часты были случаи, когда отец был чомуром, жил оседло, а его сыновья-чарвадары кочевали, и наоборот.

Скотоводческое хозяйство туркмен—степного кочевого типа. Первое место по численности занимают овцы (в настоящее время особенно каракульские); на втором месте можно поставить верблюдов. Верблюды у большинства туркмен одногорбые. Интересно, что дальше к северу, у казахов и у других скотоводов Средней и Центральной Азии мы встречаем двугорбых верблюдов, а одногорбые—это южные переднеазиатско-африканские верблюды. Этот факт имеет отношение, быть может, к вопросу о происхождении самих туркмен. Третье место по численности занимает рогатый скот, однако его держат только чомуры. Что касается лошадей, они в прошлом имели очень большое значение в связи с военным бытом туркмен. Туркменская лошадь—помесь местной и арабской породы, превосходного качества, она составляет предмет особой любви и заботы туркмена. Туркмены прекрасные наездники, очень хорошо ухаживают за своими лошадьми, очень любят их. Туркменская конница всегда славилась. Правда, после присоединения к России коневодство стало приходить в упадок, но традиции наездничества сохранились. Достаточно вспомнить знаменитый поход туркменских конников из Ашхабада в Москву в 1935 г.

Характерной чертой туркменского скотоводства в пустынных районах является система особых колодцев, которые роют на большую глубину (несколько десятков метров). Отверстие такого колодца узкое, а книзу он расширяется. Воду достают кожаными ведрами. Большинство колодцев составляло в прошлом собственность богатых хозяев. Теперь сильно расширена сеть колодцев, все они принадлежат колхозам.

Земледельческое хозяйство туркмен ничем не отличается от типичного оседлого земледельческого хозяйства Средней Азии. Оно построено на той же системе ирригации, питаемой основными водными магистралями. Достаточно напомнить, что довольно значительные реки Туркмении целиком используются на оросительные сооружения. Река Мургаб никуда не впадает, она расходуется на арыки; то же самое и Теджен. В предгорьях Копет-Дага вода проводится на поля подземными каналами-кяризами: они сообщаются с поверхностью земли колодцами, которые прорыты на известных дистанциях.

Старая система обработки земли не отличалась от узбекской: те же орудия вспашки, омач, запряженный лошадью, быком, верблюдом; та же техника уборки урожая; тот же обмолот при помощи ног животных или молотильной доски; та же обработка зерна ручным размолом или на особых мельницах, которые приводятся в движение силою животных.

Сейчас земледелие в туркменских колхозах сильно выросло. Но ему предстоит еще

более замечательный рост, в особенности в Южной Туркмении в связи с сооружением Большого Каракумского канала.

В социалистическую экономику СССР земледелие Туркмении вносит свой самый большой вклад длинноволокнистым хлопком, который, как известно требует жаркого климата. При этом $^{9}/_{10}$ посевов длинноволокнистого хлопка приходится на самый теплый и плодородный Мургабский оазис (Марыйская область).

Комбинация скотоводческого и земледельческого хозяйства дает себя знать в пищевом режиме. Обычная пища туркмен состоит из пшеничных и джугаровых «чуреков»—пресных лепешек (их пекут в особых глиняных куполообразных печах), а с другой стороны—из молочных и мясных блюд: овечий сыр, масло, баранина и похлебка из нее с накрошенными лепешками. Бедноте в прошлом эти кушанья были мало доступны. Сейчас в колхозах увеличились и изобилие и разнообразие пищи.

Материальная культура туркмен развилась несколько односторонне: очень высокое совершенство некоторых видов производств и почти полное отсутствие ряда других. Наиболее выделяется знаменитое туркменское ковроткачество. Туркменские ковры считаются едва ли не лучшими в мире.

У туркмен изготовление ковров не являлось специальностью каких-то особых мастеров или мастериц. Обычно каждая женщина туркменка умеет ткать ковер. Самый инструментарий чрезвычайно прост: на земле внутри кибитки туркменка вбивает четыре кола в форме вытянутого прямоугольника. Они служат опорой для двух палок, между которыми натягиваются нити шерстяной основы. Эта основа переплетается не утком, а особым ворсом, расцвеченные нити которого просовываются между нитями основы и образуют каждый раз петли; петли завязываются узлами и концы их сейчас же обрезаются. После нескольких рядов таких узелков для скрепления протягиваются нити утка, и, после того как несколько сантиметров такой ткани сделано, все это очень тщательно подстригается ножницами. Эта кропотливая техника не позволяет работать быстро. Обычно в течение месяца упорной работы туркменская женщина может таким образом наткать 4—5 метров ковра. Работают иногда, в особенности при изготовлении широких ковров, несколько женщин, которые садятся в ряд.

Ковровое производство почти повсеместно распространено у туркмен. Оно отсутствует только у некоторых обособленных племенных групп, которые имеют в своем составе нетуркменские элементы, в частности у племени нухурли.

Помимо коврового, развито и войлочное производство, которое, однако, не представляет собой особенного своеобразия: в таком же виде войлок изготовляется казахами, киргизами, каракалпаками. Для изготовления войлока требуется камышовая циновка; на нее раскладывается слоем расчесанная предварительно шерсть, которая смачивается и закатывается в эту циновку. Циновку обвязывают веревками и катают вдвоем по земле иногда при помощи лошади, а затем вынимают войлок из циновки и, свернув валиком, катают руками, стоя на коленях.

Циновки употребляются в хозяйстве также в качестве подстилок и для покрытия нижней части юрты поверх войлока. Циновки плетут из камыша на примитивных станках, привязывая каждую тростинку в нескольких местах толстыми нитями.

Рядом с этими преобладающими производствами все остальные отступают далеко на задний план или отсутствуют совершенно, чем туркмены резко отличаются от узбеков и равнинных таджиков.

Крупной промышленности прежде не было. На берегах Каспийского моря (Небит-Даг) туркмены издавна занимались кустарной добычей нефти. Но вообще огромные запасы минеральных богатств в недрах Туркмении оставались даже неразведанными. В эпоху социализма туркменский народ активно разрабатывает эти богатства: нефтяные промыслы Небит-Дага, мирабилит (сульфат) в заливе Кара-Богаз, озокерит на Челекене, серные заводы в Кара-Кумах, равно как текстильные, рыбоконсервные и другие разные предприятия уже превратили Туркмению в индустриально-аграрную республику. Значительная часть туркмен и туркменок сейчас работает в промышленности.

Поселения и жилища. В формах поселения и типах жилищ тоже отражается своеобразное сочетание оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого уклада. У туркмен имеются и оседлые жилища типа глинобитного или саманного четырехугольного плоскокрышего дома, который известен у узбеков и равнинных таджиков, разве несколько проще устроенного, и кочевые кибитки (юрты). Обычно то и другое,

Выход кяриза на поверхность земли

Распределитель воды между колхозами (колхоз им. Сталина, Марыйской обл.)

Туркмены у юрты

Постройка дома в колхозе (Марыйская обл.)

в особенности у полуоседлых групп, представляет собой общий комплекс построек, заключенный внутри усадьбы, ограниченной со всех четырех сторон невысокими, а зачастую и высокими глинобитными стенами, так называемыми дувалами. Иногда этот дувал представляет собой нечто вроде крепости («кала») и даже довольно больших размеров. Внутри этой усадьбы располагаются обычно примыкающие к стене саманные постройки и 1—2—3 кочевые кибитки. У тех групп населения, которые в большей степени сохранили кочевой уклад, в особенности у иомудов, иногда бытовали только кочевые кибитки. Сама кибитка обычного для Средней Азии типа—решетчатая, с куполообразной крышей. У туркмен (как и у каракалпаков) она обтягивается снаружи, поверх войлока, циновками. После победы колхозного строя начали появляться новые благоустроенные поселки, с прямыми улицами, с просторными домами из 2—3—4 комнат.

Одежда. В типе одежды туркмены тоже примыкают в основном к узбекам, но с некоторыми особенностями. Нижняя мужская одежда, как и у узбеков,—широкая и длинная рубаха и широкие штаны из хлопчатобумажной материи. Халат типичного среднеазиатского покроя, мало отличающийся от халата узбеков или равнинных таджиков. Отличается он только своим цветом: преобладающий цвет туркменских халатов, как, впрочем, и у хивинских узбеков, красный, но не яркий, а вишневый. Красный цвет вообще предпочитается туркменами и преобладает и в мужском и в женском костюме. От кочевнического костюма у туркмен осталась только тяжелая высокая или у других племен низкая барашковая шапка «тельпек» и зимой овчинная шуба. Обувь—кожаные туфли с острым носком.

Основу женской одежды составляет длинная до пят рубашка, закрывающая все тело, и длинные, узкие внизу штаны. Поверх этого набрасывается покрывало, закрывающее голову, местами надевается шитый в талию кафтан; головные уборы бывают разных типов, у некоторых племен высокие. Как головные уборы, так и платки и рубашки обычно красного цвета. Характерной особенностью женского костюма является употребление большого количества украшений, обычно серебряных, нашиваемых на головной убор и другие части костюма, а также носимых в качестве колец, браслетов, накосников, брошей, серег и т. д. Обычая закрывания лица у туркменских женщин нет, по крайней мере нет в таком виде, как это имеет место у чисто оседлого населения Средней Азии. Самое большее, если закрывается нижняя часть лица особой свешивающейся частью головного покрывала («яшмак»), и то закрываются туркменки только в том случае, если на них близко смотрят посторонние.

Таковы общие черты туркменского национального костюма. Но у каждого племени имеются, преимущественно в женском костюме, значительные особенности, которые очень трудно описать; наиболее разнообразны головные уборы, а также украшения.

Исторические особенности общественного строя. Этнографическое своеобразие туркменского народа особенно ярко сказывается в его социальном строе. Туркмены—единственный из всех народов Средней Азии, у которого настолько прочно сохранилось племенное деление. Это обстоятельство, очевидно, не случайно. Оно стоит в связи со всей совокупностью совершенно своеобразных социально-экономических отношений у туркмен, более архаических, чем у их соседей.

Однако вопрос о характере общественного строя туркмен в эпоху накануне присоединения к России еще не решен окончательно. Многие историки полагают, что это был развитый патриархально-феодальный или даже настоящий феодальный строй. Другие, напротив, считают, что у туркмен сохранялись гораздо более архаические общественные отношения, что у них вплоть до 1880-х годов удерживались черты военной демократии. Новейшие исследования (Г. Е. Марков и др.) показывают, что вопрос этот надо решать дифференцированно и конкретно—об отдельных племенах и о разных периодах.

Надо обратить внимание на то, что туркмены, занимающие Закаспийские степи и земли по Копет-Дагу, жили как бы на перепутье между культурными оазисами бассейнов Аму-Дарьи и Зеравшана, с одной стороны, и Ираном, с другой. Отсюда их историческая роль как посредника между этими народами, но посредника особого рода: преобладание кочевых скотоводческих традиций у туркмен определило их особую роль в отношении к их оседлым соседям-земледельцам.

Туркмены политически сохраняли свою самостоятельность или полусамостоятельность вплоть до XIX столетия. Этот воинственный подвижной народ фактически не

Туркмены в национальной одежде (начало XX в.)

признавал над собой ни власти иранского шаха, ни хивинского и бухарского ханов. Власть хивинских ханов признавалась номинально племенами, которые жили близко от Хивы, отчасти лишь в той мере, в какой это им было выгодно, поскольку они находились в экономических взаимоотношениях с Хивой. Земледельческие племена, впрочем, зависели экономически от хивинских узбеков, в руках которых находились головные сооружения большинства оросительных каналов. Однако хорезмские туркмены не раз восставали против власти хана и возвращали себе независимость. Бывали случаи, когда хивинский хан со своим войском терпел поражения, а один хан попал в плен к туркменам и был ими убит. Но туркмены не только отстаивали свою самостоятельность, но и прибегали к активным действиям в отношении своих соседей, хивинцев и других.

От этих оборонительных действий туркменского народа надо отличать грабительские набеги «аламаны», которые имели своей целью захват рабов и другой добычи. От аламанов больше всего страдало население Ирана. Количество пленных, которых туркмены приводили в свои степи, было огромно. Но туркмены их не держали долго у себя, а продавали обычно на рабские рынки Хивы, Бухары и других городов. Нередко хивинский хан или отдельные работорговцы подбивали туркмен устраивать аламаны.

Вопрос о социальной сущности туркменских аламанов вызывал споры. Высказывались три разные точки зрения на них: в старой литературе их нередко описывали как простые разбойничьи набеги, предпринимавшиеся будто бы всем племенем; сторонники этого чисто великодержавно-шовинистического взгляда рисовали, таким образом, туркмен как народ хищников. Другое мнение высказывали некоторые советские авторы: аламаны представляли собой будто бы законную самозащиту

туркменского народа от агрессивных действий соседних феодальных государств; но и этот взгляд не отвечает фактам. Третья точка зрения, видимо, наиболее правильна: аламаны—это грабительские предприятия родовой аристократии, правящей верхушки туркменских родов; они обогащали только эту верхушку и содействовали ее усилению, масса же туркмен ничего не получала от аламанов и мало в них участвовала. Эта точка зрения серьезно обоснована проф. Росляковым, который собрал конкретный исторический материал по нескольким сотням аламанов.

Посредническая роль туркмен в снабжении рынков Средней Азии рабской силой оказала существенное влияние на весь социальный строй народа. Прежде всего, благодаря частым военно-грабительским нападениям поддерживалась воинственность, подвижность и хищнические навыки у части туркмен. Эти нападения совершались таким образом: какой-нибудь известный своей храбростью и удалью предводитель набирал шайку таких же, как он, удальцов; к нему примыкали все, кто хотел. Этот предводитель, так называемый сардар (персидское слово), во главе отряда в несколько десятков или сотен человек отправлялся в свою военную экспедицию; добыча делилась на определенные части, и затем это импровизированное военное объединение так же легко распадалось.

Постоянно повторявшиеся военно-грабительские нападения стали источником обогащения родовой верхушки некоторых туркменских племен, в особенности тех, которые жили ближе к окраинам Персии: вначале имрели, потом текинцев. Конечно, иранцы не оставались равнодушными к этим набегам. Персидский шах не раз совершал экспедиции против своих беспокойных соседей, но, как правило, эти экспедиции кончались неудачей, ибо воинственные и искусные в военном деле туркмены обычно давали отпор вторгшимся в их пределы персидским войскам. Их же нападения носили неожиданный характер. Они нападали на невооруженные села и города, и эти набеги обычно бывали успешны.

Возможность эксплуатации рабской рабочей силы и обогащения за счет продажи захваченных рабов ослабляли внутреннее расслоение самого туркменского народа. Но это расслоение замедлялось и другой, более глубоко действовавшей и чисто экономической причиной. Надо сказать, что туркменские кочевники были сравнительно мало обеспечены скотом. В Туркмении нет таких богатых пастбищ, как в казахских степях, и поэтому поголовье скота в туркменских хозяйствах не было никогда особенно большим. Не было и таких крупных скотовладельцев, как у казахов.

Эти два обстоятельства—возможность постоянного захвата и перепродажи рабов, с одной стороны, а с другой—ограниченные возможности внутреннего роста производительных сил и накопления в сфере скотоводческого хозяйства—все это тормозило классовое расслоение среди туркмен. Наблюдатели того времени не раз отмечали с некоторым удивлением, что туркмены не признают над собой никакой власти, считая себя вольными людьми.

Деление на племена было лишь одним из звеньев в сложной родоплеменной системе туркмен. Племена (хал) делились на более мелкие группы, поколения (тайфа), поколения делились на роды (тиире), роды на подроды (уруг); впрочем, по другим сведениям, уруг крупнее, чем тиире. У некоторых племен вся родоплеменная система состояла из 5—6—7 ярусов. Вот несколько примеров.

Племя иомудов—одно из самых крупных племен—делилось на две основные группы, которые считались происходящими от отдаленных легендарных предков: по преданию, у Иомуда—родоначальника племени—было два сына: Кутлы-Темир и Утли-Темир, по имени которых и были названы два подразделения этого племени (они, впрочем, чаще называются теперь Байрам-Чали и Кара-Чока). Каждое из них подразделялось дальше: Кутлы-Темир (Кара-Чока) делились на два поколения—Атабай и Джафарбай; Утли-Темир (Байрам-Чали) делились на Салах, Окуз, Ушак и Орсукчи. Салах в свою очередь делились на Ак-салах и Кара-салах и т. д. Получалась сложная сеть родоплеменных групп, которая очень отчетливо помнилась каждым туркменом. Общее количество этих родоплеменных названий получается огромное: их у туркмен насчитывается до 2 тысяч.

По туркменским генеалогическим представлениям, по так называемым седжере, все эти родоплеменные деления или большая часть их являются результатом генеалогического роста, размножения прародительской группы. Названия отдельных групп понимаются как имена родоначальников—эпонимов. Но лингвистический анализ этих родовых названий обнаруживает более сложное происхождение этих групп. Исследовавший их специально С. П. Толстов пришел к заключению, что в родовой терминологии

Туркменка в национальном костюме

Головной убор сарычки

туркмен имеются следы самых различных исторических стадий. Здесь есть названия очень архаические, восходящие к глубокой древности, содержащие в себе тотемические реминисценции. Можно напомнить название племени текинцев (теке—горный козел), не говоря уже о самом мифическом родоначальнике туркмен Огузе (быке); довольно часто в именах родов встречаются слова—«собака», «корова», «верблюд» и пр. Рядом с этим имеются названия, являющиеся именами отдельных племен и народов, как мы это видели в составе узбекского народа; такими являются имена родов: Араб, Казак, Калмык, Мангыт и др.— это результат включения в состав туркменской народности разноплеменных групп. Имеются имена, означающие географическое происхождение. Есть родоплеменные имена, которые связаны с названием профессий, классов, сословий—Бек, Бай, Сеид, Ходжа и т. д.; эти имена являются уже недавними образованиями на туркменской почве.

Таким образом, родоплеменная номенклатура туркмен, восходящая в своих истоках к глубокой древности, продолжала пополняться до недавнего времени новыми включениями; этот факт свидетельствует о живучести системы.

В прошлом, в условиях кочевого скотоводческого хозяйства (примерно до XVII в.), каждый род был самостоятельной хозяйственной единицей, кочевой группой. Скудные туркменские степи не позволяли кочевать крупными группами. Роды даже одного племени, а тем более отдельные племена, были слабо связаны между собой. Большие межплеменные союзы создавались главным образом по политическим причинам, когда мелкие и слабые племена искали защиты у сильных и многочисленных. Но эти союзы были недолговечны. В XVI—XVII вв. было 3 сильных союза туркменских племен: чаудорский (или «Эссен-хановские» племена) на севере, салорский—южнее и «йака-туркмены» в юго-западной части страны, по Гюргену и Атреку. Эти союзы распались в XVII веке, когда начался переход туркменских племен к оседлости. Но и переход к осед-

лости не подорвал родоплеменную систему туркмен. Земле-водопользование приняло у них общинную форму, так называемый «санашик». В земледельческих оазисах система арыков, находившихся в пользовании туркмен, соответствовала разветвлению родовой сетки; головные арыки принадлежали основным родам; более мелкие были заселены подразделениями этих родов. Таким образом, племенное земле-водопользование какого-нибудь определенного района представляется не чем иным, как родовой генеалогией туркмен, как бы положенной на карту (наблюдения С. П. Толстова). Эта система, кстати, вела к очень непроизводительному расходу воды: каждый род рыл для себя особый арык, проводя воду к своим полям, и много воды пропадало без пользы, испаряясь и просачиваясь в землю (Я. Р. Винников). Санашиковое землепользование сохранялось в южной Туркмении до самой революции, а у хивинских туркмен исчезло еще в XIX в.

Значит, одним из условий, которые поддерживали родовое деление туркмен, была система землеводной общины.

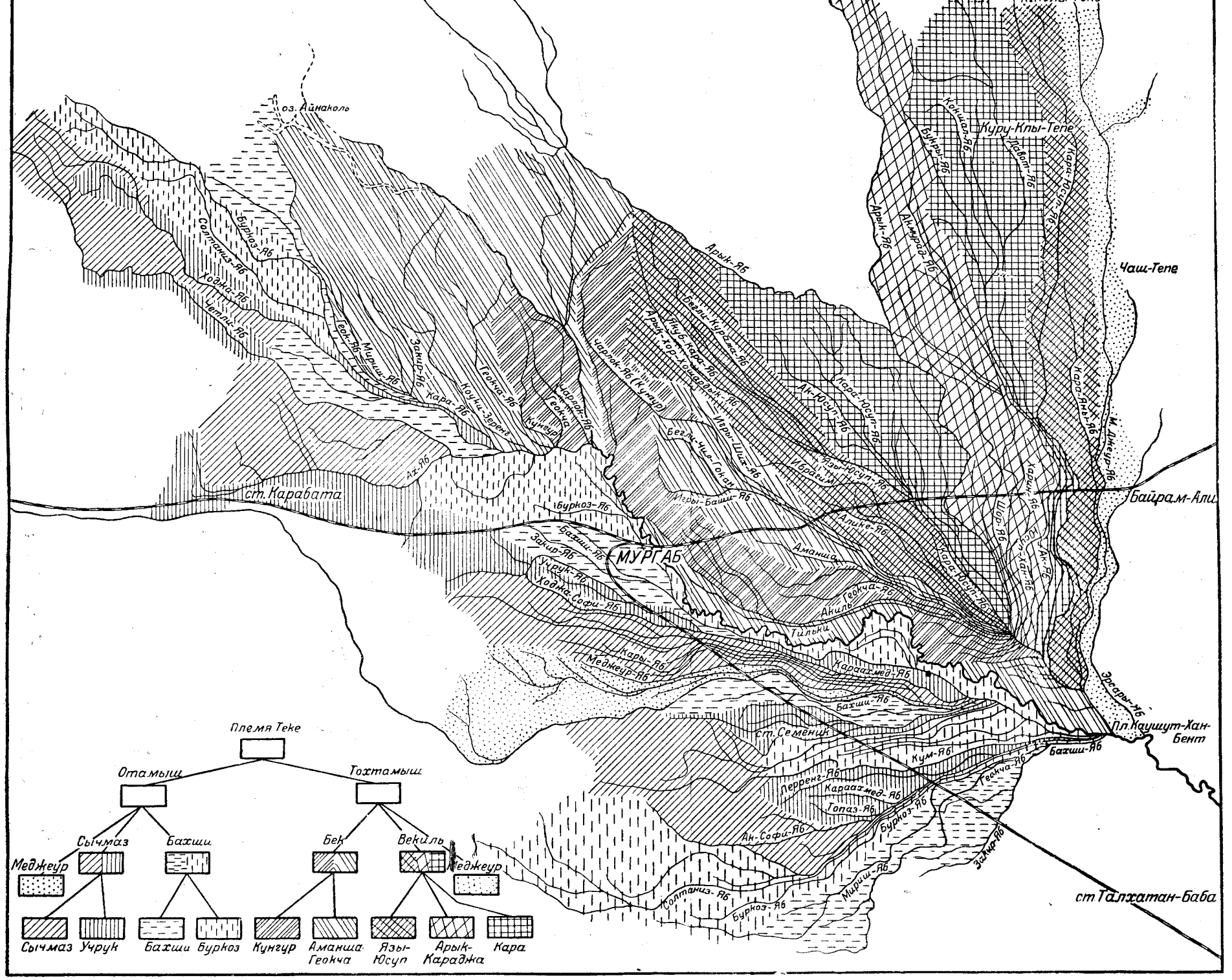
В отдельных родовых группах выделялись так называемые аксакалы (буквальный перевод—белобородый)—старики, старшины, которые пользовались иногда очень большим авторитетом. Известной властью располагали сардары — военные предводители, но лишь во время похода. Хивинские и бухарские ханы назначали для туркмен, из их же среды, судей-казиев, которые решали дела на основании мусульманского шариата. Но туркмены неохотно к ним обращались, предпочитая разрешать споры своими средствами, по народному обычаю. Каких-либо более устойчивых форм власти, не говоря уже о наследственной власти, у туркмен—по крайней мере у племен, сохранивших в большей степени самобытный уклад,—не было. Еще в 1-й половине XIX в. туркменские племена представляли собой сравнительно однородную массу свободных, никому не подчинявшихся общинников,—типичная картина военной демократии.

Однако равенства внутри этой массы общинников фактически не было. Еще до присоединения к России среди туркмен складывались элементы эксплуататорских отношений. Возникали отношения зависимости, или клиентэлы («конши»), между родами: обедневший слабосильный род поступал под покровительство мощного многолюдного рода; клиенты выполняли для своих покровителей разные работы по хозяйству. Росло классовое расслоение и внутри родов: старшины-аксакалы захватывали в свою собственность колодцы (которые копали их рабы), в земледельческих районах захватывали лучшие орошаемые участки земли, первую очередь пользования водой. При всем том, однако, общественный строй сохранял патриархальную оболочку.

Общая архаичность отношений накладывала свой отпечаток и на внутреннюю семейную жизнь туркмен. Здесь не было резкой обособленности полов, замкнутости и затворничества женщин, как у оседлого населения, у узбеков и равнинных таджиков. Туркменская женщина, особенно девушка, была всегда сравнительно свободной и независимой; она принимала участие почти на равных правах с мужчиной и в хозяйственных работах и даже в военных действиях, если не в нападениях, то в защите; женщины сражались вместе с мужчинами, защищая свой аул. Относительная независимость и свобода туркменской женщины сказалась в семейной жизни, в форме заключения брака. Характерен, например, описанный Германом Вамбери обычай кёк-бёрю (буквально—«синий волк»). Он состоит в том, что жених со своими товарищами должен догнать невесту, которая скачет верхом на лошади, и отнять у нее барана или козла, которого она держит на седле. Этот обычай соревнования с невестой как бы ритуально подчеркивает свободу и независимость женщины.

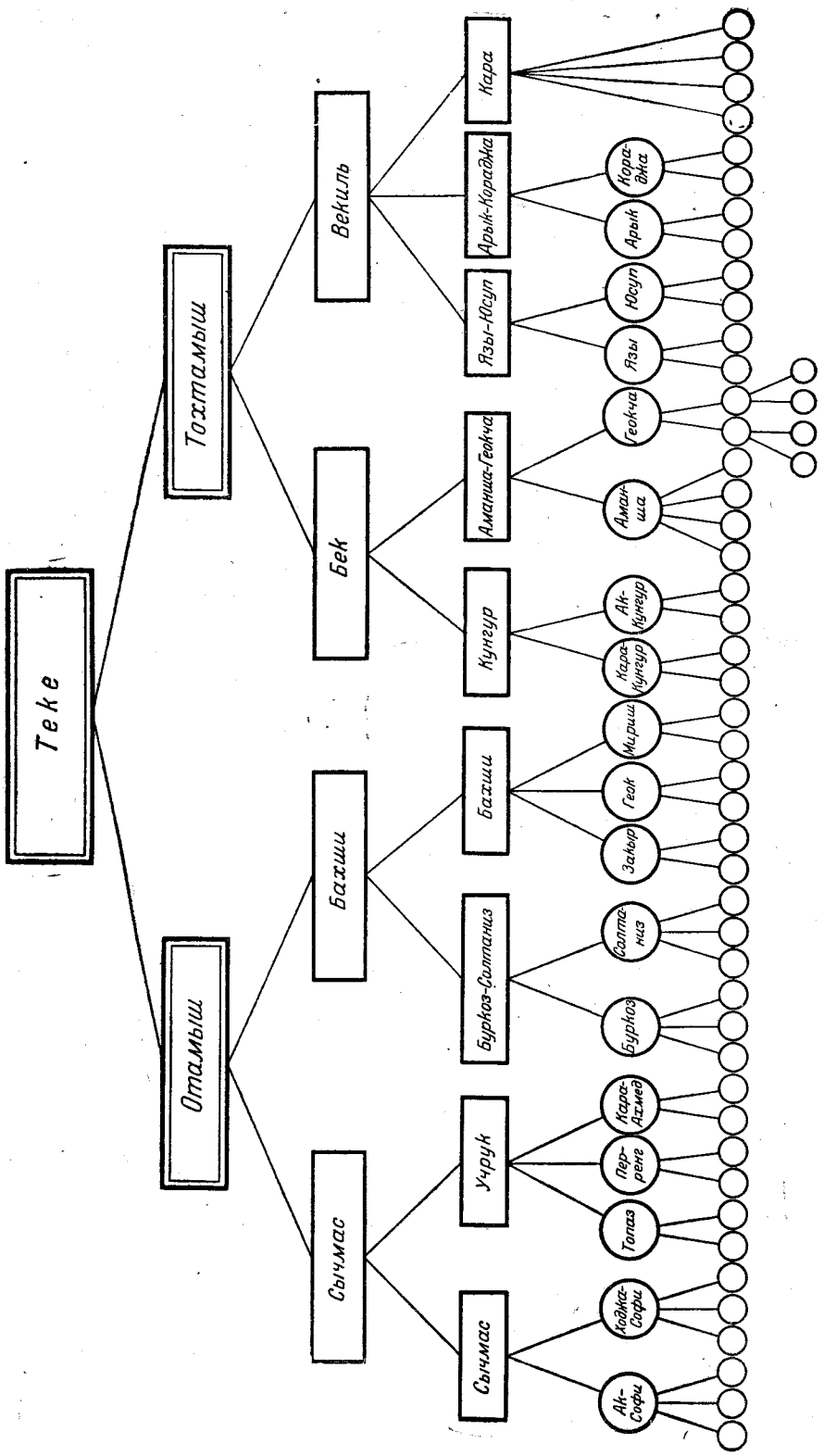
Другой архаический брачный обычай—«кайтарма»: согласно ему, молодая жена, прожив у мужа небольшой срок—от полмесяца до месяца,—возвращалась в родной дом и оставалась там до полной выплаты мужем калыма. В этом обычае видят пережиток прежнего матрилокального поселения.

Патриархально-родовой, военно-демократический строй сохранялся дольше у туркменских племен, живших в глубине песков, на Мангышлаке, в Балханах. У племен, переселявшихся в Хорезмский оазис и попадавших в зависимость от Хивинских ханов (XVII—XIX вв.), он быстрее разлагался. По договорам с Хивинским ханом туркмены считались его «нукерами»—воинами, за что наделялись землей («атлык»—военный надел) и освобождались от податей. Но родоплеменные старшины получали атлыки во много раз бо́льших размеров, и хивинское правительство давало им ряд привилегий, титулов и адми-

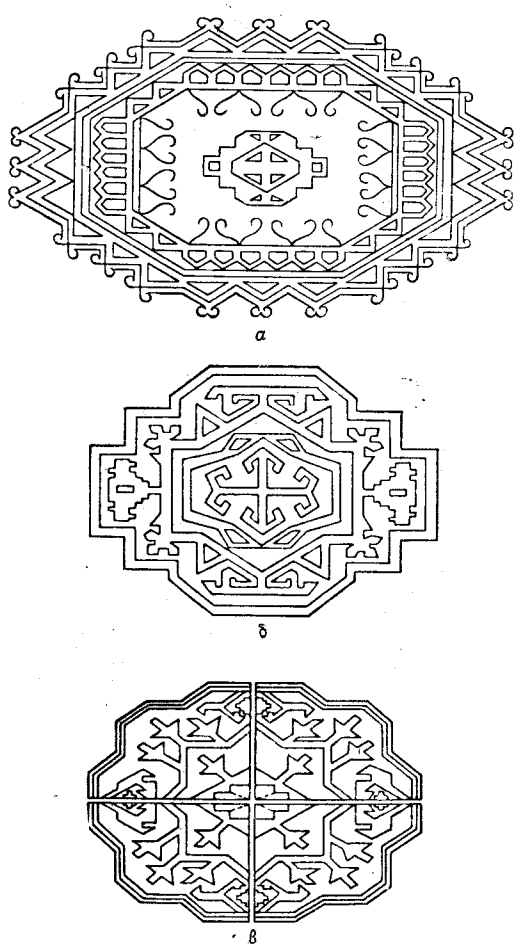

Карта расселения родоплеменных групп туркмен-текинцев в Мургабском оазисе в начале XX в.

Заказ № 636

Родоплеменные деления туркмен-теке

Рисунки «гёлей» туркменских ковров: *а*—салорский; *б*—сарыкский; *в*—текинский

нистративных прав. Таким образом, политика хивинских ханов ускоряла процесс феодализации туркменского общества.

Этот процесс еще более ускорился после присоединения к России. Важную роль здесь сыграла отмена рабства в Хиве, Бухаре и других частях Средней Азии и запрещение аламанов и работорговли. Туркменским старшинам некуда стало сбывать рабов. В самой Туркмении рабство стало отмирать,—значит, закрылся один из существенных источников обогащения туркменской военной знати. «Ханы» начали сильнее нажимать на малоимущих единоплеменников, и это усилило внутреннее расслоение туркменского общества. Царское правительство со своей стороны поддерживало земельные и административные права туркменской знати. Накануне Октябрьской революции у туркмен уже существовала довольно сильная племенная аристократия, с заметными чертами феодальной власти. Можно назвать предводителя одного из иомудских родов, Джунаид-хана, который позднее сделался одним из главных вожаков басмаческого, бандитского движения в Средней Азии в первые годы Советской власти. Этот Джунаид-хан—глава одного из подразделений иомудов (рода Джунаид из поколения Орсукчи)—в своем лице как бы воплотил перерастание родовой аристократии в полуфеодальную прослойку.

Коренные преобразования были внесены в социальный строй туркмен Великой Октябрьской революцией. Сопротивление эксплуататорских групп, прежних ханов и их прислужников, было подавлено, контрреволюционный басмаческий бандитизм был разгромлен. Национальное размежевание и образование Туркменской ССР (1924) создало условия для сплочения туркменских племен в единый народ. Земельно-водная реформа (1925) и массовое колхозное движение (1929—1931) не только подорвали основу власти прежних эксплуататоров, но и привели к ликвидации этого класса целиком.

Ныне воссоединенный туркменский народ состоит из колхозного крестьянства (дайханства), довольно значительной уже прослойки рабочего класса и трудовой интеллигенции.

Религиозные пережитки. Туркмены считались официально мусульманами-суннитами. Но ислам не пустил у них глубоких корней. Правда, ислам и, в частности, суннизм у туркмен играл характерную роль: он служил как бы оправданием для постоянно свершавшихся набегов на Персию. Персы шииты, т. е. еретики, и сам бог позволил в отношении к ним любые насилия и жестокости,—так оправдывали туркмены свои нападения на Иран.

Мусульманское духовенство не имело большого влияния среди туркмен, особенно официальные должностные лица—казии и муллы. Мусульманский шариат не имел для туркмен никакого значения. Вся общественная жизнь туркмен управлялась фактически не шариатом, а народным обычаем, так называемым адатом, или дебом.

При формальном господстве ислама у туркмен фактически продолжали сохраняться более ранние формы верований, к сожалению, до сих пор плохо изученные. У туркмен долго держались пережитки культа предков и культа умерших, выражающиеся, например, в своеобразных погребальных обычаях: над могилой умерших, особенно влиятельных лиц, ханов, сардаров и т. д., устраивались особые насыпи. Был обычай, что каждый туркмен должен бросить хотя бы горсть земли на могилу хана или сардара;

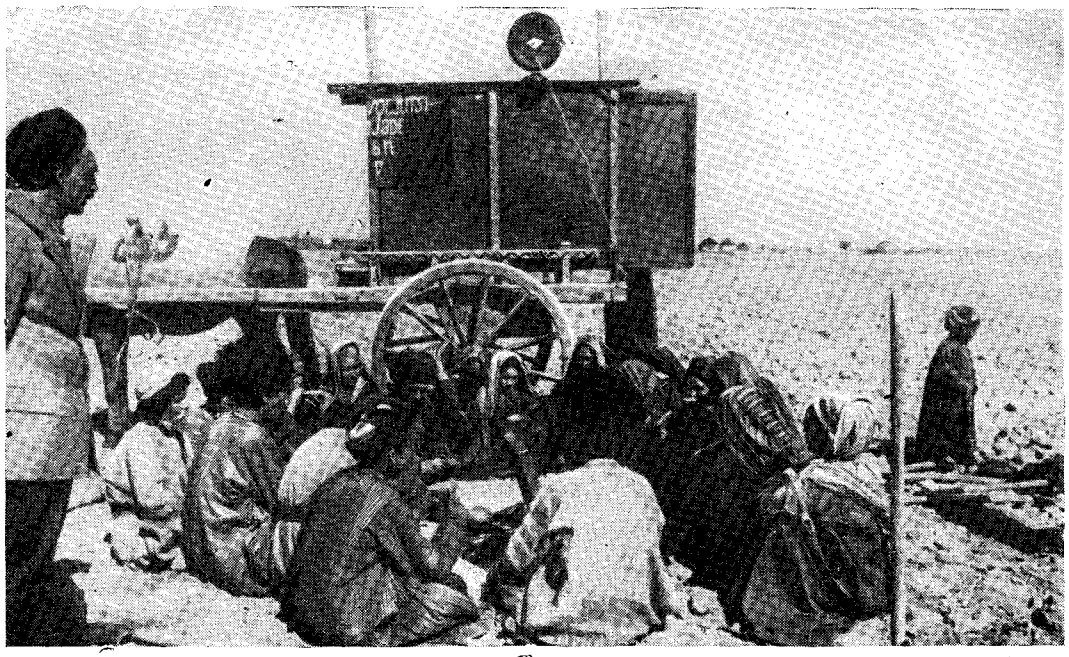
В поле во время отдыха

таким образом создавались небольшие курганы. Сохранялись и пережитки шаманских обрядов, магические верования и т. д.

Народное творчество и культурное развитие. Народное творчество туркмен проявляется наиболее ярко и своеобразно в изобразительном искусстве, особенно в ковроткачестве. С художественной стороны туркменские ковры представляют собой произведения высокого искусства, давно оцененные знатоками во всем мире. Узоры туркменских ковров чрезвычайно сложны и разнообразны. У каждого племени имелись свои строго определенные мотивы коврового узора, так называемые «гёль» (это слово ошибочно смешивали со словом «гюль»—цветок). Особенно славился прежде гёль салорских ковров, ибо салоры считались отцами туркменского ковроделия («салор-гёль» неправильно переводили «салорская роза»). Но по мере распада племенных связей гёли разных племен между собой смешивались. Советскими исследователями (В. Г. Мошкова) выяснено происхождение отдельных рисунков гёлей—это сильно геометризованные изображения растений, птиц, животных. Предполагается, что некоторые из них—особенно изображения птиц—восходят к древним племенным тотемам.

Ковроткачество получило ныне новый импульс развития. Но теперь оно сосредоточено в специальных ковродельческих артелях. Туркменские женщины, мастерицы ковроделия, осваивают сейчас новую технику (в частности, вертикальный ковровый ткацкий стан), новые мотивы орнамента. Теперь нередко можно видеть туркменские ковры с советскими сюжетами. Они изготовляются по особым заказам ковровщицами. К декаде туркменского искусства в Москве туркменские ковровщицы выткали для занавеса в Большом театре гигантский ковер, размером в 192 кв. метра (он весит свыше 1 тонны), хранящийся ныне в музее в Ашхабаде. Но обычно теперь ткут мелкие ковровые изделия: хурджыны—сумки, в том числе для школьников, ковровые покрышки для велосипедных седел и пр.

Другие виды художественной деятельности туркмен также получили новое развитие. Туркменский фольклор богат и разнообразен: сказки, эпические сказания о героях—Кёр-оглы и др., лирические песни, отдельно мужские и женские; из последних особенно известны девичьи «ляле» (вроде частушек). На основе чисто народных сказаний и песен отдельные поэты еще в средние века сочиняли «дестаны» — романы-поэмы, где проза чередовалась со стихами. Дестаны были преимущественно героического содержания. Известны и туркменские поэты-лирики. Из них наиболее выдаю-

Радиопередача в поле

щийся—Махтум-кули (XVIII в.), горячий патриот, призывавший в своих стихах к объединению туркменского народа, к борьбе против внешних врагов, против ханов и мусульманского духовенства.

Исполнители народных песен и произведений поэтов—народные певцы бахши.

Что касается музыки, она, по мнению специалистов, отличается оригинальностью и богатством. Но музыкальные инструменты немногочисленны. Наиболее распространен дутар—двухструнный щипковый инструмент. Музыкальные задатки туркменского народа только теперь получили полное развитие: овладев европейской музыкальной техникой, туркменские композиторы (Д. Овезов, В. Мухатов, А. Кулиев и др.) сумели создать, сохраняя национальный колорит музыки, инструментальные произведения, симфонии, квартеты, кантаты. Есть и туркменские оперы.

Танцы в прошлом совершенно отсутствовали у туркмен. Теперь танцовальное искусство распространяется среди туркменского народа. Есть туркмены—мастера балета.

Излюбленным развлечением издавна является борьба и всякие состязания.

Сейчас происходит быстрый рост общего культурного уровня туркменского народа. Если до революции туркмены не имели своей письменности (только духовенство пользовалось арабской грамотой), то теперь грамотность населения на родном языке достигла свыше 80%. Имеется более тысячи школ. В шести высших учебных заведениях и 20 техникумах подготовляются кадры специалистов. В Ашхабаде работает Туркменская Академия наук, где многие научные работники—туркмены. Имеются научные общества, музеи, обширная сеть клубов, кинотеатров, кибиток-читален и прочих культурных учреждений.

5. КАЗАХИ

Вторым по величине народом Средней Азии и одним из самых крупных во всем Советском Союзе являются казахи (около 3,1 млн.). В дореволюционной этнографической и общей литературе казахи обычно фигурировали не под своим именем. Их на-

зывали киргизами, смешивая их тем самым с настоящими киргизами—коренным населением Киргизской ССР.

Откуда возникла эта путаница?

В русских источниках, относящихся к XVI—XVII и первой половине XVIII века казахи обычно называются правильно—казаками, или «казачьей ордой». Но примерно с 1730-х годов (с принятия частью казахов русского подданства) их начали называть киргиз-казаками, с одной стороны, для того, чтобы отличить от русских казаков, а с другой стороны, имея в виду существовавшую близость казахов к киргизам, их соседям. С этого времени постепенно в литературе устанавливается название киргиз-казаки или киргиз-кайсаки, а с середины XIX века просто «киргизы». Это название могло вести только к недоразумениям. Октябрьская революция вернула казахскому народу его настоящее имя.

Этногенез и исторические сведения. Происхождение и первоначальный смысл самого имени «казах» («казак») неясны. Народная этимология «кас-ак» (гусь белый) не выдерживает никакой критики. Есть мнение, что это скрещенный двухсоставной этноним «каз + сак», связанный с древними саками. Слово казах является нарицательным, широко распространенным в тюркских языках обозначением вольных степных людей, наездников. С таким значением это слово уже рано (с XI в.) появляется в исторических источниках; оно, кстати, позже перешло и на пограничо-степное русское и украинское население, в связи с чем существовало старое мнение (Левшин, Вамбери и др.) о том, что казахи как народность существовали с отдаленных времен.

С другой стороны, в позднейшей этнографической литературе сложилось противоположное мнение, впервые высказанное замечательным казахским ученым Чоканом Валихановым и развитое Вельяминовым-Зерновым, А. Харузиным, в советскую эпоху Чулошниковым и др. Это мнение сводится к тому, что казахская («киргизская», как раньше говорили) народность является очень поздним продуктом истории, что она сформировалась на наших глазах. Сторонники этого взгляда обычно изображают дело так. В середине XV века—точнее в 1456 году—от золотоордынского (узбекского) хана Абульхаира отделилось два его вассала: Джанибек и Гирей, сыновья хана Барака, которые со своими подданными откочевали на восток. Это и было началом образования казахского народа. После смерти Абуль-хаира, когда начался распад золотоордынского улуса, к отделившимся ханам примкнуло еще несколько десятков тысяч кибиток. К концу XV в. казахский союз в восточноказахстанских степях представлял собой уже внушительную политическую силу. Неизвестно точно, когда именно разделилось это кочевое объединение на три «орды» (жуз),—деление, которое сохраняется в пережитках до настоящего времени: Старшую Орду—Улу-Джус (-Жуз), Среднюю Орду—Орта-Джус и Младшую Орду—Кичи-Джус (Кши-Жуз)[1].

Одни авторы относят это разделение еще к XVI в., другие—к XVII в. Расселение этих орд было следующее: юго-восточная часть казахской территории, прилегающая к оз. Балхашу, была занята кочевьями Старшей Орды, северная и центральная части—Средней Ордой, а на западе, ближе к Каспию и р. Уралу, кочевала Младшая Орда. Позже, уже в начале XIX в., от Младшей Орды отделилась так называемая Букеевская (по имени хана Букея) или Внутренняя Орда, которой русские власти отвели земли западнее р. Урала (по этой реке проходила тогда официальная граница государства), между низовьями Урала и Волги

Уже в 1-й половине XVI в. появляются европейские и русские известия о казахах. Первые упоминания о них в западноевропейской литературе имеются у Матвея Меховского, Герберштейна и Дженкинсона. В 1534 г. в Среднюю Азию ездил московский посол Данила Губин, который сообщал в своей отписке в Москву, что «казаки, государь, добре сильны и сказывают, государь, Ташкент воевали». Это первое известие о казахах в русских источниках.

В начале XVIII в. (в 1723 г.) могуществу казахов был нанесен сильный удар вторжением калмыков (джунгаров), которые разгромили Старшую Орду, опустошив и другие районы Средней Азии. Под угрозой полного подчинения джунгарам казахи стали искать помощи у России. В 1730-х годах в русское подданство вступила Младшая Орда, несколько позже—Средняя. Старшая Орда приняла русское подданство к середине XIX в. Однако фактическую независимость очень долго сохраняли все три жуза, оставаясь под управлением своих ханов и султанов.

[1] Названия этих трех орд иногда переводили не совсем точно, как Большая, Средняя и Малая: неправилен этот перевод потому, что так называемая «Малая» орда была по численности самой крупной.

Доение овец

Такова вкратце ранняя история казахского союза. Он действительно возник, как мы видели, в середине XV в. Но приурочить к этому времени образование самого казахского народа было бы не совсем правильно.

Следует обратить внимание вот на какое обстоятельство. Казахи представляют собой очень крупный народ и по численности и по занимаемой территории. Несмотря на это, они являются в значительной степени однородным целым. С антропологической точки зрения казахи в подавляющем большинстве принадлежат к одному определенному расовому типу: это так называемый южносибирский тип, один из монголоидных типов. Казахский язык един (он принадлежит к «кипчакской» ветви тюркской группы языков) и почти не делится на диалекты: только на востоке и юго-востоке Казахстана замечаются небольшие отличия в фонетике (звуки *ч* и *дж* соответствуют общеказахским *ш* и *ж*). Даже в культурном отношении, несмотря на разнообразие физико-географических условий, в которых живут казахи, этот народ в значительной степени однороден. Нет резких различий ни в хозяйстве, ни в области других культурных явлений, которые позволили бы выделить в составе казахов обособленные местные группы. Конечно, различия существуют, но они связаны скорее с географическими условиями, чем с этническими подразделениями.

Таким образом, перед нами народ в значительной степени единый и монолитный. Поэтому предполагать, что все формирование этой народности произошло в такой короткий промежуток времени, с XV по XIX в., было бы трудно. По-видимому, момент образования казахского союза—середина XV в.—был лишь завершающим моментом в процессе этногенеза казахов, процесс же этот начался значительно раньше.

Чтобы выяснить более отчетливо этот вопрос, следует обратиться к данным о составе казахского народа. Племена, из которых он сложился, сохранились доныне в качестве «поколений» и «родов». Названия их и связанные с ними исторические традиции указывают совершенно отчетливо на происхождение казахской народности из разноплеменных—в основном тюркских и тюркизированных монгольских—этнических групп. Часть этих названий—те же, которые встречаются у узбеков, а также у других тюркоязычных степных народов.

В составе Старшего жуза было 11 так называемых «поколений», фактически представлявших собой остатки племен. В числе их мы находим Джалаир—это одно из известных монгольских по происхождению пле-

мен. Затем Канглы—это был древний тюркский народ, известный в Средней Азии (на Сыр-Дарье). По мнению некоторых (Аристов), это народ, упоминавшийся в китайских источниках Ханьской эпохи под именем «кангюй». Дулат—это, по-видимому, не что иное, как Тулу старых китайских хроник, одно из уйгурских племен; вспоминается здесь и монгольское племя дуклат, которое упоминает Рашид-ад-Дин.

В Среднем жузе находим наименование Найман. Это известный монгольский народ XII в. Кирей—это те самые киреи (кераиты), которые были соседями найманов. Кыпчак—это тюркоязычный народ причерноморских степей XI—XIII вв. (половцы русских летописей). Кунграт—происхождение этого имени неясно: оно, вероятно, восходит к названию монгольского племени хонкират, но некоторые исследователи (Толстов) считают, что основа его—домонгольская и связана с одним из названий древних печенегов—«кангар».

В составе Младшего и Букеевского жузов можно отметить родоплеменные группы: Киреит, Табын (табынцы известны также у башкир), Ногай (ногайцы—известная народность, живущая и сейчас на Кавказе), Черкес.

Из этого краткого перечня видно, что в состав казахской народности влились разноплеменные и разноязычные группы. Наиболее поздние из них—это монгольские группы, пришедшие вместе с Чингисханом; Джалаир, Хонкират. Вероятно, именно к XIII в. мы должны отнести последние крупные передвижения в казахстанскую степь с востока. Тюркоязычные же группы могут считаться потомками более древних насельников приаральских степей. Самый процесс из взаимной ассимиляции и поглощения монгольских элементов относится к более раннему времени, чем XV век. Несомненно, что к этому времени Джалаиры, Кунграты, Найманы и др. были уже чисто тюркскими группами. Момент образования Казачьей Орды был политическим оформлением уже ранее сложившегося этнического целого.

Основным же ядром, вокруг которого сплотилась казахская народность, были, видимо, кипчакские племена, составлявшие прежде главную массу населения Золотой Орды. В этом смысле отчасти правы старые исследователи (как А. Харузин), считавшие главным этапом формирования казахского народа распад Золотой Орды и откочевку части ее населения на восток, в степи Казахстана. Язык кипчаков лег в основу и казахского языка.

Толчение проса

Конечно, и в более позднее время не оставался неизменным ни характер, ни состав казахской народности. XVI, XVII и XVIII века наполнены не раз возобновлявшейся борьбой казахов с узбекскими ханствами, а эта борьба сопровождалась взаимным проникновением и образованием смешанных и переходных групп. Это происходило тем легче, что в формировании узбекского и казахского народов принимали участие в значительной мере одни и те же родоплеменные компоненты. На границе между узбеками и казахами сформировалась, например, промежуточная группа кураминцев (курама)—на р. Ангрене —полукочевая группа, представлявшая собой смешение казахских и узбекских элементов. Кураминцы показаны как особая народность еще на этнографической карте 1924 г.

Степи Казахстана были присоединены к России раньше, чем другие области Средней Азии, ибо непосредственно с ней соседили. Это присоединение вполне отвечало интересам казахского народа, так как без

Охотничий беркут

помощи со стороны России ему грозило подчинение или западным монголам-джунгарам, или среднеазиатским ханствам: то и другое надолго изолировало бы казахов от проникновения более передовой культуры.

Из России же, несмотря на угнетательскую политику царских чиновников, к казахам стали проникать черты более развитого быта: от русских крестьян, селившихся на северной окраине Казахстана, они перенимали земледельческую технику, лучшие формы построек, ремесла и пр. Отдельные выходцы из казахской среды попадали в русские школы, получали образование. Они становились поборниками сближения казахов с русской культурой. Из этой среды выходили и талантливые деятели культуры: Чокан Валиханов—первый казахский ученый-востоковед и путешественник (1837—1865); Абай Кунанбаев—основоположник казахской литературы (1845—1904); Ибрай Алтысарин—педагог, фольклорист и публицист (1841—1889); и др. Эти деятели казахской культуры находились под влиянием идей передовых русских мыслителей того времени.

Основы материального производства. Казахи в прошлом из всех народов Средней Азии в наибольшей степени концентрировали в себе черты кочевнического степного типа хозяйства и культуры.

Традиционная отрасль хозяйства казахов—это скотоводство степного, кочевого типа. Основные породы скота, которые издавна разводят казахи, это лошади, мелкий скот—овцы (по численности занимающие первое место, особенно много их было в Младшей Орде) и верблюды, в большинстве двугорбые, в отличие от туркменских одногорбых верблюдов. Скотоводство прежде было пастбищным с очень незначительной ролью запасания сена на зиму, с круглогодичным выпасом скота; зимой скот тебеневал. Это связано с перекочевками с зимников на летники.

Скотоводство казахов было примитивным и целиком зависело от стихийных условий. Зимой скот очень часто страдал от бескормицы, морозов и буранов. Нередки были случаи гибели массы скота, особенно при гололедице, когда из-под оледеневшей снеговой корки он не мог добыть себе пищу,— это так называемый «джут», главный бич кочевников-скотоводов. При весенних перекочевках скот, отощавший за зиму, часто падал на пути. Тем не менее перекочевка на летние пастбища была наиболее счастливым временем в тяжелой жизни кочевника-казаха: уцелевший скот откармливался, давал больше молока.

Скот был главным достоянием и основой существования казаха. В пищевом режиме казахов молочные и мясные продукты играют и посейчас основную роль. Молочная кухня их отличается разнообразием и специфич-

Разбивка шерсти

ностью продуктов: из коровьего и овечьего молока делают простоквашу—катык, вареные густые сливки—каймак, масло—сарымай, творог—ырышмик, сухой сыр—курт, ряд напитков—айран, шалан и др., а также кушанья более сложного приготовления; из кобыльего молока готовят кумыс; местами его делают и из верблюжьего молока. Большая часть этих кушаний и напитков в прошлом была доступна лишь зажиточной части населения. Еще более это относится к мясной пище. Конина считалась лакомством и была доступна только богатым; более дешевая баранина употреблялась шире, но главным образом зимой.

Из всех народов Средней Азии, как уже сказано, именно казахи представляли собой в прошлом наиболее типичных степных кочевников-скотоводов. Однако и у них этот тип хозяйства господствовал не целиком. Казахи знали и земледелие. Земледельческое хозяйство существовало вообще в степях Казахстана с глубокой древности, с эпохи бронзы (Андроновская культура 2-го тысячелетия до н. э.). Остатки древних каналов свидетельствуют о его высоком уровне. Но вторжения завоевателей-кочевников, особенно монголов в XIII в., нанесли удар этой системе хозяйства, пашенное оседлое население было истреблено или разбежалось. Перед началом русской колонизации лишь местами, главным образом в Южном Казахстане, часть населения имела посевы. Они были по преимуществу у бедноты, не имевшей скота. Техника была примитивной, оросительные сооружения весьма несовершенными. Пахали первобытной деревянной сохой (омач). Сеяли больше всего просо.

Русская колонизация XVIII—XIX вв., хотя и привела к сокращению земельных угодий казахов, но, с другой стороны, оказала положительное влияние на их хозяйство. Под влиянием русских поселенцев казахи начали местами запасать на зиму сено для скота, главным образом для молодняка. Начало шире распространяться и земледелие, и техника его повысилась: местами стали употреблять сибирский колесный плуг—сабан. Но общий уровень хозяйства казахов до самой революции оставался низким.

Охота не составляла и не составляет существенной отрасли хозяйства у казахов. Она имеет скорее характер спорта. Но способы охоты чрезвычайно характерны для казахов как для степного народа: особенно типична охота при помощи ловчих птиц—беркутов, соколов и ястребов. Этих птиц специально дрессируют и выпускают их на пернатую дичь, а также на зайцев, лисиц, даже на волков (на них охотились с беркутами). Соколиная охота, в свое время заимствованная от кочевников русскими князьями и царями, ныне у казахов редко применяется, но с беркутами охотятся повсемест-

Валяние войлока

но. Другой характерный способ степной охоты—гоньба зверя верхом на лошади.

Рыболовство было развито у казахов лишь в немногих местах—на Каспийском и Аральском море и по большим рекам, служа занятием по преимуществу бедноты. Теперь рыбный промысел получил более широкое развитие.

Из кустарно-ремесленных производств наиболее интересны те, которые связаны с обработкой кожи и шерсти. Наиболее типична для казахов выделка войлоков. Техника их выделки та же, что и у туркмен. Изготовление узорных войлоков известно в двух типах: «алакииз»—вваливание рисунка из окрашенной шерсти на полуготовый войлок; и «сырмак»—нашивание двухцветного войлока на подкладку, причем вырезаются два одинаковых рисунка разных цветов, и фоном для первого рисунка служит остаток от второго, и наоборот. Войлок применяется очень широко и в качестве покрышек для юрты, и как подстилка, и для разных других целей.

Изготовление войлока—это простейшая форма использования шерсти, исторически связанная именно с кочевническим и скотоводческим укладом: она является исконным, очень древним достоянием самих казахов.

Наоборот, другая форма обработки шерсти—прядение и ткачество скорее может считаться элементом, заимствованным от оседлой культуры. Казахский горизонтальный ткацкий стан растягивается на земле и по длине должен равняться длине той ткани, которая изготовляется. Поэтому он может быть очень длинным. Но таким образом ткутся лишь узкие ткани, ибо сам стан узкий.

Рядом с обработкой волокнистых веществ следует упомянуть обработку дерева: вырезывание из дерева, обычно из цельного куска, посуды, утвари. Многие изделия покрыты резьбой. Развита также резьба по кости.

Обработка металлов была развита слабо. Гончарного производства почти совсем не было. Если имелась глиняная посуда, то только привозная, покупная у узбеков, и то в небольшом количестве. Преобладающий материал для изготовления посуды—это дерево и кожа.

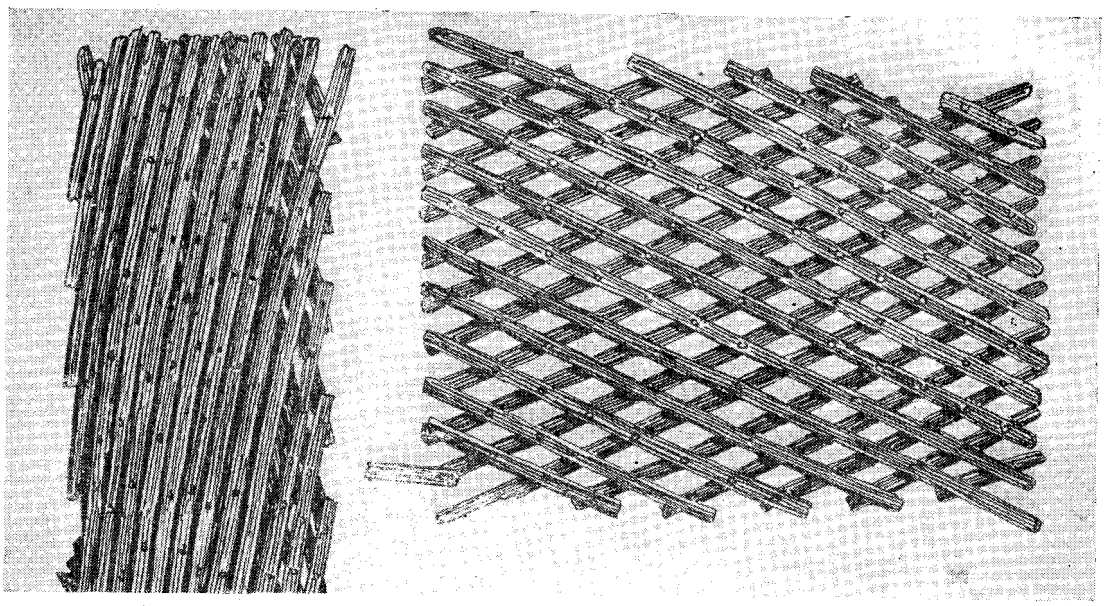
Коллективизация коренным образом изменила хозяйственный уклад казахов. Скотоводство отнюдь не потеряло своего значения важнейшей отрасли хозяйства, напротив, в большинстве районов Казахстана оно стало ведущим направлением колхозной экономики. Но оно совершенно изменило свой прежний характер. Система выпаса скота строится

Навьюченный верблюд

Верблюд, запряженный в волокушу

Решетка юрты: слева—сложенная; справа—растянутая

теперь на современных научных началах. Разведываются и осваиваются при помощи оросительных работ миллионы гектаров новых пастбищ, бывших сухих полупустынных степей. Роются новые колодцы для поения скота; сооружаются водоемы, насосные станции. На зиму запасается достаточное количество корма. Однако традиционная система тебеневок не отброшена и зимние пастбища рационально используются. Кормовая база расширена введением посевов многолетних трав, силосованием. Перегон скота на весенние и летние пастбища совершается под наблюдением оотехников. Введен ветеринарный надзор, построены крытые скотные дворы с особыми помещениями для отела. Породы скота улучшаются научными методами, повышается его продуктивность.

Наряду со скотоводческим хозяйством подверглось коренной реконструкции и земледелие. Оно выросло среди казахов в невиданных размерах. Огромные ирригационные работы позволили ввести в оборот пустовавшие прежде земли—особенно в Голодной степи. Выделились районы с зерновым направлением хозяйства, но и в животноводческих районах колхозы имеют достаточную посевную площадь. Помимо зерновых культур, вводятся посевы сахарной свеклы, конопли, каучуконосов и других. Все основные полевые работы механизированы. Сельское хозяйство Казахстана обслуживается высококвалифицированными кадрами, в том числе и местными, национальными, и стоит на высоком агротехническом уровне. Особенный размах получило земледельческое освоение новых казахских земель в последние годы: за 1954—1956 гг. в Северном Казахстане поднято до 20 млн. га целинных и залежных земель, что увеличило посевную площадь республики за эти годы почти в три раза.

Крупной промышленности прежде не было совсем, хотя Казахстан очень богат естественными ресурсами, особенно ископаемыми. За годы Советской власти Казахстан стал крупной индустриальной республикой. Создана мощная промышленность: угольная (Караганда), нефтяная (Эмба), цветных металлов, химическая, пищевая и другие отрасли. Значительная часть казахского населения превратилась в индустриальных рабочих.

Кочевой и оседлый быт. Особенности материального производства казахов в прошлом наложили отпечаток на весь их бытовой уклад, сохранявшийся до самого недавнего времени. У них был чисто степной тип кочевания. До начала русской колонизации казахи Младшей и Средней Орды совершали ежегодные перекочевки в меридиональном направлении, и амплитуда кочевок доходила до 700—800 километров. Летние кочевья и пастбища казахов находились главным образом в северных районах, богатых травянистыми ковыльными степями.

Но уже с XVIII в. царское правительство начало отнимать эти степи у казахов,

Установка юрты

строя там укрепления и поселяя колонистов. Перекочевки стали сокращаться. В Восточном Казахстане (у Старшей Орды) летними пастбищами издавна служили предгорья и горы Алтая, и перекочевки были менее растянутыми. Зимовья казахов обычно располагались в поросших камышом долинах рек или в других местах, где можно найти топливо и защиту от степных буранов и где в то же время трава не покрыта глубоким снегом.

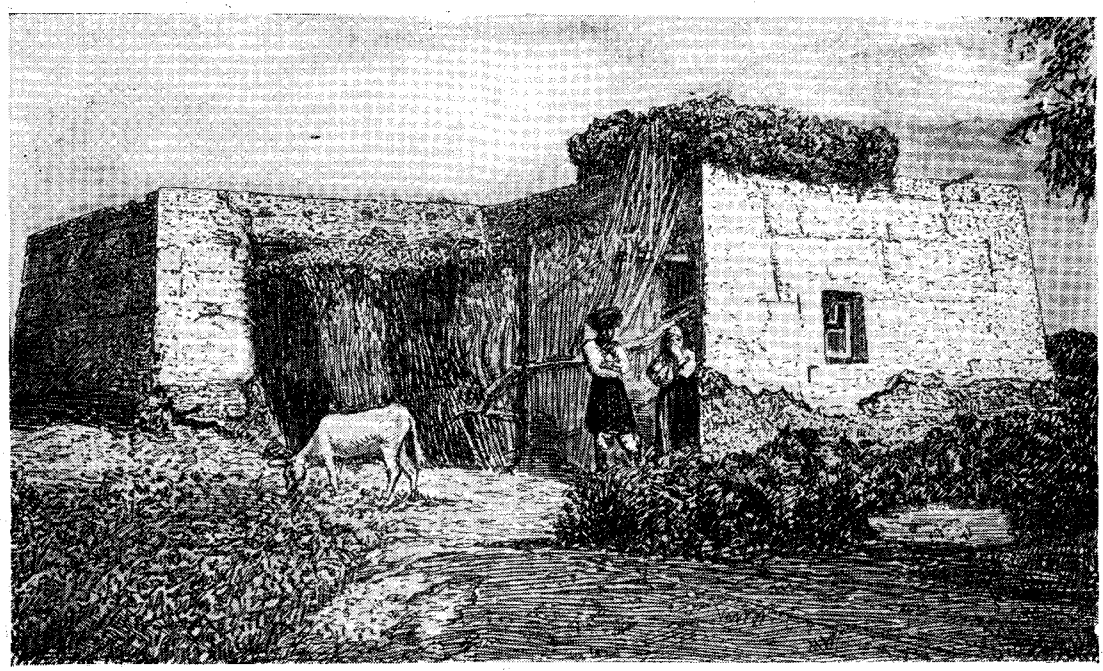
Все имущество перевозили вьюками на верблюдах, а иногда на лошадях или быках. Колесные экипажи появились лишь недавно и в отдельных местах под узбекским и русским влиянием. Бедняки иногда перевозили свой скарб на особых волокушах из жердей, прикреплявшихся к седлу. На пути кочевий устраивались колодцы для поения скота, но этих колодцев (кудук) было мало, и они чаще принадлежали богатым скотовладельцам.

С этим кочевым образом жизни связаны были и формы жилищ казахов. Их было две: кочевая юрта, употреблявшаяся главным образом при перекочевках и на летниках, но иногда и на зимовьях, и зимнее жилище.

Казахская юрта, или кибитка (уй), принадлежит к типу разборных решетчато-войлочных построек, по конструкции не отличаясь от туркменской. Это несколько решеток выгнутой формы, сдвигающихся и раздвигающихся, скрепленных ремнями. Они составляются по 4—8 штук по кругу, а к верхнему краю этих решеток прикрепляются так называемые «стрелы» (уук), изогнутые жерди, верхние концы которых пропускаются в большой круг наверху. Таким образом делается остов кибитки, который затем обтягивается цыновками, а поверх них покрывается войлоком и обвязывается волосяными веревками. В середине на земле разводится огонь.

Этот характерный тип жилища господствовал у целого ряда кочевых народов Азии. Он разделяется вообще на два подтипа. Один из них известен у монголов, бурят, алтайцев и калмыков: это восточный («монгольский») подтип, отличающийся низким конусообразным верхом. Другой подтип—западный («тюркский»)—находим у туркмен, казахов и киргизов в Средней Азии. Он характерен более высоким куполообразным очертанием крыши.

Вид и конструкция юрты в основном были у казахов везде одни и те же, но размеры, качество, удобство, благоустройство зависели в сильной степени от имущественного положения хозяина. Размер юрты определяется количеством тех звеньев («канат»), из которых составляется круглая решетка. Для юрты среднего размера нормальным количеством является 6 таких «канатов». У бедноты были маленькие, тесные, четырех- и даже трех-

Глинобитный дом казаха

Новый дом казаха-колхозника

канатные юрты (без верхнего круга); напротив, у баев, особенно для каких-либо торжественных случаев, строились большие восьмиканатные юрты. Сооружение и разборка юрты было делом женщины.

Это примитивное жилище было очень удобно летом, но условия жизни в нем зимой, в морозы, особенно при сильных степных ветрах, нередко срывавших покрышку с юрты, были тяжелыми. Местами, однако, они употреблялись и зимой, причем низ войлочных стен утеплялся присыпкой земли. Но в течение XVIII—XIX вв. у казахов все более распространялись стационарные зимние жилища. Это обычно саманные или дерновые постройки, местами плетневые, обмазанные глиной. К жилью примыкали крытые загоны для скота. В лесной полосе были и срубные жилища, местами восьмиугольные, а в некоторых горных районах (Алтай) очень характерные пятиугольные. Зимние жилища были, особенно у бедняков, крайне неблагоустроены: тесные, темные, сырые, они производили тяжелое впечатление.

Радикальным образом изменились условия быта и жилища у казахов в связи с коллективизацией. Вместе с колхозами стали возникать оседлые поселки, состоящие из благоустроенных домов. Казахи стали переходить на оседлость. Кочевание сохранилось лишь как чисто хозяйственный процесс: стада скота перегоняются на летние и зимние пастбища бригадами пастухов, население же перестало кочевать. Традиционный номадизм сменился пастбищно-отгонной системой хозяйства—совершенно новым типом хозяйственно-бытового уклада. Убогие зимники почти целиком ушли в прошлое: они вытеснены хорошо построенными домами—большей частью из сырцового кирпича, в лесистых районах—срубными избами, с печами-голландками или плитками, с окнами, кое-где с электрическим освещением. Войлочная юрта сохраняется, хотя и не везде, как летнее жилище и как жилье пастушеских и полевых бригад. Но в новых домах удерживаются традиционные особенности обстановки: сундуки у задней стены со сложенными на них одеялами и подушками, круглый низкий столик для еды и т. п.

Одежда. В национальной одежде казахов преобладает кочевнический тип с известными чертами влияния оседлых земледельческих народов Средней Азии. Поверх нижней хлопчатобумажной рубашки и широких штанов надевается камзол и затем халат.

Казах в зимней одежде

Верхняя теплая одежда—овчиный тулуп, который, однако, надевали и летом. Женщины носят поверх длинной рубахи-платья безрукавку. Очень типичен головной убор замужней женщины, так называемый «кимешек»: это белый полотняный сшитый платок, покрывающий голову, шею и верхнюю часть груди, с вырезом только для лица; иногда верх головы отдельно обматывается тюрбаном.

Мужской головной убор двух видов: меховая и войлочная шапки, в прошлом неодинаковые у богатых и бедняков. Меховая шапка—обычно с назатыльником и наушниками. У господствующих слоев, особенно у ханов и султанов, были большие шлемообразные головные уборы.

Из женских головных уборов надо отметить еще очень старинный свадебный головной убор («саукеле»), который надевался на невест и носился некоторое время после свадьбы. Это колпак в виде конуса до метра высотой, богато разукрашенный подвесками, нашивками и т. д. В настоящее время саукеле уже давно не носится, да и вообще

Казахские женщины в старинных свадебных нарядах и головных уборах «саукеле»

старые формы костюма в степях все более вытесняются городским покроем одежды.

Исторические особенности общественного строя. Предки казахов некогда составляли часть основного населения золотоордынского феодального ханства, а после его распада они входили в узбекские и в свои ханства.

Однако у них в условиях кочевого скотоводства держались пережитки родоплеменных отношений, которые переплетались с развитыми формами классовой дифференциации и классовой эксплуатации. Казахи сохранили до нашего времени деление на роды. Родовая структура казахов представляется сравнительно сложной. Упоминавшиеся уже нами 3 или 4 «орды» делились на так называемые «поколения». Поколения делились на роды, в свою очередь подразделявшиеся. Одним из родовых пережитков являлась экзогамия, соблюдавшаяся прежде довольно строго.

Употреблялись родовые тамги для клеймения скота. Каждое племя имело свою тамгу. Тамги отдельных родовых групп представляют часто модификацию основных тамг. Так, круг являлся основной тамгой племени Дулат и всех его подразделений. Последние прибавляли, например, по одной или по две черточки, но при всех усложнениях этой тамги в основе ее оставался круг, и тем самым подчеркивалась преемственность этой тамги от основной тамги племени. Изучение этих тамг нередко помогает выяснению происхождения родовых делений.

Другой такой же внешней меткой рода служил прежде так называемый «уран»—боевой клич, который у каждого рода был свой собственный. По этим уранам можно было иногда также выяснить происхождение отдельных родовых группировок.

Патриархальные черты носил также обычай «тамырства»—побратимства, или дружбы (вроде куначества на Кавказе). Тамырами могли быть лица одного или разного пола. Тамыры оказывали друг другу услуги, дарили вещи, гостили.

Более важное социальное значение имели и дольше сохранялись некоторые другие обычаи, тоже связанные с эпохой патриархально-родового строя: например, обычай баранты. Баранта (барымта)—это узаконенный грабеж скота, она применялась как способ саморасправы. Этим путем потерпевшая сторона самочинно вознаграждала себя за понесенные убытки или обиду. Баранта считалась по обычному праву нормальным способом разрешения межродовых и межсемейных споров. Но это лишь при соблюдении известных условий: требовалось заранее объявить о намеченной баранте; она должна была происходить днем, а не ночью; при возможных столкновениях следовало избегать смертоубийства. Фактически обычаем баранты пользовались нередко богачи для грабежа чужих стад. Существовал и обычай выкупа за кровь—кун.

Пережитком родовых отношений был также третейский суд. Суд находился в руках аксакалов или биев—родовых старшин, которые судили на основании народного обычая (адата или занга). Мусульманский суд по шариату у казахов почти не применялся.

Затем характерен институт «сююнчи». Сююнчи—это добровольная судебная помощь за плату. Человек, потерявший свое имущество (скот и проч.), объявлял, что кто поможет в возвращении этого имущества, получает установленную плату. Эта добровольная юридическая помощь как частное дело заинтересованных сторон очень характерна для народов, у которых сохранились пережитки патриархально-родовых отношений. Вообще вся правовая жизнь

казахов определялась народным обычаем—адатом.

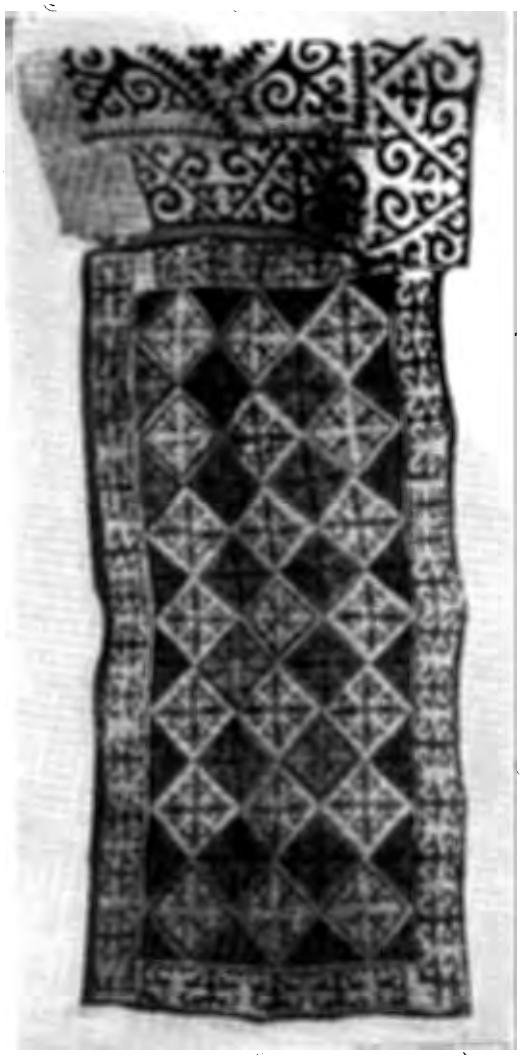
Наряду с этим у казахов издавна сложились резко выраженные формы классовой дифференциации феодального типа. В отличие от других кочевых народов, казахи делились на два резко обособленных сословия: «белую кость» и «черную кость»—ак-сюек и кара-сюек. К черной кости принадлежала масса населения, к белой кости принадлежала господствующая верхушка—ханы и султаны, ведшие свое происхождение от Чингисхана и его сыновей. Они не входили ни в один из казахских родов, составляя как бы особый аристократический род. Ханы стояли во главе орд: Старшей, Средней и Младшей. Впрочем, власть ханов в 20-х годах XIX в. царским правительством была отменена.

Султаны составляли вторую ступень феодальной лестницы. Они стояли во главе отдельных поколений и родов. Султанская власть не была отменена, напротив, царизм поддерживал султанов и опирался на них в управлении казахским населением; но должность их стала формально выборной.

Ханско-султанская верхушка обладала целым рядом феодальных прав и привилегий—собирала натуральные подати и заставляла выполнять известные повинности в свою пользу, распоряжалась землей и кочевьями.

Еще в XVIII в. ханы и султаны эксплуатировали труд рабов—военнопленных и купленных. Но рабство было патриархальным. Более своеобразно было положение особой группы «тюленгутов»—дружинников и вооруженных слуг, находившихся при ханах и султанах. Положение тюленгутов было двойственно: с одной стороны, тюленгуты причислялись к бесправным, почти к рабам, они стояли вне родов и не пользовались защитой обычного права. С другой стороны, тюленгуты составляли как бы привилегированную группу, так как были связаны с ханами и султанами, в качестве их свиты. Само слово «тюленгуты», видимо, происходит от названия одного из соседних племен—телеутов (теленгутов), с которыми казахам приходилось воевать. Вероятно, из пленных телеутов вначале и вербовалась группа тюленгутов.

«Черная кость», основная масса населения, далеко не составляла чего-то однородного, внутри нее тоже были резкие классовые различия. Еще в дорусскую эпоху выделялась патриархально-родовая верхушка, старшины родов, так называемые аксакалы и бии.

Образцы орнамента на кошме

Они руководили делами рода, распоряжались перекочевками, пользованием колодцами; бии выполняли судебные функции. В XVIII в. особенно усилилось значение и военной знати, военных предводителей, так называемых батыров, превращавшихся в наследственную группу. Некоторые бии и батыры носили звание «мурзы», перенятое от Золотой или Ногайской Орды. После подчинения России стал распространяться также титул «тархан»—это были те же бии и батыры, поступившие на службу к царизму. Все это были экономически мощные элементы, формировавшиеся наряду с ханами и султанами в господствующий паразитический класс, хотя они и не принадлежали к аристократической «белой кости».

Мешок из тисненой кожи (для хранения сыра)

Блюдо с портретом Джамбула

В XIX в., с проникновением капиталистических отношений, классовые противоречия усилились. Наряду со старой знатью стала выделяться просто группа богатых скотовладельцев-баев. Разорявшиеся бедняки оседали на землю, переходя к земледелию или рыболовству: это так называемые «джатаки» (буквально «лежачие», т. е. оседлые).

Формы эксплуатации массы населения паразитической верхушкой были разнообразны. Наиболее характерна особая форма отработочной ренты, встречавшаяся у многих скотоводческих народов: отдача скота на выпас и в пользование. У казахов этот обычай назывался «саун».

Любопытно, что как эта, так и другие формы эксплуатации маскировались внешней видимостью родовой взаимопомощи. Саун рассматривался как форма помощи богатого бедняку. Но под этим скрывалось самое настоящее присвоение чужого труда.

Было бы вообще неправильно считать, что в казахском обществе существовали отдельно, сами по себе, родовые пережитки и отдельно, сами по себе, элементы феодальных отношений. То и другое переплеталось так, что родовые пережитки фактически превратились в форму и орудие классовой эксплуатации. В этом и была сущность патриархально-феодального уклада.

Сохранение родовых пережитков у казахов иллюстрируется обычно тем фактом, что казахи не только точно знают ту родовую группу, к которой они относятся, но очень точно и обстоятельно знают свою родословную. Каждый казах знает не менее 7 своих предков. Но фактически эти родовые обычаи держались больше в среде господствующего класса. Беднота обычно плохо знала и не особенно интересовалась своей генеалогией, а зажиточные слои очень дорожили своим происхождением и знали не только 7 предков, но и умели рассказать подробно свою родословную вплоть до очень далеких поколений.

У казахов отмечалось иногда феноменальное знание генеалогий, которые включают в себя иногда до сотни имен. Например, в одной из записей генеалогии племени найманов[1] насчитывается всего 18 поколений, начиная с того лица, со слов которого записана эта генеалогия. Общее количество имен исчисляется больше чем сотней. Впрочем, надо отметить, что записи родословий одного и того же племени, сделанные разными авторами, выглядят весьма различно.

В целом социальный строй казахов вплоть до XIX в. сохранял черты типичного патриархально-феодального уклада. Во 2-й половине XIX в. этот уклад начал разлагаться

[1] См. А. Маргуланов. Найманы («Казаки», сб. статей. Л., 1930).

Казашка за вышивкой

под действием товарных и капиталистических отношений, но разложение его шло медленно.

После Октябрьской революции, в годы гражданской войны, пережитки патриархально-феодальных отношений сыграли весьма отрицательную роль. Националистическая буржуазия использовала их для обмана народа, когда создала контрреволюционное правительство «Алаш-Орда» (декабрь 1917—июль 1919 гг.). Не менее вредную роль играли патриархально-родовые пережитки в годы массового колхозного движения, притупляя классовое сознание трудящихся казахов.

Сейчас все эксплуататорские группы среди казахского населения ликвидированы, а старые родовые традиции быстро изживаются. Казахский народ состоит из колхозного крестьянства, молодого рабочего класса и трудовой интеллигенции.

Религиозные пережитки. В религии казахов господствовал ислам в его суннитской форме. Но у них, как у туркмен, ислам не пустил таких глубоких корней, как у оседлого населения Средней Азии. Формально считаясь мусульманами, казахи фактически не особенно твердо придерживались мусульманской религии. Мусульманский шариат не являлся для них обязательной правовой основой. Муллы—официальное духовенство—не пользовались большим авторитетом. Сравнительно бóлее влиятельными были в среде степного населения разные «святые»—ишаны, обычно проходимцы из городов Средней Азии, которые продавали всякие ладонки, талисманы и обманывали суеверное население разными способами.

Как и у других народов Средней Азии, у казахов отмечался популярный культ мазаров—гробниц святых.

И в то же время наряду с мусульманской религией у казахов фактически до недавнего времени сохранялись пережитки более ранних форм верований: знахарство, колдовство и даже пережитки шаманизма.

Носителями последнего были бахсы—знахари, которые лечили больных. Метод лечения очень сильно напоминает шаманские методы. При помощи игры на «кобызе», пения, криков, пляски бахса доводил себя до исступления, в него вселялись духи, и он от их имени объявлял способ лечения.

Наряду с этим сохранялись и другие древние поверья, колдовские приемы, следы культа огня.

Народное творчество и культурное развитие. Музыкальные инструменты у казахов те же, которые известны у оседлого населения Средней Азии, но они менее разнообразны: это двухструнная щипковая «домбра» и смычковый «кобыз».

Казахский фольклор очень богат. Особенно интересен героический эпос—былины о «батырах»,—богатырях Алпамысе, Кобланды, Ер-Саине, Едыге и др. Этот эпос, однако, не представляет собой простых и безыскусст-

венных народных песен. На нем—отпечаток художественно-литературной обработки профессионалами-певцами. Эти певцы—жырши, которые издавна пользовались авторитетом и уважением; они распевают под аккомпанемент «домбры» древние сказания и песни. Однако многие из них выступали прежде перед ханами и султанами и в угоду им обрабатывали поэмы в антидемократическом феодальном духе. Есть и народные поэты—акыны, слагающие свои импровизации. Одним из таких народных певцов был знаменитый Джамбул Джабаев (1846—1945).

У казахов еще в XIX в. начала зарождаться и письменная художественная литература. Самым выдающимся из ее немногочисленных деятелей был Абай Кунанбаев, поэт-демократ и патриот, горячий сторонник русской культуры, ученик русских революционных демократов.

В изобразительном искусстве казахов наиболее характерен стиль орнамента, встречающийся и у других скотоводческих народов: орнамент, восходящий (по исследованиям Р. Карутца) к мотиву бараньих рогов. На узорчатом войлоке он фигурирует в простейшей форме: это парный спиральный завиток, в котором нетрудно узнать завитые бараньи рога. Этот мотив развивается и видоизменяется, выступая в различных геометрических композициях. Когда он переходит на плетеную циновку, на ковры, на тканые пояса, получается прямоугольная стилизация. Затем этот же мотив встречается на резьбе на косяках дверей и на сундуках. Промежуток между двумя парами завитков образует ромб, который дальше повторяется как самостоятельный мотив. Другие исследователи, впрочем, иначе объясняют происхождение данного орнаментального мотива, считая его стилизацией изображения двух птиц, сидящих по сторонам дерева.

Конечно, к парному завитку нельзя свести все разнообразие орнаментальных мотивов у казахов. Есть и мотивы растительного орнамента, но они менее характерны для кочевников.

Сейчас формы изобразительного искусства делаются более разнообразными. Входят в употребление новые декоративные мотивы, портреты и сложные композиции.

Развивается и профессиональное искусство, музыка, театр, опера, балет (казахские оперы и балеты «Кыз-Жибек», «Эр-Таргын», «Золотое зерно», «Амангельды»). Растет национальная художественная литература.

Общий культурный рост казахского народа за годы Советской власти трудно даже измерить. От прежней культурной отсталости нет почти и следа. В Казахстане имеется около 9,2 тысяч школ, и число учащихся в них превышает 1 миллион. Высших учебных заведений—23, и в них обучается 25 тысяч студентов. В республике насчитывается 6,6 тысяч библиотек, 35 театров. Казахская Академия наук, существующая с 1945 года, объединяет работу 40 исследовательских институтов.

Так изменился за короткое время культурный облик прежде отсталого казахского народа.

6. КИРГИЗЫ

Казахов смешивали прежде с киргизами, называя их этим именем. Настоящими киргизами являются юго-восточные соседи казахов, составляющие коренное население Киргизской ССР (западная часть Тянь-Шаня и Памиро-Алайская горная система). Для того чтобы различить киргизов от казахов, в дореволюционной литературе киргизов называли каракиргизами, или дикокаменными киргизами (потому что они жили в каменных горах и были более «дикими», чем казахи), или бурутами (под этим именем они известны у монгольских народов). Самоназвание народа—кыргыз.

Происхождение этого самоназвания неясно. По народной этимологии, кыргыз—это «кырк-кыз», что значит «40 девушек». Эта народная этимология связана с легендой, согласно которой киргизский народ произошел от 40 девушек—служанок дочери хана, забеременевших от красной собаки или, по другому варианту, от пены озера, в котором они купались. Настоящее же значение этнонима киргиз (кыргыз) остается невыясненным.

Киргизы выделяются прежде всего своим антропологическим типом. Среди них наиболее выражены черты монголоидной расы: южносибирский (как у казахов) и центральноазиатский типы.

Выпас колхозного скота на летних горных пастбищах (Иссык-Кульская обл.)

Новый дом киргиза-колхозника

Женский головной убор киргизов

По языку киргизы близки к казахам, входя в ту же северо-западую ветвь тюркоязычных народов. Но еще ближе они по языку, как теперь установлено, к южным алтайцам: киргизский и алтайский языки выделяют иногда в особую подгруппу внутри кипчакской ветви тюркских языков. Язык киргизов распадается на диалекты, различия между которыми несущественны и которые объединяются в две группы—северные и южные диалекты.

Хозяйство и материальная культура. По культурному облику киргизы тоже очень близки к казахам. Киргизы, как и казахи, были исстари кочевниками-скотоводами. Состав стад скота примерно тот же самый, что и у казахов: овцы, лошади, коровы, меньше верблюды; местами разводят и яков. Способы использования скота такие же. Существенное различие в скотоводческом хозяйстве киргизов и казахов связано с неодинаковостью чисто географических условий: казахи кочевали по степи в горизонтальном направлении, у киргизов же, благодаря гористому характеру местности, издавна преобладало вертикальное кочевничество: зимовки—кыштоо—расположены у низовьев гор, по берегам рек, а летовки—джайлоо—в горах. Но у восточных казахов, живущих в предгорьях Алтая, отмечался этот же тип кочевания. Подобно казахам, киргизы еще до революции имели и земледельческое хозяйство, которое, однако, и у них, особенно в Северной Киргизии, составляло тогда лишь подсобную и очень второстепенную отрасль хозяйства. В горных районах посевы были главным образом у бедноты. Самая техника земледелия почти не отличалась от такой же техники казахов; у южных киргизов издавна под узбекским влиянием применяется система ирригации, которая в последнее время стала расширяться и в северных районах. Охота существует также в виде подсобного, в значительной степени спортивного занятия, и самая техника охоты не отличается от казахской. Надо отметить, в частности, характерную охоту при помощи ловчих птиц (беркутов) и ружейную охоту на горных баранов, козлов, в прошлом также и на маралов.

И во всей материальной культуре прослеживается та же близость и родство киргизов с казахами. Жилище—это та же круглая кибитка, почти не отличающаяся от казахской, а местами—и зимний глинобитный дом, который в Южной Киргизии развился под узбекским влиянием, а в области Иссык-куля—под русским. Кочевой поселок—группа юрт непостоянного состава—называется у киргизов «аил» (как у алтайцев). Зимнее поселение из стационарных жилищ—«кышток».

Тип одежды также сходен с казахским: те же широкие штаны и длинная рубаха, халат или камзол (камзол—лишь с XIX в.). Но есть отличия: например, войлочный халат («кементай») у мужчин или женский головной убор—«элэчек»—в виде очень длинного куска (до 15 м) белой ткани, навертываемого вокруг головы высоким тюрбаном; на юге женщины (особенно племени Ичкилик) надевали под элэчек шлемообразную шапочку, сплошь украшенную вышивками и подвесками. У киргизов чаще, чем у казахов, встречался овчинный нагольный тулуп, белая войлочная шапка.

Отдельные отрасли материального производства—техника выделки кожи, обработка дерева, техника тканья и валяния войлока из шерсти,—такие же, как у казахов. Словом, материальная культура киргизов, особенно северных,—почти точная копия казахской. На юге же Киргизии сильно сказывается узбекское влияние.

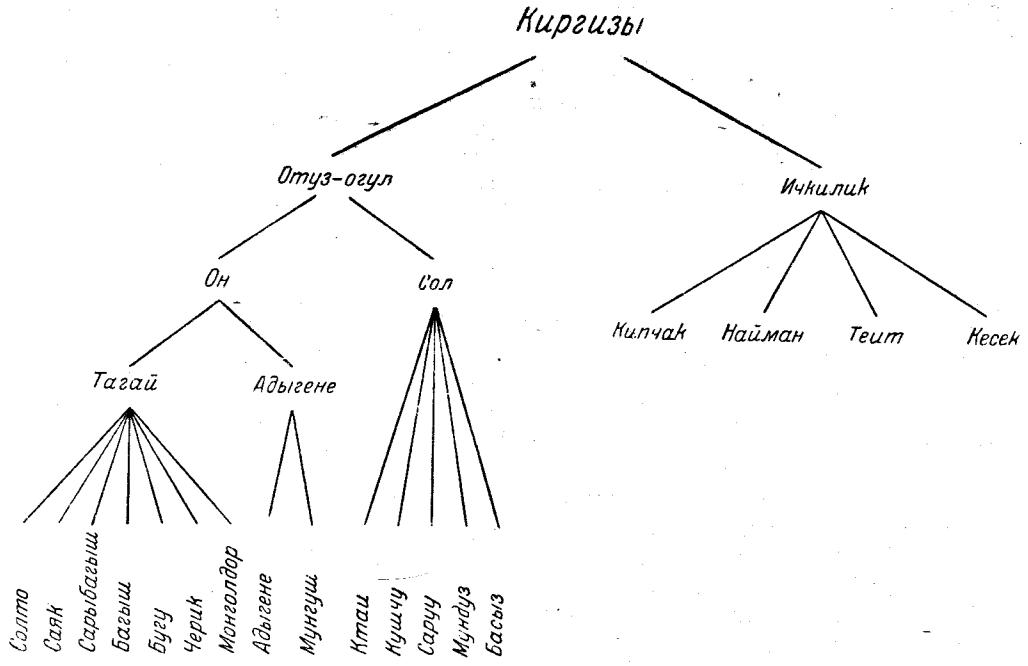

Схема родоплеменного деления киргизов

Исторические особенности общественного строя. Социальный строй киргизов отличался от казахского большей архаичностью.

Подобно казахам, киргизы сохранили деление на родовые группы, но структура родоплеменного деления у них сильно отличалась от казахской. Названия родов, которые у казахов, узбеков, каракалпаков и у некоторых других народов почти одни и те же, у киргизов совершенно иные. Здесь сохранилось деление всего народа на два так называемых «крыла»: правое—«он» и левое—«сол». Это то деление на два крыла, которое существовало еще в эпоху Чингисхана у монголов и вводилось у покоренных ими народов. В Средней Азии такое деление отмечено только у киргизов[1]. Каждое «крыло» делилось в свою очередь на «отделы», т. е. крупные родоплеменные группы.

Однако установить точную картину родоплеменного деления у киргизов трудно, так как материалы исследователей по этому вопросу расходятся.

Так, по сведениям Н. А. Аристова, пользовавшегося сообщениями 1850—80-х гг., деление на правое и левое крыло охватывает весь киргизский народ. При этом правое крыло делится на два «отдела»—Тагай и Адгене, из которых Тагай подразделяется в свою очередь на 6 родов: Бугу, Сарыбагыш, Султу, Чирик, Багыш, Саяк, а Адгене—на три: Адгене, Монгуш и Ичкилик. Левое крыло делится на роды Сару, Коше и Мундуз. Каждый из перечисленных родов дробится на более мелкие подразделения.

Новейшие исследования советских этнографов дают несколько иную картину родоплеменного расчленения киргизов. Разница объясняется, видимо, большей точностью записи, однако вполне возможно, что взаимоотношения родов за эти несколько десятилетий действительно несколько изменились. Но и новейшие исследователи частично между собой расходятся: видимо, в настоящее время у самих киргизов уже нет полной ясности в вопросах деления на племена и роды.

Так, по данным Г. Ф. Дебеца родоплеменная структура киргизов может быть представлена в прилагаемой схеме.

По материалам Я. Р. Винникова, соотношение родов несколько иное: например, род Мунгуш составляет не подразделение Адыгене, а самостоятельную ветвь крыла «он», равно как и род Монгол (Монголдор). Как бы то ни было, все современные исследователи сходятся на том, что Ичкилики составляют обособленную часть киргизского народа, не входя ни в правое, ни в левое крыло; впрочем, и Аристов допускал вероятность того, что Ичкилики образуют постороннюю, некиргизскую по происхождению группу.

Важно отметить при этом, что именно в составе Ичкиликов встречаются родовые деления, известные и другим народам Средней Азии: Кипчак, Найман и пр., тогда как почти все названия родов, входящих в исконно киргизские деления «он» и «сол», чужды остальным народам Средней Азии.

Важно и то, что в числе названий киргизских родов есть одноименные с родами алтайско-саянских народов Сибири: роды Мундуз, Тёёдёс, Монгуш и др.

[1] Дихотомическая родовая структура туркмен, а также каракалпаков имеет несколько иной характер.

В. В. Радлов в 1860-х годах обнаружил у киргизов, помимо указанных родоплеменных делений, еще следы деления на «кровные» роды, или «сёёк», т. е. «кости» (название, известное также у алтайцев). Таких сёёков Радлов нашел до 60; однако названия некоторых из них совпадают с названиями родов, известных и теперь (например, Мундуз, Сару, Кучу, Кытай, Дёлёс, Конграт и др.). В настоящее время деление на «сёёки» не сохранилось, и неясно, что они собой представляли.

Однако родовые деления у киргизов, как и у других кочевых народов, сохранялись лишь в качестве пережитка. Господствующими к моменту революции были здесь классовые отношения; например, был обычай раздачи скота богачами на выпас бедноте—«саан» (аналогично «сауну» у казахов). Но характер и степень развитости классовых отношений были предметом споров, и по этому поводу высказывались разные мнения.

В отличие от казахов, у киргизов не было сословного деления, они не знали белой и черной кости. Они не знали аристократии, которая выводила бы себя от Чингисхана. Но у киргизов существовал своеобразный господствующий класс, природа которого оставалась до недавнего времени не совсем ясной. Это так называемое манапство.

Манапы—господствующая верхушка киргизского аила. Судя по преданиям самих киргизов и по историческим источникам, это институт не древний—не старше XVIII в. Самое название «манап» есть, по-видимому, личное имя одного из таких владельцев, превращенное в нарицательное название. Не все киргизы знали манапство; в Южной Киргизии этот институт не существовал. Зато в Северной Киргизии манапы занимали чрезвычайно влиятельное положение.

Манапы были крупными скотовладельцами, они же распоряжались пастбищами и кочевками. Не всякий богач считался манапом, но настоящая власть была именно в руках манапов. Сами манапы не представляли однородной группы. Были крупные, главные манапы (чон-манап) и более мелкие (чала-манап). Между этими двумя группами, впрочем, не было резкой границы, потому что чала-манап, зависевший от какого нибудь чон-манапа, в свою очередь мог оказаться чон-манапом по отношению к другим, еще более мелким чала-манапам. Это была, следовательно, как бы лестница вассальной зависимости: чон-манап был сюзереном, а чала-манапы—вассалами. У манапов была свита вооруженных слуг—«аткаминеров» (всадников) и «джигитов». Остальная масса населения представляла собой подданных манапа—это так называемая «букара», общинники. Манапы собирали с букары поголовную натуральную подать скотом «салык». Манапы владели землей. Лучшие земельные угодья—особенно летние кочевья—принадлежали манапам, и за право выпаса скота на этих землях манапы получали особую подать—«отмай». Затем была повинность «сойуш»—поставлять пищу к столу манапа; существовало узаконенное право сбора за выполнявшиеся манапами судебные функции, судебные штрафы и вознаграждение за суд, так называемый «бийлик» (бий—родовой судья); особый сбор «джуртчилик»—компенсация за якобы произведенные или предполагаемые расходы манапа на разные общественные дела и т. д.

Манапы по своему классовому положению представляли собой феодалов или поулфеодалов. Но манапы не составляли замкнутого сословия. Можно было сделаться манапом, не принадлежа к родовой знати. Были манапы, которые имели совсем незнатное происхождение, да и все манапство, как уже сказано, не было древним институтом.

Что же представлял собой институт манапства и как следует определить уровень общественного развития киргизов дореволюционного времени? По этому поводу существовали разные взгляды: одна точка зрения была развита П. И. Кушнером после его поездки в Киргизию в 1925 г. По его мнению, в лице манапов мы имеем дело как бы с перерастанием родовых отношений в феодальные. Манапство—это «рубеж двух социологических эпох», как выражался Кушнер. Манапы «выделились из военных групп конца родовой эпохи», но «не успели еще превратиться в настоящих феодалов», хотя им и «удалось ликвидировать примитивную демократию во всех ее проявлениях». «Манапство есть ничто иное, как недоразвитая, зачаточная форма феодализма у киргизов»[1].

Эта точка зрения грешит некоторой недооценкой развитости классовых отношений у киргизов. Из нее вытекает, что в XVIII веке киргизы жили настоящим родовым строем и вплоть до революции из него не совсем вышли, что мало правдоподобно. Эта точка зрения не учитывает и того существенного факта, что власть манапов не была настоящей родовой властью. Манап и его подчиненные не всегда сородичи. Правда, поскольку роды группировались вместе, букара, подданные одного определенного манапа, принадлежали большей частью к одной родовой группе, но это не было обязательным, потому что все, кто кочевал и проживал на территории, подвластной манапу, попадали под его власть.

Другая, противоположная точка зрения принадлежит экономисту П. Погорельскому (1930). По его мнению, манапство представляет собой не раннюю форму феодализма, а скорее продукт его разложе-

[1] П. Кушнер, Горная Киргизия, М., 1929, стр. 4, 97.

ния: киргизы уже прошли стадию не только раннего, но и сравнительно развитого феодализма, и манапство было формой перерастания феодальных отношений в капиталистические.

Такое представление грешит обратной ошибкой: чрезмерной модернизацией классовых отношений у киргизов.

Фактом является то, что манапство, если и было сравнительно недавним институтом, то это не первая форма классовых отношений у киргизов. По преданиям и по историческим источникам мы знаем, что еще в прежние времена у киргизов выдвигался господствующий слой—так называемые батыры—военачальники, функции которых, повидимому, не ограничивались только ролью военных предводителей. Батыры также и судили, и вообще являлись носителями общественной власти. У киргизов были также бии, родовые старейшины, но это родовое старейшинство в руках биев тоже перерастало в раннюю форму классового господства. Манапы были историческими преемниками батыров и биев Это была одна из форм патриархально-феодальных отношений.

Эти классовые отношения, существовавшие у киргизов, держались очень крепко. В первые годы Советской власти в Киргизии манапы упорно сопротивлялись и старались удержать свое господствующее положение; в труднодоступных горных районах авторитет манапов держался довольно долго, до конца 20-х годов.

Религиозные пережитки. В отношении религиозных верований различий между киргизами и казахами было мало. Ислам сравнительно недавно и неглубоко проник в верования киргизского народа. До недавнего времени там и мулл почти не было, и мечетей было мало; самые представления киргизов об исламе были чрезвычайно смутными.

Как раз первые годы после революции (еще до укрепления советского строя) были ознаменованы в Киргизии бурным развитием ислама: в Киргизии появилось много беглых мулл из Татарии, Узбекистана и других областей, строились мечети, оживилась мусульманская пропаганда. Но, конечно, это было явлением лишь кратковременным.

Наряду с исламом у киргизов сохранялись более древние и самобытные формы верований и обрядов, сходных с казахскими: магические представления и обряды, знахарство и пр. Были разные типы и специальности знахарей и врачевателей. Знахарь, пользующийся средствами народной медицины, назывался табиб. Помимо табибов, были тўкўрўчў (от тўкўрў—плевок)—знахари, лечившие при помощи слюны и заклинаний. Особенно интересны у киргизов так называемые бакши (полная параллель казахским бахса)—колдуны-шаманы, лечившие при помощи духов, которые входили в тело колдуна и в его лице действовали. Для общения с духами бакши старались привести себя в экстатическое состояние: играли на инструментах, прыгали, выкрикивали. При этом в них входили духи, и они с их помощью лечили больных. Различались два рода духов (джиннов): белые и черные (ак-джин и кара-джин); в связи с этим бакши делились на две категории: бакши с белыми духами—ак-джинду-бакши и бакши с черными духами—кара-джинду-бакши. Разница между ними, впрочем, была невелика. Существовали и другие анимистические представления: о горных и водных духах и т. д., по большей части вредных.

Эти пережитки шаманства и анимистические верования держались у киргизов под внешним покровом ислама до новейшего времени.

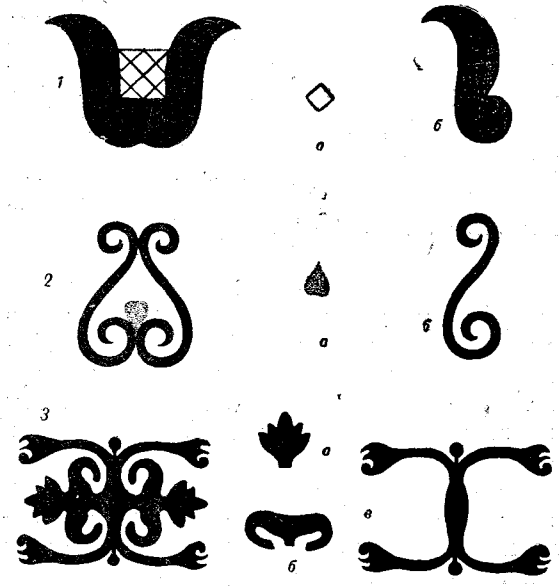
Киргизский народный певец, музыкант и композитор Токтогул Сытылганов (1859—1932)

Народное творчество. Из форм народного творчества у киргизов наиболее интересен богатый народный эпос. Эпические сказания, героические былины у киргизов вступили в стадию циклизации. Отдельные сюжеты и эпизоды сгруппированы вокруг личности наиболее излюбленного героя этих сказаний—Манаса. Таким образом составилась огромная, состоящая из нескольких отдельных кругов и эпизодов, из разных песен героическая поэма «Манас», общим размером в несколько сотен тысяч стихов, которая теперь известна всей советской общественности. Эту поэму исследователи называли своего рода «степной Илиадой», и действительно она напоминает гомеровскую поэму по богатству содержания и по строгой цикличности, по

группировке сюжетов вокруг основного стержня, вокруг главного героя. Другой эпический цикл—поэма «Самятей», которая рассматривается как продолжение Манаса (Самятей—сын Манаса) и именуется иногда «киргизской Одиссеей». Известен и 3-й цикл—«Сейтех».

Однако исследователи киргизского эпоса до самого последнего времени не проявляли в отношении его достаточной критичности: только теперь (1951—1952) обнаружилось, что в огромном киргизском эпосе имеются совершенно различные исторические наслоения: помимо чисто народных песен, проникнутых демократическими и патриотическими идеями, в сказаниях о Манасе есть отражение феодальных мотивов: они были привнесены певцами-профессионалами—«манасчи», которые входили в свиту крупных батыров и манапов и, угождая своим хозяевам, переделывали народные песни, прославляли грабителей-ханов. Такой переделке в феодально-аристократическом духе подверглась как раз та часть «Манаса», которую фольклористы, не распознав ее антинародного духа, опубликовали в 1946 г. в переводе на русский язык (так называемый «Великий поход»). Теперь ведется более углубленная собирательско-исследовательская работа с целью отобрать подлинно народные героические песни, очистить их от чуждых им классово враждебных наслоений.

Киргизская народная музыка начала серьезно изучаться только в советскую эпоху. Она самобытна и в то же время имеет много общего с музыкой соседних народов. Она проста, но разнообразна по формам и жанрам: героические песни, лирические женские, трудовые, детские и пр. Народные музыкальные инструменты сходны с казахскими и узбекскими: смычковый двухструнный «кыяк», щипковый трехструнный «комуз», флейта «чоор». Местами встречаются узбекские сурнай и карнай.

Образцы «повествовательного» узора киргизов 1. Юрта, стоящая при слиянии двух родников: *а*—деревянная решетка, образующая стены юрты; *б*—родник. 2. Две собаки, дерущиеся из-за кости: *а*—кость; *б*—хвост собаки. 3. Тигр, задравший двух коров на джайлоо: *а*—лист; *б*—тигр; *в*—нога коровы

Чрезвычайно интересно и оригинально изобразительное орнаментальное искусство киргизов, лишь в советские годы изученное. В основе оно сходно с казахским. Характерен прием зеркально-симметричного удвоения мотивов орнамента. Отличительная особенность киргизского изобразительного искусства—наличие большого количества элементов орнамента, имеющих строго определенное значение и служащих для создания целых сложных композиций. В настоящее время известно 173 элемента киргизского орнамента, большая часть которых заимствована из животного мира. Путем сочетания этих элементов создаются многочисленные сюжетные комбинации, их известно до сих пор около $3^1/_2$ тысяч,—имеющие определенное, как бы повествовательное содержание. Применение орнамента связано главным образом с шерстяными изделиями: сшивание цветных кусков войлока, ковры, вышивка. Гамма красок ограничена: синий, красный, белый и желтый цвета. Это своеобразное искусство «повествовательных узоров» исследовал советский художник М. Рындин. Однако некоторые этнографы оспаривают правильность толкования Рындиным киргизского орнамента.

По общему уровню культуры киргизы были до революции в числе самых отсталых народов Средней Азии. Своей письменности у них не было. В первые годы Советской власти в киргизских школах преподавали на казахском, узбекском и татарском языках. Только с 1923 г. появляются первые учебники на киргизском языке, который и начинает входить в школьное преподавание. Письменность сначала создавалась на основе арабского алфавита, с 1926 г. начали переходить на латинский, теперь—собственный алфавит на русской основе. Создан литературный язык—на основе севернокиргизской группы диалектов. Национальная печать сильно выросла: одних лишь газет на киргизском языке теперь издается 59.

На почве богатой народной поэтической традиции растет киргизская литература. Само фольклорное творчество впервые начало серьезно изучаться. Только теперь записан полный

текст знаменитой поэмы «Манас», в нескольких вариантах; наиболее обширный вариант, записанный от молодого талантливого «манасчи» Саякбая Караласва, превышает 800 тыс. стихов. От корней народной музыки начала развиваться новая музыкальная культура киргизского народа—национальная опера, музыкальная драма, балет, концертные выступления артистов. Появился и национальный драматический театр.

Этногенез. Вопрос о происхождении киргизов до сих пор до конца не разрешен.

Упоминания о киргизах встречаются в китайских источниках еще Ханьской эпохи, где говорится о народе гянь-гунь, как о соседях усуней. По общепринятому мнению «гянь-гунь»—китайская передача этнонима «киргиз». В. В. Бартольд считал, что они жили по Верхнему Енисею или в северо-западной Монголии. В источниках Суйской и Танской эпох киргизы известны в другой транскрипции—«хягас» (хакасы). В VII—VIII вв. встречается упоминание о кыргызах в орхонско-енисейских памятниках. Они жили в эту эпоху в верховьях Енисея, и с ними воевали тюрки и уйгуры. На короткое время (с середины IX до начала X в.) киргизы достигли господствующего положения в Центральной Азии. Махмуд Кашгарский в начале XI в. упоминает киргизов как самое восточное из тюркских племен, жившее близко к «стране Чин» (Китаю). В начале XIII в. енисейские киргизы были покорены монголами. В начале XVII в. их там же, на верхнем Енисее, застали русские, которые в течение всего XVII в. то воевали, то вели мирные сношения с киргизскими князцами. Но с 1703 г. прекращаются известия о енисейских киргизах, так как в этом году ойратско-джунгарский «контайша» принудил их откочевать в Джунгарию.

Какова же историческая связь этих енисейских киргизов с современными тяньшанскими киргизами? Этот вопрос как раз и является самым трудным. Современные киргизы не сохранили никаких преданий о том, что их предки жили когда-то на верхнем Енисее. Языки современного населения верхнего Енисея сильно отличаются от киргизского, принадлежа к северо-восточной ветви тюркских языков. Но зато киргизский язык близок к языку алтайцев.

Считать, что с верховьев Енисея киргизы в начале XVIII в. переселились на Тянь-Шань, нельзя потому, что о тяньшанских киргизах сведения появляются с начала XVI в., т. е. на 200 лет раньше ухода киргизов с Енисея. Первые сведения о киргизах Тянь-Шаня содержатся в источнике, написанном на персидском языке, «Тарихи Рашиди» мирзы Хайдера: здесь упоминается о киргизах по случаю того, что в 1503 году к ним бежали два брата кашгарского хана. По этому поводу Хайдер сообщает, что киргизы—это те же монголы, но отколовшиеся от них. Согласно указаниям этого источника, киргизы будто бы давно жили в Семиречье.

Однако мнение историков, что киргизы пришли с Алтая или с Верхнего Енисея, по-видимому, правильно. Надо вспомнить, что вся родовая структура и родовая номенклатура киргизов ставит их на особое место среди их соседей. Они не связаны по своим родовым названиям ни с казахами, ни с другими народностями Средней Азии, и скорее действительно связываются с населением Алтая и Верхнего Енисея, а частью—своим делением на два крыла—с монгольскими народами.

Далее, самый антропологический тип киргизов также выделяет их из числа народов Средней Азии (правда, сходный тип распространен и у казахов): это наиболее монголоидная из групп Средней Азии.

Таким образом, есть основания считать, что основная масса киргизов пришла откуда-то с востока. Когда это произошло?

Археологические раскопки в Киргизии свидетельствуют о том, что до XII в. здесь преобладал европеоидный антропологический тип. Появление монголоидного типа, правда, замечается уже в гуннскую эпоху, но лишь в виде сравнительно слабой примеси. Лишь после XII—XIV вв. заметно увеличивается доля монголоидного типа в погребениях. Этим опровергается взгляд, распространенный в литературе, что киргизы являются будто бы прямыми потомками древних усуней, которые жили действительно в теперешней Киргизии. Само название усунь (Уйсун) сохранилось в родовой номенклатуре среднеазиатских народов, оно есть у казахов, у каракалпаков и у узбеков, но его нет как раз у киргизов. Усуньский компонент не мог играть крупной роли в этногенезе киргизов.

Вернее всего предположить, что основная масса монголоидов появилась на территории Киргизии в XII в. и связана с передвижением сюда каракитаев (киданей). Это было первым крупным вторжением монгольских групп в Среднюю Азию, и центром их расселения здесь оказалось именно Семиречье. За ними несколько позд-

нее появились найманы. Конечно, каракитаи не были единой народностью. Это был конгломерат различных народов. Можно предположить, что именно каракитаи, которые, как известно, свергли господство киргизов в Центральной Азии (нач. X в.), захватили с собой часть этих киргизов и передвинули их на Запад. Может быть, к этому времени надо отнести появление здесь и самого названия киргизов и тюркского языка. Но состав киргизского народа несомненно сложен. В него влились найманы, кипчаки и другие тюркоязычные племена Средней Азии. Культурный же облик киргизов сформировался на месте их теперешнего обитания, на основе горно-скотоводческого хозяйства, в тесном общении с соседними народами, особенно с казахами.

7. КАРАКАЛПАКИ

Последним крупным народом Средней Азии являются каракалпаки, население Кара-Калпакской АССР, расположенной по нижнему течению Аму-Дарьи. Каракалпаки не занимают всей территории Кара-Калпакии, а только дельту Аму-Дарьи, но и в дельте главным образом ее центральную часть. Часть каракалпаков живет в пределах Узбекистана, в районе Самарканда и в Фергане; там они в значительной мере сливаются с узбеками.

Этногенез. Вопрос о происхождении каракалпаков принадлежит к числу не совсем ясных. Уже давно делались попытки связать каракалпаков с упоминающимися в древнерусских летописях «черными клобуками» (название «каракалпак» означает дословно «черная шапка»). Но дело не в названии. В последние годы работы советских исследователей (Иванов, Толстов, Жданко) в значительной мере прояснили проблему. «Черные клобуки»—это лишь позднейшее наименование того союза тюркских и тюркизированных племен, который в X—XI вв. был известен под именем печенегов и который, видимо, и был основной этнической базой формирования в более позднее время каракалпакского народа. Но надо иметь в виду, что сами печенеги представляли собой очень сложный конгломерат, в состав которого вошли остатки древних племен южнорусских и среднеазиатских степей —сармато-аланских и сако-массагетских.

С другой стороны, уже в составе печенежского союза были, видимо, не одни кочевнические, а также и оседло-земледельческие элементы, связанные с оазисами Средней Азии, особенно с низовьями Сыр-Дарьи.

Прямые исторические свидетельства о каракалпаках появляются лишь в конце XVI в. Они жили тогда еще не там, где теперь, а в низовьях Сыр-Дарьи. В XVII в., помимо этих «нижних» каракалпаков, упоминаются также «верхние», обитавшие на Средней Сыр-Дарье. Верхние каракалпаки находились в орбите влияния Средней и Старшей казахских орд, нижние были подвластны Младшей орде. В XVIII в., а частью, может быть, и раньше, верхние каракалпаки под давлением казахов переселились на Зеравшан и в Фергану, а нижние—в дельту Аму-Дарьи. Вообще вся история каракалпаков тесно связана с историей казахов, а позже в особенности узбеков. Родовой состав и этническая основа у этих народов в значительной мере те же, как у казахов и узбеков. Культура же каракалпаков представляет как бы переходный тип между казахской скотоводческой кочевой и узбекской земледельческой оседлой культурами, что не мешает, конечно, наличию и глубоко самобытных черт.

Хозяйство и материальная культура. Еще и на Сыр-Дарье каракалпаки не были чисто кочевым народом, а занимались и земледелием. В дельте Аму-Дарьи у каракалпаков укрепился оседлый образ жизни, но сохранились и черты номадизма.

Ведущую роль в хозяйстве каракалпаков играло земледелие. Посевы до революции были у всех, за исключением самого бедного слоя. Земледелие такого же типа, как у узбеков в Хорезмском оазисе. Скотоводство у каракалпаков имеет подсобное значение и сильно отличается от казахского. Оно меньше по размерам, породы скота не такие. Верблюдов у них нет, что связано с климатическими условиями; в низовьях Аму-Дарьи много комаров, которых не выносят верблюды. Зато у них сравнительно больше рогатого скота.

Часть каракалпаков занимается рыболовством—на Аму-Дарье и Аральском море. Немалым подспорьем является шелководство,

Юрта внутри «уй-жай»

Каково происхождение этого своеобразного, как бы промежуточного типа хозяйства каракалпаков? Его прежде рассматривали как результат оседания в дельте Аму-Дарьи прежних скотоводов-кочевников, какими считались предки каракалпаков, и заимствования ими у хорезмских узбеков элементов оседлой земледельческой культуры. Однако правильнее предположение, выдвинутое недавно С. П. Толстовым: полуоседлое комплексное хозяйство каракалпаков является, как уже говорилось выше, своеобразным реликтом чрезвычайно древнего типа хозяйства, существовавшего в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи еще в эпоху позднего неолита. Этот древний уклад хозяйства и быта, основанный на сочетании рыболовства, ирригационного земледелия и мелкого скотоводства, исторически предшествовал крупнотабунному кочевому скотоводству, но традиции его сохранялись у полуоседлого населения Приаралья в течение тысячелетий, доживши до наших дней как раз у каракалпаков.

У каракалпаков издавна имеются постоянные глинобитные или саманные дома прямоугольного плана,—хотя они были прежде далеко не у всех,—которые служат зимой как жилье, а летом используются для хозяйственных надобностей. Тип их—как у хорезмских узбеков. В качестве летнего жилья—решетчатая кибитка (юрта), составляющая непременный элемент каракалпакской усадьбы. Интересно, что наряду с казахским типом кибитки у них отмечен и монгольский тип ее с конической крышей. Кибитка является частью комплекса постоянного жилища, она не передвигается, а находится в ограде, в усадьбе, а зимой—в особом крытом дворике («уй-жай»), даже иногда внутри большого дома: для постановки ее хозяин оставляет в крыше отверстие. Кибитка служила главным образом летним жильем, но у многих и зимним.

Наряду с этим практиковалось и кочевание, но небольшое. Кочевали на несколько километров, редко на несколько десятков километров. Далеко кочевать было трудно уже потому, что вся дельта представляет собой переплетение русл и арыков, через которые переезжать нелегко, да и сам комплексный тип хозяйства и ограниченность площади давно уже не допускали больших кочевок. Сейчас все каракалпаки живут чисто оседлым бытом.

Само поселение—аул—представляло собой у каракалпаков до недавнего времени довольно большую группу (несколько десятков) разбросанных усадеб, без ясного геометрического плана, но сгруппированных по родовому признаку. Они напоминали собой скорее хутора.

Каракалпак в национальной одежде

Каракалпачка в национальной одежде

В советские годы началась большая работа по улучшению жилищных условий. Каракалпакские колхозы постепенно (с конца 1930-х гг.) возводят благоустроенные поселки, с прямыми и широкими озелененными улицами, с многочисленными постройками общественного назначения и культурными учреждениями. Многие колхозы уже закончили это «поселкование», и старый хуторской тип расселения там отошел в прошлое.

Сами жилища перестраиваются. Местами сооружают новые дома стандартного плана, местами приспосабливают старые дома, делают в них окна, деревянные или кирпичные полы, заводят городскую обстановку. Вводится электрическое освещение, радио. Юрта остается в качестве вполне удобного летнего жилища.

В одежде каракалпаков много сходства с узбеками. Та же рубашка и широкие штаны, тот же халат, под который, однако, мужчины иногда надевают стеганый бешмет. Женской верхней одеждой служит кафтан или камзол, сшитый в талию. Паранджи каракалпачки не знали, но есть разновидность ее—джегде, при ношении которой лицо не закрывается. В качестве головного убора мужчин служит черная баранья шапка в форме усеченного конуса. Женщины повязывают голову цветным платком. Раньше употреблялось, как и у казахских женщин, саукеле, хотя другой формы—более низкое. Теперь, впрочем, традиционную одежду носят преимущественно пожилые люди; молодежь предпочитает городской костюм.

Ремесленные производства у каракалпаков развиты значительно слабее, чем у узбеков. Из женских производств надо отметить ткачество, ковровые изделия и вышивку.

Исторические особенности общественного строя. Подобно казахам, каракалпаки сохранили до наших дней остатки родоплеменных отношений. Названия родовых и племенных групп, вошедших в состав каракалпакского народа, в большинстве те же, какие известны у казахов, а в прошлом у узбеков. Но сама родовая структура у каракалпаков не такова, она построена в большей мере на принципе дихотомии—деления пополам, и в этом отношении больше напоминает родовые деления некоторых туркменских племен, а также киргизов.

По родовому признаку каракалпаки делятся на два «отдела» («арыс»—буквально «оглобля»): Он-торть-уру («14 родов») и Конграт. Первые живут исключительно на

правобережье Аму-Дарьи, в бассейне канала Кегейли (Чимбайский, Кегейский и Куйбышевский районы ККАССР); вторые охватывают их полукольцом с севера и запада, живя как на правом, так и на левом берегу Аму-Дарьи. Каждый из двух арысов в свою очередь делится на две части. До недавнего времени были известны только родовые деления правобережных каракалпаков, в частности Он-торть-уру. Они делятся на две пары родов, точнее, племен: Ктай-Кыпшак и Мангыт-Кенегес. Первая пара занимает местности по правой стороне канала Кегейли, вторая пара—по левой. Каждое из этих 4 племен делится далее на ряд родов, а те в свою очередь состоят из мелких, чисто местных подразделений. Все эти родовые деления были в прошлом строго локализованы в соответствии с распределением земли вдоль каналов.

Подразделения левобережных каракалпаков—Конграт—до последнего времени были почти неизвестны; лишь теперь советская Хорезмская экспедиция (Т. А. Жданко) их исследовала. Раньше было известно только то, что Конграты делятся на две группы: Шуллук и Жаунгыр, территориально размежеванных. Теперь выяснена родоплеменная структура обеих групп.

Отдельные родоплеменные группы у каракалпаков имели в прошлом, как и у казахов, свои тамги, свои «ураны» (боевые кличи). Во главе их стояли некогда бии. Обычай родовой экзогамии местами сохранился доныне.

Еще живя на Сыр-Дарье, каракалпаки были подчинены казахским ханам. Последние, однако, очень часто грабили и громили их,—частью, видимо, из-за тяготения каракалпаков к русскому подданству. Самым жестоким был погром 1743 г. (хан Абульхаир), после которого остатки каракалпаков бежали в дельту Аму-Дарьи и поселились там. Но и на Аму-Дарье их не оставляли в покое казахские ханы, а кроме того, каракалпаки попали здесь в тяжелую зависимость от хивинских ханов.

Те формы зависимости, которые приходилось терпеть каракалпакам, складывались на основе землепользования и водопользования. Орошенной земли было мало, и большая часть ее была захвачена баями и духовенством. Хивинские ханы облагали их тяжелыми налогами и повинностями. Наряду с ханскими чиновниками притесняли каракалпакского крестьянина и собственные старшины-бии и крупные землевладельцы, а особенно назначавшиеся ханами начальники—аталыки и беглер-беги. Практиковались разные формы патриархально-феодальной эксплуатации, в том числе и связанные со скотоводством: например, отдача скота на выпас («сауын»), как у казахов и киргизов.

После присоединения Средней Азии к России каракалпаки оказались политически разорваны на две части: правый берег Аму-Дарьи вошел в состав непосредственно русских владений (Аму-Дарьинский отдел Сыр-Дарьинской области), а левый остался под властью хивинских ханов. Положение левобережных каракалпаков было особенно тяжелым, так что многие из них самовольно переселялись (особенно в 1880-х годах) на правый берег, в русские владения, где произвол местных угнетателей был несколько обуздан.

После Октябрьской революции и национально-государственного размежевания, территория расселения и формы землепользования были урегулированы. Каракалпакский народ получил земли столько, сколько ему нужно. Он освободился от прежнего феодального подчинения хивинским ханам и местным биям-старшинам.

Религиозные пережитки. В области религиозных верований трудно отметить что-нибудь характерное, отличающее каракалпаков от других народов Средней Азии. Здесь также официально господствовал ислам, пожалуй, глубже проникший в массы, чем это имело место у кочевых народов, но не так глубоко, как у узбеков; распространено почитание «мазаров» местных святых; и наряду с этим сохранились более ранние самобытные формы—магические представления, вера в духов, культ тигра (джольбарс) и т. д.

Народное творчество и культурное развитие. Формы народного творчества каракалпаков близки к казахским и узбекским. У них известен героический эпос—народные поэмы «Алпамыс», «Коблан» и др. Эти произведения исполняются народными певцами и поэтами—бахсами, шаирами. Музыкальные инструменты похожи на узбекские—дутар, най, сурнай, смычковый гиржек. Декоративное искусство более своеобразно: стиль орнамента оригинален—геометрический и геометризованный растительный.

У обездоленного в прошлом каракалпакского народа культурный уровень был очень низок. Это затрудняло советское строительство в первые годы. В начале даже создание национальной школы наталкивалось на большие трудности: не существовало каракалпакской письменности, не было учителей, учебников. В каракалпакских школах пре-

подавали на узбекском, казахском, туркменском, татарском языках. Многие родители под влиянием агитации баев и мулл отказывались посылать детей в школы. Зато работали духовные школы—мектебы и медресе—рассадники мракобесия. Перелом наметился в 1923—1924 гг., когда были приняты меры к укреплению школы, появились первые учителя-каракалпаки. Как переходный тип были введены (1927) одногодичные и двухгодичные школы. Сейчас в Кара-Калпакии действуют сотни нормальных школ, с 1949—1950 г. введено всеобщее семилетнее обучение. Грамотность уже в годы Отечественной войны достигла 68%. Широко развернулась научная работа. Этому отчасти содействовало то, что Кара-Калпакская АССР стала основной базой работы многолетней Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (С. П. Толстов). Появились молодые ученые-каракалпаки.

8. НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА

Национальные меньшинства Средней Азии отчасти вследствие своей малочисленности, отчасти благодаря дисперсному расселению в пределах Средней Азии, не имеют своих автономных республик и областей.

Уйгуры. Самую крупную из этих национальных групп составляют уйгуры, живущие в восточной части Казахстана (это так называемые семиреченские уйгуры) и местами в Узбекистане и Киргизии (ферганские уйгуры). До революции уйгуров называли таранчами и кашгарцами. Слово «таранчи» значит земледелец (от «таран»—мука, хлеб). Кашгарцами называли выходцев из Кашгарии. Именно там, в пределах Китайского Туркестана (Синьцзяна), расселена основная масса уйгуров, с этой страной связана их многовековая история,—ведь сильное уйгурское государство существовало еще в VIII—IX вв. Но в Синьцзяне уйгуры до последнего времени были известны лишь под различными местными названиями: кашгарцы, яркендцы, хотанцы и др.

Из Синьцзяна значительная группа уйгуров еще в XVIII в. была переселена Маньчжурским правительством в Илийский край (Семиречье). В 1871 г. Илийский край был занят Россией, а когда в 1881 г. большая часть его была возвращена Китаю, в русских владениях осталось много уйгуров («таранчей»). Другая группа уйгуров переселилась из Синьцзяна в XIX в. в Ферганскую долину—частью спасаясь от преследований, частью от малоземелья; они и получили название «кашгарцы». После Октябрьской революции «таранчи» и «кашгарцы» СССР, консолидировавшись в единую народность, приняли свое старое историческое имя уйгуров. По их примеру и китайские уйгуры стали себя называть этим древним именем.

В Советской Средней Азии уйгуров считается около 108 тыс., из них больше половины—63 тыс.—в Казахстане; остальные в Узбекистане (37 тыс.) и в Киргизии (8 тыс.).

Язык уйгуров близок к узбекскому. В быту их господствуют формы оседлой среднеазиатской культуры, с некоторыми специфическими особенностями и с элементами китайского влияния. Ферганские уйгуры особенно близки к узбекам и частично с ними ассимилируются. Национальная политика Коммунистической партии дала им все возможности свободного развития. В Казахстане есть национальные уйгурские районы, в Узбекистане и в Киргизии уйгурские сельсоветы. Есть уйгурские начальные и средние школы. Появилась национальная интеллигенция, растет уйгурская литература, театр.

Персы. Вторую по численности группу национальных меньшинств Средней Азии составляют персы (около 30 тысяч), которые в свою очередь делятся на две группы по бытовому признаку: на собственно персов и «ирани». Последние суть потомки выходцев из старого Мерва после его разрушения в 80-х годах прошлого столетия.

Большинство персидского населения представляет собой потомков освобожденных рабов. Основную массу рабов, которые продавались на рынках Бухары, Хивы, Коканда и Самарканда, составляли персы. Часть этих рабов освобождалась, получала известные права и некоторые из освобожденных не возвращались обратно в Персию, особенно та беднота, которой нечего было искать на прежней родине.

Арабы. Среднеазиатские арабы (около 22 тыс., 1939) живут в нескольких кишлаках Узбекистана. Это не потомки завоевателей

Уйгуры

Современный дунганский дом (с. Ырдык, Иссыккульской обл., Киргизской ССР)

Дунганка в национальном костюме (с. Ырдык, Иссыккульской обл., Киргизской ССР)

VIII в., а сравнительно недавние поселенцы. По-видимому, они пришли из Афганистана в XVII—XVIII вв., а предки их выселились из Аравии не раньше эпохи Тимура[1]. Арабы совершенно утратили самобытную материальную культуру, но у них сохранились остатки родоплеменных делений (они принадлежат к 2 племенам, Санони и Шайбони) и пережитки древних семейных форм, например, кузенный брак. До революции их угнетало Бухарское правительство, поэтому они нередко скрывали свою национальность и в значительной части ассимилировались. Большинство арабов в настоящее время говорит или на узбекском или на таджикском языке и лишь немногие сохранили свой язык.

Евреи. Среднеазиатские евреи (около 18—19 тыс., 1926)—иври по самоназванию, или яхуди, как их называют соседние народы,—живут главным образом в городах Бухаре, Ташкенте, Самарканде и др. Они не связаны по своему происхождению с западными—украинскими, белорусскими и польскими евреями. На территории Средней Азии они живут очень давно: по преданию, еще с ассирийской эпохи; во всяком случае они поселились здесь до начала нашей эры.

В бытовом отношении евреи в значительной степени ассимилировались с окружающим населением. Они не сохранили своего языка, говорят по-таджикски и по-узбекски. По роду занятий они мало чем отличаются от городского населения других национальностей. Выделяются они только религией. В эпоху мусульманских ханств евреи были угнетены и бесправны. Они не имели права покупать землю и не могли заниматься земледелием. Они жили в особых кварталах («махалля») городов, носили особый костюм, подпоясанный веревкой, не имели права ездить по городу верхом и подвергались многим другим унизительным предписаниям и ограничениям, тяжелым поборам. Положение их было настолько тяжелым при мусульманских ханах, что приход русских войск был для них облегчением. Но настоящее раскрепощение евреев произошло, конечно, после Октябрьской революции, когда среднеазиатские евреи получили равные права с другими народностями Средней Азии и всего Советского Союза.

Дунгане. Есть еще одна этническая группа, тоже выделяемая по религиозному признаку,—дунгане. Обычно дунгане считаются китайцами по языку, но мусульманами по религии. Основная область их расселения—Северо-Западный Китай, провинции Ганьсу, Шэньси и Синьцзян, где они составляли еще в середине XIX в. большинство населения. Однако после подавления крупного дунганского восстания 1860—1870-х гг. множество дунган там погибло или было истреблено. Тогда-то и появились (1877) дунганские беглецы в пределах Средней Азии. Численность их, по переписи 1926 г., около 15 тысяч, но по некоторым данным их значительно больше—до 25 тысяч. Расселены они главным образом в Киргизской ССР: вблизи г. Фрунзе (в долине р. Чу), около г. Пржевальска (сел. Ырдык), в г. Оше и др.; меньшее число их живет в Казахской ССР, преимущественно по той же реке Чу (в селеннях Каракунуз и Шортюбе), в г. Панфилове (Джаркент) и в других местах.

[1] Есть, однако, мнение и есть предание у самих арабов, что они живут в Средней Азии с очень отдаленных времен.

Отдельные группы дунган различаются между собой по языку: одни—большинство дунган Киргизии—говорят на ганьсуйском диалекте китайского языка, другие—дунгане Казахстана—на шэньсийском.

Происхождение дунган еще не вполне выяснено. Некоторые считали их тюрками по происхождению, китаизированными по языку и культуре, но сохранившими мусульманскую религию. С этим связана ходячая этимология имени «дунган»: от тюркского слова «турган», что значит «оставшиеся» (часть мусульманских завоевателей, «оставшихся» в Китае). Но это мнение совершенно ошибочно. Другие, напротив, видят в них китайцев, принявших ислам. Это второе мнение более правильно. Новейшие советские исследования (Н. Н. Чебоксаров и др.) показали, что не только язык, но и антропологический тип, а также и тип хозяйства и основы материальной культуры дунган—китайские. Они все искусные земледельцы, и большинство их занимается разведением риса; в дунганских колхозах, принадлежащих, кстати, к числу самых сильных и зажиточных в Семиречье,—рисоводство составляет ведущую культуру. Дунгане сел. Ырдык (где рисоводство по природным условиям невозможно) выращивают опийный мак. Ошские дунгане—хлопководы. На большой высоте стоит у дунган огородничество (причем некоторые из разводимых ими овощей—чисто китайские) и плодоводство.

Жилые постройки дунган—чисто китайского типа: с массивной двухскатной кровлей, опирающейся на столбовой каркас, не связанный конструктивно со стенами; стены тоньше, чем в домах коренного населения Средней Азии. Жилище двух- и трехраздельное. Чисто китайская черта—теплые нарылежанки (кан) вдоль стен. Одежда мужчин и женщин—тоже восточноазиатского типа: нательная кофта (без рубахи) и штаны; известно, что отсутствие рубахи, т. е. глухой плечевой нательной одежды,—характерная особенность культуры народов Юго-Восточной Азии. Мужчины-дунгане, впрочем, теперь не носят национальной одежды, а одеваются по-городски. Дунганские кушанья (сладкие мучные блюда, употребление острых приправ и пр.) тоже близки к китайским, равно как и способ еды при помощи двух палочек.

И в духовной культуре дунган сказывается общность с китайцами: она заметна в фольклоре и даже в верованиях, несмотря на господство ислама.

Цыганка из Самарканда

Предполагается, однако (Г. Г. Стратанович), что в культуре дунган сохранился еще более древний, докитайский пласт, связанный с тунгусо-маньчжурскими народами Восточной Азии.

В настоящее время дунгане чем дальше, тем больше сближаются с коренным населением Киргизии и Казахстана; ошские дунгане—с узбеками.

Сарт-калмаки. Одновременно с дунганами появились на территории Средней Азии так называемые «сарт-калмаки» (около 3,5 тыс.)—ветвь западных монголов (ойратов, джунгаров или калмыков). После ликвидации дунганского восстания и проведения новой границы с Китаем (1881) они остались в пределах России. Сами себя они называют «олёт» (западномонгольское племя ёлёт). От своих сородичей-монголов они, видимо, оторвались давно и остались не затронуты влиянием ламаизма: как и окружающие их киргизы, они являются мусульманами. Живут сарт-калмаки в двух селениях около гор. Пржевальска. Быт—полуоседлый, скотоводческо-земледельческий. Киргизские богачи в прошлом угнетали их, но Советская

власть дала возможность свободного развития. Впрочем, сарт-калмаки почти совершенно окиргизились, школа у них киргизская и только люди старшего поколения еще помнят свой старый монгольский язык.

Цыгане. Очень немногочисленны на территории Средней Азии цыгане (около 5 тыс.), которые делятся на две группы: мазанги и люли. Одни из них издавна были оседлыми ремесленниками (главным образом выделывают щепной товар), другие продолжают вести бродячую жизнь, многие занимались в прошлом гаданьем и нищенством, но теперь эти промыслы оставлены. В своем быту цыгане сохранили замкнутость, хотя язык их—таджикский (наряду с ним есть и особый «тайный» язык), религия—мусульманская, как у окружающего населения. Цыгане являются выходцами из Северо-Западной Индии, подобно европейским цыганам.

Прочие мелкие национальности. Несколько мелких народностей советской Средней Азии представляют собой группы, отколовшиеся от народов, которые в основной своей массе живут за рубежом. Таковы две небольшие ираноязычные народности—джемшиды (около 1 тыс.) и хезарейцы (около 500 чел.), обитающие в Кушкинском районе Марыйской области Туркмении (на р. Мургабе): основная часть этих народностей расселена в Афганистане. По хозяйственному укладу и культуре они стоят близко к своим соседям туркменам. Хезарейцы считают себя по происхождению иранизированными монголами. Часть их известна под именем «бербери», хотя бербери составляют особую народность, обитающую в Афганистане и Иране.

Собственно афганцы живут в числе нескольких сот человек в 4 кишлаках Сталинабадской области Таджикистана. К ним близки этнически белуджи (балючи), численностью около 1 тысячи, выходцы из бывш. Британского Белуджистана—теперь юго-западная часть Пакистана. Они расселены в Марыйской области Туркменской ССР.

Наконец, надо упомянуть индийцев, которые в прошлом составляли довольно заметную прослойку населения некоторых среднеазиатских городов, занимаясь в основном торговлей и ростовщичеством. Но теперь индийцев в Средней Азии почти не осталось: по переписи 1926 г. их насчитано всего 61 человек.

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Средняя Азия была в составе царской России угнетенной национальной окраиной. Она не принадлежала к числу наиболее отсталых окраин: напротив, за тысячелетия своей истории народы Средней Азии создали у себя самобытную, по своему развитую, сложную культуру. Многих посторонних наблюдателей она пленяла своим своеобразием, экзотикой, красочностью. Здесь был сказочный полулегендарный «Восток», о котором у народов Европы складывались туманно-романтические, идеализированные представления. Но для самих народов Средней Азии жизнь была далека от романтики. Напротив, они веками терпели жестокий режим азиатского феодального деспотизма. После присоединения края к России этот режим был несколько смягчен, но даже и в областях, непосредственно подчиненных России, в нем оставалось много варварского, а в «вассальных» Бухаре и Хиве вся мерзость азиатского деспотизма сохранялась почти целиком. В степных и горных районах удерживались полупатриархально-полуфеодальные отношения, отнюдь не благоприятствовавшие культурному развитию народных масс.

Социалистическое строительство началось в Средней Азии фактически позже, чем в других областях советской страны: там долго длилась гражданская война, зверствовали шайки басмачей, натравливаемые из-за рубежа агентами империализма. Земельно-водная реформа, передавшая орошаемую землю в руки трудящихся дехкан, была проведена только в 1925—1929 гг.,—этим было подорвано засилье феодально-байских групп. Но зато в последующие годы социалистическое переустройство хозяйства и быта развернулось в Средней Азии необычайно быстрыми темпами.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. Одной из основных задач было переустройство экономики. Производительные силы народов Средней Азии находились, хотя и не на низком уровне, но в глубоко застойном состоянии. Землю орошали небольшими вручную выкопанными каналами, ко-

Группа колхозниц Узбекистана на совещании передовых колхозников в Москве

выряли ее дедовским кетменем и грубой сохой-омачем. Скотоводство в степях и в горах было маломощным, отсталым, оно было подвержено всем стихийным случайностям. Мало было прогнать ханов, беков и баев, угнетавших народ, мало было передать ему землю: надо было перевооружить само сельское хозяйство—фундамент экономики края. Это могли сделать только колхозы с помощью государства и партии.

Сейчас сельское хозяйство среднеазиатских республик радикально реконструировано. Старая техника обработки земли почти целиком отошла в прошлое. Однако некоторые ее элементы сохраняют свое значение: так, местами употребляется вместо бороны «мала», только более крупных размеров, прицепляемая к трактору; при земляных работах употребляют кетмень. Несколько большее значение сохранила старая ручная техника в горах, где по местным условиям сельскохозяйственные машины не везде применимы.

В условиях Средней Азии техническое перевооружение сельского хозяйства должно было неминуемо перерасти в преобразование самой природы. Уже с первых годов социалистического строительства началась реконструкция ирригационной сети, основы среднеазиатского земледелия. Строительство крупных оросительных каналов с большими гидротехническими сооружениями позволило начать освоение полупустынных и пустынных областей, которые или уже многие века и тысячелетия лежали заброшенные, лишенные воды, или вообще никогда не видели плуга. Площадь культурных оазисов Средней Азии начала год за годом расширяться, площадь безлюдных пустынь сокращаться. Самыми крупными из таких новых ирригационных сооружений являются: в Таджикистане—Вахшский гидроузел (1931—1934) и Большой Гиссарский канал (1942), в Киргизии—Большой Чуйский канал (1940), в Узбекистане—огромное Катта-Курганское водохранилище на р. Зеравшане («Узбекское море», с 1940 г.) и целая система каналов и плотин на Верхней Сыр-Дарье, обслуживающих частью и соседние республики; из них самый крупный—Большой Ферганский канал имени Сталина (1939), его дополняют Северный Ферганский и Южный Ферганский каналы; система этих больших сооружений позволила равномерно распределить воду Сыр-Дарьи и ее бывших горных притоков и почти сомкнуть кольцо орошаемых земель вокруг пустынного дна Ферганской котловины. С 1940-х годов началось широкое наступление на Голодную степь (к югу от Ташкента), которую тщетно пыталась оросить хоть в небольшой части царская администрация. Орошение ее оживит и пустынную Южно-Казахстанскую область Казахской ССР. В Северном Казахстане за

последние несколько лет (с 1954 г.) вовлечено в обработку до 20 млн. га целинных земель, даже не нуждающихся в орошении.

В Туркмении построено Тедженское водохранилище, Бассага-Керкинский канал и др. Сейчас идет строительство Большого Каракумского канала общим направлением от г. Керки на г. Мары (около 440 км): канал должен отвести часть аму-дарьинской воды через пустыню Кара-Кум на пополнение вод Мургаба и Теджена, а по пути обводнить более полумиллиона гектар земель пустыни.

В 1950 г. на основе опыта передовых колхозов начала внедряться новая система орошения. Вместо прежней сети постоянных оросительных каналов, дробящих землю на мелкие участки, отнимающих много площади от посевов и бесполезно упускающих драгоценную воду через фильтрацию, вводится система временных каналов, разделяющих землю на участки в 20—40—60 гектар и напускающих воду на поля перед посевом, после чего их заравнивают при помощи особых машин.

Обеспечив водой плодородную землю Средней Азии, при обилии солнечного тепла советские люди создают условия для невиданного подъема сельского хозяйства. Все больше растет значение ценнейших технических культур, особенно хлопка. Хлопок—важнейший вклад среднеазиатского земледелия в социалистическую экономику Советского Союза. Но, кроме него, колхозники Средней Азии выращивают и для себя и для всей советской страны другие новые культуры—свеклу, арахис, клещевину, кенаф, а также старые культуры—пшеницу, рис, люцерну и пр. Передовая агротехника порождает высокие урожаи. Большое народнохозяйственное значение имеют также богатейшие сады среднеазиатских оазисов, виноградники, арбузы и дыни на бахчах. По производству шелка Средняя Азия стоит на первом месте в СССР.

Таким образом, древняя отрасль хозяйства Средней Азии—земледелие—растет и совершенствуется. Колосятся хлеба, белеют комочки хлопка и там, где прежде брели лишь редкие верблюды. Но это не означает урона для скотоводства—второй исконной отрасли хозяйства Средней Азии. Область преобладания скотоводства сократилась и продолжает сокращаться, но оно делается интенсивней, рентабельней. Колхозно-совхозное животноводство Казахстана, Киргизии, Туркмении, степных районов Узбекистана коренным образом реконструировано: рациональный уход за скотом, создание кормовой базы наряду с разумным использованием естественных пастбищ, скрещивание и улучшение пород скота, систематическая борьба с потерями и пр.—все это уже привело к тому, что социалистическое животноводство Средней Азии коренным образом изменило свое лицо. Крупное значение получили высокотоварные статьи животноводческого хозяйства—особенно каракулеводство.

Реконструкция сельского хозяйства привела к существенным изменениям во взаимных культурных отношениях среди самих народов Средней Азии. Очень важным фактом в истории их было исконное разделение на оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов. Взаимоотношения тех и других бывали и враждебными и мирными, существовало и взаимное просачивание между кочевниками и оседлыми, но основное различие, даже противоположность между ними, сохранялись. Теперь этого больше нет. Сохраняется, конечно, «хозяйственное кочевание», т. е. сезонный перегон стад скота пастушескими бригадами, но основная масса населения почти везде живет оседло. Да и изменение самой структуры сельского хозяйства, введение многоотраслевого типа колхозов снимают прежнюю противоположность между земледельцами и скотоводами.

Индустриализация. Наряду с реконструкцией сельского хозяйства Средней Азии идет быстрое превращение ее из чисто аграрной в индустриально-аграрную область. Царское правительство умышленно задерживало развитие индустрии в Средней Азии, и ее там по существу не было. Теперь на основе гигантских сырьевых ресурсов края создан целый ряд отраслей крупной социалистической промышленности. На базе неисчерпаемых запасов гидроэнергии, особенно на горных реках, сооружена сеть мощных электростанций: Вахшская, Чирчикская, Фархадская и множество более мелких. Созданы крупные центры горнорудной промышленности, что является небывалым делом для страны, где минеральное сырье прежде даже не разведывалось. Угольная промышленность Караганды (Казахская ССР), Узгена (Киргизская ССР), Ангрена (Узбекская ССР); нефтяная Челекена и Небит-Дага (Туркменская ССР), Ферганы (Узбекская ССР), Нефтеабада (Таджикская ССР); медная и других цветных металлов в Центральном Казахстане; мирабилит в Кара-Бугазе, озокерит на Челекене; добыча серы, поваренной соли. На базе минерального сырья создана также

Детские ясли колхоза (Талобкар, 1936)

химическая промышленность, заводы удобрений, в последнее время и машиностроительная индустрия. Важнейшее всесоюзное значение имеет текстильная промышленность—производство в первую очередь хлопчатобумажных тканей, а также шелковых и шерстяных. Для пищевой промышленности характерны фруктоконсервные, хлопкомаслобойные, винодельческие заводы.

Словом, республики Средней Азии имеют теперь свою и легкую и тяжелую промышленность. Она не только обслуживает местные потребности, но занимает видное место и в экономике СССР. Это означает полное устранение прежнего фактического неравенства между народами в области экономики.

Революция в быту. Коренному переустройству экономики сопутствовала и революция в быту народов Средней Азии. Ликвидация паразитических классов—феодалов-ханов и беков, кулаков-баев—подорвала корни у того застойного семейного быта, который принимал порой такие уродливые формы, особенно у оседлого населения городов и кишлаков. Полное отстранение женщин от общественной жизни, затворничество их во внутренних покоях дома, деспотическая власть главы семьи над всеми домочадцами—все это было следствием господства феодально-крепостнического режима в среднеазиатских ханствах. Мусульманское духовенство поддерживало и укрепляло этот азиатско-патриархальный семейный быт, освящая его «шариатом». Царское правительство, хотя и провело кое-какие реформы в Средней Азии после ее присоединения, но не затронуло устоев семейного быта, как не затронуло и общего крепостнического режима. В годы Советской власти раскрепощение женщины от патриархально-семейного рабства было делом нелегким. Нигде в Советском Союзе не проходила с такими трудностями, с такой ожесточенной борьбой кампания по вовлечению женщины в советское строительство. Все силы старого мира этому сопротивлялись: остатки байства и басмачи, мусульманские муллы и фанатики-изуверы, ими подстрекаемые, яростно противились осуществлению равноправия женщин. Нередки были преследования, избиения, даже убийства женщин-активисток, которые первыми порывали с режимом затворничества, ходили на собрания, переставали носить паранджу. Но эта тяжелая борьба теперь позади. Теперь только некоторые пожилые женщины соблюдают старые обычаи, молодежь почти повсеместно от них освободилась. Женщины среднеазиатских республик свободно работают в промышленности, учатся в средних и высших учебных заведениях, приобретают специальности врачей, техников, инженеров, агрономов, преподают в школах. Многие ведут научную работу, имеют ученые степени. Женская молодежь зани-

Узбекский кружок художественной самодеятельности (Ташкент)

мается, как и юноши, спортом, иные увлекаются искусством, выступают на сцене. Многим коренным жителям Средней Азии все это было на первых порах непривычно и диковинно, а сейчас стало заурядным явлением.

Нечего и говорить о том, что сейчас совершенно забыты те законы средневекового мусульманского права—шариата,—по которым еще так недавно вершили суд и расправу. Сейчас народы Средней Азии признают единственно нормы советского права.

Меняется сама психология людей. Новое социалистическое отношение к труду проявляется самым различным образом. Для Средней Азии особенно характерно такое его проявление, как общенародные стройки, когда тысячи людей собираются для совершения больших общественных работ. Таким методом народной стройки сооружен был в 1939 г. Большой Ферганский канал. В этом огромном «хашаре» (общественном труде) приняли участие 160 тыс. колхозников—узбеки, таджики, казахи. Канал длиной в 270 км был построен за 45 дней. Такие «хашары», хотя и меньших размеров, стали традицией в Средней Азии. Общественный труд сочетается в них с народными развлечениями, «тоями», с музыкой и плясками в часы отдыха.

Культурный рост. В истории народов Средней Азии известны выдающиеся деятели культуры, ученые, передовые мыслители, поэты, зодчие. Но им приходилось вести неравную борьбу против сил реакции, мусульманского фанатизма, деспотизма ханов. Сейчас, в эпоху социализма, творческие силы народов получили полный простор для деятельности. В короткое время республики Средней Азии вступили в полосу невиданного расцвета культуры, и эта культура—достояние широких масс.

Специфика культурного строительства в Средней Азии в первые годы состояла в том, что новая советская культура проникала туда в борьбе против реакционной, пропитанной исламом «культуры». Советская школа была не первой формой школы (как, например, на Севере): она должна была вытеснить и заменить собой довольно широко распространенную сеть религиозных школ—мектебов и медрессе, которые имели за собой многовековую традицию и поддержку старого байства и духовенства. Но авторитет советской культуры оказался сильнее их авторитета. Уже через несколько лет влияние мектебов и медрессе стало падать, и они мало-помалу исчезли.

Точно так же и письменность не впервые была принесена народам Средней Азии

Советской властью. Письменность существовала у них давно. Но она была доступна лишь немногим—главным образом духовенству, учившимся в церковных школах. Значительная часть литературы была религиозной и на арабском языке. Если писали и на своих языках—таджикском, узбекском,—то те же арабским шрифтом, который мало приспособлен к этим языкам. Поэтому и проникновение новой письменности к народам Средней Азии проходило в борьбе со старой. Большое значение имело здесь введение латинизированного алфавита, значительно более простого, вместо архаического арабского шрифта (1927—1928 гг.). Но так как одновременное изучение двух алфавитов—русского и латинского—создавало лишние трудности, а русский алфавит сам по себе гораздо лучше приспособлен к фонетике и тюркских и иранских языков, то с 1937—1940 гг. письменность языков Средней Азии переведена на русскую графику.

Сейчас советская литература таджиков, узбеков, туркмен, киргизов, каракалпаков успешно развивается, опираясь на традиции лучших образцов национальной поэзии и обогащаясь опытом классической русской литературы.

Неслыханными успехами может похвалиться научная работа в среднеазиатских республиках. Там работают многие десятки исследовательских учреждений, большая часть которых разрабатывает вопросы, тесно связанные с развитием производительных сил республик: таковы институты Ботанико-растениеводческий, Зоолого-зоотехнический, Геологический и многие другие. Эти научные институты объединяются Академиями наук, которые сейчас созданы во всех среднеазиатских республиках.

Национальная консолидация. Одно из характернейших явлений советской эпохи в жизни народов Средней Азии—это та национальная консолидация, которая наметилась в первые же годы Советской власти и продолжается непрерывно на наших глазах. Этот процесс в той или иной мере коснулся всех народов Средней Азии. Решающим моментом было здесь национальное размежевание 1924 г. Узбекский народ впервые в истории обрел свое общенациональное имя, сплотившись воедино из прежних «сартов», «бухарцев», «хивинцев», «кипчаков», «кураминцев» и др. Все узбеки—за немногими исключениями—сознают и называют себя теперь узбеками. У туркмен прежняя племенная рознь—текинцев, иомудов, сарыков и др.—сменилась общенациональным самосознанием, хотя взаимная обособленность отдельных групп в известной степени и остается. Таджики тоже консолидировались в нацию (включившую часть прежних «сартов») и ныне успешно и безболезненно ассимилируют в состав этой нации мелкие обособленные припамирские народности—ваханцев, шугнанцев, язгулемцев и др., а также остаток населения древнего Согда—ягнобцев. Среди казахов прежнее деление на «орды» («жузы») и межродовая рознь—ныне редко кем и вспоминается. Аналогичные явления отмечаются у киргизов и каракалпаков. Что касается малых народностей Средней Азии, то у них частью тоже намечается процесс сплочения (таранчи и кашгарцы сплотились в народ уйгуров), частью—естественное сближение и постепенная ассимиляция с более крупными народами: это касается, например, сарт-калмаков, арабов, евреев, джемшидов и др.

Узбекский народный певец, поэт Нур-Гамиев Абдуши

Это естественное и здоровое сплочение, укрупнение наций—одно из положительных проявлений национального развития, плод национальной политики Коммунистической партии.

Сцена из оперы «Алпамыс» в театре оперы и балета в Нукусе

Театр оперы и балета им. Навои в Ташкенте

НАРОДЫ СИБИРИ И СЕВЕРА

1. ВВЕДЕНИЕ

Сибирь вместе с Дальним Востоком составляет последнюю из крупных историко-этнографических областей Советского Союза. По размерам—она самая обширная, ибо занимает 12,5 млн. кв. км (т.е. около 57% всей территории СССР), но до недавнего времени была наименее заселенной и экономически слабо развитой. Особенно касается это северных областей Сибири и Дальнего Востока, которые поныне остаются наименее освоенной частью нашей страны: только сейчас творческий труд советского человека начал решительно вторгаться в сложившиеся там веками условия хозяйства и быта, изменять их, изменять частью и самую природу.

Интересующая нас территория имеет разные наименования. Ее называют просто «Сибирью», понимая этот термин в широком смысле. Говорят также «Сибирь и Дальний Восток», «Сибирь и Север», наконец «Северная Азия». Каждое из этих наименований законно, хотя они и не совсем равнозначны. Географическая область, которую мы должны теперь рассмотреть, охватывает все пространство к востоку от Уральских гор, к северу от границы Казахстана и от государственной границы СССР, тянущееся на восток до Тихого и на север до Ледовитого океанов. Однако мы включаем сюда для целей этнографического изучения также часть Крайнего Севера Европейской территории СССР—именно Ненецкий национальный округ. Чтобы указать на включение этой небольшой части Европейского Севера, принято говорить «Сибирь и Север».

В Сибири, в особенности в северных районах ее, складывались в прошлом мало благоприятные условия для развития производительных сил. Суровый климат, труднопроходимые огромные пространства тайги и тундры задерживали развитие хозяйства и культуры людей. Человек сравнительно поздно заселил эти территории, а заселивши—не мог изменить в достаточной степени природных условий для развития своего хозяйства и

культуры. Огромность и малопроходимость таежных и тундровых областей севера, с другой стороны, содействовали разобщенности этих народов. Условия сибирской природы делали невозможной на той ступени развития сколько-нибудь значительную плотность населения. Население северной части Сибири до последнего времени оставалось разрозненным и малочисленным.

Отдаленность от важнейших культурных центров Азии и Европы тоже препятствовала развитию хозяйства народов Севера, их общественного строя и культуры. Ведь только южная полоса Сибири находилась в прошлом под некоторым влиянием крупных культурных центров—именно под влиянием великой китайской культуры. На все остальное огромное пространство Сибири это влияние почти не проникало. Лишь сравнительно поздно, когда к западу от Урала сложился новый очаг высокой культуры—культуры великого русского народа,—когда русские, с конца XVI в., начали просачиваться в Сибирь, осваивать ее обширные земли,—только тогда, под благотворным влиянием русской культуры, могло ускориться культурное развитие и аборигенного населения Сибири. Но гнет самодержавия, крепостничества, а позже—капитализма—тормозил это развитие вплоть до самой Октябрьской революции.

В результате всего этого именно в Сибири, особенно в ее северных и в горных районах, сохранялись до новейшего времени мелкие этнические группы со сравнительно отсталыми формами экономики, социального строя и культуры.

Классификация народов. Языковые группы. Коренное население Севера и Сибири[1] состоит из 30—32 народов, по преимуществу мелких. С языковой точки зрения они делятся на 5—6 основных групп.

1. Народы угро-финской группы. К ней в Сибири принадлежат ханты (остяки) и манси (вогулы), обитающие в бассейне Средней и Нижней Оби.

1а. К этой группе близка группа самодийских, или самоедских народов,—что было установлено впервые Кастреном в середине XIX в. Сюда относятся народы Крайнего Севера Европейской России и Северо-Западной Сибири: ненцы («самоеды»), тавгийцы, или нганасаны, энцы и селькупы («остяко-самоеды»). Прежде самодийские народы жили также и в Южной Сибири, на Саяно-Алтайском нагорье, но остатки их—карагасы, койбалы, камасинцы и др.—были тюркизированы еще в XVIII—XIX вв.

2. Группа тюркских народов сосредоточена главным образом в юго-западной части Сибири. В нее входят западносибирские татары, алтайцы, хакасы, шорцы, тувинцы («сойоты» или «урянхайцы»), карагасы (тофалары), а далеко на северо-востоке—якуты и долганы.

3. Монгольская группа языков представлена в Сибири одним народом—бурятами. За пределами СССР в нее входят монголы Монгольской Народной Республики и Китайской Народной Республики.

4. В тунгусскую группу языков, распространенную в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, входят эвенки («тунгусы»), ламуты (эвены) и ряд мелких народностей Нижнего Амура, Приморского края и Сахалина: нанайцы (гольды), ульчи, удэ, орочи, негидальцы. К той же языковой группе принадлежат живущие за пределами СССР (в Китае) маньчжуры.

Тюркская, монгольская и тунгусо-маньчжурская группы составляют три ветви так называемой алтайской семьи языков. Алтайские языки иногда соединяют с угро-финскими и самодийскими в одну большую урало-алтайскую группу, но единство ее большинством лингвистов отрицается.

5. Последняя группа языков Сибири несколько своеобразна. Это так называемые палеоазиатские народы и языки.

Термин «палеоазиатские народы» был предложен (1883 г.) Леопольдом Шренком, который этим термином обозначал народы, представляющие собой, несомненно, потомков древнейших обитателей севера и северо-востока Азии. По его образному сравнению, это как бы «выходы пластов более древней этнографической формации, над которою, вследствие неоднократно повторявшихся наплывов, отложились новые формации»[1]. Между собой эти народы далеко не все имеют что-либо общее как по языку, так и по культуре, и выделяются они в особую группу лишь потому, что не входят ни в какую другую группу.

К палеоазиатским народам причисляются мелкие народы крайнего Северо-Востока: ительмены (камчадалы), коряки, чукчи, юка-

[1] Говоря об этнографии народов Сибири, мы имеем в виду прежде всего коренное, аборигенное население этой области. Население, позже там появившееся,—русские и другие народы—мы оставим сейчас в стороне: о нем была речь ранее.

[1] Л. Ш р е н к. Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883, стр. 257.

гиры с примыкающими к ним чуванцами. Иногда в эту же группу включают также эскимосов и алеутов (расселенных в основном в Америке). В палеоазиатскую группу входят далее гиляки (нивхи) Северного Сахалина и низовьев Амура. Прежде относили к той же группе и кетов («енисейских остяков»), но они совершенно обособлены по языку, и их положение в лингвистической систематике неясно.

Антропологические типы. В антропологическом отношении основная масса коренного населения Сибири принадлежит к одной расе—монголоидной. Есть лишь небольшая примесь европеоидных типов на западной и юго-западной окраине—в бассейне Оби и Верхнего Енисея: эта примесь—остаток древней европеоидной расы, которая в древности—почти до начала н. э.—господствовала в Южной и Западной Сибири. Есть немонголоидная примесь и на противоположном конце Северной Азии—на Тихоокеанском побережье.

Систематика монголоидных типов населения Северной Азии не вполне установлена. Советские антропологи выделяют на основании новейших исследований следующие группы типов.

I. Чисто монголоидные группы типов, не обнаруживающие посторонних примесей: 1) Центральноазиатская, преобладающая среди бурят, большей части якутов и части населения Саяно-Алтайского нагорья (тувинцев-скотоводов, южных алтайцев): за пределами СССР—монголов; 2) байкальская (или палеосибирская)—у эвенков, эвенов, юкагиров, нанайцев, ороков, карагасов и оленных тувинцев; исторически она связана, по-видимому, с древним юкагирским населением Восточной Сибири; 3) арктическая, характерная для эскимосов, чукчей, коряков, ительменов.

II. Монголоидные группы типов с примесью иных рас: 4) южносибирская, образовавшаяся в результате смешения центральноазиатского типа с древним европеоидным населением, встречается у южных алтайцев, а за пределами Сибири—у казахов; 5) уральская, довольно разнородная группа типов, образовавшаяся в результате смешения иных монголоидных и европеоидных форм—главным образом, у хантов, манси, ненцев, селькупов, барабинских татар, шорцев, северных алтайцев, хакасов. К этой группе примыкает, в общем, довольно обособленный, тип кетов; 6) сахалино-амурская группа (с примесью айнского типа)—у гиляков, частью у ульчей.

Культурно-хозяйственные типы. Независимо от лингвистической группировки народов Сибири и от их антропологической классификации можно сгруппировать их по культурно-хозяйственному облику. Если исходить из этого признака, то народы Сибири и Севера должны быть разделены на совершенно иные группы, которые не стоят в прямом соотношении с приведенной выше классификацией по языку.

Принято делить народы Сибири и Севера по хозяйственно-культурному признаку прежде всего на две основные группы: скотоводческо-земледельческие народы Южной Сибири и так называемые малые народы Севера. Это деление связано с зональным, географическим делением Сибири, но не вполне с ним совпадает: так, например, якуты, чисто географически относящиеся к народам Севера, стоят, однако, в хозяйственно-культурном отношении ближе к народам Южной Сибири. С другой стороны, в Южной Сибири встречаются мелкие народы—как удэ и орочи Уссурийского края, карагасы и шорцы Саяно-Алтайского нагорья,—которые по традиционному хозяйственно-культурному укладу приближаются скорее к народам Севера.

Народы Южной Сибири. Скотоводство. Народы южной полосы Сибири развивались издавна в сравнительно более благоприятных условиях, чем народы Северной Сибири. Природная среда здесь не замедляла в такой степени развития производительных сил. Здесь сказывалось также положительное влияние великих культур Азии, особенно Китая.

В южной зоне Сибири живут народы сравнительно многочисленные, культурно развитые, со своеобразной, исторически сложившейся экономикой. В большинстве это были еще в недавнем прошлом скотоводческие кочевые народы. Скотоводческий кочевой тип вообще более характерен для Центральной Азии и советской Средней Азии. В Сибири он исторически начал складываться со 2-го тысячелетия до н. э. Это было время, когда степные племена Южной Сибири переходили постепенно от неолитической каменной техники к употреблению металла. Древнейшими из культур, где впервые появляются, наряду с каменным инвентарем, также металлические (медные) предметы, были: «Афанасьевская» культура (конец III и начало II тысячелетия до н. э.) и следующая за ней «Андроновская» культура (середина II тысячелетия до н.э.); обе они изучены лучше всего в Минусинской котловине, в бассейне Сред-

него Енисея. Носители этих культур, по антропологическому типу европеоиды, разводили рогатый скот, лошадей и овец, правда, еще в небольших количествах. Видимо, скот был ими приведен уже в одомашненном виде из каких-то более южных или юго-западных областей, может быть, из Средней Азии. Скотоводство становится крупным, табунным, в следующие эпохи—«Карасукскую» (1200—700 гг.) и «Тагарскую» (700—100 гг.), когда достигла расцвета культура бронзы в сибирских степях, а в антропологическом типе появились монголоидные элементы,— особенно же в эпоху широкого распространения железа (1-е тысяч. н. э.).

Скотоводческое хозяйство с тех пор господствовало в степях Центральной Азии и Южной Сибири до новейшего времени. Из народов Сибири к этому хозяйственно-культурному типу могут быть причислены— теперь или в недавнем прошлом—следующие народы: буряты, в особенности забайкальские; бо́льшая часть народов Горного Алтая, Хакассии и Тувы, а в прошлом также племена предгорий Саян и Алтая, которые в настоящее время частью обрусели и утратили свой самобытный облик, но еще не так давно вели кочевое скотоводческое хозяйство; наконец, юго-западная окраина Сибири—Барабинские, Ишимские, Тобольские степи раньше были областью преобладания того же типа хозяйства.

Этот тип экономики связан со своеобразным культурным обликом: для него характерен особый тип построек—кочевая решетчато-войлочная юрта, или кибитка. Сейчас она сохранилась только в некоторых местах Восточной Бурятии и в Юго-Восточном Алтае, но еще в XVIII в. этот тип жилища был господствующим во всей степной полосе Сибири. Тип одежды скотоводческих народов тоже своеобразен: особенно характерна верхняя одежда мужчин и женщин—овчинная шуба, запахивающаяся на правую сторону, и такого же покроя халат из ткани. Способ передвижения—верховая и вьючная езда.

Особняком стояли по своему типу хозяйства и культуры, как уже сказано, якуты. Хотя они географически принадлежат к народам Севера, однако и по традиционному укладу своего хозяйства (скотоводческого) и по уровню исторического развития они стояли ближе к кочевым и полукочевым народам Южной Сибири.

Земледелие. Скотоводческое кочевническое хозяйство существовало не изолированно. Скотоводство вообще всегда было связано с земледелием. На территории Сибири установлено наличие очень древних центров оседлой земледельческой культуры, местами интенсивной, с развитым искусственным орошением. К числу таких древних земледельческих центров относятся области по Ишиму и Тоболу в Западной Сибири; высокогорные области Алтая; в Хакассии и Минусинском крае, где было развито интенсивное земледелие, искусственное орошение по археологическим данным прослеживается со 2-й половины 2-го тысячелетия до н. э., с Андроновской эпохи. Земледелие известно было до прихода русских и в Западном Прибайкалье у ангарских бурят. Археологически оно здесь засвидетельствовано по крайней мере с VIII в. (эпоха Курумчинской культуры). В середине XVII в. развитая земледельческо-скотоводческая оседлая культура существовала также в районе Среднего и Нижнего Приамурья, где жили дауры (монголизированные тунгусы) и дючеры (предки современных маньчжуров). Но после прихода русских дауры и дючеры были переселены китайским правительством на южный берег Амура. Левобережье Амура запустело, и только впоследствии начала здесь восстанавливаться русскими поселенцами земледельческая культура.

Краткие сведения об этнической истории народов Южной Сибири. Как складывались и развивались формы хозяйства и культуры народов Южной Сибири, этот вопрос остается до сих пор слабо изученным. Вообще ведь вопрос о происхождении земледелия и скотоводства, как известно, еще далек от окончательного разрешения. Но зато конкретная этническая история народов Южной Сибири известна гораздо лучше, чем история народов Севера, и это в значительной мере потому, что здесь нам приходят на помощь письменные источники—китайские, центральноазиатские (тюркские и монгольские), частью арабо-персидские.

Более или менее достоверные сведения о народах Центральной Азии и Южной Сибири начинаются с последних веков до н. э. Тогда вся эта огромная область была объединена под властью хуннского государства (209 г. до н. э.—93 г. н. э.). В орбиту этого государства входили народы Прибайкалья и частью Саяно-Алтайского нагорья. Кто были этнически сами хунны, еще не установлено: одни их считают монголами, другие тюрками, третьи даже финнами. Наиболее правдоподобно предположение ряда исследовате-

лей о наличии в составе хуннов древнего тюркского ядра, еще сохранившего некоторые черты тюрко-монгольской языковой общности. Но вероятно, что хуннский союз в целом был разноязычным конгломератом племен. Бассейн Верхнего Енисея занимали тогда динлины, позже влившиеся в состав тюркоязычных киргизов. Западнее жили усуни, исторически более связанные с народами Средней Азии.

Ослабевшее за время долголетних войн против Китая и других своих соседей хуннское кочевое государство в конце I в. н. э. распалось. Господство перешло в руки сяньбийцев, живших в Восточной Маньчжурии. Господство сяньбийцев (II—IV вв.) сменилось преобладанием жужаней (IV в.—середина VI в.). Этническая принадлежность как сяньбийцев, так и жужаней (жуань-жуаней) тоже неясна, но возможно, что в составе их были уже тюркские элементы.

Впервые бесспорно тюркоязычные народы получили преобладание в Центральной Азии и Южной Сибири с середины VI в.: это были «орхоно-енисейские тюрки», «тугю» по китайским источникам, огромное государство которых (середина VI в.—середина VIII в.) временами охватывало и всю южную полосу Сибири. Памятники их собственной «орхоно-енисейской» письменности относятся к VII—VIII вв. Тюрков-тугю сменили уйгуры (745—840 гг.), а затем киргизы-хакасы (840—910 гг.), основная область обитания которых была на Верхнем Енисее.

Киргизы были последним тюркоязычным народом, господствовавшим на огромных пространствах Центральной Азии и Южной Сибири. С начала X в. господство переходит к монголоязычным народам: прежде всего к киданям, династия которых («Ляо») владычествовала и в Северном Китае (начало X в.—начало XII в.); монголизм киданей, впрочем, не всеми признается; затем к найманам и татарам (XII в.),—название «татары» лишь позже перешло на тюркоязычные народы; наконец, к собственно монголам, великая империя которых, созданная Темучином—Чингисханом в начале XIII в., охватывала огромное пространство земли от Маньчжурии и Кореи до Днепра и Верхней Волги.

Империя Чингисидов скоро распалась. Восточные монголы долго боролись с западными монголами за преобладание (XIII—XVII вв.). В этой борьбе постепенно слабели сами монгольские племена.

Сменявшие друг друга в степях Центральной Азии государства представляли собой объединения племен под владычеством кочевой скотоводческой знати—владельцев крупных стад скота и предводителей родовых дружин. Это были кочевые феодальные государства. Они держали под своей зависимостью ряд народов Южной Сибири, хотя зависимость эта была непрочной и чаще сводилась к взиманию дани («ясака», или «албана»).

Такую дань народы Прибайкалья уплачивали восточномонгольским князьям, а алтайско-саянские народы—западным монголам (Джунгарии). На Средней Оби и Нижнем Иртыше к XVI в. сложилось самостоятельное княжество—«Сибирское царство» («Сибирский юрт»),—позже разбитое походом Ермака (1581—1584). Ядро его составляло тюркоязычное население («татары»), но и соседние остяцкие, вогульские и другие племена стояли от него в зависимости.

Когда впервые появились в Сибири русские (XVI—XVII вв.), они застали в юго-западной и южной полосе ее довольно пестрое и в этническом и в социальном отношении население. В степных областях, где преобладало скотоводство, существовали племенные княжества, часть которых (Алтайско-Саянская область, Прибайкалье) находилась в той или иной зависимости от кочевых феодальных государств Центральной Азии, а часть (Среднее Приамурье)—и от Китая. В свою очередь князьки скотоводческих племен Южной Сибири (телесов, теленгутов, киргизов, бурят) господствовали над лесным охотничьим населением и взимали с него дань.

В северных областях охотничье-рыболовческие и оленеводческие племена сохраняли прежнюю независимость и патриархально-родовой уклад.

Малые народы Севера. Эти племена и народности Северной Сибири составляют вторую самостоятельную группу, которую принято выделять по хозяйственно-культурному признаку. Группа эта—так называемые «малые народы Севера»—состоит из национальностей различной языковой принадлежности. Их считается более 20. Эти народы характеризуются прежде всего тем, что они очень малочисленны: самый крупный из них—эвенки—не превышает 40 тысяч. Многие из этих малых народов Севера насчитывают всего по нескольку тысяч, а некоторые даже меньше, всего по нескольку сотен человек. Тем не менее они составляют отдельные народности со своими языками, культурными особенностями. Они представляют для

этнографии особо большой интерес потому, что именно у них до недавнего времени сохранились в наибольшей степени архаические черты в хозяйстве, общественном строе и культуре.

Что же представляют собой малые народы Севера в отношении своего хозяйственного облика? В районах Севера сохранилось до настоящего времени так называемое северное промысловое хозяйство. Последнее не представляет собой чего-либо единого. Оно выступает в виде трех или четырех отдельных отраслей хозяйства, различным образом между собой связанных и переплетающихся. Это рыболовство, пушной или охотничий промысел и оленеводство[1], составляющие вместе то, что называют иногда «северной триадой». К этим трем отраслям северного промыслового хозяйства, распространенным повсеместно среди народов Севера, добавляется еще четвертая, распространение которой ограничено узкими локальными пределами,—это арктическое береговое хозяйство, охота на морского зверя, или морской зверобойный промысел, существующий главным образом на северо-восточном побережье. Эти четыре основные формы традиционного северного хозяйства выступают в разных отношениях друг с другом, но почти нигде ни одна из них не существует изолированно.

Они составляют вместе то, что называется комплексным хозяйством. Комплексность, сочетание этих разных отраслей в одном и том же хозяйстве достигается путем сезонного чередования основных хозяйственных занятий. Пушной промысел является главным образом зимним занятием, рыболовство—по преимуществу летним. Оленеводство, морская охота тоже имеют свои сезонные циклы. Таким образом, эти отрасли хозяйства как бы дополняют одна другую. Но эта их взаимная увязка далеко не всегда создает полную гармонию хозяйства. Между исторически сложившимися отраслями хозяйства имеются некоторые противоречия, которые находят свое разрешение только сейчас, в условиях колхозного строя.

Однако комплексность северного промыслового хозяйства, сочетание разных его отраслей существует не везде в одинаковой степени. Есть народы, у которых одна определенная форма хозяйства настолько преобладает, что все остальные или совершенно исчезают или отходят на задний план.

Так, рыболовецкое хозяйство является господствующим в экономике ительменов, или камчадалов, на Нижнем Амуре и Сахалине у гиляков, ульчей, гольдов. Далее рыболовецкое хозяйство преобладает, но уже не в такой степени, у хантов (остяков). Все эти народы являются оседлыми или полуоседлыми.

Охотничье хозяйство, точнее промысел пушного, но отчасти и мясного зверя, имеет преобладающее значение прежде всего для кетов. Представителями того же типа хозяйства являются также эвенки и ламуты, далее манси или вогулы, селькупы, в Приморском крае удэ, орочи, наконец, юкагиры, в особенности верхнеколымские.

Что касается оленеводства, то оно составляет преобладающую форму хозяйства у народов тундры: у ненцев, кочевых (оленных) чукчей и кочевых коряков. В хозяйстве народов тайги—эвенков и некоторых других—оленеводство играет второстепенную роль: олени служат лишь транспортным средством.

Наконец, морской зверобойный промысел преобладает у береговых чукчей и береговых коряков, а также у эскимосов и у алеутов. В хозяйстве некоторых других народов, как гиляки, ненцы, морской зверобойный промысел играет лишь вспомогательную роль.

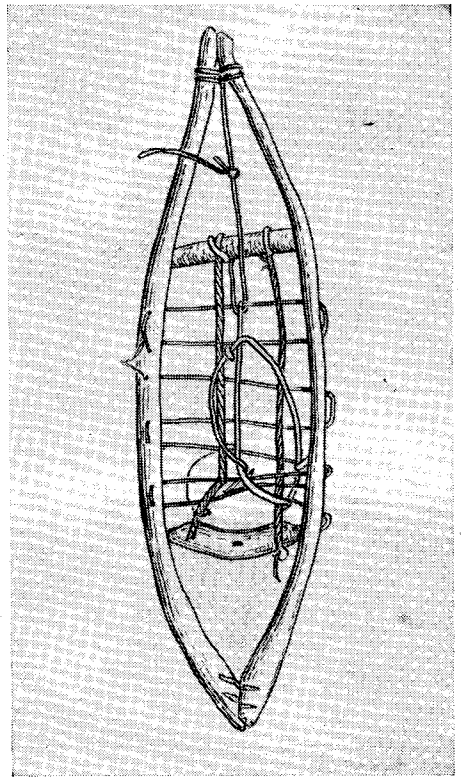
Такое распределение производительных сил, сочетание разных отраслей при преобладании одной из отраслей у того или иного народа порождало в прошлом и другое характерное явление: традиционные обменные связи между отдельными народами.

Стадии развития хозяйства и культуры народов Севера. Попробуем поставить вопрос об исторических стадиях развития этого северного промыслового хозяйства. Нет ли у нас возможности восстановить картину исторического развития хозяйства народов Севера? Нельзя ли связать только что нами кратко охарактеризованные отрасли хозяйства с определенными стадиями исторического развития, нельзя ли, исходя из этнографических данных, построить картину истории хозяйства и культуры народов Севера?

Это можно сделать, если привлечь данные по археологии и попробовать представить себе историю заселения человеком Сибири.

Северная Азия, с ее суровым климатом, была заселена человеком сравнительно поздно. Памятников нижнего и среднего палеолита в Сибири до сих пор не найдено; вероятно, в ту пору Сибирь была еще необитаема. В эпоху верхнего палеолита человек проник в Сибирь, с юга или с запада. Однако стоянки даже эпохи верхнего палеолита находятся только в южной полосе Сибири. Лишь по долине р. Лены че-

[1] Оленеводство, строго говоря, не является «промыслом», поэтому более правильно говорить о «промысловом и оленеводческом хозяйстве» народов Севера. Но и в бытовом употреблении и в литературе понятие оленеводства нередко включают в понятие промыслового хозяйства.

Лыжа-ракетка (чукчи)

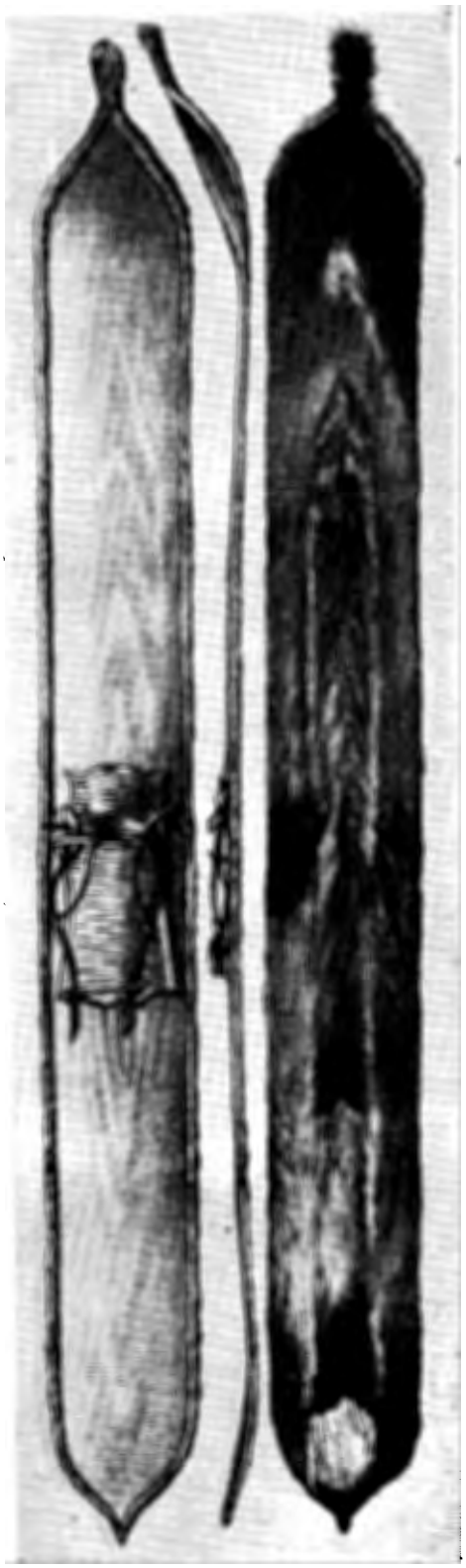
ловек продвинулся тогда и дальше на Север, вообще же говоря, почти весь Север оставался незаселенным.

В мезолитическую и неолитическую эпохи—около 10—5 тысяч лет тому назад—люди постепенно заселили всю Северную Азию, до крайних ее северных и восточных пределов. Неолитические стоянки находят в Сибири почти повсеместно, по крайней мере по долинам рек и на морском побережье. Несколько раньше первые группы людей проникли через Северо-Восточную Азию и в Америку.

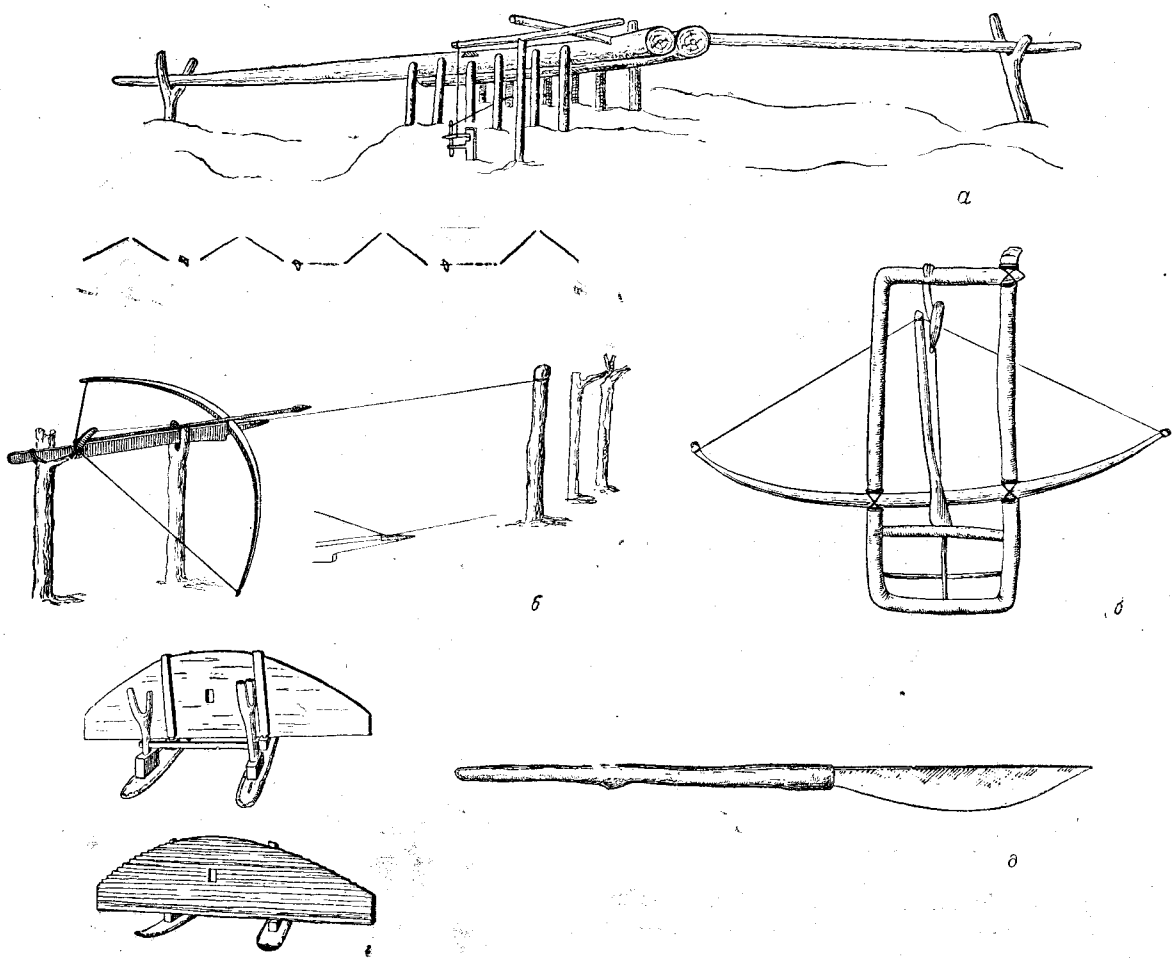
И вот, комбинируя данные археологии и этнографии, мы можем попытаться нарисовать ход развития хозяйства и культуры у населения Северной Азии, а также и Северной Америки, с древнейших времен.

Первоначальное расселение неолитических племен Северной Сибири было, видимо, привязано к речным долинам и побережьям морей: внутренние просторы тайги и тундры, летом заболоченные, а зимой покрытые глубоким снегом, оставались неосвоенными и мало доступными для человека. Огромным шагом вперед в освоении таежных пространств было изобретение лыж—изобретение, сделанное в глубокой древности, вероятно, еще в раннем неолите. Оно имело крупнейшее значение: лыжи позволили человеку проникать зимой в глубь тайги, сделали возможной зимнюю охоту как на мясного, так и на пушного зверя.

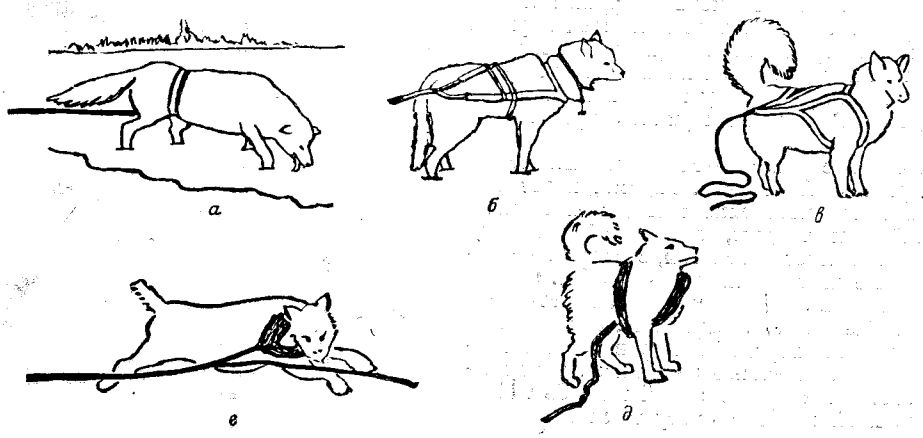
Известны две основные формы лыж: одна из них, более примитивная, распространена у индейцев и эскимосов в Северной Америке; на территории СССР она сохранилась только у чукчей, коряков

Нанайские лыжи (тунгусского типа)

Охотничьи снаряды и оружие народов Севера: *а*—пасть на песца; *б*—самострел; *в*—черкан; *г*—маскировочный охотничий щиток (тавгийцы); *д*—пальма́ (якуты, эвенки)

Основные типы укрепления шлеи на ездовой собаке у народов Севера: *а*—вентральная упряжка (народы Оби); *б*—дорсальная упряжка (коряки, чукчи, юкагиры); *в*—скапулярная упряжка (эскимосы); *г*—цервикальная упряжка (народы Нижнего Амура); *д*—цервико-скапулярная упряжка (ительмены)

и ительменов. Это деревянная рамка или ракетка, обтянутая ременной сеткой. Такой тип лыж называют ракетками, или индейскими, канадскими, «ступательными» лыжами, «лапками», а чукчи называют их «вороньими лапами». На них можно переступать, но не скользить. Другая, более поздняя и совершенная форма лыж, почти повсеместно распространенная у народов Северной Азии, но не проникшая в Америку,—это скользящие лыжи. Лучшие образцы их принадлежат эвенкам. Это широкие деревянные лыжи, обитые оленьим мехом с ворсом в одну сторону, чтобы они хорошо скользили, обычно слегка выгнутые Такие лыжи, представляющие собой наиболее совершенный тип, вытеснили почти у всех народов Сибири примитивные лыжи-ракетки.

Лыжи дополнялись ручной нартой, на которой охотник тянул за собой снаряжение, продовольствие, добычу. Он мог при этом припрягать себе в помощь собаку, как это делают и теперь охотники у некоторых народов.

Таким образом, неолитические обитатели Севера могли зимой промышлять в тайге на лыжах с ручной нартой, добывать зверя и питаться его мясом. Но жили они оседло по берегам рек и летом ловили в них рыбу. Жилищем служила землянка с центральным открытым очагом. Было известно гончарное искусство. Эту стадию смешанного рыболовческо-охотничьего хозяйства, с оседлым бытом, с землянкой и гончарством, но и с лыжами и ручной нартой (без собачьего транспорта), можно считать самой ранней стадией, насколько она прослеживается и на археологическом и на этнографическом материале Сибири и Севера.

От этой древнейшей охотничье-рыболовческой стадии намечаются две линии развития: одна—к специализированной, чисто кочевой охотничьей культуре, культуре так называемой «пешей» или «лыжной» охоты в тайге. Представителями этой стадии или формы хозяйства еще недавно были такие народы, как кеты, шорцы, удэ, часть юкагиров. Для этой стадии хозяйства—как отчасти и для более ранней—были характерны: охотничья собака в качестве единственного домашнего животного, лыжи, ручная нарта, конический кочевой чум, распашная, сравнительно легкая, хотя и теплая меховая одежда. Однако полного своего развития таежное охотничье хозяйство достигло на более поздней стадии, с изобретением транспортного оленеводства, о чем будет сказано ниже.

Другая линия развития от древнейшей стадии охотничье-рыболовецкого хозяйства вела к специализированной чисто оседлой культуре рыболовов. Эта культура развилась в низовьях больших рек и на морском побережье, где было много рыбы,—прежде всего в низовьях Амура, на побережье Сахалина, Камчатки, частью на Нижней Оби. Это опять подтверждается в значительной мере и данными археологии: неолитические культуры Приамурья и частью Приобья основывались именно на оседлом рыболовческом хозяйстве, черты которого сохраняются доныне в быту народов этих областей: гиляков, ульчей, нанайцев и др.

Типичными чертами этой хозяйственно-культурной стадии были: преобладание рыболовческого промысла, не только летнего, но и зимнего—«подлёдного»; оседлый образ жизни по берегам рек или в устьях рек, впадающих в море; землянка в качестве основного типа жилища; лодка долбленая или дощатая; транспортное собаководство (с различными в разных областях Севера способами упряжки собак в нарту)[1]; изготовление и употребление глиняной посуды, впоследствии почти повсеместно исчезнувшее; по-видимому, глухой тип одежды, надевающейся через голову.

Некоторые неолитические племена по мере постепенного продвижения их к северу, на арктическое побережье, перешли от этой рыболовческой формы хозяйства к другой, еще более специализированной: к охоте на морского зверя. Выйдя на побережье Ледовитого океана (в особенности на Чукотском полуострове), люди вынуждены были видоизменить направление своего хозяйства. Эта более поздняя и чисто локальная форма хозяйства представлена в Америке эскимосами, а у нас—береговыми чукчами и коряками и теми же эскимосами.

Различие между этой и предшествующей стадиями таково: рыболовство уступило свое место охоте на морского зверя. В связи с этим изменилось вооружение. Возник и развился гарпун с отделяющимся наконечником—чрезвычайно характерное орудие морской охоты. Вместо деревянной долбленой лодки появилась кожаная, типа эскимосского каяка или умиака. Оседлый быт продолжал господствовать. Подземные жилища в основном сохранились, но приняли несколько модифицированную форму (например, у чукчей и коряков); у эскимосов (правда, только у центральных) появилась снеговая хижина «иглу»; появилось освещение и отопление при помощи жировой лампы, которая вытеснила собой более ранний очаг. Это объясняется отсутствием леса на арктическом побережье, недостатком дров. Значение жировой лампы для борьбы с арктической зимой огромно. Был введен новый способ добывания огня—высекание его при помощи пиритов вместо прежнего трения. Одежда, надевающаяся через голову, у арктических народов еще более развилась, приняв более тяжелые формы, и превратилась в двойную одежду из тяжелого меха. В целом арктическая культура охотника на морского зверя все же сравнительно недалеко ушла от оседлой рыболовческой культуры более южных районов[2].

---

[1] Различается 5 основных способов прикрепления лямки на собаке: а) «вентральный»—собака опоясывается лямкой по животу и тянет задними ногами: западносибирский способ; б) «дорсальный» шлея идет по спине и собака тянет грудью: способ сходный с нашей конной упряжкой и распространенный на крайнем северо-востоке Сибири; в) «скапулярный»—две лямки охватывают лопатки собаки: эскимосский способ; г) «цервикальный»—лямка надевается как ошейник: нижнеамурский и сахалинский способы; д) «цервико-скапулярный»—лямка надевается собаке через одно плечо: старинный камчадальский способ. Различаются и типы упряжки по способу расположения собак в потяге: упряжка змейкой (Амур и Сахалин), парным пугом (Чукотка, Камчатка), веером (эскимосы, а в старину и северо-восточные палеоазиаты) и пр. Различаются и типы собачьей нарты. См. об этом М. Г. Левин «О происхождении и типах упряжного собаководства» (С Э, 1946, № 4).

[2] Изложенная здесь кратко последовательность ранних стадий развития хозяйства и культуры народов Севера—до введения оленеводства—установлена главным образом трудами советских археологов и этнографов—особенно А. П. Окладникова и М. Г. Левина. В литературе известно и другое мнение о последовательности этих стадий—мнение, защищавшееся датскими учеными Гудмундом Хаттом и Каем Биркет-Смитом, а в советской науке—

Оленеводство. Оленеводство следует считать наиболее поздней из исторически сложившихся форм хозяйства народов Севера. Однако вопрос о происхождении оленеводства до сих пор не вполнѣ решен в науке.

Оленеводство распространено на огромной территории Северной Азии и Северной Европы. В других частях света еще недавно оно отсутствовало. На Аляске и в Канаде оленеводство появилось только в последние десятилетия (с 1890-х гг.)—оно перенесено туда с нашего Севера. На обширном, хотя и замкнутом пространстве европейско-азиатского Севера оленеводство представляет ряд характерных различий. Прежде всего, надо выделить два основных экономических типа: это так называемое промышленное оленеводство в тундре и подсобное оленеводство—в тайге. Первое—тундровое оленеводство отличается своими крупными размерами. Если у хозяина-оленевода было меньше 100 голов оленей, то это был бедняк. В большинстве случаев поголовье измерялось сотнями, а у крупных оленеводов, у кулаков, оно считалось тысячами. Теперь колхозы владеют тысячными стадами. Это связано с тем, что у народов тундры оленеводство играет основную роль в хозяйстве, а олень дает человеку все: и мясо для питания, и шкуры для одежды и изделий и для покрытия чумов, и служит в качестве средства передвижения и т. д. Оленеводством занимаются следующие народы тундры: лопари, ненцы и тавгийцы на северо-западе, чукчи и коряки на северо-востоке.

В тайге оленеводство существует как подсобная отрасль хозяйства. Здесь количество оленей гораздо меньше. У отдельных хозяйств имелось их прежде по несколько десятков. Если число оленей переваливало за сотню, от это был зажиточный хозяин. У кого было несколько сотен, тот был кулак. Олени нужны для народов тайги только как средство передвижения. Основной источник существования их—охота.

Эти два типа оленеводства совпадают с двумя основными способами использования оленей в качестве транспортного средства: санное или упряжное оленеводство в тундре и верховое или вьючное в тайге. Ненцы, чукчи и коряки запрягают оленей в нарты (сани)[1]; эвенки, часть ламутов, северные якуты, карагасы седлают и вьючат оленей.

Наряду с этим можно разделить оленеводство на типы по другим признакам. Употребление оленьего молока известно не всем оленеводам. Молочное хозяйство существует в развитой форме у лопарей (саами). В менее развитой форме, скорее в форме случайного использования молока, оно знакомо эвенкам и северным якутам. Молочное оленеводство существует у карагасов и восточных тувинцев в Саянах. Другие народы совершенно незнакомы с доением оленей или прибегают к нему случайно, как у чукчей, где пастух просто иногда сосет оленью важенку.

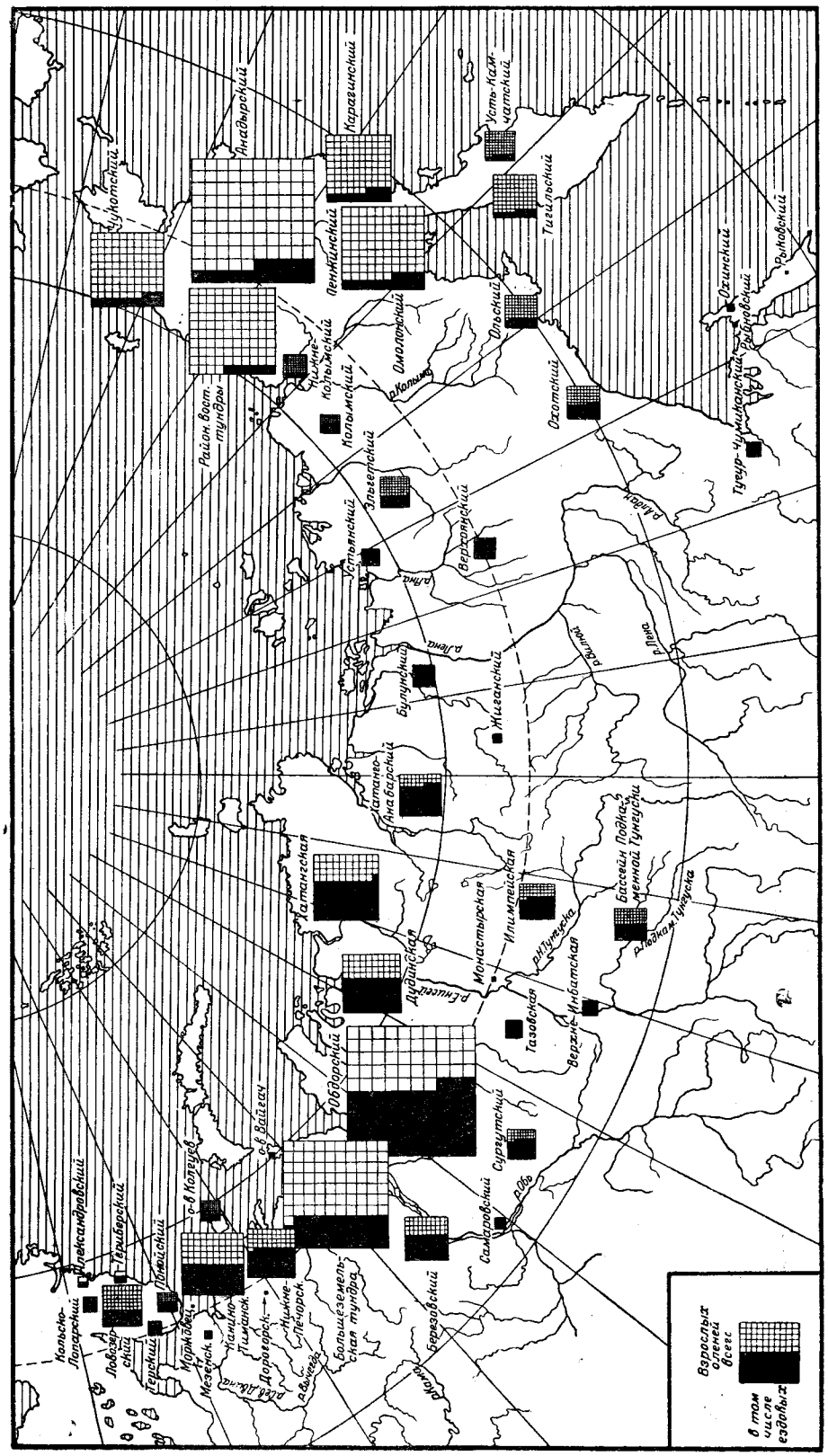
Местами отмечается такая архаическая форма, как отпуск оленей на лето. Это практиковалось еще недавно у лопарей, хотя у них оленеводство довольно интенсивное и рациональное; практиковалось у некоторых народов Нижнего Енисея и, наконец, у части ламутов Охотского побережья.

Существенное значение имеет также и такой признак, как употребление или неупотребление пастушеской собаки. У западных народов, в особенности у ненцев и у лопарей, собака играет крупную роль в пастьбе стада. На востоке же, в частности у чукчей и коряков, собака не только не помогает пастуху в охране стада, но там приходится охранять оленей от собак, как от волков. Это интерес-

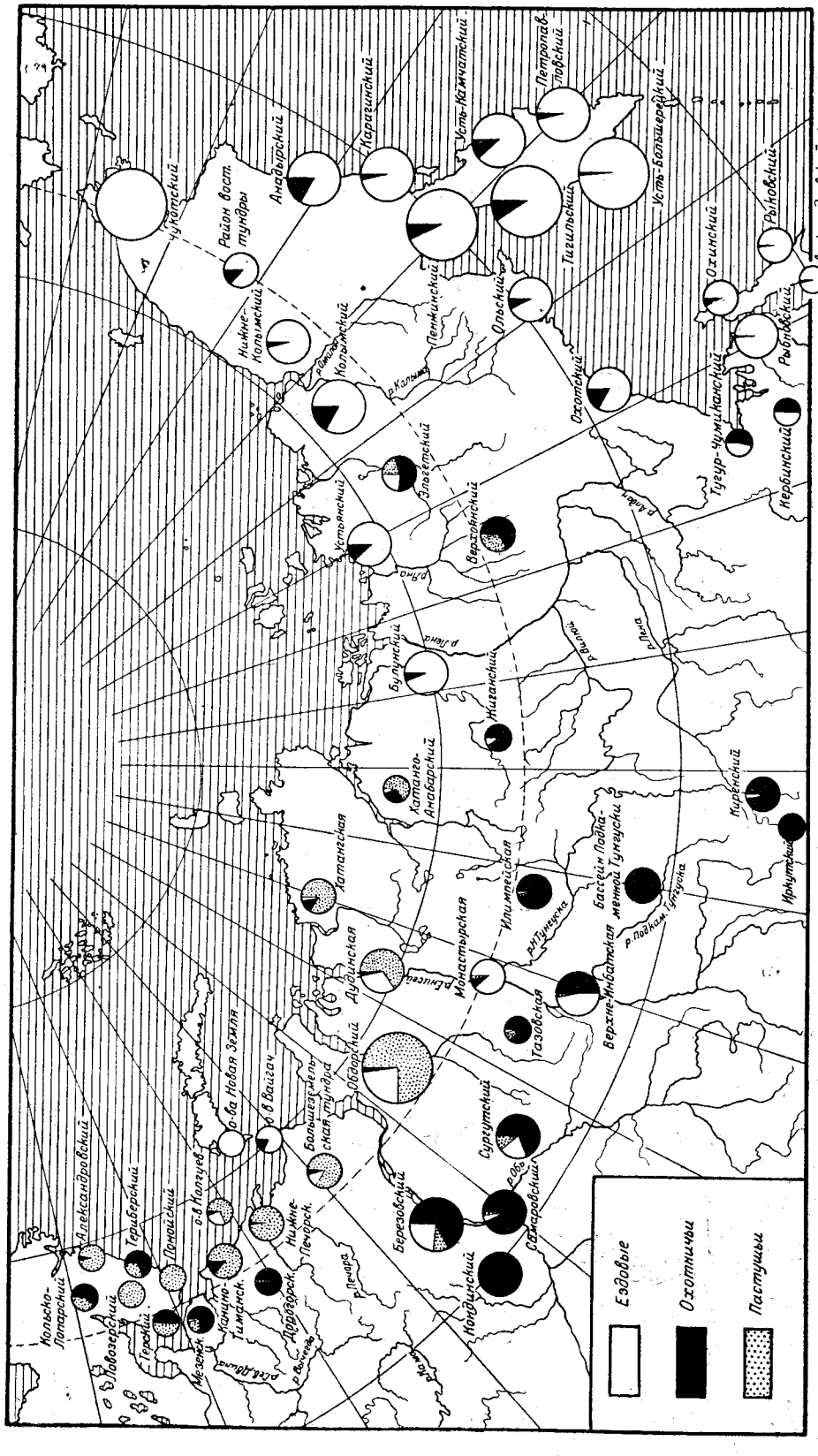

А. М. Золотаревым. Согласно взглядам этих ученых, древнейшей стадией хозяйства и культуры народов Северной Азии и Северной Америки было именно оседло-рыболовецкое хозяйство («культура зимних рыболовов»), которое будто бы было распространено прежде гораздо шире и из которого впоследствии развилось, с одной стороны, арктическое хозяйство морских охотников, а с другой—таежное лыжное охотничье хозяйство; переход к нему был связан с изобретением лыж. Эта теория, до недавнего времени пользовавшаяся популярностью и в советской науке, содержит в себе долю истины: в частности, заслугой Хатта и Биркет-Смита является то, что они первые указали на важное культурно-историческое значение изобретения лыж,—однако намеченная ими последовательность ступеней хозяйственно-культурного развития в настоящее время опровергается советскими исследователями: невозможно допустить, чтобы развитый собачий транспорт с поразительно совершенным типом нарты впоследствии уступил свое место примитивной ручной охотничьей нарте; трудно допустить прежнее повсеместное распространение рыболовческого хозяйства, возможного лишь в богатых рыбой низовьях рек; наконец, и археологические данные не подтверждают гипотезы о переходе от рыболовства к охоте,—напротив, в ряде случаев (особенно в Прибайкалье) прослеживается как раз переход от охоты к рыболовству.

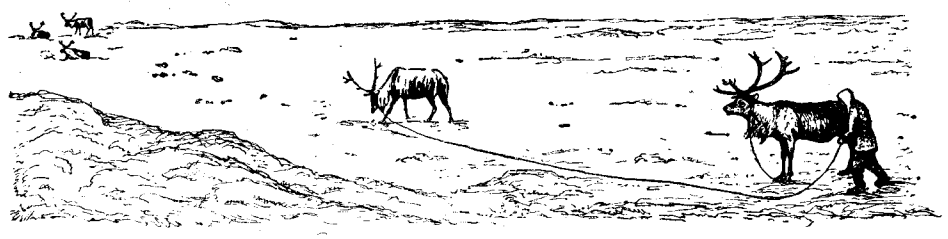
[1] Различаются 3 типа оленьих нарт—главным образом по форме копыльев, соединяющих полозья с настилом: косокопыльные (северо-западная Сибирь), прямокопыльные (север Якутии), дугокопыльные (Дальневосточный Север). Нарты различаются также по способу крепления частей (назовое, ременное); по длине, высоте, ширине и пр.

Распространение оленеводства на Севере (по данным Приполярной переписи 1926—1927 гг.)
Приблизительный масштаб: 1 мм²=1.000 голов оленей.

Направление собаководства на Севере (по данным Приполярной переписи 1926—1927 гг) Масштаб: диаметр круга 4—мм. до 300 голов собак; 5 мм.—301—1.000 голов. 6 мм.—1.001—2.500 голов; 8 мм.— 2.501—4.000 голов; 10 мм—свыше 4.000 голов.

Охота на диких оленей с маньщиками

но для выяснения возраста оленеводства у чукчей и коряков.

Своеобразный, особняком стоящий тип составляет так называемое «избенное» оленеводство, т. е. оседлое, со стойловым содержанием оленей. Их пасут около жилья, а зимой держат в хлеву, как рогатый скот, запасая для них корм. Такой тип оленеводства, видимо, недавнего происхождения, известен в немногих местах: в Северной Карелии, на Кольском полуострове, у туруханских кетов, у некоторых якутов. По размерам это оленеводство некрупное (не более нескольких десятков голов), но оно допускает высокую рационализацию и доходность. Сейчас эта форма оленеводства, пропагандистом которой был особенно советский экономист Керцелли, получила широкие перспективы развития.

Вопрос о происхождении оленеводства. По этому вопросу писалось очень много, но до сих пор он остается не вполне решенным даже и в советской науке. Очень значительные разногласия существуют прежде всего по вопросу о древности оленеводства. Некоторые исследователи приписывали ему чрезвычайно большую древность. По мнению французского археолога Пьетта и советских ученых В. Г. Богораза и Г. П. Сосновского, олень был одомашнен еще в конце палеолита, в мадленскую эпоху, когда охота на оленя составляла основную отрасль хозяйства. Но этот взгляд явно несостоятелен. Не только в палеолитических, но и в многочисленных неолитических стоянках Сибири нет никаких признаков наличия домашнего оленя. Не знали домашних оленей и индейские племена Америки, предки которых переселились туда из Сибири в конце палеолита.

Существует и противоположный взгляд—о сравнительно очень позднем появлении оленеводства и о том, что оно было подражанием коневодству. Сторонники этого взгляда—немецкие исследователи Эдуард Хан и Бертольд Лауфер и советский этнограф А. Н. Максимов. Последний особенно подробно развил эту теорию (1929), привлекши китайские хроники и пытаясь на основании их доказать, что оленеводство возникло около VII в. н. э. у одного из народов Центральной Азии, потерявшего по какой-то причине свой скот и вместо него начавшего употреблять оленей.

Но эта теория позднего происхождения оленеводства,—хотя к ней присоединились в недавнее время (1951) Г. М. Василевич и М. Г. Левин,—тоже весьма спорна. Ей противоречат археологические данные: находка (1929 на Алтае в одном из погребений конца 1-го тысячелетия до н. э. (Пазырыкский курган) трупа лошади в своеобразной маске с оленьими рогами[1], а также верховых седел оленьего типа; находка Л. Р. Кызласовым (1950) в погребении эпохи около начала н. э., на р. Малый Сыр, в Хакассии, двух деревянных статуэток верховых оленей с ясно обозначенными уздечками. Встречаются также изображения домашних оленей на «писаницах» в Минусинском крае конца бронзового века. Таким образом, оленеводство, вероятно, возникло в эпоху бронзы.

Спорным является и вопрос о месте, где впервые возникло оленеводство. Многие считают таким местом область Алтае-Саянского нагорья, где оно сохраняется у некоторых народов (тувинцы, карагасы) и сейчас; оттуда, может быть, оленеводство распространилось через самоедские народы на северо-запад, а через тунгусов на северо-восток. Теорию алтайско-саянского центра оленеводства принимал и А. Н. Максимов, но для скандинаво-лопарского оленеводства он делал оговорку, допуская его самостоятельное происхождение. Другие советские этнографы (А. М. Золотарев) полагали, что был не один, а несколько центров, где самостоятельно был одомашнен олень. Но в последнее время Г. М. Василевич и М. Г. Левин убедительно показали существование двух самостоятельных очагов одомашнения оленя: в Алтае-Саянском нагорье и в Забайкалье; первый исторически связан с самоедскими, второй—с тунгусскими народами.

Наконец, много догадок высказывалось и по вопросу о том, как и для каких целей человек впервые одомашнил оленя. Существовала теория «самоприручения» (Хатт): олень будто бы сам постепенно сделался домашним животным, ибо старался держаться ближе к человеческому жилью, из любви к человеческой моче и из стремления защититься дымом костра от комаров. Эта теория ныне всеми отвергнута. Несостоятельна и теория, по которой олень одомашнен оседлыми народами, ибо охотник будто бы не в состоянии перейти к разведению домашних оленей или других животных (В. В. Гольмстен). Вернее всего, что олень был одомашнен впервые именно охотниками. Существуют переходные формы между развитой охотой на оленя и разведением домашних оленей: такими переходными формами являются: отпуск оленей летом на волю, употребление дрессированного оленя-маньщика для охоты на дикого оленя. Первой формой использования одомашненного оленя было, видимо, употребление его как средства передвижения. При этом можно считать до-

[1] Некоторые археологи, впрочем, оспаривают мнение о том, что маска изображает оленя, и полагают, что это не олень, а мифическое животное—грифон.

казанным, что раньше люди научились седлать и вьючить оленя (быть может, действительно в подражание конскому верховому и вьючному транспорту), а позже, когда оленеводство распространилось на север, некоторые народы перешли к запряганию оленя: при этом образцом послужила более древняя собачья упряжка.

Где бы ни возникло впервые оленеводство, в одном или в нескольких центрах, оно оттуда постепенно распространилось по всему нашему Северу.

Постепенное продвижение оленеводства на северо-запад и северо-восток можно проследить на основании этнографического материала. По-видимому, у чукчей и коряков оленеводство появилось сравнительно поздно. Некоторые совпадения в деталях оленьего транспорта (например, посадка на оленя и на нарту справа) и в терминологии—позволяют считать, что чукчи и коряки одомашнили оленя в подражание эвенкам либо ламутам. Что касается ненцев, то вопрос об их оленеводстве связан с вопросом о происхождении самих ненцев (см. ниже). Несомненно, что некоторые элементы ненецкой культуры—в том числе оленеводство—имеют южное происхождение и связаны с Алтайско-Саянской областью.

Распространение оленеводства в очень сильной степени видоизменило хозяйство тех народов, которые его приняли. Для охотников тайги олень облегчил возможность зимнего кочевания и усилил подвижность охотничьих таежных народов. С этим связано, вероятно, широкое расселение тунгусов от Енисея до Тихого океана. Именно олень сделал возможным развитие настоящей кочевой охотничьей культуры в тайге.

У народов тундры оленеводство получило еще большее значение. До тех пор жизнь на Крайнем Севере была возможна только на побережье; там обитали охотники на морского зверя; пространства же тундры были недоступны для человека. Они недоступны для него без оленя и сейчас. Езда на собаках в глубь тундры весьма затруднительна вследствие отсутствия в тундре корма для собак. Олень позволил человеку продвинуться в глубь тундры и освоить ее огромные пространства. Таким образом, культура целого ряда народов связана с появлением и распространением оленеводства.

Итак, ряд последовательных стадий культурно-хозяйственного развития, знаменующих собой повышающийся уровень развития производительных сил, приводил к большей и большей дифференциации разных форм хозяйства, разных типов культуры. Дальше мы увидим, что с этим был связан и процесс этногенеза, этнического формирования отдельных народов.

В последующих главах будет рассказано и о том, как меняются и перестраиваются в настоящее время старинные традиционные формы северного хозяйства.

Социальный строй народов Сибири в прошлом. Итак, к моменту прихода в Сибирь русских ее коренное население представляло собой очень пеструю картину, не только в этническом отношении, но и по уровню своего экономического развития.

На основании документов XVI—XVII вв., содержащих в себе различные сведения о народах Сибири, с привлечением позднейших этнографических данных, можно составить себе представление о различных социальных формах и стадиях их развития у отдельных народов в то время.

В областях Крайнего Севера, где уровень производительных сил был наиболее низким, в общественном строе еще преобладали первобытно-общинные отношения. Местами сохранялись даже черты матриархата: они сказывались особенно у ительменов, частью у юкагиров. Более сильны были патриархально-родовые отношения, в особенности у гиляков, в меньшей степени у эвенков и других народов тайги и тундры.

Наряду с этим у большинства народов уже в эпоху появления русских обнаруживались признаки классового расслоения. На основе внутреннего роста производительных сил, на основе обмена, совершавшегося между отдельными племенами, в связи с межплеменными войнами усиливалась патриархально-родовая верхушка, которая местами вырастала в полуэксплуататорский или эксплуататорский слой. В особенности это имело место у народов южной полосы Сибири, где более развитое скотоводческое и скотоводческо-земледельческое хозяйство давало возможность крупного накопления имущества и появления первых форм эксплуатации. У бурят, у алтайско-саянских народов и у якутов в эпоху появления русских уже далеко зашел процесс классовой дифференциации.

Таким образом, русские застали в конце XVI и в XVII вв. в Сибири различные стадии разложения первобытно-общинного строя и перехода к классовому обществу. Почти везде намечались хотя бы зачатки выделения правящей верхушки. За эти элементы и ухватились царские воеводы и служилые люди, пытаясь при их помощи укрепить свою власть, и с этой целью поддерживали их господство среди местного населения. Система взимания «ясака»—подать мехами—была так организована, что ответственность за ясак возлагалась обычно на местных «князцов», а это повышало их власть над

населением, и они же извлекали из ясака нередко и материальные выгоды для себя. Царская власть повела с самого начала политику сотрудничества с господствующей местной знатью, политику тем более успешную, чем более резкие классовые противоречия имелись налицо. В Западной Сибири, у татар, отчасти у остяков и вогулов, существовал более или менее оформленный полуфеодальный, а у татар феодальный слой знати, который был использован царизмом в качестве агентуры. Нечто подобное имело место у бурят, у якутов.

У тех же народов, где патриархальнородовой строй сохранился в большей нетронутости, у эвенков и других народов, царизму приходилось как бы воспитывать эту господствующую верхушку—искусственно усиливать ее власть, наделяя ее рядом привилегий и прерогатив, которыми она прежде на основании обычного права не обладала. Таким образом происходил процесс как бы искусственного выращивания этой паразитической полуфеодальной аристократии. В отношении некоторых народов эта политика не увенчалась успехом. У чукчей, коряков например, царизму не удалось создать командующего слоя, потому что соответствующих социальных элементов там не обнаружилось. Но по отношению к другим народам эта политика была более успешной.

Конечно, это была не только административная политика. Этот процесс был более глубоко обоснован той социальной дифференциацией, которая шла на экономической почве в связи с развитием товарных отношений, в дальнейшем (во второй половине XIX в.) в связи с развитием капиталистических форм хозяйства; внутренний процесс классовой дифференциации шел наряду с общим процессом обеднения, разорения большинства народа вследствие грабительского ясачного режима. Отдельные представители местной родовой знати сумели воспользоваться растущими товарными отношениями, связались с русской буржуазией и сами превратились в торговцев-скупщиков. Таким образом шло развитие местной полубуржуазной прослойки. Весь этот процесс в общей сложности привел к тому, что к концу XIX в. даже у тех народов, у которых перед тем почти отсутствовали или были очень незначительные элементы классового расслоения, обнаружилась резкая классовая дифференциация.

«Устав об инородцах» 1822 г. Политика сотрудничества царизма с местной полуфеодальной знатью была в начале XIX в. закреплена в очень важном законодательном акте, составленном М. М. Сперанским в бытность его генерал-губернатором Сибири,— в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. Этот своеобразный закон сохранил свое значение до самой Октябрьской революции.

Для выработки «Устава» Сперанский провел большую работу по собиранию обычного права народов Сибири. Записи обычного права собирались через «родоначальников», которые, конечно, в своих показаниях излагали нормы этого права в выгодном для них освещении, преувеличивая свою власть и прерогативы. Это было выгодно и царизму, и царизм, воспользовавшись этим, действительно наделил местную патриархально-родовую знать такими полномочиями, которыми она раньше не обладала.

На основе «Устава» все «инородцы» Сибири были разделены на три разряда: оседлые, кочевые и бродячие. К «оседлым» были причислены татары, перешедшие к оседлому образу жизни и обрусевшие, а также некоторые из племен Алтайско-Саянской области. Эти оседлые племена были уравнены в правах с русским крестьянством. К «кочевым» народам были причислены большинство народов Сибири: остяки, вогулы, хакасы, большинство алтайцев, буряты, якуты, тунгусы и т. д. К так называемым «бродячим» были отнесены ненцы, «туруханские инородцы», ламуты, коряки, юкагиры и др.

Самое деление народов на группы по типу хозяйства и по образу жизни представляло собой здравую идею, но применена она была неудачно. Те народы, которые были причислены к кочевым, далеко не все вели кочевую жизнь. Например, якуты и западные буряты были не кочевыми, а полуоседлыми народами. А «бродячие» народы—это была вообще выдуманная категория, потому что бродячих групп в Сибири нет и не было.

Если оседлые народы в административном отношении были уравнены в правах с русским крестьянством, то для «кочевых» и «бродячих» была создана своеобразная форма управления, основанная на той редакции их обычного права, которая исходила от местных князьков-родоначальников. Низовыми административными органами были «Родовые управления»; во главе их стояли старосты, или «князцы». У «бродячих» народов этими Родовыми управлениями ограничивалась и вся система, ибо эти управления были подчинены уже русским органам власти. У «кочевых» же народов Родовые управления подчинялись «Инородным управам», предста-

влявшим собой более высокую инстанцию; во главе их были поставлены «улусные головы». У некоторых народов, например у бурят и хакасов, была создана и третья инстанция—«Степные думы», объединявшие по несколько управ. Во главе их ставились «главные родоначальники» и «заседатели». Все эти должности, и высшие и низшие, были заняты представителями местной аристократии, которая таким образом получила в готовом виде удобное орудие для угнетения и эксплуатации своих сородичей, чем она отлично и воспользовалась.

Итак, в Уставе 1822 г. мы находим очень яркий пример политики классового сотрудничества царской администрации с местной феодально-родовой знатью.

Та номенклатура, которая была введена в эту систему управления—«родовые управления» и т. д., как бы консервировала архаические формы общественных отношений, «родовые» формы. Вплоть до самой революции у народов, у которых фактически давно уже исчезли пережитки родовых отношений, например у тех же якутов, сохранилась эта терминология: «родовое управление», «род» как административная единица и т. д. Некоторые исследователи, и не только буржуазные, но и советские, принимали эту номенклатуру за чистую монету и говорили о «родовом быте» у якутов, бурят и др.—но это, конечно, было большой ошибкой.

В советскую эпоху пережитки патриархально-родовых отношений сыграли свою отрицательную роль. В первые годы Советской власти в «родовых собраниях», «сугланах», «родовых советах» (которые были узаконены Советской властью) командные посты были захвачены старой патриархально-феодальной знатью. Но и позже, когда этих постов она лишилась, старые эксплуататорские группы все еще старались сохранить свое прежнее господствующее положение, скрывая эксплуатацию под видом «родственной взаимопомощи» и т. п. Далеко не сразу удалось освободить трудящееся население от этой скрытой эксплуатации и обезвредить паразитические группы.

Религиозные пережитки. Господствующей формой религиозных верований у народов Сибири еще в XIX в. был так называемый ш а м а н и з м. Наиболее характерной чертой шаманства как формы религии является вера в то, что определенные люди—шаманы—имеют способность, приведя себя в исступленное состояние, вступать в непосредственное общение с духами. Для шаманизма характерен именно этот экстатический метод общения с потусторонним миром.

Это достигается тем, что шаман устраивает так называемое камлание (слово происходит от тюркского «кам»—шаман, «камла»—шаманить). Он пляшет, бьет в бубен, гремит металлическими подвесками на одежде, кричит или поет, гипнотизирует сам себя и окружающих и, по мнению верующих, в это время душа его летит в царство духов и вступает с ними в общение, или же духи вселяются в его тело или в его бубен и говорят его устами.

Для шаманства характерно особое развитие анимистических представлений в частности представлений о духах болезней, о духах-покровителях и духах-помощниках шамана.

Само слово «шаман»—тунгусское. Еще в XVII в. оно вошло в русский язык, а позже и во все европейские языки. В XIX в. термины «шаман», «шаманизм» стали употребляться для обозначения аналогичных явлений у народов разных стран мира, ибо обнаружилось, что шаманство есть одна из форм религии, свойственная определенной ступени общественного развития—эпохе разложения первобытно-общинного строя.

Однако и в настоящее время некоторые считают шаманизм чисто локальной формой религии, свойственной только одной определенной области (Арктике, Сибири). Такой взгляд поддерживается последователями школы «культурных кругов» Гребнера.

В несколько иной форме, впрочем, разделяется это мнение и некоторыми советскими учеными. И в самом деле, какая-то доля истины в этом мнении есть. Хотя в шаманизме хорошо видны черты, свойственные верованиям очень многих отсталых народов и характерные для определенной стадии развития религии,—но в сибирском шаманстве есть и другие, специфические и чисто местные особенности, которые не встречаются в других странах: сюда относится определенный тип шаманского костюма, бубен с колотушкой, известные приемы шаманских действий.

Вообще советская наука еще не сказала своего последнего слова в вопросе о шаманизме. Специфика этой формы религии и ее происхождение с марксистской точки зрения еще недостаточно исследованы.

Шаманство, конечно, не представляет собой чего-либо совершенно однородного. Оно имеет целый ряд форм и разновидностей, и оно само проходило несколько стадий развития, соответствующих стадиям общественного развития самих народов. На территории Сибири мы можем как бы воочию наблюдать различные формы шаманизма, от наиболее примитивных до наиболее модифицированных. У народов, в условиях жизни которых сохранялось особенно много архаических черт, шаманы почти не выделились из общины. Шаманить могли почти все, и особенно характерно здесь развитие женского шаманства. Так было, например, в XVIII в. у ительменов, где профессиональных шаманов почти не было, где шаманили старые женщины. Пережитки этого «поголовного» шаманства сохранились и у других народов; в частности, у чукчей наряду с наличием профессиональных шаманов известны шаманские обряды, которые выполняются каждым главой семьи во время семейных празднеств.

У некоторых народов с развитыми формами родового быта функции шамана составляли особую специальность, но шаманизм сливался с родовым культом. Шаманы превращались в жрецов этого

культа. Такая форма шаманства описана в наиболее ярком виде у юкагиров. Пережитки этого «родового шаманства» сохранялись еще недавно у хантов и манси, у эвенков, у бурят.

Следующая стадия соответствует распаду патриархально-родового строя. Она характеризуется расцветом профессионального шаманства. Шаман выделяется из общины, как бы противопоставляет себя общине в качестве специалиста; шаманство превращается часто в наследственную профессию; шаман живет доходами с профессии и таким образом сближается по интересам и положению с паразитическим слоем общества. Такая стадия шаманизма наблюдалась в недавнем прошлом у большинства народов Сибири, особенно у эвенков, тунгусских племен Нижнего Амура, ненцев, селькупов, якутов и у других народов.

Наконец, последняя стадия развития шаманства связана с дальнейшим разложением родового строя: оно клонится к упадку и начинает вытесняться другими, более развитыми формами религии. Сам шаманский культ принимает нетипичные формы: камлание порой заменяется жертвоприношениями; над сонмом духов возвышается пантеон великих богов. Характерное явление для этой стадии: деление шаманов на «черных» и «белых», причем так называемые «белые шаманы» представляют собой служителей светлых божеств. Эта стадия отмечалась частью у якутов, но особенно у народов Южной Сибири. Помимо более высокого уровня развития производительных сил и классового расслоения, тут сказывалось влияние более культурных народов. Так, у бурят шаманизм принял усложненные формы, а с конца XVII в. стал вытесняться буддизмом. У народов Саяно-Алтая издавна сказывалось влияние религий, господствовавших в Передней Азии, в частности несторианства (одна из раннехристианских сект, дуалистического типа), и это влияние отразилось на шаманских верованиях. В новейшее время там распространился тот же буддизм (в Туве), частью христианство (у хакасов и алтайцев), а в связи с ними там появились новые синкретические религии («бурханизм»); у татар Западной Сибири шаманство еще с XVI в. было вытеснено исламом.

Помимо стадий развития, шаманство народов Сибири можно разбить также на местные типы по внешним признакам, по материальным принадлежностям. Шаманские бубны делятся на два основных типа: легкие узкоободные и тяжелые широкоободные. Первые распространены на Дальнем Востоке, вторые—во всех остальных областях Сибири. Широкоободные бубны в свою очередь подразделяются на овальные в Восточной Сибири—и круглые в Западной. У народов Алтае-Саянского нагорья и частью у некоторых других бубны покрыты росписью. Особняком стоят бубны чукчей и эскимосов—в форме теннисной ракетки, и лопарские—чашеобразные. Шаманские костюмы также представляют ряд локальных типов. Наиболее распространен «тунгусский» тип, напоминающий фрак, с многочисленными гремящими подвесками. Распространение этих различных форм шаманских принадлежностей интересно с точки зрения проблемы этногенеза народов Сибири.

Шаманизм, хотя и представлял собой преобладающую форму религии у народов Сибири, но не был единственной формой их религии. Наряду с шаманизмом существовали другие религиозные формы, частью сплетавшиеся с ним, частью бытовавшие отдельно от него. Одной из таких форм был родовой культ. У некоторых народов (юкагиры, частью эвенки, ханты, манси и др.) культ семейно-родовых святынь, культ покровителей рода сросся с шаманизмом и шаманы являлись жрецами этого культа. Но у других народов родовой культ продолжал существовать отдельно от шаманизма. Например, у ненцев шаманы были сами по себе, а хранители родовых «жертвенных мест», приносители родовых жертв, сами по себе. У гиляков родовой культ, культ медведя существовал в развитой форме, а шаманство отдельно. Разобщенность этих культов доходила до того, что во время совершения родовых молений шаман даже не мог камлать.

Наконец, третьей формой культа, местами связанной с родовым культом, местами с шаманством, а местами существующей также отдельно, можно считать промысловый культ, культ духов-покровителей, «хозяев» природы, тесно связанный с промысловой деятельностью человека. У некоторых народов, например у гиляков, он принимал родовую форму. У других—существовал вне связи с родовой организацией. У большинства народов, например у гольдов, ульчей, эвенков, якутов и др. культ промысловых божеств стоял особняком от шаманизма, и обряды этого культа могли выполнять все, каждый самостоятельно за себя приносил жертву промысловым духам-покровителям.

Помимо этих форм верований, развившихся на местной почве, у народов Сибири существовали такие религиозные верования, которые были принесены извне и которые распространились в Сибири сравнительно недавно. Это православие, ислам и ламаизм (разновидность буддизма). Православие было принесено русскими миссионерами. Первая миссия—Даурская—была создана в 1682 г. Но настоящая христианизаторская деятельность миссионеров и администрации началась с Петровской эпохи. Первым шагом в развитии миссионерской пропаганды был указ Петра I на имя Филофея Лещинского от 1710 г. о принудительном массовом крещении остяков и вогулов. В течение краткого времени они были все, по крайней мере формально, обращены в православие. Конечно, при этом номинальном христианстве фактически сохранялись прежние верования. В дальнейшем эта политика распространилась на другие народы Сибири. К концу XIX в. подавляющее большинство народов Сибири и Севера было так или иначе крещено, что, впрочем, отнюдь не означало исчезновения у них собственных верований. Эти верования скорее смешивались с христианскими, и получилось своеобразное христианско-шаманское двоеверие.

Что касается ислама, то он появился в Сибири немногим раньше христианства, в середине XVI в. Область его распространения была ограничена юго-западной частью Сибири, где приверженцами ислама были западносибирские татары.

Ламаизм (буддизм) появился также не так давно, только в конце XVII в., и занял еще более ограниченную область—главным образом у забайкальских бурят; но зато там его господство был полным и исключительным. Поощряемый и распространяемый местной аристократией, он почти целиком вытеснил шаманские верования и не поделил своего господства ни с какой другой религией.

Другая небольшая область, где буддизм-ламаизм до революции пользовался большим влиянием,—Тува. Тувинцы находились в течение долгого времени под господством монгольских князей, которые и стремились навязать им буддистскую религию. Но она сочеталась здесь с местным шаманизмом.

Такой сложный переплет местных и извне принесенных форм религии существовал у народов Сибири до недавнего времени. Разумеется, с общим стремительным ростом культуры в эпоху социализма эти пережитки прошлого быстро сходят со сцены. Они удерживаются главным образом лишь в сознании людей старшего поколения, молодежь в большинстве случаев от них уже освободилась.

Положительное влияние русской культуры. Один из наиболее общих и важных фактов в быту коренного населения Сибири и Севера—это огромное положительное влияние, которое испытало на себе это население со стороны великого русского народа и его культуры. Ни на какой другой национальной окраине нашей страны это влияние не сказалось с такой силой, как именно на Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Русские начали проникать в Сибирь с конца XVI в., а в течение XVII в. прошли ее всю до крайних восточных и северных пределов. Это не было только «завоевание» Сибири, как изображали дело некоторые историки. Это было включение народов Сибири в великое многонациональное Русское государство, вхождение их в систему общерусских экономических связей, а самое главное—это было массовое движение в Сибирь русского трудового народа,—вначале «промышленных» людей (звероловов) а потом особенно «пашенных крестьян». Крестьянская земледельческая колонизация Сибири уже в XVII в. приняла столь широкие размеры, что к концу столетия русское население Сибири было более многочисленным, чем коренное. А в конце XIX в. численность русских составляла уже 80% всего населения Сибири.

Со своей более высокой культурой русские не могли не оказать глубокого положительного влияния на коренные народы. Последних грабили и угнетали царские воеводы, чиновники, купцы и кулаки, но с русскими крестьянами у них устанавливались обычно дружественные отношения. Были случаи совместных выступлений против царской администрации. Чрезвычайно важно то, что русские в Сибири были носителями земледельческой культуры. Коренное население Сибири, которое в большинстве областей ее совершенно не знало, начало постепенно учиться у русских пахать землю (якуты, часть бурят, хакасы, алтайцы и др.). Широко распространилась под русским влиянием изба—новый и более совершенный тип постройки сравнительно с местными чумами и юртами. Многие народы Сибири перенимали русскую одежду, утварь, покупали у русских железные изделия, ткани и пр.

Бытовое сближение русских с коренными народами вело к взаимному усвоению некоторых обычаев, понятий, народных знаний. Русские в Сибири немало заимствовали в этом отношении от местного населения, но еще больше дали ему сами.

Это усвоение русской культуры коренными народами—факт несомненно прогрессивный—шло у некоторых народов так глубоко (например, часть татар, северных алтайцев, камчадалы, чуванцы и др.), что можно говорить о настоящем «обрусении» этих народов. Но и у других русское культурное влияние в большей или меньшей степени сказывалось еще в дореволюционные годы, и его необходимо в полной мере учитывать при их изучении и учитывать как факт большого положительного значения.

Это влияние, которое шло нарастающими темпами с XVII по XX столетие, теперь, после Великой Октябрьской революции, стало еще более сильным. Русский народ не только помог коренным народам Сибири освободиться от векового гнета, но он оказал и продолжает оказывать, как носитель теперь уже советской высокой культуры, и огромное культурно-воспитательное прогрессивное влияние на все стороны быта местных народов.

2. АЛТАЙСКО-САЯНСКИЕ НАРОДЫ

Общие сведения. Народы Алтае-Саянского нагорья—тюркоязычная группа народностей. Ввиду значительной однотипности их хозяйственных и культурно-бытовых условий их можно рассматривать вместе. Эти народы следующие:

1) Алтайцы (47,7 тыс.), коренное население Горно-Алтайской автономной области, в верховьях р. Оби (ее истоков Бии и Катуни и притока ее Чарыша).

2) Хакасы (52,6 тыс.), основное население Хакасской автономной области, в основном бассейна р. Абакана (притока Енисея) и верховьев р. Чулыма.

3) Чулымцы (около 11 тыс.), небольшая полуобрусевшая группа по р. Чулыму, в Асиновском и Зырянском районах Томской области и в прилегающих районах Красноярского края.

4) Шорцы (12 тыс.), коренное население бывшего Горно-Шорского национального района, ныне трех районов Кемеровской области, по верховьям р. Томи.

5) Тувинцы (около 65 тыс.)—коренное население Тувинской автономной области, бывшего Урянхайского края, потом Тувинской народной республики, занимающей верховья р. Енисея.

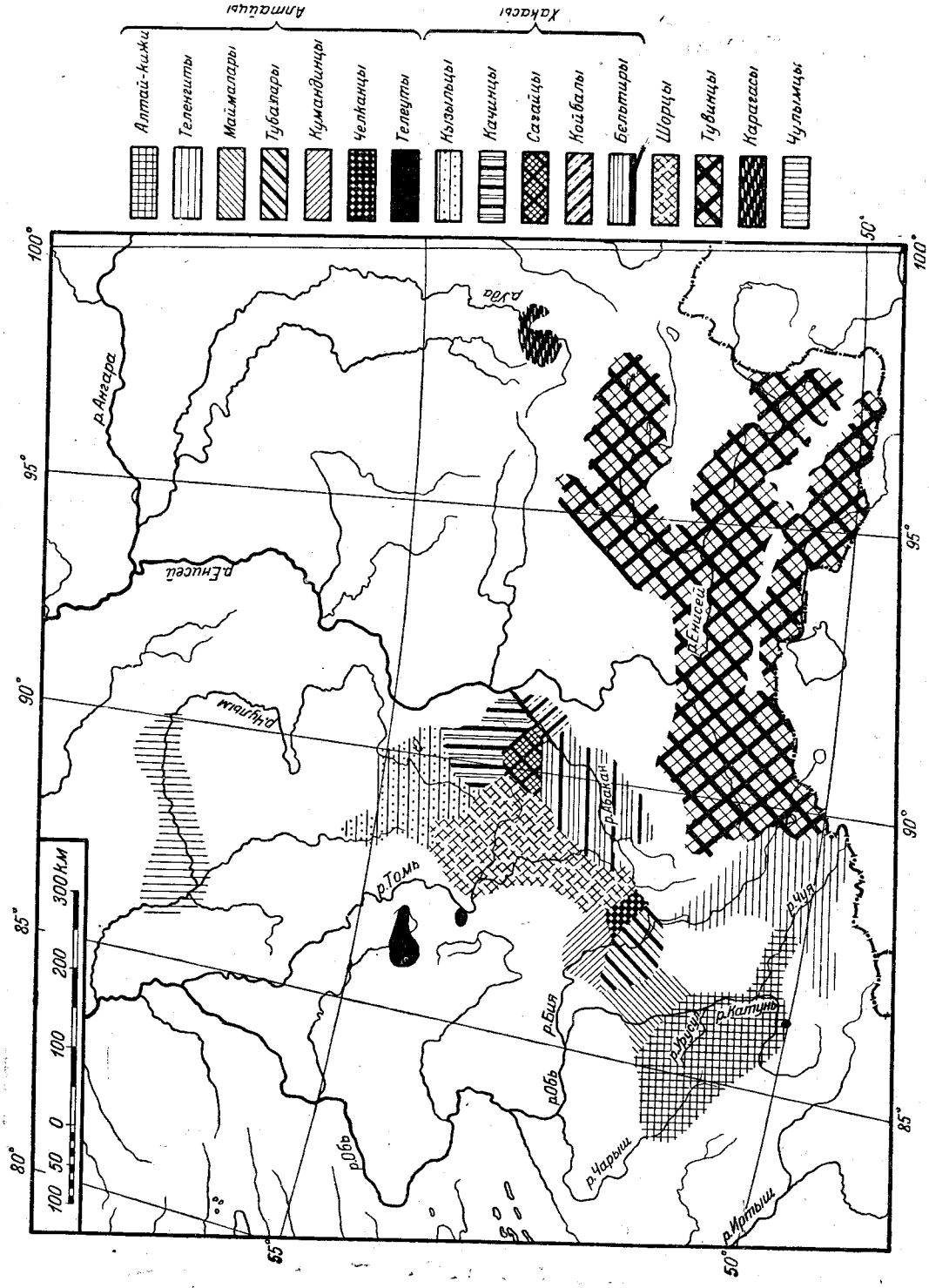
6) Карагасы, или тофалары (400—500 чел.), небольшой народ, население бывшего Тофаларского национального района, ныне одного из сельсоветов Нижнеудинского района, Иркутской области,—верховья р. Уды, притока Енисея.

Формирование более крупных из этих групп, по крайней мере алтайцев и хакасов, как сплоченных народностей—дело советской эпохи. До Октябрьской революции они были больше известны под отдельными племенными названиями и единого целого не представляли.

Расселение племен такое: алтайцы в узком смысле слова, или «алтай-кижи» (дословно «алтайский человек»), живут в верхнем течении Чарыша, по Катуни и ее притоку Урусулу; от них иногда отличают маймаларов (майминцев) по р. Майме (приток Катуни); теленгеты, или теленгиты, обитают в юго-восточной части Горно-Алтайской области по течению Чуи, Чулышмана и Башкауза (Кош-Агачский и Улаганский аймаки); телеуты, по-видимому, отделившаяся часть теленгетов, живут в северных районах Алтая, частью вне автономной области (на рр. Б. и М. Бачатам); тубалары (или туба-кижи, йиш-кижи), которые были известны прежде под названием черневых татар («чернью» называются на Алтае лесистые горы),—это население северо-восточных аймаков области; чалганцы, или лебединцы (ку-кижи), живут по р. Лебеди, впадающей в Бию; кумандинцы—полуобрусевшая группа населения северных аймаков. Ныне эти отдельные племенные группы слились в единую народность под общим названием алтайцев.

Этот народ называли у нас одно время (1922—1945) также «ойротами» (Ойротская автономная область, ныне Горно-Алтайская). Этот термин имел чисто историческое обоснование: до середины XVIII в. население Алтая находилось под властью Ойратского (Джунгарского) «контайши». Но ойраты (калмыки), в тюркском произношении «ойрòты»,—западномонгольская группа, отнюдь не родственная тюркоязычным алтайцам (они и сейчас живут в Северо-Западной Монголии). Воспоминания о «временах Ойрот-хана» сохранились в легендах алтайцев—отсюда и не слишком удачное наименование их «ойротами», ныне оставленное. По аналогичной причине алтайцев до революции называли иногда горными, или алтайскими, калмыками.

Что касается хакасов, то это наименование имеет также больше историческое, чем этнографическое оправдание. Хакасами («хягас») старые китайские хроники называли енисейских киргизов. Киргизы упоминаются в Орхонско-енисейских памятниках VII—VIII вв. До начала X в. киргизы-хакасы занимали господствующее положение в Центральной Азии. В память об этой эпохе хакасского могущества и сохранилось название хакасов как собирательное, обозначающее тюркоязычные народы Верхнего Енисея. О киргизах на Верхнем Енисее говорят русские документы XVII в. После продолжительной борьбы против русских служилых людей киргизы в 1703 г. были уведены джунгарами на юг, в Джунгарию; после этого название киргизы на Верхнем Енисее исчезает, и в XVIII—XIX вв. население Верхнего Енисея и западного его притока Абакана было известно под географическим наименованием абаканских, или минусинских, татар, а также под племенными названиями: са-

Расселение народов Алтайско-Саянской области и их этнические подразделения

гайцы, бельтиры, качинцы, койбалы, кызыльцы.

Расселение этих бывших племен, составивших хакасский народ, таково: в северной части современной Хакассии, по рр. Белому и Черному Июсам (верховья Чулыма), живут кызыльцы; южнее их, в Абаканской степи, по р. Уйбату и на юг до р. Камышты—качинцы, самая крупная из этих групп; еще южнее, от р. Камышты до р. Аскыза (Аскызский район) живут сагайцы; самый юг Хакассии, горную тайгу верховьев Абакана (Таштыпский район), занимают бельтиры; наконец, койбалы живут в углу между нижним Абаканом и Енисеем, в Койбальской степи.

К хакасам примыкают чулымцы, живущие на среднем и нижнем Чулыме (правый приток Оби). Прежде их называли чулымскими, или мелецкими, татарами, иногда «каракасами». Это, видимо, потомки тех же племен бассейна Чулыма, которые составили и часть хакасского народа, и по языку они близки к хакасам, особенно к кызыльцам, хотя в составе их имеются, возможно, и татары-переселенцы с Иртыша, а также и тюркизированные остатки местных групп селькупов и кетов. Тюркизация их шла, несомненно, с верховьев Чулыма, чем и объясняется языковая близость к кызыльцам. Ныне чулымцы, оторванные географически от хакасов, в сильной степени обрусели.

Несколько особняком стоит до сих пор маленькая народность шорцы, занимающая верхнее течение р. Томи и двух ее притоков—Мрас-Су и Кондомы. Они были известны прежде под названием кузнецких татар (среди населения этой области издавна был развит кузнечный промысел). Отсюда название города Кузнецка, Кузнецкого бассейна. Шорцы—это название, предложенное впервые В. В. Радловым и основанное на названии одного из родов «Шор». Шорцы не вошли ни в состав алтайской, ни в состав хакасской национальности, а составляют особую группу.

Тувинцы—основное население Тувинской автономной области—назывались прежде урянхайцами, урянхами, сойотами, саянцами. Область их расселения — верховья Енисея, составляющие его реки Бий-Хем и Ка-Хем, и приток его Кемчик—расположена в горной котловине между хребтами Саянским и Танну-Ола. Это—«Саянская землица» русских документов XVII в., подвластная тогда хотохойтским Алтынханам, позже — «Урянхайский край». Входя до 1911 г. в состав Китайской империи, эта страна делилась на 9 административных единиц—хошунов. Население отдельных хошунов различалось между собой отчасти и этнически: наиболее обособленными были и остаются тувинцы самого восточного—Тоджинского хошуна.

Еще более особняком стоят тофалары (карагасы), живущие в Восточном Саяне, в верховьях р. Уды. Однако они близки этнически к северо-восточным тувинцам-тоджинцам, от которых отделены только Саянским хребтом.

Все эти народы в настоящее время принадлежат к тюркоязычной группе, но есть следы происхождения некоторых из них от иных языковых группировок. У карагасов еще Паллас застал самоедский язык, так же как и среди сойотов-тувинцев Кастрен в середине XIX в. нашел, что карагасы говорят по-тюркски, но что у них сохранился целый ряд самоедских слов, в частности касающихся оленеводства. Койбалы—это ответвление самоедоязычной народности моторов, обитавших в XVII—XVIII вв. в горной тайге по правым притокам Верхнего Енисея. Название свое они получили по имени князца Койбала (середина XVII в.). До половины XIX столетия койбалы сохраняли свой прежний язык самоедской группы, изученный тем же Кастреном.

Что касается качинцев, то они еще в первой половине XVII в. жили около Красноярска, в бассейне р. Качи. Они передвинулись на юг, на Абакан, сначала отдельными группами, а после ухода киргизов—целиком; по происхождению также, по-видимому, не принадлежат к тюркам. То же самое можно предположить относительно некоторых других групп, в частности о северных алтайцах, тубаларах, кумандинцах и др. В их языке, правда, пока не обнаружено следов других, нетюркских языков, и только косвенные признаки служат доказательством этого. Например, самоназвание «туба, тубалар» сближается с «тува» (тувинцы), с «тофа» (карагасы). Этот этноним считается самодийским: например, одна из самоедских групп на севере—энцы—имеет в своем составе род Таубух.

Таким образом, в языке и этнонимике видны следы разнородного происхождения алтайско-саянской группы народностей.

История изучения. Уже в Енисейских и Орхонских памятниках VII—VIII вв. имеются упоминания о кыргызах, телесах, тюргешах и о других народностях, остатки которых сохранились в названиях некоторых родов на Алтае. Русские документы

эпохи XVII в. содержат в себе довольно много известий о киргизах и киргизских княжествах Верхнего Енисея (Тубинское, Алтысарское, Алтырское, Езерское княжества). На Алтае в то время существовали два княжества, Телесское и Теленгутское: оба эти названия сохранились и сейчас.

Этнографические описания этих народов появляются в работах путешественников XVIII в. У Гмелина, Палласа, Пестерева и других мы находим целый ряд ценных сообщений, касающихся хакасских и тувинских (Пестерев) племен. Об алтайцах известия появляются с более позднего времени: эта часть Алтая была присоединена к России только в середине XVIII в. В первую половину XIX в. сюда направлялись ученые экспедиции: Гельмерсена, Ледебура, Бунге, Чихачева, записки которых содержат довольно много материала о быте населения. Но наиболее обширные сведения относятся ко второй половине XIX в.: работы тюрколога Радлова, Потанина, Ядринцева, Адрианова и некоторых других.

Очень важны, хотя и кратки, записи алтайского миссионера Вербицкого («Алтайские инородцы», 1893 г.). Любопытны ежегодные отчеты Алтайской духовной миссии, где имеются разрозненные, но иногда очень важные этнографические сведения.

В самом конце XIX в. обширное и глубокое исследование алтайцев было произведено под руководством экономиста и этнографа С. П. Швецова в связи с проводившейся там большой статистической экспедицией, приуроченной к переписи 1897 г. Результатом этого было многотомное издание—«Горный Алтай и его население», главную часть которого составляет работа самого Швецова.

В последние предреволюционные годы имела большое значение работа местного исследователя учителя А. В. Анохина, который продолжал свою работу и после Октябрьской революции.

По Минусинскому краю и Хакассии в конце XIX в. появляются работы целого ряда политических ссыльных: Клеменца, Феликса Кона, Ярилова, Яковлева, Кулакова, Кузнецовой.

Очень ценны работы хакасского ученого проф. Н. Ф. Катанова, его материалы филологического и этнографического характера, особенно записи фольклора.

О тувинцах обильные сведения стали накапливаться со 2-й половины XIX в. и особенно в начале XX в. в связи с развитием русско-тувинской торговли. Некоторые из минусинских купцов, имевших в Туве свои лавки, интересовались хозяйством и бытом местного населения и либо сами печатали свои материалы, либо давали их использовать путешественникам и другим (таковы материалы купцов Веселкова, Сафьянова). Из путешественников-этнографов Туву посетили в этот период Потанин и его жена, Адрианов, Клеменц, Катанов, Феликс Кон, Островских, Грумм-Гржимайло и другие.

В советскую эпоху этнографическое изучение Алтая и других районов Алтайско-Саянской горной страны продолжалось еще более интенсивно. Здесь можно назвать целый ряд имен этнографов: Л. П. Потапов, Н. П. Дыренкова, А. Г. Данилин, А. И. Новиков и другие, которые дали много глубоких и ценных исследований, особенно об алтайцах и шорцах. Хакасов и тувинцев за последние десятилетия изучали меньше. Уже в послевоенные годы среди них развернулась этнографическая работа под руководством Потапова. Для историко-этнографического изучения тувинцев много сделал В. И. Дулов. Очень большое значение имела для выяснения этногенеза алтайско-саянских народов антропологическая работа, проводившаяся под руководством крупного советского антрополога А. И. Ярхо.

Что касается карагасов, им посвящено сравнительно мало этнографических работ (Н. Ф. Катанов, И. А. Евсенин).

Культурно-хозяйственные типы. В Алтайско-Саянской горной стране выделяются два основных этно-культурных и в то же время хозяйственных типа в связи с основными двумя типами хозяйственно-географических зон. Наиболее четко эти зоны распределены в пределах Горно-Алтайской области. Южная часть ее представляет собой область преобладания горно-степного ландшафта, сравнительно открытых высокогорных долин и плоскогорий, которые на Алтае называются «степями». На северном Алтае преобладает другой тип ландшафта, горнотаежный: русские называют эту горную тайгу «чернь», «черневые горы». Далее к северу тянется полоса предгорий: это—пологие возвышенности, широкие долины, которые по основным хозяйственным условиям сходны с горно-степным районом. Аналогичные природные условия наблюдаются в западной части Тувы, на Кемчике.

В Хакассии преобладают два типа ландшафтов: горная тайга в верховьях Абакана и его притоков и плоская безлесная степь в низовьях Абакана, Аскыза, Камышты, Уйбата—привольные пастбища для скотоводов. В Горной Шории и Восточном Саяне, в восточной части Тувы и в Карагасии господствует горнотаежный ландшафт. В средней и западной части Тувы—горно-степной.

Типам ландшафта соответствуют различия в исторически сложившихся хозяйственно-культурных типах. Для горно-степного и степного ландшафта характерно преобладание кочевого или полукочевого скотоводческого хозяйства. Для горнотаежной зоны—преобладание охотничьего промысла и других отраслей лесного хозяйства; и то и другое местами сочеталось с земледелием.

Хозяйство. Скотоводство преобладает в Южном Алтае, у алтай-кижи и теленгетов, в прежние времена оно преобладало также в районе предгорий. Это же кочевое и полукочевое скотоводческое хозяйство господствовало раньше в Абаканских и приенисейских степях, в Минусинской котловине особенно у качинцев, а также в средней и западной части Тувы. Разводятся лошади, рогатый скот, овцы, козы и в очень небольшом количестве (в настоящее время только

в южной части Тувинской автономной области) верблюды.

Тип скотоводства мало чем отличался от монгольского. Прежде это было чисто пастбищное хозяйство с круглогодичным выпасом скота. Зимние тебеневки приводили часто к массовой гибели скота. Только для молодняка запасали в небольшом количестве сено. Траву резали ножами и развешивали для просушки на деревьях в виде жгутов («толгок»). Но еще до революции под русским влиянием распространилось сенокошение. Сейчас на зиму запасается достаточно корму, и система тебеневок почти оставлена. Широко используется молоко. Изготовляются различные молочные кушанья: масло, сыр («пыштак») и пр.; приготовляется своеобразно заквашенная простокваша «чегень», из которой получается целый ряд последующих продуктов. Одним из способов переработки чегеня является перегонка его и выделка молочной водки, араки. После этой перегонки в котле остается масса («арчи»), которая в дальнейшем спрессовывается, коптится в дыму, сушится и получается так называемый «курут», или «сырчик». Курут был в прежние времена главным продовольствием, он запасался на зиму, заменяя собой хлеб. Он похож на очень твердый сухарь и имеет кислый вкус. Из кобыльего молока делают кумыс.

Помимо молока, скот дает и мясо. Очень важно также использование его в качестве средства передвижения, в качестве рабочей силы. Верховые и вьючные лошади—почти единственное средство передвижения в горах, так как колесные дороги начали на Алтае и в Саянах проводиться только в последнее дореволюционное время (ныне почти вся область покрыта автомобильными дорогами).

Используется также шерсть для приготовления войлока, конский волос для арканов, шкуры для изготовления разных кожевенных изделий и т. д.

Скотоводческое хозяйство до революции постепенно шло к упадку в связи с уменьшением пастбищ, сокращением поголовья скота, с общим обеднением коренного населения.

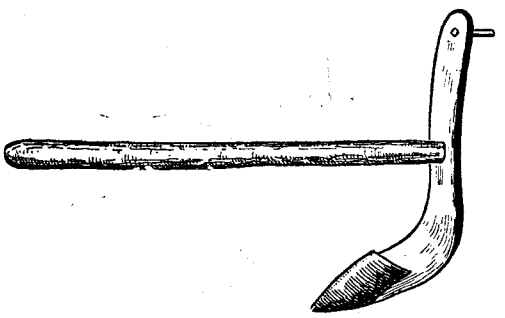
В советскую эпоху, в особенности после коллективизации, наметился новый и резкий подъем скотоводческого хозяйства. Оно поставлено теперь в колхозах на рациональную ногу: заготовка сена на зиму, стойловое содержание, правильный уход за скотом, улучшение пород путем метисации и пр. Между прочим, на Алтае делаются удачные опыты создания особой гибридной породы путем скрещения привозимых из Монголии «сарлыков» (яков) с коровами. Скотоводческое хозяйство теперь развивается и в тех районах, например Северный Алтай, где прежде скота почти не было.

Алтайка с ребенком

Другая форма хозяйства характерна для горно-таежных районов: это—о х о т н и ч ь е хозяйство. Оно преобладало, а частью и сейчас преобладает у населения северного Алтая, у тубаларов, лебединцев, шорцев и в южной Хакассии, особенно у бельтиров и сагайцев, у карагасов, у восточных тувинцев.

«Андазын»—старинный плуг алтайцев

Табун кобылиц на пастбище (пос. Ело, Онгудайского аймака, Горно-Алтайской а. о., 1949 г.).

Пахота трактором, МТС в Горно-Алтайской а. о.

Девушка-шорка—машинист электровоза

Охота имеет те же черты, как и у других таежных народов Сибири. Это пешая и лыжная охота с тем же охотничьим снаряжением, разными снастями и ловушками (только карагасы не употребляют никаких ловушек); с XIX в. получила преобладание ружейная охота на белку в связи с проникновением товарного хозяйства.

Помимо охоты, характерен для горнотаежных районов промысел кедрового ореха. В еще большей степени, чем охота, орешный промысел в эпоху русской колонизации возрос в связи с развитием торговли. В настоящее время в некоторых местах, особенно в северных аймаках Алтая, он составляет очень существенную отрасль дохода населения.

Земледелие появляется на Алтае и на Верхнем Енисее в очень отдаленные времена. Археологические материалы говорят о наличии развитого земледелия по крайней мере в бассейне Енисея еще в I тысячелетии до н. э., а зародилось оно еще раньше—во II тысячелетии (андроновская эпоха). Оно было основано на системе искусственного орошения. Остатки древних оросительных каналов находятся в большом количестве в Минусинском крае, в Хакассии и на Алтае, даже в высокогорных районах (Курайская степь, Чулышманская долина); некоторые из этих каналов были заброшены и только при Советской власти начали восстанавливаться. Несмотря на систему ирригации, земледелие находилось на сравнительно низком техническом уровне. Применялась первобытная мотыга «абыл» и одноральная примитивная соха «андазын», в которую впрягали лошадь. Сеяли почти исключительно ячмень, только в новейшее время стали сеять пшеницу и другие культуры. В наши дни удельный вес земледелия неизмеримо вырос, оно превратилось в ведущую отрасль сельского хозяйства, оснащенную современной техникой.

Рядом с земледелием существовало, особенно в северных горнотаежных районах, собирательство, составляя довольно существенную статью в хозяйстве. Женщины выкапывали особой копалкой («озуп») съедобные корни—сарану, кандык, собирали черемшу—дикий лук, листья и корни бадана (растение, содержащее дубильное вещество). Бедняки употребляли бадан вместо чая.

Очень узкую область распространения имеет оленеводство и мараловодство. Археологические данные свидетельствуют, что когда-то оленеводство было распространено шире, в том числе и на Алтае и в Хакассии. Теперь оно известно

только в восточной части Тувинской автономной области (Тоджинский хошун) и у карагасов. Здесь оно составляет интенсивную и развитую отрасль хозяйства. Карагасский и тувинский олень наиболее крупный и сильный из всех пород оленей. На нем можно ездить верхом, садясь на его крепкую спину, тогда как на тунгусского оленя можно садиться только на лопатки. Оленье седло здесь по типу такое же, как конское. Олени служат как средство передвижения и для молока. Оленья важенка дает мало молока, но зато оно очень густое. Высоко ценятся рога, или панты, оленя. Панты используются также у марала — это предмет экспорта в Китай (они применяются для изготовления лекарств в китайской медицине). Алтайцы охотились за маралами, но, ввиду того что они почти истреблены, охота на них теперь запрещена. Зато сейчас маралы разводятся в особых маральниках ради пантов, которые срезаются у живых животных.

Рыболовство существенной роли не играет.

Другие элементы материальной культуры также характерны для названных выше основных типов хозяйства. Например, для горностепного скотоводческого типа хозяйства характерно было преобладание кожаной утвари и посуды; в северных районах преобладала деревянная посуда и утварь.

Следует отметить кузнечное дело, издавна развитое в некоторых районах Алтайско-Саянского нагорья, прежде всего в Шории, население которой именовалось кузнецкими татарами: развитость кузнечного промысла у них поразила русских. Еще в древности, в VI в., племена Алтая платили дань жуань-жуаням железными изделиями. Кузнечное производство сохранилось местами и до настоящего времени, хотя очень примитивное. Все оборудование кузницы состоит из двух мехов, с небольшим станочком, маленькой наковальни и молота с клещами—все это располагается внутри юрты на земле.

В северных районах Алтая и в Хакассии было развито ткачество с простейшим ткацким станом. У шорцев отмечено очень примитивное гончарство.

В эпоху социализма здесь многое радикально изменилось. Помимо реконструкции земледелия и скотоводства, существенное значение имеет создание крупной государственной промышленности, в которую втягивается и национальное население. А это в свою очередь меняет иногда существенным образом весь облик народа. Самый яркий пример—шорцы. Еще недавно это был народ охотников; сейчас же охотничьим промыслом занимается лишь небольшая часть шорского населения, тогда как большинство его—это рабочие горной промышленности (Кузнецкий бассейн) и колхозники, занимающиеся сельским хозяйством.

Поселения и жилища. Два культурно-хозяйственных типа, с которыми мы познакомились, прослеживаются и по всем элементам материальной культуры, в формах поселений, жилищ, одежды и т. д.

Скотоводческое население, то есть население предгорий и горных степей, жило издавна кочевым бытом. Но с сокращением землепользования этот кочевой быт постепенно сменился полукочевым, который до недавнего времени сохранялся у качинцев, сагайцев и южных алтайцев. Они два раза в год переезжали с зимников на летники и обратно, но и на летниках и на зимниках имели постоянные жилища. Дольше всего кочевание сохранялось по верхнему течению р. Чуи (у теленгитов), а также у западных тувинцев, у которых скотоводство было почти единственной формой хозяйства. Они кочевали по нескольку раз в году. Кроме кочевого типа жилищ, у них никакого другого вплоть до недавнего времени не было.

Что же касается горнотаежных районов, то здесь, по-видимому, и прежде кочевания не было. Здесь издавна сложился оседлый быт, который только несколько разнообразится уходом взрослой мужской части населения осенью на орешный, зимой на охотничий промыслы.

Поселения алтайцев, так называемые аилы, или урочища (в Хакассии и Шории «улусы», в Туве «аалы») расположены по долинам рек.

Основные типы жилищ также воспроизводят эту картину распределения хозяйственно-культурных типов. Для кочевого населения горностепной и предгорной области характерным типом жилища до недавнего времени была круглая решетчато-войлочная кибитка (юрта) монгольского типа. Сейчас она сохранилась только на Чуе у теленгитов и в Туве, в других местах исчезла в связи с переходом к оседлости.

Тип полукочевого жилища представляет собой корьевой конический шалаш, так называемый «аланчик». Он преобладал еще недавно в северных и западных аймаках Горно-Алтайской области. На левобережье Катуни этот тип жилищ был до недавних лет единственным. Но к востоку от Катуни он был частью вытеснен более новым типом, возникшим, быть может, под русским влиянием:

Юрты в тувинском колхозе (1949 г.)

Дом и «аланчик» (колхоз Яны-Дьол, Онгудайского аймака, Горно-Алтайской а. о., 1949 г.)

Алтаец в национальной одежде

это—рубленая многоугольная юрта, своего рода попытка приспособить срубную технику к традиции круглого жилища. В Минусинском крае шести-восьми-десятиугольная юрта бытовала еще в XIX в. На Алтай проникла только шестиугольная юрта, и при том позже. Радлов, когда путешествовал по Алтаю в 1860-х гг., за все время своих поездок видел только одно такое жилище. Оно принадлежало одному богачу-зайсану. Этот тип жилища тогда только что появился.

За первые десятилетия XX в. шестиугольная юрта широко распространилась в Эликмонарском, Чойском аймаках и на р. Чулышмане. Сейчас, однако, она сохраняется чаще в качестве кладовой, амбара, летней кухни.

В горнотаежных районах Северного Алтая бытовали совсем иные типы жилища, связанные с древней оседлой культурой. Еще недавно здесь были землянки. У шорцев известны бревенчатые прямоугольные постройки с пристенным очагом. У тубаларов встречается четырехугольная срубная юрта, сходная с русской избой, но с четырехскатной корьевой крышей, с очагом посередине, без пола и потолка.

У карагасов, как и у тоджинских тувинцев, единственной формой жилища был до недавнего времени конический корьевой шалаш; теперь карагасы живут в деревянных домах.

Для основной массы тувинцев традиционным жильем была войлочная юрта.

Таким образом, в типах жилища отражаются два основных культурно-хозяйственных типа: кочевой скотоводческий (войлочная юрта) и оседлый и полуоседлый горнотаежный, связанный с охотничьим хозяйством (землянка и корьевой шалаш). Остальные типы являются переходными и более новыми формами.

Это же различие мы находим во внутреннем устройстве жилищ и, в частности, в огнище. Для горностепных и предгорных районов характерен очаг посередине жилища и над ним котел на треножнике. Дым из очага идет прямо вверх, в верхнее отверстие, иногда наполняя собой всю юрту. В северных районах у шорцев, частью у лебединцев известен чувал, пристенный очаг с дымоходом.

В последние годы все большее число колхозников-алтайцев, хакасов, тувинцев, шорцев—строят себе новые просторные дома русского типа. Юрты нередко сохраняются лишь как надворные хозяйственные постройки; у чуйских теленгитов—как летнее жилище колхозных пастухов.

Одежда. Наиболее характерная одежда сохранилась в скотоводческих районах: типичный образец ее—национальный костюм южных алтайцев.

У них одежда мужчин и женщин мало различалась между собой. Нательную одежду тех и других составляла длинная рубаха с рукавами (обычно из китайской дабы или русского ситца) и широкие штаны (из дабы, холста, иногда из кожи). Рубаха у бедняков-мужчин иногда отсутствовала, и верхняя одежда надевалась на голое тело. Основной тип верхней одежды—овчинная шуба, почти одинаковая по покрою у мужчин и женщин, длинная, двубортная, с глубоким запáхом направо (в отличие от однобортных халатов народов Средней Азии). Шубы эти носились и летом. Обычно их подпоясывали широким поясом из ткани. Замужние женщины должны были надевать поверх шубы особую длинно-полую распашную безрукавку — «чэгэдэк» (у хакасов — «сигидэк»), весьма негигиеничный обычай, так как чэгэдэк почти никогда не снимался и никогда не мылся. Богачи носили халаты из китайского шелка и дру-

Алтайская бревенчатая 6-угольная юрта с дерновой крышей (р. Чулышман, Улаганский аймак, Горно-Алтайской а. о., 1932 г.)

гих дорогих привозных материй, покрывали этими материями и шубы.

Обувь—высокие сапоги из мягкой кожи. Старый головной убор—высокая черная барашковая шапка в форме пирога с приподнятым передом и с длинными лентами сзади, сходная у мужчин и женщин. Но она еще в 1930-х годах вышла из употребления. Теперь носят обычно маленькую полусферическую шапку с бархатным верхом и с кисточкой. У чуйских теленгитов характерна коническая монгольская шапочка.

Иной тип костюма у северных алтайцев, особенно характерен он у телеутов: холщовая рубаха, халатообразная однобортная верхняя одежда, которая может запахиваться направо и налево. В этой одежде отражены традиции оседлой земледельческой культуры.

Хакасский костюм сходен с южноалтайским, но со своими особенностями. Очень любопытна женская рубаха у качинцев. Она длинная и широкая, у ворота стягивается сборками, а самое интересное и ней—широкие плечевые вставки из яркой материи, отчасти напоминающие русские полики. В ритуальном наряде свахи бросается в глаза деталь—нагрудное украшение полукруглой снизу формы, очень напоминающее татарское «изю».

Из хакасских головных уборов особенно характерны (у качинцев): высокая меховая шапка, по форме близкая к русскому кокошнику, в качестве женского праздничного наряда; вязаный колпак, как у татар, плотно облегающий голову со свисающим по спине верхом: этот головной убор еще в XIX в. вышел из употребления.

Национальная одежда тувинцев того же типа, как у алтайцев, с еще более сильным монгольским влиянием.

Сейчас у всех этих народов национальный костюм сохраняется лишь частично. Прочнее всего удерживается, особенно у пожилых людей, теплая зимняя одежда, а также головные уборы. Молодежь, интеллигенция одевается по-городскому.

Исторические особенности общественного строя. До недавнего времени все население Алтае-Саянского нагорья сохраняло пережитки родовых отношений, но своеобразно модифицированные. Алтайцы, шорцы, хакасы тувинцы и карагасы делились на роды, которые называются «сёёк», что значит буквально «кость», со счетом родства по отцовской линии. Таких сёёков у алтай-кижи считалось 36 (из них самые крупные насчитывали по 1—3 тыс. человек); у качинцев их известно около 10, у сагайцев—свыше 20 и т. д. Роды

Замужняя алтайка в национальном костюме—шубе и чэгэдэке (с. Оруктой, Онгудайский аймак, 1940 г.)

Телеутка в национальном костюме (фото 1940 г.)

до недавнего времени были экзогамными, только у хакасов обычай экзогамии почти забыт. Экзогамия осмыслялась в сознании населения идеей о том, что все члены сёёка—братья—«карындаш», что значит в буквальном значении единоутробный брат (от слова «карын»—материнская утроба). Здесь можно видеть пережиток материнского рода.

Сохранились и некоторые другие пережитки родовых обычаев. Кровной мести нет, и о ней даже не помнят, но другие проявления родовых связей, существовавших в прошлом, сохранились: например, до недавнего времени употреблялись родовые тамги для клеймения скота. Соблюдался обычай родовой помощи, идея родовой солидарности. Сохранились также черты родового культа.

Интересно, что родовая номенклатура саяно-алтайских народов очень проста. У них нет разветвленной системы родовых делений, как у казахов или туркмен. Здесь родовая принадлежность человека определяется обычно одним названием[1]. Человек принадлежит, например, к роду Тодош или Майман, Кергеш, Чапты, Сойон и т. д. Эти роды почти

[1] Вот список сёёков алтай-кижи, в порядке убывающей численности (по данным переписи 1897 г. С. П. Швецов):

Тодош	Меркит
Иркит	Кёёжё
Майман	Каал
Кыпчак	Алмат
Мундус	Чагандык
Тёёлёс	Модор
Кергиль	Тумат
Тонжан	Тербёт
Сойон	Богусхан
Кёбёк	Ярык (Ябыр)
Чапты	Юсь
Оочу	Саал
Байлагас	Прут (Пурут)
Кооболу	Елик
Утты-Сар	Могол
Юлюб	Мерет
Аара	Тогус (Тогул)
Танды	Суузар

(См. Горный Алтай и его население, т. I, ч. I, стр. 91—92).

Качинка-девочка в рубахе с плечевыми вставками (1931 г.)

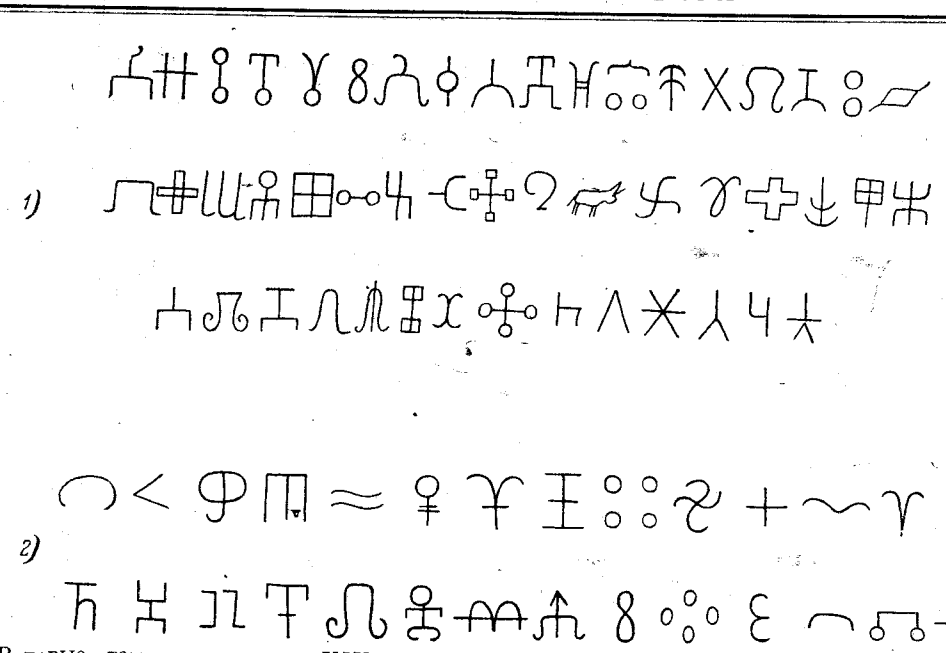

Качинка в костюме свахи (1931 г.)

не подразделяются. Только некоторые из них имеют 2—3 подразделения, например Кара-Сойон и Сары-Сойон, причем эти подразделения даже не все знают.

Что же представляли собой эти роды? Среди названий их встречаются немало таких, которые есть и у народов Средней Азии и которые представляют остатки средневековых тюркских и монгольских племен и народностей: таковы роды Кыпчак, Найман (Майман), Меркит, Кыргыз. Есть также роды Тербет, Чорос, Ойрот—это названия западномонгольских (ойратских) племен, с которыми алтайцы были связаны до середины XVIII в. На северном Алтае есть род Тергеш (до революции была Кергешская волость): это название народа тюргешей, образовавшего свое государство в VII—VIII вв. в Семиречье.

Высказывался взгляд, что у алтайско-саянских народов родовой строй продолжает существовать в настоящее время, но этот взгляд совершенно неправилен. Во-первых, у некоторых групп, в частности у хакасов, в связи с переходом от кочевого к оседлому быту, родовая община почти вытеснена сельской; у хакасов этот процесс протекал в течение XIX в. Во-вторых, и у кочевников сохранились лишь внешние формы родовых отношений. Родовые пережитки давно уже играли роль орудия эксплуатации в руках господствующих слоев населения, полуфеодальных элементов, которые здесь существовали задолго до прихода русских. Роды алтайцев до революции входили на правах административных единиц в систему «родового управления». Во главе так называемых «дючин» (это слово происходит от монгольского «дёчин», что означает «40»), состоявших из отдельных родов, стояли «зайсаны» или князьки. Слово зайсан также монгольское (вернее омонголенное китайское). Было всего 7 Алтайских дючин, 2 Чуйские и 4 Черневые волости. Зайсан представлял собой формально родового старшину, а по существу

Родовые тамги хакасов в XIX в.: *1)*—Белтырского рода, *2)*—Сагайского рода 1-й половины

полуфеодала, который, пользуясь родовыми пережитками для эксплуатации своих сородичей и соплеменников, являлся своего рода кочевым помещиком. Кроме зайсанов, существовали более мелкие административные должности—демичи, шуленги, арбанаки и т. д. В Хакассии и в Шории вместо зайсанов были башлыки и дзасулы (т. е. эсаулы). У хакасов «Уставом» 1822 г. были введены Степные думы: Качинская, Койбальская, Сагайская, Кызыльская.

Полуфеодально-байские элементы практиковали—согласно исследованиям Л. П. Потапова—патриархальную по форме, но иногда довольно суровую эксплуатацию трудящегося населения: у алтайцев она выражалась в обычаях «полыш»—раздачи скота на выпас (аналогия казахскому «саун», киргизскому «саан»), «айбы-кюн»—обязательная отработка одного дня в хозяйстве бая, «тен-улеш» испольная аренда и др. Все это маскировалось фикцией «родовой взаимопомощи».

Наряду с этой формой патриархальной феодально-родовой эксплуатации, у алтайцев, хакасов и отчасти тувинцев в последние десятилетия до революции назревали элементы капиталистических отношений, связанные с проникновением товарного хозяйства. В особенности это было заметно в северных горно-таежных районах Алтая, где преобладал охотничий и орешный промысел, который имел товарное направление. Наряду с русскими скупщиками здесь выделялась собственная эксплуататорская верхушка (баи-богачи), уже не родовитого происхождения, а выросшая на основе развития товарного хозяйства. Эксплуатация промыслового населения, однако, тоже сохраняла оттенок патриархальности. Здесь складывались отношения так называемого «танышества», от алтайского слова таныш—приятель. Русские скупщики, приезжая, завязывали приятельские отношения с охотниками, спаивали их водкой, раздавали товары в кредит и тем закабаляли их нередко на всю жизнь, принуждая сдавать за бесценок продукты орешного и охотничьего промыслов своим «танышам». Алтайцы должны были при этом считать своими благодетелями этих своих «танышей»—скупщиков, которые их грабили.

Таков сложный переплет родовых пережитков, полуфеодальных пережитков и нараставших элементов капиталистических отношений, который существовал на Алтае до революции. Приблизительно то же было и в Хакассии.

Наиболее развитые и в то же время наиболее сложные феодальные отношения существовали (до 1911 г., до Китайской революции) у тувинцев. Здесь над местной полуфеодальной знатью (нойонами) возвышалась монгольская, чисто феодальная надстройка (князья, жившие в Монголии, но управлявшие тувинцами через своих «тарга»—доверенных), а еще выше—китайская бюрокра-

тия. Вся Тува—Урянхайский край—составляла одну из провинций Китайской империи, подчинявшуюся цзянь-цзюню (губернатору) в Улясутае. Она делилась на 9 «хошунов», часть которых управлялась собственными тувинскими князьями (ухерида или огурда, да-нойон) во главе с «амбань-нойоном», а часть—монгольскими князьями. Хошуны делились на сумо, сумо—на арбаны. Во главе каждой из этих единиц стоял чиновник, сбиравший с населения подати и ведавший суд и расправу. Феодально-фискальные поборы (албан) и всевозможные натуральные повинности были чрезвычайно тяжелы. Они нередко доводили до полного разорения трудящегося «арата». Практиковалась жестокая система вымогательств и судебных наказаний.

Социалистическая революция и коллективизация ликвидировали все паразитические элементы населения Алтае-Саянского нагорья и освободили его от вековой кабалы.

Дольше всего сохранялись остатки эксплуататорских отношений в Туве. Хотя тувинский народ еще в 1911 г. освободился от жестокого китайско-мандаринского режима, но собственные князья продолжали держать его в подчинении. В годы Тувинской народной республики (1921—1944) положение аратских масс улучшилось лишь частично. Только включение Тувы в Союз Советских Социалистических Республик (1944) положило конец засилью паразитических групп.

Религиозные пережитки. Сложному переплетению общественных отношений соответствовали и религиозные верования населения этой области. На Алтае с 20-х годов прошлого столетия действовала православная миссия, но результаты ее деятельности были весьма неодинаковы в разных частях края. Население Северного Алтая, правда, было христианизировано почти полностью, ибо оно находилось в зависимости от русского капитала, к которому на службу перешли фактически местные зайсаны и баи. Что же касается Южного Алтая с преобладанием горно-скотоводческого хозяйства, то влияние русского капитала сказывалось здесь меньше. Местные зайсаны занимали самостоятельное положение и были врагами христианства; успехи миссионеров здесь были меньше и удерживались дохристианские верования.

Алтайский шаман

До самого недавнего времени у алтайцев сохранялись шаманы. Своеобразным облачением шамана служила короткая меховая куртка, обвешанная множеством длинных жгутов, изображающих змей, колокольчиками. Бубен шамана круглый или слегка удлиненный, широкоободный, с рисунками на наружной стороне. Внутри он имеет характерную особенность: по продольной его оси укреплена рукоять, изображающая собой человеческую фигуру. Это «чалу», или хозяин бубна, один из главных шаманских духов. Почти такой же бубен известен у хакасов, у шорцев и у карагасов, но у них рукоять уже не в виде человеческой фигуры.

По существу же шаманские верования у этих народов были усложнены посторонними влияниями. Характерен довольно развитый пантеон богов и духов во главе с великими божествами: добрый бог-творец Ульгень, на создание образа которого повлияла несторианская мифология; ему противостоит злой бог Эрлик, соответствующий дьяволу. Наряду с этими богами есть целый ряд духов, делящихся на чистых и нечистых, «ару-неме» и «каранеме». Большую роль играют родовые духи и духи предков шамана—«тёс». Шаманы устраивали камлания и кровавые жертвоприношения и злым и добрым духам.

Помимо шаманства, некоторую роль в верованиях алтайцев играли пережитки родового культа. Каждый род имел своего духа-покровителя, свою священную гору, и названия этих гор до сих пор сохранились у населения в памяти. У северных алтайцев, телеутов, шорцев обнаружены любопытные пережитки женского культа, восходящего к отдаленной эпохе материнского рода: это особые куклы «Эмэгэндэр» («бабушки»), которым женщины приносили жертвы.

Обряд кормления «эмэгэндэр» у телеутов

У хакасов родовой культ сохранялся в более ясных формах. У них были родовые моления небу—«тигыр тайх» под руководством «уважаемых стариков» и моления родовой горе—«таг тайх». В последние десятилетия перед революцией в связи с переходом от родовой к сельской общине эти моления превратились из родовых в улусные. У тувинцев тоже известны большие общественные моления: родовые и даже целых сумо и хошунов, и чисто территориальных групп.

Жертвоприношения родовые и шаманские играли вредную роль не только в смысле одурманивания сознания масс, но и чисто экономически, так как в жертву приносили скот.

Наряду с проникновением христианства на Алтай здесь имело место влияние и другой религии, ламаизма, но более слабое. Это влияние, однако, сказалось на возникновении совершенно новой религии, буквально на глазах у исследователей, так называемого бурханизма. Это событие имело место в 1904 г., в год японской войны, когда общее обострение политической обстановки в стране вызвало среди алтайского зайсанства и байства надежду на возвращение к «счастливым» временам ойротского господства. Легенда об Ойрот-хане, который должен избавить свой народ, вылилась в форму религиозной проповеди некоего пастуха Чета Челпанова, за спиной которого стояли крупные баи. Проповедь его состояла в том, что с русскими дела иметь не нужно, русские деньги нужно выбросить, но и шаманам также не нужно верить, а служить надо только богу Бурхану, которому приказал молиться Ойрот-хан. Проповедь Чета Челпанова имела большой успех. В короткое время все население Южного и Западного Алтая было вовлечено в это движение. Устраивались повсеместно моления, появились жрецы новой религии, так называемые ярлыкчи. Царская администрация забеспокоилась, увидела в этом революционное движение и двинула туда войска. В Теренгской долине было устроено нападение на толпу молящихся. Зачинщиков арестовали и судили, но вынуждены были оправдать (в этом деле сыграла положительную роль этнографическая экспертиза—выступление этнографа Д. А. Клеменца). Дальнейшего расширения бурханизм не получил, но юго-западная часть Алтая все же осталась под влиянием этой религии.

Бурханизм нельзя рассматривать как форму национально-освободительного движения против колониального гнета, как это делали некоторые этнографы. С самого же начала руководство этим движением захватили местные эксплуататорские группы полуфеодальной и полубуржуазной алтайской знати, во главе которой стал крупный бай Аргамай Кульджин. Сам Чет Челпанов был лишь игрушкой в руках этих полуфеодалов. После Октябрьской революции в ходе социалистического строительства бурханизм приобрел еще более реакционный характер.

Что касается Хакассии, то здесь проповедь христианской миссии имела большой успех. Хакасы все считались до революции православными. У них пережитки дохристианских верований сохранились в более слабой форме.

Наконец, у тувинцев официальной религией до последнего времени был буддизм-ламаизм. Он проникал в Туву через феодальную знать из соседней Монголии еще с XVII в. В Туве в начале XX в. было 22 буддистских монастыря («хурэ»), где большинство лам было из самих тувинцев, но часть—из монголов. Языком богослужения и церковной письменности был тибетский. Положительного культурного значения для тувинского народа ламаистские монастыри никакого не имели, будучи такими

же паразитами-вымогателями, как и князья. Наряду с официальным ламаизмом, сохранялись и древние верования, в том числе шаманство.

Народное творчество. Народное творчество развито неравномерно. Изобразительное искусство у алтайцев представлено сравнительно слабо; орнамент на одежде и бытовых вещах довольно примитивен. У хакасов он значительно богаче и разнообразнее; у них, кроме геометрических мотивов, встречаются и более сложные растительные элементы орнамента. У тувинцев издавна существует своеобразное камнерезное искусство—изготовление скульптурных фигурок из мягкого камня (агальматолита). Помимо человеческих статуэток условно обобщенного стиля, мастера резали фигурки для шахматной игры (у тувинцев несколько отличающейся от обычной). Теперь некоторые тувинские камнерезы преодолевают старую условность стиля и создают художественные реалистические скульптурные произведения.

В советское время и у алтайцев стало полнее развиваться изобразительное искусство. Национальные художники, ученики Г. И. Гуркина и Н. И. Чевалкова, успешно сочетают европейскую технику живописи с художественной трактовкой чисто местных мотивов природы и быта.

Более глубокие исторические корни имеет музыкальное искусство. Народные мелодии довольно разнообразны. Из музыкальных инструментов алтайцев наиболее интересен «топшур»—род двухструнной балалайки, настроенной в кварту. У хакасов есть также многострунная цитра «чатхан».

Богат и разнообразен фольклор, содержащий в себе, кроме сказок и лирических песен, также и красочный героический эпос. У хакасов эпические поэмы были записаны и опубликованы еще до революции—Радловым, Катановым, Майнагашевым и другими. У алтайцев они почти не были известны и считались забытыми. Лишь недавно, в советскую эпоху, выявлены огромные богатства алтайского героического эпоса: записаны и изданы героические поэмы «Когутэй», «Алтай Бучай», «Малчи Мерген», обнаружен и ряд других. Одним из лучших сказителей этих поэм был народный певец Николай Улагашев. Чрезвычайно интересно, что алтайские эпические поэмы, в отличие от хакасских, где заметна обработка их в духе взглядов господствовавших классов, пронизаны ярко демократическим, антифеодальным духом.

Алтаец с музыкальным инструментом «топшуром»

Очень содержательный сборник шорского фольклора появился тоже только в советское время («Шорский фольклор», 1940). Тувинский фольклор пока еще слабо изучен, однако и в нем обнаружен героический эпос.

Вопрос об этногенезе. Выше упоминалось о тех данных языка, родовых и племенных названий, культуры, археологических данных, которые помогают разобраться в вопросах этногенеза алтайско-саянских народов. В последние годы вопросы эти, особенно в результате исследований Б. О. Долгих и Л. П. Потапова, стали довольно ясными.

В горнотаежных областях Алтайско-Саянского нагорья издавна обитали охотничьи и охотничье-оленеводческие племена; большинство их говорило на самоедских диалектах. В горностепных районах, особенно в Южном Алтае, в Минусинской котловине, кочевали племена скотоводов; они были тюркоязычны по крайней мере с VI—VII вв., а может быть, и гораздо раньше. Племенные названия их известны и по ранним китайским источникам и особенно по орхоно-енисейским надписям. Среди них упоминается, например, племя тёлёс,—это телесы русских документов XVII в., откуда и название Телецкого озера; сейчас—род Тёёлёс у алтайцев; упоминаются тюргеши,—впо-

следствии Кергешская волость, теперь род Тергеш у тубаларов. По предположению Потапова, важную роль в этногенезе алтайцев играли кипчакские племена—сородичи известных в южнорусских степях XI—XIII вв. кипчаков-половцев: на это указывает, по его мнению, не только язык и этнонимика, но и целый ряд мелких этнографических особенностей (в пище, одежде и пр.), сходных у алтайцев с тюркоязычными народностями Средней Азии и Поволжья.

Дальнейшая этническая история алтайско-саянских племен состояла в постепенном распространении тюркской речи и в горно-таежные районы, племена которых под влиянием сношений со скотоводами, или попадая в зависимость от них, одно за другим тюркизировались. Вливались и новые этнические элементы, например монгольские (найманы, меркиты и др.). После разгрома Ермаком Кучумова царства часть его населения откочевала на восток, на р. Чулым; эти пришельцы со Средней Оби влились впоследствии в состав хакасов. Быть может, этим следует объяснить некоторые этнографические черты культуры хакасов: особый головной убор типа колпака, рубаху с плечевыми вставками, многострунный музыкальный инструмент.

Племенная раздробленность сохранилась в связи с патриархально-феодальным типом отношений вплоть до последнего времени. Лишь Октябрьская социалистическая революция, ликвидировавшая этот уклад, включившая население Саяно-Алтая в общую экономическую жизнь страны, давшая мощный толчок его культурному развитию,— создала условия для этнического сплочения разрозненных племен. На основе новой социалистической экономики и культуры они сплотились ныне в алтайский, хакасский, тувинский народы.

3. ЗАПАДНОСИБИРСКИЕ ТАТАРЫ

К народам Саяно-Алтая были близки в прошлом тюркоязычные народы бассейна Средней Оби и Иртыша. После прихода русских они оказались отделены географически от своих прежних южных соседей. Часть их вообще утратила национальную самобытность, ассимилировавшись с русскими. Другие живут отдельными островками, окруженные русским населением. Большинство этих народов объединяется общим названием «западносибирские татары».

Татары Среднего и Нижнего Иртыша— остаток коренного населения «Сибирского юрта» XV—XVI вв., разгромленного казаками Ермака. Это было когда-то многочисленное население, и позднее, вплоть до XVIII в., они составляли обособленную компактную группу, сохранявшую свои национальные самобытные черты. Но с начала XIX в. положение для них изменилось к худшему: под влиянием колониального гнета, торгово-ростовщической эксплуатации и в силу других причин наметилось общее обеднение татар и упадок их культуры. В 1880-х гг. Н. М. Ядринцев, побывавший у западносибирских татар, писал о них, что еще в XVIII в. татары были «богатым сословием Сибири, они были оседлы, имели земли и угодья, купленные и жалованные, занимались торговлей и обладали капиталами. Быт их в настоящее же время (1882 г.) совершенно нищенский, они лишились земель, представляют полудикое несчастное население, почти сплошной пролетариат»[1]. В связи с этим шел и медленный, но неуклонный процесс ассимиляции с русскими, следствием чего было численное сокращение татарского населения.

Западносибирские татары (около 70 тыс.) делятся на географические группы: тобольские (в том числе так называемые «заболотные»), тюменские, томские, барабинские. Наиболее многочисленны тобольские татары. Язык их близок к казанско-татарскому, отличаясь своеобразным «цоканьем», и распадается на диалекты. В прошлом у них были племенные подразделения (тогус, курдак, яскалбы, иштек, туралы и др.), сейчас они забыты.

В Барабинской степи, по р. Оми, правому притоку Иртыша, живут барабинские татары (около 7,5 тыс.), которые в настоящее время почти ассимилировались с пришлыми казанскими татарами.

В материальной культуре татар сохранилось мало самобытных черт. Прежние бревенчатые юрты сменились русскими избами и домами, однако в них встречается вместо

[1] Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882, стр. 97.

русской печи чувал, а хлебная печь устраивается снаружи; обстановка тоже иногда на восточный лад: нары («урын»),покрытые коврами и подушками. Национальный костюм почти не сохранился; прежде мужчины носили рубаху «кюйляк» ярких цветов, короткий «камзул» и длинный «бишмет», тюбетейку, зимой овчинную шубу; у женщин—широкая рубаха, камзул, широкие шаровары, халат, суконная или бархатная шапка.

По религии татары мусульмане: ислам принесен к ним в XVI в. при Кучуме. Но есть и следы домусульманских верований и обрядов: раньше почитали священные деревья, приносили жертвы небу и духам—«хозяевам». Описан женский праздник «каргатуй» (прилет ворон).

Особую этнографическую группу сибирских татар представляют «сибирские бухарцы» (свыше 12 тыс. по переписи 1926 г.). Это сравнительно недавние поселенцы, вышедшие из Бухары и осевшие в Западной Сибири в эпоху Кучумова царства. Позднее, в эпоху развития торговли Сибири с Бухарой, в XVIII в., количество бухарцев увеличилось. Помимо торговли, многие из них занимались извозом. Они, однако, не сливались с татарами, и сознание своего особого происхождения сохранилось у них до настоящего времени.

К этому коренному, старому татарскому населению присоединились так называемые пришлые татары, выходцы из районов Поволжья, которые к концу XIX в. составляли группу около 20 тыс. Впрочем, довольно

Группа западносибирских («заболотных») татар: рыбаки-ударники колхоза

трудно разграничить этих пришлых татар от коренного татарского населения, тем более что по языку и культуре обе эти группы и раньше были близки. Однако в антропологическом типе сибирских татар более заметны монголоидные черты, чем у пришлых.

4. БУРЯТЫ

Буряты, или «бурят-монголы»[1] (около 240 тыс.)—коренное население Прибайкалья, точнее Бурят-Монгольской АССР, Усть-Ордынского национального округа Иркутской области и Агинского национального округа Читинской области. По языку они принадлежат к восточной ветви монгольской группы народов.

Бурятский язык делится на несколько наречий и большое количество говоров, которые принято объединять в две основные группы: 1) наречие западных, иркутских, или пред-

[1] Термин «бурят-монголы» в этнографическом отношении неверен. Он был искусственно введен бурятскими буржуазными националистами (Баторовым, Богдановым и др.) в первые дореволюционные годы. Сам народ называет себя «бурят», и обозначения «бурят-монгол» не знает. Принадлежность бурят к монгольской группе народов (и бурятского языка—к монгольской языковой группе) не дает оснований употреблять термин «бурят-монголы», подобно тому как принадлежность русского языка к славянским не дает оснований называть русских «руссо-славянами». Название республики «Бурят-Монгольская АССР» тоже не оправдывает употреблений термина «бурят-монголы»; это—не единственный в СССР пример наименований республики по двум национальностям: Кабардино-Балкарская АССР, бывш. Карело-Финская ССР, также Ханто-Мансийский национальный округ, и т. п. «Бурят-монголами» можно было бы условно называть лишь некоторые смешанные группы бурятского населения, например селенгинских бурят, в составе которых есть бывшие монгольские роды.

байкальских, бурят и 2) наречия и говоры восточных, или забайкальских, бурят. Западные говоры между собой очень близки и составляют одно наречие, но в восточных говорах можно выделить несколько групп, заметно между собой различающихся. Помимо чисто бурятских хоринского, баргузинского и кударинского говоров, здесь выделяется селенгинское наречие—переходное от чисто бурятского языка к монгольскому[1]. Обособленное место занимает еще одно наречие—баргу-бурятское. Оно занимает промежуточное положение между бурятским, с одной стороны, а с другой—халкасским и южномонгольскими языками. Баргу-буряты (баргуты) живут в области Барга (северо-западная Маньчжурия).

Между западными (предбайкальскими) и восточными (забайкальскими) бурятами есть и различия в культуре.

Этногенез и исторические сведения. Вопрос о происхождении бурятской народности давно ставился в литературе. Прежде вопрос этот решался несколько упрощенно: считали, что буряты будто бы переселились сюда, придя с юга, из Монголии. Это переселение одни относили к эпохе Чингисхана, другие—к более поздней. Нет никакого сомнения, что в составе бурятского населения Прибайкалья действительно имеются кочевническо-скотоводческие элементы монгольского происхождения. В самих преданиях бурят содержатся указания на переселение предков, родоначальников отдельных бурятских родов из монгольских степей, даже высчитывается, за сколько поколений произошло это переселение. Но, с другой стороны, в бурятских же преданиях имеются и совершенно иные указания, которые могут относиться только к историческому прошлому местного охотничьего, а не степного, не скотоводческого населения.

Археологические исследования обнаруживают исторические связи западнобурятского населения с так называемой Курумчинской культурой, которая характеризовалась полуоседлым охотничье-земледельческо-скотоводческим хозяйством при наличии развитого кузнечного производства. Культура эта датируется эпохой примерно VII—X вв., что подтверждается находкой пряслица из каменного угля с надписью руническим орхонским шрифтом. Рунические надписи обнаружены местами и на скалах в верховьях Лены. По этим надписям можно судить, что здесь жило тюркоязычное население. Большинство исследователей считает, что это были курыканы (как они именуются в Орхонских надписях), или «гулигань» китайских хроник.

Наиболее раннее достоверное упоминание о бурятах находится в «Сокровенном сказании» (Юань-чао-би-ши), монгольской хронике, составленной около 1240 г., т. е. почти современной событиям эпохи Чингисхана. В ней говорится о покорении монголами (1207 г.) в числе других народов также и бурят.

Другое раннее упоминание, но уже не о бурятах в целом, а об отдельных бурятских племенах, содержится у Рашид-ад-Дина (начало XIV в.). В «Истории Монголов» Рашид-ад-Дина при перечислении монгольских и омонголенных племен упоминаются племена булагачин (булагаты) и керемучин, затем икирас (вероятно, позднейшие ихириты), хори, т. е. известные хоринцы, и баргут.

Русские, придя в Прибайкалье в XVII в., застали здесь уже не тюркоязычное, а монголоязычное население. Очевидно, между X и XVII вв. произошла монголизация прибайкальского населения. Вероятнее всего, что она относится к эпохе Чингисхана. Но некоторые исследователи относят монголизацию к более раннему времени—к XI в. (А. П. Окладников и др.); иные (Г. Н. Румянцев) полагают даже, что монголоязычные племена жили испокон веков в Прибайкалье вплоть до верховьев Лены, соприкасаясь здесь с тюркоязычными племенами. Как бы то ни было, но проникшие в Прибайкалье монгольские элементы смешались с местным охотничье-земледельческим тюркоязычным населением. Результатом этого и было образование смешанной, своеобразной культуры бурят. Но в Западной Бурятии больше сохранились черты древней полуоседлой охотничье - земледельческо - скотоводческой культуры, а в Забайкалье издавна господствовали степные, кочевническо-скотоводческие, условно «монгольские» элементы. Монгольский же язык одержал верх, хотя в речи западных бурят сохранились и тюркские элементы.

Когда именно произошло слияние разноязычных племен в единую бурятскую народ-

[1] Г. Д. Санжеев на основании новейших исследований не считает правильным деление бурятского языка на западную и восточную группы говоров. Вместо этого он предлагает предварительное деление его на 12 диалектов: хоринский, цонгольский, селенгинский, кабанско-баргузинский, тункинский, окинский, нижнеудинский, унгинский, аларский, боханский, эхиритский, булагатский. Бурятский литературный язык строится на основе хоринского диалекта.

ность, об этом вопросе еще ведутся споры. Некоторые (Б. О. Долгих) полагают, что в момент прихода русских буряты еще не составляли одной народности, не было еще сознания народного единства и общего имени; что «бурятами» называли себя только эхириты и булагаты; считают, что лишь в XVIII в. завершилось формирование народности (Г. Н. Румянцев). Но вернее, что бурятская народность образовалась уже в дорусскую эпоху, и самое название «буряты» уже тогда было общенародным.

В русских документах XVII в. буряты называются «братами» или «братскими людьми». Это название, по-видимому, представляет собой искажение самоназвания «бурят», дошедшего до русских через тюркоязычное население Верхнего Енисея, которое называло бурят—«ыырат».

Русские документы XVII в. содержат в себе довольно много материалов, относящихся к бурятам. Чисто этнографические описания относятся к XVIII в. и содержатся в записях Гмелина, Миллера, Палласа, Георги и других путешественников. Из известий XIX в. особенный интерес представляют работы историка А. П. Щапова, который был родом из Прибайкалья и по матери сам бурят. Попавши в ссылку на свою родину, Щапов занялся этнографическими исследованиями русского и бурятского населения. В 1875 г. он опубликовал большую статью под названием «Бурятская улусная родовая община», где описывал сохранившиеся у бурят родовые пережитки.

Очень важные материалы по экономике восточных забайкальских бурят содержатся в работах Комиссии сенатора статс-секретаря Куломзина, относящихся к концу XIX в. (см. особенно 10-й том «Трудов» этой комиссии). Задачей комиссии Куломзина было изучение форм землепользования населения Забайкалья, в частности у бурят, с целью отобрать у них часть земли для нарезки переселенческих участков.

Необходимо отметить ценные работы бурятских национальных исследователей-этнографов. Первым из них был крупный ученый Доржи Банзаров, который опубликовал в 1846 г. исследование о старой религии бурят и монголов. Продолжателями Доржи Банзарова были бурятские ученые конца XIX и начала XX в.: М. Н. Хангалов, М. Н. Богданов и др.

В советское время работы по изучению бурятской этнографии еще больше расширились; уже есть много содержательных историко-этнографических исследований: Ф. А. Кудрявцева, В. П. Гирченко, А. П. Окладникова, Б. О. Долгих, Г. Н. Румянцева, П. Т. Хаптаева и других. Особенно плодотворную работу развертывает сейчас Институт культуры Б-М. АССР в Улан-Удэ.

Хозяйство. В XVII в., когда русские появились в Прибайкалье, преобладающей отраслью хозяйства бурят было скотоводство. Оно сохранило свое ведущее значение у бурят и позже, хотя под влиянием русских переселенцев с XVIII в. буряты начали все больше заниматься земледелием. Само скотоводство у бурят было неодинаковым в Забайкалье и в Предбайкалье. В Забайкалье оно представляло копию монгольского типично кочевого хозяйства, чисто пастбищного, с зимними тебеневками. Разводили овец, рогатый скот, лошадей, коз, верблюдов. Эти «5 видов скота» («табан хошуу мал»)—своеобразная традиция бурятского хозяйства. В Западной Бурятии скотоводство несколько иного, полуоседлого типа; здесь существовала издавна система запасания корма на зиму. У западных бурят очень характерна подготовка сенокосов путем ирригации и навозного удобрения (последнее составляет особенность хозяйства западных бурят). Такие земли носят название утугов. Это наиболее ценные по качеству сенокосные участки. Они и сейчас сохраняют большое значение; многие колхозы восстанавливают старые и закладывают новые утуги.

Использование продуктов скотоводства у бурят было очень разностороннее: мясо, молоко, шкуры, кожи, шерсть. Характерна сложная переработка молочных продуктов, изготовление разнообразных молочных кушаний и напитков, в частности выделка молочной водки «тарасуна». Тарасун сейчас вышел из употребления, но различные бурятские национальные блюда из молока, мяса и муки теперь в ходу еще больше, чем прежде, они доступны всему народу.

Вспомогательное значение имели охота и рыболовство. Охота играла когда-то крупную роль, в особенности у западных бурят, в лесостепной и лесной зоне. Бурятские предания говорят об эпохе облавных охот «зэгэтэ-аба» (у восточных бурят «аба-хайдак»), когда охота составляла преобладающую отрасль хозяйства бурят. В последнее время, в связи с истреблением зверей, охота потеряла прежнее значение. В Забайкалье, в степной полосе Бурятии оно всегда было меньше. Старое вооружение бурят состояло

Изделия бурятских женщин

из копья с железным наконечником, сабли, но главную роль играл лук сложного типа[1].

Рыболовство составляет существенное подспорье хозяйства на берегах Байкала, в низовьях Селенги и особенно на острове Ольхоне, где ловится много омуля и другой рыбы. Здесь рыболовство и сейчас играет местами в колхозах преобладающую роль.

Что касается земледелия, то эта отрасль хозяйства существовала в Западной Бурятии издавна. Уже курыканы знали земледелие. Во многих районах и сейчас видны следы древних оросительных каналов. Земледельческие традиции не прерывались и позже. В первых русских известиях говорится о том, что буряты сеют просо и гречу.

Под влиянием русских крестьян уже с XVIII, а особенно в XIX в. происходил постепенный переход бурят к оседлости и к земледелию, сначала в Западной Бурятии, а потом и в Забайкалье. В период капитализма богатые буряты заводили себе и усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. После революции и особенно в годы коллективизации земледелие превратилось в одну из ведущих отраслей хозяйства Бурятии.

Из других отраслей материального производства у бурят, особенно забайкальских, очень развита техника обработки кожи и шкур, также войлока. Интересны ковры («тара»), которые ткались бурятскими женщинами из козьей шерсти и конского волоса, вышивки китайским шелком и пр. Кузнечное дело существует издавна, это подтверждается археологическими данными. Имеется деревообделочное производство. Бурятские мастера-литейщики, ювелиры умели выделывать прекрасные вещи. Например, еще в конце XIX в. в одном из улусов на р. Тугнуй (приток Селенги) изготовлялись изделия из литой меди—женские украшения, сосуды, культовые предметы,—пользовавшиеся большим спросом в Монголии и по качеству не уступавшие китайским. В других районах выделывались предметы быта, оружие, украшения с насечкой серебром, медью, оловом.

У бурят издавна был развит обмен—обмен, в частности, с таежными охотничьими

[1] Как известно, луки делятся вообще на простые и сложные. Простой лук—из одного куска дерева (гибкой палки) с привязанной к концам тетивой—был распространен почти по всему земному шару и, вероятно, был изобретен в разных странах самостоятельно. Сложный лук делается из нескольких склеенных вместе пластин дерева, рога, иногда бересты; он имеет двойной изгиб (концы отогнуты вперед) и более эластичен, чем простой лук. Сложный лук был известен только народам Азии, Северо-Восточной Африки, Восточной и Юго-Восточной Европы. Одна из наиболее совершенных разновидностей сложного лука —монгольский лук, распространенный также у бурят, якутов и др.

народами, соседями бурят, прежде всего с тунгусами, которым они променивали продукты скотоводческого и земледельческого хозяйства, а получали от них меха.

Существовали торговые отношения и с монголами. Буряты выполняли роль посредников, перепродавая монголам получаемые ими от тунгусов меха, а тунгусам продавая разные изделия, получаемые от китайцев, монголов и других народов: металлические изделия, ткани и т. д. Такие развитые отношения обмена застали уже русские в XVII в. Русские принесли с собой новые товары, и заинтересованность в них была для бурят одним из мотивов, побудивших их принять добровольно подданство России.

Кочевой и оседлый быт, жилища. Русские, придя в Прибайкалье в XVII в., застали в полном расцвете кочевой быт, особенно в Восточной Бурятии. В связи с русской колонизацией чем дальше, тем больше шел процесс сокращения кочевания и постепенного оседания бурят. Еще недавно зимние и летние улусы существовали почти у всех предбайкальских бурят. В настоящее время они уже не кочуют. Что касается Забайкалья, то там дольше сохранялись пережитки кочевого образа жизни. А в Агинском национальном округе на границе с Монголией они сохраняются и сейчас.

Система кочевания находилась в зависимости и от классовой принадлежности отдельных хозяйств, от их имущественной обеспеченности. В Забайкалье у бедных хозяев были только зимники (убульдерен) и летники (засулан), и перекочевки совершались два раза в год. Более обеспеченные хозяйства перекочевывали еще весной и осенью, а самые крупные скотоводы—до 10—12 раз в год. Чем больше было скота, тем больше нужно было земли для выпасания его, и приходилось чаще перекочевывать.

Наиболее характерный способ передвижения у бурят—это езда верхом, традиционный вид транспорта у скотоводческих народов Азии. Но наряду с этим употреблялась и двухколесная повозка, незнакомая в прошлом ни одному из прочих народов Сибири, но издавна известная у кочевого скотоводческого населения Центральной Азии.

Традиционной формой жилищ бурят-кочевников была в прошлом кочевая решетчато-войлочная юрта «монгольского» типа. В XVII—XVIII вв. она господствовала и у восточных и у западных бурят, но затем, по мере сокращения кочевий и упадка овцеводства начала постепенно уступать свое место деревянным постройкам. В Западной Бурятии войлочная юрта вышла из употребления уже к середине XIX в., а в Забайкалье она удержалась до недавнего времени, особенно у богатых бурят. В Агинском национальном округе пастушеские колхозные бригады употребляют ее и сейчас.

Деревянные постройки полуоседлого и оседлого типа существовали у западных бурят, по-видимому, издавна: о них упоминает, например, в 1693 г. Исбранд Идес. Вероятно, это было наследие Курумчинской эпохи. Но неясно, какова была их конструкция. В сообщениях путешественников XVIII в. говорится уже о многоугольных срубных юртах у западных бурят, и такая юрта дожила до наших дней. Шести-восьми-десятидвенадцатиугольная юрта представляет собой (как и у хакасов) своего рода скрещение круглой кибитки с четырехугольным срубным жилищем, вероятно, возникшее под русским влиянием.

Еще с конца XVIII в. появилось и срубное жилище типа русской избы, но без окон, без пола и потолка, с дымовым отверстием в крыше. Оно было известно и в Забайкалье и в Западной Бурятии и ко времени революции сделалось господствующим типом, по крайней мере как зимнее жилище.

Под влиянием русских буряты стали строить и надворные хозяйственные постройки, сараи, скотные хлевы, окружать усадьбы изгородью.

Теперь в большинстве районов буряты-колхозники живут в благоустроенных поселках, которые чаще расположены на месте бывших летников. Дома срубные, русского типа, с двускатной кровлей, однако внутреннее расположение непохоже на русское. Дома чаще однокамерные (с пристройкой—сенями и кладовой) или двухкамерные. Посередине жилой комнаты—печь-плитка, соединенная с голландкой. Обстановка почти везде теперь городская с различными предметами культурного обихода (зеркала, часы, радио, книги, нередко телефон и пр.).

Одежда. Старинный бурятский костюм дает типичную картину кочевнической одежды. Это халатообразная одежда, почти одинаковая у мужчин и женщин, запахивающаяся на правую сторону, для чего имеется прямоугольный вырез, сверху подпоясывается поясом. Зимой это меховая шуба (дыгыл), летом—халат из ткани, у богачей—из дорогих китайских шелковых материй. Этот тип одежды характерен для монголов, бурят, алтайско-саянских народов.

Старая бурятская войлочная юрта

Группа бурят-колхозников (колхоз им. Энгельса) (фото 1954 г.)

Бурятские женщины (стоят) и девушки (сидят) в праздничных костюмах (конец XIX в.)

Не перечисляя всех отдельных деталей и подробностей бурятского костюма, остановимся только на одной характерной детали. Это своеобразная женская верхняя безрукавка «уужа», носимая поверх шубы или другой одежды, аналогичная алтайскому чэгэдэку и обозначающая, что женщина замужем.

Старинным головным убором была меховая коническая шапка с кистью, одинаковая у мужчин и женщин, сходная с монгольской.

Сейчас этот национальный костюм мало употребляется, у западных бурят он почти совершенно вытеснен русским городским покроем одежды. У восточных он держится больше; целиком этот старый костюм уже редко можно встретить, но верхняя теплая одежда национального покроя, самодельная, носится очень часто, особенно старшим поколением, так же как и обувь и иногда головные уборы.

Исторические особенности общественного строя. До недавнего времени существовали две разные точки зрения по вопросу о социальном строе бурят в эпоху присоединения к России. Согласно одной из них, буряты не только до прихода русских, а и вплоть до XIX в., сохраняли родовой быт, и элементов классового расслоения у них не было. Согласно другой, противоположной концепции, у бурят давно уже исчезли всякие пережитки родовых отношений, а господствовал феодальный способ производства.

Первая концепция была развита впервые в работах Щапова. Щапов переоценил значение сохранившихся родовых пережитков у бурят второй половины XIX в. и сильно идеализировал бурятскую улусную общину, затушевывая существовавшие среди бурятского населения классовые антагонизмы. Эта теория «родового быта» бурят была подхвачена бурятскими националистами и в годы после революции усиленно ими проповедовалась.

Теория бурятского феодализма появилась лишь недавно на страницах исторических работ (Н. Н. Козьмин). Она представляла собой своего рода реакцию против односторонней «родовой» теории.

Изучение источников XVII в. показывает, что ни та, ни другая точка зрения не является правильной. Мы имеем дело, по-видимому, с переходным общественным строем, в котором были очень сильны пережитки патриархально-родового уклада, но в то же время достаточно ясно намечались элементы классовой дифференциации. При этом надо четко разграничить западных и восточных бурят.

Забайкальские буряты, находившиеся издавна в близких отношениях с феодальной Монголией и этнически и культурно примы-

Бурятки-колхозницы в национальных костюмах (колхоз «Улан-Эхирит», Заиграевского аймака, 1954 г.)

кавшие к ней, действительно, уже в XVII в. знали резкие формы классового расслоения, и у них пережитки родоплеменного строя сохранились слабо. У западных бурят, напротив, удерживался гораздо более архаический строй.

В XVII в. буряты не представляли ещё политически объединенного целого: они жили отдельными племенами. Позднейшие предания бурят сохранили воспоминание об этом делении на племена; но в литературе старый племенной состав бурятского населения излагается обычно неправильно.

На основании бурятских преданий историки полагали, что буряты делились на три племени: ихиритов (эхиритов), булагатов и хоринцев, причем ихириты и булагаты жили в Предбайкалье, а хоринцы—в Забайкалье. Изучение архивных источников XVII в. не подтверждает этой картины. Оказывается, что племен было значительно больше, и эти три племени принадлежали только к числу наиболее крупных.

Самой западной группой бурят, жившей на р. Уде, было племя ашехабатов. В низовьях р. Оки, притока Ангары, жили икинаты. Булагаты жили выше по Ангаре, в особенности в бассейне р. Унги (теперешняя Балаганская степь) и на правобережье Ангары, по рекам Уде и Осе, доходя до р. Манзурки. К ним примыкали жившие выше по левобережью Ангары хонгодоры (конготоры). Смежно с булагатами, но уже в бассейне Верхней Лены, жило крупное племя—ихириты. На побережье Байкала и на острове Ольхоне жили коринцы (хоринцы)[1] и батулинцы.

После прихода русских хоринцы вместе с батулинцами перекочевали сначала в Монголию, а потом оттуда в Забайкалье, где и составили значительную часть позднейшего бурятского населения.

Перед появлением же русских в Забайкалье жили, вопреки распространенному мнению, не хоринцы, а другие буряты в соседстве с монголами и конными тунгусами. Но в источниках мы не находим никаких названий племен забайкальских бурят. Это, по-видимому, не случайно. Можно думать, что у забайкальских бурят уже тогда исчезли пережитки родоплеменного строя и они, подобно монголам, не делились на племена. Вообще уровень социального развития забайкальских бурят в ту эпоху был, очевидно, выше, чем у западных.

Каждое из племен западных бурят представляло собой самостоятельное социальное целое и делилось на более мелкие родоплеменные группы. Во главе их стояли так называемые «князцы» («нойоны», или «тайши» по-бурятски). Князцы между собой часто воевали; они совершали военно-грабительские нападения на соседние не бурятские охотничьи племена: на тунгусов, живших ниже по Ангаре и ниже по Лене, и на «канских иноземцев», живших по р. Кану. Они не только нападали на них, но брали с них ясак. Русские в своем стремлении на восток за ясаком—пушниной—столкнулись с встречным движением бурят, которые с этой же целью сбора ясака двигались на запад.

Жившие севернее бурят охотничьи племена находились в постоянных даннических отношениях к ним. Они именовались «кыштымами» бурят.

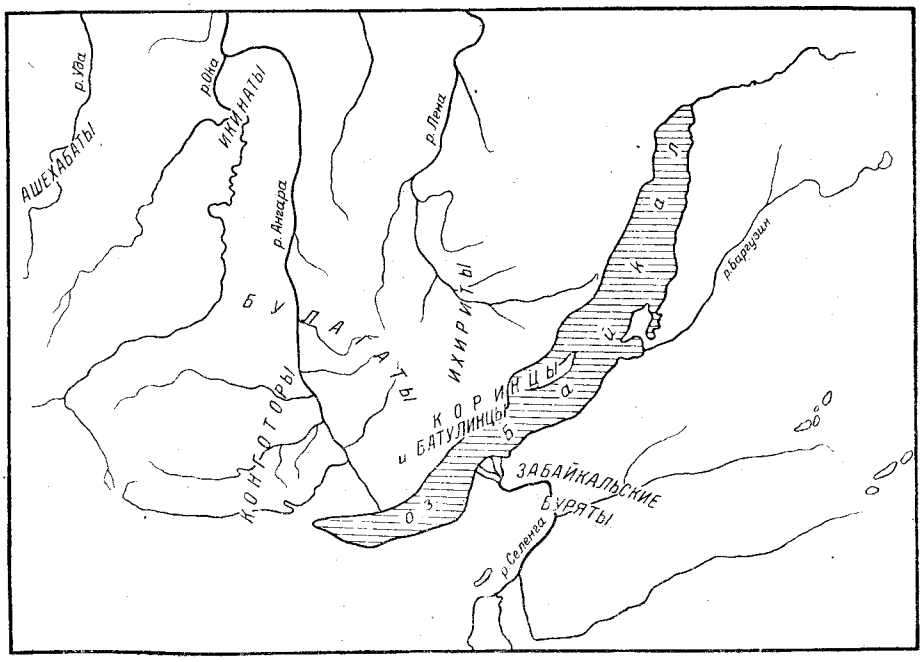
С кыштымов собирался не только ясак, но захватывались и рабы. Источники говорят о существовании особого класса рабов в составе бурятского населения.

Мало того, и свободное бурятское население не представляло собой, по-видимому, однородной социальной среды, расслаивалось в имущественном отношении на «добрых» и «худых» людей.

---

[1] По мнению некоторых историков (Б. О. Долгих), хоринцы жили также и на восточной стороне Байкала, на Селенге.

Сохранился один очень интересный памятник, недавно обнаруженный, который позволяет нам представить себе более отчетливо картину социального строя западнобурятских племен того времени. Это своеобразный кодекс обычного права балаганских бурят, записанный управителем Балаганского острова Борисом Серебренниковым в 1693 г. и вместе с отпиской енисейского воеводы дошедший до Сибирского приказа. Этот памятник представляет известную аналогию так называемых «Варварских правд» и «Русской правды», где все правонарушения улаживаются посредством материальной компенсации—вергельда, или виры (головщины). У бурят и монголов для этой компенсации существовал свой термин—«анза».

Расселение бурятских племен в XVII в.

Из текста этой своеобразной «Бурятской правды» видно, прежде всего, резкое деление на свободных и рабов с очень значительной правовой дистанцией между обеими этими группами: за убийство свободных взималось 66 голов скота, за убийство раба—один конь. Зато внутри свободного населения никаких градаций, кроме деления на мужчин и женщин (за женщин—половинная анза), не отмечалось. Привилегированное положение князцов не отразилось в тексте нашего памятника. Ни из чего не видно, чтобы князец сам судил, чтобы в его пользу шла компенсация: она идет в пользу потерпевшей стороны. Здесь нет еще сколько-нибудь оформленной, хотя бы в зародышевой форме, государственной власти.

Этот переходный социальный строй западных бурят сильно изменился после присоединения к России. Родоплеменные отношения стали расшатываться. Однако они держались до последнего времени. Буряты и сейчас помнят, к какому роду каждый из них принадлежит. Члены одного рода считают себя находящимися в родстве. До недавнего времени соблюдалась экзогамия. Были остатки общинно-родового землепользования. Существует обычай родовой взаимопомощи. Отмечены пережитки общинной организации ремесла: кузнец по старым обычаям продавал свои изделия только чужеродцам, а для сородичей работал бесплатно. Сохранение пережитков родовых отношений проявляется также в наличии у бурят генеалогий, родословий. Они хорошо помнят эти родословия, причем некоторые насчитывают по 18—20 колен и восходят к Бухе-Нойон-Бабаю—тотемическому прародителю бурятского народа.

Тем не менее, если уже в XVII в. у бурят намечались ясные признаки классового расслоения, то позже это расслоение пошло более ускоренным темпом: сложился патриархально-феодальный уклад. Укреплению власти полуфеодалов-нойонов способствовало введение «Степных дум» по «Уставу» 1822 г. (было учреждено 7 Степных дум для иркутских бурят—Аларская, Балаганская и др., и 4 для забайкальских—Хоринская, Селенгинская, Баргузинская и Кударинская). В XIX в. началось капиталистическое расслоение бурятского улуса на основе проникновения товарного хозяйства. Рядом со старой полуфеодально-родовой нойонской знатью появляется новый слой денежной

знати—кулаков. Между старой нойонской аристократией и новым кулачеством шла довольно оживленная борьба за власть. Успех в этой борьбе к концу XIX в. стал при поддержке царизма клониться на сторону кулачества. Этому успеху содействовала административная реформа 1880-х гг., ликвидация Степных дум.

Так обстояло дело у западных бурят.

Что касается восточных, забайкальских бурят, то у них родовые пережитки сохранились в гораздо более слабой степени и зато резче обнаруживались элементы феодализма. Феодальный нойонский слой здесь держался более прочно. Если к началу XX в. в Западной Бурятии господствующим классом стало кулачество, то в Восточной Бурятии удерживали власть старые нойоны.

Ввиду неразвитости промышленного капитализма, рабочего класса по существу не было, если не считать сельскохозяйственного пролетариата, работавшего в хозяйствах бурятских кулаков, и—в годы постройки Сибирской железной дороги—временных рабочих-землекопов.

В советскую эпоху все эксплуататорские классы исчезли без остатка. Бурятский народ—это колхозное крестьянство, молодой и пока немногочисленный рабочий класс, молодая национальная интеллигенция.

Религиозные пережитки. Своеобразный строй социальных отношений с переплетением первобытно-общинных и классовых форм отражался у бурят и особым, тоже сложным и как бы переходным характером религиозных верований. Здесь опять надо различать западных и восточных бурят. У первых до последнего времени сохранялись очень сильные пережитки шаманизма, несмотря на то что около половины западных бурят считались к моменту революции крещеными.

Но шаманство выступает здесь не в типичной форме. Это видно уже по внешним его особенностям: бурятские шаманы почти не употребляли бубна, он заменялся колокольчиком и «конными тростями». Ритуал шаманских действий сильно отличался от типичных шаманских камланий.

Сама идеология мало напоминает традиционные шаманистские верования. Здесь образовался развитый и сложный пантеон богов и духов, представляющий картину строгой иерархии—отражение иерархической структуры патриархально-феодального общества. Господствующее положение в этой иерархии принадлежит «тенгриям»—«небесам». Количество этих «небес» очень велико—99. Из них: 55 «западных» и 44 «восточных». Между теми и другими происходит вражда. Западные небеса—это добрые, восточные—злые. Эти небеса представляются олицетворенными, каждое из них имеет свое имя, причем имена главных из этих «небес» очень неустойчивы: в одних записях упоминаются одни, в других—другие. Верховного божества нет. Ниже этих 99 «небес» располагаются второстепенные божества—«ханы» или «цари». Их большое количество (по некоторым поверьям—тоже 99), и они тоже распадаются на западных, или добрых, и восточных—злых, или темных; между ними происходит борьба.

Еще ниже расселен целый сонм земных духов, или гениев,—хозяев отдельных местностей—«заянов» и «эжинов». Это более близкие к человеку духи, которые сами по себе нейтральны и не делятся на враждебные группы. Они считались помогающими в промысле и в других делах.

И, наконец, ниже всех группа мелких, злых по преимуществу, но слабых чертенят: это «анахаи», «бохолдои» и «ада», специальность которых по возможности пакостить людям. Но в этом они не особенно успевают, так как человек может отделаться от них, и только детям они вредят.

Сами шаманы делились на белых и черных, добрых и злых. Специальностью первых являлось благодетельствовать людям, вторых—вредить. Шаманы были по большей части родовыми и наследственными. Подготовка к шаманской профессии проходила под руководством старых шаманов и заканчивалась торжественным публичным обрядом посвящения. Ритуал шаманских действий, строго регламентированный, состоял не столько в экстатической пляске, сколько в возлияниях и молениях божествам. Таким образом, шаманы приближались по характеру действий к жрецам.

Шаманы руководили ежегодными летними празднествами в честь божеств плодородия, так называемыми «тайлаганами». Наряду с этим устраивались и другие праздники, с кровавыми жертвоприношениями («кырык») по случаю болезней и т. д.

Умершие шаманы были сами предметом почитания.

В быту бурят имело большое значение употребление различных священных предметов, так называемых «онгонов». Это изображения духов-хранителей в виде человеческих фигур, небольших шкурок и т. п. Онгоны имели определенные имена и связывались с тем или иным духом.

Что касается восточных бурят, то благодаря их тесной связи с Монголией и более высокому уровню социально-экономического развития, их религиозные верования приняли иной характер. Шаманство у восточных бурят было почти совершенно вытеснено буддизмом-ламаизмом, который распространился здесь сравнительно недавно.

Во второй половине XVII в. русские встретили только в немногих местах отдельных лам—буддистских монахов, которые кочевали вместе с крупными князцами. К началу XVIII в. относится массовое проникновение ламаизма в Забайкалье. Сюда пришло несколько сотен лам из Тибета и Монголии. В 1710 г. был построен первый «дацан»—буддийский монастырь. Дацаны потом стали строиться по инициативе и при поддержке нойонов, один за другим, и к середине XIX в.

их было уже 34. Самым известным был Гусиноозерский дацан.

Шаманизм сохранился у забайкальских бурят только в виде слабых пережитков, впитавшихся частично в ламаизм. Ламы преследовали шаманов, но в то же время сумели приспособить к себе остатки шаманства в виде особых предсказателей «чойчжинов».

Царское правительство, сначала колебавшееся в своем отношении к распространению ламаизма, в дальнейшем сделало попытку опереться на лам для укрепления своего господства в Забайкалье. При Екатерине II в 1764 г. была создана особым указом высшая духовная должность для ламаистов, должность «бандидо-хамбо-ламы», с тем, чтобы через этого главного ламу держать ламайское духовенство и бурятский народ в покорности. Резиденция его была в Гусиноозерском дацане. Это сотрудничество царизма с ламаистской церковью продолжалось и в дальнейшем. К середине XIX в. (1853) относится опубликование «Положения о ламайском духовенстве в России», согласно которому ламаистское духовенство наделялось правами и привилегиями, за ним закреплялись определенные наделы земель и т. д., но вместе с тем устанавливалось максимальное число «штатных» лам при дацанах. Так ламаизм укреплялся при активной поддержке царского правительства. Но главной его опорой была местная феодальная верхушка.

Ламаизм появился в Забайкалье в форме так называемой желтошапочной секты буддизма «гелукпа» (о происхождении этой секты уже говорилось выше). Особенностью догматики этой секты является очень сильное развитие учения о перевоплощении, о живых перерождённых «хубилганах», или «гыгенах». Таких хубилганов в Монголии и Тибете было очень много. Это живые святые, в которых воплощается то или другое божество. Главными перерожденцами считаются далай-лама и панчен-лама в Тибете. Перерожденцы-хубилганы были и в Бурятии. Культ их был удобным орудием экономической эксплуатации населения, потому что он давал возможность собирать бесчисленное количество всяких приношений, а идеологически помогал одурманивать трудящееся население.

С внешней же стороны секта желтошапочников характеризуется очень сложными и пышными формами культа, торжественными религиозными церемониями, употреблением музыкальных инструментов и т. д. Наиболее торжественный характер имели ежегодные буддистские праздники—«Цам» и церемония Майдари («будущего Будды»), а также праздник Нового года (Цаган-сара). Эта показная пышность богослужения, многочисленные иконы и всякие изображения божеств, которыми уставлены и обвешаны храмы (они имелись в большом количестве и в юртах),—все это было специально рассчитано на то, чтобы сильнее подействовать на воображение масс и держать их в подчинении.

Этой же цели служили и другие средства, например, употребление ламами тибетской медицины. Определенный разряд лам состоял из «врачей» (эмчи), лечивших тибетской медициной, которая и до сих пор широко применяется буддистами. Обучение детей при дацанских школах носило чисто церковный характер. Оно производилось не на бурятском и не на монгольском, а на тибетском языке. Обучение сводилось к бессмысленному зазубриванию непонятных детям религиозных текстов. Тибетский язык у ламаистов считается ученым и священным языком.

Конечно, положительного значения для культурного развития бурятского народа такая школа не могла иметь.

«Штатные» («комплектные») ламы, жившие в дацанах,—большей частью выходцы из зажиточных слоев населения— представляли собой чисто паразитический слой, часть эксплуататорского класса, особенно верхушка ламского духовенства, «ширетуи» (настоятели монастырей). Но, помимо них, было множество «заштатных» («некомплектных») лам, живших со своими семьями в улусах. Они мало отличались в повседневной жизни от прочего населения. Общая численность лам в Бурятии доходила перед революцией до 16 тысяч—свыше 1/10 всего населения.

Сейчас приверженцев буддистской религии можно встретить только среди пожилых мужчин и женщин. Буддистские изображения в домах видны редко. Дацаны почти все закрыты (в единственном действующем дацане—Иволгинском—резиденция бандидо-хамбо-ламы). Молодое поколение забыло о ламаистских обрядах и догматах.

Народное творчество. Наряду с этой отрицательно влиявшей ламаистской «культурой» у бурятского народа есть, разумеется, и ценные элементы духовной культуры. Очень богат бурятский фольклор. Эпические сказания, сказания о богатырях («улигеры»)—о Гэсэр-хане[1], об Аламжи-Мергене, о Шоно-Баторе и др.—представляют собой очень ценные произведения народного творчества. Они известны у всех бурят, но особенно у западных, где они сохранили в наибольшей степени чисто народный облик. Здесь, у эхиритов и булагатов, в улигерах отражается еще идеология родового строя, тогда как у

[1] Вопрос о происхождении гэсэровского эпоса («Гэсэриады») и о его народных корнях вызывал жаркие споры. Многие считали этот эпос целиком ненародным, полагали, что он искусственно создан нойонами и ламами на основе сказаний либо о Чингисхане, либо о другом каком-нибудь жестоком завоевателе, с привнесением также религиозных, буддистских мотивов. На самом деле, как выяснилось при дискуссии 1953 г., хотя нойонско-ламаистские наслоения в гэсэровском эпосе, особенно в некоторых его редакциях, действительно есть, но основа эпоса—народная. Прототип образа Гэсэра—не бурятский и не монгольский, а тибетский. Гэсэр был исторической личностью: это был правитель одного из тибетских княжеств (Лин), живший в XI в. Но это тибетское имя обросло и у монголов и у бурят чисто самобытными эпическими сказаниями.

Иволгинский дацан (фото 1954 г.)

Государственный театр оперы и балета в г. Улан-Удэ

восточных бурят, у хоринцев и др. древний народный эпос был в сильной мере искажен феодально-нойонской и ламской переработкой.

В настоящее время у бурят развились и новые жанры фольклора, складываются песни советского содержания.

Своеобразны также народные развлечения бурят, в частности праздники с борьбой, с соревнованиями. Одним из них является летний праздник «стрелка»—«Сур-харбан» с традиционным состязанием из лука, который теперь является излюбленным национальным советским праздником бурят.

Следует подчеркнуть, что буряты единственный из народов Сибири, который еще до революции имел свою письменность. Это касается, правда, только восточных бурят, у которых была общая письменность с монголами; она обслуживала как раз не религиозные нужды (церковной была тибетская письменность). С середины XIX в. начали появляться светские тексты, в частности исторические работы, «летописи» баргузинские, хоринские, селенгинские, составленные бурятскими авторами на монгольском языке. Уже в советское время эти летописи изданы в оригинале и на русском языке.

Теперь бурятская письменность строится на более простой и удобной русской графической основе. Бурятская национальная литература получила возможность широкого развития. Один из ее родоначальников—советский писатель Хоца Намсараев.

5. ЯКУТЫ

Общие сведения. Последний из крупных народов Сибири—якуты, по самоназванию «саха́». Географически они принадлежат к народам Севера, но по всему своему укладу резко выделяются из числа всех своих соседей и других народов Севера. Численность якутов составляет около 240 тыс., т. е. почти вдвое превышает численность всех так называемых малых народов Севера, вместе взятых.

По своему хозяйственному укладу якуты с их традиционным скотоводческим хозяйством стоят особняком среди окружающих охотничье-рыболовецких народов и сближаются с народами южной полосы Сибири и Центральной Азии.

Якуты составляют основное население Якутской АССР, причем подавляющее большинство их сосредоточено в нескольких центральных районах Якутии. По экономическим и этнографическим признакам можно разделить якутов на четыре группы: 1) якуты, занимающие Амгинско-Ленское междуречье, четырехугольник, ограниченный с востока Амгой, с запада Леной, с севера Нижним Алданом; 2) вилюйские якуты в бассейне среднего и нижнего течения р. Вилюя; 3) олёкминские якуты—около устья р. Олёкмы; 4) северные якуты—в северных районах Якутской республики и частью за пределами ее. По численности две первые группы составляют больше $^4/_5$ всего якутского населения; по хозяйственно-культурному укладу они наиболее близки между собой.

Своеобразие положения якутов на севере видно и из их языка. Якутский язык причисляется обычно к группе тюркских языков. Но уже исследования академика О. Н. Бётлингка (еще в 1850-х гг.), а позже В. В. Радлова (1908), показали, что якутский язык состоит далеко не из одних тюркских элементов. Радлов полагал, что всего лишь около трети запаса якутских слов имеет тюркские корни, несколько меньшая часть связывается с монгольскими языками; остальную часть якутских корней Радлов признал словами неопределенного происхождения. Есть предположение, что здесь налицо какой-то дотюркский и домонгольский языковой субстрат. Однако исследования советских лингвистов (Е. И. Убрятова, Л. Н. Харитонов) показали, что удельный вес нетюркских элементов в якутском словаре не так велик, как считал Радлов.

По своей структуре якутский язык тюркский, но даже в грамматическом отношении он отличается от всех других тюркских языков, например, отсутствием генитива, отсутствием местного падежа на «та» и «да», общего для всех тюркских языков. В фонетическом отношении он также стоит особняком. Этот язык не делится на диалекты, несмотря на огромность занимаемой якутами территории и несмотря на слабую связанность отдельных географических частей народности. Якутский язык един, в нем можно проследить только отдельные говоры, которые в основном соединяются в две группы: акающие

говоры южной части Амгинско-Ленского междуречья и окающие говоры северной его части и вилюйских якутов.

Вопрос этногенеза и исторические сведения. Принадлежность якутского языка к тюркской группе и своеобразное положение якутской культуры на севере породили давно уже интерес исследователей к вопросу о происхождении якутов. Но этот вопрос ставился очень упрощенно, с тем недостатком историзма и непониманием сложности этногенетических проблем, которые характерны для буржуазной науки вообще. Исследователи почти дословно повторяли бытующее у самих якутов этногоническое предание и решали вопрос примерно так.

Якутский народ южного происхождения. Когда-то якуты жили в Прибайкалье, но позже под влиянием столкновения с бурятами они переселились в бассейн Средней Лены; этот путь они проделали по воде, по течению Лены (некоторые авторы считали, что заселение Якутии происходило не по Лене, а по Нижней Тунгуске и Вилюю), причем вытеснили прежних обитателей края—тунгусов.

Такая постановка вопроса не может удовлетворить советского этнографа. Бесспорно, что исторические связи с народами Южной Сибири якуты имеют. Целый ряд элементов в якутской культуре связан с центральноазиатскими кочевническими культурами. Но это не означает, что целый народ в полном составе совершил переселение из Прибайкалья на Среднюю Лену. Это мало вероятно уже потому, что, хотя такие широкие миграции народов вообще известны, но в данном случае речь идет о переселении сразу за 2,5 тыс. км., в совершенно неведомую северную страну, по реке, но очень мало заселенным местам; а другого пути, кроме течения реки, не могло быть, так как тайга и сейчас является малопроходимой.

Другим обстоятельством, которое не позволяет считать удовлетворительным такое решение вопроса, является то, что якутская культура, как мы увидим дальше, очень сложна: в составе ее есть элементы явно южного происхождения, но есть и другие, чисто местные элементы, которые никак не объяснимы из «южных» источников.

Очевидно, вопрос о происхождении якутов надо ставить глубже. Необходимо учитывать сложность состава и происхождения якутского народа и якутской культуры.

Сложность происхождения якутов видна уже при взгляде на их антропологический тип. Уже старые авторы замечали, что среди якутов имеется не меньше двух разных расовых типов. Это подтверждено исследованиями М. Г. Левина (1945), показавшими наличие среди якутского населения по крайней мере двух антропологических компонентов: «центральноазиатского» и «палеосибирского».

Якутский язык, как мы уже видели, сложен по своему происхождению. Академик Радлов пришел к заключению, что предки якутов говорили на языке «неизвестного» происхождения, позднее к нему примешались монгольские элементы, а еще позднее (и притом в два приема) совершился переход на тюркскую речь. Хотя подобный вывод является спорным, но во всяком случае и в языке обнаруживается целый ряд исторических напластований.

Новейшие археологические исследования А. П. Окладникова на Средней и Нижней Лене в 1940—1944 гг. подтверждают, что у якутской культуры есть свои глубокие местные исторические корни, уходящие в отдаленную эпоху неолита. Археологические памятники позволяют проследить шаг за шагом развитие местных культур на Лене от неолита вплоть до чисто якутской культуры XVII—XVIII вв.

Формирование якутской народности было сложным процессом объединения разных культурных и этнических элементов, частью местного, частью пришлого происхождения. Процесс этот длился, вероятно, очень долго и закончился незадолго до появления русских.

Прямые исторические сведения о якутах начинаются с первого момента встречи якутов с русскими, т. е. с 30-х годов XVII в. Многочисленные данные о хозяйстве, культуре, быте якутской народности содержатся в русских официальных документах; они до сих пор в большинстве не опубликованы и мало использовались.

Специально этнографические наблюдения в Якутии начинаются с первой половины XVIII в. (Вторая Камчатская экспедиция). Но главная масса этнографического материала о якутах появилась во второй половине XIX в., особенно в конце века, и большая часть его собрана политическими ссыльными.

Некоторые из этих ссыльных приняли участие в большой, широко организованной «Сибиряковской» экспедиции (середина 1890-х годов). В этой экспедиции участвовали Н. А. Виташевский, который собрал значительный материал по обычному праву и зем-

лепользованию якутов; Л. Г. Левенталь— по истории земельных отношений; И. И. Майнов, описавший оседлых олёкминских якутов; В. М. Ионов, давший много материалов по верованиям якутов; С. В. Ястремский, составивший грамматику якутского языка; Э. К. Пекарский, автор обширного «Словаря якутского языка» (13 больших выпусков, содержащих до 25 тыс. слов). Много сделали для исследования якутов и другие политические ссыльные, работавшие в одиночку. Из них наибольшей известностью пользуется В. Серошевский, который, проведя 12 лет среди якутов, в 1896 г. выпустил целую большую монографию «Якуты», а также В. Ф. Трощанский. В последнее десятилетие до революции к работам посторонних наблюдателей быта якутов присоединяются исследования представителей якутской национальной интеллигенции, особенно А. Е. Кулаковского, С. А. Новгородова.

После Октябрьской революции этнографическое исследование якутов стало еще более интенсивным. Довольно много дала работа многолетней экспедиции Академии наук (1925—1931), которая собрала материал самый разносторонний, в том числе и этнографический. В последние годы очень много сделано Якутским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории.

Итак, якутский народ принадлежит к числу сравнительно хорошо изученных. Но эта изученность весьма неравномерна. Преобладающая часть материалов относится к якутам амгинско-ленским. Вилюйские и олёкминские якуты изучены гораздо слабее. По северным якутам лишь в последние годы появились сообщения (И. С. Гурвич). В некоторых районах (Оленек, Анабара) даже неясен вопрос об этнической принадлежности населения. Таким образом, изучение якутского народа и собирание материалов по этнографии его далеко не могут считаться законченными.

Хозяйство. Якуты в основном народ скотоводческий; это самый северный в мире из скотоводческих народов. Они разводят рогатый скот и лошадей. Мелкого скота они до появления русских не знали, не знали и домашней птицы. Северные якуты разводят оленей. Собак держат главным образом охотничьих.

Якуты знали обе основные формы содержания скота—и пастбищное и стойловое. Летом скот пасется на пастбищах, но лошади до последнего времени тебеневали и зимой. В отдельных случаях тебеневал и рогатый скот.

Работа косой-горбушей

В основном же на зиму якуты запасают сено. Вопрос о происхождении сенокошения у якутов до последнего времени оставался неясным. Серошевский считал, что сенокошение заимствовано якутами у русских. По-видимому, это не так. Первые же сведения, относящиеся ко времени непосредственно после появления русских, говорят о наличии у якутов запасов сена и о якутской косе. В якутских преданиях упоминается костяная коса. В XIX в. употреблялась коса-горбуша русской формы, которой как бы рубят траву. Она более удобна при косьбе в кустах, чем наша коса-литовка, так как прочнее—не так легко ломается. Но косьба при помощи горбуши—очень тяжелая и малопроизводительная работа. С конца XIX в. горбуша стала вытесняться литовкой.

Таким образом, якутское скотоводство было основано на системе запасания корма на зиму; этим оно отличается от чисто пастбищного типа скотоводства центральноазиатских и южносибирских народов.

Скот зимой держится в так называемых хотонах, хлевах, которые прежде пристраивались вплотную к жилищу. Хотоны были холодные, и скот в них мерз, притом обычно голодал, поэтому зимой он давал очень мало молока.

Основная форма использования скота—это молочное хозяйство, которое у якутов очень сильно развито; молочная пища разнообразна и составляет главное питание якутов. Доят не только коров, но и кобылиц. Из молочных продуктов делают запасы на зиму, например особое кислое масло с неотделенной юрагой, так называемый «хаях». Интересно запасание молочных скопов на зиму в сквашенном и замороженном виде. Это так называемый «тар», который делают в виде огромных замороженных кругов. Зимой «тар» примешивается к пище, а иногда является ее главной составной частью.

Кобыльим молоком пользуются только летом и исключительно в виде кумыса. Кумыс—любимый национальный напиток якутов. Но в последние десятилетия до революции вследствие упадка коневодства кумыс почти вышел из употребления. Теперь изготовление и употребление кумыса вновь введено в колхозах.

Мясо раньше было доступно лишь для людей более зажиточных.

В настоящее время в якутских колхозах скотоводство продолжает занимать важное место в хозяйстве, но оно полностью реконструировано. Скот обеспечен на зиму достаточным запасом сена, применяются и концентрированные корма. Построены просторные и благоустроенные скотные дворы. Систематически улучшаются породы лошадей и рогатого скота. Помимо этого, впервые завезены и успешно разводятся новые для якутов виды скота: свиньи и овцы. В колхозах—изобилие мясных и молочных продуктов, резко повысилась и товарность животноводства.

Но скотоводство и прежде не было единственной отраслью хозяйства якутов. Довольно крупное значение принадлежало издавна рыболовству. Якутия, особенно центральные ее районы, богата озерами, там до 100 000 мелких озер. Кроме того, и в реках рыбы немало. Рыбный промысел издавна составлял очень серьезную подсобную отрасль хозяйства, особенно для малообеспеченных групп населения. По документам XVII в. мы знаем о существовании целого общественного класса бесскотной бедноты, которая обозначалась термином «балыксыт», что значит «рыболов». В озерах ловят карасей и мелкую рыбу «мунду». В реках ловится муксун, нельма, осетр.

Рыболовческая техника состоит главным образом из применения сетей и верш. Якутская рыболовная сеть плетется из конского волоса. Кроме летнего, практикуется подлёдный лов рыбы.

Большое значение, особенно для северных якутов, имеет также охота. В центральных районах в связи с давним истреблением зверья охота играет подсобную роль. В технике охоты якуты не отличаются от других таежных охотников. Те же ловушки, пасти, капканы, та же ружейная охота, вытеснившая в XIX в. прежнее употребление лука и стрел. Но был и особый вид охоты, который отмечен только у якутов: это охота с быком. Охотник подкрадывается к зверю, прячась за быка, и стреляет. Можно думать, что этот вид охоты развился у якутов в подражание известной тунгусской технике охоты при помощи оленя-маньщика. С другой стороны описан чисто «степной» прием охоты—травля зверя верхом на коне.

В связи с охотничьим хозяйством якутов следует остановиться на их старинном вооружении. Якутский лук сложной формы, чисто монгольского типа. В старину он славился по всей Восточной Сибири. Очень характерное оружие—так называемая пальма́, по-якутски «батыя». Это очень большой, широкий, насаженный на длинную рукоятку нож. Это универсальное оружие, которым можно и колоть и рубить и которое прежде служило главным оружием для рукопашного боя. Оно является незаменимым орудием для расчистки леса при продвижении по густой тайге. Одновременно пальма́ служит охотничьим оружием—с ней ходят на медведя.

Существенное подспорье в хозяйстве якутской бедноты до революции составляло своеобразное собирательство: сбор съедобных корней (сараны), разных трав, а особенно—сосновой заболони, подкоркового слоя сосны. Весной и летом собирали десятки пудов этой сосновой заболони, ее сушили, толкли и заготовляли на зиму как муку. Бедняки приготовляли из нее особую болтушку «бутугас», с примесью молока, рыбы или даже без всего. В настоящее время в связи с ростом материального благосостояния заболонь вышла из употребления.

С земледелием до прихода русских якуты не были знакомы, да и позже оно еще долгое время оставалось им чуждо. Только с середины XIX в. у якутов под влиянием русских

начинает развиваться земледельческое хозяйство. Значительную роль сыграли в этом отношении политические ссыльные, которые делали опыты по внедрению земледелия в якутское хозяйство, притом не только в центральных районах, но и на Яне и на Колыме. Но только после Октябрьской революции расширение посевных площадей и распространение земледельческого хозяйства в Якутии пошло быстрым темпом. Сейчас все якутские колхозы имеют запашки и собирают высокие урожаи.

Обзор фактов материального производства якутов показывает сложность происхождения якутской культуры. Скотоводческое хозяйство роднит якутов с народами Южной Сибири. Но рыболовство, охота, оленеводство северных якутов, лесное собирательство—все это такие отрасли хозяйства, которые указывают на наличие местных, аборигенных элементов в якутской культуре.

Эту же сложность мы можем проследить на других элементах якутской культуры.

Домашние производства. Главным материалом для выделки утвари служило прежде дерево и береста. Обработка меха и кожи, особенно конской, играет крупную роль в материальной культуре якутов. Очень характерны изделия из конского волоса, который идет на приготовление арканов, сетей, на орнаментировку берестяной посуды, что очень специфично для якутов.

Якуты знали гончарное производство, правда, весьма примитивное, без гончарного круга, с очень несложным орнаментом. Лепили горшки обычно женщины. Лепили их от руки, склеивая отдельные трапециевидные пластины или раскатывая палкой полый конус. В глину подмешивали шамот—толченые черепки от старого горшка. Это—остатки древней аборигенной неолитической традиции. Сейчас самодельная посуда почти вышла из употребления; она вытеснена покупной.

Кузнечный промысел давно существовал в Якутии. Первые попавшие сюда русские отмечали высокое качество якутского железа. Воевода Василий Пушкин писал (1646 г.), что железные изделия якутов не хуже, чем немецкое железо. Железо выплавляли из болотной руды, которой особенно богат Вилюй.

Крупной промышленности у якутов прежде совершенно не было. Советская власть создала в Якутии крупную промышленность; ведущая ее отрасль—добыча золота (Алдан и др. районы); есть также угольная, соляная

Якутское старинное седло и верховое снаряжение

промышленность, добыча разных других ископаемых, рыбоконсервные, кожевенные и другие заводы. Очень большое значение получила лесная промышленность, тогда как прежде огромные лесные богатства Якутии пропадали без всякой пользы.

Средства передвижения. В прошлом большим злом Якутии было бездорожье ее огромных таежных и тундровых пространств. Средства передвижения были очень ограничены. Чаще всего якуты ездили верхом. Еще в XVII в. русские называли якутов «конными людьми». Очень характерно якутское верховое седло; оно тяжелое и высокое, лука снабжена чеканной металлической обкладкой. Ездят верхом и на быках. Но чаще быков запрягают в сани, и зимой и летом. Колесных повозок якуты не знали и местами (на севере) и сейчас не знают.

Другой способ передвижения зимой—лыжи. В северных районах ездят на оленях. Летом средством передвижения по рекам и озерам служат лодки—берестяные, дощатые или однодеревки.

Старый и новый транспорт на Амуро-Якутском автотракте

Сейчас вся система транспорта в Якутии целиком реконструирована. Проведена сеть дорог—постоянных автомобильных, автозимников, проселочных. Основная автомагистраль соединяет г. Якутск через Алдан с Уссурийской железной дорогой. Построена новая железнодорожная линия, связывающая Сибирскую магистраль со Средней Леной. Республика имеет тысячи грузовых машин. Реки Якутии освоены для пароходного сообщения на огромном протяжении—в общей сложности свыше 9 тыс. км; по ним накануне Отечественной войны ходило 127 пароходов и более 500 барж. Превращение Северного морского пути в постоянно действующую магистраль сделало Якутию приморской страной, и туда через бухту Тикси ежегодно завозятся товары. Воздушные линии связывают самые отдаленные районы республики с ее центром, а через него—со всем Советским Союзом.

В этих условиях старинные национальные виды транспорта сохраняют свое значение только для чисто местных потребностей.

Поселения и жилища. Самый тип расселения у якутов совершенно своеобразен. Больших поселков, деревень, якуты не знали. Преобладали малодворные и однодворные поселения—одна-две-три рядом стоящие юрты. Такое расселение определялось самим характером местности. Якутия—страна густой тайги, испещренной множеством так называемых ала́сов, луговин больших или меньших размеров, обычно с озером. По этим аласам и расселялись якуты.

В связи со скотоводческим хозяйством они до недавнего времени сохраняли и традицию перекочевок с зимников на летники. Якутов считали кочевым народом. Это неверно. Но и целиком оседлыми они не были. Зимники и летники обычно расположены в нескольких километрах один от другого, в двух соседних аласах или в одном большом аласе. Иногда в одном аласе скоплялись летники (саилык) большого количества семей, а на зиму они расселялись по мелким аласам. Это распределение летников и зимников связано с распределением покосов. Зимники были расположены рядом с покосами, где оставлялось сено, а летники тяготели к пастбищам.

Разбросанность мелких поселений создавала целый ряд трудностей при социалистической реконструкции якутского хозяйства и быта. В связи с этим с первых же лет после начала колхозного строительства был поставлен вопрос об укрупнении якутских поселений, о так называемом «поселковании», и эта задача успешно разрешается сейчас в колхозах. Каждый колхоз имеет в настоящее время

центральный поселок, обычно из благоустроенных домов срубного типа, где сконцентрирована основная масса населения, а на остальных участках размещаются только специализированные бригады, животноводческие фермы и проч.

Основной традиционный тип якутского жилища—это так называемая юрта или балаган (по-якутски джие). Этот тип жилища очень своеобразен и в такой форме не встречается ни у одного народа. Он представляет собой следующее. Вкапывается 8 столбов по контуру прямоугольника —в небольших юртах всего 4 столба по углам—и на них опирается горизонтальная четырехугольная бревенчатая рама. К ней прислоняются верхними концами жерди или тонкие бревна, которые нижними концами упираются в землю и образуют четыре слегка наклоненные стенки жилища. Посередине,по длинной оси кладется на верхнюю раму матица, на которую опираются концы двух рядов бревен; они образуют слегка пологую двускатную крышу. Стены и крыша обмазываются снаружи глиной, а на зиму также коровьим навозом. Получается жилище, имеющее снаружи форму усеченной пирамиды, а когда оно полузасыпано снегом, то получается невысокий бугор. Дверь юрты устраивается обычно с восточной стороны. Так как стена слегка наклонена, то дверь приподнимается при открывании и сильно хлопает при закрывании. С южной и западной стороны устраивается несколько окон. С северной стороны прежде обычно пристраивалось к юрте помещение для скота, хотон. Пристройка хотона к жилью вредна в гигиеническом отношении, и якутское правительство в 1927 г. издало специальный декрет, запрещающий строительство новых юрт вместе с хотонами.

Внутренний вид старой якутской юрты всегда одинаков. По четырем стенам тянутся нары («орон»), которые делятся на части, имеющие определенное назначение для тех или иных членов семьи и гостей. В углу налево, против входа находится почетное место—«билирик». Справа от входа строится камелек или чувал (по-якутски «охок», т. е. очаг), составляющий непременную принадлежность якутского жилища. Он представляет собой открытый шесток с прямой, широкой, редко закрывающейся наверху трубой из тонких жердей, обмазанных глиной. Этот камелек представляет много преимуществ. Он не только согревает и освещает, но и вентилирует жилье, пока топится.

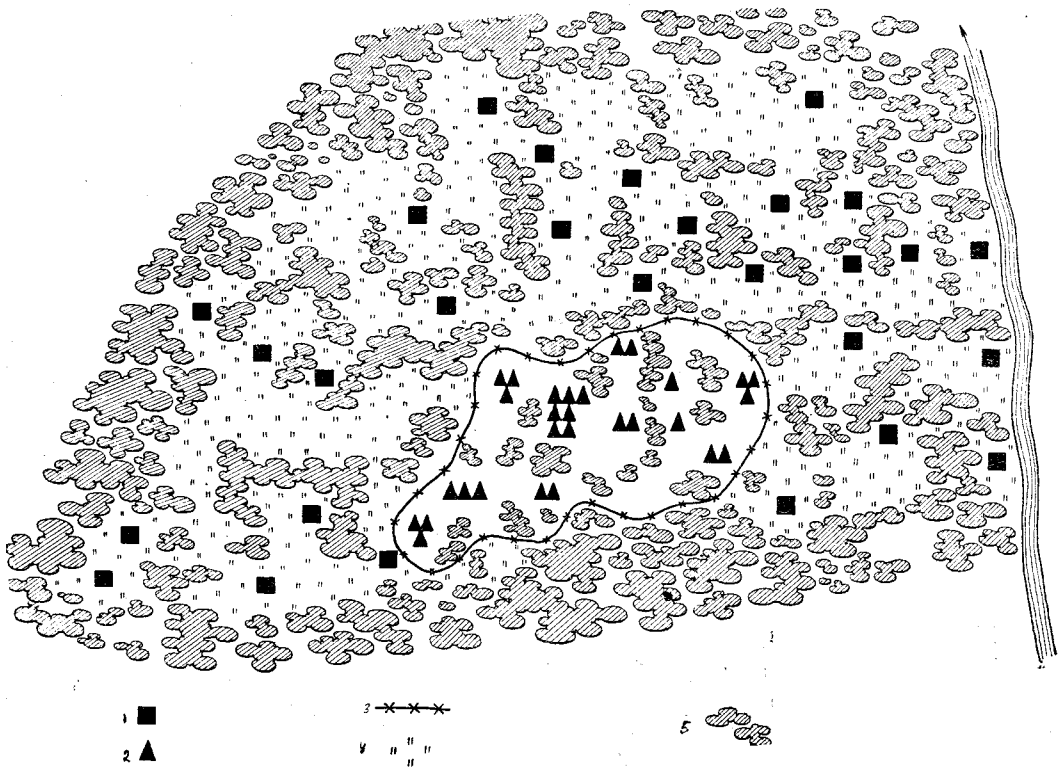

Камелек в якутской юрте

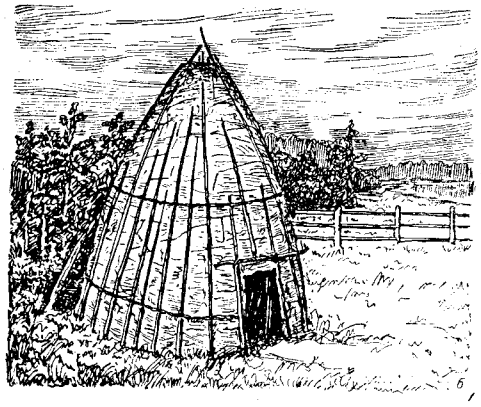
Но зато его приходится все время топить, потому что как только огонь гаснет, юрта остывает. Поэтому якутский камелек требует очень много топлива.

Каково происхождение этого типа жилища? Никаких связей с кочевниками юга оно не обнаруживает, но оно может быть сопоставлено с известным палеоазиатским типом жилища, от которого якутский балаган отличается одним: он не является подземным. По самой же структуре (наклонно поставленные жерди, опирающиеся на горизонтальную раму) якутское жилище очень близко хотя бы к старинной камчадальской юрте (о ней см. ниже).

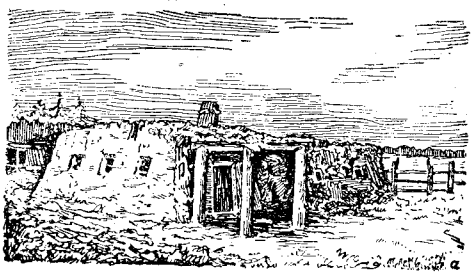
У якутов был прежде и другой тип жилища, но уже к концу XIX в. он вышел из употребления. Это коническая постройка из жердей, крытая берестой, так называемая ураса́, очень просторная. Она служила летним жильем более зажиточных якутов. У северных якутов жилище того же типа делается более солидным—это так называемое «холомо»—на прочной раме из бревен, оно обкладывается снаружи дерном и, таким образом, представляет собой не кочевой, а постоянный тип жилища.

Тип «аласного» расселения якутов: план Хайнясского наслега Якутского округа
1—зимние усадьбы; 2—летние усадьбы; 3—изгородь выгонов; 4—покосы; 5—лес (1920-е годы).

Летняя якутская юрта—«ураса»

Зимняя якутская юрта—«джие»

В литературе почти не упоминается наличие еще одного очень редкого типа жилища, который появился, видимо, с конца XVIII в.: это шестиугольная срубная юрта, очень напоминающая бурятскую или хакасскую юрту, но чаще с плоской крышей.

Еще в XIX в. якуты начали перенимать от русских тип настоящих срубных построек, более совершенных сравнительно с традиционной юртой. Сейчас в колхозных поселках они быстро распространились. Теперь

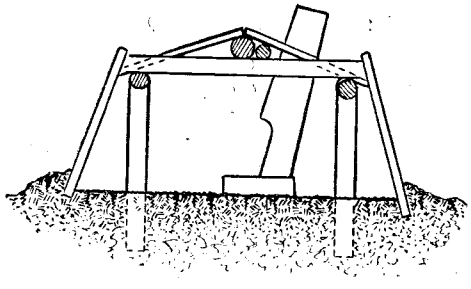

Схема конструкции якутской юрты

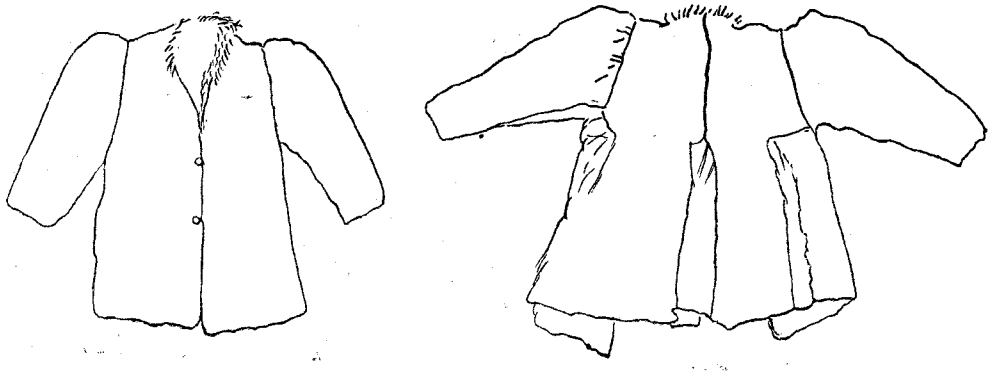

Якутки в старинных сангыяхах и меховых шапках (рис. худ. М. М. Носова)

благоустроенные дома русского типа у якутов господствуют. Юрт осталось мало и используются они главным образом как служебные хозяйственные постройки. Однако и в домах нового типа часто сохраняется традиционный камелек, но усовершенствованный и обычно в комбинации с русской печкой.

Одежда. Из старинной якутской одежды особенно характерна верхняя одежда женщин—так называемый «сангыях». Это меховая шуба, сшитая в талию, очень богато украшенная разными меховыми нашивками и опушками, с вздутыми плечами, с расходящимися сзади полами. Раньше похожий костюм существовал и у мужчин: в документах XVII в. он часто упоминается. Этот тип костюма связывает якутов с южными народами Сибири, напоминая и названием и покроем хакасский сигидэк и алтайский чэгэдэк, которые, впрочем, отличаются от якутского типа отсутствием рукавов.

Оригинальную разновидность якутской мужской одежды представляет собой «сон»—полушубкообразная короткая меховая или кожаная одежда с разрезом спереди, отличающаяся от всех известных у народов Сиби-

Якутский «сон» из кобыльей кожи

ри типов и, возможно, появившаяся под русским влиянием.

Нательной одеждой служили прежде короткие кожаные штаны.

В головных уборах якутов встречаются и центральноазиатские и северные таежные (тунгусские) формы. Своеобразным развитием кочевнического типа головного убора служит меховая женская высокая шапка с плоским суконным верхом, украшенным серебряной круглой пластиной—«туосахта».

Любопытны женские украшения, например богатые ажурные серебряные нагрудники, соединяющиеся с массивным серебряным ожерельем. Последнее напоминает по форме шейную гривну, известную из славянских погребений; ни у одного из современных народов она больше не известна.

Серебро для украшений употреблялось низкопробное, привозное, так называемое «польское». Кроме того, якутские мастера переплавляли русские серебряные монеты. Возможно, что древние якутские мастера умели плавить серебро из руды.

Из обуви наиболее распространены высокие меховые сапоги «этэрбэс», сходные с обувью других таежных народов. Более своеобразны летние сапоги «сары» из мягкой кожи с мягкой подошвой; голенища их теперь бывают суконные, у женщин с художественной вышивкой.

Сейчас национальная одежда в значительной степени вытеснена одеждой городского типа, и национальный покрой сохраняется только в зимней верхней одежде.

Исторические особенности общественного строя. Накануне прихода русских, в 1-й половине XVII в., якуты, хотя и представляли собой уже сложившуюся народность в этническом отношении, но распадались на целый ряд племен, по-якутски «дьон», или «джон». Названия и расселение этих племен удается установить по русским документам и якутским преданиям с большей или меньшей точностью. Более крупные из этих племен следующие: намцы и кангаласы на левом берегу Лены, бетунцы, батулинцы, батурусы, борогонцы и мегинцы на правом берегу. Численность этих племен составляла от 2 до 5 тыс. человек каждое. Племена эти были независимы друг от друга. Каждое племя делилось на более мелкие родоплеменные группы, часто враждовавшие между собой. После прихода русских эти племена между собой перемешались. В настоящее время сохранились только их пережитки: административные названия «улусов» или «наслегов» (наслег—подразделение улуса или теперешнего района) воспроизводят во многих случаях названия древних племен. Есть, например, Намские, Батурусские, Бетюнские, Кангаласские наслеги и т. д.

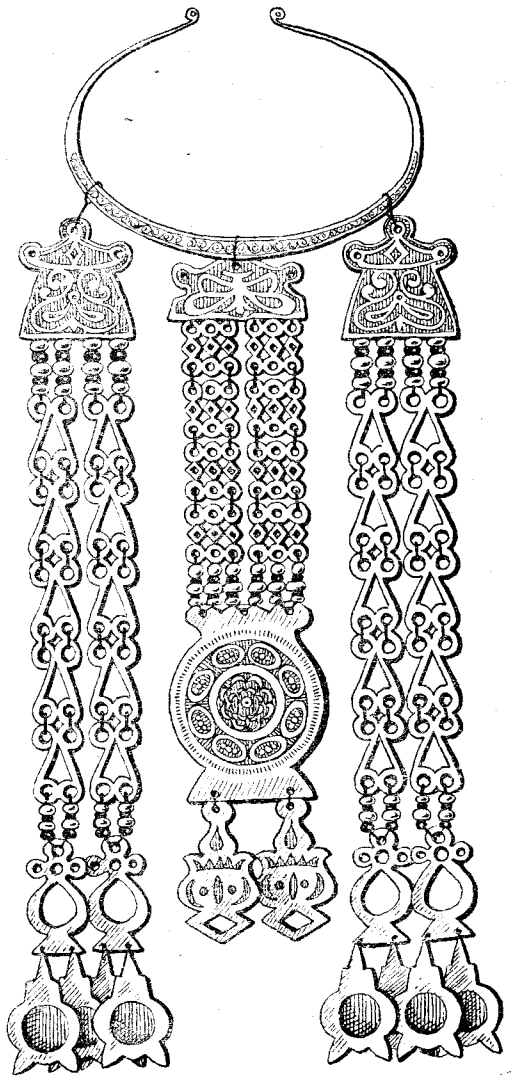
В XVII в. держались некоторые обычаи, характерные для родоплеменного строя: обычай экзогамии, левирата, обычай кровной мести и выкупа за кровь.

В этнографической литературе высказывалось мнение, что у якутов до последнего времени существовал материнский род. В действительности это не так: у якутов были отцовские роды («ага-ууга»), которые делились на более мелкие родовые группы; последние, правда, назывались «ийе-ууга», т. е. дословно «материнские роды», но на самом деле происхождение в них считалось не по матери, а по отцу же. Несколько странное название «ийе-ууга» объясняется тем, что эти родовые группы считались потомками одного родоначальника, но от разных его жен.

Родовые отношения у якутов уже в момент прихода русских находились в стадии распада: среди них существовало резкое классовое расслоение. В каждом племени и роде выделялась господствующая верхушка, так называемые «тойоны». Что представлял собой тогда этот класс? Этот вопрос связан с той или иной оценкой всего общественного строя якутов дорусского периода и тенденцией его развития. По этому поводу в исторической науке не установилось еще единого мнения. Многие исследователи считают тойонов дорусской эпохи носителями развивавшегося уже будто бы феодального способа производства. Это мнение, высказывавшееся еще в дореволюционной литературе (Пекарский, Левенталь), в советское время защищалось Маметом, Бахрушиным, Ионовой. Но внимательное изучение источников XVII в. не подтверждает этого взгляда. Элементов феодальной эксплуатации у якутов до прихода русских мы не видим. Тойоны вели свое хозяйство, используя труд рабов и зависимых сородичей. Рабы («холопи»—по русским документам, а по-якутски—«кулут») получались путем захвата при военных набегах, а чаще через закабаление свободных общинников, разорявшихся благодаря этим же набегам или по иным причинам. Количество рабов, правда, не было велико. По документам XVII в. у большинства рабовладельцев было по 2—3 раба; 15—20 рабов было в хозяйствах только очень крупных тойонов; цифры больше 20 почти не встречаются. Таким образом, в общей массе населения рабы представляли собой незначительную группу.

Преобладающую массу населения составляли свободные общинники. В наших документах XVII в. эта масса якутского населения называется «улусные мужики» или «улусные люди». Ни из чего не видно, чтобы эти улусные мужики эксплуатировались тойонами. Они представляли собой носителей архаического первобытно-общинного уклада. Но уже шел неотвратимый процесс разложения этой массы общинников, из которой выделялись, с одной стороны, тойоны, с другой—разоряющиеся, пауперизирующиеся группы, «балыксыты»-«рыболовы», постепенно попадавшие в положение рабов.

Под влиянием царского завоевания уже во второй половине XVII в. начались заметные социальные сдвиги. Рабовладельческий уклад, который до этого времени развивался, пошел на убыль. Тойонам стало невыгодно держать рабов, так как за них надо было платить ясак. С другой стороны, царское правительство сознательно стремилось усилить власть тойонов, подчинив им экономически и политически все свободное улусное население. Существенную сторону составлял в этом процессе захват тойонами общинных земель. Уже в конце XVII в. это привело к концентрации в руках тойонской знати основных сенокосных угодий. Во второй половине XVIII в. правительство, обеспокоенное тем, что основная масса плательщиков ясака лишается земли, восстановило общинное землепользование, отменив (в 1765 г.) право частной собственности на землю. С того времени в Якутии была введена очень своеобразная земельная общинная система. В отличие от

Якутское женское нагрудное украшение

Костюм якутского шамана

русской, якутская община не была уравнительной. Напротив, распределение земли в ней было очень неравномерным. Этот оригинальный земельный строй в Якутии принял форму, которая называется «классной системой» землепользования. Земля делилась на «классы». Один участок земли 1-го класса равнялся по величине двум участкам земли 2-го класса и трем-четырем участкам земли 3-го класса. Население также делилось на классы по зажиточности. Те, которые принадлежали к первому классу (тойоны), получали наделы земли 1-го класса, иногда даже по нескольку сразу, а кроме того, разными правдами и неправдами завладевали дополнительными земельными участками. За это они платили несколько больше повинностей и ясака, но эта разница в величине повинностей была невелика, и она служила лишь предлогом для захвата земли. Другие получали земли второго и третьего класса. Беднякам доставались маленькие и иногда совершенно негодные или слишком далеко расположенные наделы.

Таким образом, этот своеобразный «общинный» земельный строй допускал резкую неравномерность земельного обеспечения, а ведь земля при сенокосном скотоводческом хозяйстве была основным средством производства. Отсюда обострение классовых противоречий в якутских улусах в конце XIX века.

При сохранении у якутов номинальных пережитков родового строя (поскольку «роды» сохранились в названиях административных единиц) у них не было никаких действительных следов архаического общественного строя. Господствовали жестокие формы классовой эксплуатации: через земельную аренду, растовщический кредит, а особенно через отдачу скота на выпас. Эта характерная форма эксплуатации, вид отработочной ренты, у якутов называлась «хасаас» (то же, что «саун», «саан» у народов Средней Азии).

Наряду с этим существовали другие формы эксплуатации: наем батраков «хамначитов», затем «кумаланство», представляющее своеобразную модификацию родовых пережитков. Кумалан—это бедный сородич, который отдавался на «иждивение» зажиточному, а тот нередко превращал работоспособных кумаланов в даровых рабочих[1].

Все эти переплетавшиеся между собой формы производственной эксплуатации дополнялись своеобразными формами торговой эксплуатации. На основе развития товарных отношений уже в середине XIX в. среди якутов выделилась торговая буржуазия, не связанная никакими патриархальными традициями. Это были так называемые «городчики», лица, которые ездили на большие расстояния в город и принимали поручения от своих одноулусников по продаже и покупке того или иного товара. Они превращались затем в мелких купчиков, которые начинали эксплуатировать своих одноулусников. Были и другие пути формирования торгового класса. Эта молодая якутская буржуазия протянула свои щупальцы и в таежные области. Уже в 1840-х годах Миддендорф нашел якутских купцов в предгорьях Станового хребта,

[1] Не совсем ясен вопрос об эксплуататорском характере якутского обычая «дюккашества». Дюкках—это квартирант, человек, не имеющий своей юрты и живущий в чужой юрте. За пользование ею дюкках и его семья выполняли по обычаю вместе с хозяином юрты разные работы по хозяйству и дому. Советский экономист М. К. Расцветаев рассматривает дюккашество как форму эксплуатации, считая, что дюкках был обычно своего рода бесплатным рабочим для хозяина юрты. Но якутские этнографы оспаривают этот взгляд и видят в дюккашестве чисто бытовое явление, которое в большинстве случаев не содержало в себе элементов эксплуатации. Дюккшество существует и сейчас.

куда они совершали свои ежегодные торговые экспедиции. К тому же времени относится появление этих эксплуататорских групп в отдаленных районах Севера.

Ликвидация паразитических классовых элементов якутского наслега в советское время стоила ожесточенной борьбы. Тойонство крепко держалось за свои старые привилегии. Первый земельный передел, произведенный в 1924 г., не дал достаточных результатов, тойоны сумели фактически сохранить в своих руках земельные угодья. Только второй земельный передел 1929 г. и начавшееся вскоре после этого массовое колхозное движение вырвало почву из-под ног как старой тойонской аристократии, так и нового кулачества.

Сейчас подавляющее большинство якутского населения—это колхозное крестьянство. Развитие крупной промышленности породило и рабочий класс, которого раньше почти не было.

Резные деревянные кубки «чороны» для кумыса

Религиозные пережитки. В области религиозных верований якутского народа, сохранявшихся под покровом официального православия (якуты были крещены в XVIII—XIX вв.), налицо своеобразное переплетение архаических и более сложных форм. У якутов сохранялось шаманство, по внешней форме похожее на тунгусское. Костюм якутского шамана («ойууна») совершенно аналогичен тунгусскому типу, тип бубна тот же, что и у тунгусов. Отмечаются и следы древнего тотемизма: каждый род почитал определенное священное животное[1].

Сохранились пережитки родового культа, принявшего совершенно своеобразную форму. У якутов существовали когда-то родовые летние «кумысные» праздники—так называемые «ысыах». Позже они превратились в религиозные обряды, связанные со скотоводством и культом божеств-покровителей плодородия. Этот культ не был связан с обычным шаманством, жрецами его были особые, так называемые «белые шаманы» («айыы ойууна»).

Интересно в якутских верованиях наличие очень богатого и сложного пантеона богов и духов разных рангов, которые делились на несколько категорий. Из них прежде всего выделяются верхние духи и нижние духи. Верхние духи—«айыы»—благожелательные, во главе их стоит великое божество, своего рода верховный бог-творец, Ар-тойон, ниже его—Айыы-тойон и т. д. Им противостоят «нижние» духи («абаагы»), злые, вредные для человека. Во главе их стоит грозное божество, глава подземного темного мира; это—«подземный старик», Аллара-Огоньор (или Арсан-Дуолай). Таким образом, перед нами резкий дуализм, два антагонистических мира, светлый и темный. Особняком стоит грозный и могучий, но не злой бог—покровитель шаманов—Улуу-тойон. Третья категория духов—это нейтральные духи-«хозяева»—«иччи». Последние восходят к ранней исторической эпохе, связанной с господством промыслового хозяйства. На первом месте из духов-хозяев стоит хозяин леса Баянай, по другим верованиям—11 братьев-Баянаев. Они дают удачу промыслу, охотники приносили им жертвы.

Эта сложная, разнообразная мифология отражала напластования разных исторических эпох. Сейчас она, впрочем, почти исчезла из памяти населения.

Художественное творчество и культурное развитие. У якутов существует очень интересный и красочный художественный фольклор. Наиболее важную часть его составляют богатырские сказания, так называемые «олонхо». Это настоящий героический эпос, обладающий высокохудожественными достоинствами, его можно поставить рядом с русскими былинами, скандинавской Эддой и карельской Калевалой. Содержание «олонхо»—подвиги богатырей, носителей доброго начала, борющихся с темными силами. Излюбленные образы богатырей—Эр-Соготох, Нюргун-Стремительный, Сюнг-Дьаагын и др.—широко известны, им посвящено множество вариантов былин. Чрезвычайно интересен поэтический язык олонхо: он очень архаичен, богат лексикой, насыщен образными оборотами, красочными эпитетами. Исполнители былин—специалисты-сказители «олонхосу-

[1] Об этом сообщал еще в начале XVIII в. Страленберг, а в позднейшее время—Виташевский.

Якутская орнаментированная берестяная посуда

Орнамент на якутском чепраке: мотив лиры

ты». Техника исполнения—чередование рассказа с пением: повествование ведется обычным голосом, но речи действующих лиц поются на определенные мелодии (различные мелодии для богатыря, его противника-демона, его коня и пр.). Якуты очень любят слушать олонхо, и исполнение их продолжается иногда целые ночи напролет.

Искусство олонхосутов до революции клонилось к упадку, и было мнение, что эта замечательная народная поэзия обречена на гибель. Ныне она переживает небывалый расцвет. Выявлены и взяты на учет сотни олонхосутов, в том числе, наряду со стариками, молодые люди, даже подростки; общественные организации заботятся о них. Широко развернулась работа по собиранию и изучению текстов олонхо, их научному изданию (исследования Г. У. Эргиса и других якутских фольклористов).

Отдельно от олонхо бытует «исторический» эпос. Герои его—полулегендарные и чисто исторические лица, начиная от легендарных прародителей якутского народа—Омохоя и Эллея—и до тойонов, живших во время появления русских в XVII в. Из этих героев позднейшего времени первое место занимает Тыгын—кангаласский князь, историческое лицо (он погиб при первом столкновении с русскими в 1631 г.); в эпосе он превращен в «якутского царя». В большинстве этих сказаний воспроизводятся подлинные исторические события.

Помимо олонхо и легендарных сказаний, якуты имеют другие виды фольклора, сказки, большое количество пословиц и загадок.

Надо отметить некоторую односторонность развития якутского художественного творчества—слабость у них музыкального искусства. У них нет музыкальных инструментов, за исключением шаманского бубна и зубного варганчика (хамыс), и вокальная музыка у якутов также слабо развита. Но сейчас она начинает развиваться. У якутов появились даже свои композиторы (М. Н. Жирков, 1892—1951).

Зато глубоко интересно якутское изобразительное искусство. Якутская орнаментика своеобразна и богата. Особенно интересны «чороны», деревянные сосуды для кумыса, которые сплошь покрываются резным орнаментом. Характерен орнамент из конского волоса на берестяных сосудах. Чеканным орнаментом украшаются металлические изделия. Замечательна резьба из мамонтовой кости. В качестве мотивов орнамента преобладают простые геометрические формы, линии, ромбы, шахматный узор и т. д. Но наряду с этим имеются более сложные композиции, особенно на чепраках в виде аппликации. Наиболее интересен из них характерный мотив лиры, который, кроме якутов, не встречается нигде. Эту лиру можно считать развитием кочевнического орнаментального мотива—бараньих (другие считают—коровьих) рогов, на якутской почве подвергшегося сильной стилизации.

Декоративное искусство, таким образом, также содержит в себе элементы самого разнообразного происхождения. Здесь есть и аборигенные и принесенные с юга мотивы. Все это еще раз показывает своеобразное положение якутской культуры на Севере.

Сильно сказывается и русское влияние на искусство якутов. Советский этнограф-искусствовед С. В. Иванов проследил постепеннсе изменение стиля якутского орнамента на протяжении XVII—XX веков под очевидным воздействием русской культуры.

На основе народных традиций у якутов еще до революции начало зарождаться и профессиональное искусство. Появились художники, прошедшие и школу русской классической живописи и воплотившие в художественные образы многие черты старинного якутского быта. Теперь в республике работает целый ряд одаренных молодых художников-якутов.

За годы Советской власти необычайно возрос общий культурный уровень якутского населения. До революции грамотных среди якутов было менее 1%—это были тойоны и тяготевшие в большинстве к ним интеллигенты. Теперь неграмотных в республике почти нет. Свыше 570 школ, и в них более 65 тысяч детей; во многих преподавание ведется на якутском языке. Имеются высшие и профессиональные учебные заведения. Выросла молодая национальная советская интеллигенция среди якутов, в числе ее есть люди самых разных специальностей, есть и научные работники с учеными степенями.

Особо следует отметить энергичное историко-этнографическое изучение края. Центром его стал г. Якутск, где действует филиал Академии наук СССР (с 1949 г.). Проводится деятельно собирание фольклорных текстов, материалов языка и диалектологии, исторического прошлого якутского народа, не говоря уже об изучении природы и производительных сил Якутии. Отсталый и заброшенный еще в недавнем прошлом край стал одним из крупных очагов научной работы. Якуты—ее деятельные участники.

6. МАЛЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА

а. ОБСКИЕ УГРЫ (ХАНТЫ И МАНСИ)

Обзор малых народов Севера мы начнем с запада. В бассейне Средней и Нижней Оби находится этническая территория «обских угров». Своеобразие этой области в том, что она расположена как бы на границе больших историко-этнографических областей: здесь к древним племенам—носителям таежной охотничье-рыболовческой культуры—примешивались в разное время этнические группы южного степного, далее восточно-европейского происхождения, и, наконец, свое влияние оказала тундровая оленеводческая культура.

«Обские угры»—это ханты (остяки) и манси (вогулы), коренное население Ханты-Мансийского национального округа. Они входят вместе с венграми-мадьярами в угорскую ветвь финно-угорской языковой семьи. По языку и еще более по культуре ханты и манси очень близки между собой.

Ханты (17,8 тыс., 1926) живут на Средней и Нижней Оби и по ее притокам, начиная от Васюгана (на левобережье) и от Ваха (на правобережье) и ниже по самой Оби и ее притокам, главным образом правым,—Агану, Тром-Югану, Казыму и др., почти до устья Оби. Манси (5,7 тыс.) живут преимущественно по левым притокам Оби—Конде, Сосьве и др.—и по восточным склонам Урала. Прежде ханты и манси были расселены шире: ханты занимали на юге нижнее течение Иртыша, манси—оба склона северного Урала.

Предков хантов и манси русские летописи называют (с конца XI в.) «югрой». С XIV в. появляется название «вогуличи» («гогуличи»), с конца XVI в.—«остяки». Названия эти—неясного происхождения. Предполагалось, что «остяк»—это «ас-ях» («обский человек», одно из самоназваний хантов), но вернее, что оно происходит от татарского «уштяк»—грубый, необразованный человек. «Остяками», кстати, называли раньше не только хантов, но и селькупов («остяко-самоеды») и кетов («енисейские остяки») и часть вогулов манси («ляпинские остяки»).

В русских документах конца XVI и XVII вв. имеются довольно многочисленные сведения об обских уграх. О них упоминал в конце XVII в. Избрандт-Идес. Остякам посвящена первая этнографическая монография в русской литературе: «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого (1715). Путешественники XVIII в. также оставили немало сведений о культуре хантов и манси. Чрезвычайно любопытные материалы содержатся в недавно опубликованной рукописи В. Ф. Зуева (ее использовал в свое время Паллас в описании своего путешествия). Из путешественников XIX в., писавших об этих народах, можно отметить особенно Кастрена.

В конце XIX в. был собран большой материал по этнографии и фольклору остяков известным исследователем Сибири С. К. Паткановым. По хозяйству и материальной культуре обских угров много материалов имеется в большой работе Дунина-Горкавича «Тобольский Север». Работали по изучению этнографии, фольклора и языка обских угров и финские и венгерские ученые.

Значительное количество новых и обстоятельных этнографических материалов собрано в советский период. Особенно ценны работы В. Н. Чернецова по манси и хантам, которые проливают новый свет на общественный строй, религиозные верования и на происхождение этих народов. По обско-угорским языкам большое значение имеют исследования видного немецкого ученого В. Штейница.

Хозяйство. Основу материального производства хантов и манси еще в недавнем прошлом составляли рыболовство и охота. Рыболовство было главным занятием, в частности, того населения, которое живет оседло в долине Оби и ее крупных притоков. Это по преимуществу ханты. Техника рыболовства разнообразна. Помимо применения различных сетей (их плели прежде из крапивы, позже из конопли), здесь характерно широкое распространение плетеных из прутьев снастей (морд или вершей),—так называемые «гимги». Это огромные (до 3 м в длину) снасти, которые употребляются как зимой для подледного лова, так и летом—вместе с запором, перегораживающим реку. Издавна употребляются и крючковые снасти, а также острога.

Сейчас в колхозах вошла в употребление техника крупного механизированного лова рыбы: большие невода с тракторной тягой, моторные рыболовные суда и пр.

Наряду с рыболовством существенную роль играет охотничий промысел. Для хантов он является скорее вспомогательным занятием (кроме некоторых групп), для

Ловля рыбы неводом у хантов

большинства же манси до недавнего времени составлял основную отрасль хозяйства. Техника охотничьего промысла и характер снаряжения ничем не отличаются от распространенного по всей таежной Сибири: черканы, пасти, самострелы, а также охота с ружьем и собакой. Лыжи и ручная нарта составляют существенный элемент охотничьего снаряжения.

Наряду с охотой население Средней Оби занимается осенью также орешным промыслом. Наличие больших кедровников дает возможность получать значительный доход от сбора кедровых орехов.

Собаководство хантов и манси имеет очень древнее происхождение. Собачий транспорт был господствующим, причем употреблялась (как и у кетов) вентральная упряжка: живот собаки опоясывается шлеей, и она тянет задними ногами. В настоящее время на собаках ездят мало, разве что возят иногда дрова или воду. Собаки зато широко употребляются для охотничьего промысла.

У северных хантов и манси имеются олени. Оленеводство их чисто ненецкого типа с такими же партами, с веерообразным уступчатым расположением запряженных оленей. Письменные источники, а также данные языка показывают, что оленеводство у обских угров не древнее. Арабские, а также русские и европейские известия о югре XIII—XIV вв. еще ни слова не говорят о наличии у них оленей. В то время ездили только на собаках. К концу XV в. относится первое документальное свидетельство об оленеводстве: в описании похода князя Семена Курбского и Петра Ушатого за Урал на Обь говорится, что воеводы ехали на оленях, а «рать» на собаках. Возможно, что в это время олений транспорт как новый и редкий способ передвижения составлял еще привилегию господствующих групп. По-видимому, оленеводство заимствовано обскими уграми именно около XV в. и притом от ненцев. Не только тип и детали, но и вся терминология, относящаяся к оленеводству, у обских угров ненецкого происхождения.

У южных и у приобских хантов имеются лошади и коровы. Они не заимствованы от русских: здесь следует предположить более раннее воздействие кочевой культуры Средней Азии, задолго до эпохи Сибирского царства.

Как народы таежной полосы, ханты и манси развили у себя высокую технику разнообразной обработки дерева, начиная от довольно простых изделий, как вырезанные из древесного наплыва ложки, черпаки, и до больших дощатых лодок, до сравни-

Снаряжение охотника ханта: ружье, ручная нарта с подпряженными собаками

тельно тонкого плетения корзин и до изящных берестяных сосудов и шкатулок. Дерево и береста являются главным материалом для изготовления предметов утвари. Собственной гончарной посуды эти народы не знали. У них почти нет в настоящее время и кузнечного производства, хотя раньше оно было. Развита обработка меха и кож. Наконец, у южных хантов и манси следует упомянуть о такой чрезвычайно интересной отрасли производства, как ткачество, неизвестное другим малым народам Севера. Материалом для домотканых материй служила крапива. Ткацкий стан сходен с восточноевропейским (с 2 подножками и бердом), но несколько более примитивный, с одним навоем для ткани. В настоящее время это производство почти исчезло из-за наличия покупных тканей.

Жилище. Типы жилищ у хантов и манси довольно разнообразны. Они представляют собой как бы последовательные стадии исторического развития, или напластования разных культур. У хантов бытовал такой архаический тип жилья, как землянки. Правда, они не глубокие: яма всего 40—50 см глубиной; над ней устраивалась пирамидальная крыша, или прямо, или со срубом, причем вход сбоку. Но еще в XVII в., а может быть, и позднее, эти подземные жилища имели ход через верхнее дымовое отверстие—типичная палеоазиатская черта—и, вероятно, были глубже: у Избрандт-Идеса (1692 г.) мы читаем: «Остяки зимою, шалаши свои оставя, делают себе землянки, в которых токмо одно окно наверху имеют, в которое люди входят, в той же и дым выходит, а спят на земле подле огня»[1]. Сирелиус еще в начале XX в. описывал землянки на реках Югане, Агане и в других местах. Землянка отапливалась пристенным чувалом (камельком); он находился или в углу около двери или посредине одной из стен. Сейчас эти подземные жилища составляют исчезающую форму. Однако местами они еще недавно бытовали.

Другим типом жилища является конический берестяной чум, обычно летний—одна из черт таежной охотничьей культуры. У северных манси и хантов такой же конический чум кроется оленьими шкурами и ничем не отличается от ненецкого чума.

Местами встречается своеобразное прямоугольное наземное жилище с вертикальными стенами из бересты и такой же двускатной крышей. Основою служит каркас из вертикально поставленных жердей.

[1] Древняя Российская Вивлиофика, ч. 8, изд 2-е, 1789, стр. 393.

Старые и новые срубные постройки у хантов

Но наиболее замечательно наличие у хантов и манси такого типа жилища, отсутствующего у других народов Севера, как срубная изба («юрта»). Техника рубки такая же, как в Восточной Европе. Едва ли можно считать это срубное жилище результатом новейшего русского влияния. Скорее перед нами один из элементов той древней восточно-европейской культуры, которая вообще оставила очень сильный отпечаток на культуре обских угров. В отличие от русской избы, юрта отапливается, как и землянка, чувалом, стоящим в углу у входа, или открытым очагом посередине. Эти юрты представляли собой прежде зимнее жилище, но иногда в них жили и летом. Сейчас они гораздо более благоустроены. Характерны свайные рубленые постройки в качестве амбаров. На старых постройках встречается особое крепление стен—аналогичное белорусским «лисичкам».

Интересно наличие наружных хлебных печей, которые ставятся отдельно от жилища. Такая печь для Сибири представляет собой явление необычное, но она хорошо известна на юге Европы и в Средней Азии.

Таким образом, в области формы жилищ налицо переплетение элементов самого разнообразного культурно-географического и исторического происхождения; это является одним из подтверждений сложного состава обско-угорской культуры.

Одежда. В формах одежды у хантов и манси перед нами опять налицо напластование целого ряда культурных форм и стадий. Прежде всего здесь встречается форма одежды, которая нам известна по народам Восточной Европы: это халатообразная верхняя одежда, запахивающаяся налево.

В качестве зимней одежды у северных хантов и манси употребляется глухая меховая малица, надевающаяся через голову мехом внутрь, и поверх этой малицы так называемый гусь, или парка,—такая же глухая одежда, но мехом наружу. Малица, видимо, заимствована из ненецкой оленеводческой культуры.

Наконец, отмечается такое необычайное для Сибири явление, как наличие длинной женской рубашки, домотканой или из купленной материи, туникообразного покроя, как у народов Поволжья. Такие самодельные платья из домотканой материи в настоящее время исчезли из быта, будучи вытеснены покупными изделиями.

Исторические особенности общественного строя. Под влиянием более чем трехвекового колониального гнета самобытный социальный строй хантов и манси ко времени Октябрьской революции разложился; сохранились лишь слабые его пережитки. Проф. С. В. Бахрушин сделал попытку на основании известий XVI и XVII вв. восстановить черты прежнего социального строя обских

Берестяной чум хантов

Наружная печь у хантов

Хант в халатообразной верхней одежде

Манси в меховой одежде типа малицы

угров. В то время на Средней и Нижней Оби существовал целый ряд туземных княжеств, которые в русских документах чаще именуются волостями. Эти остяцкие и вогульские «волости»—Ляпинскую, Кодскую, Кондинскую, Куноватскую и др.—удается нанести на карту.

Каждая из этих волостей представляла собой, видимо, примитивное полугосударство, во главе которого стояли князцы, как они именуются в русских источниках. По мнению С. В. Бахрушина, князцы не только собирали с «подданных» ясак: в документах XVII в. упоминается и о тех повинностях, которые население, например Кодского княжества, должно было выполнять в пользу своего князя: «Дрова сечь в лесу и ко двору волочить и всякий хоромный лес добывать и привозить ко двору же, и сена ставить по 1500 копен и больше в год, и то де сено ко двору же волочить и во дворе де работать на всякий день непрестанно»[1]. Здесь можно видеть указание на наличие отработочной ренты, своего рода барщинной повинности, которую если не все, то какая-то часть населения должна была выполнять в пользу своего князька. Документы того времени содержат также упоминания о бедняках и «захребетниках», находившихся в кабале у «лучших людей». Судя по указаниям в эпосе, у остяков были прежде и рабы, хотя рабство было, очевидно, патриархальным.

Наличие и возможность здесь ранних феодальных отношений (предполагаемых проф. Бахрушиным), по-видимому, подтверждается тем, что южные остяцкие и вогульские княжества находились в непосредственном соприкосновении с сибирским Кучемовым царством и даже в зависимости от него: Кучум и его предшественники, если не были хозяевами всей территории, то во всяком случае эпизодически собирали в свою пользу с остяцкого и вогульского населения ясак; вероятно, собирали его через местных князьков.

[1] С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л. 1935, стр. 53.

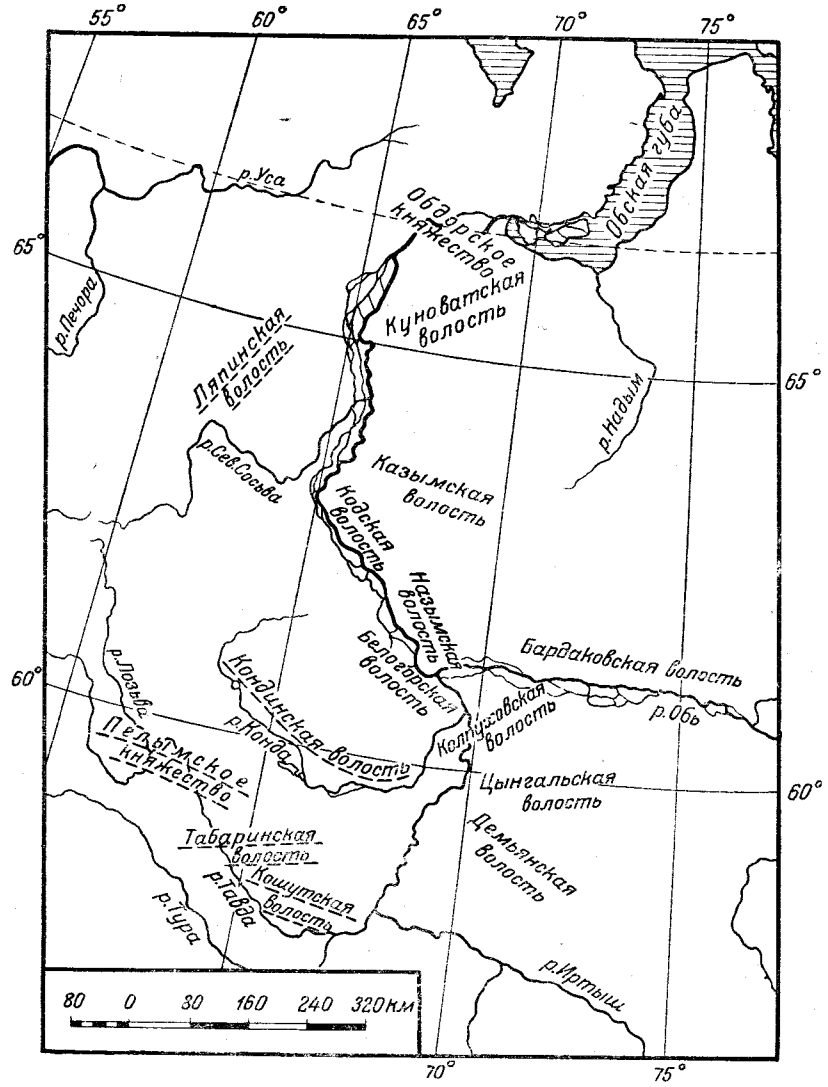

Старинная женская одежда хантов

Однако другие советские исследователи— Н. Н. Степанов, В. Н. Чернецов—решительно отрицают наличие феодальных отношений у обских угров в дорусскую эпоху. Они считают, что у них господствовал еще патриархально-родовой строй.

Действительно, у хантов и манси остатки патриархально-родовых отношений удержались и в более позднее время, но это не противоречит факту классового расслоения.

Царское правительство с самого начала стало опираться на господствующую верхушку остяцко-вогульского населения и с этой целью наделяло князьков привилегиями. Кодские князья Алачевы, Обдорские, Сургутские и другие князьки получали жалованные грамоты от царя. Вплоть до Октябрьской революции в Обдорске правила местная династия князей Тайшиных. Царское правительство поддерживало и укрепляло власть местной знати, что не могло не уско-

Карта остяцких и вогульских «княжеств» и «волостей» XVI—XVII вв.
(подчеркнуты названия вогульских «волостей»)

рять разложение патриархально-родовых традиций.

Тем не менее родовые пережитки сохранились до настоящего времени. Род у остяков и вогулов еще недавно сохранял черты сплочённой социальной группы. Соблюдалась родовая экзогамия. Одним из внешних признаков родовых отношений служит употребление родовых клейм—тамг, которыми ханты и манси метили домашних животных и различные вещи, например поплавки. На документах XVII в.—остяцких и вогульских челобитных—вместо подписей стоят так называемые «знамена», т. е. рисунки тамг. Обычно это изображения зверей—соболя, бобра, разных птиц и рыб,—в чем можно видеть пережитки тотемизма. Последние сохранились у остяков и вогулов до настоящего времени: они проявляются и в названиях некоторых родов—по животным.

В недавнее время работами В. Н. Чернецова обнаружено, что у обских угров сохранились пережитки еще более архаических форм—дуально-родовой организации: роды объединялись в 2 фратрии. Сохранилась память о тотемических чертах этих фратрий: одна из них—фратрия Пор—была связана с медведем, а другая—фратрия Мощь—с зайцем.

Таким образом, перед нами сильно затянувшийся процесс перехода от первобытно-общинного к классовому строю.

В XIX в. остяки и вогулы подвергались грабительской эксплуатации русскими, а частью коми-зырянскими купцами и кулаками. Их рыболовные «пески» (угодья) перешли в значительной части в руки кулаков-рыбопромышленников. Скупщики наживались на торговле с местными жителями, спаивали их спиртом, закабаляли и доводили до нищеты и разорения.

В советские годы со всеми формами эксплуатации было покончено. Ханто-мансийское население в огромном большинстве вошло в колхозы и достигло невиданной прежде зажиточности.

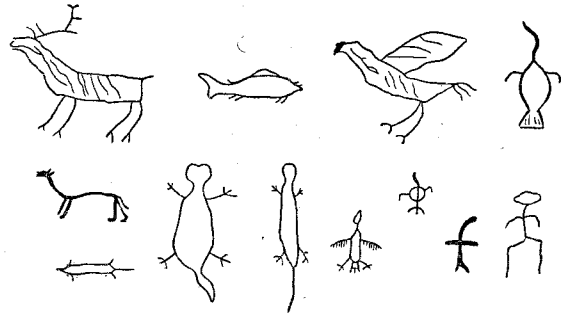
Религиозные пережитки. Сложный переплет социальных форм в связи со сложностью самого этнического состава обско-угорских народностей отразился на своеобразии их религиозных верований. У них прежде господствовало шаманство. Шаманский остяцкий бубен широкоободного типа, почти круглый, но небольшого размера, с рукояткой в виде деревянной развилки. Изображений на бубне нет. Вместо бубна шаманы употребляли иногда особую цитру.

Социальная сторона шаманизма у хантов и манси не совсем ясна. Имеются указания (Кастрена, Шаврова), что шаман у этих народов выполнял функции родового жреца. Но другие материалы (Карьялайнена, Чернецова) этому противоречат. Вопрос остается неясным.

У обских угров характерно развитие родового и семейного культа. Каждая семья имела своих семейных покровителей, которые представлены куколками, обычно деревянными или из жести и олова, одетыми в особые костюмы. Таким божкам приносились жертвы перед охотой и они считались покровителями промыслов.

Кроме семейных божков, были общеродовые, общефратриальные и общеплеменные, которые хранились в потайных местах, в особых святилищах, имевших обычно вид амбара на сваях и спрятанных в глухих местах тайги.

В старых сообщениях—Григория Новицкого, П. С. Палласа и др.—описываются некоторые наиболее почитавшиеся промысловые божества: «Старик Обский»—бог рыб, покровитель рыболовного промысла, святилище его было близ устья Иртыша; «Гусь»—хозяин водоплавающей птицы, с местопребыванием у Белогорских юрт на р. Оби

Остяцкие «знамена»—подписи на документах XVII в. ввиде родовых животных

(по новейшим исследованиям М. Н.Чернецова, это был покровитель фратрии Мощь).

Промысловые формы культа выражались и в чисто магических обрядах и в почитании местных духов-«хозяев». Тайга, реки населяются духами, которые частью благодетельны, помогают промыслам, а частью вредны, сбивают с пути охотника и топят рыболова. Они носят различные названия: тонх, унху, менк, куль и т. д.

С родовым культом были связаны и остатки тотемизма, установленные работами особенно В. Н. Чернецова. Каждый род имел своих покровителей в виде определенной породы животных, которых нельзя было убивать и употреблять в пищу,—типичная картина тотемизма. С пережитками его связан и культ медведя. Он у хантов и манси был очень развит, больше, чем у целого ряда других охотничьих народов. Если охотнику случится убить медведя, то это служит поводом для устройства своеобразного медвежьего праздника. Медвежья туша тащится домой и устраивается общественный праздник. Существенную часть его прежде составляло обрядовое самооправдывание охотников перед медведем: «Не я тебя убил, а русский, который сделал это ружье». Но это оправдание не мешает тому, что мясо медведя едят и пользуются этим случаем для устройства праздника. Есть указания на то, что в древности праздник медведя был тотемическим праздником одной из фратрий—«медвежьей» фратрии Пор.

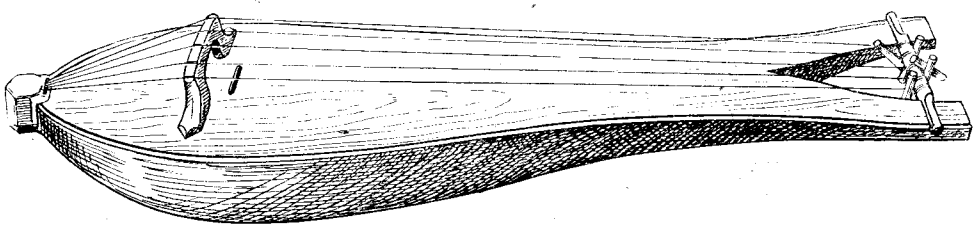
Но в настоящее время медвежьи праздники уже зачастую не являются религиозными. В них гораздо больше элементов развлечения, народного игрища: пляски, представления в масках, песни и пр. Магический элемент отходит на задний план и забывается.

В религии хантов и манси отмечаются элементы и другого происхождения, отражающие влияние более высоких культур,—татарской или восточноевропейской: таков культ верховного божества, который у других малых народов Сибири отсутствует. Это так называемый Торым, или Нуми-Торым, который считался создателем мира и человека. В религиозных верованиях и обрядах Торым, правда, играл очень ограниченную роль; ему не молились. Можно считать образ Торыма продуктом отчасти христианской пропаганды в новейшее время, но не исключена возможность того, что образ верховного божества имеет в какой-то мере самобытные корни.

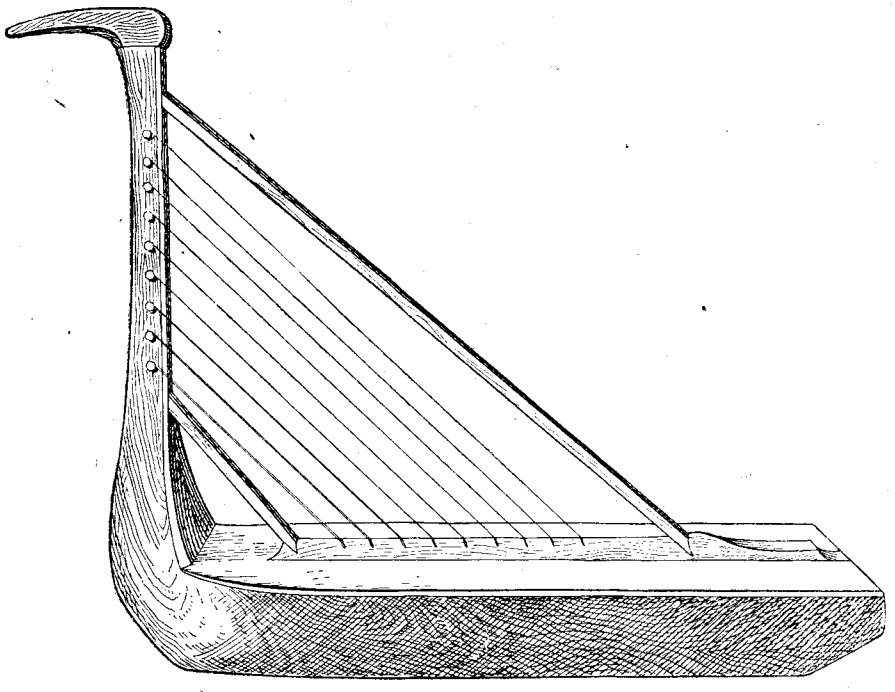
Формально ханты и манси числились православными. С них и началась политика христианизации народов Сибири. Указ Петра I от 1710 г. о поголовном крещении остяков и вогулов и истреблении их языческих капищ и кумиров, миссионерские поездки Филофея Лещинского и его насильственные методы христианизации—все это вызвало большое недовольство туземцев и их активное сопротивление.

Очень интересно сообщение Григория Новицкого, очевидца и участника миссионерской деятельности Филофея, о том, как Кондинские вогулы дали согласие креститься, но выставили три условия: 1) чтобы крестили и их «шайтана» (божка) и поставили его в церкви вместе с христианскими иконами, 2) чтоб не запрещали есть лошадиное мясо и 3) чтобы было разрешено многоженство, причем своих жен они хотели крестить сами, не доверяя этого священникам[1]. В этих весьма оригинальных требова-

[1] Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком. СПб. 1884, стр. 102—103.

5-струнная цитра хантов

9-струнная арфа хантов

ниях отразился своеобразный взгляд на возможность сочетать старую веру и старые обычаи с новыми.

Крещение хантов и манси было лишь формальным, а фактически до последнего времени у них держались их старые религиозные представления.

Народное творчество. В художественном творчестве обско-угорских народов отразился сравнительно высокий уровень их развития. В области фольклора наиболее характерны былины и сказания о богатырях, о подвигах их, о войнах, которые они вели с соседями. Эти былины поются особыми сказителями. Отдельные героические сказания, по-видимому, находятся на пути к циклизации— происходит группировка сюжетов вокруг некоторых образов излюбленных героев.

С другой стороны, можно отметить переплетение разнообразных жанров. Так, мотивы сказочного жанра переделываются в стиле эпических героических сказаний.

Былины поются под аккомпанемент музыкальных инструментов: пятиструнной цитры «нарес-юх» и девятиструнной арфы— «лебедя» (по-хантски—«тор», или «торопюх»). Подобных инструментов другие народы Сибири не знали. Под звуки цитры нередко устраиваются пляски, которые у обских угров чрезвычайно своеобразны.

Очень характерно бытование совершенно различных стилей орнамента на разных материалах. На меховых изделиях и на берестяной посуде чаще всего повторяется мотив орнамента (сходный с ненецким), в основе которого лежат оленьи рога. Но если взять ткани, например вышивку на женской рубахе (у южных хантов), то здесь встречается своеобразный мотив трехфигурной композиции, который хорошо известен у народов Восточной Европы. Это композиция, состоящая из фигуры женщины или дерева, по обеим сторонам ее стилизованные пти-

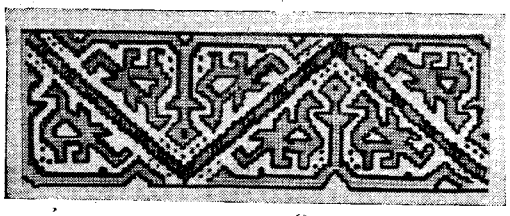

Вышивка на женской рубахе хантов

цы. В Сибири такого рода орнамент известен только у обских угров, и притом только на тканях.

Таким образом, здесь как бы налагаются один на другой два различных стиля, два слоя декоративного орнаментального искусства.

В эпоху социализма культурное развитие обских угров двинулось быстро вперед. Создан Ханты-Мансийский национальный округ, построен новый город Ханты-Мансийск. Все дети посещают школу, учатся на родном языке. Новая советская культура проникает в быт населения.

Трехфигурный мотив на вышивке одежды.

Этногенез. Изучение быта и культуры обско-угорских народов приводит к определенным выводам об этногенезе этих народов. Вопрос о происхождении остяков и вогулов ставился не раз, в особенности финскими и венгерскими учеными, заинтересовавшимися общностью обско-угорских языков с венгерским.

Вопрос этот решался до последнего времени гипотезой о том, что обские угры продвинулись сюда сравнительно недавно с западного склона Уральского хребта. И в этой гипотезе, несомненно, есть зерно истины. Уже одно родство языков остяков и вогулов с венгерским указывает на исторические связи этих народов. Если учесть, что предки венгров до IX в. жили тоже в западном Приуралье, то связи эти делаются объяснимыми.

Есть и прямые исторические свидетельства о том, что сравнительно не так давно вогулы и «югра» (вероятно, предки остяков) жили к западу от Уральского хребта. Передвижение их на восток в бассейн Оби происходило, возможно, в XIV в. и было вызвано давлением со стороны коми-зырян и русских.

Однако сложный вопрос о происхождении современных обско-угорских народов этим далеко еще не решается. До прихода

на Обь «угров» там жило местное охотничье-рыболовческое население, обитавшее в землянках. Археологические остатки этого древнего населения прослеживаются до начала 2-го тысячелетия н. э. Вероятно, это были «палеоазиатские» по языку племена. Они и составили, видимо, этническую основу формирования позднейших обско-угорских народов. Это подтверждается антропологическими данными: у хантов и особенно манси отмечается «енисейский» (или «американоидный») антропологический тип, господствующий также у кетов и, как предполагают, восходящий к древней эпохе, когда происходило заселение Америки из Северо-Восточной Азии. От этого древнего населения сохранились и архаические черты хозяйственно-культурного уклада и общественного быта обских угров: землянки, рыболовческое хозяйство с подледным зимним ловом рыбы, упряжное собаководство (с вентральной упряжкой, как у кетов), в области общественных отношений—пережитки древней дуально-родовой организации (как у кетов).

К этой-то древней этнической основе и примешались позже племена, принесшие более высокую культуру. Откуда, когда и как проникали они,—об этом имеются разные взгляды. В. Н. Чернецов относит это продвижение к отдаленному времени—к эпохе бронзовой Андроновской культуры (2-е тысячелетие до н. э.)—и полагает, что оно шло из степей Приаралья. Это предположение подтверждается археологическими данными. Очень вероятно, что именно из степей проникло на Среднюю Обь скотоводство, а также металлургия железа и пр.

Однако едва ли можно отрицать, что на Среднюю и Нижнюю Обь доходили и культурные влияния и даже переселения племен и с запада, из-за Урала. О связях с народами Поволжья и вообще Восточной Европы говорят такие элементы культуры обских угров, как срубное жилище, ткачество и сходная с восточноевропейской форма ткацкого стана, туникообразная рубаха, особый тип текстильного орнамента, многострунные музыкальные инструменты.

Возможно, что носителями этой культуры были собственно угорские племена, принесшие на Обь и свой язык.

Позже других, видимо, с XV—XVI вв., проникли в ханто-мансийскую этническую область отдельные черты культуры, связанные с северной тундрой: это оленеводство северных хантов и манси и сочетающиеся с ним культурные элементы, заимствованные от ненцев.

б. САМОДИЙСКИЕ НАРОДЫ

Еще Кастрен установил, что к угрофинским языкам наиболее близко стоят самоедские. Обе эти группы принято теперь объединять в «уральскую» семью языков.

Самоедоязычные, или самодийские, народы живут в Северо-Западной Сибири и на Европейском Севере. Это: 1) ненцы, обитающие в тундре между р. Мезенью на западе и Енисеем на востоке, главным образом в Ненецком и Ямало-Ненецком национальных округах; 2) тавгийцы (нганасаны) между Енисеем и Хатангой (Таймырский национальный округ); 3) энцы—очень маленькая народность в низовьях Енисея, между ненцами и тавгийцами; 4) селькупы, живущие в Нарымском крае, по рекам Тым и Кеть, а также в бассейне р. Таза. В прошлом самодийские языки распространены были и в Южной Сибири, в Саянской области, но народы, говорившие на них, в настоящее время почти целиком тюркизированы.

Ненцев называли прежде «самоедами». Это слово ошибочно этимологизировали из русского языка («само-еды»—сами себя едящие) и связывали с этим легенды о прежнем якобы каннибализме. На самом деле перед нами, видимо, древний этноним «сам», родственный названиям «саами» (лопари), «суоми» (финны). По-лопарски «саам-йедна» значит «земля саамов (лопарей)»; очевидно, это название, относившееся первоначально к землям, заселенным лопарями, перенесено русскими на позже там появившихся ненцев. Сейчас термин «самоеды» сохранился только как обозначение всей языковой семьи в целом.

Западносибирских ненцев называли прежде также «юраки», тавгийцев—«авамские и вадеевские самоеды»; селькупов—«остяко-самоеды». Несколько обособленную группу «лесных ненцев» в бассейне реки Пур называют также «пян-хасово».

Самоназвание ненцев—«ненец»—значит «человек».

Название «тавгийцы» происходит из ненецкого языка: ненцы называют их «тавгы». Сами себя западные (авамские) тавгийцы называют «ня», а восточные (вадеевские)—«ася». В последнее время вошло в употребление название «нганасаны» (дословно—«люди»), раньше малоизвестное самому народу.

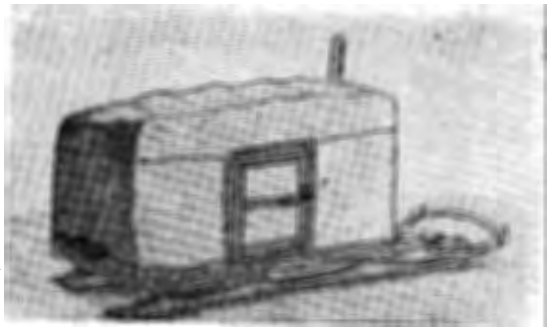

Оленья упряжка у ненцев

Языки и диалекты всех названных групп близки между собой. Ненцы, энцы, тавгийцы говорят на наречиях одного и того же языка; у селькупов—особый язык, делящийся на три диалекта (кетский, тымский, тазовский).

Особняком стоят так называемые «колвинские ненцы», живущие на нижней Колве (северный приток р. Усы, впадающей в Печору); они в течение XIX в. перешли на оседлость, смешались с коми и говорят на языке коми, утратив родной язык.

Численность ненцев составляет около 17,5 тыс. (1926 г.); тавгийцев около 0,8 тыс.; энцев—около 0,4 тыс.; селькупов считается около 6 тыс., в том числе тазовских 1,5 и нарымских до 4,5 тыс. человек (около 2 тыс. нарымских селькупов говорят только по-русски).

Нартяной чум, или «балок»

Хотя первые сведения о «самояди» имеются уже в русской Начальной летописи—главным образом с XII в., и некоторые известия о них сообщают западные путешественники XVII в., особенно Олеарий, Ла-Мартиньер,—но обстоятельные материалы о самодийских народах содержатся только в более поздней русской литературе — у авторов XVIII в. (Зуев, Лепехин и др.) и XIX в. (Ал. Шренк, Ислявин, Кастрен, С. Максимов и др.).

Наиболее серьезные исследования этих народов принесла советская эпоха. Особенно надо отметить работы Г. Н. Прокофьева, Е. Д. Прокофьевой, Г. И. Вербова, по тавгийцам—А. А. Попова и Б. О. Долгих.

Хозяйство. Ненцы представляют однородную в хозяйственно-культурном отношении группу. Основу их хозяйства составляет оленеводство типично кочевого, тундрового вида. Олень обеспечивает их всем необходимым: оленье мясо занимает в режиме их питания, по некоторым подсчетам, до 85%, оленьи шкуры идут на одежду, на покрышку чумов, на различные изделия; олень является единственным средством передвижения в тундре как зимой, так и летом, причем единственный способ использования его как средства перевозки—это запрягание

Охота на линяющих гусей у тавгийцев

в сани-нарты; оленеводство, таким образом, здесь санного, или упряжного, типа. Ненецкая нарта—широкая, с высокими прямыми копыльями, наклоненными внутрь и назад, с загнутыми кверху передними концами полозьев, соединенными перекладиной. На Енисее под русским влиянием вошла в употребление нарта с крытым возком на ней—«балóк». В нем ездило русское начальство. Оленей запрягают по два, по три или больше, веером, причем левый олень несколько впереди. Человек сидит на нарте всегда слева и управляет одной вожжей и длинным деревянным «хореем». Характерная особенность ненецкого оленеводства—это непременное употребление пастушеской собаки, без которой пасти стада ненцы не могут. Отсутствие доения оленей является также отличительной чертой оленеводства ненцев.

Другая отрасль хозяйства—охота на морского зверя и рыболовный промысел на побережье океана и на островах Вайгаче, Новой Земле. Эта форма хозяйства существовала здесь, видимо, с глубокой древности: ее описал Ла-Мартиньер в XVII в. В последнее время перед революцией этот береговой промысел был уделом обедневших ненцев, потерявших своих оленей и вынужденных «садиться на едому». Эти «яудеры» промышляли моржа, нерпу, морского зайца, белого медведя, занимались и рыбной ловлей. Развит был и песцовый промысел (настями и капканами) и охота на диких гусей и уток.

При колхозном строе тип хозяйства ненцев существенно изменился. Оленеводство сохраняет свое ведущее значение в ненецких колхозах, но оно рационализировано, сделалось более доходным. Вводятся новые отрасли хозяйства: огородничество, молочное скотоводство, звероводство. Почти исчезли различия между прежними оленеводами тундры и береговыми рыболовами и охотниками. В колхозах наряду с пастушескими бригадами есть промысловые бригады, которые бьют морского зверя, ловят рыбу, промышляют песца. Песцовый промысел стал особенно доходным.

Хозяйственный уклад тавгийцев-нганасанов, а также энцев несколько отличается от ненецкого своим большим архаизмом. У них гораздо более важное значение имеет охотничий промысел, особенно охота на дикого оленя, гусей, уток. Мясо дикого оленя и птиц занимает в их пищевом режиме более видное место, чем мясо домашнего оленя.

Промысел дикого оленя был издавна излюбленным занятием тавгийцев и крепко сросся со всем их бытом. Практикуется и индивидуальная и коллективная охота. В одиночку охотились прежде с луком, теперь с ружьем; часто применяют оленя-манщика, зимой—маскировочные щитки. Кол-

Семья ненцев около чума, крытого берестой

лективная охота—в прежнее время загон оленей в ременные сети, и «поколки», т. е. массовый убой оленей копьями на речных переправах. Этот варварский способ охоты сейчас запрещен и не применяется.

Домашние олени прежде играли второстепенную роль в хозяйстве тавгийцев, их держали помалу, не больше 10 голов на хозяйство. Но за последнее время, особенно при колхозном строе, разведение их стало основной отраслью хозяйства. Оленеводство—в точности того же типа, как у ненцев.

Что касается лесных ненцев, то у них—оной, таежный тип хозяйства: охота, рыболовство и чисто подсобное оленеводство. То же и у селькупов, но о них будет сказано отдельно.

Оленеводческое хозяйство определяет собой все характерные особенности быта и образа жизни ненцев. С этим связан прежде всего их традиционный кочевой образ жизни. Кочевание ненцев происходит в тесной связи с биологическими привычками оленей. Дикий олень летом передвигается к побережью моря, где прохладнее и где меньше его мучает комар и гнус, а зимой переходит ближе к лесу, где теплее и меньше буранов. Кочевание оленей к югу и обратно на север отразилось и на кочевании ненцев. Ненцы кочуют осенью на юг к лесу: у границ леса

не так опасны бураны и пурга и, кроме того, здесь больше топлива. Весной же, примерно с середины апреля, начинается постепенное передвижение на север, и ненцы заполняют тундры, приближаясь к побережью моря. Амплитуда кочевания достигает 400—500 км.

В настоящее время происходят существенные изменения в этом кочевом образе жизни ненцев. Основная масса колхозников живет теперь в постоянных поселках—«базах оседлости», где построены жилые дома и культурные учреждения, а стада перегоняются с пастушескими колхозными бригадами. Местами (в Ненецком округе) оседание сопровождалось введением новых отраслей хозяйства: огородничества, разведения рогатого скота и пр.

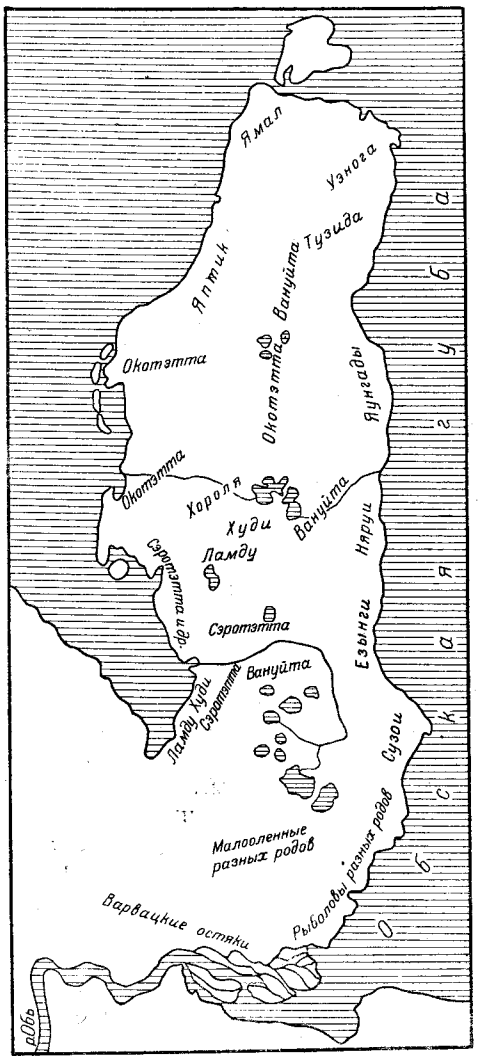
Жилище. С кочевым образом жизни ненцев связана и своеобразная форма жилища—это кочевой конический шестовой чум, крытый оленьим мехом, «нюками». Летом они кроют чум берестой, если ее имеют. Это достаточно большое, до 9 м в диаметре жилище, которое для кочевого быта незаменимо. Других типов жилища ненцы до недавнего времени не знали. После перехода к оседлости чум перестал быть единственной формой жилища у ненцев: в колхозах строятся дома русского типа. Чум сохраняет большое значение для пастушеских бригад. Но и в нем введено очень существенное усовершенствование: вместо открытого очага посередине, наполнявшего чум дымом, сейчас повсюду имеются железные печки с трубой. В чуме теперь бывает тепло и не дымно.

Одежда. Одежда ненцев тоже очень характерна для тундровой зоны. Типичный покрой ее—глухая «малица» из оленьего меха, надеваемая прямо на тело, мехом внутрь, с капюшоном; зимой поверх нее надевают «совик» («гусь»), такого же покроя, но мехом наружу; на ноги надевают высокие «пимы» из оленьего меха. У тавгийцев малица и совик (сокуй)—более короткие.

Покрой женской одежды иной: это распашная меховая «паница». Нижняя одежда того же покроя называется «ягушкой». Вместо капюшона—отдельная шапка. У тавгийцев же женщины носят меховую комбинацию, штаны и корсаж, соединенные вместе.

Женский костюм богато украшается аппликацией и мозаикой из меха, разными металлическими подвесками.

Исторические особенности общественного строя. Социальный строй ненцев до революции представлял собой характерную картину переходной стадии от доклассового к классовому общественному строю. В связи с сохранением сравнительно низкого уровня производительных сил, примитивных форм оленеводческого хозяйства, у ненцев удержались до настоящего времени пережитки родовых отношений. У них были патриархальные роды (еркар). У европейских ненцев они, правда, в течение XIX века, под русским влиянием, сошли почти на нет: родовые обычаи почти не соблюдаются, родовые деления вытеснены русскими фамилиями (последние происходят главным образом от названий родов). Но у ямальских ненцев, а также у тавгийцев родовые деления и вообще родовые обычаи еще держатся.

Места кочевий родов ямальских ненцев (начало XX в.)

У ненцев отмечено около 90 названий родов. Наиболее крупные из ненецких родов

Погребение в Гыдаямской тундре

распространены главным образом на Ямальском севере: роды Соляндер—199 хозяйств, Худя—183 хозяйства, Окотетта—170 хозяйств, Вануйта—168 хозяйств, Яптик—90 хозяйств и т. д. (материалы Вербова, 1930-е годы).

Каждый род, в особенности на Ямале, еще недавно представлял собой сплоченную, компактную группу, владевшую определенной территорией. Кочевание у ямальских ненцев вплоть до коллективизации было связано с распределением территорий по родовым группам. Например, в северо-западной и западной частях Ямала были летние кочевья рода Яптик, северо-восточная часть Ямала была занята кочевьями родов Вануйта и Окотетта, южнее кочевал род Хороля и т. д. (см. карту на стр. 487).

На Европейском Севере родовое распределение угодий забыто, и родовые деления уже давно не учитываются при распределении территорий кочевания.

Роды были экзогамны. У европейских ненцев экзогамия, правда, еще в XIX в. начала ослабевать, но на Ямале и у тавгийцев случаи нарушения экзогамии и теперь еще редки.

Роды в старину объединялись в более крупные союзы. Неясно, имеем ли мы здесь дело с племенами или с фратриями. По данным Вербова, у ненцев существовали две, а может быть, три фратрии—основные роды,—от которых ведут свое происхождение другие роды. Такими считались роды Вануйта и Харюци. У Шренка упоминается еще род Лагай, который тоже считался основным. Можно думать, однако, что здесь перед нами не фратрии, а племена. В документах XVII и XVIII вв. некоторые роды фигурируют в качестве настоящих племен: например, «Карачейская самоядь» (Харюци)—воинственное племя, которое совершало нападения на русские острожки; «Мангазейская самоядь» (Монканси) и др.

С другой стороны, роды дробились на более мелкие группы, заключавшие в себе всего по нескольку семей, иногда по нескольку десятков семей. Русские называли их «ватагами». Во главе каждой ватаги стоял старшина.

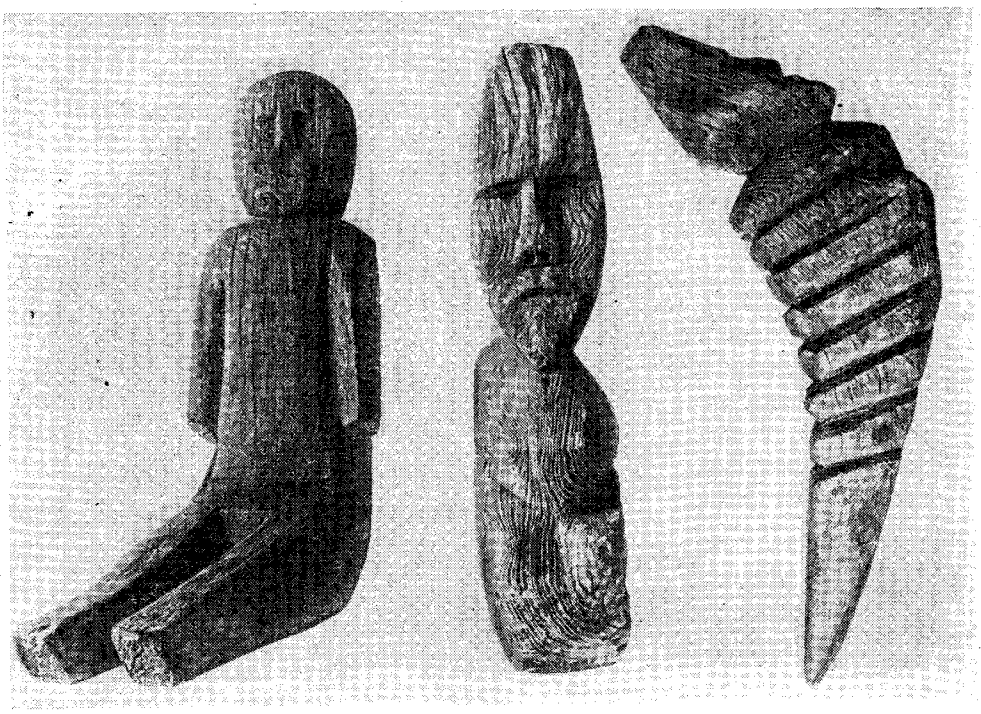
Но наряду с сохранением архаических общинных пережитков, у ненцев на основе оленеводческого хозяйства давно уже нарастало классовое расслоение. Выделялась господствующая верхушка—крупные оленеводы, которые владели тысячами голов оленей и эксплуатировали чужой труд.

Основной формой эксплуатации было совместное кочевание. У европейских ненцев вместо распавшихся родовых объединений сложились так называемые пармы. Парма—это кочевое объединение нескольких семей, постоянно кочующих вместе, притом чаще не из родственных семей.

Что представляла собой парма по экономической природе? В советской научной литературе по этому вопросу было высказано две точки зрения. Некоторые исследователи-экономисты (в частности, проф. П. П. Маслов) считали, что парма—это форма эксплуатации кулаками бедноты. Но более внимательное исследование (П. Е. Терлецкий) показало, что не все пармы были одинаковы: наряду с пармами, объединявшими кулацкие и бедняцкие хозяйства, были пармы, куда входили только бедняцкие хозяйства или бедняцкие и середняцкие, или лишь середняцкие хозяйства.

Пармы были своеобразным продуктом разложения родовых отношений, они отражали в себе переходную фазу от первобытно-общинных к классовым формам и только частично приняли форму классовой эксплуатации.

Более суровой эксплуатации подвергались ненцы со стороны пришлых паразитических групп—русских, а еще более комизырянских купцов и кулаков, которые примерно в середине XVIII в. начали проникать

Деревянные идолы «сядеи» ненцев с жертвенных мест

в тундру и селились в бассейне Печоры, в особенности по р. Ижме (так называемые ижемцы). Ижемские кулаки, обосновавшись среди ненцев, стали подобно им разводить оленей. Но, в отличие от натурально-патриархального уклада ненецкого хозяйства, они завели предпринимательское, товарное оленеводческое хозяйство, которое было хищническим в смысле использования естественных угодий. Если ненцы-оленеводы с давних времен привыкли пользоваться тундрой так, чтобы не разрушать ее естественных богатств, то кулаки-ижемцы разводили огромные стада оленей, которые вытаптывали тундру и истощали ягельные угодья. За несколько десятков лет значительная часть стад перешла от ненцев в руки ижемцев; еще в конце XVIII в. соотношение поголовья оленей у ижемцев и у ненцев Большеземельной тундры равнялось примерно 1 : 15 в пользу ненцев, а к 40-м годам XIX в. это соотношение изменилось на обратное и было, приблизительно 4 : 1 в пользу ижемцев[1].

Сами ненцы попадали в кабалу к ижемским и к русским кулакам, беднели и разорялись.

В таком состоянии ненцы находились до Октябрьской революции, которая ликвидировала паразитические группы, раскрепостила ненецкий народ и создала для него возможность свободно развивать свое хозяйство.

Религиозные пережитки. Религиозные верования ненцев отражали родовые формы быта и начало их разложения. Шаманство у ненцев приняло сравнительно развитые формы. Оно было профессиональным, строго наследственным, преимущественно мужским. По данным некоторых исследователей, женщина вообще не могла быть шаманом; по другим указаниям, она могла стать шаманкой, но лишь в особых случаях. Шаманство у ненцев связано с развитой и очень своеобразной демонологией, с представлениями о духах—«тадебциях».

Наряду с этим у ненцев отмечены формы семейно-родового культа, слабо связанного с шаманством. В каждой семье хранились изображения семейных божков-покровителей «хегов», каменные или деревянные. Они хранились и перевозились на особой священной нарте, а со смертью владельца бросались в реку или передавались из поколения в поколение, если они были родовые.

На возвышенных местах тундры ставились священные изображения—грубые человеческие фигуры («сядеи»), считавшиеся покровителями промыслов. Неизвестно, были ли какие-нибудь представления о духах, связанных с этими священными изображениями.

Семейно-родовой культ был тесно связан с промысловым. Каждый род имел свое определенное жертвенное место в тундре, где приносились из поколения в поколение жертвы—оленьи рога, медвежьи

[1] В. Н. Латкин. Заметки о самоедах. (Журн. Мин. внутр. дел, 1844, ч. 7, стр. 33—34).

черепа и т. д. По некоторым указаниям, хранителями этих жертвенных мест были не шаманы, а особые лица, напоминающие родовых жрецов.

Вопрос о более развитых формах религиозных представлений у ненцев неясен. Некоторые исследователи говорят о верховном божестве Нум, но слово «нум»—значит просто небо. По исследованиям Житкова, Нуму приносили жертвы только крещеные ненцы: можно думать, что здесь сказалось влияние христианства; во всяком случае развитого культа этого божества не было.

Погребальный обряд у ненцев своеобразен. Господствовало наземное погребение. Гробы, сколоченные из досок, ставились в тундре в определенных местах, которые были родовыми кладбищами. По некоторым сообщениям, они находились отдельно от родовых жертвенных мест, из чего можно заключить, что родовой культ не был связан с представлением о предках. У ненцев, кстати, отмечено очень любопытное поверье о том, что душа после смерти сохраняется только у шаманов, а души простых людей умирают вместе с телом. Это само по себе уже исключает возможность культа предков.

Значительная часть ненцев, в особенности европейские ненцы, были в 1-й половине XIX в. формально крещеными. Но это не мешало сохранению древних верований. Они исчезают только сейчас, в советскую эпоху, вместе с христианскими, в ходе быстрого культурного роста населения.

Народное творчество ненцев предстает в сравнительно простых формах. Героический эпос—сказания о подвигах богатырей—известен главным образом у тавгийцев. Зато у ненцев есть очень развитый сказочный фольклор, множество разнообразных сказок («вадако»), которые после революции были собраны и опубликованы. Интересны предания о происхождении родов.

В изобразительном искусстве ненцев и тавгийцев преобладает орнаментика, очень художественная, хотя и в скупых, лаконичных формах. Самый типичный мотив орнамента—это угловатая веточка: вероятно, стилизация оленьих рогов; применяются и простые геометрические формы. Пластического искусства почти нет, если не считать грубо сделанных изображений божков.

Типичный мотив орнамента у ненцев

Из народных развлечений отмечается особенно традиционный «День оленя», превратившийся теперь в своеобразный колхозный праздник (8 августа), день подведения хозяйственных итогов года.

Селькупы, родственные ненцам по языку, заметно отличаются от них по типу хозяйства и культуры. Это связано с иными географическими условиями, частью и с иным этническим прошлым. Селькупы живут не в тундре, а в лесо-тундре (северные селькупы, населяющие бассейн рек Таза и Турухана) и в полосе тайги (южные, нарымские селькупы).

Прежде селькупов называли «остяко-самоедами», или просто «остяками», «лесными самоедами», кое-где также «сургутами». «Селькупы» («сёлькуп» или «шёлькуп», т. е. «земляные люди» или «таежные люди»)—это самоназвание северной части народа; южные селькупы его не знают, называя себя или «остяками» или «чумыль-купами» и т. п.

Тип хозяйства селькупов сходен с хантским (и кетским, о котором будет речь дальше). Основу экономики составляет у них сочетание охоты и рыболовства; последнее особенно важно у южных селькупов, хотя и у них охотничье хозяйство не теряет своего значения. У северных селькупов есть и оленеводство, но мелкое: количество оленей у одного хозяина редко превышало два десятка. Оленеводство селькупов в некоторых чертах сходно с ненецким (например, тип оленьей упряжки и нарты), но в других чертах от него отличается: так, селькупы не употребляют пастушеской собаки и еще недавно у них был обычай отпускать оленей на лето в тайгу. У нарымских селькупов оленей нет.

Сейчас в селькупских колхозах хозяйство стало более разнообразным. Помимо рационализации и расширения охотничьего и рыболовного промыслов, улучшения оленеводческого хозяйства (летний выпас в огороженных больших участках тайги, охрана стада), вводятся звероводство, скотоводство, огородничество и пр.

Образ жизни южных селькупов—оседлый, а северных—полукочевой: на лето все население переселялось к рыболовным «пескам». Зимнее жилище—срубная юрта с чувалом, как у хантов, прежде также землянка или полуземлянка. Летним жилищем обычно служил чум ненецкого типа, крытый бере-

стой. У северных селькупов известен и зимний чум, крытый оленьими шкурами. Сейчас повсюду распространяются дома русского типа.

Традиционная одежда селькупов сходна частью с хантской, частью с ненецкой: мужской теплый «сокуй»—то же, что совик у ненцев. У нарымских селькупов еще в начале XX в. распространилась русская одежда.

В общественном быту селькупов, как и у ненцев и у обских угров, долго держались черты родового строя, при том в очень архаической форме. Г. Н. Прокофьев обнаружил у тазовских селькупов деление на две экзогамные фратрии с тотемическими названиями—«род орла» и «род кедровки», с подразделениями каждой из них на 5 родов. Роды имели прежде свои промысловые угодья. У нарымских селькупов родовые связи в XIX в. уже уступили место территориальным и создалась сельская община—«юрта». На основе развития торговли пушниной среди селькупов к концу XIX в. выделилась имущая верхушка. Богатеи у северных селькупов владели десятками голов оленей.

Верования селькупов, хотя они и числились крещеными, тоже сохранили архаический вид. Шаманы не порывали связи со своим родом. Характерны некоторые шаманские обряды («обряд оживления бубна»), при которых шаман якобы летит в далекую южную страну,—видимо, воспоминание о южном происхождении предков селькупов. Типичен промысловый культ духов—«хозяев».

В фольклоре селькупов отмечаются (Е. Д. Прокофьева) предания о войнах с соседями, сказки. В изобразительном искусстве сказывается близость частью к ненцам (в северных группах), частью к хантам (в южных).

Сейчас сильно поднялся культурный уровень селькупов. Нарымские селькупы, поголовно знающие русский язык, обучаются в школах на русском языке; у северных селькупов обучение вначале идет на родном языке.

Этногенез. Еще Кастрен выдвинул предположение о происхождении самоедов с юга, из области Алтайского нагорья. Эта точка зрения удерживается и до настоящего времени, и в пользу ее есть веские данные. Наиболее убедительным из них является то, что в Южной Сибири жили народы, принадлежащие к той же самодийской группе языков. В верховьях р. Кана сохранилась небольшая народность камасинцев; они сами себя называют «калмажи». Кастрен называл их «кагмаше». В настоящее время камасинцы частью обрусели, частью ассимилировались с тюркоязычным населением. Только некоторые старики еще в 1920-х гг. помнили свой старый «таежный» язык, самодийского корня.

К той же самодийской группе принадлежал и прежний язык койбалов (одна из групп хакасов): ныне они тюркоязычны, но еще в 1840-х гг. многие из них помнили свой старый язык. Наконец, часть тувинцев (сойотов, урянхайцев) и карагасы, по-видимому, тоже некогда говорили на самодийском языке.

Как уже указывалось выше, некоторые из этих народов самоедского происхождения ведут оленеводческое хозяйство.

Само происхождение оленеводства приурочивается как раз к Алтайско-Саянскому нагорью. Предки ненцев перенесли свое оленеводство, видимо, оттуда. Но они его сильно видоизменили: вместо верховой езды стали запрягать оленей, стали употреблять пастушеских собак, зато утратили обычай доения оленей.

В составе ненецкой народности есть, однако, и иные компоненты. Языки ненцев и родственных им народов принадлежат к агглютинативному типу, но лингвисты обнаруживают в них следы более ранней полисинтетической структуры, как в палеоазиатских языках. В самой культуре ненцев есть архаические черты, совсем не южного происхождения. На северном берегу полуострова Ямала обнаружены следы исчезнувшей в настоящее время культуры охотников на морского зверя. Здесь найдена керамика неолитического типа, каменные неолитические орудия. Люди жили оседло в круглых землянках. Охотились на моржа, тюленя и в особенности на нерпу, причем пользовались кожаной лодкой-каяком, а главным оружием охоты служил гарпун. Эта оседлая культура приморских охотников существовала, видимо, еще недавно. Путешественник XVII в. Ла-Мартиньер видел на побережье Баренцова моря оседлых самоедов, живших в землянках и промышлявших морской охотой. Вероятно, здесь надо искать объяснения существующих у самих ненцев преданий об исчезнувшем народе «сиртя», который жил прежде в их стране.

Исходя из этих фактов, Г. Н. Прокофьев пришел к правильному выводу, что ненецкая

культура есть продукт скрещивания двух различных культур. Здесь жили аборигены арктического побережья, ведшие оседлую жизнь и занимавшиеся охотой на морского зверя. В определенную эпоху, по-видимому, в X—XIV вв., в тундру прибывают с юга оленеводческие группы. Они двигались, вероятно, вниз по Оби, или по лесам и болотам правобережья Оби. Из смешения этих южных оленеводческих народов с северными арктическими группами охотников на морского зверя и могла образоваться тундровая, кочевая, оленеводческая культура ненцев. Язык их—язык пришельцев с юга, но в него вошли и некоторые слова и даже грамматические особенности языка аборигенов.

В самом антропологическом типе ненцев видны следы такого слияния. По новым исследованиям советских антропологов в состав ненцев входит, наряду с другими, монголоидный элемент саянского происхождения, близкий к господствующему у карагасов и оленных тувинцев.

Следы передвижения оленеводов с юга на север можно найти в некоторых культурах таежной зоны. В частности, селькупы, очень близкие по всей своей культуре к кетам, по языку принадлежат к самоедской группе. Вероятно, это осамоедившаяся группа палеоазиатов. Этот факт указывает на продвижение через тайгу какой-то самоедской группы.

Более сложен вопрос о происхождении самой восточной самоедской группы, а именно тавгийцев-нганасанов; но в последнее время он удачно разрешен в работах Б. О. Долгих. Формирование этой народности происходило сравнительно недавно, и этот процесс частью прослеживается непосредственно по русским документам XVII—XIX вв. Нганасаны—потомки древнего аборигенного «палеоазиатского» населения Северной Сибири, этнически родственного юкагирам. Это были в основном охотники на дикого оленя. Западная часть этих племен была ассимилирована пришедшими с юга и с запада самоедами и усвоила самоедский язык. В восточной же части Таймыра «палеоазиаты» были еще раньше тунгусизированы и по языку и частью по культуре: это были предки «тавгов», а также «ваняды» или «ванядыры»; в русских документах «Ванандырский» тунгусский род, в якутских преданиях—«маяты». Тавги затем, еще до прихода русских, подверглись самоедизации. Они, вместе с западными осамоедившимися палеоазиатами Таймыра, стали предками «авамских» нганасанов. В XVIII и начале XIX в. «ваняды», оттесненные другими тунгусскими племенами к северу, за Хатангу, были тоже самоедизированы: это «вадеевские» нганасаны. Один из нганасанских родов—род Око—еще в конце XIX в. считался долганским. Таким образом, в ходе длительного и сложного этногонического процесса наиболее западная группа палеоазиатских племен на севере Сибири была тунгусизирована и затем самоедизирована, однако сохранила в своем хозяйственном укладе архаичные черты—промысел дикого оленя, а в своих воспоминаниях, преданиях, культуре, топонимике—следы своего несамоедского происхождения.

в. КЕТЫ

Ближайшие восточные соседи таежных самоедов—селькупов—кеты, народ, очень близкий к ним по культуре. Но в языковом отношении они стоят совершенно особняком. Кетский язык причисляли к «палеоазиатским», но это чисто условное и формальное причисление. С палеоазиатами Дальнего Востока кеты имеют лишь очень отдаленное родство.

В дореволюционной литературе кеты были известны под именем енисейских остяков, хотя с настоящими остяками-хантами они имеют мало общего. Называли их также «енисейцами» по месту обитания. В XVII в. часть кетов называлась «инбаками». Настоящее название—кет, что буквально означает «человек»—вошло в общее употребление только в советский период (иногда употребляли неправильную форму «кето́»—это звательная форма); во множественном числе—«дянь» (денг), что значит «люди».

Расселены кеты в бассейне Среднего и Нижнего Енисея. Их три основных группы: одна из них в низовьях Подкаменной Тунгуски, другая—на левобережье Енисея главным образом в бассейне Елогуя, третья группа—северные, курейско-туруханские кеты. Последние по своему образу жизни стоят несколько особняком. Численность кетов 1225 человек (1926).

Эта немногочисленная народность является, несомненно, остатком целой большой группы народов. Еще в XVII—XVIII вв. к югу от кетов жили народы, близкие к ним по языку—котты, или котовцы, аринцы и асаны. Миллер и Гмелин в 1730-х гг. видели последних аринцев, еще не забывших свой старый язык. Кастрен в 1840-х гг. еще видел 5 человек коттов, помнивших свой

язык. Но эти народы исчезли, ассимилировавшись с соседями. Кеты, хотя и сохранились, но в последние десятилетия перед революцией сильно деградировали, терпя жестокий гнет, нужду и голод. Они находились на пути к вымиранию.

Уже давно бросалось в глаза исследователям обособленное положение кетов среди окружающих народов. Кастрен в середине 1840-х годов установил, что кетский язык не входит в группу урало-алтайских языков. Финские лингвисты Рамстедт (1907) и Доннер (1920) выдвинули предположение о близости кетского языка к тибето-бирманской группе. Они пытались связать язык кетов (вместе с ныне вымершими языками коттов, аринцев и др.) с предполагаемым языком динлинов—дотюркских предков киргизов-хакасов, который, по их мнению, был в свою очередь близок к языку древних тангутов (си-ся китайских источников). В пользу этой гипотезы есть некоторые серьезные данные.

Во всяком случае кетский язык отличается особенностями, совершенно чуждыми всем окружающим языкам: наличием грамматического рода (мужского, женского), категории одушевленности, элементов флективного строя и пр.

По своему физическому типу кеты также заметно выделяются среди всех окружающих народов, обнаруживая близость к типу американских индейцев. Высокие «орлиные» носы, резко очерченный профиль, узкий разрез глаз при слабом развитии эпикантуса—все это характерно для американоидного типа; особенно это заметно на мужчинах. Впрочем, новые работы Алеша Грдлички и советских антропологов обнаружили наличие этого же американоидного типа—хотя и менее заметного—и у ряда других народов Сибири. Перед нами—остатки древней расы, восходящей к эпохе заселения Америки из Сибири.

Если обратиться к кетской культуре, то можно найти в ней древние, чрезвычайно архаические элементы.

Хозяйство. Хозяйство кетов еще с XVII в. находилось под сильным разлагающим влиянием царской колониальной политики и торгового капитала. Кеты, как охотники, были наиболее доступным объектом эксплуатации для русских купцов. Вследствие этого хозяйство кетов развилось односторонне: охотничий промысел вытеснил остальные отрасли хозяйства. Следовательно, по тому распределению производительных

Кет-охотник в «котляме»

сил у кетов, которое известно из новейших описаний, нельзя судить о прежних их хозяйственных условиях. Но тем не менее несомненно, что охота составляла издавна основное занятие данного народа. В настоящее время охота является главным источником существования особенно правобережных, подкаменно-тунгусских кетов. По данным приполярной переписи 1926—1927 гг. охота в их валовом доходе составляла более 90%.

Охота здесь почти исключительно пушная и главный предмет ее—белка. В среднем на одно хозяйство в год добывается около тысячи белок. Других зверей и птиц промышляют мало. Охотятся с ружьем и собакой. Прежде, когда ружей не было, зверя стреляли из луков. Кетские луки славились по всему Северу своим высоким качеством (как в Восточной Сибири—якутские).

Ведущее значение сохранил охотничий промысел и в кетских колхозах в наши дни.

Кеты считаются лучшими охотниками Севера. Замечательное охотничье умение кетов сказалось ярко в годы Отечественной войны, когда сыны этого народа отличались на фронте как лучшие снайперы.

Рыболовство для подкаменно-тунгусских кетов также имеет существенное значение, но в недавнем прошлом оно было исключительно потребительское. Ловят рыбу главным образом крючковой снастью. Рыночного значения рыболовство у них до последних лет не имело. Однако сочетанием рыболовства и охоты создавался не только определенный тип хозяйства, но и определенные условия расселения кетов в недавнем прошлом: летом подкаменно-тунгусские кеты выплывали на своих лодках на Енисей и в низовьях Подкаменной Тунгуски и в Енисее ловили рыбу. Осенью они поднимались вверх по Тунгуске и ее притокам и уходили в тайгу; где в течение целой зимы, с некоторыми перерывами (с середины октября по конец декабря—«малая ходьба», февраль—апрель—«большая ходьба»), занимались промыслом белки.

После организации колхозов кеты живут оседло, но охотники на зиму по-прежнему уходят в тайгу за белкой.

Существенное значение имеет для кетов собаководство. Основное назначение собак у них—охота на белку. Кроме того, собак употребляют для езды. В отличие от других народов, кеты запрягают в нарту одну собаку (опоясывая ее лямкой по животу). Большая собачья упряжка отсутствует. Собак заставляют также тянуть лодку. Во всем бассейне Енисея кеты—единственный народ, пользующийся собаками для передвижения.

Большой этнографический интерес представляет вопрос об оленеводстве у кетов. Ранние исследователи не обращали внимания на существование у кетов оленеводства, и в литературе одно время держалось мнение, что у них его вообще нет. Не так давно обнаружено, что у северных туруханo-курейских кетов есть олени. Есть они и у елогуйских кетов. В. Г. Богораз выступил с мнением, что оленеводство у кетов очень древнего происхождения и что подкаменно-тунгусские кеты, которые в настоящее время не имеют оленей, лишились их в результате обеднения. Это мнение, однако, явно ошибочно. Оленеводство у северных кетов в значительной степени скопировано с оленеводства ненцев. У них такие же нарты, как у ненцев, так же запрягают они оленей. Но, в отличие от ненцев, они не употребляют пастушеских собак. По-видимому, кетское оленеводство не было связано с собаководством потому, что оленеводство здесь новая отрасль хозяйства. Для пастьбы оленей северные кеты иногда нанимали пастухов, но чаще практиковался отпуск оленей на лето в тайгу.

Характерно, что сами кеты смотрят на свое оленеводство, как на занятие не совсем свойственное им. Один старик-кет говорил исследователю Б. О. Долгих, что «олени у нас, остяков (как называют там кетов), как-то худо живут, не идут они нам»[1]. По-видимому, оленеводство следует признать явлением чуждым старинной культуре кетов.

Средства передвижения у кетов: зимой—собачья (у северных—оленья) нарта и широкие лыжи тунгусского типа; летом—легкая долбленая однодеревка—«ветка», очень неустойчивая, но кеты плавают в ней с большим искусством. В XIX в. кеты заимствовали у русских большую лодку—«илимку»—до 8 м длиной, крытую двухскатным шалашом посредине; на илимке плавали на веслах или под парусом, а также бичевой, которую тянули собаки или люди (женщины). Она служила также и летним жилищем. Сейчас илимка вышла из употребления.

В настоящее время в кетских колхозах не только реконструированы традиционные отрасли хозяйства—охота, рыболовство, оленеводство,—но и введены новые отрасли: молочное скотоводство, огородничество, звероводство (разведение серебристо-черных лисиц). Доходность кетских хозяйств сильно возросла. Это позволяет кетам покупать в кооперативных и государственных магазинах разнообразные предметы промышленного производства, предметы культурного обихода, которых раньше в их быту совершенно не было.

Жилище. Жилища у кетов были двух видов. Летнее жилище—это кочевой конический чум из жердей, крытый берестой. Береста вываривается в кипятке, сшивается полосами и получается то, что в Сибири называется «тиска». Ею покрывают чумы. Кроме того, у кетов были зимние жилища характерной архаической формы: землянки, углубленные в землю метра на полтора. Крыша землянок делалась таким образом: клались жерди, поверх настилался слой тиски и сверху наваливалась земля.

---

[1] Б. О. Долгих. Кеты. М.—Ирк., 1934, стр. 79.

Группа кетских детей-пионеров

Сейчас многие кеты-колхозники перешли на более совершенный тип жилья—избу русского образца.

Одежда. Одежда у кетов очень самобытная. Особенно своеобразен национальный покрой верхней одежды. Это армяк («котлям»), недлинное халатообразное одеяние без застежек, запахивающееся налево и носимое с поясом. Зимой—такой же халат на меху. Эта одежда сближает кетов с обскими уграми, частью и с северными алтайцами. Голову кеты покрывают нередко белым ситцевым платком, даже в сильные морозы, повязывая его «по-бабьи». Обувь—«бахари», сапоги с меховыми головками и суконными голенищами.

Исторические особенности общественного строя. Очень архаические черты отмечаются в общественных отношениях кетов. У них сохранилось деление на кровные экзогамные роды (биснимденг, дословно «братства»), отдельно от тех административных родов, которые вводились царскими властями. По данным Б. О. Долгих, роды кетов образуют две экзогамные группы («хуóтпыль»): Кэнтаденг и Богдэгенг. Значение этих названий: «люди кольца лыжной палки» и «люди огня». Видимо, это остатки древних фратрий. У правобережных кетов фратрии называются (по данным С. И. Вайнштейна) Кентаан и Богдей (быть может, тотемического значения—фратрии орла и кукушки). Очевидно, здесь налицо пережиток древнейшей дуально-родовой экзогамной организации, и интересно, что ее помнят очень твердо.

Наряду с этими архаическими пережитками имелись и некоторые элементы классовой дифференциации. Отдельные хозяева превращались в полукулаков, скупщиков. Основой классовой дифференциации у тех кетов, которые имели оленей, было распределение оленного поголовья. Кулаки, которые имели по нескольку десятков голов оленей (для кетов это много), разъезжали на них и занимались скупкой белок, эксплуатируя своих соплеменников. У безоленных групп кетов основа расселения была другая: у них родовая знать узурпировала право распределять общинные охотничьи угодья.

Религиозные пережитки. Кеты числились православными, но фактически придерживались старой религии. У них было шаманство, описанное В. И. Анучиным, развитого «профессионального» типа с наследственной передачей шаманского звания: звание шамана («сенинг») наследовала обычно одна из его дочерей, а звание шаманки наследовал ее сын. Таким образом, пол шамана в роду чередовался через поколение. Шаманы обычно держали руку зажиточных слоев населения.

С внешней стороны кетское шаманство напоминает тунгусский тип. Шаманский кетский костюм

похож на костюм эвенкийского шамана (кафтан с нагрудником), хотя обычная одежда у кетов своего собственного типа, совсем непохожая на эвенкийскую. На кафтане имеются многочисленные железные нашивки, подвески и т. п., причем все они сзади. Напротив, бубен кетского шамана не тунгусской формы, он круглый и с рисунками, частью сходный с алтайским. И, наконец, у кетского шамана отмечалась такая характерная принадлежность, как железная корона с оленьими рогами.

Помимо шаманов, у кетов были еще знахари, колдуны. Между ними и шаманами существовала известная рознь и соперничество. По поговорке кетов «шаман не любит колдуна, а колдун не любит шамана». Шаманские духи считались враждебными человеку. Если человек может чего-нибудь добиться от духов, то только через шамана. Обращаться с просьбами к духам кеты считали делом совершенно бесполезным. Умилостивительного культа не было. Не было и почитания предков. Объектом же семейного культа был особый дух-покровитель семьи-«алалт». Изображение его имелось у каждой семьи: алалт—нечто вроде русского домового, но представлялся существом женского пола; вероятно, это пережиток матриархата.

Очень архаичные черты отмечены в кетском погребальном обряде. Кеты закапывали покойников в землю, но перед тем как зарыть труп, около могилы зажигался костер (пережиток обряда трупосожжения, характерного для палеоазиатских народов).

Народное творчество. Народное искусство кетов плохо изучено, образцы его почти не публиковались. Из фольклора известны главным образом мифологические и исторические предания. Орнамент представлен простыми геометрическими формами: треугольники, перекрещенные квадраты, прямоугольники и пр. Эти же мотивы орнамента, считающиеся весьма архаичными, встречаются и в искусстве ряда соседних народов.

Этногенез. Как в свете всех этих данных определить характер культуры кетов и как следует ставить вопрос о происхождении этого народа?

Мы видим здесь наслоения разных исторических стадий. В культуре кетов прослеживаются черты глубокого архаизма, которые сближают их с палеоазиатскими народами Восточной Сибири: охотничье-рыболовческое хозяйство, землянки, езда на собаках, пережитки обряда трупосожжения. Не случайно сохранились у них и следы древней дуально-экзогамной организации. Самый антропологический тип кетов показывает, что перед нами—остаток древнейшего населения Сибири.

Но к этим древним аборигенным элементам кетской народности и культуры, несомненно, примешались элементы южного происхождения. В материальной культуре современных кетов есть общие черты с племенами Северного Алтая, например одежда, кузнечная техника. Кетские предания определенно указывают на юг, как на страну, где жили предки кетов. Племена, близко родственные кетам (аринцы, котовцы и др.), еще недавно жили выше по Енисею. Кетский язык, видимо, последний остаток большой языковой семьи, некогда распространявшейся гораздо дальше на юг и связанный, может быть, с тибетскими языками.

Не исключена возможность того, что и самоназвание кетов («дянь» во множественном числе) имеет связь с именем древних динов (динлинов), которые, по китайским известиям, вошли в состав киргизов. С другой стороны, по исследованиям Г. Н. Прокофьева этноним «дян», «тян» был распространен очень широко по всей Сибири, особенно в северовосточной ее части: это, может быть, свидетельствует об участии племеносителей этого этнонима в формировании ряда народов Северной Азии[1].

Надо думать, что кетский народ сложился в процессе смешения какой-то южной этнической волны, продвинувшейся вниз по Енисею на север, с местными охотничье-рыболовческими «палеоазиатскими» племенами.

* *
*

Не было в прошлом другого народа, столь обездоленного, как кеты. Купцы грабили и закабаляли их, доводя до полной нищеты. Кетский народ стоял на грани вымирания. Поэтому особенно бросается в глаза контраст между прошлым и настоящим у кетов. Сейчас материальное благосостояние кетов-колхозников растет год от года. Они покупают разнообразные предметы домашнего и культурного обихода. Усваивают культурные навыки. Вся молодежь грамотна. Дети учатся в школах-интернатах, получают бесплатно питание, одежду и обувь, учебники. Больные обращаются не к шаманам, а в больницы. Есть колхозные клубы, при них разные кружки.

г. ТУНГУССКИЕ НАРОДЫ

Если кетская культура составляет как бы мостик между таежной зоной Западной и Восточной Сибири, то с тунгусскими наро-

[1] Интересно, что и самоназвание атабаскских племен Северо-западной Америки—«дене», и это едва ли можно считать чисто случайным созвучием: американские лингвисты (Эд. Сэпир) предполагают, что языки атабасков (дене), сравнительно поздних пришельцев в Америку, родственны тибето-китайским языкам.

дами мы переносимся целиком в этнический мир восточносибирской тайги.

По языку тунгусские народы составляют одну из трех ветвей «алтайской» семьи языков, в которую входят также тюркские и монгольские языки. Тунгусская (иначе тунгусо-маньчжурская) языковая группа распадается на северную и южную подгруппы: южную (маньчжурскую) подгруппу составляет маньчжурский язык и языки таких мелких народностей, как нижнеамурские гольды-нанайцы, орочи, ульчи и некоторые другие. Северная подгруппа включает в себя язык эвенков (или собственно тунгусов), распадающийся на ряд диалектов, язык эвенов или ламутов и диалект негидальцев.

ЭВЕНКИ

Эвенки—самый крупный из «малых народов Севера», однако все же небольшой народ. Их всего около 40 тысяч. Но по величине территории, ими занятой, они не имеют себе равных из народов СССР, за исключением русских. Расселение эвенков тянется почти от р. Оби до берегов Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до Маньчжурии. Будучи так широко расселены, эвенки, само собой разумеется, не представляют полного единства. Язык эвенков делится на целый ряд диалектов, которые объединяются в 3 основные группы: северную (илимпейский, ербогаченский диалекты), южную (подкаменно-тунгусский, непский и др.) и восточную (олекминский, сахалинский и др.). Отдельные географические группы эвенков—енисейские, северобайкальские, витимо-олекминские, алданские, майские, южноохотские и другие эвенки—обладают своими особенностями в хозяйстве, формах быта.

Некоторые из местных групп эвенков раньше известны были под особыми названиями. Таковы, например, орочоны. Под этим именем фигурировало оленеводческое и охотничье население Забайкалья и Верхнего Амура. Однако орочоны не представляют собой отдельного народа, это одна из местных групп тех же эвенков: слово «орочон», от слова «орон»—олень—значит «оленный человек». Это эвенки, употребляющие оленей для транспорта. В отличие от них, некоторые другие группы эвенков держат лошадей. Таковы манегры, или манегиры,—охотничье население бассейна р. Зеи,—живущие также по самому Амуру, выше устья

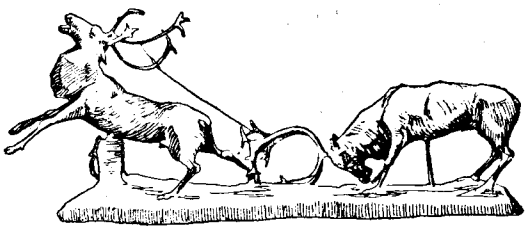

Тунгус-охотник (изображение XVIII в.)

Зеи. Шренк считал их особым народом, но это—лишь одна из групп эвенков. То же самое надо сказать об их соседях—бирарах (от слова «бира»—река), которые живут в бассейне р. Буреи и подобно манеграм ездят не на оленях, а на лошадях.

Особенность расселения эвенков—крайняя растянутость их на огромной территории—обусловила трудность изучения их. У нас нет до сих пор ни одной общей моно-

Охота с оленем-маньщиком

графии об эвенках, ни старой, ни новой. Материалы по эвенкам имеются еще в документах XVII в. Но эти материалы только сейчас начали изучаться (Н. Н. Степановым и др.). В XVIII и XIX вв. много писали об эвенках, но по большей части лишь об отдельных местных группах. Наиболее широко охватил эвенков своими наблюдениями Миддендорф, обследовавший их от Таймыра до Станового хребта и Охотского побережья. По отдельным группам эвенков имеются неплохие описания, например по енисейским эвенкам—Рычкова. В советское время появились хорошие описания местных групп эвенков, принадлежащие таким исследователям, как И. М. Суслов, М. К. Расцветаев, Г. М. Василевич, Н. П. Никулышин, А. Ф. Анисимов и др. Но многие географические группы эвенков до сих пор изучены плохо.

Хозяйство. Типичные традиционные черты хозяйства тех эвенков, которые кочевали от Енисея до Тихого океана, состояли в своеобразном сочетании трех отраслей хозяйства: охоты, оленеводства и рыболовства. Можно сказать, именно в хозяйстве эвенков эти три отрасли находились в состоянии наибольшего равновесия. Тунгусов обычно рассматривают как охотников. Это верно. Но, с одной стороны, нужно учесть, что здесь сильно повлияла трехвековая ясачная и торгово-ростовщическая эксплуатация, которая была в основном направлена на выкачивание пушнины. Благодаря этому хозяйство эвенков получило более одностороннее направление, чем это имело место раньше. С другой стороны, нельзя забывать, что само охотничье хозяйство эвенков было бы невозможно без сочетания с оленеводством, а также с рыболовством. Охота у эвенков носит двойственный характер—потребительский и товарный. Потребительской является по преимуществу охота на мясного зверя—сохатого, кабаргу, дикого оленя, косулю и других копытных животных. Пушной промысел имеет товарное значение; главный предмет его—белка.

Техника охотничьего промысла довольно однообразна у всех эвенков. Вообще техника охотничьего хозяйства у всех народов таежной части Сибири одна. Чаще всего это охота с ружьем и собакой на белку. Прежде, вплоть до XIX в., вместо ружья употреблялся лук и стрелы. Ружье сохранялось до последнего времени кремневое. Только в годы Советской власти кремневое ружье вытеснено ружьями новейших систем, в частности малокалиберной винтовкой «ТОЗ».

При охоте на колонка и горностая употребляются капканы, плашки, черканы, слопцы. На более крупного зверя, в том числе на медведя, применяются пасти, орудия давящего типа. На медведя охотятся также при помощи особой рогатины («аткас» или, как иногда называют русские, «пальма»), как у якутов. Соболей промышляли, помимо ружья, ловушками и—особенно характерно—«обметами», длинной сетью с колокольчиками, которой окружали место, где прятался соболь.

В охоте на дикого оленя употреблялось несколько способов: летом били оленей «на плаву» (подстерегая их на переправах через реки с лодок), зимой и весной гнали их на лыжах или «скрадывали» при помощи маскировочного щитка. Очень характерна охота с оленем-маньщиком. Охотник пускает впереди себя специально дрессированного домашнего оленя, на рогах которого напутан ремень. Маньщик, встретясь с диким оленем, начинает бороться с ним рогами, и тот запутывается в ремне, а подоспевший охотник его убивает.

Основной сезон охоты, особенно пушной, это зима. Летом же эвенки ловят рыбу—важное подспорье в их питании. Особенно большое значение имело прежде рыболовство для бедноты. Местами, например у эвенков верховьев Вилюя и Хатанги, практикуется и зимний подледный лов рыбы. У северных эвенков в особенном ходу рыболовные сети—местами из конского волоса, получаемые ими от якутов.

С этим сезонным чередованием зимней охоты и летнего рыболовства связан был и прежний кочевой образ жизни. Летом эвенки перекочевывали к рекам, а с осени из долин рек откочевывали в глубь тайги и занимались там охотой. В этой кочевой жизни существенную роль играло оленеводство, которое является у эвенков по преимуществу транспортным, хотя оленей также и доят. Успешность охотничьего промысла была прямо пропорциональна обеспеченности охотничьего хозяйства оленями. Количество оленей прежде измерялось в среднем несколькими десятками в каждом хозяйстве. Только местами, например на Н. Тунгуске, богачи владели большими стадами, по 500—2000 голов, которые разводились на продажу. Теперь в колхозах имеются тысячные обобществленные стада оленей, но и в личном пользовании у колхозников есть много оленей, удовлетворяющих их потребности.

Свайный лабаз в тайге

Верховые и вьючные олени у эвенков (орочонов)

Берестяная лодка эвенков (орочонов).

Старая материальная культура эвенков была очень приспособлена к условиям таежного охотничьего быта. Дерево и береста играют основную роль в изготовлении утвари, разных изделий. Используются шкуры и мех оленей и других животных. Из оленьей кожи эвенки прекрасно выделывают замшу (ровдугу), которая идет на различные поделки, в частности на одежду и на покрытие чума.

У эвенков издавна существовал и кузнечный промысел. Когда и как тунгусы познакомились с обработкой железа, трудно сказать; в Сибири вообще железо появилось около начала н. э. В XVII в. даже наиболее отдаленные охотские эвенки были знакомы с обработкой железа. Из одного документа того времени видно, что железные изделия охотских эвенков по качеству стояли иногда выше русских.

Другой вопрос—умели ли эвенки выплавлять железо из руды. Возможно, что они получали его в готовом виде от своих южных соседей и от якутов.

Сейчас сам тип хозяйства эвенков изменился коренным образом и изменился в связи с укреплением колхозного строя. Коллективизация среди эвенков (в Эвенкийском национальном округе) началась с 1931 г., и вначале у них были «простейшие производственные объединения» (оленеводческие и охотничьи), а доходы делили поровну. С 1939 г. начался переход на устав смешанной сельскохозяйственной артели. В артелях постепенно вводится многоотраслевое хозяйство. Теперь наряду с охотой, рыболовством и оленеводством растет полеводческое хозяйство, имеется молочный рогатый скот, лошади. С 1949 г. колхозники начали разводить ценных пушных зверей. Рациональное многоотраслевое хозяйство значительно повысило общий уровень благосостояния эвенков.

Жилища. Прежний кочевой образ жизни эвенков был связан с традиционной формой жилища. Для эвенков наиболее характерен был конический чум, крытый ровдугой (оленьей замшей) или берестой,—типичная черта таежной охотничьей кочевой культуры (в отличие от тундрового ненецкого чума, крытого шкурами). У северных эвенков употребляется более солидно построенное и утепленное землей и дерном коническое «голомо». Однако не у всех эвенков сохранилось такое жилище, некоторые из них—витимо-олекминские, северо-байкальские, уже давно находящиеся под влиянием русского населения, вместо чума употребляют палатки или в значительной части перешли к оседлости и живут в избах русского типа. В последние годы такие жилища распространились и во многих других районах. В тайге растут новые колхозные поселки.

Охотники-эвенки устраивают на месте промысла в тайге свайные амбары и особые «лабазы» на деревьях. Это одна из характерных черт древней таежной охотничьей культуры.

Средства передвижения. Средства передвижения у эвенков тоже типичны для таежной охотничьей культуры. Эвенкийское оленеводство—верховое. Деревянное седло, с подушкой из замши, набитой оленьей шерстью, надевается на оленя, притом не на спину, а на лопатки, так как спина у оленя слабая и ее легко можно сломать. Оленей не только седлают, но и вьючат вьюками, в которые увязывается все имущество семьи. Сейчас, впрочем, местами запрягают оленей в нарты. Для пешего передвижения зимой служат лыжи. Тунгусские лыжи—широкие дощатые, слегка выгнутые и обитые мехом. Они представляют собой наиболее совершенный тип лыж. Передвигаясь во время промысла на лыжах, охотник тащит за собой небольшую ручную нарту, на которую кладет свою охотничью добычу. Употребляется также особая волокуша («анна́»), причем груз завертывается в бересту. Наконец, характерна «поняга»—особая доска, вешаемая на спину для привязывания груза.

Из водных средств передвижения наиболее характерна берестяная лодка—«оморочка», так называют ее на Дальнем Востоке, или «ветка» в других местах. Гребут большим веслом с лопастями на обоих концах.

Одежда. Для эвенкийской культуры вообще характерна легкость и подвижность всего снаряжения и утвари, целиком приспособленная к кочевому образу жизни. Эта особенность сказалась и в одежде. Традиционный эвенкийский костюм напоминает отчасти кафтан или фрак, так как сзади он имеет удлинение. Скроен он в талию и плотно облегает тело. Спереди полы этого фрака не сходятся и промежуток между ними занят нагрудником. Мужские и женские нагрудники несколько различаются: женский более короткий, но широкий, слегка трапециевидной формы; мужской—у́же и длиннее. Этот тип костюма с разрезом спереди, с расходящимися полами удобен для ходьбы на лыжах.

Другие части эвенкийского костюма—ровдужные или меховые штаны-натазники, ноговицы, меховые сапоги—унты. Головной убор—меховая, плотно сидящая на голове чепчикообразная шапка, иногда с «рогами» из ушей оленьего теленка. Южные эвенки носят также головные платки, как кеты. В последнее время у эвенков, особенно западных, распространяется русская одежда.

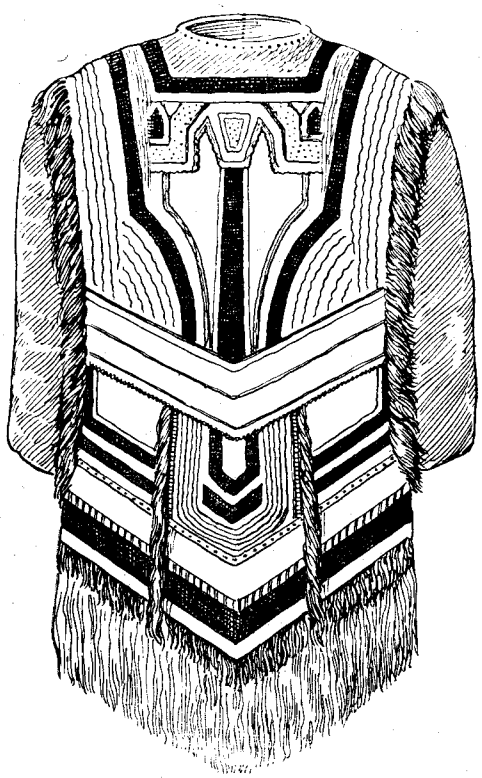
Исторические особенности общественного строя. При появлении русских эвенки находились на стадии разложения первобытно-общинного строя, на стадии патриархального рода, перераставшего в военную демократию. Эвенки в XVII в. не представляли собой единого целого. Они делились на целый ряд племен (их известно свыше 20), которые фигурируют в русских документах под именем «родов». Наиболее значительным из этих племен были: в бассейне Нижней Тунгуски нюрюмнялы («буляши»), а южнее их—шилягиры, на Вилюе—калтакулы, нанагиры; по Илиму и по Верхней Лене кочевало большое племя налягиров (налягов), а также мучугиры. На Верхней Ангаре, на Витиме, на Олекме обитало большое племя киндигирцев, на Алдане—лалагирцы, на северо-западе в бассейне Оленека и Анабары—азянцы, на Хатанге—ваняды. Племена были независимы друг от друга и часто воевали между собой. В русских документах XVII в. нередко попадаются жалобы тунгусов на нападения чужеродцев.

Племена в свою очередь делились на более мелкие родовые группы. По мнению некоторых советских этнографов (А. Ф. Анисимов), роды когда-то группировались в фратрии. Другие исследователи (А. М. Золотарев, Б. О. Долгих) это отрицают.

Наряду, однако, с сохранением этого родоплеменного строя в XVII в. существовало уже рабство. Рабами были обычно захваченные в плен при взаимных межплеменных набегах. Рабы перепродавались, но в источниках, к сожалению, нет указаний на то, как они использовались, как эксплуатировался рабский труд. Видимо, рабство здесь имело еще патриархальные формы.

Во главе родов и племен стояли старшины, которых русские источники именуют «князцами».

Разложение патриархально-родового строя ускорялось оживленными обменными отношениями, которые существовали уже в XVII в. между тунгусскими племенами и их соседями. На юге, в Прибайкалье, тунгусы торговали с бурятами. Они продавали им меха, получая от них продукты скотоводства и просо. Такие же обменные отношения существовали у эвенков с якутами, коряками и между отдельными группами самих эвенков. На Охотском побережье жили «пешие тунгусы»—особая оседлая группа эвенков, занимавшаяся рыболовством и не имевшая оленей. Оленные тунгусы вели с ними регулярный обмен, получая от них «рыбные кормы» и продавая им оленей и пушнину.

Эвенкийский кафтан (сзади)

Этот патриархально-родовой строй стал ускоренно разлагаться после прихода русских и установления ясачного режима. Процесс классовой дифференциации усилился. Но вплоть до самых последних лет у эвенков сохранялось много пережитков первобытно-общинных отношений. Сохранилась общинная собственность на землю; частной земельной собственности эвенки не знают. Охотничьи артели были в прошлом основной формой охотничьего производства. Сохранились своеобразные формы коллективизма и в распределении охотничьей добычи. Очень интересен описанный М. К. Расцветаевым обычай «нимат»: охотник, убивший мясного зверя (обычай относится только к мясной охоте), должен, придя на стойбище, отдать всю принесенную им добычу кому-нибудь из обитателей стойбища (обычно не сородичу), в «нимат». Но тот, кто получил нимат, не оставляет его себе, а делит тоже по установленным правилам полученное им мясо между остальными членами стойбища, оставляя себе только шкуру. Таким образом, сам охотник получает меньше всех. Эти древние правила распределения добычи характерны вообще для охотничьих народов.

Держался также обычай родовой взаимопомощи: беднейшие сородичи имели право на поддержку со стороны рода. Род обычно поручал заботу об обедневшем сородиче и его семье более зажиточному сородичу. Такой бедняк, отдававшийся на иждивение более богатому сородичу, назывался «кумаланом». С этим обычаем кумаланства мы уже встречались у якутов, но там он приобрел характер эксплуатации, а у эвенков он сохранил свою первобытную форму. У них практиковалась также эпизодическая добровольная помощь бедному сородичу—«берси». Сохранилась традиция периодического созыва «сугланов», родовых сходок, в которых участвовали только мужчины. На суглане решались все общественные дела.

Во главе рода стояли старшины, но в последнее время перед революцией они играли немалую роль в эксплуатации соплеменников царской администрацией.

Следы архаических форм сохранились у эвенков и в брачных и семейных отношениях. Пережитки эпохи группового брака сказываются в своеобразной терминологии родства. Она типично «классификаторская», но имеет свои особенности. Из них самая характерная—деление каждого поколения на старшую и младшую ветви. Старшие братья обозначаются так же, как младшие дядья, младшие братья моего отца; младшие братья называются так же, как сыновья моих старших братьев. Таким образом, получается то, что иногда называют принципом «косого родства» (Максимов). Та же особенность отмечается, кстати, в терминологиях родства других народов урало-алтайской группы. Пережитки группового брака удержались и не в одной только терминологии. Существовала значительная свобода брачно-половых отношений, но лишь между мужчинами и женщинами определенных категорий, тех, которые входили в один и тот же брачный класс.

Из других архаических форм у эвенков сохранились пережитки матрилокального брака, известные и у палеоазиатских народов. По обычаю, женившийся человек должен был некоторое время прожить в доме тестя, потом он переселялся с женой на свое стойбище. Сохранились и следы тотемических обозначений родов. Один из родов у Подкаменно-Тунгусских эвенков носил название дятла, другой род—выдры и т. д.

Однако сохранившиеся от древнейших эпох пережитки архаических общественных форм сильно модифицировались под влиянием

классовой дифференциации после присоединения к России.

На какой основе происходило классовое расслоение и эксплуатация у эвенков?

Казалось бы, что если эвенки—охотничий народ по преимуществу, то классовое расслоение должно было бы основываться на распределении средств охотничьего производства. Однако при выявлении объектов налогового обложения у эвенков в первые годы Советской власти, а еще более в период коллективизации, обнаружилось, что распределение охотничьего инвентаря у тунгусов и других народов тайги не отражает картины классовой дифференциации: огнестрельным оружием и охотничьими снарядами все эвенки были обеспечены более или менее равномерно. Орудия рыболовецкого инвентаря также не могли служить показателями классовой дифференциации. Основой классовой дифференциации служило распределение оленей. Несмотря на то что олени играют в тайге вспомогательную роль, именно распределение оленного поголовья было наиболее точным признаком классовой группировки. Удалось установить, что если человек владел более чем 200 оленей, то обычно это был уже кулак.

Это объясняется тем, что продуктивность охотничьего промысла и вывоз продукции промысла на рынок целиком зависели от обеспечения охотника оленями. Первые годы деятельности интегральной кооперации обнаружили такое явление: огромное количество пушнины привозилось и сдавалось кооперации отдельными охотниками, и было ясно, что сам охотник не мог столько настрелять. Выяснилось, что этим лицам сдавали свою пушнину малооленные или безоленные охотники, которые не имели возможности сами подвезти ее к фактории или к кооперативу. Они вынуждены были поручать сдачу своей продукции многооленным хозяевам и в свою очередь через них получать охотничьи боеприпасы, снаряжение и продовольствие. Таким образом, эти многооленные хозяева брали в свои руки посреднические функции. Эта характерная форма торгово-посреднической (не производственной) эксплуатации была очень типична именно для охотничьего населения тайги и эвенков в первую очередь.

Ныне, после победы колхозного строя, эксплуататорские элементы целиком ликвидированы, а объединившееся в колхозы промысловое население освободилось от векового гнета.

Женская одежда ламутов

Религиозные пережитки. Господствующей формой религии у эвенков было шаманство, хотя формально все они считались крещеными. Шаманство у эвенков приняло наиболее развитую форму. Правда, у них сохранялись пережитки родового шаманства: по преданиям, у каждого рода был свой шаман, который выполнял функции родового жреца. Но преобладало профессиональное шаманство. Внешние формы его очень типичны. Шаманский костюм, по покрою своему,—обычный тунгусский костюм, кафтан с удлинением сзади, с разрезом спереди, с расходящимися полами, промежуток между которыми заполняется нагрудником. На кафтане множество металлических подвесок сзади и спереди. На груди и на рукавах нашиты железные полосы: они изображают кости скелета, и весь костюм как бы превращает человека в скелет. Но была и другая символика этого костюма: по своей форме он напоминает птицу, и шаман представляется как летающий человек-птица. Третье значение шаманского костюма у тех же эвенков—это то, что он символизирует оленя. С этим связаны оленьи рога на головном уборе и пр. Тунгусская форма шаманского костюма перешла к соседним народам: к юкагирам, якутам, кетам. Эти народы имеют свой покрой бытового костюма, но шаманский костюм у них был эвенкийской формы.

Бубен тунгусского шамана—широкоободный, яйцевидной формы, с железной крестовиной в качестве рукоятки. Он делался обычно из кожи дикого оленя и изображал верхового оленя, на котором шаман летит в царство духов.

Шаманские духи у эвенков — это по большей части духи умерших, которые превращаются в злых демонов. Называются они по-разному: нéви, йляды, хáрги, этáны, шэéны (сэвэны), но общее представление о них одно и то же. В большинстве случаев это злые духи, действия которых могут быть обращены на пользу человеку только усилиями шаманов, сами же по себе они стараются делать человеку зло. По внешней форме они бывают антропоморфными или зооморфными. Некоторые из них изображались на шаманском костюме.

Но рядом с шаманством у эвенков были и другие формы религии, в частности промысловый культ, связанный с верой в духов-хозяев природы и покровителей промысла. Из них на первом месте находится дух леса, покровитель горной тайги—Уротко или Урэткэ (от Урэ—гора, хребет), которого называют также Мохо-мухунин. Обычно он изображался с заостренной головой. При отправлении на промысел ему приносили жертвы, призывая его покровительство, после удачной охоты приносили повторные жертвы, обмазывая его лицо кровью и жиром. Более расплывчатым был образ «Буга» («Бугады»): это хозяин или хозяйка тайги, и в то же время как бы олицетворение вселенной: дух, рисовавшийся в виде лося, оленя или человека.

Помимо родовых шаманов, выполнявших функции родовых жрецов, главы рода и главы семей приносили жертвы родовым и семейным духам-покровителям.

Дух домашнего очага у эвенков—Того-мухунин—изображался существом женского пола: это старая хозяйка огня.

У эвенков существовал древний обычай воздушного погребения, которое состояло в том, что тело умершего клали в выдолбленную колоду и помещали ее или на столбах или на дереве: это так называемый «арангас».

«Воздушное погребение» вообще свойственно было народам лесной зоны, оно распространено было также в Северной Америке, встречается и в других частях света.

Народное творчество. У эвенков имеется богатый и разнообразный фольклор. Это прежде всего героические сказания о подвигах богатырей и витязей, далее сказки, особенно сказки о животных, о шаманах. Богатое собрание фольклора эвенков записано уже в советское время и издано в содержательном сборнике «Материалы по эвенкийскому фольклору» (ред. Г. М. Василевич,1936).

Очень характерно изобразительное искусство эвенков. Оно преимущественно орнаментальное. Эвенки украшают свою одежду и утварь прямолинейным геометрическим орнаментом. Материалом этого орнамента является обычно бисер.

Но есть и реалистические изображения животных, иногда людей. Они встречаются в виде плоских силуэтных фигурок, вырезанных из бересты (игрушки), металла. Охотники часто вырезывают изображения животных на деревьях: это была прежде своеобразная пиктография, способ передачи сведений условными знаками.

ОБОСОБЛЕННЫЕ СЕВЕРО-ТУНГУССКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И НАРОДНОСТИ

Конные тунгусы. Одна из очень интересных с исторической точки зрения групп эвенков—это так называемые «конные тунгусы». О них есть известия еще от XVII в.: конные тунгусы жили тогда в Восточном Забайкалье; они занимались скотоводством и по образу жизни, вероятно, мало отличались от бурят и монголов. Этих конных тунгусов (как и бурят) царское правительство в XVIII в. привлекало к военной пограничной службе, образуя из них казачьи полки, включенные в середине XIX в. в состав Забайкальского казачьего войска. Впоследствии они почти целиком ассимилировались с русскими и бурятами. Но еще недавно в восточных районах Забайкалья насчитывалось до 2 тыс. скотоводческого населения, говорящего по-эвенкийски.

Ламуты. Другие тунгусские группы, живущие дальше к северу, можно рассматривать как самостоятельные, или во всяком случае как сильно обособившиеся этнические группы. Это прежде всего ламуты (самоназвание—«эвен», на Индигирке «овен», на Колыме, Камчатке и Охотском побережье—«орочель»).

Ламуты населяют в настоящее время северную часть Охотского побережья и северные районы Якутии, где живут, однако, вперемешку с эвенками. Занимают они также Быстринский национальный район на Камчатке, где они поселились с 30-х годов XIX в., и некоторые другие районы.

Отделить ламутов от эвенков иногда нелегко. По переписи 1926 г. ламутов всего 2 с небольшим тысячи. Но в действительности их около 7 тысяч.

В настоящее время ламуты живут преимущественно на побережье Охотского моря. Само слово «ламуты» связывают обычно с этим их расселением: оно происходит как будто от тунгусского слова лам—море; значит, «ламут»—по буквальному переводу морской, приморский житель. Однако в документах XVII в. ламуты упоминаются не на побережье Охотского моря, а только в бассейне Колымы и Индигирки. Название «ламуты» в отношении родов, живущих на Охотском побережье, появляется лишь в самом конце XVII в. Есть предположение, что ламуты—народность по происхождению не тунгусская, но тунгусизированная. Она, видимо, была близка к тому большому конг-

ломерату племен, который был в XVII в. известен под собирательным названием юкагиров.

Культура ламутов в основе не отличается от культуры эвенков. Но на северо-восточной окраине, где ламуты соприкасаются с иными народами—коряками и чукчами,—их культура принимает смешанный характер. Там значительно более развито оленеводство. Оленьи стада по размерам приближаются к стадам коряков и чукчей. Наряду с верховым и вьючным использованием оленей, северо-восточные ламуты имеют нарты чукотско-коряцкого типа. Жилище их—либо чум, либо чукотско-коряцкая яранга; в одежде смешиваются тунгусские и чукотско-коряцкие формы.

Негидальцы. Имеется еще одна несколько обособленная группа, примыкающая к тунгусам,—негидальцы, живущие по нижнему течению реки Амгуни. У них особый диалект. По некоторым данным, негидальцев меньше 400 чел. (1927). Негидальцев иногда называют также по самоназванию элькенбейе (собственно элькан-бойонин—«здешний человек»).

Они отличаются от эвенков по культуре, так как не кочуют и не имеют оленей, а живут оседло и занимаются рыбной ловлей.

ДОЛГАНЫ

Своеобразна судьба одной этнической группы, которая в этнографической литературе служила предметом особого внимания: это долганы, живущие в восточной части Таймырского национального округа, в бассейне р. Хатанги. Они говорят на якутском языке, но вся культура у них в основном эвенкийская с отдельными элементами ненецкого происхождения. Они—охотники и оленеводы. Оленеводство—и верховое и санное. Численность—около 1,5 тыс. чел. (1926).

В этнографической литературе существуют разные мнения о происхождении долган. Еще Миддендорф и Третьяков считали, что долганы—это объякученные по языку, но сохранившие свою культуру тунгусы. Иные считали, что это якуты, усвоившие себе тунгусский образ жизни, или смешанная народность с преобладанием, однако, якутского элемента (Васильев, Рычков).

По письменным документам XVII в. мы знаем, что долганы были тогда тунгусами. В 1630-х гг. в низовьях Лены жили «жиганские и долганские тунгусы». Но уже очень скоро началось оттеснение долганских тунгусов частью на запад, в район Хатанги, частью на восток, на Охотское побережье. Теперь на Охотском побережье и на Камчатке долганы—один из ламутских родов. На западе же долганы были не только оттеснены, но и якутизированы.

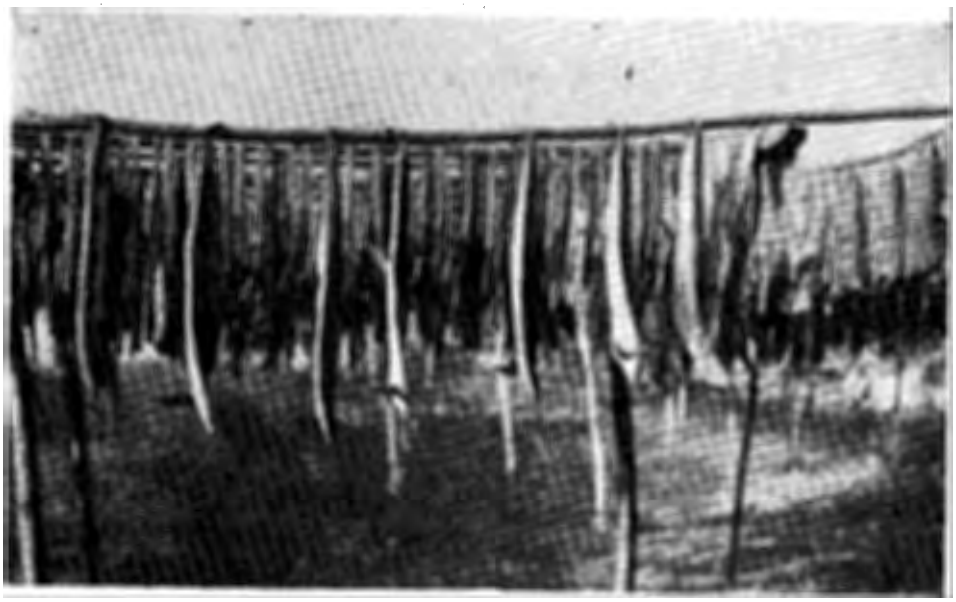
Однако в культуре долганов прослеживаются архаические элементы, может быть дотунгусского происхождения. Например, в их исторических легендах сохранились отзвуки очень древней организации «хосунов»—воинов, защитников племени; есть предания и о «старшем хосуне», военачальнике. В. Г. Богораз считал долганов самыми западными из палеоазиатов. Но уже до XVII в. долганы были тунгусизированы, а в позднейшее время по языку якутизированы.

ТУНГУСОЯЗЫЧНЫЕ НАРОДЫ НИЖНЕГО АМУРА И САХАЛИНА

Наиболее обособленная часть тунгусского языкового мира—это несколько мелких народов Нижнего Амура, Уссури и Северного Сахалина, принадлежащих к южно-тунгусской (маньчжурской) языковой группе. Это: 1) нанайцы (гольды), живущие по Нижнему Амуру, ниже г. Хабаровска, а также по рекам Сунгари и Уссури; часть нанайцев составляют самагиры по притоку Амура р. Гирину (самагиров прежде считали отдельной народностью, но это лишь один из нанайских родов); нанайцев всего около 6 тыс.; 2) ульчи или ольчи, живущие по Амуру ниже нанайцев (их называли прежде также мангунами, а иногда смешивали с гиляками, их соседями); их около 1400 чел.; 3) орочи в районе Советской гавани; 4) близкие к ним по языку удэ (удэгейцы) в Уссурийской тайге; орочей и удэгейцев вместе около 1,5 тыс.[1]; 5) ороки (самоназвание «ульта») в тайге Сахалина; их всего около 460 человек.

Так как Нижнее Приамурье было присоединено к России только в середине XIX в. (Айгунский трактат с Китаем 1858 г.) и русская колонизация началась там лишь с этого времени, то русское влияние на местные народы сказалось гораздо слабее, чем во всех остальных областях Сибири. Куль-

[1] Часть удэ, смешавшихся с китайцами, окитаенная по языку, называется «тазами». Тазы (их около 300 чел.) живут сейчас в Ольгинском районе Приморского края и в большинстве обрусели, но старшее поколение еще говорит по-китайски.

Сушка юколы у нанайцев

Собачий транспорт у нанайцев (с рис. 1850-х гг.)

Уборка хлеба в нанайском колхозе

тура нанайцев, ульчей и других народов края сохранила поэтому гораздо больше самобытных черт.

Хозяйство. В отношении прежнего хозяйственно-культурного уклада эти народности между собой различались: у них в различной степени сочетались элементы оседло-рыболовческого и кочевого охотничьего уклада. Ульчи, как и их соседи гиляки,— оседлые рыболовы. Нанайцы и орочи—в основном тоже рыболовы, но у них заметное значение имела издавна и охота: мужчины уходят на зиму в тайгу промышлять зверя. Удэгейцы—уже настоящие представители таежного лыжно-охотничьего хозяйства. Ороки—по своему хозяйственному укладу близки к эвенкам, они кочевали по тайге на оленях, хотя оленеводство у них смешанного типа, верховое и санное[1].

Смешение указанных двух хозяйственных укладов сказывается во всех сторонах культуры. Например, ульчи, как и гиляки, ловят рыбу неводом либо крючками; гольды и орочи наряду с этим бьют рыбу также острогой, т. е. как будто и в самом рыболовстве применяют охотничью технику.

Ульчи и нанайцы издавна пользуются собачьим транспортом. Нанайцы имеют и других домашних животных—в частности свиней (прежнее маньчжурское влияние). Теперь они ездят и на лошадях (русское влияние).

В связи с колхозным строем очень многое в хозяйстве и материальной культуре народов Нижнего Амура резко изменилось. Рыболовство у большинства народов Амура сохранило свое значение основной отрасли хозяйства, но оно радикально реконструировано. Создана новая высокая техника рыбного лова: в колхозах употребляются большие невода, моторные катера и пр. Организованы моторно-рыболовецкие станции. Работают рыбоконсервные заводы. Вводится круглогодичный лов рыбы.

Выросло значение пушного промысла, который раньше был распространен не одинаково во всех районах.

Появились и отрасли хозяйства, прежде неизвестные народам Нижнего Амура: полеводство, возделывание огородных культур, картофеля и даже помидоров, арбузов и дынь. Разводится молочный и рабочий скот. В колхозах обычно имеются отраслевые бригады. Хозяйство стало гораздо более сложным, комплексным. Это способствует повышению его доходности.

[1] Л. Шренк предполагал, что ороки начали запрягать оленей в сани, подражая собачьей упряжке гиляков. Однако орокская оленья нарта совершенно непохожа ни на гиляцкую собачью нарту, ни на другие типы нарт,—она вполне своеобразна: широкая, низкая, короткая, на 3 парах копыльев, слегка наклоненных внутрь.

Старый нанайский дом

Нанайский старый летник полусферической формы

Поселения и постройки. Среди народов данной группы издавна преобладает оседлый образ жизни: только ороки могли считаться полукочевниками, а удэ кочевниками. Поселки или «стойбища» гольдов, ульчей, орочей располагаются по берегам рек. Типы построек— различные. Некогда господствовали землянки, позже распространилась так называемая «фанза», однако существенно отличная от китайского типа; с китайской фанзой нанайское жилище сближается только системой отопления при помощи «кана». Сейчас фанза вытеснена в свою очередь домом русского типа. Летнее жилище—обычно прямоугольная хижина из деревянного остова, крытая полосами лиственничной коры. У нанайцев и ульчей сохранился, как пережиток, древний тип жилища, нигде больше в Сибири не встречающийся: это полусферическая постройка из воткнутых в землю и согнутых жердей, покрытых корьем: этот тип аналогичен «вигваму» некоторых индейских племен Северной Америки. Хозяйственные постройки—свайные амбары, которые у ульчей служили и летними жилищами.

В последние годы колхозники все больше строят благоустроенные дома современного типа.

Одежда. Тип одежды мужчин и женщин— халат, запахивающийся на правую сторону. Под ним—натазники, ноговицы. Халаты шили прежде часто из рыбьей кожи, но уже в XIX в. начали шить из покупных тканей. Зимняя одежда—обычно меховая. Интересно, что женщины иногда носили под халатом нагрудник эвенкийского типа, хотя он, казалось бы, при двубортном халате излишен.

Сейчас национальная одежда сохранилась главным образом у старшего поколения. Молодежь носит чаще городскую.

Вообще в настоящее время и хозяйство и вся материальная культура в сильной степени видоизменились в сторону введения новых современных форм.

Исторические особенности общественного строя. В общественном строе до недавнего времени держались патриархально-родовые традиции. Эксплуататорскими элементами являлись преимущественно китайские и маньчжурские, а позже и русские купцы. Они обманывали и беззастенчиво обирали доверчивых охотников. Собственная кулацкая верхушка была слаба. Сейчас все формы гнета ликвидированы.

Религиозные пережитки. В религиозных верованиях еще недавно сохранялись архаические черты.

Ульча в национальной одежде

Орнаментированный амбар ульчей

Ульчские женщины в национальных одеждах

У гольдов отмечаются черты тотемизма; например, род Актенка́ верил в свое особое родство с тигром (предмет особого суеверного почитания в Амурско-Уссурийском крае): члены его устраивали умилостивительные моления в честь тигра, если его кто-либо случайно убивал. Распространен и культ медведя—особенно у ульчей и орочей,—культ, сходный с гиляцким (см. ниже).

Шаманство, изученное у нанайцев подробно Шимкевичем, Лопатиным, было очень развито и имело профессиональную форму. Отмечается сложная демонология: представления о множестве духов («сеонов» или «сывынов»), которые объединялись в группы. Таких групп в нанайском шаманстве было 7: группа медведя, тигра, пантеры и др.; в орочском—три: группы медведя, тигра и воды. Наряду с этими древними, видимо, тотемическими чертами в шаманских верованиях нанайцев заметно позднейшее влияние китайско-маньчжурской административной системы: например, были особые «духи маньчжурских чиновников».

Своеобразно было представление о личном духе-покровителе шамана: «айями». Этот дух мыслился как существо другого пола, чем сам шаман: у шамана-мужчины его «айями» — женский дух, его небесная жена, у шаманки-женщины—мужской дух, ее небесный муж. Из этого любопытного факта Л. Я. Штернберг вывел целую теорию (ошибочную) «полового избранничества», как якобы основы вообще шаманизма.

Внешняя сторона шаманства народов Нижнего Амура резко отлична от тунгусского типа. Бубен—легкий, узкоободный. Костюм—не тунгусский кафтан с нашивками, а халат с нарисованными изображениями духов и пояс с железными подвесками. В облачении шамана особо важную роль играет медный диск—«толи» (зеркало), монгольского происхождения. Одна из характерных обрядовых принадлежностей—деревянные стружки «иляу», привязываемые к головному убору шамана, к рукавам и пр. Употребление деревянных стружек в обрядовых целях знакомо всем народам Амура и Сахалина и связывается с айнской культурой[1].

Шаманство у нанайцев и других народов Нижнего Амура было настолько развито, что поглотило в себе до некоторой степени и родовой культ, и культ, связанный с промыслами. Особенно важной считалась роль шамана в погребальном ритуале, очень сложном, который требовал больших расходов и чрезвычайно обременял малоимущее, и без того разоренное население: главной частью этого ритуала были заключительные «большие поминки» («каза таори»), когда шаман должен был, предварительно найдя душу умершего, проводить ее в загробный мир. Эти обряды мог выполнять только мужчина-шаман.

Однако рядом с шаманством, отдельно от него существовал культ небесных духов «эндури», явно заимствованный от маньчжур. Жертвы этим небесным духам приносил не шаман, а родовые старшины «кази-галены». Распространение христианства среди народов Нижнего Амура (с середины XIX в.) было чисто формальным, и оно почти не повлияло на местные верования. Но перед самой революцией у нанайцев распространился и совсем новый культ—культ «Хери-мапа», духа, победившего и прогнав-

[1] Айны (айну)—небольшая народность Северной Японии (о. Хоккайдо), раньше обитали также на Южном Сахалине и Курильских о-вах; русские называли их «курильцами». Айны стоят особняком и по антропологическому типу (сильная волосатость, низкий рост, длинноголовость и пр.), и по языку, а в культуре сохранили глубоко архаические черты.

шего всех других духов. В деталях этого культа отразилось влияние города и капиталистических отношений.

Художественное творчество. В изобразительном искусстве преобладает своеобразный декоративный стиль, со сложным криволинейным спирально-завитковым орнаментом, резко отличный от эвенкийского, но сходный с орнаментальным стилем у гиляков. Хотя этот стиль имеет на Амуре свои местные, древние, неолитические корни, но в нем сказалось и новое, китайско-маньчжурское влияние.

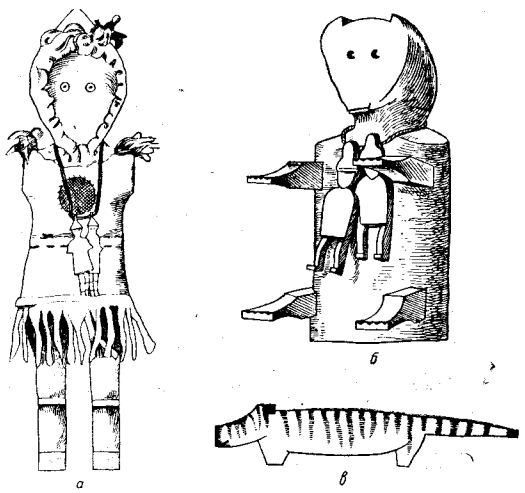
Из среды нанайцев в последние годы выдвинулись национальные художники, разрабатывающие новые формы и новые сюжеты изобразительного искусства.

Интересен нанайский национальный театр, совершенно своеобразного колорита.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ТУНГУСОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Этногенез. О происхождении тунгусских народов делались разные предположения. Их считали потомками то древних хунну или дунху (Ширатори, Иностранцев), то сяньби (В. И. Сосновский) и пр. Иные выводили их из Северного Китая (С. М. Широкогоров). В настоящее время археологические, антропологические и частью языковые исследования позволяют утверждать, что основной очаг формирования тунгусской народности и тунгусской культуры—это таежная часть Прибайкалья. Неолитические памятники бассейна Ангары показывают постепенное формирование тунгусского типа культуры (А. П. Окладников), в погребениях той эпохи встречаются и характерные для современных эвенков признаки антропологического типа (Я. Я. Рогинский, Г. Ф. Дебец).

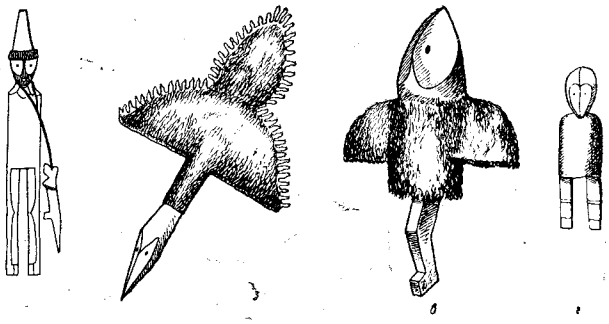
Есть, однако, основания полагать, что формирование древних тунгусских племен и тунгусской культуры протекало во взаимодействии с миром степных кочевников. Во всяком случае, во многом видна связь тунгусских народов с монгольскими: она видна уже в самом языке, ибо тунгусские языки из всех урало-алтайских (или алтайских) всего ближе стоят именно к монгольским. Возможно, что древний контакт между тунгусскими и монгольскими племенами был как раз в Прибайкалье, на границе лесной и степной зон. Отсюда, из Прибайкалья, на северо-запад, север и северо-восток распространились эвенкийские племена и их своеобразная культура. Распространение это

Шаманские изображения духов («бурханы») у нанайцев: *а*—Духсу-аями (дух-покровитель шамана); *б*—Тоому-доонта (дух-медведь; употреблялся при лечении болезней); *в*—Амбансо (дух-тигр; употреблялся при болезни живота и на промысле)

протекало, вероятно, очень долго: оно началось, видимо, около начала н. э., возможно и раньше, а продолжалось вплоть до недавнего времени: так, на Камчатке тунгусы (ламуты) появились в 30-х годах, на Сахалине в 50-х годах XIX в.

Носители таежного охотничье-оленеводческого типа хозяйства, эвенки обнаружили поразительную силу экспансии. Предполагают, что именно одомашнение оленя и введение оленьего транспорта сообщило этой народности такую исключительную подвижность. По словам Богораза, «олень окрылил тунгуса». Вся культура эвенков как бы нарочно приспособлена к подвижному, кочевому образу жизни: легкое переносное жи-

Шаманские изображения духов («бурханы») у нанайцев: *а*—Калгама-ендолани (дух-покровитель рыбного промысла); *б*—Коори (птица—дух-помощник-шамана); *в*—Буччу (одноногий дух-помощник, сопровождающий шамана); *г*—Пучику (дух-покровитель соболиного промысла)

Эвен—депутат районного Совета и его сестры

лище, лучший тип лыж, легкая распашная одежда.

Однако некоторые из тунгусоязычных групп (удэ, орочи) являются носителями более древнего, дооленеводческого типа таежного охотничьего хозяйства: это «пешие охотники». Что касается оседлых народов нижнего Амура, особенно гольдов, то это скорее тунгусизированные потомки древнего неолитического местного населения (остатком которого являются гиляки). Ульчи—народность очень смешанного происхождения: в составе их имеются (как это установил А. М. Золотарев) роды гольдские, эвенкийские, маньчжурские, удэйские, орочские, орокские, гилякские и др. Тип хозяйства у них—чисто гиляцкий. В последние годы советская исследовательница А. В. Смоляк обнаружила и в материальной культуре ульчей несколько исторических наслоений: «аборигенное» (палеоазиатское), «маньчжурское» (притом не новейшее, а очень древнее, как бы прото-маньчжурское), «общетунгусское».

Оседло-рыболовческое тунгусоязычное население существовало прежде и в других местах: так, еще в XVII в. на Охотском побережье упоминаются «пешие роды» тунгусов (рыболовов),—видимо, тоже остатки аборигенного населения, тунгусизированного по языку, но сохранившего прежний хозяйственный уклад.

Такой же тунгусизированной народностью, вероятно, юкагирского происхождения надо считать и ламутов. В источниках XVII в. они упоминаются все время вместе с юкагирами. Нечто подобное, вероятно, представляли прежде и долганы, впоследствии якутизированные.

Таким образом, экспансия тунгусской культуры представляла собой в то же время процесс ассимиляции, тунгусизации ряда местных аборигенных групп.

Возможно, что именно эвенки были распространителями по всей Восточной Сибири таких черт культуры, как широкие лыжи «тунгусского» типа, охотничья техника, оленеводство, частью—тип одежды. Кстати и в шаманстве ряда народов (юкагиры, кеты, якуты и др.) преобладают «тунгусские» черты.

Есть основания думать, что тунгусы были и распространителями техники железной металлургии в Северо-Восточной Сибири.

Вообще «культуртрегерская» роль эвенков в Сибири была исторически чрезвычайно велика.

Ассимиляция тунгусских народов в прошлом и национальное возрождение. В качестве охотников тунгусы подвергались особенно жестокой эксплуатации со стороны царской администрации и купеческого капитала, главным предметом стремлений которого была пушнина. Этим объясняется то, что эвенки больше, чем многие другие народы, пострадали от трехвекового хозяйничанья царских властей, и в их культуре заметно больше элементов разложения. С другой стороны, это отчасти обусловлено несколько меньшей устойчивостью самой охотничьей культуры эвенков сравнительно со скотоводческой якутской и с земледельческой русской культурой.

Исследователи не один раз отмечали бросающийся в глаза факт денационализации, утраты самобытных культурных черт отдельными группами эвенков при их соприкосновении с более развитыми соседями, особенно с русскими и якутами.

На этот процесс особенно обратил внимание крупный исследователь тунгусов С. К. Патканов, который в своей большой работе «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири» попытался проследить процесс утраты эвенкийскими группами своих самобытных черт под влиянием соседних народов. Многие бывшие тунгусские роды объякутились.

Это особенно относится к бассейну Алдана и Амги, к Индигирке и другим местностям, где тунгусы соприкасаются с якутами.

Яркий пример этого объякучивания можно обнаружить в бассейнах рр. Анабары и Оленека. Весь этот район на этнографических картах обычно отмечается как эвенкийский. По переписи 1926—1927 гг. здесь тоже были зарегистрированы тунгусы. Но эти районы чрезвычайно трудно доступны, о них мало кто знает даже в Якутске—центре республики. Лишь последние исследования (И. М. Суслова, И. С. Гурвича) обнаружили замечательный факт—что здесь ни одного эвенка нет, что все говорят на якутском языке, но называются «тунгусами», потому что у них тот же образ жизни, как у эвенков: они —охотники-оленеводы. Название «тунгусы» имеет здесь не этническое, а культурно-хозяйственное значение. Жители и сами себя называют «тунгусами», когда говорят по-русски, но самоназвание их не «эвенки», а «саха» (якуты).

По историческим данным известно, что еще в XVII в. на Анабаре и Оленеке жили тунгусские племена. Но уже к концу XVII в. эпидемии, межплеменные усобицы сильно сократили тунгусское население, и уже тогда начался приток туда переселенцев из якутских районов. Эти переселенцы постепенно смешались с остатками местного населения, а якутский язык совершенно вытеснил эвенкийскую речь.

Другой характерный пример якутизации тунгусов—уже известные нам долганы, которые еще в XVII в. составляли один из тунгусских родов, а сейчас это—якутоязычная народность.

Утрата эвенками самобытных культурных черт до революции была вызвана, как уже говорилось, в значительной мере экономическим гнетом со стороны эксплуататорских слоев якутского и русского населения.

Совершенно иные условия сложились для эвенков в послеоктябрьский период. Сейчас у эвенков имеются все возможности для культурного и национального развития. В 1931 г. были созданы национальные округа—Эвенкийский и Витимо-Олекминский, а кроме того, Катангский национальный район, 2 эвенкийских района в северной части Бурят-Монгольской АССР и ряд эвенкийских и эвенкийско-эвенских национальных районов на окраинах Якутской АССР.

В настоящее время эвенки перестали быть отсталой народностью. Они являются одним из передовых народов Севера. В Институте народов Севера в Ленинграде эвенкийские студенты представляли значительное большинство, и количество уже выпущенных студентов—лиц эвенкийской национальности, окончивших Институт (ныне факультет) народов Севера, исчисляется сотнями. Теперь эвенкийская молодежь получает высшее образование преимущественно в Педагогическом институте им. Герцена (Ленинград). Немало есть эвенкиек с высшим или специальным средним образованием.

д. ГИЛЯКИ (нивхи)

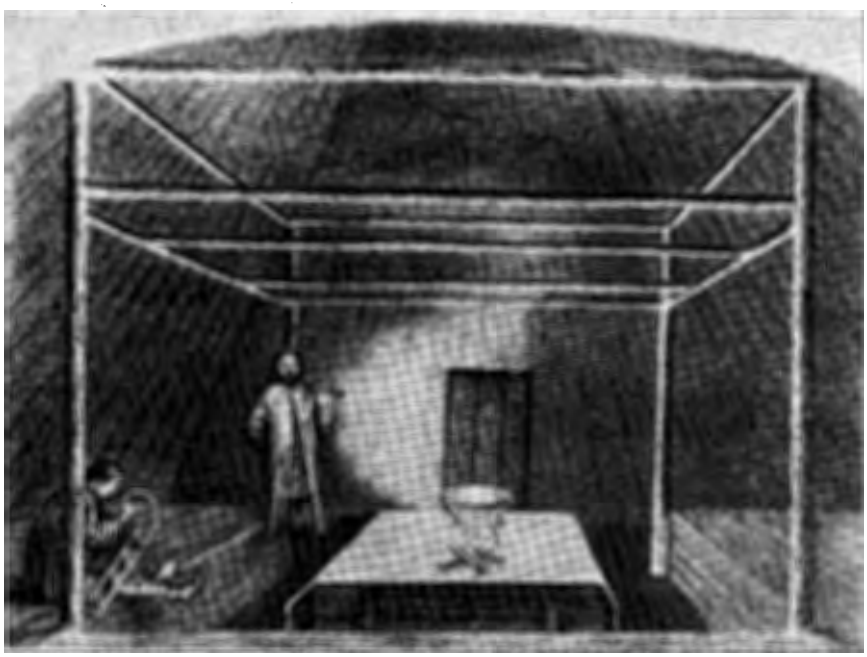
В устье Амура и на Северном Сахалине обитает небольшой народ, культура которого сходна с культурой соседних тунгусоязычных народов—нанайцев, орочей, а особенно ульчей,—но который по языку совершенно с ними не связан и принадлежит к палеоазиатской группе народов. Это гиляки (около 4 тыс). Самоназвание их—нивх (нивух, нивах, нибах), что значит буквально «люди». Происхождение слова «гиляк» не совсем ясно; предполагалось, что оно происходит от «киленг»—так маньчжуры называли население Нижнего Амура.

Живут гиляки в низовьях Амура, ниже с. Богородского (225 км от устья), и на Северном Сахалине, по восточному и западному его побережью и по р. Тыми. Раньше поселения гиляков имелись и на побережье материка вплоть до Тугурского залива, но уже в конце XIX в. они так далеко от устья Амура не жили. Занимая окраинное положение на азиатском материке, гиляки долго находились в стороне от внешних политических и культурных влияний. Амурско-Уссурийский край был присоединен к России только в 1850-х гг. До этого времени соприкосновения русских с гиляками почти не было, если не считать кратковременного эпизода походов Пояркова и Хабарова в 40—50-х гг. XVII в. Более ранняя связь гиляков с культурными центрами Восточной Азии была тоже слабой. Влияние китайцев и тем более японцев было лишь внешним и глубоко не затронуло условий жизни и культуры гиляков.

Результатом этого было то, что самобытная культура гилякского народа—особенно сахалинских гиляков—до последнего времени сохранялась почти во всей своей архаичности.

В связи с этим и история этнографического изучения гилякского народа началась сравнительно поздно. Первые сведения о гиляках были привезены начальниками русских отрядов Василием Поярковым и Ерофеем Хабаровым (1640—1650-е гг.), но эти сведения были крайне отрывочны. После того, как Амурский край был надолго оторван от России, прекращаются сведения о народах Нижнего Амура.

К концу XVIII в. появляются отрывочные известия о гиляках в западноевропейской литературе (путешествие Лаперуза). Описание гиляков есть у японского путешественника Мамиа Ринсо (1808—1809 гг.).

Внутренний вид старинной гиляцкой землянки (середина XIX в.)

Некоторые сведения содержатся в рассказах русского беглого ссыльного Гурия Васильева (1820-е гг.).

Только с эпохи присоединения Амурского края к России начинаются обстоятельные сведения о гиляках. Первыми принесли их морские офицеры—участники экспедиции капитана Невельского. В 1850-х годах по Амурскому краю путешествовал Л. И. Шренк, уделивший в своих сообщениях главное внимание гилякам. Помимо собственных наблюдений, Шренк широко использовал и труды своих предшественников. Он дал подробное описание хозяйства гиляков, но глубоко изучить их социальный строй и верования он не мог. Эти исследования выполнил Л. Я. Штернберг, который в конце XIX в. провел 8 лет в ссылке среди гиляков. Штернберг пользовался их доверием и собрал обширные сведения об их социальном строе и верованиях. Однако он почти не уделяет внимания хозяйству и материальной культуре.

В советскую эпоху появился ряд новых работ (Е. А. Крейновича, А. М. Золотарева, С. В. Иванова и др.), которые весьма расширили наши сведения о гиляках.

Уже Шренк обратил внимание на совершенно своеобразное положение гиляков среди окружающих народов по языку, который стоит изолированно среди языков всех соседних народов. Именно исходя из обособленного положения гиляков и их языка, Шренк и пришел к своей теории «палеоазиатских народов». Но после Шренка дальнейших шагов в этом направлении почти не было сделано. Только Штернберг высказал мнение о близости гиляцкого языка к языкам североамериканских индейцев. К последним он действительно близок по морфологической структуре (черты инкорпорирующего строя).

Вопрос о физическом типе гиляков долгое время был неясным. Некоторые зарубежные антропологи (Монтандон, Биасутти) сближали гиляков с алеутами, но это не подтвердилось. Теперь советские исследователи (М. Г. Левин) собрали более надежный материал. Выясняется, что гиляки—наиболее чистые представители «сахалино-амурского» монголоидного типа, по некоторым признакам близкого к центральноазиатскому. Этот тип, впрочем, встречается и у ульчей и орочей. Характерно довольно заметное развитие бороды, что для монголоидов является редкостью и объясняется примесью айнского типа. М. Г. Левин связывает «сахалино-амурский тип» как раз с древним палеоазиатским населением Приамурья.

Хозяйство. Гиляки—народ, который испокон веков почти исключительно занимался рыболовством. Рыба составляет их главное

Старинный летник гиляков (середина XIX в.)

Собачья упряжка у гиляков (середина XIX в.)

питание. Шренк называл гиляков «ихтиофагами», рыбоедами. Амурско-Сахалинский край очень богат рыбой, в особенности лососевыми породами—кета, горбуша, а также осетровыми. Рыба входит в устья рек для икрометания, и тут начинается массовый лов рыбы, причем гиляки пользуются или закидными неводами или ставными сетями, перегораживая часто реки большими запорами—«заездками». От русских гиляки научились изготовлять и употреблять большие невода.

Кроме сетей, употребляются также рыболовные крючки и некоторые другие снасти. Рыба ловится в большом количестве, ее едят не только летом, но заготавливают и на зиму. Известен, впрочем, и зимний подледный лов рыбы. Основной техникой консервирования до последнего времени было вяление на солнце, изготовление так называемой юколы: рыбу разрезали пластинами вдоль, вырезывая хребет (его вместе с головой отдавали собакам), и пластины развешивали на особых «юкольниках»-вешалах. Это примитивный и нерациональный способ: жир капает на землю и пропадает без пользы; кроме того, от сырой погоды рыба портится; нередко ее поедают личинки мух, от которых не всегда спасают дымокуры. Такой способ консервирования сейчас начал выходить из употребления. Он заменяется засолом и другими более совершенными способами. Самая техника лова тоже в корне изменилась и в значительной мере механизирована.

Рыболовство дополняется промыслом морского зверя, особенно нерпы и белухи. Нерпичий жир—важное подспорье в пищевом режиме гиляков. Нерпу бьют особыми дубинками или своеобразным гарпуном на длинном шесте.

Рядом с рыболовством и промыслом нерпы другие отрасли хозяйства, в том числе и сухопутная охота, отступают на второй план. Охотиться гиляки ходят лишь на ближние угодья и ненадолго, в отличие от соседних народов, в хозяйстве которых охотничий промысел играет более крупную роль.

В качестве подсобной отрасли хозяйства следует упомянуть о женском собирательстве. Женщины собирают съедобные коренья и ягоды.

Собаководство, характерное для оседлорыболовецкого культурного типа, у гиляков также развито. Собаки преимущественно ездовые, но гиляки используют также и мех собак, а мясо их едят. Непригодных для работы собак даже специально откармливают на мясо. Собак гиляки любят и заботливо ухаживают за ними. Зимой их держат в особых конурах и кормят похлебкой из рыбьих остатков. Самцов кастрируют, оставляя для завода по одному самцу. Больных собак лечат. Езда на собаках—основной способ передвижения зимой. Старая гиляцкая собачья нарта своеобразной формы, сравнительно узкая, с низкими прямыми копыльями, с верхней рамой, к которой спереди и сзади прикреплены особые дуги. Части нарты склеены рыбьим клеем и сбиты деревянными гвоздями (у северо-восточных палеоазиатов они скрепляются ремнями). Способ запряжки тоже характерен: лямка надевается собаке на шею («цервикальная» запряжка),—способ очень нерациональный, потому что ошейник стягивает собаке горло. Собачьи лямки пристегиваются к ремню в шахматном порядке, змейкой. Обычно в упряжке 9—11 собак, у бедняков было 5—7. Гиляк сидит на нартах верхом и управляет ногами, на которые надеты особые маленькие лыжи, обычно не снимаемые с ног и при ходьбе. Этот старый тип собачьей упряжки и нарты, описанный Шренком, в настоящее время сохранился в употреблении только при обрядовых состязаниях, а в повседневном быту вытеснен восточносибирским типом, более удобным (большая широкая нарта, прикрепление собак парами, иной способ упряжки, не заставляющий собаку задыхаться).

Другой способ зимнего передвижения—ходьба на лыжах; эти лыжи большие и подбиты мехом. Они напоминают тунгусские, но уступают им, не имея выгиба.

В летнее время почти единственным способом передвижения является лодка. Гиляцкая лодка на Сахалине долбленая, а на побережье Татарского пролива и в низовьях Амура—дощатая своеобразной формы: сшитая из трех досок без гвоздей, при помощи деревянных скрепок. Характерно выступание нижней доски с носа: при такой форме лодка легко взбирается на морскую волну. Но гиляки плохие мореходы и неохотно пускаются в плаванье, особенно в открытое море.

Из традиционных гиляцких производств особенно развита обработка дерева, в том числе художественная резьба, изделия из бересты. Гиляцкие кузнецы довольно искусно изготовляли железные вещи. Откуда к ним пришла эта техника—вопрос не совсем решенный. Еще Шренк предположил, что они усвоили кузнечное производство от японцев через айнов, в отличие от других народов Амура, которые получили его из Китая.

Гиляки в старинной одежде

С производством глиняной посуды гиляки были прежде знакомы. Мамиа Ринсо в начале XIX в. еще застал и описал гончарство у гиляков, но ко времени путешествия Шренка (1850-е гг.) оно уже исчезло.

Старое вооружение гиляков—сложный лук (такой же формы, как у всех народов Азии), железные рогатины и копья, иногда искусно инкрустированные серебром и медью, тяжелые деревянные палицы. Очень характерно для них существование в прошлом железных пластинчатых панцырей (как у ряда других народов северной части Тихого океана). Делали ли они их сами или получали от соседей—не совсем ясно. Были и более простые плетенные из шнурков панцыри.

Обмен. У гиляков до недавнего времени сохранялось натуральное хозяйство, обмен был сравнительно слабо развит. Внутренний обмен был чисто натуральный и происходил в форме подарков и отдарков. Например, гиляки р. Тыми «дарили» жителям Охотского побережья юколу и крапиву для ниток, а получали от них в обмен нерпичий жир и кожу. Особенно охотно брали в «подарок» собак, за которых можно было получить что угодно. Собака в обменных сделках гиляков превратилась почти во всеобщий эквивалент.

Внешний обмен был более развит. Амурские гиляки предпринимали экспедиции вверх по течению Амура и Сунгари до города Сансина, который служил главным торговым центром Восточной Маньчжурии. Здесь совершался обменный торг с маньчжурскими купцами. Торговали гиляки также с айнами и японцами.

Поселения и постройки. С рыболовным хозяйством гиляков связан их образ жизни. Это народ искони оседлый. Гиляцкие селения, в большинстве мелкие, расположены исключительно по берегам рек и по морскому побережью.

Старинные жилища были двух форм, зимние и летние. Зимняя гиляцкая юрта—

это землянка четырехугольного плана, со скругленными углами, углубленная на 1,5 метра в землю, с выходом в виде покатого коридора. В середине небольшое продолговатой четырехугольной формы земляное возвышение, на котором расположен очаг. С трех сторон его, по стенам, широкие нары, служащие для спанья и сиденья. Юрты бывали и больших и меньших размеров. Большая юрта обычно служила для трех семей, по числу нар, или для большего числа. Возможно, что когда-то входом служило верхнее дымовое отверстие: пережитки этого прослеживаются в языке («входить в юрту» и «выходить из юрты» по-гиляцки буквально значит «спускаться» и «подниматься»), а также в обрядах: во время медвежьего праздника шкуру и голову медведя вносят через дымовое отверстие.

Но этот тип землянок в настоящее время почти исчез. Уже в 1850-х гг. землянки сохранялись только на Сахалине. На Амуре уже во времена Шренка они были вытеснены постройками типа китайской фанзы. Для этой фанзы характерна, как известно, особая система отопления: дымоходы от очагов идут под нарами вдоль всех четырех стен, обогревая их, и сообщаются с высокой трубой несколько поодаль от жилища.

Старинное летнее жилище гиляков характерно для палеоазиатской культуры: это дощатая постройка на сваях. Она обычно делилась на две половины: задняя с очагом жилая, а передняя служила складом.

Сейчас в гиляцких колхозах строятся благоустроенные дома, а прежние мелкие стойбища укрупняются, иногда переносятся ближе к богатым рыбным угодьям.

Одежда. У гиляков не сохранилось древней «палеоазиатской» глухой одежды, которая была уже давно вытеснена китайской или маньчжурской одеждой: последняя представляет собой халат, запахивающийся на правую сторону. Под ним—рубаха и штаны. Характерно для гиляков только то, что одежда делалась из рыбьей кожи; сейчас, однако, и этого почти не встречается, одежда шьется из русской или китайской ткани. Зимняя одежда такого же покроя, но шьется обычно из собачьего меха, который гиляки любят больше всего. Одной из своеобразных особенностей старинной гиляцкой одежды является особая юбочка, чаще всего из нерпичьей кожи, так называемая «коська», носимая поверх халата. Она удобна при езде на нартах. Подобная юбочка бытовала также и у ульчей.

Исторические особенности общественного строя. Л. Я. Штернберг обнаружил существование совершенно своеобразных форм семьи и рода у гиляков. На это открытие обратил внимание Фр. Энгельс. Штернберг не сразу сумел добраться до этого интересного явления, которое ускользало от прежних наблюдателей.

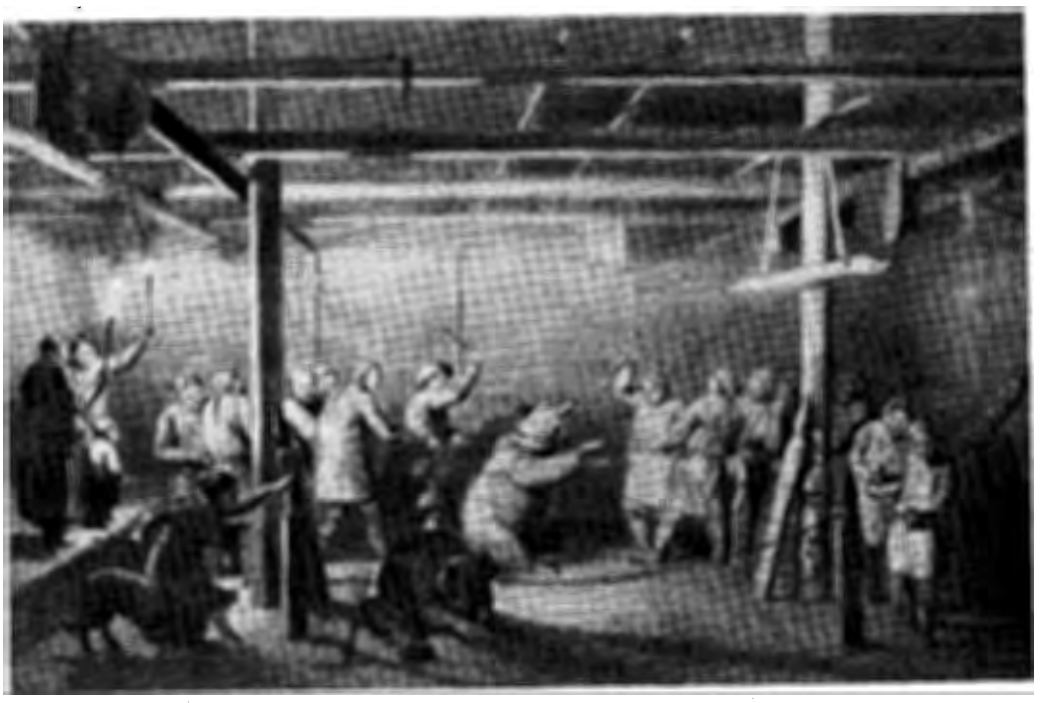
Штернберг пишет, что даже после длительного пребывания среди гиляков он не мог заметить в их семейных отношениях ничего особенного. Существовал, по-видимому, парный брак и обычная семья, не отличающиеся от брачно-семейных форм других народов. Но его поразила своеобразная терминология родства, которая вообще, как известно, имеет огромное значение как ключ для понимания ранних форм брачных отношений. Гиляки называют словом «аньхэй» свою жену, но также и сестер своей жены и жен своих братьев. Точно так же словом «пу» (муж) женщины называют и мужей своих сестер и братьев своих мужей. Таким образом, эти термины имеют групповое значение. Так как Штернберг был знаком с работой Энгельса, он понял важность этой «классификаторской» терминологии и начал искать дальше. Оказалось, что эта терминология не была пустым звуком для гиляков: гиляк не только называл «женами» сестер своей жены и жен своих братьев, но это сопровождалось и определенным правом на них как на жен.

Исследуя это явление, он пришел к выяснению картины настоящего группового брака, типа «пуналуа». Оказывается, что существовало узаконенное право группы братьев на всех жен и группы сестер на всех мужей.

Дальше Штернбергу удалось открыть очень интересную форму родовых отношений у гиляков. Род до последнего времени сохранялся здесь как вполне живая, жизнеспособная социальная единица. Род по-гиляцки—халь. Это солидарная группа сородичей, населяющих обычно одно и то же стойбище. Каждый род владел своими рыболовецкими угодьями. Члены рода пользовались гостеприимством сородичей. Обедневшие имели право на прокормление со стороны рода. Таким образом, в области материальных отношений род представлял собой определенное единство.

Род был экзогамной группой. Экзогамия у гиляков имела своеобразную форму: мужчины данного рода должны были брать жен в определенном другом роде. Но это право не было взаимно. Этот второй род не мог брать жен в первом роду, а должен был брать их в третьем роду, третий же род брал жен в первом роду. Следовательно, экзогамная связь родов устанавливалась как бы по треугольнику или по кольцу. Мужчины рода А брали жен из рода В, мужчины рода В брали жен из рода С, мужчины рода С брали жен из рода А. Таким образом, три рода связаны между собой постоянными брачными связями. Род В для рода А называется родом тестей («ахмальк»), наоборот, род А для рода В будет родом зятьев («ымги»).

Такая система трехродовых постоянных брачных связей очень характерна для гиляков. Штернберг называл эту трехродовую систему фратрией. Но это название неудачно, потому что слово «фратрия» обозначает обычно экзогамную половину племени. Советский этнограф Д. А. Ольдерогге назвал данную систему «кольцевой связью родов» или «трехродовым союзом».

Сцена из медвежьего праздника гиляков (середина XIX в.)

К числу признаков рода принадлежал и обычай кровной мести, которая существовала у гиляков еще в XIX в., хотя месть часто заменялась выкупом за убийство.

Гиляцкий род был строго агнатический. Счет происхождения велся по мужской линии. Положение женщины было подчиненным. Но имеются пережитки материнского права. Сам термин «халь» (род) означает буквально «футляр», «ножны», а в переносном смысле, по Штернбергу,—материнская утроба. Остатком материнско-родовой эпохи можно считать почтительное отношение человека к роду и месту происхождения его матери. О том стойбище, откуда происходила его мать, гиляк всегда говорит и думает с чувством особенного уважения и симпатии.

Пережитки материнского рода сохранялись и в области культа, в частности в почитании огня; дух, или «хозяйка», огня изображался как существо женского пола.

Во главе рода стояли старшины—халь-хеймар, которые распоряжались всеми делами рода как общественными, так и культовыми.

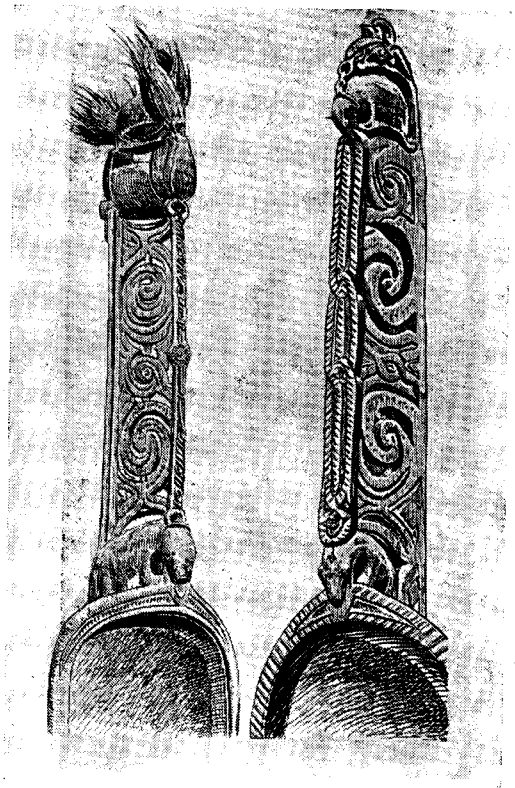
Однако родовой строй у гиляков уже в XIX в. начал разлагаться, и обнаруживались признаки классовой дифференциации.

У гиляков некогда было рабство, правда, лишь патриархальное. С середины XIX в., при первом появлении русских, оно стало быстро исчезать: Шренк его еще застал, но Штернберг уже не застал. По данным фольклора, по воспоминаниям стариков, удается выяснить (это сделано Золотаревым), что представляло собой это рабство.

Рабами были в большинстве айны—южные соседи гиляков. Из рабов предпочитались и ценились больше женщины. Но и рабы-мужчины выполняли домашние и обычно женские работы; рабы делали то, что делали гиляцкие женщины. Положение раба было бесправным, но в то же время оно определялось известными нормами, обычаями. Раба, например, запрещалось убивать, раб мог иметь свое хозяйство. Рабство было наследственное, но ограничивалось пятью поколениями: считалось, что в первом поколении человек весь раб, во втором поколении он уже свободен от макушки до глаз, в третьем — до середины туловища, в четвертом — до колен, в пятом поколении он весь свободен. Раб мог жениться на свободной женщине и дети их считались свободными; напротив, дети женщины-рабыни, хотя бы от свободного мужчины, были рабами. Таким образом, в отношении рабов как бы действовали нормы материнского права.

В XIX в. у гиляков наметилось и расслоение среди свободных: оно возникало на почве торговых связей с китайцами, маньчжурами и японцами.

Торговые поездки предпринимались более зажиточными членами родов, которые на этой почве еще больше богатели. Посредническая торговля усиливала имущественную дифференциацию. Выделявшийся господствующий слой не имел еще определенного классового названия; этих богатых людей звали просто «ызь», что значит «хозяин». Классовая дифференциация здесь еще не затрагивала сферы производства, а вырастала из торгово-посреднических функций. Штернберг обращал на классовые отношения мало внимания, но и у

Пластические изображения медведя на обрядовых ложках

него проскальзывают замечания, что гиляцкие кулаки «эксплуатируют не хуже цивилизованных».

Таковы были в прошлом особенности социальных отношений у гиляков, представляющие большой исторический интерес. Сейчас одни из них исчезли, другие исчезают. В гиляцких колхозах, а тем более среди рабочих и служащих, учащейся молодежи, распространяются формы социалистического быта.

Религиозные пережитки. Старому социальному укладу соответствовали и своеобразные формы религиозных верований.

Господствующей формой религии был родовой культ, который был в то же время тесно связан с промысловой деятельностью гиляков. Центральное место в этом культе занимал медведь. Культ медведя вообще довольно широко распространен у народов Северной Азии. Но у гиляков и у некоторых их соседей этот культ принял чисто родовые формы. Медвежьи праздники устраивались не только по случаю умерщвления медведя на охоте: существовал также и обычай выкармливать добытых на охоте или купленных медвежат для устройства праздников. На торжественный общеродовой праздник приглашались представители «рода зятя» («ымги»); последним выпадала на долю главная роль в празднике. Медведя на празднике надо было убить. Но ни у кого из членов рода не поднимется рука, чтобы убить своего родового медведя. Эта почетная роль и передавалась «зятьям». Медведя водили по стойбищу, воздавали ему разные почести, приносили ему в жертву собак, а затем умерщвляли, варили и ели его мясо. Впрочем, члены рода, устраивающего праздник, сами могли есть только голову медведя и пить навар из его мяса, самое же мясо для них было табуировано; его ели гости—члены рода «зятя».

В чем был смысл медвежьего праздника? Медведь считался сородичем. После того как ему воздадут соответствующие почести, прося его не гневаться за то, что его убьют, его душа отправится к своим сородичам в тайгу, и расскажет, что люди обращались с ним хорошо, что они его друзья и что нужно к ним относиться дружественно. Медведь считался покровителем рода. У каждого рода свой медведь. Это выражалось в формуле: «у нас (сородичей) медведь один». Остатки от медвежьего праздника—нос медведя, его когти, череп—сохранялись в определенном месте, как священные реликвии рода. Считалось, что умерщвленный медведь возрождается в своих потомках.

Это—известное представление об умерщвленном и воскресающем звере, распространенное у многих охотничье-рыболовецких народов.

Традиция устройства медвежьих праздников соблюдается и сейчас. Но прежнее религиозное значение праздника забывается, и он получает новое содержание: это массовое колхозное празднество, с состязаниями, плясками и угощением.

Кроме медвежьего культа, у гиляков существовало поклонение силам природы, связанное с промысловой деятельностью. Очень важным объектом религиозного почитания у гиляков считалась касатка-кашалот, которая играет большую роль в рыболовном хозяйстве гиляков: она служит для них как бы загонщиком рыб и морских животных. Когда появляется касатка, рыбы, тюлени начинают в страхе метаться, и это для гиляков удобный случай их ловить. Поэтому касатка считалась помощницей гиляков и ее чтили как покровителя.

С этим же промысловым культом было связано почитание «горного хозяина» (паль-ызь, паль-нивух), «морского хозяина» (толь-ызь) и других «хозяев» природы.

У гиляков существовало и шаманство. Но чрезвычайно любопытно полное отсутствие связи между шаманством и родовым культом. В противоположность некоторым другим народам у гиляков шаманы не имели никакого отношения к родовому культу. Во время родового праздника медведя шаманы даже не могли камлать. Это считалось бы оскорблением для медведя, так как сам медведь своей силой защищает людей от злых духов. Шаманство у гиляков не получило особого развития. Все исследователи отмечали, что оно как бы отступает на второй план сравнительно с господствующей формой религии гиляков—с культом медведя.

Само по себе шаманство было профессиональным. Облачение гиляцких шаманов сходно с нанайским, орочским и др. Бубен у них такой же формы—легкий узкоободный.

Характерна специфическая форма погребения у гиляков—трупосожжение, типичное и для других палеоазиатов.

Народное творчество. Своеобразны у гиляков формы изобразительного искусства. Как выясняется работами советских этнографов

и искусствоведов (С. В. Иванов, И. П. Лавров), большая часть мотивов орнамента гиляков—по крайней мере в деревянной резьбе—связана с культом медведя, хотя эти мотивы могут быть сильно стилизованы.

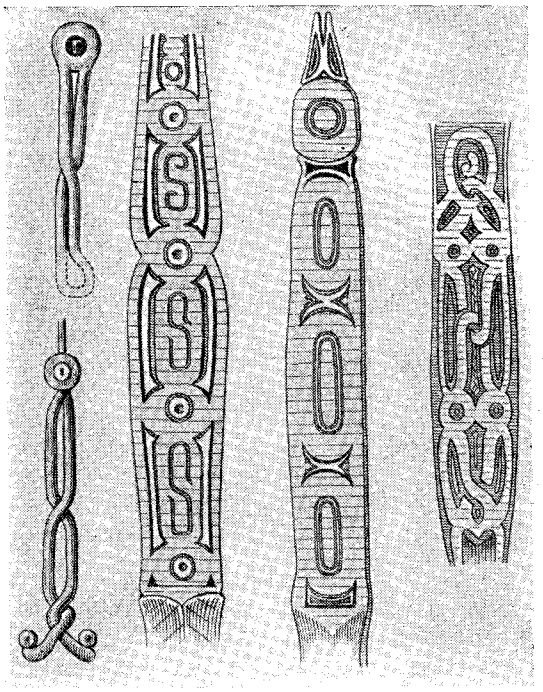
Резные из дерева фигуры медведя являются мемориальными изображениями. Они делаются на ложках и других предметах в память медвежьего праздника. Количество фигур означает число умерщвленных медведей. Далее, отдельные элементы медвежьего ритуала: ремень, на котором водят медведя, кольцо, столб, к которому он привязан,—все это находит отражение в орнаменте. Стилизованные ремни, кольца и т. п. превращаются в своеобразный ленточно-спиральный орнамент, очень характерный для гиляков и других народов Нижнего Амура. Этот орнамент встречается не только на предметах, относящихся к медвежьему культу, но он перенесен и на бытовые предметы и на одежду. Здесь, правда, уже имеется отражение влияния китайско-маньчжурского стиля, но целиком свести этот стиль к влиянию китайцев нельзя: во-первых, можно проследить развитие этого орнамента шаг за шагом из указанных выше элементов; во-вторых, этот орнамент и вообще декоративное искусство развиты более всего на Сахалине, у народов Амура—меньше, а на Сахалине как раз было меньше всего китайского влияния.

Гиляцкий фольклор очень богат. Штернберг, собравший большое количество образцов этого фольклора, распределил его на следующие основные типы:

1) исторический эпос: рассказы и сказания о битвах, о борьбе с соседними народами; это так называемые «кер-аинд», что буквально значит «события делать»;

2) «тыльгунд»: это фантастические рассказы, содержащие в себе элементы мифологии, рассказы о шаманских чудесах и пр.; однако содержание этих рассказов считается вполне реальным; этот вид произведений рассматривается как священные предания, которые нужно передавать абсолютно точно, ничего не прибавляя; рассказываются они в прозе, но особыми рассказчиками;

3) «нястунд»: в противоположность второму типу, это—своеобразные импровизации, требующие особого вдохновения, которое Штернберг сопоставляет с шаманским экстазом. Это рассказы о подвигах героев. Характерно, что эти герои безымянны: герой называется обычно просто «наш гиляк». Здесь сказалась идеология первобытно-общинной эпохи, где личность еще не обособлена от рода,

Мотивы орнамента гиляков

Проблема этногенеза. Гиляки с их изолированным языком и своеобразным архаическим культурным обликом являются, несомненно, потомками древнейшего неолитического населения Нижнего Амура и, может быть, Сахалина. Советские археологи (особенно А. П. Окладников) установили, что уже в эпоху неолита бассейн Амура выделялся своей специфической культурой, отличающейся хотя бы от культуры прибайкальского неолита. И вот, чрезвычайно интересно, что специфические культурные особенности амурского неолита—это в значительной мере те самые особенности, которые до сих пор характеризуют культуру гиляков и их соседей: сюда относятся—преобладание рыболовецкого хозяйства, оседлый образ жизни, землянки, плоскодонная глиняная посуда (у гиляков в недавнее время исчезнувшая) и даже такая характерная деталь, как криволинейный орнамент.

Этот глубоко древний хозяйственно-культурный тип засвидетельствован, таким образом, еще неолитическими памятниками Амура (самый важный из них—неолитическое поселение на о-ве Сучу). Ранние китайские летописи тоже говорят о живших на Нижнем Амуре народах, которые занимались рыболовством и охотой и обитали в землянках. Названия этих народов в китайских источни-

ках—сушень, илоу, мохэ—относятся, видимо, не только к гилякам, но и к их тунгусоязычным соседям. Китайцы, впрочем, мало знали об этой отдаленной для них стране. В более позднее время, в XV в. (Минская эпоха) китайские путешественники сообщают о народе «цзи-ли-ми», живущем на Нижнем Амуре: эти цзи-ли-ми не знали хлеба, ловили рыбу, питались мясом, разводили собак, одевались в шкуры. Дело идет и здесь, очевидно, о гиляках и их соседях.

В условиях относительной изолированности от всяких посторонних влияний гиляцкий народ—остаток древнего аборигенного населения Нижнего Амура и Сахалина—сохранил почти до наших дней свой архаический общественный уклад и своеобразную самобытную культуру.

* * *

Гиляки меньше других народов страдали от колониального гнета царской России, они и познакомились с русскими сравнительно поздно. Только в последние десятилетия XIX века началась эксплуатация гиляков русским купеческим капиталом. Зато от русских поселенцев-крестьян гиляки могли перенять много полезного: знакомство с обработкой земли, лошадь, срубные жилища, предметы одежды. Кое-кто усваивал даже русскую грамоту.

Сейчас, при социалистической реконструкции хозяйства, общественных отношений и культуры прежняя отсталость гиляков быстро изживается. Помимо технического перевооружения промыслового хозяйства, вводятся новые отрасли: полеводство, огородничество, скотоводство. Многие нивхи работают на государственных промыслах. Зажиточность резко возросла. Колхозники и рабочие могут покупать нужные им товары, в том числе предметы культурного обихода. Культурный уровень весьма повысился. Почти все дети обучаются в школах. Есть нивхи, окончившие высшие учебные заведения.

е. ЮКАГИРЫ

Северо-восточные палеоазиатские народы стояли в прошлом на наиболее низкой ступени исторического развития из всех народов Советского Союза. Черты глубокого архаизма сохранились в их быту и культуре до самого недавнего времени. Тем более поразительны успехи, достигнутые этими народами за годы Советской власти.

Один из небольших, но чрезвычайно интересных народов группы северо-восточных палеоазиатов—юкагиры, или одулы. Слово «одул» буквально обозначает сильный или крепкий человек. Название же «юкагиры» взято было русскими, видимо, из тунгусского языка. В настоящее время они очень малочисленны: Иохельсон насчитывал их около тысячи человек, но это вместе со смешанными полутунгусскими группами. По переписи 1926 г. зарегистрировано всего 443 юкагира. Но еще в XVII в. весь северо-восток Сибири от низовьев Лены на западе до Нижнего Анадыря на востоке был занят юкагирами. Русские документы того времени изобилуют сообщениями об юкагирах, с которыми служилым людям приходилось вести долгую борьбу.

Борьба эта тянулась вплоть до начала XVIII в. Она сопровождалась большими жестокостями со стороны казаков. Затем появились эпидемии, особенно оспа, которая стала косить целые роды юкагиров. Уже в конце XVII столетия наметилось резкое сокращение численности юкагирского населения, и это сокращение продолжалось и в более позднее время. В XVIII—XIX вв. к этому прибавились очень тяжелые формы эксплуатации юкагиров торговым капиталом: юкагирских охотников обирали самым беззастенчивым образом русские и якутские торговцы-скупщики. В результате от большого народа, жившего на обширной территории, осталась только маленькая группа.

В настоящее время юкагиры живут в двух местах: на Верхней Колыме, по ее притокам—Коркодону и Ясачной, и в тундре между реками Индигиркой и Колымой. Эта последняя группа очень близка по культуре к ламутам. Юкагиры в XVII в. не представляли собой, по-видимому, единой народности. Это был конгломерат племен и групп, говоривших, вероятно, на родственных диалектах. В документах XVII в. упоминаются: юкагиры Шоромбойского рода, Ходынского рода, Чуванского рода, Анаульского рода, Омокского рода и др. Очевидно, это были отдельные племена.

Хотя в настоящее время сохранилось всего несколько сот юкагиров, тем не менее эта маленькая группа делится по языку на два различных диалекта—верхнеколымский и тундровый, представители которых не могут даже свободно разговаривать друг с другом. Разобщенность их настолько велика, что верхнеколымские юкагиры не считают тундровых юкагиров одулами. По словам Иохель-

Юкагиры

сона, они возмущены были, узнав, что какие-то «тунгусы» в тундре называют себя одулами. Тундровые юкагиры в свою очередь не считают верхнеколымских своими соплеменниками.

Надо отметить, кстати, одну легенду, которая имела хождение в литературе. В некоторых историко-этнографических работах упоминается об исчезнувшем народе «омоках». Исследования Иохельсона показали, что такого народа и не было. Слово «омо» или «омок» по-юкагирски означает род. В документах XVII в. «омоками» называются те же юкагиры,—видимо, одно из юкагирских племен[1].

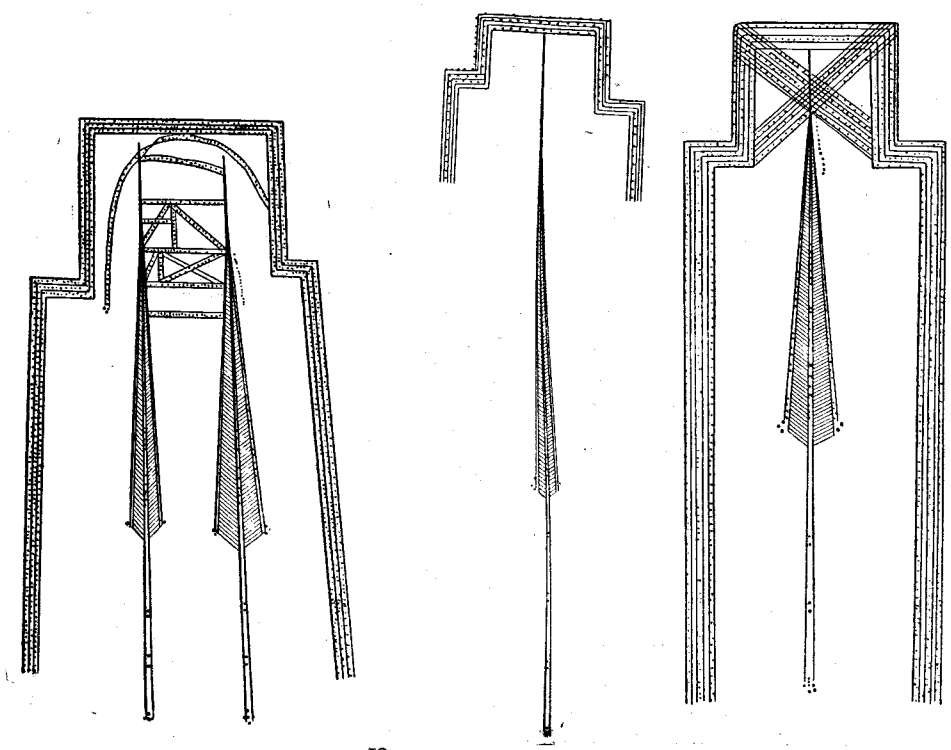
Хозяйство и материальная культура. Основу существования верхнеколымских юкагиров составляют охота и рыболовство. Летом они ловят рыбу, зимой промышляют диких оленей; не имея домашних оленей, они передвигаются по тайге на лыжах. У тундровых юкагиров есть домашние олени.

Так как издавна существовали связи между юкагирами и эвенками, а также чукчами, то это сказалось в значительной культурной общности. В настоящее время материальная культура верхнеколымских юкагиров напоминает в сильной степени эвенкийско-эвенскую, а у тундровых юкагиров чукотскую. Тип жилища, одежды—в основном тунгусский. Там, где есть олени, юкагиры ездят на них верхом, как тунгусы, или запрягают в нарты коряцко-чукотского типа. О самобытных чертах материальной культуры юкагиров сейчас трудно говорить.

Исторические особенности общественного строя. В социальном строе юкагиров сохранялось больше самобытного, хотя тут мы можем основываться только на преданиях, ибо в настоящее время от их старого быта осталось очень мало. Еще в XIX в. у юкагиров существовал патриархальный род с пережитками материнского права. Так, юкагиры—это единственный народ, у которого еще недавно сохранялся матрилокальный брак, т. е. поселение мужа в доме жены. Жених отрабатывал за невесту, помогая в доме будущего тестя по хозяйству, а потом незаметно перебирался туда на житье, без всяких свадебных обрядов. В доме тестя он занимал подчиненное положение. С этим связана сравнительная независимость положения женщины в семье. Далее, у юкагиров есть предание об обычае, который называется «гостеприимным гетеризмом». Возможно, что здесь можно видеть пережиток группового брака. Во главе юкагирских родов стояли старейшины, которых русские в XVII в. именовали «князцами».

На основе смешанного охотничье-рыболовецкого хозяйства, которое господствовало у юкагиров, классовое расслоение у них не могло зайти далеко. Родовой строй

[1] Путешественники Врангель и Литке упоминают еще об исчезнувшем народе «онкилонах». Такого народа тоже не было. В основе предания о них, вероятно, лежит наличие опустевших чукотско-эскимосских приморских селений на побережье Ледовитого океана: «онкилон»—искаженное чукотское «анкалын»—приморский житель.

Юкагирские «тосы»

поэтому держался очень устойчиво. Собственный эксплуататорский слой у юкагиров почти не выделился. Паразитическими элементами были русские и якутские скупщики.

Религиозные пережитки. У юкагиров существовало родовое шаманство. Ни у какого другого народа Сибири эта форма шаманизма не была так резко выражена. Каждый шаман («алма») был жрецом родового культа. Умершие же шаманы сами были объектами культа. После смерти шамана совершался особый обряд. Тело его разрезалось на части, они распределялись и раздавались по отдельным чумам, где хранились в качестве реликвий. Этим останкам приносились жертвы, их считали покровителями семьи.

Наряду с шаманизмом у юкагиров существовал культ промысловых божеств-покровителей, культ «хозяев». У каждого зверя был свой индивидуальный хозяин—«педьюль». Эти «педьюль» рисовались в чисто материальной форме: их находили в форме хрящевистых затвердений под кожей оленя. Они считались «хозяевами» этих оленей, и от их воли зависела удача или неудача охоты.

Помимо индивидуальных «хозяев», существовало представление о «хозяевах» определенных пород животных, растений, деревьев (по-юкагирски «мойе», на тундровом наречии «мору»). Эти видовые «хозяева» в свою очередь подчинялись более крупным божеством, «хозяевам» («погильпе») трех царств животного мира—сухопутной дичи, морских животных и пресноводных рыб.

От этой религии в последнее время оставались лишь следы. Родовое шаманство вместе с разложением родового строя в эпоху общего упадка юкагирской культуры почти совершенно исчезло, уступив место обычному «тунгусскому» типу «профессионального» шаманства. Даже по внешней форме юкагирское шаманство не отличалось от тунгусского. У юкагирских шаманов те же костюмы и бубны, как и у эвенкийских. Теперь же, в связи с общим ростом культуры, нет и профессиональных шаманов.

Пиктографическая письменность. Для характеристики духовной культуры юкагиров очень интересен факт наличия у них пиктографической письменности. Из различных видов пиктографических рисунков наиболее своеобразен один вид, составляющий специальность женщин, особенно девушек: это так называемый «тос». Тос—буквально означает береста, березовая кора. По коре делается известный рисунок, очень условный, но совершенно определенного значения: обычно он связан с любовными отношениями. Высокие фигуры, напоминающие наконечники стрел, представляют собой людей, мужчин и женщин, причем разница между теми и другими по внешнему виду почти незаметна: фигура женщины только несколько шире, чем мужская, и у головы ее (у верхнего конца) имеется пунктирный ряд точек, изображение женской косы. Футляр, в который заключены фигуры,—изображение дома. Соотношение между фигурами, расстояние, форма, связь и атрибуты

выражают общее содержание данного послания, которое имеет обычно лирический оттенок.

Например, правый тос на рисунке обозначает следующее: «Ты уезжаешь, а я останусь одна и буду грустить по тебе». Мужская фигура изображена в недостроенном доме: это значит, что он уедет; около головы женщины проведено большое количество линий, обозначающих грусть и тоску.

Значение левого тоса: «Люблю тебя всеми силами своей души». Здесь фигуры, означающие девушку и парня, соединены многими полосами, частью перекрещивающимися: они символизируют взаимную любовь, объятья и пр.

Изготовление этих тосов представляло собой прежде излюбленное занятие юкагирских девушек.

Другой вид пиктографического письма употреблялся охотниками для передачи сообщений о маршруте кочевки, об успехе охоты и пр.

В настоящее время для юкагирского народа, в прошлом наиболее обездоленного и вымиравшего, сложились совершенно новые условия жизни. Постоянной нищете, голодовкам, торгово-ростовщической эксплуатации пришел конец. Юкагирские охотники и рыболовы объединены в колхозах, сдают государству за выгодную цену пушнину и рыбу, хорошо снабжаются. Дети их учатся в школе, на русском или якутском языках, ибо для этой маленькой народности нет никакого смысла создавать отдельную письменность. Некоторые юкагиры уже получили высшее образование. Общий культурный уровень сильно вырос.

Чуванцы. Чуванцы (700 человек, 1926), видимо, были очень близки к юкагирам и иногда даже к ним причислялись: о «Чуванском роде» юкагиров упоминают документы XVII в. Ныне чуванцы живут в Анадырском районе Чукотского округа и в Пенжинском районе Коряцкого округа. Называют себя «этель». Однако, находясь издавна в окружении более многочисленных народов, они в значительной мере с ними ассимилировались. Значительная часть чуванцев говорит по-русски, другие по-чукотски или по-коряцки.

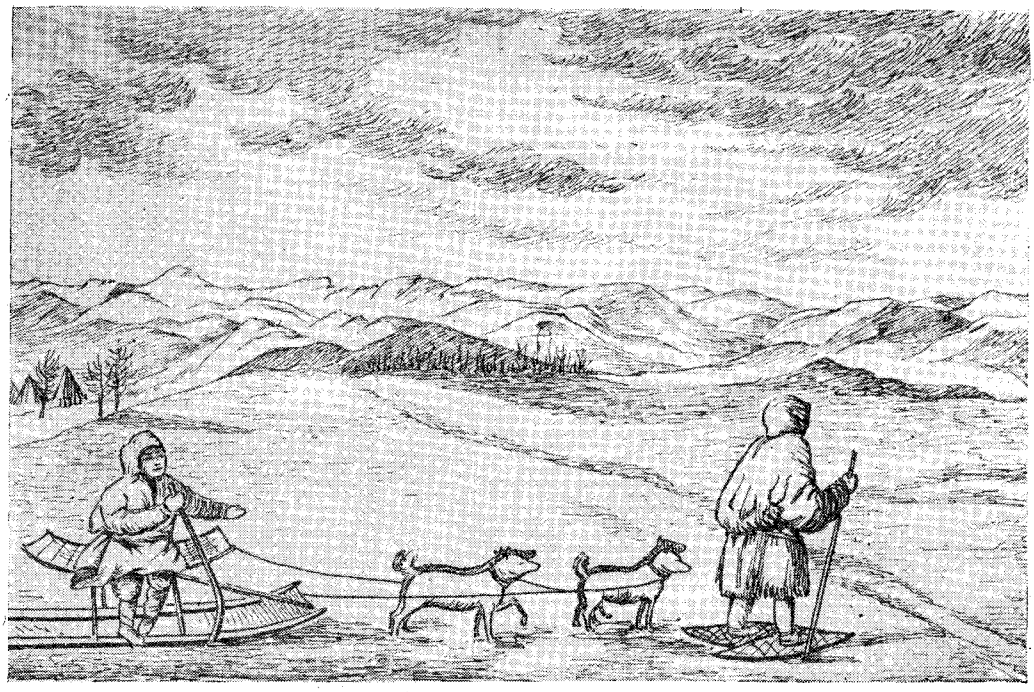
Проблема этногенеза. Вопрос о происхождении юкагиров и чуванцев неясен, тем более, что от самобытной их культуры сохранилось теперь очень мало. Несомненно, что это—потомки древнего неолитического населения Северо-Восточной Азии. В последние годы начали выясняться древние этнические и культурные связи этого населения с народами других областей Сибири. Так, недавними археологическими и этнографическими исследованиями в Якутии (главным образом А. П. Окладникова) обнаружено наличие здесь древнего этнического пласта, который, видимо, был связан с юкагирами. Далее, между коряками и чукчами, с одной стороны, и самоедскими народностями, с другой, тоже намечаются следы древних культурных связей; возможно, что эта связь шла как раз через предков юкагиров, которые могли составлять как бы посредствующее звено. В этой связи можно считать правдоподобным взгляд некоторых современных лингвистов (шведы Коллиндер и Ангере, венгерец Боуда), что в юкагирском языке имеются параллели с угро-финскими языками. Однако проблема нуждается еще в дальнейших исследованиях.

ж. ИТЕЛЬМЕНЫ

Коренное население крайнего северо-востока Сибири составляют три народа: ительмены, коряки и чукчи. И по антропологическому типу и по языку они близки между собой и, видимо, имеют общее происхождение. Однако хозяйственно-культурный облик их неодинаков, здесь налицо три разных типа хозяйства: рыболовство, морская охота и кочевое оленеводство.

Слово «ительмены»—самоназвание этого народа—происходит от глагола «ителахса»—жить, обитать; следовательно, «ительмен»—«житель», «туземец». Русские называли ительменов прежде камчадалами,—видимо, от коряцкого слова «хончало» (коряки называли так своих ближайших соседей, ительменов р. Еловки); отсюда и название «Камчатка». Теперь же «камчадалами» чаще называют русское или обрусевшее население Камчатки.

Русские впервые познакомились с ительменами около 1700 г. Первое краткое, но очень содержательное описание их сделал казачий предводитель Атласов. Участники 2-й Камчатской экспедиции Штеллер и особенно Крашенинников оставили очень обстоятельное описание всех сторон хозяйства и быта ительменов (1737—1740 гг.). Но уже тогда их самобытная культура начала разрушаться, да и численность населения сильно сократилась в результате ожесточенной борьбы с казаками; ительмены поднимали ряд восстаний против казачьих притес-

Собачий транспорт у ительменов (первая половина XVIII в.)

нений и насилий (1707, 1711, 1731, 1741 гг.); восстания жестоко усмирялись. Эпидемические болезни (особенно эпидемия оспы 1768 г.) косили население. Остатки ительменов смешивались с русскими поселенцами, усваивали себе русскую культуру.

В начале XVIII в. ительмены занимали почти всю Камчатку (кроме северной и крайней южной части), особенно побережье и долины рек, и численность их составляла, видимо, несколько десятков тысяч[1]. Ко времени революции осталось всего несколько тысяч ительменов, главным образом по западному берегу. По переписи 1926 г. считалось всего 4 тыс. «камчадалов», из них лишь около 800 человек говорили на ительменском языке, остальные только по-русски.

Самобытный социально-экономический и культурный уклад ительменов давно отошел в прошлое. Но он представляет для нас большой историко-этнографический интерес.

Хозяйство. Основным занятием ительменов было и остается до сих пор рыболовство. Прибрежные воды и реки Камчатки очень богаты рыбой, особенно проходной, которая ежегодно для икрометания поднимается из моря в реки. Это главным образом лососевая рыба: кета, чавыча, горбуша, красная и др. Во время массового хода рыбы ее ловили сетями, били острогой. Пойманную рыбу заготовляли на зиму как главный запас пищи в виде «юколы». Другой старинный способ—заквашивание рыбы в ямах. Кроме того, из рыбы вытапливали жир, накладывая ее в лодки, наливая туда воды и нагревая эту воду при помощи раскаленных камней (так делали и индейцы Северо-Западной Америки, с которыми вообще у ительменов было много общего в культуре).

Сейчас введена новая, усовершенствованная техника лова рыбы, дающая гораздо большую производительность. Наряду со старыми способами консервирования употребляется засол рыбы в бочках и переработка ее на консервных заводах.

В прошлом крупную роль играла и охота. Камчатка богата пушным зверем. Было много соболей, но ительмены не ценили их меха (за отсутствием сбыта), предпочитая со-

[1] Сообщения Влад. Атласова дают сильно преувеличенное представление о численности камчадалов в те годы: по его рассказу, посланный им казак, проплыв по р. Камчатке от ее притока р. Еловки до устья, насчитал на берегах 160 «острожков» (поселений) камчадалов, и в каждом острожке по 150—200 жителей. Если верить этому сообщению, то в одной этой части Камчатки жило 24—32 тысячи человек. Такой высокой плотности населения быть тогда, конечно, не могло.

«Острожек» ительменов (первая половина XVIII в.)

Внутренний вид старинной ительменской зимней юрты (первая половина XVIII в.)

Старинная ительменская женская одежда (первая половина XVIII в.)

бачий мех, а соболей били главным образом на мясо. Существовала и охота на тюленя, которого били гарпуном ради мяса, жира и шкур.

Важной подсобной отраслью хозяйства было собирательство: собирали съедобные растения, сладкую траву и ягоды. Растительная пища служила важным подспорьем. Излюбленное блюдо составляла каша из толченых кореньев, ягод, «сладкой травы» (борщевика, Heracleum dulce), с примесью рыбьей икры, толченой юколы и жира. Вместо опьяняющих напитков употребляли мухомор.

Характерно разделение труда в области добывания и обработки пищи. Рыболовство, так же как и охота, было мужским занятием, но обработка рыбы, пластание ее и заготовление впрок, а также добывание дикорастущих трав, кореньев и пр.,—это были женские занятия. Приготовлением же пищи занимались мужчины.

До прихода русских ительмены пользовались еще каменными и костяными орудиями, хотя умели обрабатывать и железо, которое иногда получали от своих южных соседей—курильцев (айнов). Железо ковали холодным способом.

Для изготовления одежды, обуви употребляли меха и кожи. Кожи дубили отваром из ольховой коры. Умели также изготовлять нити и пряжу из волокон дикорастущей крапивы (Urtica platyphylla), из них плели циновки, корзины, сети. Утварь и посуда были деревянные. Но камчадалы знали и гончарное производство: о нем упоминает Атласов (конец XVII в.); по его сообщению, в глину подмешивали рубленые соболиные хвосты. Но уже к середине XVIII в. этот промысел у ительменов исчез, и ни Крашенинников, ни Штеллер о нем не упоминают. Однако археологические раскопки подтверждают прежнее наличие гончарства у ительменов. Огонь добывался сверлением.

Средствами передвижения служили зимой лыжи—ступательные и скользящие—и сани, запряженные собаками. Способ запряжки—«цервико-скапулярный» (лямка через одно плечо собаки). Собаки запрягались обычно по четыре, парным цугом. Характерен старинный тип нарт—с высоким седловидным сиденьем. Водные средства передвижения (летом)—долбленые лодки, иногда с нашитыми бортами, а у северных ительменов—лодки из кожи морского зверя.

Поселения и постройки. С рыболовецким хозяйством связан был оседлый образ жизни ительменов. Они жили по побережью моря и по долинам рек поселками. Русские называли поселки «острожками», что значит «укрепления», но на самом деле они не были укрепленными, а лишь напоминали небольшие крепости островерхими крышами летних жилищ. Эти летние жилища, «балаганы», строились на сваях, с пирамидальной крышей из жердей. Каждая семья имела свое летнее жилище. Напротив, зимних жилищ было обычно всего по 1—3 на каждый острожек, и в каждом жило по нескольку родственных семей. Зимние жилища были прямоугольными землянками, со стенами из слегка наклоненных стоячих бревен, с бревенчатой крышей. Сверху оставлялось отверстие для выхода дыма от центрального очага, но оно же служило и входом: туда поднимались по бревну с зарубками. Другой, нижний ход служил только для женщин. Снаружи эта зимняя «юрта» имела вид небольшого холмика.

Ительмены—ученики V самодеятельного класса (организован детьми, окончившими начальную школу)

Одежда, оружие. Нижняя одежда у мужчин и женщин различалась. У мужчин это был пояс с коротким кожаным передником или ременной бахромой, а также штаны. У женщин—комбинация из меховых штанов ниже колен и корсажа. Верхняя же одежда была почти одинаковая: это была тяжелая меховая «кухлянка», надевавшаяся через голову, в два слоя: мехом внутрь и мехом наружу. Но женская кухлянка имела хвостовидное удлинение сзади (как у эскимосов).

Старинное оружие—лук, оклеенный берестой, видимо, сложный. Характерен гофрированный панцирь, сшитый из нарезанных ремней и завязывавшийся на правом боку (подобный пластинчатым панцирям у других народов Тихоокеанского круга); были и рогожные панцири.

Таковы были формы хозяйства и материальная культура ительменов при первом их соприкосновении с русскими. Отсталость их объясняется неблагоприятными природными условиями и крайней изолированностью от более культурных народов.

Исторические особенности общественного строя. В общественных отношениях тоже сохранялись архаические формы. Судя по описаниям Атласова, а потом Крашенинникова и Штеллера, у камчадалов господствовал первобытно-общинный родовой строй. Каждая родовая группа жила в особом острожке, владела рыболовными и охотничьими угодьями. Сохранялись черты матриархата. Штеллер сообщает о необычайно высоком уважении к женщинам. Он объясняет это тем, что ительмены очень любят своих жен и потому делаются добровольно «слугами и рабами» их. Такое объяснение характерно для ученого той эпохи. Супруги поселялись в прежнее время в родственной группе жены (матрилокальный брак), но к 30-м годам XVIII в. уже распространился обычай поселения в родственной группе мужа (патрилокальный брак). Очень интересен обычай «перемены пола»: были так называемые «коекчучи»—мужчины, которые усваивали себе на всю жизнь образ жизни женщин, носили женскую одежду, выполняли женские работы. Аналогичные обычаи известны у североамериканских индейцев и связаны с чертами матриархата.

Постоянной организации власти не было. Но во время войн, которые были часты, опытные и храбрые воины пользовались авторитетом и почетом. По сообщению Краше-

нинникова, захваченных во время войны пленных подвергали мучительной смерти (как американские индейцы). Но тот же автор сообщает и об обычае обращать пленных в рабство, а женщин—в наложниц. В этих противоречивых сообщениях отражается, видимо, переходное состояние общественного строя.

Обмен был слабо развит, принимая форму обрядового обмена подарками. Но с соседними коряками ительмены вели торги, давая им соболей, лисиц, собачьи меха, мухоморы, а от них получая оленьи меха и кожи.

Таким образом, перед нами картина начальной стадии разложения первобытно-общинного строя, которую застали среди ительменов первые русские.

Духовная культура. Низкому уровню развития производительных сил и общественного строя ительменов отвечали и примитивные формы их духовной культуры, в частности религиозные верования. Шаманство выступало здесь в своей начальной стадии.

Шаманские обряды мог совершать каждый. По сообщению С. П. Крашенинникова, это делали обычно старые женщины, а также коекучи. Обряды были очень несложны: бубнов, шаманских костюмов не было. Вопрос о существовании особых специалистов-шаманов неясен.

Отдельно от шаманства был промысловый культ: периодически устраивались праздники и церемонии для обеспечения успеха рыболовства и охоты. Верили в лесных, горных, морских духов. Было мифологическое представление о создателе мира «Кутху»,— но он не только не пользовался почитанием, но над ним смеялись, называли его дураком (ибо он очень плохо устроил землю) и рассказывали о нем смешные и непристойные истории. Это—один из интересных примеров, опровергающих теорию «первобытного монотеизма» патера Вильг. Шмидта и показывающих, что мифологические представления о создателе мира имели вначале мало общего с «идеей бога».

В погребальных обрядах тоже сохранялись чрезвычайно архаические традиции. Умершему обвязывали шею ремнем, вытаскивали его из юрты и бросали на съедение собакам; верили, что в таком случае умерший будет на том свете ездить на хороших собаках. Детей же хоронили в дуплах деревьев.

В настоящее время от старых верований ительменов ничего не осталось, ибо еще в XVIII в. они были обращены в христианство.

Образцов народного творчества ительменов сохранилось мало. Судя по описаниям и нотным записям Крашенинникова, их песни были мелодически просты, но приятны на слух. Излюбленным развлечением были пляски, мужские, женские и совместные. Традиционный фольклор, к сожалению, в настоящее время почти не сохранился.

Старая самобытная культура ительменов стала быстро исчезать в результате соприкосновения с русскими. Когда полоса восстаний и войн кончилась, оставшееся коренное население начало охотно перенимать русскую культуру и смешиваться с русскими поселенцами. Уже в XIX в. от прежнего культурного уклада ничего не осталось. Но жизнь ительменского народа при царской власти была бедственна.

После Октябрьской революции и ликвидации гражданской войны на Камчатке там началось быстрое возрождение экономики и культуры. Сейчас ительмены преодолели свою вековую отсталость. В быту ительменов—колхозников и рабочих (на консервных, лесопильных и других заводах)—развиваются те же черты социалистического строя, как и у других народов Союза. Почти исчезла неграмотность. Дети обучаются в школах на русском языке, который понимают все ительмены. Нарождается и своя интеллигенция.

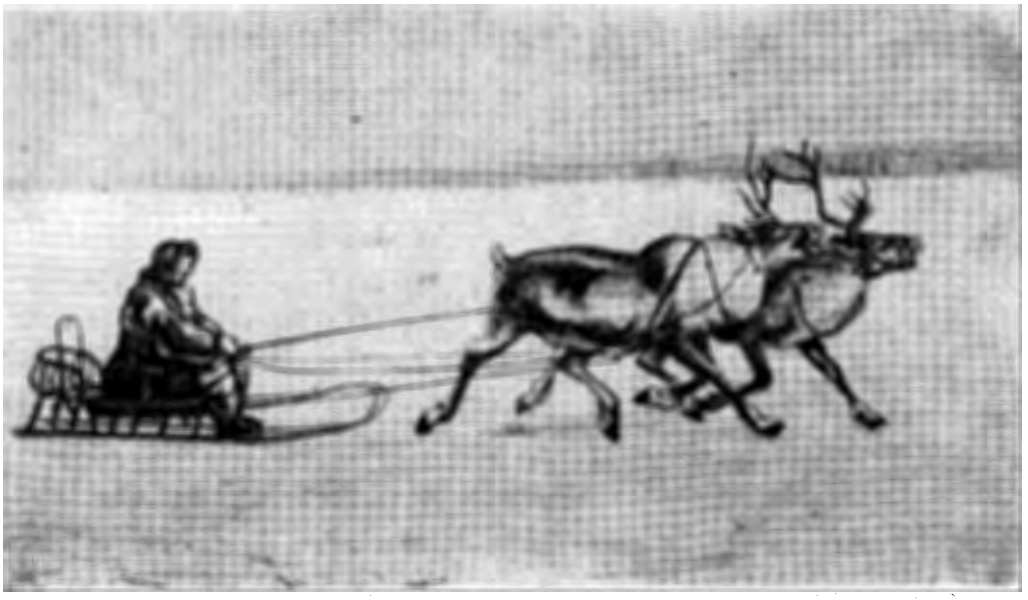
3. ЧУКЧИ И КОРЯКИ

К северу от ительменов живут коряки, еще севернее—чукчи. Эти два народа очень близки между собой по самобытному социально-экономическому укладу и культуре, родственны и по языку, и их можно рассматривать вместе.

Историческая судьба этих народов сложилась иначе, чем судьба ительменов. Хотя русские познакомились с чукчами и коряками раньше, чем с ительменами (еще в 1640-х годах), но они оказывали упорное сопротивление казакам и до середины XVIII в. оставались независимыми. Чукчи и позже продолжали считаться «не совершенно зависящими от правительства», ясака они не платили, и русские поддерживали с ними только торговые сношения.

Этнографические сведения о коряках и чукчах имеются у путешественников XVIII и 1-й половины XIX в., но подробные и обстоятельные описания их появились только в самом конце XIX и в начале XX в. (Богораз о чукчах, Иохельсон о коряках). Сейчас есть много новых советских исследований (Архинчеев, Вдовин, Дебец, Бауэрман, Билибин, Орлова, Терлецкий, Окладников, Долгих и др.)

В отличие от ительменов, самобытный хозяйственно-культурный уклад у чукчей и коряков сохранялся почти целиком до недавних лет, частью сохраняется и теперь.

Чукотская оленья упряжка

Корякская оленья упряжка

Чукчи—коренное население Чукотского национального округа—насчитывают около 13,8 тыс. человек. Коряки—коренное население Корякского национального округа—около 7,3 тысяч человек.

Каждый из этих двух народов делится на две части, весьма различающиеся друг от друга по хозяйственно-культурному облику: кочевые (оленные) и «сидячие» (береговые, оседлые) чукчи и коряки. Кочевые коряки стоят ближе по культуре к кочевым чукчам, а оседлые коряки—к оседлым чукчам.

Оседлые коряки называют сами себя «нымыллан» (это слово неправильно считали за самоназвание всех коряков). Кочевые чукчи и коряки называют себя одинаково «чаучу»,

Корякская женщина удит рыбу у проруби

Корякская собачья упряжка

откуда наше «чукчи». У чукчей есть еще самоназвание «ораветлан» (или «луораветлан»), но его знают не все чукчи.

Корякский язык делится на 9 диалектов: один—для всех кочевых коряков (а их было подавляющее большинство по численности), и 8 местных диалектов у оседлых коряков, где сохранились следы племенных делений (например, кереки, алюторцы). Чукотский язык на диалекты не делится, но в нем заметно различаются мужское и женское произношение: женский говор—«цокающий».

Хозяйство. У кочевых коряков и чукчей главное занятие—оленеводство. Оно и было и есть—крупных размеров, тундрового «промышленного» типа. В прошлом владелец

менее чем 100 голов оленей считался бедняком и обычно не мог вести самостоятельное хозяйство. Богачи владели тысячами, иногда десятками тысяч голов оленей. Теперь тысячи и десятки тысяч голов оленей принадлежат колхозам; в индивидуальном пользовании отдельных колхозников оставляется от 100 до 200 (по разным районам) голов оленей на одно хозяйство.

Со своими стадами оленеводы кочуют весь год, уходя в летнее время в глубь гористой тундры, а осенью спускаясь ближе к побережью или в долины рек. Пастьба оленя—трудное занятие: надо знать хорошо пастбища; надо оберегать оленей зимой от волков, летом от комаров. Весной происходит отел оленей, и приходится ухаживать за стельными самками, за новорожденными телятами. Осенью—массовый убой оленей на зиму, на мясо и шкуры. Оленье мясо—главное питание. Оленьи шкуры идут на изготовление одежды, утвари, на покрытие жилища.

Ездят на оленях, запрягая их в нарты (северо-восточного «дуго-копыльного» типа), обычно по 2 оленя. Сидят на нарте и управляют справа, ременной возжей и длинным прутом.

Другой способ передвижения зимой—лыжи. Существуют и лыжи-ракетки и скользящие лыжи.

У береговых чукчей и у части береговых коряков главное занятие—охота на морского зверя. Бьют моржа, сивуча, лахтака, белуху, нерпу, иногда кита. Зимой убивают морского зверя, подкарауливая его у дыхательного отверстия, гарпуном. Весной бьют на льду. Летом—с байдары или каяка, гарпуном, снабженным плавательным пузырем. Теперь употребляют ружья, моторные суда.

Мясо и жир морского зверя идут в пищу, жир служит и для отопления и освещения. Кожа идет на поделки, на обувь, на ремни.

У большей части береговых коряков главное занятие составляет рыболовство.

В береговом хозяйстве крупную роль играют собаки, на которых ездят. По количеству собак прежде определяли зажиточность хозяйства: кто имел менее 10 собак (менее 1 упряжки), считался бедняком, 10—20 собак—середняком, более 20 собак—богачом.

Собачья упряжка—парным цугом. Прикрепление шлеи на собаке—«дорсальное», сходное с нашей конской упряжью: это наиболее совершенный способ.

У оленных чукчей и коряков собак нет. Собака здесь—враг оленя. Только в самые последние годы делаются удачные опыты введения пастушеской собаки (в совхозах, а частью и в колхозах); этим облегчается работа пастуха.

Внутренний вид старинной корякской землянки

Сухопутная охота не имела существенного значения ни для той, ни для другой группы. Но в советские годы стала развиваться охота на песца, а на Камчатке (коряки)—на соболя.

Растительная пища добывается собиранием диких кореньев, ягод. Это—работа женщин.

Между береговыми и кочевыми группами коряков и чукчей издавна установился регулярный обмен. Береговые жители нуждаются в оленьем мясе и мехе, а кочевые—в кожах морского зверя для обуви и ремней, в жире для ламп. Однако обмен сохранил архаические формы—обмен «подарками», и понятие меновой стоимости, эквивалента совершенно отсутствует. Был и более широкий обмен. Среди «носовых чукчей» выделялись в прошлом посредники в торговле между населением тундры и эскимосами Аляски. Эти «поворотчики» («кавралин»), единственные из всех береговых, имели оленей.

Техника у чукчей и коряков оставалась до недавнего времени примитивной. Некоторые орудия делались из кости и камня,

Старинная корякская землянка: вид снаружи

Яранга кочевых чукчей

Коряки в национальной одежде

хотя железо известно издавна, и у коряков (на р. Парени) были и свои кузнецы. Большая часть посуды, утвари делается из шкур меха. Развито плетение корзин (особенно у коряков); техника плетения—спиральными валиками (как у северо-западных индейцев). Сохранились следы самобытного гончарства (глиняные жировые лампы у чукчей).

Жилища. У береговых коряков до недавнего времени сохранялись подземные жилища своеобразного вида, генетически связанного с древними ительменскими землянками. Подобно им, они сооружались из стоячих бревен, но имели восьмиугольную форму. Дымовое отверстие служило ходом в зимнее время. Над ним строилось особое воронкообразное расширение, предохраняющее от снежных заносов. Другой, нижний вход служил только в летнее время (он соответствует входу для женщин в старой ительменской юрте). У чукчей подземных домов уже давно нет, но на побережье встречаются развалины старых землянок, местами—из челюстей и ребер кита; их иногда приписывают древним эскимосам.

У чукчей и кочевых коряков господствует иная форма жилища, кочевая. Это переносное, на решетчатой основе, жилище, очень большое, круглого плана, яранга (у коряков яянга). Основу ее составляют три большие шеста (3,5—5 м длины), которые ставятся треножником со связанными вместе концами. Вокруг втыкают в землю короткие (до 1,5 м) палки, связывая их верхние концы

Старинное вооружение чукотского воина

ремнями: они поддерживают горизонтальные жерди, к которым привязывают нижние концы длинных шестов, а верхние их концы упирают в верхушку треножника. Таким образом, низ яранги имеет вид слегка скошенного цилиндра, а верх—неправильного конуса. Получающийся каркас жилища покрывается оленьими шкурами. Но внутри этого большого сооружения все же холодно; поэтому внутри у задней стены пристраивается полог—своего рода ящик из шкур на деревянном остове, наглухо закрытый. Сидящие внутри нагревают воздух собственной теплотой и жировой лампой (она делается из камня, глины, позвонка кита, теперь чаще из железной сковородки); там становится настолько тепло, что люди сидят полуобнаженными, а для вентиляции время от времени поднимают мех полога.

У береговых чукчей есть и утепленная яранга, обложенная снаружи дерном.

В годы колхозного строя началось постепенное—сперва на побережье—вытеснение яранг домами современного типа. Так как леса на Чукотке нет, то туда приходится привозить разборные дома с юга, морем. Многие колхозники, оставаясь пока жить в ярангах, обставляют их однако по-новому, заводят железные кровати, столы, табуреты, вставляют оконные стекла, прорезая меховую покрышку полога и наружного шатра. Покупается городская утварь, посуда.

Одежда, оружие. Одежда делается из оленьего меха. Она глухого покроя. Нижняя одежда—меховая рубаха и штаны, мехом внутрь, верхняя—короткая «кухлянка», мехом наружу, с капюшоном или без него, и штаны мехом наружу. Одежда женщин—меховая комбинация со штанами. У коряков кухлянка несколько длиннее и с орнаментированной полосой внизу.

Обувь—обычно низкие (у женщин высокие) сапоги из «камысов» (шкура с оленьих ног) с подошвой из твердой кожи морского зверя.

В последнее время все более входит в употребление белье и одежда из покупных материй, ее надевают под свою меховую одежду.

В прошлом оружием служило копье и сложный лук. Интересен пластинчатый панцирь—из железных пластин, в более древнее время из кожаных ремней или костяных пластинок, с особым щитком сзади и с боков и с таким же шлемом—тип, характерный для многих народов Тихого океана.

Исторические особенности социального строя. При изучении прежнего социального строя чукчей и коряков исследователи обычно обращают внимание на своеобразный факт: отсутствие у этих народов признаков родовой организации. На этом основании Богораз даже предполагал, что чукчи и коряки еще не дошли в своем историческом развитии до родового строя; но такой взгляд, конечно, совершенно неправдоподобен. У коряков, правда, были известны «роды», но это были чисто административные единицы, созданные по «Уставу» 1822 г.

Более глубокое изучение показывает, что у чукчей и коряков сохранились следы прежней материнско-родовой организации (какая была еще в XVIII в. у ительменов). Она, видимо, разложилась при переселении чукчей и коряков (как и эскимосов) на Север, при переходе к новым формам хозяйства—оленеводству и охоте на морского зверя. Патриархальная же родовая организация не сложилась. У чукчей образовалась вместо этого своеобразная социальная группа—«варат». Варат—это совокупность не-

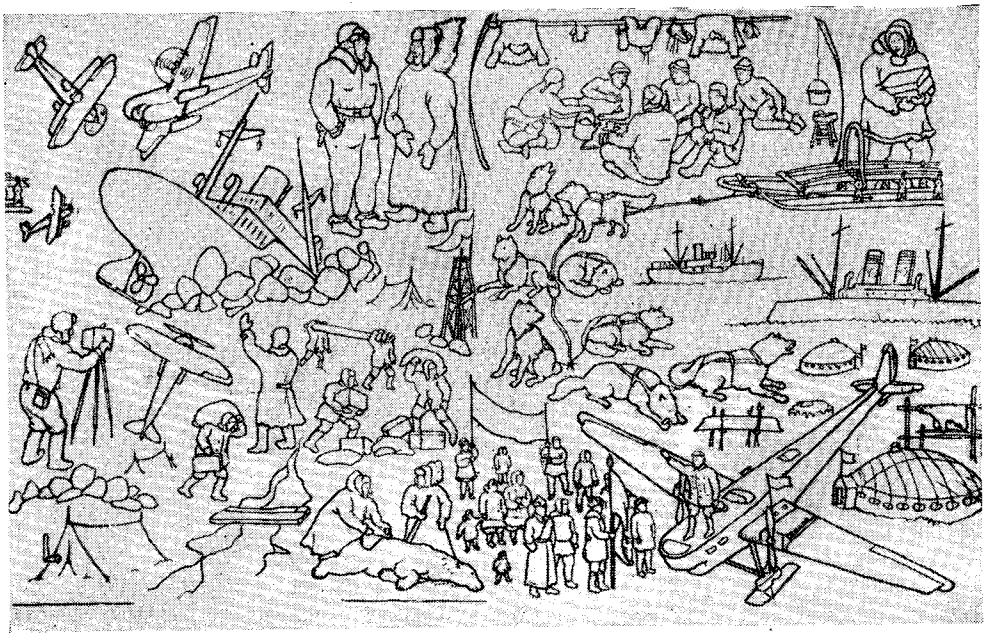
скольких родственных семей; от настоящего рода варат отличается, во-первых, двусторонним счетом родства (при родовой организации он всегда односторонний), во-вторых, непостоянством состава, отсутствием резкой грани между отдельными варатами. Вероятно, варат представляет собой исторически переходную группу между материнским и отцовским родом.

Следы архаических форм сохранялись и в брачно-семейных отношениях. Господствующая форма заключения брака—обязательная отработка жениха за невесту в доме будущего тестя; обычно он служит пастухом. Это, вероятно, пережиток матрилокального брака. В прошлом у чукчей отмечались черты группового брака: обычай «нев-тумгыт» («товарищи по жене»). Вплоть до первых лет Советской власти удерживался обычай «добровольной смерти»: старики и старухи, одряхлевшие и утомленные жизнью, сами требовали, чтобы их умертвили, и кто-нибудь из ближайших родных, обычно сын, должен был исполнить последнюю волю отца или матери. Обычай этот был порожден суровыми условиями жизни в прошлом.

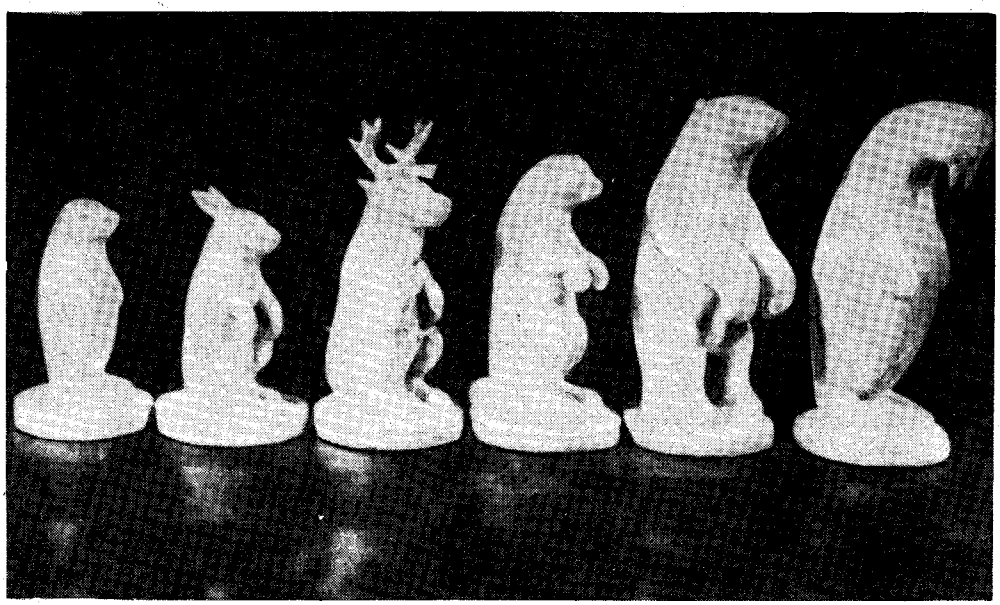
Остатки первобытно-общинных форм держались до недавнего времени и в производственных отношениях. У береговых чукчей и коряков существовала «байдарная артель»,—группа охотников промышляла на одной байдаре; но среди артели намечалось уже расслоение: хозяин байдары пользовался преимуществом при разделе добычи. Когда в XIX в. завязалась торговля с американцами, появились вельботы,—их хозяева стали эксплуатировать в свою пользу труд помощников, членов артели. Среди кочевого населения классовое расслоение сказывалось гораздо резче: были богачи, владевшие тысячными стадами оленей, и были несамостоятельные малооленные и безоленные хозяева. Богачи эксплуатировали их труд, или нанимая пастухов, или под видом родственной взаимопомощи, или в форме совместного кочевания (скрытая форма эксплуатации).

Формально признанной и принудительной общественной власти чукчи и коряки не знали. Царское правительство безуспешно старалось создать такую власть в среде самого населения, чтобы на нее опереться. Но фактически владельцы вельботов среди береговых, а особенно крупные оленеводы среди кочевых чукчей и коряков располагали большим общественным влиянием. В первые годы Советской власти они всячески сопротивлялись ее мероприятиям.

Могущество этих крупных хозяев, а также купцов—посредников и агентов американских торговых фирм было сломлено только сплошной коллективизацией населения (в основном 1938—1939), которая положила конец и всяким видам эксплуатации.

Резьба на кости чукотского мастера: сцена из «Челюскинской эпопеи»

Костяные шахматы в виде фигур животных (слева направо): нерпа (пешка), заяц (слон), олень (конь), песец (ладья), белый медведь (ферзь), морж (король)

Религиозные пережитки. Старые верования чукчей и коряков сохранились ибо миссионерская проповедь не имела у них успеха.

До недавнего времени существовало шаманство. Оно имело более развитый вид, чем у ительменов. Были шаманы-специалисты, мужчины и женщины; особенно сильными считались (у чукчей) шаманы «превращенного пола». Но шаманы не выделялись резко из среды населения. Особого шаманского костюма не было. Чукотский шаман камлал обычно без всякой одежды, полуобнаженный, сидя неподвижно внутри полога. Чукотский шаманский бубен (как и эскимосский) в форме ракетки, корякский—овальный, узкоободный. С шаманством связана вера в многочисленных злых духов (келет у чукчей, калау у коряков), пожирателей человеческих душ. Верили, что шаман может с ними бороться, принося им кровавые жертвы. Из жертвоприношений самые дорогостоящие и разорительные были (у берегового населения) собаки. Принеся в жертву духам своих собак по требованию шамана, человек становился бедняком. Но помимо шаманских обрядов, теперь уже почти оставленных, каждая семья исполняет периодически свои семейные обряды, с употреблением такого же точно бубна, и вообще сходные с шаманскими. У каждой семьи имеются свои священные «охранители»—амулеты, человеческие фигурки, деревянное огниво. Огонь жировой лампы считается семейной святыней, на него нельзя ставить предметы, находившиеся в соприкосновении прежде с огнем другого дома. Многие семейные обряды тесно связаны с оленеводством или с морским промыслом. Они адресуются к особым духам—покровителям промыслов. Из промысловых религиозно-магических обрядов у приморских чукчей главным считается «праздник Кереткуна», устраиваемый ежегодно в начале зимы в честь Кереткуна—«хозяина» моря и морских зверей. В мифологии крупную роль играет образ культурного героя—«Большого Ворона» (как у северо-западных индейцев).

Художественное творчество и культурное развитие. В фольклоре чукчей, хорошо изученном Богоразом, различаются 3 вида эпических произведений: 1) мифологические рассказы о начале мира и о культурных героях; 2) рассказы о шаманах и их чудесах; 3) исторические повествования о войнах с коряками, ламутами и эскимосами, и более новые—с русскими. Из других жанров фольклора известны скороговорки—один из видов состязаний. Зато почти нет пословиц и поговорок и совершенно нет загадок. У коряков самобытный фольклор вообще менее сохранился или, вернее, менее изучен и почти неопубликован.

В изобразительном искусстве у береговых чукчей и коряков очень развита резьба из моржового клыка. Реалистические фигурки людей и животных, иногда целые композиции—чрезвычайно художественны и не связаны ни с какими религиозно-магическими представлениями (напротив, магические амулеты грубы, примитивны и абсолютно не художественны). Подобное искусство известно еще у эскимосов и алеутов, у других же народов Севера его нет. В настоящее время для костерезного промысла открылись новые широкие возможности развития, резчики объединены в артели, часть процессов механизирована, изделиям обеспечен неограниченный и выгодный сбыт; вводится более разнообразная тематика.

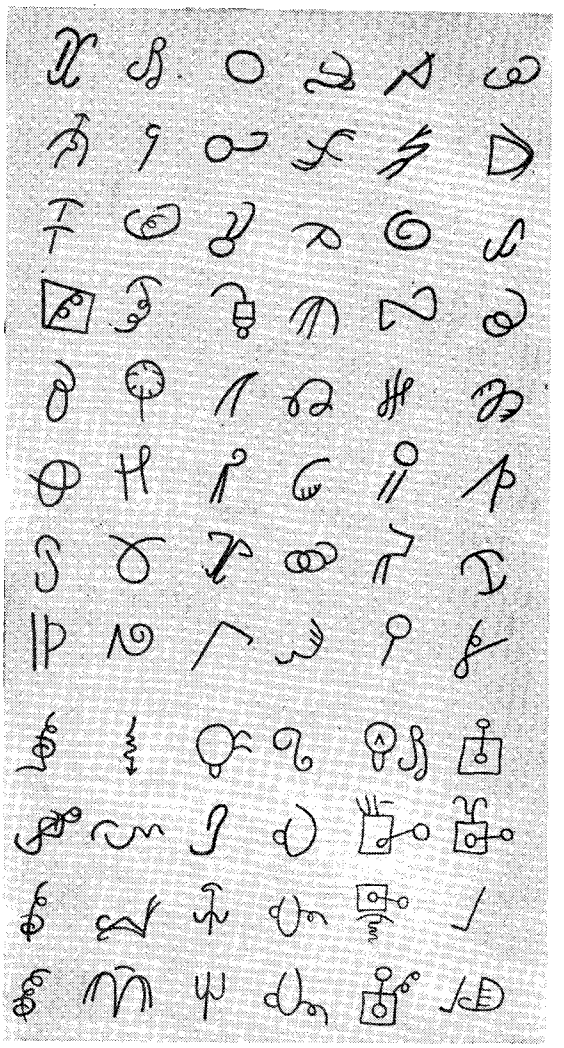
Корякский ковер из кусочков оленьего меха

У кочевых коряков и частью чукчей интересно искусство мозаики и аппликации из разноцветных кусочков оленьего меха. Излюбленные мотивы орнамента—шахматный, квадратный, ромбический. Сходный орнамент встречается на плетеных корзинах.

Очень развиты разные физические соревнования и игры: бег на лыжах, на оленях, борьба и пр.

Чукчи и коряки до революции меньше терпели от царского колониального гнета, чем другие народы Сибири. Чукчи извлекали выгоду из торговли с русскими. Территория их расселения расширилась за XVIII—XIX вв. на запад до Колымы. Но в культурном отношении эти народы принадлежали к числу самых отсталых. Грамотных совершенно не было. Суеверное население верило шаманам. Октябрьская революция дала огромный толчок культурному развитию и этих народов.

Сейчас у них имеются свои школы, где дети обучаются на родном языке. Как переходная форма, одно время существовали кочевые школы. К 1951 г. в чукотском нац. округе работало 84 начальных и средних школы, в Корякском нац. округе—97. Создана письменность. Интересна сделанная еще в первые годы Советской власти попытка одного чукотского пастуха создать свою особую письменность. Этот пастух, по имени Теневиль, изобрел особую систему иероглифического письма и пользовался ею для счетоводства в оленеводческом совхозе, где он работал, и для

Иероглифы Теневиля

переписки с родными. Этот факт заслуживает внимания в связи с общим вопросом о происхождении иероглифической системы письма. Иероглифический архив Теневиля сейчас изучается советскими учеными.

В настоящее время уже есть чукчи и коряки, получившие высшее образование (в Хабаровске, в Ленинграде). Развернута сеть медицинских учреждений. Понемногу меняется и домашний быт: в обиход входит радио, книги, музыкальные инструменты.

Имеется уже своя небольшая литература. Особенно интересно творчество чукотского национального писателя Рытхэу, произведения которого, рисующие новый социалистический быт чукотского народа, переведены и на русский язык.

Эскимосы в национальной одежде

и. ЭСКИМОСЫ И АЛЕУТЫ

Эскимосы и алеуты—два народа, близко родственные по культуре народам группы северо-восточных палеоазиатов. Но они лишь небольшими частями своими живут на территории СССР, основная масса их находится в пределах Америки. Поэтому здесь о них будет сказано лишь коротко.

Область расселения эскимосов в целом—Арктическое побережье Америки, которое они занимают на всем его огромном протяжении—от Гренландии до Аляски. В СССР эскимосы населяют лишь несколько поселков на берегу Чукотского носа, а также о-ва Диомида и с недавнего времени (с 1926 г.) о-в Врангеля. Общая численность эскимосов (в Гренландии, Канаде и Аляске) составляет около 49 тыс., советские же (азиатские) эскимосы насчитывают не более 1200 человек. Самоназвание—«югыт».

Язык эскимосов занимает обособленное положение среди языков Америки. Он полисинтетический, но отличается широко применяемым принципом суффиксации. Несмотря на огромность территории расселения эскимосов—от Гренландии до Чукотского носа,—язык их один, и хотя делится на диалекты, но друг для друга они понятны. Эскимосские диалекты делятся на две группы: западные (сибирский и юго-западной Аляски) и восточные (все остальные); границей между обеими группами служит залив Нортон.

По типу хозяйства и материальной культуре азиатские эскимосы очень сходны с береговыми чукчами—своими соседями. Они такие же морские охотники: их орудия промысла, тип жилища, утварь, одежда в основном такие же, как у чукчей. В их общественном быту обнаруживаются, как у чукчей, следы прежнего материнского рода. Это же самое можно сказать о верованиях и духовной культуре. Сейчас они имеют свою письменность и национальную школу.

Алеуты, подобно эскимосам, представлены на территории СССР лишь небольшой частью своей общей численности. Но их и вообще гораздо меньше, чем эскимосов. На Аляске и Алеутских островах (основная область расселения этого народа в прошлом) алеутов всего насчитывается теперь около 5,5 тыс. В СССР они живут на Командорских островах (Беринга и Медном), вблизи Камчатки, но поселены там только около 1825 г. (Российско-Американской компанией)—до этого оба островка были необитаемы; численность алеутов там составляет около 350 человек. Самоназвание алеутов «унанган». По языку они близки к эскимосам, но антропологически от них отличаются.

В прошлом алеуты, открытые впервые русскими мореплавателями и подробно описанные русскими исследователями (Шелиховым, Вениаминовым и др.), были по преимуществу морскими охотниками; меньшее значение для них имела охота на птиц и рыболовство. Когда Алеутские острова стали владением Российско-Американской компании (с 1800 г.), алеутов стали принуждать промышлять морских бобров (выдр) и песцов. Тяжесть принудительного труда и жестокий гнет вызвали резкое сокращение численности алеутов. Положение их под властью американского империализма и сейчас очень тяжелое. Но советские алеуты на Командорских островах живут ныне в совершенно иных условиях. Они все работники зверосовхоза и островного хозяйства, живут зажиточной и культурной жизнью (поголовная грамотность).

к. ЭТНОГЕНЕЗ ПАЛЕОАЗИАТСКИХ НАРОДОВ

Сделаем несколько заключительных замечаний относительно палеоазиатской группы народов.

Конечно, языковые группировки не совпадают с распределением народов по культурному или хозяйственному признаку. Однако очень знаменательно, что те народы, которые по языку не входят ни в тунгусскую, ни в тюркскую, ни в монгольскую, ни в угро-финскую языковые группы и стоят в этом отношении особняком, обнаруживают в своей культуре наибольшее количество архаических черт, свойственных неолитической стадии, которую можно условно назвать палеоазиатской культурной стадией. Этим оправдывается термин «палеоазиаты» и в лингвистическом и в культурно-историческом смысле.

Остается, видимо, вполне правильным тот взгляд, высказанный еще Шренком, что палеоазиатские народы представляют собой наиболее сохранившийся остаток одной из древнейших стадий культурного развития всей Сибири. Этот взгляд широко развит и обоснован советскими исследователями В. Г. Богоразом, А. М. Золотаревым, Г. М. Василевич и др. У палеоазиатских народов обнаруживаются наиболее заметные переживания неолитической культурной стадии, хотя отдельные элементы этих традиций прослеживаются, как мы уже видели, в культуре и других народов Сибири.

Однако, представляя собой потомков древнейшего населения Северной Азии, палеоазиаты отнюдь не могут рассматриваться как единое этническое целое. Напротив, этногонические процессы в разных частях Сибири шли, как мы уже видели, по-разному. Проблема происхождения палеоазиатов распадается поэтому на целый ряд совершенно различных вопросов, касающихся отдельных народов. Исследование этих вопросов еще далеко не закончено.

Специально по вопросу о происхождении северо-восточной группы палеоазиатских народов в последнее время советскими учеными сделано многое, хотя проблема остается все еще не до конца исследованной.

Не подлежит сомнению, что описанная группа народов—потомки древнейшего населения Северо-восточной Азии, которое появилось там в раннем неолите (возможно даже и раньше), в процессе постепенного расселения вдоль морского побережья. В ту эпоху человек впервые проник и в Америку. До сих пор сохранилось очень много общих черт в антропологическом типе и в языках между северо-восточными палеоазиатами, эскимосами и индейцами Северо-Западной Америки.

Была выдвинута даже теория (Иохельсон, 1900-е гг.), будто северо-восточные палеоазиаты—потомки «обратных переселенцев» из Америки. Их называли иногда «американоидными» народами. Но эта теория противоречит фактическим данным и никем не принята.

Советскими учеными опровергнута и теория «эскимосского клина»—того же Иохельсона. По этой теории, эскимосы и алеуты представляют собой позднейшую волну переселения, которая якобы врезалась клином между народами Северо-восточной Азии и Северо-западной Америки (они составляли прежде будто бы одно целое по антропологическому типу, языку и культуре) и отделила их друг от друга. Факты, однако, показывают (Дебец), что эскимосский антропологический тип не стоит обособленно среди типов соседних народов, что он скорее составляет переходную форму между азиатскими и американскими типами. Языковые отношения в этом смысле еще недостаточно изучены. По хозяйственно-культурному же облику эскимосы ничем не отличаются от приморских чукчей.

Наиболее правдоподобно мнение, что эскимосы расселились по северному побережью Америки сравнительно поздно. Основной очаг формирования их культуры—Берингов пролив, где найдены древнейшие археологические памятники (Уэлено-оквикская, Древне-Беринговморская, Пунукская культуры). Постепенно распространяясь на восток, эскимосы дошли до Гренландии лишь около 1000 года н. э. Происхождение алеутов — менее ясный вопрос. Это, видимо, смешанное население, но как, когда, с какой стороны оно проникло на Алеутские острова, где сложилась своеобразная культура алеутов,—остается невыясненным. Возможно, что и антропологические особенности их развились, подобно культурному типу, уже на месте, на островах, в условиях относительной изолированности.

Наконец, ительмены, коряки и чукчи составляют одну группу, имеющую, несомненно, общее происхождение. Ительмены сохранили до XVIII в., когда с ними познакомились русские, наиболее архаический уклад хозяйства и быта. Предки же коряков и чукчей, отделившись от предков ительменов и постепенно расселившись на Север, перешли к охоте на дикого оленя и к кочевому образу жизни. Исследованиями И. С. Вдовина, Б. О. Долгих, М. Г. Левина устанавливается, что вплоть до XVII в. господствующим занятием чукчей

и коряков (как и юкагиров) была охота на дикого оленя; у них были и домашние олени, но в небольшом количестве, видимо, только ездовые. В середине XVII в., когда на Чукотку пришли русские, чукчи занимали сравнительно ограниченную область тундры от Чаунской губы до Анадыря. Коряки кочевали южнее. Побережье Чукотского полуострова было заселено почти сплошь эскимосами. Но постоянные сношения эскимосов с чукчами, обмен, взаимные браки привели к тому, что селения береговых эскимосов мало-помалу очукотились: так и образовалась теперешняя группа береговых чукчей. Чисто эскимосских селений осталось немного. Крупнотабунное оленеводческое хозяйство чукчей и коряков тоже развилось, видимо, лишь после прихода русских. Оленеводческое хозяйство позволило чукчам занять гораздо более обширную область, и они в течение XVIII—XIX вв. расселились необычайно широко, воспользовавшись ослаблением и вымиранием юкагиров, от Чукотского носа на востоке до нижней Колымы на западе.

Таким образом, теперешние этнические отношения на крайнем северо-востоке Сибири сложились лишь в сравнительно недавнее время, в течение XVIII—XIX веков.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор быта и культуры коренного населения Сибири и Севера, как мы видели, дает очень много ценного для изучения общих вопросов истории человечества. По условиям исторического прошлого, у народов Севера и Сибири до недавнего времени сохранялись чрезвычайно интересные для этнографа и историка архаичные черты хозяйства, общественного строя и культуры.

Вместе с тем этот обзор показывает, какую огромную культурную роль сыграли народы Сибири и Севера как пионеры заселения и освоения огромных пространств Северной Азии. Они не только сделали пригодными для обитания человека суровые просторы тайги и тундры, они создали специфические формы хозяйства и материальной культуры, прекрасно приспособленные к трудным природным условиям. Эти формы хозяйства были созданы частично еще в глубокой древности—в неолите, но они оказались настолько жизнеспособными, что и сейчас сохраняют свое большое народнохозяйственное значение. В советскую эпоху специфические формы северного «промыслового хозяйства»—охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, а также оленеводство,—подвергшиеся глубокой реконструкции, вошли составной частью в экономику социализма.

Таким образом, культурная заслуга этих народов—пионеров освоения Севера, заслуга их перед всем цивилизованным человечеством неизмеримо велика.

Особый интерес представляет теперь изучение того, каким образом совершалась и совершается перестройка хозяйства и культуры отсталых народов Сибири и Севера в эпоху социализма.

Социалистическое переустройство быта народов Крайнего Севера. Наибольшее внимание в этом отношении следует уделить так называемым малым народам Севера. По историческим причинам они наиболее отстали в своем культурном развитии. Тем более поучительна картина того, как эти еще недавно отсталые народы в условиях победившего социализма приобщались и приобщаются к общей экономике и культурной жизни Советской страны.

Историческая судьба этих народов была неблагоприятна. Они находились в наиболее тяжелом положении, особенно жестоко эксплуатировались царским самодержавием, колониальной администрацией, русскими и всякими другими купцами, ростовщиками, кулаками. После Октябрьской революции Советская власть не сразу установилась на Севере: там долго еще—вплоть до 1921—1925 гг.—хозяйничали белогвардейские банды, опиравшиеся на местное кулачество.

Перед Советской властью сразу же встал вопрос об особых методах работы по возрождению и хозяйственному и культурному подъему народов Севера. Социалистическая реконструкция хозяйства этих народов проходила и проходит в специфических формах. Здесь возникали особые задачи, которые в таком виде не ставились в отношении к более развитым, более крупным и сильным народностям.

Прежде всего нужно было освободить народы Севера от эксплуатации и гнета. Надо было ликвиди-

ровать ту кабалу, в которой из поколения в поколение продолжали находиться народы Севера. Нужно было удовлетворить элементарные потребности этих народов, прежде всего потребность в питании. Народы Севера до революции, как правило, систематически голодали. Надо было их накормить, наладить снабжение Севера. Эта задача была разрешена в первые же годы установления Советской власти. Разрешена она путем ликвидации тех эксплуататорских элементов, которые держали население в кабале (кулаков -«тунгусников», «карагасников», «ижемцев» и др.), путем организации государственной торговой сети и путем развития транспорта. Для Севера особенно важным было именно строительство нового транспорта, способного победить необъятные и непроходимые пространства тундры и тайги: создание сети улучшенных дорог, в том числе автомобильных, открытие Северного морского пути, полярная авиация—все это имело огромное значение для снабжения народов Севера.

Быстро росла торговая сеть на Севере: фактории Госторга, агентства, кооперативы и пр. В 1926 г. эта сеть состояла из 677 точек, а к 1933 году выросла втрое—до 1865 точек. При этом на Север начали завозить грузы, которые раньше считались невыгодными из-за дороговизны перевозки: муку, крупу и пр. Ввоз же спирта, которым раньше купцы спаивали коренных жителей, был запрещен законом.

В результате в первое же десятилетие Советской власти положение со снабжением народов Севера радикально изменилось. Голодовки окончательно исчезли из быта этих народов. Север начал снабжаться хлебом и обычно без перебоев. Даже в те годы, когда в наших центральных районах чувствовался недостаток в продуктах, Север, как правило, снабжался достаточно хорошо.

«При царе жилось плохо,—говорили туринские эвенки этнографу Никульшину в 1932 г.,—не было оленей, не было товаров, пороха, муки. Промышлять было нечем. Сейчас, при Советской власти, жить стало лучше, есть и олени, и порох, и мука, и другие товары»[1].

Для всестороннего обслуживания народов Севера был создан при ВЦИК в 1924 г. Комитет содействия народностям северных окраин, короче—Комитет Севера. В организации и руководстве этого Комитета очень значительную роль сыграли этнографы-исследователи, в особенности В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг. Комитет Севера выполнил огромную работу по оказанию всевозможной помощи малым народам Севера в их общественном, хозяйственном и культурном развитии.

Самый процесс советского строительства у народов Севера прошел через своеобразные этапы. Необходимо было найти такие переходные формы советских органов власти, которые были бы понятны населению, привыкшему к общинным отношениям. Такие формы были созданы на основании опубликованного в 1926 г. «Временного положения об управлении туземных народов и племен северных окраин РСФСР». По этому «Временному положению» были образованы так называемые родовые советы, соответственно нашим сельским советам, а также туземные съезды (сугланы) и туземные райисполкомы.

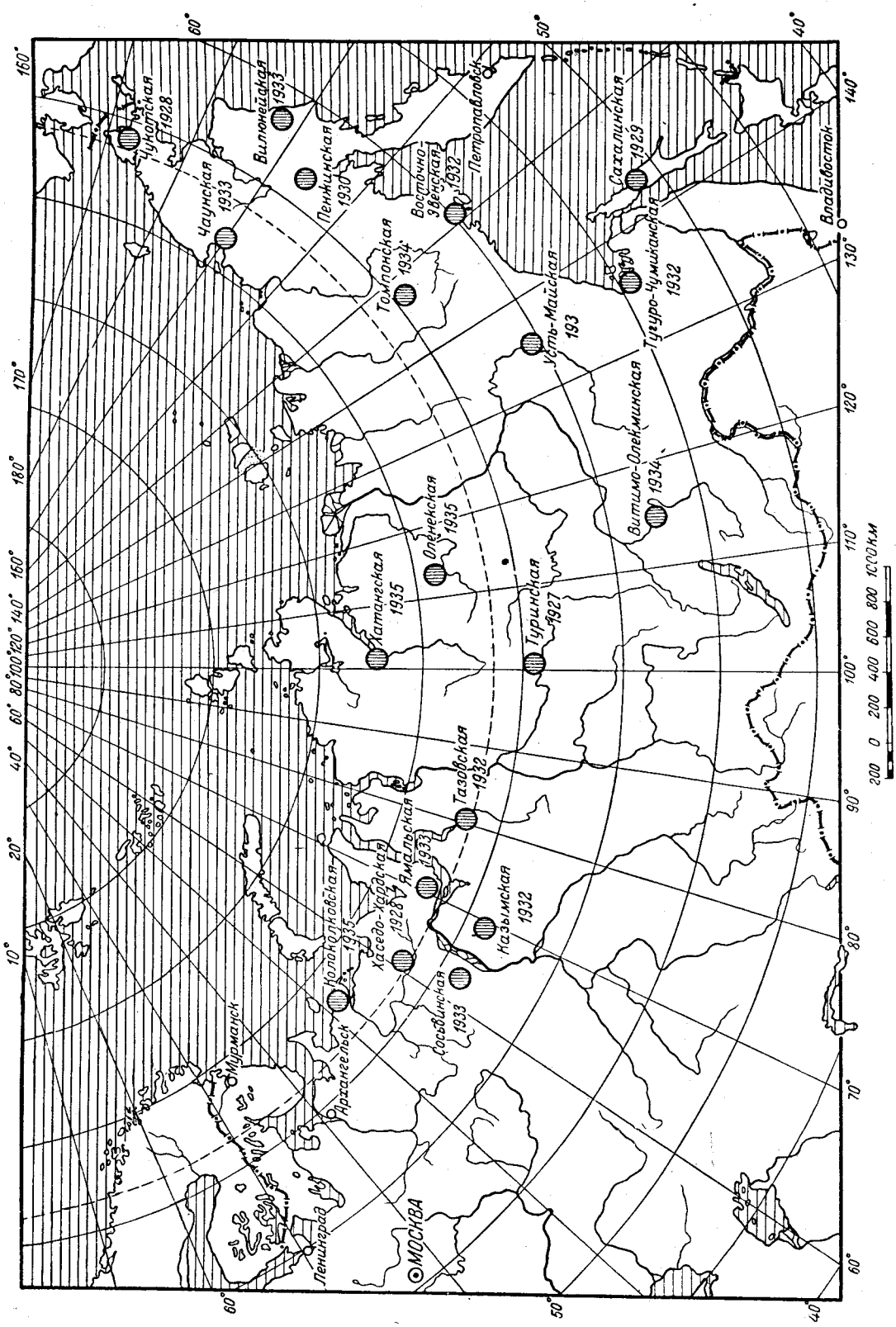
Родовые советы были попыткой приспособить советскую форму власти к сохранившимся у народов Севера социальным образованиям. Родовые советы выполнили очень важную историческую роль тем, что они приучили население к самой идее Советской власти.

Но на первых порах они нередко плохо справлялись со своей задачей. Фактически в них продолжали хозяйничать прежние князьки под новым именем председателей родовых советов. Вопреки Положению, пользовались правом голоса шаманы и кулаки, тогда как женщины, также вопреки Положению, иногда не участвовали в выборах.

Некоторые этнографы полагали, что самая организация родовых советов была неправильным шагом, так как этим де консервировались архаические формы быта. Но это был этап, через который надо было пройти. Эти родовые советы существовали до перевыборной кампании 1931 г., когда они были заменены нормально действующими советскими учреждениями—кочевыми и сельскими советами, которые существуют и в настоящее время.

С 1929 г. началась организация на Севере национальных округов, районов и других национальных образований. Первым по времени был Ненецкий национальный округ (1929 г.). К 1935 г. было создано 9 национальных округов, 93 национальных района и 830 национальных кочевых и сельских советов.

[1] Н. П. Никульшин. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939, стр. 84.

Культурные базы Комитета Севера (указаны годы основания)

Таким образом, каждая, даже самая маленькая народность Севера получила свое национальное административное устройство. Это было первое и необходимое условие для проведения коммунистической национальной политики на Севере. В национальных кочевых и сельских советах, национальных окружных исполкомах делопроизводство начало постепенно переходить на местные языки. Коренное население втянуто в административный аппарат, в районные и окружные органы.

Очень крупную роль в организации Советской власти на Севере, так же как и в хозяйственном и культурном обслуживании народов Севера, сыграли «культурные базы», организовывавшиеся Комитетом Севера в наиболее глухих, малодоступных районах Севера. К организации этих баз приступили в 1927—1928 гг. Сначала была создана на Нижней Тунгуске, при впадении в нее р. Туры, Туринская база, которая позже стала центром Эвенкийского национального округа. Затем в бухте Лаврентия (чукотская), в Хаседа-Харде (ненецкая), база на Северном Сахалине, Корякская и т. д. Через несколько лет количество этих баз дошло до 15, а всего в разное время было 19 культурных баз. Базы строились там, куда до тех пор не проникала советская культура. Каждая из них включала в себя целый ряд хозяйственных и культурных учреждений для удовлетворения потребностей населения: интегральный кооператив или факторию, больницу, родильный дом, школу, детские ясли, ветеринарный пункт, «дом туземца» и др. Ныне эту работу культурных баз можно считать в основном выполненной. В дальнейшем целый ряд баз был преобразован в административные центры округов и районов и сеть культурных баз начала сокращаться.

Очень значительную роль для изучения потребностей народов Севера и для их обслуживания сыграло такое крупное мероприятие, как проведение Приполярной переписи в 1926—1927 гг. Ею было охвачено население районов Крайнего Севера. Эта приполярная перепись была приурочена к всесоюзной переписи 1926 г., но протекала по гораздо более широкой программе и дала большой, не только демографический, но и статистико-экономический материал. Разработка его легла в основу подробной этнографической карты (составленной П. Е. Терлецким) и ряда экономических и этнографических исследований по Северу.

Но эти мероприятия были лишь началом работы по хозяйственному и культурному обслуживанию народов Севера. На очереди стояла задача социалистической реконструкции северного хозяйства. Одним из первых ее этапов, чрезвычайно важных на Севере, была работа так называемой интегральной кооперации. В связи с особенностями уклада народов Севера форма кооперирования для них была принята несколько своеобразная: вместо отдельных систем потребительской, промысловой и кредитной кооперации на Севере была создана (1927) единая, смешанная, так называемая «интегральная» система кооперации. Эта кооперация сыграла крупную роль в развитии хозяйства народов Севера. Она в первые же годы начала работу по вовлечению народов Севера в колхозы, по простейшему производственному кооперированию. Но по мере общего развития экономики, интегральная кооперация начала дробиться на специализированные виды: это «разинтегрирование» началось уже с середины 30-х годов с юго-западных, наиболее развитых районов, а позже захватило и более отдаленные северо-восточные районы.

Колхозы начали возникать на Севере уже в первые годы после установления Советской власти, сначала стихийно, на основе традиционных, так называемых «бытовых» производственных объединений. Эти различные промысловые «артели», «товарищества» и т. п. сначала существовали без всяких уставов. Такие «дикие» или «бытовые» артели стали постепенно охватываться интегральной кооперацией, и им стали придаваться уставные формы.

При выработке наиболее подходящей для Севера формы коллективизации были вначале колебания и даже ошибки. Местами форсировали сплошную коллективизацию, создавали «коммуны» без учета местных условий. Эти ошибки были исправлены в результате партийных решений. По постановлению 7-го и 9-го расширенных Пленумов Комитета Севера (1930, 1932 гг.). нормальным типом колхоза на Севере было признано прежде всего простейшее производственное объединение (ППО) на основе преобладающей в данном районе отрасли хозяйства—т. е. оленеводческое (товарищество по совместному выпасу оленей) или рыболовецкое. На основе охотничьего промысла коллективизация оказалась нецелесообразной, ибо охота—отхожий и сезонный промысел, не поглощающий основной рабочей силы. Лишь в более освоенных и экономически развитых

районах допускалось создание более высокого типа колхозов—«смешанных промысловых артелей» на основе обобществления всех основных средств производства.

В настоящее время коллективизация на Севере сделала огромные успехи. Средний процент коллективизации уже к 1940 г. дошел до 75%, теперь почти повсеместно сплошная коллективизация. Совершается переход на устав артели.

Роль колхозов для промысловых народов Севера особенно велика благодаря одному своеобразному обстоятельству. Дело в том, что хозяйство их имеет сложный, комплексный характер, и отдельные элементы его иногда не находятся между собой во взаимной увязке. В зоне тайги оленеводство, составляя очень важную, хотя и подсобную отрасль хозяйства, обременяет население, особенно в летнее время, отвлекая силы от ловли рыбы и других занятий. В этом отношении коллективизация принесла с собой новые формы организации труда, привела к более рациональному распределению рабочей силы в форме специализированных бригад и тем самым повысила доходность промыслового хозяйства, ибо одна отрасль перестала мешать другим.

Очень важное мероприятие было начато в 1930 г.—так называемое первоначальное землеводоустройство народов Севера. Национальное население далеко не всегда имело в своем распоряжении достаточное количество угодий. Рыболовные и даже иногда тундровые угодья были отняты у населения пришлыми кулацкими элементами, пользование охотоугодьями было не урегулировано. Поэтому важно было провести работу по организации территории, по первичному землеводоустройству. С 1930 г. к этому приступили, и в течение нескольких лет эта работа на Севере была закончена. У нетрудовых эксплуататорских групп были отняты захваченные ими привилегии. Угодья закреплены за колхозами и за группами единоличных маломощных хозяйств.

Отдельные отрасли северного промыслового хозяйства получили также совершенно новые условия для развития. Одним из существеннейших условий было то, что северное промысловое хозяйство впервые в истории сделалось предметом серьезного научного изучения. Материал для изучения дала как Приполярная перепись, так и отдельные специальные обследования. Экономическое и культурно-этнографическое изучение северного хозяйства дало прочную основу для разработки принципов его плановой реконструкции.

Оленеводческое хозяйство, которое является основной формой хозяйства народов тундры (ненцы и тавгийцы, чукчи и коряки), несмотря на свою важность, находилось в примитивном состоянии. Главным врагом его были оленьи болезни, особенно сибирская язва (в западных районах). Раньше борьба с нею велась от случая к случаю: когда эта болезнь появлялась, делались прививки; болезнь шла на убыль, и когда она прекращалась, то прекращались и прививки. После революции был принят другой метод: в течение целого ряда лет, около 10 лет подряд, производились профилактические прививки независимо от наличия эпизоотии, и болезнь была ликвидирована начисто.

В настоящее время сибирской язвы на территории СССР нет. Труднее оказалась борьба с оленьей чесоткой, затем с копыткой, от которой очень сильно страдают олени в некоторых, особенно таежных, районах.

Очень важным мероприятием в рационализации оленеводства было введение системы корралей. Дело в том, что олени—полудикие животные. Для того чтобы их обследовать, производить ветеринарный осмотр и пр., их надо каждый раз ловить. Чтобы облегчить эту работу, была введена система корралей—больших загородок, в которые загоняется оленье стадо; там есть ряд отделений, которые позволяют осматривать оленей, производить отбор, прививки и т. д.

Эта система, которая введена на Европейском Севере и вводится в азиатских районах, помогла рационализации и повышению доходности оленеводческого хозяйства.

Вводится и ряд других усовершенствований в оленеводческое хозяйство. Где еще недавно практиковался отпуск оленей на лето (селькупы, ламуты и др.), приводивший к большим потерям, там введен летний выпас оленей в огороженных участках тайги с дымокурами от комаров. Начались опыты применения пастушеской собаки в дальневосточных оленеводческих районах. Внедряется доение оленей у народов, которые раньше его не знали (селькупы). Усовершенствуется оленье седло и запряжка.

Продукция оленеводства стала товарной: государство закупает оленьи шкуры, мясо и прочее сырье, что повышает доход населения.

Реконструируются общественные формы оленеводческого хозяйства. Помимо колхо-

зов (смешанные промысловые артели, товарищества по совместному выпасу оленей), создана целая сеть оленеводческих совхозов, вначале в европейских частях Севера, потом и в Сибири и на Дальнем Востоке. В работу этих совхозов втянуто местное население — и в качестве пастухов и в руководство. Создание оленеводческих совхозов является очень важной формой реконструкции оленеводческого хозяйства.

Интересно, что олени имеются теперь и у некоторых оседлых народов Севера, которые прежде оленеводства совершенно не знали: у береговых коряков и чукчей, алеутов, эскимосов.

В отношении рыболовецкого хозяйства основное мероприятие, которое нужно было провести, состояло в борьбе с хищническими методами лова. Хищнические, отсталые методы рыбного промысла довольно широко применялись на местах. Таковы, например, «самоловы», которые часто только ранят рыбу и она уходит и погибает в воде. Затем система сплошных запоров, которые уничтожают всю рыбу вплоть до мальков. С этими методами ведется борьба.

Вводятся новые способы консервирования рыбы: наряду с изготовлением юколы — вялением рыбы на открытом воздухе, распространяется засол в бочках, который раньше не применялся, а также переработка рыбы на консервы.

Затем надо было ввести более современные, так называемые активные, методы лова. По старой традиции, рыболовецкое население ждет, когда рыба пойдет в реки. Задача заключается в том, чтобы активизировать лов рыбы: не ждать рыбы у берегов, а выходить в открытое море и ловить рыбу там. Этот метод активного лова применяется уже на Камчатке, Сахалине и т. д., и он помогает увеличить продукцию. Важную роль в развитии рыболовства играют так называемые моторно-промысловые станции, сеть которых начала создаваться в 1931—1932 гг. Они сыграли примерно ту же роль, как МТС в зерновых районах. Это — центры снабжения промыслового населения современными орудиями лова и современной, более усовершенствованной, тяговой силой. Начали довольно успешно применяться такие способы механизации лова, как тяга невода тракторами и электролебедками (невод длиной в несколько сот метров тянуть руками очень трудно). В море широко применяется траловый лов рыбы. Очень важное значение получила авиаразведка: со специальных самолетов сведения о замеченных косяках рыбы передаются по радио рыболовным судам. Стали входить в употребление «рыбонасосы», при помощи которых улов рыбы перекачивается из рыбачьего судна на приемный пункт. Все это повысило производительность рыбных промыслов. Наряду с реконструкцией промыслов местного населения были организованы и крупные государственные промыслы, которые служат образцами техники для национального населения.

Рыболовство, бывшее прежде главным образом потребительским промыслом, превращается теперь в крупную товарную отрасль хозяйства, дающую населению большой доход.

Это же самое касается морского зверобойного промысла. Для его реконструкции особенно большое значение получило внедрение новой техники: вельботы, рульмоторы, гарпунные ружья и гарпунные пушки.

Что касается охотничьего промысла, то здесь в первую очередь была поставлена задача борьбы с хищническими методами промысла. Вместо старой открытой пасти, из которой пойманный зверь нередко поедался другими хищниками, теперь применяется закрытая пасть, затем особая ловушка с петлей, которая подтягивает пойманного зверя кверху, местами стальные капканы. Применяется, наконец, так называемая кормушка-ловушка.

Большое значение получила практика подкормки пушного зверя, особенно песца и горностая: осенью, а иногда весной. На горностая применяется «жидкая приманка» (из квашеной рыбы, требухи и пр.).

Очень важно было снабдить население Севера боеприпасами. До недавнего времени основным видом огнестрельного охотничьего оружия там было примитивное кремневое и даже фитильное ружье. Теперь эти ружья везде заменены современными.

Для организации и рационализации охотничьего промысла была создана целая сеть так называемых производственно-охотничьих станций — ПОС, роль которых соответствовала роли МТС, но в то же время и роли совхозов, потому что они вели двойную работу: обслуживали промысловое охотничье население, а в то же время вели свое собственное промысловое хозяйство при помощи наемной рабочей силы. С укреплением северных колхозов ПОСы были в большинстве ликвидированы.

На ненаселенных островах Ледовитого океана созданы охотничьи «островные хозяй-

Урок рисования в селькупской школе

ства», куда доставляются охотники с материка. В охотничий промысел постепенно втягиваются и женщины.

Все более расширяется и разведение ценных пушных зверей в питомниках, особенно таких, как серебристо-черная и черно-бурая лиса, енот и енотовидная собака, голубой песец. Звероводство стало очень доходной статьей во многих северных колхозах.

В некоторых районах Севера проводится большая работа по восстановлению и обогащению промысловой фауны. Устроены заповедники, где свободно размножаются почти истребленные прежде животные—соболь, выдра, енот, бобр. Во многих местах были выпущены новые виды пушных зверей, каких прежде в Сибири не было, особенно ондатра (водяная крыса).

Помимо реконструкции промыслового хозяйства, местами происходит внедрение земледелия, огородничества и скотоводства. Сельское хозяйство было прежде совершенно неизвестно на Севере, за исключением очень немногих районов. Земледелие там считалось даже невозможным по условиям климата. При Советской власти зерновые и огородные культуры продвинуты далеко на Север. Они встречаются теперь у народов, раньше совершенно незнавших земледелия: у ненцев, селькупов, кетов, эвенков, ламутов, орочей и др. В некоторых местах, однако, опыты введения земледелия себя не оправдали.

Рогатый скот и лошади тоже появились у народов, которые прежде знали только домашних собак и оленей. У гольдов и ульчей собачий транспорт почти вытеснен конным. Молочная пища, вместе с хлебом и овощами, входит в широкий быт.

То обстоятельство, что на Севере местами созданы предприятия крупной промышленности, имеет тоже весьма существенное значение для народов этих районов. Рыбоконсервная и другие виды промышленности—в особенности связанные с разработкой рудных и лесных богатств—в очень сильной степени оказывают влияние на местное население: местные жители привлекаются в качестве рабочей силы в новые промышленные предприятия.

Ведется работа по реконструкции быта народов Севера, по улучшению формы жилищ и всего образа жизни. Вопрос о переводе кочевого населения на оседлость в районах Севера довольно сложен. Оленеводческое хозяйство связано

Ненецкие женщины на занятиях по ликвидации неграмотности

с необходимостью кочевания, и уничтожить кочевание без вреда для этого хозяйства нельзя. Делались попытки отделить хозяйственное кочевание от бытового: при этом стада оленей перегоняются силами пастушеских бригад, основное же население живет оседло при центральных участках колхоза. Такая форма перехода к оседлости была впервые применена в Ненецком национальном округе, а потом и в других районах. Однако переход на оседлость при сохранении хозяйственного кочевания порождает—особенно у оленеводов—и некоторые трудности, связанные с тем, что пастухи по нескольку месяцев отрываются от своих семей. В настоящее время принят другой метод—кочевание пастухов вместе со своими семьями; оседло живет остальная часть населения колхозов.

Не только оленеводы, но и охотничьи народы постепенно оставляют свой прежний кочевой образ жизни. В настоящее время почти полностью перешли на оседлость удэгейцы, ороки, верхнеколымские юкагиры, часть ламутов, эвенков, хантов, манси, ненцев и др.

С переходом на оседлость связано и введение лучших форм жилищ. Вместо примитивных чумов, юрт, вредных для здоровья, холодных, дымных, вводится более совершенный тип жилья—обычно русская изба. Этот переход уже почти закончился у нанайцев, ульчей, селькупов, кетов. Он происходит и у других народов. Вместо старых стойбищ вырастают новые колхозные поселки. Все это повышает и материальный и культурный уровень населения.

Культурный уровень народов Севера трудно даже сравнить с тем, что было до революции. Школ почти не было. Были отдельные начальные школы, и то миссионерско-церковные, которые насчитывались единицами (на весь Север до революции было около 40 школ). В настоящее время насчитываются сотни школ; каждая из народностей Севера имеет достаточно широкую школьную сеть. Но здесь потребовались особые формы школьной работы. Нормальным типом школ для кочевых районов Севера—признаны были школы-интернаты, где дети живут постоянно, потому что родители их кочуют. Осенью родители оставляли детей в школах, сами откочевывали на зимовки, а конец учебного года приурочивался к тому времени, когда население перекочевывало на летнее стойбище и родители забирали детей. Помимо этих школ-интернатов, была введена еще особая переходная форма школьного строительства: кочевые школы. Там, где в первые годы не было построено зданий или где еще идея школы была недостаточно популярна для местного населения,

Учительница начальной корякской школы

где надо было приблизить школу к населению,—там устраивались так называемые кочевые школы, которые помещались в таких же чумах и кочевали вместе с населением. Такие школы имели широкую популярность, например на Чукотке.

До революции народы Севера не имели своей письменности. Только на очень немногих языках было издано несколько миссионерских церковных книг. Уже в первые же годы Советской власти началась интенсивная работа по созданию письменности для бесписьменных языков народов Севера. Для этого надо было прежде всего изучить эти языки. Та работа по лингвистическому изучению языков народов Севера, которая проведена за немногие годы Советской власти, во много раз превышает все то, что было сделано до революции. Была создана письменность для 13 языков народов Севера, именно для тех, у которых национальные языки достаточно сохранились и которые не могут быть обслужены учебниками и книгами на других языках. Для народов обрусевших или ассимилировавшихся с более крупными народами (как чуванцы, долгане, орочи и др.) было признано нецелесообразным создавать отдельную письменность, книги и учебники.

В первые годы эта письменность строилась на латинской основе, теперь перешли на русскую графику, которая оказалась более доступной для народов Севера.

Уже достигнут очень высокий процент грамотности взрослого населения. Есть районы сплошной грамотности.

Следует упомянуть о целой сети политико-просветительных учреждений, из которых на первых порах особенно крупную роль играли «красные чумы», «красные яранги» и т. п.—передвижные культурно-просветительные учреждения, которые имели большое значение для обслуживания отсталых кочевых районов. Но и сейчас красные чумы продолжают играть очень важную роль. Сейчас красный чум—это в сущности целое учреждение. В Ненецком округе, например, в штате красного чума состоит врач, зоотехник, учитель, культурно-массовый работник; красный чум имеет свое небольшое оленье стадо, своих пастухов, самостоятельно передвигается по тундре, обслуживая кочевое население. В Ненецком округе действует сейчас 14 таких красных чумов.

Очень большое значение для народов Севера получила также работа по медицинскому обслуживанию. При царизме народы Севера были совершенно лишены какой бы то ни было медицинской помощи, если не считать «медицинской» деятельности шаманов, которые были монополистами по лечению туземцев. Кроме вреда, конечно, из этого ничего не получалось. Никаких медицинских пунктов на Севере не было, кроме как в городах. В настоящее время создана большая сеть медицинских лечебных учреждений: врачебных и фельдшерских пунктов, родильных домов и т. д. Народы Севера страдали некоторыми эндемическими заболеваниями. Особенно распространены были глазные болезни: трахома и др., связанные с дурными жилищными условиями; затем желудочно-кишечные заболевания, в особенности среди народов, живущих рыболовством, в связи с употреблением сырой рыбы, что приводит к распространению глистов; легочные заболевания, в основном поражающие оседлые рыболовческие народы. С этими эндемическими болезнями в настоящее время ведется успешная борьба.

Эвены-дикторы по радио

Очень важно также обслуживание детей дошкольными учреждениями, яслями. Сеть дошкольных учреждений имеет огромное значение для внедрения культурных навыков среди национального населения.

В работе по хозяйственному и культурному обслуживанию народов Севера очень большое значение имеет, конечно, вопрос о создании местных кадров. До революции этих местных культурных кадров совершенно не было, и пришлось начинать с самого начала. За короткий промежуток времени были подготовлены и сейчас продолжают подготовляться высококвалифицированные кадры работников из народов Севера. Самым крупным учреждением, готовящим кадры из народов Севера, был Институт народов Севера в Ленинграде, основанный в 1925 г., сначала в виде Северной группы при рабфаке ЛГУ, позднее он развился в Северный рабфак и затем был преобразован в Институт народов Севера, который был подчинен Комитету Севера. Теперь это Северный факультет Ленинградского государственного университета. Институт выпустил много сотен высококвалифицированных работников с высшим образованием, которые сейчас работают во всех областях хозяйственной, культурной, советской и партийной работы. Некоторые из питомцев этого Института оказались талантливыми руководителями, очень способными и даровитыми работниками: в числе их был, например, тов. Тэвлянто, в прошлом неграмотный охотник, а позже выдающийся советский работник—первый, председатель Чукотского Окружного Исполкома. ИНС выпустил и первых ученых (Хабаров—алеут, Пырерка—ненец и др.).

При Институте народов Севера была создана научно-исследовательская ассоциация, которая вела работу по изучению языков, этнографии, истории, культуры, народного творчества народов Севера. Было выпущено много ценных исследований.

В настоящее время молодежь из народов Севера получает высшее образование не только на Северном факультете Ленинградского университета, но и на других (общих) факультетах того же университета и в других высших учебных заведениях Ленинграда, Томска, Хабаровска и прочих городов. Из среды народов Севера выдвинулись талантливые писатели, поэты, художники: удэгеец Джанси Кимонко, чукча Рытхэу, нанаец Аким Самар, мансийка М. Вахрушева и др.

Таким образом, создание собственных национальных кадров для народов Севера закрепляет дело социалистического переустройства хозяйства и быта этих народов.

Переход народов Севера к социалистическому строю—один из самых блестящих примеров торжества национальной политики Коммунистической партии. Этот при-

мер показал со всей наглядностью правоту ленинского учения о некапиталистическом пути развития отсталых народов—учения, изложенного Лениным чисто теоретически еще в 1920 г., когда во всей мировой истории еще нельзя было найти ни малейшего фактического его подтверждения.

Народы Севера были в царской России отсталыми из отсталых. У них не только не было и зачатков капиталистического развития, но большинство их тогда не вышло еще из стадии разложения первобытно-общинного строя; лишь у некоторых складывались самые зачатки полупатриархально-полуфеодальных отношений; хозяйство сохраняло во многом черты натурального уклада. Чтобы добиться ликвидации этой вековой отсталости, потребовалась—как мы уже видели—целая система особых мер. Теперь в результате их успешного проведения можно говорить, что народы Севера перешли от самых отсталых форм хозяйства, быта и культуры к социалистическому строю.

Этот пример имеет большое чисто познавательное научное значение для историков, этнографов. Он имеет и огромное практическое значение, и притом международное. Все прогрессивное человечество, а особенно отсталые и угнетенные народы колониальных стран, наглядно видят на примере народов Советского Севера, какие широкие перспективы развернутся перед ними самими, когда и они освободятся от гнета империализма и смогут получить братскую помощь передовых социалистических стран.

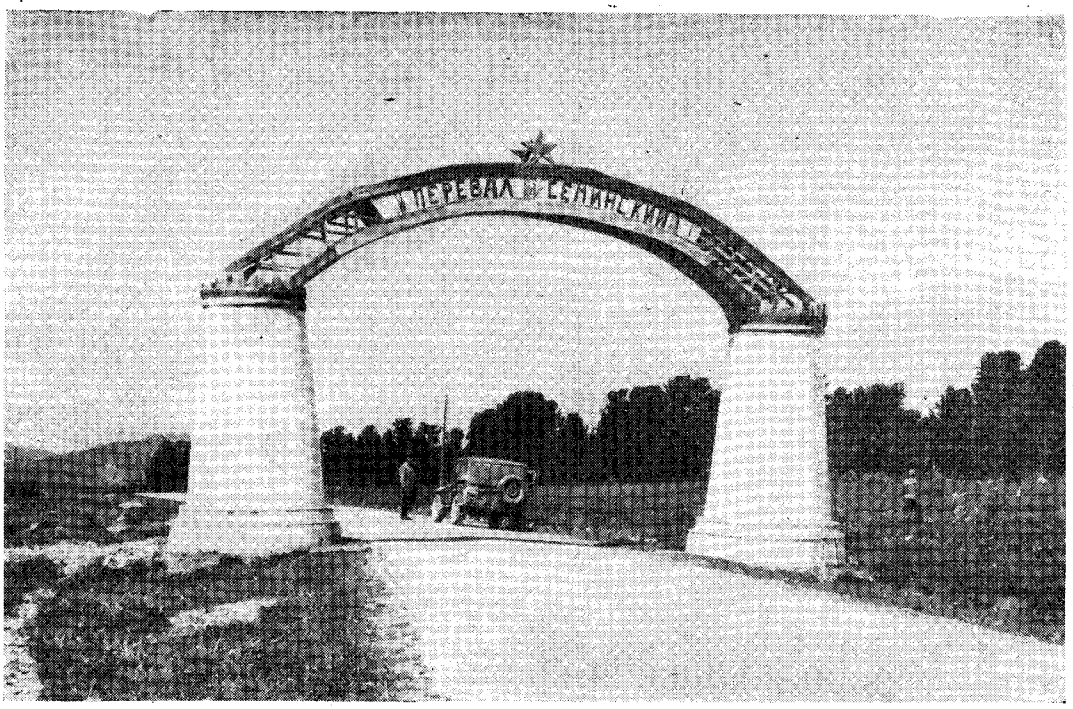
Социалистическое развитие национальных республик и областей Южной Сибири. Так как у народов Южной Сибири, а также у якутов издавна сложились более развитые формы хозяйства и социальных отношений—общий уровень культуры их был выше, чем у малых народов Севера, и численность больше,—то и условия социалистической перестройки экономики и бытового уклада этих народов оказались иными. В этих областях Сибири не возникало тех специфических трудностей, как на Крайнем Севере. Формы социалистического строительства здесь меньше отличались от тех форм, в каких протекало социалистическое развитие народов Средней Азии, Кавказа и других национальных областей Советского Союза.

Однако и южные области Сибири были в момент Октябрьской социалистической революции, вследствие исторических условий, все же более отсталыми, чем центральные области страны. Поэтому и здесь возникала, хотя бы и с меньшей остротой, но та же огромная историческая задача: помочь коренному населению, испытывавшему при царизме двойной, классовый и национальный гнет, в скорейший срок преодолеть свою отсталость, догнать более развитые народы центральных областей Советского Союза.

Проблема некапиталистического пути развития возникла и для народов Южной Сибири, ибо и они в большинстве своем не успели до революции пройти через стадию промышленного капитализма, и у них сохранялись остатки патриархально-феодальных отношений.

Но у народов Южной Сибири и у якутов успела сложиться своя довольно сильная торговая буржуазия, притеснявшая и местное национальное население, и более слабые соседние народы. Она выступала то в качестве соперника старой патриархально-родовой знати (буряты), то совместно с ней (якуты), маскируя свою грабительскую политику старыми родовыми традициями. Местами эта национальная верхушка делала вид, будто она борется за права народа против царского самодержавия (Якутия, Алтай), хотя на самом деле она совместно с царизмом угнетала свой народ.

Местная национальная полуфеодальная аристократия и торговая буржуазия попыталась использовать свержение царизма в России для захвата полной власти в свои руки. Она поэтому повсеместно выступила против образовавшейся в 1917—1918 гг. на местах Советской власти и активно поддерживала все контрреволюционные движения в разных областях Сибири. В течение нескольких лет подряд, пока шла гражданская война на окраинах Советской России, пока советский народ героически отражал удары интервентов-империалистов, в национальных областях Сибири возникали одно за другим буржуазно-националистические движения, которые вступали в союз с контрреволюционными «правительствами» Колчака и др., с войсками интервентов: на Алтае—«Каракорум-Алтайская горная дума», а затем бандитские движения Сатунина и Кайгородова, в Якутии бандитско-тойонское восстание 1921—1922 гг., затем контрреволюционный поход генерала Пепеляева, в Восточной Бурятии—«теократическое» буддистское «государство» одного местного ламы, поддержанное бандитом и японским палачом бароном Унгерном, и т. д. и т. п.

Семинский перевал на Чуйском автомобильном тракте (Горно-Алтайская а. о.)

Вожаки этих буржуазно-националистических реакционных движений пытались использовать политическую отсталость национальных масс, натравить их на русский народ, посеять рознь между трудящимися разных национальностей. Но скоро из-под ног их была выбита почва. Они были не только разгромлены советскими войсками, но местное трудящееся население скоро убедилось в обманной политике местной знати. Советское же правительство, по инициативе Народного Комиссариата по делам национальностей пошло навстречу желаниям и нуждам народов Сибири. На национальных окраинах Сибири были созданы автономные республики и области: Якутская АССР—апрель 1922 г., Ойротская авт. обл. (ныне Горно-Алтайская авт. обл.)—июнь 1922 г., Бурят-Монгольская АССР, образовавшаяся в 1923 г. путем объединения созданных вначале двух отдельных автономных республик, одна в составе Сибирского края (западная Бурятия), другая—Дальневосточной республики (восточная Бурятия), Хакасский нац. округ, превратившийся в 1930 г. в Хакасскую авт. область. В Туве, находившейся прежде в зависимости от Китая и под властью монгольских и местных князей, образовалась вначале Тувинская народная республика (1922), а когда демократическое развитие и помощь Советского Союза привели к ослаблению феодальной верхушки, Тува вступила в Советский союз на правах автономной области (осень 1944 г.).

Структура и функционирование советских органов в национальных республиках и областях Сибири ничем существенным не отличались от форм советского строя в центральных областях СССР. Была сохранена лишь местная номенклатура административных делений: в Бурятии и на Алтае—«аймаки» вместо районов, в Якутии—«улусы» и «наслеги», причем улусы ныне заменены районами. В Туве сохраняются «хошуны» и «сумоны».

Экономическая политика Советской власти в национальных республиках и областях Сибири направлялась и направляется прежде всего на ускоренное развитие экономики страны, рациональное использование естественных ресурсов каждой отдельной области, которые до революции или оставались неразработанными, даже неразведанными, или хищнически эксплуатировались (например, золото). На основе серьезного научного изучения и общегосударственного планирования началась систематическая разработка огромных лес-

Новое автомобильное шоссе вдоль р. Катуни (Горно-Алтайская а. о.)

Мост через реку (Горно-Алтайская а. о.)

ных богатств, особенно в Якутии, а также в областях Южной Сибири. Разведаны и продолжают разведываться разнообразные ископаемые ресурсы—уголь, железо, цветные металлы, соль, сланцы, алмазы (Якутия) и пр. На базе их построены и строятся горнопромышленные предприятия. Для удовлетворения потребностей местного населения создаются и предприятия легкой промышленности, строительных материалов и др.

Создание крупной промышленности в национальных республиках и областях Сибири не только отвечает требованиям государственного плана развития народного хозяйства, не только удовлетворяет местным потребностям в промышленных изделиях, но имеет и другой чрезвычайно существенный результат: формирование кадров национального рабочего класса, которого прежде в этих экономически отсталых областях почти совершенно не было. Теперь имеется значительная прослойка рабочего класса среди якутов, бурят, алтайцев, хакасов, шорцев.

Сельское хозяйство в национальных областях Сибири, в противоположность промышленности, опирается на старые местные традиции. Скотоводство составляет старинную национальную отрасль хозяйства для бурят, большинства алтайцев и хакасов, основной части якутов. Но оно вплоть до недавнего времени сохраняло старинный, очень отсталый вид, с очень скудным запасанием корма на зиму, с круглогодичным выпасом скота, который страдал зимой от снежных буранов, бескормицы, волков и часто массами погибал. Потребовалась коренная реконструкция всего животноводческого хозяйства. Теперь оно имеет повсеместно прочную кормовую базу, скот зимой содержится в благоустроенных стойлах, постоянно находится под наблюдением специально подготовленного персонала. Ведется систематическое улучшение пород скота. Благодаря всему этому повышается удойность, продуктивность скота и общая доходность животноводства растет.

Эти успехи в реконструкции животноводческого хозяйства были возможны только на началах его социалистической перестройки: вместо раздробленного мелкокрестьянского хозяйства скот разводится сейчас в крупных колхозно-товарных фермах, получающих всевозможную помощь от государства. Помощь оказывается и отдельным колхозникам, имеющим у себя в индивидуальном владении некоторое количество скота. Имеются, наконец, и животноводческие совхозы.

Земледелие еще до революции начало проникать в национальные области Сибири, а в некоторых из них оно имело и свои старинные традиции (западная Бурятия, некоторые районы Алтая и Хакассии). Но оно велось в чрезвычайно примитивных формах, применялись старинные ручные орудия, посевы были карликовыми, сеялся по преимуществу лишь ячмень, урожаи были скудными. Теперь в национальных колхозах коренным образом реконструировано и весьма расширено и земледельческое хозяйство. Вводится современная научная агротехника, применяются машины, внедряются новые зерновые и технические культуры, повышается урожайность. Земледелие превратилось во многих национальных районах Сибири в ведущую отрасль хозяйства.

Большое значение для реконструкции экономики национальных областей и республик имело строительство новых форм транспорта. Особенно больным вопросом был раньше транспорт для Якутии. Ее огромные, трудно проходимые пространства отделены многими тысячами километров от жизненных центров страны. Ныне создание новых видов транспорта—морского, речного, воздушного, автомобильного и железнодорожного—как бы приблизило Якутскую республику к центральным областям страны и помогло преодолеть ее многовековую отсталость. Большое значение имеет транспортная проблема и для Горно-Алтайской области: хотя она и невелика по территории, но горный рельеф сильно затруднял до недавнего времени общение отдельных ее районов с внешним миром. Сейчас Горный Алтай опоясан сетью прекрасных автомобильных дорог, через горные реки переброшены мосты.

Успехи хозяйственного строительства в национальных республиках и областях Сибири тесно связаны с культурным ростом их национального населения. До революции положение и в этой области было плачевным. Даже элементарная грамотность была очень слабо распространена. Собственную письменность имели лишь восточные буряты, притом общую с монголами, но она доступна была только немногим, по преимуществу нойонам. В других национальных областях кое-кто знал русскую грамоту. Национальная интеллигенция была очень немногочисленна, хотя некоторые ее деятели—такие, как Кулаковский, Новгородов у якутов, Цыбиков, Хангалов у бурят, Катанов

Художественный музей в г. Улан-Удэ

у хакасов и др.—много потрудились, чтобы поднять культурный уровень родного народа.

Советский строй создал совершенно новые условия культурного развития народов Сибири. При участии национальной интеллигенции была создана письменность на якутском, бурятском, алтайском, хакасском языках. После неудачной попытки ввести письменность на латинской основе (а у якутов и после другой попытки—создать совсем особую полулатинизированную графику—С. А. Новгородова)—во всех национальных областях и республиках Сибири утвердилась система письменности на основе русской графики. Она введена повсеместно в национальных школах, на базе ее развивается и национальная литература, переводятся и издаются и произведения русских и западноевропейских классиков, научные, популярные и политические книги и брошюры. Национальные издательства существуют в Якутске, Улан-Удэ (Бурят-Монгольская АССР), Горно-Алтайске, Абакане (Хакасская авт. обл.), ныне и в г. Кызыле (Тувинская авт. обл.).

Помимо массовой начальной и средней школы, в национальных республиках и областях Сибири создан и целый ряд высших и специальных учебных заведений—главным образом педагогических и сельскохозяйственных. Преподавание в них ведется на русском языке, который хорошо знают все оканчивающие среднюю школу. Эти специальные и педагогические высшие учебные заведения уже подготовили и выпустили и ежегодно продолжают выпускать десятки и сотни молодых специалистов в разных областях хозяйства и педагогов для национальной школы. В Якутской АССР открыт в 1956 г. университет. Функционируют и научно-исследовательские институты. Этнографическая научная работа ведется в Институтах языка, литературы и истории, существующих почти во всех республиках и национальных областях Сибири.

Эти научные институты, а также общественные организации взяли под свое покровительство возрождение и развитие национального искусства, которое до революции почти везде шло к упадку под вредным влиянием капиталистического строя и национального гнета. Национальная интеллигенция, руководимая Коммунистической партией, чрезвычайно заботливо относится сейчас к культурному наследию народа, изучает произведения как старого, так и нового фольклора, которые собираются и издаются. Национальные писатели и поэты, учась новому мастерству на произведениях великой русской и мировой литературы, применяют это мастерство к старым национальным тради-

циям и создают новые образцы литературы в национальном стиле, но с новой тематикой и новым идейным содержанием.

То же касается изобразительного искусства. Ярко выраженная национальная школа живописи, основанная на усвоении классической русской художественной культуры, существует в Якутии, в Бурят-Монголии, в Горно-Алтайской авт. области. Есть национальные художники и у тувинцев, хакасов.

Национальный театр появился прежде всего в Якутии. Большая работа по созданию национального театра ведется и в Бурят-Монгольской АССР, и в Горном Алтае, и в Хакассии.

Так строится в национальных областях и республиках Сибири, еще недавно отсталых, новая культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор этнографии народов Советского Союза позволяет сделать некоторые общие выводы познавательного, воспитательного и практического значения.

Контраст между прошлым и настоящим. Первое, что бросается в глаза даже при беглом знакомстве с бытом любого народа советской страны,—это резкий контраст между прежним положением народа и его бытом в настоящее время. За годы Советской власти изменилось неузнаваемо лицо всей страны, и изменения эти особенно поразительны именно в быту народов. Прежде царская Россия была «тюрьмой народов», в ней господствовал режим жестокого национального гнета. Теперь СССР—дружная семья братских народов, трудящихся совместно над построением коммунистического общества. Многие из народов царской России были отсталыми по своему хозяйству, общественному строю, культуре, в их материальном быту сохранялись примитивные формы, письменность была слабо распространена, у иных отсутствовала совсем. Теперь отсталость быстро преодолевается, многие из народов отсталых окраин вышли в ряды передовых по экономике и культуре. Если большинство населения старой России терпело вечно материальную нужду, а иные народы, как особенно народы Крайнего Севера, находились в состоянии хронического голодания, то теперь от этой материальной нужды не осталось и следа: она уступила место зажиточной жизни как среди колхозного крестьянства, так и среди рабочих и интеллигенции.

Ликвидация многоукладности. Наследие прошлого особенно заметно сказывалось в крайнем разнообразии социально-экономических укладов у народов нашей страны. Вплоть до самой революции в России среди разных ее народов можно было наблюдать необыкновенное множество самых различных форм социальных отношений, начиная от глубоко архаичных—особенно у народов Севера—вплоть до развитых капиталистических форм у населения центральных областей страны. В первые годы после революции это разнообразие укладов не уменьшилось, а еще более увеличилось, ибо к остаткам прежних укладов прибавились новые, внесенные социалистической революцией формы. Сводя все разнообразие социально-экономических отношений в несколько основных типов социальных укладов, Ленин в 1918 и 1921 гг. писал о наличии в России пяти таких основных укладов: это патриархально-натуральное, мелко-товарное, частно-капиталистическое, государственно-капиталистическое и социалистическое хозяйство. Каждый из этих укладов, в особенности первые два, представляли собой в свою очередь довольно большое разнообразие форм.

Но прошло всего 10—15 лет, и положение коренным образом изменилось. Успешное выполнение пятилетних планов, быстрая индустриализация страны, мощное колхозное движение—преобразили всю экономическую структуру Советского Союза. Уже в 1934 г. XVII партийный съезд установил, что из прежних пяти укладов три—патриархально-

натуральный, частно-капиталистический и государственно-капиталистический—«уже не существуют», мелко-товарный хозяйственный уклад (имеются в виду «единоличные крестьяне, продающие хлеб») «оттеснен на второстепенные позиции», а социалистический уклад стал «безраздельно господствующей и единственно-командующей силой во всем народном хозяйстве».

Эта «ликвидация многоукладности» народного хозяйства СССР означала для самих народов ускоренное изживание отсталых социально-экономических отношений, подтягивание форм хозяйства отсталых народов к более высокому уровню. Для народов, не прошедших стадию промышленного капитализма, это означало не что иное, как реализацию ленинского учения о некапиталистическом пути развития к социализму.

Когда этнограф в настоящее время говорит о различных особенностях социальной структуры того или иного из народов СССР, он имеет в виду почти исключительно прежнюю социальную структуру. В наши дни это прежнее разнообразие социальных форм почти не существует. Теперь социальный или классовый состав всех народов Советского Союза приблизительно одинаков: это колхозное крестьянство, рабочие и трудовая интеллигенция. Разница между отдельными народами сводится главным образом к количественному соотношению между этими классовыми группами и к их историческому возрасту. Качественные же различия между общественным бытом отдельных народов СССР выражаются в настоящее время разве лишь в различиях в семейном быту и в некоторых слабо сохранившихся от прошлого традициях и обычаях.

Этнография народов СССР и историческая наука. Познавательное значение этнографического материала по народам СССР особенно велико для исторической науки, хотя именно историки используют его, к сожалению, обычно далеко не в достаточной степени. Если говорить об историческом изучении каждого отдельного народа, то первый и основной вопрос—это вопрос о происхождении этого народа. А вопрос этот, как мы видели на очень многих примерах, не может быть полностью решен без серьезного привлечения этнографических данных. Но и позднейшая культурная история каждого данного народа, история его связей с окружающими и более отдаленными народами, не может быть понята без внимательного анализа современного этно-культурного облика всех этих народов. Что можно было бы сказать определенного, например, о происхождении башкир, если не подвергнуть серьезному изучению необычайно разнообразные формы культуры и быта этого народа? Можно ли надеяться без такого же изучения понять происхождение хотя бы хантов и манси или якутов, бурят, узбеков, черкесов и кабардинцев, молдаван?

Но если в отношении этих и многих других, в прошлом отсталых и почти бесписьменных народов привлечение этнографического материала при исследовании вопроса о их происхождении кажется само собой разумеющимся, и практически так и происходит, то в отношении, например, восточнославянских народов это обстоит, к сожалению, далеко не так: О происхождении русских, украинцев, белорусов писали и спорили очень много, и по этому поводу существуют различные, более или менее обоснованные концепции. Концепции эти опираются на сообщения летописей и других древних письменных памятников, на данные языка, на археологические источники и пр. Но почти никто до сих пор не попытался использовать для решения данной проблемы явления материальной культуры современных восточнославянских народов—типы построек и поселений, формы народной одежды, средства передвижения, а также те или иные обычаи, обряды, представления и пр. Однако, как мы видели выше, распределение этих форм народного быта отнюдь не случайно, оно стоит в связи с определенными этническими группами и указывает во многих случаях на несомненные исторические связи между народами в прошлом. Совершенно бесспорно, что более полное привлечение этих и других этнографических данных поможет гораздо шире и вернее понять и происхождение интересующих нас народов и их древнюю и более позднюю культурную историю.

Но этнографический материал дает исторической науке важные сведения не только в отношении истории отдельных народов или хотя бы групп их. Он является незаменимым, во многих случаях даже единственным, источником для понимания некоторых общих вопросов истории человечества, особенно ранних стадий его развития: истории первобытно-общинного строя и его разложения. Из народов СССР, правда, ни один не стоял в доступную нашему наблюдению эпоху на ступени настоящего первобытно-общинного строя; но более или менее ясные пережитки этого строя сохранялись еще недавно у очень многих, а у некоторых народов отдельные

первобытно-общинные пережитки сохраняются доныне. Для изучения этих пережитков с общеисторической точки зрения этнографические наблюдения над народами СССР дают неоценимый материал: пережитки матриархата, архаических форм брака и семьи, патриархально-родовых отношений, мужских союзов, а далее патриархально-феодальные отношения, сельская община в разных ее видах, различные формы организации ремесла и обмена—все это и многое другое можно изучать на богатейшем конкретном материале, относящемся к сравнительно недавнему прошлому тех или иных народов СССР.

Этнография народов СССР, экономическая наука и политика. Для экономистов этнографический материал по народам СССР представляет в высшей степени ценный источник не только в чисто научном, но и в практическом отношении. Для экономической географии СССР весьма важно серьезное изучение исторически сложившихся типов хозяйства у населения тех или иных географических зон: арктического побережья, тундры, лесной полосы, долин больших рек, лесостепной зоны, южных степей, высокогорных областей, южных субтропических районов. Учет этих традиционных зональных типов хозяйства необходим и при планировании распределения производительных сил в связи с дальнейшим развитием народного хозяйства советской страны. И хотя современные экономические районы СССР отнюдь не повторяют старых, исконно существовавших хозяйственных ареалов, ибо они опираются на несравненно более высокий общий уровень производительных сил, на использование более разнообразных природных ресурсов, особенно ископаемых богатств, однако и традиционное, «этнографическое» размещение хозяйственно-географических областей сохраняет свое важное значение, и на основе издавна существовавших там форм хозяйства сейчас создаются определенные направления социалистической экономики: крупное животноводческое хозяйство степей и горно-пастбищных районов, крупная рыбная промышленность на морских побережьях и в долинах больших рек, государственное оленеводство в тундре, мощное зерновое хозяйство в южной черноземной и лесостепной полосе и др.

Народное творчество и искусствоведческие науки. Воспитательное его значение. Этнография народов СССР есть, далее, поставщик ценнейшего материала для целого ряда научных дисциплин, изучающих искусство во всех его видах. Народное творчество представляет собой корни и истоки всех существующих видов профессионального искусства: живописи и ваяния, музыки и танцев, театра и художественной литературы. Изучая историю развития каждого из этих видов искусства в любой стране или у всего человечества, исследователь неминуемо начинает свое изучение с народных форм творчества. У народов СССР это последнее настолько богато, разнообразно, содержательно, что это всегда бросалось в глаза и неспециалистам. При специальном же изучении истории того или иного вида искусства, в частности в нашей стране, так же невозможно оставить без внимания народные формы этого искусства, как невозможно оторвать его от профессиональной художественной деятельности. Например, совершенно немыслимо что-нибудь понять в истории русской музыки, если не знать достаточно хорошо песенное творчество русского, да и украинского и многих других народов.

Но народное творчество представляет не только богатейший чисто познавательный материал, т. е. материал для научного изучения,—это есть и огромное поле приложения сил для практической работы. Изучение народного искусства неотделимо для советского ученого от задач содействия его дальнейшему развитию. Никогда и ни в одной стране возможности этого развития не были такими огромными, как в эпоху построения социализма в СССР. Поднятие общего материального благосостояния населения открыло путь развития многим творческим силам, которым раньше не давала ходу тяжелая материальная нужда. Советская жизнь дает множество поводов для проявления художественных потребностей человека. Самодеятельное искусство пользуется всяческой поддержкой и поощрением со стороны правительства и общественных организаций. И если грань между народным и профессиональным искусством и прежде была в сущности условной и нерезкой, то теперь она тем более стирается. Народное творчество более, чем когда-либо, питает и оплодотворяет работу мастеров профессионального искусства. Вышедшие из народа артисты, певцы, музыканты, поэты, художники усваивают высокую культуру современного цивилизованного мира, приобщаются к этой культуре, повышают собственное мастерство. В руководстве этой важнейшей работой принимают участие, помимо специалистов по соответствующему

виду искусства, также и знатоки народного быта—этнографы.

Но изучение народного творчества имеет не только большое познавательное значение и не только важно с практической точки зрения,—оно имеет и огромную воспитательную ценность. Именно народное искусство, неисчерпаемо богатое, бесконечно разнообразное, глубоко идейное, приучает нас уважать и ценить народ, создателя этого искусства; и именно в этой области больше, чем в какой-либо иной, раскрывается своеобразие, специфика каждого отдельного народа, неповторимость его культурного облика. Изучение народного творчества, воспитывающее в нас уважение к каждому народу, большому или малому, служит поэтому для нас лучшим оружием против реакционно-буржуазного космополитизма, который отрицает как раз своеобразие, индивидуальность культур отдельных народов. Вместе с тем серьезное изучение быта, культуры, творчества различных народов содействует их взаимному сближению, взаимопониманию, укреплению дружбы между народами.

Разнообразие культур. Хозяйственно-культурные типы. Одним из наиболее характерных и распространенных фактов, который мы могли видеть в проделанном нами обзоре, является крайнее разнообразие культур, культурных типов и форм на необъятной территории нашей родины. Само по себе это огромное богатство и разнообразие культурных явлений может считаться положительным и ценным фактом, важным не только в научном отношении, но и в культурной жизни нашей страны. Разнообразие культурных типов не может быть сведено к одним только ступеням развития. Не в одном лишь различии высоты культурного уровня здесь дело. Помимо несомненной неодинаковости уровня культурного развития, мы можем установить и наличие некоторых качественных своеобразий различных культурных форм, форм хозяйства, культурно-бытовых типов, которые не всегда могут быть так упрощенно сравниваемы между собой по высоте.

Мы видим здесь прежде всего влияние материальной среды. Одно дело те культурно-хозяйственные типы, которые сложились в условиях северной арктической и субарктической полосы, где издавна преобладало северное промысловое хозяйство и где весь комплекс элементов материальной культуры и вся социальная жизнь исторически сложились на этом основании. Другое дело—полоса южных степей, где с древности преобладал кочевой скотоводческий тип хозяйства и связанные с ним формы материальной и духовной культуры. Исторически близок к нему тип оседлой высокоразвитой культуры, который образовался в условиях земледельческих оазисов Средней Азии, где основой существования человека было использование приносимой реками воды для земледелия. Опять иное дело—лесостепная и лесная полоса Восточно-Европейской равнины, где издавна сложился свой самобытный земледельческо-оседлый тип, наиболее резко выраженный у русского народа. Наконец, особняком стоит тот тип культуры, который сформировался в высокогорных областях Кавказа и Средней Азии.

Таким образом, мы видим здесь несомненное влияние физико-географической среды на формирование культурных типов.

С другой стороны, необходимо иметь в виду влияние исторических условий, исторических культурных связей и взаимовлияний и тех культурных наслоений, которые могут быть прослежены путем этнографического анализа и в культуре каждого отдельного народа, и в культуре определенной географической области в целом. Этот факт также нельзя недоучитывать. Он вносит существенные поправки в те культурные влияния, которые исходят из самой физико-географической среды.

Но культуры разных народов отличаются не только по своему качеству, но и по некоторой неравномерности развития отдельных их сторон. Благодаря определенным историческим условиям, условиям среды и т. п. один народ в течение своей многовековой культурной жизни развил одну область культуры и остался позади в других областях. Другой народ, напротив, может гордиться иными достижениями. Беря, например, узкую область художественной деятельности, у одного народа мы находим богато развитое орнаментальное искусство, которое у других народов не развилось. Например, оно достигло высокого уровня своего развития у русского, украинского, восточнофинского населения, у некоторых народов Кавказа и Средней Азии, у тунгусов и, напротив, очень слабо выражено у евреев, у алтайцев, у калмыков, у цыган. У других народов мы находим замечательное развитие музыкального искусства, песенного, инструментального: например, у украинцев, русских, грузин, евреев, цыган; оно гораздо слабее выражено, например, у народов Сибири.

Эта неравномерность развития культурных ценностей имеет также положительное значение, поскольку она усиливает и делает более продуктивным культурное содружество, общение и взаимный обмен культурными ценностями между различными народами. Она сближает между собой разные народы, по разному проявившие себя в различных областях художественного и культурного творчества.

Это сближение тем более естественно и исторически закономерно, что все народы СССР, несмотря на разнообразие их культур, с древности спаяны между собой глубокой исторической общностью. Территория Советского Союза с самых отдаленных времен, по крайней мере с эпохи неолита, представляет собой некое единство. Археологические исследования показывают, что уже в неолитическое время, а тем более в позднейшие эпохи бронзы и железа, между отдельными областями нашей страны существовало более или менее тесное культурное общение.

Это общение в ходе истории по временам ослаблялось, но никогда не прерывалось. Политическое объединение страны в рамках Русского государства в X—XI и в XIV—XIX вв. было лишь закреплением искони существовавшей экономической и культурной общности.

Обмен культурным опытом. В противовес всем темным сторонам старого быта, необходимо подчеркнуть тот положительный культурный опыт, накопленный всем развитием человечества, который является ценным наследием, доставшимся нам от прошлого, и который может играть и играет положительную роль в нашем социалистическом строительстве. Обмен культурным опытом отдельных братских народов нашей страны приобрел особо важное значение как раз в наши дни. Наиболее наглядно в этом смысле взаимное проникновение форм и стилей в области народного творчества. Оно поддерживается установившейся у нас хорошей традицией «декад национального искусства», гастролей национальных театров, ансамблей, устройства разных фестивалей, юбилеев и пр., когда широко популяризируется, в особенности в культурных центрах Союза, народное искусство, литература национальных республик и областей. Эта новая традиция сейчас на более высоком историческом уровне выполняет исконную функцию взаимного обмена культурными ценностями, культурным опытом между отдельными братскими народами. Изучение и пропаганда этого культурного опыта, этих ценностей—одна из самых важных задач этнографической науки в нашей стране, одна из самых крупных заслуг советских этнографов.

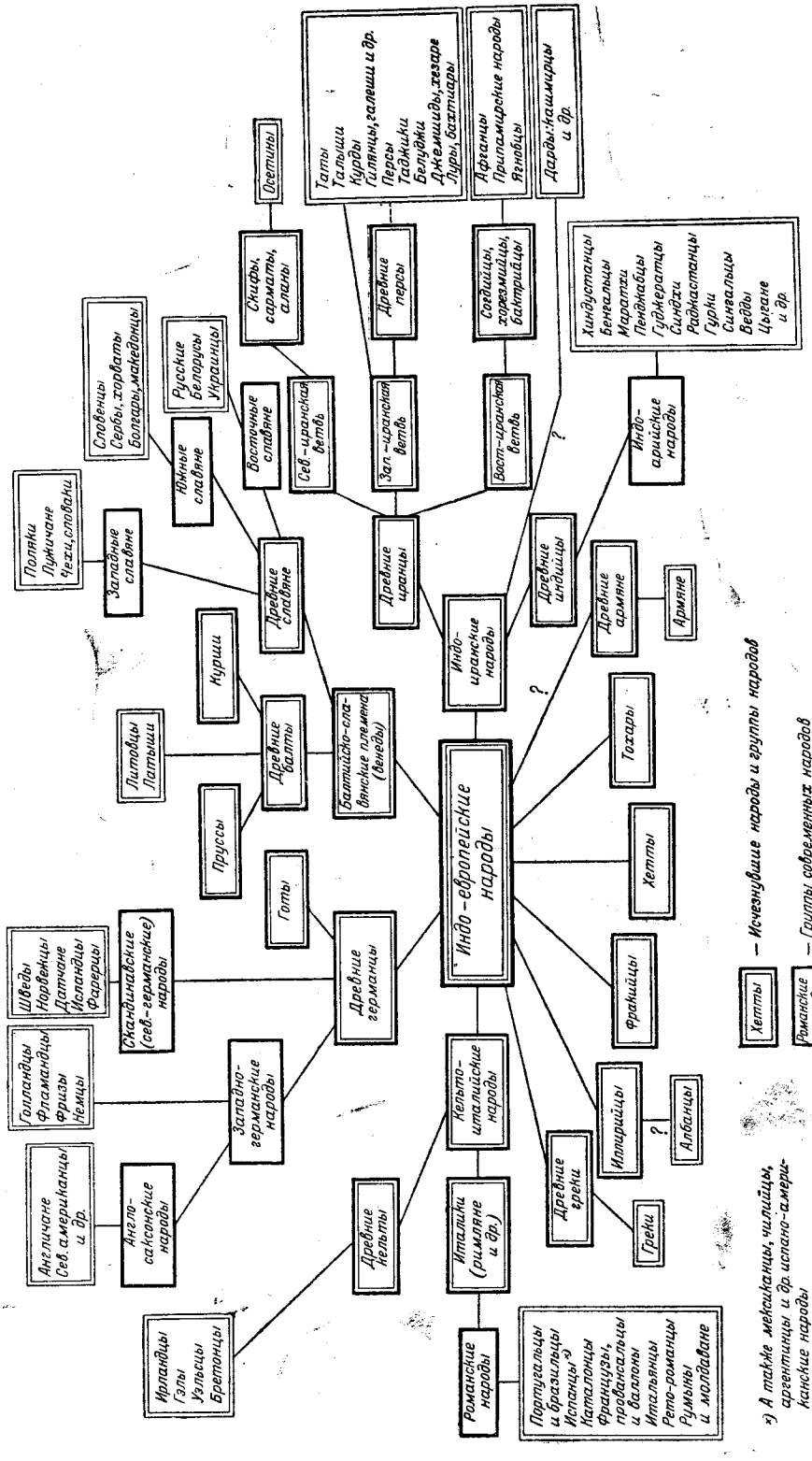

Схема группировки народов индо-европейской языковой семьи

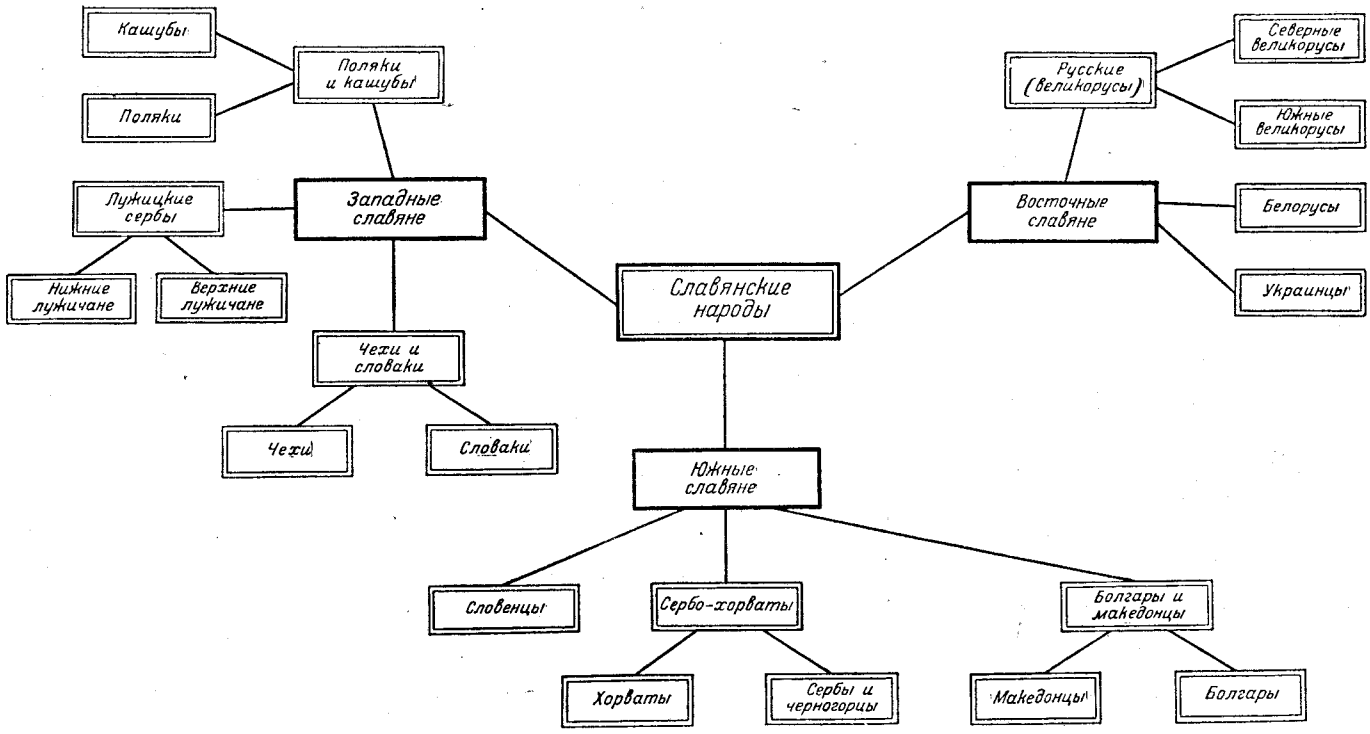

Схема группировки современных **славянских** народов и языков

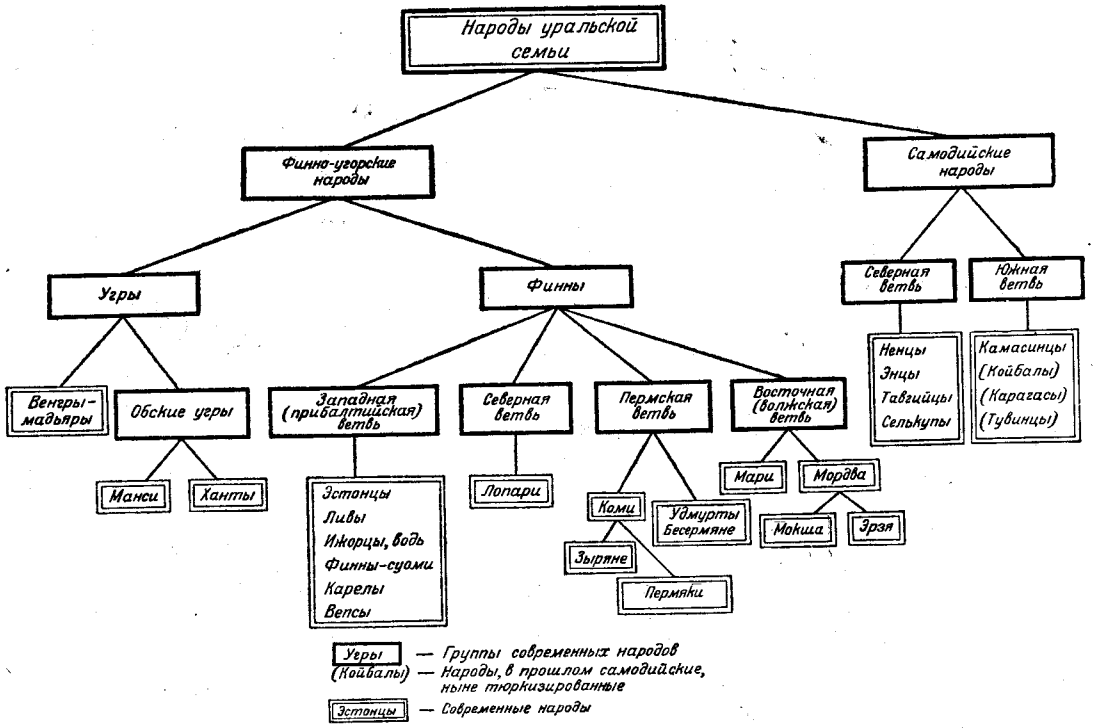

Схема группировки народов **уральской** языковой семьи

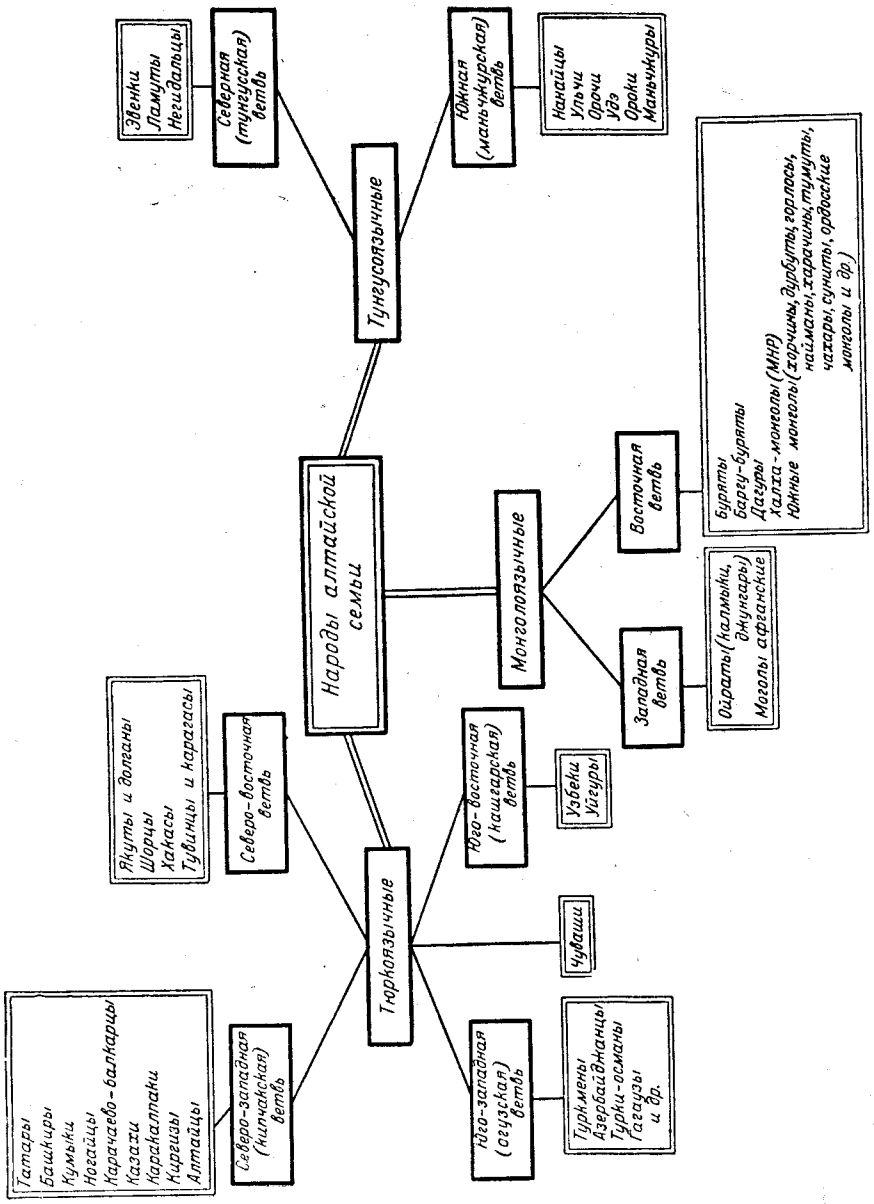

Схема группировки народов алтайской языковой семьи

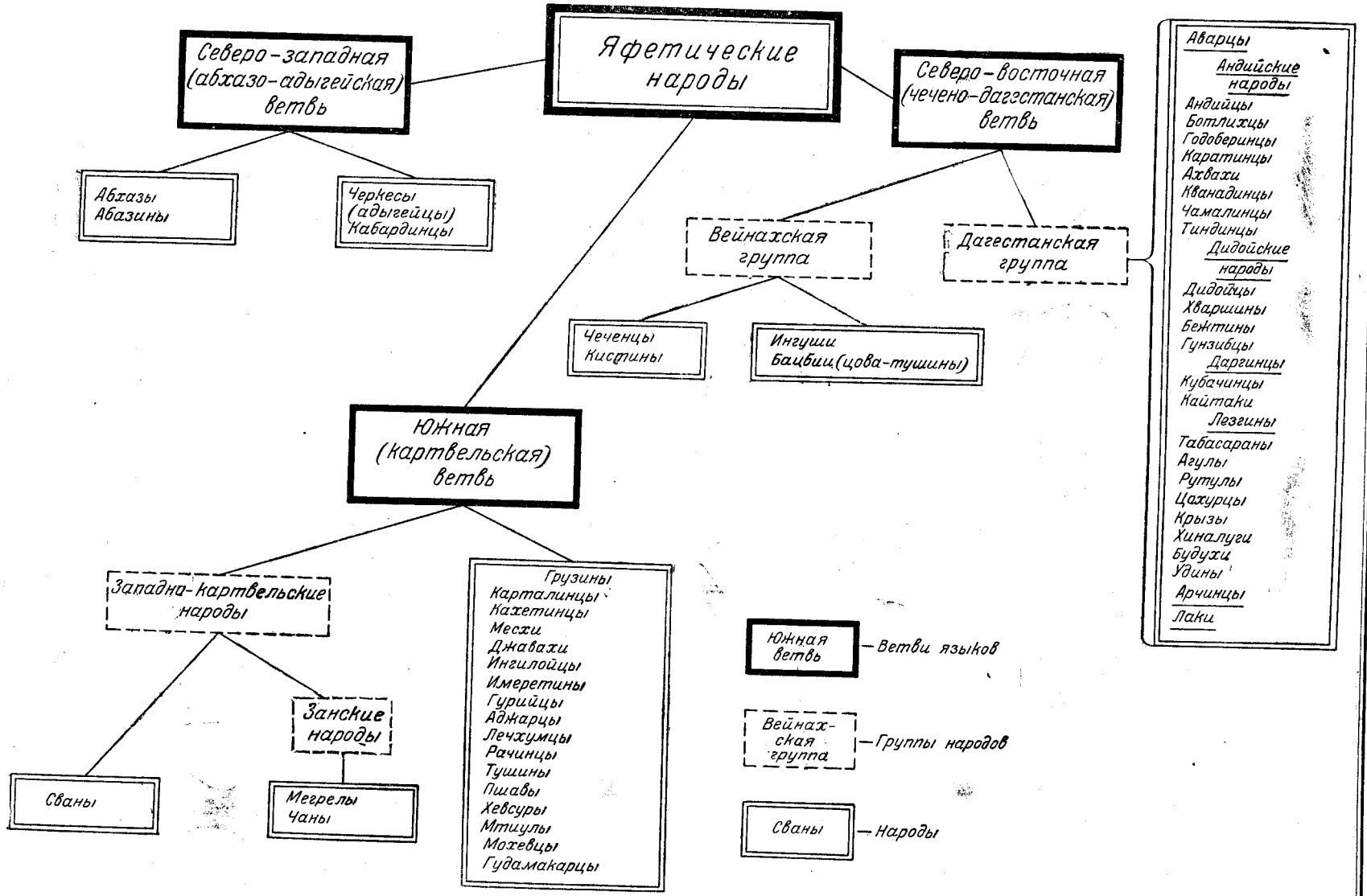

Схема группировки народов яфетической (кавказской) языковой семьи

ЛИТЕРАТУРА

РУКОВОДЯЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, изд. 2-е. Госполитиздат, 1951.

Маркс К. Письмо к В. Засулич. Архив Маркса и Энгельса, т. 1.

Энгельс Ф. Вновь открытый случай группового брака. Прилож. к книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Соч., т. 20, стр. 1—34.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Соч., т. 20, стр. 365—424.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. Соч., т. 21, стр. 84—88.

Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля. Соч., т. 31, стр. 215—220.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, стр. 290—367.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. К ВВЕДЕНИЮ

Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет (1845—1945). М.—Л., 1946.

Зарубин И. И. Список народностей СССР. Л., 1927.

Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России, 1700—1910. СПб., 1913.

Косвен М. О. Указатель библиографических указателей и обзоров литературы по этнографии народов СССР. СЭ, 1947, № 1.

Косвен М. О. Из истории ранней русской этнографии (XII—XVI вв.). СЭ, 1952, № 4.

Кушнер П. И. Об этнографическом изучении социалистической культуры и быта народов СССР. СЭ, 1953, № 1.

Левин М. Г. Н. Г. Чернышевский (К 125-летию со дня рождения). СЭ, 1953, № 4.

Максимов А. Н. Какие народы живут в России. М., 1919.

Описание всех обитающих в Российском государстве народов, чч. 1—4. Изд. 2-е. СПб, 1799.

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. 1. Тр. ИЭ, т. 30. М., 1956.

Потехин И. И. Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии. СЭ, 1949, № 2.

Пыпин А. Н. История русской этнографии, тт. 1—4. СПб., 1890—1892.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В. П. Семенова, тт. 1, 2, 3, 6, 7, 9, 14, 16, 18, 19. СПб., 1900—1915.

Рогинский Я. Я. и Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955.

Токарев С. А. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку. СЭ, 1948, № 2.

Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза. СЭ, 1949, № 3.

Токарев С. А. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии. СЭ, 1951, № 2.

Толстов С. П. Советская школа в этнографии. СЭ, 1947, № 4.

II. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

1. Общее

Артамонов М. И. Происхождение славян. Л., 1950.

Арциховский А. В. Культурное единство славян в средние века. СЭ, 1946, № 1.

Волков Ф. Этнографические особенности украинского народа. В кн. «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. 2. Пг., 1916.

Гильченко Н. Кубанские казаки. Изв. ОЛЕАЭ, т. 90, ч. 2. Тр. Антр. отд., т. 18, вып. 2.

Дмитриев С. С. Образование русской нации. Вопр. ист., 1955, № 7.

Довнар-Запольский М. Белоруссы. «Россия», изд. Семенова-Тяньшанского, т. 9. См. его же. Исследов. и статьи, I. Киев, 1909.

Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в н. э. ВДИ, 1941, № 1.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ., ч. I—II. Изв. ОЛЕАЭ, т. 30, вып. 1 и 2. Труды Этногр. отд., кн. 5, в. 1—2. М., 1877—1878.

Железнов И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков, тт. 1—3. СПб., 1910.

Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных, в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.

Зеленин Д. К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии. Ж. Ст., 1905, № 1—2.

История культуры древней Руси, тт. I—II. М.—Л., 1948—1951.

Карский Е. Ф. Белоруссы, т. I. Введение к изучению языка и народной словесности. Варшава, 1904.

Крупянская В. Ю. Опыт этнографического изучения уральских рабочих 2-й половины XIX в. СЭ, 1953, № 1.

Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., 1951.

Кузьмин И. О. Библиография по этнографии, фольклору и языку западных областей Белоруссии. СЭ, 1941, т. V.

Ломтев Т. П. Белорусский язык. М., 1951.

Максимов С. В. Год на Севере. 4-е доп. изд. М., 1890.

Нидерле Л. Обозрение современного славянства (Энциклопедия славянской филологии под ред. Ягича, вып. 2). СПб., 1909.

Пичета В. Образование белорусского народа. Вопр. истории, 1946, № 5—6.

Рыбаков Б. А. Древние руссы. СА, XVII, 1953.

Соболевский А. И. Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907

Соболевский А. И. Русско-скифские этюды. Л., 1924.

Соболевский А. И. Заметки по славянским древностям. Новые русско-скифские этюды. Л., 1926.

Спицын А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, VIII.

Толстов С. П. Нарцы и волхи на Дунае. СЭ, 1948, № 2.

Толстов С. П. К проблеме аккультурации. Э, 1930, № 1—2.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, изд. 2-е, М., 1953.

Трофимова Т. А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. СЭ, 1946, № 1.

Удальцов А. Д. Проблема происхождения славян в свете современной археологии. Вопр. ист., 1949, № 2.

Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. ЖМНП, 1899, IV.

Шахматов А. А. К вопросу о древнейших славяно-кельтских взаимоотношениях. Уч. зап. Казанск. ун-та, 1912, кн. 8.

Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка, ч. I. Пг., 1916.

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, тт. I—III. СПб., 1887—1902

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882.

Lehr-Spławiński, Tad. O pochodzeniu i praojezyźnie Słowian. Poznań, 1946.

Niederle, Lubor, Slovanské Starožitnosti. Praha, 1902—1921.

Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. I. Kraków, 1929

Zelenin Dm. Russische (Ost-Slavische) Volkskunde. Brl.—Lpz., 1927.

2. Материальное производство и материальная культура

Ащепков Е. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950.

Ащепков Е. А. Русское деревянное зодчество. М., 1950.

Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953.

Бломквист Е. Э. Общие черты в крестьянском жилище русских и украинцев. СЭ, 1954, № 4.

Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточно-славянский этнографический сборник. Тр. ИЭ, т. 31. М., 1956.

Богданов В. В. Из истории женского южновеликорусского костюма. ЭО, 1914, № 1—2.

Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926.

Витов М. В. О классификации поселений. СЭ, 1953, № 3.

Витов М. В. Гнездовой тип расселения на русском севере и его происхождение. СЭ, 1955, № 2.

Воейков А. И. Людность селений Европейской России и Западной Сибири. Изв. ИРГО, 1909, т. 45. № 1—3.

Ганцкая О. А. Материальная культура колхозников Бобруйской области БССР (автореферат диссертации). М., 1952.

Громов Г. Г. Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища. СЭ, 1955, № 1.

Зеленин Д. К. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1908.

Куфтин Б. А. Материальная культура русской мещеры. М., 1926.

Лебедева Н. И. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки, ч. 1. М., 1927.

Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929.

Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX—начале XX в. Восточнославянский этнографический сборник. Тр. ИЭ, т. 31. М., 1956.

Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952.

Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья. М., 1954.

Маслова Г. С. Селения и постройки колхозов Московской области. СЭ, 1951, № 2.

Маслова Г. С. Русские постройки Среднего Поволжья. СЭ, 1953, № 1.

Маслова Г. С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды. СЭ, 1954, № 2.

Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX в. Восточнославянский этнографический сборник. Тр. ИЭ, т. 31. М., 1956.

Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, вып. 32, М., 1956.

Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.

Сельскохозяйственный промысел в России. Изд. Департ. земледелия, Пг., 1914.

Семенов-Тян-Шанский В. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910.

Силантьев А. А. Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898.

Советов А. В. О системах земледелия. СПб., 1867. См. также Избр. соч. М., 1950.

Толстов С. П. Русские крестьянские постройки. Э, 1927, № 1, 2.

Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Л., 1932.

Харузин А. Славянское жилище в северо-западном крае. Вильна, 1907.

Чернов Ев. Наши кустарные промыслы. Производство игрушек. В кн. «Живописная Россия», I, 1901.

Чижикова Л. Н. Декоративное искусство русских народных мастеров-строителей. СЭ, 1953, № 3.

Чижикова Л. Н. Русское народное жилище Верхнего Поволжья. ИЭКС, XIX, 1953.

Чижикова Л. и Шмелева М. Современное русское крестьянское жилище. СЭ, 1955, № 1.

Шмелева М. Н. Типы женской народной одежды украинского населения Закарпатской области. СЭ, 1948, № 2.

Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956.

Юрченко П. Народное жилище Украины. М., 1941.

Harasymczuk R., Tabor W., Etnografia polonin huculskich. Lwów, 1938.

3. Общественный быт и духовная культура

Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

Астахова А. М. Северные былины. Л., 1940.

Бабенчиков М. В. Народное декоративное искусство Украины и его мастера. М., 1945.

Беляев В. Белорусская народная музыка. Л., 1941.

Будзан А. Ф. Резьба по дереву в западных областях Украины. СЭ, 1954, № 2.

Бутник-Сиверский Б. Народное искусство Советской Украины. СЭ, 1954, № 2.

Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, тт. 1—3, изд. 2-е. СПб., 1894—1900.

Гиппиус Е. В. О русской народной подголосочной полифонии в конце XVIII—начале XIX в. СЭ, 1948, № 2

Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном искусстве. Тр. ГИМ, 1926, вып. 1.

Динцес Д. и Большева К. Народные художественные ремесла Ленинградской области. СЭ, 1939, II.

Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. I. М., 1884.

Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии, вып. I, Пг., 1916.

Кагаров Е. Г. Религия древних славян. М., 1918.

Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. М., 1864.

Кауфман А. Крестьянская община в Сибири. М., 1908.

Косвен М. О. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище. СЭ, 1950, № 2.

Крупянская В. Ю. Народное песенное творчество послевоенного периода. СЭ, 1951, № 3.

Кушнер П. И. Об этнографическом изучении колхозного крестьянства. СЭ, 1952, № 1.

Линева Е. Великорусские песни в народной гармонизации, вып. 1—2. СПб., 1904—1909.

Львов-Прач. Собрание народных русских песен с их голосами. М., 1955.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1903.

Мельгунов Ю. Н. Русские песни, непосредственно с голосов народа записанные. М., 1879—1885.

Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956.

Перетц В. Н. Кукольный театр на Руси. Исторический очерк. СПб., 1895.

Познанский Н. Заговоры. Пг., 1917.

Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.

Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955.

Ровинский Д. Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский, кн. 1—5. СПб., 1881.

Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, № 1.

(Рыбников П. Н.) Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1—2. М., 1861—1862; ч. 3. Петрозаводск, 1864; ч. 4. СПб., 1867.

Соболев Н. Н. Русский орнамент. М., 1948.

Соколов Б. М. Былины. М., 1918.

Соколов Ю. М. Обзор работ по фольклору за революционный период. Э., 1926, № 1—2.

Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1938.

Соколовский П. А. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877.

Сумцов Н. Ф. К вопросу о влиянии греческого и римского свадебного ритуала на малорусскую свадьбу. Киев, 1886.

Ткаченко Т. Народный танец. М., 1954.

Фаминцын А. С. Гусли, русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1890.

Хохол Ю. Ф. Резьба по дереву в районах Черновицкой и Станиславской обл. СЭ, 1953, № 2.

Чичеров В. И. Русские колядки и их типы. СЭ, 1948, № 2.

Шейн П. В. Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами и пр. СПб., 1875.

Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. 1. СПб., 1900.

Шереметьева М. Е. Тарусская артель вышивальщиц. СЭ, 1953, № 2.

III. НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

Балтийский этнографический сборник. Тр. ИЭ, т. 32. М., 1956.

Моора Х. А. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. ИЭКС, XII, 1950.

Чебоксаров Н. Н. Этнографическая работа в Советской Прибалтике. СЭ, 1949, № 4.

Чебоксаров Н. Н. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии. ИЭКС, XII, 1950.

1. Литовцы

Глемжайте М. Н. Народное прядение и ткачество литовцев. ИЭКС, XV, 1952.

Гозина Г. И. Жилище и хозяйственные строения восточной Литвы XIX—нач. XX в. Балтийск. этнографич. сборник Тр. ИЭ, т. 32. М., 1956.

Дундулене П. В. Земледелие в Литве в эпоху феодализма. Балтийск. этнографич. сборник. Тр. ИЭ, т. 32. М., 1956.

Кудринский Ф. Литовцы (общий очерк). Вильно, 1905.

Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. Тр. ИЭ, т. 15. М., 1951.

Литовское изобразительное искусство. Вильнюс, 1954.

Погодин А. Очерк литовских свадебных ораций. Ж. Ст., 1894, вып. 1.

2. Латыши

Вольтер Э. А. Материалы для этнографии латышского племени Витебской губ., ч. I. Праздники и семейные песни латышей. СПб., 1890.

Дауге А. П. Латыши. Пг.—М., 1917.

История Латвийской ССР, т. 1. Рига, 1952.

Новоселов Ю. Латыши. Рига, 1911.

Пумпур А. Лачплесис. Латышский народный герой. Рига, 1948.

Терентьева Л. Н. Социалистические преобразования в хозяйстве, быту и культуре латышского крестьянства. ИЭКС, XVIII, 1953.

Терентьева Л. Н. К вопросу о переходе от хуторского расселения к колхозным поселкам в Латвийской ССР. СЭ, 1954, № 1.

Трейланд Ф. Я. Народные песни латышей (Сб. антроп. и этногр. статей о России и странах ей прилежащих, изд. Дашковым, кн. 2). М., 1873.

Dombrovski J. L'art letton. Riga, 1926.

3. Эстонцы, ливы, вепсы и др.

Белицер В. Н. Этнографические работы в Эстонской ССР в 1949 г. ИЭКС, XII, 1950.

Вопросы этнической истории эстонского народа. Сб. статей под ред. Х. А. Моора. Таллин, 1956.

Вульфсон Э. С. Эсты, их жизнь и нравы. М., 1908.

История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Таллин, 1952.

Каливипоэг. Эстонский народный эпос. Собр. и обработ. Фр. Крейцвальд. Таллин, 1950. То же, М., 1956.

Макарьев С. Вепсы, этнографический очерк. Л., 1932.

Шегрен А. Извлечение из отчета об этнографической экспедиции в Лифляндию и Курляндию. Зап. ИРГО, СПб., 1847.

Шлыгина Н. В. Эстонское крестьянское жилище в XIX—начале XX в. Балтийский этнографический сборник. Тр. ИЭ, т. 32, М., 1956.

Heikel, Axel. Die Volkstradition in den Ostseeprovinzen und in Setukesien. Hels., 1909.

Leinbock T. Die materielle Kultur der Esten. Tartu, 1932.

Manninen J. Die Sachkultur Estlands, I—II. Tartu, 1931—1933.

Wiedemann F. J. Ueber die Nationalität und Sprache der jetzt ausgestorbenen Kreewinen in Kurland. St. Pet., 1871.

Wiedemann F. J. Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten. St. Pet., 1876.

НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

1. Карелы

Брюсов А. Я. История древней Карелии. Тр. ГИМ, вып. IX, М., 1940.

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Западнофинский сборник. Л., 1930.

Калевала. Карело-финский эпос. М., 1949.

Карельские сказки. Сост. И. Пажлаков. Петрозаводск, 1947.

Линевский А. М. Карелы. СЭ, V, 1941.

Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. Тр. ИЭ, т. 11, М., 1951.

2. Лопари

Сенкевич-Гудкова В. В. Сказки Иоканьгских саамов как исторический источник. Уч. зап. Карельск. пед. ин-та, т. III, вып. 1, сер. ист.-филол. наук, 1956.

Харузин Н. Русские лопари. М., 1890.

Чарнолусский В. В. Материалы по быту лопарей. Л., 1930.

Шмаков И. Н. Обзор работ и библиографический указатель литературы о русских лопарях. Изв. ГГО, т. 67, 1930, № 4.

3. Коми

Арсеньев Ф. А. Зыряне и их охотничьи промыслы. М., 1873.

Белицер В. Н. Народное изобразительное искусство коми. ИЭКС, X, 1950.

Белицер В. Н. У зюздинских коми-пермяков. ИЭКС, XV, 1952.

Жеребцов Л. Н. Современное жилище народа коми (автореферат диссертации). М., 1952.

Кузнецов С. К. К вопросу о Биармии. ЭО, 1905, кн. № 2 и 3.

Луначарский А. В. Пермские боги. «Сов. искусство», 1928, № 5.

Серебренников Н. Н. Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1928.

Смирнов И. Н. Пермяки. Казань, 1891.

Фольклор народа коми. Т. I—Предания и сказки. Архангельск, 1938.

Чебоксаров Н. Н. Этногенезис коми по данным антропологии. СЭ, 1946, № 2.

Sjögren Joh. A. Die Syrjänen, ein historisch statistisch-philologischer Versuch (Gesammelte Schriften, B. 1, St. Pet., 1861).

НАРОДЫ ВОЛГО-КАМЬЯ

1. Общее и о восточно-финских народах

Алихова А. Е. Мордва и мурома. КСИИМК, XXX, 1949.

Бадер О. Н. Археологические памятники Прикамья. Молотов, 1950.

Белицер В. Н. К вопросу о происхождении бесермян. Тр. ИЭ, т. 1, М., 1947.

Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. Тр. ИЭ, т. 10, М., 1951.

Бердников В. М. и Гударевская Е. А. Поэтика марийских народных песен. Йошкар-Ола, 1945.

Горюнова Е. И. К вопросу о племенной принадлежности летописной мери. ИЭКС, XVII, 1952.

Ильин Я. Рой книг. Собрание книг и статей об удмуртах (вотяках). 1762—1928. Ижевск, 1929.

Кириллов П. С. Поэзия мордвы. Саранск, 1948.

Козлов В. И. Расселение мордовского народа в середине XIX—начале XX в. (автореферат диссертации). М., 1956.

Крюкова Т. А. Марийская вышивка. М., 1951.

Кузнецов С. К. Черемисская секта кугусорта. ЭО, 1908, № 4.

Кузнецов С. К. Русская историческая география. Курс лекций в московском археологическом институте. Вып. 1. Меря, мещера, мурома, весь. М., 1910. Вып. II, Мордва. М., 1912.

Луппов П. Н. Громкое дело мултанских удмуртов (вотяков), обвинявшихся в человеческом жертвоприношении (1892—1896). 1925.

Марийские народные песни. Л.—М., 1951.

Маркелов М. Т. и Толстов С. П. К истории терюханской народной культуры. Э, 1928, № 2. На удмуртские темы (сб. стат.). Уч. зап. НИИ народов Сов. Вост., 1, 2, 1931.

Петров А. А. Библиографический указатель книг, статей и заметок, касающихся черемис. Изв. Оренбургск. отд. ИРГО, т. 16, 1901.

Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870.

Смирнов А. П. Очерки древней истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, М., 1952.

Смирнов И. Н. Черемисы. Ист.-этногр. очерк. Казань, 1889.

Смирнов И. Н. Вотяки. Ист.-этногр. очерк. Казань, 1890.

Смирнов И. Н. Мордва. Ист.-этногр. очерк. Казань, 1895.

Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии по материалам экспедиции 1925 г. Пенза, 1929.

Толстов С. П. Нацмены ЦПО. М., 1928.

Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы. СЭ, 1952, № 1.

Черепнин Л. В. Материалы для библиографии по истории мордовского народа. Саранск, 1941.

Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.

Ялкаев Я. Материалы для библиографического указателя по мариведению, 1762—1931. Йошкар-Ола, 1934.

Sirelius U. T. Ueber die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker. Finn-Ugr. Forsch., B. VIII, 1908, H. 1.

2. Чуваши

Ашмарин Н. И. Болгары и чуваши. Казань, 1902.

Воробьев Н. И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии. СЭ, 1950, № 3.

Воробьев Н. И. Краткие итоги изучения материальной культуры чувашей. СЭ, 1952, № 4.

Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р. Чуваши. Этнографическое исследование, ч. 1. Чебоксары, 1956.

Иванов А. Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей... на русском языке о чувашах в связи с другими инородцами Среднего Поволжья, 1756—1906. Казань, 1907. Изв. ОАИЭ, т. 23, вып. 2, 4.

Комиссаров Г. И. Чуваши Казанского Заволжья. Изв. ОАИЭ, т. 27, вып. 5. Казань, 1911.

Магнитский В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.

Миккола. Хронология дунайских болгар. Изв. ОАИЭ, т. 29 вып. 4. Казань, 1916.

Сбоев В. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. М., 1865.

Смирнов А. П. Волжские булгары, М., 1951. Тр. ГИМ, вып. 19.

Третьяков П. Н. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных. СЭ, 1950, № 3.

3. Татары

Ахмаров Г. Н. О языке и народности мишарей. Изв. ОАИЭ, т. 19, вып. 2. Казань, 1903.

Бектеева Е. А. Нагайбаки (Крещеные татары Оренбургской губ.). Ж. Ст., 1902, вып. 2.

Воробьев Н. И. Кряшены и татары. «Труд и хозяйство». Казань, 1929, № 5.

Воробьев Н. И. Казанские татары. Казань, 1953.

Пятницкий Вл. Карагачи (по материалам поездки 1927 г.). Землеведение, 1930, т. 32, вып. 3—4.

Рахим А. Материалы для библиографии по татароведению (1918—1930). Казань, 1930.

Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Тр. ИЭ, т. 7, М.—Л., 1949.

4. Башкиры

Аннинский С. А. Повести венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. «Истор. Архив», III, 1940.

Ахмаров Г. Н. Тептяри и их происхождение. Изв. ОЛАИЭ, т. 23, вып. 5, Казань, 1907.

Ахмеров Р. Б. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. СЭ, 1952, № 3.

Кузеев Р. Очерки исторической этнографии башкир, ч. I. Уфа, 1957.

Никольский Д. П. Библиографический указатель литературы о башкирах. М., 1900.

Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.

5. Калмыки

Житецкий Ир. А. Очерки быта Астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884—1886 гг. М., 1893.

Иакинф. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV в. до настоящего времени. ЖМВД, 1833, чч. 8 и 9.

Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852.

Пальмов Н. Этюды по истории приволжских калмыков, тт. 1—4. Астрахань, 1926—1929.

Христенко К. Указатель литературы о калмыцком народе (1728—1916). Элиста, 1941.

НАРОДЫ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЫ СССР

1. Молдаване

Берг Л. С. Бессарабия. Пг., 1918.

Берг Л. С. Население Бессарабии. Пг., 1923.

Влайков Н. Румынские дойны. Ж. Ст., 1914, вып. 1—2.

Молдавский фольклор. М., 1953.

Салманович М. Я. Жилище коренного населения Молдавской ССР. СЭ, 1947, № 4.

Сергиевский М. В. Молдавские этюды. М.—Л., 1936.

2. Гагаузы

Державин Н. С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов. СЭ, 1937, № 1.

Дяченко В. Д. Антропологические исследования гагаузов Молдавской ССР. ИЭКС, XV, 1952.

Марков Г. Е. Материалы по этнографии гагаузов, ИЭКС, XIX, 1953.

Мошков Л. Гагаузы Бендерского уезда. ЭО, 1900, № 1; 1901, № 1, 2; 1902, № 4.

3—4. Евреи, Караимы

Берлин М. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России. Э. сб., вып. 5, 1862.

Гаркави А. Исторические очерки караимства. СПб., 1897.

Еврейские народные песни. Сост. проф. Добрушин и А. Юдицкий, под ред. акад. Б. М. Соколова, 1947.

Небольсин П. Очерки частного быта евреев. Зап. ИРГО по отдел. этногр., т. 3, 1873.

Плисецкий М. С. Евреи в СССР. В кн. «Религиозные верования народов СССР», т. 2, М., 1931.

Систематический указатель литературы о евреях на русском языке, 1708—1889. СПб., 1893.

Субботин А. Хассиды и их значение среди русских евреев. (Живоп. Россия, 1, 1901).

Субботин А. Нечто о русских евреях. (Живоп. Россия, I, 1901).

5. Цыгане

Баранников А. П. Цыганы СССР. Краткий историко-этнограф. очерк. М., 1931.

Герман А. В. Библиография о цыганах. Указатель книг и статей с 1780 по 1930 г. М., 1930.

Елисеев А. О материалах для изучения цыган, собр. М. И. Кунавиным. Изв. ИРГО, 1881, т. II, 1—5.

Штейнпресс Б. К истории «цыганского пения» в России. М., 1934.

IV. НАРОДЫ КАВКАЗА

1. Введение

Бокарев Е. А. Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков. Вопр. яз., 1954, № 3.

Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. СПб., 1871.

Кавказский этнографический сборник. I. Тр. ИЭ, т. 26. М. 1955.

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, т. 1—2. М., 1890.

Косвен М. О. Очерки по этнографии Кавказа. СЭ, 1946, № 2.

Косвен М. О. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии. СЭ, 1951, № 1.

Куфтин Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. Вестник Гос. музея Грузии. XII-B, 1944.

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Тт. 1—2. СПб., 1890—1906.

Леонтович Ф. А. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882—1883, ч. 1—2.

Мещанинов И. И. Халдоведение. Баку, 1927.

Миллер В. Ф. Кавказские предания о великанах, прикованных к горам. ЖМНП, 1883, I.

Пиотровский Б. Б. Урарту, древнейшее государство Закавказья. Л., 1939.

Пульнер И. Материалы для библиографии Кавказа. СЭ, 1936, № 4—5.

Семенов Л. П. Обзор русской этнографической литературы о Кавказе за 1917—1927 гг. Э, 1928, № 2, 1929, № 1.

Худадов В. Н. Закавказье (Истор.-эконом. очерк). М.—Л., 1926.

Худадов В. Н. Опыт этнографии Кавказа в классическую эпоху. Изв. ГГО, 1930, т. 62, вып. 4.

2. Народы Дагестана

Бартольд В. В. К вопросу о происхождении кайтаков. ЭО, 1910, № 1—2.

Габиев Саид. Лаки, их прошлое и быт. СМОМПК, вып. 36, 1906.

Козубский Е. И. Дагестанский сборник, вып. I, Темир Хан Шура, 1902.

Мовчан Г. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, 1947, № 4.

Народы Дагестана. Сб. статей. М., 1955.

Никольская З. А. Этнографическое описание Даргинского колхоза. (Вопросы этнографии Кавказа, Тб., 1952).

Никольская З. А. Исторические предпосылки национальной консолидации аварцев. СЭ, 1953, № 1.

Никольская З. А. и Шиллинг Е. М. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. СЭ, 1952, № 4.

Салько Н. Б. Ковры Южного Дагестана. СЭ, 1951, № 2.

Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Истор.-этнограф. этюды. Тр. ИЭ, т. 8, М., 1949.

3. Чеченцы и ингуши

Башир Далгат. Материалы по обычному праву ингушей. Владикавказ, 1929.

Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей. Записки Коллегии Востоковедов, V.

Семенов Л. Ингушская и чеченская народная словесность. Изв. ингушского н.-исслед. ин-та, вып. 1, 1928.

Энке В. и Волков В. Чечено-ингушский ансамбль. «Народное творчество», 1937, № 4.

Яковлев Н. Ф. Ингуши. Популярный очерк. М.—Л., 1925.

Яковлев Н. Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927.

4. Абхазо-адыгейские народы

Адыгэ орэдхэр. Адыгейские (черкесские) народные песни и мелодии. Сост. и ред. А. Ф. Гребнев. Музгиз, 1941.

Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района (автореферат диссертации). М., 1951.

Витухновская Л. А. Опыт монографического исследования социалистической культуры абхазской колхозной деревни (автореферат диссертации). М., 1950.

Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. Зап. КО РГО, кн. 16, 1894.

Косвен М. О. Аталычество. СЭ, 1935, № 2.

Лавров Л. И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. (Этногр.-историч. заметки). СЭ, 1936, № 4—5.

Лавров Л. И. «Обезы» русских летописей. СЭ, 1946, № 4.

Лавров Л. И. Формы жилища у народов СЗ Кавказа до середины XVIII в. (Историч. очерк). СЭ, 1951, № 4.

Люлье Л. Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес. Зап. КО ИРГО, кн. 5, Тифлис, 1862.

Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. Мат. по этногр. России, т. 1, СПб., 1910.

Миллер А. А. Черкесские постройки. Мат. по этногр. России, т. 2, Пг. 1914.

Мужев И. Ф. Крестьянская реформа в Кабарде 1867 (автореферат диссертации). М. 1950.

Ногмов Ш. История адыгейского народа. Кавказский календарь за 1862 г., Тифлис, 1861.

Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов (сб. под ред. Токарева и Шиллинга). М., 1940.

Сталь К. Этнографический очерк черкесского народа. Кавказск. сб., т. 21, Тифлис, 1900.

Студенецкая Е. Н. Современное кабардинское жилище. СЭ, 1948, № 4.

Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии. Э, 1926, № 1—2.

Шиллинг Е. М. Адыгейский орнамент. «Искусство», 1940, № 3.

5. Осетины

Абаев В. Нартовский эпос. Изв. Сев.-осет. н.-и. ин-та, т. X, вып. 1, 1945.

Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886.

Миллер В. Осетинские этюды, ч. 1—3. М., 1882—1887.

Осетинская литература. М., 1952.

Осетинские народные сказания. «Советский писатель», 1949.

Пчелина Е. «Ossetica» (опыт библиографии). Уч. зап. института народов Востока, II., 1930.

Такоева Н. Ф. Из истории осетинского горного жилища. СЭ, 1952, № 3.

Хетагуров К. Быт горных осетин. Сталинир, 1939.

Хохов А. Г. Осетинский народный орнамент. Дзауджикау, 1948.

6. Карачаевцы и балкарцы

Алиев У. Карачай (Карачаевская авт. обл.). Историко-этнологический и культурно-экономический очерки. Ростов н/Д, 1927.

Дьячков-Тарасов А. Н. Заметки о Карачае и карачаевцах, СМОМПК, т. 25, 1898.

Иваненков Н. С. Карачаевцы. Известия Общества любителей изучения Кубанской обл., вып. V, Екатеринодар, 1912.

Караулов 1-й Н. А. Балкары на Кавказе. Изв. ОАИЭ, т. 23, вып. 2, 1907.

Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию. СЭ, П., 1939.

Миллер Б. В. В Карачае. ЭО, 1899, № 1—2.

Миллер Б. В. Из области обычного права карачаевцев. ЭО, 1902, № 1—3.

Петров Гр. Верховья Кубани—Карачай. Памятная книжка Кубанской обл. на 1880 г. Екатеринодар, 1880.

Сарахан Д. А. Библиография Кабарды и Балкарии, вып. 3. Нальчик, 1930.

Советский Карачай, 1920—1940. Микояншахар, 1940.

Студенецкая Е. Н. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в. СЭ, 1937, № 2—3.

7. Грузины

Абазадзе Н. Л. Семейная община у грузин. ЭО, 1889, кн. 3.

Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. М., 1952.

Бардавелидзе В. В. Земельные владения древнегрузинских святилищ. СЭ, 1949, № 1.

Джавахов А. Н. Антропология Грузии, тт. I—II. М. 1908—14.

Ильина М. Древнейшие типы жилищ Закавказья. М., 1946.

Ляйстер А. и Чурсин Г. География Закавказья. «Заккнига», 1929.

Макалатия С. И. Из старого народного быта пшавов. СЭ, I, 1938.

Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья (автореферат диссертации). Тбилиси, 1954.

Робакидзе А. И. Некоторые черты семейного быта чиатурских горняков. СЭ, 1953, № 4.

Харадзе Р. Л. Проблема грузинской семейной общины в литературе XIX в. СЭ, 1954, № 1.

Хаханов А. С. Древнейшие пределы расселения грузин по Малой Азии. Зап. КО ИРГО, кн. 22, вып. 6, Тифлис, 1903.

Хаханов А. С. Очерки по истории грузинской словесности, т.1—4. М., 1895—1907.

Читая Г. С. Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии. Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952.

Чурсин Г. Ф. Народные обычаи и верования Кахетии. Зап. КО ИРГО, кн. 25, 1.2. Тифлис, 1905.

8. Армяне

Бдоян В. А. Кровнородственный «азг» и родственные отношения у армян. СЭ, 1952, № 1.

Давид Сасунский. Армянский народный эпос. М.—Л., 1939.

Капанцян Гр. Хайаса—колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1944.

Лисициан С. К изучению армянского крестьянского жилища. Изв. Кавказского ист.-археолог. ин-та, т. 3. Тифлис, 1925.

Лисициан С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении. Кавказск. этнографич. сборник. Тр. ИЭ, т. 26. М., 1955.

Маняндян Я. А. Краткий обзор истории древней Армении. М.—Л., 1943.

9. Азербайджанцы

Атакишиева М. И. Семейный быт азербайджанцев в прошлом и настоящем (автореферат диссертации). М., 1953.

Бабенчиков М. В. Народное декоративное искусство Закавказья. М., 1948.

Василенко В. Народное изобразительное творчество Азербайджана. «Искусство», 1940, № 3.

Гулиев Г. А. Социалистическая культура и быт колхозного крестьянства Азербайджана (автореферат диссертации). М., 1953.

Исаев М. Д. Ковровое производство Закавказья. Тифлис, 1932.

Трофимова А. Г. Бакинские рабочие-нефтяники (автореферат диссертации). М., 1953.

Фольклор Азербайджана и прилегающих стран, тт. 1—3. Баку, 1930.

8. Национальные меньшинства Кавказа

Егиазаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии. Зап. КОИРГО, кн. 13, вып. 2, 1891.

Егиазаров С. А. Краткий этнографическо-юридический очерк езидов Эриванской губ. Зап. КОИРГО, кн. 13, в.2, Тифлис, 1891.

Лалаян Е. А. Айсоры Ванского вилайета. Зап. КОИРГО, кн. 28, вып. 4, Тифлис, 1814.

Минорский А. Курды. Заметки и впечатления. Пг., 1915 (с прилож. карты).

Пульнер И. Итоги и задачи изучения кавказских (грузинских и горских) евреев. СЭ, 1936, № 4—5.

Фарфоровский С. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнограф. очерк. Зап. КОИРГО, кн. 26, вып. 7, Тифлис, 1909.

V. НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. Введение

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897 (то же—Ж. Ст., 1896, вып. 3—4).

Бартольд В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

Бартольд В. История Туркестана. Ташкент, 1922.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1867.

Вамбери А. Очерки Средней Азии, М., 1868.

Дмитровский Н. В. Библиографический указатель сочинений о Средней Азии, напечатанных в России на русском языке, с 1692 г. Материалы для статистики Туркестанск. края. Ежегодник, под ред. Н. Маева, вып. 3. СПб., 1874.

История народов Узбекистана, т. 1. С древнейших времен до начала XVI в. Ташкент, 1950.

Ошанин Л. В. и Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Сб. статей. Изд. АН УзССР, Ташкент, 1953.

Пульнер И. М. и Добрин Я. В. Материалы для библиографии Средней Азии. СЭ, 1935, № 6.

Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

Толстов С. П. По следам древне-хорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.

Толстов С. П. Огузы, печенеги, море Даукара. СЭ, 1950.

2—3. Таджики и узбеки

Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Тр. инст. ист., археол. и этн., т. 7, Сталинабад, 1953.

Андреев М. С. и Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, Ишкашим и Вахан. СПб., 1911 (Сб. МАЭ, IX).

Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. 1874—1889. СПб., 1889.

Бертельс С. Э. Персидский—дари—таджикский. СЭ, 1950, № 4.

Биснек А. Г. и Зельдович Н. М. Этнография народов Памира. Список литературы на русском языке. СЭ, Ш, 1940.

Бобринский А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). М., 1908.

Воронина В. Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951.

Воронина В. Л. Узбекское народное жилище. СЭ, 1949, № 2.

Воронина В. Л. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана. СЭ, 1953, № 3.

Гаврилов М. Кукольный театр Узбекистана. Изв. Средазкомстариса, вып. 3, Ташкент, 1928.

Достоевский, Милий. Старина и быт Средней Азии. М., 1917.

Ершов Н., Кисляков Н., Пещерева Е., Русяйкина С. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. Тр. ИЭ, т. 24, М.—Л., 1954.

Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. (Археологич. и этнограф. работы Хорезмск. экспедиции 1945—1948 гг. Тр. Хорезмской Археолого-этнограф. экспедиции, под ред. С. П. Толстова, I). М., 1952.

История народов Узбекистана, т. 2, Ташкент, 1947.

Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Сталинабад, 1954.

Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. Л., 1936.

Кисляков Н. А. Жилище горных таджиков бассейна р. Хинғоу. СЭ, II, 1939.

Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков. ИЭКС, XVII, 1952.

Кондауров Н. А. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940.

Моногарова Л. Ф. Язгулемцы (опыт монографического описания) (автореферат диссертации). М., 1951.

Наливкин В. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

Нурджанов Н. Истоки народного театра таджиков (по материалам Кулябской обл.). ИЭКС, XVIII, 1953.

Остроумов Н. П. Сарты. Этногр. материалы, вып. I, Ташкент, 1890.

Панков А. В. Население Таджикистана. Демографич. очерк (сб. «Таджикистан»), Ташкент, 1925.

Пещерева Е. М. Из истории цеховых организаций в Средней Азии. ИЭКС, VI, 1949.

Пугаченкова Г. А. К истории «паранджи». СЭ, 1952, № 3.

Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (автореферат диссертации). Сталинабад, 1954. См. также ИЭКС, XXIV, 1955.

Русяйкина С. П. Народная одежда таджиков Гармской области Тадж. ССР. ИЭКС, XX, 1954.

Садокова М. В. К этнографии узбеков Южного Хорезма. (Археологич. и этнограф. работы Хорезмск. экспедиции 1945—1948 гг. Тр. Хорезм. эксп., I, М., 1952).

Семенов А. А. Этнографический очерк Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.

Скворцов А. Кустарные промыслы в Среднеазиатских республиках в прошлом и настоящем. «Нар. хоз. Ср. Азии», 1925, № 11.

Сухарева О. А. и Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955.

Троицкая А. Л. Из истории народного театра и цирка в Узбекистане. СЭ, 1948, № 3.

Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

Щербак А. М. К истории образования узбекского национального языка. Вопр. яз., 1954, № 6.

Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941.

4. Туркмены

Васильева Г. П. Туркмены-нохурли. Тр. ИЭ, т. 21, М., 1954.

Винников Я. Р. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркм. ССР. Тр. ИЭ, т. 21, М., 1954.

Куропаткин А. Туркмения и туркмены. СПб., 1879.

Ломакин А. Обычное право туркмен (адат). Ашхабад, 1897.

Марков Г. Е. К вопросу о формировании туркменского населения Хорезмского оазиса. СЭ, 1953, № 4.

Морозова А. С. К вопросу о рабстве у туркмен в XIX в. ИЭКС, VI, 1949.

Мошкова В. Г. Племенные гёли в туркменских коврах. СЭ, 1946, № 1.

Росляков А. А. Аламаны. СЭ, 1955, № 2.

Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. СЭ, 1947, № 3.

5. Казахи

Алекторов А. Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Записки Секции Археологии Казанского университета XVI—XX, 1900.

Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и кара-киргизов. Ж. Ст., 1894, вып. 3—4.

Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридич. быт. Ташкент, 1889.

Диваев А. Баксы. ЭО, 1907, № 4.

Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 1—3. СПб., 1832.

Орлов А. С. Казахский героический эпос. М.—Л., 1945.

Харузин А. Н. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов с 1734 по 1891 г. М., 1891.

Харузин Ал. К вопросу о происхождении киргизского народа. ЭО, 1895, № 3.

6. Киргизы

Бернштам А. Н. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

Бернштам А. Н. К вопросу о происхождении киргизского народа. СЭ, 1955, № 2.

Бурковский А. Ф. Техника современных домашних промыслов и ремесел в киргизских колхозах (автореферат диссертации). Фрунзе, 1951.

Валиханов Ч. Очерки Джунгарии. Зап. ИРГО, 1861, кн. 1, 2.

Винников Я. Р. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. Труды Киргизской археологоэтнографической экспедиции, 1. Под ред. Г. Ф. Дебеца. М., 1956.

Виноградов В. Музыка северной Киргизии. М., 1939.

Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных. Тр. Кирг. археолого-этнографич. экспедиции, т. 1. М., 1956.

Киргизский национальный узор. Материалы, собр. и обраб. худ. М. Рындиным, под общ. ред. акад. И. А. Орбели. Вступ. статья А. Н. Бернштама. Ленинград—Фрунзе, 1948.

Кушнер П. И. Горная Киргизия. М., 1929.

Погорельский П. и Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.

Юнусалиев Б. М. Проблема формирования общенародного киргизского языка (Вопр. яз., 1955, № 2).

7. Каракалпаки

Иванов П. П. Каракалпаки. СЭ, 1940, IV.

Жданко Т. А. Быт каракалпакского колхозного аула. СЭ, 1949, № 2.

Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Тр. ИЭ, т. 9, М.—Л., 1950.

Пономарев А. И. Библиографические материалы на русском языке о каракалпаках. Материалы по истории каракалпаков. М.—Л., 1935.

Толстов С. П. К вопросу о происхождении кара-калпакского народа. ИЭКС, 1947, II.

8. Национальные меньшинства Средней Азии

Бурдуков А. В. Каракольские калмыки (сарт-калмаки). СЭ, 1935, № 6.

Дунганские сказки. Составители Х. Юсуров и В. Шахматов. Алма-Ата, 1946.

Винников И. Н. Арабы в СССР. СЭ, IV, 1940.

Захарова И. В. Материальная культура уйгуров Советского Союза. ИЭКС, XX, 1954.

Кабиров М. Н. Переселение Илийских уйгур в Семиречье (автореферат диссертации). Алма-Ата, 1949.

Чебоксаров Н. Н. Дунганская экспедиция. ИЭКС, III, 1947.

VI. НАРОДЫ СИБИРИ И СЕВЕРА

1. Введение

Азадовский М. К. Обзор библиографии Сибири. Изв. Об-ва этнографии, истории и археологии при Томском ун-те, вып. 1, 1920.

Антропова В. В. Лыжи народов Сибири. Сб. МАЭ, XIV, 1953.

Берг Л. С. О прежнем расселении древних сибирских народов («палеоазиатов»). Изв. ВГО, 1950, т. 82, вып. 6.

Василевич Г. М. и Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение. СЭ, 1951, № 1.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. 1—3, М.—Л., 1950—1953.

Долгих Б. О. О некоторых этногенетических процессах (переселениях народов и распространении языков) в Северной Сибири. СЭ, 1952, № 1.

Долгих Б. О. Расселение народов Сибири в XVII в. СЭ, 1952, № 3.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. ИЭКС, XV, 1952.

Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. Тр. ИЭ, т. 22, М.—Л., 1954.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1949 (МИА, № 9).

Кызласов Л. Р. Древнейшее свидетельство об оленеводстве. СЭ, 1952, № 2.

Левин М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства. СЭ, 1946, № 4.

Левин М. Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Средней Азии. ИЭКС, 1947, II.

Михайловский В. М. Шаманство. Сравнительно-этнографические очерки, вып. I. М., 1892.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.

Народы Сибири. Этнографич. очерки. Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.—Л., 1956.

Объяснительная записка к этнографич. карте Сибири. Л., 1929.

Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток, 1927.

Окладников А. П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока. КСИИМК, IX, 1941.

Попов А. А. Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства североазиатских народов. Л., 1923.

Прокофьев Г. Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. СЭ, III, 1940.

Прыткова Н. Ф. Типы верхней одежды народов Сибири. ИЭКС, XV, 1952.

Свод степных законов кочевых инородцев Вост. Сибири. СПб., 1841.

Сказки народов Севера. Сост. М. Г. Воскобойников и Г. А. Меновщиков. Ред. М. А. Сергеева. М.—Л., 1951.

Терлецкий П. Е. Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926—1927 гг.). Л., 1932.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882.

Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.

Языки и письменность народов Севера. Ч. 1—Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. Ч. 3—Языки и письменность палеоазиатских народов. М.—Л., 1934—1937.

2—3. Алтайско-саянские народы

Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924.

Вайнштейн С. И. Современное камнерезное искусство тувинцев. СЭ, 1954, № 3.

Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Сб. этнографических статей и исследований. М., 1893.

Гребнев Л. В. Произведения тувинского героического эпоса (автореферат диссертации). М.—Л., 1956.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. 3, вып. I. Л., 1926.

Дулов В. И. Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX—начале XX в. СЭ, 1951, № 4.

Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы, XIX—начало XX в. М., 1956.

Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык. Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та, т. IX, 1952.

Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. М.—Л., 1940.

Евсенин И. А. Карагасы. Красноярск, 1919.

Катанов Н. Ф. Поездка к карагасам в 1890 г. СПб., 1891.

Катанов Н. Ф. Библиографический указатель литературы об урянхайцах и их земле (прилож. к книге «Опыт исследования урянхайского языка»). Казань, 1903.

Кузнецова А. А. и Кулаков П. Е. Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения). Красноярск, 1898.

Лаппо Д. Е. Общественное управление Минусинских инородцев. Томск, 1904.

Никифоров Н. Я. Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев, с примеч. Г. Потанина. Омск 1915.

Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.

Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952.

Потапов Л. П. Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев. СЭ., 1953, № 2.

Потапов Л. П. Очерк этногенеза южных алтайцев. СЭ, 1952, № 3.

Потапов Л. П. Пища алтайцев. Сб. МАЭ, XIV, 1953.

Потапов Л. П. Этнический состав сагайцев. СЭ, 1947, № 3.

Потапов Л. П. Происхождение и этнический состав койбалов. СЭ, 1956, № 3.

Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.

Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936.

Токарев С. А. Пережитки родового культа у алтайцев. Тр. ИЭ, т. 1, 1947.

Токарев С. А. Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в. Сибирск. этнограф. сб. (Тр. ИЭ, т. 18). М.-Л., 1952.

Храмова В. В. Заболотные татары. Изв. ВГО, 1950, т. 82, вып. 2.

Швецов С. П. Горный Алтай и его население, т. I. Кочевники Бийского уезда. Вып. I. Барнаул, 1900.

Шибаева Ю. А. Из истории хакасского жилища. ИЭКС, X, 1950.

Ярилов А. А. Кызыльцы и их хозяйство. (Былое и настоящее сибирских инородцев, вып. 3). Юрьев, 1899.

Ярхо А. И. Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947.

4. Буряты

Агапитов Н. и Хангалов М. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губ. Изв. ВСОИРГО, т. 14, № 1—2. Иркутск, 1883.

Аламжи-Мерген. Бурятский эпос М.—Л., 1936

Банзаров, Дорджи. Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи. СПб., 1891.

Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926

Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М., 1957.

Долгих Б. О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа. СЭ, 1953, № 1.

Жамцарано Ц. Ж. Произведения народной словесности бурят. В кн.: «Образцы народной словесности монгольских племен», тексты, т. 1. Пг., 1918.

Летописи Хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова. Тр. Ин-та востоковедения, т. XXXIII. М.—Л., 1940.

Позднеев А. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. СПб., 1887.

Румянцев Г. Н. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа. Зап. Бурят-Монгольского н.-и. ин-та культуры, XVII. Улан-Удэ, 1953.

Серебренников И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование, т. I. Верхнеудинск, 1925.

Токарев С. А. Памятник обычного права бурят XVII в. Историч. архив, II, 1940.

Токарев С. А. О происхождении бурятского народа. СЭ, 1953, № 2.

Хангалов М. Н. Новые материалы о шаманстве у бурят. Зап. ВСОИРГО по этногр., т. 2, вып. I. Иркутск, 1890.

Хороших П. П. Указатель историко-этнографической литературы о бурятах. Сиб. Ж. Ст., 1. Иркутск, 1923.

Щапов А. П. Бурятская улусно-родовая община. Изв. СОРГО, т. 5, № 3—4.

5. Якуты

Богатырский эпос якутов, вып. I. Нюргун Боотур Стремительный. Текст К. Оросина. Ред., перев. и комм. Г. У. Эргиса. Якутск, 1947.

Гурвич И. С. К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР. СЭ, 1950, № 4.

Ионова О. В. Жилые и хозяйственные постройки у якутов. Сибирск. этнограф. сб. (Тр. ИЭ, т. 18). М.—Л., 1952.

Кулаковский А. Е. Материалы для изучения верований якутов. Якутск, 1923.

Маак Р. Вилюйский округ Якутск. обл., чч. 1—3. СПб., 1883—1887.

Майнов И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутск. обл. Зап. ИРГО по отд. стат., т. 12, 1912.

Павлинов Д., Виташевский Н. и Левенталь Л. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, вып. 1—13. 1907—1930.

Расцветаев М. К. Очерки якутского хозяйства. Л., 1930.

Расцветаев М. К. Очерки по экономике и общественному быту у якутов. Л., 1932.

Серошевский В. Якуты. СПб., 1896.

Токарев С. А. Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв. Якутск, 1945.

Трощанский В. Ф. Эволюция черной веры у якутов. Казань, 1902.

Трощанский В. Ф. Наброски о якутах Якутского округа. Казань, 1911.

Хороших П. П. Якуты. Опыт указателя историко-этнологической литературы о якутской народности. Иркутск, 1924.

Якутский фольклор (под ред. А. А. Попова). М.—Л., 1936.

Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. Л., 1929.

6. Малые народы Севера

а) обские угры

Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935.

Гондатти Н. Следы языческих верований у мансов. М., 1888.

Дунин-Горкавич А. Тобольский Север, т. 1—3. Тобольск, 1904—1911.

Иванов С. В. Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси. СЭ, 1952, № 3.

Кокосов Н. М., Никулин В. И. и Харин В. И. Ханты-Мансийский национальный округ. Свердловск, 1956.

Никольский Н. П. Обзор литературы по этнографии, истории, фольклору и языку хантов и манси. СЭ, II, 1939.

Новицкий Гр. Краткое описание о народе остяцком. СПб, 1884. То же, Новосибирск, 1941.

Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям. Ж. Ст., вып. III, IV, 1891.

Руденко С. И. Графическое искусство остяков и вогулов. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2. Л., 1929.

Степанов Н. К вопросу об остяко-вогульском феодализме. СЭ, 1936, № 3.

Чернецов В. Фратриальное устройство обско-угорского общества. СЭ, II, 1939.

Чернецов В. Н. Очерк этногенеза обских угров. КСИИМК, IX, 1941.

Чернецов В. Н. и Мошинская В. И. В поисках древней родины угорских народов. По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954.

Шатилов М. Б. Ваховские остяки (Этнографич. очерки), Томск. 1931.

б) самодийские народы

Бахрушин С. В. Самоеды в XVII в. «Северная Азия», 1925, № 5.

Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев. СЭ, II, 1939.

Дебец Г. Ф. Селькупы (антропол. очерк). Тр. ИЭ, т. 2, 1947.

Долгих Б. О. Легенды и сказки нганасанов. Красноярск, 1938.

Долгих Б. О. Происхождение нганасанов. Сибирск. этнограф. сб. (Тр. ИЭ, т. 18). М.—Л., 1952.

Житков Б. Полуостров Ямал, Зап. ИРГО по общей географии, т. 49. СПб., 1913.

Ислави́н В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.

Куприянова З. Н. Основные жанры ненецкого (юрако-самоедского) фольклора. Вестн. ЛГУ, 1947, № 7.

Пелих Г. И. Территориальные объединения у селькупов Нарымского края (автореферат диссертации). Томск, 1954.

Попов П. А. Нганасаны, вып. I. Матер. культура. Тр. ИЭ, т. 3. М.—Л., 1948.

Прокофьева Е. Д. Орнамент селькупов. ИЭКС, X, 1950.

Терлецкий П. Е. К вопросу о пармах Ненецкого округа. Сов. Север, 1934, № 5.

Тугаринов А. Последние калмажи. Сев. Азия, 1926.

Чернецов В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. СЭ, 1935, № 4—5.

Чернецов В. Н. Чум. СЭ, 1936, № 6.

в) кеты

Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб., 1914.

Вайнштейн С. И. К вопросу об этногенезе кетов. ИЭКС, XIII, 1951.

Долгих Б. О. Кеты. М.—Иркутск, 1934.

г) тунгусские народы

Анисимов А. Ф. Представления эвенков о шингкэн'ах и проблема происхождения первобытной религии. Сб. МАЭ, XII, 1949.

Арсеньев В. К. В дебрях Уссурийского края. Владивосток, 1926.

Богораз В. Г. Ламуты. «Землеведение», кн. 1, 1900.

Василевич Г. М. Нанайцы—художники. СЭ, 1949, № 4.

Долганский фольклор. «Сов. писатель», 1937.

Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.

Каплан М. А. Социалистическое переустройство хозяйства и быта эвенков Илимпийского района. Изв. ВГО, т. 87, 1955, вып. 2.

Лопатин И. А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Опыт этнограф. исследования. Владивосток, 1922.

Никульшин Н. П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939.

Пекарский Э. и Цветков В. Очерки быта Приаянских тунгусов. Сб. МАЭ, т. 2. СПб., 1913.

Расцветаев М. К. Тунгусы Мямяльского рода. Социально-экономический очерк. Л., 1933.

Рычков К. М. Енисейские тунгусы. «Землеведение», 1917, кн. 1—2, 1922, кн. 1—2; кн. 3—4.

Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936.

Смоляк А. В. Материальная культура ульчей и некоторые вопросы их этногенеза. СЭ, 1957, № 1.

Стрёнина А. В. Этнографическое изучение ульчей. ИЭКС, V, 1949.

Увачан В. Советская Эвенкия. Уч. зап. ЛГУ, факультет народов Севера, 1950, № 115.

д) гиляки

Васильев Б. А. Медвежий праздник. СЭ, 1948, № 4.

Иванов С. В. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура. Памяти В. Г. Богораза, сб. статей. М.—Л., 1937.

Крейнович Е. Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии. Э, 1930, № 4.

Лавров И. П. Об изобразительном искусстве нивхов и айнов. ИЭКС, V, 1949.

Ольдерогге Д. А. Кольцевая связь родов или трехродовой союз. ИЭКС, 1, 1946.

Шренк Л. Об инородцах Амурского края, тт. 1—3. СПб., 1883—1903.

Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, т. I. Образцы народной словесности, ч. I. СПб., 1908.

е) юкагиры

Иохельсон В. И. Одульский (юкагирский) язык. Языки и письменность народов Севера, III, под ред. Крейновича. М.—Л., 1934.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. I. СПб., 1900.

Иохельсон В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой. Ж. Ст., 1900, вып. 1—2.

Jochelson W. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus (Jesup North Pacific Expedition, Mem. of the Amer. Mus. of Nat. Hist., IX, 1—3. Leiden—N. Y., 1920).

ж—з) чукчи, коряки, ительмены

Билибин Н. Н. Обмен у коряков. Л., 1934.

Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I. Образцы народной словесности чукоч. СПб., 1900.

Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей. Сб. МАЭ, т. I, вып. II, 1901.

Богораз В. Г. Чукчи, тт. 1—2. Л., 1935—1939.

Богораз В. Г. Луораветланский (чукотский) язык. Языки и письменность народов Севера, ч. 3. М.—Л., 1934.

Вдовин И. С. Расселение народностей северо-восточной Азии во 2-й половине XVII и начале XVIII в. Изв. ВГО, т. 76, вып. 5, 1944.

Вдовин И. С. К истории общественного строя чукчей. Уч. зап. ЛГУ, № 115. История и экономика народов Севера. Л., 1950.

Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. Тр. ИЭ, т. 17. М., 1951.

Иванов С. В. Чукотско-эскимосская гравюра на кости. СЭ, 1949, № 4.

Ивановский А. А. Библиографический указатель книг и статей о чукчах. ЭО, 1891, № 3, приложение. Отдельно. М., 1891.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сб. архивных материалов. Л., 1935.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949.

Рытхеу Ю. Люди нашего берега. Рассказы. Авторизов. перевод с чукотского А. Смоляна. М., 1953.

Bogoras W. The Chukchee. The Jesup N. Pac. Exp., Mem. of the Amer. Mus. of Nat. Hist., v. VII, 1—3. Leiden.—N. Y., 1904—1909.

Jochelson W. The Koryak. The Jesup. N. Pac. Exp., VI, 1—2, Leiden—N.-Y., 1905—1908.

и) эскимосы и алеуты

Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела, тт. 1—3. М., 1840.

Золотарев А. М. Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии. Изв. Воронежского гос. пед. ин-та, т. IV, 1938.

Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947.

Weyer E. M. The Eskimos. Their environment and folkways. N. Haven, 1932.

7. Социалистическое развитие народов Сибири и Севера

Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР. Собр. узак. и распор. рабоч. и крест. правительства, 1926, № 73. То же: Сев. Азия, 1927, № 2.

Гурвич И. С. Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 г. СЭ, 1952, № 3.

Долгих Б. О. Колхоз им. Кирова Таймырского нац. окр. СЭ, 1949, № 4.

Кручинин Д. П. Экономический и культурный расцвет народов Советского Севера. Вопр. истории, 1953, № 2.

Положение о смешанных (интегральных) кооперативных объединениях на Крайнем Севере (постановление ВЦИК 9/VII 1928 г.). Северная Азия, 1928, № 5—6.

Сергеев М. А. Малые народы Севера в эпоху социализма. СЭ, 1947, № 4.

Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. Тр. ИЭ, т. 27. М.—Л., 1955.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ	Вестник древней истории
Вестн. ЛГУ	Вестник Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова
Вопр. истор	Вопросы истории
Вопр. яз.	Вопросы языкознания
Ж. Ст.	Живая старина
ЖМВД	Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
Зап. ВСОИРГО	Записки Восточносибирского отдела имп. Русского географического общества
Зап. ИРГО	Записки имп. Русского географического общества
Зап. ИРГО по отд. этн.	Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии
Зап. КОИРГО	Записки Кавказского отдела имп. Русского географического общества
Зап. СОИРГО	Записки Сибирского отдела имп. Русского географического общества
Изв. ВГО	Известия Всесоюзного географического общества
Изв. ВСОИРГО	Известия Восточносибирского отдела имп. Русского географического общества
Изв. ИРГО	Известия имп. Русского географического общества
Изв. ОАИЭ	Известия Общества археологии, истории, этнографии
Изв. ОЛЕАЭ	Известия Общества любителей естествознания, археологии, этнографии
Изв. Средазкомстариса	Известия Среднеазиатского комитета по охране памятников старины и искусства
Истор. архив	Исторический архив
ИЭКС	Институт этнографии. Краткие сообщения
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЭ	Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
Нар. хоз. Ср. Азии	Народное хозяйство Средней Азии
СА	Советская археология
Сов. Аркт.	Советская Арктика
Сиб. Ж. Ст.	Сибирская живая старина
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ	Советская этнография
Тр. ГИМ	Труды Государственного исторического музея
Тр. ИЭ	Труды Института этнографии
Уч. Зап. КУ	Ученые записки Казанского университета
Уч. Зап. ЛГУ	Ученые записки Ленинградского государственного университета
Уч. Зап. НИИ народов Сов. Вост.	Ученые записки научно-исследовательского института народов Советского Востока
Э	Этнография
ЭО	Этнографическое обозрение
Э. сб.	Этнографический сборник

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Карта восточнославянских языков и диалектов (К у з н е ц о в П. С. Русская диалектология, М., 1954). 28—29

Соха с перекладной полицей (Z e l e n i n D. Russische (Ost- Slavische) Volkskunde. Berl.—Lpz. 1927. 39

Соха с «брылой», Вятская губ. (З е л е н и н. Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1908) 39

Соха «косуля», Вятская губ. (З е л е н и н. Русская соха). 39

Белорусские «сошки» (С е р ж п у т о в с к и й А. К. Земледельческие орудия белорусского Полесья. Материалы по этнографии России, т. I, СПб., 1910). 39

Старинное украинское рало (З е л е н и н. Русская соха). 39

Бороны: а) вершалина, б) смык (Z e l e n i n D. Russ. Volksk.). 39

Серп (Североукраинская экспедиция Инст. этн. АН СССР, 1945). 40

«Крюк» для косьбы хлеба. (Фото автора.) 41

Способы кладки снопов:
а. Северновеликорусский (Фото автора.). б. Южновеликорусский (Фото автора.). в. Украинский. (Из фонда Ин-та фольклора и этнографии АН УССР). 42

Озерод и оденки в Белоруссии (Л е б е д е в а. Жилище и хозяйственные постройки БССР. М., 1929). 43

Верховой овин (Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края, Л., 1926). 43

Цеп. Черниговская обл. (Североукраинская экспедиция, 1945). 44

Северовеликорусская коса-горбуша (Н. И в а н и ц к и й, «Ж. Ст.», 1898, в. I) 46

Уличный план деревни (А щ е п к о в. Русское народное зодчество в Западной Сибири). 50

Способы рубки углов сруба (Верхневолжская этнологическая экспедиция) 51

Крепление стены «лисичками» у белорусов (Л е б е д е в а. Жилище и хозяйственные постройки БССР). 52

5-угольный сруб гумна у белорусов (Л е б е д е в а. Жилище и хозяйственные постройки БССР). 52

8-угольная «колиба» у гуцулов (Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. II). 53

Распространение типов построек на Украине. (Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. II). 54

Украинская хата с «піддашшям» (Ю р ч е н к о П. Народное жилище Украины. М., 1941). 55

Каркасная конструкция украинского дома (Ю р ч е н к о П. Народное жилище Украины). 55

Клеть со сводчатым потолком (Л е б е д е в а. Жилище и хозяйственные постройки БССР). 56

Конструкция крыши сарая на столбах (Крестьянские постройки, М., 1929, стр. 87; «Живая старина», т. XV, 1906, в. I). 57

Покрытие «на самцах» (Верхневолжская этнологическая экспедиция). 57

Развитие плана жилища у украинцев (Ю р ч е н к о П. Народное жилище Украины). 58

Пятистенок (Верхневолжская этнологическая экспедиция). 58

Вид и план «гражды» (Ю р ч е н к о. Народное жилище Украины). 59

Погонный двор у белорусов (Л е б е д е в а. Жилище и хозяйственные постройки БССР). 60

Замкнутый двор у северных украинцев. 60

План верхнего и нижнего этажа крестьянского дома, Вологодская губ. (Н. И в а н и ц к и й, «Ж. Ст.», 1898, в. 1). 61

Крестьянский дом Вологодской губ. (Peasant art in Russia, L., 1912). 61

Поперечная связь в Истринском р-не, Московской обл. (Фото автора). 62

План дома зажиточного крестьянина Пошехонский у., Ярославской губ. (Этногр. обозр. XI, 1899). 62

Двурядная связь (Верхневолжская этнологическая экспедиция). 63

«Русская» печь в старой крестьянской избе (Верхневолжская этнологическая экспедиция). 64

Печь-каменка (Ф е н о м е н о в. Современная деревня, ч. I). 64

План крестьянской бани (зап. часть Вологодской обл.) (Zelenin D. Russ. Volksk.) 65

Расположение частей жилища в избе восточно-южновеликорусского типа: план богатой избы в Обоянск. у., Курской губ. (Этнографический сборник, V, 1863). 65

Голбец и полати в северновеликорусской избе (Крестьянские постройки). 66

Лучник в старой белорусской хате (Лебедева. Жилище и хозяйственные постройки БССР). 67

Резьба на доме в сел. Приснецово (Маковецкий. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья). 68

Резьба на доме в сел. Анновка (Маковецкий, Указ. соч.). 68

Резьба на доме (Маковецкий, Указ. соч.). 68

Роспись печи в украинской хате (Юрченко. Народное жилище Украины). 69

Схема эволюции женской туникообразной рубахи (Moszyński K. Kultura ludowa słowian, I) 72

Покрой женской рубахи с прямыми поликами (по Г. С. Масловой). 72

Покрой женской рубахи с косыми поликами (по Г. С. Масловой). 72

Карпатский тип женской рубахи (по М. Н. Шмелевой). 72

Верхняя часть женской рубахи (Peasant art in Russia, L., 1912). 73

Понева со вставкой (Куфтин. Материальная культура русской мещеры,). 74

Сарафаны: прямой и косоклинный (по Г. С. Масловой) 74

Украинка в национальной одежде. (Из фонда Гос. музея антропологии МГУ). 75

Замужняя женщина в поневе (Материалы по этнографии России, т. I). 75

Украинские блузки 75

Украинцы в праздничных костюмах. (Из фонда Гос. Музея Этнографии народов СССР). 75

Рогатая кичка у южных великорусов (Zelenin D. Russ. Volksk.) 76

Кокошник-«златоглав» (Zelenin, Russ. Volksk.) 77

Одежда зажиточного крестьянина («Русские народы», под ред. Н. Ю. Зографа). 77

Украинские «постолы» (Маковский. Народное искусство Подкарпатской Руси, Прага, 1925.) 78

Русские лапти (Лебедева Н. И. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки). 79

Колхозница Скопинского р-на, Рязанской обл., в праздничном костюме. (Фото Р. С. Липец.) 79

Украинский слепец-бандурист (Фаминцын. Домра). 80

Гусляр («Русские народы», под ред. Н. Ю. Зограф). 90

Образец старинной узорчатой ткани. (Из фонда Института художественной промышленности) 91

«Дакийский образок». (Труды Гос. ист. музея, вып. I). 92

Украинский орнамент (вышивки) (Рис. О. В. Токаревой, Переяславская экспедиция, 1945). 92

Северно-русские узоры вышивок (Труды Гос. ист. музея, вып. I). 93

Образец золотого шитья. (Из фонда ИХП). 93

Глиняный сосуд с художественной росписью 800-летие Москвы, Гжель. (Из фонда ИХП.) 94

Шкатулка с росписью по лаку. Палех. (Из фонда ИХП.) 94

Ювелирное производство: подстаканники. (Из фонда ИХП.) 95

Резьба по кости. Холмогоры. (Из фонда ИХП.) 95

Образцы росписи по дереву (Хохломская роспись). (Из фонда ИХП.) 96

Роспись жестяных подносов. (Фото автора.) 96

Кружевная накидка на подушки. (Из фонда ИХП.) 97

Украинский ковер—палас. (Из фонда ИХП.) 98

Расселение племен Юго-восточной Прибалтики в X—XIII вв. (История Латвии, т. I, с добавлениями автора.) 99

«Литовская» соха (Зеленин. Русская соха). 103

Дом литовского крестьянина-середняка. (Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции, 1952). 105

Клети (Литовское изобразительное искусство. Вильнюс 1954). 106

Группа девушек-учениц средней школы (г. Кельме, Лит. ССР) в национальных костюмах. 106

Женская рубаха (marškinai) литовцев. Рисунок Е. Пискаревой (из фонда Кабинета этнографии МГУ). 107

Мужская рубаха (marškinai) литовцев. Рисунок Е. Пискаревой. 108

Передник с вышивкой (Литовское изобразительное искусство). 108

Надмогильные кресты в Литве. (Кушнер. Этнические территории и этнические границы. М., 1951). 109

7-струнный канклес (Фаминцын. Гусли). 110

Образец деревянной резьбы (Литовское изобразительное искусство). 111

Литовская народная скульптура (Литовское изобразительное искусство). 111

Узорчатые полотенца (Литовское изобразительное искусство). 111

Резные посохи (Литовское изобразительное искусство). 112

Историко-этнографические области Латвии. 114

Латышская соха (arkls) (Bielenstein. Die Holzbauten der Letten). 115

Старые типы дома у латышей (Bielenstein. Die Holzbauten der Letten). 116

Латышский национальный костюм (Материалы этнографического музея в Риге). 117

Распространение типов плуга в Эстонии (Eesti Rahva Muuseumi, Aastaraamat IV). 119

Планы эстонского дома-риги (Ränk G. Saaremaa Taluehifised, Tartu, 1939). 120

Эстонский старый жилой дом. (Фото Н. Шлыгиной). 121

Женская рубаха: а—эстонцев, б—сету. 122

Женская одежда эстонцев (рис. Н. А. Вахер). 123

Семейство ливов-рыбаков (Берг. ВГО за 100 лет). 125

Поясная одежда «хурстуксет» у ижорцев и води (Западно-финский сборник). 127

Этнические подразделения карельского народа. (Бубрих. Происхождение карельского народа). 129

Внутренность карельской избы (Западно-финский сборник). 130

Старинная карельская изба в Ухте (Западно-финский сборник). 131

Карельская изба старого типа (Западно-финский сборник). 131

Карельская женская одежда. (Фото Г. С. Масловой). 132

Орнамент северных карел. (Фото Г. С. Масловой). 133

Кантеле (Retzius G. Finnland. Berlin, 1885). 134

Лопарская «кережка» (Manker E. Lapsk kultur vid stora lule alvs källsjöar. Nordiska museum: acta lapponica, IV, 1944). 136

Вьючные седла на оленя у лопарей (Montandon. La civilisation aïnou. Paris, 1937). 137

«Имание» оленей у лопарей. (Чарнолуский. Материалы по быту лопарей). 138

Лопарская «вежа» (Manker E., Указ. соч.). 138

Дом лопаря ст. Пулозеро, Мурм. ж. д. (Чарнолуский Материалы по быту лопарей). 139

Лопарка из Иокангского погоста (Золотарев. Кольские лопари). 140

Старый головной убор лопарей (Харузин. Русские лопари). 141

Старый женский головной убор лопарей. (Харузин. Русские лопари). 141

Старинный бубен лопарского шамана. (Фото Manker'a). 142

«Керка» —типичный дом коми (Белицер. Отчет о работе комплексной экспедиции в Коми АССР. ИЭКС. III, 1947). 143

Замужняя женщина коми в национальном костюме (Белицер. Работа этнографического отряда комплексной экспедиции в Коми АССР. ИЭКС, II, 1947). 144

Охотник-коми (Белицер. Указ. соч.) 145

Мотоховский список древнепермской азбуки (Лыткин. Древнепермский язык). 146

Общий вид удмуртской деревни. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 151

Дом марийского крестьянина. (Из фонда Кабин. этногр. МГУ). 152

План мордовского дома(по A. Heikel; см. Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов. ЭО, № 2, 1895). 152

Марийский девичий костюм («Русские народы», под ред. Н. Ю. Зографа). 153

Женская рубаха «дэрем» удмуртов (Белицер. Национальная одежда удмуртов). 154

Женская верхняя одежда «шортдэрэм» удмуртов (Белицер. Национальная одежда удмуртов). 154

Девушка-удмуртка (Белицер. Национальная одежда удмуртов). 155

Девушка-бесермянка (Белицер. Национальная одежда удмуртов). 155

Эрзянка в национальной одежде с «пулагаем» (Риттих. Материалы для этнографии России. Казанская губерния, ч. I). 156

Удмуртка в «айшоне» (Белицер. Национальная одежда удмуртов). 157

Удмурты в рабочих костюмах (Белицер. Национальная одежда удмуртов). 158

Удмурт (Удмурты. Проспект трудов этнограф. экспедиции... Ижевск—Москва, 1931). 159

Удмурт играет на гуслях. 161

Хмельник колхоза им. Ворошилова. (Фото Н. И. Воробьева). 165

Старый дом в ЧувАССР. (Фото Н. И. Воробьева.) 167

Дом колхозника к/х «Гвардеец». (Фото Н. И. Воробьева.) 167

Женская рубашка у верховых чувашей (Гаген-Торн. Этнографические работы в

Чувашской республике. Средневолжская экспедиция 1926— 1927 г. (Сообщения ГАИМК). 168

Вышивка на женском платье. (Фото Н. И. Воробьева). 169

Верховые чувашки. (Фото Н. И. Воробьева.) 170

Орнамент вышивки. (Фото Н. И. Воробьева). 170

Расселение татар и других народов ТатАССР (Н. И. Воробьев, Казанские татары). 172

Татарский сабан, XVIII в. (Лепехин. Дневные записки путешествия). 172

Изготовление узорной обуви в татарской артели, г. Казань (Залкинд. Кустарная промышленность Татарстана). 173

Богато украшенный фронтон татарского дома (Воробьев. Казанские татары). 174

Татарский женский «кулмэк» (Воробьев. Казанские татары). 175

Покрой татарского мужского камзола (Воробьев. Казанские татары). 175

Старинный ткацкий станок на полозьях. Вост. Закамье. (Воробьев. Казанские татары). 175

Одежда татарского крестьянина. (Фото Н. И. Воробьева). 176

Женские разноцветные ичеги (Воробьев. Казанские татары). 176

Богато украшенное позументом «изю» (Воробьев. Казанские татары). 177

Татарское нагрудное украшение (Воробьев. Казанские татары). 177

Внутренность мишарской курной избы (С. П. Толстов. Нацмены ЦПО). 178

Девушки-кряшенки в национальных костюмах. (Фото Н. И. Воробьева). 179

Карагашский национальный костюм (Манекен Астраханского музея). 180

Посуда из кожи (Руденко, Башкиры, ч. II). 183

Деревянная резная посуда (Руденко. Башкиры, ч. II). 183

Карта расселения башкир (Руденко. Башкиры, ч. II). 184—185

Шалаш и сруб (Руденко. Башкиры, ч. II). 185

Кибитки казахского и монгольского типа (Руденко. Башкиры, ч. II). 185

Изба из двойного плетня (Руденко. Башкиры, ч. II). 186

Пластовая изба (Руденко. Башкиры. ч. II). 187

Саманная изба (Руденко. Башкиры, ч. II). 187

Избы: бревенчатая, из двойного плетня, плетневая, обмазанная снаружи глиной (Руденко. Башкиры, ч II). 188

План пластовой избы (Руденко. Указ. соч.). 188

Башкиры. (Фонд Музея антропологии МГУ) 190

Камелек в избе (Руденко. Указ. соч.). 191

Наружная печь (Руденко. Указ. соч.). 191

Башкирские женщины в праздничных нарядах и головных уборах «кашмау». (Из фонда Музея антропологии МГУ) 193

Образцы харауса (Руденко. Башкиры, ч. II). 194

Дом молдавского колхозника. (Салмановичч. Жилище коренного населения Молдавской АССР. СЭ, 1947, № 4). 199

Пастух-молдаванин (Берг. Бессарабия). 200

Группа гагаузов. (Фото В. Дьяченко.) 203

Цыганский табор. (Фото автора.) 214

Племена и народности Кавказа в древности. 219

Образец письма урартийцев. (Из фонда Восточного музея в Берлине.) 221

Карта народов Дагестана. Составлена Я. Р. Винниковым. 227

Плуги народов Дагестана (З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. СЭ, 1952, № 4). 228

Производство кинжальных клинков в ауле Амузги (Шиллинг. Дагестанские кустари). 230

Внутренность медно-чеканной мастерской в ауле Кубачи (Шиллинг. Дагестанские кустари). 231

Изделия кубачинской медно-чеканной мастерской (Шиллинг. Дагестанские кустари). 233

Настольная лампа. (Из фонда ИХП.) 232

Аул Будуг. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 231

Схема устройства сакли на склоне горы (Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2). 234

Схема пристенного очага у народов Дагестана (Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2). 234

Типы женской одежды народов Дагестана. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 235

Типы мужской одежды народов Дагестана. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 236

Новая улица в с. Карабудахкент. (Фото Я. М. Федорова). 237

Новый дом колхозника. (Фото Я. А. Федорова). 238

Кубачинский орнамент (Шиллинг. Кубачинцы и их культура) 241

Элементы кубачинского орнамента (Шиллинг. Кубачинцы и их культура). 241

Карта расселения черкесских племен до 1864 г. (Составл. Е. С. Зевакиным). 246

Старинный кабардинский плуг. (Из фонда ГМЭ) 248

Схематический план черкесской усадьбы (Материалы по этнографии России, т. II). 249

План двухраздельного черкесского дома (Материалы по этнографии России, т. II). 249

Очаг и низкая глинобитная кровать-диван (Материалы по этнографии России, ч. II). 249

Недостроенный черкесский дом (Материалы по этнографии России, т. II). 250

Черкес в национальном костюме. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 251

Черкешенка в национальном костюме. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 252

Кабардинка в национальной одежде. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 252

Семья кабардинского уорка (дворянина) (Из фонда ГМЭ). 253

Образец черкесского орнамента. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 258

Схематический план абхазского двора (Шиллинг. В Гудаутской Абхазии). 259

Старинное жилище абхазов (Материалы по этнографии России, т. I). 259

Образец абхазского орнамента (Шиллинг. В Гудаутской Абхазии). 260

Старинный осетинский плуг (Гакстгаузен. Закавказский край). 263

Часть осетинского сел. Хакоз. (Из фонда ГМЭ). 264

Сторожевая башня близ осетинского сел. Даргавс. (Из фонда ГМЭ). 265

Осетины. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 266

Карачаевцы в национальной одежде (Из фонда Кабинета этнографии МГУ) 269

Исторические области Грузии (Джавахов. Антропология Грузии). 273

Жилой дом мингрельского колхозника (село Гегуты, Кутаисского района, фото 1939 г. Из фонда ГМЭ). 275

Разрез грузинского дарбази (М. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья). 276

Типы мужской и женской одежды грузин. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 277

Вид селения в горной Сванетии. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 279

Сваны в национальной одежде. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 280

Жатва у мтиулов (Мтиулы, Л, 1918). 280

Жилища грузин-мтиулов (Мтиулы). 280

Хевсуры в национальной одежде. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 281

Хевсурка в национальной одежде. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 282

Хевсур в старинной кольчуге с мечом и щитом. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ. 282

Художественная керамика грузин. XIX в. (Бабенчиков. Народное декоративное искусство Закавказья). 285

Серебряный филигранный ларец (Бабенчиков. Указ. соч.) 285

Вышитая золотом подушка (Бабенчиков. Указ. соч.) 286

Участок Нижне-Зангинского оросительного канала (Шагинян М. Путешествие по Советской Армении, М., 1951). 289

«Микрогэс» (Шагинян М. Указ. соч.) 290

Старое армянское селение (Экспедиция В. В. Бунака в Армению, 1928 г.) 291

Подземный кухонный очаг. (Фото П. И. Зенкевича). 291

Архитектурное оформление источника: памятник героям Отечественной войны (с. Паракар) (Шагинян М., Указ. соч.). 291

Армяне в национальной одежде. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 292

Художественный ковер с портретом А. М. Горького (Бабенчиков. Указ. соч.). 295

Балкон жилого дома (г. Куба) (Усейнов. Памятники азербайджанского зодчества). 297

Азербайджанка в национальном костюме (г. Нуха). 299

Ковер с портретом Фирдоуси (Бабенчиков. Указ. соч.) 300

Старый дом (налево) с новой пристройкой (направо). Талыши. (Рис. О. Баташевой. Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 301

Летнее жилище (шатер) курдов. (Фото Т. Аристовой). 302

Женская национальная одежда курдов-мусульман. (Фото Т. Аристовой). 303

Езидка в национальном костюме. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 304

Грузинский еврей. (Фото М. С. Плисецкого.) 305

Ногайцы в национальной одежде. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 306

Туркмен с Северного Кавказа. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 307

Реконструкция замка Джанбас-кала Кангюйской эпохи. Хорезм (около начала н. э.) (С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации) 313

Реконструкция замка Тешик-кала афригидской эпохи. Хорезм (около VIII в. н. э.) (С. П. Толстов. Указ. соч.). 313

Страны и народности Средней Азии в античную эпоху. 314

Чигирь — водоподъемное колесо для поливки поля. (Из фонда МАЭ). 320

Пахота омачем. (Из фонда МАЭ.) 321

Кетмень. (Из фонда МАЭ.) 321

Уборка хлеба серпами. (Из фонда МАЭ.) 322
Молотьба копытами быков. (Из фонда МАЭ.) 322
Ткацкий стан у горных таджиков. (Из фонда МАЭ.) 323
Доска для набойки. (Из фонда МАЭ.) 323
Роспись глиняной посуды. (Из фонда МАЭ.) 324
Токарный станок. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 324
Резная подставка для книг. (Из фонда МАЭ.) 325
Резной деревянный футляр. (Из фонда МАЭ.) 326
Кумган из красной меди. (Из фонда МАЭ.) 327
Расселение горных таджиков и припамирских народностей (Ошанин Л. В. Иранские племена Западного Памира, 1937). 332
Гнездовой тип поселения у ягнобцев (Кондауров. Патриархальная домашняя община у ягнобцев). 334
Вид части селения Урмитан. (Из фонда МАЭ.) 335
Дом в верховьях Пянджа (Бобринский. Горцы верховьев Пянджа). 335
Дом Правительства в Сталинабаде (Чумичев. Сталинабад). 336
Среднеазиатская арба. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 337
Овринг в Западном Памире. (Из фонда МАЭ). 337
Плоты, составленные из бурдюков (Бобринский. Горцы верховьев Пянджа). 338
Женская рубаха (куртá) таджиков. (Из фонда МАЭ.) 338
Типы дарвазских таджиков. 339
Женщина в парандже. (Из фонда Музея истории религии.) 340
Тюбетейка. (Из фонда МАЭ.) 340
Тип женщины нижнего Ванча. (Из фонда МАЭ.) 341
Мазар в долине реки Гунт (Бобринский. Горцы верховьев Пянджа). 343
Этнографическая карта Ферганской долины. (Сост. Я. Р. Винниковым). 346
Двухэтажный дом с айваном (колхоз им. Куйбышева Самаркандская обл.) (Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана). 348
Внутренний дворик бухарского дома (Воронина. Указ. соч.) 349
Ниши в стене дома (середина XIX в.) (Воронина. Указ. соч.). 349
Фасад хорезмской усадьбы, обнесенной «дувалом», близ Хивы. (Воронина. Указ. соч). 350
Сурнай (узбекский гобой) (Беляев В. Музыкальные инструменты Узбекистана, М., 1933). 352
Гыджак—3-струнный смычковый инструмент (Беляев. Указ. соч.) 352
Сетар—12-струнный смычковый инструмент (Беляев. Указ. соч.) 352
Дутар—2-струнный щипковый инструмент (Беляев. Указ. соч.). 352
Танбур—3-струнный инструмент для игры плектром (Беляев. Указ. соч.) 352
Мастер и его ученики за работой над резьбой двери. (Из фонда МАЭ.) 353
Мастер набоечного дела из Учебн. художеств. комбината за работой. (Из фонда МАЭ.) 354
Туркмены на верблюдах. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 357
Туркменская арба. (Из фонда МАЭ.) 357
Колодец в пустыне Кара-Кум. (Из фонда МАЭ.) 358
Выход кяриза на поверхность земли. 360
Распределение воды между колхозами. (Из фонда МАЭ.) 360
Туркмены (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 361
Постройка дома в колхозе. Марыйская область. (Из фонда МАЭ.) 361
Туркмены в национальной одежде. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 363
Туркменка в национальном костюме. (Из фонда МАЭ.) 365
Головной убор сарычки. (Из фонда МАЭ). 365
Родо-племенные деления туркмен-теке (По Г. И. Карпову.) 367
Рисунки «гёлей» туркменских ковров (Мошкова. Племенные гёли в туркменских коврах). 368
В поле во время отдыха. (Из фонда МАЭ.) 368
Радиопередача в поле. (Из фонда МАЭ.) 370
Доение овец. (Из фонда МАЭ.) 372
Толчение проса. (Из фонда МАЭ.) 373
Охотничий беркут. (Из фонда МАЭ.) 374
Разбивка шерсти. (Из фонда МАЭ.) 375
Валяние войлока. (Из фонда МАЭ.) 376
Навьюченный верблюд. (Из фонда МАЭ.) 377
Верблюд, запряженный в волокушу. (Из фонда МАЭ.) 377
Решетки юрты. (Из фонда МАЭ.) 378
Установка юрты. (Из фонда МАЭ.) 379
Глинобитный дом казаха. (Из фонда МАЭ.) 380
Новый дом киргиза-колхозника. (Из фонда МАЭ.) 380
Казах в зимней одежде. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 381
Казахские женщины в свадебных нарядах. (Из фонда Музея народов СССР.) 382
Образцы орнамента на кошме. (Из фонда МАЭ.) 383
Мешок из тисненой кожи. (Из фонда МАЭ.) 384
Блюдо с портретом Джамбула. (Из фонда МАЭ). 384

Казашка за вышивкой. (Из фонда МАЭ.) 385

Выпас колхозного скота на летних горных пастбищах Иссык-Кульской обл. (Из фонда Ин-та этнографии АН СССР.) 387

Новый дом киргиза-колхозника. (Из фонда Ин-та этнографии АН СССР.) 387

Женский головной убор киргизов. (Из фонда Ин-та этнографии АН СССР.) 388

Схема родоплеменного деления киргизов (по Г. Ф. Дебецу). 389

Киргизский народный певец, музыкант и композитор Токтогул Сатылганов (1859—1932). 391

Образцы «повествовательного» узора киргизов. (Киргизский национальный узор. Л.—Фрунзе, 1948). 392

Юрта внутри «уй-жай». (Фото Т. А. Жданко.) 395

Каракалпак в национальной одежде. (Фото Т. А. Жданко) 396

Каракалпачка в национальном костюме. (Фото Т. А. Жданко.) 396

Уйгуры. (Фото Н. Г. Борозны.) 399

Дунганский дом в сел. Ирдык. (Фото Н. Г. Борозны.) 399

Дунганка в национальном костюме. (Фото Н. Г. Борозны.) 400

Цыганка из Самарканда (Jochelson W. Peoples of Asiatic Russia, 1928). 401

Группа колхозниц Узбекистана. (Из фонда МАЭ.) 403

Детские ясли колхоза Талобкар, 1936. (Из фонда МАЭ.) 405

Узбекский кружок художественной самодеятельности. (Из фонда МАЭ.) 406

Узбекский народный певец, поэт Нур-Гамиев-Абдуми. (Из фонда МАЭ.) 407

Театр оперы и балета им. Навои в Ташкенте (Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана). 408

Сцена из оперы «Алпамыс». (Фото Л. С. Толстовой.) 408

Лыжа-ракетка (чукчи) (Bogoras W. Chukchee). 415

Нанайские лыжи (тунгусского типа) (Шренк Л. Об инородцах Амурского края т. II). 415

Охотничьи снаряды и оружие народов Севера. (Попов А. А. Охота и рыболовство у долган, Сб. «Памяти Богораза», М—Л. 1937; и др.). 416

Основные типы укрепления шлеи на ездовой собаке у народов Севера (по Монтандону). 420

Распространение собаководства на Севере. (Составлено П. Е. Терлецким). 420

Распространение оленеводства на Севере. (Составлено П. Е. Терлецким). 421

Охота на диких оленей с маньщиком (по А. А. Попову). 421

Расселение народов Алтайско-Саянской области и их этническое подразделение (по А. И. Ярхо). 428

Алтайка с ребенком. (Фото автора.) 431

«Андазын»—старинный плуг алтайцев. 431

Табун кобылиц на пастбище. (Из фонда МАЭ.) 432

Пахота трактором. (Из фонда МАЭ.) 432

Шорка А. М. Шелбогашева—машинист электровоза. (Из фонда МАЭ.) 433

Юрты в тувинском колхозе. (Из фонда МАЭ.) 435

Дом и «аланчик». Горно-Алтайская автономная область, 1949. (Из фонда МАЭ.) 435

Алтаец в национальной одежде, 1949. (Из фонда МАЭ.) 436

Алтайская бревенчатая 6-угольная юрта с дерновой крышей. (Фото автора.) 437

Алтайка в национальном костюме. (Фото автора.) 438

Телеутка в национальном костюме. 1940. (Фото автора.) 438

Качинка в национальной одежде. (Из фонда МАЭ.) 439

Качинка в костюме свахи. 1931. (Из фонда МАЭ.) 439

Родовые тамги хакасов в XIX в. По материалам Хакасского областного архива. 440

Алтайский шаман. 441

Обряд кормления «эмэгэндэр» у телеутов. (Дыренкова Н. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. Сб. «Памяти Богораза»). 442

Алтаец с музыкальным инструментом «топшуром». (Фото автора.) 443

Группа западносибирских («заболотных») татар, рыбаки-ударники колхоза. 1948. (Из фонда МАЭ.) 445

Изделия бурятских женщин. (Из фонда Музея народов СССР.) 448

Старая бурятская войлочная юрта. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 450

Группа бурят-колхозников колхоза им. Энгельса. (Фото автора.) 450

Бурятские женщины и девушки в праздничных костюмах. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 451

Бурятки-колхозницы в национальных костюмах. 1954. (Фото автора.) 452

Расселение бурятских племен в XVII в. (Составл. автором). 453

Иволгинский дацан. 1954. (Фото автора.) 456

Государственный театр оперы и балета в г. Улан-Удэ, постр. в 1952. (Фото автора.) 456

Работа косой-горбушей. (Из фонда Якутск. музея). 459

Якутское старинное седло. (Рис. худ. М. М. Носова.) 461

Старый и новый транспорт на Амуро-Якутском автотракте. (Из фонда Музея народов СССР.) 462

Камелек в якутской юрте. (Из фонда МАЭ.) 463

Тип «аласного» расселения якутов: план Хайнясского наслега Якутского округа (Р а с ц в е т а е в М. К. Очерки якутского хозяйства, Л., 1930). 464

Летняя Якутская юрта (Рис. худ. Носова) 464

Зимняя Якутская юрта (Рис. худ. Носова) 464

Схема конструкции якутской юрты (С е р о ш е в с к и й. Якуты. СПб, 1896). 464

Якутки в сангыяхах и меховых шапках. (Рис. худ. Носова.) 465

Якутский «сон» из кобыльей кожи. (С е р о ш е в с к и й. Якуты). 466

Якутское женское нагрудное украшение. (Рис. худ. Носова.) 467

Костюм якутского шамана (Материалы по этнографии России, т. I). 468

Резные деревянные кубки «чороны» для кумыса. (Рис. худ. Носова.) 469

Якутская орнаментированная берестяная посуда. (Рис. худ. Носова.) 470

Орнамент на якутском чепраке. (Из фонда Музея народов СССР.) 470

Ловля рыбы неводом у хантов. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 473

Снаряжение охотника ханта: ружье, ручная нарта с подпряженными собаками. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 474

Старые и новые срубные постройки у хантов. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 475

Берестяной чум хантов. (Из фонда МАЭ.) 476

Наружная печь у хантов. (Из фонда МАЭ.) 476

Хант в халатообразной верхней одежде (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 477

Манси в меховой одежде типа малицы. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 477

Старинная женская одежда хантов. (Из фонда МАЭ.) 478

Карта остяцких и вогульских «волостей» XVI—XVII вв. (по К. Н. Сербиной, см. Г. Миллер, История Сибири, т. 1, М—Л. 1937). 479

Остяцкие «знамена»—подписи на документах в виде родовых животных (Р у д е н к о. Графическое искусство остяков и вогулов. Материалы по этнографии, т. IV, в. 2, Л., 1929). 480

5-струнная цитра хантов (Из фонда ГМЭ). 481

9-струнная арфа хантов (Из фонда ГМЭ). 481

Вышивка на женской рубахе хантов. (Из фонда МАЭ.) 482

Трехфигурный мотив на вышивке 482

Оленья упряжка у ненцев (Из фонда МАЭ). 484

Нартяной чум или «балок». (Попов А. А. Указ. сос.). 484

Охота на линяющих гусей у тавгийцев. (Попов А. А. Указ. соч.). 485

Семья ненцев около чума, крытого берестой. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 486

Места кочевий родов Ямальских ненцев (Ж и т к о в Б. М. Полуостров Ямал, Спб., 1913). 487

Погребение в Гыдаямской тундре. 1936. (Из фонда МАЭ.) 488

Деревянные идолы «сядеи» ненцев с жертвенных мест (Ж и т к о в Б. М. Полуостров Ямал). 489

Типичный мотив орнамента у ненцев (Д у н и н-Г о р к а в и ч. Тобольский Север). 490

Кет-охотник в «котляме». (Фото С. Вайнштейна.) 493

Группы кетских детей-пионеров. (Фото С. Вайнштейна.) 495

Тунгус-охотник (Г е о р г и. Описание всех в Российском государстве обитающих народов). 497

Охота с оленем-маньщиком (Скульптура студента Института Народов Севера) 497

Свайный «лабаз» в тайге. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 499

Верховые и вьючные олени у эвенков, орочонов. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ). 499

Берестяная лодка эвенков, орочонов. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 500

Эвенкийский кафтан (М и д д е н д о р ф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири, т. II). 502

Женская одежда ламутов. (Из фонда МАЭ.) 503

Сушка юколы у нанайцев. (Из фонда МАЭ.) 506

Собачий транспорт у нанайцев (М а а к. Путешествие на Амур). 506

Уборка хлеба в нанайском колхозе, 1935. (Из фонда МАЭ.) 507

Старый нанайский дом. (Из фонда МАЭ.) 508

Нанайский старый летник полусферической формы. (Лопатин. Гольды. Владивосток, 1922.) 508

Орнаментированный амбар ульчей. (Фото А. М. Золотарева.) 509

Ульча в национальной одежде. (Фото А. М. Золотарева.) 509

Ульчские женщины в национальных одеждах. (Фото А. М. Золотарева.) 510

Шаманские изображения духов (Шимкевич П. П. Материалы для изучения шаманства у гольдов. 1896). 511

Шаманские изображения духов («бурханы») у нанайцев (Шимкевич. Указ. соч.) 511

Эвен—депутат районного Совета и его сестра. (Из фонда МАЭ.) 512

Внутренний вид старинной гиляцкой землянки (середина XIX в.), (Шренк. Л. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899). 415

Старинный летник гиляков (середина XIX в.) (Шренк Л. Указ. соч.). 515

Собачья упряжка у гиляков (середина XIX в.) (Шренк Л. Указ. соч.) 515

Гиляки в старинной одежде (Шренк. Указ. соч.). 517

Сцена из медвежьего праздника гиляков (середина XIX в.) (Шренк. Указ. соч.). 519

Пластические изображения медведя на обрядовых ложках (гиляки) (Иванов С. В. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура. «Памяти Богораза», сб. стат. ИАН, 1937). 520

Мотивы орнамента гиляков (Иванов С. В. Указ. соч.). 521

Юкагиры. 523

Юкагирские «тосы» (Языки и письменность народов Севера, ч. III, М.—Л., 1934). 524

Собачий транспорт у ительменов (Крашенинников. Описание земли Камчатки). 526

«Острожек» ительменов (1-я пол. XVIII в.) (Крашенинников. Описание земли Камчатки). 527

Внутренний вид старинной ительменской зимней юрты (1-я пол. XVIII в.) (Крашенинников. Описание земли Камчатки). 527

Старинная ительменская женская одежда (1-я пол. XVIII в.) (Крашенинников. Описание земли Камчатки). 528

Ительмены-ученики. (Из фонда МАЭ.) 529

Чукотская оленья упряжка. 531

Корякская оленья упряжка. 531

Корякская женщина удит рыбу у проруби (Jochelson W., The Koryak. The Jesup North Pacific expedition, v. VI). 532

Корякская собачья упряжка (Jochelson. W. Peoples of Asiatic Russia, 1928). 532

Внутренний вид старинной корякской землянки (Jochelson, The Koryak). 533

Старинная корякская землянка: вид снаружи. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 534

Яранга кочевых чукчей (Bogoras, The Chukchee). 534

Коряки в национальной одежде. (Jochelson. Указ. соч.) 535

Старинное вооружение чукотского воина (Bogoras, The Chukchee. Jesup North Pacific Expedition, v. VII). 536

Резьба на кости чукотского мастера: сцена из «Челюскинской эпопеи». (Из фонда МАЭ.) 537

Костяные шахматы в виде фигур животных. (Из фонда МАЭ.) 538

Корякский ковер из кусочков оленьего меха (Jochelson, The Koryak). 539

Иероглифы Теневиля. (Языки и письменность народов Севера. М—Л. 1934). 539

Эскимосы в национальной одежде. (Из фонда Кабинета этнографии МГУ.) 540

Культурные базы Комитета Севера. (Сост. П. Е. Терлецким). 544

Урок рисования в селькупской школе. 1946. (Из фонда МАЭ.) 548

Ненецкие женщины на занятиях по ликвидации неграмотности. (Из фонда МАЭ.) 549

Учительница начальной корякской школы П. Д. Наседкина 1937. (Из фонда МАЭ.) 550

Эвены—дикторы по радио: Илья Зыбин и Иван Слепцов. 1941. (Из фонда МАЭ.) 551

Семинский перевал на Чуйском автомобильном тракте (Горно-Алтайская авт. обл.), 1949. (Из фонда МАЭ.) 553

Новое автомобильное шоссе (Горно-Алтайская авт. обл.) (Из фонда МАЭ.) 554

Мост через реку (Горно-Алтайская авт. обл.). (Из фонда МАЭ.) 554

Художественный музей в г. Улан-Удэ 1954. (Фото автора.) 556

Схемы группировок народов:

Народы индо-европейской семьи. 563

Славянские народы. 564

Народы уральской семьи. 564

Народы алтайской семьи. 565

Народы яфетической семьи 566

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ*

Аал (тув.), поселение—434
абаагы (якут.), нижние духи—469
аба-хайдак (бур.), облавная охота—447
абрек (кавк.), разбойник, изгнанник из рода—255
абыл (алт.), мотыга—433
ага-найрам (мар.), праздник сохи—160
ага-ууга (якут.), отцовский род—466
ада (бур.), чертенок—454
адат (араб.), народный обычай—239, 240, 265, 368, 382, 383
адыге-хабзе (черк.), свод обычаев—256
аждаха (башк.), дракон—192
азат (кабард.), полусвободный—254
азат (груз.), вольноотпущенник—278
азнаури (груз.), дворянин-помещик—277
аил (кирг., алт.), группа юрт, селение, юрта—388, 390, 434
айбы-кюн (алт.), отработка у бая—440
айван (узб.), навес на столбах, терраса—348
айвон (тадж.), навес на столбах, терраса—336
аймак (башк.), род, племя—190, 194
аймак (калм.), родовая группа—196
аймак (монг., бур., алт.), административная единица—428, 434, 553
айран (башк., каз.), напиток—183, 375
айшон (удм.), головной убор—154, 157, 177
айыы (якут.), верхние духи—469
айыы-ойууна (якут.), белый шаман—469
аямми (нанайск.), дух—покровитель шамана—510
аксакал (тюрк.), «белобородый»; старейшина—327, 366, 382, 383
ак-сюёк (каз.), сословие «белой кости»—383
акуац, акуацв (абх.), тип постройки—259, 260
акын (каз.), поэт, певец—386
алакииз (каз.), войлок—376
алалт (кет.), дух покровитель семьи—496
аламан (туркм.), грабительский набег—363, 364, 368
аланчик (алт.), кочевое жилище—297, 434, 435
алас (якут.), луговина в лесу—462
аласык (башк.), тип жилища—188
алачиг, алачуг (азерб.), кочевое жилище—297
албан (монг.), дань, подать—413, 441
албасты (башк.), женский дух, кошмар—192
алдар (осет.), дворянин—265, 266
алма (юкаг.), шаман—524
алоу-хона (тадж.), общественный дом—342
альбасты (тадж.), мифолог. образ, злой дух—344
альгоу (тадж.), обычай типа супряги—341
амацаурта (абх.), тип постройки—259, 260
амбань-нойон (монг.), глава администрации в дореволюционной Туве—441
амляк (тадж.), государственная земля—327
амлякдар (тюрк.), местный правитель—342
анахай (бур.), чертенок—454
андазын (алт.), пахотное орудие—431, 433
андарак (белор.), вид одежды—73
анеулис гутани (груз.), колесный плуг—274
анза (монг.), выкуп—453
анна (эвенк.), волокуша—501
аньхэй (гил.), жена—518
ара (башк.), подрод—190
арака (алт.), молочная водка—431
арат (монг., тув.), крестьянин-скотовод—441
арба (тюрк.), повозка—180, 307, 325, 337, 338, 357
арбан (монг., алт.), низшая административная единица—441
арбанак (алт.), низшее должностное лицо—440
арклас (лит.), пахотное орудие—104
армяк (рус.), вид одежды—77
артель (рус.), объединение рабочих и др.—81
ару-неме (алт.), чистые духи—441
архалук, архалух (кавк.), вид одежды—251, 265, 275, 289—297
арчи (алт.), молочный продукт—431
арчита (осет.), обувь—264
арык (тюрк.), оросительный канал—321, 358, 366, 395
арык-аксакал (тюрк.), должностное лицо, распределяющее воду—327
арыс (каракалп.), племенное деление—396
ассасайра (абх.), тип постройки—259, 260
аталык (тюрк.), воспитатель—255, 269
аталык (каракалп.), начальник—397
аткаминер (кирг.), всадник, дружинник—390
аткас (сиб.), рогатина—500
атлык (туркм.), военный надел—366
аул (тюрк., кавк.), поселение—233, 234, 243, 249, 263, 270
ахмальк (гил.), тесть—518
ачача, ачача гутани (груз.), плуг—274
ачих (черк.), группа родственных семей—255
ашуг (кавк.), певец—241, 284, 299
аш-уй (башк.), кухня—189

* Указатели составлены О. В. Токаревой

Бакши (калм.), лама—учитель—197
бакши (кирг.), знахарь—шаман—391
бабка (рус.), способ укладки снопов—42
баделят (осет.), дворянин—266
бай (тюрк.), богач—327, 329, 381, 384, 405, 440, 441
байдара (сиб.), кожаная лодка—533, 537
балаган (сиб.), тип жилища, юрта якутов—463
балаган (сиб.), летнее жилище камчадалов—528
балóк (сиб.), нартяной чум—484, 485
балыксыт (якут.), рыбак, бедняк—460, 467
бандидо-хамбо-лама (бур.), глава буддистского духовенства в России—455
бандура (укр.), музыкальный инструмент—91, 284
баня (коми), охотничья избушка—144
баранта, барымта (каз.), отгон скота (овец)—382
басмач (тюрк.), бандит—402, 405
батирте (кубач.), военно-молодежная организация—239
батыр (тюрк.), родовой старейшина, военачальник—190, 383, 385, 391
батыя (якут.), рогатина, копье—460
бахари (кет.), сапоги—495
бахилы (коми,) охотничьи сапоги—145
бахса (каз.), знахарь—385, 391
бахса (каракалп.), певец—397
бахши (туркм.), народный певец—370
бацька (белор.), старший в семье—82
бача (узб.), мальчик плясун—351
башлык (хак.), старшина—440
беглер-бег (каракалп.), начальник—397
бек (тюрк.), дворянин, начальник—238, 240, 297
бёляк (удм.), род—156
берси (эвенк.), обычай родовой помощи—502
бесдин, бет-дин (евр.), общинный суд—207
бешмет (тюрк., кавк.), вид одежды—176, 236, 251, 396
бий (тюрк.), старшина, начальник—238, 382, 383, 391, 397
бийлик (кирг.), судебный сбор—390
бикь (кубач.), элемент орнамента—240
билирик (якут.), почетное место в юрте—463
било (рус.), часть цепа—44
биснимденг (кет.), род, братство—495
бишмет (сиб., тат.), вид одежды—445
богарные (иран.) (неполивные) земли—321
боеринаши (молд.), сословие, мелкие дворяне—201
болмац (авар.), «язык войска»—242
большак (рус.), старший в семье—82
бохолдой (бур.), чертенок—454
бояре (рум.), помещики-дворяне—201
браная (рус.) техника, вид ткани—48
брыла (рус.), часть сохи—39, 41
брынза (укр., рум.), овечий сыр—46
будзым куала (удм.), большая куала—159
букара (кирг.), общинники—390
бунда (укр.), вид одежды—76
бурама (башк.), тип постройки—185, 188
бурдей (гагауз., цыган.), землянка—204—214
бурка (кавк.), вид одежды—232, 236, 249
бурхан (сиб.), изображение духа—511
бутугас (якут.), вид кушанья—460

Вадако (неп.), сказка—490
важенка (сиб.), оленья самка—418, 434
вакф, вакуф (араб.), неотчуждаемая, церковная земля—327
вали (араб., кабард.), старший князь—254
варат (чук.), группа родственных семей—536, 537
васа (коми), водяной—146
ватага (сиб.), род, группа семей у ненцев—488
ватра (укр.), очаг—53
вежа (лопар.), тип постройки—137, 138
вежливец (рус.), колдун—83
веночный двор (белор.), вид двора—62
венец (рус.), часть сруба—52
веретено (рус.), часть сохи—39
вертеп (укр., белор.), кукольный театр—88
верховой овин (рус.), вид овина—44
верша (рус.), рыболовная снасть—47
вершалина (рус.), вид бороны—39, 41
весилля (укр.), свадьба—84
весясь (удм.), жрец—160
ветка (сиб.), лодка-однодеревка—494, 501
ветряк (рус.), ветряная мельница—45
вечерки (белор.), совместная работа и развлечения девушек—82
вечорницы (укр.), совместная работа и развлечения девушек—82
вигвам (алгонк.), жилище—509
вилайне (латыш.), шерстяное покрывало—116
вільце (укр.), обрядовое деревцо—84
винбар (укр.), амбар—60
вихованок (укр.), домовой—86
возовня (укр.), хозяйственная постройка—60
вóлна (рус.), шерсть—48
волоковое окно (рус.), старый тип окна—65, 67
волосник (рус.), вид головного убора—78
вӧр-керка (коми), охотничья избушка—144
вӧрса (коми), леший—146
воршуд (удм.), предмет родового или семейного культа—159
восеть (белор.), сушилка для снопов—44, 64
воу (ингуш.), боевая башня—243
вуорк (кабард.), дворянин—254
выгон (рус.), пастбище—46
выжи (удм.), род—156, 159, 160

Газават (араб.), война за веру—240
гала (ингуш.), жилая башня—243
галуан (осет.), усадьба—264
ганч (узб.), алебастр—353
гелукпа (тиб.), «желтошапочная» секта буддизма—197, 201, 455
гимга (хант.), верша—472
гиржек (каракалп.), музык. инструмент—397
гишер (груз.), резьба по каменному углю—284
глаголем дом (рус.), способ соединения дома с двором—63
глех (груз.), крепостной крестьянин—277, 278
гозинаки (груз.), орехи в меду—275
голландка (рус.), вид печи—66
голбец (рус.), пристройка у печи—61, 66, 67
голомо (эвенк.), тип жилища—498
гӧль (туркм.), рисунок орнамента—368, 369
гоми (груз.), просо—260, 274
горбуша (рус.), примитивная коса—46, 459
горница (рус.), чистая часть жилища—60
городчик (рус., якут.), торговый посредник—268
грабельки (белор.), грабли, соединенные с косой—42
гражда (укр.), огороженная усадьба—59, 61
громада (укр.), самоуправляющаяся община—81
громничка (рус.), обрядовая свеча—85
груба, грубка (укр., рус.), маленькая печь—65, 66
грядиль (рус.), часть пахотного орудия—39
гудок (рус.), музыкальный инструмент—91
гулала-акв—букун (кубач.), собрание неженатых—239
гумно (рус.), житница—58, 64
гурзиак (осет.), раб—266

гусан (арм.), певец—294
гусли (рус.), музыкальный инструмент—91
гусь (сиб.), вид одежды—475—487
гутан (арм.), плуг—288
гутани (груз.), плуг—274
гутнеули (груз.), супряга—278
гыген (монг.), буддистский святой—455
гыджак (узб.), музыкальный инструмент—352
гылхатун (арм.), тип постройки—290

Даба (кит.), вид материи—436
даира (груз.), бубен—284
дайна (лит.), лирическая песня—112
дайхан (турк)., крестьянин—368
дакма (иран.) «башня молчания»—245
да-нойон (монг., тув.), старший князь—441
дарбази (груз.), тип постройки—276, 278, 290, 297
дастури (груз.), помощник жреца—284
дацан (бур.), буддистский монастырь—454, 455, 456
«дача» (рус.), башкирское племя—190
дашнаки (арм.), буржуазно-националистическая партия—293, 294
двойня (рус.), вид избы—60
двор (рус.),—60—64
дворище (белор.), сельско-родовая община—81
деб (туркм.), народный обычай—368
деканози (груз.), помощник жреца—284
демичи (алт.), старшина—440
дервиш, бродячий мусульманский монах—328, 351
дерга (укр.), вид одежды—73
держак (рус.), рукоять цепа—44
дестан (туркм.), роман—поэма—369
дехканин (узб.), крестьянин—326, 327, 329, 342, 351
джадиды (тат. и др.), буржуазно-националистическая партия—181
джайлоо (кирг.), летовка—388, 392
джатак (каз.), оседлый, бедняк—384
джвари (груз.), крест—258, 268
джегде (каракалп.), вид одежды—396
джигит (кирг.), дружинник, слуга—390
джие (якут.), юрта, жилье—463, 464
джинн (араб.), злой дух—298, 344, 391
джихад (араб.), война за веру—240
джольбарс (каракалп.), тигр—397
джон (якут.), племя—466
джуртчилик (кирг.), вид налога—390
джут (каз.), падеж скота—374
дзасул (хак.), эсаул, старшина—440
дзежа (белор.), квашня—84
дзуар (осет.), святилище—267
дзуар-лаг (осет.), жрец—267
дзядзька (белор.), старший в семье—82
дзяды (белор.), поминки—86
дiл (укр.), пол—57
дойны (молд.), лирические песни—202
доколинниці (укр.), вид одежды—76
должея (рус.), часть колодного улья—47
доливка (укр.), пол—67
дом (лопар.), дом—137
домбра (тюрк.), музыкальный инструмент—385, 386
домбыр (калм.), музыкальный инструмент—197
домовик (укр.), домовой—86
домра (рус.), музыкальный инструмент—91
донце (рус.), часть прялки—48
дорвоз (узб.), канатоходец—353
«дорога» (рус.), административная единица в Башкирии в XVIII в.—190.
досвитки (укр.), совместная работа и развлечения девушек—82
доу (чеч.-инг.), обычай кровной мести—244
доха (рус.), вид одежды—77
дружина (рус.), товарищ жениха на свадьбе—83
дружка (рус.), шафер на свадьбе—83
дувал (тюрк.), стена ограда—350, 362
дудук (азерб.), музыкальный инструмент—299
дума (укр.), историческая песня—89
дуплянка (рус.), колодный улей—47
дутар (тюрк.), музыкальный инструмент—352, 370, 397
дыгыл (бур.), вид одежды—449
дьон (якут.), племя—466
дэвы (иранск.), злые духи—284, 344
дэрэм (удм.), рубаха—154
дюкках (якут.), квартирант—468
дючина (алт.), административная единица—439

Егет (башк.), богатырь—192
едома (сиб.), береговое хозяйство—485
ерды (ингуш.), божество-покровитель—245
еркар (нен.), род—487

Жалейка (рус.), музыкальный инструмент—91
жилян (башк.), вид одежды—189
жинс (дарг.), род—238
жирши (каз.), певец—386
жито (слав. языки), зерновой хлеб—37
жмуринки (белор.), обряд очищения—85
жуз (каз.), орда—371, 407

Заболонь (рус.—сиб.), подкорковый слой сосны—460
завалинка (рус.), присыпка вдоль стены дома—53
заимка (рус.), однодворное поселение—51
зайсан (монг., алт.), начальник, староста—439—442
зайсанг (калм.), начальник—196
закатом (рус.), вид крыши—57
закладная (рус.), техника, вид тканья—48
зало (рус.), большая комната—71
занавеска (рус.), вид одежды—76
занг (каз.), народный обычай—382
запаска (укр.), вид одежды—73
заплачка (рус.), грустная обрядовая песня—90
запон (рус.), вид одежды—76
зарод (рус.), стог сена—46
заручини (укр.), помолвка—83, 84
засулан (бур.), летник (кочевье)—449
заян (бур.), «дух-хозяин»—454
зиндан (узб.), подземная тюрьма—327
зипун (рус.), вид одежды—77
златоглав (рус.), вид головного убора—77
зливки (укр.), обряд очищения—85
зурачи (калм.), лама—иконописец—197
зурна (азерб.), музыкальный инструмент—299
зурхачи (калм.), лама-предсказатель—197
зыбка (рус.), колыбель—67
зыбын (удм.), вид одежды—154
зэгэтэ-аба (бур.), облавная охота—447

Иглу (эским.), снеговая хижина—417
изба (рус.), жилой дом—56, 60, 69 и др.
изых (тюрк.), посвященное животное—169
изю (тат.), народное украшение—177, 178, 437
ийе-ууга (якут.), «материнский род»—466
илимка (сиб.), лодка—494
иляды (эвенк.), злые духи—504

иляу (нанайск.), обрядовые стружки—510
имам (араб.), высшее мусульманское духовное лицо—238
ирих (чув.), семейное божество-покровитель—169
истопка (белор.), хранилище овощей—58, 69
истъба (др.-рус.), теплая постройка—69
ичеги, ичиги (тат.), сапоги—176, 177, 264
ичкари (узб.), женская половина дома—350
иччи (якут.), духи—«хозяева»—469
ишан (иран.), религиозный руководитель в суфийской секте ислама—328, 343, 385
ишимтине (лит.), пенсия старому хозяину—109

Йем (чув.), штаны—166
йома (коми), баба-яга—146
йомзя (чув.), знахарь-гадатель—169
йом-кипур (евр.), праздник—209

Кабат (белор.), вид одежды—76
кабиця (укр.), малая печь—66
кавдасарды (осет.), зависим. сословие—265, 266
кави (груз.), деревянный плуг—274
кавралин (чук.), торговец-посредник—533
кагал (евр.), община—207, 208
кадаги (груз.), гадатель—284
кадий (араб.), судья—239
казакин (тюрк.), вид одежды—176, 178
каза-таори (нанайск.), обряд поминок—510
кази-галены (нанайск.), родовые старшины—510
казий (араб.), судья—328, 366, 380
каирные (неорошенные) земли—321
каймак (тюрк.), кипяченые сливки—183, 375
кайтарма (туркм.), брачный обычай—366
кала (тюрк.), крепость—362
калау (кор.), злые духи—538
калонтар (ягн.), старейшина дома—341
калым (тюрк)., плата за невесту—341, 351
кальвария (лит.), место почитания—110
кам (тюрк.), шаман—169, 424
камбер—см. kamber
каменка (рус.), вид печи—44, 64, 65
камзол (удм., тюрк.), вид одежды—154, 175, 176, 189, 381, 396
камзул (сиб.—тат.), вид одежды—445
камлание (тюрк.—рус.), шаманский сеанс—424
камыль (черк.), флейта—257
камыс (сиб.), шкура с ног оленя—536
кан (кит.), теплая нара—лежанка—401, 509
канат (каз.), звено решетки юрты—379
канклес (лит.), музыкальный инструмент—110, 113 124
каннель (эст.), музыкальный инструмент—124
кантеле (кар.), музыкальный инструмент—124, 134, 135
канун (рус.), обрядовое кушанье—85
каппер (лопар.), головной убор—138
каравай (рус., укр.), свадебный хлеб—83, 84
караван-сарай (тюрк.), постоялый двор—334
карадам (азерб.), тип постройки—297
караneме (алт.), злые духи—441
карасюёк (каз.), сословие «черной кости»—383
карауздень (карач.), дворянин—270
караход (рус.), хоровод—93
каргатуй (башк.—тат.), весенний праздник—192, 445
карнай (узб.), музыкальный инструмент—352, 392
карт (мар.), жрец—160
карындаш (алт.), братья и сестры, сородичи—438
каса чей маре (молд.), горница—201
касталан (рус.), вид одежды—76
катанка (укр.), вид одежды—76
катанки (рус., коми), валяные сапоги—145
католикос (арм.), глава церкви—294
катык (башк., каз.), простокваша—183, 375
кау (осет.,) селение—263
каун (тадж.), группа родственных семей—340
кафтан (рус., тюрк)., вид одежды—77, 396
кахрез (арм.), колодец—290
каш (ингуш.), вид гробницы—245
кашмау (башк.), женский головной убор—189, 193
каяк (эским.), байдарка—417, 491, 533
кгер (калм.), кибитка—196
кеври (груз.), молотильная доска—274
келет (чук.), злые духи—538
кеманча (азерб.), музыкальный инструмент—299
кенеш (удм.), совет старейшин—156
кенос (удм.), клеть—153
кепе (чув.), рубашка—166
кераз (абх.), обычай взаимопомощи—310
кер-аинд (гил.), исторический эпос—521
кережка (лопар.), бесполозные сани—136
кереметь (араб.), злой дух; священное место—160, 169
керка (коми), жилище—143, 145
кесле (чув.), музыкальный инструмент—169
кетмень (тюрк.), мотыга—321, 323, 403
кибитка (тюрк.-рус.), кочевое жилище—185, 350, 359, 362, 395, 434
килим (укр.), ковер—49, 99
кимешек (каз.), головной убор—381
киптарь (укр.), вид одежды—76
кичка (рус.), вид головного убора—78, 84
кірсетка (укр.), вид одежды—76
кишлак (тюрк.), деревня—326, 334, 340, 348
кладка (рус.), пережиток купли невесты—83
клака (молд.), обычай соседской взаимопомощи—202
клетис—см. kletis
клеть (рус., белор.), хозяйственная постройка или часть дома—58, 107
клуня (укр.), житница—58, 64
кма (груз.), крепостной крестьянин—278
князец (рус.-сиб.), старшина, предводитель—424, 501, 523
кобза (укр.), музыкальный инструмент—91
кобыз (башк.), музыкальный инструмент—192
кобыз (каз.), смычковый музыкальный инструмент—385
ковыж (марийск.), музыкальный инструмент—161
кода—см. koda
коекчуч (ительм.), мужчина, уподобившийся женщине—529, 530
кожок (молд.), вид одежды—201
кожух (укр.), вид одежды—76
козолец (словенск.), жерди для сушки снопов, сена—43
кӧк-бёрӱ (туркм.), брачный обычай—366
кокошник (рус.), вид головного убора—77, 78
колдоксэ (башк.), площадка перед печью—188
колесуха (рус.,) вид сохи—41
колиба (укр.), временное жилище—53
коливо (рус.), обрядовое кушанье—85
коловая (рус.) соха—40
колосники (рус.), жерди для накладки снопов и пр.—44
колпак (тат.), головной убор—177
колыска (белор.), колыбель—67
колядки (укр.), зимние обрядовые песни—202
комин (белор.), приспособление для лучины—67

комната (рус.), чистая половина избы—60
комора (укр.), клеть—58, 60
комуз (кирг.), музыкальный инструмент—392
конек (рус.), гребень крыши—85
коник (рус.), лавка у двери—66
контайша (монг.-рус.), титул ойратского владетеля—393, 428
конши (туркм.), межродовая зависимость—366
копа (укр.), способ укладки снопов—43
копна (рус.), способ укладки снопов—43
копный суд (укр.), общинный суд—81
коптур (белор.), вид головного убора—78
коранда (узб.), арендатор, издольщик—327
коробейник (рус.), торговец—разносчик—49
косаг (осет.), раб—266
косоворотка (рус.), вид мужской рубахи—72
костром покрытие (рус.), вид крыши—57
косуля (рус.), вид сохи—39, 41
косынка (рус.), головной платок—78
коська (гил.), часть одежды—518
косящатое, красное окно (рус.), окно с рамой—67
котлям (кет.), вид одежды—493, 495
коты (коми), обувь—145
котыр (коми), группа родственных семей—145
кош (карач.-балк.), летнее кочевое жилище—270
кошерный (евр.), дозволенная пища—208
красный угол (рус.), часть избы—66, 67
крезь (удм.), музыкальный инструмент—161
крестец (рус.), способ укладки снопов—42, 43
крестовик, крестовый дом (рус.), вид дома—60
кроквы (укр.), стропила—57
кросна (рус., укр.), ткацкий стан—48
крюк (рус.), коса с граблями—42
куа, куала (удм.), культовая постройка—153, 159, 160
куадж (черк.), сельская община—255
кувакса (лопар.), шалаш—137
кувички (рус.), музыкальный инструмент —91
кугу-сорта (мар.), религиозная секта—160
куд, куда (фин.), тип постройки—137
кудазыр (мокш.), хозяин дома, глава семьи—157
кудель (рус.), расчесанный для прядения лен—48
кудо (мар.), вид постройки—153, 160
кудо-вадыш (мар.), семейная святыня—160
кудук (тюрк.), колодец—379
кулла (балк)., крестьянин—270
кулут (якут.), раб—467
куль (коми, хант.), водяной дух—146, 480
кумалан (якут., эвенк.), иждивенец—468, 502
кумаяг (осет.), зависимое сословие—266
кумган (тюрк)., кувшин—327
кумыс (тюрк.), напиток—183, 375, 460, 469
кумяц (лит.), батрак—109, 110
кун (каз.), выкуп за кровь—382
кунак (тюрк., кавк.), друг, гость—251, 255
кунак-уй (башк.), комната для гостей—189
курай (башк.), флейта—192
курашимка (рус.), вид сохи—41
курт (каз.), сухой сыр—375
курта (тадж.), рубаха—339
курут (башк.), сыр—183
курут (алт.), «сырчик», вид пищи—431
курчак-уйюн (узб.), кукольный театр—353
кутаны (дагест.,) равнинные пастбища—230, 308
кутья (рус., укр.), обрядовое кушанье—85
кууб (эст.), вид одежды—122
кууш (башк.), корьевой шалаш—185, 186
кухлянка (сиб.), меховая одежда—529, 536
кызыкчи (узб.), шутник, актер—353
кырпэ (молд.), головной убор—201
кырык (бур.), праздник с жертвоприношением—454
кышток (кирг.), зимнее поселение—388
кыштоо (кирг.), зимовка—388
кыштым (бур.), данник—452
кыяк (кирг.), музыкальный инструмент—392
кьептар (молд.), вид одежды—201
кьибиль (авар.), род—238
кэлэгайи (азерб.), головной платок—297
Кэмора (молд.), жилая комната—201
кюйляк (тат.), рубашка—445
кюйт (лопар.), тип постройки—137
кюкрекчи (тат.), часть одежды—176
кюльмек (тат.), рубаха—175, 176, 178
кюмуш, кюмыш (мар.), род—157
кюслэ (мар.), музыкальный инструмент—161
кюсот (мар.), священная роща—160
кяманча (арм.), музыкальный инструмент—295
кямаци (арм.), музыкальный инструмент—295
кяриз (туркм.), подземный оросительный канал—358, 360
кяхтан (лопар.), вид одежды—138

Лабаз (сиб.), свайный амбар—499, 500
лаваш (кавк.), хлеб—275, 301
лаз (коми), охотничья одежда—145
лазня (белор.), баня—64
лама (тиб.), буддистский монах—197, 454, 455
лапа (в лапу) (рус.), способ кладки бревен—53
лапти (рус.), вид обуви—79
лась (чув.), вид постройки—166
лебедь (сиб.), музыкальный инструмент—481
лежанка (рус.), печь—66
лейбик (укр.), вид одежды—76
лемех (рус.), сошник—39
лечаки (груз.), чадра—276
лира (укр.), музыкальный инструмент—91
лисички (белор.), способ крепления стен—53, 475
литовка (рус.), коса—46, 105
логанапут (кабард.), дворовая челядь—254
луд (удм.), священное место—160
лузан (к.-перм.), охотничья одежда—145
лучение (рус.), способ рыбной ловли—47
лучник (белор.), приспособление для лучинки—67
люлька (укр.), колыбель—67
ляд, лядина (рус.), выжженный для пашни лес—37
ляле (туркм)., тип народных песен—369
ляльми (тадж.), неполивные земли—333

Мазар (араб.), гробница мусульманского святого—328, 344, 351, 385, 397
мазылы (молд.), чиновники—201
мала (тадж., тюрк.), доска—борона—323, 333, 403
малахай (башк.), головной убор—189
малица (нен.), вид одежды—145, 475, 477, 487
мамалыга (молд.), кукурузная каша—200, 259
манап (кирг.), начальник—326, 390, 391
манасчи (кирг.), певец, исполнитель «Манаса»—392
мангус (мокс.), чудовище—197
маргине (лит.), вид одежды—108
маскарабоз (узб.), шутник-скоморох—353
масыг (осет.), башня—264
матица (рус.), потолочная балка—56
матка (коми), компас—144
махалля (араб.), квартал—400
мацони (груз.), кислое молоко—275
мацца (евр.), обрядовый пресный хлеб—209
мебегре (груз.), крепостные крестьяне—278
медресе (араб.), высшая религиозная мусульманская школа—192, 318, 328, 398, 406

мейес (башк.) печь—188
мектеб (араб.) мусульманская церковная школа—192, 398, 406
мелик (арм.), дворянин-помещик—305
менк (хант.), дух леса—480
меснагид (евр.), евреи-раввинисты—209
мествире (груз.), бродячие музыканты—284
мехмонхона (тадж.), комната, дом для гостей—336, 342
миква (евр.), бассейн для обрядового омовения—208
мир (рус.), самоуправляющаяся община—81
мир (тадж.), начальник—342
мираб (араб.), чиновник, распределяющий воду—327
моджалабе (груз.), дворовые работники—278
модгами (груз.), супряга—278
мойе (юкаг.), «хозяева» животных и растений—524
мондави (груз.), супряга—278
морда (рус.), рыболовная снасть—47
мору (юкаг.), «хозяева» животных и растений—524
мост (рус.), сени в верхнем этаже—61, 62
мсахури (груз.), дружинник—278
мугам (азерб.), музыкальное произведение—299
мужан, мужед (мар.), гадатель—160
мулла (тюрк.), мусульм. духовное лицо, учитель—239, 343, 368, 385, 405
мурза (перс.), князь—157, 190, 307, 383
мутовка (рус.), примитивная водяная мельница—45, 185, 230
муфтий (араб.), мусульманское духовное лицо, судья—328
мыгаг (осет.), фамилия—26
мыза (латыш.), помещичья усадьба—115
мэр (мар.), родовой союз—157
мюрид (араб.), ученик, последователь—239, 240
мюршид (араб.), религиозный руководитель—240

Нагрудник (рус.), вид одежды—76
наиб (араб.), наместник—239, 256
най (узб.), тростник; флейта—352, 397
найрангбоз (узб.), фокусник—353
накшбендии (перс.), монашеский орден в исламе—328
налеп (рус.), гончарная техника—49
налобник (рус.), часть головного убора—78
намас—см. namas
наметка (белор.), вид головного убора—78
намітка (укр.), вид головного убора—78
намс—см. nams
нарес-юх (хант.), музыкальный инструмент—481
нарта (сиб.), сани—418, 473, 474, 485, 489, 494, 505, 528
нарты (осет., адыг)., богатыри—257, 260, 268
наслег (рус., якут.), административная единица—466, 469, 553
насоў (белор.), вид одежды—76
натруска (рус.), способ покрытия дома соломой—57
науруз (тадж.), праздник нового года—344
нахарар (арм.), феодал—293
неви (эвенк.), злые духи—504
нев-тумгыт (чук.), «товарищ по жене»—537
нефеш (евр.), душа—208
нимат (эвенк)., обычай раздела добычи—502
нойда (лопар.), шаман—140
нойон (калм., монг., тув., бур.), знатный—196, 440, 452, 453, 454, 455, 555
носов (белор.), вид одежды—76
нукер (туркм.), воин, дружинник—366
нусха (тадж.), альбом узоров—344
нюк (нен.), покрышка чума—487
нярт (кар.-балк.), богатырь—271
нястуид (гил.), рассказы о подвигах героев—521

Оба (арм., курд.), кочевая община—289, 303
обгортка (укр.), вид одежды—73
обжи (рус.), оглобли сохи—39, 41
оби (тадж.), поливные земли—333
обло (в обло) (рус.), способ кладки бревен сруба—52
обход (рус.), обряд над скотом—46
овин (рус.), сушилка для снопов—43, 44, 58, 64
овринг (тадж.), дорога над обрывом—337, 338
ог (кабард.), зависимый крестьянин—254
огурда—см. ухерида—441
оденки (белор.), способ кладки сена—43
озерод (белор., рус.), жерди для сушки снопов—44
озуп (алт.), копалка—433
ой (башк.), жилище—188
ойуун (якут.), шаман—469
олонхо (якут.), богатырские сказания—469
олонхосут (якут.), сказитель—469
омач (узб.), пахотное орудие—321, 323, 358, 375, 403
оменташ (евр.), обрядовое печенье—209
оморочка (сиб.), берестяная лодка—501
омо-ужшо (марийск.), сновидец—160
онгон (бур.), священный предмет—454
онучи (рус.), вид обуви—79
опечье (рус.), основание печи—65
оранка (укр.), совместная обработка поля—81
орации (лит.), торжественные речи—109
ординария (лит.), условная плата или пенсия—109
орон (якут.), нары—463
«острожек» (сиб.), укрепление, селение—526—528
отара (тюрк., рус., укр.), стадо овец—46
отвал (рус.), часть сохи—39
отлив (с отливом) (рус.), способ соединения дома с двором—63
отмай (кирг.), вид подати—390
отов (ног.), кибитка—307
отрез (рус.), часть сохи—39
отстава (двор на отставе) (рус.), способ соединения дома с двором—63
офеня (рус.), торговец-разносчик—49
охок (якут.), очаг—463
очипок (укр.), вид головного убора—78
очкур (укр.), пояс—76

Павас (мокш.), бог—160
пазуха (рус.), часть овина—44
палас (тюрк.), ковер—232
пали (арм.), головной убор—290
пальма́ (сиб.) рогатина—копье—416, 460, 500
паль-нивух, паль-ызь (гил.), «горный хозяин»—520
панар (морд.), рубаха—154
пандури (груз.), музыкальный инструмент—284
панева (см. понева)—84
паница (нен.), вид меховой одежды—487
панты (сиб.), рога марала—434
папаха (кавк.), вид головного убора—236
паранджа (перс. узб.), вид женской одежды—339 340, 343, 351, 396
парка (сиб.), вид одежды—475
парма (нен.), кочевое объединение—488
парубоцька громада, парoбоцьство (укр.), —общество парней—82
пас (эрз.), бог—160
пасть (рус.), охотн. ловушка—184
пахса (узб.), глина для постройки—348
педьюль (юкаг)., «хозяин» зверя—524
пейвоз, пивос (тадж.), женская молочная артель—342
пери (иран.), духи ветров—192
перевясло (рус.), соломенный жгут для вязки снопов—42

перезва (укр.), послесвадебные визиты—84
перечень (рус.), часть сохи—39
перо (рус.), часть сошника—40
перовая (рус.), соха—40
пески (рус.-сиб.), рыболовные угодья—480, 490
петрушка (рус.), кукольный театр—88
печище (рус.), семейная община—81
печок (лопар.), вид одежды—138
півкопи (укр.), способ кладки снопов—43
піддашшя (укр.), навес на столбах—55
пидложе (укр.), постель—53
піл (укр.), дощатый помост—67
пимы (сиб.), вид обуви—487
пир (тадж.), старшина, руководитель—328, 342, 343
пиркя—см. pirkia.
пиршлис (лит.), сват—109
плахта (укр.), вид одежды—73, 75
плов (тюрк.), вид кушанья—301
плотина (рус.), часть сохи—39
поветь, повить (рус.), верхний ярус двора—61, 62
повитка (укр.), хозяйственная постройка—60
повойник (рус.), вид головного убора—78
поворотчик (рус.-сиб.), торговец—посредник у чукчей—533
погильпе (юкаг.), духи—«хозяева» природы—524
погонный двор (белор.), вид двора—60, 62
погост (рус.), вид поселения—51
погост (лопар.), селение—137
подвой (рус.), часть сохи—39
поддевка (рус.), вид одежды—77
подизбица (рус.),—часть постройки—56
подклеть (рус.), часть постройки—56
подовин (рус.), часть овина—44
поезжане (рус.), на свадьбе—83
поемный луг (рус.), заливной луг—46
позатыльник (рус.), часть головного убора—78
поколка (сиб.), массовая охота на оленей—486
покут (укр., рус.), посад жениха и невесты—84
пол (рус.), дощатый помост—67
полати (рус.), настил под потолком—66, 67
поликй (рус.), вставка на плечах рубахи—72
полица (рус.), часть сохи—39, 40
полонина (укр.), горное пастбище—45
полотенце (рус.), часть головного убора—78
полушубок (рус.), вид одежды—77
полыш (алт.), отдача скота на выпас—440
помочи (рус.), соседская взаимопомощь—81, 202
понева, понява (рус., белор.), вид одежды—73—75
поняга (сиб.), доска для ношения груза—501
попередниця (укр.), вид одежды—73
посад (белор.), свадебный обряд—84
посиделки (рус.), совместная работа и развлечения девушек—82
поставец (рус.), шкаф—65
поскотина (рус.), ограда вокруг селения—46
постолы (укр.), вид обуви—79, 122
почёлка (рус.), вид головного убора—77
починок (рус.), однодворное поселение—51
призьба (укр.), завалинка—53, 69
примост (рус.), нары для спанья—65
прируб, изба с прирубом (рус.), вид избы—60
присох (рус.), часть сохи—39
«протяжные» песни (рус.)—90
прошва (рус.), часть поневы—74
прызба (белор.), завалинка—53
псухо (черк.), сельская община—255
пу (гил.), муж—518
пузырь (чув.), волынка—169
пулай, пулагай (эрз.), вид украшения—155, 156
пурим (евр.), праздник—209
пуруц (дагест.), плуг—230
пусдальгис (лит.), коса—105
путельс (латыш.) вид кушанья—114
путра (латыш.), вид кушанья—114
пхачич (черк.), кастаньеты—257
пшедсёнки (пол.), навес перед входом—58
пши (кабард.), князь—253
пшилап (пол.), навес перед входом—58
пшитль (кабард.), крепостной—254
пырт (лопар.), тип постройки—137
пыштак (алт.), сыр—431
пятистенок (рус.), вид избы—58, 60

Раввин (евр.), ученый богослов—207, 208, 305
раганас (латыш), ведьма—118
радуница (рус.), весенний праздник—85
раёк (рус.), театр картинок—88
размывки (рус.), обряд очищения—85
разнополка (рус.), понева—73
раийят (азерб.), крестьяне—298
рало (укр.), вид пахотного орудия—39, 40, 41
рассоха (рус.), часть сохи—39
резеши (молд.), крестьяне-общинники—201
рига (рус.), сушилка для снопов, житница—43, 44, 58, 116, 121, 122
рисоля (араб.), ремесленный цеховой устав—327, 353
ровдуга (сиб.), замша из оленьей кожи—498, 501
рогаль (рус.), часть сохи—39
родительская суббота (рус.)—85
роп гашана (евр.), новый год—209
ру (башк.), племя—190
рубенд (азерб.), покрывало для лица—298
рупташи (молд.), выходцы из духовного сословия—201.
рупя (морд.), вид женской одежды—154
рушник (укр.), полотенце—69, 71

Саан (кирг.), отдача скота на выпас—390, 440, 468
сабан (татар.), плуг—165, 172, 173, 183, 375
сабан-туй (башк.), праздник плуга—192
сагша (латыш.), покрывало—116
садило (рус.), часть овина—44
саилык (якут.), летник—462
сайво (лопар.), умерший, покровитель семьи и рода 140
сакля (кавк.), жилая постройка—231, 233
сактас (латыш.), пряжка—116
салык (кирг.), подать скотом—390
самокрутка (рус.), свадьба—84
самолов (сиб.), охотничья ловушка—547
самрело (груз.), хижина для изоляции женщин—283
самцы (рус.), вид конструкции крыши—57
санашик (туркм.), общинное землепользование—366
сангыях (якут.), меховая шуба—465
сандал (узб.), вид отопления—350
санник (рус.), хозяйственная постройка—61
сар (азерб.), музыкальный инструмент—299
сарафан (рус.), вид одежды—74, 79
сардар (туркм.), военный предводитель—364, 366, 368
сарлык (монг., алт.), як—431
сартаваха (санскр.), предводитель торгового каравана—346
сары (якут.), сапоги—466
сарымай (каз.), масло—375
саукеле (каз., каракалп.), головной убор—381, 382, 396

саун (эстон.), баня—122
саун (каз.), отдача скота на выпас—384, 390, 440, 468
сауын (каракалп.), отдача скота на выпас—397
саха (белор.), соха—41
сватание (укр.)—83
светец (рус.), приспособление для лучины—67
светлица (рус.), чистая часть жилища—60, 65
свирон (белор., лит.), клеть—58
свита (укр.), вид одежды—77
сволок (укр.), потолочная балка—56
сволоки (рус.), вид конструкции крыши—57
свясло (рус.), соломенный жгут для вязки снопов—42
седжере (туркм.), родословная—364
сёёк (кирг., алт.), «кость», род—390, 437, 438
сейды (лопар.), священ. камни—140
сенинг (кет.), шаман—495
сеон (нанайск.), шаманский дух—510
сердак (укр.), вид одежды—76
сетар (узб.), музыкальный инструмент—352
сездут (калм.), знать—196
сигидэк (хак.), вид одежды—436, 465
сидение дегтя (рус.), выгонка дегтя—49
сиелинг (ингуш.), столбы в честь умерших—245
симек (чув.), праздник—169
синзя (чув.), период религиозных запретов—169
сипор (тадж.), пахотное орудие—323, 333
сирэ (мокш.,) большак, старик—157
скарбник (укр.), домовой—86
скудутис (лит.), музыкальный инструмент—113
слопец (рус.), вид охотничьей ловушки—184, 500
смык (рус.), вид бороны—39, 41
совик (нен.), вид одежды—145, 487, 491
соинари (груз.), музыкальный инструмент—284
сойуш (кирг.), вид подати—390
сокуй (нен.), вид одежды—487, 491
сон (якут.), вид одежды—465, 466
соплис теми (груз.), сельская община—278
сорока (рус., морд.), вид головного убора—78, 79, 154
соха (рус.), пахотное орудие—38—41
сохи (рус.), столбы, подпирающие крышу—57, 59
сошка (белор.), вид пахотного орудия—39, 41
спідниця (укр.), вид одежды—73
спорник (рус.), часть сохи—39
стан (лопар.), шалаш—137
ста́рина (рус.), былина—88
старновка (рус.), немятая солома—44
староста (укр.), сват—84
старший (укр.), старший в семье—82
стая (рус.), постройка хозяйственная—61
столбовка (рус.), тип мельницы—45
стужень (рус.), часть сохи—39
суглан (сиб.), родовой сход—424, 502, 543
суккот (евр.), праздник—209
суковатка (рус.), вид бороны—41
султан (каз.), начальник из знатного рода—307, 326, 371, 381, 383
сумо, сумон (монг., тув.), административная единица—441, 442, 553
супряга (укр.), совместная обработка поля—81
сурнай (узб.), музыкальный инструмент—352, 392, 397
сур-харбан (бур.), праздник стрелка—457
суседка (коми), домовой—146
суслон(рус.), способ укладки снопов—42
сыба (башк)., кафтан—189
сывын (нанайск.), шаманский дух—510
сырмак (каз.), узорный войлок—376
сыуал (башк.), чувал, камин—188, 189, 191
сыуал-алды (башк.), пространство за чувалом—188
сэвэн (эвенск.), шаманский дух—504
сюунчи (каз.), обычай добровольной судебной помощи—382
сядей (нен.), изображение духа—489
сякмян (башк.), вид одежды—189

Табан хошуу мал (бур.), «5 видов скота»—447
табиб (кирг.), знахарь—391
тавад (груз.), владетельный князь—277
таг тайх (хак.), религиозный праздник «горное моление»—442
тадебции (нен.), шаманские духи—489
тайлаган (бур.), летний праздник—454
тайпа (чеч.-инг.), род—244
тайфа (туркм.), поколение—364
тайша (калм., монг.), владетель, князь—196, 452
талес, талет (евр.), ритуальное покрывало—208
талмуд-тора (евр.), религиозная школа—209
тамга (тюрк.), клеймо для скота—382, 397, 438, 440, 479
тамыр (каз.), приятель, побратим—382
танбур (узб.), музыкальный инструмент—352
тандыр (тюрк), хлебная печь—350
тантикин (арм.), старшая женщина—289
таныш (алт.), приятель, скупщик—440
тар (арм., азерб.), музыкальный инструмент—295, 299
тар (якут.), замороженное кислое молоко—460
тара (бур.), ковер—448
тарасун (бур.), молочная водка—447
тарга (монг.), управитель—440
тарикат (араб.), секта в исламе—240
тарханы (тат.), мелкие землевладельцы—178, 190
тарханы (каз.), служилая знать—383
таубий (кар.-балк.), князь—270
таукышлак (кар.-балк.), горное пастбище—270
тау-эясы (башк.), горный дух—192
тахья (удм.), головной убор—154, 155
ташкари (узб.), мужская половина дома—350
таплих (евр.), обряд очищения—209
тебеневка (сиб.), зимний выпас скота—374, 378, 431, 447, 459
тельпек (туркм.), головной убор—362
тенгрии (бур.), небеса, главные боги—454
тен-улеш (алт.), испольная аренда—440
термэ (ног.), юрта—307
тигыр тайх (хак.), религиозный праздник, моление небу—442
тиире (туркм.), род—364
тиндэ (молд.), сени—201
тиска (сиб.), вываренная береста—494
тлеух (черк.), братство, род—255
той (тюрк.), праздник, пир—406
тойон (якут.), господин, начальник—466, 468, 469, 471
ток (рус.), площадка для молотьбы—44
толгок (алт.), жгут сена—431
толи (монг.), «зеркало», часть шаманского костюма—510
толока (укр., белор.), соседская взаимопомощь—81
толь-ызь (гил.), «морской хозяин»—520
тонх (хант.), дух леса—480
топлюшка (рус.), небольшая печь—65
топшур (алт.), музыкальный инструмент—443
тор—см. тороп-юх
тора (евр.), священные книги—208
торне (груз.) хлебная печь—275, 290
тороп-юх, тор (хант.), музыкальный инструмент—481
тӧс (алт.), родовые духи—441

тос (юкаг.), береста; рисунок на ней—524
тохум, тухум (дагест.), род—238, 240
трам (укр.), потолочная балка—56
треф (евр.), нечистая, недозволенная пища—208
тувыр (мар.), рубаха—154
тӱкӱрӱчӱ (кирг.), знахарь—391
тулуп (тюрк., рус.), вид одежды—77
тун (башк.), вид одежды—189
туно (удм.), гадатель—160
туом (чеч.-инг.), война—244
туосахта (якут.), головной убор—466
тупа (лопар.), тип постройки—137, 139
турлучные (тюрк.), плетеные и обмазанные глиной постройки—237, 250, 307
тухум—см. тохум
тухья (чув.), головной убор—166
тфохотль (черк.), свободный общинник—254
тыльгунд (гил.), рассказы о чудесах, шаманах—521
тындыр (арм.), хлебная печь—290
тысяцкий (рус.), на свадьбе—83
тэйпы (чеч.-инг.), род—244
тюба (башк.), родовая группа—190
тюбетейка (тюрк.), головной убор—177, 340, 351
тюленгут (каз.), раб-дружинник—383
тюрик (марийск.), головной убор—154

Убрус (рус.), вид головного убора—78
убульдерен (бур.), зимник (кочевье)—449
убыр (башк.), живой мертвец—192
увтыр (коми-перм.), группа родственных семей—145
угол (в угол) (рус.), способ кладки бревен—52
удж (черк.), пляска—257
уздӓн (балк.), дворяне—270
узден (кумык)., незакрепощенные крестьяне—238
уздени (чеч.-инг.), дворяне, свободные—244
уздень (каб.-черк.), дворяне—254, 255, 265
уй (каз.), кибитка, юрта—379
уй-жай (каракалп.), крытый дворик—395
уйран (чув.), вид кушанья—165
улигер (бур.), сказание о богатырях—455
улус (калм.), племя—196
улус (хак., бур.), поселение—434, 442, 453, 455
улус (як.), племя; крупная административная единица—466, 553
умиак (эским.), лодка—417
унаут (кабард.), раб—254
унты (сиб.), меховые сапоги—501
унху (хант.), дух леса—480
уозденьлаг (осет.), дворянин—265
уран (каз., каракалп.), боевой клич—382, 397
ураса (якут.), тип жилища—463, 464
урочище (рус.-алт.), поселение—434
уру (башк.), племя—190
уруг (туркм.), подрод—364
урын (сиб.-тат.), нары—445
урындык (башк.), нары—188, 189
усах (башк.), очаг—188
утуг (бур.), удобренный сенокос—447
уужа (бур.), вид одежды—451
уук (тюрк.), изогнутая жердь для юрты—379
ухерида (монг.), князь—441
уходом, увозом (рус.) свадьба—84
уцмий (дагест.), владетель, князь—229, 237, 240
ушкур (лит.), зять-приймак—109

Фанза (кит.), жилище—509, 518
фараджа (перс.), вид одежды (см. паранджа)—339
фата (рус.), вид головного убора—78
фандыр (осет.), музыкальный инструмент—284
фарсаглаг (осет.), свободный общинник—265, 266
фольбин (узб.), знахарка—352

Хаджрет (черк)., изгнанник из рода, разбойник—255
хадзар (осет.), жилье—264
хал (туркм.), племя—364
халат (тюрк., рус.), вид одежды—77, 177, 339, 350—351, 362, 381
халиф (тадж.), религиозный руководитель—342
халь (гил.), род—518, 519
халь-хеймар (гил.), родовой старшина—519
хамначит (якут.), батрак—468
хамыс (якут.), музыкальный инструмент—471
хан (тюрк.), князь, государь—240, 326, 327, 368, 381
ханукка (евр.), праздник—209
ханы (бур.), второстепенные боги—454
хараус (башк.), обрядовый головной убор—190, 194
харги (эвенк.), духи—504
харчут (калм.), простой народ—197
хасаас (якут.), отдача скота на выпас—468
хасиды (евр.), секта в иудаизме—209
хата (укр., белор.), жилой дом—53, 56, 69
хати (груз.), святилище—283, 284
хаус (узб.), пруд—350
хахам (евр.), ученый богослов—207, 306
хацатун (арм.), тип дома—290, 297
хачиш (черк.), помещенье для гостей—251
хашар (тюрк.), обществ. труд—342, 406
хаяқ (якут.), масло—460
хвартук (рус.), вид одежды—76
хвыстание (рус.), способ молотьбы—44
хевис-бери (груз.), старейшина—283
хеврос (евр.), братство, благотворительное общество—207
хег (нен.), семейный дух-покровитель—489
хедер (евр.), религиозная школа—208, 209
хехес (осет.), свободный общинник—266
хирман (тадж.), ток для молотьбы—334
хист (осет.), погребальный обряд—268
хованец (укр.), домовой—86
ховрык (калм.), духовное сословие, ламы—197
холомо (якут.), тип жилища—463
хона (тадж.), жилище—334
хорей (сиб.), шест для управления оленями—485
хорімці (укр.), сени—53
хоромы (рус.), 2-этажный дом—56
хотон (калм.), кочевая группа—196
хотон (якут.), хлев—460, 463
хошпу, хушпу (чув.), головной убор—166
хошун (монг., тув.), административная единица—429, 434, 441, 442, 553
хубилган (монг.), живой перерожденец—455
хуотныль (кет.), экзогамная фратрия—495
хурджын (туркм.), сумка—369
хурстуксет (ижор.), вид одежды—126, 127
хурул (калм.), монастырь—197
хурэ (монг.), буддистский монастырь—442
хустка (укр.), платок—78
хуц (груз.), жрец—284
хыш (азерб.), соха—296
хэситэ (тат.), нагрудное украшение—177—178

Цагур (дагест.), чулан-шкаф—236
цаган-сара (бур.), праздник Нового года—455
цадик (евр.), религиозный руководитель у евреев-фасидов—209

цам (бур.), буддистский праздник—455
цараны (молд.), крестьяне—201
цацали (груз.), подруга—283
цацлоба (груз.), обычай побратимства—283
цеп (рус.), орудие молотьбы—44
цзянь-цзюнь (кит.), губернатор—441
ццу (ингуш.), божество-покровитель—845

Чабан (тюрк.), пастух овец—46, 236
чагар (кумык.), крепостной крестьянин—238
чадра (азерб.), покрывало—298
чайрикер (узб.), испольщик-арендатор—327
чайхана (узб.), чайная—334, 336
чала-манап (кирг.), подчиненный манап—390
чалма (тюрк.), вид головного убора—166, 260, 276, 340
чалу (алт.), дух-хозяин бубна—441
чанг (узб.), музыкальный инструмент—352
чапан (тюрк.), вид одежды—77, 177
чапш (черк.), знахарское лечение ран—257
чарва, чарвадар (туркм.), кочевник-скотовод—356, 358
чатхан (хак.), музыкальный инструмент—443
чачван (узб.), волосяная сетка для лица—339
чашка (в чашку) (рус.), способ кладки бревен—52
чашмбанд (тадж.), волосяная сетка—339
чегень (алт.) простокваша—431
чело (рус.),устье печи—65
чепец (белор.), вид головного убора—78
черкан (сиб.), охотничья ловушка—184, 416, 473, 500
черкеска (кавк.), вид одежды—236, 251, 264, 276, 298
черкуша (рус.), вид сохи—40
черная изба (рус.), с печью без дымохода—65
чернь (рус.-алт.), лесистые горы—428
чианури (груз.), музыкальный инструмент—284
чигирик (узб.), орудие очистки хлопка—325
чигирь (тюрк.), водоподъемное колесо—320, 321
чи-мари (мар.), некрещеные марийцы—158
чойчжин (бур.), предсказатель—455
чомур (туркм.), оседлый земледелец—356, 358
чонгур (арм.), музыкальный инструмент—295
чонгури (груз.), музыкальный инструмент—284
чон-манап (кирг.), главный манап—390
чоор (кирг.), музыкальный инструмент—392
чорон (якут.), деревянный кубок—469, 471
чоха (груз.),—вид одежды—276
чубом покрытие (белор.), вид крыши—57
чувал (тюрк.), пристенный камин—64, 251, 436, 445, 463, 474, 475, 490
чувяки (тюрк.), вид обуви—236
чукление (чув.), моление, обряд—169
чулан (рус.), часть избы—67
чум (сиб.), тип кочевого жилища—417, 474, 476, 485, 486, 487, 490, 491, 494, 498, 505, 550
чурек (тюрк.), пресная лепешка—359
чурчхела (груз.), сладкое кушанье—275
чуха (азерб.), вид одежды—298
чэгэдэк (алт.), вид одежды—436, 438, 451, 465

Шабур (коми), вид одежды—145
шаир (каракалп.), певец—397
шайтан (араб.), злой дух—304, 480
шалан (каз.), напиток—357
шаман (тунг.)—424, 503, 504 и др.
шамхал (кумык), владетель, князь—237
шариат (араб.), мусульманское каноническое право—239, 240, 328, 366, 368, 382, 385, 405, 406
шарики (тадж.), аренда—341
шаровары (перс., рус.), вид одежды—176
шатро (цыган.), шатер—214
шатровая (рус.), мельница—45
шахсей-вахсей (азерб.), праздник—298
шебуот (евр.), праздник жатвы—209
шева (коми), «порча»—146
шейхи (курды-езиды), духовное сословие—304
шестистенок (рус.), вид дома—60
шимакш (мар.), головной убор—154
ширетуй (бур.), настоятель монастыря—455
ширинка (рус.,) вид головного убора—78
шичепшин (черк.), музыкальный инструмент—257
шиш (рус.), сушилка для снопов—43, 153
шкай (мокш.), бог—160
шойхет (евр.), резник—208
шолнуш, шомныша (рус.), часть избы—67
шортдэрэм (удм.), вид женской одежды—154
шуба (тюрк., рус.)—77
шубор, шупар (чув.), вид одежды—166
шугай (рус.), вид одежды—77
шуленга (алт.), низшее должностное лицо—440
шулмус (монг.), злой дух—197
шурали (башк.), лесной дух—192
шурка (мар.), головной убор—154, 177
шушпан (рус.), вид одежды—76
шушун (коми), вид одежды—145
шэены (эвенк.), духи—504

Щетка (под щетку) (укр.), способ покрытия дома соломой—57

Ызь (гил.), хозяин—519, 520
ылгылы-кул (карач.), крестьянин—270
ымги (гил.), зять—518, 520
ырышмик (каз.), творог—375
ысыах (якут.), кумысный праздник—469

Эжин (бур.), «дух-хозяин»—454
эльгыц (ингуш.), святилище—245
эмир (перс.), князь—327
эмчи (калм., бур.), лама-врачеватель—197, 455
эмэгэндэр (алт.), культовые куклы, «бабушки», 441, 442
эндури (маньчж.) небесные духи—510
эристави (груз.), князь, глава народа—277
эртик (арм.), световое отверстие в крыше—290
этаны (эвенк)., духи—504
этэрбэс (якут.), сапоги меховые—466

Юкола (сиб.), вяленая и сушеная рыба—506, 516, 526, 528, 547
юкольник (сиб.), вешалка для сушки рыбы—516
юпа (лопар.), вид одежды—138
юпка (укр.), вид одежды—76
юрта (тюрк.), тип жилища—53, 353, 361, 378—381, 395, 396, 434, 435, 436, 451, 463, 464, 475, 490, 528
юрта (селькуп.), сельская община—491

Ягель (сиб.), олений мох (лишайник)—489
ягушка (нен.), тип одежды—487
ямный овин (русы), вид овина—44
яранга (чук.), кочевое жилище—505, 535, 536, 550

ярлыкчи (алт.), бурханистский жрец—442
ясак (тюрк.), дань мехами; подать—413, 422, 452, 467, 477, 502
яудер (нен.), оседлый охотник-рыбак—485
яшка (чуваш.), суп—165
яшмак (туркм.), головное покрывало—362
яянга (кор.), кочевое жилище—535

Aganik (эст.,) часть дома—120
ait (эст.), часть дома—120
arkls (латыш.), соха—115
dziesma (латыш.), лирическая песнь—118
igesmes (лит.), религиозные песни—113
istaba (лит., латыш.), изба; часть дома—107, 116
jispa и мн. др. (слав. языки)—69
kamara (лит.), кладовая—107
kamber (эст.), кладовая—120, 121, 122
kletis (лит.), клеть—107
kluonas (лит.), гумно—107
koda (эст.), летняя кухня—121
marškinai (лит.), рубаха—108
namas (лит.), жилой дом—106, 107, 116
nams (латыш), вид постройки—116
numas см. namas
pečius (лит.), печь—107
pirkia (лит.), изба—107
pirtis (лит.), баня—107
pretistaba (латыш.), кладовая—116
raude (лит.), похоронные песни—113
rehala (эст.), часть дома—120
rehe-tuba (эст.), дом-рига—121
selg (эст.), пряжка—122
sirp (эст.), серп—119
svirnas (лит.), амбар—107
tautas dziesmas (латыш.), народные песни—118
tuba (эст.), часть дома—120
vainikas (лит.), венок, головной убор—109
velns (лит.), название чорта—110
vialnes (лит.), название чорта—110
vilkats, vilktrisa (лит.), волк-оборотень—112

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

(названия народов и родо-племенных групп)

Аара—438
абадзехи—246—248, 254, 256
абазги, абаски—219, 222, 258
абазины—218, 246, 247
абаканские татары—427
абжуйские абхазы—258
абиссинцы—205
абхазо-адыгейские народы—218, 245—261
абхазы—218, 222, 223, 258—261, 268, 274, 305, 310
авамские тавгийцы—483, 492
аварцы—226, 227, 228, 229, 232, 235, 238, 240, 241, 242
авары—20
агар—356
агау—205
агваны—221
агулы, агульцы—227, 228, 242
адгене—см. адыгене
аджарцы—272, 276, 277, 278
адыгейские народы—5, 218, 245—258, 270
адыгене—389
азери язык—296
азербайджанцы—14, 218, 221, 223, 224, 226, 227, 242, 273, 286, 289, 293, 295—299, 301, 308, 355
азянцы—501
айны, айну—411, 510, 514, 516, 517, 519, 528
айрумы, айрым—296
айсоры—305
ак-ногайцы—306
алагирцы—261, 266
аланы—219, 221, 223, 262, 268, 394
албанцы—69, 198, 204
албаны—219, 221, 223, 228, 229, 295
алеуты—11, 411, 414, 514, 540, 541, 547
али-эли—356
алмат—438
алтайские калмыки—427
алтай-кижи—427, 428, 430, 437
алтайские языки—11, 195, 388, 390, 393, 410, 497, 511
алтайско-саянские народы—5, 6, 53, 413, 422, 425, 427—444, 496
алтайцы—379, 410, 423, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 434, 436, 437, 438, 440, 441, 443, 444, 451, 465, 495, 496, 555, 556, 561
альваны—221
алюторцы—532
амери—274
американоидный антропологический тип—483, 493, 541
амурские казаки—32
анат-енчи—162, 168
анатри—162, 164, 168
анаулы—522
андрофаги—150
андийские народы—226, 242
андийцы—226, 227, 232, 235
андо-дидойские народы—242
анты—20, 24
апсуа—258
ар, аряне—150
араб (род.),—365
арабы—220, 223, 240, 271, 272, 287, 293, 316, 329, 330, 331, 346, 398, 400, 407
аралы, аральцы—346
арамейский язык—205
арвачи—356
аринцы—492, 493, 496
арису—149
арктический антропологический тип—411, 541
арменоидный антропологический тип—333
армены—287
арминийя—287

армяне—218, 220, 222, 223, 275, 284, 286—295, 298, 301, 303, 305, 308
арчинцы—227, 228
ас—180
асаны—492
ассирийцы—305
ассирийцы древние—220, 222, 305, 338
астраханские татары—180
ася—483
ас-ях—472
ата—356
атабаски—496
аугалы—355
аугассии—355
аукштайты—130, 104
ауховцы—243
афганцы—402
ахвахи—227, 228
ашехабаты—452, 453
ашкеназские евреи—205
ашхарабар язык—287

Багыш—389
баджегар—182, 194
байкальский антропологический тип—411, 511
байлагас—438
бактрийцы—313—315, 329, 330
балкарцы—5, 218, 223, 256, 264, 268—271
балтийские народы—6, 11, 19, 22, 101—118
балючи—402
барабинские татары—411, 444
баргу-буряты—446
барлас—345, 346
бартангцы—331, 332
баски—217, 218
басыз—389
батулинцы (буряты)—452, 453
батулинцы (якуты)—466
батурусы—466
бацбии—242, 273, 282
башгирд—182
башджард—182
башкиры—6, 32, 56, 147, 153, 180, 182—195, 373, 559
башкурт—182, 194
бедуины—302
бежетинцы, бежтинцы—227, 228, 242
белозеры—31
беломорский антропологический тип—143
белорусы—5,6, 16, 17, 20, 26, 27, 28, 29, 31, 34, 36—100, 106, 475, 559
белтыры, бельтиры—429, 431, 440
белуджи—402
белые гунны—315
белые хорваты—25
берберы—402
бесермяне—82, 148, 154, 155
бесленеевцы—247, 254
бетунцы—466
бжедухи—247, 254
бзыбские абхазы—258
биармийцы—142—143
билер—173
бирары—497
богдэгенг—495
«богемцы»—212
богусхан—438
бойки—34
болгары, булгары (древние)—148, 163, 164, 172, 173, 198, 203, 223
болгары (славяне)—17, 25, 37, 70, 69, 85, 200, 202, 203, 204
борогонцы—466
ботлихцы—226, 227
боша—306
братские люди, браты—447
бугу—389
будины—150
будугцы, будухи—227, 228
бужане—20
булагаты—446, 447, 452, 453, 455
булагачин—446
буланы—25
булгары—см. болгары
буляши—501
бурзяне—190
буришки 313, 332
буртасы—150, 151, 163
буруты—386
бурят-монголы—445
буряты—6, 32, 53, 379, 410—413, 422—426, 445—457, 458, 464, 501, 503, 552, 555, 556, 559
бухарцы—319, 346, 407
бухарцы сибирские—445

Вавилоняне—204
ваддя—126
вакья—126
вадеевские тавгийцы (нганасаны)—483, 492
валахи—198, 199, 200
вантит—24
вануйта—487, 488
ваняды, ванядыры—492, 501
варвацкие остяки—487
варяги—20, 23, 26
ватка—148
ваханцы—331, 332, 334, 343, 407
вахиочи—332
вейнахские народы—218, 242, 273
великорусы—20, 21, 29, 154 и др.
венгры—65, 69, 76, 150, 163, 182, 193, 194, 195, 199, 472
венды—23
венеды—18, 23, 24
венентры—24
верховинцы—34
вершики—313
вепсы—23, 127, 129, 143
весь—25, 127, 129, 143
византийцы —222, 271
винды 23
вирьялы—162, 164, 166, 168
вису—143
вогуличи—472
вогулы—135, 146, 188, 410, 413, 414, 423, 425, 472—483
водь—74, 103, 126
волжские татары—см. татары
волжско-финские народы—см. восточно-финские народы
волоты—26
волыняне—24
восточно-балтийский антропологический тип—102
восточно-финские (волжско-финские) народы—6, 25, 147, 162, 163, 173, 193, 561
восточные славяне—6, 17, 18, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 28, 106, 108, 126, 200, 224, 559
вотяки—147, 148 (см. также удмурты)

16

вэнэ—23
вятичи—20, 21, 24, 25

Гагаузы —198, 202—204
гаджалы—203
галгаи—243
галинды—102, 103
галманы—31
гальчá—331
гамаюнщина—31
гапутлинцы—227, 228
гениохи—221, 246
генуэзцы—223
германцы—18, 19
гиляки—6, 14, 411, 414, 417, 422, 425, 505, 507, 511 512, 513—522
гирей—190
гогуличи—478
годоберинцы—226, 227
гокланы, гоклены—356
голицинщина—31
гольды—410, 414, 497, 505, 509, 510, 512, 548 (см. также нанайцы)
голядь—102
горанцы—331, 332
горные калмыки—427
горские евреи—226, 227, 301, 305
готы—20, 23, 149, 261
грабар язык—287
гребенские казаки—32
греки—198, 204, 212, 304, 305
греки, древние—220, 222, 226, 254, 314
грузинские евреи—305
грузины—14, 205, 217, 218, 220, 222, 224, 240, 246, 257, 258, 262, 266, 271—286, 292—294, 298, 308, 316, 561
гудамакарцы—274, 279
гудаутские абхазы—258
гулиганъ—446
гунзебцы, гунзибцы 227, 228
гунны—17, 223, 314 (см. также хунны)
гурийцы— 272, 273, 276
гуцулы—34, 45, 53, 59, 61, 76, 99
гянь-гунь—392

Дагестанские народы—5, 218, 224, 229, 226—242, 244, 251, 264, 284, 307, 308
даг-чуфут—305
даки—92, 97, 198
дандарии—221
дарвазцы—331, 332, 341—343
даргинцы—227, 228, 231, 232, 237, 238, 242
дари язык—317, 331
дауры—412
да-юэчжи—314
двальцы—261
денг—492
дене—496
дербентские татары, тюрки—226
джавахи—273
«джаро-белоканские лезгины»—226
джаты—212
джеки—227, 228
джелаир—345, 372
джембойлуки—307
джемшиды—402, 407
джунгары—371, 374, 393, 401, 428
дигорцы—261, 263, 265, 266
дидойские народы—228
дидойцы—227, 228, 242
дикокаменные киргизы—386
динлины—413, 493, 496
дины—496
долганы—410, 492, 505, 512, 550
дöлöс—390
донские казаки—32, 72
домы—212, 306
древляне—20, 24
дреговичи—20, 21, 24
дуклат—373
дулат—373
дулебы—24
дунгане—346, 399, 400, 401
дунху—511
дэрбэты—195, 196
дючеры—412
дянь—492, 492

Евреи—6, 105, 198, 204—211, 305, 306, 400, 407, 561
евреи горские—см. горские евреи
евреи грузинские—см. грузинские евреи
евреи среднеазиатские—400, 407
европеоидная раса—11, 21, 102, 143, 218, 312, 313, 315, 333, 355, 393, 411, 412
«египтяне»—212
едисанцы—307
едишкульцы—307
езиды—303, 304
езынги—487
елик—438
енисейские киргизы—393, 428
енисейские остяки—411, 472, 492
енисейский антропологический тип—483
енисейцы—492 (см. также Кеты)

Жаргон (еврейский язык)—205, 210
жаунгыр—397
жемайты, жмудь—102, 103, 104, 107
жуань-жуани, жужане—413, 434

Забайкальские буряты—453
забайкальские казаки—32
забайкальские старообрядцы—31
заболотные татары—444
закавказские татары—296
закаспийский антропологический тип—312, 355
«закатальские лезгины»—226
«закатальские мугалы»—224
занский язык—272
западно-балтийский антропологический тип—102
западносибирские татары—410, 444, 445
западнофинские народы—101, 102, 119, 126, 129
западные славяне—17, 18, 20, 23
запорожские казаки—34, 224
затундренские—33
згамик—331
земгалы—102, 103, 104
зиги—221, 246
зимиголы—102
зыряне—см. коми-зыряне.

Иберийско-кавказские языки—217
иберийцы (пиренейские)—217, 218
иберы (кавказские)—220, 222, 271, 274
иври—400
иезиды—см. езиды
ижемцы—136, 141, 146, 489, 543
ижорцы—74, 126, 146
израильтяне—211
икинаты—452, 453
икирас—446
илан—190
иллирийцы—19
илоу—522,
имеретины, имеры—220, 272
имери—274
имрели—356
инбаки—492
ингерманландцы, ингры—126
ингилойцы—273, 278
ингуши—5, 218, 242—245, 264, 268
индейцы (американские)—415, 514, 526, 529, 536, 538
индийцы—215, 402
индо-европейские народы (языки)—11, 19, 22, 112, 218, 287, 312, 313
индо-иранские языки—19, 101
иомуды, иомуты—356, 362, 364, 368, 407
ирани—398
иранские народы и языки—11, 19, 22, 25, 69, 218, 222, 223, 224, 226, 261, 262, 284, 286, 305, 312, 313, 315, 316, 317, 318, 330, 364, 402
иркит—438
ироны, иры—261
итальянцы—223, 226, 254
ительмены—14, 411, 414, 416, 417, 422, 424, 525—530, 535, 536, 541
иудеи—211
ихириты—446, 452, 453
ичкеринцы—243
ичкилик—388, 389
ишкашимцы—331, 332
ишки—222
иштек—444

Йака-туркмены—365
йидиш—205, 210
йиш-кижи—427

Каал—438
кабардинцы—6, 56, 188, 195, 218, 222, 223, 225, 232, 243—258, 264—266, 268, 270, 307, 559
кавказские евреи—305, 306
кавказские народы—11, 22, 195, 216—310
кагмаше—491
кагуны—31
казаки русские—32
казак (род)—365
казахи—6, 32, 56, 183, 184, 190, 195, 196, 307, 312, 318—320, 328, 329, 345, 359, 364, 370—386, 388, 389, 391—394, 396, 397, 411, 438,
казикумухи—228
кайтаки—224, 227, 228, 229
калмажи—491
калмез—148
калмык (род)—365
калмыки—32, 147, 195—197, 246, 257, 307, 365, 371, 379, 401 428, 561
калтакулы—501
камаки—229
камасинцы—410, 491
«каменщики»—33
ками—229
камчадалы—14, 33, 411, 414, 417, 426, 463, 525, 526 (см. также ительмены)
камчадалы русские—47, 525, 526
кангаласы—466, 471
кангар—373
канглы—345, 373
кангюй—373
канлы—194
«канские иноземцы»—452
капучины—228
карабулахи—243
карагасы—410, 411, 418, 421, 428, 429, 431, 433, 434, 436, 437, 441, 491
карагаши—180
карадашлы—356
караимы—210—211
каракайтаки—228
каракалпаки—312, 320, 346, 359, 362, 389, 393, 394—398, 407
каракасы—429
каракиргизы—386
каракитаи—317, 393, 394
карамыши—31
караногайцы—306
кара-сойон—439
каратаи—148, 173
каратегинцы—331—333, 341—343
каратины—227, 228, 232, 242
карачаевцы—5, 218, 256, 268—271
карачейская самоядь—488
карачи—306
каргопольщина—31
кардухи—301
карелы—6, 23, 53, 65, 70, 78, 98, 119, 124, 128—135, 141
каркын—356
карлуки—317, 345, 346
карпиды—25
карпианы—25
карталинцы—272—273, 276, 277
картвелы—218, 220, 271—286
карьяла—129
касаги—246
касимовские татары—180
касоги—224, 225, 246
каспии—221, 228, 295
касситы—221
катай—190, 194, 345
кахетинцы—273, 274, 276
качинцы—429, 430, 434, 437, 439
кашаки—246
кашгарцы—312, 398, 407
кашубы—17, 69
кашшу—221
кванадины—227, 228, 239
кёбёк—438
кёёжё—438
кеикчи—356
кельты—18, 19, 199
кемгуи—247
кенегесы—345, 397
кераиты—373
кергеш—444
кергиль—438
кереки—532
керемучин—446

керкеты—221, 246, 247
кесек—389
кето́—492
кеты—11, 69, 77, 411, 414, 417, 421, 429, 472, 473, 483, 490, 492—496, 501, 503, 512, 548, 549
кидане—194, 195, 317, 393, 413
киленг—513
киммерийцы—222, 287
киндигирцы—501
кипчаки—172, 173, 190, 194, 211, 223, 229, 270, 307, 312, 345, 346, 348, 350, 355, 372, 373, 388, 389, 394, 407, 444
киргиз-казаки, киргиз-кайсаки—371
киргизы—6, 312, 314, 317, 328, 333, 346, 359, 371, 379, 386—394, 396, 397, 401, 402, 407, 413, 428, 429, 493, 496
киргыз—194 (см. также киргизы)
киреи—373
киреиты—373
кирьяла—129
кистины—242, 273, 282
кисты—243
китайцы—314, 316, 329, 400, 401, 410, 440, 449, 505, 509, 511, 513, 518, 519, 521
койбалы—410, 428, 429, 491
кокандцы—346
кӧк-тюрк—315
колвинские ненцы—484
колхи—220, 222, 271, 274, 278
колымчане русские—33, 47
коми, коми-зыряне—5, 23, 53, 70, 128, 136, 141—147, 149, 480, 482, 484, 488
коми-пермяки—5, 70, 135, 141—147, 149
конготоры—452, 453
конграт—396, 397 (см. также кунграты)
конные тунгусы—504
кӧӧболу—438
корела—129
коринцы—452, 453
корсь—102
коряки—5, 14, 411, 414—418, 421, 422, 423, 501, 505, 523, 525, 530—539, 541, 542, 546, 547, 550
котовцы, котты—492, 493
коше—389
кревины, кревинги—126
кривичи—20, 24, 25
крызы—227, 228
крымчаки—205
кряшены—179, 181
ктаи—389, 397
кубанские казаки—34, 224
кубачинцы—227, 228, 231, 233, 235, 236, 239, 240, 241
кузнецкие татары—429, 434
ку-кижи—427
кумандинцы—427, 428
куманы—203, 204, 229, 355
кумыки—218, 223, 226, 227, 229, 236, 242, 243, 244
кунграты—345, 348, 350, 373, 390
кундровские татары—180
курама, кураминцы—345, 373, 407
курдак—444
курды—218, 285, 287, 295, 298, 301—303, 304, 305
курильцы—510, 528
курманджи—304
куроны—102, 107
куртатинцы—261, 266
курши—101—104, 107, 114, 126
курыканы—446, 448
кучу—390
кушаны—221, 315
кушиты—221
кушчу—389
кызыльцы—428, 429
кынык—317
кыпчак—438, 439 (см. также кипчаки)
кышшак—397
кыргыз—190, 386, 393, 429 (см. также киргизы)
кытаи—194, 195, 345, 390
кэнтаденг—495
кюринцы—228
кяхский язык—246

Лагай—488
лазы—220, 270, 271
лаки, лакцы—227, 228, 232, 237, 242
лалагирцы—501
ламду—487
ламуты—410, 414, 418, 422, 423, 497, 503, 504—505, 511, 512, 522, 546, 548, 549
лапландцы—135
лапоноидный антропологический тип—19, 135, 143
лаппи—129, 135
латгалы, латгальцы—102—104, 114—118, 126
латыши—101, 102, 104, 114—118, 122, 123, 126
лебединцы—428, 431, 436
лезгины—226, 227—229, 232, 241, 242
лемки—34
ленинградские финны—126
лесные ненцы—483
лесные самоеды—490
летто-литовские народы—10, 102
летьгола—102, 114
лечхумцы—272
ливвики—129
ливы—101—104, 114, 116, 123, 125, 126
литва, литовцы—25, 27, 29, 34, 101, 102, 103, 104—116, 118, 149
локайцы—346, 348
лом—212, 306
лопари—128, 135—141, 418, 421, 425, 483
лужицкие сербы, лужичане—17, 23, 69, 108
луораветланы—532
людики—129
люли—402
ляпинские остяки—472

Маджагар—182, 195
маджар—345
мадьяры—11, 119, 150, 182, 193, 194, 105, 223, 229, 472
мазанги—402
маймалары, майминцы—428
майман—438
македони—332
македонцы—17
македонцы древние—204, 314
макроны—220
малорусское наречие—26
малые народы севера—411, 413—422, 472—552
мангазейская самоядь—488
мангуны—505
мангут—180
мангыты—345, 348, 350, 365, 397
манегры, манегиры—497
манси—5, 135, 410, 411, 414, 425, 472—483, 549, 559

маньчжурские языки, маньчжуры—410, 412, 497, 505, 507, 509, 511, 512, 517—519, 521
мари, марийцы—5, 6, 147—162, 168, 173, 177, 180
марковцы—33
массагеты—313—315, 317, 329, 355, 394
махтум—356
маяты—492
мегинцы—466
мегрелы—247, 258, 272, 281
мексиканцы—14
меланхлены—150
мелецкие татары—429
меоты—221, 246
мерет—438
меркит—345, 438, 444
меря—25, 150
месхи—220, 271, 273, 274, 277
мешех—220
мещера—31, 150, 179
мещеряки—180
мидийцы—295, 301
мижерь—150
мин—190, 194
мингрельцы (см. мегрелы)
минкизы, мичкизы—242
минусинские татары—428
мичиковцы, микючь—242
мишари, мишер—150, 178, 179, 180
могол—345, 438
модор—438
мокша—148, 149, 150, 153, 154, 166
молдаване—6, 70, 198—202, 204, 559
монгол, монголдор (род)—389
монголоидная раса—11, 21, 102, 149, 173, 312, 315, 317, 319, 372, 386, 393, 411, 412, 445
монголы—172, 173, 190, 194, 195, 197 204, 218, 223, 224, 229, 246, 271, 272, 287, 293, 296, 307, 317, 318, 345, 373—375, 379, 393, 401, 411—413, 426, 440, 441, 442, 444, 446, 447, 448, 449, 452, 453, 455, 457, 553, 555
монгольские языки—11, 224, 317—319, 402, 410, 428, 496, 511, 541
монг-у—195
мон-гу-ли—195
монгуш, см. мунгуш
монканси—488
мордва—5, 6, 23, 78, 82, 147—162, 166, 168, 173, 179
мосхи, см. месхи
мохевцы—274, 279, 282, 283
мохошевцы—247
мохэ—522
мтиулы—273, 279, 280, 282, 283
мугалы—224
мунгуш—389
мундуз—389, 390, 438
мурома—150
мурча-или—356
мучугиры—501
мушки—220

Нагайбаки—181
назрановцы—243
найманы—180, 307, 318, 345, 373, 389, 393, 394, 413, 444
наляги, налягиры—501
намцы—466
нанагиры—501
нанайцы—410, 411, 414, 417, 497, 505—508, 510, 511, 513, 520, 549
натухайцы, натхуаж—247, 257
нахче, нахчий—243
нганасаны—410, 483, 485, 492
негидальцы—410, 497, 505
немцы, германские народы—69, 105, 108, 114, 116, 121, 123, 125, 136
ненцы—136, 145, 146, 261, 410, 411, 414, 418, 422, 423, 425, 473, 475, 481, 483—491, 494, 498, 505, 546, 548, 549
нибах, нивах, нивух—513
нивхи—411, 513—522
новоселы сибирские—32
ногаи—27, 178, 180, 196, 218, 373
ногайцы—224, 226, 227, 236, 247, 256, 257, 306—308, 373
норвежцы—138
норманны—23
нукус—350
нухурли—356, 359
нымылланы—531
нюрюмнялы—501
ня—483
няруи—487

Обезы—224, 247
обские угры—53, 77, 472—483, 495
овен—504
огузы—203, 204, 312, 316, 317, 355, 356, 365
однодворцы—31, 66, 74
одулы—522, 523
ойраты—195, 393, 401, 428
ойроты—428, 442, 553
око—492
окотэтта—487, 488
олали—356
олёты, ölöt—195, 401
ольчи—505
омоки—522, 523
он—389
онежане—31
онкилоны—523
он-торть-уру—396, 397
оочу—438
ораветланы—532
оренбургские казаки—32
ороки—411, 505, 507, 509, 512, 549
орочель—504
орочи—410, 411, 414, 497, 505, 507, 509, 512—514, 520, 548, 550
орочоны—497—504
орошорцы—331
орхоно-енисейские тюрки—413
осетины—6, 218, 222, 223, 224, 225, 244, 246, 256, 257, 261—268, 270, 284, 308
османы—203, 286, 355
осси—261, 262
остяки—146, 188, 410, 413, 414, 423, 425, 472—483, 490, 492
остяко-самоеды—472, 483, 490
отамыш—367
отуз-огул—389

Падары—293
палеоазиатские народы—11, 410, 417, 463, 474, 483, 491, 492, 496, 502, 512, 514, 518, 540—542
палеосибирский антропологический тип—411, 458
палы—25

памиро-ферганский антропологический тип—312, 333
парфяне—287, 314
паскатир—182
переднеазиатский антропологический тип—333
пермь—142, 143
пермяки—см. коми-пермяки
пермяне—142, 143
персы—204, 271, 272, 278, 287, 293, 294, 295, 302, 315, 328, 364, 398
печенеги—223, 373, 394
печера—142
пинчуки—34
Поволжья народы—147—197, 483
полабы, полабские славяне—17, 23, 69
полехи—31
полешуки—34
половцы—172, 203, 204, 211, 223, 229, 236, 355, 373
полочане—24
полуверцы—112, 119
поляки—17, 21, 25, 27, 29, 34, 37, 51, 58, 65, 69, 70, 72, 84, 89, 105, 106, 108
«поляки» сибирские—33
поляне—20, 24, 25
полянцы—25
поморские славяне—17
поморы—31
понтийский антропологический тип—102, 179 (см. также северо-понтийский антропологический тип)
поозеры—31
пошехонцы—31
прибалтийско-финские народы, см. западнофинские народы
припамирские народы—331—333, 342 и др.
пруссы—102, 103, 112
прут, пурут—438
пустозеры—31
пшавы—273, 279, 282—284
пырат—447
пян-хасово—483

Радимичи—20, 21, 24
рачинцы—272
реппинщина—31
римляне—198, 199, 204, 286
ром—212
романские народы—11, 198
ромеи—305
российские—32
росы—24, 25
румыны—65, 70, 76, 198, 199, 200
русины, руськие, рутены—33
русские—5, 6, 15—17, 20, 22, 25, 26, 28—33, 34—100, 106, 108, 122, 124, 126—128, 144, 145, 164, 224, 227, 307, 319, 328, 374, 410, 426, 452, 454, 480, 482, 488, 505, 509, 512, 513, 522, 524, 530, 541, 559, 560, 561 и др.
русские камчадалы—47
русские колымчане—47
русско-устьинцы—33, 47
рутульцы—227, 228, 242
рушанцы—331, 332

Саал—438
саами—135, 418, 483
сабиры—25
савакот—126
савары, савиры—25, 229
сагайцы—428, 429, 431, 434, 437, 440
саки—313—315, 329, 371, 394
салоры—355, 365, 368, 369
салыр—356 (см. также салоры)
сальджиуты—194
сальют—190, 194
самагиры—505
самагиты—102 (см. также жемайты)
самаркандцы—346
самодийские, самоедские народы—410, 421, 429, 483—492, 525
самоеды—135, 410, 483 (см. также ненцы)
самоядь—135, 484
самурзаканцы—258
самурские народы—228
санони—400
сарматы—16, 17, 154, 221, 262, 349
сарт-калмаки—401, 407
сарты—346—347, 351, 407
сару, саруу—389, 390
сарыбагыш—389
сарыки—355, 356, 365, 368, 407
сарыкольцы—331, 332
сары-сойон—439
саспейры—25, 220, 271
саха—457, 513
сахалино-амурский антропологический тип—411, 514
саяк—389
саяно-алтайские народы—см. алтайско-саянские народы
саянцы—429
сваны—220, 264, 270, 271, 272, 279—282
север, северяне—20, 24, 25
северные великоруссы—20, 23, 30, 31
северные малоросы—20
северо-понтийский антропологический тип—102
сеид—356
сельджуки—223, 287, 293, 295, 317, 346, 355
сёлькуп—490
селькупы—410, 411, 414, 425, 429, 472, 483, 484, 486, 490, 491, 546, 548, 549
селы, селоны—102—104
семейские—33
семиреченские казаки—32
семиреченские уйгуры—398
семиты—205 217
сербы—17, 37, 69
сербы лужицкие—см. лужицкие сербы
сету, сетукезы—119, 120, 122, 124
сефардские евреи—205
сибирские бухарцы—445
сибирские казаки—32
сибирские татары—см. западно-сибирские татары, татары
сибиряки русские—32, 33
сигинны—212
синды—221, 246
сиртя—491
си-ся—493
сицкари—31
скандинавские народы—20, 136, 137, 139, 140
скифы—16, 22, 25, 69, 154, 222, 223, 262, 287
склавины—20, 23
склавы—21
сколоты—21
славы—21
славянские народы—11, 17—25, 112, 198, 199, 200, 202, 313

словаки—17, 37, 65, 69, 70, 72, 76, 84
словени—20, 24
словенцы—17, 23, 69
соаны—220
согдийцы—313, 314, 329, 330, 338
сойон—438
сойоты—410, 429, 491
сол—389
солто—389
соляндер—488
спалы—21, 23, 25
спаньолы—205
споры—21, 24
средневеликорусы—20
ставропольские туркмены—308
старожилы сибирские—32
старообрядцы—31
суас—173
субланоноидный антропологический тип—143
субуральский антропологический тип—164
сувар—25
судавы—103
судины—102
сузои—487
султо—389
сунча-или—356
суоми—30, 119, 126, 128, 135, 483
сураи—305
сургуты—490
суузар—438
сушень—522
сэротэтта—487
сяньбийцы—413, 511

Табасараны—227, 228, 242
табын, табынцы—190, 194, 373
тавги, тавгийцы—410, 411, 416, 418, 421, 483—488, 490—492, 546
тавлинцы—269
тагай—389
тагаурцы—261, 265, 266
таджики—54, 205, 312, 317, 318, 320, 323, 330—345, 359, 362, 400, 402, 407
тази—330
тазы—505
таи—220,
тай—330
талагаи—31
талыши—218, 299, 301
тамянцы—190
тангаур—190
танды—438
таохи—220, 270
таранчи—398, 407
татары—6, 27, 32, 65, 89, 147, 150 153, 154, 159 162, 164, 165, 166, 168, 171—182, 184, 18, 192, 195, 205, 224, 257, 270, 296, 345, 392, 413 423, 425, 426, 428, 429, 437, 480
таты—205, 218, 222, 226, 227, 297, 299, 301, 305
таулы—270
ташкентцы—319, 346
теблешане—31
тедески—205
тёёлёс—389, 438, 443
теит—389
теке, текинцы—355, 364, 365, 366, 368, 407
теленгиты, теленгеты—428, 430, 434, 436, 437
теленгуты—383, 413
телесы—413, 429, 443
телеуты—428, 437, 438, 441, 442
темиргоевцы—247
тептяри—180, 192
тербет—438
тергеш—444
терские казаки—32, 224
терюхане—148
тибарены—220, 271
тибары—220, 271
тибето-бирманские языки—493
тибето-китайские языки—496
тибетский язык, тибетцы—442, 455, 496
тиверцы—20, 24
тиндалы, тиндии, тиндины—227, 228
тиссагеты—150
тобелийцы—220
тобольские татары—444
тогус—438, 444
тоджинцы—429
тодош—438
томские татары—444
тонжан—438
торгоуты, торгуты—195, 196
тореты—221
торки—203
тофа, тофалары—410, 428, 429
тохары—313—315, 330
тохтамыш—367
трухмены—218, 306, 308 (см. также туркмены)
туальцы, туаилаг—261
туба, туба-кижи, тубалары—428, 429, 431, 436, 444
тубалы—220, 270
тувинцы—315, 426, 428—431, 434, 437, 440—442, 491, 553, 557
тугю—413
тудовляне—31
тузида—487
тулу—373
тумат—438
тунгусо-маньчжурские народы—11, 410, 497
тунгусские народы—5, 425, 496—513
тунгусские языки—410, 492, 493, 497, 505, 511, 541
тунгусы—14, 32, 195, 410, 412, 421—423, 449, 452, 458, 469, 492, 493, 495, 496—513, 523, 561 (см. также эвенки)
туралы—444
турки—27, 69, 89, 202, 203, 270, 272, 277, 292, 302, 305, 355
туркийя—332
туркмены—6, 223, 306, 307, 308, 312, 317, 320, 328, 354—370, 376, 379, 396, 407, 438
тушины—273, 279, 282, 283
тюменские татары—444
тюргеши—317, 429, 443
тюркй язык—181, 192
тюрки—315, 316, 330, 345, 346, 248, 355
тюркские народы—11, 22, 28, 147, 172, 190, 193, 194, 195, 202, 203, 223, 224, 226, 270, 295, 296, 306—308, 312, 317—319, 372, 373, 388, 396, 394, 410, 428, 429, 458, 497, 541
тян—496

Убыхи—247, 254
угро-финские народы—19, 101, 119, 141, 147, 190, 194, 345, 410, 483, 525, 541
угры—194, 473, 483
угры обские—см. обские угры
удинцы, удины—227—229, 240
удмурты—5, 6, 141, 147—162, 166, 168, 173, 177, 180

уды—229
удэ, удэгейцы—410, 411, 414, 417, 505, 507, 509, 512, 549
узбеки—312, 318, 320, 341, 343—354, 359, 362, 363, 372, 373, 388, 389, 392, 396, 398, 400, 406, 407, 559
узы—203, 204
уйгуры—345, 346, 373, 393, 398, 399, 407, 413
уйсун—307
украинцы—5, 6, 16, 17 20, 21, 24, 26, 27, 29, 30, 33—34, 36—100, 124, 200, 559, 560, 561
уличи—20, 24
ульта́—505
ульчи—410, 411, 414, 417, 497, 505, 507, 509, 510, 512—514, 548, 549
унанганы—540
урало-алтайская семья языков—410, 511
уральская семья языков—11, 19, 411, 483
уральские казаки—32
урартийцы—220, 221
урум—305
урянхайцы, урянхи—410, 429, 491
усергане—190
уссурийские казаки—32
усть-цылёмы—31
усуни—314, 315, 393, 413
утты-сар—438
уэнога—487

Феаппийцы—243
финно-угорские языки—472 (см. угро-финские языки)
финно-угро-самоедская семья языков—11
финны—11, 20, 25, 28, 69, 70, 91, 119, 124, 126, 128, 130, 136, 137, 139, 163, 193, 194, 195, 412, 483
финны ленинградские—см. ленинградские финны
фовелийцы—220
фракийцы—19, 198, 199, 313

Хазары—149, 162, 163, 172, 211, 223, 229, 315
хай (армяне)—286, 287
хайдаки—228, 229
хайясы—287
хакасы—393, 410, 411, 413, 423—426, 428—430, 436, 443, 464, 465, 491, 493, 553—556
халды—287
хамиты—217
ханты—5, 410, 411, 414, 425, 472—483, 490, 491, 492, 549, 559
харюци—488
хасъл-гагаузы—351
хатюкаевцы—247, 254
хваршинцы—227, 228, 242
хевсуры—222, 273, 279, 281—283
хезарейцы—402
хемшины—294
хетты, хеттский язык—218, 219
хивинцы—319, 346, 363, 397, 407
хиналугцы—227, 228
хлоз—332
ходжа—356
ходынцы—522
хонгодоры—452
хонкират—373
хорваты—17, 20, 24, 25
хорезмийцы—313, 317, 329, 330
хори—446
хоринцы—446, 452, 455
хороля—487, 488
хотанцы—398
хотохойты—429
хошоуты, хошуты—195—197
худи—487, 488
хунзалы—228
хунну, хунны—314, 412, 413, 511 (см. также гунны)
хурриты—219, 220
хягас—393, 428

Цаны—220
цармис—149
цахурцы—226—228, 236, 242
цезы—227, 228
центрально-азиатский антропологический тип—312, 386, 411, 458
цзи-ли-ми—522
цова-тушины—242, 273, 282
цуканы—31
цунтинцы—228
цыгане—198, 211—215, 306, 402, 561

Чаваш—162
чагандык—438
чагатаи—332, 345
чагатайский язык—312, 318
чалганцы—428
чамалинцы—227, 228
чаны—220, 271, 272
чапты—438
чаудоры—356, 365
чаучу—531
челдоны—33
чемгуи—247
черемисы—147, 149, 150, 157, 163 (см. также марийцы)
черик—389
черкесы—6, 53, 56, 188, 218, 221 225, 226, 244, 246—258, 260, 264, 266, 268, 270, 274, 307, 309, 373, 559
черневые татары—428
черногорцы—37
черноморские казаки—34
черные клобуки—203, 394
чехи—17, 25, 37, 69
чеченцы—5, 218, 229, 242—245, 264
чжурчжэни—317
чигили—317
чингине—212
чирик—389
чоросы—195
чуванцы—33, 411, 426, 522, 525, 550
чуваши—23, 147, 150, 153, 162—171, 173, 178
чудь—102, 103, 104
чукчи—5, 14, 411, 414, 415—417, 418, 421 425, 505, 523, 525, 530—539, 540 541, 542, 546, 547
чулымские татары, чулымцы—428, 429
чумыль-купы—490
чухонцы—126

Шайбони—400
шапсуги—247, 248, 254

шахдагские народы—228
шахсевены—296
шведы—128, 138
шёлькуп—490
шилягиры—501
ших—356
шокша—148
шоромбойцы—522
шорцы—410, 411, 417, 428, 429, 431, 434, 436, 437, 441, 555
шугнанцы—331, 332, 343, 407
шуллук—397

Щекуны—31

Эвенки—14, 410, 411, 413, 414, 416—418, 422, 425, 496—504, 511, 512, 523, 548, 549
эвены—410, 411, 497, 504, 512, 523
эвремейсет—126
эламский язык—218
элеты—195, 401 (см. также олёты)
эллины—305 (см. также греки)
элькенбейе, элькан-бойонин—505
эмрели—356
энцы—410, 429, 483, 484, 485
эрзя—148, 149, 153, 154, 160 (см. также мордва)
эрсари—356
эски—356
эскимосы—11, 410, 411, 414—417, 425, 529, 533, 535, 536, 538, 540, 541, 542, 547
эстии—102
эстонцы, эсты—101, 102, 104, 114, 116, 118—125
этель—525
этруски—218
эфталиты—315
эхириты—447, 452, 455

Югра—472, 473, 482
югыт—540
южносибирский антропологический тип—312, 372, 386, 411
южные великорусы—20, 23, 30, 31
южные славяне—17, 18, 65, 84, 200
юкагиры—14, 411, 414, 416, 417, 422, 423, 425, 492, 503, 505, 512, 522—525, 542, 549
юлюб—438
юмуды, см. иомуды—356
юраки—483
юрматы—190
юсь—438
юэчжи—314, 315

Ябыр—438
ягма—317
ягнобцы—332—334, 341, 343, 407
ягуны—31
язгулемцы—331, 332, 407
якуты—6, 410, 411, 412, 416, 418, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 448, 457—471, 493, 498, 500, 501, 502, 503, 505, 512, 513, 522, 524, 552, 553, 555, 556, 559
ямал—487
ямуды—356 (см. также иомуды)
ямь—129
японцы—513, 516, 517, 519
яптик—487, 488
яркендцы—398
ярык—438
яскалбы—444
ясы—224, 225, 262
ятвяги—102, 103
яунгады—487
яфетические народы—11, 164, 217, 218, 224, 226, 229, 242, 245, 262, 287, 313
яхуди—400

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

I. ВВЕДЕНИЕ

1. Предмет и метод этнографии как науки 7

2. Принципы классификации народов 10

II. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ (РУССКИЕ, УКРАИНЦЫ, И БЕЛОРУСЫ) 15

1. Общие сведения. Этногенез. Этнические подразделения 17

Вопрос о происхождении славян (17). Происхождение восточнославянских племен (19). Работы советских исследователей (21). Задачи этнографии в вопросе этногенеза восточных славян (23). Первые письменные известия о славянах. Восточнославянские племена IX—X вв. (23). Киевская Русь и древнерусская народность (25). Распад древнерусской народности и образование русского, белорусского и украинского народов (26). Вопрос об участии неславянских элементов в формировании восточнославянских народов (28). Сколько восточнославянских народов? (28). Этнические подразделения русского населения: северные и южные великорусы (30). Обособленные этнические группы (31). Украинцы, их подразделения (33). Белорусы (34).

2. Материальное производство и материальная культура 34

Хозяйство 36

Основные черты экономики восточных славян (36). Земледелие: ассортимент культурных растений (36). Система земледелия (37). Техника обработки земли. Пахотные орудия (38). Боронование и посев (41). Уборка урожая (42). Хлебосушилки (43). Молотьба и веяние (44). Размол (45). Животноводство (45). Охотничий, рыболовный и морской зверобойный промыслы (47). Мелкая крестьянская промышленность (48). Отхожие промыслы (49). Крупная промышленность (50).

Поселения и постройки 51

Типы поселений (51). Постройки, их этнографическое изучение (52). Строительная техника и материал (52). Вертикальное развитие. Крыша (56). План дома (58). План застройки усадьбы и типы двора (60). Внутренняя планировка и обстановка жилья. Печь (64). Декоративная сторона (67). Терминология (69). Культурно-географические группы (69). Народная архитектура в эпоху колхозного строя (70).

Одежда 71

Нательная и верхняя одежда (71). Головные уборы (77). Обувь (79).

3. Общественный быт и духовная культура 79

Сельская община (80). Колхоз (82). Семейный быт (82). Свадьба (83). Родильные обряды (85). Похоронные обычаи (85). Семейно-родовые верования (86). Прочие дохристианские верования (86). Православие, старообрядчество, сектантство (86). Народное творчество. Фольклор (87). Новый фольклор (89). Народная музыка (90). Народные танцы (93). Народное изобразительное искусство (95).

III. НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ 101

1. Литовцы 104

Хозяйство (104). Поселения и постройки (106). Одежда (108). Исторические особенности общественного быта (109). Религиозные пережитки (110). Культурное развитие и народное творчество (112).

2. Латыши 114

Хозяйство (114). Поселения и постройки (115). Одежда (116). Исторические особенности общественного быта (116). Религиозные пережитки (117). Народное творчество и культурное развитие (118).

3. Эстонцы 118

Хозяйство (119). Поселения и постройки (120). Одежда (122). Исторические наслоения в материальной культуре (122). Исторические особенности общественного быта (123). Религиозные пережитки (123). Народное творчество и культурное развитие (124).

4. Малые финноязычные народы юго-восточной Прибалтики . . 125

Ливы (125). Ленинградские финны (126). Ижоры и водь (126). Вепсы (126).

НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА 128

1. Карелы 128

Этногенез и исторические сведения (128). Хозяйство (129). Материальная культура (130). Исторические особенности общественного быта (132). Религиозные пережитки (133). Народное творчество (133).

2. Лопари 135

Хозяйство (136). Поселения и жилища (137). Одежда (137). Исторические особенности общественного быта (138). Религиозные пережитки (139). Художественное творчество и культурное развитие (140).

3. Коми (зыряне и пермяки) 141

Исторические данные и вопрос об этногенезе (142). Хозяйство (144). Материальная культура (144). Исторические особенности общественного быта (145). Религиозные пережитки (146). Фольклор и народное искусство (146).

НАРОДЫ ВОЛГО-КАМЬЯ 147

1. Мордва, мари и удмурты 147

Этногенез и исторические сведения (149). Исчезнувшие народности: меря, мурома, мещера, буртасы (150). Хозяйство (151). Поселения и постройки (152). Одежда (153). Исторические особенности общественного быта (156). Религиозные пережитки (158). Художественное творчество и культурное развитие (161).

2. Чуваши 162

Этногенез (162). Хозяйство (164). Поселения и постройки (166). Одежда (166). Исторические особенности общественного быта (168). Религиозные пережитки (168). Народное творчество и культурное развитие (169).

3. Татары 171

Этногенез (171). Хозяйство (174). Поселения и постройки (175). Одежда (176). Исторические особенности общественного быта (178). Религиозные пережитки (179). Обособленные группы (179). Народное творчество и культурное развитие (181).

4. Башкиры 182

Хозяйство и основные культурно-хозяйственные типы (182). Поселения и постройки (186). Одежда (189). Выводы по материальной культуре (190). Исторические особенности общественного быта (190). Религиозные пережитки (192). Народное творчество и культурное развитие (192). Этногенез (192).

5. Калмыки 195

Этногенез и исторические сведения (195). Хозяйство и материальная культура (196). Исторические особенности общественного строя (196). Религиозные пережитки (197). Народное творчество (197)

НАРОДЫ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЫ СССР 198

1. Молдаване 198

Этногенез (198). Хозяйство и материальная культура (200). Исторические особенности общественного быта (201). Религиозные пережитки (202). Народное творчество и культурное развитие (202).

2. Гагаузы 202

3. Евреи 204

Язык (205). Исторические судьбы (205). Положение в царской России (206). Исторические особенности общественного быта (207). Религиозные пережитки (207). Культурное развитие (209)

4. Караимы 210

5. Цыгане 211

История изучения и вопрос о происхождении (211). Историческое прошлое (213). Численность и языковые подразделения (213). Занятия и материальная культура кочевых и оседлых цыган (213). Общественный быт и культурное развитие (214).

IV. НАРОДЫ КАВКАЗА

1. Введение 216

Этнический состав (217). Антропологический состав (218). Историко-этнографический обзор (219). История этнографического изучения (224).

2. Народы Дагестана 226

Национальный состав (226). Этногенез (228). Хозяйство (229). Поселения и постройки (233). Одежда (236). Хозяйство и материальная культура кумыков (237). Исторические особенности общественного быта (237). Религиозные пережитки (240). Народное творчество (240). Национальная консолидация (242).

3. Чеченцы и ингуши 242

Этногенез и исторические сведения (243). Хозяйство и материальная культура (243). Общественный строй (244). Религиозные пережитки (245).

4. Абхазо-адыгейские народы 245

Черкесы и кабардинцы 246

Этногенез и исторические сведения (246). Расселение племен (247). Хозяйство (247). Поселения и постройки (249). Одежда (251). Исторические особенности общественного строя (253). Религиозные пережитки (256). Народное творчество (257).

Абхазы 258

Хозяйство (258). Поселения и постройки (259). Одежда (260). Исторические особенности общественного строя (260). Религиозные пережитки (260). Народное творчество и культурное развитие (260).

5. Осетины 261

Этногенез и исторические сведения (261). Хозяйство (263). Поселения и постройки (263). Одежда (264). Исторические особенности общественного строя (265). Религиозные пережитки (267). Народное творчество и культурное развитие (268).

6. Карачаевцы и балкарцы 268

Этногенез (270). Хозяйство и материальная культура (270). Общественный строй (270). Религиозные пережитки (271).

7. Грузины (картвелы) 271

Этногенез и краткие исторические сведения (271). Этнический состав (272). Хозяйство (274). Поселения и постройки (275). Одежда (276). Исторические особенности общественного строя (276). Религиозные пережитки (278). Горные этнографические группы грузин (279). Народное творчество и культура (284).

8. Армяне 280

Этногенез и исторические данные (286). Хозяйство (288). Поселения и постройки (290). Одежда (290). Исторические особенности общественного быта (292). Религиозные пережитки (294). Народное творчество (294).

9. Азербайджанцы 295

Этногенез (295). Хозяйство (296). Поселения и постройки (297). Одежда (298). Исторические особенности общественного строя (298). Религиозные пережитки (298). Народное творчество (299).

10. Национальные меньшинства Кавказа 299

Таты (299). Талыши (301). Курды (301). Езиды (303). Греки (304). Ассирийцы (305). Евреи (305). Цыгане. (306). Ногайцы (306). Туркмены (308).

11. Заключение 308

V. НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. Введение 311

Национальный состав (312). Антропологические типы (312). Краткие исторические сведения (312). Присоединение к России (319). Основные типы хозяйства и культуры (319). Общественный строй в прошлом (325). Религиозные пережитки (328). Национальное размежевание (328). История этнографического изучения (329).

2. Таджики 330

Общие сведения и этногенез (330). Хозяйство (333). Поселения и постройки (334). Средства передвижения (336). Одежда (338). Исторические особенности общественного строя (340). Религиозные пережитки (343). Народное творчество (344).

3. Узбеки 345

Общие сведения. Этногенез (345). Хозяйство (347). Поселения и постройки (348). Одежда (350). Исторические особенности общественного строя (351). Религиозные пережитки (351). Народное творчество и культурное развитие (352).

4. Туркмены 354

Этногенез (354). Этнические подразделения (355). Хозяйство (356). Поселения и жилища (359). Одежда (362). Исторические особенности общественного строя (362). Религиозные пережитки (368). Народное творчество и культурное развитие (369).

5. Казахи 370

Этногенез и исторические сведения (371). Основы материального производства (374). Кочевой и оседлый быт (378). Одежда (381). Исторические особенности общественного строя (382). Религиозные пережитки (385). Народное творчество и культурное развитие (385).

6. Киргизы 386

Хозяйство и материальная культура (388). Исторические особенности общественного строя (388). Религиозные пережитки (391). Народное творчество (391). Этногенез (393).

7. Каракалпаки 394

Этногенез (394). Хозяйство и материальная культура (394). Исторические особенности общественного строя (396). Религиозные пережитки (397). Народное творчество и культурное развитие (397).

8. Национальные меньшинства 398

Уйгуры (398). Персы (398). Арабы (398). Евреи (400). Дунгане (400). Сарт-калмаки (401). Цыгане (402). Прочие мелкие национальности (402).

9. Заключение 402

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства (402). Индустриализация (404). Революция в быту (405). Культурный рост (406). Национальная консолидация (407).

VI. НАРОДЫ СИБИРИ И СЕВЕРА

1. Введение 409

Классификация народов. Языковые группы (410). Антропологические типы (411). Культурно-хозяйственные типы (411). Народы Южной Сибири. Скотоводство (411). Земледелие (412). Краткие сведения об этнической истории народов Южной Сибири (412). Малые народы Севера (413). Стадии развития хозяйства и культуры народов Севера (414). Оленеводство (418). Вопрос о происхождении оленеводства (421). Социальный строй народов Сибири в прошлом (422). «Устав об инородцах» 1822 г. (423). Религиозные пережитки (424). Положительное влияние русской культуры (426).

2. Алтайско-саянские народы 427

Общие сведения (427). История изучения (429). Культурно-хозяйственные типы (430). Хозяйство (430). Поселения и жилища (434). Одежда (436). Исторические особенности общественного строя (437). Религиозные пережитки (441). Народное творчество (443). Вопрос об этногенезе (443).

3. Западносибирские татары 444

4. Буряты 445

Этногенез и исторические сведения (446). Хозяйство (447). Кочевой и оседлый быт; жилища (449). Одежда (449). Исторические особенности общественного строя (451). Религиозные пережитки (454). Народное творчество (455).

5. Якуты 457

Общие сведения (457). Вопрос этногенеза и исторические сведения (458). Хозяйство (459). Домашние производства (461). Средства передвижения (461). Поселения и жилища (462). Одежда (465). Исторические особенности общественного строя (466). Религиозные пережитки (469). Художественное творчество и культурное развитие (469).

6. Малые народы Севера 472

а. Обские угры (ханты и манси) 472

Хозяйство (472). Жилище (474). Одежда (475). Исторические особенности общественного строя (475). Религиозные пережитки (480). Народное творчество (481). Этногенез (482).

б. Самодийские народы 483
Хозяйство (484). Жилище (487). Одежда (487). Исторические особенности общественного строя (487). Религиозные пережитки (489). Народное творчество (490). Селькупы (490). Этногенез (491).
в. Кеты 492
Хозяйство (493). Жилище (494). Одежда (495). Исторические особенности общественного строя (495). Религиозные пережитки (495). Народное творчество (496). Этногенез (496).
г. Тунгусские народы 496
Эвенки 497
Хозяйство (498). Жилища (500). Средства передвижения (501). Одежда (501). Исторические особенности общественного строя (501). Религиозные пережитки (503). Народное творчество (504).
Обособленные северо-тунгусские этнические группы и народности 504
Конные тунгусы (504). Ламуты (504). Негидальцы (505). 505
Долганы. Тунгусоязычные народы Нижнего Амура и Сахалина . . 505
Хозяйство (507). Поселения и постройки (509). Одежда (509). Исторические особенности общественного строя (509). Религиозные пережитки (509). Художественное творчество (511).
Прошлое и настоящее тунгусоязычных народов 511
Этногенез (511). Ассимиляция тунгусских народов в прошлом и национальное возрождение (512).
д. Гиляки (нивхи) 513
Хозяйство (514). Обмен (517). Поселения и постройки (517). Одежда (518). Исторические особенности общественного строя (518). Религиозные пережитки (520). Народное творчество (520). Проблема этногенеза (521).
е. Юкагиры 522
Хозяйство и материальная культура (523). Исторические особенности общественного строя (523). Религиозные пережитки (524). Пиктографическая письменность (524). Чуванцы (525). Проблема этногенеза (525).
ж. Ительмены 525
Хозяйство (526). Поселения и постройки (528). Одежда, оружие (529). Исторические особенности общественного строя (529). Духовная культура (530).
з. Чукчи и коряки 530
Хозяйство (532). Жилища (535). Одежда, оружие (536). Исторические особенности социального строя (536). Религиозные пережитки (538). Художественное творчество и культурное развитие (538).
и. Эскимосы и алеуты 540
к. Этногенез палеоазиатских народов 540
7. Заключение 542
Социалистическое переустройство быта народов Крайнего Севера (542). Социалистическое развитие национальных республик и областей Южной Сибири (552).

VII. ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Контраст между прошлым и настоящим (558). Ликвидация многоукладности (558). Этнография народов СССР и историческая наука (559). Этнография народов СССР, экономическая наука и политика (560). Народное творчество и искусствоведческие науки. Воспитательное его значение (560). Разнообразие культур. Хозяйственно-культурные типы (561). Обмен культурным опытом (562). 567 580

ЛИТЕРАТУРА 577
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 581
УКАЗАТЕЛЬ МЕСТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ 590
УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ 600

Сергей Александрович Токарев

ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ СССР

☆

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

☆

Редактор *В. М. Заранкин*

Редактор издательства *С. А. Пустовойт*
Оформление книги художника *В. И. Лазаревской*
Технические редакторы
Г. И. Георгиева и М. С. Ермаков

☆

Л44359. Подписано к печати 22/III 1958 г.
Формат бумаги 60×92¹/₈. Печ. л. 77+4 вкл. Бум. л. 38,5. Уч.-изд. л. 68,55. Изд. № 191. Заказ № 635
Тираж 5000. Цена 38 руб.

☆

Издательство Московского университета
Москва, Ленинские горы, Административный корпус

☆

16-я типография Московского городского Совнархоза
Москва, Трехпрудный пер., д. 9.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Столбец	Строка	Напечатано	Следует читать
5	правый	6 снизу	балхарцы	балкарцы
41	правый	8 снизу	деревянная, или плетеная, борона	деревянная или плетеная борона
65	правый	2 снизу	е, к	е—к
108	левый	1 сверху	жилы—	жилые
153	правый	5 снизу	мордвы, эрзи и мокши	мордвы-эрзи и мокши
197	левый	1 снизу	«челукпа»	«гелукпа»
197	правый	27 сверху	ламистской	ламаистской
210	левый	8 снизу	народем	народам
318	левый	1 сверху	найманапов	найманы
318	левый	3 сверху	наймы	найманов
339	правый	14 снизу	паранджи	паранджа
418	правый	8 сверху	от	то
445	левый	3 снизу	дореволюционные	пореволюционные
486	левый	2 снизу	оной	иной
495	правый	15 снизу	расселения	расслоения
529	левый	10 сверху	варужу	наружу
586	правый	11 снизу	киргиза-колхозника	казаха-колхозника
594	правый	8 сверху	Кэмора	кэмара

Зак. 635.

338.1.0

ВВЕДЕНИЕ В ЭКОНОМИКУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1963